

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2
IP: 278975 d 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

13. 168

208

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

9963

ТОМЪ ССVIII

Мая - Июнь

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейна, № 68).

1873.

22
21
20
19

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1873 г.

(По общей нумерации тома ССVIII).

СТРАН.

Май № 5.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПОЛНОЙ СВѢТИ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖ- НЫХЪ СООБЩЕНІЙ ВЪ РОССІИ. А. Еракова . . .	5
СТАРЫЙ БАРИНЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. П. . .	5
ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ. <i>Часть вторая.</i> Глава VIII. Гр. Вогрова	63
ДѢЛЬЦЫ. Романъ въ шести книгахъ. <i>Окончаніе шестой книги и послѣдней.</i> Петра Воборыкина	97
ШЕЛЛИ. (<i>Окончаніе</i>). М. Цебриковой	149
ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ШЕЛЛИ. I—Къ жаворонку. II— Пѣснь къ западному вѣтру. В. В. Маркова	192
ОБЩАЯ ВОИДСКАЯ ПОВИННОСТЬ. Гл. III—VII	199
КАКЪ Я НАШЕЛЪ ЛИВИНГСТОНА. (Разсказъ Генриха М. Стэнли). Гл. XI—XV (<i>послѣдняя</i>).	245

Іюль № 6.

ТЕПЛОЕ ГНѢЗДЫШКО. Повѣсть въ двухъ частяхъ. <i>Часть первая.</i> Гл. I—VII. Марко-Вовчека	295
НА ВОСТОКЪ (В. А. М—ву). Стих. Дмитрія Минаева	354

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНИИ. Письмо четвертое.	355
ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ. (<i>Окончаніе второй и послѣдней части</i>).	
Гр. Вогрова.	354
ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПЛЕЩЕЕВА.	412
ТИШЬ ДА ГЛАДЬ. Очерки крестьянскаго житья. I. Мирской учеть. Н. Наумова.	415
АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА	439
ПЕРВАГО ЯНВАРЯ. Стих. Д. Миняева	489
ДОЧЬ ЦАРЯ ЕГИПЕТСКАГО. Историческій романъ. Георга Эберса. <i>Часть первая. Гл. I—VII.</i>	491
МИДЛЪМАРЧЪ. Романъ Джорджа Эллиота. (Приложеніе). (672—704).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ № 5.

ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ. (Замѣтки провинціального адвоката). В. К.	1
ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ. <i>Статья третья и послѣдняя.</i> А. Скабичевскаго.	24
ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра.—„Завѣщаніе отеческое сыну“ Ивана Посошкова.—„Солдатскій букварь“.—Современные Посошковы.—Статья г. Спасовича о книгѣ г. Стронина. Н. М.	43
НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА Н. Д.	64
ПАРИЖСКІЙ КОНГРЕССЪ ПО ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ. Е. Л.	88
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (CXIII—CXVII). Клода Франка	96

ПО ПОВОДУ ТРЕХЪ КАРТИНЪ. „Грѣшница“—г. Семі- радскаго; „Вурлаки“ — г. Рѣпина и „Утро во дворцѣ Анны Іоанновны“—г. Якоби П. К.	126
---	-----

Юль № 6.

НѢЧТО О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА- ШЕГО ВѢКА. „Изъ-за скиптра и коронъ“, романъ въ - двухъ частяхъ, Грегора Самарова. Спб. 1773 г.—„Евро- пейскія мины и контръ-мины“, романъ Грегора Сама- рова. Спб. 1873 г.	137
КАКЪ СТРОИЛАСЬ ТАМБОВСКО-САРАТОВСКАЯ ЖЕ- ЛѢЗНАЯ ДОРОГА И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ВЫШЛО. (Пись- мо въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“). Д. О.	157
НА НѢМЕЦКОМЪ ЗАХВАТѢ И ВЪ ГОСТЯХЪ У ПРУС- САКОВЪ. E. About. Alsace. 1871—1872. Paris. Hachette et C-ie 1873. — J. Clarette. Les Prussiens chez eux. P. 1873. E. Dentu. Петра Воборыкина.	178
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (СХVIII—СХXIV). Елода Франка.	200
НА ВЪНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ. Ник. Михай- ловскаго.	238
НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Н. Демерта	267
ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ. Сѣргѣя Усова	284
ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ. (Письмо изъ Москвы). О.	287

ИЗСЛѢДОВАВІЕ

О ПОЛНОЙ СѢТИ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫХЪ СООБЩЕНІИ ВЪ РОССІИ.

Основываясь на Высочайшемъ разрѣшеніи, испрошенномъ министромъ путей сообщенія въ 1862 году къ публичному обсужденію предположеній о сѣти россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, составленъ настоящій разборъ существующихъ и предполагаемыхъ дорогъ въ Россіи.

Руководясь единственнымъ желаніемъ, чтобы полная сѣть желѣзныхъ дорогъ удовлетворяла всѣмъ нуждамъ Россіи въ административномъ, военномъ и торговомъ отношеніяхъ, мы рѣшились трудъ нашъ отдать печати, полагая, что онъ не будетъ бесполезнымъ и облегчитъ соображенія къ выполненію полной сѣти желѣзно-дорожныхъ сообщеній, на которыхъ основывается развитіе народной жизни и умаленіе заботъ правительства о благосостояніи населенія въ государствѣ.

Въ разборѣ двухъ сѣтей не указанъ способъ наимыгоднѣйшаго сближенія ихъ между собою, что составитъ отдѣльный трудъ отлагаемый въ настоящее время, чтобы не задержать изданія приготовленной части.

Лучше поздно—чѣмъ никогда!
Позоворка.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи началась проложеніемъ отдѣльныхъ линій между нѣкоторыми болѣе важными пунктами. Дороги строились или непосредственно по высочайшимъ повелѣніямъ, или по особымъ предложеніямъ правительству отъ частныхъ лицъ, и такой порядокъ сохранялся съ 1836 по 1862 годъ.

Въ періодъ этого времени разрѣшены и частію открыты были для движенія слѣдующія дороги:

Царскосельская длиною	25 в.
Варшава-вѣнская	325 „
Николаевская	604 „
С.-Петербурго-варшавская	1,207 „
Петергофская	52 „
Московско-нижегородская	410 „
Риго-динабургская	204 „
Волго-донская	73 „
Гельсингфорская	100 „
Московско-рязанская	243 „
Московско-ярославская	261 „
Всего	3,204 в.

Въ 1862 году, порядокъ измѣнился. Министерство путей сообщенія, заботясь объ установленіи связи въ сообщеніяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, уже построеннымъ, и о послѣдовательности въ постройкѣ самыхъ дорогъ, составило сѣть наиболѣе необходимыхъ сообщеній, хотя и крайне ограниченную, всего въ 4,510 верстъ, тѣмъ не менѣе весьма важную по вліянію ея на успѣхъ русской торговли.

Сѣть состояла изъ пяти линій:

- 1) *Южная линія*, отъ Москвы чрезъ Тулу, Орель, Курскъ, Харьковъ, Екатеринославъ и Александровскъ въ Крымъ чрезъ Симферополь до Севастопольскаго порта въ 1,440 в.
 - 2) *Восточная линія*, отъ Орла чрезъ Смоленскъ до Саратова въ 680 „
 - 3) *Западная линія*, отъ Орла чрезъ Тамбовъ и Витебскъ до Динабурга (т.-е. до соединенія съ существующею риго-динабургскою и петербурго-варшавскою дорогами) и далѣе отъ Риги чрезъ Митаву до Лябавы въ 945 „
 - 4) *Югозападная линія*, отъ Одессы чрезъ Балту, Брацлавъ и Липовець въ Кіевъ и отъ Кіева чрезъ Черниговъ на соединеніе съ западною линіею, между Брянскомъ и Рославлемъ, съ вѣтвью отъ Одессы къ Парканамъ на Днѣстрѣ въ 1,065 „
 - 5) *Юговосточная или актраитная линія*, отъ Екатеринослава до Грушевки (откуда уже устроена грушевская желѣзная дорога къ Дону у Аксая) въ 380 „
- Желая воспользоваться замѣчаніями людей, близко знакомыхъ

13.168

~~ОТЪ ЧЕСТИ~~

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ~~ИСКУССТВЕННЫЙ~~

9963

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ

~~САМОНАСТАВЪ~~

Въ типографіи:

одобренная въ 1862—63 годахъ, подверглась полному измѣненію, и въ замѣнъ ея, по соглашенію уже съ министромъ финансовъ, составилаь другая, разсмотрѣнная въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ и удостоившаяся высочайшаго утвержденія 23-го апрѣля 1866 года.

Новая сѣть заключала въ себѣ слѣдующія дороги:

1) Отъ Москвы чрезъ Тулу и Орель до Курска.	511	в.
2) Отъ Курска до Кіева.	438	»
3) Отъ Кіева до Балты съ вѣтвями къ м. Волочиску на австрійской границѣ и къ Бердичеву.	622 ³ / ₄	»
4) Отъ Тирасполя до Кишенева	65	»
5) Отъ Балты до Елисаветграда	245	»
6) Отъ Елисаветграда чрезъ Кременчугъ и Полтаву до Харькова.	361	»
7) Отъ Курска чрезъ Харьковъ до Азовскаго моря.	727	»
8) Отъ Рязска до Моршанска	120	»
9) Отъ Поти до Тифлиса	284	»

Всего. . . 3,373³/₄ в.

Насколько новая сѣть была необходимѣе первой и въ какой степени она удовлетворяла общимъ условіямъ, которыя полагало выполнить министерство путей сообщенія при проектированіи первоначальной своей сѣти, мы этого вопроса обсуждать не будемъ, такъ-какъ онъ выяснится самъ собою при сравненіи сѣти существующей и какую можно было построить; но какъ бы то ни было, въ періодъ отъ 1862 по 1866 годъ, приступлено было къ постройкѣ дорогъ московско-курской до Орла, кіево-балтской съ вѣтвями на Волочискъ и Бердичевъ, балто-елисаветградской, балто-одесской и рязско-моршанской, и въ то же время, когда еще производились подробныя изысканія для остальныхъ дорогъ второй сѣти, по особымъ ходатайствамъ, высочайше разрѣшеннымъ, начаты были постройкою дороги: рязанско-ковловская и ковловско-воронежская, какъ продолженіе открытой уже московско-рязанской, и динабургско-витебская, какъ продолженіе ригодинабургской.

Послѣ этого, общей сѣти желѣзныхъ дорогъ уже не составлялось вовсе. Заботы министерства путей сообщенія перешли на специальную часть сѣти, именно на выгоднѣйшій способъ и прочность постройки дорогъ, а инициатива выбора линій къ постройкѣ сосредоточилась въ ходатайствахъ земства и частныхъ лицъ, испрашивавшихъ сперва одного только разрѣшенія на производство изысканій, безъ всякихъ затратъ правительства, а потомъ уже добывавшихся осуществленія самыхъ построекъ.

Подъ вліяніемъ таковаго порядка разрѣшены были съ 1867 году слѣдующія дороги:

Курско-кіевская.
Елисаветградъ-кременчугская.
Бременчуго-харьковская.
Поти-тифлисская.

Въ 1868 году.

Петербурго-выборгская.
Курско-харьковско-азовская.
Шуйско-ивановская.
Козлово-тамбовская.
Грязе-орловская.
Орловско-витебская.
Тирасполь-кишневская.
Рыбинско-бологовская.
Балтійская.
Тамбово-саратовская.
Московско-смоленская.
Смоленско-брестская.
Риго-митавская.
Новоторжская.

Въ 1869 году.

Грязе-царицынская.
Либавская.
Скопино-ряжская.
Бресто-граевская.
Иваново-кинешемская.
Воронежско-грушевская.
Константиновская.

Въ 1870—71 и 72 годахъ.

Ливенская, узкоколейная.
Новгородская, то же.
Вологдо-ярославская.
Воскресенско-егорьевская.
Зарайско-луховицкая.
Бердичево-брестская.
Кишневская до Прута.
Харьково-николаевская.
Лозово-севастопольская.

Ландварово-роменская.
 Ростово-владикавказская.
 Скопино-вяземская.
 Гутуевская.
 Моршанско-сызранская.
 Елецъ-богородицкая.
 Боровицкая.

Въ настоящее время сѣтъ построенныхъ, строящихся и предполагаемыхъ къ постройкѣ дорогъ, изъ коихъ въ числѣ послѣднихъ заключаются дороги: отъ Ельца чрезъ Богородицкѣ на Каменку въ 195 верстѣ; отъ Знаменки на харьково-николаевской дорогѣ чрезъ Шполу до Фастова на киево-балтской дорогѣ въ 220 верстѣ, и отъ Торжка на Ржевъ въ 103 версты, составляетъ въ общей сложности 16,316 верстѣ.

Какъ на особую характеристику существующей сѣти, можно указать на то, что къ развитію ея много способствовали такъ называемыя *питательныя линіи*, которыя, разбѣгаясь на короткихъ разстояніяхъ, обращались потомъ въ главныя линіи торговыхъ сообщеній. Къ числу такихъ дорогъ относятся:

Рязско-моршанская, построенная въ одинъ путь на 122 верстахъ, собственно для подвозки хлѣба на рязанско-ковловскую дорогу, обратившаяся нынѣ въ рязско-моршанско-сызранскую, слишкомъ въ 620 верстѣ.

Грязе-борисовтбская въ 197 верстѣ, изъ которой сдѣлалась грязе-царицынская въ 563 версты.

Скопино-рязская въ 44 версты, изъ которой сдѣлалась рязско-вяземская въ 439 верстѣ.

Знаменско-николевская въ 223 версты, готовая обратиться въ фастово-николаевскую въ 443 версты; и наконецъ

Новоторжская въ 33 версты, которую предполагается продолжать до Ржева на 103 версты, и вѣроятно проложить до Вязьмы на 115 верстѣ, что составитъ уже дорогу въ 250 верстѣ.

Изъ обзора этого видно, что сѣтъ желѣзныхъ дорогъ вообще развивалась быстро, но что обстоятельства, сопровождавшія ея развитіе и недостатокъ общаго взгляда на нужды Россіи, сдѣлали изъ нее то, что за исключеніемъ немногихъ дорогъ, сѣтъ наполнилась скоро дорогами личными и лишними, но не дорогами въ строгомъ смыслѣ торговыми, административными и стратегическими.

Придерживаясь программы министерства путей сообщенія, заявленной въ 1862 году въ общее свѣдѣніе, — программы, заключавшей всѣ условія для обезпеченія выгодъ и нуждъ Россіи, мы

составили возможную сеть русских железных дорог, которая выяснитъ недостатки существующей сети, но прежде какого-либо сравненія этихъ сетей между собою, считаемъ нужнымъ предослать такому сравненію нѣкоторыя поясненія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

Вся задача, при составленіи сети по программѣ министерства путей сообщенія, сводилась къ тому, чтобы предварительно опредѣлить съ возможною точностію:

а) Количество отпускныхъ и привозныхъ товаровъ, проходящее чрезъ каждый портъ Балтійскаго, Чернаго, Азовскаго и Бѣлаго морей, и чрезъ таможенные пункты пограничныхъ линій.

б) Главныя мѣстности въ Россіи, откуда направляются грузы къ портамъ и пограничнымъ пунктамъ, и мѣстности, куда привозные товары изъ портовъ и пограничныхъ пунктовъ развозятся во внутрь Россіи.

в) Мѣстности, испытывающія постоянный недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ и мѣстности, ими избыточныя.

г) Мѣстности наибольшаго развитія нашей заводской, фабричной и мануфактурной промышленности; мѣстности, откуда доставляются на фабрики и заводы необходимые продукты для обработки, и наконецъ, мѣстности, куда по преимуществу поступаютъ выработанныя на фабрикахъ произведенія.

д) Пограничные пункты, наиболѣе важныя и необходимыя къ защитѣ, при покушеніи непріятеля вторгнуться въ предѣлы Россіи.

е) Мѣста расположенія нашихъ войскъ, могущихъ требоваться къ передвиженію для защиты границъ Россіи, и

ж) Пункты, изъ которыхъ, при защитѣ сухопутныхъ и морскихъ границъ Россіи, должны снабжаться арміи провіантомъ, фуражемъ и боевыми припасами.

Понятно, что сдѣлавъ кратчайшую связь между пунктами взаимной зависимости, составила-бы именно такая сеть, какую волагало осуществить министерство путей сообщенія, — но въ этой-то связи и заключалась вся трудность задачи, потому что, прежде соединенія пунктовъ между собою предстоало громадный трудъ по разработкѣ статистическихъ данныхъ, опредѣляющихъ значеніе различныхъ мѣстностей, чего не могло сдѣлать министерство, не имѣя къ тому ни способовъ, ни времени.

Кромѣ того, надо было проникнуться полнымъ убѣжденіемъ, что только та сеть можетъ считаться лучшею, которая, удовлетворяя требованіямъ, будетъ составлена изъ кратчайшихъ линій, потому что железныя дороги, при несомнѣнно-полезномъ влияніи ихъ на жизнь народа, составляютъ пути самыя дорогіе;

Что постройка и содержаніе ихъ требуетъ громадныхъ затратъ, покрытіе коихъ зависитъ только отъ сбора за провозъ грузовъ;

Что сборъ этотъ тогда только бываетъ обеспеченнымъ, когда напрасно приплатою за излишнюю длину линий или высокими тарифами, онъ не возвышаетъ цѣнности перевозимыхъ грузовъ до предѣла, за которымъ сбытъ товаровъ становится не выгоднымъ, и наконецъ

Что всякое удлинненіе дороги, независимо отъ возвышенія стоимости постройки, эксплуатаціи и провоза, непременно увеличиваетъ потерю времени на передвиженіе грузовъ и ведетъ только къ затрудненіямъ въ торговыхъ оборотахъ.

Чтобы избѣжать совершенно неисправимыхъ, крайне вредныхъ и чрезвычайно дорогихъ ошибокъ отъ проложенія желѣзныхъ дорогъ безъ общей связи торговыхъ, административныхъ и военныхъ интересовъ, все спасеніе заключалось въ подробной и полной сѣти, но дороги наши къ сожалѣнію, строились отдѣльными линиями, и потому не удивительно будетъ, если, разрѣшая вопросъ хотя бы о народномъ продовольствіи солью, мы встрѣтимся съ большими препятствіями къ доставленію соли за дешевую цѣну бѣдному и наибольшему классу потребителей.

При существующемъ искривленномъ направленіи линий, куль соли у насъ не перевозится, но путешествуетъ какъ туристъ, изъ села въ городъ, изъ города въ село и доѣзжаетъ не туда, куда могли бы завести его кратчайшія дороги, но остается тамъ, гдѣ конкуренція даетъ малѣйшую возможность отъ него избавиться.

Еще одно слово. Полная сѣть дорогъ всегда была и даже теперь еще крайне необходима, потому что нельзя же, ежегодно прокладывая новыя дороги, не знать, когда положится послѣдній рельсъ, обеспечивающій нужды народа и избавляющій правительство отъ заботъ къ принсканію средствъ для построекъ.

Зная напередъ длину общей сѣти, удовлетворяющей требованіямъ народной жизни,—приблизительно вѣрную стоимость сѣти и приблизительно вѣрный доходъ съ дорогъ сѣти, правительство безъ затрудненія опредѣляло бы и ближайшій срокъ окончанію полной сѣти, и легчайшій способъ къ ея осуществленію.

Мы займемся прежде всего опредѣленіемъ длины сѣти.

Европейская часть Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго, Финляндіи, Кавказа и губерній: Архангельской, Астраханской, Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской, слишкомъ малонаселенныхъ, имѣетъ площадь въ 2.411,169 кв. верстъ и общее населеніе въ 57.010,829 жителей, такъ что среднее населеніе на квадратную версту не превышаетъ 23,6 человекъ¹.

¹ «Статистическій временникъ», выпускъ первый, 1871 г., стр. 8—80.

Сравненная въ этомъ отношеніи европейскую Россію съ остальными государствами Европы, гдѣ понятія о нуждахъ народной жизни проявляются болѣе или менѣе въ одинаковыхъ требованіяхъ, и опредѣливъ число квадр. верстъ, какое приходится на каждую версту проложенныхъ въ нихъ дорогъ до 1873 года¹, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

ГОСУДАРСТВА.	Площадь въ квадратныхъ верстахъ.	Общая населенн.	Число верстъ желѣзныхъ дорогъ.	Число жителей и кв. вер. на 1 версту ж. дорогъ.	
				Жителей.	Кв. верста.
Бельгія	25,920	4.900,000	3,196	189	8,1
Великобрит. и Ирландія.	277,653	31.800,000	25,380	114,5	10,9
Германія	479,449	41.980,000	19,884	85,4	24,1
Франція	465,124	36.800,000	15,604	78,9	29,9
Италія	260,491	26.300,000	5,640	88,9	46,1
Астрія	545,952	35.800,000	9,362,4	65,3	58,3
Испанія	446,160	18.400,000	5,574,3	36,7	80
Америка, Северо-Американскіе Штаты	8.292,400	39.000,000	93,154	4,7	88,3

Выводы эти показываютъ, что европейская Россія по густотѣ населенія можетъ быть сравнена только съ Испанією, гдѣ сближеніе населенія, составляющее главное средство къ удовлетворенію нуждъ народныхъ, доведено до того, что одна верста желѣзныхъ дорогъ приходится на 80 квадратныхъ верстъ площади.

Хотя предѣлъ этотъ есть наименьшій въ Европѣ, хотя Россія, принадлежа къ числу Великихъ Державъ, должна бы рассчитывать на лучшія средства для своего развитія, но мы ограничимся именно этимъ предѣломъ для расчета длины нашей сѣти, имѣя въ виду, что наименьшій предѣлъ, при крайней необходимости въ дорогахъ, скорѣе устранить препятствія къ осуществленію сѣти.

При расчетѣ одной версты желѣзныхъ дорогъ на 80 квадратныхъ верстъ площади, Россіи необходимо имѣть не менѣе 30,000 верстъ дорогъ. Придерживаясь такого расчета, мы составили сѣть, которая только потому, что связана изъ кратчайшихъ линій, оказывается сѣтью, могущею удовлетворить всѣмъ требованіямъ административнымъ, стратегическимъ и торговымъ.

Перейдемъ теперь къ разбору существующей сѣти, и сѣти, какую можно бы было построить.

¹ Ceйdvais, заимствованныя изъ «Tableau statistique de tous les pays du monde, par» Otto-Hubner, 1872 г.

Существующая сеть дорогъ изъ слѣдующихъ дорогъ:

А. Построенныхъ.

Брестъ-граевая	199 в.
Балтійская	440 "
Вильно-верболовская	839 "
Вологодская	196 "
Волго-донская	73 "
Воронежско-ростовская	637 "
Грязе-царицынская	624 "
Динабурго-витебская	244 "
Константиновская	85 "
Киево-жмеринко-бердичевская	275 "
Курско-кѣвская	442 "
Курско-харьково-азовская	698 "
Козловско-тамбовская	68 "
Козово-воронежская	168 "
Либавская	266 "
Ливенская узкоколейная	57 "
Московско-нижегородская	410 "
Московско-ризанская	243 "
Московско-курская	502 "
Московско-брестская	1,023 "
Николаевская	604 "
Новоторжская	38 "
Новгородская узкоколейная	69 "
Одесская съ вѣтвью на Волочискъ	513 "
Раздѣльно-кишневская	109 "
Орловско-витебская	488 "
Орловско-грязевая	287 "
Риго-динабургская	204 "
Рыбинско-бологовская	280 "
Рязанско-козловская	198 "
Рязско-моршанская	121 "
Рязско-скопнская	43 "
С.-Петербургско-Варшавская	1,207 "
Харьковско-николаевская	555 "
Царскосельская	25 "
Шуйско-иваново-кинешемская	171 "
Таганрогъ-ростовская	66 "
Тамбово-саратовская	353 "
Гутуевская	18 "
Балто-елисаветградъ-знаменская	319 "
Митавская	39 "
Зарайско-духовицкая	26 "
Богородскъ-егорьевская	22 "
Урюпинская	33 "

Итого. 13,272 в.

Б. Строющихся и предполагаемыхъ къ постройкѣ.

Бердичевъ-брестъ-литовская, съ вѣтвью на Радзивиловъ	524 в.
Рязско-вяземская	396 "
Ловово-севастопольская	603 "
Митавская	90 "
Моршанско-сызранская	500 "
Елецъ-богородицкая	195 "
Знаменско-фастовская	220 "
Новоторжско-ржевская	103 "
Волдери-ааская	17 "
Итого	3,044 в.
Всего	16,316 в.

Полная сѣть, нами составленная, состоитъ изъ трехъ разрядовъ:

- а) Дорогъ, которыя могли бы быть оставлены безъ измѣненія изъ сѣти существующей.
- б) Дорогъ, которыми должно бы было замѣнить дороги существующія.
- в) Дорогъ, которыя слѣдовало бы построить вновь при полной сѣти.

Къ первому разряду относятся:

Николаевская	604 в.
С.-Петербурго-варшавская	1,207 "
Вильно-вержболовская	839 "
Московско-нижегородская	410 "
Московско-ярославская	261 "
Новки-кинешемская	171 "
Рыбинско-бологовская	280 "
Рязско-воловская	89 "
Рязско-скопинская	44 "
Волго-донская	73 "
Бердичевская вѣтьвь	25 "
Царскосельская	25 "
Константиновская	85 "
Таганрогъ-новочеркасская	102 "
Балтійская	440 "
Севастополь-синельниковская	477 "
Итого	5,132 в.

«Ко второму разряду относятся:

Всѣсто:	Московско-смоленско-минско-виленской, — московско-витебскъ-виленская	677 в.
"	Минско-брестской, — витебско-брестская	512 "
"	Риго-орель-грязи-царицынской, — риго- витебскъ-орель-воронежъ-царицынская	1,512 "
"	Московско-харьковской чрезъ Тулу, — мо- сковско-харьковская чрезъ Калугу	610 "
"	Бурско-киевской, — калуго-киевская	518 "
"	Харьковско-одесской чрезъ Балту, — харь- ковско-одесская чрезъ Вознесенскъ	553 "
"	Николаево-фастовской, — киево-николаев- ская чрезъ Звенигородку и Вознесенскъ	890 "
"	Бердичевъ-брестской, — киево-брестская	472 "
"	Ловово-таганрогской, — харьково-таганрог- ская	340 "
"	Рязско-яземской, — рязская чрезъ Тулу и Калугу	416 "
"	Киево-кишневской, чрезъ Жмеринку и Вирзулу, прямо изъ Киева на Кишиневь	353 "
"	Московско-новочеркасской чрезъ Козловъ, прямо изъ Москвы чрезъ Воронежъ	867 "
"	Тамбово-саратовской чрезъ Рязань и Коз- ловъ, прямо изъ Москвы чрезъ Чем- баръ на Саратовъ	671 "
"	Харьково-лововой на Синельниково, пря- мо изъ Харькова на Синельниково	164 "
"	Минско-роменской, — минско-глуховская	465 "
"	Этвани-либавской, — ковно-либавская	312 "
"	Одессо-кишневской чрезъ Гирасполь, прямо чрезъ Бендеры на Кишиневь	140 "
"	Козлово-тамбовской, чрезъ Тамбовъ до соединенія съ дорогою симбирско-во- ронежскою	115 "
"	Козловъ-грязи-воронежской, прямо изъ Козлова въ Воронежъ	145 "
	Итого	9,232 в.

Изъ этого перечня дорогъ оказывается, что существующая сѣтъ, состоящая изъ 13,272 версты посредственныхъ и 3,044 версты строящихся дорогъ, а всего изъ 16,316 версты, будучи увеличена на 15,280 версты, т.-е. на то количество, которое составляютъ совершенно новыя дороги, была бы въ общей сложности длиною въ 31,596 версты,—между тѣмъ, какъ оставшая изъ нее безъ измѣненія 5,132 версты и замѣняя нѣкоторыя дороги дорогами другого направленія въ общей сложности на длину 9,232 версты, при тѣхъ же 15,280 в. новыхъ линій, длина сѣти была бы только въ 29,644 версты, т.-е. что сѣтъ, какую можно бы было построить, была бы короче сѣти построенной на 1,952 версты; и что сокращеніе это сдѣлалось бы именно въ тѣхъ дорогахъ, которыя замѣняются дорогами въ числѣ 9,232 версты и были проложены съ отступленіемъ отъ условій, заявленныхъ въ программѣ министерства путей сообщенія въ 1862 году.

Измѣнивъ направленіе дорогъ въ 11,184 верстахъ линій, т.-е. въ 0,7 длины существующей сѣти, получилась бы возможность имѣть сѣтъ съ кратчайшими разстояніями между административными, стратегическими и торговыми пунктами, что совершенно легко доказывается сравненіемъ разстояній отъ главныхъ пунктовъ, какъ то: Петербурга, Москвы, Кіева, Нижняго-Новгорода, Риги, Одессы, Севастополя, Николаева, Ростова на Дону, Саратова, Рыбинска и Варшавы, до однихъ и тѣхъ же мѣстъ, по сѣти существующей и сѣти, какую можно было бы построить.

Мы перейдемъ теперь къ этому сравненію.

	Число верствъ.		Разность.			Число верствъ.		Разность.	
	По существ. сѣтн.	По предполг. сѣтн.	Болѣе.	Менѣе.		По существ. сѣтн.	По предполг. сѣтн.	Болѣе.	Менѣе.
ОТЪ ПЕТЕРБУРГА.									
Балахна.....	—	885	—	—	Ростовъ на Дону...	1753	1507	—	246
Балашевъ.....	—	1197	—	—	Рыбинскъ.....	574	574	—	—
Балтійскій п.....	388	388	—	—	Рязань.....	789	792	3	—
Бердичевъ.....	1720	1140	—	580	Самара.....	1632	1456	—	176
Бердянскъ.....	—	1520	—	—	Саратовъ.....	1408	1275	—	173
Бобрыйскъ кр.....	973	810	—	163	Севастополь.....	2033	1827	—	206
Брестъ-Литовскъ.....	1012	1002	—	10	Симбирскъ.....	—	1246	—	—
Брянскъ.....	1087	845	—	242	Скопинъ.....	942	845	—	97
Варшава.....	1049	1049	—	—	Смоленскъ.....	872	613	—	259
Верхоболово.....	839	839	—	—	Таганрогъ.....	1804	1554	—	250
Витебскъ.....	744	490	—	254	Тамбовъ.....	1055	1048	—	7
Владимиръ.....	781	781	—	—	Тверь.....	447	447	—	—
Владимиръ Вол.....	—	1289	—	—	Тула.....	785	829	44	—
Вознесенскъ.....	—	1280	—	—	Уст. Мѣдведц. ст..	—	1344	—	—
Волочискъ.....	1952	1328	—	621	Уральскъ.....	—	1625	—	—
Воронежъ.....	1155	1034	—	121	Уфа.....	—	1696	—	—
Вильно.....	662	662	—	—	Харьковъ.....	1336	1190	—	146
Глуховъ Шост.-3.....	—	1102	—	—	Черниговъ.....	—	925	—	—
Гродно.....	809	809	—	—	Шуя.....	883	883	—	—
Дерптъ.....	—	367	—	—	Царицынъ.....	1610	1494	—	116
Динабургъ.....	497	497	—	—	Ярославль.....	865	644	—	221
Звенигородка.....	—	1120	—	—					
Калуга.....	980	730	—	250	ОТЪ МОСКВЫ.				
Каменецъ Подол.....	—	1298	—	—	Балахна.....	—	443	—	—
Кашичевъ.....	2204	1328	—	876	Балашевъ.....	—	593	—	—
Кіевъ.....	1550	975	—	575	Балтійскій пор.....	942	792	—	150
Ковно.....	759	759	—	—	Бердичевъ.....	1116	873	—	243
Козловъ.....	987	983	—	4	Бердянскъ.....	—	940	—	—
Кременчугъ.....	1580	1240	—	340	Бобрыйскъ.....	842	695	—	147
Курскъ.....	1106	1020	—	86	Брестъ-Литовскъ.....	1024	887	—	137
Либавъ.....	1019	715	—	304	Брянскъ.....	483	829	—	154
Ливны.....	1103	1022	—	81	Варшава.....	1224	1049	—	175
Москва.....	604	604	—	—	Верхоболово.....	1109	849	—	260
Минскъ.....	1183	695	—	488	Вильно.....	932	677	—	255
Нижн. Новгородъ.....	1014	918	—	96	Витебскъ.....	520	375	—	145
Николаевъ.....	1891	1365	—	526	Владимиръ.....	177	177	—	—
Новгородъ.....	179	179	—	—	Владимиръ-Вол.....	—	1070	—	—
Новочеркасскъ.....	1717	1471	—	246	Вознесенскъ.....	—	1013	—	—
Одесса.....	2160	1400	—	760	Волочискъ.....	1348	1085	—	263
Орелъ.....	962	890	—	72	Воронежъ.....	551	430	—	121
Оренбургъ.....	2030	1746	—	274	Глуховъ.....	—	577	—	—
Пенза.....	—	1172	—	—	Гродно.....	1079	824	—	255
Перновъ портъ.....	—	435	—	—	Дерптъ.....	—	725	—	—
Полтава.....	1468	1305	—	163	Динабургъ.....	764	637	—	127
Псковъ.....	257	257	—	—	Звенигородка.....	—	853	—	—
Радзивиловъ т.....	1352	1267	—	85	Калуга.....	—	150	—	—
Ревель портъ.....	343	343	—	—	Каменецъ Подол.....	—	991	—	—
Рига.....	704	525	—	179					

	Число верствъ.		Разность.			Число верствъ.		Разность.	
	По существ. сятн.	По предполож. сятн.	Больш.	Менше.		По существ. сятн.	По предполож. сятн.	Больш.	Менше.
Кишеневъ.....	1598	1061	—	537	Балтійскій портъ...	1352	1231	—	121
Кіевъ.....	944	708	—	226	Бердичевъ.....	1526	1203	—	323
Ковно.....	1028	767	—	261	Бердянскъ.....	—	1230	—	—
Козловъ.....	383	379	—	4	Бобруйскъ.....	1229	1034	—	195
Кременчугъ.....	976	835	—	141	Брестъ-Литовскъ.....	1434	1296	—	138
Курскъ.....	502	440	—	62	Брянскъ.....	893	659	—	234
Льбава.....	1289	865	—	424	Варшава.....	1634	1459	—	175
Ливни.....	499	430	—	69	Вержолово.....	1519	1258	—	261
Минскъ.....	703	580	—	123	Вильно.....	1342	1087	—	255
Нижн. Новгородъ.....	410	410	—	—	Витебскъ.....	930	785	—	144
Новочеркасскъ.....	1113	867	—	246	Владиміръ.....	233	233	—	—
Николаевъ.....	1287	1098	—	189	Владиміръ Вол.....	—	1400	—	—
Новгородъ.....	562	562	—	—	Вознесенскъ.....	—	1333	—	—
Одесса.....	1556	1133	—	423	Волочискъ.....	1758	1439	—	319
Орель.....	358	310	—	48	Воронежъ.....	961	642	—	319
Оренбургъ.....	1426	1178	—	247	Глуховъ.....	—	907	—	—
Пенза.....	—	568	—	—	Гродно.....	1489	1234	—	255
Перновъ портъ.....	—	797	—	—	Дерптъ.....	—	944	—	—
Петербургъ.....	604	604	—	—	Динабургъ.....	1174	1047	—	127
Полтава.....	864	730	—	134	Звенигородка.....	—	1183	—	—
Псковъ.....	811	615	—	196	Калуга.....	—	480	—	—
Радзивиловъ т.....	1364	1048	—	316	Каменецъ Подол.....	—	1361	—	—
Ревель портъ.....	897	787	—	110	Кишеневъ.....	2008	1391	—	617
Рига портъ.....	971	775	—	196	Кіевъ.....	1354	1038	—	316
Ростовъ на Дону.....	1149	903	—	246	Ковно.....	1438	1177	—	261
Рыбинскъ.....	590	590	—	—	Козловъ.....	793	539	—	254
Рязань.....	185	182	—	3	Кременчугъ.....	1386	1125	—	261
Самара.....	1028	888	—	140	Курскъ.....	914	770	—	144
Саратовъ.....	804	671	—	133	Льбава.....	1699	1402	—	297
Севастополь.....	1427	1251	—	176	Ливни.....	909	760	—	149
Сибирскъ.....	—	678	—	—	Минскъ.....	1113	990	—	123
Скопниъ.....	338	241	—	97	Москва.....	410	410	—	—
Смоленскъ.....	392	498	106	—	Николаевъ.....	1697	1418	—	279
Таганрогъ.....	1198	950	—	248	Новгородъ.....	972	875	—	97
Тамбовъ.....	451	444	—	7	Новочеркасскъ.....	1523	992	—	531
Тверь.....	156	156	—	—	Одесса.....	1964	1453	—	511
Тула.....	181	225	44	—	Орель.....	768	640	—	128
Усть-Медвѣецъ ст.....	—	740	—	—	Оренбургъ.....	1836	828	—	1008
Уфа.....	—	1128	—	—	Пенза.....	—	469	—	—
Уральскъ.....	—	1021	—	—	Перновъ портъ.....	—	1236	—	—
Харьковъ.....	732	610	—	122	Петербургъ.....	1014	918	—	96
Черниговъ.....	—	606	—	—	Полтава.....	1274	1020	—	254
Шуя.....	279	279	—	—	Псковъ.....	1221	944	—	277
Царицынъ.....	1006	890	—	116	Радзивиловъ.....	1798	1378	—	420
Дрославъ.....	261	261	—	—	Ревель портъ.....	1307	1226	—	81
					Рига портъ.....	1381	1212	—	169
					Ростовъ на Дону.....	1559	1028	—	541
					Рыбинскъ.....	1000	344	—	656
					Рязань.....	595	308	—	287
					Самара.....	1438	588	—	900
отъ нижняго.									
Базахна.....	—	38	—	—					
Балашевъ.....	—	494	—	—					

	Число верст.		Разность.			Число верст.		Разность.	
	По существ. сѣтк.	По предполож. сѣтк.	Больше.	Менше.		По существ. сѣтк.	По предполож. сѣтк.	Больше.	Менше.
Саратовъ.....	1214	572	—	642	Лябавъ.....	729	190	—	539
Семастополь.....	1837	1541	—	296	Ливни.....	1077	743	—	334
Сибирскъ.....	—	328	—	—	Минскъ.....	890	370	—	520
Скопнякъ.....	748	746	—	2	Москва.....	971	775	—	196
Смоленскъ.....	802	846	44	—	Нижи. Новгородъ..	1381	1212	—	169
Таганрогъ.....	1608	1094	—	514	Николаевъ.....	1866	1150	—	716
Тамбовъ.....	861	474	—	387	Новгородъ.....	883	702	—	181
Тверь.....	566	566	—	—	Новочеркасскъ.....	1821	1459	—	362
Тула.....	591	475	—	116	Одесса.....	2135	1185	—	950
Уст. Медвѣдц. ст..	—	699	—	—	Орелъ.....	936	812	—	124
Уральскъ.....	—	922	—	—	Оренбургъ.....	2499	1915	—	584
Уфа.....	—	778	—	—	Пенза.....	—	1305	—	—
Харьковъ.....	1145	900	—	245	Перновъ портъ....	—	560	—	—
Черниговъ.....	—	936	—	—	Петербургъ.....	704	525	—	179
Шуя.....	243	243	—	—	Полтава.....	1443	1110	—	333
Царицынъ.....	1416	849	—	567	Псковъ.....	447	268	—	179
Ярославль.....	671	274	—	397	Радзивиловъ.....	1062	956	—	106
ОТЪ РИГИ.					Ревель портъ.....	963	550	—	413
Балахна.....	—	1179	—	—	Ростовъ на Дону..	1857	1525	—	332
Балашевъ.....	—	1272	—	—	Рыбинскъ.....	1228	868	—	360
Балтійскій портъ..	1008	555	—	553	Рязань.....	1156	892	—	264
Бердичевъ.....	1159	925	—	234	Самара.....	1999	1625	—	374
Бердянскъ.....	—	1394	—	—	Саратовъ.....	1706	1462	—	244
Бобруйскъ.....	683	522	—	161	Семастополь.....	2006	1612	—	394
Брестъ-Литовскъ..	722	677	—	45	Сибирскъ.....	—	1415	—	—
Брянскъ.....	811	566	—	245	Скопнякъ.....	1309	1016	—	293
Варшава.....	759	675	—	84	Смоленскъ.....	576	513	—	63
Вержболово.....	549	459	—	90	Таганрогъ.....	1777	1404	—	373
Вильно.....	372	288	—	84	Тамбовъ.....	1353	1043	—	310
Витебскъ.....	448	400	—	48	Тверь.....	1101	741	—	360
Владимиръ.....	1145	952	—	193	Тула.....	1113	806	—	307
Владимиръ Вол.....	—	893	—	—	Усть-Медвѣдц. ст..	—	1332	—	—
Вознесенскъ.....	—	1065	—	—	Уральскъ.....	—	1712	—	—
Волочискъ.....	1441	1017	—	424	Уфа.....	—	1865	—	—
Воронежъ.....	1330	1052	—	278	Харьковъ.....	1311	1064	—	247
Глуховъ.....	—	835	—	—	Черниговъ.....	—	767	—	—
Гродно.....	519	435	—	84	Шуя.....	1247	1054	—	193
Дерптъ.....	—	378	—	—	Царицынъ.....	1788	1482	—	306
Динабургъ.....	204	222	18	—	Ярославль.....	1232	938	—	294
Эвениягородка.....	—	905	—	—	ОТЪ НЕВА.				
Кауга.....	—	720	—	—	Балахна.....	—	1071	—	—
Каменецъ-Подол.....	—	1083	—	—	Балашевъ.....	—	868	—	—
Кашеневъ.....	1691	1113	—	578	Балтійскій портъ..	1868	1092	—	776
Кіевъ.....	1331	760	—	571	Бердичевъ.....	172	165	—	7
Ковно.....	468	378	—	90	Бердянскъ портъ..	—	655	—	—
Козловъ.....	1285	978	—	307	Бобруйскъ-е.....	528	345	—	183
Кременчугъ.....	1555	1025	—	530	Брестъ-Литовскъ..	609	472	—	137
Курскъ.....	1081	942	—	139	Брянскъ.....	711	379	—	332

	Число верстъ.		Разность.			Число верстъ.		Разность.	
	По существ. сѣтк.	По предполг. сѣтк.	Больше.	Менше.		По существ. сѣтк.	По предполг. сѣтк.	Больше.	Менше.
Варшава.....	809	634	—	175	Тамбовъ.....	997	828	—	169
Вержболово.....	1136	719	—	417	Тверь.....	1102	868	—	234
Вильно.....	959	548	—	411	Тула.....	763	644	—	119
Витебскъ.....	1074	485	—	589	Уст. Медвѣецъ ст. . .	—	928	—	—
Владиміръ.....	1121	885	—	236	Уральскъ.....	—	1408	—	—
Владиміръ Вол.....	—	421	—	—	Уфа.....	—	1708	—	—
Вознесенскъ.....	—	305	—	—	Харьковъ.....	672	470	—	202
Волочискъ.....	404	399	—	5	Черниговъ.....	—	150	—	—
Воронежъ.....	977	618	—	359	Шуя.....	1223	987	—	236
Глуховъ.....	—	279	—	—	Царицынъ.....	1432	1078	—	354
Гродно.....	812	675	—	137	Ярославль.....	1207	969	—	238
Дерить.....	—	905	—	—					
Динабургъ.....	1124	637	—	487	ОТЪ ОДЕССЫ.				
Звенигородка.....	—	145	—	—	Балахна.....	—	1496	—	—
Калуга.....	—	558	—	—	Балашевъ.....	—	1061	—	—
Каменецъ-Подол.....	—	323	—	—	Балтійскій портъ.....	2498	1517	—	981
Кишеневъ.....	654	353	—	301	Бердичевъ.....	400	475	—	15
Ковно.....	1056	638	—	418	Бердянскъ.....	—	555	—	—
Козловъ.....	929	763	—	166	Бобрыйскъ.....	1138	660	—	478
Кременчугъ.....	840	265	—	575	Брестъ-Литовскъ.....	927	743	—	184
Курскъ.....	442	428	—	14	Брянскъ.....	1321	804	—	507
Либава.....	1316	878	—	438	Варшава.....	1127	905	—	222
Ливни.....	727	636	—	91	Вержболово.....	1454	1144	—	310
Минскъ.....	930	390	—	540	Вильно.....	1277	973	—	304
Москва.....	944	708	—	236	Витебскъ.....	1685	910	—	775
Нижн. Новгородъ.....	1354	1038	—	316	Владиміръ.....	1732	1310	—	422
Николаевъ.....	979	390	—	589	Владиміръ Вол.....	—	653	—	—
Новгородъ.....	1508	1152	—	356	Вознесенскъ.....	—	120	—	—
Новочеркаскъ.....	1240	809	—	431	Волочискъ.....	516	493	—	23
Одесса.....	610	425	—	185	Воронежъ.....	1588	811	—	777
Орелъ.....	586	516	—	70	Глуховъ.....	—	608	—	—
Оренбургъ.....	2150	1753	—	397	Гродно.....	1130	946	—	184
Пенза.....	—	1041	—	—	Дерить.....	—	1340	—	—
Перновъ портъ.....	—	1097	—	—	Динабургъ.....	1928	1062	—	866
Петербургъ.....	1550	975	—	575	Звенигородка.....	—	280	—	—
Полтава.....	804	350	—	454	Калуга.....	—	983	—	—
Псковъ.....	1864	805	—	559	Каменецъ-Подол.....	—	439	—	—
Радзивиловъ.....	444	399	—	45	Кишеневъ.....	177	140	—	37
Ревель портъ.....	1823	1077	—	746	Кіевъ.....	610	425	—	185
Рига портъ.....	1331	760	—	571	Ковно.....	1374	1063	—	311
Ростовъ на Дону.....	1218	783	—	435	Козловъ.....	1541	956	—	585
Рыбинскъ.....	1536	1039	—	497	Кременчугъ.....	579	328	—	251
Рязань.....	1127	730	—	397	Курскъ.....	1054	723	—	331
Самара.....	1752	1463	—	289	Либава.....	1634	1303	—	331
Саратовъ.....	1350	1058	—	292	Ливни.....	1337	901	—	438
Севастополь.....	1367	852	—	515	Минскъ.....	1248	815	—	433
Сямбирскъ.....	—	1253	—	—	Москва.....	1556	1133	—	423
Сковинъ.....	1062	760	—	302	Нижн. Новгородъ.....	1964	1463	—	501
Смоленскъ.....	946	608	—	338	Николаевъ.....	707	205	—	502
Таганрогъ.....	1138	717	—	421					

	Число верстъ.		Разность.			Число верстъ.		Разность.	
	По существ. стѣт.	По ведомог. стѣт.	Болѣе.	Менѣе.		По существ. стѣт.	По ведомог. стѣт.	Болѣе.	Менѣе.
Новгородъ.....	2116	1577	—	539	Волочисель.....	1683	1229	—	454
Новочеркасскъ.....	1334	822	—	512	Воронежъ.....	1460	899	—	561
Орель.....	1196	853	—	343	Глуховъ.....	—	867	—	—
Оренбургъ.....	2760	1946	—	814	Гродно.....	2116	1527	—	589
Пенза.....	—	1234	—	—	Дерптъ.....	—	1767	—	—
Перновъ.....	—	1522	—	—	Днабургъ.....	1799	1349	—	450
Петербургъ.....	2160	1400	—	760	Звенигородка.....	—	793	—	—
Полтава.....	692	433	—	259	Калуга.....	—	1101	—	—
Псковъ.....	2171	1230	—	940	Каменецъ-Подол.....	—	1275	—	—
Радзивиловъ т.....	762	584	—	178	Кашеневъ.....	1560	893	—	667
Ревель портъ.....	2453	1512	—	941	Кіевъ.....	1367	852	—	515
Рига портъ.....	2135	1185	—	950	Ковно.....	2061	1490	—	571
Ростовъ на Дону.....	1370	786	—	584	Козловъ.....	1412	1044	—	368
Рябинскъ.....	2146	1464	—	682	Кременчугъ.....	939	627	—	312
Рязань.....	1737	1155	—	582	Курскъ.....	925	811	—	114
Самара.....	2362	1656	—	706	Лбава.....	2326	1730	—	596
Саратовъ.....	1960	1251	—	709	Ливны.....	1210	1061	—	149
Севастополь.....	1518	753	—	765	Минскъ.....	1740	1242	—	498
Симбирскъ.....	—	1446	—	—	Москва.....	1427	1251	—	176
Скопнянъ.....	1672	1094	—	578	Нижи. Новгородъ.....	1837	1541	—	296
Смоленскъ.....	1556	1033	—	523	Николаевъ.....	1250	548	—	702
Таганрогъ.....	1290	720	—	570	Новгородъ.....	1991	1812	—	179
Тамбовъ.....	1607	1079	—	528	Новочеркасскъ.....	999	665	—	334
Тверь.....	1712	1293	—	419	Одесса.....	1518	753	—	765
Тула.....	1373	1069	—	304	Орель.....	1069	941	—	128
Уст. Медвѣдц. ст.....	—	1047	—	—	Оренбургъ.....	2633	1754	—	879
Уфа.....	—	1896	—	—	Пенза.....	—	1322	—	—
Харьковъ.....	824	553	—	271	Перновъ портъ.....	—	1949	—	—
Черниговъ.....	—	575	—	—	Петербургъ.....	2033	1827	—	206
Шуа.....	1835	1589	—	246	Полтава.....	827	692	—	135
Царицынъ.....	2042	1122	—	920	Псковъ.....	2042	1657	—	385
Прославль.....	1817	1394	—	423	Радзивиловъ.....	1811	1251	—	560
ОТЪ СЕВАСТОПОЛЯ.					Ревель портъ.....	2326	1939	—	383
Базахна.....	—	1870	—	—	Рига портъ.....	2006	1612	—	394
Балашевъ.....	—	1149	—	—	Ростовъ на Дону.....	977	629	—	348
Балтійскій портъ.....	2371	1744	—	627	Рябинскъ.....	2019	1582	—	437
Бердичевъ.....	1539	1017	—	522	Рязань.....	1610	1273	—	337
Бердяскъ.....	—	398	—	—	Самара.....	2235	1744	—	491
Бобруйскъ.....	1533	1197	—	336	Саратовъ.....	1833	1254	—	579
Брестъ-Литовскъ.....	1976	1324	—	652	Симбирскъ.....	—	1534	—	—
Бринскъ.....	1194	1078	—	116	Скопнянъ.....	1545	1182	—	363
Варшава.....	2176	1486	—	690	Смоленскъ.....	1429	1266	—	165
Вержболово.....	2146	1481	—	665	Таганрогъ.....	897	563	—	334
Вильно.....	1967	1400	—	567	Тамбовъ.....	1480	1109	—	371
Витебскъ.....	1557	1337	—	220	Тверь.....	1585	1411	—	174
Владиміръ.....	1607	1428	—	179	Тула.....	1246	1187	—	59
Владиміръ Вол.....	—	1273	—	—	Уст. Медвѣдц. ст.....	—	958	—	—
Вознесенскъ.....	—	633	—	—	Уральскъ.....	—	1689	—	—
					Уфа.....	—	1994	—	—
					Харьковъ.....	695	641	—	54

	Число версты.		Разность.			Число версты.		Разность.	
	По существ. свѣт.	По предполож. свѣт.	Возм.	Мнѣн.		По существ. свѣт.	По предполож. свѣт.	Возм.	Мнѣн.
Черниговъ.....	—	1105	—	—	Петербургъ.....	1753	1507	—	246
Шуя.....	1709	1530	—	179	Полтава.....	678	562	—	116
Царицынъ.....	1915	1121	—	794	Псковъ.....	1895	1394	—	501
Ярославль.....	1688	1512	—	176	Радзивиловъ.....	1662	1370	—	292
ОТЪ РОСТОВА НА Д.					Ревель портъ.....	2046	1676	—	370
Балахна.....	—	1061	—	—	Рига портъ.....	1857	1525	—	332
Балашевъ.....	—	534	—	—	Рымбинскъ.....	1739	1234	—	505
Балтійскій портъ.....	2091	1681	—	410	Рязань.....	964	845	—	119
Бердичевъ.....	1890	948	—	442	Самара.....	1589	1231	—	358
Бердянскъ.....	—	231	—	—	Саратовъ.....	1187	625	—	562
Бобруйскъ.....	1384	1024	—	360	Севастополь.....	977	629	—	348
Брестъ-Литовскъ.....	1827	1255	—	572	Симбирскъ.....	—	1021	—	—
Брянскъ.....	1045	850	—	195	Скопийнъ.....	899	756	—	143
Варшава.....	2027	1417	—	610	Смоленскъ.....	1280	941	—	339
Вержболово.....	1997	1465	—	532	Таганрогъ.....	80	80	—	—
Вильно.....	1820	1294	—	526	Тамбовъ.....	834	683	—	151
Витебскъ.....	1408	1125	—	283	Тверь.....	1305	1063	—	242
Владиміръ.....	1826	1080	—	246	Тула.....	1097	748	—	349
Владиміръ Вол.....	—	1204	—	—	Усть-Медвѣдец. ст.....	—	329	—	—
Вознесенскъ.....	—	666	—	—	Уральскъ.....	—	976	—	—
Волочискъ.....	1534	1182	—	352	Уфа.....	—	1471	—	—
Воронежъ.....	598	473	—	125	Харьковъ.....	546	442	—	104
Глуховъ.....	—	671	—	—	Черниговъ.....	—	848	—	—
Гродно.....	1967	1458	—	509	Шуя.....	1428	1182	—	246
Дерптъ.....	—	1504	—	—	Царицынъ.....	1269	404	—	865
Днибургъ.....	1652	1987	—	265	Ярославль.....	1410	1164	—	246
Векшигородъ.....	—	726	—	—	ОТЪ САРАТОВА.				
Залуга.....	—	834	—	—	Балахна.....	—	605	—	—
Жаменецъ-Подол.....	—	1106	—	—	Балашевъ.....	—	190	—	—
Жиневъ.....	1411	926	—	485	Балтійскій портъ.....	1746	1535	—	211
Жезъ.....	1218	789	—	435	Бердичевъ.....	1522	1223	—	299
Жовно.....	1912	1384	—	528	Бердянскъ.....	—	856	—	—
Жоловъ.....	766	618	—	148	Бобруйскъ.....	1516	1132	—	384
Жременчукъ.....	790	558	—	232	Брестъ-Литовскъ.....	1756	1471	—	285
Журскъ.....	776	612	—	164	Брянскъ.....	889	817	—	72
Жубава.....	2177	1624	—	553	Варшава.....	1956	1633	—	323
Жуны.....	963	593	—	370	Вержболово.....	1841	1519	—	322
Жинскъ.....	1591	1136	—	455	Вильно.....	1667	1348	—	319
Жосква.....	1149	903	—	246	Витебскъ.....	1255	1046	—	209
Жиж. Новгородъ.....	1559	1028	—	531	Владиміръ.....	981	805	—	176
Жиколасевъ.....	1101	581	—	520	Владиміръ Вол.....	—	1420	—	—
Жовгородъ.....	1171	1464	—	—	Вознесенскъ.....	—	1131	—	—
Жовочеркасскъ.....	36	36	—	—	Волочискъ.....	1754	1435	—	319
Жесса.....	1370	786	—	584	Воронежъ.....	589	440	—	149
Жель.....	920	713	—	207	Глуховъ.....	—	779	—	—
Жепбургъ.....	1987	1521	—	466	Гродно.....	1814	1674	—	140
Жиза.....	—	809	—	—	Дерптъ.....	—	1538	—	—
Жирновъ портъ.....	—	1686	—	—	Днибургъ.....	1499	1354	—	145

	Число верст.		Разность.			Число верст.		Разность.	
	По сулцв. ст.	По предпол. ст.	Болж.	Менж.		По сулцв. ст.	По предпол. ст.	Болж.	Менж.
Звенигородка	—	1203	—	—	ОТЪ РЫБИНСКА.				
Калуга	—	688	—	—	Балахна	—	311	—	—
Камеицеъ-Подол.	—	1381	—	—	Балашевъ	—	838	—	—
Киевъ	1962	1411	551	—	Балтійскій портъ	912	887	—	25
Козлово	1350	1058	292	—	Бердичевъ	1706	1204	—	502
Колово	1759	1438	321	—	Берляицеъ	—	1271	—	—
Кременчугъ	421	423	2	—	Вобруйскъ	1432	1026	—	416
Курскъ	1382	923	459	—	Брестъ-Литовскъ	1536	1218	—	318
Ливна	908	603	305	—	Брянскъ	1073	660	—	413
Львовъ	2024	1652	372	—	Варшава	1573	1380	—	193
Минскъ	738	560	178	—	Верхнеболото	1363	1179	—	184
Москва	1435	1244	191	—	Витебскъ	1456	1008	—	448
Ниже-Новгородъ	804	671	133	—	Владимиръ	1110	706	—	404
Николаевъ	1214	572	642	—	Владимиръ Вол.	—	1401	—	—
Новгородъ	1694	1216	478	—	Вознесенскъ	—	1344	—	—
Новочеркасскъ	1366	1232	134	—	Волочиискъ	1938	1416	—	522
Одесса	1231	589	642	—	Воронежъ	1141	761	—	380
Орелъ	1960	1251	709	—	Глуховъ	—	908	—	—
Оренбургъ	764	680	84	—	Гродно	1333	1155	—	178
Пенза	1642	415	1227	—	Дерптъ	—	710	—	—
Перновъ портъ	—	353	—	—	Динабургъ	1021	840	—	181
Петербургъ	—	1540	—	—	Звенигородка	—	1184	—	—
Полтава	1408	1275	173	—	Калуга	—	481	—	—
Псковъ	1270	818	452	—	Камеицеъ-Подол.	—	1362	—	—
Радзивиловъ	1615	1248	367	—	Кишиневъ	2188	1392	—	796
Ревель портъ	1794	1398	396	—	Кіевъ	1536	1039	—	497
Рига портъ	1701	1530	171	—	Ковно	1283	1098	—	185
Ростовъ на Дону	1706	1462	244	—	Козлово	973	710	—	263
Рыбинскъ	1187	625	562	—	Кременчугъ	1566	1166	—	400
Рязань	1394	916	478	—	Курскъ	1092	771	—	321
Самара	619	516	103	—	Ливна	1543	1058	—	485
Севастополь	1244	775	569	—	Ливни	1089	761	—	328
Сибирскъ	1833	1254	579	—	Минскъ	1293	911	—	382
Симбирскъ	—	565	—	—	Москва	590	590	—	—
Смоленскъ	554	561	7	—	Ниже-Новгородъ	1000	344	—	656
Сухоминъ	1124	1005	119	—	Николаевъ	1877	1429	—	448
Таганрогъ	1267	625	642	—	Новгородъ	531	531	—	—
Тамбовъ	353	358	5	—	Новочеркасскъ	1703	1198	—	505
Тверь	960	831	129	—	Одесса	2146	1464	—	682
Тула	941	677	264	—	Орелъ	948	641	—	307
Уст. Медвѣд. ст.	—	296	—	—	Оренбургъ	2016	1182	—	834
Уральскъ	—	350	—	—	Пенза	—	813	—	—
Уфа	—	880	—	—	Перновъ портъ	—	892	—	—
Уральскъ	1138	698	440	—	Петербургъ	574	574	—	—
Уральскъ	—	956	—	—	Полтава	1454	1061	—	393
Уральскъ	1083	815	268	—	Псковъ	781	600	—	181
Уральскъ	1044	446	598	—	Радзивиловъ	1978	1379	—	599
Уральскъ	1065	932	133	—	Ревель портъ	867	882	15	—

	Число верстѣ		Разность.			Число верстѣ		Разность.	
	По существ. стѣ.	По предполож. стѣ.	Больше.	Менше.		По существ. стѣ.	По предполож. стѣ.	Больше.	Менше.
Рига портъ	1228	868	—	360	Кишиневъ	1169	800	—	369
Ростовъ на Дону	1739	1234	—	505	Кіевъ	809	634	—	175
Рязань	775	513	—	262	Ковно	451	451	—	—
Самара	1618	892	—	726	Козловъ	1535	1338	—	197
Саратовъ	1394	916	—	478	Кременчугъ	1355	899	—	456
Севастополь	2019	1532	—	487	Курскъ	1251	1003	—	248
Симбирскъ	—	682	—	—	— Лбава	744	691	—	53
Скопинъ	928	572	—	356	Львнн	1333	1206	—	127
Смоленскъ	982	829	—	153	Минскъ	521	469	—	52
Таганрогъ	1790	1281	—	509	Москва	1224	1049	—	175
Тамбовъ	1041	775	—	266	Нижн. Новгородъ	1634	1459	—	175
Тверь	433	433	—	—	— Николаевъ	1456	1024	—	432
Тула	771	556	—	215	Новгородъ	1178	1178	—	—
Уст. Медвѣдц. ст.	—	1043	—	—	Новочеркасскъ	2013	1453	—	560
Харьковъ	1322	941	—	380	— Одесса	1127	905	—	222
Чембаръ	—	937	—	—	Орель	1192	1086	—	106
Шуя	869	225	—	644	Оренбургъ	2650	2288	—	362
Царицынъ	1596	1193	—	403	Перновъ портъ	—	1536	—	—
Ярославль	851	70	—	781	Петербургъ	1049	1049	—	—
ОТЪ ВАРШАВЫ.									
Балахна	—	1492	—	—	Полтава	1467	964	—	503
Балашевъ	—	1443	—	—	Псковъ	793	793	—	—
Балтійскій портъ	1353	1080	—	273	Радзвннловъ	540	441	—	99
Бердичевъ	637	608	—	29	— Ревель портъ	1308	1075	—	233
Бердянскъ	—	1279	—	—	— Рига портъ	759	675	—	84
Бобрыйскъ	622	621	—	1	Ростовъ на Дону	2027	1417	—	610
Врестъ-Литовскъ	200	200	—	—	Рыбинскъ	1573	1380	—	193
Врянскъ	1067	954	—	113	— Рязань	1409	1231	—	178
Вержболово	532	532	—	—	1 Самара	2252	2038	—	214
Вильно	388	388	—	—	Саратовъ	1956	1633	—	323
Витебскъ	798	674	—	124	Севастополь	2176	1486	—	690
Владимиръ	1401	1226	—	175	— Симбирскъ	—	1828	—	—
Владимиръ Вол.	—	378	—	—	Скопинъ	1562	1474	—	88
Вознесенскъ	—	939	—	—	Смоленскъ	832	797	—	35
Волочискъ	919	502	—	417	Таганрогъ	1947	1351	—	596
Воронежъ	1583	1193	—	390	— Тамбовъ	1603	1403	—	200
Глуховъ	—	854	—	—	— Тверь	1380	1209	—	171
Гродно	240	240	—	—	Тула	1369	1096	—	273
Дерить	—	903	—	—	Уст. Медвѣдц. ст.	—	1503	—	—
Динабургъ	551	551	—	—	— Уральскъ	—	1987	—	—
Звенигородка	—	779	—	—	— Уфа	—	2278	—	—
Калуга	—	1010	—	—	Харьковъ	1481	1084	—	397
Каменецъ-Подол	—	638	—	—	— Черниговъ	—	677	—	—
					Шуя	1503	1328	—	175
					Царицынъ	2038	1653	—	385
					Ярославль	1485	1310	—	175

Изъ этого сравненія видно, что при полной сѣти только города Рязань, Тула и Смоленскъ нѣсколько отодвинулись бы отъ Петербурга и Москвы, именно Рязань, на 26, Тула на 31 версту отъ Петербурга, и Рязань, на 26, Тула на 44 и Смоленскъ на 106 верстъ отъ Москвы, за то всѣ остальные и даже эти самые города приблизились бы къ другимъ главнымъ пунктамъ, особенно къ портамъ, съ которыми имѣютъ большія сношенія, на разстоянн до того значительныя, что о нихъ стоило подумать при осуществленн сѣти.

При этомъ нужно замѣтить еще и то, что ни Рязань, ни Тула, ни Смоленскъ, въ особенности, не представляютъ вовсе такого значенія для обонхъ столицъ, чтобы можно было въ какомъ либо отношенн сокрушаться объ ихъ удаленн.

Можетъ быть намъ скажутъ, что еслибы и къ существующей сѣти въ 16 тысячъ верстъ прибавить еще 15 т., то совершенно естественно сократились бы разстоянн между многими пунктами, и сравненн двухъ сѣтей, если не потеряло бы совсѣмъ значенія, то во всякомъ случаѣ не представилось бы въ такомъ рѣзкомъ видѣ. Но на это и мы можемъ возразить, что при построенныхъ уже линнхъ полная сѣть положительно не можетъ быть кратчайшею.

Направленн, которое дано линнмъ Рнго-Царицынской, Московско-Кіевской, Московско-Саратовской, Московско-Новочеркасской, Московско-Одесской, Бердичевъ-Брестъ-Литовской, Ромны-Ландваровской, Московско-Брестской, Николаево-Фастовской или Мотовиловской, Маршанско-Сызранской и Оренбургской, на всегда будутъ чувствоваться и тяжело отзываться на торговыхъ оборотахъ Россн.

Теперь, когда не остается сомнѣнн, что сѣть могла быть короче, мы рассмотримъ, дѣйствительно ли кратчайшая и полная сѣть удовлетворяла бы требованнмъ административнымъ, стратегическимъ и торговымъ.

Въ виду того, что центральное управленн губерніями сосредоточено въ Петербургѣ, сѣть должна была связать кратчайшими путями всѣ губернскіе города съ Петербургомъ.

Въ полной сѣти именно это достигнуто. Города: Владиміръ, Воронежъ, Гродно, Екатеринославъ, Калуга, Каменецъ-Подольскъ, Башеневъ, Кіевъ, Ковно, Курскъ, Минскъ, Мнтава, Могилевъ, Москва, Нижній-Новгородъ, Новгородъ, Новочеркасскъ, Одесса, Орелъ, Оренбургъ, Пенза, Полтава, Псковъ, Ревель, Рига, Рязань, Самара, Саратовъ, Симбирскъ, Смоленскъ, Тамбовъ, Тверь, Тула, Уфа, Харьковъ, Херсонъ, Черниговъ и Ярославль, т. е. 37 городовъ, связаны не только съ Петербургомъ, но и между

собой кратчайшими линіями, како видно изъ сравнительной таблицы разстояній по сѣти существующей и сѣти, какую можно было построить.

Сѣть не прошла чрезъ города: Вологду, Вятку, Казань, Кострому и Пермь, и то потому только, что развѣивать ее за Вологду, въ губерніяхъ, по которымъ должна проходить Сибирская линія, до сихъ поръ окончательно необсужденная, было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно, хотя для соединенія и этихъ городовъ съ Петербургомъ, при расчетѣ 1 версты дорогъ на 80 кв. верстъ площади, изъ 30,140 верстъ, приходящихся на 2,411,169 кв. верстъ, остается въ запасъ или свободными къ проложенію около 500 верстъ.

Въ стратегическомъ отношеніи, каждая сѣть должна бы удовлетворять тому:

1) Чтобы пункты, важные при защитѣ границъ Сѣверо-Западной, Западной, Юго-Западной и Южной, и именно Петербургъ, Валгійскій портъ, Ревель, Перновъ, Рига, Либавъ, Вильно, Врестъ-Литовскъ, Радзивилловъ, Каменецъ-Подольскъ, Кіевъ, Кишеневъ, Одесса, Николаевъ, Херсонъ и Севастополь находились въ кратчайшимъ разстояніи отъ мѣстъ расположенія войскъ, арсеналовъ, казенныхъ и патронныхъ заведеній и пороховыхъ заводовъ.

2) Чтобы каждая пограничная линія, обращающаяся во время войны исключительно въ военную, для передвиженія войскъ, имѣла за собою другую линію, съ нею связанную въ нѣсколькихъ пунктахъ, и менѣе подверженную случайностямъ войны, для передвиженія продовольственныхъ припасовъ и боевыхъ потребностей для веденія войны.

3) Чтобы въ свою очередь такіа линія были связаны кратчайшими путями съ мѣстами заготовокъ провіанта и фуража.

4) Чтобы съ поступленіемъ во время войны пограничныхъ или военныхъ линій, и линій продовольственныхъ въ исключительное и преимущественное пользованіе военного вѣдомства, все таки оставалась бы общая связь между административными и торговыми пунктами, безъ вредныхъ послѣдствій и лишеній для народной жизни.

Относительно перваго условія мы можемъ сказать, что сѣть, нами составленная, удовлетворила бы вполне сблизенію пограничныхъ пунктовъ съ тѣми средствами и запасами, на которыхъ основывается успѣхъ веденія войны. Это видно изъ слѣдующей таблицы.

Что же касается до приближенія упомянутых городовъ и мѣстамъ расположенія войскъ въ мирное время, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, откуда войска могутъ быть потребованы къ сбору въ военное время, то не говоря уже о томъ, что линіи сѣти проведены чрезъ всѣ города, гдѣ находятся штабы Округовъ, дивизій и большей части бригадъ—сѣть прорѣзала мѣстности всѣхъ полевыхъ и эскадронныхъ штабовъ, такъ что передвиженіе войскъ къ даннымъ пунктамъ можетъ совершаться при незначительныхъ переходахъ на желѣзныя дороги, которыя, какъ видно изъ общей сравнительной таблицы, представляютъ уже кратчайшіе пути между всѣми важными пунктами въ государствѣ.

Въ отношеніи продовольственныхъ линій можно указать на то, что при защитѣ береговъ Балтійскаго моря, когда линія отъ Петербурга до Вильно съ линіями Петербургско-балтійскою, Балтійско-псковскою, Риго-псковскою, Риго-витебскою и Риго-минскою обратится въ чисто-военную для передвиженія войскъ, за ними будетъ находиться продовольственная линія отъ Петербурга чрезъ Витебскъ до Минска, связанная кратчайшими путями съ мѣстами ближайшихъ плодородныхъ губерній.

При защитѣ границъ со стороны Пруссіи, предполагая, что Царство-Польское будетъ легчайшимъ мѣстомъ для занятія чужеземными войсками, и что линія отъ Либавы до Коно, отъ Вержболова до Вильно и отъ Вѣлостека до Вреста будутъ обращены въ дороги военныя, продовольственная линія будетъ Риго-Минскъ-Врестъ-Литовская, а въ крайнемъ случаѣ, если за истребленіемъ дорогъ въ Царствѣ-Польскомъ пришлось бы обратиться в Риго-Минскъ-Врестъ-Литовскую линію въ военную для передвиженія войскъ,—продовольственною линіею могла бы быть Риго-Витебскъ-Кіевская, которая въ свою очередь точно также связана кратчайшими путями съ мѣстами продовольственныхъ заготовокъ.

При защитѣ границъ со стороны Австріи и Дунайскихъ княжествъ, линія отъ Одессы до Вреста съ вѣтвями на Кишиневъ, Каменецъ-Подольскъ и Радзивиловъ, дѣлалась военною линіею, имѣла бы продовольственную линію отъ Вреста чрезъ Кіевъ на Вознесенскъ и Одессу, опять таки связанную кратчайшими торговыми рынками Черниговской, Кіевской, Полтавской и Харьковской губерній.

Наконецъ при защитѣ береговъ Чернаго моря, линія отъ Одессы чрезъ Вознесенскъ, Николаевъ, Бериславъ-Никополь до Севастополя, обращаясь въ военную, будетъ имѣть продовольственную линію отъ Одессы чрезъ Кременчугъ и Екатеринославъ

до Николая съ одной стороны; а съ другой, всю береговую линию Азовскаго моря от Николая до Ростова. Обѣ эти линіи тѣмъ связаны кратчайшими путями съ мѣстами закупки провіанта и фуража, которые по этому будутъ доставляться къ войскамъ и скоро и дешево.

Такимъ образомъ полная сѣть, удовлетворяя главнымъ требованіямъ военнаго министерства во время войны, оказывается сверхъ того не менѣе полезною для него и въ мирное время, по отношенію къ продовольствію войскъ и снабженію ихъ вещными довольствіемъ. Губерніи Московская, Симбирская и Пензенская, гдѣ заготавливается наибольшее количество солдатскаго сукна, Владимирская губернія, гдѣ по преимуществу выработывается рубашечный и подкладочный холстъ; Московская и Тверская губерніи, гдѣ готовится саножный товаръ, наконецъ Нижній-Новгородъ, гдѣ заготавливаются разнаго рода металлы для арсеналовъ, оружейныхъ фабрикъ и другихъ заведеній, всѣ они, будучи связаны кратчайшими путями съ мѣстами нахождения окружныхъ интендантскихъ управленій, послужатъ къ выгодамъ и сбереженію расходовъ по заготовкамъ военнаго вѣдомства.

Что же касается до четвертаго и послѣдняго пункта условій, каковы должна бы удовлетворять сѣть въ военное время, то взглянувъ на карту, нельзя не убѣдиться, что даже при одновременномъ обложеніи непріятелемъ всѣхъ сѣверо-западныхъ, западныхъ и южныхъ границъ нашихъ, и тогда внутренняя жизнь народа не была бы стѣснена въ доставленіи ему всѣхъ необходимыхъ потребностей. Сѣть составлена именно въ такомъ видѣ, что при обращеніи какой либо дороги подъ экстренную и непрерывную перевозку потребностей для войска, всегда остается возможность, посредствомъ обхода другими дорогами, снабжать тѣ мѣстности, по которымъ проходятъ дороги, занятія военнымъ вѣдомствомъ, и такимъ образомъ устранять затрудненія къ своевременному доставленію потребностей для народа. Съ этою цѣлію, сѣть сдѣлана пересѣченною и нѣкоторые изъ главныхъ пунктовъ, какъ напримѣръ: Кіевъ, Минскъ, Харьковъ, Воронежъ, Витебскъ и другіе, обращены въ отдѣльные центры, къ которымъ станутъ линіи отъ разныхъ производительныхъ мѣстъ и торговыхъ пунктовъ нашихъ губерній.

Послѣ этого остается только рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ полная сѣть сообразна и удовлетворяетъ видамъ внутренней и внѣшней нашей торговли.

Для этого обратимся къ официальнымъ источникамъ и определимъ:

а) Какія мѣстности наиболѣе производящии по отношенію къ внутренней и внешней торговлѣ;

б) Какіе пункты наиболѣе важны на сухопутной и морскихъ границахъ, чрезъ которыя производится отпускъ товаровъ за границу и привозъ таковыхъ съ иностранныхъ рынковъ;

в) Какія мѣстности постоянно страдаютъ въ продовольствіи за скупостью почвы, не удовлетворяющей насущнымъ требованіямъ населенія;

г) Какія мѣстности наибольшаго разведенія скотоводства, доставляющаго пищу для народа и продукты для заводской обработки;

д) Какія мѣстности изобилуютъ солью, составляющей одну изъ главныхъ потребностей народа и скота во всей Россіи.

е) Какія мѣстности изобилуютъ дешевымъ топливомъ.

Такъ какъ производительность, въ общемъ смыслѣ, можетъ быть раздѣлена въ частности на естественную и заводскую или фабричную, то относя къ первой группѣ всѣ произведенія почвы и скотоводства, поступающія на рынки послѣ первоначальной обработки въ видѣ зерноваго хлѣба, сѣмянъ, табаку въ листьяхъ, льна, пеньки, шерсти, сала, кожъ и т. п., ко второй группѣ будутъ относиться всѣ произведенія заводской, фабричной и мануфактурной промышленности, поступающія на рынки въ видѣ окончательно выработанныхъ товаровъ. Такого раздѣленія мы будемъ держаться при опредѣленіи главныхъ пунктовъ производительности Россіи.

1) По производству хлѣба, поступающему съ торговлею, главнѣйшими мѣстностями признаются губерніи Орловская, Тамбовская, Тульская, Курская, Нижегородская, Рязанская и Инфляндская, затѣмъ земли войско-Донскаго, Пензенская, Саратовская, Сибирская, Ковенская, Воронежская, Вятская и Самарская, производящія преимущественно разныя роды рожь, ячмень, овесъ и частію пшеницу, и наконецъ губерніи Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Кіевская, Каменецъ-Подольская и Волынская, производящія всѣ хлѣба, но преимущественно разныя роды пшеницу и кукурузу.

Если посмотрѣть на карту Россіи, то линія, проведенная по направленію отъ Краева чрезъ Владимиръ-Волынской, Овручъ, Черниговъ, Глуховъ, Саратовъ и Уральскъ, проходя по самымъ плодороднымъ землямъ, будетъ именно тою раздѣлительною линіею между мѣстностями, по преимуществу производящими или рожь или пшеницу, отъ которой хлѣбные грузы главнѣе образомъ направляются—рожь и частію пшеница—въ сѣверныя и сѣверо-

западныя губерніи и къ портамъ Балтійскаго моря, а пшеница и часть рожь, — въ юго-западныя и южныя губерніи и къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей.

По отношенію собственно къ размѣру или количеству избытка въ хлѣбѣ по губерніямъ, за исключеніемъ $2\frac{1}{4}$ четвертей на душу, расчитываемыхъ для мѣстнаго потребленія, губерніи стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

ГУБЕРНІИ.	Избытокъ въ четвертяхъ на душу.	НАСЕЛЕНІЕ.	Общее коли- чество избытка въ четвертяхъ.
Орловская	2,24	1.578,013	3.534,749
Тамбовская	1,69	2.055,778	3.474,265
Тульская	2,99	1.154,292	3.451,333
Бурская	1,24	1.866,859	2.314,905
Зем. Войска Дон.	2,17	1.110,135	2.191,998
Нижгородская	1,65	1.261,913	2.083,806
Невская	1,70	1.197,398	2.065,568
Рязанская	1,07	1.438,292	1.538,972
Валдаевская	0,59	2.002,118	1.181,250
Ифлиндская	1,09	990,858	1.070,035
Бурманская	1,34	597,288	800,366
Саратовская	0,44	1.725,478	759,210
Сибирская	0,62	1.192,510	739,356
Ковенская	0,59	1.131,248	667,436
Воронежская	0,32	2.068,998	662,079
Киевская	0,28	2.144,276	600,397
Смоленская	0,40	1.168,594	456,438
Владимирская	0,22	1.239,051	272,591
Таврическая	0,36	668,549	237,077
Ярославская	0,21	999,383	209,870
Вятская	0,08	2.347,796	187,824
Самарская	0,03	1.725,478	51,761

28.663,254

¹ См. Военно-Статист. Сборникъ, выпускъ IV, стр. 248.

² См. Статистическій временникъ Центральнаго Стат. Ком. 1871, стр. 6—80.

Выводъ этотъ хотя и сдѣланъ по официальнымъ даннымъ, но очевидно не действительнаго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Вятской и Самарской губерній, которыя, судя по отпуску хлѣба съ пристаней, должны имѣть гораздо большій избытокъ. При отпускѣ хлѣба изъ губерній, превосходящемъ избытокъ, надо предположить: или, что такія губерніи оставляютъ для мѣстнаго потребленія менѣе $2\frac{1}{4}$ четвертей на душу, или что вообще дурныя грунтовыя дороги скорѣе приводятъ къ необходимости продавать избытокъ изъ губерній, чѣмъ обращать его на пополненіе недостатка въ мѣстностяхъ той же губерніи, которыя уже покрываютъ этотъ недостатокъ чрезъ покупку хлѣба, при условіяхъ болѣе выгодныхъ, изъ другихъ близъ лежащихъ губерній. Но вѣрнѣе всего несообразность эта должна объясняться намѣщеніемъ массы людей для заработковъ изъ губерній нехорошихъ, отчего и образуется избытокъ въ хлѣбѣ для мѣстнаго потребленія.

Указывать въ этихъ губерніяхъ на отдѣльные хлѣбные пункты, куда первоначально свозятся хлѣбъ мелкими торговыми и крестьянами, и гдѣ потомъ скупается и откуда развиваются промышленниками внутренней и внешней торговли, не стоитъ, такъ какъ существующіе центральные хлѣбные рынки, за исключеніемъ Рыбинска, не имѣютъ такого значенія, какое имѣютъ пункты мѣсторожденія металловъ, угля, соли и т. п., и образовались единственно при условіяхъ повсемѣстнаго бездорожья. Эти пункты, находясь обыкновенно въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ торговымъ путямъ, скорѣе могутъ назваться передвижными рынками, зависящими отъ удобства въ сообщеніяхъ, чѣмъ рынками постоянными. Значеніе такихъ рынковъ измѣнится само собою вслѣдствіе проложеніемъ желѣзно-дорожныхъ кратчайшихъ путей, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе обращено будетъ вниманіе на устройство подвижныхъ дорогъ къ желѣзно-дорожнымъ станціямъ, мѣстности коихъ тогда и будутъ действительными и постоянными центральными рынками, куда перенесется вся торговая дѣятельность мелкихъ и крупныхъ хлѣбныхъ промышленныхъ рынковъ.

Удлинять линіи желѣзныхъ дорогъ, прокладывая ихъ чрезъ существующіе рынки, по сѣламъ и ничтожнымъ городкамъ, гдѣ пріютились и гнѣздятся скупщики хлѣба, значило бы жертвовать общими интересами, для отдѣльныхъ лицъ и во вредъ нашей хлѣбной торговлѣ, имѣющей и безъ того двухъ сильныхъ конкурентовъ, Америку и Венгрію.

Поэтому для соображенія при составленіи полной сѣти, нужны не случайные хлѣбные рынки, но самыя мѣстности хлѣбной производительности, которыя съ проложеніемъ чрезъ нихъ желѣзныхъ дорогъ, соединенныхъ съ мѣстами сбыта, обезпечать шло бы развитіе хлѣбной промышленности.

2) По производству льна и льняной стѣжни заслуживаютъ особаго вниманія:

Псковская губернія съ уѣздами: Псковскимъ, Островскимъ, Опочецкимъ, Новоторжскимъ, Порховскимъ и частію Холмскимъ, гдѣ собирается льна болѣе 2,600 т. пуд.; затѣмъ Смоленская, получающая до 1,500 т. пуд.; Вятская до 1 миллион. пудовъ; Владимирская до 840 т. пуд.; Костромская до 800 т. пуд.; Лифляндская до 760 т.; Вологодская до 620 т. пуд.; Минская до 607 т.; Витебская до 560 т.; Ковенская до 500 т. пуд.; Ярославская до 500 т.; Курляндская 150 т.; Виленская 140 т.; Гродненская 80 т.; Черниговская 50 т.; Олонецкая 40 т.; Новгородская 22 т.; Тверская 18 т.; Пермская 13 т. и Архангельская до 12 т. пудовъ, а всего производящая до 10,745 т. пуд. льна и до 1,625

в степной области, и сверх того вывезли много Бессарабск, губерній, Херсонской, Евстафьевской, Подольской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской и земли войска Донскаго, производящих до 700 п. чистейшей дрянной сѣмани, но не лент, выходящей, по земнымъ запасамъ муску Курного качества.

3) Въ губерніяхъ въ которыхъ наиболее развито производство муску и конского волоса, особенно пространство отграниченное на западѣ р. Перевидлою, на югѣ линіею отъ Чернышова въ Днѣпръ чрезъ Глуховъ и Курскъ на Мало-Архангельскъ, Лебедянь и Моршанскъ, на сѣверѣ верховьями Сѣв. Двиги и Волга, а на востокѣ линіею отъ Ржева, Гжатска на Палугу, Брянъ, Рязань до Цып, такимъ образомъ съ пшеничной орizenъ идутъ Орловская губернія, съ главными центрами Орловск, производящая до 1500 п. худ. пеньки и 180 т. худ. сѣмани; Черниговская до 700 т. худ. пеньки и 1500 п. сѣмани; Сумская Курскъ 550 п. худ. пеньки и 800 т. п. сѣмани; Смоленская 400 т. п. пеньки, Митиленская до 100 т. худ. пеньки; Калужская до 405 т. худ. пеньки, и 600 т. п. сѣмани; Тульская 400 т. п. пеньки; Рязанская (степная часть) 200 т. худ. пеньки, и сѣверная уѣзда Тамбовской губерніи, дающая до 500 т. худ. пеньки, а всего въ общей сложности давница до 5 милл. худ. пеньки и до 6 милл. худ. сѣмани.

4) Производство табаку, доходящему сливкомъ до 2½ милл. пудовъ; главными мѣстами производителями должно считать губерніи Черниговскую, Полтавскую, Самарскую, частью Саратовскую и Бессарабск.

Производство табаку особенно развито въ уѣздахъ Соснинскомъ, Конюшенскомъ, Борзенскомъ и Шибинскомъ съ центрами м. Мило, г. Шибань и Колонія Меча Черниговской губерніи, гдѣ собирается сливкомъ до 1000 т. худ.; моговъ въ уѣздахъ Пирятинскомъ, Лодыжскомъ и Романскомъ, сосредоточиваясь около Ромень и мѣстечекъ Хмѣлево и Сребное, гдѣ собирается сливкомъ 600 т. п.; затѣмъ въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, producingъ болѣе 800 т. п. и моговъ въ Бессарабіи въ уѣздахъ Орловскомъ и Сорочинскомъ, гдѣ собирается не менѣе 300 т. худ. При этомъ нельзя не замѣтить, что вълѣдствіе постоянно возрастающаго требованія на табакъ, табачное производство начинаетъ сильно развиваться въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской, Тамбовской, Подольской, Волынской, Таврической, Тульской, Саратовской и Херсонской.

5) Мѣстности, особенно важныя по вывозу въ крайнюю южную часть, идущей частью за границу, а частью на внутреннюю

рынки и фабрики, находятся: въ губерніяхъ Херсонской, Харьковской, Симбирской, Воронежской, Тамбовской и въ Бессарабіи.

Шерстоложное производство этихъ мѣстностей оцѣнивается около 6 милліоновъ рублей.

6) *Производство сала* по преимуществу развито въ Самарской губерніи, гдѣ продукта этого вытѣливается ежегодно на 1,590,000 р., при чемъ въ одномъ городѣ Самарѣ 375 т. пуд. на 1500 т. рублей; затѣмъ въ губерніяхъ: Херсонской съ городами Александрією и ея уѣдомъ, гдѣ готовится на 712 т. р.; Одессою на 276 т. р.; Елисаветградомъ на 180 т. р.; Херсоною на 105 т. р.; Тирасполемъ и ея уѣдомъ на 55 т. р.; а всего на 1328 т. р.; въ Тамбовской, гдѣ главнымъ пунктомъ производства считается Козловъ, выдѣливающий на 466 т. р.; потомъ Моршанскъ на 285 т. р., и Тамбовъ на 162 т. р.; а все производство доходитъ до 1,115,387 руб.; въ губерніи Чересской съ главнымъ пунктомъ Екатеринбургомъ на 513 т. р.; Кунгуромъ на 178 т. и Шадринскомъ на 155 т. р., а всего на сумму слишкомъ 900 т. рублей.

Въ губерніи Екатеринославской, вытѣливающей съ главнымъ пунктомъ Екатеринославомъ на 734 т. р.; въ губерніи Петербургской, выдѣляющей сала на 716 т. р., причемъ собственно въ Петербургѣ на 712 т. р., наконецъ въ губерніяхъ Тульской, производящей на 580 т. р., съ главнымъ пунктомъ Вѣлевымъ на 515 т. р. и Саратовской на 172 т. р. съ городомъ Балашевымъ, въ коемъ вытѣливается слишкомъ на 124 т. р. Вообще же производство выдѣлки сала въ 36 губерніяхъ можно принять въ 2.400 т. пуд. на сумму до 9.400 т. рублей.

Ко второй группѣ производительности, или къ губерніямъ, въ коихъ по преимуществу развито фабричное, заводское и мануфактурное производство относятся:

1) *По машино-строительному дѣлу*, доходящему въ Россіи до суммы 17.250 т. р.,

Губернія Петербургская, производящая слишкомъ на 9,600 т. р., съ главнымъ центромъ Петербургомъ почти на 2½ милл. р. и уѣздами Петербургскимъ и Царскосельскимъ слишкомъ на 6 милліоновъ руб.

Губернія Московская, выдѣливающая на 2,340 т. р., съ главнымъ центромъ Москвою на 2.220 т. р.

Владимірская на 1.440 т. р., съ главнымъ пунктомъ Ковровымъ на 800 т. р.

Костромская на 526 т. р., въ которой все производство сосредоточено въ гор. Костромѣ, и наконецъ

Херсонская на 440 т. р., съ главнымъ пунктомъ Одесса на 422 т. руб.

2) *По глиническому производству*, доходящему въ общей сложности до суммы 5.600 т. руб., въ главнымъ мѣстностямъ принадлежатъ: губ. Московская, выдѣлывающая слипшомъ на 2.600 т. руб., причежъ въ одной Москвѣ на 530 т. рублей и въ Богородскомъ уѣздѣ на 2.900 т. руб.

Губернія Петербургская, гдѣ производство сосредоточено въ одномъ Петербургѣ на сумму до 645 т. руб.

Губернія Владимирская, выдѣлывающая продуктовъ на 456 т. руб., причежъ въ одномъ Шуйскомъ уѣздѣ на 327 т. р.

3) *По сѣчно-сѣльному производству*, доходящему до 3,220 т. руб. замѣчательны: Губернія Московская, гдѣ главная производительность сосредоточена въ Москвѣ, на сумму 470 т. руб.

Губернія Херсонская, съ главнымъ пунктомъ Одессою, выдѣлывающей на 125 т. р.

Губернія Кіевская, съ главнымъ центромъ Кіевомъ, гдѣ производство доходить до 118 т. р.

Губернія Пермская, гдѣ по выдѣлкѣ свѣчь первое мѣсто занимаетъ Екатеринбургъ, производящій почти на 80 т. р.

Губернія Казанская, гдѣ вся производительность сосредоточена въ г. Казани, выдѣлывающей свѣчь на 118 т. р.

4) *По мыловаренному производству*, опредѣляющемуся суммою въ 3.500 т. руб., первое мѣсто занимаетъ губ. Московская, въ которой почти вся выдѣлка происходитъ въ Москвѣ и простирается до 1.090 т. руб.; за нею губернія Херсонская съ городомъ Одессою на 327 т. руб. и Елисаветградомъ на 102 т. р.

Губернія Петербургская, гдѣ въ Петербургѣ и его уѣздѣ выдѣлывается слипшомъ на 260 т. руб. и губер. Лифляндская, съ главнымъ пунктомъ Ригою, на сумму до 222 т. р.

5) *По старинному производству*, доходящему до суммы 6.800 т. р., особенно замѣчательны:

Губернія Петербургская, гдѣ въ одномъ Петербургскомъ уѣздѣ выдѣлывается почти на 3 милл. рублей.

Губернія Московская, съ городомъ Москвою, на 1.900 т. руб. и Серпуховскимъ уѣздомъ на 400 т. руб.

Губернія Казанская, гдѣ вся выдѣлка сосредоточена въ Казани на сумму 638 т. р.

и Губернія Херсонская, гдѣ выдѣлкою занимается Одесса на сумму 348 т. руб.

6) *По сѣчно-сѣльному производству*, доходящему до 2 милл. рублей, главное мѣсто занимаютъ:

Губернія Курская, гдѣ Бѣлгородъ производитъ на 36 т. руб. Бѣлгородскій уѣздъ почти на 500 т. рублей.

Губерніа Московская, гдѣ видѣна производятся собственно въ Москвѣ на 164 т. руб.

Губерніа Киевская, гдѣ все производство сосредоточено въ Киевѣ и доходит до суммы 115 т. руб.

Затѣмъ, въ меньшихъ размѣрахъ, въ сѣверо-восточномъ производствѣ участвуютъ губерніа Пермская, Владимирская, Воронежская, Петербургская, Харьковская, Вологодская, Могилевская, Калужская, Нижегородская, Орловская и Пензенская.

7) По красильному производству, единственному на сумму свыше 6 милл. руб., главнымъ мѣстомъ принадлежатъ Владимирской губерніи, гдѣ въ г. Александровскій и его уѣздѣ производство простирается на сумму свыше 3 милл. руб., затѣмъ Московская губер., гдѣ Москва съ ее уѣздомъ производитъ почти на 1 милл. руб., Рязанская губерніа, гдѣ одинъ городъ Юрковскій затрачиваетъ на 845 т. руб. Красильное производство не чуждо губерніямъ Архангельской, Астраханской, Вязьмской, Вологодской, Воронежской, Гродненской, Нижегородской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пермской, Подольской, Пензенской, Петербургской, Симбирской, Смоленской и Ярославской.

8) По ситцевобельному производству, доходящему въ общей сложности до суммы 82.800 т. руб., главными мѣстами являются:

Губерніа Московская, гдѣ г. Богородскъ съ уѣдомъ производитъ на 5000 т. р. и Москва съ уѣдомъ ситцевомъ на 4200 т. руб.

Губерніа Владимирская, гдѣ Шуя съ уѣдомъ производитъ на 11 милл. руб.

Губерніа Петербургская, гдѣ г. Шлиссельбургъ производитъ на 2.400 т. р. и Петербургъ съ уѣдомъ почти на 1.500 т. р.

Губерніа Тверская, гдѣ г. Тверь производитъ на 1.328 т. руб. и наконецъ

Губерніа Костромская, въ которой Перекотский уѣздъ затрачиваетъ на 619 т. р., а Юржевскій на 28 т. руб.

9) По бумагопрядильному производству, представляющему сумму слишкомъ въ 35 милл. руб., за главными мѣстами должны быть приняты:

Губерніа Московская, гдѣ въ г. Москвѣ и въ уѣздѣ видѣнаместа прижи на 2½ милл. руб.; въ Богородскомъ уѣздѣ на 1.700 т. руб., въ Серпуховскомъ на 1.500 т. р., въ Дмитровскомъ, на 1.400 т. руб. и наконецъ въ Вереьскомъ, Бренинскомъ и Клинскомъ слишкомъ на 1.300 т. руб.

Губерніа Владимирская; въ ней Петровскій уѣздъ производитъ

игольщики на 2.508 т. руб., Владимирская на 1,850 т. руб., Новгородская на 1,850 т. руб., Уфр. Переславль на 1.200 т. р., Меленковский уезд на 1.085 т. р. и Вязниковский сшильцы на 500 т. руб.

Губернія Петербургская, гдѣ въ уѣздахъ Петербурга фабрики выработываютъ сшильцы на 8 милл. рублей.

Губернія Эстляндская, гдѣ фабрики, расположенны въ Валкбургскомъ уѣздѣ, выдѣлываютъ пряжи на 4.700 т. руб.

Губернія Рязанская, гдѣ производительность сосредоточена въ г. Егорьевскѣ, выдѣлываютъ на 1.800 т. руб.

Губернія Ярославская съ городовъ Ярославль на 1.600 т. руб. и Ростовский уѣдомъ на 265 т. руб.

Губернія Тверская, въ которой Тверь выработываетъ на 920 т. р., Вышний-Волочекъ на 510 т. р., и Осташковъ на 56 т. рублей, наконецъ

Губернія Инфляндская, въ коей производствомъ занимается только Рига, выработываетъ на сумму 608 т. руб.

10) По суммарному производству, въ общей сложности доходному же суммѣ 85½ милл. руб., преимущественно относятся губернии:

Московская, въ которой Москва съ уѣдомъ выработываетъ на 3.800 т. руб., Богородскъ съ уѣдомъ на 3.300 т. руб., Дмитровъ съ уѣдомъ на 1.700 т. руб., Бронницы съ уѣдомъ на милл. руб., Серпуховъ съ уѣдомъ на 900 т. руб., а остальные уѣды: Коломенскій, Звенигородскій, Рузскій, Верейскій, Клинскій, Волоколамскій и Подольскій въ совокупности на 1.500 т. руб.

Владимирская, гдѣ Никитинскій уѣздъ производитъ на 4.135 т. руб., Шуя съ уѣдомъ на 3.300 т. р., Меленковский уѣздъ сшильцы на 1 милл. руб., Владимиръ съ уѣдомъ почти на 900 т. р., а затѣмъ Юрьевъ, Ковровъ съ уѣдомъ, Суздаль съ уѣдомъ, Вязниковскій уѣздъ, Переславль и Муромскій уѣздъ всѣ вмѣстѣ сшильцы на 1.200 т. руб.

Петербургская, гдѣ все производство сосредоточено въ Петербурга, на 3,800 т. руб. и его уѣздъ на 1.450 т. рублей.

Костромская, въ коей Кинешемскій уѣздъ выработываетъ на 250 т. руб., Перекучскій на 1.300 т. руб. и Юрьевскій на 283 т. руб.

Тверская въ Тверь и съ уѣдомъ, производящая на 2.000 т. руб. и гдѣ Вышний-Волочекъ работаетъ на 406 т. р., а Калининскій уѣздъ на 10 т. рублей и наконецъ

Губернія Рязанская на 812 т. руб., Калужская на 421 т. р., Ивановская на 84 т. р. и Вятская на 71 т. руб.

11) По количеству произведеннаго, гдѣ даже такъ сказать

подготовленности въ дальнѣйшей переработкѣ и гдѣ выработка въ общей сложности доходитъ до 3,800 т. руб., главными мѣстностями оказываются:

Псковская губернія, въ коей въ одномъ Псковѣ и его уѣздѣ готовится льна слишкомъ на 3 милл. рублей.

Владимірская губернія, гдѣ въ г. Меленки 14 заводовъ выдѣлываютъ на 384 т. р. и наконецъ

Тверская губернія, гдѣ въ городѣ Ржевѣ на 3 заводахъ производство доходитъ до 117 т. руб.

12) По производству полотняному, опредѣляющемуся цифрою въ 3,800 т. р., первое мѣсто принадлежитъ:

Владимірской губерніи, а въ ней городамъ: Мурому на 816 т. р. и Вязникамъ на 707 т. руб.

.. Въ числу не менѣе важныхъ мѣстностей по этой части промышленности относятся губерніи:

Петербургская, гдѣ въ Ямбургскомъ уѣздѣ производство доходить до суммы 580 т. руб. и въ Петербургѣ до 257 т. р.

Костромская, гдѣ г. Нерехта съ уѣздомъ вырабатываетъ на сумму 465 т. руб., Кострома съ уѣздомъ на 210 т. руб. и наконецъ губерніи Архангельская, Витебская, Устюжскій и Грязовецкій уѣзды Вологодской, Рига — Лифляндской, Московская, Тверская и Черниговская.

13) По пенькотрепальному производству, доходящему до 500 т. р., главное мѣсто принадлежитъ Орлу и Сѣвску Орловской губерніи, гдѣ производство доходитъ до 400 т. р.

14) По пенькотрядильному производству, доходящему до 1.200 т. руб., замѣчательны въ Орловской губерніи Брянскъ, выдѣлывающій пряжи на 115 т. руб., и Орель на 49 т. руб.; въ Тверской губ. Ржевъ на 885 т. руб.; и въ Смоленской губ. Рославль на 145 т. р.

15) По канатному производству, цѣнность котораго опредѣляется въ 3.900 т. руб., главное мѣсто принадлежитъ Петербургской губерніи, гдѣ въ одномъ Петербургѣ производство доходить до суммы 1.280 т. руб. и въ Кроунштадтѣ до 426 т. р. затѣмъ

Казанской губерніи, гдѣ въ г. Казани выдѣлывается канатовъ и веревокъ на 827 т. рублей.

Рыбинску въ Ярославской губерніи, производящему на 600 т. руб.; Одессѣ въ Херсонской губерніи, выдѣлывающей на 343 т. руб. и наконецъ губерніямъ Пермской, Екатеринославской и Архангельской.

16) По шерстотрядильному производству, опредѣляемому слишкомъ въ 2 милл. руб., главнѣйшею мѣстностію считается Мо-

спеціал губернія, вырабатывающая почти на 1,800 т. руб., а именно Москва съ уѣздомъ на 1,500 т. руб.; Богородскій уѣздъ на 170 т. руб.; Клинскій на 85 т. руб. и язь остальныхъ Подольскій, Серпуховскій, Можайскій и Звенигородскій вмѣстѣ на 50 т. руб.

17) По сухомятому производству, входящему въ общей сложности до сумми 35,300 т. руб. къ главнымъ мѣстностямъ принадлежать губерніи:

Московская, гдѣ Москва выдѣлываетъ сузонтъ на 5,500 т. руб., Московскій уѣздъ на 812 т. р., Богородскій на 4,250 т. р., Подольскій на 1,500 т. руб. и остальные слишкомъ на 3,700 т. руб.

Гродненская, въ коей Бѣлостокъ выдѣлываетъ болѣе, чѣмъ на 3.100 т. руб.

Симбирская, съ уѣздами Сентилейскимъ на 940 т. руб., Корсунскимъ на 830 т. руб., Симбирскимъ на 630 т. руб., Сызранскимъ на 300 т. руб.

Черниговская, гдѣ въ одномъ Суражскомъ уѣздѣ выдѣлывается на 2.301 т. руб.

Лифляндская, гдѣ въ Перновскомъ уѣздѣ производство доведено до сумми 2,370 т. руб.

Петербургская, съ Ямбургскимъ уѣздомъ, на сумми до 840 т. руб. и Петербургомъ съ его уѣздомъ на 950 т. руб.

Пензенская, въ коей производство доходить до 1.360 т. руб.

18) По шестоткацкому производству, определяемому въ 12.800 т. руб., особенно замѣчательна

Московская губернія, а въ ней Москва съ уѣздомъ, производяще на 10,200 т. руб. и Богородскъ съ уѣздомъ на 875 т. руб.

19) По шалоткацкому производству, входящему въ общей сложности до 6,200 т. руб., главными мѣстностями считаются Богородскъ съ уѣздомъ, вырабатывающій на 2,150 т. руб., Москва съ уѣздомъ на 1,600 т. руб. и Петербургъ съ уѣздомъ, производящій на 850 т. руб.

20) По кожевному производству оцѣняемому въ 15,500 т. р., главными мѣстностями признаются въ губерніяхъ:

<i>Петербургской</i> —Петербургъ, выдѣлывающій кожъ на	2,400 т. р.
<i>Московской</i> —Москва на	1,320 „ „
Звенигорскій уѣздъ	263 „ „
Серпуховскій уѣздъ	218 „ „
<i>Казанской</i> —Казань	1,150 „ „
<i>Тверской</i> —Осташковъ	430 „ „
и Торжокъ	160 „ „
<i>Вятской</i> —Слободской съ уѣздомъ	385 „ „
<i>Пермской</i> —Кунгуръ	370 „ „

Тульской	Тула	450
Рязанской	Васильев	327
Орловской	Волковъ	290
	и Блецъ	198

21) По сабляному производству, доходящему до 1,148 т. руб., главными мѣстностями считаются Московская губер., вырабатывающая на 825 т. руб. и Казанская на 363 т. руб.

22) По писчебумажному производству, опредѣляемому количествомъ въ 5 милл. руб., наибольшее развитіе имѣютъ слѣдующія губерніи:

Петербургская, гдѣ выдѣлывается бумаги почти на 1,300 т. р.

Калужская, въ коей Медыньскій уѣздъ вырабатываетъ на 760 т. руб.

Ярославская, гдѣ въ Угличѣ съ уѣздомъ готовится на 366 т. руб.

Новгородская, гдѣ въ Новгородскомъ уѣздѣ выдѣлывается на 213 т. руб.

Пензенская, гдѣ въ г. Пензѣ на одномъ заводѣ выдѣлывается на 282 т. руб.

Волынская, въ которой въ Заславскомъ уѣздѣ вырабатывается на 267 т. руб.

Московская, гдѣ Богородской уѣздъ производитъ бумаги на 192 т. руб.

Лифляндская, гдѣ Рига и ея уѣздъ производятъ на 187 т. р.

23) По резиновому производству, достигшему суммы 1,467 т. руб., наибѣйшимъ пунктомъ считается Петербургъ, производящій выдѣлѣй слипковъ на 1,326 т. руб.

24) По судовой растительной маслѣ, опредѣляющейся въ 1 милл. 400 т. руб., первое мѣсто занимаетъ Петербургъ, выдѣлывающій на 875 т. руб., за нимъ Саратовъ на 176 т. руб.

25) По сызжно-сахарному производству, опредѣляемому въ 21,300 т. руб., главными мѣстностями признаются губерніи:

<i>Минская</i> на	18,250 т. р.
<i>Подольская</i>	3,675 „ „
<i>Харьковская</i>	3,600 „ „
<i>Черниговская</i>	1,740 „ „
<i>Курская</i>	1,500 „ „

26) По сахарно-рафинадному производству, для котораго изъ Киевской, Волынской и Подольской губерній вывозится на Петербургскія и Московскія фабрики по 500 т. пудовъ, а въ Одессу до 100 т. пудовъ песку мѣстнаго приготовления, и затѣмъ все оставшее количество приобретается изъ заграничя, главными мѣстами выработки считаются губерніи:

Иркутская	00,178	т. р.
Молотовская	8,986	"
Костромская	2,994	"
Вологодская	1,000	"
Подольская	288	"
Курская	93	"
Орловская	92	"
Ахтанинская	42	"
Хирьковская	35	"

Всего на 18,609 т. р.

26) По сведениям за 1869 г. ¹ производство винокурения выражается общою цифрою 24,305.761 ведръ безводнаго спирта, въ главных мѣстностяхъ принадлежатъ губерни:

Воронежская, въпротяженіи мѣзъ складовъ.	1.980,458	в.
Новгородская	1.440,736	"
Карьковская	1.438,130	"
Вятская	1.184,468	"
Подольская	1.174,837	"
Тамбовская	1.032,984	"
Кіевская	1.019,427	"
и Саратовская	978,681	"

Къ губерніямъ, производящимъ спиртъ въ излишество противъ мѣстной надобности и потому снабжающимъ другія губерни, въ немъ нуждающіяся, относятся:

Воронежская отлучившаяся	1.281,326	в.
Новгородская	1.116,400	"
Вятская	806,018	"
Карьковская	658,262	"
Тульская	398,484	"
Нижегородская	383,562	"
Рязанская	365,294	"
Саратовская	325,833	"
Тамбовская	291,898	"
Орловская	246,730	"
Сибирская	226,036	"
Владимирская	205,580	"
Пермская	170,147	"
Подольская	156,465	"
Вазанская	109,719	"
Калужская	83,310	"
Осташковская	62,122	"
Врславская	51,210	"
Мурская	46,005	"
Бурьяндская	35,850	"
Оренбургская и Уфимская	24,294	"
Костромская	15,791	"

Всего 7.061,843 в.

¹ Ежегодникъ М. Ф. выпускъ II. 1871 г. стр. 500—501.

27) Къ мѣстностямъ, гдѣ производится добыча и обработка металловъ, первое мѣсто принадлежитъ Пермской губерніи, къ сожалѣнію слишкомъ удаленной отъ мѣстъ потребления и почти лишенной удобныхъ сообщений. Добыча металловъ во всѣхъ мѣстностяхъ превышаетъ 35 милл. пудовъ и распределяется между губерніями въ слѣдующемъ порядкѣ:

ГУБЕРНІИ.	Мѣдъ.	Чугунъ.	Жѣззо и сталь.	Цинкъ.	Олово.	В С Е Г О.
	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.	Пуды.
Пермская	173,962	11.020,666	6.752,417	—	—	17.947,045
Царство Польское	—	1.880,842	848,993	254,328	—	2.984,163
С.-Петербургская.	—	—	2.585,974	—	—	2.585,974
Уфимская	14,974	1.858,089	668,088	—	—	2.041,101
Вятская	1,148	991,529	1,020,160	—	—	2.012,837
Олонекская... ..	—	1.891,997	2,954	—	—	1.894,951
В. К. Финляндія..	1,941	904,063	641,537	—	1,020	1.548,561
Калужская.....	—	1.078,137	178,487	—	—	1.256,624
Оренбургская....	—	432,178	357,881	—	—	790,059
Владимирская....	—	871,918	235,749	—	—	607,667
<i>Сибирскія губ.</i>						
Томская, Тоболь- ская, Иркутская и Енисейская.....	34,624	235,125	126,162	—	—	395,911
Виленская.....	—	166,864	112,000	—	—	278,864
Тамбовская.....	—	159,069	112,665	—	—	271,734
Рязанская.....	—	154,948	15,158	—	—	170,106
Минская.....	—	100,551	61,400	—	—	161,951
Тульская... ..	—	103,255	—	—	—	103,255
Кавказскій край .	83,883	23,000	3,223	—	—	60,106
Орловская губ...	—	51,484	1,964	—	—	53,448
Новгородская....	—	—	52,298	—	—	52,298
Пензенская.....	—	47,821	812	—	—	48,183
Волынская.....	—	84,682	528	—	—	35,210
Екатеринославская	—	—	26,080	—	—	26,080
<i>Области:</i>						
Забайкальская ...	—	14,823	8,799	—	—	23,622
Акмолинская и Семипалатинская..	20,714	—	—	—	—	20,714
Казанская губернія	154	—	—	—	—	154
Итого....	281,400	21.020,541	13.812,779	254,328	1,020	35.370,068

28) Къ мѣстностямъ, замѣчательнымъ по производству разнаго рода потребностей, слѣдуетъ причислить Кавказскій край, гдѣ въ послѣднее время сильно развивается правильная добыча нефти, получающей весьма важное значеніе во внутренней торговлѣ Россіи.

* См. «Ежегодникъ Министерства Финансовъ» выпускъ III на 1871 годъ.

По свѣденіямъ за 1869 годъ нефти добыто:

въ областяхъ: Терской	28,827 п.
Дажестанской	16,814 „
Кубанской	810,675 „
въ губерніяхъ: Тифлиской	39,780 „
Бакинской	789,633 „

Всего 1.685,229 п.

Къ числу мѣстностей, испытывающихъ *постоянный недостатокъ отъ продовольствія*, не говоря уже о тѣхъ годахъ, когда въ однихъ мѣстностяхъ бывають неурожаи, а въ другихъ гибнеть хлѣбъ отъ саранчи, относятся Великое Княжество Финляндское и 26 губерній, въ которыхъ пополненіе до 2¹/₄ четв. на душу или *недостатокъ* выражается слѣдующими цифрами:

ГУБЕРНІИ.	Недостающее количество четвертей на душу.	НАСЕЛЕНІЕ.	Общее количество недостатка хлѣба въ четвертяхъ.
В. К. Финляндское	0,93	1.848,253	1.714,225
Пермская	0,75	2.173,501	1.630,126
Херсонская	1,07	1.497,995	1.602,851
Екатеринославская	1,20	1.281,482	1.587,778
Московская	0,90	1.678,784	1.510,906
С.-Петербургская	1,24	1.160,930	1.489,553
Астраханская	1,71	573,954	981,490
Харьковская	0,56	1.681,486	941,632
Оренбургская	0,88	840,704	739,196
Вологодская	0,72	974,585	701,701
Черниговская	0,43	1.506,378	647,742
Кавказскій край	0,10	4.583,640	458,364
Архангельская	1,51	275,779	416,446
Новгородская	0,40	1.016,414	406,566
Псковская	0,54	717,816	387,623
Виленская	0,35	973,574	340,750
Витебская	0,38	838,046	318,457
Костромская	0,16	1.101,099	176,176
Тверская	0,11	1.521,577	167,373
Волинская	0,10	1.643,270	164,327
Мянская	0,06	1.135,588	68,135
Казанская	0,04	1.670,337	66,813
Могилевская	0,05	908,858	45,443
Уфимская	0,01	1.297,577	12,976
Калужская	0,01	984,255	9,843
		Итого	16.837,533 ч.

Относя къ потребности варадвато продовольствна потребленіе соли, *недостатокъ* въ ней обнаруживается въ 27 губерніяхъ, а именно:

въ Керсонской на	802,070	ведр.	опри
„ Елигеринославской	772,349	„	„
„ Ставропольской	425,979	„	„
„ Таврической	417,426	„	„
„ Мезенской	412,917	„	„
„ Вологодской	368,522	„	„
„ Киевской	349,813	„	„
„ С. Петербургской	312,719	„	„
„ З. Воево Донская	308,919	„	„
„ Полтавской	286,215	„	„
„ Ковенской	239,468	„	„
„ Могилевской	231,557	„	„
„ Витебской	229,688	„	„
„ Лифляндской	224,619	„	„
„ Минской	166,375	„	„
„ Новгородской	159,328	„	„
„ Самарской	154,890	„	„
„ Бессарабской	149,543	„	„
„ Псковской	143,101	„	„
„ Гродненской	140,134	„	„
„ Астраханской	134,850	„	„
„ Вологодской	108,125	„	„
„ Смоленской	93,765	„	„
„ Виленской	90,958	„	„
„ Черниговской	62, 94	„	„
„ Архангельской	59,814	„	„
„ Тверской	45,257	„	„
„ Олонецкой	36,836	„	„
<hr/>			
Всего 7.008,231		вед. солр.	

Наконецъ какъ на выраженіе *недостатка* по продовольствію солью, который испытываютъ почти всѣ губерніи, за исключеніемъ части Саратовской, Самарской, Таврической и Керсонской, находящихся ближе къ солянымъ промысламъ и губерній Ковенской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, пользующихся привозною солью изъ заграницы, слѣдуетъ указать особенно на губерніи: Новгородскую, Псковскую, Минскую, Могилевскую, Черниговскую, Курскую, Полтавскую, Харьковскую и Бессарабій, гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ цѣна на соль стоитъ выше

и до 20 вѣдъ за пудъ, и сѣбѣ потребление соли, вследствие ея дороговизны, составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и заботливыхъ статей народнаго хозяйства.

Можно упоминуть еще объ одной насущной потребности въ народной жизни, это о дождяхъ, втораго почти лишены губерніи: Харьковская, Таврическая, Воронежская, Саратовская, Харьковская и земля Войска Донскаго, и части губерній Курская, Орловская, Полтавская, Черниговская и Бессарабія.

За сими уже всѣ остальные недостатки, такъ не относящіяся къ основнымъ потребностямъ жизни, могутъ быть причислены только къ общимъ нуждамъ, вызывающимъ производительность той или другой мѣстности смотря по болѣе или менѣе благоприятнымъ условіямъ, въ которыхъ мѣстности находится. Перецислять такія нужды по губерніямъ было бы лишнимъ, такъ-какъ выше сего объяснена главная производительность почти всѣхъ мѣстностей Россіи.

По скотоводству первое мѣсто занимаетъ Сибирь, за тѣмъ Астраханская губернія, земля Войска Донскаго, и губерніи Оренбургская, Таврическая, Курляндская, Эстляндская, Кваторинославская и Самарская. — Всѣ остальные мѣстности могутъ быть раздѣлены на три категоріи: на восточныя и южныя губерніи — гдѣ скотоводство находится въ лучшихъ условіяхъ по отношенію къ восточникамъ; на губерніи смежныя съ ямк. — гдѣ скотоводство въ посредственномъ состояніи, и наконецъ на губерніи западныя — бѣдныя лугами, центральныя — гдѣ фабричная производительность приостановила развитіе скотоводства, и югозападныя — гдѣ, по богатству почвы, не нуждающейся въ удобреніи, скотоводство не составляетъ предмета торговыхъ видовъ населенія.

При общемъ количествѣ скота въ Россіи, а именно:

Лошдей	до	20.107,000 гол.
Рогатаго скота	„	28.545,000 „
Овецъ	„	64.748,000 „
Козъ	„	1.830,000 „
Свиней	„	11.642,000 „

Всего 126.879,000 гол.

Рогатый скотъ для продовольствія закупается на югѣ и востокѣ Россіи, а именно: въ землѣ Войска Донскаго, Новороссійскомъ краѣ Малороссіи, Воронежской, Курской, Ставропольской, Астраханской, Саратовской и Самарской губерніяхъ, въ Оренбургскомъ краѣ, Западной Сибири и части въ Кыргызской степи.

Главныя думетами закупаютъ, въ землѣ Войска Донскаго, — Криворожье, Урюпинская и Раздорская степи; въ Кыргызской

степи — Волхуны, а главными мѣстами сбора скота въ землѣ Войска Донскаго—Казанская станица; въ Екатеринославской губерніи—Ростовъ на Дону; въ Харьковской—Изюмъ; въ Полтавской—Константиноградъ и Пирятинъ; въ Черниговской—Нѣжинъ, за тѣмъ нижнія части Воронежской и Тамбовской губерній, окрестности Саратова и пространство между Бугульмою и Бузулукомъ, въ Оренбургскомъ краѣ.

Количество крупнаго и мелкаго скота, поступающаго на продовольствіе, доходитъ въ общей сложности до 6.000,000 головъ, изъ нихъ крупнаго для Петербурга болѣе 130,000, для Москвы слишкомъ 200,000 и на прочія части Имперіи болѣе 500,000, а за тѣмъ, мелкаго скота не менѣе 5.000,000 штукъ.

Въ продажу за границу въ 1871 г. поступило чрезъ

Порты и пункты.	Маса пудъ.	Быковъ.	Свиней.	Мелкаго скота.
Вѣлаго моря	34,632	—	—	—
Балтійскаго	21,623	701	—	—
Чернаго	1,215	2,284	29	5,047
Сухопутно	8,252	63,609	365,151	96,791
	65,722	66,594	365,180	101,971

513,745 штукъ.

Въ отношеніи мѣстностей, изобилующихъ солью, составляющей продуктъ общаго потребленія народа, можно сазать, что всѣ онѣ болѣе или менѣе удалены отъ центральныхъ губерній, и притомъ состояніи мѣстныхъ дорогъ, несмотря даже на необъятное богатство мѣсторожденій и дешезвизну разработки, снабжаютъ солью до того дорогою, что въ удовлетвореніи народныхъ нуждъ Россіи находятъ выгоднымъ участвовать Англія, Пруссія, Австрія, Португалія, Испанія и даже Китай.

Соленое производство въ Россіи состоитъ изъ трехъ видовъ промысловъ, солеварныхъ, солеосадочныхъ и солякаменныхъ.

Къ первому виду относятся промысла:

Пермскіе, Архангельскіе, Вологодскіе, Славянскіе въ Харьковской губерніи, Валахнинскіе въ Нижегородской и Старорусскіе въ Новгородской губерніи.

Ко второму виду:

Элтонскій, Астраханскіе, Крымскіе, Одесскій или Бульянницкій и три казачьихъ Донской, Кубанскій и Уральскій.

Къ третьему виду:

Илецкій и Чигачинскій.

Пермскіе промысла находятся въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Къ нимъ принадлежатъ Новоусольскіе, Ленвенскіе, Дедюхинскіе и Соликамскіе.

Добыча соли на этих промыслах въ 1869 г. простиралась:

На Усольскихъ	3.972,321 п.
„ Ленвенскихъ. „	3.907,004 „
„ Дедюхинскихъ „	2.063,204 „
„ Соликамскихъ „	1,018,540 „

Итого. . . 10.961,069 п.

Соль Пермская только въ количествѣ 300,000 пудовъ идетъ гужемъ въ Пермскую, Вятскую и Вологодскую губернии, все остальное количество сплавляется по Камѣ и доставляется:

Въ Пермскую губернію въ количествѣ.	581,264 п.
„ Вятскую	1.149,647 „
„ Нижній Новгородъ	4.717,388 „
„ Чистополь Казанской губерніи . .	23.200 „
„ Усть-Сысольскъ Вологодской губ.	1,390 „

9.781,900 п.

Изъ Нижняго и Рыбинска соль развозится на продовольствіе губерній: Владимірской, Костромской, Ярославской, Московской, Тамбовской, Калужской и Рязанской, отчасти въ Нижегородскую, Тульскую, Орловскую, Смоленскую, Новгородскую и даже до Тамбова и Щигровскаго уѣзда Курской губерніи, а изъ Вятской губерніи идетъ до Печерскаго края, въ Олонецкую губернію до границы Архангельской и частію въ Финляндію.

Затрудненія, встрѣчаемыя при провозѣ Пермской соли, дѣлаютъ то, что соль при средней цѣнѣ своей во время добычи, около 10 коп. за пудъ, при акцизной платѣ въ 30 коп. и пощудной отъ 1½ до 4 коп., а всего около 43 до 45 коп., доходить въ продажѣ, даже въ ближайшей Вятской губерніи, до 70 к. за пудъ, въ Московской свыше 70 коп., въ Смоленской до 85 коп. и болѣе, а въ Калужской до 1 руб. за пудъ.

Архангельская соль добывается въ уѣздахъ Архангельскомъ на промыслахъ Ненокскомъ, Ундскомъ и Лундскомъ; въ Пинежскомъ на Кулайскомъ и въ Онежскомъ на Владыченскомъ.

Промыслы эти въ 1869 году дали:

Ненокскій	70,272 п.
Кулайскій	8,111 „
Владычинскій	10,518 „
Ундскій	25,967 „
Лудскій	6,426 „
Поморскіе по Вѣлому морю между рр.	
Камью и Онегою	8,318 „

Итого 129,612 п.

Выварка этой соли обходится около $16\frac{2}{3}$ коп. съ пуда, а съ акцизомъ въ 10 коп. и попудною платою въ 1 коп. около 28 коп. или 30 коп.,—и все количество соли расходуется преимущественно въ Архангельской губерніи.

Вологодская соль получается съ трехъ солеваренныхъ заводовъ: Тотемскаго, на берегу р. Сухоны, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Тотьмы, Леденгскаго въ 35-ти верстахъ отъ Тотьмы и Сереговскаго въ 107 верстахъ отъ г. Яренска.

На этихъ трехъ заводахъ въ 1869 году выварено соли:

Тотемскомъ . . .	134,440 п.
Леденгскомъ. . .	153,735 „
Сереговскомъ . . .	237,599 „

Итого 525,774 п.

Соль преимущественно идетъ на мѣстное потребленіе.

Если-же и вывозится за предѣлы губерніи, то въ незначительномъ количествѣ, всего до 70,000 пудовъ, изъ нихъ въ уѣзды Галицкій, Кологривовскій и Чухломскій Костромской губерніи до 30,000 пудовъ; въ Бѣлозерскій и Кирилловскій уѣзды Новгородской губерніи до 35,000 пудъ, остальное въ Пинежскій уѣздъ и Печорскій край Архангельской губерніи отъ 1 до 2,000 пудъ.

При 20 копеечномъ акцизѣ и попудной платѣ въ 1 коп., считая выварку не дороже $16\frac{2}{3}$ коп., пудъ соли на мѣстѣ не превышаетъ 38 коп., между тѣмъ соль въ Вологодской же губерніи продается отъ 48 до 55 коп., въ Новгородской отъ 65—70 коп. въ Архангельской отъ 60—65, а въ Печорскомъ краѣ отъ 75 до 1 руб. за пудъ.

Соль славянская получается изъ варницъ около г. Славянска, въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, и не превышаетъ количествомъ 250,000 п. Въ 1869 году ее добыто 244,673 п.

Расходуется она главнымъ образомъ въ уѣздахъ Изюмскомъ, Зміевскомъ, Купянскомъ, Старобѣльскомъ и Волчанскомъ Харьковской губерніи, затѣмъ проникаетъ: на югъ въ Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды Екатеринославской губерніи,—на сѣверъ до Курскаго уѣзда Курской губерніи и на востокъ—въ Валуйскій уѣздъ Воронежской губерніи.

Соли этой вывозится:

въ Курскую губернію до . . .	127,000 п.
„ Харьковскую . . . „ . . .	76,000 „
„ Воронежскую . . . „ . . .	25,000 „
„ Екатеринославскую „ . . .	10,000 „

При акцизѣ въ 30 коп., поудной платѣ въ $1\frac{1}{2}$ коп. и стоимости выварки въ 16 коп., а всего 48 коп., соль продается:

въ Курской губерніи	отъ 70 к. до	80 к. за пуд.
„ Харьковской . . .	48 „ „ 1 р.	„
„ Воронежской . . .	80 „ „	85 к. „
„ Екатеринославской	„ 55 „ „	70 „ „

Со.ъ Балахнинская вываривается близъ г. Балахны въ $33\frac{3}{4}$ верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Добыча въ 1869 году доходила до 78,360 пудъ, но были годы какъ напр. 1867, когда количество выварки простиралось до 192,000 пуд.

Соль эта идетъ частію на продовольствіе Балахнинскаго уѣзда, частію же вывозится по Волгѣ и искусственнымъ воднымъ путямъ въ Вышневолоцкій и Осташковскій уѣзды Тверской губерніи и въ Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи.

Незначительное количество ея продается въ Москвѣ и Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

Продажная цѣна Балахнинской соли въ Осташковскомъ и Тверскомъ уѣздахъ отъ 67 до 78 коп., въ Бѣлозерскомъ отъ 65 до 70 к., въ Москвѣ и Богородскомъ уѣздѣ отъ 72 до 75 коп.

Соль Старорусская вываривается близъ Старой Руссы, въ Новгородской губерніи. Добыча въ 1869 году доходила до 120,438 п.

Изъ этого числа около 60,000 пуд. расходуется въ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Крестецкомъ и Демьянскомъ уѣздахъ Новгородской губерніи, остальное затѣмъ количество вывозится, около 25,000 пудъ, въ Псковскую губернію, преимущественно въ Торопецкій и Холмскій уѣзды; 20,000 пуд. въ Вышневолоцкій уѣздъ Тверской губерніи и ничтожное количество въ Смоленскую и Петербургскую губерніи.

Цѣны на эту соль, благодаря способамъ сообщенія доходятъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ до 90 коп. за пудъ, въ Вышневолоцкомъ до 76 коп., въ Демьянскомъ до 1 руб., а въ Старорусскомъ, самомъ ближайшемъ къ добычѣ отъ 75 до 80 к. за пудъ.

Элтонская самосадочная соль получается изъ озера Элтона въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, въ 132 верстахъ отъ Николаевской слободы, находящейся противъ Камышинскихъ складовъ, и въ 237 вер. отъ Саратова. Элтонское озеро принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ соленыхъ озеръ въ Россіи. Площадь его почти въ 200 квад. верстъ.

Добыча соли не трудная, обходится около $5\frac{3}{4}$ коп. съ пуда, такъ что вмѣстѣ съ акцизомъ въ 30 коп. и арендную платою по 1 коп. съ пуда, соль на мѣстѣ не превышаетъ цѣны 36—37 коп. за пудъ, но перевозка ея отъ 0,06 до 0,075 коп. съ

*

пуда и версты до Волги и дальнѣйшая развозка по губерніямъ дѣлаетъ и эту соль далеко не общедоступною.

Добыча Эльтонской соли въ пятилѣтіе съ 1865 по 1869 годъ въ общей сложности простиралась до 20.134,766 пудъ или среднимъ числомъ болѣе 4.000,000 пудъ въ годъ.

Главные склады соли на Волгѣ въ Саратовѣ, Камышинѣ, Симбирскѣ, Сызрани, Казани, Чебоксарахъ и Нижнемъ-Новгородѣ. Продажныя цѣны на соль въ этихъ складахъ доходятъ:

въ Саратовѣ отъ	47 до 52 к.
„ Симбирскѣ отъ	50 до 65 „
„ Казани и Нижнемъ отъ,	50 до 52 „

Къ мѣстамъ, снабжаемымъ исключительно одною Эльтонскою солью, причисляются: Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи; Царицынскій, Камышинскій и Балашовскій уѣзды Саратовской губерніи, Борисоглѣбскій—Тамбовской, Новохоперскій—Воронежской,—и узкая полоса по лѣвому берегу Волги отъ Астраханской губерніи почти до г. Самары. На западъ она проникаетъ въ западные уѣзды Тамбовской и Воронежской губерній, и встрѣчается съ Крымскою солью въ губерніяхъ Курской, Орловской, Тульской и Рязанской,—и наконецъ идетъ въ небольшомъ количествѣ въ Усть-Медвѣдицкую ст. Земли Войска Донскаго.

Астраханская соль преимущественно получается изъ двухъ главныхъ озеръ Баскунчакскаго и Батырбека.

Баскунчакское озеро, имѣющее площадь въ 112³/₄ кв. версть, находится въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи въ 50 верстахъ отъ Волги, а озеро Батырбекъ далѣе въ степи въ 75 верстахъ отъ Баскунчака.

Добыча соли вообще въ Астраханскихъ озерахъ, въ 1869 году, доходила до 4.216,364 пуд.

При акцивной платѣ въ 30 коп., поудной 1 коп., и за добычу отъ 1,8 до 2 коп. съ пуда, т.-е. при цѣнѣ до 34 коп., соль на мѣстныхъ Воложскихъ пристаняхъ продается отъ 37¹/₂—39 к., на мелководныхъ пристаняхъ отъ 34 до 36 к., въ Казани 48 к. и въ Нижнемъ отъ 48¹/₂ до 52 коп. за пудъ. По качеству Баскунчакская соль одна изъ самыхъ лучшихъ. Вывозка ея къ Волгѣ обходится по 0,14 коп. съ версты и пуда. Соль вывозится исключительно вверхъ по Волгѣ и преимущественно въ Нижній Новгородъ и Казань, но большая часть отъ 2 до 2¹/₂ милл. пудовъ идетъ на мѣстныя рыболовныя заведенія.

Крымская соль получается изъ нѣсколькихъ группъ соленыхъ озеръ. Къ группамъ этимъ относятся: Перекопская, Геническая,

Бердянско-Теодосійская, Евпаторійская, Кинбурнская и Бердян-
ская,—оставленная безъ разработки.

По свѣдѣніямъ за 1869 годъ добыча изъ пяти группъ до-
ходовъ:

въ Перекопской	до	3.367,455 п.
„ Генической	„	452,555 „
„ Керченской	„	446,022 „
„ Евпаторійской	„	2.223,070 „
„ Кинбурнской	„	2.777,594 „
На казенныхъ источникахъ, отданныхъ въ долгосрочное содержаніе, въ тѣхъ же группахъ		3.469,747 „
На частныхъ источникахъ		721,571 „

Итого. 13.457,964 п.

При активной платѣ 30 к., поудной 1 к. и за добычу отъ
0,9 к. до 2 к., смотря по меньшимъ или большимъ трудностямъ
при разработкѣ и подвозкѣ въ бугры,—соль на мѣстѣ обходится
отъ 31,9 до 33 к.,—продается же изъ бугровъ:

За пудъ.

въ Перекопскихъ группахъ отъ	33,9 до 41 к.
„ Керченскихъ	35,9 — 39 „
„ Евпаторійскихъ	34,9 — 38 „
„ Теодосійскихъ	35,9 — 39 „
изъ складовъ:	
въ Евпаторіи	36 до 40 „
„ Керчи	40 — 42 „
„ Теодосіи	40 — 43 „
„ Симферополь	48 — 51 „
„ Севастополь	48 — 58 „

При вывозѣ ея за предѣлы полуострова цѣна измѣняется и
колеблется

въ Переколѣ	отъ 33 до 39 к.
„ Геническѣ	— 40 „
„ Одессѣ	42 — 43 „
„ Николаевѣ и Херсонѣ	45 — 50 „
„ Бердянскѣ	около 45 „
„ Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону	44 до 48 „
„ Крюковѣ, Кременчугскомъ и Кобелякскомъ уѣздахъ Пол- тавской губерніи	53 — 67 „
въ остальныхъ уѣздахъ Полтав- ской губерніи и въ сосѣднихъ губерніяхъ отъ	75 — 1 р.

въ губерніяхъ Минской, Могилевской, Курской и Орловской
даже до

1 „ 20 к.

Крымскою солью пользуются слѣдующія губерніи:

Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, Сессарабія, Каменецъ-Подольская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилевская, Черниговская, Киевская, Полтавская, Харьковская, большая часть Воронежской, отчасти Орловская и Курская. Соль проникаетъ въ Новосильскій и Ефремовскій уѣзды Тульской губерніи и Міуской округъ земли Войска Донскаго.

Главные склады Крымской соли находятся:

въ Крюковѣ	на	1.200,000 п.
„ Ростовѣ на Дону „	„	1.000,000 „
„ Таганрогѣ	„	700,000 „
„ Николаевѣ	„	600,000 „

Хотя возвышеніе стоимости соли во внутреннихъ губерніяхъ, отчасти и зависить отъ перепродажи ея, такъ что нерѣдко потребители приобретаютъ соль изъ четвертыхъ рукъ, причеиъ каждый изъ продавцевъ пользуется барышемъ, но нельзя не сказать, что главною причиною этого возвышенія все таки остаются частію вовсе неустроенные пути сообщенія, а частію излишняя длина желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ мѣсторожденіе соли съ мѣстами потребленія, между тѣмъ какъ крымская соль которую можно добывать ежегодно въ количествѣ до 65 милл. пудовъ, при кратчайшихъ и удобныхъ путяхъ, понижающихъ стоимость провоза, навсегда прекратила бы ввозъ заграничной соли въ Россію.

Соль *Одесская и.и. Куяльницкая* добывается въ 8 ворстахъ отъ Одессы въ Куяльницкомъ лиманѣ. Запасъ соли въ лиманѣ опредѣляютъ въ 150 милл. пудовъ. Добыча въ 1869 году простиралась до 2,033,842 п., но по пятилѣтней сложности съ 1865 по 1869 г., въ каковомъ періодѣ добыто 15,495,845 пудовъ, добычу эту можно принимать до 3 миллионъ пуд.

При акцизѣ въ 30 коп. и средней попудной платѣ отъ 3 до 3½ коп. Куяльницкая соль продается оптомъ на лиманѣ отъ 36 до 40 коп. за пудъ, въ Анапьевскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ она стоитъ отъ 50 до 58 коп. въ ближайшихъ къ Одессѣ уѣздахъ Бессарабской области отъ 60 до 70 коп. въ дальнихъ отъ 70 до 80 коп.; въ Подольской губерніи отъ 80 до 90 коп. (въ Каменецкомъ уѣздѣ даже отъ 1 р. 5 до 1 р. 20) въ Крюковѣ куда вывозится до 800 т. пуд. отъ 60 до 70 коп., въ Екатеринославѣ

По свидѣніямъ изъ официальной записки председателя Губери. Земской Управы г. Иваненко. 1869 г.

отъ 70 до 75 коп., въ Кіевской отъ 70 до 85 к., въ Минской отъ 80 до 90 коп.

Одесскій соляной промыселъ причисляется къ важнѣйшимъ въ государствѣ.

Соляной промыселъ въ Донской области находится въ долинѣ р. Маныча. Соли добыто въ 1869 году 706,887 пудовъ.

Главные склады въ г. Новочеркасскѣ и въ станицахъ Аксайской, Романовской и Качалинской. Вывозъ соли за предѣлы войсковой земли воспрещенъ. Соль на озерахъ продается по 11¼ и по 14 коп. за пудъ (со включеніемъ акциза), а изъ соляныхъ магазиновъ по 25 коп. за пудъ. Цѣна частной соли, т. е. добытой изъ озеръ съ уплатою въ войсковую казну 6 к. за пудъ, доходить при озерахъ отъ 8½ до 9 коп., а по станицамъ отъ 20 до 25 коп.; въ самыхъ же отдаленныхъ станицахъ отъ 35 до 50 коп. за пудъ. Качество соли вообще неудовлетворительно.

Соль казаковъ Кубанской области добывается по побережью Азовскаго моря въ Бейсутскомъ и Ахтарскомъ заливахъ и на полуостровѣ Тамани.

Добыча соли въ 1869-мъ году простиралась до 103,946 пудъ, но по пятилѣтней сложности съ 1865 по 1869 годъ среднее количество добычи доходило до 251,754 пудовъ.

Соль обходится войсковой казнѣ при добычѣ, — отъ 5 до 10 коп. за пудъ; идетъ на рыбосоляныя заведенія при устьѣ р. Кубани и на берегу Азовскаго моря, и, за недостаткомъ для мѣстнаго потребленія, пополняется Крымскою солью, которая, при безъакціонной продажѣ для войска, совершенно вытѣснила мѣстную соль въ округахъ Ейскомъ, Томанскомъ и Еваторинодарскомъ.

Соль Уральская получается изъ озеръ Индерскаго и Грязнаго въ Киргизской степи. Первое находится въ 390 верстахъ отъ Уральска и имѣетъ площадь въ 112 кв. верстъ; второе, въ 15 верстахъ на востокъ отъ Гурьева. Соль изъ обоихъ озеръ не вывозится за предѣлы войсковой территоріи. Въ 1869 г. Уральской соли добыто было 716,910 пудъ.

Мѣсторожденіе Илецкой каменной соли находится у города Илецка, въ 68 верстахъ къ Югу отъ г. Оренбурга.

Объемъ залежи по приблизительному разсчету доходить до 51 милліона кубическихъ сажень.

Въ 1869 году этой соли было добыто 985,150 пудовъ. Соль продается на мѣстѣ по средней цѣнѣ 30¼ коп. за пудъ, за чертою промысла по вольнымъ цѣнамъ. Районъ, снабжаемый солью изъ Илецка, представляетъ четырехугольникъ, ограниченный

слѣдующими линиями: на востокъ отъ Орска на Златоустъ; на сѣверъ отъ Златоуста чрезъ Бирскъ на Чистополь; на западъ, отъ Чистополя на Симбирскъ, Самару и Николаевъ и на югъ — отъ Николаева чрезъ Уральскъ, Илецкъ, Оренбургъ на Орскъ. Такимъ образомъ въ этотъ районъ входятъ: 1) почти вся Самарская губернія, за исключеніемъ Новоузенскаго уѣзда, пользующагося частію озерною солью съ Волги, частію Киргизскою изъ Уральской области, 2) Уфимская губернія, за исключеніемъ сѣверной части Мензелинскаго уѣзда, 3) Чистопольскій уѣздъ и часть Спаскаго—Казанской губерніи, 4) сѣверная часть земли Уральскаго-казацкаго войскъ и западная, до-Уральская часть Оренбургской губерніи. Незначительныя количества Илецкой соли отправляются въ г. Симбирскъ и Симбирскій уѣздъ, въ г. Пензу и Городище Пензенской губерніи, въ Верхотурскій, Екатеринбургскій и Шадринскій—Пермской губерніи.

Перевозка соли въ Оренбургъ обходилась въ 1869 году отъ 5 до 7 коп. съ пуда или по 0,09 коп. съ пуда и версты, до Самары отъ 18 до 35 коп., въ Бугульму 30 коп., въ Бузулукъ отъ 15 до 20 коп., въ Стерлитамакъ и уѣздъ отъ 8 до 12 коп., въ Уфу отъ 18 до 25 коп. за пудъ.

Продажная же цѣна соли была въ Оренбургѣ и уѣздѣ отъ 30 до 40 коп., въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ отъ 45 до 55 коп., въ Уфимскомъ отъ 65 до 70 коп., въ Бирскомъ отъ 65 до 90 коп., въ Мензелинскомъ отъ 65 до 90 коп., въ Бузулукскомъ отъ 53 до 68 коп., въ Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ отъ 40 до 45 коп., въ Самарѣ отъ 60 до 75 коп., въ г. Николаевскѣ отъ 60 до 65 коп. въ Симбирскѣ отъ 70 до 80 коп., въ Чистополѣ отъ 85 до 90 коп., и по той же цѣнѣ въ Верхотурскомъ, Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ Пермской губерніи.

Чипчачинское мѣсторожденіе каменной соли находится въ Енотаевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи въ 85 верстахъ по прямому разстоянію отъ Волги.

Оно образуетъ холмистую возвышенность въ 72,3 фута высоты надъ степью. Добыча соли обходится при употребленіи пороха для отдѣленія массъ въ 0,8 до 0,9 коп. за пудъ, безъ употребленія пороха въ 1,8 коп. съ пуда.

Соли этой добыто въ 1869 году 336,522 пуд. Чипчачинская соль идетъ на рыболовныя заведенія самихъ соледобытателей, и частію вывозится вверхъ по Волгѣ въ Самарскую, Симбирскую и Казанскую губерніи, гдѣ при акцизной платѣ 25 коп. съ пуда, продается по 37—39 коп. за пудъ.

Если обратить вниманіе на то, что перевозка Чипчачинской

соли отъ мѣста добычи до селъ Харабали и Сасысколь на р. Ахтубѣ, гдѣ соль складывается на время до погрузки на суда, обходится за 75 верстъ по 6 коп. съ пуда или по 0,08 коп. съ пуда и версты,—что со спадомъ воды въ Волгѣ, когда въ короткій промежутокъ времени должны нагружаться суда, за подвозку къ нимъ соли вновь платится по 1½ коп. съ пуда, и что наконецъ чего нибудь да стоитъ перевозка отъ Ахтубы вверхъ по Волгѣ хотя до Самары, становится яснымъ, что Чинчачинскіе промыслы, едва покрывая расходы солепромышленниковъ, въ настоящемъ своемъ положеніи не могутъ считаться важными для Россіи.

Сведя общій итогъ солянаго производства въ Европейской Россіи, оказывается, что количество соли, требующее передвиженія съ мѣстъ добычи къ мѣстамъ потребленія доходитъ

Выварной до	10.880,757 п.
Самосадочной до	25.431,967 „
Каменной до	1.321,672 „

Итого 37.634,396 п.

Къ мѣстностямъ, избыточнымъ каменно-угольнымъ топливомъ, составляющимъ одну изъ главныхъ потребностей для Россіи съ проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ и развитіемъ въ ней заводскаго и фабричнаго производства, относятся каменно-угольные бассейны: *Донецкій*, въ землѣ Войска Донскаго; *Подмосковный*, въ Тульской, Калужской и Рязанской губерніяхъ; *Елисаветградскій*, въ Киевской и Херсонской губерніяхъ; *Уральскій*, въ Пермской губерніи, и бассейнъ *Царства Польскаго*.

Донецкій бассейнъ, занимая самую большую площадь, именно въ 7,760 кв. верстъ, имѣетъ собственно подъ каменнымъ углемъ 6,515 кв. верстъ, и подъ антрацитомъ 1,245 кв. верстъ. При добычѣ угля въ западной части Донецкаго края, даже по 50 милліоновъ пудовъ въ годъ, залежь эта можетъ удовлетворять требованію въ теченіи 24,878 лѣтъ, изъ нихъ собственно каменный уголь въ продолженіи 20,221 года, а антрацитъ въ 4657 лѣтъ¹. Бассейны Подмосковный, Киево-Елисаветградскій и Уральскій вполнѣ еще не изслѣдованы, хотя въ нихъ уже начата разработка.

Общій результатъ добычи въ 1869 году выражается въ слѣдующемъ видѣ².

¹ «Описаніе западной части Донецкаго каменно-угольнаго края». Горныхъ инженеровъ Носова 1 и 2, 1869 г., стр. 32.

² «Ежегодникъ министерства финансовъ», выпускъ III, на 1871 годъ, стр. 332—335.

БАССЕЙНЫ.		Антра- цитъ.	Каменный Горючій уголь.	сланецъ.
I. Донецкій		11.089,248	2.286,989	—
II. Подмосковный	въ Тульской губ.	—	8.363,080	—
	» Калужской »	—	59,795	—
	» Рязанской »	—	3,000	—
III. Киево-елисаветградскій	» Киевской »			90,540
	» Херсонской »	не дѣйствовать.		
IV. Уральскій	» Пермской »	—	604,214	—
V. Царства Польскаго		—	17.693,064	535,394
		11.089,248	24.010,142	625,934
		35.725,264 п.		

Кромѣ того, каменный уголь открытъ на *Кавказъ въ Кузнецкомъ бассейнѣ* Томской губерніи, въ бассейнѣ *Кирильской степи* въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ бассейнѣ *Туркестанскаго края* въ Сырь-Дарьинской области, близъ Ходжента. Всѣ эти бассейны въ общей сложности дали въ 1869 году каменнаго угля 811,364 п. и горючаго сланца 170,000 пудъ.

Опредѣливъ мѣстности наибольшей производительности, пункты особой важности для военнаго вѣдомства, мѣстности наибольшаго развитія скотоводства, мѣста добычи соли и топлива, наконецъ, мѣстности, гдѣ населенія испытываютъ постоянный недостатокъ въ продовольствіи, намъ остается еще разобрать сравнительное значеніе нашихъ портовъ и пограничныхъ таможенъ, какъ главныхъ пунктовъ нашей внѣшней торговли. Въ этомъ случаѣ, конечно, лучшимъ матеріаломъ служатъ отчеты министерства финансовъ по департаменту таможенныхъ сборовъ, изъ коихъ мы и воспользуемся послѣднимъ за 1871 годъ.

Приведа всѣ количества отпускныхъ и ввозныхъ товаровъ по этому отчету, въ пуды, такъ какъ для соображенія по желѣзнымъ дорогамъ не столько важны стоимость, сколько вѣсъ товаровъ, мы получимъ слѣдующую таблицу.

	Отпускная торговля. Ввозная торговля.	
	П у д н.	П у д н.
<i>Порты.</i>		
Бѣлаго моря	7.439,605	807,454
Балтійскаго	75.204,306	27.570,917
Азовскаго	66,292,744	2.312,920
Чернаго	63.679,388	6.712,050
<i>Сухопутныя границы.</i>		
Прусская	32.135,832	16.406,844
Австрійская	8.498,624	3.532,334
Придунайскихъ княжествъ	1.966,700	132,630
	255.217,199 ¹	57.475,149

¹ Въ расчетъ не принята отправка хѣса, производимая большею частію слявомъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ.

Соединя количества отпускной и ввозной торговли по портамъ и пограничнымъ пунктамъ, общая цифра вѣншей торговли выразится въ слѣдующемъ видѣ:

Балтійское море	102.775,223 п.
Черное „	70.391,438 „
Азовское „	68.605,664 „
Прусская граница	48.542,676 „
Австрійская „	12.030,958 „
Бѣлое море	8.247,059 „
Придунайская граница.	2.099,330 „

Всего 312.692,348 п.

Отдѣльное же значеніе портовъ и болѣе важныхъ пунктовъ въ отношеніи къ вѣншей торговлѣ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

ПУНКТЫ.	Отпускная торговля.	Провозная торговля.
	П у д н.	П у д н.
<i>Балтійское мор.</i>		
<i>Порты.</i>		
Петерб. и Кронштадт.	56.098,277	17.538,228
Нарвскій	203,009	635,368
Кундскій	95,030	—
Ревельскій	1.669,040	950,104
Балтійскій	549,265	21,626
Галсальскій	116,891	17,317
Дагенскій	7,536	4,488
Арисбургскій	90,455	18,543
Перновскій	1.598,404	306,744
Рижскій	22.880,222	7.594,702
Виндавскій	561,911	59,890
Либавскій	1.324,266	423,907
<i>Черное море.</i>		
<i>Порты.</i>		
Одесскій	53.824,537	6.673,288
Акерманскій	110,954	—
Николаевскій	8.464,474	24,946
Евпаторійскій	404,187	3,332
Севастопольскій	12,225	3,737
Феодосійскій	863,011	3,746

ПУНКТЫ.	Отпускная торговля.		Привозная торговля.	
	П у д н.		П у д н.	
<i>Азовское море.</i>				
<i>Порты.</i>				
Керченскій	609,393		45,406	
Геническій	1.394,466		31	
Бердянскій	10.398,385		91,544	
Мариупольскій	9.445,523		14,880	
Таганрогскій	18.739,119		1.976,731	
Ростовскій	23.090,343		180,726	
Ейсскій	2.531,123		6,599	
Темрюжскій	84,381		—	
<i>Бѣлое море.</i>				
<i>Порты.</i>				
Архангельскій ¹	7.408,231		655,978	
Онежскій	19,718		83,788	
Сумскій	5,037		46,309	
Сорожскій	5,899		14,715	
Кемскій	720		6,662	
<i>Прусская граница.</i>				
Юрбургъ	3.771,799		3.793,568	
Варшава	2.656,236		4.392,913	
Верхболово	4.867,053		—	
Александровскъ	3.100,621		856,581	
Нешава	8.811,634		1.763,203	
Сосновицы	2.088,686		727,688	
<i>Австрійская граница.</i>				
Граница	—		928,149	
Радзивиловъ	1.636,100		210,311	
Волочискъ	1.318,538		82,466	
Гусятинская	1.340,871		45,299	
Новоселицы	1.864,396		100,641	
<i>Дунайская граница.</i>				
Скуляны	514,524		88,973	
Болгары	668,575		4,465	
Нѣмецкая	675,993		4,437	

Пункты эти, по сравнительному количеству отпуска и привоза товаровъ, могутъ быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Петербургскій и Бронштадтскій портъ	73.636,505 п.
Одесскій п.	60.497,825 "
Рижскій п.	30.474,924 "
Ростовскій п.	23.271,069 "
Таганрогскій п.	20.715,850 "
Нешава	10.674,837 "

Бердянскій п.	10.489,927 "
Мариупольскій п.	9.460,403 "
Николаевскій п.	8.489,420 "
Архангельскій п.	8.064,209 "
Юрбургъ	7.565,367 "
Вержолово	7.147,782 "
Варшава	7.049,149 "
Александровскъ	3.957,202 "
Сосновицы	2.816,374 "
Ревельскій п.	2.619,144 "
Ейскій п.	2.537,722 "
Новоселицы	1.965,037 "
Перновскій п.	1.905,148 "
Радзвильовъ	1.846,411 "
Либавскій п.	1.748,173 "
Волочискъ	1.401,004 "
Геническій п.	1.394,497 "
Гусятинская с.	1.386,170 "
Граница	982,149 "
Феодосійскій п.	866,757 "
Нарвскій п.	838,377 "
Нѣмценская с.	680,430 "
Болгары	673,040 "
Керченскій п.	654,799 "
Виндавскій	621,801 "
Скуляны	603,497 "
Балтійскій п.	507,891 "
Евпаторійскій п.	407,519 "
Гапсальскій п.	134,208 "
Арсбургскій п.	108,998 "
Онежскій	103,506 "
Акерманскій п.	100,954 "
Кундскій	95,030 "
Темрюкскій п.	84,381 "
Сумскій	51,346 "
Сорокскій п.	20,614 "
Севастопольскій п.	15,962 "
Дагенскій п.	12,024 "
Кемскій	7,382 "

Такимъ образомъ изъ всѣхъ данныхъ, собранныхъ для ссображенія въ начертанію полной сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, оказывается:

а) Что въ торговых оборотахъ вообще, участвуютъ безъ исключенія всѣ губерніи Россіи;

б) Что къ главнымъ центрамъ производительности, куда изъ разныхъ мѣстъ стекаются необдѣланныя произведенія, и откуда потомъ развозятся по всей Россіи выдѣланные товары, принадлежать губерніи: Московская, Петербургская и Владимірская, при чемъ отдѣльными пунктами и мѣстностями наибольшей важности слѣдуетъ считать: Москву, съ уѣздами: Богородскимъ, Московскимъ и Дмитровскимъ; Петербургъ—съ Петербургскимъ, Царскосельскимъ и Шлиссельбургскимъ уѣздами; уѣзды Шуйскій и Покровскій Владимірской губерніи; Кинешемскій Костромской губерніи; и Везенбергскій уѣздъ Эстляндской губерніи; г. Ригу; Егорьевскій уѣздъ Рязанской губерніи; гг. Серпуховъ, Тверь, Казань и др.;

в) Что къ главнымъ пунктамъ по внутренней торговлѣ принадлежать: Нижній-Новгородъ, Кіевъ, Саратовъ и Самара, а къ мѣстностямъ по желѣзному производству Пермская губернія; по хлѣбной торговлѣ губерніи: Орловская, Тамбовская, Тульская, Курская, Нижегородская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Самарская и земля Войска Донскаго; по солянымъ промысламъ: Таврическая, Астраханская и Пермская; по добычѣ топлива — Еваторинославская;

г) Что по внѣшней торговлѣ, важнѣйшіе порты: Петербургскій, Одесскій, Рижскій, Ростовскій, Таганрогскій, Бердянскій, Мариупольскій, Николаевскій, Архангельскій, Ревельскій, Ейскій, Черновскій, Либавскій и Генчическій;

д) Что изъ пограничныхъ пунктовъ важны, на *Прусской* границѣ — Нешава, Юрбургъ, Вержболово, Александровскъ, Сосновцы, Новоселицы, Радзивиловъ, Волочискъ и с. Гусятинская; на *Австрийской* границѣ — Граница и на *при-Дунайской* границѣ — Нѣмценская, Болгары и Скуляны;

е) Что въ отношеніи видовъ военнаго вѣдомства, крайне важны: Петербургъ, Брестъ-Литовскъ, Тула, Кіевъ, Брянскъ и Глуховъ (Шостенскій заводъ), а за тѣмъ всѣ порты Балтійскаго и Чернаго морей и пункты по сухопутнымъ границамъ Пруссіи, Австріи и при-Дунайскихъ Княжествъ.

Придерживаясь этихъ указаній и составлена полная сѣть. Доказывать правильность выбранныхъ въ ней направленій, разбирая отдѣльно каждую дорогу, было бы большимъ и совершенно напраснымъ трудомъ. Карта, съ нанесенными на ней сѣтями существующею и предполагаемою, совершенно наглядно удовлетворить такому разбору, а сравненіе двухъ сѣтей по таблицамъ разстояній между одними и тѣми же пунктами, окончательно

убѣдить, что принятыя направленія суть кратчайшія, а слѣдовательно и самыя выгодныя для удовлетворенія разнообразныхъ нуждъ Россіи.

Но нельзя не сказать нѣсколько словъ о трехъ дорогахъ полной сѣти, одной—изъ Петербурга чрезъ Витебскъ и Кіевъ на Одессу и Николаевъ; другой—по направленію отъ Кракова на Владиміръ-Волинскій, Овручъ, Черниговъ, Глуховъ, Курскъ, Воронежъ, Балашовъ, Саратовъ, Уральскъ и Орскъ, и третьей—спеціальной, для каменнаго угля отъ Екатеринослава чрезъ Бахмутъ до соединенія съ волго-донскою дорогою.

Первая линія, проходя по огромной площади, не имѣющей желѣзныхъ путей, между дорогами Николаевской и Варшавской, чрезъ губерніи Петербургскую, Новгородскую и Могилевскую, постоянно нуждающіяся въ продовольствіи, дала бы возможность чрезъ Витебскъ, соединенный съ Орломъ, устранять недостатковъ въ первыхъ потребностяхъ населенія.

Проходя далѣе чрезъ Черниговскую, Кіевскую и Херсонскую губерніи, богатая скотомъ, производящая табакъ и сахаръ, она послужила бы къ наибольшему развитію сахарнаго производства не только въ Кіевской, но и въ смежныхъ губерніяхъ: Подольской, Волинской и Харьковской, въ виду удешевленія провоза сахара и сближенія производительныхъ мѣстностей слишкомъ на 600 верстъ, со столицею съ 700 тысячнымъ населеніемъ потребителей, что вмѣстѣ, конечно, повліяло бы выгодно и на ввозную торговлю сахаромъ.

Наконецъ, приблизивъ Одессу на 760, а Николаевъ на 526 верстъ къ Петербургу, дорога эта рано или поздно получила бы важное значеніе по отношенію къ Черному морю.

Вторая линія, проходя по черноземной полосѣ Россіи, по самымъ богатымъ и населеннымъ мѣстностямъ Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Черниговской, Кіевской и Волинской губерній, неминуемо обратится въ путь, направляющій избытки, какъ этихъ, такъ и смежныхъ мѣстностей, смотря по надобности, къ сѣвернымъ или южнымъ портамъ нашихъ морей. Но неменѣе важное назначеніе этой линіи заключается и въ томъ еще, что будучи перенесена за Волгу на Уральскъ, Илецкъ и Орскъ, она будетъ способствовать къ удешевленію снабженія илецкою солью и при соединеніи Орска съ Ташкентомъ, сдѣлается самою выгодною транзитною дорогою въ среднюю Азію, будучи обезпечена на значительномъ протяженіи постоянною перевозкою грузовъ въ большомъ количествѣ.

Наконецъ *третья линія*, проходя отъ Екатеринослава до волго-донской дороги по верхней части Донецкаго каменноугольна-

го бассейна и оставляя ниже себя къ Азовскому морю почти всю площадь бассейна свободною для разработки и устройства подвозныхъ путей, дать возможность къ развозкѣ угля по кратчайшимъ путямъ въ Екатеринославскую, Херсонскую, Кіевскую, Волынскую, Черниговскую, Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и Саратовскую губерніи, въ землю войска Донскаго, и даже въ Пензенскую губернію, испытывающія за недостаткомъ лѣсовъ и по дороговизнѣ дровъ, крайнюю нужду въ топливѣ. При существованіи кратчайшихъ путей, предположенныхъ въ полной сѣти и при тарифѣ за уголь въ 0,015 коп. съ пуда и версты, совершенно достаточномъ, особенно при перевозкѣ угля съ порожними поѣздами, которые всегда будутъ и при томъ въ значительномъ числѣ, за неизмѣнимъ полнаго количества грузовъ, отъ портовъ Азовскаго моря ¹, цѣна на уголь, считая даже по 7 коп. за пудъ на мѣстѣ добычи, не превосходила бы

въ Харьковѣ	10 ³ / ₄	коп. за пудъ.
„ Воронежѣ	13	„ „
„ Курскѣ	13 ¹ / ₄	„ „
„ Глуховѣ (Шост. з.)	14 ¹ / ₂	„ „
„ Орлѣ	15	„ „
„ Тамбовѣ	15	„ „
„ Саратовѣ	16 ¹ / ₄	„ „
„ Кіевѣ	16 ¹ / ₃	„ „
„ Николаевѣ	17	„ „
„ Одессѣ	17 ² / ₃	„ „
„ Пензѣ	18	„ „
„ Москвѣ	19	„ „

Эти три дороги, по нашему мнѣнію, до того важны, что полезно бы было, какъ постройку, такъ и эксплуатацію оныхъ оставить въ непосредственномъ распоряженіи правительства, для регулированія тарифною платою за перевозку товаровъ по дорогамъ частныхъ обществъ, дѣйствія коихъ въ этомъ отношеніи всегда признавались стѣснительными для торговли, и привели уже къ заботамъ Англію, Германію и Бельгію о выкупѣ дорогъ изъ рукъ частныхъ компаній.

Сдѣлавъ общій сводъ главныхъ статей заводской и фабричной производительности, предметовъ отпускной и ввозной торговли, потребностей, въ коихъ испытываютъ постоянный недостатокъ населенія, количества скота, идущаго на продовольствіе, наконецъ соли и топлива, добываемыхъ въ Россіи, и выразивъ все это въ пудахъ,—общая цифра потребностей и торговли представится въ слѣдующемъ видѣ:

¹ Къ портамъ Азовскаго моря подвозится грузовъ 66 мил. пудовъ, отъ портовъ только 2 мил. пуд., т.-е. въ 33 раза менше.

Отпускная торговля	256.217,194 п.
Привозная	57.475,149 "
Фабричныя и заводскія произведенія ¹ .	64.872,744 "
Недостатокъ для нуждающагося населенія въ хлѣбѣ ² .	151.537,794 "
въ спиртѣ ³ .	4.204,939 "
Скотъ какъ продовольствіе населеній ⁴ .	34.900,000 "
Добыча соли	37.635,000 "
Добыча каменнаго угля ⁵ .	17.497,000 "
	<hr/>
	623.339,820 "

Прибавляя къ этому.

а) Потребность продовольствія городскихъ жителей, не производящихъ хлѣба, всего на 2.793,836 челов. по 22 ¹ / ₂ пуд. ⁶ .	62.861,810 пуд.
б) Потребность въ хлѣбѣ для винокуренія ⁷ .	73.772,816 "
в) Потребность снабженія провіантомъ и фуражемъ войскъ ⁸ .	45.686,645 "
г) Товары, отправляемые на ярмарки и возвращающіеся съ оныхъ за нераспродажей ⁹ .	96.332,615 "
	<hr/>
Всего	901.993,206 "

¹ Расчетъ сдѣланъ изъ отдѣльныхъ итоговъ каждой производительности, раздѣленныхъ на соответствующую прекурвантную дѣлу, принятую Министерствомъ Финансовъ для оцѣнки отпускныхъ и ввозныхъ товаровъ по отчету Д-га Таможенныхъ сборовъ за 1871 годъ.

² Недостатокъ въ хлѣбѣ опредѣленный въ 16.887.583 четв., см. стр. 45.

³ Недостатокъ въ спиртѣ, опредѣленный въ стр. 46 въ 7.103,231 ведро, слята ведро въ 0,6 пуда.

⁴ 830 т. быковъ и 5 милл. мелкаго скота см. стр. 48.

⁵ Въ расчетъ не принято количество угля, добываемое въ Царствѣ Польскомъ см. стр. 58.

⁶ Въ расчетъ приняты города только 22 губерній, не нуждающихся въ продовольствіи (см. стр. 38) такъ какъ довольствіе городовъ въ губерніяхъ нуждающихся (см. стр. 45) вошло въ общую цифру 151.537,794 пудовъ (см. стр. 65).

⁷ Потребность въ хлѣбѣ для винокуренія опредѣлена изъ ежегоднаго Министерства Финансовъ, выпускъ II стр. 494—497.

⁸ Опредѣлено изъ опыта Военнаго Министерства 1870 года по Главному Интендантскому Управленію.

⁹ По свидѣніямъ Русскаго Календаря 1873 года.

въ 1871 г. Привезено на ярмарки товаровъ:

на 384.472,420 руб.

Продано на 287.281,764 "

Осталось на 97.190,656 "

Слѣдовательно, привезено и обратно отвезено товаровъ на 481.663,076 руб.

По отчету Департамента Таможенныхъ сборовъ за 1871 годъ привозные товары въсомъ въ 57.475,149 пудъ, но расцѣнѣ стоили 256.891,799 руб., т. е. за пудъ 4 р. 46 коп.

Для опредѣленія вѣса ярмарочныхъ товаровъ, несравненно менѣе цѣнныхъ чѣмъ привозные въ Россію, принята средняя цѣна пуда въ 5 руб., что и есть 481.663,076

—96,332,615 пуд., т. е. количество, очевидно, наименьшее.

Выводъ этотъ представляетъ вѣсь конечно наименьшаго количества грузовъ, требующихъ передвиженія. Въ расчетъ не введены лошади, рыба, битое мясо, строительные и лѣсные матеріалы, лѣсные произведенія, какъ-то: поташъ, смола, деготь и щепной товаръ; стеклянные, фарфоровые, фаянсовые и глиняные издѣлія; потребности Интендантскаго Управленія по обмундированію войскъ; Артиллерійскаго Управленія по снабженію войскъ оружіемъ и порохомъ, крѣпостей и арсеналовъ боевыми принадлежностями, наконецъ всѣ произведенія кустарной промышленности, между коими одного холста выдѣлывается до 170 милл. ¹ аршинъ, вѣсомъ слишкомъ въ 7½ милл. пудовъ, а потому вѣсь общаго количества грузовъ, для котораго слѣдовало озаботиться устройствомъ наиболѣе сближенной сѣти желѣзныхъ дорогъ, можетъ быть принятъ ни какъ не менѣе 1 миллиарда пудовъ.

Пользуясь такимъ выводомъ, можетъ быть разъясненъ вопросъ и о томъ, что при всей необходимости въ желѣзныхъ дорогахъ, возможна ли постройка сѣти въ 30 тысячъ верстъ, безъ обремененія Россіи въ финансовомъ отношеніи, или другими словами, такая сѣть въ состояніи ли будетъ дать достаточный доходъ и привлечь капиталы на постройку, не вводя Правительство въ затрудненіе по уплатѣ гарантій.

Вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующими соображеніями:

Принявъ за среднюю стоимость версты дорогъ цѣну въ 40 т. рублей, совершенно возможную при постройкѣ полной сѣти,— сѣть въ 30 т. верстъ можетъ потребовать капитала въ 1.200.000,000 руб.

Полагая, что приобрѣтеніе такого капитала обойдется при уступкѣ 100 за 75, нарицательный капиталъ будетъ:

$$\frac{1.200.000,000}{75} = 1.600.000,000 \text{ руб.}$$

Считая въ немъ $\frac{3}{4}$ облигацій, на сумму 1.200.000,000 руб. и $\frac{1}{4}$ акцій на 400.000.000 руб., ежегодная уплата процентовъ съ погашеніемъ въ $5\frac{1}{2}\%$ по облигаціямъ и даже по акціямъ составило-бы сумму 81.600,000 руб.

Но какъ эта сумма должна выражать только 40% валоваго сбора, ибо 60% должно расчитывать на расходы по эксплуатаціи дорогъ, то дѣйствительный валовой сборъ, могущій обеспечивать Правительство по уплатѣ гарантій и акціонеровъ въ полученіи дивиденда долженъ быть не менѣе

$$\frac{81.600,000,000}{40} = 204.000,000 \text{ руб.}$$

¹ См. Военный Сборникъ, выпускъ IV Стр. 874

А какъ валовой сборъ составляется изъ виручки за провозъ пассажировъ и товаровъ, и по свѣденіямъ Министерства путей сообщенія, сборъ собственно за перевозку пассажировъ и багажа по всѣмъ дорогамъ доходить съ версты:

Г О Д Ы.	Сборъ съ пассаж.	Сборъ съ багажа.	Общій сборъ.
Въ 1867 . . .	2,734 р. 87 к.	203 руб.	2,937 р. 87 к.
> 1868 . . .	2,631 > 52 >	146 >	2,777 > 52 >
> 1869 . . .	2,553 > 36 >	178 >	2,731 > 36 >
> 3 года . . .	—	—	8,446 > 75 >
или средній числовъ въ			2,815 руб.

то принявъ для большей вѣроятности не 2,815, а только 2500¹ руб. съ версты, пассажирскій сборъ съ 30 т. верстъ, составивъ бы 75.000,000 р.

Исключая эту сумму изъ 204 милл. рублей валового сбора, остатокъ въ 129 милл. рублей будетъ представлять сборъ, слѣдующій къ полученію за перевозку товаровъ.

Посмотримъ же при какихъ условіяхъ возможно полученіе такого сбора.

Для этого назовемъ чрезъ A среднее разстояніе перевозки и примемъ:

1) Что количество грузовъ, требующихъ передвиженія, будетъ не миллиардъ и даже не 901.993,206 пудовъ, положительно опредѣленныхъ, но только 850 миллионновъ пудовъ, а за тѣмъ, остальные 52 милл. пудовъ останутся для потребления на мѣстѣ, что во всякомъ случаѣ составляетъ громадную скидку, потому что она можетъ быть отнесена только на фабричныя и заводскія произведенія, такъ какъ всѣ другія потребности требуютъ перевозки въ полномъ количествѣ и

2) Что средняя тарифная плата за перевозку товаровъ будетъ 0,035 коп. ² съ пуда и версты, мы получимъ:

$$A \times 0,035 \times 850.000,000 = 129.000,000 \text{ руб.}$$

$$\text{Откуда } A = \frac{129.000,000}{0,035 \times 850,000,000} = 433 \text{ верстъ.}$$

т. е. что для полученія сбора за перевозку товаровъ въ 129 милл. руб. достаточно, чтобы передвиженіе грузовъ совершилось только на 433 версты.

Но мы видимъ на дѣлѣ, что грузы, отправляемые къ портамъ

¹ Принимая такой сборъ все равно что допустить перевозку пассажировъ только на 26,642 верстахъ сѣти и не допускать вовсе на 3858 верстахъ или на 11,2 % длины сѣти, чего въ дѣйствительности конечно быть не можетъ

² Средняя дѣйствительная тарифная плата 0,0358. См. Отд. V стр. 84—89 въ таблицахъ къ сборнику свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ изданіе Д-та Ж. Дорога 1871 годъ.

и развозимые изъ оныхъ, составляя $\frac{1}{3}$ часть всего количества грузовъ, тянутся слишкомъ за 1000 верстъ;

Товары, направляемые къ ярмаркамъ, проходятъ не меньшее протяженіе;

Скотъ перевозится слишкомъ за 1000 верстъ;

Фабричныя произведенія развозятся по всей Россіи;

Соль Крымская и Эльтонская встрѣчаются въ Могилевской губерніи, проходя разстоянія отъ 700 до 1500 верстъ.

Желѣзо, сало, кожи тянутся изъ Сибири, дѣлая переходъ болѣе 1500 верстъ, однимъ словомъ, что при среднемъ разстояніи перевозки въ 433 версты, которое можетъ быть принято за наименьшій предѣлъ передвиженія товаровъ, валовой сборъ съ нихъ въ 129 милл. руб., какъ опредѣленный при условіяхъ крайне невыгодныхъ, можетъ признаваться вполне вѣроятнымъ, а слѣдовательно и уплата гарантій по облигаціямъ и дивиденда по акціямъ не подверженною сомнѣнію.

Такимъ образомъ полная сѣть при кратчайшихъ разстояніяхъ, удовлетворяя въ административномъ отношеніи — сближенію центральныхъ управленій со всѣми управленіями губерній, въ военномъ — сближенію мѣстъ, требующихъ защиты, съ мѣстами расположенія войскъ и снабженія военными потребностями и продовольствіемъ, въ торговомъ — сближенію съ главными пунктами отпускнуой и ввозной торговли, съ мѣстами наибольшей производительности и мѣстностями, доставляющими на заводы и фабрики сырыя произведенія, наконецъ удовлетворяя сближенію мѣстъ, испытывающихъ недостатокъ въ хлѣбѣ, соли и топливѣ, съ мѣстами, изобилующими хлѣбомъ, съ соляными промыслами и каменноугольными копями, — полная сѣть, въ 30 т. верстъ, не только не будетъ обременительною для Россіи въ финансовомъ отношеніи, но представляя всю вѣроятность къ покрытію гарантій доходами съ дорогъ, опредѣленными при самыхъ неблагоприятныхъ расчетахъ, по выгодности помѣщенія капиталовъ, привлечетъ денежные средства къ ея осуществленію.

Послѣ такого заключенія можетъ быть одинъ вопросъ, что же сдѣлать съ дорогами существующими и не совпадающими съ направленіями полной сѣти? — По возможности привести ихъ въ тотъ видъ, въ которомъ дороги могутъ приносить наибольшую пользу государственнымъ требованіямъ, какъ сдѣлала Франція и дѣлаетъ Германія для исправленія ошибокъ въ проложенной желѣзно-дорожной сѣти, утѣшаясь тѣмъ, что тѣмъ болѣе дорогъ или средствъ къ сообщенію въ странѣ, тѣмъ болѣе развивается въ ней жизнь народа и его благосостояніе.

А. Бракровъ.

СТАРЫЙ БАРИНЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Семеновичъ Опольевъ.

Вадимъ, сынъ его.

Максимъ Максимовичъ фонъ-Гаммеръ, зять Опольева.

Софья Львовна, жена его.

Венидикій, ходатай по дѣламъ.

Иванъ Петровичъ Бухарцовъ, старинный пріятель Опольева.

Александра Ивановна, дочь его.

Григорій Давидовичъ Лаврентіо.

Яковъ, камердинеръ Опольева.

Наборщики и наборщицы въ типографіи, гости.

Музыканты.

Слуги въ домѣ Гаммера и въ ресторанѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ПИТАРБУРГѢ.

Дѣйствіе 1-е, картина 1-я въ ресторанѣ; картина 2-я въ домѣ Гаммера,
дѣйствіа 2-е и 4-е въ домѣ Гаммера, дѣйствіе 3-е въ квартирѣ Бухарцова,
дѣйствіе 5-е въ типографіи Лаврентіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

НАСТУПАЕТЪ ПЕРВАЯ.

Отдаленная комната въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ. Въ глубинѣ дверь открыта, видны посетители. Одинъ слуга сидитъ у окна съ газетой, другой — спать въ мягкомъ креслѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГАММЕРЪ и ВАДИМЪ *входятъ*; слуги *вскакиваютъ*.

ГАММЕРЪ (*затворяетъ за собою дверь*). — Здѣсь будетъ удобно. Карту! Вы намъ дадите легонькій завтракъ (*просматривая карту*). Стерлядь живая?

СЛУГА. — Сію минуту изъ сада, ваше превосходительство.

ГАММЕРЪ. — Ладно. Такъ стерлядь à la Russe, а потомъ что-нибудь мясное.

СЛУГА. — Филе трюфе можно подать, или бѣфъ...

ГАММЕРЪ. — М... М... м... Cotelette de mouton. Это у васъ хорошо дѣлають... Ты какъ полагаешь, Вадимъ?

ВАДИМЪ (*надъѣвъ ринсе нег, перебираетъ газеты*). Идетъ!

ГАММЕРЪ (*слытъ*). — Только, пожалуйста, поскорѣе.

СЛУГА. — Сей моментъ-съ.

ГАММЕРЪ. — Да подайте лафиту, того, знаете, что я всегда нѣю.

СЛУГА. — Слушаю-съ.

ГАММЕРЪ (*смотритъ на часы*). — Поживѣе все это. (*Слуги суетятся въ теченіи всей послѣдующей сцены, подаютъ завтракъ и прислуживаютъ*).

ГАММЕРЪ (*сидясь къ столу, отдувается, какъ человекъ усталый отъ большой работы*). — На что ты тамъ набрелъ? Аблице-ція?

ВАДИМЪ. — Фи! Меня интересуютъ корреспонденціи. Да ничего нѣтъ особеннаго, холера, голодь, пожары — старая пѣсня и совсѣмъ не остроумная (*звѣлая бросаетъ газету*). Надоѣла.

ГАММЕРЪ. — Н-да, повѣрь этимъ репортерамъ, такъ кажется, завтра всѣ съ голода опухнемъ, а между тѣмъ ничего себѣ, по маленьку здравствуемъ. Да ужь обтерпѣлись, не удивимъ!

Вадимъ (*глубокомысленно*). — Mais certainement! въ этихъ вещахъ должно относиться скептически.

Гаммеръ (*слухамъ*). — Поставьте еще приборъ (*Вадиму*). Въ которомъ часу общалъ Винницкій?

Вадимъ. — Въ два. Онъ точенъ, какъ хронометръ.

Гаммеръ (*взглянувъ на часы*). — Ну, пусть не прогибается, ждать не буду, я теперь голоднѣе всякаго Архангельскаго нейзана (*слухъ*). А водку? Когда я васъ внучу служить порядочно?

Слуга (*подастъ*). — Готово-съ (*пьютъ водку и принимаютъ за завтракъ*).

Вадимъ. — Смѣшно сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ назначеніе, все смотрю, нѣтъ ли въ газетахъ какихъ-нибудь вѣстей изъ губерніи. Ха, ха, ха! Милая ты моя глушь, какъ-то мы поладимъ съ тобою? Ты-ли меня проглотнись, а ли тебя двину—во всякомъ случаѣ, борьба, борьба! я люблю это.

Гаммеръ (*слѣтается сквозь зубы*). — Въ тебѣ, шоп снэг, все еще военная жилка дѣйствуетъ; снявши мундиръ, забудь о сраженіяхъ. Видишь, вонъ оттуда ничего не пишутъ, ну и значитъ мирно. Кстати, тамъ нашъ же Мишельчикъ орудуетъ. Вотъ рекомендую, а между тѣмъ всѣ довольны—пирогамъ его кормить, въ разныя почетныя званья облачаютъ. Ха, ха, ха! вѣдь подумаешь, какой онъ здѣсь былъ плюгавенькій, а теперь ничего, выровнялся.

Вадимъ. — Чрезвычайно радъ буду съ нимъ сойтись, онъ можетъ быть мнѣ очень полезенъ и совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Гаммеръ. — На что тебѣ его совѣты! Я вотъ, сидя тутъ, могу тебѣ преподать такіе практическіе совѣты, что вѣкъ будешь благодаренъ.

Вадимъ. — Пожалуйста, посвати.

Гаммеръ. — О, юноша! ха... ха... онъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что эта какаля-нибудь египетская мудрость (*мѣтъ*)... Лафть не дурень.

Вадимъ. — И поданъ хорошо. — Ну-съ, такъ что-же?

Гаммеръ. — Внемли, о юноша! (*съ комическою серьезностью*). Во-первыхъ, пріѣхавъ въ обѣтованную землю, осмотришь внимательно, ни съ кѣмъ не являйся, и за тѣмъ, какъ подобаетъ юношѣ, старайся прилично помѣстять свои нѣжныя чувства. На сей конецъ можно выбрать какую-нибудь смазливую барыню изъ мѣстныхъ аристократовъ. Въ провинціи всякая Матрена, участвующая въ благотворительныхъ шалостяхъ, считаетъ себя аристократкой. Это ужъ у нихъ такая врожденная дурь. Ну-съ, вотомъ. Да! барышень остерегайся, сейчасъ женать, а на губернской барыни вѣ средняго разбора — могутъ жениться только

одни отпѣтые болваны. Это ясно. И такъ, потомъ... да потомъ не дѣлай ровно ничего, а благодушествуй себѣ на черномешной землѣ.

Вадимъ. — Такъ значить, и прозябай тамъ халатнымъ образомъ!

Гаммеръ. — Такъ и прозябай халатнымъ образомъ, всене-премѣнно. *Surtout, pas de zèle, mon cher, pas trop de zèle!* А то вы нынче все такіе горяченькіе, что намъ тутъ покоя отъ васъ нѣтъ.

Вадимъ. — Однако... *parдон*, вѣдь ты проповѣдуешь китаivismъ — кто же будетъ работать?.. какъ же мы впередъ-то будемъ двигаться? Кто же будетъ идеи-то проводить?..

Гаммеръ. — Успокойся, и впередъ будемъ двигаться, и идеи проводить, и все такое будетъ дѣлаться само собой; печалиться намъ съ тобой нечего! А съ горяча-то можно чепухи! натворить, это вѣрно.

Вадимъ. — Ахъ, кабы съ тобой послужить въ провинціи! И дѣла пошли-бы великолѣпно, и *épip*, какая школа! что-бы тебѣ двинуться, а?

Гаммеръ. — Боже меня оборони! ни за какія коврижки!

Вадимъ. — Почему-жъ? Вѣдь тамъ самостоятельность, ну, и ограда приличный.

Гаммеръ. — Что ограда! То время прошло, когда я изъ за ограда служилъ. Теперь, другъ мой, я не такъ поставленъ.

Вадимъ. — Да, ты, братъ, умѣлъ себя поставить солидно... Удивляюсь тебѣ и признаюсь не понимаю.

Гаммеръ. — А оно весьма просто. Я, батенька, выросъ въ такихъ идеяхъ: смолода кремнемъ терпи, жизнь скромная, служба темненькая, всяческія лишения; но пройди этотъ искусь, достигни извѣстнаго положенія и баста! Ты вдругъ сталъ человекомъ, необходимымъ всюду: передъ тобой сами собою открываются разныя перспективы и почетныя и прибыльныя (съ *увлечениемъ*)... Тутъ попадаешь въ учредители акціонернаго предприятия, банка, или въ концессіюку. Тебя приглашаютъ, тебѣ рады, бери на здоровье львиную долю... А захотѣлъ, такъ еще и въ правленіе выберутъ, оваціи устроятъ. Ты оглянись кругомъ, кто-же нынче этимъ брезгаетъ? Самый плохенькій, и тотъ, глядишь, зацѣпилъ пучегъ пестренькихъ акціѣ, да втихомолку и промышляетъ; ну, а объ орлахъ-то и говоритъ нечего!

Вадимъ. — Все-таки случай, счастье...

Гаммеръ. — Вовсе нѣтъ, это законъ. Жизнь ужъ такъ сложилась... Коли ты человекъ новый, пойми и работай. Путь легальный. Всѣ туда лѣзутъ, толкаются; если не ты, такъ дру-

гой, но лучше приспособленъ, тотъ и пробьется впередъ. Вѣдь эти старые люди умѣли только прожиться, ничего не дѣлая, бѣры въ какое-то счастье, которое съ неба сваливается,—потому и прогорали до тла. За примѣрами не далеко ходить, нашъ милый папаша тысячу душъ спустить ухитрился, да тысячь двѣсти долгу накачалъ.

Вадимъ. — Ахъ, да!

Гаммеръ. — За твоей сестрой я что взял? положимъ, я и не гнался за приданымъ. Теперь вотъ твоя тетка умерла, за что она Софи и меня обидѣла? Вѣдь я для васъ всѣхъ дѣлалъ больше, чѣмъ велитъ благоразуміе.

Вадимъ. — Что и говорить!

Гаммеръ. — Отцу за границу выслалъ, векселя его скупилъ — изъ какого благополучія? А она вѣшь забыла духовное завѣщаніе сдѣлать... Эка, подумаешь, невинность! Все отъ саредности. Теперь по закону наследникъ твой отецъ, и не придумай мы нашей сдѣлки, вѣдь это, чортъ знаетъ, что за чепуха вышла-бы.

Вадимъ. — Подумать страшно! Ты, голубчикъ, все ты! ужъ покалуйста, пристрой и мой капиталъ — я спокоенъ буду; только дивиденда, побольше дивиденда!

Гаммеръ. — А, братъ, не знаю! и ничего впередъ не обѣщад. Маху не дамъ. Не люблю я впередъ загадывать, да и тебѣ не совѣтую. Вотъ ты говоришь о капиталѣ, какъ будто онъ у тебя въ карманѣ, а вдругъ папа не согласится на сдѣлку.

Вадимъ. — Какъ это можно!

Гаммеръ. — Да такъ просто, изъ каприза. Вѣдь онъ старый ребенокъ. Вдругъ блажь придетъ, и всѣ планы къ чорту.

Вадимъ. — Не думаю. Отецъ мой настоящій джентльменъ и слова не измѣнитъ.

Гаммеръ. — Не сомнѣваюсь, но мало ли что...

Вадимъ. — Интереснѣе всего, какъ Винницкій редактировалъ нашу сдѣлку?.. Ва, вотъ и онъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Винницкій.

Винницкій (*положивъ на особый столъ портфель и шалуну*). — Идѣте честь кланяться!..

Вадимъ. — Ah, cher m-r Vinitzki, — vous voilà enfin!

Виницкій. — Опоздалъ законныхъ пять минутъ (*жмется и машет руками*).

Вадимъ. — Prenez place, je vous prie.

Гаммеръ. — Человѣкъ, подайте кушать!..

Виницкій. — Благодарю, ѣсть не буду (*садится*). Внѣшнюю чашку кофе (*Слуш*). — Дайте мнѣ, только покрѣпче. Я, какъ Вольтеръ, питаюсь почти однимъ кофеемъ. Съ утра до ночи на ногахъ.

Гаммеръ. — У адвоката каждая минута на вѣсь золота. Дѣлъ пропасть къ вашему счастью — и къ нашему несчастью. Что вы въ присяжные повѣренные не баллотируетесь?

Виницкій. — Къ чему?.. лишнее... мнѣ и такъ хорошо (*иронически*). Еще пожалуй забаллотируютъ, ха... ха! Кто-жъ любитъ сильнаго конкурента? (*Оглядываетъ комнату*). Что это, какъ будто знакомый будуарчикъ.

Гаммеръ. — А помните — ужинали...

Виницкій. — Ахъ, да!.. хе, хе... Съ дамами... словно канканруетъ эта... какъ ее? Фифинъ, Жозефинъ, что-ли?

Гаммеръ. — Цсъ! какой нескромный! Ты, Вадимъ, пожалуй-ста, при Софи не проболтайся. Это такъ... случайность, вздоръ!

Виницкій. — Еще бы! Невмѣняемость полиѣйшая! О чемъ, бишь, мы? Да, вообразите, эту зиму ни разу Патти не удалось послушать. Всѣ замѣтили, что мое кресло вѣчно занято другимъ. Еще, пожалуй, подумаютъ, что спекулирую абониментомъ, ха, ха, ха! а тутъ, иной разъ, хоть пополамъ разорвись.

Гаммеръ. — Вѣрно; а потому, не теряя времени, приступимъ къ нашему дѣлу.

Виницкій. — Слушаю-съ (*беретъ портфель и достаетъ бумаги*).

Гаммеръ (*слушаетъ*). — Вы!.. Исчезните! (*Слухи уходятъ*).

Виницкій. — Вотъ проектъ сдѣлки. Не буду утомлять васъ подробностями, резюмирую сущность дѣла (*говоритъ глядя въ бумаги*). Послѣ умершей дѣвочки Марьи Сергѣевны Ополевой осталось имущество такое-то и такое-то, которое въ охранительномъ порядкѣ описано и оцѣнено во сто тысячъ рублей. Наслѣдникомъ по закону является братъ ея, отставной гвардіи полковникъ Левъ Сергѣевичъ Ополевъ, но такъ какъ онъ, Ополевъ, состоитъ должнымъ по таинъ-то безспорнымъ документамъ дѣйствительному статскому совѣтнику Максиму Максимовичу фонъ-Гаммеру 148,500 р., то въ удовлетвореніе этого долга предоставляетъ ему фонъ-Гаммеру вступить во всѣ права наслѣдства, отъ котораго отказывается добровольно и т. д. Теперь, къ мировому судѣ и дѣло кончено.

Вадимъ (*ослезмуръ*). — Позвольте, позвольте! При чемъ же я-то тутъ?

Винницкій. — Минутку терпѣнія. Въ этомъ актѣ вы никоимъ образомъ фигурировать не можете; Максимъ Максимичъ уже отъ себя дастъ вамъ особое обязательство на четвертую долю той суммы, которая выручится отъ продажи дома и прочаго наслѣдства.

Вадимъ. — Такъ я не согласенъ! Такъ я не хочу!.. и не допущу отца ни до какой сдѣлки.

Гаммиръ. — Любезный другъ, вѣдь такъ было условлено добровольно... Я тебя не совсѣмъ понимаю.

Вадимъ. — А я очень хорошо понимаю, что это грабительство и больше ничего.

Гаммиръ. — Вудь осторожнѣе, mon cher, въ выборѣ выраженій.

Винницкій. — Если изволите припомнить, Вадимъ Львовичъ, вы мнѣ лично выразили согласіе на эту сдѣлку (*съ оставотъ*).

Вадимъ. — Да; но я не хочу никакого обязательства и не намѣренъ ждать продажи. Пусть Максимъ Максимичъ выдастъ мнѣ сейчасъ наличными деньгами, иначе я не согласенъ и все разстрою.

Гаммиръ. — Да ты успокойся, приди въ себя. Что же я теперь тебѣ выдамъ,—какую сумму?

Вадимъ. — Четвертую часть.

Гаммиръ. — Да четвертую часть чего?

Вадимъ. — А вотъ того, насколько у тебя отцовскихъ вѣселей 148,500 руб.

Гаммиръ. — Чудакъ!.. Вѣдь наслѣдство оцѣнено въ сто тысячъ, слышалъ? Дай Богъ и то еще выручить,—стало, тебѣ никакъ не больше 25,000.

Вадимъ. — Ну, нѣтъ, на это я не согласенъ.

Гаммиръ. — Ахъ, ты... Коробочка, совершенная Коробочка! Что ему ни толкуй, заладилъ одно «не согласенъ».

Вадимъ. — Знаю я, какіе это вѣселя! ты скунилъ ихъ по 10 коп. за рубль.

Гаммиръ. — Хорошо, допустимъ, а кто выслалъ деньги твоему отцу, когда онъ гулялъ за границей, кто?

Вадимъ. — Знаешь ли и это! выслалось старику по 6,000 франковъ въ годъ, подъ видомъ займа, а съ него брались двойные документы...

Гаммиръ. — Ну, нашъ споръ становится просто неприли-

ченъ. Я отказываюсь отъ всякихъ объясненій и прошу уничтожить сдѣлку.

Виницкій. — Господа! послѣ этого ужъ и я перестаю понимать. Я покорнѣйше просилъ бы Вадима Львовича категорически высказать, чего онъ желаетъ.

Вадимъ. — Я высказалъ и прибавить ничего не имѣю.

Гаммеръ. — Ну, такъ, пускай папѣ вступаетъ въ права наслѣдства. Не забудьте, кромѣ моихъ, векселей старика наберется еще тысячъ на 50. Все это будетъ предъявлено ко взыска- нію, и я, увы! вынужденъ буду сдѣлать тоже... Кончится тѣмъ, что бѣдный отецъ останется нищимъ и это благодаря вашему упрямству, Вадимъ Львовичъ.

Виницкій. — Въ такомъ случаѣ и я умиваю руки; дѣло будетъ скабрешное и тяжелое для вашего почтеннаго батюшки, а я привыкъ вести только чистыя дѣла. Моя репутація...

Вадимъ. — Репутація моего отца для меня священнѣе всего на свѣтѣ... Но выслушайте меня, ш-г Виницкій. Обстоятельства вынуждаютъ меня не отступать ни на одну іоту отъ моихъ требованій; вы знаете, что на дняхъ я выѣзжаю въ губернію на службу, необходимо здѣсь расплатиться; вѣдь у меня тоже могутъ быть долги, да и тамъ устроить приличную обстановку... словомъ, я... Ну да, господа! Я нуждаюсь, если это вамъ угодно знать...

Гаммеръ. — Ну вотъ, давно-бы ты такъ заговорилъ! Это я понимаю; а то вспыхнулъ, какъ порохъ, и понесъ чортъ знаетъ какую околесную! Ужъ это видно у васъ семейная, опольев- ская горячность.

Виницкій. — Ха, ха, ха! Я даже предвидѣлъ, что тутъ ничего больше, какъ одно недоразумѣніе. Иначе и быть не могло.

Гаммеръ (*подмигнувъ Виницкому*). — Я сдаюсь на вашу судъ, Виницкій. Ты согласишь, Вадимъ?

Вадимъ (*замѣтившій переминиванье*). — Я не знаю, право.

Гаммеръ. — Ну, Коробочка, чистѣйшая Коробочка! не знаетъ, но чѣмъ на базарѣ мертвыя души... ха... ха!

Вадимъ. — Да, хорошо, хорошо, согласишь. Я увѣренъ, что ш-г Виницкій...

Виницкій. — Сама Фемида! Извольте, даже позволяю себѣ глаза завязать. Слажу, какъ юристъ, соблюдая интересы одной только абсолютной справедливости: сдѣлка эта должна осуществиться, какъ естественная дань уваженія дѣтей къ престарѣ- лому родителю... На эту тему можно говорить часа два. Ну- сь, а вы Максимъ Максимичъ, какъ человѣкъ, поставленный

весьма солидно, должны сдѣлать уступку въ интересахъ вашего beau frère, то-есть, во вниманіе къ его положенію...

Вадимъ. — А bas! не хочу никакихъ милостей.

Виницкій. — Дайте кончить... Вы, Максимъ Максимычъ, по совѣсти должны выдать Вадиму Львовичу немедленно, какъ только старикъ подпишетъ сдѣлку, наличными деньгами десять тысячъ руб. и векселями на двадцать тысячъ. Я полагаю, это безобидно: и волки цѣлы и овцы сыты.

Гаммиръ. — То-есть, на оборотъ. Не противорѣчу, хоть вы и не поступились на мой счетъ: тридцать тысячъ, шуточка! Но я приму расхвѣлатъ затрудненія съ маку, согласенъ!

Вадимъ. — И я согласенъ.

Виницкій. — Наконечъ-то! Славу Богу! Поздравляю васъ, господа! Здоровья начала всегда должны торжествовать надъ минутными заблужденіями... На эту тему можно говорить три часа. Вотъ вамъ готовый актъ, возите для подписи Льву Сергѣевичу и дѣло въ шляпѣ!.. При томъ, дѣло чистенькое, полюбившая сдѣлка. На основаніи 1,422 статьи.

Вадимъ. — Прежде всего, заѣдемъ къ нотаріусу, напишемъ векселя, они будутъ пока отданы вамъ, ш-т Виницкій, на руки, вамъ я вношу вѣру.

Виницкій. — Очень благодаренъ.

Гаммиръ. — Мнѣ-то, мнѣ-то лотно! ха, ха! По крайней мѣрѣ, никто не имѣетъ права упрекнуть въ недостаткѣ родственникъ чувствъ. А хорошо я сдѣлалъ, что пригласилъ васъ сюда, а не къ себѣ на домъ: зналъ, что безъ прискорбной сажин не обойдется... Каково было бы это нашему дорогому старшму? — Ну, ѣдемъ.

Виницкій (съ особенною сдержанностью). — Завтра увидимся, вы ко мнѣ, или я къ вамъ?

Гаммиръ. — Хорошо, хорошо, въ часть я дома. Au revoir. Мнѣ еще надо расплатиться въ буфетѣ (уходитъ).

Вадимъ (крѣпко сажая руку Виницкому). — Благодарю... благодарю... у васъ, благородные принципы.

Виницкій. — Съ вами мы увидимся вѣроятно послѣ завтра?

Вадимъ. — О, да, о, да! Какъ только тово... я сейчасъ къ вамъ. Je ne manque jamais! (уходитъ).

Виницкій (осмѣль смутно). — Временъ новѣйшкѣ Митрофанъ! ха, ха! А маститый старецъ, поди, и не чувствуетъ, что тутъ его шкуру пощипали... Однако, три да двѣ — пять; ладно! Мое утро не пропало (уходитъ).

(Слуги разговариваются и убираютъ со стола).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Гостинная въ домѣ Гаммера.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Софья и Яковъ.

Софья (*войдя, садится къ рабочему столу*). — Bon Dieu! уже три часа, а ихъ еще нѣтъ. Боюсь, не вышло бы у нихъ тамъ что нибудь неприятное; братъ ужасно вспыльчивъ... Впрочемъ, Магсъ такъ благоразуменъ... Яковъ Антоничъ, папа дома?..

Яковъ. — Недавно воротились; въ дѣтской съ мамзелью разговариваютъ.

Софья (*дѣлаетъ гримасу*). — Велите сказать миссъ Уайтъ, что три часа, пора дѣтямъ кататься; коляска, вѣрно, готова.

Яковъ. — Слушаю-съ (*уходитъ*).

Софья. — Не люблю я, когда въ домѣ нарушается заведенный порядокъ; но что дѣлать? надо покориться, переносить нѣкоторые неудобства. Есть священныя обязанности, намъ объ нихъ съ дѣтства натвердили... Ахъ! (*уммбается*) гѣмъ не менѣе, эти обязанности вериги! а у женщинъ ихъ слишкомъ много: домъ, дѣти, мужъ, свѣтскія отношенія, наконецъ, родня... Угждай всѣмъ и каждому, угѣй все это согласить... (*задумывается*). Какъ правильнѣе сказать: согласить или согласовать? — Кажется, это все равно... Да, тяжело, тяжело!.. (*За сценой слышится голосъ Ополъева*). Ah, voilà ce cher papa!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Софья и Ополъевъ (*одѣтъ фрактомъ, входитъ напывая французскій кулакъ*).

Ополъевъ. — Bon jour, petite (*цѣлуетъ дочь въ лобъ, а она ею въ руку*). Сегодня я тебя не видалъ. Выѣхала?

Софья. — Нѣтъ, cher papa, занималась у себя все утро. Тамъ отчеты по обществу кормилицъ, да бумаги по дамскому комитету, — много накончилось; нужно было пресмотрѣть, подписать.

Опольвъ. — *Agal.. c'est de la philanthropie, ça!* Вы всё тутъ стали такіа благотворительныя, что, я думаю, бѣднѣмъ отъ васъ спрятаться некуда. Въ наше время было одно только общество посѣщенія бѣднѣхъ, да и на то смотрѣли, какъ на франкмасонскую ложу (*садитесь на козетку рядомъ съ дочерью*).

Софья. — Ваше время, *cher papa*, стало преданіемъ. Мы не тѣмъ воздухомъ дышемъ, современный потокъ увлекаетъ всѣхъ, незамѣтно втягиваетъ въ общественную дѣятельность даже самыхъ лѣнливѣхъ.

Опольвъ. — Это правда, воздухъ другой, да! Въ Европѣ теперь воняетъ колбасой, кониной и петролемъ, — вотъ я и приѣхалъ сюда, понюхать вашего чистаго воздуха, — пробѣжалъ сегодня по Невскому, завтракалъ у князь-Петра, еще два-три визита... Другой, другой воздухъ! Раздражаетъ, — однако ничего, чувствую себя отлично, даже лицо какъ будто свѣжѣе... Какъ ты находишь? При томъ, *madame*, ни-че-го искусственнаго, замѣтите! все свое, натуральное, до послѣдняго зуба... каковы я, а?

Софья (*цѣлуетъ его въ щеку*). — Везподобный мой папа!

Опольвъ. — Ну, а вы здѣсь совѣмъ закосили, всё угрюмше, желтне, все бухгалтерны какіе-то, итоги сводите!.. И веселость-то у васъ кака-то сорокапудовая... Бррръ! Вотъ кстати, а тебя хотѣлъ спросить: что ты себя совсѣмъ старухой считаешь?

Софья (*умбается*). — *Cher papa*, ты знаешь мои годы...

Опольвъ. — Дурнушкой?

Софья. — Папа!

Опольвъ. — Ну, а коли ты не старуха, такъ держать себя совѣмъ не умѣешь.

Софья (*однако большіе глаза*). — Какъ это, *cher papa*, не умѣю?!

Опольвъ. — Начать съ того, что у тебя нѣтъ ни одного *savante gentleman*, какъ это по вашему, обожателя, что-ли? — Это очень скверно, *chère amie*, — твой лабиринтный Мавсъ совсѣмъ зазнается, охладѣетъ къ тебѣ.

Софья. — Фя, папа, что ты говоришь! И почему же онъ лабиринтный?

Опольвъ. — А какъ же? Неужели ты до сихъ перъ не замѣтила, что онъ всегда подъ лакомъ? Какъ же, какъ же! лабиринтный, сиветь! А впрочемъ онъ дѣльный и честный человекъ, *à toute épreuve!* Твой выборъ исполнѣ удаченъ, — только смотри, не распускай поводья, умѣй своевременно подогрѣть прѣсную похлебку гяменея. Ха, ха! — Ну, да ужъ это твое дѣло. А вотъ еще параграфъ второй: если ты не считаешь

себя ни старухой, ни дурнушкой, за чѣмъ окружать себя такъ не... такъ не изящно, такъ не эстетично?

Софья. — Спер рара, ми живемъ по средствамъ, а впрочемъ, кажется, нашъ домъ монтированъ не совсѣмъ дурно.

Опольевъ. — Да нѣтъ, не то! — посмотри, у тебя всѣ эти тамъ бонны, няньки, камеристки, — вѣдь это все замѣчательная коллекція безобразій. Эдакій подборъ дѣлають только старухи, да уроды, — а ты у меня... une petite femme très ri-quante... чего тебѣ бояться?

Софья. — Какія у васъ идеи, спер рара (*лукаво*). Однако ты частенько въ дѣтскую заглядываешь... вѣрно очень любинишь дѣтей!

Опольевъ. — Терпѣть не могу; особенно, когда эти варанушки меня дѣдушкой дразнятъ. Quel drôle de nom: дѣдушка? Ну-да, petite, я прямо въ своемъ интересѣ... угадала! — Не даромъ моя дочь... Люблю поболтать, — а у тебя только твоя англичанка одна и есть animal superbe, — породистая, видна чистая англосаксонская раса... Ого, я знатокъ!.. Только, ma chère, черезъ-чуръ она застегнута... на всѣ пуговицы... plus montante que possible, — ça ne me va pas, non.

Софья (*хохочетъ*). — Неправильно, спер рара!

Опольевъ. — Дружокъ мой! вѣдь я къ вамъ явился на послѣднюю станцію... понимаешь?.. усталъ, мнѣ нуженъ коротенькій, но пріятный отдыхъ... Вы должны мнѣ его дать, — а за тѣмъ раскланяюсь, какъ порядочный человѣкъ, и маршъ туда, откуда никто не возвращается.

Софья (*ласкается*). — Зачѣмъ такія мрачныя мысли, папочка!

Опольевъ. — Почему-жъ мрачныя? мысли обыкновенныя, даже веселыя — къ нимъ ужъ я привыкъ. Вѣдь у меня, chère enfant, аневризъмъ въ сердцѣ, это вся Европа знаетъ, патентъ ниѣю отъ всѣхъ медицинскихъ знаменитостей (*задумывается*). Вы ужъ, пожалуйста, побалуйте старика, долго-то я васъ стѣснять не буду... (*мечтаетъ*). И пансіонъ, что вы мнѣ назначили, останется у васъ въ экономіи за много лѣтъ.

Софья. — Какъ тебѣ не грѣхъ, папа?

Опольевъ. — Милочка ты моя! — Я не въ упрекъ, это очень натурально; вамъ жить, а моя нѣсенка спѣта. Малѣйшее раздраженіе — и трахъ! какая-то тамъ дурацкая артерія лопнетъ и finita la musica! но пока... (*оживляется*) поживемъ! Ого-го! Посмотри-ка, какъ я начну у васъ хозяйничать, весь домъ переверну! ха, ха! Ты только слушайся меня, дурочка моя (*мечтаетъ дочь*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Софья, Ополевъ, Владимъ и Гаммеръ.

Ополевъ. — А вотъ и наши дѣловые люди.—Ну что, кончили? А мы съ Соней тутъ въ сентименты ударились, ха, ха! Владимъ (*цѣлуетъ руку отца*). — Bon jour, cher papa! Мы кончили.

Гаммеръ (*подаетъ ему руку очень спѣшно*). — Здравствуйте, Левъ Сергѣичъ; какъ здоровье ваше?

Ополевъ (*шутливо дочери*). — А что, не правъ я? — Забѣ-чаешь, забѣчаешь?

Софья (*зажимая рукою ему ротъ*). — Ah, papa, finissez donc!

Гаммеръ. — Что такое? Въ чемъ дѣло?

Ополевъ. — Такъ, ничего. Я тутъ на вашъ счетъ прогу-лился, сдѣлалъ одно замѣчаніе, une petite observation... ха... ха!

Софья. — Папа, я прошу тебя.

Ополевъ. — И это замѣчаніе оправдалось. Вѣдь да, Соня? Ну кто-жъ такъ говорить? (*передразнивая*). Здравствуйте, Левъ Сергѣичъ, какъ ваше здоровье? — фраза совершенно правиль-ная, то-есть грамматически правильная, а смѣшно! Точно изъ дѣтскихъ діалоговъ: ужъ очень прилизана... А во-вторыхъ, я совсѣмъ не Левъ... Львы есть всякіе другіе: и честные квар-тальные и подлые ремесленники, а я Леонъ, — такъ всю жизнь величали. Понимаете вы это? — Въ нашемъ кругу оно имѣло значеніе. Зовите меня отецъ Леонъ... нѣтъ, это немного посты-днымъ масломъ отзывается... ну, наконецъ beau-père Леонъ, и все тутъ! Только не ошибитесь, не скажите иногда papa Леонъ, ха, ха, ха! (*встаетъ*).

Гаммеръ (*снисходительно*). — Извольте, извольте, beau-père Леонъ; охота только вамъ такимъ мелочамъ важность при-давать!

Ополевъ. — Нѣтъ-съ, это не мелочи!—Я люблю, когда въ человѣкѣ сердце говорить, сердце! тогда выходитъ все просто, хорошо, красиво, а формализмъ, формализмъ—вотъ что васъ мѣло!

Гаммеръ. — Можетъ быть, это логическая реакція прежней распущенности.

Ополевъ. — Ну-да, ну-да! мы старики, страдали распущен-ностью, но у насъ, сударь, вотъ тутъ, (*ударяя себя въ грудь*) тутъ кое-что было... а что у васъ — не знаю, покажите.

Вадимъ.—Мы, cher rara, можемъ показать уваженіе къ порядку, къ добрымъ нравамъ, защитѣ священныхъ основъ семьи и собственности, мы умѣемъ охранять все, что есть почтеннаго въ старомъ, и исподволь, постепенно стремиться впередъ.

Опольевъ. — Ну, ужъ это ты все врешь, мой милый! Да вопервыхъ, вашего почтенія, тамъ, уваженія намъ вовсе не нужно, будьте сами людьми хорошими и благо вамъ, еще и мы васъ уважать станемъ. А вовторыхъ, какіе вы къ чорту охранители? все отрицаете, кромѣ кармана и брюха. Такихъ отрицателей я еще и не видывалъ! Постоите, вотъ я поживу тутъ и докажу, что вы совсѣмъ съ рельсовъ сбились.

Гаммеръ. — А пока вы это докажете, позвольте доложить вамъ, что ми дѣло кончили, актъ у Вадима.

Вадимъ. — Да, теперь все въ порядкѣ (*достаетъ изъ шляты бумагу, свернутую въ трубочку, и разворачиваетъ*). Вينيцій дока, все такъ округлено, что булавки не подточишь, и l'acte est parfaitement dressé! (*начинаетъ читать*). Тысяча восемьсотъ такого-то года, января дня, мы нижеподписавшіеся...

Опольевъ. — Пстой, пстой! Что это такое?

Вадимъ. — Я хочу прочесть вамъ актъ.

Гаммеръ. — Основанія извѣстны, но все-таки надо познаться съ подробностями.

Опольевъ. — Гмъ, да!.. (*подумавъ*). Такъ это все написано, что я говорилъ вамъ, Максъ?

Гаммеръ. — Все, съ дипломатическою точностію.

Опольевъ. — Значить, я никому копейки не долженъ.

Гаммеръ. — Никому.

Опольевъ (*иронически*). — То-есть, вы этого, мой другъ, знать не можете, когда и самъ я этого не знаю... Но, по крайней мѣрѣ, всѣ эти тамъ... какъ ихъ? Какъ по новому-то... исполнительные листы, что-ли? тарабарщина-то эта похерена?

Гаммеръ. — Окончательно. Да прочти, Вадимъ.

Опольевъ. — Не нужно, не нужно! Стану я слушать эту чепуху! Дайте перо, гдѣ тамъ подписать.

Вадимъ. — Нотаріусъ ждетъ въ кабинетѣ, папа, подписать надо въ его присутствіи. Это ужъ такой порядокъ.

Опольевъ. — Такой порядокъ... хорошо! Пойдемъ, другъ порядка (*идетъ и будто что вспоминая, возвращается*). Софи, Максъ,—подите сюда (*беретъ ихъ за руки*). Я не повторю вамъ обѣщаній вашихъ пріютить меня, старика, дать мнѣ этотъ дрянной пансіоншика на карманные расходы, это все вздоръ, и касается только моихъ личныхъ интересовъ, да вашей совѣсти... Исполните вы это, хорошо; не исполните, Богъ съ вами! Пе-

радъ вамъ я весь тутъ, со всѣми грѣхами моей жизни... и не краснѣю за нихъ,—о, нѣтъ, не краснѣю! Эка бѣда, при нуждѣ занять у ростовщика тысячу и выдать ему вексель въ три! Въ этомъ случаѣ вся мерзость остается за нимъ, ну, и жди, баваля, до втораго пришествія! Хорошо это, или дурно, мы такъ рассуждали,—мы люди стараго режима. Но есть грѣхи, въ которыхъ тяжело сознаться. Не дай Богъ вамъ узнать минуты безумія, когда чедовѣкъ ужъ ничего не различаетъ, ни средствъ, ни дѣлей, когда онъ ставитъ на карту все, и его карта убита!.. Понимаете... Вотъ за эти минуты приходится тяжело расплачиваться... Тутъ и пуля не поможетъ, пуля вздоръ! она не исправитъ вреда, который нанесенъ. Надо страдать, терпѣть и выжидать случая примириться съ совѣстью. Вы, конечно, будете на столько деликатны, что избавите меня отъ лишннхъ объясненій; но въ эту минуту, дѣти мои, я отъ васъ требую, да, *требую*,—поймите это,—если когда нибудь я скажу: «друзья, мнѣ нужно очистить долгъ чести», вы мнѣ въ этомъ поможете безусловно,—слышите? безусловно!..

Гаммеръ. — Можете-ли вы сомнѣваться? кажется, я доказалъ... но въ такихъ серъезныхъ дѣлахъ необходимо знать хоть приблизительно, достанетъ-ли нашихъ средствъ...

Опольевъ. — Нѣтъ, нѣтъ! безъ всякихъ торговъ, безъ увертокъ! Мы здѣсь не въ мелочной лавочкѣ. За кого-жъ вы меня принимаете! Не бойтесь, по міру васъ не пушу. (*Молчаніе*). Ну-съ, я жду отвѣта.

Гаммеръ. — Я не прочь, но... право, это такое странное условіе... и вся эта тайна къ чему?

Опольевъ. — Тайна моя, и не можетъ быть вашею... А это не условіе, милый мой,—требованіе! — ультиматумъ, безъ котораго никакая сдѣлка не увидитъ моей подписи. Дай сюда, Вадимъ (*беретъ у сына бумагу*). Пусть все пропадетъ, въ тюрьму поѣду—очень радъ!.. Софи, что-же ты молчишь? Тоже поторговаться хочешь?

Софья. — Cher papa, ты такъ благороденъ, такъ великъ въ словахъ моихъ въ эту минуту... именно великъ!

Опольевъ (*насмѣливо*). — Ну, ну, ну! trop d'honneur, madame!

Софья. — Побужденія твои такъ честны, что влянусь, по первому твоему слову, для меня не будетъ никакой невозможной жертвы: мои брилліанты, жемчугъ, все, все, до послѣдней тряпки, все твое... такъ какъ и сама я твоя...

Опольевъ. — Ah, c'est bien parler, ma fille! (*прижимаетъ къ груди ея голову и торжло читуетъ*). Спасибо, моя Сонька! Дн-

*

та мое, одна ты съумѣла понять меня... Въ глазахъ другихъ я чужой, я дрянной, вѣбальмошный старичишка и больше ничего!

Гаммеръ. — Будьте вполнѣ увѣрены, что имя и репутація отца моей жены для меня также дороги, какъ мои собственныя. Не умѣю говорить патетично, то-есть, по женски, дѣловая жизнь приучила меня къ точности въ поступкахъ и выраженіяхъ. Мое резонное замѣчаніе вамъ угодно было принять за мелочное торгашество; пусть будетъ такъ! Но я человѣкъ положительный, люблю выяснять цифры, и повторяю: если эта секретная статья не превзойдетъ пяти, шести, пускай даже десяти тысячъ, вы на нихъ всегда можете разсчитывать.

Опольевъ. — Вишь ты, лакированный-то, а?! А вѣдь и онъ хорошо говорить; немного пахнетъ самоновѣйшимъ бухгалтеромъ, а хорошо, дѣльно! Максъ, вашу руку. Помните-же, мои дѣти, помните всѣ, всѣ слова ваши, они гораздо важнѣе, чѣмъ вотъ эта дрянная гербовая бумага. Пойдемте, я подпишу ее; гдѣ у васъ тамъ нотаріусъ? (*Уходитъ, за нимъ слѣдуютъ Гаммеръ и Вадимъ*).

Софья (*съ раздумьемъ*). — Что у него за тайна? Нѣтъ, онъ никогда не могъ сдѣлать ничего низкаго. Онъ простъ и до вѣрчивъ, какъ ребенокъ. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ, какія нибудь безчестныя сѣти, ловушка, въ которую поймали моего бѣднаго папочку. Какая нибудь негодная, погибшая женщина.

Гаммеръ (*торопливо возвратясь*). — Софья Львовна, я умилился вашей трагической выходкой... это было безподобно, хоть на Михайловскую сцену... Вы забыли немножко, что у васъ есть дѣти, за то отлично помнили, что существуетъ мужъ, который умѣлъ приобрести и брилліанты, и жемчугъ, и весь воздухъ, которымъ вы такъ легко и пріятно дышете...

Софья. — Максъ! что вы говорите, Максъ!

Гаммеръ. — Позволяю себѣ попросить васъ объ одной милости: какъ нѣжная дочь, узнайте тайну и въ какую сумку она мнѣ обойдется; вамъ скажутъ; а мнѣ знать это необходимо, чтобы въ данную минуту и я, и мой портфель были исправны. Я все сказалъ (*уходитъ*).

Софья. — О, Боже мой! какой взглядъ, какія слова! Въ первый разъ я вижу его такимъ. Да, папа, ты правъ, да, онъ точно... какъ это ты сказалъ? гласированный... лакированный? Кажется это все равно... (*Задумчиво отускается съ кресла*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ домѣ Гаммера, кабинетъ Опольева. Утро.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Опольевъ (*лежитъ на кушеткѣ, чиститъ ногти*). Яковъ (*осторожно подходитъ*).

Яковъ (*тайно*). — Есть, сударь, нашель. Разискаль акуратно.

Опольевъ. — Нашель? Ай-да Яшинька, спасибо! Гдѣ-жь ты его нашель?

Яковъ. — Въ адресный столъ бѣгалъ, вымѣтку взялъ. Да подь ихней фамиліей никакъ трое господъ записано, однофамильци. Мнѣ говорю, нужно Бухарцова Ивана Петровича. Ну, дали; я сейчасъ по вымѣткѣ въ Коломнѣ и нашель, въ самый разъ попалъ.

Опольевъ. — Что-жь онъ, какъ?

Яковъ. — Да ничего сударь, меня сейчасъ призналъ. Яковъ, говорить, какими судьбами? Такъ и такъ, доладываю, воротились въ отечество, первымъ дѣломъ велѣли васъ разискать, непременно требуютъ къ себѣ. Ну, онъ это обрадовался, засуетился туда, сюда, хотѣлъ со мною бѣжать. А какъ я сказалъ, что вы остановились у генерала, такъ онъ и рукой махнулъ: э, говорить, туда идти мнѣ не слѣдъ. Значить смущеніе нашло, потому какъ Максимъ Максимычъ такая персона...

Опольевъ. — Гмъ-да! персона!

Яковъ. — Я давай обрезаю: ничего, сударь, говорю, для насъ эта важность не гораздо значительна, мы старшіе приходимся! Онъ было и того, да вдругъ тутъ барышня вышла.

Опольевъ. — Барышня! какая барышня?

Яковъ. — Не могу знать. Пригаетъ, какая-то бойкая, можетъ козійская. Стала она ему шептать, — вижу сбиваетъ; Иванъ Петровичъ и замаялся. Кланяйся, говорить, а я приду черезъ часикъ.

Опольевъ. — Чудаки!

Яковъ. — Нѣтъ, баринъ, тутъ не то, чтобы на счетъ деликатности, или прочаго, а такъ надо полагать, бѣдность одолѣла... По всему видать: квартирка скучная, поджачекъ на пле-

чахъ такой вудныйй, еле держится; ужь онъ на него косил-ся, на локти-то глядять, а самъ задумался... Мнѣ индо жалко стало. Приду говорять, только проводи прямо къ старому барину, потому никого не хочу беспокоить.

Опольевъ. — Да, да, ты его прямо сюда. И скажи тамъ швейцару и всѣмъ, что Боже ихъ сохрани, если кто мигнетъ непочтительно. Вѣдь это лучший другъ, и какіе годы мы съ нимъ прожили! Не воротятся они, Яшинька! Теперь все пошла мелко-та, дрянцо.

Яковъ. — Подлинно такъ, сударь, вотъ и я тоже совсѣмъ безъ васъ измаялся, одно слово только каждый день кровь себѣ портилъ, на эту жизнь гляючи.

Опольевъ. — Теперь ты, старый хрычъ, вотъ посѣдѣлъ со-всѣмъ, а въ моихъ глазахъ ты все прежній Яшинька. Пом-нишь, бывало походъ, биваки, ночи на пролетъ, золото горста-ми, все ни почемъ!

Яковъ. — Настоящая дворянская жизнь была!

Опольевъ. — А помнишь, какой у насъ порядокъ былъ за-веденъ, какъ мы съ тобой каждое утро бесѣду вели?

Яковъ. — Какъ не помнить-съ! словно вчера.

Опольевъ. — А ну, ну, рассказывай, какъ?

Яковъ (*усмѣхнувшись въ кулакъ*). — Проснитесь, бывало, по-тягиваетесь и перво на перво сейчасъ крикните: Жакобъ!

Опольевъ. — Ну, ну!

Яковъ. — Я вхожу. Вы спрашиваете. Жакобъ, авонъ ну-де ляржанъ?

Опольевъ. — Тагъ.

Якова. — Отвѣчаю: нонъ, мосе.

Опольевъ. — Bravo! Однакожъ аржанъ всегда находилса.

Яковъ. Какъ не найтись, плевое дѣло!

Опольевъ. — Ха-ха-ха! Молодецъ! Ну а нынѣшніе, небось, такъ жить не умѣютъ.

Яковъ. — Куда! далеко-о! Нынѣшніе господа больше на при-жимѣ основаны; форсу тоже много и всякъ помышляетъ, гдѣ-бы копейку урѣзать, или на даровщину. Штрафы тоже пошли теперь, даже съ нашего брата взять не гнушаются,—ужь это послѣднее дѣло.

Опольевъ. — Тагъ, братецъ. А знаешь что, Жакобъ! умри-ва ты поскорѣе.

Яковъ. За чѣмъ это-съ?

Опольевъ. — Окѣлѣй, старый хрычъ! Намъ съ тобой на свѣтѣ больше дѣлать нечего, понимаешь?

Яковъ. — Ну ужь, нѣтъ-съ! Хе-хе... какъ возможно! Да я

еще жениться собираюсь, вотъ только Вальдоганскую щетку раздобуду,—совсѣмъ въ брѣнета обернусь. Да и вамъ, сударь, совѣтую! такіа щеточки нынче вышли: разъ-два чесануль бабенбарды и чудесно, хе, хе, хе (*отходитъ и потомъ возвращается*). Левъ Сергѣичъ, батюшка, у насъ промежъ господъ что-то пошло не ладно.

Опольевъ. — Ну-ну не завирайся!

Яковъ. — Ей-Богу, право! Вы примѣчайте, и по всему дому идетъ шу-шу-шу-шу.

Опольевъ. — Говорю, не завирайся!

Яковъ (*отходитъ и снова возвращается*). — Левъ Сергѣичъ, послушайте меня: поѣдемъ за границу; что тутъ маяться! Только ты меня съ собой возьми, не такъ какъ въ тотъ разъ бросилъ.

Опольевъ (*строю*). — Жакобъ!

Яковъ (*вытѣсывается*). — Чего изволите, сударь?

Опольевъ. — Avons nous de l'argent?

Яковъ. — Нонъ, мосе.

Опольевъ. — Ну такъ ишело вонъ! (*Яковъ тихо смеется и качая головой уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Опольевъ (*помолчалъ*). — Хорошо, хорошо. Теперь мы заберемясь!.. Найдемъ узелокъ... Ванька Бухарцевъ долженъ знать все... Гдѣ она? Что съ нею? Ахъ, Вѣра Васильевна! ужъ старушка ты теперь, должно быть. А какъ танцевала! Помню я это разъ de trois въ «Дѣвѣ Дунай»... восторгъ, восторгъ! Сама Татьяна хвалила... А теперь живеть, чай, въ бѣдности, забитая, оставленная. Вотъ она сценическая слава!.. А какая женщина! Счастливы, кто хоть разъ въ жизни встрѣтилъ такую женщину! Не забыть мнѣ этой ночи. Казалось, все погибло и жизнь и честь... прокляты казенныя деньги подвернулись—ну, пропалъ! И вдругъ къ утру является семь тысячъ... Откуда она ихъ взяла, Богъ вѣдаетъ! И при какомъ письмѣ онѣ присланы! Оно у меня какъ святыня... въ немъ, что слово, то бездна любви и преданности. Ахъ, Вѣра Васильевна! Жутко, жутко!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Опольевъ и Вадимъ (*одѣтый по дорожному, щегольская сумочка черезъ плечо*).

Вадимъ — Снег рара, я уѣзжаю.

Опольевъ (*холодно*). — Да, да, тебѣ пора къ мѣсту назначенія, служба не терпитъ. — Чтожъ, съ Богомъ!

Вадимъ. — Мы простимся тутъ, или вы проводите меня?

Опольевъ. — Куда?

Вадимъ. — На станцію желѣзной дороги. Софи и Максъ будутъ, ужъ готовы.

Опольевъ. — Нѣтъ милый, я не поѣду никуда. — Притомъ провожать, когда юноша здоровый, съ щегольской сумкой черезъ плечо, ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, и ѣзды то всего сорокъ часовъ, не имѣетъ смысла.

Вадимъ. — Какъ вамъ угодно, снег рара. Я только спросить. (*Молчаніе*). Папа, вы какъ будто недовольны мною, или такъ вообще будируете все наше новое?...

Опольевъ. — Ничуть. Все у васъ отлично. Нѣтъ, я вами очень доволенъ, именно за то, что вы на всѣ руки, куда хочешь поверни: и въ военную и въ статскую, и въ судьи, и въ финансы... Ну, а какъ твои финансы?

Вадимъ. — Мерси рара, очень хорошо. У насъ съ Максимомъ есть счеты и я взялъ векселя.

Опольевъ — Основательно.

Вадимъ. — Да, снег рара, эти вещи требуютъ аккуратности. Если позволено мнѣ замѣтить я и вамъ совѣтовалъ бы...

Опольевъ. — Что такое, позвольте узнать?

Вадимъ. — Облечь въ законную форму ваше требованіе на ту сумму, которая вамъ нужна.

Опольевъ. — Говори проще, взять съ Максима векселемъ?

Вадимъ. — Коли хотите, да, не мѣшаетъ.

Опольевъ. — Я, братецъ, привыкъ давать векселя. Это горькая истина, — а брать ихъ, да еще съ близкихъ людей — слуга поворный!

Вадимъ. — Хорошіе счеты дѣлаютъ хорошихъ друзей.

Опольевъ. — Это северный переводъ пошлой поговорки пошлаго лавочника.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Софья (*одѣта къ выѣзду*).

Софья. — Чтожъ, мы ѣдемъ? Папа, ты готовъ?

Опольевъ. — Нѣтъ, mes enfans, ступайте, поплачьте тамъ на прощаньи, какъ подобаеъ добрымъ родственникамъ,—а я посижу дома.

Софья. — Какъ же это ты одинъ?

Опольевъ. — Да, одинъ, совершенно одинъ. Впрочемъ не одинъ: пойду поболтаю съ миссъ Уайтъ.

Софья. — Я могу остаться съ тобой, братъ извинить.

Опольевъ (*съ досадою*). — Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь. Вспоморнѣйше васъ прошу заниматься мною какъ можно меньше. Что я вамъ дался! Это наконецъ бѣситъ!

Софья (*съ нѣжнымъ упрекомъ*). — Cher papa, за что же это? Ты не въ духѣ. Не сердись, милый папочка, не буду, не буду: Вади, пора.

Вадимъ. — Прощайте папа,—благословите.

Опольевъ. — Прощай, сыночекъ. (*Вадимъ хочетъ поцѣловать ея руку, отецъ обнимаетъ его*). Ну, благослови тебя Богъ судить и радеть по правдѣ. Да пожалуйста, ты тамъ не свирѣпствуй, не самай бѣдняковъ зря по тюрьмамъ; тюрьма, братецъ, очень часто оскорбительная ненужность и больше ничего.—Это я немножко знаю... А у тебя характеръ-то крутевень, воздержись? Конечно, лучше если-бы ты оставался въ полку,—тамъ наше съ тобой настоящее мѣсто. Но дѣло сдѣлано. Прощай... прощай! (*обнимаетъ сына еще разъ и ложится на кушетку. Вадимъ и Софья отходятъ и, остановившись въ дверяхъ, говорятъ между собою шепотомъ. Опольевъ, не поворачивая головы, замѣчаетъ это и слегка кашляетъ. Они уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Опольевъ, потомъ Яковъ.

Опольевъ. — Да, дѣйствительно шу-шу-шу... Они, кажется, нѣслѣиваютъ меня. Маленькую тайную полицію завели. По крайней мѣрѣ, нѣжности слишкомъ много: «papa! cher papa!»

Я, папа, себѣ на умѣ, успокойтесь, друзья мои! Старого воробья на мякинѣ не надуешь!

Яковъ *(въ дверяхъ)*. — Пришли-сь.

Ополъевъ. — Кто тамъ еще?

Яковъ. — Иванъ Петровичъ.

Ополъевъ. А! сюда его, сюда! — *(встаетъ въ волнении)*.

Яковъ. — Въ швейцарской они встрѣтились съ молодыми господами.

Ополъевъ. — Ну—и что-жъ?

Яковъ. — Ничего-сь, только барыня воротились, не поѣхали.

Ополъевъ. Ага! такъ, такъ! Скажи барынѣ, чтобы завтракъ намъ сюда подали на два куверта, да кромѣ тебя, чтобъ сюда никто не смѣлъ войти. Слышишь! А Бухарцева проси, проси! — *(Яковъ уходитъ. Ополъевъ въ большомъ волнении перекладываетъ на столъ бумаги, передвигаетъ стулья. Впускаетъ Бухарцева, Яковъ затворяетъ двери)*.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ополъевъ и Бухарцевъ *(во фракѣ съ круглой шляпой въ рукахъ. Видно, что платье на немъ чужое, не скоро и довольно старо покроя. Войдя, онъ дѣлаетъ церемонный поклонъ и останавливается. Вообще, въ его манерахъ замѣтно стараніе выказать свѣтскость и поддержать свое достоинство)*.

Ополъевъ *(бросивъ на него быстрый взглядъ, озадаченъ, но чрезъ мгновеніе идетъ къ нему, раскрывъ объятія)*. — Ванька Бухарцевъ! Ты ли это? *(горячо обнимаетъ его)*.

Бухарцевъ. Леонъ, другъ *(еще обнимаются)*! — Узналъ?

Ополъевъ. — Тебя то не узнать! Ахъ ты, шутъ! ха, ха, ха!.. Садись, садись, дружище, да на кой чортъ ты такъ разфрантился? Это онъ къ другу-то, — хорошъ! Да и вообще, кто-жъ нынче во фракѣ визиты дѣлаетъ? Отсталъ, топ шер, отсталъ!

Бухарцевъ. — Нѣтъ, это я такъ, то-есть случай такой вышелъ, у генераль-губернатора былъ, такъ и того...

Ополъевъ. — Ого! у генераль-губернатора, — видишь ты какъ высоко летаешь!

Бухарцевъ. — Дѣла, топ шер, дѣла!.. нельзя-же.

Ополъевъ. — Ну, ихъ къ чорту, дѣла! Дай на тебя посмотреть... постарѣлъ, Ванька, постарѣлъ, забубенная ты голова! А все еще молодецъ мужчина.

Бухарцевъ. — Держусь, братъ, держусь! Оно, разумѣется, почти два десятка лѣтъ въ загорбокъ... пригнуло немного. А ты ничего, эфиръ!.. Только сѣдини, братъ, больно много развѣсъ...

Опольевъ. — Садись, Ваня.. Да брось ты свою шляпу, что ты ее мучишь!

Бухарцевъ (*ищетъ глазами куда положить шляпу и осторожно ставитъ ее подъ диванъ, пробормотавъ*). — Цилиндръ въ гримъ!

Опольевъ. — Вотъ такъ. Вотъ и я съ вами!... (*послѣ треминъ*). Ессе mi al fine in Babilonia! Садись и рассказывай, живъ курилка?

Бухарцевъ. — Какъ тебѣ сказать, ничего, теперь дѣла поправляются.

Опольевъ. — Изъ кулеа въ рогожку, а? Только ты не жеманься, Жан! качай все на бѣло, какъ есть, вѣдь меня тоже судьба не сахарными лепешками кормила, другъ друга поймемъ. У тебя, кажется, имѣньяще въ Самарской, или въ Симбирской, — какъ идетъ?

Бухарцевъ. — Труба!

Опольевъ. — Понятно, значить, туда же, куда и мон.

Бухарцевъ. — Я, братъ, теперь гляжу на вещи съ философской стороны.

Опольевъ. — И прекрасно дѣлаешь. Я тоже, mon cher, чувствую, что все и всѣ мнѣ надоѣли, и я самъ всѣмъ надоѣлъ: скверность!

Бухарцевъ. — Ну ты все-таки гулялъ заграницей; что ни говори, оно, мѣстечко Парижъ, пріятное.

Опольевъ. — Н-да, гулялъ!.. А слышалъ ты про Клиши; тамъ есть такое глуное заведеніе.

Бухарцевъ. — Это въ родѣ... какъ у насъ Тарасовъ домъ, что-ли? говорить, скоро отмѣнять.

Опольевъ. Тамъ ужъ отмѣнили (*поджимуетъ и ударивъ ею по щеку*). — Такъ понимаешь?

Бухарцевъ. — Совщи!

Опольевъ. — Ой-ли! и ты?

Бухарцевъ. — Вкусидъ.

Опольевъ. — Молодчина! ха, ха, ха! (*смотрятъ другъ другу въ глаза и хохочутъ*) однако, что мы такъ въ сухую? Ты не завтракать?

Бухарцевъ. — То есть, какъ тебѣ сказать? Дома перекусить... а впрочемъ, не повредить.

Опольевъ ^{звонитъ} (звонитъ. *Входитъ Яковъ*). — Завтракъ сюда. Ты какое вино предпочитаешь?

Бухарцевъ. — Всегда чужое, а теперь преимущественно твое.

Опольевъ. — Bravo, Ванька, не забылъ! Намъ бутылочку бордо, слышишь, Жакобъ!

Яковъ (*заминается*). — Слушаю-сь, въ столовой, сударь, все готово.

Опольевъ. — Ты глупъ; по русски сказано: сюда.

Яковъ. — Доложу-сь (*уходитъ*).

Опольевъ. — Такъ то, мой Бухарець, — такъ то! Вѣдь у меня къ тебѣ есть великое дѣло... вотъ мы его сейчасъ по пальцамъ разведемъ. Только чуръ не врать, ты себѣ цѣны не знаешь, вѣдь ты удивительный человѣкъ, а врать любишь. Выкинешь какуюнибудь великолѣпную штуку и сейчасъ же соврешь, увѣришь, что оно какъ то само собой случилось... скромность въ тебѣ, шоп сгер, какая-то безобразная.

Бухарцевъ. — Это, братъ, ужь отъ юности, съ мичманскаго чина.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Софья (*при входѣ ея Бухарцевъ вскакиваетъ, беретъ шляпу и охорашивается*).

Софья. — Сгер (рара, завтракъ поданъ).

Опольевъ (*мяко*). — Кажется, я сюда приказалъ... кажется, такъ? Распорядись, милочка. Ахъ, позволь тебѣ представить: мой другъ Бухарцевъ. Иванъ Петровичъ! моя дочь.

Бухарцевъ (*разшаркивался*). — Madame! J'ai l'honneur... Отставной лейтенантъ.

Софья. — Можетъ быть, и monsieur сдѣлаетъ намъ честь; — все готово въ столовой.

Опольевъ. — Monsieur очень застѣнчивъ, особенно съ женщинами, онъ и ѣсть со всѣмъ не станетъ. Притомъ, знаешь! les vieux garçons — мало-ли о чемъ придется вспомнить! Не все тебѣ и слушать прилично. А Jean, какъ истинный джентльменъ, проиницуть уваженіемъ къ дамамъ.

Бухарцевъ (*смущенный*). — Oh! madame... не вѣрьте... то-есть не то, чтобы я... но monsieur votre papa всегда чтонибудь такое отмочить... Ah, mille pardon! то-есть, я хотѣлъ сказать...

Опольевъ. — Стоишь машина! Скляфузала, логералса, ха-ха!

да, Соня, ты образцовая хозяйка, но ужь прости нашъ маленькй безпорядокъ; мы завтракаемъ здѣсь, — скомандуй, душа моя.

Софья. — Fort bien, рара (*уходя про себя*). Вотъ, придетъ Максъ, а тутъ какая-то подозрительная личность... (*отцу*). A l'instant, рара (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Опольевъ, Бухарцевъ, потомъ Яковъ.

Бухарцевъ. — Знаешь, Леонъ, я лучше отсюда снимусь...

Опольевъ. — Съ ума ты сошелъ! Кто-жъ тебя пустить.

Бухарцевъ. — Не ловко, братъ... вонъ и порядокъ нарушаемъ.

Опольевъ. — Чепуха! Яшинька! живо!

Яковъ (*вноситъ на большомъ подносе застракъ*). — Готово-съ, покатайте.

Опольевъ. — Ага! Садись, Ваня, водку, чай, не пьешь, а глотаешь.

Бухарцевъ. — Могу хлебеснуть.

Опольевъ. — Валий (*мытъ и застракаютъ*).

Бухарцевъ. — Теперь ты ладно ошвортовался: ватекъ у тебя барянь жирный. Я радъ.

Опольевъ. — Нѣтъ, это пустое! Тутъ другое вышло: сестра умерла, помнишь, та старая дѣва, что моихъ дѣтей воспитывала. Старуха тамъ накопила, вотъ и свалилось мнѣ наследство. Прикатилъ сюда, и теперь всѣ дѣла устроилъ, самъ себѣ господинъ, долговъ ни, ни.

Бухарцевъ. — Благородно! значить, въ блистательномъ!

Опольевъ. — А ты какъ думаешь? Эге! (*пробуетъ вино*). Жалко, это что за кислятина?

Яковъ. — Обиновенно, что къ столу подается.

Опольевъ. — На, вылей это буфетчику на голову, а Софья Львовна доложи на счетъ бутылочки бордо (*насмѣливо*). Все-экзотрибнше, молъ, просать (*Яковъ уноситъ бутылку*).

Бухарцевъ. — Я, братъ, по водочкѣ предпочитаю: вѣдь до трехъ разъ полагается.

Опольевъ. Это само собой (*мытъ*). Не могу я приучить къ порядку.

Бухарцевъ. — Нѣтъ, тутъ оно того, порядокъ большой. Намъ бы съ тобой въ трактирчикъ.

Опольевъ. — Мы и къ Борелю хватимъ.

Бухарцевъ.—Ну ужь ты модникъ, къ Борелю! Я люблю эдакія маленькія, знаешь, таверны.

Ополъевъ. — Воображаю! У васъ тутъ чай кабакъ, такъ ужь дѣйствительно кабакъ! и народъ тамъ...

Бухарцевъ.—Это ты напрасно! Народъ самый умный, трудовой. Конечно, ты баринъ и на тебя тамъ глаза вытаращатъ, компанію распугаемъ... а люди отличные.

Яковъ (*приноситъ бутылку*). — Бордо! Извиняются, ошиблись.

Ополъевъ. — То-то, впредь, чтобы такихъ ошибокъ не было. (*Яковъ умбается уходитъ*). Такъ ты монче съ трудовымъ народомъ, ай да, Бухарцевъ (*наливаетъ стаканъ*)! Ты посмакуй, какова эта штука-то, нектаръ! (*мать*).

Бухарцевъ — (*мать*) Марсала лучше.

Ополъевъ. — Экъ ты, Марсала! Такъ все съ трудовыми? А что у тебя за дѣвочка такая въ квартирѣ прыгаетъ?

Бухарцевъ. — Цсы! (*взрываетъ пальцемъ*). Леонъ, не шали! Или ты это въ сурьезъ?

Ополъевъ. — Стало, это дѣло не шуточное?

Бухарцевъ. — Да братъ, Леонъ... знаешь, кто мать этой дѣвочки? Помнишь Вѣру Васильевну?

Ополъевъ. — (*вскакиваетъ*) Ужени ея? Вѣрочки... Вѣры... Вѣдь я тебя задуму, Ванька, коли ты врешь!.

Бухарцевъ. — Постой, не горячись, дай я-все по порядку.

Ополъевъ. — Провались ты съ своимъ порядкомъ! Да знаешь ли ты, что эта лучшая мечта моей жизни! Вѣдь я въ могилѣ бы ворочался, еслибъ не нашелъ Вѣру... о, да что тутъ говорить! Наконецъ-то я могу искупить мой гнусный грѣхъ передъ Вѣрой... Ты вѣдь знаешь, что она для меня сдѣлала.

Бухарцевъ. — Знаю.

Ополъевъ. — Потому я выслалъ ей вексель на тройную сумму. Гдѣ онъ? у нея, да?

Бухарцевъ. — Нѣтъ, другъ, она этотъ вексель твой разорвала и передъ смертью все тебѣ простила, а дочь ничего даже и не знаетъ.

Ополъевъ. — Ванька! Ты меня уничтожаешь! умерла Вѣра! Вѣра, святая ты женщина! И какая же дрянъ ми всѣ передъ тобой.

Бухарцевъ. — Да, есть маленько.

Ополъевъ. — За то теперь, все для нея, все для Машеньки!..

Бухарцевъ. — Для какой Машеньки?

Ополъевъ. — Для какой? дуракъ! Для нея же, для этой дорогой дѣвочки!

Бухарцевъ. — То есть для Самоньки?

Опольевъ. — Какъ такъ? Вѣдь ее звали Машей!

Бухарцевъ. — Не знаю. Съ тѣхъ поръ, какъ родилась, все была Саша. Память-то у тебя плоха стала.

Опольевъ (*глядитъ на него недоверчиво*). — Ты не врешь? Я можеть быть, точно, немного спуталъ... Не мудрено, не-мудрено... столько лѣтъ! Прелестная куколка, брюнеточка, вся въ мать.

Бухарцевъ. — И не брюнетка, а совсѣмъ блондинка.

Опольевъ. — Ванька! вѣдь я тебя приколочу! Что ты говоришь? Да постой, постой... я сейчасъ найду, я тебѣ покажу, погоди, я тебѣ покажу. (*Быстро уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бухарцевъ (*одина*). — Рехнулся (*протягиваетъ руку къ стакану и вдругъ пораженный внезапной мыслью, отскакиваетъ, разинувъ ротъ и ударивъ себя въ лобъ*). Ахъ я моржовая башка! Да вѣдь это онъ про Машеньку, которая умерла... Онъ уѣхалъ, и женился, и Сашурка моя ужъ послѣ вымырнула... та-та-та! Вотъ штука-то! Что, если? Нѣтъ, стыдно!.. Разъяснить слѣдуетъ обманъ! (*задумывается*). А что же хорошаго-то выйдетъ? Его это огорчить. Смертельно огорчить. И кому польза? Эхъ, Шурочка, вѣдь тутъ фортуна! Оно, въ разсужденіи меня, какъ-то того, немного щекотливо... Но чтожь? Это одна фантазмагорія, а отецъ то все таки я... Вотъ если Шурочка провѣдаетъ, такъ мнѣ бѣда, она все любитъ на чистоту... и, и, бѣда... Нѣтъ, тутъ надо тонко рѣзать, тонко! Однако... для храбрости не мѣшаетъ... (*Торопливо выпиваетъ стаканъ вина залпомъ и наливаетъ снова*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Бухарцевъ и Опольевъ.

Опольевъ (*Выноситъ небольшой кабинетный портретъ въ богатой рамкѣ*). — Смотри, смотри, чудело! Видишь, это Вѣра, а на рукахъ ея кто? Маш... т. е. Сашенька, — такъ?

Бухарцевъ. — Ну да, это жена моя и...

Опольевъ (*вскрикиваетъ*). — Что-о? Повтори, что ты ска-
заль?

Бухарцевъ. — Моя жена. Когда ты бросилъ ее и удралъ, а я взялъ да и женился. Это очень просто.

Опольевъ. — Просто? Да кто изъ насъ съ ума сошелъ, ты или я?

Бухарцевъ. — Зачѣмъ, съ ума? Женщина одинокая, бѣдная, сцену она тогда вскорѣ оставила, все хворала, а у меня состояннице еще было. Куда-жь ей? На улицу? а улица-то въ Питерѣ скользкая для такихъ красавицъ. А главное я любилъ ее. Ты и не подозревалъ, а я по своему, по дурачки любилъ... И былъ, братъ, счастливъ хоть не долго: пришлось закрыть ей глаза... И вотъ живу бобылемъ съ дочкой Сашенькой. Исторія не хитрая.

Опольевъ. — Сла-атина ты! Цѣны себѣ не знаешь... Вѣдь ты великолѣпное животное!

Бухарцевъ. — Полно! Выпьемъ-ка лучше еще (*смотритъ на сотъ бутылку*). Пустая, шельма!

Опольевъ. — Жакобъ! ей! (*Является Яковъ*). Двѣ бутылки шампанскаго, — понимаешь, frappré!

Яковъ. — Понимаю-сь. Только это надо въ погребъ сбѣгать, — аржанъ.

Опольевъ. — На! (*даетъ деньги*). Живо, духомъ! (*Яковъ уходитъ*).

Бухарцевъ. — Тутъ у васъ, я вижу на этотъ предметъ большія строгости, очень большія! А закурить можно?

Опольевъ. — Бери сигару. (*Закуриваетъ*).

Бухарцевъ. — А пока давай умный разговоръ [разговаривать.

Опольевъ. — Говори мнѣ объ Сашенькѣ—умнѣ этого ты ничего не выдумашь.

Бухарцевъ. — Да что, дѣвчонка она простая, однако разумная; какъ ужъ это случилось право не знаю. Человѣкъ я бѣдный и глухой, какое же могу дать воспитаніе. Хотѣлъ было въ театральное училище, чтобы, знаешь, по стопамъ матери, — такъ куда! даже осмѣяла меня. Бѣгала въ школу, въ гимназію, на лекціи, все читала, а теперь поди-ко-сь всякому носъ утереть! Съ трехъ языковъ переводить, работу беретъ, тѣмъ и живетъ, меня кормить.

Опольевъ — Вотъ какъ! А вѣдь это хорошо... хорошо!

Бухарцевъ. — Теперь есть у насъ славный человѣкъ, Григорій Даниловичъ Лавренко, изъ технологическихъ студентовъ; рядомъ живетъ.

Опольевъ. — Вотъ ужъ это скверно! Значить, primo amoso, — гмъ, понимаю.

Бухарцевъ. — Нѣтъ, не понимаешь. Онъ изъ мѣщанъ,

пѣшкомъ пришелъ въ Петеръ учиться. Славная голова. Любятъ они другъ друга, это точно, а. чтобъ какія нибудь шалости, ни-ни! Строго. Теперича задумали они открытъ типографію—ладно! И постановили: устроить дѣло, тогда и повѣнчаться, а нѣтъ, значить, шабашъ! Стало, мы дрань, и дай Богъ только себя прокормить, а не то, чтобъ семей обзаводиться. Хорошо. Все это можно, артель сформировали, гдѣ капиталъ? Тютю! Бѣгали мы съ Гришей по всѣмъ банкамъ, только людей насмѣшили. Кушцу, говорить, дадимъ, ростовщику, гласному кассиру съ удовольствіемъ, а рабочему, да еще какой-то артели,—этого, говорятъ, у насъ и заведенія нѣтъ, потому Уставъ. Вотъ и поди ты.

Опольевъ. — Отлично! Лучше ничего и выдумать нельзя! Ужъ это мое дѣло! Святой долгъ отдадимъ, съ совѣстью, братецъ, помирюсь.

Бухарцевъ. — Благородно, Леонъ! Благородно,—могу сказать, благородно! Оди́ако это, mon сiег, надо деликатнымъ манеромъ.

Опольевъ. — Вотъ еще! меня учить вздумалъ! Разумѣется, я эдакъ въ видѣ сюрприза, въ свадебную корзинку.

Бухарцевъ. — И шабашъ,—пропало. Не такіе, братъ, это люди, такъ зря въ подарокъ ни за что не возьмутъ. А ты лучше вотъ что: подѣ тѣмъ видомъ, яко-бы то есть въ компанію съ ними по типографіи, да и всучи капиталъ... это правильнѣе будетъ.

Опольевъ. — Гмъ, не глупо! и эдакъ согласенъ.. Ванька! ты ошастливилъ меня (*обнимаетъ его*). Жакобъ, вина! вина, чортъ возьми! Лучшій день въ жизни! (*Яковъ вноситъ вино и наливаетъ стаканы*). Мы, братъ, съ тобой сегодня никакъ урѣжемъ, а?

Бухарцевъ (*какъ-бы нехотя и съ грустью*). Урѣжемъ, братъ, что-жъ дѣлать!

Опольевъ (*поднимая стаканы*). — За здоровье Сашеньки, ура!

Бухарцевъ. — Ура! (*пьютъ*).

Опольевъ. — А ты чѣмъ будешь въ типографіи, разсмыслимъ,—ха, ха, ха!

Бухарцевъ. — Никуда я негоденъ! Хотѣлъ въ актеры дебютировать въ Кронштадтѣ. Потому я постигъ въ подлинникъ... To be or not to be! Не принимаютъ, говорятъ, девламація старой школы.

Опольевъ. — Ты время упустилъ, да! Ныпче все это упало, *décadence*; мелкота, mon сiег, полѣзла... бывало, вѣдь кого ни

возьми, все это большущіе люди! Фредерикъ Леметръ, напри-
мѣръ: Рашель, нашъ Мочаловъ! Балетъ: Тальони, Фанни Эль-
слеръ! Опера: Иванъ Ивановичъ Рубини! Вѣдь это выйдеть, бы-
вало, хватить (*поетъ, подражая манеръ Рубини*)

Voglio il cielo, chè limio tormento...

А теперь что?

Le roi plaintif qui s'avance, tif. qui s'avance
Tif qui s'avance tif, tif, tifi...

БУХАРЦЕВЪ. — Это все равно, что... (*напѣвая какъ камаристъ. Отоплевъ хохочетъ. Въ заднихъ дверяхъ появляется Гаммеръ и, сложивъ на груди руки, смотритъ на пирующихъ*).

ЗНАВЪСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ квартирѣ Бухарцева, бѣдная комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

САША сидитъ съ книгой, ЛАВРЕНКО ходитъ изъ угла въ уголъ.

САША (*читаетъ, улыбается и качаетъ головой*). Вранье... еще вранье... считай, сколько разъ я скажу еще... Еще... еще... а вотъ это ужъ клевета, гадость! (*Складываетъ книгу*). Досадно читать—и охота-же марать бумагу, писать о томъ, чего не знаешь и не слышишь!...

ЛАВРЕНКО. — А пусть ихъ упражняются! Ты должна-бы радоваться. Намъ дѣла больше. Пусть всѣ типографіи будутъ завалены работой, изъ сотни книжонокъ авось одна и выберется путная. Да и ерунда полезна, дай вратъ въ волю—она сама тебя перевереть. И народъ распознаеть ее до тонкости; все-таки польза.

САША. — И мы такую же чернь печатать будемъ?

ЛАВРЕНКО. — Такую-же.

САША. — Эхъ, я думала...

ЛАВРЕНКО. — Что думала? Идеалы сочиняла... Ахъ ты, смѣшная моя дѣвочка! Тутъ не до жиру, быть бы живу. А я такъ думаю, что изъ нашего скромненькаго дѣла ничего не выйдеть.

Саша. — Что, ты носъ повѣсилъ? Малодушный ты, малодушный?

Лавренко. — Гдѣ оно малодушіе? Прямо смотрю на вещи и говорю спокойно: денегъ нѣтъ и достать ихъ негдѣ; а безъ денегъ, не то что типографію—куратника не устроишь. Только товарищей отъ мѣстъ отобьешь, да самъ запутаешься.

Саша (*печально*). — Стало быть, и все отложится въ дальній щель?

Лавренко. — Ахъ, Саша! Ты думаешь, мнѣ легко? Бѣднякъ ничто даромъ недается, все надо взять съ бою... (*садится подлѣ нея*). Свѣтъ не клиномъ сошелся, не это дѣло, такъ другое добудемъ; здѣсь неудастся, поѣдемъ на югъ, да на Днѣпрѣ, или на Бугѣ устроимъ писчебумажную фабрику; тамъ капиталъ скорѣй найдемъ! Ужъ своего добьемся. За то, какая полная жизнь-то насъ ждетъ! счастья-то сколько! Подумай, моя дорогая... (*беретъ ее за руки*). Ты, можетъ, сомнѣваешься во мнѣ или въ себѣ?

Саша. — Нѣтъ, Гриша... Да жаль, много жизни-то такъ уходитъ... Дни за днями, дни за днями; сколько ужъ ихъ ушло! Глядишь, и молодость пройдетъ — и все такъ даромъ.

Лавренко. — Даромъ! Вотъ ужъ это вы напрасно! Живемъ, что же nibудь дѣлаемъ, хоть честный хлѣбъ ѣдимъ, и то ужъ великое дѣло! А, впрочемъ, явольте, предадимся, душенька, специально амурнымъ дѣламъ, запоемъ съ смилнмъ рай и въ палашѣ! попробуемъ, можетъ, веселѣй будетъ; я съ моимъ удовольствіемъ.

Саша. — Ну, и глуность сказалъ.

Лавренко. — Нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, ребятишки вокругъ пищать стануть, голодные, а мы подъ эту музыку все будемъ цѣловаться на разныя манеры.

Саша. — Да ужъ не размазывай! Ты вотъ лучше подумай, какъ помочь дѣлу, куда еще толкнуться. Отецъ ужъ нѣсколько дней твердить, что имѣеть въ виду что-то вѣрное; сегодня ушелъ такой веселый.

Лавренко. — Твой отецъ не въ ту дудку играетъ, и не въ ту дверь стучится, куда слѣдуетъ. Да, я согласенъ лучше съ послѣднимъ кулакомъ имѣть дѣло, чѣмъ съ первѣйшимъ филантропомъ. Кто-жъ не знаетъ что филантропія—красивая заплата на дырявомъ рубищѣ! Бываетъ кабала тяжелѣй денежной. Не помню, рассказывалъ ли я тебѣ, какъ меня направили къ одному господину: знатный филантропъ и просвѣщенія ревнитель, самъ душеспасительныя книжки издаетъ. Хорошо, говорить, мнѣ нравится ваша мысль, готовъ снабдить васъ фондомъ

только ужь вы кромѣ бланковъ, да моужь рукописей, ничего не печатайте. А какъ пошелъ онъ на счетъ артели, то да се, уставъ, разныя правила, порядки, чуть не форменное платье... Э, вижу, баринъ бьетъ на какое-то дисциплинарное высканіе. нѣтъ, говорю, намъ такъ не сходно, работники разбѣгутся, — счастливо оставаться! Такъ вотъ какіе бывають благодѣтели; съ кулакомъ сойтись способнѣй.

Саша. — Однако, вотъ кулаки не даютъ, а отецъ найдетъ, Лавренко. — Коли гдѣ валяются шальные деньги, можетъ и найдетъ.

Саша (*поддразнивая*). — Да ужь найдетъ, найдетъ! Не даромъ онъ сталъ такъ прытко бѣгать. Ты, Гриша, не сердись и не смѣйся — вчера отецъ сказалъ мнѣ, что отнесъ записочку, чтобы насъ, какъ слѣдуетъ, въ церкви оглашали.

Лавренко. — Вотъ какъ! Ничего не сдѣлано, а мы ужь и свадьбу ватѣваемъ. Ребячество! Ахъ досадно мнѣ, что онъ тебя лишь съ толку сбиваетъ! Ну къ чему это, когда еще ничего нѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бухарцевъ.

Бухарцевъ. — Какъ ничего нѣтъ! Какъ нѣтъ! Анъ врешь все есть, — тинись на рейдъ!

Саша. — А что, а что, Григорій Данилычъ! говорила?

Лавренко. — Погодите, еще рано радоваться. Иванъ Петровичъ, вы обстоятельнѣе объясните, безъ восклицательныхъ знаковъ, а потолковѣе, да съ цифрами.

Бухарцевъ. — А ты думаешь, нѣтъ! Изволь, изволь: мой старый другъ, завадичный пріятель, Левъ Сергѣичъ Ополъевъ.

Лавренко. — Вѣроятно, большой баринъ?

Бухарцевъ (*помянувъ съ досадой*). — Да побольше насъ съ тобой... Онъ не здѣшній и на здѣшнихъ даже не похожъ, гѣтъ шестнадцать за границей возжался; то есть, со всѣмъ европеецъ, просвѣщеннаго ума человекъ и богачъ страшный. Довольно? Вотъ онъ капиталъ отвалить съ удовольствіемъ по первому слову.

Лавренко. — А на какихъ условіяхъ?

Бухарцевъ. — Какія тамъ условія? вамъ на дѣло нужны деньги, онъ дастъ и берите. Человекъ отъ души, а они условія... условія!

САША. — Безъ условій ми не возьмемъ. Онъ богатъ, ему ничего не значать деньги, а мы хотимъ знать свои обязатель-ства. Петлю на шею надѣть не желаемъ. Нѣтъ, нѣтъ, такъ не возьмемъ.

БУХАРЦЕВЪ. — Да что ты тараторишь? Слова не дастъ выговорить! А вѣдь сама рада, по глазамъ вижу.

САША. — Разумѣется, рада... только дѣло должно быть на чистоту, безъ всякихъ недомолвокъ.

БУХАРЦЕВЪ. — Да вотъ онъ сейчасъ сюда явится, тогда и толкуйте съ нимъ сами... Только лучше не занимайтесь объ усло-вяхъ, не конфузьте человѣка; онъ отъ души, самымъ благо-роднымъ манеромъ, а они съ нимъ торговаться будутъ!

САША. — Непремѣнно торговаться.

ЛАВРЕНКО. — Да еще посмотримъ, можетъ, этого барина придется отсюда прямо въ сумасшедшій домъ свезти; не при-готовить-ли загода свивальники, да взять нэвошничью карету? *(Отходитъ, разговаривая съ Сашей).*

БУХАРЦЕВЪ *(про себя)*. — А вѣдь они, пожалуй, все дѣло испортятъ. Экой каторжный народъ! Ничѣмъ ты его не сло-мишь... Леонъ обидется, вся обѣднѣ пропала! Предупредить его... да, пойду, подожду на улицѣ. Чортъ бы васъ побралъ съ вашей амбиціей! Пойду *(Имъ)*. Я сейчасъ, господа, сейчасъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

САША и ЛАВРЕНКО.

САША. — Что ты объ этомъ думаешь, Гриша?

ЛАВРЕНКО. — А вотъ мы попробуемъ этого барина со всѣхъ сторонъ... Тутъ что нибудь да не такъ... Иванъ Петровичъ чудакъ, онъ состарѣлся въ такихъ понятіяхъ, что дѣло по душѣ лучше всего, а изъ этихъ душевныхъ-то дѣлъ выходитъ иногда чортъ знаетъ что! Да ужъ одно нравственное рабство чего стоить. Впрочемъ, это какой-то европеецъ отыскался, — просвѣщенный умъ... ха... ха! Конечно, тамъ на такія понятія смотреть проще, какъ на дѣло обиховенное. Можетъ быть, можетъ быть! И откуда онъ выкопалъ этого субъекта? Любо-пытно!..

САША. — А я вѣрю *(Лавренко смѣется)*. Ну, мнѣ хочется вѣрить, что изъ этого выйдетъ толкъ.

ЛАВРЕНКО. — Дитя ты, дитя!

САША. — Прибавь! дитя, которое слышкомъ сильно любить тебя, гадкій человекъ!

ЛАВРЕНКО (*взявъ ее за голову, хочет поцеловать*). — Разрѣшается? На радостяхъ (*цѣлуетъ ее*). А коли ничего не выйдетъ, такъ зачтите это въ счетъ будущихъ благъ. Вы же виноваты. (*Еще цѣлуетъ*). Зачѣмъ вѣрите?.. (*За дверью шумъ; они расходятся*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

САША, ЛАВРЕНКО, БУХАРЦЕВЪ и ОПОЛЬЕВЪ (*одѣтъ молодо-жаво и франтомъ*).

БУХАРЦЕВЪ (*въ дверяхъ тихо Опольеву*). — Помни, Леонъ, держись крѣпче, не сдрейфни!

ОПОЛЬЕВЪ. — Оставь, знаю.

БУХАРЦЕВЪ. — Прошу покорно; вотъ это моя дочь, это нашъ Григорій Даниличъ, а тебя они знаютъ! знаютъ — и шабашъ! Церемоніаль соблюденъ; теперь «на воду» и валай.

САША. — Садитесь, пожалуйста, только стулъ выбирайте покрѣпче.

БУХАРЦЕВЪ. — Да, у насъ картъ-компанія того, хромаетъ. (*Садятся, кромѣ Лавренки, который ходитъ, а во время рчи ей становится за стуломъ Саша*).

ОПОЛЬЕВЪ. — Прошу полюбить-сь... вѣдь съ вашимъ отцомъ мы $\frac{1}{4}$ столѣтія почти знакомы, и друзья, товарищи. Но что несравненно важнѣе: я былъ искреннимъ другомъ вашей матушки, и слышкомъ дорожу воспоминаніемъ о ней. Ахъ, это было въ лучшіе годы моей жизни.

САША. — Вы были влюблены въ нее, что-ли?

ОПОЛЬЕВЪ (*его коробитъ*). — То-есть... regardon... какъ это вы такъ нескромно спрашиваете? и эдакъ à bout portant... ха... ха!

САША. — Что-жъ удивительнаго! Танцовщица и красавица; поклонниковъ у нея вѣрно было много... Я лишилась ее ребенкомъ, ничего тогда не понимала, а знаю, что матушка была славная, добрая, честная женщина... я уважаю ее память.

ОПОЛЬЕВЪ. — О, да! Это была святая, безкомечно добрая душа!.. И какъ вы на нее похожи, удивительно!

САША. — Э, пожалуйста, пожалуйста! Я не святая и не добрая, а по части красоты тоже, кажется, подгуляла... Даже отецъ прозвалъ меня рябчикомъ, потому что вескушан...

ОПОЛЬЕВЪ. — Ха, ха, Jean, ты, братецъ, просто шутъ геро-

вашъ... А вотъ что говорить Григорій э... э... э... радонъ?

Бухарцевъ. — Данилычъ.

Опольевъ. — Да, Григорій Данилычъ вѣрно другаго мнѣ-ни, и я зарази́е съ нимъ совершенно согласи́е.

Лавренко (*про себя*). — Это маркизъ какой-то! (*Ему*). Мы съ Александрой Ивановной свои люди, сладостями другъ друга не кормимъ... Можетъ быть, я къ ней и пристрастенъ немного.

Опольевъ. — Гмъ, да, да! Мнѣ кое-что извѣстно! Jean все рассказъ мнѣ. Извините, что я такъ прямо—ваше счастье для меня... т.-е. я хочу сказать, дружба вашей дорогой матери дастъ мнѣ право на вашу... э... э... интимность.

Лавренко. — Интимность? Да у насъ и нѣтъ никакихъ секретовъ; мы сошлись, полюбили другъ друга, согласились быть мужемъ и женой и все тутъ! Для васъ это не интересно.

Опольевъ. — Какъ не интересно! Помилуйте, въ высшей степени интересно!

Лавренко (*тихо Саша*). — Тронуть... Давай свивальники. (*Ему*). Это странно! Каждый день множество людей женится,—фактъ ничуть не интересный. При томъ, въ семейныя дѣла также не слѣдъ и мѣшать всякаго.

Опольевъ. — Всякаго... всякаго, да, но неужели-жъ я всякій?

Лавренко. — А то, какъ бы вы думали? Впервые въ жизни встрѣчаеся! ми для васъ всякое, и вы для насъ тоже!.. (*Немного молчитъ. Опольевъ погружается въ печальное раздумье. Бухарцевъ, отойдя въ глубину сцены, качаетъ головою, сватаетъ се обѣими руками*).

Лавренко. — Вы, кажется, пожаловали сюда по другому дѣлу: позволите войти къ намъ компаніономъ?

Опольевъ (*очнувшись*). — Какимъ компаніономъ?

Лавренко. — Да по типографіи.

Опольевъ. — Да, да, это ужъ дѣло рѣшонае!

Лавренко. — Она будетъ у насъ на артельныхъ началахъ. Не хотите-ли прежде рассмотреть проектъ?

Опольевъ (*удерживая ея*). — Нѣтъ, зачѣмъ же? Я это дѣло знаю... На западѣ нѣдъ это дѣло какъ яриники некутъ. М-м-м... видите-ли, я воротился и не знаю за что приняться; ничего тутъ не пойму, да и не мудрено, у васъ тутъ толчея какая-то... между тѣмъ наматалъ лажить такъ, вправдо...

Бухарцевъ. — Вѣдь у тебя въ банкѣ больше сотни тысячъ, я думаю, набралось?

Опольевъ. — Не мѣшая! я радъ пристроить, дѣло ваше вѣрно, хорошее.

Саша. — Согласитесь-ли вы на наши условия, потому что капиталу у насъ не предвидится никакихъ крупныхъ барышей. Вы какъ, сами процентъ назначите, или...

Ополъевъ. — Процентъ, — да что-жь, я право не знаю. (Тихо). Кой чортъ тамъ процентъ? Что я, ростовщикъ что-ли?

Бухарцевъ (тихо). — Навались, навались! рѣзани ихъ хорошенько, потомъ спустись.

Ополъевъ (ей). — Банкъ мнѣ платитъ э... э... э... сколько бышь?

Бухарцевъ. — Пять процентовъ; — больше, братъ, тебѣ банкъ не заплатитъ ни подъ какимъ видомъ.

Ополъевъ. — Ну вотъ, ну вотъ... Si cela vous convient, дѣло кончено.

Саша. — А вы не спросили ничего: сколько, какъ пойдетъ погашеніе, во сколько лѣтъ, — у насъ вѣдь это все рассчитано до малѣйшихъ подробностей.

Ополъевъ. — Ого! мы тоже по бухгалтеріи! ха-ха! Безподобно, безподобно! (Глядитъ на нее съ особенною тщательностью). Это все детали, пустяки, вадоръ. Считаю себя особенно счастливымъ, что привелось услужить вамъ, m-lle Alexandrine... простите, что, такъ васъ называю, вѣдь крестичной на рукахъ носить. (Беретъ ее за руку).

Саша. — Я не барышня церемонная, со мной, Левъ Сергѣичъ, пожалуйста, будьте проще.

Ополъевъ. — Ваши глаза такъ много напоминаютъ мнѣ теперь, въ эту минуту я чувствую...

Лавренко (съ стороны). — Ай, побѣжать за сумасшедшей рубашкой.

Ополъевъ. — Чувствую себя лучшимъ, свѣжнимъ человекомъ.. Тяжелое бремя съ души упало, и я...

Бухарцевъ (замыкая, что Ополъевъ увлекается, слегка покашливаетъ и вдругъ резко перебиваетъ его). Узнаю тебя, mon cher, узнаю! Вѣчно такъ, денегъ терять не можетъ, пока онъ есть, томится, томится, покоя не знаетъ, а сбухалъ... т.-е. пристрондъ, ну и бремя съ души свалилось.

Ополъевъ (промокъ съ сердцемъ). — Что ты тамъ врешь? Деньги дрянъ; стану я о деньгахъ!

Бухарцевъ. — Я такъ, вскользя...

Лавренко. — Теперь позвольте намъ съ Александрой Ивановной удалиться въ совѣщательную комнату; тамъ обсудимъ ваше предложеніе и вынесемъ подобающій отвѣтъ. (Уходя, тихо шепчетъ). Если не сумасшедшій, такъ кандидатъ. (Уходятъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О ПОЛЬЕВЪ И БУХАРЦЕВЪ.

Опольевъ. — Уфъ, кажется, кончено... фу ты чортъ побере, измучили совсѣмъ! А вѣдь я молодець, выдержалъ.

Бухарцевъ. — Да, выдержалъ, раза два такъ заврался, что я чуть было тебя не укусилъ.

Опольевъ. — Какое два раза, помилуй! Да я все врагъ... и мастерски. Но только я не могу такъ долго... глаза ея меня съ ума сводить... и не то, что глаза, а понимаешь?... взглядъ, взглядъ. Ну просто изъ этихъ глазъ Вѣра Васильевна глядитъ... Только, отъ чего она блондинка. Должна быть брюнетка... и на портретѣ волосы темные.

Бухарцевъ. — Это бываетъ; у дѣтей, говорятъ, цвѣтъ волосъ мѣняется. Да что дѣти! Нынѣче вонъ модныя барышни, сегодня черномазая, какъ кочегаръ, а завтра хлопъ! гляди, ходитъ совсѣмъ рыжая.

Опольевъ. — Ты все вздоръ говоришь! А мнѣ такъ грустно! вездѣ чужой, всѣмъ чужой!

Бухарцевъ. — А дѣти? Не знаю, каковъ сыновъ, а дочка ничего—барышня милая... Только строгости у васъ больше много.

Опольевъ. — Да, Ваня, холодно, неприятно, а седьмой десятокъ въ свои права вступаетъ. Северная штука! Ну, да авось аневризмъ выпрутитъ!

Бухарцевъ. — Эхъ, баринъ! Чуть плохо и нони распустилъ, а сколько ты жуировалъ? Посчитай-ка, такъ оно и выйдетъ — слава-те Господи для одной персони! Полно! мы пошатались, теперь новые крейсера пошли. А какъ тебѣ молодець-то нашъ пошатался?

Опольевъ. — Кто? тотъ? Зубастая бестія...

Бухарцевъ. — Да, ужъ нашихъ не замая! Ты извини его, пожалуйста.

Опольевъ. — Нѣтъ, это ничего, это даже мнѣ нравится. Онъ хорошо глядитъ, грубиянъ,—прямо!

Бухарцевъ. — А доброта, братецъ ты мой, честность. У! Да вы сойдетесь, ты полюбишь его. Постой, вотъ ужъ мы въ какойнибудь инпернауцикъ спустимся; тамъ то, да се, по пушкину лихо пойдетъ.

Опольевъ. — Это т. е. на счетъ кабачка?

Бухарцевъ. — У насъ, Леонъ, строгости никакой; зато тепло, душа моя, тепло!

Опольевъ. — А что ты думаешь, Бухарцевъ? Вѣдь я то-го... не мѣшаешь немножко эдакъ s'encanailler... идти!...

Бухарцевъ. — Руби канатъ, чортъ возьми! Ха-ха-ха! Да ты новую жизнь узнаешь, отогрѣешься, mon cher! А вотъ и наши летать, какіе веселые, на всѣхъ паракъ дуятъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Опольевъ, Бухарцевъ, Лавренко и Саша.

Лавренко. — Александра Ивановна, слово за вами.

Саша. — Благодарить васъ, Левъ Сергѣичъ, мы не имѣемъ права, мы не на столько самонадѣяны, чтобы принять на свой счетъ ваше довѣріе. Вы дѣлаете это по дружбѣ къ моему отцу, — собственно мы тутъ не при чемъ, и дѣло наше будетъ, говорить откровенно, для васъ совершенные пустяки. Вы даже не удостоили разсмотрѣть его повнимательнѣе... Изъ такого положенія вещей могутъ выйти одни только недоразумѣнія и неприятности. А вы человѣкъ, какъ видно, хороший, позволяете сказать вамъ это прямо въ глаза: кто не отворачивается отъ бѣдника стараго пріятеля, тотъ человѣкъ отличный! Такъ вѣдь же вамъ съ хорошимъ человѣкомъ становиться въ дурныя отношенія! Мы лучше хотимъ быть съ вами добрыми друзьями, — а потому извините, никакъ не можемъ принять вашего предложенія.

Опольевъ. — Вы ниѣ...ниѣ отговариваете?

Бухарцевъ. — Вотъ те на! (*Машетъ отчаянно рукой и садится подаль*).

Лавренко. — Мы себѣ не позволяемъ сдѣлать канительной глупости.

Саша. — Извините, Левъ Сергѣичъ, подумавши хорошенько, вы насъ оправдаете.

Опольевъ. — Гмъ! Скажите, вы люди практичные, какъ это по здѣшнему, реалисты, что-ли?

Лавренко (*съ усмѣшкой*). — То есть, какъ вамъ сказать. Пожалуйста, не обижайте насъ тѣми неглѣпными кличками, что выдуманы досужными умниками! Мы люди просто, бѣдники, ищемъ работы и хлѣба, стало, практическіе.

Опольевъ. — Коли вы практическіе люди, то должны согласиться на мое предложеніе; отъ него и вамъ, и обществу прямая польза, а мнѣ истинно высокое наслажденіе. (*Лавренко сме-*

прикасаюсь съ нею кристаллами). Мнѣ только необходимо объяснитьсь съ М-ле Alexandrine...

САША. — Извольте, что такое?

ОПОЛЬЕВЪ. — Нѣтъ! нѣтъ! При всѣхъ нелзя-съ, мы тоже должны укрыться въ совѣщательную комнату, ха-ха!

ЛАВРЕНКО (про себя). — Маркивъ, маркивъ! Э!.. (Чешетъ затылокъ).

САША. — Отчего-же не при всѣхъ свидѣтеляхъ? здѣсь все свои.

ОПОЛЬЕВЪ. — Есть вещи, которыя могутъ быть сказаны только съ глазу на глазъ.

ЛАВРЕНКО (про себя). — Ей Богу! пошлать маркивъ жевать.

ОПОЛЬЕВЪ (какъ можно тише). — Пойдемте, дружокъ мой, я объясню вамъ всю тайну. (Галантно предлагаетъ Сашѣ согнуть локоть и ведетъ ее къ боковой двери).

БУХАРЦЕВЪ (скакиваетъ отрометью за ними). — Леонъ! Одно слово.

ОПОЛЬЕВЪ. — Оставь насъ!

БУХАРЦЕВЪ. — Леонъ, вспомни... я тутъ. (Шопотомъ). Меня щадн... (Опольевъ и Саша уходятъ, плотно затворивъ за собою дверь).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ЛАВРЕНКО и БУХАРЦЕВЪ (на противоположныхъ сторонахъ сцены).

ЛАВРЕНКО. — Ахъ, дьявольщина! Что-же это? Да вѣдь если наибѣйшее оскорбленіе, я за себя не ручаюсь... я такъ спущу!..

БУХАРЦЕВЪ. Ну, вдругъ онъ ей все ляпнетъ?.. Хорошо я буду отецъ!... Вѣдь это хоть севозъ землю провалиться... Вотъ тебѣ и тонко совралъ! За чѣмъ я! за чѣмъ, старый болванъ!

(Оба начинаютъ ходить по сценѣ съ величайшимъ волненіемъ. Между рѣчами большіе промежутки. Вопросы и ответы говорятъ только тогда, когда сталкиваются лицомъ къ лицу).

БУХАРЦЕВЪ. — Пустить онъ меня ко дву,—какъ есть пустить!

ЛАВРЕНКО. — Вотъ открытіе-то! Да чего ждать добраго отъ этого старья? Всѣ они извѣстные ферлакурн!..

БУХАРЦЕВЪ. — Вѣдь эгонстъ проклятый! Только о себѣ и думаетъ!

ЛАВРЕНКО. — Вишь, старий довелась, съ чѣмъ подѣлалъ!
 БУХАРЦЕВЪ (*встрѣтись*). — Чтѣ?

ЛАВРЕНКО. — Ничего. (*Расходятся*).

БУХАРЦЕВЪ. — И Лавренко что-то кинятися. Ага! не умѣлъ
 разнюхатъ, а теперь, видно, понялъ. (*Потрясая руками надъ
 головою*). — О! небо и земля.

ЛАВРЕНКО. — Послушайте вы, трагикъ!

БУХАРЦЕВЪ (*встрѣтись*). — Тебѣ чтѣ отъ меня нужно?

ЛАВРЕНКО. — Шутъ Риголетто, былъ, пожалуй, почестиѣ
 насъ съ вами.

БУХАРЦЕВЪ. — Мнѣ-то какое дѣло? Я его знать не хочу!

ЛАВРЕНКО. — Онъ пряталъ дочь отъ барина, а когда нуж-
 но, умѣлъ мстить.

БУХАРЦЕВЪ. — А наплевать мнѣ на него!

ЛАВРЕНКО (*про себя*). — Ну, коли онъ ей хоть одинъ обид-
 ный намекъ, ужъ я его обработаю!

БУХАРЦЕВЪ. — Не могу, пойду... это нѣтъ!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ И САША; у нея глаза сильно заплаканы, за нею Ополъ-
 евъ, печальный.

ЛАВРЕНКО. — Плакала! }
 БУХАРЦЕВЪ. — Шабашъ! } Вмѣстѣ.

САША. — Напенька! Гриша! мы не имѣемъ права обижать
 Льва Сергѣича, мы должны принять эти деньги, потому что
 онѣ принадлежать моей матери.

ЛАВРЕНКО. — Чтѣ ты говоришь?.. Не можетъ быть?

САША. — Это старий и честный долгъ Льва Сергѣича. Мнѣ
 даны доказательства; вотъ письмо моей матери, прочти! (*Лав-
 ренко беретъ отъ нея торопливо письмо и читаетъ. Въ это
 время между Ополъевымъ и Бухарцевымъ тѣлое, мимическое мол-
 чаніе, которое совершенно успокаиваетъ Бухарцева*).

ЛАВРЕНКО. — Ва! вотъ чтѣ! это совсѣмъ другая статья,
 совсѣмъ другая!.. Извините, Левъ Сергѣичъ... Это съ вашей
 стороны дѣло честное, справедливое; зачѣмъ-же вы прямо не
 сказали?..

САША. — Простите, простите насъ, добрый, хорошій Левъ
 Сергѣичъ!

Ополъевъ. — Помните! виноватій я, а не вы. Благодарю

васъ, Alexandrine, для меня сегодня большой праздникъ... О! какъ-бы охотно я раздѣловалъ васъ.

Саша. — Почему-же, отъ всего сердца!

Ополевъ (*цѣлуетъ ее*). — Милая, славная, умница!

Вухарцевъ. — Молодецъ, Шурка! молодецъ!

Саша (*оссело*). — Вѣдь Гриша давеча принялъ васъ за комѣшаннаго.

Ополевъ (*Бухарцеву*). — А все ты нагородилъ, шутъ гороховый! Забудемъ это, я такъ счастливъ. Признаешь, я испытываю такое новое, такое отрадное чувство... я... восхищенъ. (*Еще цѣлуетъ Сашу*).

Лавренко. — А что, Левъ Сергѣичъ, дѣвка-то, въ самомъ дѣлѣ, добрая; очень она вамъ нравится?

Ополевъ. — Прелесть, прелесть... это сокровище!

Лавренко. — Хи! Ну! такъ надо поспѣшать, а то дрянъ дѣло, еще вы у меня отбѣете ее.

Ополевъ. — Ха-ха! Brave garçon! Право, вы мнѣ очень симпатичны (*подаетъ ему руку*)... Когда-жъ свадьба? Поскорѣй-бы!

Лавренко. — Да пусть ужъ не для однихъ васъ будетъ сегодня праздникъ: мы, вотъ, пообѣдавши, пойдемъ къ Покрову, къ вечерни, а послѣ вечерни, кстати, и повѣнчаемся. — Придете?

Ополевъ. — Какъ? такъ вдругъ! ха-ха-ха! Это оригинально! Какъ-то совсѣмъ поамерикански! очень оригинально. (*Бухарцеву*)—Ванька! а вѣдь это мнѣ нравится!

Вухарцевъ. — Оно хорошо, только надо-бы... балникъ тамъ какой, или что-нибудь.

Лавренко. — Э! нѣтъ, шалишь, тятенька! балникъ ужъ это будетъ въ день открытiя нашей типографiи. Вѣдь такъ, хозяйка моя?

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Гаммера. Письменный столъ заваленъ бумагами. Мебель покойная, мягкая. На дверяхъ портьеры. Часть 5-й днй. Лампы зажжены.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ среднюю дверь входитъ Гаммеръ, за нимъ слуга.

ГАММЕРЪ. — Что это за народъ въ передней толпится?

СЛУГА. — Разные-съ, изъ магазиновъ, отъ португаго, оружейника, все въ старому барину.

ГАММЕРЪ. (*Онъ раздраженъ*). — А вы осли! Какъ-же вы смѣете пускать всякій сбродъ? И какой тутъ старый баринъ. Баринъ въ домѣ одинъ. Если я еще увижу этого базаръ — и швейцара и всѣхъ васъ вонъ въ ту-же минуту. А что, Левъ Сергѣичъ въ дорогу собирается?

СЛУГА. — Никакъ нѣтъ-съ; нездоровы, послали въ аптеку, за лекарствомъ.

ГАММЕРЪ (*про себя*). — Вотъ тебѣ на! не ѣдетъ... гм... (*Громко*). Хлосъ какой-то завелся, безпорядокъ во всемъ! Попроси сюда барина. (*Слуга уходитъ*). Это чортъ знаетъ что такое! Да, да, скорѣй его спустить въ провинцію; къ идиоту сингу... Сегодня или завтра непременно... А здѣсь онъ балуши бьетъ и отъ нечего дѣлать вонъ какую коммерцію завелъ — со всѣми цѣхами! Денегъ перебралъ чертову гибель и замѣтить не смѣй, обижается! Со мной уж не говорить, а сносятся письменно: «пришлите 500, пришлите 1,000», точно я его банкиръ! — Ужь около восьми, не довольно-ли!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гаммеръ и Софья, потомъ Яковъ.

ГАММЕРЪ. — Я не хотѣлъ войти къ тебѣ, Софи, помѣшать; у тебя вѣчно общество.

СОФЬЯ. — У меня никого нѣтъ, Максъ.

ГАММЕРЪ. — Даже и того маленькаго греченка, который въ послѣднее время пустилъ корни въ твоей гостиной.

Софья. — А... ты ревнуешь?

Гаммеръ. — Ну, этой чести отъ меня не скоро дождетесь! Дѣло гораздо серьезнѣе... я съ дурными вѣстями... При постороннихъ, конечно, не только не скажу, не хочу даже, чтобъ на лицѣ моемъ замѣтили.

Софья. — На твоемъ лицѣ даже я ничего не могу прочесть.

Гаммеръ. — Тѣмъ лучше. (*Садится къ письменному столу, говоритъ скоро, отрывисто, облокотясь и закрывъ глаза ладонью*). Общанная тебѣ дача не можетъ быть куплена. Сегодня была ликвидация ноябрьскихъ сдѣлокъ. Ты въ этомъ ничего не поймешь. Результатъ тотъ, что я съ громаднымъ минусомъ, — не знаю, какъ и выпутаюсь...

Софья (*трусливо*). — Максъ — мы разворены?

Гаммеръ (*поднявъ юлову*). — Кто сказалъ разворены? Завтра у насъ большой обѣдъ; всѣ будутъ. Распорядись, чтобы какъ можно лучше. Нужно что нибудь необыкновенное, невозможное... И притомъ самыя счастливыя фюзіоміи!... (*Молчаніе*).

Софья. — Сегодня получила письмо отъ Вадима.

Гаммеръ. — Что онъ, денегъ просить?

Софья. — Да. Пишетъ, что онъ боленъ.

Гаммеръ. — Боленъ? Гмъ! Папа отложилъ поѣздку?

Софья. — Кажется.

Гаммеръ. — Однакожъ, ты ему говорила?

Софья. — Да. (*Входитъ Яковъ и подаетъ на серебрянномъ подносе записочку*).

Гаммеръ. — Опять! (*Читаетъ записку*). М... м... да! хорошо, ступай!

Яковъ. — Баринъ приказали отвѣтъ получить сейчасъ же.

Гаммеръ. — Ты глушь и грубъ. Скажи Льву Сергѣичу, что отвѣтъ передамъ лично.

Яковъ. — Доложу-съ. Миѣ что жъ? Миѣ какъ приказано, а такъ я долженъ.

Гаммеръ. — Безъ разсужденій! (*Яковъ, бросивъ на него свирттый взглядъ, медленно удаляется*). Постой, ты! А знаешь-ли, что, любезный, поди-ка ты въ дворецкому, да получи свой расчесть, и убирайся на всѣ четыре стороны.

Яковъ. — Миѣ расчесть? Да, нѣшто я вамъ служу?

Гаммеръ. — Вонъ сію минуту! (*Яковъ уходитъ*). Вотъ какъ глубоко идетъ разладъ въ домѣ, сверху внизъ! Каждый день насмѣшечки, шуточки, не разбирая при комъ, и вотъ плоды! Авторитетъ мой совсѣмъ пошатнулся... люди осмѣливаются... О, я до нихъ доберусь! Старикъ сыплетъ имъ сумасшедшими

деньгами, мои же... Они вообразили, что голова тутъ старый баринъ! Ха, ха. Якова я давно замѣтилъ.

Софья. — Папа его очень любить. Это опять новая исторія.

Гаммеръ. — Ахъ, та сѣге, что жь дѣлать-то? Ну, выгоните меня... Согласись, что мы стѣсняемъ себя сколько можемъ, но всему есть предѣлъ. Конечно, нужно соблюдать всевозможныя эти égards, однако, ты сама замѣтила, что нашъ домъ скоро обратится въ притонъ какихъ-то пьяныхъ мизераблей.

Софья. — Да, меня признаюсь, ужасаетъ то общество, въ которое онъ попалъ. Какъ это можно? Явиться на какую-то мѣщанскую свадьбу, — въ парижскомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, стоять въ толпѣ какихъ-то мастеровыхъ, грубыхъ, грязныхъ... *des prolétaires enfin!* Это ужасно!.. И кто же? Огъ! онъ, который выросъ въ великосвѣтскихъ гостинныхъ... непо-стижимо!

Гаммеръ. — Видишь, другъ мой, ты узнала только половину дѣла и ужасеешься. Тебѣ я очень благодаренъ: ты мнѣ дала въ руки нить, по которой я добрался до всѣхъ его тайнъ, и скажу тебѣ откровенно, хоть и не ужаюсь, но я неспокоенъ, я очень неспокоенъ за твоего несчастнаго отца.

Софья. — Ты меня пугаешь, Максъ! Ему грозить опасность?

Гаммеръ. — Пока еще его обираютъ только! Взялъ у меня разомъ семь тысячъ, потомъ еще бралъ что-то; наконецъ, вотъ сейчасъ записка, прочти. (*Показываетъ записку*). «Пришлите двѣ тысячи, вѣроятно, послѣднія. Леонъ». Вѣдь это чисто, какъ Ротшильдъ командуетъ! Я отъ слова не отступаю, выдаю, но вижу, что конца нѣтъ, а главное употребленіе этихъ денегъ таково, что я... я... не ручаюсь за послѣдствія... Дѣло можетъ кончиться на скамьѣ подсудимыхъ...

Софья. — О, Боже! Отецъ мой!.. на скамьѣ... (*Закрываетъ лицо платкомъ*). Но, Максъ, вы его спасете, не правда-ли?

Гаммеръ. — Примемъ всѣ мѣры, и ты извини, душа моя, если эти мѣры будутъ немного рѣшительны. Уѣхать ему необходимо хоть на время. Я пригласилъ Винницаго; мы тутъ посоветуемся... А между тѣмъ, ей-Богу, у меня голова трещитъ отъ моихъ собственныхъ дѣлъ! Въ эту минуту мнѣ необходимо собрать какъ можно больше наличныхъ средствъ, чтобы спасти мой кредитъ, а тутъ со всѣхъ сторонъ по клочкамъ щиплютъ... признаюсь, надо имѣть мое терпѣніе!..

Слуга. — Г-нъ Винницій.

Гаммеръ. — Проси сюда. Другъ мой, если тебѣ угодно, остаться, отъ тебя секретовъ нѣтъ! Можетъ быть, Винницій стѣснитса.

Софья. — Нѣтъ, Максъ, я уйду, я не могу слушать этихъ ужасовъ... Мнѣ ужъ и теперь такъ и представляется эта сцена... обвиняемыхъ, какъ правильнѣе? Но это страшно, страшно!..
(Уходитъ на право. Въ задней двери появляется Виницкій).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Гаммеръ и Виницкій.

Виницкій. — Я никого не обезпокоилъ? (Входитъ). Вашему превосходительству имѣю честь кланяться.

Гаммеръ. — Здравствуйте! Садитесь. Я за вами прѣзжалъ; тутъ дѣло экстренное.

Виницкій. — Радъ служить на пользу отечества! Что повелите?

Гаммеръ. — Да все о томъ же, исторія о блудномъ отцѣ, та, ха! нынче роли переимѣнились: сыновья блудные перевелись, ихъ замѣнили отцы... Кажется, я вамъ говорилъ, что въ послѣднее время траты у насъ начались непоимѣримы; сначала я думалъ, что это какая-нибудь прихоть старца,—понимаете?—Какая нибудь тамъ француженка, модистка, словомъ старикъ грѣшнѣе, который можно понять, объяснить и даже извинить; но дѣло оказывается гораздо хуже...

Виницкій. — Хуже?— Это отлично! т. е. любознательно... Позвольте папироску? (закуриваетъ).

Гаммеръ. — Онъ попалъ въ шайку ловкихъ мошенниковъ, которые эксплуатируютъ его и для дѣлей самыхъ опасныхъ, самыхъ преступныхъ.

Виницкій. — Что вы говорите, Максимъ Максимычъ! Ай-ай-ай!...

Гаммеръ. — Да-съ. У меня своя-сиенская полиція. Теперь я все дѣло держу вотъ гдѣ... (Сжимаетъ кулаки). Подставили какую-то дѣвчонку, увѣрили, что это его дочь; старикъ, разумѣется, разчувствовался, ослабѣлъ, а имъ то и на руну. Теперь на его деньги открыли типографію, вотъ что-съ! Вотъ какой народъ! Воображаю, какія прелести будутъ выходить изъ ихъ типографіи. Понимаете? Вѣдь это по малой мѣрѣ казема-томъ пахнетъ... что-съ?

Виницкій. — Да-да! Народъ отчаянный... На эту тему можно ловко разыграться...

Гаммеръ. — И каково будетъ намъ, когда ния отца явится въ какомъ-нибудь ужасномъ процессѣ! Я обсудилъ все зрѣло. Надо положить этому конецъ.. Прошу васъ (входитъ Яковъ и оглядываетъ комнату).

Т. ССѴІІІ. — Отд. I.

Гаммеръ. Тебѣ что тутъ надо? Ты еще здѣсь?

Яковъ. — Барыню надо. Левъ Сергѣевичъ приказали просить ихъ къ себѣ.

Гаммеръ. — Дуракъ! барыня не иглова, барыню не ищутъ, барыня у себя.—Пошелъ вонъ!

Яковъ. — Слышу, слышу-съ (*уходитъ*).

Гаммеръ. — Я прошу васъ, пособиите мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Виницкій. — Съ величайшею охотою. Только пока, что-жъ я тутъ могу сдѣлать?

Гаммеръ. — Поѣзжайте къ нимъ.

Виницкій (*иступаю*). — Куда-съ?

Гаммеръ. — Въ типографію Лавренки, вотъ адресъ... Я-бы самъ поѣхалъ; но согласитесь, въ моемъ положеніи, это крайне неловко; а вы, — вы человѣкъ дѣловой, мало-ли какія дѣла вамъ поручаютъ, какъ посреднику! Вы это прекрасно обрабатываете.

Виницкій. — Хорошо-съ; но что-же я стану дѣлать?

Гаммеръ. — Первое, — принуждите ихъ процессомъ, и потомъ предложите кончить дѣло мирно: пусть возвратятъ деньги, что выманили у старика и прекратятъ съ нимъ всѣ сношенія.

Виницкій. — Я не знаю... право, это щекотливое дѣло. Мотивы наши слабы! что-жъ, вѣдь старикъ могъ отдать деньги кому вздумается, первому встрѣчному...

Гаммеръ. — А обманъ! а мошенничество? Какую тамъ дочь ему подтасовали? Вѣдь это стоитъ спиритизма, какъ вы думаете? Вы не хотите ѣхать?

Виницкій. — Для васъ, Максимъ Максимычъ, помилуйте!

Гаммеръ. — То-то, для меня! Кажется, вы мнѣ кое чѣмъ обязаны... я имѣю право... Ну а сколько привезете, 10 процентовъ ваши.

Виницкій. — Я не отказываюсь, а сомнѣваюсь въ результатѣ.

Гаммеръ. — Поѣзжайте, пугните хорошенько, какъ юристъ, закономъ; ну, намекните на мои связи... о, я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, у меня имъ не сдобровать! Увѣрю васъ, сейчасъ сдадутся... Вѣдь это народъ дрянъ, привыкъ эдакъ въ темнотѣ, изъ подполя, а выведенные на свѣжую воду, въ ногахъ валиться будутъ: знаемъ мы ихъ.

Виницкій. — Очень хорошо-съ, а завтра же.

Гаммеръ. — Какъ завтра? Сегодня, сейчасъ ступайте. Всякая минута дорога. Старикъ боленъ, сегодня просидитъ дома, а завтра выпроводимъ его къ сыну. Цесъ! вотъ и онъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Трѣвъ и Опольевъ.

Опольевъ. — Гдѣ Софья Львовна? Что съ ней? Зачѣмъ она отъ меня прячется?

Гаммеръ. — Прячется! Какія у васъ странныя предположенія, mon beau père! Она вѣроятно выѣхала.

Опольевъ (*замѣтитъ Винницкаго, который ему низко кланяется*). — Мое почтеніе. Что на биржѣ подѣлывается? Все падаетъ—падаетъ, на baisse идетъ, а?

Винницкій. — Не могу вамъ сказать, я тамъ не бываю.

Опольевъ. — Какъ, не бываю? Вѣдь вы...

Винницкій. — Адвокатъ Винницкій, къ услугамъ вашимъ.

Опольевъ. А! а я думалъ что вы биржевой факторъ, право! Такая наружность у васъ... финансовая физиономія!.. Извините... Я вамъ помѣшалъ, господа. (*Идетъ къ правой двери и остается*). Ага! вонъ и Соня! — а вы говорите, выѣхала. Къ чему эти прятки? Странно, странно! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Гаммеръ и Винницкій.

Гаммеръ (*глядя вслѣдъ ему съ двери*). — Однако васъ, дружи мои, нельзя допустить до слишкомъ нѣжныхъ извѣщеній... барня разчувствуется, все перепортить. (*Винницкому*). Ну, спѣшите же, любезный другъ, экипажъ у васъ тутъ?

Винницкій. — Максимъ Максимычъ, а бы счелъ полезнымъ, т.-е. вы не думайте, я... я не признаю кулачнаго права, однако...

Гаммеръ. — Однако, его боюсь, — хотите сказать.

Винницкій. — Вовсе нѣтъ! Но глупо рисковать идти къ вонямъ, не взявши, по крайней мѣрѣ, доброй дубины. Для этого проща ничего нѣтъ святаго, а я... къ несчастію, я горячъ, мажѣйшее оскорбленіе—вспыхну и чортъ знаетъ что выйдетъ! За себя не ручаюсь...

Гаммеръ. — На этотъ разъ превозможите себя, умѣрьте воинственный азартъ. А дубину я вамъ сейчасъ дамъ. (*Звонитъ, ходитъ дакей*). Позвать Семена! (*Дакей уходитъ*).

Винницкій. — Вы, пожалуйста, Максимъ Максимычъ, не думайте... зная свой характеръ, я избѣгаю всякихъ поводовъ. На

конецъ, что за удовольствіе? Скандаль! Но въ моемъ положеніи связаться съ мальчишками. Для нихъ все равно, а мнѣ... моя репутація. (*Входитъ рослый, здоровый лакей*).

Гаммеръ. — Вотъ вамъ тѣлохранитель; что, благонадеженъ? Семенъ, ты поѣдешь съ баряномъ и будешь дѣлать что прикажутъ.

Лакей. — Слушаю-съ.

Гаммеръ. — Ступайте, ступайте. Я буду васъ ждать.

Винницкій (*возвращаясь отъ двери*). — Максимъ Максимычъ, я отлично придумалъ... Для вѣрности дѣла, нѣтъ-ли у васъ револьвера, хоть не заряженнаго? для вида... вѣдь они трусы.

Гаммеръ. — Они, не знаю; а на вашу счетъ сомнѣваюсь: Винницкій, вы трусите...

Винницкій. — Кто? Я трушу? Это было бы забавно! Ха, ха, ха! Я трушу! До свиданія! Семенъ, впередъ!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Гаммеръ (*однѣн*). — Его могутъ побить, это правда... Ну чай, не въ первый разъ? Есть надъ чѣмъ задумываться! Но мой ударъ, кажется, рассчитанъ вѣрно... Надо теперь съ старикомъ... пустить въ ходъ дипломатическія способности... Сбить его скорѣе съ рукъ... Да, да!.. лишь бы Софи не испортила... (*прикрывшись портжерой, выглядываетъ съ боковую дверь*). Вотъ они ходятъ по залѣ... какъ будто печальны. Сюда идутъ. Мнѣ нужно попасть въ тѣнь... А! (*Блжизитъ къ левой двери и скрывается за ступенною портжерой*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Софья и Ополъевъ.

Софья. — Вѣрно, Максъ пошелъ переодѣться къ обѣду. Скоро шесть часовъ. Отчего, снѣгъ рара, ты не хочешь остаться съ нами? И куда ты поѣдешь, больной?

Ополъевъ. — Нелзя, душечка, нелзя! нужда. Да вѣдь я вамъ и надобѣлъ порядкомъ...

Софья. — Quelle idée, mon père! Мы такъ счастливы, что могли окружить тебя комфортомъ, довольствомъ... развѣ ты не видишь? (*Садятся*).

Ополъевъ. — Вижу, вижу, ma petite, и очень благодаренъ. Вы стараетесь больше, чѣмъ нужно.

Софья. — Удалить тебя отъ всѣхъ заботъ, отъ всѣхъ неприятностей, главное неприятностей, которыя, по добротѣ души, ты можешь иногда и не предвидѣть...

Опольевъ. — Да гдѣ-жъ мнѣ, старому дураку, все предвидѣть! А какія-жъ бы это, напримѣръ, неприятности?

Софья. — Ah, cher rara, люди такъ коварны! иногда невинно можно попасть въ самую ужасную исторію!

Опольевъ. — А-а!.. да, да... это очень серьезно! Въ какую же, милочка, исторію? Ты просто интересуешь меня, вотъ ужъ съ полчаса я слушаю твои причитанья.. Право, ничего въ толкъ не возьму. Ты скажи прямо.

Софья. — Cher rara, довѣрься Максу.

Опольевъ. — Отъ чего ему не довѣрится? хотъ онъ и лакированный, а все-же — à toute épreuve.

Софья. — Онъ прямой и честный человѣкъ.

Опольевъ. — Я совершенно, совершенно съ тобой согласенъ. Но въ чемъ дѣло то? Право, я начинаю побанваться...

Софья. — Папа, не спрашивай, я не могу тебѣ сказать... поѣзжай къ Вадиму, а здѣсь предоставь намъ дѣйствовать—и ты спасенъ!..

Опольевъ. — Спасенъ? гмъ! (*Задумывается, потомъ самъ же скрадчивымъ и покорнымъ тономъ*). О да, chère enfant, вѣдь я точно... изъ ума почти выживаю... Вы, пожалуйста, ужъ того, оберегайте меня, не допускайте... Я слишкомъ простъ, довѣрчивъ, долго-ли до бѣды на старости лѣтъ! А у васъ тутъ такія пошлыя ехидства... куда мнѣ.

Софья. — Скажи мнѣ прямо, cher rara, вѣдь ты не согласился бы участвовать за одно съ преступниками?

Опольевъ (*вскочивъ*). — Что ты, что ты, матушка? Господь съ тобой? Я съ преступ... въ своемъ-ли ты умѣ? Что за дичь такая?..

Софья. — Ну вотъ, ну вотъ! Я такъ и знала! О, съ твоимъ благороднымъ сердцемъ... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!..

Опольевъ (*овладѣвъ собою, садится*). — Совершенно, дитя мое, невозможно. Однако мало-ли что бываетъ! Иногда хочешь понюхать розу, прелестный цвѣтокъ, а въ ней въ серединѣ-то скверный табачище насыпанъ, или обожмешь роскошную талію, а тамъ все булавы... всѣ руки изцарапаешь. Mauvaise plaisanterie! Вѣдь надъ стариками все шутятъ.—Ты, голубушка, предостереги меня, ты мнѣ все открой. (*Ласкаетъ ее*).

Софья. — Не бойся, не бойся, милый папочка! Предоставь только намъ, ужъ мы тебя... какъ это сказать? отстоимъ или обстоимъ, какъ правильнѣе? Ты только позволи, дай слово.

Опольевъ. — Охотно, охотно, дятя мое! Дѣлайте, что знаете, лишь бы я былъ покоенъ. Ну, рассказывай-же, рассказывай, моя нянюшка дорогая. И такъ, есть проступки...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢЖЕ И ГАММЕРЪ.

Софья. — Вотъ и Максъ. — Максъ, какъ я рада!

Гаммеръ *(тихо)*. — Дура. *(Ему)*. Слышали, папа, нашъ Вадимъ...

Опольевъ. — Что, женился?

Гаммеръ. — Нѣтъ-съ, онъ боленъ и весьма серьезно боленъ.

Опольевъ. — Ну, славу Богу! Я думалъ, женился.

Гаммеръ. — Не шутите этимъ, папа. Въ его годы, знаете, скоротечная чахотка—бѣда! Хотѣлъ я ѣхать, да проклятыя дѣла... Вотъ вы, топ beau рѣге, все собирались куда-нибудь прокатиться, поспѣшите къ нему. Какой-бы это былъ для него праздникъ! Онъ даже намекаетъ въ письмѣ. Завтра выйдете и отлично; для вашего здоровья даже полезно.

Опольевъ. — Я думаю, ему скорѣе докторъ хорошій нуженъ, что-жъ я помогу? А впрочемъ, добрѣйшій Максимъ Максимиць, подумаю, подумаю.

Гаммеръ. — Виновать, папа: вы писали давеча насчетъ денегъ... Признаюсь, въ эту минуту я совершенный банкротъ, ха, ха... Но все-таки пока вотъ триста рублей, извольте получить. *(Подаетъ ему деньги, которыя Опольевъ беретъ разсѣянно и держитъ все время въ рукахъ)*. Остальныя я вамъ послѣ вышлю туда.

Опольевъ. — Какъ это вышлю туда? Да вы не шутя меня спрашиваете?

Софья. — Cher papa, ты далъ слово довериться намъ во всемъ.

Опольевъ. — Да, постоитъ... Какъ же это? Такъ я, право не привыкъ... и что за крайность. Вы какъ-то неловко, друзья мои, это дѣлаете.

Гаммеръ. — Кто говоритъ: крайность?.. Но оно полезно бы, во многихъ отношеніяхъ было бы вамъ полезно уѣхать на время... Пенсіонъ вамъ будетъ доставляться аккуратно.

Опольевъ. — Да что вы все о деньгахъ мѣ! Скажите, наконецъ, прямо: что я вамъ тутъ, бѣльмо на глазу?

Софья. — Ахъ, папа!

Гаммеръ. — Что за идея!

Опольвѣвъ. — Что жь вы отъ меня хотите? Объясните, ради Бога!

Гаммеръ. — Строго говоря, мы ничего не хотимъ. Видители: въ воздухѣ носятся какіе-то тревожные симптомы. Мало-ли, что можетъ случиться! Еще на дняхъ одну типографію запечатали... доберутся и до другихъ.

Опольвѣвъ. — А-а! Типографъ... *(Встаетъ)*. Такъ вотъ что! Теперь я все понимаю... Такъ вы шпионство вокругъ меня учредили? Такъ вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ изъ ума выжилъ? За идиота меня считаете, на помочахъ думаете водить?

Софья. — Папа, для твоей-же пользы...

Опольвѣвъ. — Молчи ты, вукушка! поворно васъ благодарю, дѣти мои! Вы полагаете, что я ничего не вижу и не знаю... Все знаю, все-съ! Довольно я терпѣлъ! Сегодня вы изволили прогнать моего старика Якова, а теперь и меня желаете расчитать, какъ какого-нибудь дворецкаго. Нѣтъ, врете вы, Максимъ Максимычъ! Вотъ вамъ ваши деньги *(бросаетъ деньги въ лицо Гаммеру)*.

Гаммеръ. — Послушайте! однако-жь, это оскорбленіе.

Опольвѣвъ. — Да, оскорбленіе! Дуэль? Извольте, моя рука еще тверда, и я съ наслажденіемъ постараюсь немного испортить вашу лакированную кожу. Я выше мелочей, но знайте, что все поведеніе ваше относительно меня, было низко, недостойно... Я молчалъ; вы разбудили мое негодованіе. Разбудите вашу совѣсть, милостивый государь... и прощайте.

Софья. — Папа, куда ты? А обѣдать?..

Опольвѣвъ. — Ха-ха! Какая-же ты наивная! Нѣтъ, спасибо, дѣти, за хлѣбъ за соль; нога моя не будетъ въ этомъ домѣ! У меня, есть пріютъ. *(Идетъ къ двери и кричитъ)* Яковъ!

Гаммеръ *(тихо)*. — Онъ туда, а тамъ Виницкій. *(Жестъ)* Удерживай! *(Опольвѣву)*... Зачѣмъ-же скандалъ! Завтра уйдете къ сыну... никто не узнаетъ, и все кончится...

Опольвѣвъ. — Подите прочь, вы, приличный господинъ! Яковъ! Собирай всѣ мои вещи, поѣдемъ!

Гаммеръ. — Вы не выйдете отсюда! Я не пушу! Это безумно! *(Бьжитъ въ заднюю дверь)*.

Софья *(схвативъ отца за руку, опускается на колѣна)*. — Папа, пощади! Не поворъ нашъ домъ!.. Останься.

Опольвѣвъ *(поглядѣвъ на нее съ сожалѣніемъ)*. — Какая ты пустая, ничтожная трыпка! Можетъ быть, я и не стою лучшей дочери... рѣчь не обо мнѣ... Но бѣда въ томъ, что ты женщина не хо-ро-шая... а въ такой семьѣ, гдѣ нѣтъ хорошей женщины, тамъ нѣтъ ни чести, ни счастья... Прощай! У меня

есть дочь получше тебя... Туда, скорѣй туда! Яговъ, бѣжимъ!
(*Софья, вскрикнувъ, падаетъ на полъ. Опомевъ высвободивъ отъ
нея руку, убѣгаетъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая комната въ типографіи Лавреники. На заднемъ планѣ двое дверей
отворены настежь; въ одну дверь видна часть типографіи, гдѣ помѣстились
музыканты, нѣсколько скрипокъ, контробасъ, флейта, въ другую — виднѣнъ
буфетъ, чай, закуски, фрукты, бутылки. По всѣмъ комнатамъ ходятъ набор-
щики, наборщицы и гости, нѣкоторые сидятъ, пьютъ чай, курятъ папиросы.
При поднятіи занавѣсы, музыканты на сценѣ играютъ польку. Молодой чело-
вѣкъ въ очень коротенькой визиткѣ и красномъ галстукѣ неутомимо танцуетъ
со всѣми дѣвками; другіе тоже пробуютъ, но неудачно, возбуждая весе-
лый смѣхъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Лавренико, Саша, наворощики, наворощицы, гости, и
потомъ Бухарцевъ.

1-й наворощикъ. — Ну, нѣтъ, господа, съ полькой что-то
дѣло не клеится.

2-й наворощикъ. — Одинъ только барчукъ и выручаетъ.

3-й наворощикъ. — А важно насобачился! Ровно яла во
всякій уголокъ тебѣ выйдетъ, повертится-повертится, такъ и
опять пошелъ въ ходъ.

2-й наворощикъ. — У танцмейстера обучался. (*Молодой че-
ловѣкъ, котораго зовутъ барчукомъ, усталъ. Полька прекращается.
Онъ утираетъ потъ съ лица, подходитъ къ разговаривающимъ*).

Барчукъ. — Что-же вы, господа?

1-й наворощикъ. — Нѣтъ, намъ это не съ руки.

2-й наворощикъ. — Ногами не потрафишь.

Барчукъ. — Такъ давайте французскую кадрили, а не то
лансье.

3-й наворощикъ. — Какое-же это лансье?

Барчукъ. — Превосходно! съ поклонами. Тутъ главное
поклоны. Напримѣръ, шагъ сдѣлаешь и сейчасъ поклонъ; пе-
рейдешь, встрѣтишь даму — опять поклонъ. (*Дѣлаетъ поклонъ*).

1-й наворощикъ. — Значить, наше вамъ нанглубочайшее.

2-й наворощикъ. — Вѣдь выдумать-же увеселеніе — ходи
да кланяйся, здорово живешь.

ВАРЧУКЪ (*блѣснѣтъ въ притряску за двумя проходящими дѣвцами*). — Ольга Петровна! Настасья Григорьевна! составьте лянсье.

1-я дѣвушка. — Подите вы, лянсье! вотъ ужъ меланхолія-то!

2-я дѣвушка. — Меланхолія съ бантономъ (*хохочутъ и идутъ дальше*).

ЛАВРЕНКО (*выходя впередъ*). — Господа! а ну-те ва, хватимъ родную, хороваю!

ГОЛОСА. — Вотъ это дѣло! Дѣло, Григорій Данилычъ. Становись по голосамъ (*шуткируются и поютъ тѣсно: «Возьмъ рѣчку возлѣ моста»*).

ЛАВРЕНКО (*по окончаніи пѣсни*). — Вотъ славно! Люблю! Разбираетъ! Теперь знаете чтѣ, базачка, хлопцы! А ну, малороссійскую! Музыканты, жарь казачка! Кто-жь со мной! А! Настенька Кошечка, пожалуйте, будьте ласковы! честь и мѣсто, вѣдь это наше, такъ-сказать, природное дѣло. (*Одна изъ дѣвушекъ становится противъ Лавренки. Музыка играетъ казачка, они пляшутъ. Вдругъ изъ глубины сцены выскакиваетъ Бухарцевъ съ стаканомъ въ рукѣ, который, допивъ наскоро, передаетъ близъ стоящему*).

1-й наворщикъ. — Ай да Иванъ Петровичъ, лихо отхватилъ.

2-й наворщикъ. — Старина шустрыл!

БУХАРЦЕВЪ (*усталый, садится на диванъ*). — Эхъ вы плясуны! Я вамъ покажу, какъ надо плясать.

2-й наворщикъ. — Ну, однако, и Григорій Данилычъ мастеръ. Важно прошелъ! Онъ у насъ такой: и на дѣло на всякое, и повеселиться, — на все ретивый.

1-й наворщикъ. — Чтѣ-то нашего „барина“ нѣтъ?

2-й наворщикъ. — Да видно, побрезговалъ нашей компаніей.

3-й наворщикъ. — Нѣтъ, господа, это душа баринъ! со всякимъ обойтись умѣетъ, во все войдетъ, все пойметъ... Э! да я такихъ и не видывалъ.

1-й наворщикъ. — Одно слово нашъ баринъ! Коли мы его такъ провали, значить, человекъ.

БУХАРЦЕВЪ (*вслушавшись*). — Кто? Опольевъ, чтѣ-ли? Кто смѣетъ противъ него хоть слово! Вѣдь это мой другъ, понимаешь! Еще какой другъ-то, душу за него отдамъ! Пойдемъ во этому случаю, шаракнемъ по маленькой... А онъ придетъ!.. Пойдемъ (*отходитъ съ ними къ буфету*).

ЛАВРЕНКО. — Господа, чтѣ-жь вы задумались? Дѣвцы, вы бы что-нибудь затѣли. Эхъ, право! вѣдь эдакаго правдинна не скоро дождемся. Александра Ивановна, помогите!

Саша (*допдая вѣтку винограда*). — Пстой, дай подкрѣпиться, барчуки всѣхъ насъ завержили... мы сейчасъ хороводъ устроимъ.

Лавренко. — Хороводъ! отлично! (*Одинъ изъ наборщиковъ подходитъ къ Лавренку, шепчетъ что-то на ухо*).

Лавренко. — Да кто онъ такой? Чтò надо?

Наборщикъ. — Наставляетъ; говорить, экстренно.

Саша. — Выйди, Гриша, на минуту, чтò за бѣда!

Лавренко. — Да вѣдь это свинство, Саша! Видить, что люди веселятся, а онъ лѣзетъ съ какимъ-то дѣломъ.

Саша (*насмѣливо*). — Конечно! Самъ загулялъ хозяинъ! не препятствуй.

Лавренко. — Не то, Александра Ивановна, а поди-ка ты за своими кровными грошами въ барскій домъ, когда тамъ балъ. Первое, изъ деликатности, нашъ братъ не полѣзетъ; второе, тамъ, пожалуй, и шею наостылятъ. Гдѣ-жъ я его приму? Ну, позовите сюда. Чтò за дѣла такія? (*Наборщикъ уходитъ*).

Саша. — Вѣрно, заказъ какой-нибудь слѣпный... билетъ на свадьбу или похороны.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-жъ и Виницкій, *нѣсколько шаговъ позади* его Семенъ *съ мисеръ*.

Виницкій. — Извините, я обезпокоилъ. Мнѣ нужно господина Лавренко.

Лавренко. — Я господинъ Лавренко. Вамъ чтò угодно?

Виницкій. — Адвокатъ Виницкій. Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ, всего на пару словъ.

Лавренко. — У меня процессовъ, славу Богу, никакихъ нѣтъ.

Виницкій. — И оборони Богъ! за чѣмъ процессы. Люди умные всегда могутъ избѣжать процессовъ, это мое убѣжденіе. Я просилъ бы васъ удостоить меня маленькимъ, такъ сказать, конфиденціальнымъ объясненіемъ.

Лавренко. — Видите, у меня тоже есть кой какія убѣжденія: — напримѣръ, что жизнь честнаго человѣка должна быть открытой книга, стеклянный улей. Гдѣ тайны, тамъ дѣло не чисто; слѣдовательно я могу говорить съ вами здѣсь, на улицѣ, на площади. Это все равно. Можетъ, вамъ оно не удобно будетъ, такъ пойдемте спрячемтесь. (*Идутъ въ боковую дверь. Виницкій, взявъ на Семена, выразительно кашляетъ*).

1-й набор. (*тайкомъ къ Сашѣ*). — Александра Ивановна! а гдѣ у этого господина рожа скверная.

Саша. — Да, смѣшной какой-то, точно все нюхаетъ.

2-й набор. — Можетъ это инспекторъ, или кто отъ начальства.

1-й набор. — Ну, вотъ открылъ! Инспекторовъ я всѣхъ въ лицо знаю. Это такъ просто струкулисть.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

тѣ же Бухарцевъ, *сильно вытисши.*

Бухарцевъ. — Гриша! Григорій Данилычъ, гдѣ ты? Шурочка, ты его не прячь, мы съ нимъ одну бутылочку портерцу: позаврачимся и шабашъ!

Саша. — Не мѣшайте, къ нему какой-то господинъ по дѣлу пришелъ.

Бухарцевъ. — Господинъ? Великолѣпно! Въ первый же день открытія типографіи и вдругъ заказъ эдакій тысячный, — великолѣпно (*оглядываясь кругомъ и замѣтивъ лакея*)! А это зачѣмъ здѣсь?

Наворщики. — Съ ними вошелъ.

Бухарцевъ. — Съ ними? Лакей! Что-жъ это за мода такая? убраться его. Послушайте, вы, господинъ лакей, вы знаете свое мѣсто?

Лакей. — Мнѣ приказано.

Бухарцевъ. — Вамъ приказано, а мнѣ это не нравится. Поняли.

Лакей. — Такъ велѣно.

Бухарцевъ. — Цссь... ш-шъ, господинъ лакей! Гдѣ-же ты это, любезный, находишься! пошелъ вонъ, пошелъ вонъ! Заднимъ ходомъ. (*Напираетъ на него*). Тамъ! еще, еще (*лакей осклабляясь отступаетъ*)! Еще! маршъ. (*Выпираетъ его изъ комнаты къ мужлантамъ и гордо возвращается. Окружающіе смѣются*). Я, слава Богу, обращеніе знаю, въ свѣтѣ такі живаль, понатерся. Самъ имѣлъ, можетъ, двадцать человѣкъ такихъ лакеевъ. Съ этимъ народомъ надо строго, чтобы свое мѣсто не позабывалъ. Эге! Я еще много барина могу научить! потому въ первѣйшихъ домахъ за просто имѣлъ входъ. Невѣжества, опять же, потерпѣть не могу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ОПОЛЬЕВЪ (*передъ входомъ его изъ задней комнаты слышимъ восклицаніа: «Левъ Сергѣичъ! А! нашъ баринъ пришелъ! Что опоздали?»*).

ОПОЛЬЕВЪ (*входитъ блѣдный, измученный, волосы и платье въ безпорядкѣ*). — Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте! Да, опоздалъ немного, но за то ужъ я теперь совсѣмъ къ вамъ, совсѣмъ. Саша, милая! тутъ, уголокъ мнѣ какой-нибудь, родная! А Григорій Данилычъ гдѣ?

САША. — Адвокатъ у него какой-то.

ОПОЛЬЕВЪ. — Адвокатъ, а? Зачѣмъ адвокатъ? Гдѣ? о, я знаю, чьи это штуки! Пойдемъ... пустите меня. (*Торопливо проходитъ въ боковую комнату*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

САША И ОСТАЛЬНЫЕ.

САША. — Боже мой! на немъ лица нѣтъ. Такъ встревоженъ, растерянъ... Что случилось? Господа, скажите пожалуйста, вы не знаете? Нѣтъ ли чего между ними? Скажите мнѣ прямо. Помните нашъ уговоръ: жить, какъ говоритъ Григорій Данилычъ, въ стеклянномъ ульѣ.

НАБОРЩИКИ. — Что вы, Александра Ивановна? Какъ это можно! Мы не сумасшедшіе! Боже оборони.

САША. — Да, да; я знаю васъ; не можете быть; однако, чтожь это значить? Эта тревога, эта таинственность. И Левъ Сергѣичъ! на него взглянуть страшно. Тсс! (*Прислушивается. Изъ боковой комнаты слышимъ рѣзкій крикъ Ополова: «Это мерзость! рязь... рязь, милостивый государь! Я пугаюсь!» Саша дѣлаетъ движеніе въ ту комнату, но дверь отворяется и въходитъ Ополовъ въ величайшемъ раздраженіи*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ОПОЛЬЕВЪ, ВИНЦКІЙ, ЛАВРЕНКО И БУХАРЦЕВЪ.

ОПОЛЬЕВЪ. — Передайте это имъ отъ моего имени и уберите къ чорту!

Виницкій. (*робко омядымаясь кружась*).—Напрасно вы такъ горячо изволите это принимать. Тутъ, сколько я понимаю, сани добрыя намѣренія.

Опольевъ. — Весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Впрочемъ, въ іезуитской коллегіи не былъ и не раздѣляю вашего гаденкаго взгляда, господинъ стряпчій.

Виницкій. — Помилуйте, а-то чтожъ тутъ? Я пришелъ по порученію... Мое дѣло простая передача.

Опольевъ. — Порядочные люди, сударь, не принимаютъ на себя такихъ порученій. Скажите имъ, что я все прощаю и осужденіе и неблагодарность, и нищету, на которую осудили они меня, старика больнаго, безпріютнаго... Все это я прощаю, но не позволю никому бросить грязью въ лучшее дѣло моей жизни, въ единственный честный поступокъ, который, можетъ быть, смоетъ съ меня всѣ грѣхи прошлаго. Слышите ли, не-во-лю.

Виницкій. — Левъ Сергѣичъ, съ этой точки зрѣнія, я пре-мюнясь... Тутъ никакой процессъ немислимъ!

Опольевъ (*презрительно*) Процессъ?

Бухарцевъ. — Да чтожъ? Извольте, тяните меня къ суду, я готовъ, все принимаю на себя! Я скажу: господа судьи, милость да царствуйте, и шабашъ! Да еще не родились въ Рос-сіи тѣ присяжные, которые про Ивана Бухарцева скажутъ «да, мноветъ». Никогда.

Опольевъ. — Ванька, ты не ври. Скажите имъ, что тутъ люди честные, они не боятся никакихъ процессовъ и никакихъ угрозъ, никакихъ ехидныхъ поддуповъ. Довольно на нихъ влезали,—пора же и правду сказать! простой и честный труженникъ не можетъ быть дурнымъ гражданиномъ. Слава и счастье нашей великой родины—для всѣхъ насъ религія! и 19 февраля—свѣтлый праздникъ! И бѣдный человекъ справляетъ его имъ ужѣтеть, отъ души, не ожидая за то ни похвалы, ни подачки. Пора все это сказать и не смотрѣть на рабочихъ людей, имъ на звѣрей косматыхъ.

Голосъ въ толпѣ. — Такъ! такъ! Ай, да нашъ «барникъ»! Во истину такъ! Вотъ спасибо! братцы, ура!

Всѣ. — Ура!

Опольевъ. — Подите скажите (*испосъ ея вдругъ упадетъ*)! Впрочемъ, нѣтъ... не говорите имъ ничего... Строчите ваши музыкальные искри и подите вонъ! (*Виницкій исчезаетъ*).

Саша. — Успокойтесь, Левъ Сергѣичъ, вы слишкомъ взволнованы, устали.

Опольевъ. — Да, усталъ, усталъ, дитя мое (*садится*). Но

я счастливъ, я съ вами... и теперь ужъ навсегда! Какъ бы мнѣ стаганъ воды! (*Ему подаютъ воду*). Такъ ужъ вы мнѣ, пожалуйста, какойнибудь такъ уголокъ.. Мой Яковъ привезетъ багажъ.. походный. Ну, что-же, веселитесь, господа! И я съ вами это могу; а вотъ завтра вы всё будете за работой—тамъ ужъ я не могу, пасъ! Лишній между вами, лишній—не умѣю ничего, только мѣшать буду.

Лавренко. — Помните, Левъ Сергѣичъ,—вы у насъ почетный гость! Вы благородно подали намъ руку, и мы съумѣемъ отвѣтить на это.

Опольевъ (*умбается*). — А захотите выгнать, такъ у меня есть надежный защитникъ, Сашенька! (*Беретъ ее за руки*). Вы меня въ обиду не дадите, не правда ли? А постоитъ, постоитъ! Я принесъ вамъ, голубушка, обѣщанный подарочекъ.

Саша. — Вы обѣщали портретъ моей матери,—не забыли? Ахъ, милый Левъ Сергѣичъ!

Опольевъ. — Какъ забыть? вотъ, вотъ.. (*Достаетъ изъ кармана портретъ*). Принесъ.

Саша (*беретъ отъ него портретъ и всматривается*). — Да, это она, матушка... и сестра Маша.

Опольевъ. — Какъ.. что.. что вы сказали?

Саша. — Покойница, сестра Машенька, какъ похожа! Смотри, Грisha!

Опольевъ (*обеодитъ вокругъ себя помутившимся взлядомъ и останавливаетъ его на Бухарцевъ, который стоитъ съ твоею, за его плечомъ*). — Какъ-же? А ты мнѣ сказалъ! (*Съ тихимъ и горькимъ утрекомъ*). Эхъ Ванька, Ванька! За чѣмъ же ты это?

Бухарцевъ (*тихо*). — Видишь-ли, братъ... (*срощитъ на голову волосы*). Оно какъ-то такъ... нечаянно вышло... вѣдь оно все равно!

Опольевъ. — Конечно, все равно... Ты правъ, все равно.

Бухарцевъ. — Ты свое сдѣлалъ... кругомъ всё счастливы и шабашъ! Не все ли тебѣ равно?

Опольевъ. — Да, да! все равно... Но что это тутъ? ой (*поднимается судорожно со стула и обѣими руками хватается за сердце*). Тутъ, тутъ, Саша, А! — ахъ! (*Падаетъ навзничъ на руки окружающихъ. Всеобщее смятеніе. Его обступаютъ со всехъ сторонъ. Слышны слова: «спирту, воды, доктора!»*).

Лавренко. — Тихе, господа... жизнь кончилась.

Чей-то голосъ изъ толпы. — Барчукъ! бѣги, братъ, въ кварталъ, дай знать о происшествіи.

Занавѣсъ.

Пальмъ.

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Похожденія еврея.

Пропускаю исторію моей несчастной любви... ¹.

Однажды, дверь моей канцеляріи съ трескомъ растворилась настежь, и жена, въ сопровожденіи служанки, вбѣжала ко мнѣ разстроенная, захлывшаяся и до смерти испуганная.

— Бѣги домой, тамъ у насъ все вверхъ дномъ перевернули, кричала она:—къ намъ поставили постой, трехъ солдатъ разомъ. Они заняли всю квартиру, разоряютъ домъ, поколотили кухарку, перепугали на смерть дѣтей.

Я побѣжалъ къ полиціймейстеру. Къ счастью, я его засталъ дома. По знакомству, онъ уважилъ мою просьбу и самъ отправился со мною, взявъ двухъ козаковъ.

Моя квартира, благодаря безцеремонному солдатскому хозяйничанью, въ какой-нибудь часъ времени сдѣлалась совершенно неузнаваемою. Вся мебель стащена и навалена въ одинъ уголъ. Въ стѣнахъ заколочены десятки громадныхъ гвоздей, гдѣ ни попаало, и на гвоздяхъ этихъ развѣшаны сумки, манерки, кивера, ружья, шинели и прочія аммуниціонныя принадлежности. На полу, въ страшномъ безпорядкѣ, валяются тѣфяки и подушки изъ нашихъ постелей, на зеркалахъ красуются грязныя и вонючія онучи, повѣшенныя для просушки. Вездѣ соръ, щепки и обитая штукатурка. Воздухъ налитанъ выѣдающимъ глаза дымомъ махорки. Непрошенныя гости, совсѣмъ раздѣтые, разутые,

¹ Глава, въ которой разсказывается этотъ эпизодъ, будетъ помѣщена въ особомъ изданіи «Записокъ Еврея».

расположились вокруг стола, въ нашей единственной приѣмной комнатѣ, какъ у себя дома, и пожираютъ нашъ семейный ужинъ, запивая кушанье водкою. Дѣти и жена заперлись въ дѣтской, а кухарка съ подбитыми глазами забилась въ кухню, предоставивъ гостямъ распорядиться по произволу.

Какъ только храброе воинство увидѣло предъ собою начальника въ военной формѣ, съ эполетами, то вскочило разомъ изъ-за стола и поторопилось напасть на себя шинели. Постояльцевъ было трое. При тускломъ свѣтѣ единственнаго огарка, торчавшаго гдѣ-то въ углу, лица ихъ трудно было разсмотрѣть. Въ то время, когда начальникъ въ послѣдній разъ скомандовалъ: „маршъ за мною!“ одинъ изъ постояльцевъ, впадучись, приблизился ко мнѣ и на едва понятномъ еврейскомъ жаргонѣ тихимъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Ради самого Бога, сжальтесь, не предавайте меня въ руки начальства. Меня опять бить будутъ, а моя спина еще не зажила. Я еле дышу отъ слабости.

— Зачѣмъ-же ты буянишь? упрекнулъ я его также тихо.

— Я не буянилъ, я все время лежалъ и охалъ. Куда мнѣ несчастному буянить, о, Воже мой!

Пока я приводилъ въ порядокъ квартиру и успокаивалъ дѣтей, страдальческій, мягкій голосъ еврейскаго солдата не переставалъ звенѣть въ моихъ ухахъ. Я рѣшился увидѣть его на другой день и сдѣлать все возможное къ избавленію его отъ угрожающаго наказанія. Но вотъ, въ одно утро явился ко мнѣ на домъ сторожъ изъ военного лазарета.

— Меня прислали къ вамъ еврейскій солдатикъ, бывшій у васъ на посту. Просите помочь ему чѣмъ нибудь.

— Развѣ онъ не ушелъ съ полкомъ?

— Куда ему идти? спину такъ вздуло, что хотъ въ гробъ ложись. Жистъ-то наша солдатская! Охъ!

— Чѣмъ-же онъ боленъ? продолжалъ я допрашивать, не со всѣмъ понявъ лазаретнаго служителя.

— Да нешто не поняли? Влѣпили ему сотни три горячихъ.

Сердце мое сжалось отъ боли. Это, вѣроятно, изъ-за моей жалобы, сказалъ я самому себѣ и поспѣшилъ вмѣстѣ съ сторожемъ въ лазаретъ. Безъ особеннаго труда я добился свиданія съ невиннымъ страдальцемъ.

Никогда я не забуду тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня больнымъ и его обстановкой. Палата, гдѣ онъ лежалъ, была свѣтлая, чистая, просторная; въ ней стояло нѣсколько кроватей, и на каждой стонали и охали на различные лады и тоны. Въ комнатной атмосферѣ носился какой-то острый, непріят-

нѣй запахъ. Большой, къ которому я пришелъ, лежалъ скорчившись, ничкомъ, безъ движенія. Казалось, онъ спалъ глубокимъ сномъ. Сторожъ слегка тронулъ его за локоть. Большой, глубоко застонавъ, медленно повернулъ къ намъ голову и раскрылъ глаза.

— Вставай, пробормоталъ сторожъ:—къ тебѣ пришли.

Большой вопросительно посмотрѣлъ на меня мутными, воспаленными глазами.

— Ты присылалъ во мнѣ? спросилъ я солдата.

— Охъ, пришлите мнѣ что-нибудь поѣсть. Мнѣ чаю хочется. Будьте милосерды!

Я обѣщалъ все исполнить.

— Чѣмъ ты боленъ?

— Боже мой! Палки, палки!.. А я ни въ чемъ не виноватъ!

Большой зарыдалъ какъ ребенокъ, захлебываясь.

— Прости, мой другъ. Я, быть можетъ, причиною твоего страданія... началъ я оправдываться.

— Чѣмъ-же вы виноваты? Мнѣ такъ суждено... Богъ такъ хочетъ. Но когда-же они меня добьютъ? Ахъ, еслибы уже хоть скорѣе! Выздоровѣю. — опять ни, опять розги, опять палки. Когда-же конецъ, Боже мой?

Эта душевная жалоба, этотъ болѣзненный голосъ тронули меня до того, что я не могъ дольше оставаться. Я, тутъ-же условился съ старшимъ и младшимъ фельдшерами относительно ухода за больнымъ, снабдилъ его нужными деньгами, обѣщался раза два въ недѣлю посѣщать его, а по выздоровленіи поискать средства избавить его отъ дальнѣйшаго похода. Съ твердымъ намѣреніемъ исполнить обѣщаніе, я распрощался съ больнымъ.

Черезъ нѣсколько дней, я завернулъ опять въ лазаретъ. Больной поправился уже нѣсколько. Въ первый разъ я имѣлъ случай увидѣть страдальца, какъ говорится, цѣлкомъ. Это былъ человѣкъ еще молодой, судя по его свѣтлорусымъ, выстриженнымъ подъ гребенку волосамъ и по голубымъ, добрымъ и мягкимъ глазамъ. Ни одного сѣдаго волоска въ головѣ и тощикъ, коротенькихъ усахъ. Но блѣдное, желтое лицо его было изоросшено сотнями морщинъ по всѣмъ направленіямъ, особенно окрестности глазъ и невысокій, узкій лобъ. Росту онъ былъ средняго, но согнувшійся, сгорбившійся станъ скрадывалъ росту на нѣсколько вершковъ. Одѣтъ онъ былъ по больничному.

Я поздоровался съ нимъ и подаль ему руку. Мое простое обращеніе видимо тронуло его. Онъ неловко протанулъ мнѣ руку, едва дотронувшись до моихъ пальцевъ.

— Какъ зовутъ тебя? спросилъ я.

— Меня прозвали Ерофеемъ.

Т. ССVIII. — О. д. I.

— А по еврейски какъ ты именуешься?

— Ерухимомъ.

— Неужели? вскрикнулъ я.

Солдаты удивленно посмотрѣли на меня.

— Расскажи мнѣ, откуда ты, кто твои родители, когда сданъ ты въ военную службу?

Онъ удовлетворилъ всѣмъ моимъ вопросамъ. Уви! это былъ мой несчастный другъ дѣтства, мой сороварищъ по хедеру, голубоглазый, блѣднолицый Ерухимъ. Я долго колебался, открытъ ли себя Ерухиму или нѣтъ. Наконецъ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшилъ скрыть отъ него наше старое знакомство и не поднимать въ его памяти прошлыхъ воспоминаній, способныхъ только расправить его глубокія раны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ себѣ слово употребить всѣ свои силы и знакомства, чтобы избавить бѣдняка отъ дальнѣйшей службы. Освобожденіе это легко можно было достигнуть въ прежнія времена, тѣмъ болѣе, что Ерухимъ былъ боленъ и хлѣбъ не только по наружности, но и на самомъ дѣлѣ. Я зналъ нѣсколько примѣровъ, что, подъ предлогомъ тяжелой, неизлечимой болѣзни, давали военнымъ чинамъ отставку преждевременно. Конечно, такой результатъ достигался большими хлопотами и издержками. Но я этого не боялся: я зналъ, что могу рассчитывать на щедрость еврейскаго общества въ подобныхъ случаяхъ.

Я былъ коротко знакомъ съ евреемъ-подрядчикомъ, поставлявшимъ продовольствіе въ военные госпитали. Этотъ подрядчикъ былъ въ дружескихъ, вороватыхъ отношеніяхъ со всѣмъ госпитальнымъ начальствомъ. Черезъ него я началъ дѣйствовать. Прежде всего, Ерухима оставили при больницѣ въ качествѣ тяжело больного, хотя онъ совсѣмъ почти выдоровѣлъ. Затѣмъ, допускались къ нему посѣтители безпрепятственно и ему дозволялись кратковременныя отлучки ко мнѣ на домъ и въ синагогу, куда всегда тануло Ерухима съ непреодолимою силою. Онъ такъ искренно, набожно молился, и такъ часто плакалъ горючими слезами во время молитвъ, которыхъ онъ не понималъ и едва могъ читать, что возбуждалъ всеобщее сочувствіе и вниманіе евреевъ. На него со всѣхъ сторонъ посыпались щедроты. Я сообщилъ о моемъ планѣ освободить Ерухима отъ военной службы нѣкоторымъ мятельнымъ евреямъ. Всѣ приняли горячее участіе и изъявили готовность содѣйствовать своими кошельками.

Ерухимъ, или, какъ его потомъ назвали, Ерофей, говорилъ довольно порядочно солдатскимъ нарѣчіемъ, но рѣчь его была отрывиста, безсвязна, непослѣдовательна. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, я узналъ всѣ его похождения со времени сдачи его въ

военную службу. Похождения эти бросают такой яркой свѣтъ на жизнь тогдашняго еврея-солдата, что я считаю ужѣстнымъ подѣлиться разсказомъ Ерофея съ моими читателями. Конечно, я передамъ этотъ разсказъ не въ томъ сбивчивомъ видѣ и не въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ я умышленно его изъ устъ несчастнаго мученика-солдата.

„Меня схватили еврейскіе ловцы, въ первый вечеръ великаго праздника пасхи“, такъ началъ свой разсказъ Ерофей. „Когда открылась дверь, чтобы впустить Илью пророка, вмѣсто него, вбѣжали ловцы и взяли меня. Я почти не помню, что со мною происходило послѣ той минуты, когда меня вынесли на рукахъ. Я, кажется, кричалъ, сколько было мочи, но на мой дѣтскій ротъ плотно уложилась широкая ладонь несмаго меня ловца, и я притихъ. Не помню, какимъ образомъ я очутился на солодѣ, возлѣ двухъ мальчиковъ, спавшихъ крѣпко, въ какой-то душной мрачной комнатѣ, освѣщавшейся ночникомъ. Когда я очнулся, ловцы сидѣли возлѣ меня и предлагали какія-то глупости.“

„— Вотъ посмотри на этихъ умныхъ мальчиковъ, какъ они спокойно спятъ, сказали они, указавъ на моихъ сосѣдей.—Какъ и ты, они были схвачены полиціей, но они знаютъ, что чрезъ день, или другой, будутъ свободны, а потому и спятъ спокойно. Посмотри на насъ, вѣдь мы такіе-же богобоязненные евреи, какъ и твой отецъ. Неужели мы способны обидѣть своего брата еврея, да еще бѣднаго малютку, какъ ты?“

„Говоря подобнымъ образомъ, одинъ изъ ловцовъ прослезился, а другой началъ меня дѣловать. Эти люди не переставали ласкать, убѣждать и увѣрять меня до тѣхъ поръ, пока я нѣсколько успокоился я, всхлипывая, не съѣлъ предложенныя мнѣ сласти. Они оставили меня, когда я началъ засыпать. Во снѣ я чувствовалъ нѣжныя ласки моей матери и ея горячіе поцѣлуи.“

„Чуть занялась заря, я почувствовалъ сильный толчекъ въ бокъ и съ усиленіемъ продралъ глаза. Вчерашнее событіе совершенно стерлось изъ моей памяти. Я мутными глазами обвелъ незнакому мнѣ комнату, пустую, мрачную, лишенную всякой мебели, своими рѣшетчатыми окнами похожую на ту тюрьму, которую, когда я былъ еще очень маленькимъ, пугалъ меня отецъ всякій разъ, когда я вралъ у него копейки изъ кармана. Я вспомнилъ все, что случилось со мною ночью, вспомнилъ блѣдныя, испуганныя лица отца и матери и зарыдалъ.“

„— Дуралей, чего орешь? прикрикнулъ на меня лежавшій возлѣ бойкій мальчикъ, постарше и сильнѣе меня, толкнувъ кулакомъ въ бокъ.“

„Я не обращал на него вниманія и еще пуще заплакалъ. Проснулся и другой мальчикъ, протеръ глаза и сълъ на нашемъ жалкомъ ложѣ.

„— У насъ прибавился еще одинъ? спросилъ онъ своего бойкаго товарища, широко раскрывъ глаза и осматрѣвъ меня съ любопытствомъ.

„— Что проку въ немъ! Веселіе не будетъ. Это какой-то плаксунъ, размазня, отвѣтилъ бойкій, выставивъ мнѣ языкъ и больно ущипнувъ за подбородокъ.

„— Чего ты плачешь, дуракъ? спросили меня оба мальчика въ одинъ голосъ, нагнувшись ко мнѣ и засматривая въ глаза.

„Одинъ изъ мальчиковъ обхватилъ меня сильными руками и такъ рванулъ разомъ, что я крикнулъ отъ боли.

„— Волфъ, не тронь его, за что мучишь? У него отецъ и мать, пусть себѣ плачетъ. А намъ съ тобою вѣдь все равно. Лучше въ рекруты, чѣмъ въ талмудъ-тора, гдѣ насъ бьютъ какъ собакъ, а кормятъ еще хуже собакъ. Оставь его, пусть хнычетъ, и имъ дашей борцовъ!

„Въ эту минуту кто-то повернулся въ наружномъ замкѣ и одинъ изъ вчерашнихъ ловцовъ, съ жирнымъ, отвратительнымъ лицомъ, вошелъ въ комнату, плотно затворивъ за собою дверь.

„— Молодцы! похвалилъ онъ борцовъ. — А ты, оселеъ, все орешь? обратился онъ гнѣвно ко мнѣ, сжавъ кулаки. Если ты сію минуту не встанешь и не будешь играть съ товарищами, то я тебя такъ отшлепаю, что...

„Онъ свирѣпо схватилъ меня за ухо и сразу поднялъ съ ложа.

„Вновь отперлась дверь. Явился другой ловець съ лоханкой, ведромъ воды и кувшиномъ.

„— Ну, дѣтки, ласково обратился къ намъ первый ловець: — совершите утреннее омовеніе рукъ и глазъ, и помолитесь Богу, по праздничному. Вотъ вамъ молитвенникъ. Когда кончите молитву, вамъ принесутъ такой вкусный обѣдъ, какого вамъ и во снѣ не снилось.

„Волфъ и Лейба, какъ будто сговорившись, подошли ко мнѣ разомъ и спросили ласково.

„— Какъ зовутъ тебя?

„— Ерухимъ, отвѣтилъ я, всхлипывая и стараясь удержаться отъ рыданій, за которыя я только что былъ наказанъ.

„— Ну, товарищъ, полно куксить, пойдѣмъ мыться и молиться, пойдѣмъ хорошенько, а потомъ играть на цѣлый день.

„Сначала я упирался, но, мало по малу, уступилъ ласковой рѣчи сотоварищей и умылся. Мы втроемъ начали молиться изъ одного молитвенника. Ловцы, указавъ намъ порядокъ праздни-

ной молитвы, ушли, заперевъ насъ снова. Какъ только ловцы скрылись, Волфъ бросилъ молитвенникъ и пошелъ прыгать по койкамъ на одной ногѣ.

— Волфъ, что ты не молишься? упрекнулъ его Лейба.

— Все равно. Солдатомъ буду—перестану молиться, и ты перестанешь, и этотъ плакса перестанетъ.

— Это правда, согласился Лейба и оставилъ молитвенникъ мнѣ одному.

Мнѣ страшно сдѣлалось за этихъ мальчиковъ, пренебрегающихъ святою молитвою. Я усердно кончилъ очень длинную молитву. Товарищи между тѣмъ бѣгали взапуски, боролись и подтрунивали надо мною.

— Кончилъ? спросилъ усмѣхаясь Лейба, мальчикъ моего роста, рѣзвый, черноглазый, съ кривчоватымъ носомъ и курчавыми волосами и пейсиками.

— Да, тихо отвѣтилъ я.

— Ахъ ты, глупенькій! Ну для чего-жъ ты молишься?

— А развѣ можно не молиться?

— Да вѣдь ты солдатомъ будешь; ты не только молиться перестанешь, тебѣ и пейсы обрѣютъ и трафнымъ кормить станутъ, и свиной, и даже саломъ!

— Я солдатомъ не буду, возразилъ я.

— А чѣмъ-же ты будешь?

— Тотъ еврей обѣщалъ отослать меня къ матери.

— Тотъ еврей, который тебѣ въ морду далъ?

— Да, тотъ самый.

Волфъ и Лейба повалились со смѣха.

— Бѣдный Ерушко! насмѣшливо пожалѣлъ Волфъ. — У тебя мать, тебя баловали, вотъ тебѣ и страшно.

— А у васъ развѣ матери нѣтъ?

— Ни, ни, никого нѣтъ. Мы талмудторейники. Насъ били по цѣлымъ днямъ, мучили книжками. Вѣчно мы голодали и должны были пѣть для каждаго мертвеца, ¹ посѣщать всякую родильницу. Чортъ съ ними! Лучше идти въ рекруты!

Мало по малу мы разговорились и подружились. Я удивлялся своимъ товарищамъ: они были немногимъ старше меня, а гово-

¹ Бездомныя сиротки, воспитывавшіяся на счетъ общества Талмуд-тора составляютъ доморощенный хоръ пѣвчихъ при похоронныхъ процессіяхъ богатыхъ евреевъ. Они обязаны бѣгать во главѣ процессіи и пѣвать унисономъ: «Праведностьъ предъ тобою грядеть». Этой чести конечно удостоиваются дѣтские мертвецы преимущественно. Этихъ-же сиротокъ гонятъ маленькимъ стадомъ къ денежнымъ родильницамъ для совершенія хорошаго вечерней молитвы, чѣмъ предохраняютъ домъ отъ дѣмонскихъ вліяній.

рили и куражились какъ взрослые. Короче познакомившись съ товарищами, я самъ сдѣлался развязнѣе и веселѣе. Намъ принесли вкусный обѣдъ, и мы весело пообѣдали. Явился ловець съ ворохомъ орѣховъ и, увидѣвъ меня веселымъ, потрепалъ по щекамъ.

„— Вотъ молодецъ, люблю. Ну, играйте, дѣтки, на здоровье. А вечеромъ мы васъ переведемъ въ кагалную избу. Тамъ вамъ еще веселѣе будетъ.“

„Въ кагалной избѣ, куда насъ поздно вечеромъ перевели было уютнѣе и опрятнѣе. Намъ дали скамьи для ночлега и жиденькія подушки. Рѣшетокъ у оконъ не было, но за то одинъ изъ ловцовъ постоянно сторожилъ насъ. Когда онъ уходилъ, другой заступалъ его мѣсто. Ночью онъ стлалъ себѣ постель поперекъ единственныхъ дверей. Прошло нѣсколько дней. Я ни разу не видѣлъ ни отца, ни матери. Нѣсколько разъ я пытался узнать что-нибудь о нихъ отъ ловца, но онъ всякій разъ утѣшалъ меня.“

— ~~Они сказали~~, что черезъ нѣсколько дней тебя приведутъ къ нимъ. Чего имъ безпокоиться?

„Однажды, въ кагалную избу, ~~ночью~~, ловцы притащили закованнаго въ цѣпихъ взрослого еврея, бородатаго и блѣднаго! Онъ рвалъ на себѣ цѣпи, стучался головою о стѣнку и все кричалъ: „моя жена, мои бѣдныя дѣти“. Но ловцы крѣпко на крѣпко его связали и почти насильно кормили, ругая и проклиная его безпрестанно. Съ тѣхъ поръ, какъ появился это блѣдное, мрачное лицо въ нашей комнатѣ, наше веселье исчезло. Даже самъ бойкій и шаловливый Волфъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ печальный, подгорюнившись.“

Наконецъ, насъ подвезли въ крытой бриченкѣ къ какому-то большому каменному дому, у дверей котораго стояла пестрая будка и шагали солдаты взадъ и впередъ, съ ружьемъ на плечѣ. Вылѣзая изъ бриченки, я услышалъ какіе-то крики, какой-то страшный плачь. Послышался голосъ матери, звавшій меня по имени, но мнѣ не дали оглянуться, а все сильнѣе и торопливѣе толкали впередъ. На лѣстницѣ и въ большой свѣтлой комнатѣ, куда насъ привели, мы все наталкивались на солдатъ, на офицеровъ и какихъ-то господъ въ черныхъ, короткихъ сюртукахъ, съ блестящими пуговицами. Наши ловцы перешептывались съ какими-то другими евреями, потомъ приказали намъ раздѣться до нага, какъ въ банѣ. Никогда я не забуду, какъ рыдалъ нашъ бородачъ, когда его нагого подтащивали солдаты и увели куда-то, и какъ онъ прыгалъ, опять рыдая отъ радости, когда возвратился съ забритымъ затылкомъ. Бойкій Волфъ, раз-

двоясь, былъ блѣденъ какъ смерть и дрожалъ такъ, что зубъ щелкалъ у него одинъ о другой. Лейба былъ нѣсколько спокойнѣе. Когда дошла очередь до меня, я какъ будто совсѣмъ отупѣлъ. Меня тиконько подталкивалъ еврей, а солдатъ ткнулъ за руку. Меня ввели въ какую-то большущую комнату. Какъ свозъ туманъ, я видѣлъ кучу чужихъ людей, усатыхъ, въ очкахъ, съ большими блестящими накладками на плечахъ. Меня осматривали, поворачивали, ощупывали и что-то спрашивали. Я ничего не понималъ и не былъ въ состояніи подать голоса: что-то больно сжимало мнѣ горло и я все глоталъ да глоталъ такъ, что сѣдой господинъ въ очкахъ, меня осматривавшій, обратилъ на это вниманіе. Онъ крѣпко сдвинулъ мнѣ двумя пальцами носъ и я невольно раскрылъ ротъ. Тогда онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ ротъ, ощупывалъ горло и всунулъ палецъ въ глотку такъ далеко, что я чуть не подавился. Я очнулся только тогда, когда тупая, холодная бритва солдата больно заскребла по головѣ, нѣсколько выше лба. Я заплакалъ отъ боли. Но солдатъ, стиснувъ мнѣ голову, продолжалъ серести, ~~но обращая на меня~~ никакого вниманія.

Въ той комнатѣ, гдѣ осталось мое платье, и куда повели меня забритаго уже, я увидѣлъ Волфа и Лейбу совсѣмъ одѣтыхъ. Они сидѣли радшикомъ, взявшись за руки, и тихо, беззвучно плакали. При видѣ ихъ слезъ, я такъ громко зарыдалъ, что ловцы засуетились, поспѣшили меня одѣть и вывести на улицу. Войдя съ лѣстницы, и приближаясь къ дверямъ, ведущимъ на улицу, я услышалъ женскій, раздрающій душу вопль и въ тоже время увидѣлъ, какъ женщина боролась съ солдатомъ, не позволявшимъ ей переступить порогъ. Приблизившись къ двери, я увидѣлъ, что съ солдатомъ борется моя бѣдная мать. Я вырвался изъ рукъ тащившаго меня еврея и бросился къ моей матери на шею.... Дальше ничего не помню. Когда я пришелъ въ себя, я находился въ незнакомомъ мнѣ мѣстѣ. Я осмотрѣлся кругомъ. На полу радшикомъ спали Волфъ и Лейба. Я лежалъ на какой-то жесткой койкѣ. У стола сидѣли два старикъ солдата, съ огромными усами, съ сердитыми лицами, и чинили сапоги. Я болѣзненно застоналъ.

— Что, малецъ, стонешь? Болитъ, што-ли? спросилъ меня одинъ изъ нихъ, бросивъ сапогъ и приблизившись ко мнѣ. — Я ничего не отвѣтилъ.

Эти солдаты были приставлены къ намъ дядьками. То были добрые, ласковые люди, въ буквальный смыслъ слова няньчившіеся съ нами, какъ съ родными дѣтьми. Шло время, я сдѣлался спокойнѣе. Насъ выводили два раза въ день на пере-

кличку, затѣмъ мы цѣлый день были почти свободны и бѣгали, играли по двору, подъ постояннымъ надзоромъ нашихъ дядежъ. Изъ родныхъ и знакомыхъ я въ продолженіе почти двухъ недѣль никого не видѣлъ. Это огорчало не только меня, но и моего дядьку.

— У тѣхъ ребятишекъ никого изъ родни не имѣется, часто удивлялся Петровъ, указывая на Волфа и Лейбу: — а у тебя вѣдь папка и мамка на лицо состоятъ. Видно не больно тебя жалуютъ, потому самому и носа не ваютъ, да и дядькѣ гостинца жалѣють, скареды.

„Я отъ подобныхъ словъ Петрова зачастую начиналъ плавать.

„Мы были одѣты въ наше домашнее еврейское платье, которое совсѣмъ не шло къ нашимъ лицамъ, лишеннымъ нейсивовъ и съ бритой наполовину головой. Надъ нашими кафтанами насмѣхались солдатики въ казармахъ, часто показывая свинное ухо, собравъ края своихъ шинелей въ одну руку. Это бѣсило Волфа который все приставалъ къ дядькамъ съ вопросами, когда одѣдутъ ~~они~~ ~~не солдатики~~, и когда дадутъ ружье.

— Ишь, какой приткій! замѣчалъ его дядька Семеновъ. — Ружье ему! А барабана не хощь?

„Навонецъ, горячее желаніе Волфа сбылось. Насъ повели куда-то, гдѣ лежали цѣлыя кучи сѣрыхъ шинелей, солдатскихъ фуражекъ и сапоговъ. Насъ всѣхъ въ одинъ день переодѣли. Платье было слишкомъ широко и длинно на насъ. Мы путались въ штанахъ и шинеляхъ; сѣрыя фуражки надвигались на глаза, опускались до самаго подбородка, а мы не могли высвободить рукъ изъ длинныхъ рукавовъ шинелей, чтобы сдвинуть шапки. Тяжелая шинель тянула меня къ землѣ, солдатскіе сапоги, вдвое больше моей ноги, висѣли на ногахъ. Когда мы, переодѣтые, поплелись въ казармы по многолюдной улицѣ, то прохожіе съ улыбкою оставались и долго смотрѣли намъ вслѣдъ, показывая пальцами. Въ казармѣ солдатики встрѣтили насъ такимъ громкимъ хохотомъ и прибаутками, что мы, всѣ три еврейскіе воина, не могли удержаться отъ слезъ.

— Смотри, ребята! кричалъ одинъ солдатикъ другимъ, тыкая на насъ пальцемъ. — Кошка въ мѣшкѣ!

— Ты, ты! оглашали воздухъ другіе: — обезьяны нѣмецкія!

„Насъ окружили со всѣхъ сторонъ. Одни надвигали намъ фуражки на самый носъ и смѣялись надъ нашими тщетными усиліями высвободить пальцы изъ длинныхъ рукавовъ шинели, другіе немилосердно дергали, а третьи подставляли намъ на ходу ногу и помирали со смѣха, когда мы падали какъ снопы, не будучи въ состояніи сразу подняться на ноги. Насъ замучили-бы, если

бы Петровъ и Семеновъ не вступились за насъ, и не роздали-бы цѣлый десятокъ зуботычинъ.

„Въ казармѣ Волфъ обратился къ Петрову.

„— Дядя! подрѣжь намъ немного шинели и штаны; вѣдь такъ ходить нельзя.

„— Что ты, дурачекъ! Какъ же такъ, казенное рѣзать? А вотъ я васъ научу, какъ носить надо.

„Петровъ поднялъ на полгаршина ноги нашихъ шинелей и подпоясалъ тонкой шворкой. Штаны онъ засучилъ холстинною подкладкою вверхъ, въ сапоги напихалъ цѣлый ворохъ соломы для того, чтобы нога тѣснѣе сидѣла. Намъ сидѣлось удобно. Оставались только однѣ фуражки, съ которыми приходилось каждую минуту возиться; но Петровъ засучилъ длинные рукава нашихъ шинелей, и руки наши были настолько свободны, чтобы управляться съ глубокими фуражками.

„Прошло недѣли три послѣ того, какъ меня сдали въ рекруты, а я все еще никого не видѣлъ изъ моихъ родителей. И вотъ, однажды, предъ вечеромъ, когда я съ Волфомъ и Лейбою бѣгалъ по двору, Петровъ позвалъ меня въ казарму.

„— Подъ сюда. Тата спрашиваетъ.

„Я бросился въ казарму и повисъ на шеѣ отца. Онъ ничего не говорилъ. Онъ все цѣловалъ меня, а крупныя слезы все падали и падали ко мнѣ за воротъ рубашки, такія теплыя, горячія слезы...

„— Чего твоя хозяйка не заглянетъ къ намъ приласкать ребенка; вѣдь родная мать, кажишь? сурово спросилъ Петровъ отца. — Ахъ на домъ его повести? И это можно, начальство не возбраняетъ.

„Отецъ промолчалъ. Онъ былъ блѣдный, грустный, исхудалый, съ красными, припухшими глазами. Борода и пейсы его посѣдѣли!

„Черезъ нѣсколько минутъ, онъ сунулъ Петрову, что-то въ руку, отвергъ въ сторону и долго, долго шепталъ ему что-то на ухо. Петровъ внимательно слушалъ и кивалъ головою.

„Я ни о чемъ не догадывался. Я присталъ къ отцу взять меня съ собою, чтобы повидаться съ матерью и сестрами.

„— Нѣтъ, дитя мое, нельзя. Начальство не позволяетъ, отвѣтилъ онъ мнѣ по еврейски.

„— Петровъ-же сказалъ, что можно?

„— Онъ ошибся, дитя мое. Не правда-ли, Петровъ? Вѣдь начальство не позволяетъ ему домой идти? обратился отецъ къ мнѣ.

„— Воже упаси! И тебя и меня за это отшлѣпаютъ.

„— Не грусти, не унывай, сынъ мой! успокойте меня отецъ на прощаньи, горячо цѣлуй.— Все отъ Бога, его святая воля! Покоримся. На томъ свѣтѣ, онъ намъ за все воздастъ. Тамъ ужь нѣтъ насъ больше не разлучить.

„Отецъ далъ мнѣ нѣсколько серебрянныхъ мелкихъ монетъ и ушелъ, наказавъ припрятать эти деньги, и тѣ, которыя онъ обѣщался мнѣ еще принести на будущее время, и не тратить на пустяки.

„Скоро послѣ этого, насъ троехъ: меня, Волфа и Лейбу отправили на воловьей фурѣ въ другой городъ. Насъ сопровождали два незнакомыхъ молодыхъ солдата. Когда меня усаживали на фуру, приближалъ, запахившись, отецъ попрощаться. Онъ вручилъ мнѣ кожаный кошелекъ, звенѣвшій нѣсколькими рублями. Онъ долго о чемъ-то упрасивалъ сопровождавшихъ насъ солдатъ и что-то имъ далъ.

„— Ерухимъ, сказалъ онъ на прощаньи глухимъ голосомъ: — помни Иегову, Господа Бога нашего. Не измѣняй вѣрѣ. Не то — а прощанью твоему, мать проклянетъ тебя, а Богъ накажетъ.

„Со слезами на глазахъ, мы выѣхали изъ родного города. Было начало зимы. Мѣстами лежали цѣлыя кучи снѣга. Вѣтеръ дулъ холодный, рѣзкій. Я и Лейба скоро почувствовали сильный холодъ въ ногахъ и рукахъ. Солома и нѣсколько холстяныхъ онучъ, какъ и суконныя рукавицы, не согрѣвали рукъ и ногъ. Воли еле передвигали ноги. Солдаты, съ ружьями на плечахъ шли пѣшкомъ. Мы пожаловались на холодъ.

„— Стучи ногу объ ногу и руку объ руку! сурово посоветовалъ одинъ изъ солдатъ.

„Мы стучали долго и усердно, но теплѣе не стало. Подъ ногами рукъ и ногъ я почувствовалъ колющую нестерпимую боль. Я заплакалъ. Солдаты остановили фуру.

„— Слѣзай, черти, да пѣшкомъ бѣгите, а то околѣете, какъ собаки, и за васъ еще отвѣчай.

„Солдатъ схватилъ меня за воротъ и такъ рванулъ, что я кубаремъ скатился съ громоздкой фуры. Лейба выкарабкался самъ, а спавшій Волфъ, услышавъ мой плачь, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Онъ поднялъ меня и повлекъ за собою. Сначала я съ трудомъ передвигалъ ноги, такъ онѣ околѣли, но, мало по малу, къ нимъ возвратилась гибкость и я побѣждалъ вслѣдъ за вѣчно бодрымъ и рѣзвымъ Волфомъ. Мы часто останавливались на нѣсколько часовъ. Солдаты пронюхали, что у меня водятся деньги и заставляли всякій разъ покупать имъ водку. Эти солдаты были уже далеко не такъ добры, какъ наши прежніе дядьки. Они насъ часто били и безпрестанно ругали. Какъ толь-

ко мы останавливались въ какой-нибудь деревнѣ, насъ помѣщали въ мужицкой грязной избѣ. Я первый забрался на темный, на-жаренный подпечникъ и только тогда чувствовалъ себя хорошо.

„Въ одной деревнѣ, какая-то добрая, молодая барыня задержала насъ часа на два, напоила чаемъ, накормила горячимъ и снабдила насъ цѣлой торбой вкусныхъ пирожковъ на дорогу. Но пирожки эти намъ не достались: солдаты въ одинъ присѣсть ихъ съѣли, на закуску послѣ выпитой ими на мой-же деньги водки.

„Наконецъ мы пріѣхали въ какой-то городъ, гдѣ, по словамъ нашихъ солдатъ, мы должны были присоединиться къ цѣлой партіи еврейскихъ рекрутъ-малолѣтокъ. Мы прибыли, помню, въ пятницу, предъ вечеромъ. Проѣзжая базарную площадь, мы были окружены десятками евреевъ и евреекъ. Всѣ въ одинъ голосъ просили нашихъ солдатъ отпустить насъ къ нимъ на субботу. Но солдаты ихъ ругали и отгоняли. Насъ привезли въ какому-то дому и сдали офицеру. Мы не успѣли еще хорошенько отогрѣться, какъ нагрянули евреи и начали упрашивать офицера отпустить насъ къ нимъ на постой. Офицеръ, ~~записавши наши имена~~ и имена тѣхъ, которые насъ приглашали, разрѣшилъ намъ идти. Каждый изъ евреевъ выобралъ себѣ маленькаго постояльца. Я пошелъ къ какому-то бездѣтному старому мяснику. Никогда не забуду, какъ хохотили и баловали меня цѣлый мѣсяцъ старики и его жена. Какіе это были добрые, сострадательные люди!

„Все это время я былъ почти свободенъ отъ всякихъ служебныхъ обязанностей; только два раза въ день, утромъ и вечеромъ, я долженъ былъ явиться на городскую площадь на перекличку и какое-то ничтожное ученіе. Насъ заставляли шагать то вправо, то влѣво. Тутъ я увидѣлъ цѣлыя сотни такихъ же еврейскихъ мальчишекъ, какъ и я. Мнѣ сдѣлалось легче на душѣ. Со многими я познакомился и они часто приходили ко мнѣ поиграть, а Волфъ и Лейба торчали у меня по цѣлымъ днямъ. Гостепріимная моя хозяйка всѣхъ моихъ гостей кормила и поила до отвала.

Когда вся партія малолѣтнихъ рекрутъ собралась, насъ всѣхъ отправили далеко, далеко. Насъ сопровождалъ офицеръ, докторъ и множество солдатъ съ ружьями. Всѣхъ усадили на телеги, и въ одно очень холодное утро, мы тронулись въ путь. Изъ города провожали и напутствовали насъ десятки евреевъ и евреекъ. Не смотря на морозъ и метель, ни я, ни мои товарищи не чувствовали особеннаго холода. Евреи снабдили всѣхъ насъ толстыми шерстяными чулками. На фуражъ, между нашими узлами, лежали цѣлыя мѣшочки съ съѣстными принасами, принесенными еврей-

ками для насъ въ дорогу. Евреи, кромѣ этого, подарили каждому изъ насъ по нѣскольку серебряныхъ монетъ. Прощаясь съ нами у заставы, всякій изъ провожавшихъ насъ евреевъ пѣлъ одну и ту же пѣсню.

— Не забывайте, дѣти, вѣры нашей. Исполняйте всѣ наши обряды, насколько это вамъ будетъ возможно — и Богъ не оставитъ васъ.

Мы медленно подвигались впередъ. На душѣ было грустно, тоскливо. Офицеръ былъ злой, грубый человѣкъ. За малѣйшую оплошность онъ билъ кулаками куда попаало или стегалъ цѣлымъ пучкомъ колючихъ розогъ. Не проходило часу, чтобы не слышались вопли кого-нибудь изъ насъ. Мы дрожали одного его взгляда. Чаще всѣхъ доставалось бѣдному, неукротимому Волфу. Онъ долго куражился, но, наконецъ, поддакъ и присмирѣлъ.

— Ерухимъ, сказалъ онъ мнѣ однажды шопотомъ: — знаешь, вѣдь въ талмудъ-торѣ гораздо лучше было, чѣмъ теперь?

— А что?

— Тамъ не били такъ больно и такъ часто, какъ тутъ.

— Берегись, не шали и слушайся, усовершенствуй я его.

— Знаешь что, Ерухимъ? Убѣжимъ.

— Что ты? Какъ можно?!

— А что? Мы убѣжимъ къ евреямъ, насъ и спрячутъ.

— Не хочу и слышать. Я боюсь розогъ.

— Дуракъ! Ну, оставайся. Я и самъ убѣгу.

И точно, въ первомъ городѣ, гдѣ мы остановились для дневки, Волфъ исчезъ. На переключкѣ, утромъ, его хватились и начали разыскивать. Къ вечеру сами евреи его привели прямо къ офицеру и донесли, что Волфъ у нихъ искалъ убѣжища, чтобы скрыться.

На всю жизнь вѣзалась мнѣ картина страшной экзекуціи, совершившейся надъ пойманнымъ Волфомъ. Насъ всѣхъ созвали и разставили кружкомъ. Въ серединѣ кружка, обнаженный Волфъ лежалъ на сѣбѣ лицомъ внизъ. Одинъ солдатъ сидѣлъ у него на головѣ, руки его были связаны, на ногахъ сидѣли два здоровыхъ солдата, а два били розгами. Боже мой, какъ немилосердно его били! Всякій разъ, когда толстый пучъ розогъ, свистя въ воздухѣ, опускался на тѣло несчастнаго, красная полбса обозначалась на томъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ кровь брызнула изъ нѣсколькихъ мѣстъ. Но на это не обратили вниманія, пережѣнили избитыя розги на свѣжія и опять принялись бить. Сначала Волфъ крѣпился, но, мало-по-малу, крики начали разрывать нашу душу. Большая часть маленькихъ рекрутъ зарыдала такъ громко, что заглушила самые крики страдальца.

„Волфа перестали бить, а онъ все продолжалъ лежать молча, не трогаясь съ мѣста, вокругъ котораго снѣгъ былъ окрашенъ кровью. Докторъ далъ ему что-то нюхать и отливаль водою.

„— Видѣли, поросята? обратился къ намъ свирѣпый офицеръ, угрожая кулаками.

„Мы отправились дальше. Эзекуція Волфа такъ потрясла наши сердца, что мы нѣсколько дней сряду чуждались другъ друга и все молчали. Каждый изъ насъ вздрагивалъ при одномъ взглядѣ жестокаго офицера. Волфъ лежалъ на ранцахъ, почти пищи не принималъ и весь горѣлъ. Его и еще двухъ, трехъ заболѣвшихъ сдали въ больницу въ какомъ-то городѣ, на пути.

„Черезъ нѣсколько дней мы остановились въ какомъ-то очень большомъ городѣ, гдѣ вовсе не было евреевъ. Насъ размѣстили по квартирамъ у русскихъ, подъ надзоромъ одного стараго, свирѣпаго солдата, незнавшаго жалости. Онъ насъ немилосердно билъ и вѣчно ругалъ. Я и Лейба стояли вмѣстѣ на квартирѣ у одной бѣдной русской торговки. Это была добрая, сострадательная душа. Она насъ ругала и поносила ~~какъ~~ ~~похристаней~~ но въ тоже время жалѣла и ласкала какъ безпомощныхъ дѣтей. Всѣ рекруты малолѣтки не могли нахвалиться своими хозяевами. Были между бѣдными рекрутами такіе, которые ни за что въ мирѣ не рѣшались прикоснуться устами къ трафнимъ яствамъ. Хозяева не обижались этимъ, и кормили ихъ хлѣбомъ, масломъ, рыбою и сырою капустою.

„Въ этомъ большомъ городѣ мы простояли съ мѣсяць. Тутъ насъ рассортировали, кому куда идти. Нѣкоторыхъ, болѣе бойкихъ и сметливыхъ, отправили въ какія-то кантонистскія школы, а остальныхъ разослали въ разныя мѣста для отдачи поселанамъ на прокормленіе и содержаніе, пока подрастутъ и пока наступитъ пора зачислить ихъ въ дѣйствительную военную службу. Меня, Лейбу и еще нѣсколькихъ отправили вмѣстѣ съ этапомъ куда-то, какъ говорили, очень далеко, въ холодную страну. Теперь только мы начали настоящимъ образомъ бѣдствовать. Мои деньги истощились до послѣдней копейки. Лейба и подавно ничего за душою не имѣлъ. На дворѣ стоялъ страшный холодъ, морозы и вьюги пронимали насъ до костей. На фурахъ, сопровождавшихъ этапъ, было навалено столько вещей, на этихъ вещахъ сидѣло столько слабыхъ, больныхъ мужчинъ и женщинъ въ цѣпяхъ и безъ цѣпей, что намъ положительно мѣста не было усѣсться уютно и удобно. Мы часто замерзали до того, что солдаты, чтобы отогрѣть насъ, швыряли насъ другъ къ другу какъ мячи. Мы плавали, а они смѣялись и безжалостно толкали насъ впередъ. Особенно страдали мы отъ нѣкоторыхъ

преступниковъ, шедшихъ пѣшкомъ во всю дорогу. Какъ только ктонибудь изъ насъ печально приблизится бывало къ нимъ, то получить такой ударъ локтемъ или ногою, что отлетитъ на пять шаговъ. Надъ паденіемъ неуклюжаго рекрутника поднимется кохоть, насмѣшки и прибаутки. Одинъ изъ нашихъ товарищей, при подобномъ паденіи, сломалъ ногу. За это бородатому разбойнику порядкомъ досталось. Сопровождавшій этапъ, старшій солдатъ, былъ изверга такъ, что все лицо разбойника было окровавлено. Несчастнаго товарища оставили въ какой-то больницѣ. Два изъ нашихъ товарищей заболѣли въ пути горячкою, а пока мы добрались до ближайшаго города,—умерли. Тѣла ихъ были сданы по начальству, а мы пошли дальше. Мнѣ все казалось, что я тоже долженъ умереть или замерзнуть. Я вѣчно дрожалъ, не чувствовалъ ни рукъ, ни ногъ. Но между тѣмъ я ни разу даже не заболѣлъ въ дорогѣ. Когда съѣмъ нѣсколько сухарей, поклебаю горячихъ постныхъ щей и выплыву, то опять, бывало, чувствую силу и бодрость. Сначала сильно болѣли ноги отъ ходьбы и ложило во всемъ тѣлѣ, а потомъ привыкъ, ничего. Долго мы шли такимъ образомъ, переходя съ одного этапа въ другой и оставаясь на цѣлыя недѣли для отдыха. Тамъ, гдѣ мы останавливались, вызывались охотники взять когонибудь изъ насъ на прокормленіе. Въ каждомъ мѣстѣ мы оставляли одного или нѣкоторыхъ и наша партія малолѣтокъ съ каждою стоянкою уменьшалась. Когда явятся желающіе взять жиденка на харчи, то насъ, бывало, выставляютъ въ рядъ, желающіе начнутъ насъ осматривать, ощупывать и спрашивать. На меня, бывало, посматривать, да и махнуть рукою.

„— Нѣ, энтій не годящій: больно малъ, да и хилой такой!

„Мена, Лейбу и еще нѣкоторыхъ обходили и выбирали мальчишекъ покрупнѣе да пожирнѣе, а насъ гнали дальше.

„Когда дошла очередь наконецъ до насъ, то насъ осталось всего только трое мальчиковъ: я, Лейба и нѣкто Бенья. Такъ какъ крупнѣе насъ уже не было, то разобрали и насъ. Мы всѣ трое попали въ одну и ту же небольшую деревню, лежащую подъ горою, на вершинѣ которой тянулся длинный, густой лѣсъ. Вся деревня эта занималась преимущественно лѣснымъ промысломъ. Лѣсъ сплавлялся по быстрой, широкой рѣкѣ, протекавшей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни. Когда мы пришли въ эту деревню, то зима была уже почти на исходѣ. Снѣгъ началъ таять, вода быстрыми ручьями стремилась съ горъ. Солнце ярко начало показываться по утрамъ, а тепловатый вѣтеръ вѣялъ по цѣлымъ днямъ. Въ первый-же день нашего прихода насъ разобрали поселяне. Тамъ, гдѣ насъ было много, маленькихъ, ху-

деньжикъ обходили; а теперь, когда насъ осталось всего трое, то и за насъ почти дрались. На каждого нашлись десятки охотниковъ. Кричали и шумѣли нѣсколько часовъ, задобривая, каждый по своему, наше начальство, пока рѣшили, кому мы должны отнынѣ принадлежать.

— Видишь, Ерухимъ, какъ изъ-за насъ спорять, шепнуть ибѣ Лейба. — Въ насъ, значитъ, нуждаются. Намъ тутъ будетъ хорошо.

Отправляя насъ къ хозяевамъ, начальство дало намъ строгое наставленіе слѣдно повиноваться и вести себя честно и аккуратно, а хозяевамъ было строго наказано кормить и одѣвать насъ какъ слѣдуетъ и, Боже упаси, не бить жестоко, не калечить.

— Да какъ же безъ зитаго? затруднялись наши будущіе хозяева. — Родныхъ ребятъ и то безъ того не вскормишь.

— Ну, провинился — луи розгой, это можно; а вредить — не смѣй, пояснило начальство.

Итакъ, мы разбрелись въ разныя стороны, уговорившись любить другъ друга, сходиться, если только будетъ можно. Разставаясь, мы всѣ трое прослезились. Мы чувствовали нашу полнѣйшую безпомощность въ незнакомой средѣ, между чужими людьми, не имѣющими ничего общаго съ нами.

Мой хозяинъ, за которымъ я шелъ, опустилъ голову на грудь, былъ мужикъ еще молодой, коренастый, съ грубымъ, угрюмымъ лицомъ, покрытымъ угрями. Его косые, маленькіе глаза, разбѣгавшіеся во всѣ стороны, осматривали меня ежеминутно съ головы до ногъ и страшно пугали меня. Я поглядывалъ на его здоровенный кулакъ и воображалъ себѣ тяжесть его, когда онъ опустится на мою голову. Я успѣлъ уже попривыкнуть къ солдатской опека; меня тревожила новая, мужицкая.

Изба моего хозяина лежала на концѣ длинной и узкой деревни, у подножья горы, при дорогѣ, змѣившейся множествомъ зигзаговъ въ гору и терявшей въ безлиственномъ лѣсѣ, закрывавшемъ собою весь горизонтъ. Дворъ, въ который я ступилъ, былъ обнесенъ плетнемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрушеннымъ. Весь онъ былъ загроможденъ строевымъ и дровянымъ гѣсомъ, набросаннымъ въ беспорядкѣ цѣлыми кучами. На краю двора стояло нѣсколько плетеныхъ хлѣбовъ, облѣпленныхъ глиною, большой, длинный навѣсъ и овчарня. На встрѣчу намъ бросилась цѣлая стая громадныхъ, косматыхъ собакъ. Сначала они попробовали приласкаться къ хозяину, прыгая къ нему на грудь, но, получивъ, въ благодарность за ласку, нѣсколько виговъ ногою, они отстали отъ него и набросились на меня. Въ одну минуту полы моей казенной шинели были изорваны въ

ключки. Если-бы хозяинъ не разогналъ этихъ чудовищъ, то они самого меня изорвали-бы въ куски.

„— Ты чево не обороняешься самъ?

„— Я боюсь, пролепеталъ я, заплакавъ.

„Хозяинъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня съ боку.

„Изба была очень большая, сложенная изъ толстыхъ, почернѣвшихъ отъ грязи и копоти, бревенъ, переложенныхъ мохомъ. Маленькія, потускнѣвшія окошечки едва пропускали дневной свѣтъ. Изба была натоплена до того, что у меня захватило почти духъ, когда я переступилъ порогъ. Земляной полъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ грязи и разными нечистотами. Въ одномъ углу стоялъ ткацкій станокъ, въ другомъ деревянная огромная ступа, въ третьемъ столярный станокъ. Старая баба работала у ткацкого станка, другая, молодая, толкла что-то въ ступѣ, а дѣвка возилась у огромной печи. На широкихъ полатяхъ горланило нѣсколько человѣкъ дѣтей. Оттуда выглядывала сѣдая, старческая голова, съ желтымъ лицомъ, обросшимъ сѣдою бородою. Надъ самыми полатями, въ углу, виднѣлось нѣсколько почернѣвшихъ иконъ. Во всей избѣ стоялъ ужасный шумъ, трескъ и стукъ.

„Переступивъ порогъ, я остановился, обнаживъ голову, не зная куда ступить. Хозяинъ, снявъ шапку, помолился на образа и обратился къ старику, лежавшему на полатяхъ:

„— Отбилъ работника, тятя.

„— А што?

„— Изъ рукъ, шельмецы, выривали. Ну, да я первый ухитрился уладить.

„Старикъ окинулъ меня гнѣвнымъ взглядомъ.

„— Ты чево, малецъ, на образа не кланяешься? пропашкалъ онъ, пожевывая своими беззубными челюстями.

„— Нешто христіанинъ онъ? оправдалъ меня хозяинъ, сынъ старика.

„— А што-жь онъ такое?

„— Стало быть, изъ жидовъ.

„Старикъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и плюнулъ. Бабы, даже дѣти повернули ко мнѣ головы и гнѣвно на меня посмотрѣли.

„— А для-че ублюдка въ избу взялъ? спросила старуха, свернувъ глазами на хозяина.

„— Подъ, Сильвестръ, отдай назадъ, посоветовалъ старикъ.

„— Нѣ, тятя, не можно. Бумагу подписалъ, стало быть — конецъ.

„— А што съ нимъ сдѣлаешь?

„— Попривыкнеть, прокъ будетъ. Скоро лѣто Богъ шлетъ, въ степь согодится. Дѣло ему найду.

„— Чего стоишь какъ чурбанъ? Раздѣйся. Ты на мѣстѣ, кажись, не въ гости пришелъ, приказалъ хозяинъ. — Я снялъ шинель и не зналъ куда ее положить.

„— Пихай подъ лавку, и сапоги сними; чего даромъ топтать!

„Я очутился босикомъ. Жидкая грязь земляного пола залѣзла между пальцевъ ногъ. Я вадрогнулъ отъ неприятнаго, непривычнаго ощущенія.

„— Кличуть тебя какъ? спросилъ старикъ.

„— Ерухимъ.

„— Мудренно што-то. Это по жидовски; а по нашему какъ будетъ?

„— Не знаю.

„— Окрестимъ его Ерохой, али Ярошкой, нашелся Сильвестръ.

„Пріемъ не обѣщаль ничего хорошаго. Скоро сѣли обѣдать. Мнѣ подали особо, въ разбитомъ черепкѣ, ~~жидкую-то жидкую~~, прѣсную жидкость и ломоть отрубистаго липкаго хлѣба. Отъ первой ложки меня стошнило, но я чувствовалъ сильный голодъ и продолжалъ глотать.

„Когда послѣ обѣда хозяинъ приказалъ мнѣ принести изъ хлѣва сухой соломы для свѣжей постилки въ его промокшіе сапоги, у меня сердце забилось отъ тревоги. Я боялся страшныхъ собакъ, чуть не разорвавшихъ меня за часъ тому назадъ. А все таки идти необходимо было. Для большей безопасности моихъ ногъ я началъ обувать сапоги, но хозяинъ прикрикнулъ на меня.

„— Чего обуваеться? Тутъ рукой подать.

„Весь дрожа отъ страха, я вышелъ, но въ сѣняхъ остановился. Я осторожно высунулъ голову въ дверь, осматривая дворъ и выѣдывая позицію непріятели. Но проклятыя собаки тотчасъ замѣтили меня и устремились къ сѣнямъ цѣлый стаей съ страшнымъ лаемъ. Я стремглавъ пустился въ избу.

„— Псовъ снужался? спросилъ нѣсколько ласково хозяинъ, поднимаясь со скамьи.— Палагея, налей помой псамъ, пусть Ярошка вынесетъ, подасть и познакомятся, приказалъ хозяинъ молодой бабѣ.

„— Чего балуешь убудка? замѣтилъ старый. — Нешто такъ не обойдется? Псы разумнѣе его, узнаютъ, что тутошній и сами лаять перестануть.

„— Тата, вѣдь Яроха человекъ казенный; разорвутъ, а потомъ отвѣчай за него!

„— Гм... А если издохнуть, мы то-жь въ отвѣтъ быть должны?

„— Для-че подыхать! Бѣсъ его не возьметъ.

„Я вынесъ цѣлую лохань поила псамъ. Хозяинъ вышелъ со мною. Я тайкомъ захватилъ краюху хлѣба и нѣсколько кусковъ мякоти. При видѣ поила собаки не трогали меня, а только по-сматривали на лохань, подпрыгивая и вертя хвостами. Я поставилъ лохань. Собаки съ жадностью набросились на помои, между тѣмъ какъ хозяинъ, познакомивъ меня съ кличкою своихъ собакъ, ушелъ за соломой, приказавъ мнѣ остаться съ собаками.

„— Пусть обнюхаются, кусать потомъ не будутъ.

„Когда лохань была опорожнена и обливана, нѣкоторые изъ собакъ опять начали косо поглядывать на меня, рыча и скаля зубы. Чтобы задобрить недовольныхъ, я досталъ хлѣбъ изъ кармана и по кусочкамъ началъ швырять то одной, то другой. Я радовался быстрой дружбѣ, устанавливающейся между мною и недавними врагами. Одна изъ самыхъ страшныхъ собачницъ, кличкою Буди, лизнула мнѣ руку, а другая потерлась у моихъ ногъ. Я радовался этимъ ласкамъ до умиленія, но радость моя была внезапно прервана пренеприятнымъ образомъ: когда я швырнулъ послѣдній кусокъ хлѣба собакамъ, то получилъ такую затрепину, что едва устоялъ на ногахъ.

„— Я тѣ, дьяволъ, научу таскать святой хлѣбъ изъ избы и псамъ кидать! кричала на меня старуха.

„Хозяинъ съ ворохомъ соломы подошелъ на эту сцену. Узнавъ, въ чемъ я провинился, онъ ругнулъ меня въ свою очередь и погрозилъ кулакомъ.

„— Ты, никакъ, воровать, малецъ? Стерегись: я баловать не охочь!

„Непривѣтливо было мое вступленіе въ новую жизнь. Мнѣ не дали раздумывать долго, а поставили къ ступѣ, гдѣ я работалъ до самаго вечера безъ отдыха, молча. Поѣвши лишкаго хлѣба съ солью и запивъ водою, я заснулъ на какихъ-то тряпкахъ на мокрой землѣ.

„Вслѣдъ за первымъ сквернымъ днемъ моей новой жизни, потянулся цѣлый рядъ подобныхъ дней. Меня употребляли къ домашнимъ работамъ, къ ткацкому станку, къ ступѣ и къ страннѣ. Я мылъ горшки, носилъ воду, рубилъ тонкія дрова, подметалъ, нянчилъ дѣтей, кормилъ собакъ и свиней. Я никогда не наѣдался до сыта, не высыпался вдоволь. Я заросъ шерстью, какъ медвѣженокъ, ногти мои выросли на полвершка и причиняли мнѣ боль. Тѣло, подъ грязной, какъ земля рубашкою, вѣчно зудилось, и я, какъ грязное животное, постоянно теръ спину у стѣнъ и косяковъ. Я скоро совсѣмъ одичалъ. Хотя я

былъ очень тихъ и послушенъ, тѣмъ не менѣе, старикъ и старуха вѣчно толкали и ругали меня; вообще со мною обращались какъ съ паршивымъ щенкомъ. Хозяина по цѣлымъ днямъ не бывало дома. Жена хозяина и дѣвка, сестра его, мучили меня гораздо менѣе другихъ. Онѣ украдкой подсовывали мнѣ изрѣдка, лишнюю краюху хлѣба. Одни дѣти не гнушались меня, и даже любили со мною играть. Собаки тоже меня очень любили. Какъ только я улучу свободную минуту, то выбѣгу за ворота и взапуски пушусь бѣгать съ моими четвероногими друзьями. О моихъ товарищахъ Лейбъ и Бенъ я ничего не зналъ.

Когда снѣгъ совсѣмъ растаялъ и обнажилась земля, когда выглянула первая травка, участь моя измѣнилась къ лучшему. Мнѣ поручили пасти коровъ, овецъ и свиней. До зари я отправлялся съ моимъ маленькимъ стадомъ и съ цѣлымъ десяткомъ умныхъ собакъ, которыя умѣли охранять стадо и держать его въ отличномъ порядкѣ. Я былъ очень доволенъ своею судьбою. Взобравшись на гору, я водилъ стадо цѣлый день у обранныхъ лѣса. Тутъ я былъ свободенъ, не слышалъ брани, не переносилъ побоевъ. Мнѣ давали съ собою хлѣбъ, соль, крупу или пшено. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи маленькій котелокъ. Разведя гдѣ-нибудь въ ложбинѣ огонь изъ сухихъ вѣтвей, я самъ варилъ себѣ свою постную похлебку. Я отыскивалъ грибы, а иногда рѣшался выдоить немножко молока и подбавлялъ его въ мой супъ. Это было праздникомъ для меня. Какъ только показались земляника и дикіе фрукты, я зажилъ по царски. Въ лѣсу водились волки, но я ихъ не боялся. Бѣольшая часть моихъ собакъ имѣла и силу и отвагу волкодавцовъ. Мое стадо жирѣло съ каждымъ днемъ и сохранялось въ цѣлости. Хозяинъ былъ мною доволенъ, прочіе члены семьи сдѣлались тоже ласковѣе, съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ торчать цѣлые дни предъ глазами. Иногда я бралъ съ собою дѣтей и игралъ въ степи. Мое здоровье значительно поправилось и тѣло окрѣпло.

Однажды, отыскивая болѣе тучное пастбище, я загналъ свое стадо въ сторону и забрался далеко въ горы. Осматривая открывшееся моимъ глазамъ широкое плоскогорье, я замѣтилъ вдаль небольшое стадо. Я погналъ туда и свое. Желая познакомиться съ пастухомъ, я направился прямо къ нему. Какова-же была моя радость, когда я встрѣтился лицомъ къ лицу съ товарищемъ Лейбою! Мы упали другъ къ другу на шею, какъ родные братья. Лейба попалъ тоже къ поселянину и терпѣлъ отъ жестокостей своихъ хозяевъ еще больше моего. Онъ цѣлые дни лѣтался хлѣбомъ и водою, и ему было воспрещено подводить свое стадо близко къ лѣсу. Самое стадо заключалось въ однѣхъ

свиньяхъ, за которыми зорко приходилось слѣдить, чтобы онѣ не разбѣжались, тѣмъ болѣе, что Лейба не имѣлъ при себѣ такихъ смысленныхъ собакъ, какъ я. Когда я ему рассказалъ, какъ я роскошничалъ, онъ всплеснулъ руками отъ удивленія и зависти.

— Я тебя угощу, Лейба, обѣдомъ. Ты только присмотри за моимъ стадомъ и подгоняй поближе къ лѣсу, а я сбѣгаю въ лѣсъ за грибами и земляникой.

Когда все это было выполнено, мы выбрали удобное мѣсто, и черезъ полчаса вкусный молочный супъ былъ готовъ.

Вдругъ раздался неистовый лай собакъ по опушкѣ лѣса.

— Что такое тамъ случилось? встревожился я.

— Собаки наши грызутся, пусть ихъ! успокоилъ меня товарищъ, жадно утолявшій голодъ.

У самого края котловины вдругъ выросъ какъ изъ-подъ земли мальчишкѣ, одичалый, обрызглый, заросшій волосами, весь въ лохмотьяхъ. Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на незнакомца.

— Ерухимъ! всплеснулъ дикарь радостно руками и устремился ко мнѣ.

По голосу я узналъ тотчасъ Веню и бросился къ нему на встрѣчу.

— Стой, Ерухимъ! не подходи къ нему! крикнулъ испуганнымъ голосомъ Лейба.

— А что? спросилъ я съ недоумѣніемъ, между тѣмъ, какъ Веня побѣднѣлъ, какъ стѣна.

— Не подходи къ нему, Ерухимъ, не прикасайся! онъ уже не нашъ; онъ... мешумедъ (ренегатъ) гой...

Меня это извѣстіе поразило и вольнуло въ сердце.

— Веня, правду-ли Лейба говоритъ? спросилъ я сконфуженного мальчишка, дрожащимъ голосомъ.

Веня опустилъ голову и покраснѣлъ.

— Ерухимъ, дай мнѣ поѣсть! взмолился онъ ко мнѣ, не трогаясь съ мѣста.

Мнѣ жалъ стало товарища, такъ жадно поглядывавшаго на котелокъ.

— Иди ѣшь! позволилъ я ему, отварачиваясь отъ него.

Веня побѣжалъ къ котелку. Но Лейба, замѣтивъ его приближеніе, быстро опрокинулъ котелокъ и началъ ногами топтать землянику, издавая губами рѣзкій свистъ. Черезъ минуту сбѣжалось нѣсколько собакъ и жадно накинулось на остатки молочнаго супа.

— Лучше собакамъ пусть достанется, чѣмъ тебѣ! злобно произнесъ Лейба, обращаясь къ оторопѣвшему Венѣ.

Вени заплакалъ и убѣжалъ, угрожая намъ надади кулаками.

— Ты злой мальчижъ, упрекнудъ я Лейбу.

— Онъ отсталъ отъ насъ, зачѣмъ-же въ нуждѣ къ намъ опять гѣзеть?

— Можетъ быть, его ужъ черезчуръ били, онъ этимъ и хотѣлъ облегчить себя.

— А насъ по головѣ гладятъ?

Я погналъ свое стадо назадъ, условившись съ Лейбою сходить каждый день къ полудню для общаго обѣда.

Черезъ нѣсколько дней, мы, какъ всегда, расположились обѣдать. Вдругъ, вдали показались два человѣка, быстрыми шагами направлявшіеся прямо къ намъ. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ своего хозяина. Другой — былъ хозяинъ Лейбы. За ними шелъ Вени, снявши шапку и отвратительно улыбаясь.

Съ какимъ-то ревомъ хозяинъ бросился на меня, смелъ подѣ себя и началъ душить, давить и бить. Долго-ли это продолжалось — не знаю, но когда хозяинъ пересталъ топтать меня ногами, я продолжалъ лежать, ничего не слыша. Онъ нѣсколько разъ пытался поставить меня на ноги, но я надавалъ опять, какъ свинѣ. Должно полагать, что онъ самъ испугался послѣдствій своей жестокости, потому что засуетился, побѣжалъ за водою и началъ меня отливать. Какъ однако ни мучился онъ со мною, а идти не могъ: одна нога была какъ деревянная и когда я пробовалъ ступить ею, такъ болѣла, что я невольно падалъ. Проклиная меня, онъ оставилъ меня одного, погнавъ стадо домой. Я лежалъ полуубитый, растерзанный, съ закрытыми глазами и горько рыдалъ. Мигъ показалось, что кто-то гладитъ меня по головѣ и плачетъ вмѣстѣ со мною. Я съ усиліемъ открылъ глаза. Возгѣ меня, на землѣ, положила руку на мой лобъ, сидѣлъ Вени и горько плакалъ. Я отшатнулся отъ него какъ отъ змѣи.

— Прочь отъ меня! прошепталъ я. — За что ты меня поубилъ? Что я тебѣ сдѣлалъ?

— Не тебѣ, Ерухимю, хотѣлъ я повредить, ты мальчижъ добрый, а подлецу Лейбѣ, отдающему собакамъ то, о чемъ просить у него братъ.

— Какой ты намъ братъ! замѣтилъ я и отвернулся.

Пришелъ хозяинъ еще съ однимъ мужикомъ и потащили меня домой. Хозяинъ былъ разстроенъ, угрюмъ и молчалъ во всю дорогу. Меня положили въ хлѣву на соломѣ. Черезъ часъ хозяинъ привелъ какого-то отставнаго солдата коновала. Солдатъ ощущалъ и вытягивалъ мою ногу, причиняя мнѣ нестерпимую боль, и наконецъ рѣшилъ, что перелома нѣтъ, а только сильный вывихъ.

„Я валялся долго, пока выздоровѣлъ и началъ ходить, нѣсколь-ко прихрамывая. Во все время моей лежачки, старуха приносила мнѣ два раза на день какіе-то помои, крохи и объѣдки и при этомъ всегда обывала меня лѣпшимъ и ублюдкомъ, и нивакъ не могла простить мнѣ выпитаго тайкомъ молока.

„Когда я совсѣмъ выздоровѣлъ, — наступила уже осень, а за нею потянулась суровая, страшно-холодная зима. Осень и зима посвящались моимъ хозяиномъ лѣсному промыслу. Онъ рубилъ тонкія и строевой лѣсъ и по санной дорогѣ свозилъ въ свой просторный дворъ, откуда, въ началѣ весны, при поноводіи рѣки, сплавливалъ въ городъ. Къ этому лѣсному промыслу хозяинъ началъ употреблять меня. Въ то время, когда онъ подрубливалъ толстыя высокія деревья, я собиралъ валежники и рубилъ молодня, тонкія деревья. Работа эта начиналась съ самаго ранняго утра и оканчивалась позднимъ вечеромъ. Питались мы съ хозяиномъ однимъ хлѣбомъ и солью, а изрѣдка соленюю, сухою и тягучею, какъ подошва, рыбою. Хозяину было тепло: онъ былъ одѣтъ въ двухъ кожухахъ, а я какъ собака мерзъ и дрогъ въ своемъ казенномъ полушубкѣ, совсѣмъ оплѣшивѣвшемъ и въ дырявой шинелишкѣ. Особенно забли ноги, не смотря на постоянное мое постукиваніе и припрыгиваніе. За то, возвращаясь вечеромъ въ жарко натопленную избу, похлѣбавъ горячей барды съ хлѣбомъ и уложившись у печки, я чувствовалъ себя невыразимо хорошо и засыпалъ сладкимъ сномъ. Меня не били и почти не ругали. Хозяинъ былъ доволенъ моимъ усердіемъ. Все шло какъ нельзя лучше, когда со мною приключилась новая бѣда.

Хозяинъ имѣлъ привычку очень толстыя, высокія деревья не сваливать совсѣмъ, а дѣлать въ самомъ низу ствола глубокою надрубку и такъ оставлять. Первый сильный вѣтеръ или вьюга валми надрубленные деревья безъ помощи человѣческой силы. Такихъ деревьевъ съ надрубками было въ лѣсу множество. Разъ случилось, что хозяинъ, отправившійся куда-то изъ дому, нарядилъ меня въ лѣсъ одного, приказавъ къ вечеру привезть валежнику для домашнего обихода. Утро было безвѣтренное, тихое, солнце ярко свѣтило. Мнѣ предстояла тяжелая работа, но я былъ веселъ. При мысли, что я не буду цѣлый день понукаемъ хозяиномъ, буду работать, отдыхать и грызть свой черствый паекъ на свободѣ, я обрадовался до того, что зацѣлъ веселую еврейскую пѣсенку, какъ-то сохранившуюся въ моей памяти. Меринъ, казалось, сочувствовалъ моему настроенію духа и съ усердіемъ взбирался на крутую гору, весело мотая головою. Предъ нимъ, лая и ежеминутно озираясь и заворачивая въ сторону, прыгалъ косматый, любимый мой песъ, Кудъ, который

всегда сопровождал меня въ лѣсъ, и съ которыми я охотно дѣлилъ свою порцію хлѣба. Забравшись въ глубину безлиственнаго лѣса, я отпирегъ мерина, привязалъ его къ розвальнямъ, наполненнымъ сѣномъ и принялся за работу, напѣвая во все горло. Проработавъ такимъ образомъ безъ роздыха нѣсколько часовъ и собравъ цѣлую кучу валежника, я съ аппетитомъ поѣлъ и улегся въ сани, чтобы немного отдохнуть, зарывшись въ сѣно. Торопиться было не къ чему. Я зналъ, что если возвращусь раньше урочнаго часа, мнѣ зададутъ новую работу, а потому жѣтилъ подогнать время своего возвращенія какъ разъ къ заходу солнца, чтобы свободно завалиться на ночь у любимой печки. Мой косматый другъ взобрался ко мнѣ на ноги и пріятно ихъ согрѣвалъ. Мы оба—я и Буцъ—какъ видно, крѣпко заснули. Меня пробудилъ меринъ, порывавшійся освободиться отъ привязи, сильно дергая розвальни, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Когда я выкарабкался изъ подъ сѣна, я, къ крайнему испугу своему, увидѣлъ, что солнце близится уже къ закату. Оно тускло свѣтило, укутанное въ какія-то сѣрыя, туманныя тучи. Погода разыгралась. Рѣзкій, порывистый, холодный вѣтеръ неистово ревелъ въ лѣсу и сильно шаталъ деревья. Малый снѣгъ цѣлыми массами валилъ сверху и, направляемый вѣсомъ вьюгою, больно хлесталъ въ лицо и зацѣплялъ глаза. Меринъ, побуждаемый холодомъ, вѣтромъ и хлесткимъ снѣгомъ, упирался передними ногами и подавался назадъ, съ видимымъ намѣреніемъ разорвать недоуздокъ, удерживавшій его у саней. Я встревожился. Мнѣ предстояло еще нагрузить сани валежникомъ и добраться заблаговременно домой. Я заторопился надъ снѣжною работою, а вѣтеръ и вьюга съ каждой минутой крѣплили. Все страшнѣе и сильнѣе ревелъ въ лѣсу, солнце все тусклѣе и тусклѣе свѣтило, и наконецъ совсѣмъ скрылось. Моя работа близилась уже къ концу, какъ вдругъ, когда я нагнулся подъ одно толстое высокое дерево, чтобы подобрать валежникъ, надъ самымъ моимъ ухомъ раздался страшный трескъ. Въ ту же минуту на меня навалилось упавшее дерево всей своей тяжестью и придавило меня къ землѣ. Къ счастью моему, снѣгъ былъ глубоокъ и рыхлъ: дерево, упавшее поперегъ моего крестца, глубоко вдавило меня въ снѣгъ, но, зацѣпившись своей верхней частью за что-то, не раздавило меня какъ букашку разомъ. Однакожъ, ничтожная частица тяжести, доставшаяся на мою долю, была болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы ошеломить меня. Я лежалъ подъ бревномъ лицомъ внизъ, глаза, носъ и уши были зацѣплены снѣгомъ, въ спинѣ я чувствовалъ каждую-то тупую боль. Я попробовалъ выкарабкаться изъ подъ бревна, но всѣ

мои усилия оказались напрасными: я только барахтался руками и ногами, но не подвигался ни на волосъ впередъ. Свистъ разсвирѣпѣвшей вьюги заглушалъ мой дѣтскій голосъ до того, что еслибы помощь была отъ меня въ десяти шагахъ, то и тогда мой крикъ никакой пользы не принесъ бы мнѣ. Одинъ песь услышалъ меня и приближалъ, издавая короткій лай. Онъ печальное мое страшное положеніе и суетился, визжа, лая, облизывая и обнюхивая мое лицо. Потерявъ голосъ и не имѣя болѣе силъ барахтаться, я притихъ. Вскорѣ холодъ началъ проникать въ самое сердце; руки и ноги коченѣли, почти мертвѣли, а кругомъ продолжало реветъ, вить и кружиться. Вдругъ я встрепенулся, сердце дрогнуло въ груди и по всему тѣлу прошла странная дрожь. Въ воздухѣ пронесся какой-то ужасный, протяжный вой. Въ одну минуту вой этотъ, какъ будто повторяемый тысячею отголосковъ, раздался со всѣхъ сторонъ и слился въ одинъ завывающій гулъ и стонъ. Съ сверхчеловѣческимъ усиліемъ я приподнял голову и началъ всматриваться въ крутящуюся снѣжную массу. Я замѣтилъ нѣсколько паръ ярко огненныхъ шариковъ, быстро перемѣщающихся съ одного мѣста на другое. Страшная истина предстала предъ глазами: я былъ окруженъ волками.... Какъ только раздался первый волчій вой, мой воюматый Кудъ, уложившійся у моей головы, задрожалъ весь и жалобно, чуть слышно, завизжалъ. Я былъ въ страшномъ отчаяніи, но въ эту гибельную минуту вдругъ раздалось душу раздирающее ржаніе бѣднаго мерина. Всгдѣ за ржаніемъ услышалъ я глухой топотъ скачущей по снѣгу лошади. Топотъ слышался все ближе и ближе и наконецъ что-то тяжелое перепрыгнуло черезъ меня и умчалось. Черезъ минуту черезъ меня же, съ легкостью собаки, перепрыгнули десятки животныхъ съ разинутыми пастьями, съ свѣтающимися глазами, и исчезли. Вмѣстѣ съ ними исчезло и мое сознаніе....

„Открывъ глаза, я увидѣлъ себя въ хозяйской избѣ. Меня оттирали снѣгомъ. Кудъ суетился вокругъ меня и дышалъ мнѣ прямо въ лицо. Изба едва освѣщалась утреннимъ полусвѣтомъ.

„— Что, Яроха? спросилъ меня ласково хозяинъ: — болитъ?

„— Нѣтъ, прошепталъ я почти безсознательно.

„Меня оттерли, влили водки въ ротъ, тепло укутали, и я заснулъ глубокимъ сномъ. Проснувшись, я почувствовалъ нестерпимую боль въ поясницѣ. Я не могъ шевельнуть тѣломъ безъ того, чтобы не вскрикнуть отъ нестерпимой боли. Болѣли также пальцы рукъ и ногъ, уши и конецъ носа. Опять отставной солдатъ коновальъ явился ко мнѣ на помощь.

Этотъ случай произвелъ перемѣну въ моемъ существованіи:

хозяйнѣ возвратилъ меня казнѣ. Меня повели дальше въ страну и отдали священнику. Мнѣ было хорошо жить у него. Работа была легкая, кормили хорошо, да повадѣ упорно захотѣла быть моею крестной матерью. Я бы, можетъ быть, и согласился, но прощальныя слова отца, угрожавшія проклятіемъ, не давали мнѣ покоя. Убѣдившись въ моемъ упорствѣ, меня вытурили и оттуда. Я нѣсколько разъ мѣнялъ своихъ хозяевъ. Мало-по-малу я втянулся въ свое рабское существованіе и тѣмъ дальше, тѣмъ меньше чувствовалъ его и тѣмъ меньше страдалъ. Эта тяжелая жизнь, до наступленія извѣстнѣкъ лѣтъ, не зачислялась мнѣ въ службу. Я зналъ, что мучусь не въ зачетъ. Сначала, я молилъ Бога ускорить наступленіе моей дѣйствительной военной службы, но потомъ оступѣлъ и огрубѣлъ до того, что совсѣмъ пересталъ думать о будущемъ. Я былъ счастливъ, когда на половину утомятъ голодъ, когда на мою долю выпадалъ день безъ побоевъ, когда забывался сномъ изнуреннаго животнаго.

Но время шло помимо моего желанія. По начальству получился вызовъ. Меня сдали въ этапъ и опять отпрашивали. Давно шель я, не заботясь и не любобытствуя даже, куда меня вѣдутъ. Съ этапомъ мнѣ жилось хорошо. Я находилъ отпускаемую мнѣ пищу великолѣпною, послѣ того собачьяго корма, которымъ я питался у моихъ послѣднихъ хозяевъ; меня не били, не ругали, надо мною даже не издѣвались: меня не признавали за еврея. По наружности и по нарѣчію, я былъ похожъ на полудикахъ, грубыхъ поселанъ той мѣстности, гдѣ я промучился нѣсколько лѣтъ. Я забылъ почти еврейскій языкъ и обряды вѣры. Я помнилъ только одни отрывки изъ утренней молитвы.

Тамъ, куда я наконецъ пришелъ, собралось изъ различныхъ мѣстъ много подобныхъ мнѣ еврейскихъ юношей, отбывшихъ свою беззачотную службу у хозяевъ, взявшихъ ихъ на прокормленіе. Большая часть изъ нихъ потеряла совсѣмъ наружные признаки своей націи, огрубѣла и оступѣла. Радость этихъ горемыкъ была невыразима, когда они опять увидѣли предъ собою собратьевъ по націи, товарищей по страданіямъ. Каждый, со слезами на глазахъ, охотно рассказывалъ свои походы и приключенія. Оказалось, что я былъ еще одинъ изъ болѣе счастливыхъ. Были такіе несчастные, которые всякій разъ, когда хозяева ихъ сироваживали, подвергались жестокому тѣлесному наказанію за мнимую неуживчивость. Я хотѣ этой пытки избѣгнуть.

Насъ собралось нѣсколько десятковъ человекъ. Тутъ насъ сортировали и разсылали по полкамъ или въ гарнизоны. Нѣкоторые избирались въ полковые оркестры, нѣкоторые въ трубы и ба-

рабашички, а звавшіе сколько-нибудь шить—въ военныя швальни; остальные-же назначались въ деньщики къ офицерамъ. Въ послѣдній разрядъ попалъ и я.

„Первый, къ которому я попался въ деньщики, былъ военный медикъ. Это былъ человекъ пожилой, холостой, серьезный, тихій, строгій, но справедливый. Онъ требовалъ отъ меня аккуратности и самой строгой чистоплотности. Меня отлично кормили. Я имѣлъ собственную маленькую комнатку съ удобною постелью. По вечерамъ, онъ поздно засиживался за книгами, но меня всегда отпускалъ на отдыхъ до наступленія полуночи, а ночью никогда не тревожилъ. Я его очень полюбилъ и былъ ему преданъ, какъ собака. Онъ это зналъ и цѣнилъ. Если я иногда заболѣвалъ, онъ вставалъ по ночамъ, чтобы провѣдать меня.

„Часто я развѣзжалъ съ нимъ. Если онъ останавливался въ городѣ, гдѣ жили евреи, то давалъ мнѣ свободу на нѣсколько часовъ и нѣсколько денегъ.

„— Ступай, Ерофей, къ своимъ, поведайся, поболтай на родномъ языкѣ.

„Около пяти лѣтъ прослужилъ я у этого добраго барина. Я поздоровѣлъ, пополнѣлъ, сдѣлался веселымъ и научился нѣсколько русской грамотѣ у одного военного канцеляриста.

„По смерти доктора, меня прикомандировали деньщикомъ къ ротному командиру. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, брюнетъ, высокаго роста, очень толстый, съ большими, сверкающими черными глазами и съ грознымъ, басовымъ голосомъ. Онъ былъ жестокъ съ солдатами до того, что подчиненные трепетали одного его взгляда. Въ первый часъ моего поступленія къ нему, я получилъ отъ него такой ударъ кулакомъ по лицу, что кровь такъ и хлынула изъ носа; ударъ послѣдовалъ за то, что я слышомъ туго набилъ табакомъ его трубку.

„— Помни скотина! сказалъ онъ мнѣ, пришепетывая и нѣсколько картава: — Служить мнѣ не по жидовски!

„Я лѣзъ изъ кожи, но угодить на него не было возможности. Это былъ человекъ въ высшей степени вспыльчивый, капризный и безхарактерный. Я старался подмѣттить малѣйшія его привычки и прихоти, но у него никакихъ прочныхъ привычекъ не было.

„Ротный мой былъ человекъ бѣдный, но любилъ кутить и играть. Когда онъ проигрывался, то вымѣщалъ свою досаду на мнѣ и бѣдныхъ солдатахъ. Не проходило дня, чтобы я не былъ битъ, чтобы кто-нибудь не былъ наказанъ. Синяки и шишки не сходили съ моего лица, головы и тѣла. Я былъ безконечно несчастливъ и терпѣлъ молча.

„Полеъ нашъ перекочевалъ въ большой городъ, въ Польшу,

гдѣ жило много евреевъ. Мой баринъ закутилъ пуще прежняго. Каждый вечеръ шель картежъ до самаго утра. Случилось, однажды, что онъ сильно проигрался. Платить было нечѣмъ. Завязалась ссора. Я подслушалъ, что баринъ отпросился до послѣзавтрашняго дня, обѣщаясь къ тому времени непременно достать деньги и расплатиться. Мнѣ пришла несчастная мысль въ голову прислужиться ему. Еще до того, раза два я отпрашивался у барина въ синагогу. Евреи замѣтили меня, развѣдали, что я служу у пана пулковника, какъ они величали ротнаго командира, и завязали знакомство со мною. Болѣе всѣхъ подмазывался ко мнѣ сѣдой, сгорбленный еврей, почти въ лохмотьяхъ. Онъ старался извѣдать у меня, богатъ-ли ясновельможный панъ пулковникъ и какую жизнь онъ ведетъ. Не знаю почему, мнѣ вздумалось представить моего барина-голыша страшнымъ богачемъ, обладающимъ несметными богатствами. Вѣднѣй еврей принялъ мои слова за сущую правду.

— Слушай, Ерухимъ, сказалъ онъ мнѣ: — если твоему барину нужно будетъ занять денегъ на короткое время, то ты мнѣ только скажи, и я для него достану. Ты за это хорошій подарокъ отъ меня получишь.

И вотъ, когда я увидѣлъ барина въ нуждѣ, то вспомнилъ о сѣдомъ еврей, предлагавшемъ свои услуги. На другой день, утромъ, я долго переминался на ногахъ, пока осмѣлился открыть ротъ.

— Ваше високородіе...

— Что? строго спросилъ баринъ, остановившись на бѣгу и грозно посмотрѣвъ на меня.

— Тутъ одинъ богатый еврей просилъ меня... онъ дастъ деньги взаймы.

— А! ласково спросилъ ротный. — Что-жь ты молчалъ до сихъ поръ? Тащи его ко мнѣ, сію минутоу.

Я обрадовался ласковому взгляду и стремглазъ бросился къ еврей. Но его въ городѣ не оказалось. Его ожидали только черезъ два дня. Я наказалъ его домашнимъ прислать стараго, какъ только онъ явится. Я доложилъ объ этомъ барину. Онъ произнесъ крѣпкое словцо, топнувъ ногою.

— Отчего-же ты, болванъ, не справился прежде, чѣмъ докладывать, дома-ли жидъ? — Мнѣ сегодня необходимы деньги. Вѣги къ прочимъ жидкамъ, да выкопай хоть изъ подъ земли. Понимаешь?

Я пошелъ шляться, чтобы не торчать на глазахъ. Я не зналъ, къ кому обратиться. Прошлявшись до вечера, я явился съ докладомъ, что охотниковъ дать деньги подыскаать не могъ.

„— Пошелъ вонъ, осель! удостоилъ меня ротный, напутствуя обычной фразой, примѣняемой имъ ко всякому случаю.

„Баринъ былъ до того разстроены, что въ этотъ вечеръ приказалъ никого не принимать и рано завалился въ постель. Только что собрался улечься и я, какъ постучались въ наружную дверь. Отворяю—сѣдой еврей. Я до того обрадовался ему, что затащилъ позднего гостя въ темную залу, смежную со спальнею барина. Я зналъ навѣрное, что баринъ еще не спитъ, а ворочается съ боку на бокъ. Я осторожно пріотворилъ дверь спальни.

„— Кто тамъ? спросилъ ротный.

„— Еврей, ростовщикъ пришелъ, доложилъ я радостнымъ голосомъ.

„Баринъ молчалъ нѣсколько минутъ. Онъ вѣроятно обдумывалъ, какъ поступить.

„— И ты, болванъ, тревожишь меня изъ за такихъ пустяковъ? Если жиду нужно что, то можетъ и завтра придти. Убирайся вонъ!

„Попытки ротнаго удалась какъ нельзя лучше. На другое утро ростовщикъ явился уже безъ приглашенія. Ротный долго заставилъ еврея ждать въ передней, пока его принялъ.

„Переговоры между ротнымъ и ростовщикомъ длились цѣлый часъ. Часто уходилъ еврей, но черезъ четверть часа возвращался съ новой уступкою. Мой баринъ былъ мастеръ своего дѣла. Когда дѣло было улажено, деньги отсчитаны, росписка вручена и ростовщикъ ушелъ, не вспомнивъ обѣщаннаго мнѣ подарочка, ротный призвалъ меня въ кабинетъ. Я не сомнѣвался, что получу хоть словесную благодарность. Но не таковъ былъ ротный.

„— Ты сколько получилъ отъ жиды за то, что меня продалъ?

„— Помилуйте, ваше высокородіе...

„— Врешь, бестія, по воровскимъ глазамъ вижу, что врешь. Вашъ братъ жидъ не чикнетъ безъ того, чтобы кого нибудь не надуть.

„До сихъ поръ мой ротный жилъ одинокимъ, холостякомъ. Но черезъ нѣкоторое время онъ выкопалъ какую-то племянницу, которая и поселилась у насъ. Я вскорѣ наглядно убѣдился, что она была ему гораздо ближе обыкновенной племянницы. Это была молодая блондинка, высокая, стройная, прелестная. Одѣвалась она всегда щегольски и богато. Она постоянно смѣялась, рѣзвилась, ходила въ припрыжку, вѣчно что-то напѣвая рѣзкимъ и звонкимъ голоскомъ. Ея глаза смотрѣли такъ ласково и привѣтливо, на первый взглядъ она казалась доброй, какъ ангель. Я, однакожъ, скоро убѣдился, что наружность бываетъ обманчива. Эта красивая барышня была зла, какъ

демонъ, ядовита, какъ змѣя и безжалостна, какъ тигрица. Самъ ротный дрожалъ одного взгляда ея прелестныхъ глазъ, темнѣвшихъ всякій разъ, когда у ней разгорался гнѣвъ, не зная границъ. Меня она возненавидѣла съ перваго взгляда, не знаю за что. Послѣ, я узналъ изъ ея-же усть, что она до того терпѣть не можетъ жидовъ, что не прочь-бы передуть ихъ всѣхъ своими собственными руками. Легко вообразить, каково было мнѣ прислуживать и за лакея и за горничную!

Съ той минуты, какъ въ нашемъ домѣ поселился этотъ демонъ въ женскомъ образѣ, мои муки удесетерились. Суся, такъ называлъ ее ротный, возлагала на меня такія обязанности, которыя, при всемъ моемъ усердіи, я выполнить не могъ. Она требовала, чтобы я стиралъ, крахмалилъ и гладилъ. Я изъ всѣхъ силъ старался, но мои неуклюжія руки только портили. Бѣлье и юбки выходили желтогрязными, скомканными, или похожими на тряпки, или-же накрахмаленными до крѣпости жести. Суся, при видѣ испорченнаго бѣлья, выходила изъ себя, и жаловалась ротному.

— Этотъ жидъ съ умысломъ истребляетъ наше бѣлье, чтобы избавиться отъ работы. Онъ у тебя привыкъ баклуши бить.

— А вотъ я ему баклуши повибью.

И точно, ротный всякій разъ принимался выбивать баклуши, но при этой полезной операціи былъ такъ неостороженъ, что вмѣстѣ съ баклушами выбивалъ и зубы. Десятки разъ милая Суся собственноручно угощала меня раскаленнымъ утюгомъ, когда я нечаянно прожигалъ ея оборчатую юбку, которую я никакъ не могъ наловчиться разгладить. Иногда жестокости ея выводили меня до того изъ себя, что съ усть срывался какой нибудь рѣзкій отвѣтъ. Тогда ротный причислялъ мою смѣлость къ разряду нарушеній военной дисциплины и отсылалъ туда, гдѣ мнѣ дѣлали палочныя внушенія по всѣмъ строгимъ правиламъ военной субординаціи. Прошло немного времени и я началъ пить. Это конечно повело къ новымъ побоямъ, новымъ экзекуціямъ. Я не стану рассказывать дальнѣйшихъ моихъ похожденій на службѣ у этого жестокаго человѣка. Я не разъ покушался и бѣжать, и лишить себя жизни. Наконецъ, судьба, однакожъ, сжалилась надо мною, и меня, въ видѣ исключенія, опредѣлили на дѣйствительную фронтовую службу.

Какъ ни трудны показались мнѣ сначала маршировка, выправка и приемы, но я скоро къ нимъ привыкъ. Я такъ былъ прилеженъ и съ такой любовью занялся новыми своими обязанностями, что въ короткое время прослылъ хорошимъ, ловкимъ и трезвымъ солдатомъ. Мнѣ поручали обучать другихъ, и я очень ча-

сто удостоивался благодарности отъ моего начальства. Я блаженствовалъ, поправился, ободрился и повеселѣлъ. Не будь я евреемъ, я давно былъ-бы уже унтеръ-офицеромъ. Я о томъ, однакожь, не тужилъ. Мнѣ хорошо служилось, меня не тиранили, не мучили, не наказывали, и я думалъ уже, что дотяну счастливо свою военную службу до конца.

„Во все время моей службы я отъ родныхъ никакихъ извѣстій не получалъ. Я свнѣся уже съ мыслию, что меня вычеркнули совсѣмъ изъ семейнаго списка, какъ вдругъ, неожиданно, получаю отъ одного изъ моихъ старшихъ братьевъ самое горячее родственное письмо. Братъ увѣдомляетъ меня, что отецъ давно уже умеръ, что семья долгое время бѣдствовала, вспомошествоваемая еврейскимъ обществомъ, но что съ нѣкоторыхъ поръ братьямъ повезло въ коммерціи и они значительно разбогатѣли. Желая меня вознаграждать за то, что я собственной жизнью искупилъ ихъ свободу, братья рѣшили отыскать меня и, насколько возможно, облегчить мою участь. Они собрали справки и узнали, въ какомъ полку и въ какомъ мѣстѣ я нахожусь. Въ заключеніе, братья просили дать имъ о себѣ вѣсточку. Я, конечно, немедленно отвѣтилъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ я получилъ уже отъ братьевъ новое письмо, съ приложеніемъ таковой суммы денегъ, что, десять разъ пересчитавъ, я все-таки не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Мнѣ, никогда невидѣвшему въ глаза ничего, кромѣ копеечнаго солдатскаго жалованья, показалось, что богаче меня нѣтъ никого въ мірѣ. Эти деньги были, однакожь, моимъ несчастіемъ.

„Въ томъ городѣ, гдѣ я находился, было два, три отставныхъ еврейскихъ солдата. Окончивъ свою службу и женившись, они занялись мелкою торговлею и въ нѣсколько лѣтъ сколотили себѣ, разными афферами и спекуляціею, изрядную деньгу. Я былъ друженъ съ ними, и не скрылъ отъ нихъ своего счастья.

„— Вотъ, если ты съумѣешь повести дѣла свои, какъ мы вели, эти сотни рублей въ нѣсколько лѣтъ выростутъ у тебя въ тысячи, сказали мнѣ мои практическіе друзья.

„— Что-же мнѣ для этого нужно сдѣлать?

„— Юнкера и мелкіе офицеры вѣчно нуждаются въ рублѣ. Ты и отдавай въ заемъ, подъ росписку, по немножечку. Они за одинъ рубль готовы платить три и четыре рубля, когда ужъ очень приспичитъ. Если ты только съумѣешь воспользоваться, то скоро разбогатѣешь.

„Такъ какъ я не зналъ, съ какой стороны приступить къ дѣлу, то одинъ изъ моихъ друзей, отставной солдатъ, знакомый со

всѣми юнкерами и офицерами, началъ распространять слухи о моемъ богатствѣ, придавая ему преувеличенные размѣры.

— Ты избавишься отъ обязанностей службы и въ большемъ, почетѣ будешь у самого начальства, когда прослывешь богачемъ, увѣрялъ меня мой другъ.

И точно, какъ только молва о моей денежности разнеслась по полку, на меня начали смотрѣть другими глазами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, начали осаждать со всѣхъ сторонъ мелкими и крупными займами. Я почти никому не отказывалъ, пока хватало денегъ. Когда-же потомъ, за неимѣніемъ денегъ, я вынужденъ былъ отказывать, на меня начали смотрѣть недовѣрчиво, враждебно. Я былъ вполне зависимъ отъ своихъ должниковъ, а потому они и не торопились уплатою. Чтобы не потерять расположенія тѣхъ, которые облегчали мнѣ службу, я обратился къ братьямъ, съ просьбою снабдить меня еще кое-какими деньгами, которыми, какъ увѣрялъ я, могу скоро разбогатѣть. Братья удовлетворили моей просьбѣ и снабдили меня вновь сотнями двумя. Скоро и эти деньги были розданы. Но требованія росли съ каждымъ днемъ, росли и увеличивались, а я не могъ удовлетворить всѣхъ, тѣмъ болѣе, что мои должники и не думали мнѣ уплачивать. Увидѣвъ себя въ одинъ прекрасный день совершеннымъ бѣднякомъ, на котораго, сверхъ того, косятся, какъ на скрягу, я приступилъ къ нѣкоторымъ офицерамъ съ неотступными требованіями объ уплатѣ. Денегъ я, конечно, не получилъ, но за мою дерзость начали ко мнѣ придирааться по службѣ на каждомъ шагу. Въ строю и внѣ строя я началъ подвергаться оскорбленіямъ, побоямъ и фухтелямъ. Эта несправедливость внушила мнѣ роковую мысль жаловаться высшему начальству. Нѣкоторымъ я отомстил: ихъ заставили уплатить, или вычли изъ жалованья. Но за то меня начали преслѣдовать, на меня стали клеветать и взваливать чужія винны, за что я ежедневно подвергался побоямъ и всевозможнымъ наказаніямъ. Я отъ души проклиналъ и свои деньги, и свою строптивость и самую жизнь. Эти мученія длятся и до сихъ поръ...

„Вотъ моя жизнь, моя военная карьера, заключилъ свой разсказъ Ерофей. Если вы сдержите слово и освободите меня, я готовъ вамъ отдать свою душу, сдѣлаться вашимъ вѣчнымъ рабомъ; но если это невозможно, то...“

— Что-же, тогда что, Ерофей? спросилъ я.

— Увидимъ... Я вамъ скажу тогда, что я рѣшилъ сдѣлать.

Я на бѣднаго, полумертваго Ерухима смотрѣлъ, какъ на мученика, вполне отбывшаго свой искусь. Съ помощью госпитальнаго подрядчика и другихъ вліятельныхъ евреевъ, я пустилъ въ

хоть всѣ канцелярскіе крючки, чтобы признать Ерофея неназначимо-больнымъ. Сначала дѣло шло на ладъ. Медицинское начальство освидѣтельствовало Ерофея и признало его негоднымъ къ продолженію службы. Мѣстное начальство снеслось объ этомъ обстоятельствѣ съ непосредственнымъ начальствомъ Ерофея, и мы уже заблаговременно радовались успѣшному результату, въ которомъ были вполне увѣрены. Но наша радость оказалась преждевременною: скоро полученъ былъ приказъ непосредственного начальства Ерофея о немедленной высылкѣ послѣдняго, въ полкъ.

Горько было объявить о такомъ плачевномъ оборотѣ дѣла несчастному солдату. Онъ чуть не свалился съ ногъ при этомъ страшномъ для него извѣстіи.

— Видишь, братъ Ерофей, все сдѣлано, что было въ нашихъ силахъ. Видно судьба твоя такова. Придется дождаться до конца.

— Нѣтъ, я служить больше не буду, сказалъ онъ мрачнымъ, рѣшительнымъ голосомъ.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Вамъ я скажу. Вы мнѣ добра желаете. Я убѣгу. Переберусь въ Австрію, граница не далека.

— Не дѣлай этого, Ерофей. Поймаютъ.

— Не поймаютъ. Я нашелъ надежныхъ евреевъ, которые берутъ меня перевести черезъ границу и паспортомъ снабдить. Это недорого обойдется. Обѣщаетесь собрать мнѣ еще небольшую сумму въ послѣдній разъ?

— А если тебя поймаютъ, что тогда съ тобой будетъ? Подумай хорошенько.

— Если поймаютъ, я во всемъ признаюсь, выдумаю на себя еще какія нибудь преступленія. Пусть разомъ добиваютъ. Не хочу больше мучиться.

Черезъ нѣсколько дней, Ерофей выписался изъ больницы и вслѣдъ за тѣмъ исчезъ. Но розы преслѣдовали его. Пограничная стража наткнулась совсѣмъ неожиданно на двухъ контрабандистовъ, переводившихъ Ерофея черезъ границу. Проводники успѣли убѣжать, но Ерофей, въ партикулярномъ платьѣ, съ подложнымъ паспортомъ въ карманѣ, былъ пойманъ, представленъ, узнавъ и отправленъ куда слѣдуетъ для суда и расправы.

Когда я случайно узналъ о несчастіи, постигшемъ бѣднаго Ерофея, онъ былъ уже далеко отъ меня.

— Твое желаніе, несчастный, сбудется, подумалъ я. Теперь добьютъ.

Гр. Вогровъ.

ДѢЛЦЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

(Окончаніе).

XI.

Газетное извѣстіе объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Саламатова могло попасться на глаза Надеждѣ Аполлоновнѣ. Вотъ этого-то и не желалъ ея супругъ.

Въ самый день выхода того нумера, который такъ возбудилъ Маливскаго и Воротилина, Борисъ Павловичъ, вставъ раньше обыкновеннаго, прослѣдовалъ на помовину Надежды Аполлоновны.

Онъ былъ, въ этотъ день, необычайно свѣжъ, розовъ и легокъ въ движеніяхъ. Наканунѣ, портной Шармеръ привезъ ему новый домашній костюмъ изъ китайской шелковой матеріи: синій пиджачекъ и тѣлеснаго цвѣта шаровары. На шею повязалъ онъ креповый галстучекъ.

Супруга Бориса Павловича вела жизнь строгую и вставала рано. Съ утра занималась она сведеніемъ счетовъ и корреспонденціей съ безчисленными худосочными кузинами, проживавшими: инны въ Пд, другія въ Ниццѣ, третьи въ Монтрѣ.

Когда Борисъ Павловичъ вошелъ въ ея будуаръ, отдѣланный въ тяжеломъ стилѣ, не возбуждавшій никакихъ игривыхъ мыслей, даже и въ предѣлахъ супружескихъ правъ, она сидѣла, точно проглотивъ аршинъ, у рѣзного письменнаго столика и водила жилистыми пальцами по матовой англійской бумагѣ перомъ, въ ручкѣ изъ слоновой кости. Ея широкій и костлявый торсъ драпировался въ кашемировый, цвѣтами, распашной капотъ. Скуд-

ные ея волосы были подобраны подъ черную кружевную косыночку. Отъ нея шель какой-то полублагонный, полулекарственный запахъ.

— Bonjour, chère amie, подкатилъ къ ней Саламатовъ и дотронувшись слегка до плеча, поцѣловалъ въ темя, прикрытое косыночкой.

— Ah! mon Dieu!... вострепенулась она, поднимая голову и даже покрасѣла отъ удовольствія.

Она очень цѣнила супружескія ласки.

— Я тебя испугалъ? разсмѣялся Саламатовъ.

— C'est que tu es si matinal, aujourd'hui, Boris.

Она положила перо методически и прикрыла бюваръ.

— Весна, chère amie, весна! Пора и мнѣ начать вести человѣческую жизнь.

— A la bonne heure!

И она передернула своимъ широкимъ и блѣдногубымъ ртомъ.

— Когда же мы переѣзжаемъ, Nadine? спросилъ Борисъ Павловичъ особенно ласково, покачивая по будуару, руки въ шаровары.

— Ахъ, мой другъ, это въ одинъ день не дѣлается. Завтра я поѣду и посмотрю, исполнилъ ли хозяинъ все, что я требовала. D'ailleurs, le temps est changeant. Nous pourrions déménager dès demain en huit.

— Прекрасно, прекрасно, я не настаиваю: такъ мы на дачѣ устроимъ маленькій фестиваль и спрыснемъ мое новое назначеніе.

— Hein?! откликнулась Надежда Аполлоновна и устремила глаза на мужа. — Qu'as tu dit?... новое назначеніе? Encore une place de directeur... dans une entreprise végeuse? je ne conçois pas, Boris, quelle malencontreuse manie as-tu de te compromettre de plus en plus?!

— Помилуй, голубушка! Я тебѣ готовилъ маленькій сюрпризъ...

Борисъ Павловичъ остановился въ эту минуту и тряхнулъ животомъ. Въ карихъ глазахъ его промелькнуло нѣкоторое безпокойство.

— Une surprise? Quelle surprise? Голосъ Надежды Аполлоновны рѣзко просвисталъ. Въ немъ не было радостныхъ нотъ.

— Вотъ видишь, мой другъ, я хотѣлъ устроить это на дачѣ, но назначеніе вышло раньше, и мой сюрпризъ немного неудался.

— Mais quelle surprise, au nom de Dieu?

— Во первыхъ, позвольте васъ поздравить, Надежда Аполло-

новна, вы уже болѣе не дѣйствительная статская, а тайная со-
вѣтница.

— Vous êtes avancé en grade, Boris? Супруга какъ будто
улыбулась.

— Вы это прочтете сегодня въ газетахъ. А завтра прочтете
что другое, и вотъ эту-то новость я объявляю вамъ первой.

— Allez donc, Boris, tout cela n'est qu'une bourde!

— Да нѣтъ же, мой другъ, я совершенно серьезно говорю.
Князь Павелъ Павловичъ какъ-то говорилъ мнѣ: cher Салама-
товъ: что вамъ за охота возиться съ вашей канцеларіей, vous
n'êtes pas de la pâte d'un tchinovnik. Перейдите въ наше учреж-
деніе. Жалованья вамъ не нужно, надѣюсь...

— Mais quel est cet établissement?

— Ахъ, Боже мой! душа моя, развѣ ты не помнишь... ну
князь Павелъ Павлычъ... Ты сама кажется состоишь у него подъ
началомъ?

— De la bienfaisance? сgrimасничала Надежда Аполлоновна
и такъ и осталась съ этой гримасой на нѣсколько секундъ.

— Ну да мой другъ, de la bienfaisance. Но почетъ, почетъ
мамой! Побуду я годъ, и у меня Вѣлаго Орла. Теперь у меня
чинокъ такой. А тутъ, согласишься сама, тянуть ляжку въ подчинен-
ной должности, проглатывать выговоры и чѣмъ же кончить:
гнѣтъ, что тебя замаринуютъ, какъ какого-нибудь омара въ прокъ
и умрешь ты все въ томъ же затхлому укусу; теперь же я
ляжку совершенно барское мѣсто. Никто, кромѣ человѣка съ бле-
стательнымъ положеніемъ въ обществѣ не возьметъ его.

— Alors vous avez donné votre démission? спросила Надежда
Аполлоновна, все еще не мѣняя строгаго тона.

— Mais oui, ma chère, je vous l'ai déjà dit, вскричалъ уже
нѣсколько раздражительно Борисъ Павловичъ, надвинувъ шаро-
вари на животъ. — Я не могъ, да и не хотѣлъ оставаться „un
tchinovnik“, какъ говорить князь Павелъ Павлычъ, il fallait m'é-
manciper.

— En d'autres termes: on vous a chassé du service!

Надежда Аполлоновна повернула ротъ свой на лѣво и слегка
фыркнула носомъ.

Борисъ Павловичъ поправилъ свой синій пиджачекъ, взялъ
стулъ, присѣлъ къ женѣ, и облокотился своей пухлой рукой о
письменный столикъ.

— Да пойми-же, душа моя, началъ онъ ласково и вразуми-
тельно: — ты умная женщина и благоразумія тебѣ не занимать-
стать. Вѣдь меня производятъ въ тайные совѣтники ни съ того,

ни съ сего, да еще съ мундиромъ. Ты это сама прочтешь въ сегодняшнихъ газетахъ.

— Je me soucie bien, фыркнула Надежда Аполлоновна:—de votre piteuse uniforme de tchinovnik. Si vous perdez votre charge honorifique et avec elle votre belle uniforme brodée!

— Да успокойся ты, Христа ради, Надя, голубчикъ! Ничего я не теряю, а веду тебя ко всевозможнымъ грандерамъ. Хочешь вѣрн, хочешь нѣтъ; но право я работаю тутъ только для тебя. Мой шитый мундиръ щекоталъ твое самолюбіе; но я все-таки былъ чиновникъ; а завтра я превращаюсь въ особу и твое положеніе въ твоемъ мондѣ вотъ какъ поднимается!! Онъ указалъ рукой аршина на два отъ пола.

Надежда Аполлоновна притихла, сжала губы и нѣсколько обиженнымъ тономъ проговорила:

— Au surplus, Boris, vous n'êtes ni un enfant, ni un imbécile. Vous savez ce que vous devez à votre femme et vous agirez en conséquence.

— Ну вотъ и прекрасно, вскричалъ Саламатовъ и чмокнулъ жену въ щеку красными, сочными губами.—Этакъ-то лучше будетъ. Только, сердечный другъ Наденька, надо будетъ и тебѣ немножко поработать.

— Dans quel sens?

— Отставка моя появится сегодня, а новое назначеніе только завтра. Ты поѣдешь сегодня съ визитами и пусти вѣсть о моемъ назначеніи. Ты съумѣешь это сдѣлать и пресѣчешь всякіе глупые толки... Всѣ эти барыни знаютъ, что ты самый строгій судья твоего благовѣрнаго супруга. Стало быть, если ты что-нибудь про него рассказываешь, значитъ оно правда. Эдакъ вы и вашему превосходительству приготовите надлежащій ходъ на высшія ступени.

— Assez, assez de bavardage! остановила супруга расходившагося Бориса Павловича.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и громко вздохнулъ. У него на лбу показалось даже нѣсколько капель поту.

Надежда Аполлоновна встала, оправила свой распахнутой капоть и проговорила тономъ самоотверженной жены:

— S'il faut que je plaide votre cause, je me résigne!

— Да, мамочка, рискнулъ Борисъ Павловичъ и, чмокнувъ ея въ сухую шею, выкатилъ изъ будуара.

Этотъ военный поцѣлуй произвелъ, повидимому, на Надежду Аполлоновну самое сильное впечатлѣніе. Она, растеревъ себѣ руки какимъ-то ароматическимъ уксусомъ, повоняла горничную и дала ей обстоятельное приказаніе: какой приготовить туалетъ къ двумъ часамъ.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, Борисъ Павловичъ вынулъ изъ кармана платокъ и обтеръ имъ лобъ. Разговоромъ съ своей „Надиной“ онъ былъ довольнѣе, чѣмъ даже объясненіемъ съ той особой, у которой онъ выторговалъ тайнаго совѣтника. Давно ему не дышалось такъ легко, какъ въ этотъ день. Онъ точно начиналъ сызнова свою карьеру.

Весело оглянулъ онъ кабинетъ, гдѣ столько денегъ вошло въ его широкіе карманы. И письменный столъ, и шкапы съ дѣловыми картами глядѣли такъ аппетитно и точно приглашали къ новымъ подвигамъ, готовые сейчасъ широко раскрыть свои ящики и полки.

Когда камердинеръ подаль ему газету, онъ, не торопясь, развернулъ листъ и медленно прочелъ въ официальныхъ извѣстіяхъ о своемъ увольненіи. Ему пріятно было разобрать про себя, по складамъ, крупно отпечатанное имя: Саламатовъ.

„Тото запопшатся, подумалъ онъ, воображая какое впечатлѣніе произведетъ его отставка на разныхъ благопріятелей-дѣльцовъ. Обрадуются, дурачье!“

Больше ничего въ газетѣ Борисъ Павловичъ и не прочелъ. Ему захотѣлось ѣсть. Еслибы въ эту минуту кто-нибудь вернулся къ нему, онъ бы позавтракалъ съ двойнымъ наслажденіемъ; но никто что-то не являлся.

„Небось не придуть, подлецы, думалъ онъ, не знаютъ, съ какой ноты начать, съ жалостной или съ поздравительной; а за глаза злоязычничаютъ въ сласть.“

Завтракъ былъ сервированъ раньше обыкновеннаго: Бориса Павловича подмывало проѣхаться и даже пройтись по Невскому. Онъ разсѣлся одинъ у открытаго окна и, послѣ разныхъ возбуждающихъ hors d'oeuvres, скушалъ цѣлую серебрянную кастрилетку своего любимаго *relevé*: жидкой яичницы съ шампініонами, которая у него дѣлалась въ совершенствѣ. За яичницей послѣдовали свѣжіе дылгата и спаржа по польски. Борисъ Павловичъ не обходился никогда и безъ десерта, а сыръ ѣлъ во французски: послѣ обѣда. Легкій вѣтерокъ, доносившійся въ окно, щекоталъ его широкія ноздри и удваивалъ его аппетитъ.

Кончился завтракъ, но посѣтителей все-таки не было. Это не заставило Саламатова нахмуриться. Напротивъ, плутоватая усмѣшка блуждала по его губамъ, которая онъ-то и дѣло облизывалъ. Завтракъ привелъ его въ еще болѣе пріятное настроеніе.

Часу во второмъ, онъ одѣлся по лѣтнему, велѣлъ запретъ воронаго рысака, въ эгонистку, на которой онъ держался съ опасностью жизни, доѣхалъ до угла Невскаго, и пошелъ пѣшкомъ по направленію къ Адмиралтейству.

— „Петербургскія вѣдомости“! „Голось“! крикнулъ ему разнощикъ газетъ. Онъ купилъ нумеръ и развернулъ его опять, чтобы прочесть объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Саламатова съ производствомъ въ тайнне. Его это гѣшило. Лицо его точно говорило: „ну чему вы, дураки, обрадовались, что меня изъ службы выгнали, вы глупцы, а не я“. — Ходить пѣшкомъ Борисъ Павловичъ вообще не любилъ, хотя доктора и предписывали ему; но въ этотъ день онъ готовъ былъ остаться на Невскомъ хоть вплоть до обѣда. Ему хотѣлось повстрѣчать какъ можно болѣе знакомыхъ и разглядывать ихъ фціономіи, когда они будутъ пожимать ему руку, затрудняясь съ чего начать разговоръ.

— Вашему превосходительству! взвизгнулъ кто-то у него подъ носомъ.

Саламатовъ обернулся и чуть не раздавилъ животомъ Абрама Игнатьевича Гольденштерна, одѣтаго также по лѣтнему, въ прунелевыхъ штиблетахъ и соломенной шляпѣ.

Саламатовъ глянулъ прямо въ лицо Гольденштерну и ему удалось замѣтить въ ослабленной маскѣ своего благопріятеля какую-то съезженность.

— Что-жъ вы меня не поздравляете? спросилъ онъ, кладя правую руку на плечо Гольденштерну.

— Съ чѣмъ прикажете?

— Какъ съ чѣмъ? Точно вы не читали?

— Да, я прочелъ сегодня утромъ, и хотѣлъ даже поѣхать къ вамъ, только помѣшали мнѣ разные народы, такъ все, по пустякамъ, по пустякамъ...

Гольденштернъ повернулся и пошелъ въ ногу съ Саламатовымъ. Лицо его приняло озабоченный видъ.

— Вы мнѣ не сказали, началъ онъ тихо:—что дѣло можетъ такъ разыграться. Интересъ, конечно, большой; но зачѣмъ же вамъ было рисковать карьерой, сдѣлайте одолженіе? Наши всѣ будутъ сильно тужить, сильно тужить...

— И поминки обо мнѣ справлять? весело спросилъ Саламатовъ.

— Поминки, то-есть какъ поминки?

— По христіанству, а то и по іудейству. Вѣдь я теперь умершій человѣкъ.

— Вы все шутите, все шутите, заговорилъ Гольденштернъ съ сожалительной миной и замоталъ головой.

— Да что-жъ мнѣ больше остается дѣлать, другъ Абрамъ Игнатьичъ: по іудейскому обычаю, главу целикомъ посыпать что-ли? Вонъ видите какая погода-то стоитъ на дворѣ. Всякій злѣкъ,

бабушка, прозабаеть... Замѣтили, какая махровая, пронеслась на сѣрихъ-то! Должно быть, свѣжаго получения, вмѣстѣ съ устрицами... У васъ позыва нѣтъ проглотить дюжинку, другую?

— Вы на счетъ устриць?

— Да, на счетъ устриць, мы какъ разъ противъ Одинцова. Берите меня подъ руку, авось насъ не раздавятъ.

Гольденштернъ ничего не отвѣчалъ, а только сдержанно разсѣялся. Онъ продолжалъ ѣжиться и видимо не умѣлъ попасть въ надлежащій тонъ. Это тѣшило Саламатова и красныя щеки его такъ и блистали.

Они перебрались на другую сторону Невскаго и вошли въ одну изъ Милютинныхъ лавокъ.

Сидѣльцы въ бѣлыхъ фартукахъ почтительнѣйше раскланялись Саламатовской тушѣ и проводили ее глазами въ узкій корридорчикъ, гдѣ помѣщаются чуланчики для ѣды устриць.

Саламатовъ занялъ чуланчикъ на лѣво и весь наполнилъ его своей фигурой, Гольденштернъ смотрѣлъ какимъ-то крошечнымъ придаткомъ. Бѣловурый, блѣднотлицый парень съ особенной серьезностью принялъ заказъ Саламатова, проговоривъ что-то такое, гдѣ былъ только слышанъ звукъ „съ“.

Не смотря на то, что въ желудкѣ Бориса Павловича находилась уже плотный завтракъ, онъ началъ съ пивантныхъ закусокъ, предшествовавшихъ устрицамъ съ шабли и шампанскимъ.

— Такъ вы уже меня, значить, похоронили, заговорилъ Саламатовъ, отправляя себѣ что-то въ ротъ: — и подыскала другого ходатая?

— Э... какъ же можно! вскрикнулъ Гольденштернъ, наливая себѣ рюмку бѣлой померанцевой.

— Да вѣдь я вижу ваше разсужденіе: мнѣ и цѣна была до тѣхъ поръ, пока я шелъ на проломъ, рискуя мѣстомъ. А теперь-декать какая намъ въ немъ благодать: его по шапкѣ, онъ будетъ труса праздновать!..

— Какъ-же можно, какъ-же можно, перебилъ опять его Гольденштернъ: — развѣ мы васъ не знаемъ!

— Да ужъ и я-то васъ знаю: вы хоть того и не стоите, сколько васъ ни есть, а я дѣло выиграю. Теперь у меня руки совсѣмъ развязаны, такъ, аль нѣтъ?

— Это точно, какъ бы опомнившись вскричалъ Гольденштернъ: — теперь ужъ для васъ никакого риска нѣтъ.

— Разчухали, значить. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вашъ умъшео только и годенъ на то: какъ бы вамъ подѣ прикритіемъ камергера Саламатова смощенничать; а половчѣе восполь-

зоваться вотъ хоть бы такимъ пассажемъ, какъ его отставка, нѣ это у васъ кишокъ не хватаетъ!

Гольденштернъ хотѣлъ что-то возразить, но въ эту минуту подали устрицы. Онъ опять съѣжился и, глядя на блюдо изъ-подъ очковъ, началъ швыряться въ устрицахъ, выбирая какая попригляднѣе на видѣ.

Борисъ Павловичъ глоталъ ихъ, какъ истинный Петербуржецъ, съ какой-то трагической стремительностью. Когда три дюжины были проглочены, онъ выпилъ стаканъ шабли и, придвинувшись къ Гольденштерну, сказалъ ему съ дурачливой гримасой:

— Сколько даете за новость?

— Какую? ослабился Гольденштернъ.

— Да ужъ такую, что мы съ вами можемъ видти вотъ отсюда, записавши на активъ по миллиончику чистаганомъ.

Гольденштернъ откинулся, поправилъ очки и, кракнувъ, издавъ еще какое-то восклицаніе.

— Какъ вы думаете, любезнѣйшій Абрамъ Игнатьичъ:—что мнѣ до сихъ поръ мѣшало самому заполучать тамъ, гдѣ я довольствовался только врупцами?

— Не понимаю! откликнулся Гольденштернъ.

— Такъ вамъ, значить, на примѣрѣ изобразить надо?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Извольте. Сколько, спрашиваю я васъ, прошло чрезъ мои руки концессій, а?

— Не можемъ знать въ точности; но на порядкеахъ!

— И неужели вы ни разу не спросили себя: почему это Борисъ Павличъ уступаетъ мѣсто другимъ, когда онъ самъ можетъ все обработать въ отличномъ видѣ?

— Приходило, приходило въ голову, затараторилъ Гольденштернъ: — я мекалъ такъ: генераль, молю, желаетъ быть универсальнымъ человѣкомъ, потому и не берется вплотную ни за одно дѣло. Ему и выгоднѣе. Знаете, эдакая поговорка русская есть: по ниткѣ рубашка...

— Ну это вы переврали: съ міру по ниткѣ—бѣдному рубашка. Такъ вы меня, значить, въ нищѣ записываете? спросилъ Саламатовъ, нахмуривая брови. Не раненько-ли, Абрамъ Игнатьичъ?

— Полноте, полноте, ваше превосходительство! съ такихъ нищихъ и намъ бы хотѣлось рубашку стянуть, хе, хе, хе! А я ей же-ей всегда такъ рассуждалъ: Борисъ де Павличъ вездѣ и нигдѣ. И въ этомъ заключается его всемогущество.

— То-то, усмѣхнулся Саламатовъ. — Ваше разсужденіе было по своему не глупо, и я самъ частенько поддакивалъ ему; но

суть-то дѣла совсѣмъ другія. Мнѣ неловко было дѣйствовать отъ своего имени, потому что я былъ чиновникъ.

— А! крикнулъ Гольденштернъ, точно его кто ударилъ по лбу. — Вѣдь оно такъ! это ясно!

— И для меня было всегда ясно; да я, видите, на универсальность-то мою напиралъ слишкомъ. Для этой-то универсальности, мнѣ, на первыхъ порахъ, нужно было и мое чиновничество. Но потомъ работа по мелочамъ сильно надоѣла мнѣ...

— По мелочамъ, хе-хе-хе, по мелочамъ; у васъ особая арметика! Эдакими мелочами миллиончики себѣ сколачиваютъ.

— Другіе, можете быть, и сколачиваютъ, а я не сколочу. Буш, какіе перепадаютъ мнѣ, проходятъ сквозь пальцы. Получишь ихъ въ разноту, сейчасъ то, другое, картинки или что, глядишь и нѣтъ ничего, и опять перехватывай. А тутъ, что тамъ ни толкуй: кушъ, который и такому экономному человѣку, какъ я, трудно спустить сразу.

— Спустите и такой, хе-хе...

Гольденштернъ хотѣлъ-было захихикать, да вдругъ воздержался. Разговоръ получилъ отбѣнокъ балагурства, а между тѣмъ, Саламатовъ успѣлъ подзадорить его любонитство.

— За сколько-же вы продаете вашу новость? спросилъ онъ полусерьезнымъ тономъ.

— Вы меня тоже хриstopродавцемъ считаете; а я объ вамъ-же братѣ думаю.

Саламатовъ подсѣлъ еще ближе къ своему собесѣднику и заговорилъ гораздо тише:

— То, что я вамъ скажу, почтеннѣйшій Гельденштернъ: — держите между нами, а если пустите въ ходъ, я вамъ напаващу глаю. Да безъ меня вы изъ моей новости и не въ состояніи сдѣлать надлежащаго употребленія.

— Какъ вамъ не стыдно, зашепталь Гольденштернъ, сладко прищуривая глазки: — кому вы это говорите, кому?

И перегибнувъ шею на визгливый звукъ, онъ крикнулъ въ корридоръ:

— Бутылку клидъ, мигомъ!

Послѣ того, онъ опять приткнулся къ Саламатову, поглядывая пугливо на дверь.

— Царству концессионеровъ пришелъ конецъ, выговорилъ Саламатовъ, тыча Гольденштерну въ лицо свой обширный указательный палецъ.

— Э! вскрикнулъ Гольденштернъ, и махнулъ правой рукой. — Мы это слышимъ ужъ который годъ.

Саламатовъ опять нахмурился и презрительно выставилъ впередъ нижнюю губу, что онъ дѣлалъ чрезвычайно рѣдко.

— Я, сказалъ онъ съ отяжкой:— батюшка мой, Абрамъ Игнатьичъ, не отмѣтчикъ газетный, по три копейки за строчку; что я говорю, то вашему брату на вѣсъ золота надо покупать— да-съ!

Онъ быстро отодвинулся. Диванчикъ затрещалъ подъ нимъ.

— Да что-жь вы это какой сердитый! встрепенулся Гольденштернъ: — вѣдь вы сами изволите знать, что такой слухъ давнымъ-давно ходитъ. Я больше ничего не сказалъ.

— Развѣ я вамъ слухъ сообщаю? продолжалъ все также внутренительно Саламатовъ: — слухами я не промышляю. Я привыкъ всегда и во всемъ основываться на фактахъ-съ.

— Да сдѣлайте одолженіе, ваше превосходительство, шепталъ просительно Гольденштернъ: — зачѣмъ вы сейчасъ въ амбицію вошли? Кто-же лучше васъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Такъ стало, почтеннѣйшій Абрамъ Игнатьичъ, нѣчего было вамъ и перебивать меня. Не угодно-ли вамъ пожаловать ко мнѣ, и я вамъ покажу изъ какихъ источниковъ идетъ моя новость.

— Много обжжете!..

— Те, те, те, умѣрьте порывъ вашего восторга, а съ вами ни въ какой разговоръ не войду, прежде нежели мы не условимся вотъ о чемъ: коли тайному совѣтнику Саламатову благоугодно будетъ заработать однимъ разомъ кушъ, какой причестствуетъ русскому концессионеру, то почетный гражданинъ Гольденштернъ обязуется оказать ему необходимый для того денежный кредитъ и способствовать наивыгоднѣйшему сбыту Саламатовской концессіи. Идетъ?

— Точно по писанному откачали!

— Такъ идетъ? переспросилъ уже менѣе шутливо Саламатовъ.

— Какой-же дурень откажется отъ эдакой соблазнительной штуkenціи!

Въ эту минуту, все тотъ-же паренъ внесъ шампанское.

— Какъ въ попадь! взвизгнулъ Гольденштернъ и выхватилъ бутылку изъ рукъ сидѣльца. — Стаканы поставь и, ступай, и ступай!

Абрамъ Игнатьевичъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ наполнилъ стаканы, и когда чокнулся съ Саламатовымъ, то показалъ ему свои черные зубы.

— Идетъ, идетъ-съ, дрожайшій Борисъ Павловичъ, полушопотомъ взвизгивалъ онъ, хватаясь за лѣвое плечо Саламатова.— Во всемъ Питерѣ не найдете лучшаго цѣнителя вашего генія, какъ Абрамъ Гольденштернъ.

И на этотъ разъ онъ схватилъ его за колено.

— Щекотно, боюсь! закричалъ Саламатовъ, и разразился таинъ хохотомъ, что въ лавкѣ задрожали стѣлянки съ капорцами и консервами.

Потекли веселыя и шумныя рѣчи, прерываемыя глотаньемъ устриць. Бесѣда затянулась до пятого часа. Выйдя изъ лавки на Невскій, новыя союзники распростились и направились въ разныя стороны: Гольденштернъ взялъ къ Казанскому собору, Саламатовъ къ гостинному двору.

День стоялъ все такой-же теплый. Тайному совѣтнику было жарковато, и онъ, двигаясь животомъ впередъ, то и дѣло отдувался. Его эгоистка ѣхала за нимъ шагомъ; но ему хотѣлось пройти еще пѣшкомъ хоть до Аничкова моста. Красное лицо Бориса Павловича сіяло еще больше, чѣмъ утромъ. Онъ положительно начиналъ жить сѣзнова и мечта о миллионѣ переметалась въ его воображеніи съ роскошнымъ и благоуханнымъ „пріютомъ утѣхъ“, которымъ онъ все еще не обзавелся съ того дня, когда Авдотья Степановна оставила его отъ своей особы.

„Ужасно я цѣломудренъ!“ думалъ онъ, поглядывая на коляски хохотокъ и слегка кивая нѣкоторымъ изъ нихъ.

Онъ проходилъ мимо часовни, чѣд у гостиннаго двора. Какая-то женщина, одѣтая полуманашески, съ чернымъ платкомъ на головѣ, положивъ два земныхъ поклона, пошла къ широкому тротуару въ такомъ направленіи, что должна была пересѣчь ему дорогу.

Борисъ Павловичъ заглянулъ ей подъ низко-надвинутый платокъ, и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ вскрикнулъ:

— Дунечка!

Женщина въ черномъ нѣсколько отшатнулась назадъ, но тотчасъ-же совершенно спокойно и даже добродушно проговорила:

— Все Господь. Вотъ и съ тобой приказалъ свидѣться. Прощай. Одна просьба къ тебѣ: когда съ друзьями-пріятелями будешь, не поминай моего имени.

И она поклонилась ему низкимъ поклономъ.

— Какъ? что? закричалъ-было Саламатовъ: — куда ты такъ вырядилась?

— Туда, отвѣтила она: — на Волгу — не замай!

Саламатовъ хотѣлъ-было взять ее за руку; но она уклонилась, спѣшнымъ шагомъ перешла тротуаръ и сѣла въ крытую извозчичью пролетку.

Саламатовъ таращилъ глаза, стоя съ растопыренными руками: передъ нимъ пронеслось точно какое-то видѣніе...

XII.

Лиза Загарина долго упрашивала Авдотью Степановну взять ее съ собой на Волгу, и все тщетно. Она простилась съ нею совершенно растерянная и точно обозленная, и пошла на похороны Саши Чернокопытова, гдѣ выстояла все время отгѣванія безъ слезъ. Вернувшись съ похоронъ, она заперлась у себя въ комнатѣ, къ обѣду не вышла и пролежала цѣлый день въ кровати.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, она сказала Катеринѣ Николаевнѣ, что ей нужно сходить погулять, одной. Она доѣхала по желѣзно-конной дорогѣ до Васильевского острова, и, взявъ направо съ Николаевского моста, вошла въ румянцовскій скверъ, сѣла около колонны на одну изъ скамеекъ, и стала кого-то ждать...

Карповъ и его подруга, такъ оживили Бенескриптова, что онъ болѣе двухъ недѣль провелъ безъ всякихъ „припадковъ“. Мысль о той, которая умирала тутъ, въ томъ-же Петербургѣ, тревожила его по ночамъ; но онъ не порывался повидаться съ Надеждой Сергѣевной, зная, что онъ не выдержитъ и еще сильнѣе „закутить“.

„А во мнѣ ей какая-же сласть!“ думалъ онъ. „Ей теперь нуженъ одинъ покой.“

Въ день свадьбы Карпова, онъ чувствовалъ себя „совсѣмъ живымъ“, какъ онъ выразился, много и весело болталъ, потѣшался надъ своей новой ролью суфлера, говорилъ, что онъ рискнулъ-бы даже играть наперстниковъ въ трагедіяхъ, да жаль, что этого амплу больше не полагается въ театральномъ обиходѣ. Послѣ обѣда онъ, однако, затуманился и ушелъ въ свою коморку. Карповъ и его жена сейчасъ-же догадались, на какую тему ему взгрустнулось и рѣшили ѣхать какъ можно скорѣе; коли уложатся, такъ на другой-же день, боясь, что Бенескриптовъ расхандрится и сдѣлается ни къ чему не годнымъ, по крайней мѣрѣ, на недѣлю.

Но Федоръ Дмитріевичъ, ходя по своему номерку, вовсе не былъ близокъ къ тому, чего боялись друзья его. Онъ разсуждалъ:

„Почему-же бы мнѣ не пойти къ ней сегодня? Я чувствую, что у меня бодрость есть. Новаго я ничего не увижу. Она плоха и, быть можетъ, скончается этой весной. Вѣдь я себя приготовилъ къ такому исходу. Говорить я съ ней не буду: она, поди,

такъ слаба, что ни съ кѣмъ ужъ не можетъ говорить. А все бы ее увидалъ, про себя прости ей сказать, Лизу-бъ поцѣловать и потащился-бы съ моими юнцами бѣса тѣшить.“

Желаніе отправиться въ лечебницу дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе, онъ уже выдумывалъ предлогъ своему уходу; удалиться такъ, не показавшись, онъ не хотѣлъ; а говорить о Загаринной ему было также тяжело.

Вошла корридорная служительница.

— Вамъ что-ли? спросила она его, подавая письмо.

Бенескриптовъ посмотрѣлъ на адресъ и разобралъ свое имя.

— Мнѣ, мнѣ, подай! сказалъ онъ поспѣшно.

Когда служительница удалилась, онъ забѣгалъ по комнатѣ, разглядывая адресъ. Рука была ему знакома, но онъ все таки затруднился бы сказать сразу: чья она.

„Ужъ это Лизокъ писала?“ подумалъ онъ съ тревожной улыбкой, и не безъ сердцебіенія надорвалъ конвертъ.

„Милый мой семинаристикъ, читалъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ, неужели я васъ такъ и не увижу? Я васъ не браню, а только жалко ужасно, что мы живемъ въ одномъ городѣ, а точно между нами пять тысячъ верстъ. Назначю вамъ свиданіе, угадайте гдѣ? Помните, гдѣ вы, бывало, въ прошломъ году со мной сходились, когда я возвращалась изъ гимназіи? Вотъ завтра и приходите на Островъ, въ тотъ скверъ, я забыла, какъ онъ называется, противъ Академіи Художествъ, буду васъ ждать отъ половины двѣнадцатаго до часу. Приходите-же, а то, можетъ быть, меня больше и не увидите.“

Вашъ Лизокъ.“

Онъ два раза перечиталъ записку, поцѣловалъ ее и чуть замѣтно прослезился. Въ этой запискѣ было что-то веселое, она дышала какой-то надеждой и вмѣстѣ съ тѣмъ заключала въ себѣ нѣкоторую таинственность... Исчезъ разомъ поводъ порываться въ лечебницу. Завтра, онъ все узнаетъ отъ Лизы и потолкуетъ съ ней „по душѣ“, какъ годъ тому назадъ, когда она кормила его своей булкой въ томъ же румянцовскомъ скверѣ.

Карповы были пріятно удивлены, увидавъ входящаго къ нимъ Бенескриптова.

— Вы никуда не собираетесь? спросила его Зинаида Алексѣевна.

— Нѣтъ, никуда, весело отвѣтилъ онъ:—а вотъ пришелъ подсобить вамъ укладываться въ дорогу. Когда двигаемся?

— Да хоть завтра, откликнулся Карповъ, разбиравшій книги, мявшіяся грудой на полу.—Мнѣ только съ книгами убраться, а у Зины все, кажется, уложено.

— Завтра не успѣете, выговорилъ недовѣрчиво Бенескриптовъ:— вѣдь вы, хоть и больно бойки, да все-же русскіе люди... Пока уложите, пока чтò, глядишь сутки и пройдутъ, ужъ лучше бы не торопясь въ среду...

— Тяжелый день! крикнулъ Карповъ, опустившійся совсѣмъ на полъ.

— Зинаида Алексѣевна, обратился къ ней Бенескриптовъ:— пристыдите супруга-то; свободнымъ мыслителемъ себя почитаетъ, а тяжелыхъ дней боится!

— Ну-инъ, будь по вашему! согласился Карповъ:— айда въ среду; но только уговоръ лучше денегъ, Бенескриптовъ: живаго или мертваго я васъ доставлю въ вагонъ желѣзной дороги!

— Зачѣмъ, Алексѣй Николаичъ, мертваго, доставите и живаго. Вы нешто не видите, что я со всякой мертвечиной распростился...

Онъ такъ бодро смотрѣлъ въ эту минуту, что молодые супруги радостно оглядѣли его и подумали: „Мы, кажется, не на шутку его вылечили?“

— Такъ позвольте-же помочь вамъ? проговорилъ Бенескриптовъ, опускаясь на полъ къ Карпову, и они начали вдвоемъ укладывать книги въ большой досчатый ящикъ.

Въ укладываніи прошелъ вечеръ. Ночь Бенескриптовъ проспалъ тихо, безъ сновидѣній, и только на другой день утромъ почувствовалъ легкое нервное волненіе, тотчасъ вспомнивъ о назначенномъ ему „свиданіи“.

Онъ уже совсѣмъ собрался въ началѣ одиннадцатаго часа, но вдругъ имъ овладѣлъ страхъ, до такой степени явственный, что хоть оставаться въ номерѣ. Опять заходилъ онъ въ тревогѣ, безпрестанно поглядывая на часы; а время летѣло ужасно быстро, и онъ чуть не вскрикнулъ, когда стрѣлка стала уже на четверти перваго.

Тутъ онъ схватилъ фуражку и, чуть не забывъ запереть комнату, бросился на улицу. Волненіе его тотчасъ-же улеглось, какъ только онъ сѣлъ на имперьялъ желѣзно-конной кареты. Невскій, на который онъ столько разъ злобствовалъ, смотрѣлъ на него привѣтливо. Онъ прощался съ Петербургомъ равнодушно, но безъ желчи и горечи.

Спустившись на Островъ, Бенескриптовъ опять ощутилъ смущеніе, но уже не такое сильное, какъ утромъ. Онъ замедлилъ шагъ, обогнулъ кругомъ весь скверъ и, войдя наконецъ въ него, какъ бы боязливо оглядѣлъ площадку передъ памятникомъ.

Онъ сейчасъ же нашелъ глазами Лизу. Онъ зашелъ сзади и шопотомъ окликнулъ ее:

— Лизокъ!

Лиза вскочила съ мѣста, протянула ему обѣ руки и молча посадила его около себя на скамейку.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Они смотрѣли другъ на друга и старались улыбнуться; но на глазахъ ихъ невольно выступали слезы.

Бенескриповъ первый нарушилъ молчаніе и, бросивъ взглядъ на черное платье Лизы, прошепталъ:

— Мама?..

Онъ не могъ докончить и сильно поблѣднѣлъ.

Лиза такъ испугалась, увидавъ его внезапную блѣдность, что схватила его за руку и начала трясти ее.

— Федоръ Дмитричъ! Милый мой!.. Вѣдь этого нужно было ждать!.. повторяла она, глотая слезы и лаская его глазами.

— Скончалась? прошепталъ онъ.

— Да, вдыхая воздухъ выговорила Лиза.

— Когда же?..

— Третьяго дня похоронили.

— Гдѣ?

— На Волковскомъ кладбищѣ.

Вопросы и отвѣты произносились въ полголоса, съ какой-то строгой интонаціей.

— Какъ-же вы меня-то...

Бенескриповъ опять не договорилъ.

— Васъ не пригласили? спросила Лиза, глядя ему прямо въ глаза.

— Какія приглашенія... я не то... а какъ же было не дать...

Онъ вынулъ платокъ и прикрылъ имъ глаза минуты на двѣ. Лиза, держа его за руку, чувствовала, что онъ плачетъ.

— Вы не думайте, семинаристикъ мой прелестный, заговорила она:— что про васъ забыли... Вы всегда мой другъ, есть и будете... Мама такъ васъ любила... всегда и до самой смерти думала объ васъ, хоть и молчала; но я хорошо знаю, что думала.

— Такъ и не видалъ!.. всхлипывалъ Бенескриповъ, прикрывъ опять платкомъ все лицо.

— Слушайте-же, Федоръ Дмитричъ, продолжала Лиза съ удареніемъ и не выпуская его руки.— Мама умерла такъ скоро... никто не ожидалъ... я была у Саши Чернокопытова... помните, мы его у насъ видѣли, гимназистикъ.

— Помню.

— Онъ тоже умеръ. Я вчера его похоронила.

Бенескриповъ отнял отъ лица платокъ и взглянулъ на Лизу. Она сидѣла около него, выпрямившись, блѣдная, со строгимъ, уже не дѣтскимъ выраженіемъ. Ему стало стыдно своихъ слезъ.

— Такой мальчуганъ! промолвилъ онъ.

— Да, отвѣтила она и тихо улыбнулась.— У него была болѣзнь скорая... воспаленіе легкихъ; а мама могла и еще жить... я вернулась отъ Саши вечеромъ, чтобы узнать адресъ доктора... вошла... мама уже умирала, схватила меня и начала шептать... не больше двухъ минутъ... упала на спинку и... все...

Слушая отрывочный рассказъ Лизы, Бенескриповъ тяжело дышалъ и боялся прервать ее какимъ нибудь вопросомъ.

— И все? спросилъ онъ, видя, что она остановилась.

— И все, повторила Лиза.

Онъ хотѣлъ что-то еще спросить, но ничего не представилось ему въ эту минуту: никакихъ подробностей, ничего, что бы въ другомъ настроеніи непременно пришло ему на мысль.

— Да, начала опять Лиза:—мама такъ умерла, какъ я вамъ сейчасъ рассказала... Я объ васъ сейчасъ-же сказала Авдотья Степановнѣ... вы ее помните?..

— Еще бы! вырвалось у Бенескрипова.

— И она хотѣла къ вамъ ѣхать, но я ее попросила не дѣлать этого.

— Вы, Лизокъ?

— Да, я! Не браните меня, дружокъ мой, я такъ сдѣлала потому, что...

Она остановилась и изъ подъ-лобья взглянула на Бенескрипова.

— Можно-ли мнѣ сказать совершенную правду? выговорила она.

— Кого-же вамъ бояться, голубушка моя? спросилъ съ нѣжностью Бенескриповъ.

— Вотъ почему я такъ сдѣлала: я боялась, что вы увидите маму мертвой... и совсѣмъ „погибнете“.

Послѣднія слова произнесла она чуть слышно и наклоняя голову къ плечу своего пріятеля.

— Такъ вы думали... вымолвилъ Бенескриповъ, громко вздохнувъ:—боялись за меня...

— И Авдотья Степановна согласилась со мной...

— Да, да, шепталъ Бенескриповъ: — кто знаетъ... быть можетъ и такъ было-бы... да какая бѣда въ томъ...

— Нѣтъ, вскричала Лиза, и даже покраснѣла.— Нѣтъ! вы не должны такъ говорить!.. Если вы любили маму, если вы хотите помнить объ ней... вы должны теперь совсѣмъ... выздороветь.

Она прижалась къ нему и два ея большіе глаза поглядѣли на него съ такимъ серьезнымъ сочувствіемъ, что онъ, глубоко тронутый, поцѣловалъ ея руку.

— Что это вы! отшатнулась Лиза и еще больше покраснѣла.—

Вы меня простили, да? Я, может быть, и не так поступила; но я вамъ сказала всю правду... Да и что глядѣть на мертвыхъ... Когда вы умрете, или другой ктонибудь, кого я буду любить... я не пойду къ мертвому... Нѣтъ, не надо!.. Вотъ теперь вы будете вспоминать маму, какъ вы ее видѣли въ послѣдній разъ... она такъ тогда оживилась, когда вы пришли... и предъ вами не будетъ мертвaго лица.

Лиза закрыла лицо рукавомъ, дрозъ пробѣжала по всему ея тѣлу.

— Обо мнѣ довольно! заговорилъ Бенескриптовъ, влады свою широкую руку на плечо Лизы.—Какъ вамъ-то жить теперь?

— Мнѣ? быстро спросила Лиза и усмѣхнулась.—Я теперь богатая.

— Богата? вскричалъ радостно Бенескриптовъ.

— Да, вѣдь вы не знаете, Авдотья Степановна выиграла нашъ процессъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! вырвалось у Бенескриптова. Онъ не зная, что и сказать, такъ извѣстie его обрадовало.

— У меня слишкомъ много будетъ денегъ, продолжала Лиза серьезнымъ дѣловымъ тономъ:—и мнѣ это не нравится. Ну, да когда я сдѣлаюсь совершеннолѣтней, я по своему употреблю мои деньги... не долго ждать... Да и теперь... не имѣють права отказать мнѣ...

Она вскинула голову и, глядя пристально на Бенескриптова, спросила:

— Другъ вы мой или нѣтъ?

— Я-то!.. Маточка моя!..

— А если другъ... вы не смѣете отказываться... вы должны устроить себѣ какое хотите занятie... для этого нужны деньги, и вы ихъ возьмете у вашего друга, Ливы Загариной.

Выговоривъ это, Лиза встала противъ Федора Дмитриевича и взяла его за обѣ руки.

— Ну-съ? Какой будетъ отвѣтъ?..

— Въ васъ перешла ангельская душа мамы вашей...

— Нѣтъ! я не ангелъ! у меня крыльевъ нѣтъ; а вы что-же мнѣ не отвѣчаете?

— Спасень, спасень, голубчикъ, говорилъ, едва-едва удерживая слезы, Бенескриптовъ:—за большое дѣло я не возьмусь теперь, гордость меня и то загубила... хорошо-бы хоть какъ-нибудь прожить...

— Что-жъ вы будете дѣлать? строго спросила Лиза.

— Собрался съ добрыми людьми... въ долгій путь, буду скитаться съ ними...

— Я не понимаю...

— Эхъ! вскричалъ Бенескриповъ:—коли-бы я на что-нибудь годенъ былъ для васъ, родная моя Лизанька, я бы здѣсь и кости сложилъ, въ этомъ проклятомъ Петербургѣ!..

— Нѣтъ, перебила его Лиза: — для меня не нужно, я здѣсь не останусь, я тоже уѣду, и васъ съ собой не возьму, хоть и люблю васъ очень... для меня вы не можете быть все... это жертва... я не хочу! Будемъ жить: вы въ Россіи, я тамъ... и она показала рукой вдаль.

— Гдѣ-жь? почти съ испугомъ выговорилъ Бенескриповъ.

— Откуда я пріѣхала. Такъ я рѣшила, и прощаюсь съ вами сегодня... Вы когда ѣдете?.. говорите правду.

— Положили мы завтра, да теперь что-же...

— Нѣтъ, нѣтъ. Для меня не оставайтесь! Куда вамъ писать?

— Да вы ужь лучше дайте вашъ адресъ... а мы вѣдь скитаться будемъ...

— Я у Ворцовыхъ живу. На его имя и пишите, и дайте мнѣ честное слово, нѣтъ... какъ другъ... это лучше... что вы не постыдитесь меня, когда вамъ будетъ плохо?

Бенескриповъ привлечь ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

Возвращаясь, Ѳеодоръ Дмитриевичъ проходилъ мимо нѣсколькихъ „виноторговлей“, и ни въ одну его не ткнуло.

XIII.

Простившись съ Авдотьей Степановной и съ Бенескриповымъ, Лиза уже никуда не выходила, кромѣ своей гимназіи. Ее не тянуло и гулять. Съ Екатериной Николаевной она стала немного разговорчивѣе, но не ласкалась къ ней.

— Скажите мнѣ, Лиза, спросила ее та вечеромъ того дня, когда она ходила на свиданіе съ Бенескриповымъ:—хорошо-ли вамъ у насъ?

— Мнѣ лучше нигдѣ-бы не было... въ Петербургѣ, отвѣтила сосредоточенно Лиза.

— Гдѣ-бы вы хотѣли провести лѣто?

— Я не знаю Россіи, можетъ быть вездѣ точно также, какъ и здѣсь... на Волгѣ хорошо...

— А вамъ туда хотѣлось-бы... къ Авдотьѣ Степановнѣ?

Вопросъ Екатерины Николаевны заставилъ съезжиться Лизу.

— Я ее больше не должна видѣть, проговорила она еще сдержаннѣе.

Больше отъ нея Катерина Николаевна ничего и не добилаь;

но этотъ маленький „interrogatoire“ (такъ Лиза назвала его) убѣдилъ Катерину Николаевну, что ея питомца что-то такое заглава въ себѣ.

— Оставь ты ее въ покоѣ, сказалъ ей на другой день Борщовъ, когда она сообщила ему свои наблюденія надъ Лизой. — Что за тревожность у тебя такая!.. Дѣвочка растеряла разомъ всѣ свои привязанности, а ты къ ней пристаешь.

Катерина Николаевна перестала „приставать“ къ Лизѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, Борщовъ и Катерина Николаевна объ чемъ-то все совѣщались. Лизѣ приходилось присутствовать при этихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ и за обѣдомъ, и по вечерамъ. Рѣчь шла о какомъ-то собраніи, которое должно было произойти въ скоромъ времени въ ихъ квартирѣ. Лиза прислушивалась и потому, сидя въ своей комнатѣ, за урочами, разбирала про себя все ею слышанное. Она видѣла, что оба: и Катерина Николаевна, и Павелъ Михайловичъ были недовольны, не то собою, не то тѣмъ, какъ у нихъ подвигалось ихъ дѣло. Они хотѣли заинтересовать въ немъ всѣхъ „хорошихъ людей“, какъ выражалась мысленно Лиза, и этихъ хорошихъ людей надо было искать между женщинами.

Павелъ Михайловичъ дѣлалъ сортировку хорошихъ женщинъ; Катерина Николаевна спорила съ нимъ, находя, что онъ слишкомъ „нетерпимъ“. Это слово Лиза запомнила, а также и то, которое Борщовъ употребилъ въ отвѣтъ Катеринѣ Николаевнѣ:

— А иначе, вскричалъ онъ: — выйдетъ безпринципіе!

„Какой это мудреный русскій языкъ, подумала при этомъ Лиза, этого слова нельзя сдѣлать ни по французски, ни по англійски...“

Всего больше спорили они о двухъ какихъ-то „хорошихъ женщинахъ“: одну звали Елена Васильевна, другую Лидія Петровна. Лиза не помнила: бывали-ли онѣ когда-нибудь у Катерины Николаевны при ней. Она видѣла, что за приглашеніе Елены Васильевны стояла Катерина Николаевна.

— Совсѣмъ ее не нужно! восклицалъ Борщовъ, шагая по гостиной, гдѣ велся разговоръ.

— Да почему-же? возразила Катерина Николаевна.

— Развѣ ты не знаешь, что ея дѣятельность вся исходитъ изъ мистическаго начала?

— Нужды нѣтъ!

— Какъ нужны нѣтъ? постыдись, что ты говоришь!

— Я говорю: нужны нѣтъ, и вотъ почему: Елена Васильевна — живой человѣкъ. Мы съ тобой на то и тутъ, чтобы не допускать въ наше дѣло мистическаго направленія...

— А хочешь пригласить какую-то исповидающую?..

— Погоди... намъ необходимо сочувствіе и поддержка женщинъ, любящихъ добро... все равно какъ-бы онѣ его ни любили и чему-бы онѣ ни вѣрили... пускай и онѣ хлопчутъ, распространяютъ нашу идею, доставляютъ намъ тѣхъ, для кого мы работаемъ... а тамъ ужъ наше дѣло: не допускать ихъ до дальнѣйшаго вліянія...

— Нѣтъ, обрѣзалъ Борщовъ:—я считаю такую практичность весьма скабрешной...

— Ужъ и скабрешной!..

— Да. Надо, чтобы всѣ наши пособники были нашихъ принциповъ. Твою Елену Васильевну достаточно знаютъ за женщину, пропитанную какой-то смѣсью елей съ прекрасодушіемъ.

„*Прекрасодушіе*, отмітила Лиза, voilà encore un mot!.. Ахъ какой мудреный русскій языкъ“.

— Нужди нѣтъ! повторила опять Катерина Николаевна, не уступая Борщову своей Елены Васильевны. — Если такъ сортировать, то мы останемся рѣшительно одни... Я не хуже тебя вижу, кто такая Елена Васильевна; но ей нѣтъ, ей настоящую доброту, даже ея мистицизмъ и елей я хочу употребить на служеніе нашему дѣлу, и постараюсь воспользоваться всѣмъ этимъ поумнѣе.

— Тогда, горячо возразилъ Борщовъ:—почему не обратиться ко всѣмъ барынькамъ изъ команды Степана Ивановича Кучина! И что это у тебя, Катя, за преувеличенная боязнь остаться одной? Найдутся люди, найдутся женщины... онѣ уже есть...

— Кто-же это? рѣзко спросила Катерина Николаевна:—твоя Лидія Петровна, напримѣръ?

Лиза замѣтила, что губы Катерины Николаевны сложились въ довольно-таки язвительную усмѣшку.

— Что-жъ ты находишь сказать противъ нее?

— Вотъ ужъ се-то-бы я не стала звать, проговорила Катерина Николаевна все также насмѣшливо.

— Да почему-же? удивленно вскричалъ Борщовъ.

— Сухая резонерка! Въ дѣло она, какъ слѣдуетъ, не войдетъ, скажетъ нѣсколько мудрыхъ словъ... отъ которыхъ вѣетъ скукой и книжкой.

— Катя, перебилъ Борщовъ:—меня не на шутку огорчаетъ, что ты такъ относишься къ самымъ интеллигентнымъ изъ нашихъ женщинъ.

„Интеллигентный, отмічала Лиза:—с'est intelligent!..“.

— Я знаю, не уступала Катерина Николаевна:—что она умна, читала много и можетъ поддерживать всякій разговоръ, даже специальный...

— Этого мало! перебить Борщовъ:— она честная труженица!..

— И это я знаю... Она—все, что тебѣ угодно, сама добродѣтель; но намъ она бесполезна... тебѣ, можетъ быть, хочется, чтобы она про наше дѣло отзывалась хвалебно тамъ, гдѣ она играетъ роль... такъ это тщеславіе, мой другъ... да и на это она не годится... въ ней нѣтъ никакого энтузіазма, никакой вѣры; она только и годна на резонерство, пожалуй, очень радикальное; но всегда въ неодобрительномъ тонѣ... Ей все мало...

— Во всякомъ случаѣ, исключать ее никакъ нельзя!

— Пригласи, я не препятствую, но помирись и съ Еленой Васильевной.

Лиза, почему-то, осталась довольна, что она увидитъ и Елену Васильевну и Лидію Петровну. Но тѣмъ не кончилось праніе, говорили еще про какую-то мадамъ Мерлетъ.

— Кто тебѣ ее рекомендовалъ? спросила Катерина Николаевна.

— Она была у меня по устройству одного утра...

— Ничего-то я въ ней не вижу, кромѣ подмалеваннаго блебобразія, съ легкой гримасой выговорила Катерина Николаевна.

— Она бойка... слѣдуя твоей системѣ, разсмѣялся Борщовъ:— такими барыньками пренебрегать не надо. Онѣ носятъ мундиръ, для насъ полезный—и то хорошо!..

— Лучше сказать: мундиръ этотъ полезенъ имъ самимъ... разужьется, съ должнымъ количествомъ *rouge de riz*...

— Ахъ, Катя, ты все язвишь. Не хорошо!..

На этомъ разговоръ и оборвался.

Черезъ два дня послѣ него, должно было состояться совѣщаніе. Лиза про себя дала ему названіе „conférence“ и стала ожидать эту „conférence“ съ какою-то особымъ интересомъ...

Пришелъ и вечеръ совѣщанія. Лиза причесалась старательнѣе, надѣла красивенькій воротничекъ и манжетки, и несомнѣнно твердымъ голосомъ спросила Катерину Николаевну:

— Puis-je assister à la conférence?

— Oui, mon enfant, отвѣтила та весело и поцѣловала ее.

Лиза, ходя по гостиной, держалась ближе къ передней; при первомъ звонкѣ, она выглянула туда. Собирались стали скоро, одна за другою: первой явилась какая-то маленькая фигурка въ черной юбкѣ, въ мужской пояревой шляпкѣ и короткомъ пальтецѣ, котораго она не сняла. Ея морщинистое личико, со вздернутымъ носикомъ, все двигалось, а курчавые волосики дрожали за ушами. Ростомъ она была не выше Лизы.

Высокую женщину въ сѣромъ, съ платкомъ на головѣ, худую и смуглую, Лиза долго оглядывала и рѣшила, что она-то и есть

Елена Васильевна, отъ которой пахнетъ „елемъ“ и „прекрасно-душемъ“.

— Дайте мнѣ булабочку, душевна, сказала ей красивая блондинка съ матовымъ цвѣтомъ лица, въ шелковомъ платьѣ, оставившись въ дверяхъ гостиной.

Лиза подмѣтила, что блондинка, стоя передъ портьерой, быстрымъ движеніемъ, вынула изъ кармана какую-то тряпочку и также быстро провела ее по лицу.

— „Ça! c'est madame Merlette!“ подумала Лиза, подавая ей булавку.

Потомъ явилось разомъ нѣсколько дѣвицъ. Три были на одно лицо, съ длинными ногами. Онѣ объ чемъ-то шептались между собой и двѣ часто прыскали. Лизѣ показалась забавной ихъ смѣшливость.

— Гдѣ-же Лидія Петровна? тревожно спрашивала она себя, минутъ десять спустя, когда всѣ, повидимому, были въ сборѣ.

Нашла она и Лидію Петровну; по крайней мѣрѣ, она рѣшила, что это та женщина въ свѣтломъ шерстяномъ платьѣ, которая, стоя съ Борщовымъ у окна, курила папиросу и все какъ-то подергивала ртомъ. Глаза у ней были на выкатѣ и ноздри очень рѣзко вырѣзаны.

„Oh! celle-là, думала она:—c'est une maîtresse-femme!“ и даже ощутила нѣкоторую неловкость, когда собесѣдница Борщова устремля на нее свои круглые глаза, съ замѣтнымъ любопытствомъ. Лиза забилась въ уголокъ.

Гостинная приняла, въ глазахъ ея, торжественный видъ. Отъ природы очень не застѣнчивая, Лиза чувствовала въ эту минуту легкое смущеніе.

Минутъ чрезъ десять всѣ разсѣлись. На диванѣ сѣдѣла Катерина Николаевна и рядомъ съ нею та, которую Лиза признала за Елену Васильевну. По бокамъ помѣстились: красивая блондинка и признанная Лизой за Лидію Петровну. Въ углу, около камня усѣлась маленькая черная женщина. А у окна размѣстились остальные; дѣвицы, на одно лицо, нѣсколько поодаль.

Борщовъ сталъ посрединѣ комнаты и, покачиваясь взадъ и впередъ, началъ говорить.

Лиза привыкла къ его языку, но все-таки многое отъ нея ускользнуло. Она очень хорошо поняла главную мысль его рѣчи тѣмъ болѣе, что толки его съ Катериной Николаевной вертѣлись все около той-же темы.

„Зачѣмъ онъ такъ много говорить, думала она:—c'est si simple! Развѣ онъ дурочки? Что нужно? Нужно работать... pas même ça... il faut sympathiser... развѣ это такъ трудно?“

— Дѣло наше вновь, слышался Лизѣ голосъ Борщова, поднимавшійся постепенно до высокихъ нотъ:—безъ женскаго сочувствія оно пропало!..

„Pourquoi le dit-il? спрашивала себя Лиза:—c'est clair comme bonjour“.

— Вы видите нашу программу, слышалось Лизѣ; но можемъ ли мы ее выполнить одни? Конечно нѣтъ! Намъ нужны пособники во всѣхъ слояхъ общества!

„Encore une phrase inutile! критиковала Лиза. — Comme qui dirait: bonnet blanc—blanc bonnet“.

Борщовъ говорилъ еще минутъ съ десять. Лиза наблюдала: внимательно-ли слушали его. Она осталась довольна только Еленой Васильевной, да маленькой женщиной въ кофточкѣ. Лидія Петровна смотрѣла строго и серьёзно, но выраженіе ея рта очень не нравилось Лизѣ. Блондинка, придавъ себѣ мечтательный видъ, перебирала локонъ своего шиньона. Дѣвицы на одно лицо сидѣли точно въ классѣ.

„Des barbouilleuses!“ обозвала ихъ Лиза.

Послѣ Борщова заговорила Катерина Николаевна.

„Mais c'est toujours: bonnet blanc—blanc bonnet, воскликнула про себя Лиза, слушая ее. Вѣдь онъ ужъ сказалъ то самое!.. V'la du verbiage“.

Но ей стало вдругъ стыдно, что она такъ осуждаетъ своихъ опекуновъ. Звукъ голоса Катерины Николаевны былъ особенно нервень, искренность тона прорывалась наружу; но она часто путалась въ словахъ, желая, видно, выразиться покрасивѣе.

„Comme c'est tourmenté!“ чуть не вслухъ выговорила Лиза. Ей было симпатично то, что говорили Борщовъ и Катерина Николаевна; но она осталась при томъ мнѣніи, что сказать это должно было въ нѣсколькихъ словахъ. Поэтому-то ей и сдѣлалось подъ-конецъ жалко ихъ.

„Ils sont très convaincus!“ сочувственно рѣшила она, и когда Катерина Николаевна кончила, вниманіе ея удвоилось: она ждала не дождалась, какъ поведутъ себя всѣ эти „хорошія женщины“.

Наступило молчаніе, довольно-таки томительное. Оно длилось всего какихъ-нибудь двадцать секундъ, но его давленіе одинаково испытали и Борщовъ съ Катериной Николаевной, и Лиза.

Она готова была пари держать, что первой заговоритъ маленькая женщина въ кофточкѣ.

Лиза не ошиблась. Маленькая женщина вскочила первая съ своего мѣста и заговорила хриплымъ голосомъ такъ скоро и сбивчиво, что Лиза, въ первыя минуты, ничего не могла понять.

„Ah! comme elle ratauge! comme elle ratauge!“ думала она съ какимъ-то сокрушеніемъ.

Отдѣльныя слова врѣзывались въ ухо Лизы, но связи между ними она не въ силахъ была уловить.

А маленькая женщина мѣлась на своемъ мѣстѣ, какъ-то все качаясь изъ стороны въ сторону и сильно жестякулируя. Хриплый голосокъ ея безпрестанно обрывался, она усиленно нероводила духъ и опять пускалась въ говореніе.

„Dieu! qu'elle s'embourbe!“ шептала Лиза.

— Мы готовы на это дѣло, слышалось Лизѣ... и здоронья педагогическія начала... т.-е. я хочу связать...

И опять она сбилась, и опять понеслась.. Ее даже ударило въ испарину.

Точно на помощь къ ней выступила Лидія Петровна. Эта говорила совсѣмъ не такъ. Она точно читала по печатному, отчеканивала слова и безпрестанно обливалась. Лизу раздражалъ ея отчетливый, звонкій и сухой голосъ. Она слушала, слушала и вдругъ задала себѣ вопросъ:

„Que fait-elle: blame-t-elle ou loue-t-elle?“ Она такъ и осталась въ недоумѣніи.

Катерина Николаевна начала горячо возражать Лидіи Петровнѣ. Борцовъ сначала молчалъ; но потомъ и онъ сталъ возражать, хотя и гораздо сдержаннѣе.

— Иначе, рѣзво выговорила та, которую Лиза обозвала „matresse-femme.“— ваше дѣло будетъ филистерской забавой.

„Что такое: филистерской? спросила себя Лиза и отвѣтила: Ça doit être bourgeois!“

Тутъ и Борцовъ покраснѣлъ и заговорилъ высокой фистулой, и заходилъ по комнатѣ. Лидія Петровна не уступала ему и, передергивая какъ-то ртомъ, выпускала изъ него отчетливыя фразы, которыя Лиза могла-бы заучить наззустъ, такъ онѣ звонко отбивались въ ея ухѣ.

Видѣлась и маленькая женщина. Она только похрипѣла и помахала руками; но никого не убѣдила.

„Excellente personne, думала Лиза, mais pas forte, pas forte du tout!“

Споръ затанулся-бы, если-бъ та, которую Лиза назвала Еленой Васильевной, не остановила его своимъ участіемъ. Она обратилась къ спорившимъ такъ кротеко, что они вдругъ смолкли. Какъ только она заговорила, Лиза почувствовала что-то особенное въ ея тонѣ.

„On dirait une soeur de charité“, подумала она.

Но когда эта женщина начала говорить о какой-то „высшей

задать* (Лиза схватила на лету эту фразу) и стала убеждать въ чемъ-то всѣхъ, то Борщовъ поморщился, Катерина Николаевна также поморщилась, Лидія Петровна отвернулась и закурила папиросу; даже уголь дѣвицъ неодобрительно задвигался.

Послѣ того, Борщовъ еще говорилъ; но Лиза уже плохо его слушала. Ей было неприятно. Она понимала, что изъ „conférence“ не вышло ничего такого, „enfin quelque chose“, по ея выраженію.

Всѣмъ сдѣлалось вдругъ неловко. Подали чай. Общій разговоръ не клеился. Шептались по угламъ. Лиза ушла въ столовую, вылилась тамъ чаю и больше уже не показывалась въ гостинную.

Заслышавъ, что зашумѣли стульями, она вышла изъ столовой и стала у входа въ переднюю.

Красивая блондинка надѣвала пальто и говорила одной изъ дѣвицъ:

— Я готова, я готова дѣйствовать... всего бы лучше устроить чтеніе. Но зачѣмъ они приглашаютъ такихъ барынь, какъ эта...

Она не договорила, увидавъ въ дверяхъ гостинной Елену Васильевну.

— На деревянномъ маслѣ! отвѣтила дѣвица. Остальныя двѣ прислули.

Лиза огорчилась и пошла опять въ столовую, гдѣ налила себѣ еще чашку.— Гости ушли почти всѣ въ одно время. Дольше раздавался въ гостинной хриплый голосокъ маленькой женщины; но и она смолкла.

Лизѣ надо было проститься съ Катериной Николаевной и Борщовымъ, уходя спать.

Она не совсѣмъ твердо вступила въ гостинную. Ей какъ будто было совѣстно не то за себя, не то за нихъ. Борщовъ ходилъ по гостинной. Катерина Николаевна сидѣла на диванѣ, опустила голову.

Лиза опять забилась въ уголокъ. Ей не хотѣлось прерывать изъ разговора, хотя нѣкто изъ нихъ въ эту минуту и не говорилъ.

— Руки опускаются! вырвалось наконецъ у Борщова.

„Je m'y attendais“, подумала Лиза.

Катерина Николаевна подняла голову и поглядѣла на него съ кислой улыбкой.

— Я тебѣ говорила: только и будетъ у насъ сотрудниковъ: ты да я, я да ты.

Онъ раздражительно разсмѣялся. Лиза вздрогнула отъ этого смѣха.

— Что за деревянность, продолжалъ онъ, разводя руками: — что за отсутствіе настоящаго стремленія къ добру!..

— Я большого и не ждала!

— Зачѣмъ-же было приглашать ихъ?

— Другихъ я не знаю.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Всѣхъ противнѣ твоя Лидія Петровна, вскричала Катерина Николаевна.

„Ah, que si“! согласилась про себя Лиза.

— Да, она ни на что не похожа! откликнулся Борщовъ. — И что обидно: и умъ у этой женщины есть, и знанія, и честность... а ничего, кромѣ сухого резонерства, не выходитъ, ничего. А еще обиднѣе, что единственная женщина, у которой есть искренность и пылъ...

— Это Елена Васильевна, подхватила Катерина Николаевна.

— Но она невозможна съ своимъ мистицизмомъ!

— Да, грустно согласилась Катерина Николаевна. — Ея добро намъ не годится.

— Кто-же, кто-же? почти съ отчаяніемъ выговорилъ Борщовъ.

— Да все мы-же, отвѣчала Катерина Николаевна.

Они не замѣчали присутствія Лизы. Она объ этомъ догадалась и, вставъ со стула, вышла на средину комнаты.

— Вы еще не спите, Лиза? спросила ее Катерина Николаевна.

— Иду спать, проговорила, опуская глаза, Лиза. Ей сдавалось, что имъ было съ ней неловко. Катерина Николаевна кинула ей однакожь:

— Васъ занялъ сегодняшній вечеръ?

— Oui, Madame, сухо отвѣтила Лиза и, пожавъ руку Катеринѣ Николаевнѣ пошла къ себѣ. Въ столовой до нея доносился еще голосъ Борщова:

— А та, кричалъ онъ, маленькая-то... Что это такое, Господи Боже мой! Можно-ли выдумать что-нибудь болѣе жалкое... изъ кожи лѣзеть, и ничего кромѣ полнѣйшаго сумбура, ничего!..

Въ отвѣтъ послышался нервическій смѣхъ Катерины Николаевны.

„Pauvres gens! подумала Лиза, comme ils souffrent! Mais pourquoi restent-ils ici, pourquoi ne quittent-ils pas ce pays“?

Этотъ вопросъ повелъ за собою и другіе... Лиза цѣлыхъ два часа проворочалась въ кровати.

— Что могла вынести Лиза изъ сегодняшней разговорни? спросилъ Борщовъ у Катерины Николаевны, когда она перешла изъ гостиной въ спальню.

— Врядъ-ли она много поняла..

— Это еще лучше; но и ей не трудно было разглядѣть нескладницу и равнодушіе..

И онъ, не докончивъ, махнулъ рукою.

Катерина Николаевна поглядѣла на него изъ подлобыя и глубоко вздохнула...

XIV.

Было воскресенье. Въ столовой, за чаемъ, сидѣлъ Борщовъ съ Катериной Николаевной. Прошло два дня съ ихъ вечера. Они протанулись какъ-то особенно томительно. Борщовъ возвращался домой усталый и находилъ подругу свою молчаливой, утомленной, видимо скучающей. Въ городѣ было уже жарко; но они еще не рѣшили, гдѣ проведутъ лѣто. Имъ какъ будто не хотѣлось заводить объ этомъ разговора; а между тѣмъ оба чувствовали сильнѣйшую потребность куда нибудь кинуться изъ Петербурга. Точно оба они жили на чеку, какъ живутъ въ послѣдніе дни, передъ отъѣздомъ, когда половина мебели уже отправлена въ деревню или на дачу.

Катерина Николаевна пила чай, читая какую-то книжку, а Борщовъ приклебывалъ изъ ставана, ходя взадъ и впередъ по столовой, съ газетой.

Вошла Лиза. Внѣшность ея сильно измѣнилась въ теченіе года; ничего почти не осталось изъ дѣтскихъ особенностей той дѣвочки, которую можно было, годъ назадъ, встрѣтить каждый день въ 10-й линіи Васильевского острова. Лицо ея удлиннилось, стало блѣднѣе и строже. Глаза сдѣлались больше и темнѣе. Взглядъ ихъ потерялъ прежнюю зоркость. Два ея зуба, нуждавшиеся въ употребленіи машинки, уже не выставлялись такъ, какъ прежде, хотя все-таки подпирали слегка верхнюю губу. Косы превратились въ шиньонъ, отчего вся голова потеряла прежній полу-ребяческій видъ. Траурное ея платье только на четверть отставало отъ полу. Ноги, крупныхъ размѣровъ, были обуты въ красивыя ботинки на высокихъ каблучкахъ. Движенія ея значительно утратили ту оригинальность, которая замѣчается въ дѣтяхъ за границей. Петербургъ уже положилъ на нее свою печать. Она и ходила, и кланялась, и даже говорила гораздо сдержаннѣе и суше.

Войдя въ столовую, Лиза, по обыкновенію, пожала руку Борщову и Катеринѣ Николаевнѣ. Она присѣла тихо къ столу и взяла изъ рукъ Катерины Николаевны чашку, не прерывая ихъ молчанія. Чай пила она, обыкновенно, съ большимъ усердіемъ, точно дѣлала какое дѣло, раздувая повдри и слегка посапывая. Но на этотъ разъ, она начала приклебывать безъ обычной старательности. Опущенные ея глаза были устремлены на одно

мѣсто сватерти и не поднимались вплоть до той минуты, когда чашка была допита.

— Хотите еще? спросила ее Катерина Николаевна.

— Мегсі, отвѣтила Лиза и замѣтно поблѣднѣла.

Борщовъ остановился у стола и довольно внимательно поглядѣлъ на нее.

Лиза встала, отряхнула платье и, ни къ кому особенно не обращаясь, выговорила:

— Мнѣ нужно вамъ что-то сказать.

Катерина Николаевна слегка улыбнулась, а Борщовъ, хлѣбнувши изъ стакана, подошелъ къ столу.

— Вы мои друзья, начала низкимъ голосомъ Лиза: — и я хочю быть съ вами совсѣмъ откровенна.

— Пожалуйста, откланянулся Борщовъ.

Катерина Николаевна сдѣлала соотвѣтственный жестъ головой.

— Я должна вонъ изъ Россіи! вырвалось у Лизы и она такъ жело дышала.

Ей ничего не отвѣчали. Она поглядѣла на нихъ обоихъ, щеки ея зардѣлись и она уже свободнѣе, но съ возрастающимъ волненіемъ, продолжала:

— Мнѣ очень трудно здѣсь оставаться. Порусски я теперь не забуду, а больше я здѣсь ничему хорошенько не выучусь.

— Отчего-же? спросила ее Катерина Николаевна: — у васъ хорошія способности. Вы можете теперь учиться чему хотите...

— Да, перебила ее Лиза:—я не буду спорить, я говорю одну только вещь: мнѣ очень тяжело въ Петербургѣ. Въ гимназій дѣвочки какія-то странныя, у меня нѣтъ друзей... здѣсь все умираетъ, отсюда все ѣдутъ. Я не понимаю и не вижу, съ кѣмъ я буду потомъ жить.

Она остановилась и ласково взглянула на Катерину Николаевну.

— Пожалуйста, не думайте, что я не довольна, что мнѣ у васъ дурно. Я знаю, что мнѣ нигдѣ-бы лучше не было. Вы добрыя и умны... Я не отъ васъ уйду. Мнѣ противно въ Петербургѣ. Дальше въ Россіи я не ѣдила; но кажется, и тамъ такъ же. Это такая страна.

— Какая-же? спросилъ Борщовъ, очень заинтересованный тѣмъ, что говоритъ Лиза.

Катерина Николаевна слушала ее съ неменьшимъ интересомъ, опершись обоими локтями объ столъ.

— Я съ вами спорить не могу, отвѣтила Лиза, громко вздохнувъ.—Можетъ быть, въ другихъ городахъ, жизнь совсѣмъ не та-

кая, но мнѣ не надо здѣсь оставаться. Я вамъ это говорю, потому-что вы мои друзья.

Кончивъ, она опустилась на стулъ и сложила руки на груди.

— Если оно такъ, заговорилъ Борщовъ, теребя свою бороду:— то куда-же бы вы хотѣли отсюда?

— Назадъ, за границу? подсказала Катерина Николаевна.

— Да, туда, тихо промолвила Лиза.

— Вы совершенно свободны, дитя мое, заговорила Катерина Николаевна.—Вы сами называете насъ вашими друзьями, поэтому я, какъ другъ, замѣчу вамъ одно: мать ваша стремилась сюда больше для васъ. Ей хотѣлось, чтобы вы получили воспитаніе въ родной странѣ. Она жила и трудилась затѣмъ только, чтобы устроить васъ здѣсь, а не за границей; иначе бы она не пришла сюда. Подумайте объ этомъ, Лиза...

— О, я думала! вскричала Лиза съ совершенно не дѣтской энергіей:—я долго думала; когда мама въ первый разъ легла въ постель, я уже видѣла, что намъ нужно вонъ. Вы говорите: мама пришла для меня; но это, это самое было всегда... une grande désolation pour moi! Въ одинъ годъ она потеряла все здоровье. У насъ былъ другъ и онъ тоже умеръ... d'une autre façon. Я каждый день глядѣла на маму и думала: если быть *prolétaire* и работать, чтобы не быть голодной, такъ лучше тамъ, гдѣ есть солнце, гдѣ дешевле жить, гдѣ народъ смѣется, не такъ, какъ у васъ здѣсь, гдѣ всѣ... *gobent comme des ânes en reine!*.. Еслибъ мама хотѣла послушаться меня! Я могла работать, *gagner sa vie*, я не хотѣла сдѣлаться барышней. Мама такъ меня любила, она не стала бы держать меня здѣсь, еслибъ можно было уѣхать...

Лиза выговорила послѣднія слова слегка дрожащимъ голосомъ и двѣ слезинки показались на ея рѣсницахъ. Отъ волненія она встала.

— Все это прекрасно, возразилъ Борщовъ, совершенно серьезнымъ тономъ:—здѣсь вамъ, разумѣется, живется хуже, чѣмъ за границей. Вы потеряли вашу мать и чувствуете себя одинокой; но зачѣмъ же думать, что все у насъ такъ дурно? Ваша мать не напрасно стремилась сюда. Она хотѣла обезпечить вашу будущность и вы теперь съ очень хорошими средствами; а на эти средства вы можете получить прекрасное образованіе...

— Мнѣ не нужно много денегъ! вскричала Лиза.—Я никогда не думала о нашемъ наслѣдствѣ. Мнѣ и теперь его не нужно!

— Ну, а на что бы вы уѣхали отсюда? спросила Катерина Николаевна.

— Вы, мои друзья, вы-бы мнѣ дали, отвѣтила Лиза.—А еслибъ

не дали, а бы напечатала въ газетахъ, что желадъ ѣхать *avec* чие *famille* и говорить съ дѣтьми по французски и по англійски. Меня бы даромъ довели. А тамъ, я знаю, что дѣлать.

— Прекрасно, возразилъ ей еще разъ Борщовъ: — но вы уже настолько развиты, что понимаете, какъ важно имѣть средства для того, чтобы сдѣлаться передовой дѣвушкой и тогда употребить ваше состояніе въ вашемъ же кровномъ, родномъ обществѣ. За границей и безъ васъ найдутся хорошія дѣвушки, а у насъ мало ихъ, а нуждающихся всякаго рода — цѣлая масса. Зачѣмъ же уходить отсюда? Вамъ теперь скучно, будетъ веселѣе, когда вы станете постарше и узнаете, что вы живете не для себя одной, а для тѣхъ, кто въ этомъ Петербургѣ крикнуть, да поеть.

Лиза выслушала всю эту тираду, съ глазами, устремленными на скатерть, потомъ быстро подняла ихъ и остановила на Борщовѣ.

— Я понимаю, что вы говорите, отвѣтила она, не такъ звучно, но не съ меньшемъ убѣжденіемъ: — я не хочу жить для того... *enfin pour des chiffons!* Мое наслѣдство я не стану беречь для себя, а все-таки здѣсь я не буду умѣть помогать, да и кто умѣть, скажите вы мнѣ, пожалуйста?

— Какъ, кто умѣть? спросила Катерина Николаевна, уже взволнованная разговоромъ съ Лизой.

— Да, кто умѣть, я не знаю. Вотъ я вижу, какъ вы дѣйствуете...

Катерина Николаевна взглянула на Борщова и выпрямилась.

— Вы умные и добрые. Вы хотите, чтобы всѣмъ было хорошо, такъ хлопочете, а ничего не можете сдѣлать. Я объ этомъ давно думала, а послѣ вашей „*conférence*“ мнѣ все сдѣлалось понятно. Это такой городъ. Это такая земля. Никто не живетъ. *Tout le monde végète.* Развѣ всѣмъ не скучно? Если вы друзья мои, вы не будете отъ меня скрывать, вы мнѣ скажете: да, Лиза, намъ очень трудно со всѣми этими господами. *Nous nous éreintons et nous n'arrivons à rien!* Вы мнѣ это скажете, я знаю...

— Почему-жъ вы такъ думаете? спросилъ ее Борщовъ съ нѣкоторымъ уже задоромъ: — это борется, тотъ и достигаетъ, Лиза. И за границей ничто даромъ не дается!

— Ah, mon Dieu! je sais ça! тамъ очень трудно. Тамъ всѣ отбиваютъ работу одинъ у другого. *J'ai vu ça.* А здѣсь вы хотите сами помогать; но кругомъ всѣ спятъ, *ou bien on ratauge, comme la petite dame de l'autre soir.*

Чуть замѣтная усмѣшка проскользнула по губамъ Катерины Николаевны.

— Позвольте, однакожъ, вскричалъ Борщовъ, уже не на шутку начинавшій горячиться.

— Поль, остановила его Катерина Николаевна: — зачѣмъ же тутъ спорить? Лиза высказала намъ свое впечатлѣніе. За этимъ чайнымъ столомъ мы его не измѣнимъ. Дитя мое, обратилась она къ Лизѣ: — ни Павелъ Михайлычъ, ни я не станемъ, конечно, стѣснять васъ, заставлять васъ жить тамъ, гдѣ вамъ противно. Вы хотите ѣхать за границу, конечно, за тѣмъ, чтобъ учиться?

— Да, рѣшительно отвѣтила Лиза.

— Вы обдумали, куда вы хотите ѣхать?

— Я думала и скажу вамъ...

— Хорошо, перебила ее Катерина Николаевна: — и когда же вы хотѣли бы ѣхать?

— Хоть завтра, еслибъ было можно!

Катерина Николаевна поглядѣла на Борщова. Онъ тербилъ свою бороду.

— Не слишкомъ ли ужъ быстро? проговорилъ онъ и заходилъ по комнатѣ.

— Я больше не буду объ этомъ просить, промолвила Лиза собираясь уходить: — я не хочу, чтобъ вы беспокоились. Я не маленькая, доѣду и одна.

— Мы объ этомъ подумаемъ, отозвалась Катерина Николаевна, слегка нахмуривъ брови.

— Да завтра-то хоть подождите, сказалъ, улыбаясь, Борщовъ.

Лиза сохранила сосредоточенный видъ и, поблагодаривъ поклономъ за чай, удалилась замедленными шагами.

— Нѣтъ болѣе дѣтей! вырвалось у Борщова.

— Чтожь тутъ разсуждать, сказала Катерина Николаевна, и глаза ея, обращенные къ нему, имѣли какъ будто вызывающее выраженіе.

— Какой дикій ребенокъ!

— Почему же дикій? нѣсколько задорно спросила Катерина Николаевна: — ты точно на нее сердиться за то, что она такъ наивно и искренно пожалѣла объ насъ и объ нашихъ жалкихъ усліяхъ...

— Это — неестественное резонерство въ ребенкѣ!

— Она не виновата, что умѣе своихъ лѣтъ, да и никакого тутъ нѣтъ резонерства, она просто задыхается въ нашемъ Петербургѣ. То, что мы съ тобой маскируемъ, замазываемъ, то прямо реагируетъ на нее. Она такъ и говорить.

— Нельзя же ей завтра ѣхать! Вѣдь она ребенокъ; правда очень самонадѣянный, но все таки ребенокъ; надо-же поручить ее кому нибудь...

Катерина Николаевна встала и въ глазахъ ея промелькнула какая-то затасанная мысль.

— Мы это устроимъ, законически выговорила она: — волноваться тутъ не изъ чего, а грустно... Енче бы немножко, еслибы ты не стала съ ней спорить, она бы сказала и намъ: чего вы тутъ сидите, изъ за чего бьетесь, пойдѣте со мною!

— А тебѣ хочется туда? спросилъ вдругъ Борщовъ, быстро обернувшись.

— Куда? откликнулась Катерина Николаевна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Я не знаю, въ Швейцарію, что ли или дальше...

Она, вмѣсто отвѣта, покачала плечами и оставила его одного въ столовой.

Всѣ трое разбрелись по своимъ комнатамъ и думали каждый по своему. Лиза видѣла, что желаніе ея, такъ или иначе, будетъ исполнено. Она начала тутъ-же мечтать о своемъ отъѣздѣ. Ей вспомнилось озеро, гдѣ она, бывало, катается съ пріятельницами своими, маленькими американочками, сама гребетъ и поетъ съ ними пѣсенки... Поднялась погода, лодку ихъ сильно закачало; но имъ весело, всѣ хохочутъ, подпрыгиваютъ на мѣстахъ, когда волна поднимаетъ корму или носъ лодки... Вдругъ Лиза вспомнила про маму и ей стало такъ страшно, такъ страшно; но она не хочетъ показать американочкамъ, что боятся. Она сжимаетъ губы и старается не смотрѣть на зеленны волны... Она чувствуетъ, какъ ее бросило въ краску и петь выступилъ у ней подъ круглешкой клеенчатой шляпкой...

— Домой, домой! кричитъ она имъ, а онѣ продолжаютъ хотать...

Потомъ ей представляется садъ съ гимнастикой... своелько смѣху и дурачеству. Всѣмъ такъ хочется лаять, кувыряться, прыгать, кричать!

„А теперь я какая“, думаетъ Лиза и чувствуетъ, что она ужасно *постарѣла*. „Ничего мнѣ не хочется и не будетъ хотѣться до тѣхъ поръ, пока я не уѣду изъ этой страны... Мнѣ и ученые стало противно.“ Madame Борщова говоритъ, что здѣсь я могу сдѣлаться *très instruite*... Но здѣсь и въ классѣ такъ все *potpe et espnuшек*... Какія мнѣ давали милыя *exercices*, тамъ... за границей! И какъ я любила заниматься *histoire naturelle*!..“

И опять она видитъ себя въ горахъ съ большой палкой и въ желтыхъ ботинкахъ на толстыхъ подошвахъ. Черезъ плечо у ней веленая жестянка, и за спиной же держится сѣтка для ловли бабочекъ. Въ другой сумѣ — съѣстное. Она карабкается съ своими подругами по узкимъ тропинкамъ, оступается, падаетъ, хватается за мшистые камни и опять падаетъ... Хохотъ и визгъ!

Съверху, держась за тонкую ель, она, съ біеніемъ сердца, смотритъ въ темную расщелину, гдѣ камни точно шеколадные и полоски желтоватаго мха кажутся камнями-то чудными эмѣйками... Въ полдень прпвадь; подъ тѣнью навѣса, у „танты Густэ“, старой швейцарки съ серебрянными волосами, круто зачесанными назадъ. „Тантѣ Густэ“ — семдесятъ лѣтъ; но она еще можетъ гать шелковыя матеріи... Какъ она рада дѣвочкамъ, сей часть запиваетъ и засуетится, пойдеть принесть молока и сыру, темнаго меду и вина, похожаго на розовый сокъ... Все это ужасно вкусно.. Ёдятъ и расцѣвуютъ... „Танта Густэ“ дастъ по капелькѣ „кирш-вассеру“, и эта капелька такъ и обожжетъ тебѣ нѣбо и разольется внутри согрѣвающей струей. И опять на верхъ, за добычей козявокъ и гравокъ, туда, откуда можно видѣть три кантона: и Цугъ, и Цюрихъ, и Люцернъ. Вдали, Риги манитъ къ себѣ, внизу блестятъ озеро и пароходъ съ красной трубой быстро скользнуть по водѣ, оставляя двѣ полосы пѣны...

А потомъ, море на сѣверѣ Франціи, съ шумомъ, который она точно сейчасъ слышала, этимъ постояннымъ наплывомъ сѣроватыхъ волнъ, хватающимъ за сердце подъ вечеръ, въ свѣжую погоду. Въ четыре часа, всѣ дѣвочки сбѣгутъ въ фланелевыхъ костюмчикахъ... Сколько ихъ!.. Онѣ схватятся за руки, и огромною „gonde“, прыгая и голоса, входятъ въ море, кружатся и привскакиваютъ, хохочутъ и визжатъ. Вотъ идетъ волна, ближе, ближе, у-уфъ! — и обдастъ всѣхъ и захватитъ дыханіе, и потомъ такъ весело! визгъ, хохотъ, болтовня еще сильнѣе!.. Все прилипнетъ, фланель шерстять на тѣлѣ, хочется плавать... Вонъ стоитъ „maitre-baigneur“ и поглядываетъ на нихъ искоса, улыбаясь и сложивъ загорѣлыя руки на широкой груди... Лизу проглашаютъ „faire la planche“ и она тихо покачивается на поверхности воды, а солнце грѣетъ такъ сладко... Забыли всѣ и выдаютъ на берегъ, гдѣ у каждой подъ голышомъ положенъ пенъюрчикъ... Вечеромъ въ девятомъ часу бѣгутъ на „plage“ собратъ „le vague“, ищутъ морскихъ звѣздъ и всякихъ раковинъ, выковыриваютъ ихъ изъ скважпы каменстаго дна, и ёдятъ выдавленное нутро, рвутъ травы, съ успіемъ тянутъ стебли морского тростника и обрываютъ его длинныя и узкія темнозеленыя, точно атласныя, листья. Работа такъ и кипитъ, всѣ возятся съ азартомъ и вдругъ у-у-изъ! запоздалая волна подкатывается незамѣтно и обдастъ дождемъ бризговъ... И какъ Лиза завидовала мальчикамъ... Они держались отдѣльно отъ дѣвочекъ, цѣлою бандой, уходили далеко отъ берега, катались на ослахъ и подп; а почью, въ впадинахъ прибрежья, зажигали бенгальскіе огни, зеленые, красные,

снiе, и тѣни ихъ на окрестныхъ скалахъ принимали великанскiе размѣры...

Длинный, длинный рядъ такихъ картинъ проносится передъ Лизой, и послѣдняя изъ нихъ совсѣмъ не веселая; но и она полна жизни. Ея учительница-англичанка идетъ съ ней пѣшкомъ въ „City“, тамъ онѣ входятъ въ узкiй, короткiй переулокъ, точно дворъ. Онъ называется „Golden Lane“; но въ этомъ *золотомъ* переулкѣ Лиза увидѣла, въ первый разъ, какiе на свѣтѣ бываютъ „misérables“. Изъ темныхъ, и узкихъ дверей, точно изъ какихъ пещеръ, выползали на мостовую посинѣлыя, покрытыя язвами, кривоногия полунаги дѣти... Ихъ матери смотрѣли еще ужаснѣе... Учительница Лизы подходила къ нимъ, раздавала какiе-то билетки, качала головой, глядя на дѣтей, иныхъ ласкала... Лизѣ стало и страшно, и жалко... Она глотала слезы, и уходила изъ „Golden Lane“, начала просить миссъ Гэдденъ рассказать ей побольше объ этихъ бѣдныхъ, и дома сказала мамѣ, что она каждую недѣлю хочетъ откладывать два шиллинга изъ своихъ „карманныхъ денегъ“. Миссъ Гэдденъ рассказала ей, что такихъ „Golden Lane“овъ безъ счету въ Лондонѣ, и какъ имъ помогаютъ общества... Она была членомъ одного изъ нихъ.

— Мы имъ не даемъ умирать съ голоду, говорила она Лизѣ: — *и то хорошо.*

Съ тѣхъ-то поръ, Лиза научилась употреблять слово „prolétaire“. Она узнала, сколько людей мретъ съ голоду и гниетъ въ сирадѣ и грязи въ городахъ, гдѣ она прежде видѣла одно заманчивое, веселое зрѣлище. Но и лондонскiе „ужасы“ были ей памятни, какъ что-то живое, захватывающее духъ, трогющее до слезъ. Ей хотѣлось тогда работать для посинѣлыхъ дѣтей, она мечтала уже о томъ времени, когда ея усилiями такой „Golden Lane“ превратится въ земной рай... Ей хотѣлось подольше жить, чтобы спасти по крайней мѣрѣ тысячу „prolétaires“ и сдѣлать для нихъ больше, чѣмъ то, что дѣлали общества, гдѣ миссъ Гэдденъ была членомъ...

„А теперь мнѣ ничего не хочется“, проговорила, про себя, Лиза и у ней нестерпимо засосало на сердцѣ.

Замѣчанiе Борщова повело мысли Катерины Николаевны въ ту сторону, куда бы она сама не обратила ихъ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день...

„Неужели онъ боится, думала она, что я отъ него уѣду?“

И вмѣсто отвѣта, Катерина Николаевна спросила себя:

„Съ кѣмъ-же поѣдетъ Лиза? Вѣдь надо же ее пристроить. Кому-же, какъ не мнѣ, слѣдуетъ заняться этимъ?“ И чѣмъ боль-

не она думала на эту тему, тѣмъ сильнѣе убѣждалась въ томъ, что ей *можно* поручить „богъ знаетъ кому“ дѣвочку, которую умирающая мать оставила ей, именно ей, а не какой-либо другой женщиной. Но какъ заговорить объ этомъ съ Павломъ Михайловичемъ? Не увидитъ-ли онъ въ желаніи ея везти самой Лизу—другого желанія... Лизѣ хочется на вѣрно въ Швейцарію. Оттуда рукой подать до Южной Франціи... На возвратномъ пути, удержится-ли она отъ поѣздки въ Ниццу, гдѣ умираетъ чело-вѣкъ, котораго ей должно удержать отъ поѣздки въ Россію, и она еще ничего для этого не сдѣлала... Удержится-ли? Къ чему? Такое воздержаніе было бы трусливо и пошло, оно оскорбило бы и ее, и Борщова, въ немъ сказалась бы буржуазная щепетильность и бессердечность; а Катерина Николаевна не считала себя способною на нихъ. Случай представляется слишкомъ удобный... За одво можно исполнить свою обязанность передъ питомицей и умирающимъ мужемъ.

„Обязанность!“ повторила Катерина Николаевна... Слово дохнуло на нее холодомъ и Петербургской скукой... И ее потянуло туда, гдѣ она провела свое отрочество и первую юность, и передъ ней заиграло озеро съ зелеными волнами, и ее начали манить снѣговья вершины горъ, и въ ея ухахъ загудѣло море... Все приглашало жить, бороться, наслаждаться...

Передъ обѣдомъ, Борщовъ вошелъ къ Катеринѣ Николаевнѣ. Она лежала на кушеткѣ, съ книгой на колѣнахъ.

— Можно сказать тебѣ два слова? спросилъ онъ ласковымъ тономъ, подъ которымъ слышалось что-то сосредоточенное.

Она вскинула на него глаза и съ отѣнкомъ недоумѣнья проговорила:

— Я ничѣмъ не занята, говори.

Борщовъ прошелъ въ уголъ комнаты, вернулся и сталъ у ногъ кушетки, глядя въ лицо Катеринѣ Николаевнѣ.

— Я думаю, началъ онъ:—что самое лучшее было-бы отпра-виться съ Лизой тебѣ.

— Мнѣ? вырвалось у Катерины Николаевны, послѣ чего щеки ея замѣтно покраснѣли.

— Разсуди сама: кому же ближе это сдѣлать?

Слова эти были сказаны такъ убѣжденно, что Катерина Николаевна не нашлась, что возразить на нихъ.

— А ты? вымолвила она, поколчавъ.

— Я не поѣду, у меня дѣла...

Катерина Николаевна сѣла и выпрямилась.

— Ты не поѣдешь, Поль, не потому только, что у тебя дѣла...

Она не договорила и посмотрѣла на него искоса.

— Я не хочу, продолжалъ онъ, все тѣмъ же убѣжденнымъ тономъ: — чтобы между нами тянулась недомолвка. Дѣлай такъ, какъ говорить тебѣ сердце: сходи Лизу и повѣдайся съ Пова-лишнимъ... я при этомъ совершенно лишній.

Она встала, подошла къ нему и пожала ему руку.

— Хорошо, тихо проговорила она: — но какъ же ты останешься одинъ?

Волненіе начало овладѣвать ею и сообщилось Борщову.

— Пожалуста, забудь меня на это время! откланялся онъ: — вѣдь ты наконецъ изъ твоей двойственности, погляди въ глаза настоящей жизни и не бойся ничего. Одно изъ двухъ: или ты останешься съ нимъ и будешь вѣрна его памяти, или ты, закрывъ ему глаза, вернешься ко мнѣ. Я ко всему приготовленъ.

— Поль!..

— Да, Катя, безъ тонкостей, пожалуста, довольно ихъ. Намъ стыдно представлять изъ себя нервныхъ баричей и играть въ прятки... я сказалъ тебѣ то, о чемъ ты, не знаю зачѣмъ, молчала.

Она опустила глаза и не вымолвила ни слова.

— Дѣвочка сильно тоскуетъ, сказалъ Борщовъ: — тянуть съ отъѣздомъ не къ чему. У тебя, вѣдь, сборы короткіе?

— Короткіе, повторила Катерина Николаевна, все еще не пришедшая въ себя.

— Ну, такъ я васъ снаряжу въ путь на этой-же недѣлѣ.

И, какъ-бы избѣгая всякихъ объясненій, Борщовъ вышелъ изъ комнаты.

XV.

По вокзалу Варшавской дороги сновали пассажиры и служители въ вуцыхъ сипихъ пальто, пробѣгая къ крыльцу, или таща къ багажному прилавку чемоданы, ящики и сакн.

— Еще одинъ мѣшокъ! крикнулъ женскій звонкій голосокъ служителю.

Это былъ голосъ Лизы. Она опять получила англійскій видъ въ дорожномъ туалетѣ. Плоская шляпка съ газовымъ вуалетъ, сѣрый ватеръ-пруфъ, сумка чрезъ плечо, здоровые кожаные башмаки—все это говорило о путешествіи на иностраннѣй манеръ. Лицо точно разцвѣло: щеки ея покрыты были ровнымъ румянцемъ, глаза блестяли, во всѣхъ движеніяхъ замѣчалась особенная бойкость.

Въ одной рукѣ она держала пледъ, стянутый ремешкомъ, а другой указывала служителю куда нести чемоданъ. Сразу можно было замѣтить, что дорога — си элсметъ.

— Пора купить билеты! крикнула она Борщову, отошедшему нѣсколько въ сторону.

Катерина Николаевна съ нервнымъ, невеселымъ лицомъ стояла въ перѣшпительности: отправиться-ли ей въ пассажирскую залу, или подождать, пока все будетъ уложено. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и, обратившись къ Лизѣ, сказала:

— Не волнуйтесь такъ, дружокъ...

— Ахъ нѣтъ, позвольте мнѣ! вскричала Лиза, и даже слегка нахмурилась: — Павелъ Милайлычъ возьметъ билеты, а потомъ я ужъ съ Семеномъ останусь тамъ... *n'avez pas peur, je sais faire enregistrer les bagages, идите пожалуйста и сидите dans la salle d'attente, а я здѣсь.*

Катерина Николаевна улыбнулась и медленно пошла по направлению къ пассажирской залѣ.

Борщовъ двинулся къ кассѣ, а за нимъ, забѣгая съ боку, и Лиза. Пока онъ подходилъ вслѣдъ за другими пассажирами къ окошечку кассира, Лиза, взявшись за желѣзные перила, покачивалась съ ноги на ногу и нетерпѣливо поглядывала: скоро-ли дойдетъ очередь до Борщова.

— Oh! que ça traîne, oh! que ça traîne! шептала она, поправляя сумку и ощупывая, лежатъ ли въ ней книги.

Вотъ наконецъ взявъ Борщовъ билеты и Лиза устремилась къ нему чуть не бѣгомъ.

— Дайте мнѣ, дайте мнѣ билеты, выпрашивала она: — какой классъ?

— Первый, отвѣтилъ Борщовъ.

— Ахъ, зачѣмъ... и для меня?

— И для васъ.

— Я бы во второмъ!.. Тамъ очень хорошо, это не во Франціи...

— Ничего, ничего, говорилъ улыбаясь Борщовъ.

— А за чѣмъ не міхте?

— Какой мѣстъ? спросилъ Борщовъ.

— Какъ какой? Un billet міхте. Въ Россіи — первый, а въ Германіи второй. Ахъ, и вы не знали!

Борщовъ разсмѣялся.

— Пора, пора, заторопила Лиза, почти вырывая билеты изъ рукъ Борщова. — Я все сдѣлаю, все, пожалуйста, идите туда, показала она рукой на пассажирскую залу.

Борщовъ сдѣлалъ движеніе, говорившее: „надо покориться“, и повернулъ въ сторону, указанную Лизой. Оставшись одна распорядительницей, Лиза подбѣжала къ багажному прилавку и начала суетиться около сундуковъ. Она то и дѣло просила служи-

телей, чтобы они их подталкивали къ кассѣ и даже сама усердствовала...

— Не опоздаете, барышня, говорилъ ей лакей Борщова Семень: — еще безъ малаго полъ-часа.

— А деньги за багажъ, вдругъ вспомнила Лиза и пришла въ великое недоумѣніе: — у васъ есть заплатить? спросила она Семена.

— Дадено мнѣ, барышня, дадено.

Пять минутъ, протекшія до взвѣшиванія багажа, наполнили Лизу настоящей дорожной тревогой. Она все больше и больше краснѣла, даже шляпка очутилась у ней почти на затылкѣ.

— Пожалуйста билеты, сказалъ ей служитель, указывая на кассирское окно.

— Ахъ, ахъ, заахала Лиза, точно она пропустила свою очередь, и устремила къ кассѣ, крича Семену: — за мной, за мной!

Пока взвѣсили и выдавали квитанцію, Лиза, схватившись руками за подоконникъ кассы, жадно глядѣла внутрь, оборачиваясь къ Семену и повторяя ему шопотомъ: — деньги, деньги скорѣй! Семень очень долго копался, доставая деньги. Лиза готова была вырвать ихъ у него и поскорѣе сунуть кассиру!

Наконецъ-то заплачены были деньги, получена сдача и рука кассира протянулась къ Лизѣ съ двумя билетами и багажной квитанціей.

Не успѣла она ухватить ихъ, какъ до слуха ея долетѣлъ мужской глуховатый голосъ, говорившій:

— Три мѣста всего будетъ; а это ручно!

Лиза быстро обернулась и вскрикнула: у багажнаго прилавка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стоялъ Бенескриптовъ, красный, запыхавшійся и навьюченный разными мѣшками и картонками.

Запихивая билеты въ сумку, Лиза кинулась къ нему.

— Федоръ Дмитричъ, Федоръ Дмитричъ, вы?

Бенескриптовъ выронилъ одну картонку и затормошился, не зная куда дѣваться съ остальными.

— Голубушка моя! откликнулся онъ тронутымъ голосомъ: — вотъ судьба-то!

— Вы за границу? спросила Лиза.

— Куда мнѣ за границу, я тутъ неподалечку...

— А я за границу, поѣдемте со мною. Это сейчасъ можно сдѣлать.

— Полноте, Лизокъ, усмѣхнулся Бенескриптовъ. — Вы откуда ѣдете-то? изъ Россіи, чай? какъ-же вы меня за границу-то безъ паспорта перетащите, милая?

— Бенескриптовъ! окликнули его.

Подошелъ Карповъ подъ-руку съ Зинаидой Алексѣвной.

— Ась? отозвался Бенескриптовъ.

— Три билета во второмъ классѣ берите, батюшка.

— И для меня-то во второмъ?

— Ну да, ну да, подтвердила Зинаида Алексѣвна, съ любопытствомъ оглядывая Лизу, которую ей не случалось видѣть у Борщовыхъ.

— Да мнѣ-бы и въ третьемъ...

— Ну ужь полноте интересничать-то, перебилъ Карповъ Бенескриптова.

— Вы съ ними? шопотомъ спросила Лиза.

— Съ ними, громко отвѣтилъ Бенескриптовъ и, обращаясь къ новобрачной четѣ, широко улыбнулся и сказалъ:

— Вотъ ученичка моя милая, случилось столкнуться еще разъ... рекомендую...

Лиза протянула руку обонять, крѣпко пожала и спросила:

— Вы друзья его? и она указала рукой на Бенескриптова.

— Большіе, отвѣчала добродушно Зинаида Алексѣвна, держа за руку Лизу.

— Пустите его за границу съ нами.

Эта фраза Лизы заставила обоихъ разсмѣяться.

— А вы съ кѣмъ-же ѣдете? спросила Зинаида Алексѣвна.

— Я съ ш-ше Борщовъ.

— А! откликнулась Зинаида Алексѣвна, понявъ о комъ она говоритъ:— Катерина Николаевна ѣдетъ за границу одна?

— Одна, со мной, она тамъ, dans la salle d'attente, вы съ ней знакомы?

— Немножко, проговорила, все еще улыбаясь Зинаида Алексѣвна, и отвела Карпова въ сторону.

— Вѣдь эта та барыня, знаешь... шепнула она ему.

— Тебѣ не хочется съ ней встрѣчаться, что-ли? спросилъ Карповъ.

— Бѣгать мнѣ отъ нея нечего, особливо теперь. Она увидитъ, что я взяла въ законные супруги беспорядочнаго смертнаго и пускай сравниваетъ его съ милѣйшимъ Степаномъ Ивановичемъ...

Зинаида Алексѣвна остановилась и лицо ея стало серьезнѣе.

— Вотъ поди-же ты, продолжала она, удаляясь съ Карповымъ:— какія все бываютъ встрѣчи. Не удержи насъ твои бумаги на нѣсколько дней, я бы не столкнулась съ этой барыней сегодня. Помнишь, я тебѣ рассказывала про мою поѣздку съ ними въ Гатчино и встрѣчу съ супругомъ?

— Помню, отозвался Карповъ.

— Ты слышалъ, она ѣдетъ одна за границу. Навѣрно къ мужу.

- Головастикъ-Борщовъ прѣлся видно, замѣтилъ Карповъ.
- Не знаю, можетъ и съ его согласія отправляется.
- Я-бы, грѣшный человѣкъ, не отпустилъ!
- Ты? протянула Зинаида Алексѣевна, пристально взглянувъ на него: — полно ты напускать на себя строгость; первый-бы сталъ великодушничать!

Они вошли въ пассажирскую залу.

— А вонъ и Борщовъ, шепнулъ Карповъ, завидѣвъ русую бороду Павла Михайловича.

— Ты вѣдь съ нимъ хорошо знакомъ? спросила Зинаида Алексѣевна.

— Съ годъ тому назадъ якался съ ними, а теперь, поди, не узнаеть.

— Нѣтъ, онъ не таковъ, можешь смѣло къ нему подходить.

— А ты развѣ подойдешь къ той барынѣ?

— Двинемся разомъ.

И они дѣйствительно двинулись разомъ. Она, отдѣлвшись отъ Карпова, обогнула большой столъ, за которымъ сидѣла Катерина Николаевна. Борщовъ-же шелъ въ эту минуту на встрѣчу Карпову.

— Не узнаете? вскричалъ Карповъ, останавливая Борщова рукой.

— Ба, ба, Карповъ!

— Ѣдете за границу?

— Нѣтъ, провожаю... отвѣтилъ Борщовъ и не досказалъ кого.

— Я думалъ, мы совсѣмъ пропали другъ для друга. Помните, какъ мы съ вами въ послѣдній разъ у Старо-Палкина на балконѣ итоги подводили, ровно годъ тому назадъ?

— Кой-что помню, вяло отвѣтилъ Борщовъ.

— А я такъ все помню, представьте себѣ. Да не хотите-ли въ буфетъ? Ваша дама говорить съ моею женой.

— Это ваша жена, удивленно выговорилъ Борщовъ: — госпожа Тимофѣева?

— Да, госпожа Тимофѣева, ваша знакомая и даже, кажется, бывшая сотрудница?

— Вы женаты! повторялъ Борщовъ.

— А что-жъ тутъ удивительнаго? Развѣ я разрушалъ какія-нибудь основы?

— Не знаю, разсмѣялся Борщовъ: — вамъ лучше помнить...

— Барахтался въ адюльтерѣ, это точно; но ужъ супружескихъ никогда не отвергалъ! Наши барыни все минутъ десять пробоятъ, такъ, право, зайдемте на минутку въ буфетъ.

Борщовъ согласился.

Катерина Николаевна не сразу узнала жену Карпова под вуалеткой. Та подошла къ ней очень смѣло и проговорила:

— Добраго пути, Катерина Николаевна.

— Ахъ, это вы! Благодарю васъ, вы тоже ѣдете?

— Только не за-границу. Я ѣду съ мужемъ играть въ про-
винцію.

— Вы замужемъ?

— Да, и поторопилась доложить вамъ это, чтобы успокоить васъ.

Она тихо разсмѣялась.

— Какая вы злопамятная, кротко замѣтила Катерина Нико-
лаевна: — вы все не хотите мнѣ простить сватовства за Кучина.

— Ахъ, что вы! Право я не злючка. Я вамъ по просту ска-
жу: мужъ мой молодой, красивый, добрый и талантливый. Съ
нимъ я ужъ больше не вижу необыкновенныхъ людей. А что-бы
не было скучно жить, мы пошли на сцену, на это насъ хватить,
и то хорошо.

— Чего-же больше! со вздохомъ и съ тихой улыбкой произ-
несла Катерина Николаевна.

— А вы на долго за границу?

Вопросъ этотъ заставлялъ Катерину Николаевну слегка вздро-
гнуть.

— Какъ поживется, вымолвила она: — къ осени надѣюсь быть
назадъ.

И она слегка отвернулась въ сторону.

Въ буфетѣ, у стола, за бутылкой пива, присѣли Борщовъ съ
Карповымъ.

— Да, милордъ, говорилъ Карповъ, оправляя свою бороду: —
бѣгу изъ Петербурга, и чувствую всю сладость этой эмиграціи.
Безъ всякаго смущенія говорю вамъ, что мнѣ своего диллетант-
ства нисколько не стыдно, глядя на вашу кипучую дѣятельность
и цвическія стремленія!

— И вы, по своему, правы, отвѣтилъ Борщовъ: — но только по
своему.

— Полноте! возразилъ Карповъ, дотронувшись до плеча своего
собесѣдника: — вы упрямецъ и систематикъ; поэтому и не же-
лаете показать, что толчете воду въ ступѣ. Вы подойдите-ка
къ зеркалу; вы вѣдь, милордъ, на десять лѣтъ постарѣли! От-
чего, смѣю спросить? Сердечныя невзгоды? Если и были онѣ, то
не могли поглотить васъ, вы не такой индивидъ... Значить по
части цвизма-то плохо идетъ. Я вотъ — безпутный вагабондъ, и
мередъ зналъ это; вы-же мудрецъ и гражданинъ, а питали наив-
ную вѣру въ успѣшность американскихъ усилій на російскомъ
грунтѣ...

— Такъ что-жь по вашему дѣлать? съ горечью выговорилъ Борщовъ:—хапать на право и на лѣво и, вромѣ хищничества не знать другого идеала?

— Слѣдуйте, благородный рыцарь, обычаемъ страны вашей какъ говорится въ одной шутовской фантазмагоріи Кузьмы Пруткова.

— Эхъ, полноте все поясничать, Карповъ! вырвалось у Борщова, и онъ замѣтно нахмурился.

— Не сердчайте, добрѣйшій! Я отъ полноты души выражаюсь. Дѣйствуйте, насаждайте вертограды цивилизма, полагайте животы ваши и капиталы—желаю вамъ всякихъ успѣховъ и при томъ чистосердечно; но, право, лучше-бы было снаряжить экспедицію для отысканія доктора Ливингстона. Дѣло будетъ статочнѣе!.. Пью за несокрушимость вашей славянской энергіи!..

Онъ опорожнилъ стаканъ пива.

— Вы лѣто въ Питерѣ? спросилъ онъ вставая.

— Да, удалиться не позволяють дѣла.

— Какія? Дѣловыя дѣла, или цивическія?

— Дѣловыя!

— Два хомута, стало, несете!.. Поздравляю! Ну, пора намъ и къ дамамъ.

Борщовъ промолчалъ, но видимо радъ былъ концу этого разговора.

А у багажа Лиза все еще стояла съ Бенескриптовымъ. Онъ глядѣлъ на нее съ тихой, простоватой улыбкой и говорилъ:

— Ужь коли очень меня засосеть, Лизанька, опять попрошусь въ псаломщики за границу, чтобы васъ провѣдать.

— Зачѣмъ вы будете дьячекъ! возразила съ гримаской Лиза:— я этого не хочу... Вы ужасно горды! Ужасно!.. Отчего я не могу помочь своему другу? Я говорю серьезно: если вы не напишете мнѣ, когда вамъ въ Россіи сдѣлается противно—мы больше не друзья!..

Звонокъ задребезжалъ и заставилъ ихъ обонихъ вздрогнуть и тронуться съ мѣста.

— Мы вмѣстѣ сядемъ, да? спросила Лиза, торопясь въ залу, подъ руку съ Бенескриптовымъ.

— Да вы въ которомъ классѣ, поди чай въ первомъ?

— Это ничего, я съ вами сяду во второмъ; я такъ и скажу madame Борщовъ.

Выбѣжавъ на платформу, Лиза весело оглянулась во всѣ стороны и широко вздохнула. Она догнала Катерину Николаевну, стоящую съ Борщовымъ у подножьи одного изъ вагоновъ перваго класса. ♠

Карповы раскланялись съ ними, приче́мъ Борщовъ не представилъ Карпова Катери́нѣ Николаевнѣ, видимо избѣгая назвать ее женой своей или госпожей Повалишиной, что́ отъ Карпова не укрылось и онъ даже, незамѣтно, переглянулся съ женой.

Они поспѣшили въ свой вагонъ, чтобы не стѣснять Борщова при прощаньи съ его «дамой».

А Борщовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ былъ смущенъ. Онъ сдѣлалъ такое движеніе, точно хотѣлъ обнять Катерину Николаевну, но тотчасъ-же удержался. Рука его слегка дрожала, держа ее руку.

— Войди въ вагонъ, тихо сказала она: — тамъ никого, кажется, нѣтъ.

Они вошли. Служитель внесъ вещи и удалился. Борщовъ оглядѣлся и тотчасъ памяти его представилось такое точно отдѣленіе, гдѣ они нашли Повалишина. Да, вотъ онъ сидѣлъ тутъ, на поперечномъ диванѣ, прикрываясь газетой.

— До свиданья, Польша, прошептала Катерина Николаевна, и горячее лицо ея прильнуло къ его щекѣ...

— Прощай, глухо вымолвилъ онъ, не принуждай ты себя писать мнѣ непременно... будь только здорова... и коли можешь... возвращайся...

Она сдержала рыданіе, отняла руки отъ его шеи и, усѣвшись въ уголъ, сказала спокойно:

— Эхъ, Польша, если тебя бросать, то за кого-же схватиться?..

Въ дверку просунулась голова кондуктора.

— Пожалуйте-съ, окликнулъ онъ Борщова. Третій звонокъ-съ.

Въ эту минуту вбѣжала Лиза, запыхавшись, крѣпко поцѣловалась съ Борщовымъ, крикнула:— Мерси!.. зачѣмъ остались! и опять вылетѣла.

До отхода поѣзда, Катерина Николаевна, сидя у открытаго окна, говорила съ Борщовымъ «о дѣлѣ».

— Гдѣ-же Лиза? спросилъ вдругъ онъ.

— Она вѣрно съ своими друзьями во второмъ классѣ.

Томительно засвистѣла машина и дымъ съ запахомъ сѣры поплылъ внутри вокзала.

Борщовъ не махалъ платкомъ и не двигался вслѣдъ за поѣздомъ. Онъ смотрѣлъ, стоя неподвижно, какъ длинная черная масса, покачиваясь, шипя, и разсѣвая низко спускавшійся дымъ трубы, выползала изъ подъ стекляннаго навѣса на вольный воздухъ.

Совсѣмъ опустѣла платформа, когда Борщовъ очутился и побрѣлъ черезъ вокзалъ къ выходу.

На крыльцѣ онъ вынулъ часы и торопливо сѣлъ въ карету. Ему нужно было спѣшить на засѣданіе только что открытаго

общества «Самокатъ», куда онъ попалъ въ учредители, вовсе не желая того.

„Дѣлецъ!“ шепталъ онъ, глядя съ какимъ-то озлобленіемъ на пыльную дорогу вдоль канала, „дѣлецъ, и больше ничего!“

И въ ухахъ его звенѣлъ голосъ Карпова, съ его прибаутками безпардоннаго дилетантства. „Онъ живеть; онъ цѣльный чело-вѣкъ. И кто-же? Буммлеръ и пустельга! А я изниваю все отъ той-же двойственности, въ которой я столько разъ упрекалъ ея... И она теперь живеть больше меня... Ее встряхнула женская тревожность... И не лучше-ли ей остаться на всегда тамъ, куда Лпза такъ радостно стремится!.. Не то ли-же толченье въ ступѣ, какъ называетъ Карповъ, начнется и по возвращеніи?..“

Карета, звѣня и раскачиваясь, толкала его, но онъ сидѣлъ, не мѣняя позы и глядя все также упорно на пыльную дорогу.

„Куда везутъ меня? встрепенулъ онъ.. Да, бишь, въ общество «Самокатъ»!!“

И лицо его передернула кислая усмѣшка.

„А вѣдь такъ легко быть цѣльнымъ чело-вѣкомъ, продолжалъ онъ, сидѣть только отдаться теченію и плыть. Какія усилія дѣлалъ я, чтобы въ одинъ годъ превратиться въ особу промышленнаго міра? Никакихъ! Мнѣ противно все это хпщничество, и я хотѣлъ только обезпеченнаго куска хлѣба для „высшей дѣятельности“. Я его добился и кусокъ уже цѣлый коровай. И директорскіе оклады и учредительскіе пай будутъ расти въ моей шкатулкѣ. Куда ихъ дѣть? Подавать мпlostыню простую, купецкую, мужицкую, не затѣвая никакихъ затѣй!.. и мирясь съ тѣмъ, что я дѣловая особа?“

Онъ откинулся вглубь кареты. Мысль его понеслась за поѣздомъ желѣзной дороги, и тихая слеза скатилась по щекѣ.

„До свиданья! прошепталъ онъ:—ты это сказала точно для очистки совѣсти. Кончили мы нашу игру. Чтѣ ты мнѣ еще сказала? Если не за тебя, Поль, то за кого-же схватиться! ха, ха, ха!.. Умна! безъ ножа зарѣзала! И въ любви утилитаризмъ!.. Нѣтъ не надо, не надо!“

Онъ закрылъ руками лицо. Раздались глухія рыданія...

XVI.

Острова красиво зеленѣли. Мосты дребезжали подъ громомъ колясокъ, летѣвшихъ изъ города на „pointe“. Пыльные дорожки, уходя внутрь аллея, становились прохладнѣе. Жаръ значительно спалъ и съ взморья несся легкій вѣгерокъ.

Отъ дачи Саламатовыхъ, по берегу каменнаго острова, шелъ

пологий цѣвтникъ, съ длинной береговой террасой, замыкавшей-ся, по угламъ, прозрачными бесѣдками изъ вьющейся зелени. Цѣвтникъ былъ разбитъ по законамъ петербургскаго садоваго изящества: по срединѣ большой клумбы алебастровый амуръ поддерживалъ сферическое зеркало, тамъ и сямъ бѣлѣлись трельяжи; въ аркахъ галерейки—châtimille, окаймлявшей справа и слева цѣвтникъ, висѣли глиняныя красноватыя вазы съ тродисканціей. Такія-же вазы, только съ разноцвѣтными металлическими шариками, видѣлись и вдоль домовою террасы. Выдающійся навѣсъ ея былъ обитъ бѣлой парусиною съ пунцовою каймой.

На этой террасѣ, въ правомъ углу, за соломеннымъ столикомъ, на которомъ сервированъ былъ кофе, сидѣли: хозяйка дома, Надежда Аполлоновна, въ тяжеломъ батистовомъ платьѣ—разводами, и дама старше ея, съ гладко причесанными сѣдоватыми волосами, въ синемъ шолововомъ платьѣ и кружевной косынкѣ. Воротничекъ былъ приколотъ большой брошкой съ бѣлесоватою камеей. Эта дама, поднося чашку ко рту, все поводила головой, опускала рѣсницы и перебирала слегка длинными пальцами. Вся ея особа говорила, что она „начальница“ какого-то заведенія.

— Ah! chère madame, со вздохомъ затанула она:—cette cérémonie traînait, elle traînait!. Преосвященный сказалъ слово... très à propos d'ailleurs; но молебень былъ слишкомъ... comment dirais je.. trop bien fourni. пѣнія столько.. à n'en plus finir!.. Но потомъ эта рѣчь и отчетъ... c'était quelque chose d'assomant!.. Цифры, цифры... имена, имена... à dormir debout... Vous qui êtes la bonté même, vous direz comme moi: il est beaucoup plus facile de faire le bien que d'assister à ces comptes rendus de bienfaisance!..

Надежда Аполлоновна разсмѣялась сквозь зубы.

„Начальница“ осталась видимо довольна своей „saillie“.

— Boris, заговорила Надежда Аполлоновна:—l'a échappé belle! Онъ скрылся, кажется, при самомъ началѣ... и я-бы не высидѣла: такъ я сегодня слаба..

— Мужчинамъ легко скрываться... mais nous autres!..

Она поставила чашку и выгнула свои пальцы, туманно оглядывая цѣвтникъ.

Изъ дверей гостиной показалась мужская фигура во фракѣ и свѣтлыхъ панталонахъ. Это былъ Степанъ Ивановичъ Кучинъ. Лицо его хранило свою обычную сладко-сдержанную усмѣшку.

Увидавъ его, дамы припожкли, и даже лица ихъ какъ-то пзмѣнились, стали гораздо кротче и слаще.

— Отдохнули отъ сегодняшняго торжества? спросилъ Кучинъ у спящихъ дамъ, потирая руки и поклонясь нѣсколько разъ столу.

— Теперь да, но не правда ли, ужасно долго тянулось?

— Долгонько.

Сейчас было замѣтно, что обѣ дамы чувствовали къ Кучину нѣчто, заставившее ихъ „подобраться“ въ его присутствіи.

— Monsieur Кучинъ, начала улыбно Надежда Аполлоновна: — теперь le génie tutélaire моего Bogis... Безъ него Bogis былъ-бы совершенно débrausé въ своей новой должности.

— Ah! подхватила синяя дама: — monsieur Кучинъ est l'homme unique!..

И точно спохватившись, она продолжала уже безъ вставокъ французскихъ фразъ:

— И какъ жаль, что въ молодыхъ людяхъ не видать такой любви къ ближнему.. Я право не знаю: на кого можно было-бы рассчитывать...

— Есть люди, есть-съ, перебилъ ее съ улыбкой Кучинъ: — зачѣмъ-же такъ отчаяваться въ молодомъ поколѣніи... да вотъ, чтобъ далеко не ходить, я надѣюсь, что въ Илларионѣ Семеновичѣ Малявскомъ...

Синяя дама взглянула вопросительно на Надежду Аполлоновну.

— C'est le jeune homme que je viens de vous présenter! какъ-бы въ сторону проговорила та.

— Да? радостно обратилась синяя дама къ Кучину.

— Въ Илларионѣ Семеновичѣ, говорилъ внушительно Кучинъ: — мы найдемъ дѣятельнаго и просвѣщеннаго друга страждущаго человѣчества. Это одинъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія... Въ такіе ранніе еще годы онъ уже занимаетъ блестящее положеніе въ дѣловой сферѣ...

— Il est très fort, чуть слышно сообщила хозяйка гостей.

— И достигъ онъ этого единственно знаніемъ, умомъ, честностью... Въ немъ я вижу истинное христіанское стремленіе: отдыхать душой отъ матерьяльной дѣятельности на чемъ-нибудь невещественномъ, на служенія христіанскому добру... Вы навѣрно — обратился онъ къ синей дамѣ — оцѣните его достоинства... Къ осени я думаю предложить его въ секретари нашего общества...

Синее платье одобрительно улыбнулось.

— Вы теперь, cher monsieur Кучинъ, заговорила хозяйка: — привели-бы monsieur Малявскаго сюда... Я и сама слышу объ немъ, въ первый разъ, такіе лестные отзывы...

— Да вотъ и онъ! указалъ Кучинъ, увидавъ фигуру Малявскаго, показавшуюся слѣва изъ-за куста сирени...

Степанъ Ивановичъ сбѣжалъ по ступенькамъ террасы, окликнулъ Малявскаго, подошелъ къ нему и обнялъ за плечо.

Внѣшность Иллариона Семеновича была кривлива, какъ всегда. Онъ и въ черномъ фракѣ умѣлъ выказывать особую, ему только свойственную, претензію. Только на этотъ разъ лицо было меньше заодно: онъ старался придать ему свѣтское спокойствіе.

— Да вы желаютъ бесѣдовать съ вами, сообщили ему Кучинъ: — неуждо-ли пожаловать на балконъ.

— Сейчасъ, почтеннѣйшій Степанъ Ивановичъ, только пройдемся немножко: я все сидѣлъ.

И онъ увлекъ Кучина въ боковую аллею.

— Та дама въ синемъ, говорилъ ему въ полголоса Кучинъ: — въ сущности очень недалекая особа и вся — во внѣшности, но по ея положенію не худо ее изучить... Будете бывать у ней, это дастъ вамъ ходъ въ такія сферы, гдѣ раздвѣтаютъ нѣжнѣйшіе цвѣтки...

Степанъ Ивановичъ сложилъ пальцы правой руки въ кучку и поднесъ ихъ къ носу.

— Да вы превзойдете всѣхъ гастрономовъ по этой части! разсѣялся Малавскій. — Какже это вы Степанъ Ивановичъ могли такъ увлечься той дѣвицей, которая отослала меня къ вамъ, когда я, въ неменѣ странномъ увлеченіи, предлагалъ ей руку и сердце?

— Однако мы съ вами обручальныхъ колецъ не носимъ и сердца наши взыскаютъ новыхъ отрадъ?

Оба захихикали и рука объ руку скрылись за поворотомъ шейки.

Черезъ полчаса, въ одной изъ бесѣдокъ береговой террасы, шелъ громкій говоръ.

Борисъ Павловичъ, въ необъятномъ бѣломъ жилетѣ, изъ-за котораго еле видны были борты фрака, развалился на диванчикѣ передъ столомъ, уставленнымъ ликерами и фруктами. По обѣимъ сторонамъ, развалившись также на соломенныхъ креслахъ, сидѣли Воротилинъ и Гольденштернъ.

Всѣ трое были красны. Бесѣда ихъ прерывалась взрывами желудочнаго смѣха, среди котораго особенно визгливо разносились звуки, издаваемые Гольденштерномъ.

— Ахъ, я вѣдь и забылъ совсѣмъ, заговорилъ уже сдержаннѣе Воротилинъ, но съ очень довольной усмѣшкой на губахъ: — читалъ кто-нибудь изъ васъ вчерашнюю статейку милѣйшаго Иллариона Семеновича?

— Нѣтъ, я передовыхъ статей не читаю, зѣвнулъ Саламаговъ, начинавшій чувствовать вечернюю истому послѣ мараскина i crème de thé.

— Что такое, что такое? затараторилъ Гольденштернъ, поддвигаясь къ столу.

— Курьозная штука! оттянулъ Воротилинъ и допилъ рюмочку ликеру.—Илларионъ Семеновичъ не даромъ, видно, прикомандировался къ Кучину по части добрыхъ дѣлъ...

— Вы потише, остановилъ его Саламатовъ: — Кучинъ — это мой кардиналъ Ришелье. Безъ него миѣ жтъя-бы теперь не было отъ разныхъ салонницъ и потаскушекъ...

— Знаю, знаю, что Степанъ Ивановичъ золотой человекъ по этой части... но зачѣмъ-же Иллариону-то Семеновичу такія гнилыя фантази себѣ позволить?

— Хи, хи! гнилыя фантази! подхватилъ Гольденштернъ.

— А вы какія-бы думали? Да вотъ погодите...

Онъ полезъ въ боковой карманъ и досталъ оттуда сложенный, въ нѣсколько разъ, номеръ газеты.

— Ну ужъ, батюшка, избавьте отъ чтенія! вскричалъ Саламатовъ и заколыхался.

— Я читать всего не буду, не безпокойтесь, Борисъ Павловичъ, я только резюме, экстрактъ вамъ изложу. А спервоначалу спрошу: кто такое Малавскій? Кѣмъ онъ держится и чѣмъ, такъ сказать, орудуетъ?

— У-ухъ! какъ вы строго, перебилъ Гольденштернъ: —точно судебный слѣдователь, ей-богу, право!

— Шутки въ сторону, продолжалъ Воротилинъ, съ большимъ задоромъ: —надо-же чего-нибудь одного держаться. У нѣмцовъ есть поговорка, вы должны ее знать, Абрамъ Игнатьичъ: кто сказалъ буки-азъ-ба, тотъ долженъ говсрить и вѣдп-азъ-ва... Другими словами: коли начинаешь за здравіе, не кончай за упокой.

— Не кончай, извѣстно! вскричалъ Гольденштернъ.

— Ну, на что-бы это было похоже, еслибъ теперь Борисъ Павличъ сталъ вдругъ въ публичныхъ мѣстахъ ругательски ругать тѣ предриятія, которыя онъ тащить за уши на свѣтъ божій, или бы вы, Абрамъ Игнатьичъ, стали проповѣдывать, что всю биржевую братью надо связать, сложить на Адмиралтейской площади костеръ изъ акцій и облигацій и сжечь ихъ на немъ!

— Ловко, ловко!.. захотѣлъ Абрамъ Игнатьевичъ и положилъ себѣ пзъ вазы крупнѣйшей, тепличной земляники.

Саламатовъ улыбнулся.

— Вы только прослушайте хоть эту, примѣрно, тираду.

Воротилинъ развернулъ листъ газеты и тотчасъ-же огмыслилъ глазами мѣсто, отмѣченное краснымъ карандашомъ.

— Вотъ оно, вотъ оно:

Но какъ бы ни широко, читаль онъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ, разрослась въ нашемъ отечествѣ, промышленная дѣятельность, сколько-бы ни открылось банковъ и желѣзнодорожныхъ компаній, не нужно забывать, что вся эта лихорадка представляетъ собою только одну сторону социальнаго прогресса. Тѣ, кому дороги исключительно интересы рабочей массы, скажутъ, что отъ *плутократіи* и ея успѣховъ массѣ не будетъ ни тепло, ни холодно; и противъ такого заявленія врядъ ли можно что либо серьезное возразить. Понимая плутократію въ самомъ правильномъ смыслѣ, нельзя не сознаться, что ея торжество, полезное для накопленія въ странѣ цѣнностей и оживленія ея денежныхъ и всякихъ другихъ оборотовъ, не ведетъ за собою, непосредственно, болѣе равномѣрнаго распредѣленія заработка и выгодъ эксплуатаціи по всей массѣ народа...

— Довольно, помилосердуйте! остановилъ Саламатовъ. — Разстройство желудка, батенька, произведете.

— Нѣтъ, каково? вскричалъ Воротилинъ, раскраснѣвшись, и на этотъ разъ уже совершенно задорно.

— Туману какого напустилъ!.. откинулся, ослабившись, Гольденштернъ.

— Нѣтъ, да вы видите-ли куда онъ ведетъ? Вѣдь это шельмованіе всѣхъ васъ, господа, первыхъ дѣльцевъ города Петербурга, да и всей Россіи, воли на то пошло!.. Это онъ коммунизмъ проповѣдуетъ!.. Да этого еще мало... словечко-то вы разслушали: плу-то-кра-тія?.. Вѣдь онъ его нарочно два раза повторяетъ... Приятно? кинулъ Воротилинъ прямо въ лицо Гольденштерну.

— Плуты мы, значить? Такъ что-ли? полюбобытствовалъ Абрамъ Игнатьичъ.

— Да выходите, что такъ... Прежде ругались бюрократъ; а теперь плутократъ...

— И аблакать, добавилъ Саламатовъ и разразился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, прищуривъ глазки на Воротилина.

Иполита Ивановича подернуло. Онъ круто обернулся къ Саламатову и почти съ дрожью въ голосѣ сказалъ:

— Вѣдь тутъ васъ предають, Борисъ Павловичъ, а не меня лично. Вы точно не хотите вникнуть, что въ статьѣ Малайскаго подкапываются подъ ваше царство. И кто-же это дѣлаетъ? Вашъ ближайшій сотрудникъ и пособникъ... И какъ онъ это дѣлаетъ? Тайно, въ безымянной статьѣ!..

Листъ газеты полетѣлъ къ ногамъ Иполита Ивановича: съ такой силой онъ кинулъ его на столъ.

— Пущай его! звѣнулъ Саламатовъ. — Ну кто-же изъ стоящихъ людей читаетъ передовыя статьи, да еще въ этой газетѣ?

— Однако... я считаю такое поведение въ высшей степени...

Онъ не докончилъ. Въ бесѣдку вошелъ, покачиваясь на бедрахъ и нюхая какой-то цвѣтокъ, Малавскій.

Воротилинъ невольно подался назадъ и довольно-таки глухо зашамкался.

— Пожалуйте, пожалуйста! закричалъ Саламатовъ Малавскому: — васъ сейчасъ только продергивалъ здѣсь Ипполитъ Ивановичъ... Обвинительная рѣчь еще не кончилась... А потомъ за вами защитительное слово.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ, вытягивая губу Малавскій и стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе.

— Да вотъ статейку сочинили, статейку! заговорилъ Гольденштернъ, поднимаясь и беря Малавскаго за лацканъ фрака.

— Не угодно-ли полюбоваться? поднесъ ему газету Воротилинъ.

Онъ успѣлъ оправиться, наклонясь за листомъ къ землѣ.

— А! — а, протанулъ Малавскій, взглянувъ на газету: — это вѣрно Ипполитъ Ивановичъ поусердствовалъ.

— Онъ, онъ, и весьма ехидно васъ уличалъ въ разныхъ преступленіяхъ, пояснилъ Саламатовъ.

Лицо его продолжало улыбаться.

— Какже вы, какже вы, тараторилъ Абрамъ Игнатьевичъ: — всѣхъ насъ въ воду хотите, нигилиста изъ себя представляете, а насъ плутами; такъ плутами и обругали!

— Гдѣ-же это? уже серьезнѣе спросилъ Малавскій.

— Да какже, Ипполитъ Ивановичъ сейчасъ читалъ: въ этой самой статьѣ... Какъ это бишь... плуто... плуто...

— Плутократія, отчеканилъ Воротилинъ.

Губы Малавскаго обратились съ презрительной усмѣшкой къ адвокату:

— Это вы, милѣйшій Ипполитъ Ивановичъ, изволили такъ объяснить Абраму Игнатьичу этимологию слова плутократія? Bravo! А еще въ высшемъ заведеніи учились...

— Дѣло не въ томъ... окрысился Воротилинъ.

— А въ чемъ-же? Разъясните, пожалуйста,

— Подните вродствовать: служить и нашимъ и вашимъ весьма странно, чтобъ не сказать больше; а вы одной рукой кладете себѣ въ карманъ пан и омады, а другой пишете такіа статейки... хоть-бы члену интернаціоналки!..

— Пару не подпускалъ! крикнулъ Воротилину Саламатовъ: — не изъ чего. Малавскій, садитесь и хлебните ликеру, а потомъ и разъясните намъ: почему вы упражняетесь въ такихъ, дѣйствительно, зловредныхъ писаніяхъ?..

Малавскій, показавъ плечами, сѣлъ противъ Саламатова, отклебнулъ ливеру и изъ брезгливыхъ губъ его вырвалось предостереженіе:

— Э-хъ, господа!..

— Ну-съ? пискнула Гольденштернь.

— Неужто вамъ не въ домысль, Борисъ Павловичъ (къ остальнымъ онъ не обращался), что было-бы черезчуръ глупо и наврядно игнорировать то, что разные досужіе теоретики могутъ сказать противъ нашей дѣятельности... Надо ихъ всегда предупредить...

— Это неглупо! одобрилъ Саламатовъ.

— И выставлять, безъ обиняковъ, все, что они считаютъ самою страшною своею баттареей!.. Вотъ вамъ и красное объясненіе моей статьи.

— Хи, хи, хи! разразился Гольденштернь:—вотъ это такъ!.. Шутка-ра!.. одно слово!..

Саламатовъ ограничился одобрительнымъ потрясеніемъ головы и зѣвота.

— Кто-же повѣритъ этому! возразилъ Веротлиновъ.

— И не вѣрять, небрежно кинулъ ему Малавскій.

— Полноте, аблавать, выѣхался покровительственно Саламатовъ: — что у васъ за кричкотворская манера придираются къ друзьямъ. Илларионъ Семеновъ слишкомъ на видной дорогѣ, чтобы ему раскидываться за рабочую, тамъ, массу и всякія не подобныя вещи... Если онъ что-нибудь такое написалъ, такъ не проста, и я накомую его систему весьма и весьма остроумной... Стоитъ вынуть за нее кричкотворство!

Онъ захопалъ въ ладони и когда появился человекъ въ бѣломъ галстукѣ, выросшій точно изъ нодъ земли, командовалъ ему.

— Два кришна!..

Веротлиновъ хотѣлъ что-то возразить, но, видя, что Саламатову сморъ этотъ въ тягость, прикусилъ языкъ.

Малавскій сѣдѣлъ къ нему спиной.

— Абрамъ Игнатьичъ! крикнулъ Саламатовъ.

Гольденштернь подскочилъ къ нему слѣва.

— Что-жъ, дружокъ, заговорилъ вполголоса Саламатовъ, поглядывая на входъ въ бесѣду:—пора вамъ и въ путь снаряжаться... ужъ порядочно стемнѣло... Мы на васъ рассчитываемъ...

— Хи, хи!.. Ыду, Ыду и все устрою къ одиннадцати часамъ!..

Глаза Абрама Игнатьича задргали.

— Добудьте Камилку, во что бы то ни стало, въ какомъ хотите видѣ, а той!.. венгерки не надо... Это сусло какое-то, только глазами хлопаетъ, да храпитъ, когда напьется!..

— Будутъ, будутъ, всё будутъ, шепталъ Гольденштернъ.

Прислушавшись къ этому а раге, и Воротылинъ ослабилъ.

— Ну такъ съ Богомъ! скомандовалъ Саламатовъ и на дорогу стаканчикъ жидкаго.

Крюшоны были подапы, и черезъ пять минутъ Абрамъ Игнатъевичъ снаряжался въ путь.

— Такъ мы на Минерашку ровно въ одинадцать, наказывалъ дѣловымъ тономъ Саламатовъ:—и если тамъ занято на верху, двигаемся на Черную рѣчку!..

— Все будетъ! сдѣлайте одолженіе!..

— Вы со мной, господа? пригласилъ Саламатовъ глядѣвшихъ въ разныя стороны „благопріятелей“.

И тотъ и другой молча изъявили согласіе.

Когда Гольденштернъ выкатился изъ бесѣды, Саламатовъ приподнялся немного надъ столомъ и, взявъ стаканъ съ шампанскимъ, заговорилъ съ комической торжественностью, точно пародуя какой-нибудь обѣденный спичъ:

— Господа! поднимаю стаканъ за единство нашихъ начинаній!.. Къ чему упреки и недоразумѣнія между бойцами одной рати? Все намъ принадлежитъ въ сей болотной столицѣ, а, стало, и въ остальномъ любезномъ отечествѣ, все, вплоть до іерусалимскихъ дворянъ, достойный представитель которыхъ только что покинулъ нашу бесѣду... И они въ нашихъ рукахъ!..

Борисъ Павловичъ такъ при этомъ повелъ губами, что оба его гостя расхохотались и ласково взглянули другъ на друга.

— Образуйте-же настоящій триумвиратъ, продолжалъ Саламатовъ. — Я господа, травленный волкъ... мнѣ и по коррупціи слѣдуетъ стоять въ срединѣ... Каждый изъ васъ пусть дѣйствуетъ по своей специальности!.. Знаю, что вы хотѣли не разъ подставить мнѣ еожку, а потомъ я между собою сталъ пикироваться!.. Это слишкомъ наивно, друзья, какъ сказалъ сейчасъ Иларіонъ Семенъ чъ! каждый нуженъ триумвирату и триумвиратъ каждому!.. Согласны?

— Согласны! ерикнули оба, поднимая стаканы.

— Ура!.. гаркнулъ Саламатовъ.

Раздался раскатистый хохотъ и всѣ трое чокнулись.

Засвѣтѣвшій воздухъ бѣлой ночи дрогнулъ и отнесъ эти звуки къ сонной волѣ побережья...

Конецъ шестой и послѣдней книги.

Петръ Воборыкинъ.

ШЕЛЛИ¹.

III.

Поэзія Шелли и самое имя поэта мало извѣстны у насъ. Онъ появился въ то время, когда ослѣпительнымъ солнцемъ сіялъ въ поэзіи Байронъ, этотъ мощный властитель! думъ цѣлаго поколѣнія и въ лучахъ этого солнца меркло сіяніе и такихъ яркихъ звѣздъ первой величины, какъ Шелли. Другой причиной малой извѣстности Шелли, была нѣсколько туманная, отчасти пантеистическая, отчасти скептическая философія, которой глубоко проникнута его поэзія; третья причина заключается въ томъ, что Шелли далеко стоялъ впереди современнаго ему общества. Поэзія его была еще болѣе проникнута идеями XVIII вѣка; она была создана могучимъ движеніемъ конца этого столѣтія; но въ то время, когда Шелли создавалъ лучшія произведенія свои, общество, утомленное поднявшимъ его порывомъ, искало одного спокойствія, хотя бы оно покупалось цѣной торжества началъ священнаго союза. Въ продолженіи долгихъ годовъ застоя, Шелли былъ забытъ; и только въ послѣдніе годы, когда въ англійскомъ обществѣ начало пробуждаться сознаніе необходимости коренныхъ реформъ, когда въ немъ и люди науки, и политическіе дѣятели подали голосъ за уничтоженіе того зла, на которое Шелли указывалъ пламенными стихами, Англія вспомнила о своемъ поэтѣ и послѣ почти полувѣковаго забвенія издала вновь его стихотворенія.

Шелли — космополитъ, утопистъ, мечтатель среди практической Англіи, былъ органическимъ продуктомъ англійской жизни и идей XVIII вѣка. Какъ ни стоялъ онъ высоко надъ уровнемъ ея, въ ней почерпнулъ онъ свои силы и во всѣхъ произведеніяхъ его видѣтъ сынъ Англіи, ставшій мировымъ человекомъ.

¹ См. «От. Зав.» 1873 г. № 1.

Поэзія Шелли родная дочь суровой поэзіи Оссіана; въ его мрачныхъ картинахъ битвъ, голода, въ его торжественныхъ гимнахъ будущей побѣдѣ добра надъ зломъ слышится пѣснь древняго скальда; въ его проклятіяхъ врагамъ свободы и человѣчества слышится паеосъ музы Мильтона; въ его скорбныхъ пѣсняхъ о страданіяхъ народа отзывается плачь древнихъ пророковъ пуританъ. Непризнанный Англіей, Шелли не былъ чуждымъ наноснымъ явленіемъ, исчадіемъ ада и французской революціи, какъ звали его критики *Quarterly Review*; онъ былъ вполне сыномъ своей страны и поэзія его, какъ ни враждебна была она господствовавшему въ то время и теперь понятіямъ массы и всему строю англійскаго общественнаго быта, могла вырости только на англійской почвѣ. Атеистъ Шелли, какъ звали его современники, Шелли—аристократъ, измѣнникъ преданіямъ своего рода и касты, ставшій на сторонѣ „вульгарной черни“ и взявшій себѣ удѣломъ ея бѣдность, былъ прямой потомокъ тѣхъ суровыхъ пуританъ, которые въ религіи нашли идеаль политическую свободу, которые языкомъ библейскихъ пророковъ обличали нечестіе сильныхъ міра и въ видѣніяхъ апокалипсиса видѣли новую землю, обновленнаго человѣка, тѣхъ пуританъ, могучее ученіе которыхъ не могли выдержать прогнившіе жѣлки старой Англій, и которые, отрясая съ ногъ прахъ непризнаваемаго имъ отечества, ушли апостолами свободы въ новый свѣтъ положить закладку сильнаго свободнаго государства. Не смотря на разность вѣка и формы, въ которой проявились, причины, создавшія пуританъ, создали и Шелли: таже жажда лучшаго, таже человѣчное чувство, возмущенное зломъ, неправдой, страданіями народа. Въ Шелли, въ этомъ „развратникѣ Шелли, разрушителѣ брака и семьи“, какъ его звала *Quarterly Review*, воскресла, смягченная духомъ человѣчности чистота нравовъ древнихъ пуританъ. „Разрушая—говоря его словами—цѣпи“, въ которыхъ люди заковылають любовь, онъ не былъ никогда поэтомъ исключительно чувственнаго наслажденія, какъ большая часть поэтовъ южныхъ народовъ; у него не слышится ни одна нота Бокаттіо; онъ поэтъ совершенствованія человѣчества, высшихъ духовныхъ наслажденій, созерцанія природы, чистой свободной любви, полноты жизни.

Шелли не стоялъ одинокимъ явленіемъ, занесеннымъ чуждымъ потокомъ, въ англійской литературѣ, онъ былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ предшественниковъ. Септицизмъ еще въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣка господствовалъ въ англійской литературѣ. Онъ былъ подготовленъ реформаціей, приучившей умъ къ свободному изслѣдованію. Изъ Авглій онъ

былъ перенесенъ во Францію. Энциклопедисты учились у Толанда, и въ свою очередь стали учить англійскихъ писателей, когда идеи Толанда были задавлены въ Англии духомъ протестантской вѣрности и мистицизма, охватившихъ Европу въ началѣ XIX вѣка. Къ вліянію ихъ вскорѣ присоединилось и другое— вліяніе германской метафизики. Глубокіе и сильные умы не могли тѣшиться сказками о золотомъ вѣкѣ прошлаго, которыми убаюкивали общество романтики, представляя его, какъ Вальтеръ Скотъ, въ значительно исправленномъ и очищенномъ видѣ, котораго требовали пуританскія приличія; но за то, все, что хотѣло успокоиться, все, что боялось тревожныхъ стремленій XVIII вѣка, съ жадностью слушало сказки о золотомъ вѣкѣ прошлаго— а это все была масса.

Писатели, скептически относившіеся къ золотому вѣку, стали въ враждебныя отношенія къ ней; но для большей части скептицизмъ былъ только „волненіемъ молодой крови и кипѣніемъ выбитыя силъ“; когда наступалъ зрѣлый возрастъ и кровь начинала медленнѣе течь въ жилахъ, они отривались отъ скептицизма. Было-ли отреченіе это искренно и они, не вынеши духа отрицанія, искали утѣшенія въ сказкахъ о золотомъ вѣкѣ прошлаго, или они уступили благоразумной потребности обезпеченія, которая предъявляетъ свои права, когда утихаетъ кипѣніе молодой крови,—это дѣло темное. Несомнѣнно одно, что произведенія зрѣлаго возраста этихъ писателей сжигали то, чему они поклонялись въ юности. Соути, въ своихъ поэмахъ: „Клятва Регалли“, „Талибо“, подъ образами индѣйской космогоніи, распространявшій въ юности идеи пантеизма, а въ поэзіи: „Wat Tyler“— идеи равенства и свободы, въ зрѣломъ возрастѣ—примирился съ авторитетами протестантства и аристократіи, получилъ титулъ поэта лавреата и вмѣстѣ съ нимъ пенсію, присвоенную этому, какъ зовутъ англичане, „мѣсту“, и, сдѣлавшись однимъ изъ редакторовъ Quarterly Review, обливалъ потоками грязи писателей, которые служили тому, что онъ сжегъ. Кольриджъ, бѣдный драгунъ, въ туманныхъ поэмахъ, дѣлился въ юности съ міромъ своими мечтами о возрожденіи человѣчества и мечталъ бѣжать въ Америку, чтобы не видѣть позора рабства своей страны, а въ зрѣломъ возрастѣ былъ назначенъ официалнымъ журналистомъ и превратился въ офиціознаго писаку. Вордсвортъ выступилъ въ поэзіи страстными стихами противъ рабства, въ которомъ держатъ народъ сильные міра, „противъ призраковъ, угнетающихъ духъ человѣка“, а въ зрѣломъ возрастѣ, оставивъ всякія лукавыя мудрствованія, занялся своей писательной и душевнеспасительной поэзіей, расчленилъ цѣлую фалангу подражателей, образовавшихъ

новую школу поэзии, известной под именем поэзии озера, которая доставляла неисчерпаемый материал для бичующаго пера Байрона, утверждавшаго, что названіе поэтовъ озера принадлежитъ имъ по всей справедливости, потому что въ поэзію ихъ влита вся вода озера. Вордсвортъ до конца жизни былъ государственнымъ пенсионеромъ.

Эти люди, со злобой ренегатовъ, накинулись на Шелли, и Соути, писавшій въ своемъ дневникѣ, что Шелли съ его тревожными сомнѣніями, съ его мечтами объ обновленіи человѣчества, напоминалъ ему его собственную юность, ставъ поэтомъ лавреатомъ, обливалъ его, какъ Байрона и леди Морганъ, потоками грязи. Но юношескія произведенія этихъ писателей подготовили Шелли. Измѣна ихъ не поколебала его. За этими людьми осталась одна заслуга: они положили конецъ поэзіи псевдоклассицизма, — представителями котораго были въ Англіи Поупъ, Эддисонъ и Драйденъ, и тщательно обточенные и закругленные періоды котораго не скрывали бѣдности мысли и мертвенности содержания, — смѣнивъ напыщенный и размѣренный языкъ ея: одинокимъ сильнымъ пламеннымъ языкомъ страсти, другой — образно цвѣтистымъ языкомъ восточной поэзіи, третій — языкомъ безыскусственного чувства. Они выковали орудіе мысли, которымъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ владѣли Байронъ и Шелли.

Кромѣ этихъ трехъ поэтовъ на Шелли имѣла большое вліяніе поэзія Роберта Бёрнса, не смотря на то, что реальный характеръ ея былъ совершенно противоположенъ характеру поэзіи Шелли, въ которой философія порой вытѣсняла поэзію. Бёрнсъ былъ шотландскій крестьянинъ. Онъ вынесъ на себѣ всю итку труда, убивающаго мысль, превращающаго человѣка въ вьючнаго скота, труда, на который безвыходно обреченъ народъ и тяжесть котораго Шелли понялъ своимъ чуткимъ сердцемъ; онъ испилъ до дна чашу униженія, которую аристократія заставляла пить народъ; онъ не нашелъ ни примиренія, ни правды тамъ, гдѣ сильные міра учатъ народъ искать утѣшенія, и за сорокъ лѣтъ до Шелли выступилъ пѣвцомъ равенства, свободы мысли и независимости. Шелли въ своихъ поэмахъ высказывалъ въ болѣе поэтической формѣ то, что высказывалъ Бёрнсъ въ болѣе тривиальной — филиппики древнихъ пуританъ противъ епископовъ — этихъ князей церкви, которые на деньги народа ведутъ жизнь язычниковъ и наполняютъ мракомъ души его. Бёрнсъ былъ еще предшественникомъ Шелли и по тому глубокому, можно сказать, почти религіозному чувству, съ какимъ онъ относится къ явленіямъ природы, по той любви, какою онъ обнимаетъ все живое, человѣка, даже великихъ злодѣевъ, проклятыхъ

церковью, даже животное, даже растение. Эта любовь была од-
нимъ изъ наиболѣе сильныхъ мотивовъ поэзіи Шелли.

Шелли, сынъ того народа, который въ видѣніяхъ апокалипсиса забываетъ мракъ и скорбь жизни, для котораго было написано „Pilgrim's Progress“ Беніана—видѣніе о городѣ съ золотыми воротами, являющееся освѣтить его темную долю призракнымъ утѣшеніемъ, какъ галлюцинаціи о вкусныхъ яствахъ умирающаго съ голода. Видѣнія Шелли о свѣтломъ будущемъ человѣчества выросли на почвѣ, создавшей видѣнія о городѣ съ золотыми воротами, но въ причудливыхъ формахъ этихъ видѣній скрывается уже не безплотный духъ, а элементы, при которыхъ слагается живая плоть и кровь. Слѣдя за видѣніями поэта, мы невольно проникаемся его горячимъ убѣжденіемъ, что должно придти время, когда эти причудливыя формы, утративъ свою призракность, сложатся въ осязательные образы реальной жизни. Поэзію Шелли можно сравнить съ гипотезой, которая для настоящаго имѣетъ одну цѣну правдоподобія, но которая, рано или поздно, отбрасывая нѣкоторыя изъ своихъ положеній, станетъ научной истиной. Въ самой призракности этихъ причудливыхъ формъ есть своя доля, если можно такъ выразиться, призракнаго реализма, того реализма, съ какимъ Беніанъ такъ обстоятельно и рельефно описываетъ архитектуру, перечисляетъ башни и башни своего города съ золотыми воротами. Реальный, практическій складъ ума англійской націи сказался и въ мечтаніяхъ Шелли. Въ поэмахъ его вы видите духовъ, неземныхъ дѣвъ, разныя символическія фигуры, но это не неземныя дѣвы и духи наподобіе Клопштока и это не его символика. То, что есть темнаго въ поэзіи Шелли, его дань метафизическому духу своего вѣка. Гёте, хотя и онъ отдалъ дань этому духу во второй части Фауста, бывшей загадкой, надъ разрѣшеніемъ которой трудились въ толстахъ томахъ комментаріевъ современники его, остался высокимъ образцомъ могучаго реализма. Шелли далеко не поднимался до такого реализма, но тѣмъ не менѣе онъ далеко не заслуживаетъ строгаго отзыва Тэна, который записалъ его въ рядъ поэтовъ не отъ міра сего. „Законы жизни у Шелли или превращаются или измѣняются, говоритъ Тэнъ,—тутъ приходится висѣть между небомъ и землей, среди абстрактныхъ фантазій и символической; созданныя имъ лица теряются гдѣ-то въ пространствѣ, какъ фантастическія очертанія облаковъ, которыя приотливно клубятся, свиваются и развиваются, сверкая золотомъ“.

Тэнъ, по своимъ взглядамъ, могъ видѣть только одну фантастичность очертаній; онъ не могъ разглядѣть эмбрионовъ живой

организаціи, которые таились подъ оболочкой этой фантастичности. Онъ отнесся къ Шелли съ требованіями исключительно художественной критики и даже и съ этой точки зрѣнія отнесся несправедливо. Онъ мѣрялъ поэзію Шелли идеаломъ художественности, который выработался въ наше время реальной критикой: онъ забывалъ, что аллегорія, символика и фантастичность сильно преобладали во время Шелли не въ одной поэзии, но и въ беллетристикѣ, что этому идеалу не удовлетворилъ бы Байронъ, нѣкоторые дѣйствующія лица поэмъ котораго не живые люди съ плотью и кровью, но олицетворенія какого-нибудь чувства или мысли. Шелли не удовлетворилъ идеалу Тэна. Шелли не художникъ, какъ Гёте, который, въ своемъ олимпійскомъ спокойствіи, взирая на тревоги жизни, создаетъ живые образы ея. У Шелли нѣтъ этой красоты, если подъ словомъ красота понимать только рельефность, пластичность и жизненность красокъ живописи. Но есть красота другого рода, красота силы и страстности чувства, красота человѣчной личности поэта, высказывающейся во всемъ, что онъ творитъ, и этотъ родъ красоты понятнѣе людямъ. Шиллеръ, который страдалъ съ страдающимъ человѣчествомъ, всегда болѣе сроденъ ему, нежели олимпіецъ Гёте, свисока взиравшій на жизнь его изъ-за глубокихъ задачъ своего искусства. Въ Шелли жилъ тотъ-же міровой человѣкъ, какъ и въ Шиллерѣ; не то, онъ не былъ-бы снова оцѣненъ въ наше время; къ несчастью, Шелли не умѣлъ воплощать его въ тѣхъ живыхъ образахъ, въ какихъ воплощалъ его Шиллеръ. Въ Шелли мыслитель часто вредитъ художнику; выступленіе пророка разрываетъ рамки художественной мѣры. Тѣ, которые ищутъ одного наслажденія, пусть лучше не читаютъ Шелли. Послѣ отрывковъ, которые возбуждаютъ восхищеніе ихъ, эти искатели наслажденія найдутъ цѣлыя строфы, которыя возмутятъ ихъ мирное созерцаніе красоты и покажутся имъ дикимъ, горячешнымъ бредомъ. Шелли пророкъ, котораго создалъ не ветхозавѣтный міръ, и не поэзія іудеевъ, а пробудившееся сознаніе новаго міра и мысль XVIII столѣтія. Въ своемъ вѣщемъ вдохновеніи, онъ прозрѣваетъ будущее, и къ нему, какъ въ древнія времена къ Пифагору на треножникѣ, можно приближаться только ощущая въ себѣ хоть искру тѣхъ чувствъ, которыя одушевляютъ ее. Поэзія Шелли, несмотря на переработку, которой подвергались многія изъ произведеній его долгое время спустя послѣ того, какъ они были написаны, кажется блестящей импровизаціей, а не обдуманнѣмъ твореніемъ, въ которомъ всѣ части размѣрены строго-критическимъ взглядомъ художника. Въ ней всѣ недостатки и достоинства импровизаціи. Потрясающая искренность и свѣжесть

чувства, которое выражается такъ, какъ оно выродилось въ поэтѣ, недостатокъ отдѣлки, повтореніе, множество лишнихъ словъ, затѣняющихъ порой смыслъ. Шелли не владѣетъ своимъ чувствомъ, чувство владѣетъ имъ; оно рвется въ звучномъ, богатомъ стихѣ, торжественность и цвѣтисость котораго въ минуты вялаго спокойствія, можетъ показаться отчасти напыщенностью, но который, въ минуты возбужденія идеей поэта, читатель найдетъ только вѣрнымъ эхомъ глубоко-потрашеннаго чувства. Сравненіе тѣснитъ за сравненіемъ, образъ за образомъ, и читатель, который-бы сталъ читать Шелли, въ послѣобъденномъ кейфѣ съ сигарой въ зубахъ, грѣя ноги у камина, навѣрно утомленный, отложилъ-бы книгу въ сторону послѣ двухъ-трехъ страницъ. Поэмы Шелли, самое неудобное чтеніе для пищеваренія, и читателямъ такого рода, если они имѣютъ претензію быть тонкими цѣнителями поэзии, доставятъ только удовольствіе выказать свой критическій вкусъ, порицая Шелли за излишество сравненій, аллегорическихъ фигуръ, мнелоогическихъ уподобленій, образовъ, порой затѣняющихъ смыслъ. Но для людей, хотя отчасти жившихъ тѣмъ, чѣмъ жилъ Шелли, эти сравненія, аллегорическія фигуры, уподобленія, эти образы, которые бурнымъ вихремъ проносятся передъ глазами ихъ,—созданія тѣхъ мукъ, которыми, во время скорби, покушается право на нѣя человѣка.

Маколей, хотя и человѣкъ „разумной середины“, въ качествѣ историка выговъ, смотрѣвшій свысока на „утопистовъ-мечтателей“, какъ на дѣтей или сумасбродовъ, отнесся съ болѣею справедливостію къ Шелли, нежели Тэнъ, и именно оттого, что онъ былъ человѣкъ практической. Какъ государственному дѣятелю, ему не разъ приходилось наталкиваться въ жизни на ту силу, но въ разныхъ формахъ, которая создала Шелли; на ту-же тревожную жажду лучшаго, на то-же стремленіе забыть всѣ скорби жизни въ видѣніяхъ будущаго. Эта сила создала въ необразованной массѣ цѣлыя секты методистовъ и диссентеровъ, видѣнія которыхъ о городѣ съ золотыми воротами перерождаются въ весьма опредѣленные начертанія другого строя общества у радикаловъ и чартистовъ. И тамъ, гдѣ кабинетный ученый и такой тонкій критикъ, какъ Тэнъ, нашель, что всѣ законы жизни прекращаются, человѣкъ практической жизни, хоть то была жизнь урѣзанная въ рамку извѣстной партіи, видѣлъ живую силу, способную превращать въ страстныя, потрясающія гѣсни даже самыя отвлеченныя понятія. И Маколей былъ вполне правъ. Признавать искусствомъ только то, что всѣ могутъ видѣть и осязать — значить събивать задачи искусства настоящей минутой. Невозможно свести жизнь человѣка на прихордорасходную книгу,

какою была жизнь Диккенсова Грандгрейнда. Мечта всегда имѣла и будетъ имѣть свое мѣсто въ его жизни. Самъ Грандгрейндъ, съ его черствою разсудочностью, съ его безпощаднымъ вытравленіемъ въ дѣлахъ всего, что походило на мечту, мечтавъ же о томъ, на какую широкую ногу онъ поведетъ дѣла, выдавъ дочь за богача. Дѣло въ томъ, на чтѣ направлена мечта. Шелли былъ воплощеніемъ этого вѣчно-присущаго свойства человѣческой природы, которое, направленное къ великимъ задачамъ жизни, открываетъ человѣчеству новые пути. Въ поэмахъ Шелли: „Королева Мэбъ“, „Алаторъ“, „Возмущеніе Ислама“, послѣ мрачныхъ картинъ бѣдствій человѣческихъ, отдыхаешь на свѣтлыхъ видѣніяхъ будущаго міра любви, человѣческаго совершенства.

Въ этихъ свѣтлыхъ мечтахъ сказалась великая нравственная сила, незблемая вѣра въ жизнь, вѣра въ человѣчество, великая сила любви, которую не могли сломить ни клеветы, ни кровавыя оскорбленія, ни вынесенныя гоненія общества и близкихъ. Шелли, какъ Байронъ, былъ врагомъ существовавшаго строя англійскаго общества; но Байронъ, какъ поэтъ личности, и исключительно собственной личности, ненавидитъ міръ потому, что безобразіе этого міра оскорбляетъ его чувство; онъ мститъ за это оскорбленіе съ злобной радостью, срывая покровъ со всего, чѣмъ міръ гордится и показываетъ на скрытый подъ нимъ разлагающійся трупъ. Онъ отрицаетъ все: чувство, умъ, достоинство человѣчества; надъ пошкой, рабскою, проѣденною насквозь лицемѣріемъ толпой, у него выдаются исполнами нравственнаго міра одинокія личности, которыя онъ писалъ съ себя, которыя, чтобъ найти исходъ пожирающей ихъ жаждѣ сильныхъ впечатлѣній, кипучей дѣятельности, играютъ жизнью этой толпы. Если вѣрить Байрону, у нея нѣтъ будущаго. Рука поэта, не дрогнувъ, пишетъ въ поэмѣ „Тьма“ мрачную картину гибели этой толпы, и въ этой картинѣ страшно не разрушеніе міра, страшна смерть человѣчества, обратившагося въ стаю хищныхъ волковъ, терзающихъ другъ друга. Въ полномъ любви сердцѣ Шелли нѣтъ мѣста для такой безпощадной ненависти, для такого безпощаднаго отчаянія въ человѣчествѣ, отчаянія, которое можетъ быть порождено только безграничнымъ презрѣніемъ къ нему. Весь запасъ желчи, данный природою Шелли, ушелъ на ненависть къ однимъ сильнымъ земли, угнетавшимъ человѣчество. Онъ не пролинаетъ какъ Байронъ и жизнь, и человѣчество, онъ не говоритъ, что „жизнь—ничто, а люди не стоятъ собакъ“. У него не найдется ни одного мѣста, которое бы можно было поставить рядомъ съ этими строками Байрона:

«Псы и люди — знайте это лезть,
Затѣмъ, что вы презрѣннѣй, чѣмъ собаки».

А онъ имѣлъ равныя, если не болѣе сильныя побужденія, чѣмъ Байронъ написать эти строки, потому что рѣдко кому приходится видѣть человѣческую природу съ такой черной стороны, какъ ему. Не смотря на все, онъ ни на минуту не усомнился въ челоѳечествѣ и въ тѣ самые дни, когда оно выказывалось ему во всей чернотѣ своей, не переставалъ пророчествовать о томъ днѣ, когда оно, обновленное, выкажетъ въ полномъ свѣтѣ всѣ лучшія силы, тающіяся въ немъ и задавленные торжествующимъ зломъ. Вся жизнь его—тоска по этомъ днѣ; поэзія его—пророчество этого дня. Она становится понятна, чуть только дѣлается самый скромный шагъ для осуществленія этого дня. Вотъ почему воскресеніе въ Англии памяти забытаго Шелли—одно изъ наиболѣе говорящихъ знаменій времени.

IV.

Характеристика писателя, мало извѣстнаго публикѣ, вообще затруднительна; но она еще болѣе затруднительна въ отношеніи къ Шелли, поэзія котораго всего менѣе подчиняется переводу и въ особенности русскому переводу, по отсутствію той трезвости, которая составляетъ отличительную черту русскаго языка и вслѣдствіе которой вѣрная передача поэзіи Шелли будетъ казаться напыщенностью и ходульностью, въ чемъ даже самые пристрастные, враждебные Шелли критики не обвиняли его, потому что недостатки эти являются, когда поэту приходится раздувать насильственно въ пламя тощія искорки чувства и мысли. Переводъ Шелли затруднителенъ еще по обилію мнѳологическихъ уиодобленій, которыя были въ ходу у насъ въ эпоху трескучихъ одъ и которыя и въ настоящее время еще въ больиомъ ходу въ англійской поэзіи, вслѣдствіе преобладанія классицизма.

Первая поэма Шелли, которую онъ сразу занялъ мѣсто на ряду съ первыми поэтами, была, надѣлавшая такъ много шума, „Королева Мэбъ“. Онъ написалъ ее восемнадцать лѣтъ, но она появилась въ свѣтъ не ранѣе какъ три года спустя. Несмотря на то, что поэма была напечатана, Шелли, по непонятнымъ причинамъ, не издавалъ ее въ свѣтъ, что сдѣлалъ за него одинъ книгопродавецъ, жившій чужими изданіями. Двадцатилѣтній юноша наивно вѣрилъ, что эта поэма произведетъ переворотъ въ убѣжденіяхъ и порядкахъ общества. Энтузіазмъ юности такъ и бьетъ ключомъ изъ этой поэмы, которую критики назвали его славою, какъ поэта, и его позоромъ, какъ челоѳка. Если смотрѣть съ точки зрѣнія настоящаго, то трудно понять, что въ этихъ изліяніяхъ

юношескаго энтузіазма, въ этихъ пламенныхъ мечтахъ о свободѣ, о благѣ челоуѣчества могло вызвать такую злобу противъ поэта въ комъ либо, кромѣ ханжей въ родѣ читателей Домашней Бесѣды. Впрочемъ, для этихъ читателей ядъ былъ не столько въ самой поэмѣ, сколько въ примѣчаніяхъ, которыми поэтъ постарался уяснить читателю смыслъ поэмѣ, и безъ нихъ ясно сквозившій сквозь фантастичность образовъ.

Королева Мэбъ, фея англійскихъ народныхъ сказокъ, въ этой поэмѣ олицетвореніе пророческаго видѣнія. Королева Мэбъ во время сна похищаетъ душу молодой дѣвушки и показываетъ ей въ воздушномъ полетѣ надъ землей жизнь челоуѣчества, его прошедшія судьбы, его будущее. Въ воззваніи королевы къ молодой дѣвушкѣ высказывается намекъ на тотъ идеалъ женщины, который Шелли создалъ впоследствии въ своей поэмѣ „Возмущеніе Ислама“. Королева Мэбъ выбрала молодую дѣвушку для откровенія ей тайнъ жизни за то, что „она наследовала великій даръ—тѣ истинны, которыя поэты смутно прозрѣваютъ, усвоивъ свѣтлымъ умомъ, находящимъ награду своему величію въ божественномъ восторгѣ, порожденномъ созерцаніемъ въ единеніи“; за то, что она „отвергла обычаи, вѣру и власть, что сердце ея чисто отъ рабскаго страха и горитъ жарко, но чистое какъ солнце, любовью къ темному и холодному челоуѣчеству, чтобы надолго свѣтитъ ему живымъ свѣтомъ въ числѣ сторожевыхъ огней міра“.

Въ этой поэмѣ Шелли ставитъ челоуѣчеству всѣ тѣ вопросы, которыя, безответныя, такъ долго мучили его неокрѣпшій умъ. Что ждетъ челоуѣка, что онъ такое? Существо ли съ духомъ и тѣломъ созданными для великихъ дѣлъ, способное неустанно парить на могучихъ крылахъ фантазіи, и безтрепетно обращать самыя жестокия терзанія въ источникъ міра, чтобы наслаждаться радостями, которыя даютъ вмѣстѣ чувства и духъ? Или онъ созданъ только на униженіе и бѣдствія, на то, чтобы ползать въ навозной вучѣ страшилищъ, дрожать отъ каждаго звука, гасить огонь естественной любви въ чувственности и знать, что для него благословенъ тотъ часъ, когда ледяная рука смерти наложитъ на него свою печать, и страшиться этого мрачнаго исцѣленія отъ золь жизни, въ то же время ненавидя недугъ? Первое—челоуѣкъ, какимъ онъ будетъ впоследствии; второе—челоуѣкъ, какимъ его теперь сдѣлалъ порокъ. „Королева Мэбъ“ указываетъ духу молодой дѣвушки всѣ силы, таящіяся въ челоуѣкѣ, данныя ему природой для полноты жизни, для наслажденія, и обращающіяся противъ него. Любовь, закованная въ оковы закона, стала запретнымъ плодомъ, вмѣсто нея покупается

ея призракъ; утѣшеніе всѣхъ скорбей сдѣлалось источникомъ бѣдствій. Развращенные порывы юности приготавливаютъ ей живую полную ужаса, и чума, рождающаяся отъ безотрадной чувственности, наполняетъ міръ зломъ съ головой гидри". Голодъ, болѣзни, нищета и война, заливающая кровью міръ, царятъ въ жизни, человѣчеству приказано искать утѣшенія въ религіи. „Счастье и гармонія его жизни приносятся въ жертву богатству государства". „Краснорѣчивые ораторы убѣждаютъ его, что оно должно сносить все, — то священный общественный порядокъ. Богатые и сильные вѣрятъ этому краснорѣчю, оно выгодно для нихъ: голосъ природы молчитъ въ нихъ передъ ихъ софизмами, быть можетъ, они мимоходомъ уронятъ слезу, если сыновья падутъ жертвой тираніи или жена сойdetъ съ ума. Но бѣднякъ, жизнь котораго — цѣль заботъ и нищеты, который съ утра встаетъ для своей бесплодной работы, который вѣчно слышитъ плачь голодныхъ дѣтей, котораго вѣчно встрѣчаетъ покорно терпѣливый взглядъ ихъ матери или повелительный взглядъ гордаго богача, — его не обмануть краснорѣчіе. Его ненависть такъ же безгранична, какъ и его страданія". Далѣе поэтъ говоритъ: „Природа, безпристрастная въ своей щедрости, одарила и его всемогущими силами, но напрасно. Не одинъ деревенскій Мильтонъ прошелъ, заглушая ненаходившее словъ стремленіе своего сердца въ непрерывномъ трудѣ и заботахъ; не одинъ простонародный Катонъ тратилъ свою энергію, уже болѣе не неуязвимую, на то, чтобы формовать булавки, или ковать гвозди; не одинъ погасъ Ньютонъ, для равнодушнаго взгляда котораго необъятныя сферы, украшающія безпредѣльность пространства, только блески ишуры, прикрѣпленныя къ небу для того, чтобы освѣщать полвочъ его роднаго городка"!

Въ наше время идеи, высказываемыя Шелли, стали общимъ мѣстомъ, но въ то время въ аристократической Англіи онѣ подняли цѣлую бурю: за ними и аристократія, и сытое мѣщанство увидѣли кровавый призракъ революціи. Эта поэма упрочила за Шелли названіе атеиста, которое было дано ему еще въ Итонѣ товарищами, хотя атеизмъ, жившій рядомъ съ самой пламенной вѣрой въ добро, въ совершенствованіе человѣка, не могъ быть ни страшенъ, ни ненавистенъ обществу. Это не грубый, матеріалистическій атеизмъ въ родѣ атеизма Женни безбожника, Вольтера, распространявшійся вмѣстѣ съ общественной испорченностью, который, низводя человѣка на степень скота, служилъ санкціей его слотскимъ побужденіямъ. Шелли—атеистъ того же разряда, какъ Спиноза, Бонтъ, Гегель и другіе мыслители, которымъ то-

же бросали въ лицо упрекъ атеизма. Въ поэмѣ „Королева Мэбъ“ онъ вызываетъ духъ Агасеера и въ потрясающихъ стихахъ заставляеть его высказать весь ужасъ мрачной доктрины протестантскихъ теологовъ объ осужденіи на вѣчныя муки ада. Шелли не ставитъ, какъ Контъ, на мѣсто разрушаемой доктрины, свою. Его свободный умъ—врагъ какого бы то ни было доктринерства и несмотря на атеизмъ его, трудно найти поэзію болѣе глубоко проникнутую религіею человѣчества, нежели поэзія атеиста Шелли. Въ каждой строфѣ его „Королевы Мебъ“ слышится такая жаркая вѣра въ торжество добра и правды, въ неизбѣжное высшее развитіе духовныхъ силъ человѣка, которыхъ никогда не знали сотни тысячъ правобѣрныхъ протестантовъ, упрекавшихъ его въ атеизмѣ. И если подѣ словомъ „религія“ понимать чувство глубокое, жаркое, поглощающее всѣ мелкіе интересы, всѣ грязныя побужденія въ служеніи высокой цѣли, дающее человѣку силу вынести ради нея всѣ страданія, тоненія, выйти одному противъ цѣлаго общества,—то атеистъ Шелли былъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ.

Эта религіозность не удовлетворяетъ его биографовъ, и они во что бы ни стало хотятъ представить его религіознымъ съ ортодоксальной точки зрѣнія,—и для этого пускаются въ очень хитросплетенныя объясненія разныхъ, какъ нельзя болѣе ясныхъ мѣстъ изъ Королевы Мэбъ и другихъ поэмъ Шелли: но на бѣду этихъ защитниковъ, Шелли въ книгѣ посѣтителей Шартрѣзъ де-Монтаверъ въ Швейцаріи оставилъ слѣдующую надпись.

Εἶμι φιλόθεος ὑπερακόσιος τ' ἄραος τε.

Вообще изъ Королевы Мэбъ трудно вывести опредѣленное мнѣніе о міросозерцаніи Шелли: атеизмъ его очень часто переходитъ въ пантеизмъ. Онъ теплотой своего чувства одухотворяетъ природу, какъ древніе язычники, и у него есть мѣста, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ нѣкоторыми мѣстами изъ поэзіи „великаго язычника Гёте“. „О духъ природы! Нѣтъ! Твоя чистая сущность, проникая все живущее, равно трепещетъ въ каждомъ сердцѣ человѣческомъ. Ты въ немъ воздвигъ себѣ престолъ безотвѣтнаго могущества. Ты судья, передъ мачоленіемъ котораго краткая и непрочная власть человѣка безсильна, какъ вѣтеръ, промчавшійся безъ слѣда. Твой судъ настолько выше жалкой выставки человѣческаго правосудія, на сколько Богъ выше человѣка. Духъ природы! Ты жизнь безконечныхъ массъ, ты душа тѣхъ громадныхъ сферъ, неизмѣнные пути которыхъ проложены въ глубокомъ безмолвіи неба; ты—душа и мельчайшихъ созданій, вся жизнь которыхъ измѣрена однимъ блѣднымъ сі-

лиемъ апрѣльскаго солнца. Человѣкъ, какъ и эти безвольныя созданія, безсознательно исполняетъ твою волю. Какъ и для нихъ, для него придетъ вѣкъ безконечнаго мира, который быстро зрѣетъ для него въ нѣдрахъ времени, и совершенство той оболочки, которую ты наполняешь, не будетъ запятано ни однимъ недостаткомъ“.

Поэма оканчивается торжественнымъ пророчествомъ того времени, когда всемогущій духъ природы, снова признанный людьми, будетъ владычествовать надъ ними и обратитъ эту юдолю скорби и плача въ земной рай. Несмотря на атеизмъ Шелли, это мѣсто проникнуто мильтоновскою поэзіею; передъ глазами читателей проходятъ тѣ же видѣнія о новой землѣ, которыя проходили передъ глазами гениальнаго слѣпца; но только эта новая земля лежитъ не за мрачною долиною смерти, она живая земля и люди населяющіе ее не умирали, чтобы вступить въ нее. Правда, что эта новая земля такъ же призрачна, какъ и та, которую видѣлъ въ своихъ видѣніяхъ Мильтонъ; правда и то, что обновленный человѣкъ Шелли обновился вмѣстѣ съ природою до того, что въ немъ трудно признать сына земли; и не только человѣкъ, но и всѣ животныя и дикіе и кровожадные звѣри, „тигрицы перестанутъ питать своихъ дѣтищъ кровью овецъ, и змѣны, уже болѣе не ядовитыя, приползутъ лизать ноги младенцевъ, играющихъ у дверей бѣлыхъ коттеджей“. Эти мечтанія Шелли объ обновленномъ человѣчествѣ имѣютъ много общаго съ мечтаніями Фурье, хотя и въ нихъ высказался практическій складъ англійскаго ума, недопустившій Шелли дойти до тѣхъ умеченій, до которыхъ дошелъ Фурье. Эти увлеченія, въ которыхъ отразился мистицизмъ, перенесенный на другую почву, доставляли не мало удовольствія тѣмъ пошлымъ, мелко-завистливымъ натурамъ, которыя съ жадной радостью схватываютъ каждую ошибку гения, трубятъ о нихъ, раздуваютъ ихъ съ гору, чтобы имѣть право изъ-за нихъ не видѣть его достоинствъ.

За „Королевой Мэбъ“ послѣдовала поэма „Аласторъ“, въ которой Шелли представилъ юношу, глубоко исчерпавшаго всѣ источники науки, и наука не могла утолить его жажду. Онъ зоветъ наслажденіе, чтобы утолить ее, но то не мутный источникъ, изъ котораго пили герои Байрона, которые своими излишествами нарочно ругались надъ лицемерными добродѣтелями свѣта. Шелли такой же врагъ этого свѣта съ его сантомъ, какъ и Байронъ, но герои его протестуютъ противъ этого санта своей человѣчностью, доходящей до духовности. Юноша ищетъ наслажденія въ чистой человѣческой любви. Онъ призываетъ женщину, которая была бы способна дѣлать всю его жажду знанія, всѣ его

мечты о человечествѣ, и всю его страсть. Въ образѣ этой женщины символически заключается и образъ той жизни, которая нужна юношѣ, чтобы утолить пожирающую его жажду. Юноша не находитъ ея и умираетъ отъ тоски. Это въ несравненно менѣе реальной формѣ, но за то, несравненно глубже взятая идея Вертера. Въ предисловіи къ поэмѣ есть нѣсколько горячихъ строкъ, въ которыхъ поэтъ говоритъ, что участь Аластора завидна въ сравненіи съ участью людей, незнающихъ никогда ни его стремленій, ни его мукъ. Эти строки можно считать парафразой извѣстнаго стихотворенія Рылѣва.

Я не люблю сердецъ холодныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано.

Тѣмъ болѣе, что смыслъ заключительныхъ словъ одинъ и тотъ-же:

Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыгаться суждено.

Аласторъ—поэма отчаянія. Но это отчаяніе въ себѣ, а не въ человечествѣ. Въ ней поэтъ далъ исходъ мукамъ, томившимъ его, когда онъ напрасно запрашивался отвѣта у науки, когда онъ хотѣлъ объять весь міръ съ любовью и спасти его отъ бѣдствій, и видѣлъ, что этотъ міръ чуждъ ему, тѣмъ мукамъ сознанія, что ему не видѣть этотъ день обновленія человечества, въ который онъ вѣрилъ и который звалъ всѣми силами души.

„Возмущеніе Ислама“ появилось въ 1818 г. подъ заглавіемъ „Лаонъ и Цитна“. Эта поэма была полнымъ развитіемъ идей Королевы Мэбъ и Аластора. Издатель Олиеръ задержалъ изданіе поэмы, потому что Лаонъ и Цитна, герой и героиня поэмы, были братъ и сестра. Шелли олицетворилъ въ нихъ обѣ половины человечества, и это кровное родство было символическимъ, но практическая публика не поняла бы символа и приняла бы его за новое доказательство развращенности атеиста Шелли. Шелли сначала не хотѣлъ сдѣлать требуемое измѣненіе, но наконецъ долженъ былъ уступить настояніямъ издателя, боявшагося скандала, который подняла бы поэма.

Въ этой поэмѣ аллегорія еще переищена съ живою поэзіей, но аллегорическій элементъ уже значительно слабѣетъ. Поэма начинается символической битвой орла съ змѣемъ на берегу моря. Свирѣпствующая буря служитъ мрачнымъ фономъ страшной картинѣ. Женщина, печальная какъ любовь, покинутая надеждой, смотритъ на борьбу; орелъ улетаетъ, тяжело уносимый послѣднимъ порывомъ бури. Змѣй, раненный, оправляется и снова возвращается на грудь женщины. Эта борьба орла съ змѣемъ—символь французской революціи. Эта женщина помнила еще перваго жильца міра, который стоялъ на порогѣ Хаоса,

когда надъ безграничною пропастью сіяли два метеора: кроваво-багровая комета и утренная звѣзда. Утренняя звѣзда меркла. Надъ міромъ царилъ мракъ. Врагъ торжествовалъ побѣду, и сѣнь всюду бѣдствія и скорби. Новорожденная порода людей, дикая, голодная, неприютная, презираемая и презрѣнная, ненавидящая добро, скиталась во мракѣ. Женщина была мрачно-покойна, когда буря потрясала небеса, но плакала слезами восторга, когда сквозь мракъ небесъ просвѣчивало сіяніе утренней звѣзды. Эта поэтическая картина служитъ прологомъ поэжъ. Герой поэмы Лаонъ — поэтъ и воинъ за свободу человѣчества; героиня Цитна была смѣлой попыткой начертать образъ женщины, созданной вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, которыя поставлены женщиной условіями общества. Наука не имѣетъ тайнъ для Цитны; она знаетъ и прошлое человѣчества, и въ этомъ знаніи почерпнула предвѣденіе будущаго. Широкое сердце Цитны бьется для скорбей человѣчества. Она призвана на то, чтобы идти пророчицей и людямъ скитающимся во мракѣ принести свѣточъ счастья, новой жизни. Она, по словамъ поэта, предчувствовала, что этотъ удѣлъ будетъ ей даже прежде, чѣмъ въ ея дѣвственной груди забилось сердце женщины. Умирающій поэтъ далъ ей книги и благословилъ вдохновенными и святыми словами тревоги ея молодой души. Мечты ея стали находить свое осуществленіе, когда возстала великая Франція и потрясла, чтобы разбить ихъ, тяжелыя цѣпи. Когда пришли тревоги молодости, она полюбила, но не человѣческое существо, а утреннюю звѣзду. Въ слѣдующую ночь къ ней пришелъ свѣтлый духъ, надъ головой его сіяла эта звѣзда. Онъ поцаловалъ ее и сказалъ: „Духъ любить тебя, смертная дѣва; чѣмъ ты докажешь, что стоишь его любви?“ И вдохновенная имъ, она пошла въ обширный и многолюдный городъ, который былъ тогда полемъ священной борьбы; она ходила посреди мертвыхъ и умирающихъ и дѣлала безстрашные подвиги среди озлобленныхъ враговъ, тихая, какъ ангелъ, въ логовищѣ дракона: она готовилась вынести смерть за свободу и правду, отвергла мирныя утѣхи жизни, и власть, и почести, и когда эти надежды были разбиты, вернулась печальная, до того, что сердца всѣхъ, кто бы слышалъ ея повѣсть, наполнились жалостью. Она, когда кругомъ царитъ отчаяніе, когда поэтъ теряетъ вѣру, говоритъ: „Печаль разумна, но отчаяніе — признакъ безумія и слабости“.

Лаонъ поэтъ, пѣснь котораго „населяетъ мыслью безграничную вселенную и мощная дружина этихъ мыслей, попирая мракъ, разсѣетъ облако невыразимо страшнаго проклятія, которое нависло надъ человѣчествомъ; все въ мірѣ несло дань его свя-

тому и героическому стику: земля, небо, море, планеты, жизнь, слава и судьба, — все, что связывает чудесныя грани міра. Лаонъ, умѣвшій понимать всѣ скорби братьевъ, только встрѣтивъ Цитну выучился понимать исполнѣ скорбь сестеръ своихъ, что „побѣдоносное зло оторвало этихъ прелестныхъ дѣтей отъ лона природы для того, чтобы сдѣлать ихъ рабами своей низкой утѣхи, вмѣсто радостей заставило ихъ служить похоти, пока онѣ не приучились дышать въ атмосферѣ новора“. Цитна, въ которой поэтъ олицетворилъ свою Мери Вулстонкрафтъ, полюбивъ Лаона, дала его симпатіи болѣе широкую цѣль. Цитна оплакивала съ нимъ „рабство, въ которомъ изнываетъ половина человѣчества, жертва похоти и ненависти — рабыня рабовъ“. Лаонъ отвѣчалъ Цитнѣ: „Ты имѣешь право не примириться съ свѣтомъ. Никогда миръ не сойдетъ на человѣческую природу, пока свободные и равные мужчина и женщина не найдутъ миръ семьи. Но до этого времени нужно разбить цѣпи рабства“. Цитна отвѣчаетъ, что это будетъ ея дѣломъ, что она приведетъ толпы счастливыхъ женщинъ на встрѣчу ему, когда миллионы людей, по его призыву, соберутся къ золотому городу. Цитна прощается съ Лаономъ, чтобы идти проповѣдывать свободу. Вмѣсто добровольной разлуки судьба приготовила имъ насильственную. Тиранъ прислалъ своихъ солдатъ-рабовъ похитить Цитну. Дальнѣйшая судьба Цитны описана довольно туманно. Она была жертвой насилія тирана золотого города, затѣмъ безуміе скрыло отъ нея ужасъ ея униженія, и въ бредѣ безумія она видѣла свѣтлое дитя, которое звало ее матерью; излечившись отъ безумія, она пошла на проповѣдь. Лаонъ, раненный, былъ брошенъ въ пещеру и прикованъ къ скалѣ. Святой отшельникъ изъ учителей правды, непризнанный міромъ, отыскалъ его, раскопавъ, вылечилъ и рассказалъ ему о чудѣ, совершенномъ въ золотомъ городѣ дѣвой. Дѣва пришла туда проповѣдывать о спасеніи любовью, о свободѣ; тиранъ приказалъ бросить ее скованную на костеръ, но палачи, тронутые ея голосомъ, раскопали ее; народъ пошелъ за ней толпами... „Женщины съ дико блуждающими глазами толпами сбѣгаются къ ней изъ своихъ роскошныхъ темницъ, отряхнувъ ржавчину отъ долгихъ пѣней, бѣгутъ отъ гнѣва своихъ притѣснителей, отъ ласкъ ихъ пресненной похоти; онѣ совѣщаются съ ней, онѣ положили въ нее свою вѣру. Тиранъ послалъ вооруженныхъ рабовъ уничтожить ея власть; и они, какъ лѣсъ, положенный наземь порывомъ бури, свалываются передъ чарами рѣчи юной дѣвы и встаютъ противъ своихъ вождей. Народъ вооружается и толпами идетъ къ золотому городу; но тиранія не призываетъ его требованій.“

Лаонъ идетъ на битву за свободу. Онъ раненъ, но въ немъ нѣтъ животной вражды къ ранившимъ его, и въ то время, какъ кровь его течетъ, онъ говоритъ слова любви и мира: „О, зачѣмъ зло порождаетъ зло, и страданіе порождаетъ еще сильнѣйшее страданіе? Мы всѣ братья, даже рабы, которіе убиваютъ по найму, — и тѣ люди. Соедините ваши руки и сердца и пусть прошлое будетъ для злыхъ помысловъ могилой, которая не отдаетъ назадъ своихъ мертвецовъ“. И враги протянули руки. Насталъ миръ. Свобода восторжествовала. Павшій тиранъ, покинутый толпой рабовъ, льстецовъ и тѣлохранителей, сидѣлъ одинъ на ступеняхъ трона. Одно дитя, исхудалое отъ голода, не покинуло его; въ этомъ ребенкѣ Лаонъ увидѣлъ сходство съ Цитной. Толпа собралась вокругъ тирана и онъ палъ лицомъ на землю, чтобы скрыться отъ взглядовъ, въ которыхъ читалъ укоръ и презрѣніе. Народъ вспомнилъ все, что вынесъ отъ него, и потребовалъ во имя справедливости казни тирана. Лаонъ выступилъ защитникомъ павшаго тирана во имя высшей любви. „Пусть тотъ казнить его, кто никогда не желалъ зла другому“, сказалъ Лаонъ, и тронутый народъ проводилъ тирана въ его жилище, гдѣ ему для утѣшенія оставили подобіе прежняго блеска.

На другое утро былъ назначенъ праздникъ свободы. За ночь миллионы народа поставили алтарь федераціи, который поднимался, какъ островъ, среди моря головъ. Шелли въ восторженныхъ строфахъ описываетъ ликованіе народа и свѣтлое торжество. „Слышать, видѣть, жить въ это утро, говорить онъ, было упоеніемъ Леты; всѣ собравшіеся отбросили навсегда воспоминанія прошлаго“. У алтаря онъ встрѣчаетъ Цитну, которая оканчиваетъ свою миссію пророчицы, гимномъ равенству, свободѣ и свѣтлому духу, кто бы онъ ни былъ: „природа, богъ, любовь, наслажденіе или симпатія, который слезы печали обратилъ въ свѣтлыя улыбки“.

Недолго было торжество. Помилованіе тирана было преступленіемъ противъ человѣчества. Онъ собралъ войска и шель съ ними снова поставилъ свой тронъ на трупахъ. Лаонъ побѣжденъ, враги тѣснятъ его и смерть его неизбежна, но Цитна является на фантастическомъ татарскомъ конѣ и уноситъ его. Войны, считая ее неземнымъ явленіемъ, пропускаютъ ее между своихъ рядовъ. Здѣсь, потрясенная бѣдствіями человѣчества, фантазія Шелли рисуетъ рядъ мрачныхъ картинъ. Вмѣсто свѣта науки и поэзіи, который засіялъ-было надъ полями и городами, повсюду царитъ жервостъ запустѣнія. Голодь, чума, отчаяніе снова вступили въ свои права надъ землей. Эстетическая

критика строго осудила Шелли за несоблюдение художественной меры в описании этих бедствий. Здесь Шелли не художник, который спокойно творит, взвѣсивая каждую подробность картины и обдумывая каждый переливъ красокъ и тѣней. Это человекъ, чье сердце было глубоко потрясено, потрясено до безумія видомъ бедствий; ужасъ видѣннаго вырывается у него въ дикой безпорядочной импровизаціи, отъ которой леденѣетъ кровь въ жилахъ и становятся дыбомъ волосы.

Проповѣдники свободы должны бѣжать. Лаонъ и Цитна скрылись отъ преслѣдованій и на мигъ забыли горечь обманутыхъ надеждъ въ союзѣ любви. Мѣсто въ поэмѣ, гдѣ Шелли говорить объ ихъ любви, было встрѣчено такимъ градомъ ругательства, передъ которыми блѣднѣетъ знаменитый эпитетъ „мерзавка“, каковымъ награждали добродѣтельныя маменьки Елену изъ „Наванунъ“. Несмотря на глубокое и чистое чувство, которымъ проникнуто это мѣсто, оно было поставлено критикой наравнѣ съ самыми грязными произведеніями скандальной литературы. Поэта природы равняли съ циникомъ, втоптавшимъ ее въ помойную яму.

Лаона и Цитну ждетъ голодная смерть въ пещерѣ, гдѣ они укрылись. Головы ихъ оцѣнены. Жрецы, снова вступившіе въ свои права, увѣряютъ тирана, что для отвращенія голода и чумы нужно принести въ жертву божеству, разгнѣванному уничтоженіемъ троновъ и алтарей, нечестивцевъ, которае возставали противъ него и помазанниковъ его. Лаонъ, чтобы спасти Цитну, идетъ переодѣтый въ совѣтъ вождей и жрецовъ и предлагаетъ выдачу вождя революціи съ тѣмъ, чтобы Цитна была безопасно отправлена въ землю свободы — Америку. Онъ не вѣритъ слову враговъ и требуетъ, чтобы они поклялись именемъ той силы, въ которую вѣрятъ, которой страшатся. Они клянутся—съ тѣмъ, чтобы обмануть. Лаона осуждаютъ на казнь; Цитна сама примчалась на своемъ татарскомъ конѣ, чтобы раздѣлить участь своего друга. Жрецы увѣрили короля, что держатъ клятву, данную врагамъ божества—нечестіе, и Цитна была сожжена съ Лаономъ. Когда изъ-подъ угасавшаго пламени видѣлся обгорѣлый костеръ и толпа и войско смотрѣли на него въ мертвомъ молчаніи, изъ среды ея выступилъ человекъ и бросилъ горькое слово обличенія народу, который далъ убить своихъ пророковъ. „Хорошо ли ты поступилъ? Истлѣли плоть и кости тѣхъ, кто могъ бы отравленный сонъ жизни сдѣлать такой блаженной дѣйствительностью, какой тебѣ никогда не знать безъ нихъ. Они погибли, какъ и древле гибли добрые и великіе, но убійцы ихъ раскаются. Да, много напрасныхъ и бесплодныхъ слезъ прольется прежде, нежели

этот дымъ исчезнетъ подъ небосклономъ. Они погибли не даромъ. Длинный рядъ вѣковъ пройдетъ, а часъ ихъ смерти будетъ жить въ памяти людей и медленно разгорающаяся неугасимымъ огнемъ память объ этомъ часѣ наполнитъ мрачную ночь міра сіяньемъ вѣчнаго утра. Ничто не призоветъ ихъ къ жизни, но когда такіе люди гибнутъ, человѣку дается высокая мудрость отчаянія. Онъ не будетъ больше томиться этой жизнью. Для меня пусть, холоденъ міръ, въ которомъ надежда идетъ такими медленными шагами къ достиженію великаго будущаго". И онъ вонзилъ себѣ въ сердце мечъ и палъ мертвымъ.

Этимъ образомъ Катона Ислама, непережившаго уничтоженія завѣтныхъ надеждъ человѣчества и картиной аутодафе Лаона и Цитны оканчивается живая, человѣчная часть поэмъ. Символика снова вступаетъ въ свои права. Герой и героиня превращаются въ аллегорическія фигуры, какими они были при началѣ поэмъ. Возрожденные изъ пепла, они встрѣчаются въ обновленномъ мірѣ. Онъ описанъ радужно фантастическими красками, какими рисовался эдемъ въ поэтическихъ снахъ младенствующаго человѣчества. Въ этой чудесной странѣ Цитна находитъ свое дитя, которое являлось къ ней въ бредѣ безумія. Дитя послано безсмертнымъ духомъ, чтобы провести Лаона и Цитну на свѣтлые и блаженные Елисейскіе острова—жилище умершихъ за свободу и дитя везетъ ихъ въ очарованномъ челнѣ къ храму духа. Въ этомъ заключеніи иные біографы Шелли упорно хотѣли видѣть примиреніе поэта съ доктринами его страны; но и дальнѣйшія произведенія и вся жизнь поэта не допускаютъ и малѣйшаго сомнѣнія въ возможности этого примиренія. Этотъ безмятежный элизіумъ, этотъ храмъ духа — эмблема безсмертія, которое бываетъ удѣломъ людей, отдавшихъ жизньъ человѣчеству. Мысль не умираетъ. Она не только вѣчный фениксъ, воскресающій изъ собственнаго пепла, она — огонь, одна искра котораго, разрастаясь въ необъятное пламя, можетъ наполнить свѣтомъ все человѣчество. Искра сливается съ пламенемъ, но не уничтожается въ немъ; и передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, будетъ вносить свою долю свѣта и въ самыя отдаленныя времена. Шелли въ этой поэмѣ, какъ и во всемъ, что онъ писалъ, остался врагомъ общественнаго порядка Англіи, и сцена самоубійства исламскаго Катона у костра Лаона и Цитны доказываетъ, что для него не было примиренія съ врагами.

Мелкія поэмъ Шелли подтверждаютъ еще болѣе, какъ напрасна была медвѣжья услуга друзей представить его примиреннымъ. Въ небольшой поэмѣ Джуліанъ и Маддало, онъ даетъ читателю потрясающій образъ сумасшедшаго, котораго и муки со-

миѣнія, и скорбь о челоѣчествѣ вмѣстѣ съ обманутой любовью довели до безумія. И въ трогательныхъ жалобахъ, и въ дикомъ бредѣ безумца поэтъ далъ исходъ всему, чѣмъ наболѣло его сердце, всему, что накопило на немъ годами. Разговоръ между двумя пріятелями, посѣтившими безумца, Джуліаномъ, молодымъ англичаниномъ, глубоко вѣрующимъ въ религію обновленія челоѣчества, и Мадало — венеціанскимъ дворяниномъ, зрѣлымъ мужемъ, который смотритъ взглядомъ циника на челоѣчество, какъ на бессмысленное стадо, и любить заставлять юношу высказываться, — служить прологомъ къ поэмѣ. „Мы слабы и напрасно стремимся казаться сильными“, говоритъ Мадало. „Но цѣпи, сковывающія нашъ умъ, еще слабѣе, возражаетъ юноша; при первомъ порывѣ нашемъ мы видимъ, что онѣ рвутся какъ солома. Мы вѣримъ, многое изъ того, что давить и унижаетъ насъ, можетъ быть побѣждено. Мы знаемъ, что имѣемъ силу многое сдѣлать, многое вынести, но что именно, мы не знаемъ, пока не испытаемъ; но мы родились не на то только, чтобы жить и умереть; такъ учили цари древней мудрости, которые царили прежде, нежели суевѣріе ослѣпило людей; и тѣ, которые страдаютъ съ страдающимъ челоѣчествомъ, въ этомъ убѣжденіи нашли свою религію“. Видъ челоѣка, котораго сила сломилась подъ бременемъ и личной и мировой скорби, котораго не спасла отъ безумія и святыня этой религіи челоѣчества, не поколебала молодого энтузіаста. Поэтъ, уронивъ слезу надъ этой искупительной жертвой, которую потребовала у челоѣчества неумолимая судьба, указываетъ съ этой же пламенной вѣрой на идеаль, который покупается этими жертвами.

Другая небольшая поэма „Розамонда и Елена“, названная по этому современной эклогіей, — та же трогательная пѣснь объ этихъ жертвахъ; въ ней нѣтъ тѣхъ мрачныхъ, потрясающихъ красокъ, какъ въ первой, но то же чувство скорби и тихой грусти пронизываетъ всю поэму. Розамонда и Елена — двѣ пріятельницы, которныя, нечаянно встрѣтившись послѣ многихъ лѣтъ разлуки, передаютъ одна другой повѣсть своей жизни. Одна изъ нихъ, Розамонда — доброе, простое созданіе, которое подчинялось безпрекословно всѣмъ вѣрованіямъ и законамъ общества, не раздумывая о томъ, насколько они истинны, и за свою покорность заплатило цѣлой жизнью несчастій. Ради долга дочерняго она вышла замужъ за старика-деспота, передъ которымъ все трепетало. Она была ему вѣрной, покорной женой; и за эту вѣрность и покорность злобный старикъ, отищая ей за то, что не нашель въ ней любви, завѣщаніемъ отнял у нея дѣтей, какъ у „невѣрующей въ религію Христа и прелюбодѣйки, которая могла бы

воспитать ихъ только на гибель“. „Отнялъ“ не совсѣмъ вѣрное выраженіе; но онъ, зная жену, завѣщалъ, что если она послѣ чтенія завѣщанія прикоснется къ дѣтямъ, то они будутъ лишены наслѣдства. „Ты знаешь, что такое бѣдность, говорить Розамонда: — это преступленіе, вѣчный мракъ, позоръ и бездомная нужда, скитающаяся полунагая по мерзлымъ дорогамъ, это — страданіе и, что хуже всего, пятно презрѣнія къ себѣ, которое мрочить въ горькой усмѣшкѣ сіяющую, какъ звѣзды, улыбку юности, и сначала превративъ слезы ея въ горячую желчь, иссушаетъ источникъ ихъ навсегда“. Мать не могла обречь дѣтей на такую долю. Не простившись съ ними, она ушла навсегда, покрытая позоромъ, преслѣдуемая поруганіями того общества, законамъ котораго она принесла въ жертву свою жизнь. Подруга ея жила жизнью свободы, и она была несчастна. Въ жизни нѣтъ счастья для служителей свободы, кромѣ счастья служить ей. Елена — тотъ же типъ Мери Вульстонкрафтъ Годвинъ, только безъ ея талантовъ, — она просто любящая, преданная женщина, которая дѣлитъ жизнь любимаго человѣка вмѣстѣ съ его убѣжденіями. Лайонель ея — самъ Шелли. Онъ на потѣху глумящейся толпы, на преслѣдованіе враговъ свѣта выступилъ въ рабскомъ, разлагающемся обществѣ проповѣдникомъ свѣта и возрожденія. Онъ сѣялъ, зная, что ему не придется собрать жатвы. Для него была минута торжества, но она скоро прошла, и онъ, изгнанный съ разбитымъ сердцемъ, искалъ утѣшенія въ любви и нашелъ ее. Елена пошла за нимъ, затаявъ глубоко на сердцѣ рану, нанесенную презрѣніемъ отвергнувшихъ ее друзей. Лайонель за проповѣдь свободы былъ брошенъ въ тюрьму и вышущенъ изъ нея умирающимъ. Онъ умеръ. Елена осталась жить, сохраняя въ сердцѣ, какъ утѣшеніе, его пророческій стихъ. Но хотя счастье не далось и Еленѣ, у ней были минуты, для которыхъ стоило родиться: у ней была святиня, которая дала ей силы перенести жизнь. По смерти Лайонеля она осталась жить, воспитывая въ сынѣ достойнаго наслѣдника отца. Разбитая жизнью Розамонда, несмотря на то, что ей возвратили дочь, вскорѣ умерла, оставивъ дочь на воспитаніе Еленѣ.

Эта небольшая поэма, которая по силѣ уступаетъ другимъ произведеніямъ Шелли, показалась англійскому обществу такимъ же, если не еще болѣе скандальнымъ произведеніемъ, какимъ ему показался Донъ-Жуанъ Байрона. Въ Донъ-Жуанѣ Байронъ то ставитъ на пьедесталъ любовь и природу какъ въ пѣсняхъ о Ганде, то съ злобнымъ цинизмомъ срываетъ съ нея ореолъ поэзии и красоты и показываетъ подъ нимъ сотовъ пошлой интриги, какъ въ пѣсняхъ о Джуліи; но онъ не возводилъ свободную

любовь въ догматъ, какъ Шелли. Шелли былъ ненавистенъ пуританской морали едва-ли еще не болѣе Байрона, тѣмъ, что, подрывая ее, не давалъ ей никогда, какъ Байронъ, разными фоблазовскими картинами повода накинуться на него съ озлобленіемъ—и критика обходила безъ этого повода.

За то Шелли болѣе, нежели Байронъ, давалъ поводъ недалёковидной критикѣ упрекать его въ якобинствѣ. Критика Quarterly Review отвѣчала ему повтореніемъ ругательствъ противъ французской революціи Бёрка, говорившаго: „Мы не были приготовлены и выпотрошены, какъ набитыя птичьи чучелы въ музеѣ для того, чтобы быть наполненными лохмотьями соломы и мерзкими клочьями грязной бумаги“. Но ругательства—не доказательства. Не стало дѣло и за доказательствами, основанными на законахъ исторической необходимости и на непонятномъ знаменитомъ изрѣченіи Гегеля: „что дѣйствительно, то разумно“. Шелли могъ ошибаться во взглядѣ на прошлое значеніе того, противъ чего онъ боролся всей силой своего таланта, всей силой своей страстной природы, но онъ былъ правъ во всемъ, что касалось настоящаго. Исторія оправдала сумасброда и утописта Шелли. Но агитація послѣднихъ годовъ въ пользу парламентской реформы, невольныя уступки, вырываемаыя свободой у самыхъ заклятыхъ враговъ ея, доказываютъ, что приближается время, когда часть изъ „утопій“ Шелли осуществится и когда критикамъ его, если бы они дожили до того времени, пришлось бы сознаться, что не одна ихъ дѣйствительность была разумна, но разуменъ и протестъ противъ нея, потому что и онъ дѣйствительность, онъ — созданіе той же жизни.

Одно изъ главныхъ правъ Шелли на славу поэта—его драма „Раскованный Прометей“. Эта драма—доказательство, насколько выше идеаль челоуѣка, выработанный цивилизаціей новаго времени, идеала, выработаннаго греческой цивилизаціей. Въ драмѣ Эсхила, мощный титанъ прикованъ къ холодному Кавказу, чтобы искупить преступленіе — передачу людямъ Зевесова огня; онъ не выносить мукъ, и, покорившись Зевесу, отрекается отъ своего дѣла. Прометей Шелли до конца вѣренъ себѣ. Онъ остается врагомъ Зевеса. Этотъ защитникъ рабовъ неба людей не смирится, какъ бы ни терзали его фуріи, въ которыхъ поэтъ олицетворилъ всѣ скорби челоуѣчества, и передъ этими терзаніями страданія Прометея Эсхилова, когда коршунъ рветъ его внутренности, кажутся блѣдны и слабы. Эта драма выше эсхиловой драмы по мысли; но что касается исполненія, то драма Шелли, по нѣсколько туманной философіи, которая проникаетъ все, что онъ писалъ, уступаетъ далеко рельефности и пластичности драмы

Эскила. Прометей Шелли не древній злинь, а большой сынъ большаго вѣка; онъ не созданіе, возмутившееся противъ своего творца, какъ Эскиловъ Прометей, за то, что суровый запретъ Зевеса сковывалъ его волю,—онъ такой же гордый духъ, какъ и Зевесъ, и хотя прикованный къ скалѣ, сильнѣе Зевеса; у него свое царство—мысль, свобода духа, надъ которой безсильна Зевесова воля. Онъ говоритъ Зевесу: „Властитель всѣхъ боговъ и демоновъ и духовъ, кромѣ меня одного, которые наполняютъ толпами эти свѣтлые, катающіеся міры и которыхъ одни мы, ты и я, созерцаемъ изъ всѣхъ живыхъ существъ очами, не знающими сна. Три тысячи годовъ, бессонные часы и минуты которыхъ полны мукъ до того острыхъ, что они казались годами; эти муки к одиночеству, презрѣніе тебѣ и отчаяніе — вотъ мои владѣнія, они несравненно славнѣе твоего могущества, которое ты созерцаешь съ твоего, не внушающаго мнѣ зависти престола, о могущій богъ. Я сказалъ бы всемогущій, еслибы не висѣлъ здѣсь прикованный къ скалѣ въ этихъ горахъ, недосигаемыхъ для полета орла, черныхъ, холодныхъ, мертвыхъ, неизмѣримыхъ, гдѣ нѣтъ ни травки, ни насѣкомаго, ни животнаго, ни признака или звука жизни!“ Голоса съ горъ, вихрей и воздуха вторятъ жалобамъ Прометея и наконецъ подаетъ голосъ земля. „Нѣмныя пещеры въ каменныхъ скалахъ кричали: горе! пустое небо отвѣчало: горе! и багровыя волны океана, взбираясь на землю, завывли на встрѣчу крутящемуся вѣтру и блѣдные народы услышали то же слово: горе!“ Затѣмъ земля говоритъ Прометею, что она не смѣетъ еще говорить голосомъ жизни, чтобы владыка небесъ не услышалъ ее. Она зоветъ Прометея мудрымъ и добрымъ, онъ больше бога, потому что онъ добръ и мудръ. Она зоветъ его своимъ сыномъ; и „по каменнымъ жиламъ ея до послѣднихъ фибровъ листа высокихъ деревьевъ, трепетавшаго въ холодномъ воздухѣ, радость пробѣжала какъ волна горячей крови въ живомъ тѣлѣ, когда изъ нѣдръ ея возсталъ какъ сіяніе славы — Прометей“. Мысль поэта ясна въ этихъ словахъ—Прометей апопоеоза чело- вѣчества.

Фуріи, посланныя Юпитеромъ терзать его, приготовили для него не тѣ пытки, которыми терзаемъ былъ Эскиловъ Прометей. Тѣло Прометея не рвется ключьями и внутренности его не вышвырываются коршуномъ. Для Прометеевъ новой поэзіи нужны другія пытки, пытки духа, а не тѣла. Фуріи высчитываютъ передъ Прометсемъ всѣ страданія челоуѣчества и ими грозятъ ему. На ихъ угрозы, на ихъ злобный хохотъ онъ отвѣчаетъ словами страданія о злобѣ ихъ: „Я взвѣшу не то, что вы можете сдѣлать со мной, но то, что вамъ приходится выстрадать

за то, что вы злы". „Мы будемъ жить какъ ужасная мысль въ твоёмъ мозгу, какъ гнусное желаніе въ твоёмъ негодующемъ сердцѣ, какъ кровь въ лабиринтѣ твоихъ жилъ застывать отъ муки". Прометей непобѣдимъ. Онъ отвѣчаетъ: „Вы и теперь такъ живете во мнѣ; а я по прежнему владѣю себя и управляю терзающей меня толпой еврипидъ, какъ Юпитеръ править вами, когда адъ возмущается". Фуриі зовутъ всѣ бѣдствія земли и ада. „Ты видѣлъ кровь и огонь, говорятъ онѣ, ты слышалъ стоны, но за ними есть еще незримое, неслышное, худшее зло". Худшее? спрашиваетъ потрясенный Прометей. Фуриі отвѣчаютъ: „Въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ живетъ ужасъ, наполнившій его бездонную глубину. Самые смѣлые боятся признать то, что они считаютъ истиной. Лицемеріе и привычка сдѣлали изъ ума человѣчества алтарь для вѣроваій, нынѣ износившихся. Нѣтъ вещи, которой бы сильные не смѣли сдѣлать, и они не смѣютъ принять мѣры для блага человѣка. У добрыхъ нѣтъ силы, они могутъ только лить безплодную слезу; у сильныхъ нѣтъ доброты; у мудрыхъ нѣтъ любви; у любящихъ нѣтъ мудрости; все доброе земли смѣшано на зло. Есть много сильныхъ и богатыхъ, кляющихся своей праведностью, и они живутъ среди своихъ страдающихъ собратій, не чувствуя ихъ муки. Они не знаютъ чтѣ дѣлаютъ". „Твои слова какъ стая крылатыхъ змѣй, но я жалѣю тѣхъ, кого они не жалятъ", отвѣчаетъ Прометей фуриі. „Ты ихъ жалѣешь, я молчу", говорятъ фуриі и, побѣжденная, покидаетъ Прометея. Прометей говоритъ: „Все твоё страшное мщеніе—,пораженіе твоё, а не побѣда. Зрѣлище страданій, которое ты мнѣ показалъ, укрѣпляетъ мою душу новой силой бороться, пока не настанетъ часъ, когда и слѣдовъ не будетъ того, чтѣ есть". Человѣчество въ лицѣ Прометея побѣдило и нравственное страданіе. Оно взяло его добровольно, какъ помазаніе. Оно сильнѣе зла, и эта побѣда въ мірѣ духа поведетъ за собой побѣду въ мірѣ вещей.

Въ третьемъ актѣ мы видимъ совершеніе этой побѣды. Демогоргонъ, образъ вѣчности, прилетаетъ въ колесницѣ духа часа къ трону земли. Громы Зевесовы безсильны передъ нимъ; Зевесъ исчезаетъ какъ облако въ пропасти ничтожества; власти царя Олимпа положенъ конецъ навѣки. Геркулесъ расковыриваетъ Прометея и рядъ мифологическихъ боговъ и духовъ торжествуютъ паденіе Зевеса и побѣду Прометея. Духъ земли и духъ часа сравниваютъ мрачное прошедшее человѣчество съ настоящимъ. „Разбиты цѣпи; люди побратски обходятся другъ съ другомъ, какъ духи; никто не ползаетъ, никто не давитъ; ненависть, презрѣніе и рабскій страхъ, себялюбіе или презрѣ-

не къ себѣ исчезли: на челѣ человѣчества не было написано болѣе, какъ на вратахъ ада: „Оставь надежду навсегда“. Ни кто не грозилъ, никто не трепеталъ, никто съ жадной боязнью не смотрѣлъ въ холодно повелѣвающіе глаза другаго. Никто не складывалъ губы въ лукавую улыбку, высказывавшую ложь, которую не хотѣли высказать губы; никто болѣе съ горькой усмѣшкой не гасилъ въ сердцѣ своемъ искру любви и надежды, пока въ сердцѣ оставалась одна горькая зола полусожженной души, и несчастный пресмыкался между людьми какъ вампиръ, заражая всѣхъ своей смертоносной болѣзнью. Не слышно было болѣе пошлыхъ, живыхъ, холодныхъ, ничтожныхъ рѣчей, которыя заставляютъ сердце вѣрить произносимому ими: да. И женщины, искреннія, прекрасныя, добрыя, какъ благодатное небо, посылающее свѣтъ и росу на обширную землю, проходили какъ нѣжны лучезарныя видѣнія, чистыя отъ пятна обычая и преданій, на устахъ ихъ были слова мудрости, о которой онѣ прежде не смѣли мечтать; во взглядахъ ихъ чувства, которыя онѣ нѣкогда страшились испытывать; онѣ стали тѣмъ, чѣмъ прежде не смѣли быть, и, ставши тѣмъ, превратили землю въ небо. Не было ни гордости, ни ревности, ни зависти, ни ложнаго стыда, самой горькой изъ капель желчи, отравлявшихъ чашу любви“. Затѣмъ вслѣдъ за поэтической картиной разрушенія всего, что держалось могуществомъ Зевеса, онъ создаетъ образъ новаго человѣка. „Спала отвратительная маска, остался одинъ человѣкъ, безъ скипетра, свободный, несвязанный ничѣмъ, равный, свободный человѣкъ, не приписанный ни къ роду, ни къ націи. Царь самого себя, праведный, кроткій, мудрый „человѣкъ, но не безстрастный, нѣтъ; во чистый отъ преступленія и страданій прошлаго, которыя были созданы его волей, поддержаны его терпѣніемъ; но не свободный отъ случая и смерти—отъ того, что можетъ постичь въ недостижимыхъ небесахъ и гордую звѣзду, мерцающую въ необъятномъ пространствѣ. Драма заключается словами Демогоргона — олицетворенія вѣчности. Хоръ духовъ природы и боговъ Олимпа восклицаетъ: „Говори, твой мощныя слова не прейдутъ нивогда“. Демогоргонъ говорить о Прометѣѣ: „Терпѣть страданія, которыя казались безконечными надеждѣ, переносить обиды черныя ночи и смерти, возставать противъ насилія; любить, терпѣть до конца; до конца надѣяться, пока надежда не создастъ изъ своихъ обломковъ того, чего она ищетъ; не измѣняться, не слабѣть, не раскаиваться—вотъ слава твоя, о титанъ: вотъ въ чемъ жизнь, радость, сила и побѣда!“

Во всѣхъ произведеніяхъ Шелли подъ разными формами проходитъ та же мысль—это вѣчная борьба добра со зломъ, свѣта

съ тьмой, которая была предметомъ вдохновенныхъ пѣсень древнихъ пророковъ, которая жила во всѣхъ мѣстахъ человечества. Въ поэзіи Шелли она принимаетъ отгѣнки философскихъ и политическихъ ученій девятнадцатаго столѣтія, отъличается на всѣ событія его. Освобожденіе Греціи внушило ему драму: „Элладу“. Онъ называлъ ее лирической драмой, потому что собственно тутъ нѣтъ никакой драмы; дѣйствующія лица, какъ и въ драмахъ Байрона, обрисованы не дѣйствіемъ, а своими монологами—и драма эта поэма въ рѣчахъ, какъ и байроновскія драмы. Махмудъ хочетъ знать, побѣдитъ ли онъ возставшихъ грековъ. Гоици одинъ за другимъ являются извѣстить его объ успѣхахъ возставшихъ грековъ; онъ видѣлъ зловѣщій сонъ и страшится новыхъ бѣдъ. Ему говорили о старикѣ еврей, который предсказываетъ будущее; онъ велитъ привести его. Старикъ тотъ же Агасееръ, который появлялся и въ юношеской поэмі Шелли „Королева Мэбъ“. То былъ отверженный людьми Агасееръ, осужденный на вѣчное скитаніе, погнавшійся въ вѣчной враждѣ тому, что обрѣкло его на эти скитанія. Агасееръ Эллады—созданіе не зврѣлой фантазіи юноши и юношескаго фанатизма. Онъ не фанатикъ, изрекающій проклятія; Агасееръ Эллады—мудрецъ, испытанный жизнью; передъ нимъ не даромъ протекали вѣка и онъ въ нихъ выучился читать судьбы человечества и смотрѣть не безстрастнымъ, но спокойнымъ взоромъ ясновидца, провидящаго за кровавой тьмой настоящаго великую цѣль, къ которой идетъ человечество. „Ты презираешь меня и монахъ“, говоритъ ему Махмудъ, думая, что Агасееръ откажется повѣдать ему будущее. Презирать тебя? отвѣчаетъ Агасееръ. „Я не презираю и червя, ползающаго у монахъ ногъ“, и онъ вызываетъ передъ трепещущимъ Махмудомъ тѣнь Магомета втораго. Тѣнь говоритъ: „горе, горе народу, который задыхается въ послѣднихъ, предсмертныхъ судорогахъ“. Въ заключеніе драмы хоръ поетъ о новыхъ Аѳинахъ, которые возстанутъ изъ праха и воскресятъ для человечества весь блескъ своего прежняго величія и силы. Поэтическое пророчество Шелли не сбылось относительно Аѳинъ. Но главное значеніе не въ самой лирической драмѣ, сколько въ прологѣ, который, къ сожалѣнію, сохранился въ очень отрывочномъ видѣ. Онъ отмѣченъ глубиной мысли и прелестью поэзіи Шелли. Это разговоръ Христа съ сатаной: Христосъ, колѣнопреклоненный передъ Всемогущимъ, молитъ его за аврору народовъ—Грецію; онъ молитъ его ради чела, источившаго кровавый потъ, ради зияющихъ ранъ и терноваго вѣнца и мукъ позорной смерти возстановитъ Грецію для свободы. Сатана издѣвается надъ царемъ въ терновомъ вѣнцѣ, скипет-

рожь котораго была надломленная трость: онъ хвалится прошлымъ, въ которомъ онъ царилъ одинъ, и перечисляя всѣ фиаки злобы, которые онъ изливалъ на человѣчество, и въ будущемъ видѣть свое неизмѣнное торжество. Христосъ отвѣчаетъ ему: „Ожесточенный духъ, ты видишь въ будущемъ одно прошлое; гордость — твое преступленіе и твое наказаніе. Не хвались своимъ владычествомъ; не мечтай, что твои владѣнія нѣчто болѣе искръ отъ печи или капель дождя передъ той силой, которая рождаетъ и направляетъ ихъ. Истинному величію не нужно владѣній; истинное превосходство живетъ въ духѣ, въ которомъ содержится все живущее; онъ даетъ его и тѣмъ мірамъ, которые ты зовешь своими“. Здѣсь обрывается прологъ. Этотъ отрывокъ какъ нельзя яснѣе показывалъ критикамъ Шелли, что поэтъ не могъ быть врагомъ ученія Христа, какими его считали; человѣчная сторона этого ученія была вполне родственна натурѣ Шелли, и если онъ въ своей Королевѣ Мэбъ, въ видствіе юношескаго увлеченія односторонне взглянулъ на него, приписавъ ему тѣ искаженія, которыми книжники и фарисеи легкое иго любви и братства обратили въ бремя неудобноносимое, то въ болѣе зрѣломъ возрастѣ онъ отдалъ ему должную дань. Англійское духовенство, по извѣстному изреченію, было *plus royalis que le roi*. Прологъ Эллады, это пророчество побѣды Христа надъ сатаною, добра надъ зломъ, упрочилъ за Шелли названіе врага общества и человѣчества.

Нельзя довольно удивиться ослѣпленію общества, заклеившаго этимъ именемъ поэта, всѣ герои котораго были люди, взявшіе на свои плечи скорбь человѣчества. Въ этомъ Шелли, несмотря на многія родственныя черты его поэзи съ байроновскою, рѣзко расходится съ Байрономъ. Поэзія и того и другаго отличалась субъективностью, но герои Байрона: Лара, Манфредъ, Корсаръ — все мрачныя образы его собственной неукротимой природы. Байронъ, титанъ, который задыхался въ атмосферѣ пигмеевъ. Ему, чтобы находить вкусъ въ жизни, нужно было острое возбужденіе борьбы съ опасностями, кипучія страсти, тревоги битвы. Шелли не отступалъ передъ борьбой, но не искалъ ея ради сильныхъ ощущеній, которыми пресыщенный жизнью, избалованный аристократъ развлекалъ свою хапдру. Онъ бралъ ее, какъ скорбный искусъ, которымъ покупается счастье человѣчества; онъ несъ ее, какъ святой долгъ, отрекшись отъ котораго человѣкъ теряетъ право на имя человѣка. Его герои Лаонъ, принцъ Атаназъ, герой небольшой неоконченной поэмы, не играютъ жизнью людей ради своей потѣхи, не вымещаютъ на другихъ неповинныхъ обманы и оскорбленія, которые имъ

пришлось вынести отъ людей, но твердо идти своимъ путемъ, ища свѣта въ наукѣ и исходя кровью за все человѣчество. Въ принцѣ Атаназѣ всего болѣе сказалась личность Шелли. Атаназъ, дитя богатства и власти, ищетъ одной мудрости; онъ чуждъ злобныхъ радостей, которыя, загорѣвшись въ груди пошлой толпы, быстро гаснутъ въ смрадномъ дымѣ, оставляя въ душѣ мрачную тревогу; его не страшили тѣ ужасы, которыми суевѣріе жрецовъ окружаетъ могилу; онъ не былъ рабомъ ни земной, ни небесной силы; онъ умѣлъ стремиться къ высшимъ цѣлямъ и любить; и когда его личныя радости умерли, онъ умѣлъ находить радость въ счастья другихъ; онъ и въ печали работалъ для своихъ собратьевъ, но не похожій на другихъ, не могъ найти въ этой работѣ услажденія самолюбія. Онъ никогда не употреблялъ во зло силу, которую ему давали знаніе и богатство, чтобы поддержать живныя идеи, которыми черствые богачи ослѣпляютъ народъ, чтобы морить его съ голода. Онъ никогда не удерживалъ отъ кого-либо должное ему; но считая себя только управителемъ своего богатства, дѣлилъ его съ тѣми, кто трудился и плакалъ, съ бѣдными и мудрыми земляками.

Аристократія и буржуазія вволю глумились надъ этимъ героемъ утопіи Шелли, забывая, что въ то же время Оуэнъ дѣлалъ свои первыя попытки и что поэту не нужно было искать оригиналовъ для своего принца Атаназы. Ему стоило только вспомнить объ этомъ замѣчательномъ челоуѣкѣ, тоже считавшемъ себя только управляющимъ челоуѣчества, которому принадлежало его состояніе; ему стоило только облечь въ форму поэзіи исповѣдь собственной жизни. Чтобы довершить сходство съ поэтомъ, „принцъ Атаназъ былъ безстрашенъ и презиралъ притворство; что онъ смѣлъ дѣлать или думать, онъ говорилъ о томъ открыто передъ лицомъ міра, хотя бы люди удивились тому. Онъ умѣлъ повѣдать самыя сокровенныя мысли свои словами, а не хватало словъ—онъ улыбался или плакалъ. Онъ не презиралъ и не ненавидѣлъ своихъ безсильныхъ враговъ, хотя съ смертельной ненавистью они преслѣдовали его тысячами голосовъ; они не трогали его какъ стрѣлы, пушенные мимо цѣли“. У принца Атаназы былъ учитель, мудрецъ Зонира, который научилъ его понимать жизнь, посвятивъ его въ мудрость, которую вѣками копили учителя челоуѣчества. Въ привлекательномъ образѣ мудраго старца Шелли отдалъ дань благодарности учителю своему, доктору Линду, который одинъ поддержалъ его въ тяжелыя минуты, когда незрѣлый умъ юноши изнемогалъ подъ натискомъ истины, разрушавшей его отрадное дѣтское міросозерцаніе. Поэма обрывается, когда любовь сходитъ утѣшеніемъ

къ принципу Атаназу. Немного строкъ говорятъ о героинѣ поэмы и о „духѣ, сверкавшемъ въ ея глазахъ“. Впрочемъ, что героиня была бы той же дѣвой, любимой духомъ, какъ дѣва, которой королева Мэбъ показываетъ судьбы человѣчества, или какъ Цитва—пророчица и апостолъ свободы. Этотъ идеалъ женщины будущаго не покидалъ Шелли. Онъ считалъ несправедливымъ, что дѣляя половина человѣчества была обречена законами и предрасудками общества не знать тѣхъ высокихъ стремленій, которыя для него составляли вѣнецъ жизни. Врагъ всего, что урѣзывало жизнь, что уродовало силы человѣка, онъ находилъ безчеловѣчнымъ порядокъ, который давилъ эти силы въ тѣсные тиски. Онъ разбивалъ стѣны темницы, въ которыхъ томила женщина, и выводилъ ее на просторъ міровой жизни, обѣщавъ ей всю полноту земли, которая доступна человѣчеству. Онъ не заставлялъ женщину, какъ узкіе моралисты, бѣдный умъ которыхъ не въ силахъ обнять эту ширь развитія, эту полноту жизни,—платить за нее отреченіемъ отъ самыхъ законныхъ радостей жизни, не превращалъ для женщины свѣтъ науки, служенія человѣчеству въ огонь весталокъ, который закрѣпостилъ бы ихъ себѣ какъ рабынь; онъ понималъ своимъ широкимъ чуткомъ поэта и свѣтлой мыслью философа, что и для науки и для служенія человѣчеству нужны здоровые люди аскеты-же и добровольные, а тѣмъ болѣе невольные не бываютъ ими никогда. И этотъ идеалъ не былъ созданіемъ разгоряченной мечты поэта; у поэта былъ передъ глазами живой типъ женщины этого идеала въ женѣ его Мэри Вульстонкрафтъ. Мэри успѣла быть и женой, сохранившей человѣчеству его поэта, нѣжной, заботливой матерью и вмѣстѣ съ тѣмъ писательницей, романъ которой „Франкенштейнъ“, написанный во вкусѣ того времени и подъ фантастической формой, скрывавшей философскую мысль,—пользовался въ свое время европейской извѣстностью, переводился на разные языки. Только въ послѣднее время передовые мыслители Англіи доказали, что было жизненнаго въ идеалѣ женщины Шелли и общество въ лицѣ передоваго меньшинства дѣлаетъ первые шаги къ тому, чтобы этотъ идеалъ изъ міра поэзіи спустился въ міръ дѣйствительной жизни.

При жизни Шелли, за исключеніемъ немногихъ его друзей, одиѣ женщины отозвались сочувственно на этотъ идеалъ. Шелли получалъ множество писемъ отъ женщинъ и безимянныхъ и подъ чужими именами, полныхъ выраженій глубокаго сочувствія и благодарности и вмѣстѣ самыхъ пламенныхъ желаній для осуществленія того прекраснаго будущаго, радужный образъ котораго создавалъ поэтъ. Увлеченіе женщинъ идеями Шелли не ограни-

чилось этими письмами. Одна женщина, молодая красавица и богачка, бросила состояніе, свѣтъ, семью и пріѣхала къ Шелли въ Швейцарію просить его позволить ей раздѣлить его жизнь; она говорила, что ей не страшны ни позоръ, ни нищета; что она и прежде чувствовала себя несчастной въ той жизни, которую создали ей условія общества, но прочитавъ его Королеву Мэръ и Возстаніе Ислама, она не могла болѣе жить прежней жизнью. Этотъ поступокъ, нелѣпая выходка сумасбродки въ глазахъ свѣта, глубоко тронулъ Шелли. Но у него была уже его преданная подруги Мэри. Онъ съ глубокимъ благоговѣніемъ отнесся къ бѣдной женщинѣ, которая послѣ долгаго разговора съ нимъ уѣхала, и не возвращалась болѣе. Онъ долго не могъ узнать ея имени. Она два года спустя умерла въ нищетѣ. Она не захотѣла снова вернуться къ той жизни, въ которой нашла только страданіе и униженіе; она говорила, что еслибы прежде была минута, когда рѣшимость ея разорвать съ прошлымъ слабѣла, то послѣ того, какъ она увидѣла Шелли, она не могла колебаться болѣе. Байронъ, несмотря на свои успѣхи у женщинъ, не имѣлъ такого сильнаго вліянія на умы женщинъ и не внушалъ ни одной изъ нихъ того, можно сказать, религіознаго культа, какой Шелли внушилъ и такой энергической женщинѣ, какъ романтическая незнакомка, и такой замѣчательной женщинѣ, какою была его вторая жена. Этимъ культомъ онъ обязанъ тому высокому идеалу женщины, который онъ проводилъ своей поэтической фантазіей и который былъ чуждъ Байрону, искавшему въ женщинѣ только сильныхъ ощущеній страсти.

Современные Шелли мудрецы, да и не они одни, относились съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ этому идеалу—созданію поэтической фантазіи—забывая, что и фантазія, наравнѣ съ другими силами души, развивается жизнью. Человѣкъ не можетъ создать изъ ничего, и въ каждомъ созданіи фантазіи, какъ бы неестественно и даже дико оно ни было, лежитъ неизмѣнно зародышъ дѣйствительной жизни. Успѣху поэзіи Шелли и вмѣстѣ съ тѣмъ распространенію его идеаловъ много вредилъ недостатокъ реальности дѣйствующихъ лицъ его поэмъ. Всѣ они на половину живые люди, на половину аллегорическія фигуры; общество же было расположено принять и живыхъ людей его за аллегорическія фигуры. Полной реальности образовъ невозможно было и требовать отъ гѣнца будущаго. Даль, которая лежала между нимъ и этимъ будущимъ, придавала образамъ неясныя полуфантастическія очертанія, но тѣмъ не менѣе подъ этими очертаніями скрывалась живая жизнь. Такъ мы, видя въ туманной дали неясную фигуру, приближающуюся къ намъ, знаемъ, что то

идеть къ намъ живой человекъ. Чѣмъ worse зрѣніе, тѣмъ скорѣе оно различить приближающуюся фигуру и этой заслуги прозрѣнія въ грядущее слѣпые вожди слѣпыхъ не хотѣли признать за Шелли.

V.

Оставшіеся по смерти Шелли отрывки показываютъ, что съ годами его талантъ принялъ бы болѣе реальное направленіе. Шелли началъ писать драму „Карлъ I“. Эпоха послѣднихъ годовъ правленія этого короля давала богатый матеріалъ для воплощенія въ живые образы идей, которымъ служилъ поэтъ. Задавленная королевской властью Англія начинала сознавать свои права на свободу. Какъ ни свирѣпствовала звѣздная палата, какъ ни тиранствовала аристократія вмѣстѣ съ духовенствомъ, представителемъ котораго былъ кровожадный архіепископъ Лодъ, изъ англійскаго народа одинъ за другимъ выходили мученики за свободу. Немногія уцѣлѣвшія сцены задуманы очень удачно. При дворѣ маскарадъ: королевская власть считаетъ политичнымъ прикрывать маской веселія тревожныя опасенія. Народъ мрачно смотритъ на проходящую процессію масокъ. Граждане мистическимъ языкомъ пуританъ пророчатъ гибель за грѣхи и архіепископу, который „Лондонъ превращаетъ въ Римъ, и идетъ такъ гордо, какъ будто онъ попираетъ головы народа“, и королевѣ, хананейской Іезавели, и всѣмъ лордамъ, которые унизили честь имени англичанина, принявъ участіе въ почестяхъ нечестивцевъ. „Нашли время для маскарадной потѣхи, ропщете народъ, когда англичане и протестанты должны посыпать головы пепломъ. Когда и законники надѣла маску, пришла пора честнымъ людямъ сорвать ее“. Вслѣдъ за масками выводятъ Лейтона съ замлейненнымъ лицомъ, раздаются проклятія. Въ другой сценѣ король совѣщается съ своими министрами и членами звѣздной палаты, какъ положить конецъ народному недовольству, и посылаетъ Страффорда уполномоченнымъ въ Ирландію. Будь вторымъ я, говоритъ онъ, и не останавливайся и передъ сомнительными средствами. „Ваша самая незначительная мысль — законъ для меня“, отвѣчаетъ Страффордъ, и приговоръ Ирландіи былъ произнесенъ въ этихъ словахъ. Опьяненіе власти сильно; Карлъ не подозрѣваетъ, что роетъ себѣ могилу этими мѣрами. Одинъ шутъ прибаутками своими о потопѣ слезъ и крови, который скоро придетъ и поведетъ за собой потопъ огненный, нагоняетъ страшное предчувствіе на королеву, и та спѣшитъ разсѣять его

весельемъ и музыкой. Въ то же время въ звѣздной палатѣ читають приговоръ Баствику, осуждающій его за возмущеніе и ересь уплатить пять тысячъ фунтовъ королю, лишиться обоеихъ ушей, быть залейменнымъ каленнымъ желѣзомъ и заключеннымъ въ ланкастерскомъ замкѣ, пока на то будетъ воля суда. Судья, обращаясь къ подсудимому, требуетъ, чтобы онъ сказалъ то, что можете служить къ смягченію кары закона. Баствикъ въ смѣлой рѣчи доказываетъ, что эту казнь заслуживаютъ тѣ, которые осудили его. „Милорды, еслибы я, какъ прелатъ, захватилъ въ свои руки королевскую власть и публично издѣвался, какъ они, надъ словомъ божіимъ, еслибы я былъ, какъ они, кощунствующимъ идолопоклонникомъ, суевѣрнымъ папистомъ, лишеннымъ разума, честности и умѣренности, и еслибы для меня, какъ и для нихъ, сатана былъ богомъ и образомъ всего, чего я всю жизнь избѣгалъ, еслибы я былъ врагомъ моего Бога и Господа и всѣхъ добрыхъ людей, какъ вы,—тогда бы я заслужилъ ваше страшное величіе, раззолоченную пышность, которая, когда настанетъ для васъ часъ пробужденія отъ вашего послѣдняго сна, превратится въ одежды вѣчнаго огня. Но таковъ, какъ я есть, я требую, чтобы вы не поскупились для меня на единственную земную милость, которую вы можете дать мнѣ, или я захочу принять отъ васъ—позоръ, изувѣченіе и тюрьму... Такъ сдѣлалъ мой учитель, такъ будетъ, пока небесное царство не сойдетъ на землю и земля не станетъ отблескомъ свѣта небесъ“. Въ послѣдней сценѣ Гэмпденъ покидаетъ рабскую Англію для Америки. Онъ ждетъ попутнаго вѣтра для отплытія въ страну свободы. „Привѣтствую тебя, быстрый вѣстникъ бури! Ты поведешь сердца, свободныя какъ ты, къ владѣніямъ такимъ же чистымъ, какъ твои, далеко за предѣлы власти тирана, далеко отъ паутины, которую раскидываетъ этотъ раздутый паукъ... далеко отъ проклятій, клеветъ и лжи безбожныхъ священниковъ“. Эта драма обличала большую зрѣлость таланта Шелли; онъ готовился ею вступить на тотъ путь, который указывала ему жена. Мери Вульстонкрафтъ постоянно наставляла, чтобы Шелли бросилъ свой апокалипсическій тонъ и вмѣсто аллегорическихъ фигуръ бралъ въ дѣйствующія лица живыхъ людей. Она имѣла большое вліяніе на него и въ будущемъ можно было ожидать еще болѣе зрѣлыхъ произведеній, которыя показали бы обществу всю жизненность идеаловъ Шелли. Разумѣется, съ нашей точки зрѣнія реализмъ этой драмы покажется очень неудовлетворительнымъ. Длинные монологи и ходульность языка покажутся утомительными и неестественными, но не надо забывать, что Шелли взялся изображать эпоху, въ которую таковой языкъ былъ языкомъ при-

дворянскѣ и образованныя люди; языкомъ же мѣщанъ и народа былъ мистическій библейскій языкъ. Наконецъ, во время Шелли поэзія еще только начинала говорить болѣе естественнымъ языкомъ; и обороты, которые кажутся намъ фальшивыми, какъ наприѣръ: „И корнѣя съ тираніей, бдительный страхъ и заговоръ, зорко смотрящій, лежатъ заснувши у порога ада“,—были въ то время привычнымъ языкомъ поэзіи.

За нѣсколько лѣтъ до начала драмы „Карла I“ Шелли написалъ драму Ченчи. Поэтъ, мечтавшій о царствіи небесномъ на землѣ, не отступилъ передъ мрачнымъ ужасомъ, передъ нечеловѣческими преступленіями такого отродья новаго міра, какъ Ченчи. Проводнику свободы человѣчества нужно было показать ему, что и цѣни природы бессильны удержать отъ мщенія оскорбленное чувство и поруганное достоинство человѣка. Характеры драмы очерчены мастерски. Старый, закаленный въ злодѣйствахъ извергъ, пресмыкнившійся жизнью, который оживаетъ только задумавъ новое чудовищное преступленіе, не созданіе мрачной фантазіи;—онъ живое существо, онъ страшное извращеніе, до котораго доходило челоуѣчество. Страшный Франческо Ченчи—чудовищное извращеніе личности. Передъ его силой все гнется, все падаетъ во прахъ; онъ не знаетъ никакой узды своимъ желаніямъ; захочетъ и переступить за тѣ грани, передъ которыми отступаетъ съ ужасомъ челоуѣчество. Онъ въ гордомъ сознаніи своей силы презираетъ все челоуѣчество, убѣжденный, что люди не подражаютъ ему потому только, что не смѣютъ. Образомъ этого изверга Шелли показалъ обществу, до какихъ извращеній доуускаетъ челоуѣчество цивилизація, основанная на духѣ индивидуализма, который даетъ полный просторъ для развитія всѣхъ силъ однихъ сильныхъ міра. Ченчи былъ однимъ изъ сильныхъ своей земли; природа дала ему огромной запасъ дикой, страшной силы. Повиновеніе, предписанное и челоуѣческими и божескими законами сильныхъ земли, открывало полный просторъ этой страшной, дикой силѣ. Вассалы, семья—все было въ волѣ стараго Ченчи. Земной судъ не былъ страшенъ ему, онъ былъ въ его рукахъ; духовный тоже, отъ него можно было откупиться золотомъ. Религія съ своими угрозами ада бессильна надъ челоуѣкомъ, который на угрозы ея вѣчными муками за злое дѣло, отвѣчаетъ: я знаю, что меня ждутъ муки, но я хочу сдѣлать это дѣло. Совѣсть давно убита. Я то, что вани теологи зовутъ завесѣльнымъ, говоритъ Ченчи. И челоуѣчество ничѣмъ не застраховало отъ такихъ изверговъ, пока челоуѣкъ растеть къ убѣжденію, что онъ даръ земли, что его воля всемогуща, что его я центръ, къ которому должны таготѣть всѣ его стремленія,

что благо этого я, земное или загробное, должно быть единственной цѣлью этого тяготѣнья. Одинъ принципъ братства — признанія правъ другихъ личностей, легшій въ основу отношеній между людьми, застрахуетъ человѣчество отъ Ченчи.

Зло родитъ зло. Беатриче, чистый цвѣтокъ, разцвѣтшій на краю мрачнаго вертепа, дѣлается отцеубійцей. Беатриче, одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ, когда-либо созданныхъ поэзій. Она, какъ и всѣ героини Шелли, глубоко религіозная натура, она не хочетъ купить освобожденія изъ-подъ власти отца, даже когда ее зоветъ на то любовь, цѣной измѣны религій и своему идеалу нравственности. Орсино предлагаетъ ей просить у папы снять съ него обѣты священства; она противится: въ характерѣ Орсино есть склонность къ двуличности и лукавству, которая не нравится ей. Въ ней одной осталось еще мужество поддерживать несчастную мать и брата, и она не покинетъ ихъ. И это нѣжное существо, полное любви ко всему міру, которое чуждѣтъ отъ мрачной тѣни, падающей на нее отъ злодѣяній отца, сама хладнокровно замышляетъ убійство отца. Мачиха, братъ, Орсино колеблются, она непоколебима. У убійцы дрогнула рука, она непреклонна и снова посылаетъ его докончить дѣло. Она терпѣла, пока было силъ. Она просила защиты у общества; оно, молча сносившее, какъ сильный злодѣй ругался надъ нимъ, хвалился своимъ безчеловѣчьемъ, трусливо отказало ей. Она просила защиты у закона, законъ сказалъ ей: ты должна терпѣть. Но есть мѣра терпѣнію человѣческому. Чаша переполнилась; Беатриче отомстила и законъ, бросившій ее беззащитною на жертву извергу, покораилъ ее за то, что она своимъ судомъ искала справедливости, въ которой онъ отказалъ ей.

Шелли думалъ поставить эту драму на сцену и черезъ пріятеля просилъ знаменитую актрису того времени миссъ О'Нейлъ взять роль Беатриче; но она отказалась, испугавшись чудовищности пьесы. Общество считало приличнымъ видѣть на сценѣ только ужасы древняго міра, и трагедія Ченчи никогда не была поставлена на сцену. Несмотря на нечеловѣческій ужасъ пьесы, Шелли чуткѣе поэта умѣлъ придать проблескъ челоуѣчности даже извергу Ченчи. Ченчи осушавъ до послѣдней капли всю чашу страшныхъ ощущеній, которыя даютъ злодѣйства: чувства его притупились ко всѣмъ ужасамъ и задумавъ новое, неслыханное злодѣйство, онъ колеблется: „странно сказать, мой духъ слабѣетъ, когда думаю о томъ, что я рѣшилъ“, говоритъ онъ, и, ему нужно призвать себѣ на помощь всю силу долголѣтней привычки къ злодѣйству; ему нужна и чаша крѣпкого вина, чтобы не отступить передъ ужасомъ задуманнаго. Искра чело-

гичности гаснетъ въ закаленномъ злодѣѣ, но она была. Всѣ остальные характеры драмы выдержаны до конца: и двуличный Орсино, попавшійся въ разставленные сѣти, и безхарактерный Джакомо Ченчи, выдавшій сестру и себя съ мачихой при первых угрозахъ пыткой, и лукавое корыстолюбивое духовенство, которое казнить весь домъ Ченчи, чтобы захватить его имѣнія.

По мѣрѣ того, какъ зрѣлъ талантъ Шелли, поэтъ смѣнялъ порой пророческій тонъ ироніи на бичующій смѣхъ сатиры. Онъ написалъ подъ шутовскимъ псевдонимомъ Мичингъ Маллеко, означавшимъ, по словамъ шекспировскаго Гамлета, все зло, сатирическую поэму Питеръ Белль третій. Питеръ Белль примѣрный методистъ; его глаза всегда подняты кверху, углы губъ опущены, онъ говоритъ въ носъ и въ каждомъ словѣ, которое говоритъ или поетъ, упоминаетъ о милости божіей. Питеръ на старости заболѣлъ болѣзью, которой доктора не могли присказать названія. Набожные друзья явились утѣшать его доказательствами, что онъ предназначенъ къ аду. Питеръ умираетъ со страха и отправляется прямо въ адъ, душа его давно была куплена чортомъ за полкроны. Къ удивленію Питера, чортъ оказывается не страшилищемъ, съ хвостомъ и копытомъ, а очень приличнымъ джентльменомъ, похожимъ и на поэта, продающаго свои рѣшмы за мѣшокъ золота, и на государственнаго человѣка, зампшляющаго преступленія, и на рыцаря промышленности, живущаго удачей. Адъ, къ величайшему удивленію Питера, оказывается какъ двѣ капли воды похожимъ на Лондонъ: тамъ есть и высшій судъ, и король, и чернь мануфактуристовъ — шайка воровъ, выбранная ворами же, чтобы быть ихъ представителями; есть войско, есть и государственный долгъ, есть и цѣлая система бумажныхъ денегъ, смыслъ которой означаетъ: вы оставьте себѣ воскъ, а отдайте намъ весь медъ; а мы за то посадимъ, пока дни еще солнечныя, цвѣты, которые вамъ дадутъ зимой медъ. Тамъ лоттереи, злоба, обманутыя ожиданія, джизнь, самоубійство и методизмъ. Тамъ женщины, жеманясь, пищатъ о своей добродѣтели и толкаютъ своихъ болѣе нѣжныхъ сестеръ къ погребу, безъ которой чѣмъ было бы ихъ собственное цѣломудріе. Тамъ адвокаты, судьбы, канцлеры, епископы, люди военной славы. Вслѣдъ за длиннымъ перечнемъ жильцовъ ада поэтъ, говоритъ: „Въ этой давекѣ осужденныхъ всѣ прокляты и проклинаютъ другъ друга, но они не прокляты и не проклинаются никѣмъ инымъ, кромѣ самими собой и другъ другомъ.“ Ложь сказать, что Богъ проклялъ: гдѣ былъ небесный судья, когда люди впервые сказали ее? Государственные люди сами осуждаютъ

себя на проклятіе, адвокаты продають души тому, кто больше дастъ, какъ на аукціонѣ; духовенство за то, что видить любовь Бога въ горячихъ угольяхъ. Богатые прокляты безнадежно за то, что морять съ голода и топчуть бѣдняковъ и безпомощныхъ, а бѣдняки обрекають свои разбитыя сердца на проклятіе тѣмъ, что безропотно выносятъ ударъ за ударомъ. Иногда они обрекають себя на него и тѣмъ, что берутъ у Коббетта его табакъ—местъ, плохое средство достигъ блаженства, — потому что это зелье, изъ котораго черви, питающіеся имъ, выжмутъ еще меньше питанія, нежели сколько въ нихъ прежде было его; есть немногіе, какъ тѣ, кого мы знаемъ, которые несутъ проклятіе, богъ одинъ знаетъ за что и вѣрять, что умъ данъ имъ на то, чтобы превратить этимъ безобразный адъ въ рай, въ каковой вѣрѣ они живутъ и умирають. Эта картина обреченныхъ на адскія муки заканчивается выводомъ, безотрадность котораго могла бы сравниться съ картиной разрушенія міра, которую Байронъ создалъ въ своей поэмѣ „Тьма“, еслибы онъ относился не къ одному настоящему поэту. „Всѣ прокляты: всѣ дышать воздухомъ тяжелымъ, зараженнымъ, изгоняющимъ радость; каждый гонится за тѣмъ, что ему кажется лучшимъ, забота подкапывается какъ кроетъ въ ихъ умѣ и тамъ вырываетъ обширныя пещеры-дворцы и тамъ увѣнчанная царить на престолѣ“.

Питеръ Белль усердно служить чорту, пока наконецъ отъ этой службы его не избавляетъ — стихотворство. Питеръ зналъ толкъ въ водахъ озера, умѣлъ прибирать рѣны къ словамъ свѣтъ и любовь, Питеръ Белль сдѣлался поэтомъ; что же касается идей поэзіи Питера Белля, то онъ не былъ вигомъ, не былъ тори, не былъ денстомъ, ни христіаниномъ, за то у него было крѣпко-вкорененное убѣжденіе — убѣжденіе Кальвина и Доминика — что счастье человѣчества зло. Сверхъ того Питеръ обладалъ способностью все наблюдать съ корыстолюбивымъ желаніемъ. Такъ онъ смотрѣлъ въ лицо умирающей страны своей, и когда она призывала послѣдній поцалуй его, оплакивая, что всѣ ее покинули, онъ отвернулся съ чертовой усмѣшкой и холодно сказалъ своей душѣ: „Какъ ты думаешь, не сложить ли намъ про нее поэму, когда она умретъ; или нѣтъ! у меня въ головѣ новая мысль. Ея саванъ пригодится на простыню мнѣ; жена просить новыхъ простынь. Затѣмъ Питеръ пишетъ похвальную оду чорту, въ которой призываетъ смерть и проклятіе ада на народъ: отъ Манчестера до Глазго, — и пусть твои тѣлохранители, взываетъ онъ чорту, рѣжутъ женщинъ и дѣтей“. Чортъ наградиъ Питера, но несмотря на его награду, Питера постигла страшная кара, которую Шелли называлъ двойнымъ про-

клятиемъ. На Питера напала скука, заразившая все окружающее его: семью, родныхъ, друзей, всю окрестность, гдѣ онъ жилъ. Мертвящая скука оковала все и всѣхъ; никто не двинулся бы съ мѣста даже для того, чтобы спасти умирающую мать. Всѣ ушли изъ этой страны, кромѣ полуидіотовъ и полумерзавцевъ, которые готовы были жить хоть на могилѣ своихъ отцовъ, лишь бы не платить ничего, чортъ освободилъ отъ платежа земли Питера Белля. „И на семь миль въ окружности царить зараза мертвящей скуки, живнь призраковъ безъ звука. Эта кара связана съ душой Питера неразрывно, и она никогда не сойдетъ съ нея“.

Нетрудно угадать, кто герой поэмы—это злополучный Вордсвортъ, которому такъ жестоко съ его школой лэкистовъ доставалось и отъ Байрона. Онъ отрекся отъ проклятiя ада, которое несъ Шелли, проклятiя вѣрить, что умъ данъ человѣку на то, чтобы превратить адъ въ рай, и жить и умирать въ этой вѣрѣ, и за то понесъ двойное проклятiе скуки. Но кромѣ скуки другое проклятiе не сходитъ съ души Питера Белля — память о его усердномъ служенiи чорту все будетъ сохраняться, пока будетъ жить англійская литература.

Эта сатира производитъ, несмотря на шутовство ея, впечатлѣніе острой боли. Каждая сатира должна производить тяжелое впечатлѣніе: она рождается среди больного, общества, создается умомъ, наболѣвшимъ отъ болѣзней его; но сатира Шелли, по глубоко страстному характеру своему, производитъ потрясающее впечатлѣніе, несмотря на то, что; Шелли недостаетъ той выдержанности тона, которою отличаются сатиры Свифта. Въ Свифтѣ мы видимъ озлобленнаго писателя, рука котораго не дрогнетъ, когда онъ накладываетъ на своихъ согражданъ клеймо гунн-гунмовъ; читая его, кажется, что видишь палача, безстрастно и привычно исполняющаго свое дѣло безошаднаго правосудiя, и немногимъ можетъ придти въ голову, что палачъ за это видимое безстрастіе платится сумасшествiемъ. Въ сатирѣ Шелли рядомъ съ шутовствомъ мы видимъ скорбь; усмѣшка глумленiя, едва сложившись, исчезаетъ, уступая мѣсто улыбкѣ глубокой печали, и вмѣсто смѣха сатирика слышится грозное обличеніе пророка, вызывающаго въ людямъ: покайтесь, чтобы не погибнуть.

Шелли оставилъ множество мелкихъ стихотворенiй¹, замѣчательныхъ по прелести стиха и поэтическимъ красотамъ; главное мѣсто изъ нихъ занимаетъ „Эндиміонъ“, посланіе къ Эмилиіи Вивіали, несчастной молодой дѣвушкѣ, которую отецъ, по на-

¹ Два изъ нихъ читателю найдутъ ниже, въ переводѣ В. Ю. Маркова.

ущенію мачихи ея, засадилъ въ монастырь; несчастная думала освободиться замужествомъ, и послѣ двухлѣтней нравственной пытки наконецъ нашла свое избавленіе въ смерти; „Адонансъ“, элегія на смерть молодого поэта Китса, поэзія котораго была родственна поэзіи Шелли, и его „Пѣснь людямъ Англіи“, единственная и вполне удачная попытка народной поэзіи. Характеръ этой пѣсни такъ же мраченъ, какъ и жизнь народа, для котораго она сложена. Эта пѣсня, мрачный паэось которой невозможно передать въ переводѣ, появилась въ 1819 г., одномъ изъ самыхъ бѣдственныхъ годовъ, пережитыхъ англійскимъ народомъ, но она прошла незамѣченной. Шелли, какъ уже сказано выше, не пользовался популярностью, и эта пѣсня пѣлась только въ немногихъ кружкахъ тѣхъ, кого англійскій народъ звалъ якобинцами и чьи дома онъ жегъ. Шелли самъ не раздѣлялъ идей якобинцевъ и звалъ ихъ табакомъ Коббетта, изъ котораго бѣдные черви не получаютъ здороваго питанія. Въ наше время идея пѣсни Шелли „Людямъ Англіи“ становится символомъ вѣры англійскаго народа.

Послѣднимъ произведеніемъ Шелли была неоконченная поэма: „Торжество жизни“. Содержаніе поэмы—тоже думы о человѣчествѣ. Все прошлое его проносится въ поэтическомъ видѣніи передъ поэтомъ; съ страшной быстротой, какъ въ пляскѣ жертвецовъ, появляются и исчезаютъ государства, народы, цивилизаціи; всѣ они думаютъ заковать жизнь, торжествовать надъ ней побѣду, и всѣ въ бѣшеномъ круженіи исчезаютъ—добычей смерти. Въ сторонѣ отъ этой бѣшеной пляски чей-то одинокій голосъ закричалъ поэту: Жизнь! Онъ увидѣлъ, что дальній призракъ, который онъ сначала принималъ за сѣдой пень, былъ мертвецъ съ сѣдыми волосами, отставшій отъ кружащейся толпы. Мертвецъ сказалъ ему: „Если ты можешь держаться въ сторонѣ отъ этого круженія, какъ я всегда держался, я тебѣ расскажу, что привело къ нему моихъ товарищей и какъ оно шло съ самаго начала до этой минуты... Если въ тебѣ отъ того, что ты узнаешь, не погаснетъ желаніе знать болѣе, слѣди уже одинъ за ними. Я усталъ“.—Кто ты?—спросилъ поэтъ“. „Я, отвѣчалъ мертвецъ, напрасно стараясь скрыть страшныя впадины, въ которыхъ не было болѣе глазъ:—я терзался страхомъ, любилъ, ненавидѣлъ, страдалъ, работалъ и умеръ; и еслибы искра, которую небо зажгло во мнѣ, нашла болѣе чистую нищу на землѣ, то разложенію смерти не пришлось бы взять такъ многое изъ того, кто прежде былъ Руссо“. Руссо показываетъ поэту на немногія гигантскія тѣни, выдающіяся въ этой бѣшеной пляскѣ: дѣти славянъ, съ скрещенными на груди руками, унесенное навѣки страшнымъ

кружениемъ; Вольтеръ, Фридрихъ, Екатерина; и эти тѣни разсчитывали на побѣду надъ жизнью, и ихъ побѣдила жизнь. Меня же, говоритъ Руссо, побѣдило одно—мое сердце, которое ни позоръ, ни могила не могли охладить къ цѣли его. „Пусть они несутся мимо, говоритъ поэтъ: —я не хочу поклоняться тѣмъ, которые начертали новые образы на живомъ и хрупкомъ стеклѣ“. Вслѣдъ за ними въ сіяніи славы проходитъ Платонъ и древніе мудрецы и мудрецы новаго міра, „чертившіе планъ иныхъ временъ“. Поэтъ не вынесъ этого круженья и обернулся къ востоку, гдѣ загоралось утро. Тамъ свѣтлый образъ показалъ ему рядъ радужныхъ видѣній; но онъ не захотѣлъ ихъ видѣть одинъ. Онъ захотѣлъ позвать братьевъ, кинулся въ потокъ проносившихся въ бѣшеной пляскѣ тѣней: онъ открылъ грудь свою для холодныхъ волнъ свѣта; его не удержали ни яркіе цвѣты, ни журчанье ручья, навѣвающее забвеніе; онъ боролся съ волнами, онъ пробивался впередъ и видѣлъ все тотъ же ужасъ смерти. Онъ упалъ измученный на дорогѣ, какъ до него упали многіе, и въ ужасѣ и отчаяніи закричалъ: „Что-же такое жизнь?“ На этомъ воплѣ намученнаго сердца остановилась поэма. Смерть не дала поэту отвѣтить на этотъ вопросъ, на него отвѣтили еще прежде всѣ созданія поэта: жизнь—стремленіе къ совершенству, жизнь—служеніе братству, свободѣ, жизнь—подвигъ для блага человѣчества.

„Проклятый вопросъ“: что такое жизнь, какъ неотвязный призракъ, становился между лучшими людьми вѣка Шелли и самой жизнью. Германская философія учила людей проникать въ сущность всего сущаго, и сущность эта, недоступная пониманію, ускользала въ ту минуту, когда жадный умъ думалъ схватить ее, и оставляла въ рукахъ его явленіе, которое онъ истеривалъ со всѣхъ сторонъ и снова гнался за таинственной сущностью, пока измученный погоней не отрезался отъ нея, и кидѣтъ со всѣмъ тѣмъ ото всего, что даетъ цѣну жизни, часто отъ самой жизни. Биографіи людей этого вѣка—или мариологъ мучениковъ мысли, или позорныя страницы измѣтъ ей. Одни, не вынеся нравственной пытки, сжигали жизнь на адскомъ камнѣ сильныхъ ощущеній, страстей, другіе — кончали ее въ бредѣ безумца; третьи — старые мѣха, невынесеніе броженія молодого вина, выливали его на землю и спѣшили наполниться перебродившимъ до уксусной кислоты старымъ виномъ. Одинъ Шелли выдавался одинокимъ исключеніемъ между этими людьми. И онъ, какъ и другіе, не дорожилъ жизнью, которая для него была пыткой, но онъ не бросалъ ее, какъ негодный хламъ на минутную потѣху азартной игры, на то, чтобы неизвѣстность: убита

ли карта или нѣтъ, разогнала хандру пресыщенія; Шелли не зналъ этой хандры, и когда онъ ставилъ жизнь и силы на карту, то ставилъ ихъ для блага братьевъ. За то Шелли одинъ и отвѣтилъ на „проклятый вопросъ“.

Нѣтъ ничего легче, какъ съ точки зрѣнія настоящаго времени, когда нынѣ вопросы сдаются въ архивъ за невозможностью разрѣшить ихъ, упрекать Шелли за то, что онъ потратилъ столько времени и силъ на это разрѣшеніе. Но онъ не былъ бы сыномъ своего вѣка, еслибы не пытался сдѣлать это: онъ шелъ тѣмъ же роковымъ путемъ, которымъ шла человѣческая мысль. Гёте говоритъ, что каждый человѣкъ неизбежно долженъ потратить и время и силы на эти попытки для того, чтобы имѣть вѣрное понятіе о своихъ силахъ и убѣдиться въ необходимости ограничиться извѣстнымъ кругомъ для того, чтобы сдѣлать что-нибудь. Проклятые вопросы сдаются въ архивъ только незначительнымъ меньшинствомъ; за этимъ меньшинствомъ стоитъ огромное большинство, которому путь къ мысли лежитъ черезъ тѣ же вопросы, томившіе Шелли, черезъ тѣ же муки сомнѣнія; а за этимъ большинствомъ — масса, которой мысль спитъ непробуднымъ сномъ; и благо тѣмъ, кто пробудитъ въ ней мысль. Поэзія Шелли надолго еще сохранитъ свое значеніе для тѣхъ, въ комъ пробудилась мысль.

Для тѣхъ, кто непременно хочетъ загнать мысль въ определенную клетку и приписать надъ ней определенный ярлыкъ, очень трудно найти эту клетку съ ярлыкомъ для поэзіи Шелли. Критики его потратили много времени на рѣшеніе вопроса, кто онъ: атеистъ, материалистъ, пантеистъ; друзья его выходили изъ себя, опровергая эти предположенія, и распинались, доказывая, что онъ былъ берлеистъ, то-есть послѣдователь ученія епископа Берклея о таинственной духовной силѣ, проникающей все. Этотъ вопросъ всего удачнѣе разрѣшаетъ издатель произведеній Шелли, Росетти, говоря, что Шелли былъ въ равное время всѣмъ понемногу. И эта неопредѣленность вполнѣ естественна въ поэтѣ. Поэзія тамъ, гдѣ она оставляетъ кисть живописца для того, чтобы стать эхомъ мысли, не можетъ занять и строго-опредѣленный языкъ мыслителя, подводящій каждое понятіе подъ извѣстную рубрику. Поэзія — языкъ чувства не преимуществу. Поэзія Шелли была выраженіемъ глубокаго, страстнаго чувства, съ какимъ поэтъ созерцалъ природу и жизнь. Эта глубина и страстность отвѣчала пантеизму, который былъ преобладающимъ міросозерцаніемъ людей его времени. Про Шелли можно съ равной справедливостію сказать сказанное про Гёте:

Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорилъ морская волна.

Вездѣ, гдѣ у него говорить духъ природы, вездѣ, гдѣ онъ описываетъ природу, видѣнъ поэтъ, живущій съ ней одной жизнью. На лонѣ ея искалъ Шелли утѣшенія отъ той тоски по другому міру, по другому человѣку, которая медленно сжигала его, и глубокой потрясающей паеосъ, съ которымъ онъ говорить о ней, поднимается до обожанія вѣрующаго, преклоняющагося передъ своимъ божествомъ. Наравнѣ съ природой онъ обоготворяетъ и другую великую силу—духъ человѣка. Разумѣтся, онъ понимаетъ этотъ духъ иначе, нежели понимали протестантскіе епископы, и за это пониманіе онъ былъ названъ ими матеріалистомъ и атеистомъ. Но этотъ матеріалистъ и въ своей юношеской поэмѣ „Королева Мэбъ“, проникнутой ученіемъ энциклопедистовъ и ихъ нѣсколько одностороннимъ взглядомъ на христіанство, говоритъ: „Духъ—единственная стихія“, въ смыслѣ силы, управляющей жизнью человѣка. Эти слова доказываютъ какъ нельзя яснѣе, что матеріалистъ Шелли—былъ идеалистъ, и несмотря на то, въ своихъ соціальныхъ убѣжденіяхъ онъ держался теорій, которыя всего болѣе ненавистны лагерю, выставившему на своемъ знамени слово „идеализмъ“. Эти идеалисты, отпавляясь отъ той же точки, что „духъ—единственная стихія“, проповѣдуютъ, что духъ самъ собой долженъ рано или поздно восторжествовать надо всѣмъ, что стѣсняетъ полное проявленіе его силъ; идеализмъ ихъ есть въ сущности индивидуализмъ съ его заповѣдью: *laissez faire, laissez passer*, которая, узаконяя стѣсненіе слабыхъ, оставляетъ полный просторъ для сильныхъ міра. Этотъ индивидуализмъ былъ чуждъ поэту, который въ своей поэмѣ Адонаисъ училъ человѣчество, что есть другая сила, которая сильнѣе смерти, великая, созидаящая сила—любовь; ему ненавистна была эта живая свобода, которая могла быть удѣломъ одной горсти и оплачивалась рабствомъ, если не юридическимъ, то фактическимъ. Онъ училъ, что эту живую свободу—свободу сильныхъ давить слабымъ—надо оковать духомъ любви, духомъ братства. Все зло въ мірѣ родилось оттого, что этотъ духъ чуждъ сильнымъ міра. Голодъ, нищета создаютъ преступленія. Тутъ Шелли противорѣчить себѣ отчасти, такъ-какъ изъ этихъ словъ оазывается, что духъ не единственная стихія“, что тѣло можетъ имѣть вліяніе на духъ. Несмотря на то, изъ вышесказаннаго ясно, что міросозерцаніемъ Шелли былъ мистическій социализмъ, который въ разныхъ оттѣнкахъ проповѣдывали Жоржъ-Зандъ, Сень-Симонъ, Фурье, хотя большая трезвость англійской расы не дала ему дойти до увлеченій послѣднихъ.

Это міросозерцаніе не складывается у Шелли въ строгозаконченную доктрину съ скрижалами закона, указывающими вѣрующимъ каждый шагъ, какъ то дѣлали Сень-Симонъ и Фурье. Шелли въ изступленіи пророка видитъ свой золотой городъ и показываетъ его всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, зоветъ ихъ на работу для созиданія этого города. Судьи, слѣпые и глухіе къ знаменіямъ времени, могутъ отнести этотъ городъ къ созданіямъ фантазіи, которая ищетъ въ жизни невозможнаго совершенства, и не находя его, свой больной бредъ выдаетъ за предвидѣніе будущаго; но люди, имѣющіе глаза, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать, узнаютъ, что иное изъ того, что видѣлъ Шелли въ золотомъ городѣ своемъ, изъ области поэтической мечты переходитъ въ дѣйствительную жизнь. Чувство всегда прокладываетъ дорогу мысли, а мысль—дѣлу. Если въ поэзіи Шелли и есть доля фантастичности, если поэтическіе сны его, въ которыхъ онъ забывалъ скорбь свою о жизни и человѣкѣ, рисуютъ намъ человѣка будущаго существомъ неземнаго совершенства,—то вина въ томъ лежитъ столько же на Шелли, сколько и на томъ времени, въ которое онъ жилъ, и о которомъ онъ говоритъ въ стихотвореніи „Англія въ 1819 г.“ Старый, слѣпой, презрѣнный, сумасшедшій король, принцы, подонки тупоумной расы, которые какъ грязь, вытекающая изъ грязнаго потока, плодятся подъ презрѣніемъ общества; правители, которые не видятъ, не чувствуютъ, не знаютъ, но какъ пиявки впиваются въ изнуренную страну, пока, ослѣпши отъ ея крови, не упадутъ сами собой. Народъ голодающій, котораго рѣжетъ въ его невспаханномъ полѣ войско, которое для убійства свободы и добычи служитъ обоюдоострымъ мечомъ въ каждой захватившей его рукѣ. Дорогіе и кровавые законы, которые искушаютъ и казнятъ, религія, чуждая ученію Христа, безбожная книга за печатами, совѣтъ, самое худшее изъ учрежденій нашего времени.“ Чѣмъ меньше даетъ человѣку жизнь, тѣмъ большаго онъ требуетъ отъ нея. Ненаходящая исхода сила уходитъ на мечтанія, и чѣмъ мрачнѣе жизнь, тѣмъ радужнѣе они. Ихъ свѣтъ, мерцающій, невѣрный, какъ лучъ лампы, долженъ замѣнить узнику въ тюрьмѣ солнце, скрытое отъ него мрачными стѣнами ея. Такое стихотвореніе, какъ „Англія въ 1819 году“, должно, въ силу этого закона человѣческой природы, закончиться стихомъ, которымъ оно и закончилось. „Все это могилы, изъ которыхъ славный призракъ долженъ вырваться, чтобы освѣтить наши бурные дни“.

Но если и есть что неосуществимое въ мечтаніяхъ Шелли, даже еслибы и все въ нихъ было неосуществимо, то лучше не-

сравненно тратить, какъ онъ, силу и жизнь въ такихъ безплодныхъ мечтаніяхъ о человѣчествѣ, нежели, отчаявшись, помочь злу, махнуть на все рукой, и запершись въ своемъ тѣсномъ углу, проконопашить всю жизнь въ своихъ маленькихъ ничтожныхъ интересахъ; человѣкъ этими мечтаніями, какъ бы они тщетны ни были, раздвигаетъ узкія рамки своей жизни для того, чтобы онъ вмѣстѣ въ себя жизнь человѣчества. Ложь, чтобы эти мечтанія, согрѣтыя теплою любовью, были безплодны. Если они не принесутъ никакихъ результатовъ для настоящаго, за то въ нихъ зародышъ будущаго. Все, что создано человѣчествомъ, все, что отнято имъ у духа злобы, у духа тьмы, прежде чѣмъ осуществилось въ жизни, жило въ мысли, и въ мысли было зарождено мечтой. Мысль дала форму призрачному созданію мечты, а дѣло дало плоть формѣ, созданной мыслью. И потому, пока живо человѣчество, въ числѣ его свѣточей будутъ стоять поэты, какъ Шелли, которые будутъ имѣть право сказать про себя, что онъ сказалъ про героя поэмы „Возмущеніе Ислама“: „Пѣснь его насыщаетъ мыслью безграничную вселенную и мощная дружина этихъ мыслей, попирая мракъ, разсѣветъ облако невыразимо страшнаго проклятія, которое нависло надъ человѣчествомъ“.

М. Цибрикова.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ШЕЛЛИ.

I.

Къ жаворонку.

Пѣнья духъ чудесный!
Нѣтъ, не птичка ты,
Съ высоты небесной,
Отъ сердечной полноты,
Щедро льющій звуки дивной красоты.

Отъ земли ты вьешься
Свѣтлымъ облачкомъ,
Выше все несешься
Въ небѣ голубомъ,
• Съ пѣсней рѣшь, и звенишь какъ серебромъ.

Въ златѣ уходящихъ
Солнечныхъ лучей,
Посреди блестящихъ
Облачныхъ зыбей,
Ты, линуя, мчишься, чуждѣ земныхъ цѣпей.

Пурпуръ неба, тая,
Вкругъ тебя горить,
Какъ звѣзда ночная
Въ блескѣ дня, ты скрять,
Но мнѣ слышно, какъ твой звонкій гимнъ гремитъ,—

Нѣжный, серебристый,
Какъ нѣжна звѣзда,

Что въ зарѣ огнистой
Тонеть безъ слѣда,
Но мы знаемъ, гдѣ блеснуть она всегда.

Пѣсню громогласной
Все вокругъ полно...
Такъ при ночи ясной,
Въ облачко одно
Мѣсяцъ спрятанъ, но имъ все озарено.

Кто съ тобой сравнится
Роскошью даровъ?
Дождикъ, что струится,
Въ брызгахъ съ облаковъ,
Не свѣтлѣй, чѣмъ токъ твоихъ жемчужныхъ строфы!

Такъ, пѣвецъ свободный,
Въ блескѣ чистыхъ думъ,
Лирой благородной
Будить спящій умъ,
Слухъ плѣняа сквозь тревожный міра шумъ.

Такъ, влюбленной дѣвы,
Съ башни надъ горой,
Сладкіе напѣвы
Льются въ часъ ночной,
Съ вѣгой жаркой, съ упорной тоской.

Такъ, во мглѣ росистой,
Намъ издалека
Видѣнь фосфористый
Лучъ отъ свѣтляка,
Изъ-за травъ густыхъ, прикрывшихъ червячка.

Дождика сверканье,
На лугу, весной,
Вешнихъ розъ дыханье, —
Все, что красотой
Дышетъ свѣжей — не плѣнять, какъ ты, собой!

Пѣнья духъ! открой намъ
Тайну чувствъ своихъ...
Т ССVIII. — Отд I.

Пѣснямъ дай нестройнымъ
Звукъ нотъ живыхъ,
Звукъ порывовъ восторгающихъ твоихъ!

Что при нихъ, въ сравненъи,
Нашихъ пѣсень хоръ,
Наши вдохновенья? —
Чувствъ враждебныхъ споръ,
Крикъ хвастливый, или болѣзненный задоръ.

Что въ тебѣ питаетъ
Радости струю?
Блескомъ проникаетъ
Чуднымъ пѣснь твою?
На землѣ живешь ты будто бы въ раю!

Радостно-безпечный,
Не томишься ты
Скукою сердечной,
Лживостью мечты, —
Въ жизни сердца, твой удѣлъ — одни цвѣты!

Иль, жилецъ эфира,
Ты сумѣлъ понять
Глубже насъ жизнь міра,
Смерти благодать —
Безъ того твой голосъ могъ-ли бѣ такъ звучать?

Мы живемъ въ томленьи,
Чая лучшихъ дней,
Чая обновленья...
И межъ насъ славнѣй
Тѣ нагѣвы, гдѣ тоска души слышнѣй!

Но когда-бъ могли мы,
Бинувъ прежній путь,
Жаждой благъ палимы,
Гнѣтъ скорбей страхнуть, —
Свѣтлый духъ твой озарить-ли нашу грудь?

Лучше, чѣмъ всѣ тѣны
Мушкетъ жрецовъ,

Лучше, чѣмъ законы
Книжныхъ мудрецовъ,
Ты, верный, поучалъ бы всѣхъ пѣвцовъ!

Думою блаженной
Озари меня!
Пѣснью вдохновенной,
Полною огня,
Я гремиль бы, какъ гремишь ты, вѣстникъ дня!

II.

ПѢСНЬ КЪ ЗАПАДНОМУ ВѢТРУ.

I.

О вѣтеръ бурный, осени дыханье!
Невидимъ ты; но въ страхъ предъ тобой,
Какъ хоръ тѣней отъ слова заклинанья,

Увявшихъ листьевъ мчится смутный рой,—
Поблекшихъ, желтыхъ, съ краскою багровой,
Охваченныхъ губительной чумой!

Бросаешь ты на зимній одръ суровый
Посѣвъ сѣмянъ, и тамъ они лежать,
Въ холодной мглѣ, пока трубой громовой,

Весенній вихрь, твой свѣтлоокій братъ,
Не грянетъ звонко надъ землею сонной,
Рождая всюду блескъ и ароматъ,

И выбѣгутъ на воздухъ благовонный
Ростки изъ тѣмы, какъ стадо въ ширь луговъ...
Духъ бурь! кому, въ природѣ устрашенной,

Проложенъ путь межъ горъ и облаковъ,
Вить и хранитель, о вниманіи мой возь!

II.

Въ порывахъ гнѣва, вдоль небесъ смущенныхъ,
 Какъ листья, тучи шумно гонишь ты, —
 Духовъ грозы, тобою увлеченныхъ

Съ полей гнѣмыхъ эфирной высоты...
 Тамъ, на чертѣ твоей стези летучей,
 Видѣются, широко развиты,

Какъ пради косъ менады въ пляскѣ жгучей,
 Идущей бури темные власк...

Ты похоронный реквиѣмъ могучей,

Звучащій мрачно въ смертные часы
 Отцвѣтшаго, хлѣбющаго года...
 Въ ночь эту мгла тумановъ и росы,

Какъ будто куполь гробоваго свода,
 Его обниметь... И изъ тѣхъ паровъ
 Ударять вдругъ — и вздрогнетъ вся природа —

И дождь и градъ, и, въ рокотѣ громовъ,
 Перуны молній!.. О внешнй мой зовъ!

III.

Ты будишь море ядро-голубое
 Отъ гнѣтныхъ грѣвъ... То море сладко спитъ,
 Колеблясь тихо, въ царственномъ покоѣ,

Близъ острова, гдѣ Бай заливъ блестятъ,
 И тамъ ему, подъ синими струями,
 Дворцовъ и башенъ снится чудный видъ,

Дворцовъ, обросшихъ мохомъ и цвѣтами,
 Роскошными, какъ небо южныхъ странъ...
 Ты бороздишь гигантскими стопами

Атлантиен великій океанъ,
 И въ немъ зялютъ бездны и пучины, —
 Слѣдъ ногъ твоихъ, всеильный ураганъ!

А вдалекѣ — ковыль морской равнины
И чахлый лѣсъ болотныхъ береговъ
Сѣдѣють вдругъ отъ ужаса, средь тины,

Внявъ голосъ твой и гулъ твоихъ шаговъ, —
Дрожать и нивнуть... О внемли мой зовъ!

IV.

Будь я листовъ увядшій и печальный,
Тобой носимый; будь я облачѣмый,
Съ тобой бѣгущимъ, иль волной хрустальной,

Что бьется рвано подъ твоимъ крыломъ
И отъ тебя заемлетъ бѣгъ бурливый,
Хотя она, на поприщѣ своемъ,

Не такъ вольна, какъ ты, вольнолюбивый!
Иль, если бы, какъ въ дѣтскій возрастъ мой,
Я снова могъ, товарищъ твой игривый,

Соперничать, по прежнему, съ тобой,
Когда настичь тебя, въ твоемъ пареньи,
Едва-ль казалось праздною мечтой, —

Я-бъ не молилъ, не звалъ тебя въ смятенъи!...
Пусть буду я, какъ облако, носимъ!
На тѣрны палъ я въ тягостномъ боренъи, —

И кровь бѣжить... Унынемъ тотъ крушимъ,
Кто долго былъ, какъ ты, неукротимъ!

V.

Съ дубравой темной, арфою пѣвучей
Тебѣ я буду! И пускай спадеть
Листва моя, какъ чаши листь летучей!

Твоихъ мелодій сила извлечетъ
Изъ насъ нагѣвъ печально-вдохновенный,
Торжественный, какъ шумъ гремучихъ водъ.

Моемъ будь духомъ, воли духъ надменный!

Ты мною будь! Сольемся мы въ одно!
Неси, неси во всё концы вселенной

Рой думъ моихъ, печальныхъ ужь давно, —
Неси, какъ злакъ ты носишь помертвѣлый,
Чтобъ жизни новой вырѣло зерно!

И, вторя мнѣ, развей, о вѣтеръ смѣлый,
Слова мои, какъ искры, межъ людей!
Черезъ меня, землѣ оцѣпенѣлой

Трубой будь вѣщей! Прозвучи скорѣй,
Что зимній мракъ — предтеча вешнихъ дней!

В. В. Марковъ.

ОБЩАЯ ВОИСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

III.

Преобразования, совершенныя въ условіяхъ отправленія воинской повинности въ послѣднее десятилѣтіе, состоятъ не въ введеніи чего-либо новаго, но лишь въ уничтоженіи постановленій прежняго времени. Большая часть дѣятельности рекрутской комиссіи и комиссіи о личной повинности посвящена вопросамъ объ устраненіи сословныхъ и личныхъ извѣтій, сокращеніи длинныхъ сроковъ, уменьшеніи численности арміи и проч., то есть направлена лишь къ тому, чтобы уничтожить прежнія постановленія, стоявшія въ рѣзкомъ противорѣчій съ настоятельными потребностями населенія.

Рекрутская комиссія, открытая въ мартѣ 1862 года, признала необходимымъ немедленно устранить изъ дѣйствующаго устава всѣ постановленія, дѣлающія рекрутскую повинность особенно тягостной для народа и не требующія для своей замѣны или полной отмѣны преобразования всей системы. Затѣмъ, она должна была принять мѣры къ обезпеченію судьбы отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ.

Прежде всего былъ подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ объ извѣтіяхъ по сословіямъ, состоянію и мѣстностямъ, которыя и были отвергнуты комиссіей. Въ 1865 году заключенія комиссіи были внесены въ государственный совѣтъ, но здѣсь большинствомъ голосовъ льготы отъ воинской повинности иностраннымъ колонистамъ были оставлены въ прежнемъ видѣ, равно какъ подтверждена была прежняя льгота и за купечествомъ. Еще ранѣе того, обсужденіе вопроса о дворянствѣ велѣно было отложить до другаго времени. Теперь комиссія ограничилась исключительно податными сословіями. Она постепенно устранила или измѣнила большую часть статей рекрутскаго устава и ввела мѣсто ихъ новыя правила, вошедшія послѣдовательно въ ма-

нифесты о наборахъ, произведенныхъ съ 1863 г. ¹ Ими въ значительной степени облегчалась тяжесть наборовъ для населенія. Такъ, было уничтожено обнаженіе рекрутъ при осмотрахъ, равно какъ бритые лбы, бороды и затылковъ, устранено тяжелое и лишнее постановленіе, по которому рекрутъ водили подъ сильнымъ конвоемъ, какъ арестантовъ и пр. Но наилучшуд частью дѣятельности земскихъ оставалась ея стремленіе: предоставлять крестьянскимъ обществамъ при раскладѣ военной повинности возможно больше независимости отъ какаго бы то ни было контроля. Опытъ дѣлаго столѣтія доказалъ, что уничтоженіе или ограниченіе самостоятельности общины въ этомъ отношеніи влечетъ за собой только вредъ, давая помѣйшій просторъ произволу властей, какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ (становыхъ, стражчихъ и проч.) Напрасно правительство старалось оградить общины отъ крайностей этого произвола, поставивъ распоряженіями 1831, 1838, 1853 и 1861 гг. дѣятельность властей подъ контроль мѣстныхъ, правительственныхъ органовъ (казенныхъ палатъ, палатъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ конторъ) и подчинивши этихъ въ свою очередь надзору министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Рекрутскіе наборы производили на народъ, какъ и прежде, самое тяжелое впечатлѣніе и сопровождались постоянными жалобами на различныя несправедливости. Коммисія не могла идти дальше въ направленіи усиленія контроля уже по той простой причинѣ, что идти дальше было некуда. Оставалось если не устранить, то ослабить его, расширеніемъ общинной самостоятельности. Проверка рекрутскихъ списковъ, лежавшая по уставу 1862 г. главнымъ образомъ на стражчихъ и казенныхъ палатахъ, была предоставлена теперь самимъ обществамъ. Общества получили право посылать своихъ представителей и въ самыя рекрутскія присутствія. Затѣмъ отминены штрафы (ст. 732 Рекрут. устава) съ обществъ за представленіе людей неуказныхъ лѣтъ, роста или съ болѣзнями, такъ какъ крестьянскія общества, при неизбѣнн свѣдѣній о характерѣ различныхъ болѣзней, при отсутствіи точныхъ мѣръ, не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ правительства. Денежныя взыскапія за неправильное привлеченіе людей къ рекрутству (ст. 731 Рекр. уст.) положено было взыскивать не въ пользу казны, а въ пользу этихъ лицъ, такъ какъ они несутъ весь матеріальный ущербъ по хозяйству и

¹ Ук. манифесты 1-го сентября 1862, 27-го іюля 1863, 28-го сентября 1864, 14-го октября 1865, 18-го октября 1866, 8-го ноября 1867, 24-го октября 1868 и 1870 гг.

отъ лишенія заработка и сверхъ того несутъ и всю нравственную тревогу, причиненную имъ неправильнымъ привлеченіемъ къ рекрутству». Опредѣленіемъ срока явки и другими распоряженіями устранены всѣ случаи напраснаго отвлеченія людей, подлежащихъ набору, отъ работы и безплодныхъ, несвоевременныхъ посѣщеній присутствія, сопровождающихся обыкновенно большимъ или меньшимъ растрояствомъ хозяйства. Требованіе относительно роста, который прежде долженъ былъ быть не меньше 2 аршинъ $3\frac{3}{4}$ верш., вводившее новый элементъ въ расчисленіе обществъ при распредѣленіи повинности, было уменьшено, такъ какъ оно обременяло нѣкоторыя семейства, освобождая тѣхъ, гдѣ работники малорослы. Число подставныхъ въ рекрутамъ сокращено на половину. Приобрѣтеніе зачетныхъ квитанцій освобождено отъ вѣрнопостнаго порядка и сдѣлано общедоступнымъ, конечно, для состоятельныхъ (для бѣдныхъ эта кѣра рѣшительно вредна). Допущены облегченія для лицъ, необходимыхъ для поддержанія семей или хозяйства и пр. ¹

Положеніемъ 27 іюня 1867 г. «объ устройствѣ быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ» возвращены солдату общественныя права, которыхъ онъ былъ лишенъ въ продолженіи послѣднихъ полутора лѣтъ. Съ этого времени всѣ лица, поступающія на службу, не исключаются, какъ прежде, изъ своихъ обществъ. Освобождаясь лично отъ подушной подати и сбора на земскія повинности, солдатъ продолжаетъ числиться въ своихъ обществахъ, удерживая за собою всѣ прежнія права, какъ личныя, такъ и по имуществу. Его надѣлъ изъ общественной земли остается въ распоряженіи его семейства. Если солдатъ жилъ отдѣльнымъ домомъ, то его хозяйство и надѣлъ поступаютъ въ распоряженіе жены. Если же онъ не жилъ отдѣльнымъ домомъ, то надѣломъ пользуется ревизская семья— съ обязанностью содержать солдатскую жену и дѣтей. Сверхъ того сельскимъ обществамъ поставлено въ обязанность облегчать повинности, лежащія на солдатскихъ участкахъ и ни въ какомъ случаѣ не оставлять безъ призрѣнія жену, дѣтей и вообще всѣхъ лицъ, которыхъ содержалъ поступившій въ солдаты. Этимъ обращеніемъ къ помощи общины правительство само собою освобождалось отъ прежней обязанности давать пособіе отставнымъ солдатамъ и ихъ дѣтямъ. 18 іюня 1868 года издано было «Положеніе о военной замѣнѣ», которымъ преобразованъ цѣлый отдѣлъ рекрутскаго устава о казенномъ и частномъ

¹ Съ передачей удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ общинамъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ на этихъ крестьянъ распространены общія права набора.

наимъ охотниковъ. ¹ Сущность этихъ правилъ, направленныхъ къ тому, чтобы уменьшить по возможности количество рекрутъ по частному найму, заключалась въ слѣдующемъ: солдатамъ, прослужившимъ въ дѣйствительной службѣ не менѣе 10 лѣтъ, предоставлялось право продолжать службу въ качествѣ замѣстителей. Продолженіе службы допускалось на 5 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и 5 лѣтъ въ резервѣ. На такой же срокъ допускались замѣстители изъ лицъ, не бывшихъ въ дѣйствительной службѣ. За 5 лѣтъ дѣйствительной службы замѣститель получалъ 200 р., за 5 лѣтъ въ резервѣ 100 р. На каждого такого замѣстителя должна быть составлена такъ называемая «вкупная квитанція». Подобныя квитанціи могутъ быть приобретаемы желающими такимъ же порядкомъ, какъ бывшія зачетныя квитанціи, продаваемыя отъ правительства.

Затѣмъ было рѣшено приступить къ преобразованію самаго порядка наборовъ и коммисія приготовила полный проектъ новой системы, выгодно отличавшейся во всѣхъ главныхъ пунктахъ отъ той, которая установлена рекрутскимъ уставомъ. Но настоятельная необходимость приготовить новое изданіе рекрутскаго устава, чтобы согласовать его съ слѣдующими переѣздами, затруднявшими руководство уставомъ 1862 года и вводившими неопытныхъ исполнителей нерѣдко въ неизбѣжныя ошибки, отвлекла коммисію отъ работъ по вопросу о преобразованіи порядка наборовъ. Новая редакція устава уже была готова, какъ рядъ неожиданныхъ событій на западѣ далъ совершенно другое направленіе дѣлу. Въ августѣ 1870 г. велѣно было прекратить работы по изготовленію новаго изданія рекрутскаго устава и приступить къ обработкѣ основныхъ началъ для новаго устава.

Преобразованія послѣдняго десятилѣтія (съ 1862—72 г.), перечисленныя здѣсь далеко не вполне, въ связи съ преобразованіемъ въ бытѣ солдатъ, пользующихся теперь сравнительно лучшимъ содержаніемъ и обращеніемъ, а главное въ связи съ сокращеніемъ сроковъ службы, значительно облегчили рекрутскую повинность. Слѣдствія этихъ улучшеній не замедлили обнаружиться.

Изъ сравненій результатовъ двухъ разныхъ пятилѣтій съ 1851 по 1855 и съ 1863 по 1868 г. (кроме Царства Польскаго) оказывается, что число умершихъ при наборахъ въ послѣд-

¹ Постановленіемъ того же года однодворцы и граждане западныхъ губерній включены въ общій составъ сельскихъ и городскихъ обывателей и уничтожены особыя правила, существовавшія для нихъ по отношенію отправления воинской повинности.

чемъ пятилѣтін уменьшилось болѣе, чѣмъ *одвоє*, бѣжавшихъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ 4 раза, болѣзненность также нѣсколько упала. Тѣже результаты обнаружались и послѣ набора 1869 г. ¹.

Но какъ ни благодѣтельны представляются всѣ эти нововведенія, разсматриваемыя по своимъ ближайшимъ результатамъ, однакожь, при изслѣдованіи ихъ, въ связи съ отдаленными слѣдствіями, съ болѣе общей точки зрѣнія, которая одна только можетъ спасти исторію отъ ложной оцѣнки явленій, эти реформы представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мѣры послѣдняго десятилѣтія, за исключеніемъ немногихъ, имѣющихъ вѣчное значеніе, носятъ на себѣ характеръ паллиативовъ, въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Они не устраняютъ ни одного кореннаго недостатка нашей рекрутской системы. Воинская повинность, какъ прежде, такъ и послѣ ихъ, падаетъ исключительно на податныя сословія. Всѣ изыатія и льготы остаются въ прежней силѣ. Денежный сборъ на сдачу рекрутъ шелъ до самаго послѣдняго времени такъ-же, какъ и прежде, исключительно съ той части населенія, которая отбываетъ рекрутскую повинность, тогда какъ освобожденные отъ нея не участвовали въ этомъ налогѣ. Сроки службы, не смотря на сокращеніе ихъ до 15 лѣтъ и на долговременные отпуска, все еще крайне продолжительны. Призывный возрастъ, уменьшенный на 5 лѣтъ, обнимаетъ, однакожь, длинный періодъ отъ 20 до 30 л. (въ наборѣ 1871 г. запрещено было брать моложе 21 года) и 21 года между обществами, гдѣ существуетъ жеребьевой порядокъ. Наконецъ, организація войскъ, раздѣляющихся на регулярную (полевую и мѣстную) и иррегулярную армію, остается старою и страна по прежнему должна содержать въ мирное время громадную массу солдатъ (въ 1869 году 704,010 солдатъ регулярной арміи ², невгода отвлеченія которыхъ отъ производительнаго труда только въ незначительной степени уменьшена такими мѣрами, какъ дозволеніе ходить на работы въ свободное отъ ученія время. Бюджетъ военнаго министерства съ 1857 года (101.848,000 р. с.) до 1870 года увеличился (140.788,000 руб. сер.). Надо, впрочемъ, здѣсь имѣть въ виду, что значительная часть потребностей арміи, удовлетворяемая прежде натуральными повинностями или крѣпостнымъ трудомъ рабочихъ казенныхъ фабрикъ, теперь оплачивается деньгами и вносится въ смѣту военнаго вѣдомства. Сверхъ того, извѣстная часть настоящаго бюджета должна

¹ Военно-статистическій сборникъ, выпускъ IV, прилож. стр. 89.

² Съ 1857 г. число войскъ постепенно уменьшается.

быть сброшена вслѣдствіе упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля и соразмѣрнаго съ нимъ возвышенія цѣнъ на всѣ предметы потребленія. «Такимъ образомъ, если дѣйствительное увеличеніе военныхъ расходовъ въ послѣдній періодъ и было, то крайне незначительное и прямо вызванное современными условіями военной техники и военного искусства, потребовавшими преобразованія всей артиллеріи, всѣхъ крѣпостей, оружія и вообще радикальныхъ реформъ въ снаряженіи, содержаніи и устройствѣ арміи» (Военно-статистическій сборникъ, выпускъ IV, стр. 785—86). Значительная сумма тратится на распространеніе образованія въ арміи.

Весьма вѣроятно, что эти коренные недостатки въ отправленіи воинской повинности еще долго оставались-бы въ силѣ и дѣло ограничивалось-бы болѣе или менѣе значительными облегченіями въ несеніи ея податными сословіями. Самны эти паліативныя мѣры должны были неминуемо содѣйствовать возможному продленію современнаго порядка, устраняя наиболѣе непріятныя его рѣзкости и жесткости. Но событія, происшедшія въ 1870—71 г. въ Европѣ, побудили правительство дѣйствовать съ большею рѣшительностью. Франко-прусская война показала, что характеръ веденія войнъ существенно измѣнился противъ прежняго и что эти измѣненія стоятъ въ необходимой зависимости отъ организаціи войскъ. Новыя арміи, совершенно готовы къ дѣлу, создавались съ замѣчательною быстротою и почти мгновенно переходили отъ мирнаго положенія къ военному. Разъ разстроенная армія не могла уже своевременно оправиться и во время возстановить свою организацію и если, благодаря приготавительнымъ мѣрамъ, она не была мгновенно замѣщаема новой, то вся судьба компаніи переходила въ руки противника. Въ нѣсколько дней была уничтожена политическая роль Австріи; нѣсколько недѣль было достаточно, чтобы Франція пала съ высоты своего военного могущества. Убыль солдатъ въ дѣйствующихъ войскахъ восполнялась безъ малѣйшаго замедленія, благодаря обширности подготовленныхъ для этого средствъ. Точное и вѣрное исполненіе военныхъ распоряженій, столь удивлявшее всѣхъ въ германскихъ войскахъ, стояло въ прямой зависимости отъ степени образованія этихъ войскъ. Вообще во время послѣднихъ войнъ во всей полнотѣ выказались военныя достоинства прусской системы ландверовъ и всѣ европейскія правительства принялись немедленно за преобразованія въ смыслѣ требованій этой системы. Но въ цѣлой Европѣ не было ни одного правительства, которое должно было болѣе внимательно изучать ходъ войны, чѣмъ русское. Страна, одер-

знающая эти непрерывныя побѣды, была сосѣдкой Россіи. И если-бы дѣло дошло до столкновенія съ ней, то безъ большой проглядательности можно было бы предсказать, что побѣда при нѣмкѣ порядкахъ для Россіи была бы сомнительной. Въ то время, какъ, благодаря своей системѣ, Германія можетъ выставить до 1.150,000, Россія изъ своихъ 763,000 человѣкъ регулярнаго и нерегулярнаго войска можетъ сосредоточить противъ непріятеля только отъ 500 до 600 тысячъ человѣкъ, оставляя остальную часть войска для охраны длинныхъ границъ и удовлетворенія различныхъ второстепенныхъ потребностей. Это войско еще менѣе достаточно для огражденія страны отъ вторженія войскъ коалиціи¹.

Самое настоятельною потребностью для правительства очевидно должно было быть увеличеніе боевыхъ силъ.

Какимъ-же образомъ достигнуть этого?

При громадности войскъ, содержимыхъ теперь въ мирное время, нечего и думать объ увеличеніи постояннаго войска, если не хотять въ конецъ раззорить сельское населеніе. Россія и безъ того уже чрезъ мѣру обременена своимъ бюджетомъ. Остается обратиться къ такой организаціи войска, которая-бы для возможности, не увеличивая численности арміи въ мирное время, развивать ихъ во время войны до требуемыхъ размѣровъ, т.-е. обратиться къ общей системѣ резервовъ и ландверовъ. Приходится создать новый родъ вооруженныхъ силъ: резервную армію отдѣльно отъ полевой арміи. Размѣръ-же этихъ силъ долженъ быть таковъ, чтобъ съ устройствомъ ихъ всѣ полевныя войска Россіи были свободны для боеваго употребленія и не становились никакими второстепенными дѣйствіями (напримѣръ, занятіемъ нашихъ или непріятельскихъ областей или крѣпостей, охраненіемъ дорогъ и транспортовъ и пр.) и чтобъ, въ случаѣ значительныхъ потерь дѣйствующаго войска обезпечивались бы своевременнымъ пополненіемъ.

По расчету военнаго министра размѣръ вспомогательной арміи долженъ быть не менѣе, чѣмъ 600,000 ч.

Возникаетъ вопросъ, какъ создать эту новую армію?

Съ точки зрѣнія интересовъ народа для этой цѣли было бы всего выгоднѣе обойтись ополченіемъ, созываемымъ въ случаѣ войны, и тотчасъ-же распускаемымъ по минованіи надобности, какъ въ древней Россіи и какъ теперь въ Швейцаріи. Въ теченіе XIX столѣтія ополченіе было призываемо три раза: въ 1806, 1812 и 1854—55 гг. и всегда «несло свою службу съ полнымъ

¹ Австрія можетъ довести свои вооруженныя силы до 1.000,000, Турція до 700,000, Швеція съ Норвегіей до 175,000 человѣкъ.

самоотверженіемъ». Но признавая несомнѣнную важность ополченія и требуя не только сохраненія, но и упроченія его положительнымъ законодательствомъ на будущее время, военный министръ считаетъ его однакоже «мало соотвѣтствующимъ цѣлямъ запасной или резервной арміи». Опытъ всѣхъ новѣйшихъ войсъ и особенно ходъ сѣверо-американской и французской войнъ убѣждаютъ, что ополченія необходимы и полезны, какъ чрезвычайный ресурсъ на случай народной войны, но что они далеко не пригодны для замѣны или восполненія регулярныхъ войсъ, не обладая тактическимъ искусствомъ и упорною храбростью, приобретаемыми только болѣе или менѣе продолжительной военною подготовкой. Ополченія (даже самыя храбрыя и развитыя) несутъ лишь громадныя безплодныя потери, подвергая большому риску поручаемыя имъ дѣйствія. «Поэтому, по мнѣнію министра, чтобы поддержаніе состава нашей полевой арміи, замѣщеніе въ ней потерь и исполненіе второстепенныхъ военныхъ операцій, были надежнымъ образомъ обезпечены, наши запасныя или резервыя войска должны быть составлены не изъ ополченцевъ, а непремѣнно изъ людей, прошедшихъ чрезъ ряды арміи и приобрѣвшихъ этимъ путемъ всѣ качества воина. Ополченіе-же должно предназначаться исключительно для внутренней службы или, какъ крайнее средство, на случай народной войны».

Такимъ образомъ для образованія резервовъ необходимо создать обширныя запасы людей, служившихъ въ арміи. Такой запасъ, по мнѣнію военного министра, можетъ быть полученъ только однимъ путемъ: увеличеніемъ ежегодныхъ наборовъ и соотвѣственнымъ сокращеніемъ сроковъ дѣйствительной службы людей, поступившихъ въ армію.

«Но увеличеніе наборовъ, при существующемъ способѣ отбыванія военной повинности, лежащей всею тяжестью исключительно только на *податномъ сословіи* было бы для народа крайне затруднительно и во всякомъ случаѣ не удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ хорошей организаціи арміи, такъ-какъ не обезпечивало бы ей должнаго участія образованныхъ элементовъ (что важно для замѣщенія офицерскихъ мѣстъ)».

Отсюда является необходимость, въ видахъ новаго устройства военныхъ силъ, перейти къ *общеобязательной повинности* и уничтожить всѣ существующія изъятія и льготы ¹.

Вотъ процессъ соображеній, которымъ правительство пришло

¹ Срав. записки: «О развитіи нашихъ вооруженныхъ силъ», «О главныхъ основаніяхъ личной военной повинности и «Всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра (20-го декабря 1870 г. № 881).

къ мысли о всеобщей военной повинности на началахъ системы ландверовъ. Очевидно, что мотивы, побудившіе къ введенію новой реформы, были чисто военного характера. Коренные социальна-экономическіе недостатки нашей рекрутской системы устранялись не потому, что они отзывались гибелью на населеніи, а только «въ видахъ новаго устройства военныхъ силъ».

Но результаты дѣятельности комисіи не такъ далеко отличаются отъ тѣхъ, которые получились бы, если бы реформа исходила изъ желанія удовлетворить потребностямъ населенія, какъ того можно было бы ожидать. Основанія новой реформы болѣе или менѣе отвѣчаютъ желаніямъ общества, насколько его можно наблюдать.

1) Такъ и съ точки зрѣнія населенія и въ выгодахъ арміи старыя изъятія и льготы требовали немедленнаго уничтоженія и мы видѣли, что еще комисіа для пересмотра рекрутскаго устава рѣшила этотъ вопросъ въ смыслѣ, требуемомъ нуждами общества. Если вербовка не можетъ быть введена, а система милиціи невозможна, то по крайней мѣрѣ надо стремиться къ тому, чтобы коренной недостатокъ натуральной повинности—ея неизбежная неуровнительность, въ силу чего одни должны подвергаться тяжелой личной службѣ, а другіе не подвергаются почти никакой дѣйствительной обязанности, былъ возможно болѣе уменьшенъ. Первымъ условіемъ, необходимымъ для этого, надо считать то, чтобы военной повинности подвержены были всѣ жители страны, къ какому бы званію, состоянію и къ какой бы мѣстности они ни принадлежали. Русское законодательство въ этомъ отношеніи одно только, какъ мы видѣли, рѣзко отличается отъ законодательствъ другихъ странъ.

По 4-й ст. Рекрутскаго устава 1862 г. рекрутской повинности подлежатъ только сословія, платящіе въ казну «подать подушную или подушной соотвѣтственную». Затѣмъ совершенно освобождены отъ рекрутства: 1) по состоянію или вѣрнѣе по сословіямъ — дворяне, кучечество, почетные граждане и духовенство; 2) по мѣстностямъ: жители Бессарабіи, Сибирскіе киргизы, жители Закавказскаго края и отдаленныхъ краевъ Сибири и въкоторыя другія мѣстности; 3) иностранные переселенцы и колонисты. Сверхъ этого существуетъ много изъятій по семейному положенію, изъятій съ цѣлю поощренія спеціальныхъ занятій и познаній и пр. Очевидно, что изъятія послѣдняго рода, вынужденныя необходимостью, совершенно отличаются отъ изъятій первыхъ трехъ родовъ, имѣющихъ характеръ при-

вилегій въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. И между тѣмъ какъ первыя изъятія не нарушаютъ справедливости, послѣднія не оправдываются никакими соображеніями и защищаются немногими узкими эгонстами доводами, не имѣющими значенія. Въ самомъ дѣлѣ изъ всѣхъ возраженій, которыя были приводимы противъ отмѣны привилегій высшихъ сословій по отношенію къ рекрутской повинности, ни одно не выдерживаетъ критики. Мы не будемъ говорить о тѣхъ странныхъ разсужденіяхъ, по которымъ дворянство должно быть отдѣлено отъ другихъ сословій, по которымъ его сословное устройство, роль, назначеніе, организація должны быть совершенно иныя, чѣмъ для другихъ сословій. Эти разсужденія, наполнявшія въ былую пору страницы Вѣсти и другихъ органовъ того же цвѣта, находившія ярыхъ защитниковъ въ салонахъ, теперь могутъ быть проходима только презрительнымъ молчаніемъ. Также мало заслуживаетъ серьезнаго опроверженія другой аргументъ, приводимый въ защиту привилегій, что эти послѣднія даны были жалованными грамотами и манифестами на вѣчныя времена, что они составляютъ права, нарушеніе которыхъ противно исторіи. Вообще нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ основывать свои права на исторіи. Исторія есть по самой сущности своей постоянное движеніе, отрицаніе стараго, и народъ долженъ былъ бы обречь себя на вѣчный застои, отказаться отъ всякаго развитія, если бы постановленія прежнихъ правительствъ нужно было понимать въ смыслѣ вѣчныхъ обязательствъ. Эти соображенія относятся не только къ дворянамъ, но и къ привилегіямъ купцовъ и колонистовъ. Еще страннѣе слѣдующее, довольно впрочемъ распространенное мнѣніе. отождествляя высшіе классы съ образованною частью общества и упираясь на его сравнительно незначительную численность, многіе пугаютъ, что ставить «этотъ ничтожный по численности классъ общества, составляющій въ настоящее время фундаментъ къ развитію просвѣщенія, въ одну категорію съ невѣжественными массами «невозможно», ибо при такомъ волюнтарномъ осуществленіи этого мнѣнія этотъ классъ исчезнетъ въ этихъ массахъ, какъ капля въ морѣ». Очевидно здѣсь совершенно ложна постановка дѣла. Никто не возражаетъ противъ возможно широкихъ изъятій для образованныхъ людей. Но образованные люди и высшія сословія—два понятія, совершенно различныя и если по теперешнимъ условіямъ наибольшее число такихъ людей встрѣчается дѣйствительно только въ высшихъ классахъ, то это лишь временное состояніе, которое законодательство не должно поощрять никакимъ образомъ и на которомъ оно тѣмъ менѣе мо-

желеть основывать свои предположения о таких реформах, какъ изслѣдуемая въ настоящемъ случаѣ. Надо сказать, что всѣ эти доводы въ пользу привилегій, если и находятъ себѣ защитниковъ, то встрѣчаются въ обществѣ и литературѣ достаточно сильными отпоромъ и если теперь выражаются иногда, то подъ формою болѣе мягкой. Такъ нѣкоторые предлагали обложить высшіе классы на первое время лишь денежною рекрутскою повинностью. Въ послѣдствіи, говоря о выкупѣ, мы увидимъ, какіе аргументы представляли въ его защиту сторонники привилегій.

2) Гораздо менѣе согласуются выгоды общества съ выгодами арміи относительно другаго основнаго пункта реформы-организации войска. Вопросъ о лучшей организации войска съ точки зрѣнія общества есть, собственно говоря, вопросъ объ отысканіи такого порядка, при которомъ бы оно въ мирное время было или вовсе свободно отъ содержанія войска, или принуждено было нѣтъ его возможно менѣе, при которомъ бы непроницаемость и тяжесть воинской повинности, словомъ, были уменьшены до минимума. Примѣръ такой организации мы видимъ въ Швейцаріи и Американскихъ Штатахъ. Но мы видѣли, что овлоченіе считается съ военной точки зрѣнія негоднымъ даже для резервовъ, не только для замѣны арміи. Дальше, вербовка, превосходящую общую натуральную повинность съ социальнo-экономической стороны, также признается менѣе удовлетворяющей военнымъ цѣлямъ, чѣмъ эта послѣдняя. Остается только натуральная повинность. Но если ея нельзя уже избѣжать, то въ интересахъ населенія слѣдуетъ устроить ея на возможно выгоднѣйшихъ основаніяхъ. Именно, чтобы страна была поставлена въ такія условія, при которыхъ бы, содержа въ мирное время незначительное войско, должна была бы выставлять большія войска только въ военное время. Всего менѣе этой потребности страны отвѣчаетъ существующая теперь форма рекрутской повинности, всего болѣе система ландверовъ съ короткими сроками службы, то-есть имѣющая въ основаніи начала, признанныя лучшими и военнымъ министерствомъ.

Теперь не трудно угадать, какое впечатлѣніе должно было произвести на большинство населенія объявленіе всеобщей воинской повинности. 4-го ноября 1870 г. была обнародована декларация, провозглашавшая всеобщую воинскую повинность. Это была одна изъ тѣхъ деклараций, которыя способны встряхивать всѣ слои населенія до самыхъ его основаній. Спящее общество на время будто проснулось. Пресса встрѣтила новую реформу выраженіемъ единодушнаго сочувствія. Съ разныхъ концовъ Рос-

сіи стали присылаться адресы, исполненные самых восторженныхъ выраженій и самыхъ отрадныхъ надеждъ на будущее, въ которыхъ высказывалось искреннее сочувствіе демократическимъ тенденціямъ реформы.

4-го ноября военному министру было дано высочайшее повелѣніе составить «предположенія объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности, при соблюденіи нѣкоторыхъ особыхъ условій, на всё вообще сословія въ государствѣ».

25-го декабря того-же года былъ опубликованъ высочайше одобренный докладъ военнаго министра. Въ немъ были представлены общія руководящія основанія для двухъ комиссій, на которыя возложено составленіе новыхъ положеній: 1) для комисіи о личной военной повинности и 2) для комисіи объ организаціи войскъ.

Основанія для первой комисіи заключались въ слѣдующемъ: защищать отечество обязаны всё русскіе. Ежегодно производится общій наборъ, которому подвергаются всё молодые люди 21 года. Поступленіе на службу рѣшается жребіемъ. Отъ призыва освобождаются только неспособные по тѣлеснымъ недостаткамъ. Временныя освобожденія или отсрочки отъ призыва допускаются лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительно въ видахъ: поддержки семей, обезпеченія народнаго образованія, а также въ интересахъ народнаго хозяйства и промышленности. Замященія или откупы отъ военной службы не допускаются. Но предстоитъ обсудить, нельзя-ли допустить замященія, какъ мѣру переходную. Срокъ службы 7 лѣтъ. По окончаніи семилѣтняго срока дѣйствительной службы, солдаты перечисляются въ запасъ арміи или флота на 8 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ могутъ быть призваны на службу только въ случаѣ войны. Въ мирное время чины запаса обязаны являться только на короткіе учебные и повѣрочные сборы. Въ видахъ обезпеченія образованнымъ классамъ отбыванія военной повинности и обезпеченія вооруженныхъ силъ достаточнымъ числомъ офицеровъ и лицъ, обладающихъ техническимъ образованіемъ, предоставляется всѣмъ молодымъ людямъ, получившимъ требуемое образованіе, поступать на службу вольноопредѣляющимися, начиная съ 17-лѣтняго возраста на сокращенныхъ срокахъ. Всѣ люди, не поступившіе на дѣйствительную службу въ армію или во флотъ и способные къ оружію, могутъ быть въ случаѣ войны призваны въ составъ государственнаго ополченія. Казаки, инородцы и населеніе Финляндіи отбываютъ военную повинность на особыхъ положеніяхъ.

По программѣ для второй комисіи, вооруженныя силы страны должны состоять въ мирное время изъ войскъ полевыхъ и мѣстныхъ. Въ военное время организуются резервные войска. Въ случаѣ же чрезвычайныхъ обстоятельствъ для защиты отечества призывается государственное ополченіе. Два послѣдніе рода войска нужно было создать, такъ какъ ихъ до сихъ поръ не существовало.

Ни одно, изъ положеній приведенныхъ въ общихъ программахъ, какъ выражено въ самомъ докладѣ, не было предрѣшено. Комисіямъ была предоставлена полная свобода сужденій. Только послѣ самаго тщательнаго обсужденія всѣхъ государственныхъ интересовъ, затрогиваемыхъ въ данномъ случаѣ, должны были быть выяснены основанія для новой военной системы. И дѣйствительно почти всѣ пункты приведенной выше программы подверглись большимъ или меньшимъ измѣненіямъ.

Мы не будемъ слѣдить за дѣятельностью организаціонной комисіи и ограничимся только сводомъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ она пришла. Труды же комисіи о личной повинности будутъ изложены съ возможной полнотой.

IV.

Защита государства обеспечивается, согласно правиламъ проекта организаціонной комисіи, двумя родами вооруженныхъ силъ: 1) войсками постоянными и 2) ополченіемъ, призываемымъ къ оружію особыми высочайшими манифестами. Постоянныя войска подраздѣляются на сухопутныя и морскія.

Сухопутныя войска состоятъ изъ 1) арміи, 2) запаса арміи, 3) казачьихъ войскъ и 4) войскъ инородцевъ.

Морскія силы, точно также, какъ и сухопутныя, подраздѣляются на дѣйствующія команды и запасъ флота. Количество людей, требуемое для пополненія арміи и флота опредѣляется ежегодно законодательнымъ порядкомъ, по представленію военнаго министра и объявляется высочайшимъ указомъ правительствующему Сенату для обнародованія.

Воинской повинности, по проекту комисіи о личной повинности, подлежатъ всѣ сословія.

Но распространеніе воинской повинности на всѣ сословія есть только первый шагъ къ ея уравниванію. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ иногда не можетъ быть нужды въ дѣйствительной службѣ *всего населенія* и требуется относительно лишь небольшая часть его. Остается слѣдовательно опредѣлить, ка-

кимъ образомъ производить изъ массы наборъ людей, такъ, чтобы никто не считалъ себя обиженнымъ, чтобы тягость наборовъ сколь можно легче ложилась на общество и чтобы вообще повинность была равномерно распредѣлена между тѣми, кто по закону обязанъ нести ее.

Повинность была-бы распредѣлена совершенно несправедливо, если-бы ей на одинаковыхъ условіяхъ были подчинены всѣ возрасты. Далекое не одинаково легко потратить нѣсколько лѣтъ въ службѣ для юноши, едва вступающаго въ жизнь, не имѣющаго жены и дѣтей, съ возможностью возвратиться изъ службы въ полной силѣ, и для человѣка зрѣлаго, утвердившагося на какой нибудь дѣятельности, поддерживающаго семью, въ которой онъ можетъ возвратиться потому уже только болѣе или менѣе развитый, и менѣе способного выполнять всѣ сложныя требованія воинской службы. (Мы видѣли, что призвъ людей на службу въ старшихъ возрастахъ представляетъ неудобства и для самой арміи). Очевидно, справедливость требуетъ, чтобы служба обнимала періодъ первой молодости, какъ это и введено во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ принято за правило призывать къ обязательной воинской службѣ преимущественно въ томъ возрастѣ, въ которомъ по обыкновенному порядку вещей человѣкъ не могъ устроить своего быта и принужденъ избирать себѣ занятіе.

По отношенію къ возрасту у насъ принято нѣсколько системъ: по очередному порядку призывный возрастъ обнимаетъ отъ 20 до 30 лѣтъ; по жеребьевому, принятому въ многорабочихъ участкахъ мѣщанъ и у государственныхъ крестьянъ, призываются молодые люди опредѣленнаго возраста (20 или 21 года); наконецъ по жеребьевому порядку въ участкахъ: а) мѣщанскихъ одиночекъ и двойниковъ, б) городскихъ и сельскихъ обывателей прибалтійскихъ губерній призывается каждый разъ нѣсколько младшихъ возрастовъ въ предѣлахъ отъ 20 до 30 лѣтъ.

Очевидно, что всѣ эти періоды, за исключеніемъ принятаго у государственныхъ крестьянъ, обнимаютъ слишкомъ зрѣлые возрасты, чтобы при сохраненіи ихъ можно было установить правильное распредѣленіе повинности. Но эти порядки представляютъ, какъ мы видѣли, еще болѣе важныя неудобства для народа, подвергая всѣхъ молодыхъ людей страны и ихъ семейства тревожному безпокойству относительно своей будущности. Съ точки зрѣнія народной экономіи не менѣе важно, чтобы система наборовъ какъ можно менѣе прерывала нормальное теченіе жизни и какъ можно менѣе вносила остановокъ и раз-

строительства въ общій ходъ народнаго труда и промышленности. Та-
кая система очевидно должна быть совершенно противоположна
существующей, которая лишаетъ все молодое поколѣніе страны
спокойствія духа и увѣренности—самаго существеннаго условія
серьезной дѣятельности. Единственно удовлетворительнымъ по-
рядкомъ былъ-бы здѣсь только тотъ, при которомъ всякій при-
зывается къ рекрутству *только одинъ разъ въ жизни*, по дости-
женіи точно опредѣленнаго возраста, а тотъ, который при та-
комъ призывѣ на службу не поступилъ, считалъ-бы себя затѣмъ
уже навсегда свободнымъ отъ нея.

Для опредѣленія, въ *какомъ именно* возрастѣ долженъ про-
изводиться призывъ на этихъ основаніяхъ, слѣдуетъ принять во
вниманіе 2 противоположныхъ требованія. Съ одной стороны
молодые люди должны быть призываемы, какъ сказано, въ та-
комъ возрастѣ, когда они не успѣли еще обзавестись семьей и
выбрать себѣ рода занятій; съ другой стороны необходимо,
чтобы не поступали люди невозможалне, неспособные пере-
носить трудовъ и лишеній военной службы.

Въ большей части европейскихъ государствъ призывный воз-
растъ опредѣленъ въ 20 лѣтъ, въ нѣкоторыхъ — 21 и въ не-
многихъ въ 19 и 18. Коммисія пришла къ заключенію, что для
Россіи 20-лѣтній возрастъ представляетъ наиболѣе удобствъ,
такъ какъ при немъ оба представленныя выше требованія удов-
летворяются безъ всякихъ затрудненій. Существенно необходимо
затѣмъ для населенія, чтобы правительство, выбравши *одинъ*
младшій возрастъ, постановило бы закономъ ни въ какомъ
случаѣ (кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ) не призывать
лицъ другихъ возрастовъ. Въ противномъ случаѣ парализуют-
ся всѣ удобства ранняго призыва, такъ какъ уже одна воз-
можность отдачи въ солдаты лишала бы людей старшихъ
возрастовъ необходимаго спокойствія, а на практикѣ повело бы
непремѣнно и къ разнымъ дѣйствительнымъ стѣсненіямъ, на-
примѣръ, въ правѣ отлучекъ, въ выборѣ занятій и т. д. Какъ
велика обременительность и вредъ отъ такихъ стѣсненій, легко
видѣть на современномъ положеніи дѣла у насъ. Для прави-
тельства, впрочемъ, нѣтъ никакихъ затрудненій ограничиться
исключительно только призывомъ одного 20-лѣтняго возра-
ста, такъ какъ по статистическимъ даннымъ число лицъ этого
возраста далеко превышаетъ требуемый ежегодно контингентъ
рекрутъ: обыкновенно требуется только одинъ изъ четырехъ или
пяти молодыхъ людей даннаго возраста.

Такимъ образомъ по правиламъ проекта на будущее время
изъ исполненію воинской повинности будутъ призываться еже-

годно люди одного возраста, и именно достигшіе въ теченіе года, предшествующаго призыву, 20 лѣтъ отъ роду.

Но такъ какъ изъ числа лицъ 20-лѣтнаго возраста требуется на службу только сравнительно небольшая часть, то естественно возникаетъ вопросъ: на какихъ основаніяхъ долженъ производиться выборъ рекрутъ изъ массы лицъ, признанныхъ годными къ сдачѣ?

Здѣсь прежде всего представляется существенно важнымъ рѣшить: слѣдуетъ-ли вообще правительству издавать по этому предмету какія бы то ни было обще-обязательныя правила и не лучше-ли, напротивъ, предоставить рѣшеніе дѣла въ полное распоряженіе тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ лица, подлежащія отправленію повинности? Исторія русскаго народа больше, чѣмъ всякаго другаго, доказывала неудобства такого вмѣшательства въ дѣло общины, которая представляется достаточно развитой, чтобы сѣмъ организовать отправленіе повинности.

Законодательство долгое время игнорировало порядокъ назначенія рекрутъ и, благодаря его невмѣшательству, въ народѣ сложилась система, признаваемая почти всѣми за наилучшую и пользующуюся сильной привязанностью народа, такъ-какъ она отвѣчаетъ наиболѣе понятіямъ о справедливости. А съ тѣхъ поръ, какъ законодательство вмѣшалось въ обычный порядокъ поставки рекрутъ, этотъ порядокъ неминуемо подвергся искаженіямъ, вреднымъ для интересовъ общинъ.

Спрашивается, зачѣмъ-же законодательству брать на себя то, что можетъ быть успѣшнѣе установлено безъ него, и вмѣшаться тамъ, гдѣ его вмѣшательство приноситъ вредъ? Не лучше-ли ему ограничиться только точнымъ опредѣленіемъ качества, требуемыхъ отъ рекрутъ, и зачѣмъ предоставить поставку ихъ обществамъ?

Соображенія военнаго и общегосударственнаго характера помѣшали, однакожъ, рѣшенію вопроса въ этомъ смыслѣ. Съ одной стороны казалось невозможнымъ оставить безъ контроля правительства порядокъ отправленія такой важной повинности, какъ рекрутская. Съ другой—высшій контроль былъ признанъ единственнымъ средствомъ для предупрежденія такихъ случаевъ, какъ сдача въ армію людей порочныхъ, превратившихся у насъ въ обычай.

Но принимая на себя рѣшеніе вопроса о порядкѣ выбора рекрутъ, коммисія обязана была дѣйствовать съ возможною осмотрительностью, чтобы предупредить повтореніе прежнихъ ошибокъ, породившихъ столько неудобствъ и возбудившихъ безчи-

сленное множество справедливыхъ жалобъ. Легко себѣ представить, съ какими вредными послѣдствіями должно было быть сопряжено введеніе такой системы, которая бы стала въ противорѣчіе съ интересами и понятіями народа, общинный бытъ котораго отличается столь сложнымъ и своеобразнымъ устройствомъ.

Для яснаго пониманія дѣла совершенно необходимо предварительно ознакомиться съ тѣми особенностями нашей общины, которая имѣютъ непосредственное отношеніе къ изслѣдуемому вопросу. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть взаимныя отношенія членовъ общины. Совершенно ошибочно было бы представлять себѣ нашу общину союзомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ лицъ. Это есть поземельный союзъ ассоціацій, называемыхъ *семействами*, отличающимися однакожъ отъ обыкновеннаго понятія о семействѣ тою характеристическою особенностью, что они опредѣляются не одною степенью родства, но и разными другими условіями. Семейство въ быту народа представляетъ совокупность брачныхъ паръ и отдѣльныхъ лицъ, находящихся въ весьма различныхъ степеняхъ родства, иногда даже вовсе не родственниковъ, но живущихъ подъ одною кровлею, связанныхъ общностью своего имущества (за исключеніемъ платья и нѣкоторыхъ другихъ вещей), ведущихъ одно нераздѣльное хозяйство и отправляющихъ сообща всѣ повинности. (Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, отецъ съ сыновьями или братъ съ братомъ *раздѣляются* и затѣмъ уже относятся другъ къ другу какъ посторонніе). Семейства одной и той же деревни не одинаково многочисленны. Отъ этого происходитъ значительное различіе въ ихъ экономическихъ условіяхъ. Многочисленное семейство, очевидно, находится въ одинаковыхъ условіяхъ съ крупнымъ хозяйствомъ или съ соотвѣтствующей по численности земледѣльческой ассоціаціей и пользуется всѣми выгодами этой послѣдней. Владѣя нераздѣльно землею, семья имѣетъ и общія орудія производства, равно какъ ведетъ сообща и самую работу по общему плану. Такимъ образомъ она можетъ дѣлать весьма значительныя сбереженія въ рабочемъ скотѣ, постройкахъ, въ сбытѣ продукта и пр. Всѣхъ этихъ выгодъ лишено хозяйство одиночнаго или малорабочаго семейства. Обработка одинаковаго участка обойдется ему дороже, чѣмъ семейству многорабочему, вслѣдствіе чего естественно оно и получить меньше. Но если уже при занятіи однимъ только хлѣбопашествомъ возникаетъ такое неравенство, то оно увеличивается до еще болѣе значительныхъ размѣровъ, вслѣдствіе того, что многорабочее семейство можетъ посылать нѣкоторыхъ своихъ членовъ

на занятія болѣе выгодныя, чѣмъ хлѣбопашество, какъ-то: извозъ, отхожіе промысли, работы на фабрикахъ и заводахъ, не уменьшая при этомъ запашки. Весьма понятно, что при раскладкѣ какой-либо повинности равномерность будетъ достигнута только тогда, когда ея распредѣленіе будетъ произведено въ строгомъ соотвѣтствіи не только съ количествомъ рабочихъ рукъ въ семьяхъ, но и въ соотвѣтствіи съ тѣми выгодами, которыя доставляетъ ихъ соединеніе. Вотъ почему по семейно-очередной системѣ повинность падаетъ прежде всего на эти многорабочія семьи и вовсе освобождаетъ одиночекъ и двойниковъ. Но представляя съ точки зрѣнія производства полное сходство съ производительной земледѣльческой ассоціаціей, семья отличается отъ нея тѣмъ, что общность землевладѣнія, орудій производства и работъ основывается здѣсь въ громадномъ большинствѣ случаевъ не на ясномъ пониманіи выгодъ общинаго труда, а на родственномъ союзѣ членовъ семьи, на ихъ происхожденіи отъ одного предка. Изъ этой черты проистекаютъ многія важныя особенности. Здѣсь нѣтъ равныхъ членовъ, какъ въ свободной ассоціаціи. Лица, имѣющія физическія преимущества: старшій возрастъ, полъ, пользуются болѣе значеніемъ, чѣмъ остальные. Женны подчинены мужьямъ, дѣти отцамъ, младшіе братья обязаны почтеніемъ къ старшимъ, племянники къ дядьямъ, снохи свекровьямъ и всѣми ими наконецъ деспотически управляетъ глава семейства, *pater familias*, представляющій свою семью и въ общественныхъ сношеніяхъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ неизбежны столкновенія и ссоры между членами семьи. Эти непріятности, если они становятся невыносимы, порождаютъ *раздѣлы*, хотя бы при этомъ представлялись явныя экономическія невыгоды. Кромѣ этихъ причинъ, склонность къ раздѣламъ усиливается, вслѣдствіе стремленія къ самостоятельности и независимости, столь сильно поощряемаго развитіемъ многихъ сферъ труда, дающихъ возможность найти гораздо выгоднѣйшій заработокъ внѣ общины и приучающихъ человека къ особой жизни. Вообще трудно опредѣлять всѣ причины крестьянскихъ раздѣловъ, но большинство ихъ можно отнести къ слѣдующимъ главнымъ группамъ. Весьма часто раздѣлы возникаютъ вслѣдствіе неравенства рабочихъ силъ въ разныхъ мелкихъ семьяхъ, входящихъ въ составъ большаго семейства. Такъ, напримѣръ, въ семьѣ одного брата два или три работника и одинъ малолѣтній, между тѣмъ другой братъ только самъ работникъ и притомъ имѣетъ на рукахъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей. Первый братъ, рассчитывая, что его семья трудится болѣе на второго брата,

живи съ этимъ въ одномъ хозяйствѣ, *раздѣляется*. Это дѣлается еще скорѣе, когда остались дѣти отъ двухъ или трехъ братьевъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Часто по смерти одного изъ братьевъ, оставшіяся братья отдѣляются отъ себя жену и дѣтей его, не желая или не имѣя возможности содержать ихъ. Весьма не рѣдко крестьянинъ по смерти жены беретъ вторую, отъ которой идутъ другія дѣти. Дѣтямъ второй жены становится тяжело жить отъ мачихи, и если они женаты, то тотчасъ же отдѣляются; если-же нѣтъ, то отецъ спѣшитъ женить и отдѣлить ихъ, чтобы только избѣжать домашняго ада. Раздѣлы происходятъ также вслѣдствіе простыхъ ссоръ сношальницъ между собою, снохъ съ свекровью и проч. («дѣти за ложки, бабы за кочерыжи, мужики за волосы»).

Наконецъ вообще болѣе смышленные и предприимчивые члены общины, надѣясь устроить свое хозяйство лучше, если они будутъ вести его по своему усмотрѣнію, не стѣсняемые старшими, стремятся выдѣлиться изъ общей семьи. Съ выдѣленіемъ изъ семьи раздѣлившійся однакожь не тотчасъ-же прерываетъ всѣ связи съ своей семьей, хотя-бы онъ жилъ на другомъ концѣ или въ другой улицѣ, а по традиціи и въ общественныхъ расчетахъ считается иногда вмѣстѣ съ нею, что очевидно усложняетъ общинныя отношенія. Иногда же напротивъ раздѣлившіеся братья, даже живя въ разныхъ домахъ на одной усадьбѣ, отдѣляются другъ отъ друга заборами и становятся во всѣхъ дѣлахъ почти такъ же далеки между собою, какъ посторонніе.

Правительство Екатерины II-й, замѣтивши матеріальный вредъ отъ раздѣловъ, и думая, быть можетъ, найти въ сохраненіи многорабочихъ семей средство ослабить результаты, происходящія отъ множества законоположеній, совершенно разстроившихъ сельскій бытъ, старалось затруднить семейные раздѣлы. Въ наставленіи экономическимъ правленіямъ 1771 года, (П. С. З. № 13,590) предписывалось наблюдать, чтобы «крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, и непремѣнно-бы въ каждомъ тяглѣ считалось по 4, и по крайней мѣрѣ по три работника». Подобныя законы явно свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ съ жизнью общины. Поясненныя выше причины, дѣлающія невозможнымъ совмѣстную жизнь членовъ семей и побуждающія ихъ къ раздѣлу, на столько сложны, постоянны и могущественны, что остановить ихъ дѣйствіе какими либо узаконеніями невозможно. Весьма понятно, что постановленія Екатерины оставались почти безъ дѣйствія. Въ 1823 году былъ изданъ новый, болѣе рѣшительный законъ

№ 29,322), который требовалъ, чтобы семейства дѣлились иначе, какъ съ разрѣшенія Казенной Палаты. Разрѣшеніе долж даваться лишь тогда, когда по раздѣленіи въ каждой час остаётся не менѣе трехъ работниковъ. Мало знакомое съ причинами явленій, происходящихъ внутри селеній, правительство предполагало, что крестьяне дѣлятся преимущественно съ цѣлью стать на низшую очередь и тѣмъ избавиться отъ рекрутства (Весьма вѣроятно, что къ прежде перечисленнымъ причинамъ раздѣла слѣдуетъ отчасти причислить также и эту). Было рѣшено не принимать во вниманіе при раскладкѣ военной повинности никакихъ раздѣловъ, кромѣ разрѣшенныхъ, и рекрутскій уставъ 1831 года опредѣлилъ, что всѣ лица, записанныя въ сказкахъ послѣдней ревизіи подъ однимъ номеромъ, пока не раздѣлятся законнымъ порядкомъ, считаются въ отношеніи рекрутской повинности за одно семейство¹. Понятно, что съ устраненіемъ воображаемаго побужденія, дѣйствительныя причины раздѣловъ не устранялись ни мало. Послѣ 1823 г., равно какъ и послѣ 1831 г., семейства дѣлились и продолжаютъ дѣлиться, какъ и до этого времени безъ всякаго разрѣшенія начальства. Такіе раздѣлы были признаны закономъ самовольными и хотя законъ скоро пересталъ строго преслѣдовать ихъ, хотя даже прямо дозволялъ раздѣлившимся жить особо (рек. уст. 1831 г., ст. 11-я), но при раскладкѣ повинности не принималъ ихъ вовсе во вниманіе и признавалъ разошедшихся за одну семью. Понятно, что число и составъ семей, опредѣленный въ 1823 г., съ теченіемъ времени сталъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ дѣйствительнаго. Отъ такого разлада *стисочною* состава семей и *наличною* происходили для общины величайшія неудобства. Соображая по спискамъ, слѣдовало напр. взять въ рекруты члена восьмирабочаго семейства, на самомъ-же дѣлѣ брали единственнаго сына у старика отца только потому, что онъ въ спискахъ числится подъ однимъ номеромъ съ какимъ нибудь родственникомъ, съ которымъ давно уже не имѣетъ ничего общаго. Но этимъ неудобства установленнаго порядка не ограничиваются. До 1823 г., когда рекрутская повинность отправлялась по наличному составу семействъ, дѣла этого рода рѣшались миромъ гласно и на основаніяхъ для всѣхъ понятныхъ. Съ этого же года главнымъ

¹ Только незнакомство съ жизнью народа можно объяснить происхожденіе этихъ законовъ, по которымъ семьи при раздѣлѣ на части должны получаться не дѣйствительной потребности и законамъ родства, а исключительно тѣмъ условіямъ, какія необходимы для примѣненія къ дѣлу наданныхъ правительствомъ системъ.

основаніемъ для призыва въ рекруты стали служить семейные списки крестьянъ, въ которые вносились только немногіе дозволенные раздѣлы и не упоминалось о громадномъ большинствѣ другихъ, «самовольныхъ». Такъ какъ крестьяне не грамотны, то дѣло попало въ руки писарей. «Семейные списки, рассказываетъ одинъ наблюдатель, ведутся крайне небрежно; статьи 896—901-я Регр. Уст. положительно не исполняются съ необходимою въ нихъ точностью; ошибокъ въ спискахъ встрѣчается множество; рекрутскія послуги часто не отмѣчаются; дѣта крестьянъ, число членовъ семьи обозначаются умыленно или ошибочно невѣрно. Все это влечетъ неправильное составленіе самыхъ призывныхъ списковъ, усиленное собраніе предъ самымъ наборомъ метрическихъ выписокъ, хлопоты не значащихся въ метрикахъ и въ особенности раскольниковъ о доказываніи своихъ дѣтъ, смотря по надобности, другими средствами, трудныя исправленія невписанныхъ послугъ, доказываніе раздѣловъ семьи еще до 1823 г. и т. п.» Такой порядокъ дѣлъ возбудилъ рядъ безконечныхъ жалобъ, начавшихся почти тотчасъ-же по введеніи устава 1831 г. и въ замѣчаніяхъ флигель-адъютантовъ о наборахъ, въ рѣдкомъ не говорилось о совершавшихся несправедливостяхъ и недораумѣніяхъ. Напрасно старались нѣкоторыми постановленіями (1842)¹ облегчить тяжесть повинности для семей, состоящихъ въ самовольномъ раздѣлѣ—дѣло не поправлялось. Законъ оказался несостоятельнымъ, доказавши еще разъ, какъ опасно и какъ безуспѣшно вмѣшательство въ жизнь общины. Положимъ, причины раздѣловъ повидному мелочны, раздѣлы влекутъ за собой экономическое разстройство, но при всемъ этомъ никто и нивагимъ образомъ не имѣетъ права насильно заставлять человѣка жить съ людьми, съ которыми онъ жить не желаетъ.

Комиссія, поставившая себѣ цѣлю, достигнуть уравнительности въ раскладѣ повинности, должна была безъ малѣйшихъ колебаній, отвергнуть очередную систему, основанную не на дѣйствительномъ наличномъ составѣ семействъ, а на томъ, которое было до 1823 г., и замѣнить другимъ, болѣе естественнымъ началомъ. Самымъ простымъ дѣломъ было-бы основать рекрутскую очередь на дѣйствительномъ наличномъ числѣ работниковъ каждаго семейства, уничтоживъ всѣ постановленія объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ. На первый разъ можетъ показаться, что это породитъ неминуемо стремленіе уклоняться отъ рекрутчины, спускаясь въ разряды двойниковъ, такъ что

¹ Регр. Устав. ст. 102.

будеть невозможно введеніе какого бы то ни было правильнаго порядка. Оно такъ и будетъ, вѣроятно, если парализуютъ самодѣятельность общины. Но исторія рекрутской повинности у помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ законъ о семейныхъ раздѣлахъ не имѣлъ силы и именно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ деспотизмъ помѣщиковъ не стѣснялъ общины въ рекрутскомъ дѣлѣ, доказываетъ, что община обладаетъ способностью приспособляться къ новымъ потребностямъ жизни. По свѣденіямъ, собраннымъ въ 1865 г. о порядкахъ отправленія рекрутской повинности между временно-обязанными крестьянами и крестьянами-собственниками въ Тамбовской губерніи, главнымъ основаніемъ этихъ порядковъ служитъ учетъ очередей по числу братьевъ-работниковъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ сверхъ братьевъ-работниковъ принимаютъ въ расчетъ и другихъ работниковъ, составляющихъ одну съ ними семью. (Впрочемъ, и здѣсь преобладающее значеніе имѣетъ число братьевъ-работниковъ, а число прочихъ работниковъ служитъ лишь для опредѣленія очереди при равенствѣ братьевъ-работниковъ). Здѣсь, такимъ образомъ, принято во вниманіе не *совмѣстное* жительство тѣхъ или другихъ лицъ, а степень родства, связывающая ихъ. Вдумываясь въ этотъ порядокъ, мы приходимъ къ заключенію, что принатіе въ основаніе учета очередей числа братьевъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной способности общины къ развитію. Въ самомъ дѣлѣ расчетъ по числу братьевъ, какъ основаніе уравненія повинности, столько-же проченъ и понятенъ, сколько и согласенъ съ дѣйствительными потребностями современной деревенской жизни. Отецъ съ сыновьями, а слѣдовательно и братъ съ братомъ составляютъ естественный основной элементъ всякой семьи. Основывая расчетъ лишь на числѣ братьевъ, община не имѣетъ надобности ни стѣснять семейства въ ихъ раздѣлахъ, ни даже входить въ изслѣдованія: живутъ ли братья вмѣстѣ или врознь, ведутъ ли они одно хозяйство или нѣсколько.

Этотъ порядокъ представляется до того практичнымъ и справедливымъ, что нѣкоторые лица предполагали сдѣлать его всеобщимъ¹. Коммисія для пересмотра рекрутскаго устава также проектировала порядокъ учета очередей по числу братьевъ-работниковъ. Но коммисія о личной повинности совершенно отвергла семейно-очередной порядокъ въ какомъ бы ни было видѣ. Признавая, что очередная система пользуется большимъ сочувствіемъ народа, коммисія однако-жъ рѣшила, что при всесослов-

¹ Розингъ «Объ уравненіи рекрутской повинности» Ж. М. Г. И. 1862. № 1—2.

ной военной повинности и отбываніи ея однимъ опредѣленнымъ возрастомъ, такая система окончательно не примѣнима по слѣдующимъ причинамъ:

1) Очереди могутъ быть устанавливаемы только между семьями, приписанными къ одной территоріи и составляющими одно общество. Очевидно, что очереди между семьями дворянскими, купеческими, мѣщанскими и крестьянскими совершенно невозможны.

2) Очередная система не соответствуетъ характеру личной военной повинности. При очередномъ порядкѣ послѣдняя отбывается семьями. Цѣль системы заключается въ томъ, чтобы опредѣлить изъ какой семьи *нужно* взять рекрута въ данномъ году. При всесословной и личной военной повинности, *всякое* лицо, достигшее извѣстнаго возраста, должно подлежать призыву, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые *могутъ* быть оставлены для поддержки своихъ семей.

3) Установленіе очередей невозможно, при отбываніи повинности однимъ опредѣленнымъ возрастомъ. Тогда пришлось бы постоянно брать рекрутовъ изъ тѣхъ семей, гдѣ есть люди такого возраста, а не изъ тѣхъ, которые стоятъ на очереди и въ которыхъ такихъ людей можетъ и не быть.

4) Очередная система, основанная на исчисленіи рабочей силы семьи, непримѣнима къ такъ-называемымъ высшимъ сословіямъ, такъ-какъ здѣсь измѣрять благосостояніе семьи количествомъ работниковъ невозможно.

5) При всесословной военной повинности и территориальныхъ призывныхъ участкахъ сохраненіе очередной системы было-бы невыгодно для крестьянъ. Среди ихъ, особенно въ Великороссіи, встрѣчается болѣе малорабочихъ семей, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, тягость воинской повинности при отправленіи ея всѣми сословіями обратится преимущественно на крестьянскія семьи, въ которыхъ будетъ оказываться болѣе работниковъ.

Сохранить очередную систему для одного крестьянскаго сословія и принять какую-либо иную для другихъ, въ свою очередь также невозможно; какъ потому, что она и для крестьянъ при отбываніи повинности однимъ возрастомъ непримѣнима, такъ и потому, что такой порядокъ противорѣчилъ бы главнымъ основаніямъ общеобязательной военной повинности. Эта послѣдняя по существу своему требуетъ отбыванія на правилахъ общихъ и однообразныхъ для всѣхъ сословій и непремѣнно совмѣстнаго отбыванія повинности всѣми лицами, безъ различія сословій.

Лишь только установлено, что призыву подлежат исключительно *одинъ определенный возрастъ* и притомъ не весь, а только меньшинство (отъ 24 до 30%) призывнаго возраста, то опредѣлить кто именно изъ лицъ, внесенныхъ въ призывные списки, долженъ поступить въ ряды арміи, можно только съ помощью тиража или жребія. Такой порядокъ можетъ быть общъ для всѣхъ сословій. И только при немъ, по мнѣнію комиссіи, выборъ рекрутъ можетъ быть обезпеченъ отъ произвола административныхъ лицъ и обществъ. На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній, комиссія единогласно постановила, что зачисленіе молодыхъ людей на службу войска должно производиться посредствомъ жребія.

Но жеребьевая система не можетъ быть допущена ни въ той формѣ, какъ она существуетъ въ частяхъ городскихъ обществъ, гдѣ призыву подлежатъ лица не одного младшаго возраста, но въ случаѣ его недостаточности и лица старшихъ возрастовъ до 30 л., равно какъ и въ той, какъ она установлена въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ призываемые раздѣляются на двѣ группы, первая до 25 лѣтъ, вторая отъ 25 до 30, изъ которыхъ послѣдняя призывается только въ случаѣ недостатка людей въ первой, такъ какъ здѣсь призывается не одинъ, а нѣсколько возрастовъ. Она должна быть введена только въ томъ видѣ, какъ существуетъ у государственныхъ крестьянъ или за границей, гдѣ призыву подлежатъ только одинъ возрастъ. Только при этомъ условіи возможно установленіе правила, что *лица, участвовавшія однажды при вынужтіи жеребья и не подпавшія по номеру жребія обязанности рекрутства, навсегда освобождаются отъ призыва, кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. По проэкту они зачисляются въ ополченіе.*

Однакожь, легко видѣть, что жеребьевой порядокъ въ чистомъ видѣ будетъ противорѣчить самымъ кореннымъ условіямъ нашего *общиннаго* быта. Мы видѣли, что наши общины состоятъ изъ семей многорабочихъ и малорабочихъ, что первыя находятся въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ послѣднія. Сплошь и рядомъ должно случаться, еслибъ дѣло доверено было одному слѣпому жребію, что ему выпадали бы лица, на которыхъ исключительно лежитъ поддержка семейнаго хозяйства (напримѣръ, въ семействахъ одиночекъ, двойниковъ) и удаленіе которыхъ, лишило бы ихъ семьи послѣдняго куска хлѣба. Равнымъ образомъ можетъ случиться, что многорабочее семейство разомъ лишится многихъ работниковъ. Такимъ образомъ, представлялось существенно необходимымъ строго сообразовать вводимый порядокъ съ составомъ семей и допустить льго

ты по семейному положенію. Этимъ самъ собою устранялся рѣзкій переходъ отъ современнаго очереднаго порядка къ жеребьевому. (Въ интересахъ общества представлять также необходимыми льготы по роду занятій и образованію). Затѣмъ жребіе подлежатъ всѣ. Исключаются лишь лица, лишенные или подлежащія лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ. Въ этомъ постановленіи нужно видѣть реакцію прежде существовавшимъ взглядамъ, когда въ солдаты отдавали, напротивъ, преимущественно лицъ порочныхъ. Очевидно, оно вышло изъ желанія возвысить достоинство солдатскаго званія. Что касается *до времени*, когда долженъ производиться призывъ и приемъ ратниковъ, то при обсужденіи этого вопроса столкнулись интересы населенія съ выгодами арміи. Чтобы экономическое благосостояніе населенія было нарушено возможно менѣе—срокъ призыва нивакимъ образомъ не долженъ совпадать съ періодомъ полевыхъ работъ. Этотъ періодъ не одинаковъ для разныхъ частей Россіи, но чтобы не усложнять дѣла, слѣдуетъ назначить одинъ общій срокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось-бы назначать разные сроки для разныхъ заявленій, доставленія свѣдѣній и т. д. Общій срокъ, слѣдовательно, не можетъ выходить за предѣлы времени отъ 15-го октября до 1-го января или марта, когда полевые работы для большей части населенія прекращаются. Такъ какъ уѣздныя присутствія дѣйствуютъ поочередно въ нѣсколькихъ участкахъ, то срокъ дѣйствія ихъ нельзя было ограничить немногими днями и оказалось нужнымъ принять для призыва срокъ 6-ти-недѣльный. Неудобно было-бы приурочить срокъ этотъ къ срединѣ зимы, т. е. къ новому году, такъ какъ время призыва тогда совпало-бы съ наибольшими холодами и съ наиболѣе продолжительными праздниками. Остается время передъ началомъ весны или въ концѣ осени. Теперь принять весенній срокъ набора отъ 1-го января до 1-го марта. И было предположеніе оставить этотъ срокъ и на будущее время. Но члены отъ военнаго министерства указали на весьма значительныя невыгоды отъ весеннихъ сроковъ съ военной точки зрѣнія, состоящія въ слѣдующемъ: молодые люди, принятые въ февралѣ, распределяются по полкамъ не ранѣе сентября, когда всѣ они располагаются по зимнимъ квартирамъ, то-есть въ наименѣе неудобное время для ученія. Въ продолженіи зимы они не только не совершенствуются въ службѣ, но даже забываютъ то, что приобрѣли весной. Между тѣмъ, при предполагаемыхъ короткихъ срокахъ службы и при отсутствіи казарменныхъ помѣщеній, существенно

важно, чтобы первое время не пропадало даромъ для нихъ обученія. Всѣ эти неудобства устраняются съ перенесеніемъ призыва на осень: молодые люди будутъ являться въ свои поля въ маѣ или іюнѣ, стало бытъ съ лѣтнимъ сборомъ, а потому весь первый годъ службы пройдетъ производительно для нихъ обученія.

Но съ другой стороны призывать рекрутъ осенью совершенно неудобно для сельскаго населенія, такъ какъ осенью продолжаютъ еще многія сельскія работы, не говоря уже о томъ, что дороги въ это время находятся въ самомъ дурномъ состояніи.

Чтобы примирить такія противоположныя требованія, коммисія признала удобнымъ назначить срокъ осенью, но по возможности позже, то-есть не ранѣе ноября. Такимъ образомъ, призывъ къ исполненію воинской повинности долженъ по проекту производиться повсемѣстно, за исключеніемъ Сибири, въ одно время отъ 1-го ноября по 15-е декабря. Въ Сибири-же срокъ этотъ обнимаетъ болѣе долгій періодъ отъ 15-го октября по 31-е декабря.

У.

Вопросъ о *срокахъ службы*, къ которому мы теперь переходимъ, настолько важенъ, что отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ вопросъ о результатахъ цѣлой реформы. Реформа только тогда можетъ ослабить тяжесть и непроеводительность военной повинности, когда срокъ службы будетъ таковъ, чтобы солдатъ не отвыкалъ отъ своихъ прежнихъ зачатій, теряя къ нимъ всякую охоту и способность и дѣлаясь годнымъ только въ сторожа, чтобы онъ могъ еще въ молодыхъ лѣтахъ занять свое прежнее мѣсто въ обществѣ и чтобы служба не наложила на него спеціально солдатскаго отпечатка, неизгладимаго на цѣлую жизнь. Въ противномъ случаѣ онъ сдѣлается бесполезнымъ, или даже вреднымъ членомъ своего общества. Въ интересахъ солдата, въ экономическихъ выгодахъ общества, необходимо, чтобы время службы было доведено до минимума. Въ совершенно противоположномъ направленіи идутъ требованія въ силу военныхъ соображеній. Здѣсь, чѣмъ срокъ службы долѣе, тѣмъ лучше. Оба эти противоположныя требованія нашли себѣ горячихъ защитниковъ среди членовъ коммисіи. При обсужденіи записки о срокахъ службы, составленной для организаціонной коммисіи и предлагавшей при общемъ

12-ти-лѣтнемъ срокѣ 4 года службѣ въ рядахъ и остальные 8 въ резервѣ, члены комисіи раздѣлились на 3 партіи. 18 лицъ, преимущественно земскихъ представителей и вообще лицъ гражданскихъ, высказались за 4-хъ-лѣтній срокъ, 10—за 5-ти-лѣтній и 26 за 6-ти-лѣтній срокъ службѣ въ рядахъ.

Защитники 6-ти-лѣтняго срока отстаивали его необходимостью слѣдующими соображеніями: 1) При теперешней системѣ размѣщенія войскъ по раскинутымъ квартирамъ 4 лѣтъ для обученія недостаточно. Казарменныхъ-же помѣщеній, которые могутъ значительно сократить срокъ ученія — у насъ не существуетъ. 2) Обширность русской территоріи, при рѣдкости населенія и отсутствіи хорошихъ дорогъ, ведетъ къ значительной тратѣ времени на передвиженіе новобранцевъ и войскъ, что одно уже обуславливаетъ необходимость длинныхъ сроковъ. 3) Такіе сроки тѣмъ болѣе необходимы, что вслѣдствіе умственной неразвитости русскаго народа, солдатъ не можетъ быть обученъ своему дѣлу такъ быстро, какъ въ Пруссіи и другихъ странахъ. Затѣмъ нѣкоторые находили, что длинный срокъ службѣ необходимъ, чтобы воспитать воинственность въ характерѣ русскаго народа, отличающагося мягкостью и миролюбіемъ. Наконецъ, въ защиту удлиненаго срока приводились экономическія соображенія. Такъ какъ ежегодный контингентъ рекрутъ при 4-хъ-лѣтней службѣ долженъ быть болѣе, чѣмъ при 5-ти-лѣтней, то утверждали, что производительность страны болѣе выиграетъ, если этотъ излишекъ будетъ совершенно освобожденъ отъ призыва, хотя бы это повлекло за собою удлинненіе срока для большинства поступившихъ въ армію. Сверхъ того, короткіе сроки, требуя частаго возобновленія состава войскъ, повлекли бы за собою значительные расходы по ежегодному усиленному комплектованію и распредѣленію рекрутъ. Внимательное разсмотрѣніе этихъ доводовъ привело защитниковъ короткихъ сроковъ къ совершенно иному заключенію. Такъ, недостатокъ въ казармахъ не трудно устранить, такъ какъ постройка ихъ можетъ быть окончена въ періодъ, необходимый для приведенія новаго закона въ дѣйствіе, и если устройство ихъ и потребуетъ затратъ, то этотъ расходъ будетъ лишь желательнымъ переложеніемъ на деньги квартирной повинности, весьма тягостной для населенія, служащей источникомъ разврата и заразительныхъ болѣзней среди сельскаго населенія и ко всему этому крайне неуравнительной. Второй доводъ скорѣе относится къ прошедшему. Железныя дороги въ значительной степени облегчили и удешевили передвиженія. Что касается до неразвитости русскаго народа, то едва-ли пруссаки 1807—8 г., когда у нихъ

Т. СОВИЩ. — Отд. I. 15

вводилась реформа, были болѣе развиты, чѣмъ теперь русскіе, и бесспорно, что большая часть племенъ теперешней Австріи стоитъ на одинаковой степенн развитія съ русскими народами, а между тѣмъ и тамъ и здѣсь считается вполне достаточнымъ даже трехъ лѣтъ для обученія солдата.

Миролюбіе и мягкость нашего народа въ обыкновенное время смѣняются стойкостью и упорною храбростью во время войны, какъ доказываетъ это вся военная исторія Россіи. Затѣмъ, еслибы и дѣйствительно было выгодно удлиннить срокъ для однихъ и освободить отъ службъ другихъ, чѣмъ требовать всѣхъ къ сокращенному сроку, то такой порядокъ противорѣчилъ бы самому коренному требованію, въ силу котораго повинность должны равномѣрно нести *все*. Но повидимому производительность гораздо болѣе пострадаетъ въ послѣднемъ случаѣ, когда солдаты будутъ возвращаться на родину лишь для того, чтобы служить для нея бременемъ.

При короткихъ срокахъ пройдетъ черезъ ряды арміи большее число людей, что обезпечитъ и быстрое накопленіе резерва и дастъ сверхъ того возможность составить значительную часть ополченія изъ опытныхъ солдатъ. Въ виду такихъ соображеній излишне говорить о расходахъ по ежегодному комплектованію арміи усиленнымъ контингентомъ. Наконецъ, 6-ти-лѣтній срокъ самъ собою вызоветъ допущеніе всякаго рода изъятій и льготъ, вызоветъ рядъ домогательствъ о правѣ выкупа или замѣна. Большая часть этихъ льготъ должна вышастъ исключительно на долю высшихъ сословій и такимъ образомъ каждый видъ изъятій, вызванныхъ продолжительностью срока обязательной службы, непременно увеличитъ тягость повинности для рабочаго населенія.

Совершенно по тѣмъ-же социальнo-экономическимъ соображеніямъ защитники короткаго срока обязательной службы, предлагали, чтобы общій срокъ службъ былъ не 15, а 12 лѣтъ. Однакожъ, военныя соображенія, поддѣржили бы предположеніями, что лица, поступающія на службу на 6-ть лѣтъ, *de facto* будутъ оставаться на ней только 4½ года и на полтора года могутъ быть удерживаемы только въ исключительныхъ обстоятельствахъ (это впрочемъ не измѣняетъ сущности дѣла), что допущенія возможно большаго числа льготъ по образованію поведутъ съ развитіемъ образованія къ большому и большому сокращенію срока для всѣхъ—военныя соображенія взяли перевѣсъ. Общій срокъ службъ въ сухопутныхъ войскахъ будетъ пятнадцатилѣтній: *шесть* лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и *десять* лѣтъ въ запасѣ.

Эти сроки служб подвергаются разнообразнымъ сокращеніямъ или уменьшеніемъ времени пребыванія въ запасъ или временными отпусками изъ службъ.

Такъ лица, служація въ кавалеріи, конной артиллеріи и пограничной стражѣ, также хорные музыканты и фельдшера всѣхъ родовъ войскъ, изъ которыхъ для первыхъ требовали въ виду трудности службы болѣе продолжительнаго срока, а для вторыхъ, по вредности ихъ занятій для здоровья, болѣе короткихъ, будутъ по проекту числиться въ запасъ годомъ менѣе, чѣмъ другіе, именно 8 лѣтъ, но за то не увольняются во временный отпускъ. Всѣ остальные рядовые по отбываніи пятилагерныхъ сборовъ увольняются на послѣдній годъ дѣйствительной службы во *временный отпускъ*.

Въ виду того, что наша армія нуждается въ грамотныхъ унтеръ-офицерахъ, военные члены предлагали продлить срокъ унтеръ-офицерской службы. Но такое продленіе должно necessarily привести народъ къ убѣжденію въ положительной невыгодѣ ученія и родители едвали согласятся отдавать своихъ дѣтей въ школу, зная, что они, какъ грамотные, попадутъ въ унтеръ-офицеры, гдѣ принуждены будутъ служить дольше другихъ. Но не смотря на справедливость такихъ опасеній, комисія, въ виду настоятельныхъ нуждъ арміи, постановила, что унтеръ-офицеры оставляются въ рядахъ арміи полные 6 лѣтъ безъ временныхъ отпусковъ. Въ вознагражденіе за это они состоятъ въ запасѣ двумя годами менѣе, чѣмъ остальные, именно 7 лѣтъ.

Служба въ войскахъ отдаленныхъ мѣстностей: Туркестанѣ, областяхъ Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской поставлена въ особые условія, требующія и болѣе продолжительныхъ сроковъ. Эти войска необходимо должны пополняться изъ мѣстностей весьма отдаленныхъ отъ мѣста ихъ службы и весьма значительная часть времени проходила бы въ передвиженіи комплектованій къ этимъ войскамъ и обратно въ дома. Короткіе сроки, связанные съ болѣе частымъ возобновленіемъ состава войскъ, привели-бы здѣсь не только къ такимъ же результатамъ, какъ въ Россіи, но кромѣ того повели-бы къ большей болѣзненности и смертности въ войскахъ, такъ какъ частое возобновленіе состава войскъ не дало-бы возможности людямъ основаться съ климатомъ этихъ странъ. Сверхъ того войска, расположенные въ далекихъ мѣстностяхъ, служатъ для нихъ источникомъ колонизаціи. Успѣхъ ея былъ-бы болѣе обеспеченъ при длинномъ срокѣ службы: люди болѣе могутъ при этомъ условіи свыкнуться съ мѣстностью и съ большей осно-

вательностью могут одѣнить выгоды поселенія въ ней. Но для самихъ солдатъ длинные сроки службы нигдѣ такъ не тягостны, какъ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Служба здѣсь несравненно тяжеле, сопряжена съ постоянными работами или утомительными военными походами и подвергаетъ людей неблагоприятному вліанію мѣстныхъ климатическихъ условій. Всѣ эти лишенія должны быть вознаграждены сокращеніемъ общаго срока, тѣмъ болѣе возможнымъ, что эти края по своему положенію вовсе не нуждаются въ развитіи значительнаго резерва отпускныхъ, необходимаго лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такъ что въ запасѣ можетъ состоять и незначительное число людей и въ продолженіи весьма недолгаго срока. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, коммисія опредѣлила для войскъ, расположенныхъ въ Туркестанѣ и въ областяхъ Семирчаптинской, Забайкальской, Явутской, Амурской и Приморской полный срокъ службы въ 9 лѣтъ. Изъ этого времени 7 лѣтъ люди должны состоять на дѣйствительной службѣ, а 2 числиться въ запасѣ (въ двухъ изъ трехъ представленныхъ проектовъ, одинаково отвергнутыхъ коммисіей, предлагалось, чтобы солдаты прямо изъ службы по ступали въ отставку послѣ 8 или 7 лѣтъ).

Такой же срокъ опредѣленъ и для службы во флотѣ: 7 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и 2—въ запасѣ. Сроки эти опредѣлены по соображенію съ временемъ, необходимымъ нынѣ для полной выработки хорошаго матроса и съ размѣромъ запаса на случай войны. Въ послѣдствіи, съ развитіемъ образовательныхъ средствъ для подготовленія матросовъ, срокъ дѣйствительной службы во флотѣ вѣроятно будетъ значительно уменьшенъ. Впрочемъ, многіе находили, что и при современныхъ условіяхъ, семилѣтній срокъ могъ бы быть разнообразно уменьшаемъ сообразно степени подготовки поступающихъ на морскую службу.

Солдаты, уволенные во временный отпускъ, могутъ быть призваны на службу во всякое время. Состоящіе въ запасѣ, въ мирное время обязаны только являться на кратковременные учебные и повѣрочные сборы, не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего срока состоянія ихъ въ запасѣ. На дѣйствительную службу они призываются только въ случаѣ войны.

Что касается до опредѣленія правъ лицъ, поступающихъ на военную службу, то въ этомъ отношеніи, коммисія пришлось только сдѣлать нѣкоторыя дополненія и измѣненія къ положенію 27 іюня 1867 года, съ тою цѣлію, чтобы новая реформа какъ можно менѣе нарушала нормальный порядокъ дѣлъ. Лица, поступившія на военную службу, по проекту продол-

завтѣ числиться въ составѣ тѣхъ обществъ, къ которымъ они и принадлежали до поступленія на службу. Во время ея они сохраняютъ за собой общія гражданскія, личныя и имущественныя права, равно какъ и всѣ права по состоянію, съ тѣми лишь ограниченіями, которыя установлены военными законами.

Лица податныхъ сословій освобождаются на весь срокъ дѣйствительной службы отъ всѣхъ личныхъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ. Временно-отпускные въ состояніи въ запасѣ пользуются правами своего состоянія, равно какъ и приобретенными ими на службѣ безъ ограниченія и подчиняются дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ. Они имѣютъ право поступать на государственную, гражданскую и общественную службу на основаніи общихъ законовъ. Но если въ гражданской службѣ были они повышены въ чинахъ, то это не даетъ имъ права, при поступленіи въ ряды войскъ, на высшій чинъ или званіе противъ того, съ которымъ они были уволены изъ войскъ.

Лицамъ, зачисленнымъ въ запасъ и призваннымъ въ ряды войскъ изъ государственной гражданской службы предоставляется право занимать вновь, по увольненіи изъ войскъ, тѣ должности, съ которыхъ они поступили въ войска.

Временно-отпускные и числящіеся въ запасѣ изъ податныхъ сословій, освобождаются отъ всѣхъ личныхъ повинностей: первые въ теченіе всего времени пребываютъ въ отпуску, послѣдніе въ томъ случаѣ, если были уволены въ отпускъ прямо изъ войскъ, въ теченіи года со дня зачисленія въ запасъ. Лица, призванные на службу въ военное время изъ временнаго отпуска и запаса, пользуются такой же льготой въ теченіе года со дня отпуска ихъ изъ службы.

Лица, состоящіа на дѣйствительной службѣ или въ запасѣ, увольняются отъ службы, если они окажутся по болѣзни или увѣчью, совершенно неспособными къ службѣ, какъ строевой, такъ и нестроевой. Они исключаются изъ списковъ запаса, получая свидѣтельство о выполненіи воинской повинности. Солдаты, сдѣлавшіеся негодными къ службѣ во время ея, получаютъ отъ казны по 3 р. с. въ мѣсяць въ случаѣ, если они неспособны къ личному труду, не имѣютъ средствъ къ жизни и родственниковъ, которые бы желали принять ихъ на свое содержаніе. Это пособіе увеличивается до 6 рублей, если они будутъ признаны требующими посторонняго ухода; за эту плату они размѣщаются также по богадѣльнямъ и благотворительнымъ заведеніямъ. Недостаточныя семейства временно-отпускныхъ и лицъ, состоящихъ въ запасѣ, призванныхъ въ военное время

на дѣйствительную службу, получаютъ отъ казны пособіе по 3 р. с. въ мѣсяцъ на семью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица будутъ убиты или пропадутъ безъ вѣсти на войнѣ, или умрутъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи, семейства ихъ обезпечиваются на основаніи особаго положенія.

VI.

Опасеніе, что могутъ случиться войны, для которыхъ будетъ недостаточно дѣйствующихъ войскъ и запасовъ (около 2.220,000) какъ напримѣръ въ случаѣ войны съ коалиціей изъ трехъ со-сѣднихъ государствъ: Пруссія, Австрія и Турція, соединенныя силы которыхъ простираются выше 3-хъ милліоновъ. привело къ мысли о восстановленіи стариннаго обычая созывать *ополченіе*. Обычай этотъ, впрочемъ, собственно и не прекращался. Не встрѣчаемое, въ продолженіи двухъ вѣковъ XVII и XVIII, ополченіе, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, сзывалось 3 раза: 1806, 1812 и 1855 гг. Однакожь опытъ этихъ двухъ послѣднихъ войнъ доказалъ, что созывъ неподготовленнаго ополченія почти бесполезенъ, что оно должно быть болѣе или менѣе организованнымъ, чтобы приносить пользу въ современныхъ войнахъ. Призывъ ополченія въ обоихъ случаяхъ совершался неожиданно, какъ для массы, такъ и для администраціи. Населеніе сразу отрывалось отъ своихъ занятій, при чемъ не обращали вниманія на неравномѣрность раскладки этой, тягости на между мѣстностями, ни между жителями одной и той-же мѣстности: на одни губерніи ополченіе легло тяжело, другихъ — не коснулось вовсе. Распредѣленіе и употребленіе ополченій пришлось вести случайно, безъ всякой пользы для дѣла и съ крайнимъ вредомъ для ратниковъ; больные оставались безъ всякаго попеченія. Такъ и должно было случиться при отсутствіи предварительно обдуманной организаціи. Поэтому, если уже обращаться къ ополченію, то необходимо установить на будущее время основанія его устройства и формированія, чтобы оно не служило могилой для десятковъ тысячъ народу.

Назначеніе ополченія будетъ состоять въ томъ, чтобы освободить во время войны дѣйствующія войска и запасъ отъ внутренней службы и дѣйствовать на тылъ непріятеля. Такъ какъ для исполненія многихъ операцій въ тылу арміи потребуются непременно въ составѣ ополченія конныя части, то оно будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пѣхотныхъ дружинъ, еще конныя сотни. Офицеры будутъ выбираться земскими собраніями.

Земство вообще является главным дѣятелемъ по устройству ополченія.

Призыву въ ополченіе подлежатъ всѣ молодые люди, оставшіеся по набору за жеребьемъ, въ предѣлахъ возраста отъ 20 до 38 лѣтъ. Этотъ возрастъ слѣдуетъ назвать отдаленнымъ. Экономическіе интересы населенія требуютъ возможно скорѣйшаго прекращенія подобныхъ обязательствъ, которыя неминуемо должны вліять на устройство быта. Но то соображеніе, что примеченіе большого числа возрастовъ даетъ возможность разложить новую повинность между населеніемъ этихъ возрастовъ съ наименьшимъ обремененіемъ, заставило именно не уменьшать указаннаго возраста.

Лица, призываемыя въ ополченіе, называются ратниками и смотря по возрасту дѣлятся на 2 разряда. Первый разрядъ включаетъ въ себя ратниковъ первыхъ шести возрастовъ, начиная съ младшаго и несетъ болѣе тяжкія обязанности сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Онъ назначается именно на пополненіе войскъ, въ случаѣ истощенія запаса, равно какъ и для организаціи частей ополченія, а второй разрядъ, включающій всѣхъ остальныхъ ратниковъ до 38 лѣтъ включительно, назначается исключительно для ополченія.

При призывѣ ратниковъ того и другого разряда будетъ соблюдена постепенность, требуемая семейнымъ положеніемъ призываемыхъ. По каждому разряду сначала призываются незамужныя, затѣмъ женатыя, но не имѣющіе дѣтей, потомъ имѣющіе отъ одного до 3-хъ дѣтей и наконецъ имѣющіе больше этого числа. Число призываемыхъ ратниковъ опредѣляется потребностью въ нихъ и назначается отдѣльно для каждаго случая.

Ополченіе распускается съ окончаніемъ войны или ранѣе, смотря по минованію въ немъ надобности. Ополченцы возвращаются домой въ прежнее состояніе. Офицеры ополченія не удерживаютъ за собой служебнаго положенія, которымъ они пользовались во время службы въ ополченіи. Составленіе ополченія, выборъ офицеровъ, заготовленія снабженій и продовольствія и вообще всѣ хозяйственныя операціи по материальному обезпеченію ополченныихъ частей находятся въ полномъ распоряженіи земства, на которое возлагается такимъ образомъ защита страны въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

На общество возложена также обязанность заботиться объ обезпеченіи семействъ ратниковъ, призванныхъ на службу въ ополченіе. Но семейства тѣхъ ратниковъ перваго разряда, которые назначены на пополненіе постоянныхъ войскъ, пользуются мѣрами призрѣнія на общемъ основаніи съ семействами временно-

отпущенныхъ и числящихся въ запасъ, въ случаѣ призванія этихъ на службу.

Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что учрежденіемъ ополченія закладывается основаніе для будущихъ преобразованій въ военномъ дѣлѣ. Цѣль, къ которой должно стремиться здѣсь, заключается, безъ сомнѣнія, въ возможно скорѣйшемъ уменьшеніи непроизводительности и тяжести военной службы для населенія. Такъ какъ пѣтъ надежды, чтобы условія, вызывающія необходимость защиты страны и вообще войны, скоро исчезли, то единственнымъ путемъ къ достиженію указанной цѣли представляется теперь только уменьшеніе численности дѣйствующихъ армій и запасовъ и организація ополченія на такихъ основаніяхъ, чтобы оно, не тревожимое въ мирное время, было способно быстро переходить, въ случаѣ нужды, къ правильно организованной защитѣ страны. Въ Швейцаріи, какъ мы видѣли, защита государства обезпечивается исключительно милиціей.

VII.

Коммисія отвергла *выкупъ и право замѣны* одного человѣка другимъ какимъ бы то ни было путемъ. До сихъ поръ подлежащіе призыву могли поставить вмѣсто себя наемнаго охотника или внести извѣстную сумму выкупныхъ денегъ. Замѣна того и другого вида очевидно возможна только для людей богатыхъ. Эта льгота капитала, какъ кажется, самая несправедливая изъ всѣхъ привилегій, какія только онъ успѣлъ пріобрѣсть. Рекрутская повинность, и безъ того уже крайне не уравнивательная, распредѣлялась вслѣдствіе допущенія военныхъ замѣнъ, еще болѣе неравномѣрно. Благодаря выкупу, самой тяжелой изъ всѣхъ повинностей подлежали исключительно самые бѣднѣйшіе люди податныхъ сословій. Неоправдываемыя требованіемъ общественной пользы, какъ наприимѣръ льготы по образованію, привилегіи богатства вредятъ интересамъ населенія и армій. Право замѣщать себя въ деревняхъ вызвало появленіе классовъ «наемщиковъ» и посредниковъ между ними и нанимателями, пользующихся самой дурной славой въ крестьянствѣ; благодаря ему войска наполняются людьми, «сравнительно испорченными и развратными». Такимъ образомъ, замѣны въ какомъ бы то ни было видѣ не могутъ быть допущены не только вслѣдствіе противорѣчія тому началу, какое положено въ основаніе будущей воинской повинности, но и въ виду крайне неблагоприятныхъ отъ допу-

ценія ихъ практическихъ послѣдствій для высшихъ государственныхъ и собственно военныхъ интересовъ.

Замѣны и выкупъ не могутъ быть дозволены также и въ видѣ переходныхъ мѣръ при введеніи общей воинской повинности, какъ-то выражено въ «Руководящихъ Основаніяхъ», и какъ предлагали это многіе члены комисіи во имя интересовъ торговли. Историческій опытъ доказываетъ, что многія привилегіи, даваемыя на время, мало-по-малу дѣлались постоянными. Вообще всякія временныя мѣры въ этомъ отношеніи весьма опасны и только отдалили бы на неопредѣленное время возможность привести наше военное дѣло въ положеніе, соответственное современнымъ требованіямъ. Общественное мнѣніе, на сколько можно понять его, требуетъ полного и немедленнаго уничтоженія выкуповъ и комисіа не нашла бы себѣ никакого оправданія, если бы не сдѣлала уступки этому настоятельному требованію времени. Уничтоженіе замѣнъ наконецъ полезно и въ томъ отношеніи, что заставитъ учиться и тотъ денежный классъ богатыхъ, степень образованія котораго вполнѣ оправдываетъ данное ему названіе «темнаго царства». Возможно большее развитіе правильнаго образованія во всѣхъ классахъ доставляетъ пользу цѣлому обществу.

Если денежные выкупы стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ требованіями общества и сопровождаются вредными результатами и для населенія, и для военной службы, *то льготы по образованію* отличаются совершенно противоположными качествами. Онѣ могутъ быть доступны не для однихъ богатыхъ, а болѣе или менѣе для всѣхъ. Впрочемъ это положеніе надо принимать теперь пока съ весьма большими ограниченіями. Допущеніемъ льготъ подобнаго рода нисколько не нарушается принципъ общеобязательной военной повинности, такъ какъ безусловнаго освобожденія при нихъ все-таки не будетъ. Затѣмъ онѣ служатъ для населенія важнымъ побужденіемъ къ просвѣщенію, въ виду правъ, которыя могутъ быть присвоены образованію. Наконецъ для общества несравненно полезнѣе, чтобы въ его среду возвращались по возможности скорѣе лица, дѣйствительно образованныя, чѣмъ жили невѣжественные богачи.

Общественное мнѣніе, отвергающее денежные выкупы, настоятельно требуетъ возможно широкихъ льготъ по образованію. Комисіа не могла не удовлетворить этимъ требованіямъ.

При предоставленіи правъ по образованію имѣлись въ виду слѣдующія цѣли: 1) Военная повинность не должна мѣшать молодымъ людямъ оканчивать курсы учебныхъ заведеній. 2) Она не должна отвлекать людей образованныхъ вообще и въ

особенности обладающих специальными познаниями на очень продолжительное время от общества, для которого деятельность таких лиц не только полезна, но и необходима. 3) Чтобы военная повинность не препятствовала развитию образования вообще, но чтобы, напротивъ, въ ней самой заключалось побужденіе къ образованію, въ виду тѣхъ правъ, которыя даются образованнымъ людямъ.

Удовлетвореніе этимъ условіямъ необходимо и съ точки зрѣнія арміи, такъ какъ образованіе вполне необходимо собственно для военныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ требованія арміи и общества совершенно тождественны.

Для того, чтобы военная повинность не мѣшала молодымъ людямъ оканчивать курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, пришлось отступить для нихъ отъ общаго двадцатилѣтняго возраста. Этотъ послѣдній возрастъ для учащихся былъ-бы чрезвычайно стѣснителенъ, такъ-какъ помѣшалъ-бы значительному большинству ихъ окончить курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для избѣжанія такого неудобства учащимся срокъ поступления на службу отдаленъ до возраста, въ который образованіе можетъ быть окончено. Но они призываются къ жребію на равнѣ съ другими—20 лѣтъ. Призывъ къ жребію въ такомъ возрастѣ даетъ возможность молодому человѣку выяснитъ свое положеніе. Зная напередъ, долженъ-ли онъ идти на службу или нѣтъ, онъ можетъ лучше распорядиться своимъ временемъ. Такъ какъ срокъ ученія въ разныхъ заведеніяхъ оканчивается въ разномъ возрастѣ, то сообразно съ этимъ расположенъ и срокъ призыва воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній. Поступленіе на службу отсрочивается, въ случаѣ заявленнаго желанія окончить курсъ:

1) До достиженія 22 лѣтъ отъ роду: воспитанникамъ учебныхъ заведеній 2-го разряда, Академіи Художествъ, Московскаго училища Живописи и Зодчества и С.-Петербургской и Московской Консерваторій, Русскаго и Музыкальнаго Общества.

2) До достиженія 24-хъ лѣтъ: воспитанникамъ духовныхъ и римско-католической семинарій и навигаціонныхъ училищъ разныхъ названій.

3) До достиженія 25-ти лѣтъ: воспитанникамъ Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества, получившимъ серебряную медаль ранѣе 22 лѣтъ и продолжающимъ свое образованіе въ училищахъ, а также ученикамъ по классу пѣнія С.-Петербургской и Московской консерваторій, выдержавшимъ повѣрочное испытаніе прежде 22-хъ лѣтняго возраста и продолжающимъ свое артистическое образованіе въ консерваторіи.

4) До достижения 27 лѣтъ: обучающимися въ учебныхъ заведеніяхъ 1-го разряда; лицамъ, избраннымъ учебнымъ вѣдомствомъ для приготовленія на учительскія должности и получающимъ для этой цѣли, по окончаніи университетскаго курса, стипендіи и ученикамъ С.-Петербургской и Московской консерваторіи, удостоеннымъ аттестата раньше 22 лѣтнаго возраста и продолжающимъ свое артистическое образованіе въ консерваторіи.

5) До достижения 28 лѣтъ дается отсрочка воспитанникамъ духовныхъ православныхъ и римско-католической академій; лицамъ, избраннымъ учебнымъ вѣдомствомъ для приготовленія на профессорскія должности и получающимъ для этого, по окончаніи университетскаго курса, стипендіи; равно какъ и воспитанникамъ Академіи Художествъ, удостоеннымъ серебряной медали ранѣе достиженія 22 лѣтнаго возраста и продолжающимъ свое художественное образованіе въ Академіи.

Всѣмъ воспитанникамъ названныхъ учебныхъ заведеній предоставляется право заявить, но не позже, какъ за 5 мѣсяцевъ до призыва къ жребію, о своемъ желаніи служить вольноопредѣляющимися по окончаніи курса.

Здѣсь стоитъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, указывающее, между прочимъ, какими послѣдствіями должно отразиться введеніе воинской повинности на различныя стороны нашего быта. Для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ въ виду, что они въ извѣстный возрастъ будутъ призваны къ жребію, явится побужденіе оканчивать курсъ именно къ этому времени, такъ какъ иначе при поступленіи на службу они лишаются правъ, усвоенныхъ оканчивающимъ курсъ.

Но ни отсрочка призыва къ жребію, ни предоставленіе права вступить вольноопредѣляющимся на особенныхъ правахъ, не могутъ считаться достаточными средствами, чтобы предупредить тотъ вредъ, который повлечетъ за собою взятіе въ войска образованныхъ людей вообще, и въ особенности обладающихъ спеціальными познаніями. Такъ какъ допущеніе совершеннаго изъятія отъ службы для такихъ людей противорѣчало бы коренному требованію реформы, то необходимо, чтобы они брались отъ общества въ войска только не на долгое время, послѣ котораго опять бы возвращались къ своимъ занятіямъ. Для такихъ лицъ нужно сократить самыя сроки службы. Противники такой льготы ссылаются на примѣръ Пруссіи, гдѣ ея не существуетъ, и гдѣ допускаются только поступленіе на службу вольноопредѣляющимся съ правомъ увольненія по прошествіи одного года. Но если эта мѣра считается достаточной для обезпеченія интере-

совъ образованія въ Пруссіи, то она не приведетъ ни къ какимъ результатамъ въ такой странѣ, гдѣ образованія можно сказать, еще не существуетъ, какъ напримѣръ, въ Россіи. Число лицъ, получившихъ не только низшее или среднее образованіе, но и высшее въ Германіи достаточно для удовлетворенія различныхъ потребностей общества, у насъ-же въ такихъ лицахъ крайній недостатокъ. Повсюду слышатся жалобы на невозможность найти учителей въ школы, на невѣжество людей, занимающихъ различныя должности и т. д. Дѣйствительно, чтобы сравняться съ Пруссіей, имѣющей 9 университетовъ съ 8039 слушателями, намъ нужно имѣть не 8 университетовъ съ 6760 слушателями, какъ теперь, а гораздо большее число и въ нихъ около 28,000 слушателей; равнымъ образомъ для сравненія съ Пруссіей, гдѣ въ 1870 г. было 392 среднихъ учебныхъ заведенія (гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ) съ 98,693 челов. учащихся; намъ надобно имѣть не 137 гимназій и прогимназій съ 37,318 челов. учащихся, а 1400 среднихъ учебныхъ заведеній съ 343,000 человекъ учащихся. Да кромѣ того надо вспомнить, что въ Пруссіи общій срокъ службы 12, а не 15 лѣтъ, какъ у насъ, что срокъ службы въ рядахъ не 6 лѣтъ, а только 3. Если окончившаго въ университетѣ 26—7 лѣтъ заставить прослужить общій срокъ, то онъ долженъ провести всю жизнь то въ школѣ, то въ войскѣ. Кому же придется охота поступать въ учебныя заведенія въ виду такой будущности?

Отсутствіе сокращенныхъ сроковъ для образованныхъ лицъ было бы рѣшительнымъ ударомъ для развитія образованія въ Россіи и не оправдывалось бы никакими соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, если человекъ, благодаря пріобрѣтеннымъ знаніямъ и развитію, скорѣе можетъ усвоить порядокъ службы, то нѣтъ причины не освободить его отъ такого, по крайней мѣрѣ, періода времени, который былъ бы ему нуженъ для пріученія къ службѣ, еслибы онъ къ ней не былъ подготовленъ.

Вслѣдствіе этого, какъ слышно, коммисія пришла къ убѣжденію въ совершенной необходимости сократить сроки для образованныхъ, не только въ томъ случаѣ, когда они поступаютъ охотой, но и для призываемыхъ по обязанности. Сроки эти предполагаетъ она сдѣлать тѣмъ короче, чѣмъ выше учебное заведеніе. Такимъ образомъ:

1) Окончившіе курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда, или выдержавшіе соотвѣтствующее испытаніе, равно какъ получившіе званіе художника 1 или 2 степени отъ академіи художествъ, или дипломъ отъ с.-петер-

бургской или московской консерваторіи состоятъ: на дѣйствительной службѣ 6 мѣсяцевъ и въ запасѣ арміи до 36 лѣтъ.

2) Окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ втораго разряда, или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, равно какъ и окончившіе курсъ въ академіи художествъ или въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и водчества, съ званіемъ класснаго художника 3 степени или недлассаго художника и окончившіе курсъ въ той или другой консерваторіи съ правомъ на полученіе аттестата, состоятъ на дѣйствительной службѣ 1½ года, обязанные участвовать непременно въ двухъ-лѣтнихъ сборахъ, и въ запасѣ арміи до 36 лѣтъ.

3) Окончившіе курсъ или выдержавшіе испытаніе въ знаніи курса прогимназій, уѣздныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній третьаго разряда, состоятъ на дѣйствительной службѣ 3 года и въ запасѣ арміи 12 лѣтъ.

Но какъ ни благодѣтельны должны быть для общества перечисленныя льготы, комиссія нисколько не уменьшила бы тяжести воинской повинности для народа, еслибы только ограничилась ими одними. Въ этомъ случаѣ она оставила бы отправленіе ея по прежнему на бѣднѣйшихъ классахъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ, при современномъ положеніи дѣла, результатъ получится одинаковъ, будетъ ли принято въ основаніи разсужденій о льготахъ сословное положеніе, деньги или среднее и высшее образованіе. Всѣ эти выгоды находятся въ рукахъ имущественныхъ сословій, и совершенно не существуютъ для рабочаго населенія. Университеты, гимназіи, семинаріи, для народа, какъ извѣстно, *de facto* совершенно закрыты. Единственными школами, болѣе или менѣе доступными народу, это начальныя. Допуская льготы по образованію для имущественныхъ сословій, было бы совершенно несправедливо лишать этихъ льготъ населеніе рабочее. Съ другой стороны, задавшись цѣлью содѣйствовать народному образованію въ массѣ, трудно отыскать болѣе зѣрный путь, какъ допущеніе льготъ начальному образованію. Это необходимо особенно теперь, когда начальное образованіе въ Россіи находится въ самомъ первомъ зародкѣ. Собственно говоря, Россію въ этомъ отношеніи нельзя сравнивать не только съ Америкой или Европой, но даже съ Турціей, гдѣ грамотность весьма обилковенна въ народѣ, не говоря уже о Японіи, считающей на 40 милліоновъ населенія болѣе 50,000 школъ. Но возьмемъ для сравненія опять Пруссію. Въ ней при 23 милліонахъ населенія народныхъ училищъ болѣе 31,000 съ 3.457,300 чел. учащихся, а у насъ на 80 милліоновъ населенія всего около 19,208 влохихъ народныхъ училищъ съ 729,289 учащимися

(большая часть школъ въ тому же приходится на западныя окраины Россіи). Чтобы сравниться съ Пруссіей намъ слѣдовало бы имѣть болѣе 100,000 школъ съ 14.520,864 человекъ учащихся.

Теперь становится понятнымъ, почему у насъ грамотный рекрутъ большая рѣдкость, тогда какъ въ Пруссіи напротивъ, неграмотные составляютъ исключеніе. Въ продолженіи цѣлныхъ 1½ вѣковъ заботы правительства исключительно сосредоточивались на развитіи высшаго и средняго образованія. Воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній давались права, самое положеніе учащихся облегчалось пособіями. Народныхъ же школъ почти не устраивалось; учащимся въ нихъ не давалось ни стипендій, ни пособій, а окончившимъ въ нихъ не предоставлялось никакихъ правъ.

Теперь представляется драгоцѣнный случай нѣсколько исправить дѣло. Ничто такъ не можетъ побудить народъ къ приобрѣтенію образованія, какъ нѣкоторыя льготы по отправленію воинской повинности, самой тяжелой изъ всѣхъ. Такія обстоятельства, какъ введеніе личной военной повинности на новыхъ началахъ, встрѣчаются въ исторіи весьма рѣдко и ими слѣдуетъ пользоваться для достиженія всѣхъ возможныхъ цѣлей, къ какимъ они только могутъ повести.

Здѣсь нельзя ограничиться только дарованіемъ льготъ для поступающихъ охотою и окончившихъ въ народныхъ школахъ: никакого значенія такая мѣра имѣть не можетъ. Въ 1868 г. было предоставлено вольно-опредѣляющимся изъ податныхъ сословій право получать черезъ 6 лѣтъ офицерскій чинъ. Но это постановленіе прошло для населенія совершенно безслѣдно. Только одна привилегія можетъ послужить серьезнымъ побужденіемъ для развитія образованія въ рабочемъ народѣ—это сокращеніе срока военной службы и притомъ службы въ рядахъ, а не въ запасѣ, такъ какъ это послѣднее право едва-ли обратитъ на себя вниманіе, какъ слишкомъ отдаленное. Грамотность сама по себѣ еще далеко недостаточна. Важно направить дѣло такимъ образомъ, чтобы содѣйствовать развитію вообще, распространенію элементарныхъ познаній. Комиссія, говорять, остановилась на программѣ для народныхъ школъ 14 іюля 1864 г., удовлетвореніе которой даетъ право на льготу (умѣнье читать и писать по русски подъ диктовку безъ грубыхъ ошибокъ, и твердое знаніе четырехъ первыхъ правилъ арифметики, главнѣйшихъ молитвъ и краткаго катехизиса). До 21 года, по ея мнѣнію, почти каждый крестьянинъ можетъ какимъ нибудь путемъ приобрѣсть познанія, требуемыя этой программой. По проекту коми-

сн, исключеніе свидѣтельство о знаніи курса начальныкъ народныхъ училищъ 14-го іюля 1864 года или курса другихъ учебныхъ заведеній 4-го разряда, состоятъ: 1) при назначеніи во всѣ войска, за исключеніемъ тѣхъ, которые будутъ перечислены сейчасъ,—на дѣйствительной службѣ 4 года и въ запасѣ арміи 11 лѣтъ; и 2) при назначеніи въ войска, расположенны въ Туркестанскомъ военномъ округѣ и въ областяхъ: Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской, а также при назначеніи во флотъ—на дѣйствительной службѣ 6 лѣтъ и въ запасѣ арміи или флота 3 года.

Отъ инородцевъ требуется въ этомъ случаѣ, кромѣ знанія училищнаго курса, умѣнье бѣгло и со смысломъ читать и четко писать по русски.

Возникаетъ вопросъ: гдѣ и какъ производить проверку знаній?

Проверка начального образованія при поступленіи на службу военнымъ начальствомъ представляетъ большія неудобства. Она необходимо будетъ сопровождаться различными неприяностями для экзаменующихъ, и при самомъ вступленіи опредѣляющійся можетъ получить неблагоприятное впечатлѣніе, котораго было бы желательно избѣгнуть. На уѣздныя присутствія также неудобно возложить эту обязанность, такъ какъ при обиліи дѣла она на долго бы растянула время приѣма. Поэтому признано за наилучшее, чтобы свидѣтельства о знаніи курса учебныхъ заведеній 4-го разряда выдавались училищными совѣтами, а гдѣ ихъ нѣтъ—педагогическими совѣтами уѣздныхъ училищъ, на основаніи особыхъ правилъ, составленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ военнымъ.

Лица, получившія образованіе и обязанныя поступить на службу, могутъ быть, съ принятіемъ въ нее, назначены въ нестроевыя команды и на нестроевыя должности не иначе, какъ съ ихъ согласія. Сверхъ того, чтобы избѣжать потери времени отъ окончанія курса до времени призыва (отъ мая до ноября), имъ предоставляется право поступить въ войска немедленно по окончаніи курса, не дожидаясь призыва. Срогъ дѣйствительной службы такимъ лицамъ считается, во всякомъ случаѣ, съ перваго дня того мѣсяца, который слѣдуетъ за поступленіемъ ихъ въ войска.

Молодые люди изъ мѣстностей, назначенныхъ для пополненія флота, окончившіе курсъ *не съ морскихъ* учебныхъ заведенійхъ первыхъ трехъ разрядовъ, опредѣляются при призывѣ къ жребію на службу во флотъ, только по собственному желанію. Вообще же они обращаются на пополненіе арміи. Но въ случаѣ же-

лания ихъ служить во флотѣ, они проходятъ тѣже сроки въ дѣйствительной службѣ и запасѣ, какіе установлены для поступающихъ во флотъ охотниковъ.

Особые сроки службы для поступающихъ по жребію во флотъ предполагаются комиссією, какъ слышно, слѣдующимъ лицамъ:

1) Получившіе по экзамену званіе шенпера дальняго или каботажнаго плаванія, или же штурмана дальняго плаванія, состоятъ на дѣйствительной службѣ 2 года и въ запасѣ 7 лѣтъ.

2) Приобрѣвшіе по экзамену званіе штурмана каботажнаго плаванія состоятъ на дѣйствительной службѣ 3 года и въ запасѣ 6 лѣтъ.

3) Юнга, окончившіе обученіе въ школахъ или на учебныхъ корабляхъ состоятъ на дѣйствительной службѣ 4 года, независимо отъ срока, за казенное содержаніе во время образованія, и въ запасѣ такое число лѣтъ, какое останется за вычетомъ изъ общаго девятилѣтняго срока всего времени, проведеннаго на дѣйствительной службѣ.

Допущеніе льготъ по образованію, удовлетворяющее потребностямъ общества, вполне соотвѣтствуетъ и спеціальнымъ требованіямъ военнаго вѣдомства. Чѣмъ солдаты развитѣе, тѣмъ скорѣе идетъ его строевое ученіе. Подготовленіе къ унтеръ-офицерскому и офицерскому званію, для котораго употребляются теперь такъ много усилій, будетъ значительно легче, если солдаты будутъ обладать извѣстною степенью образованія.

При всемъ томъ, что результаты для народнаго образованія отъ льготъ должны быть болѣе или менѣе обширны, они далеко не могутъ быть такими полными, какихъ можно было-бы достигнуть введеніемъ на примѣръ обще-обязательнаго народнаго обученія.

До сихъ поръ было говорено о льготахъ для тѣхъ изъ образованныхъ лицъ, которыя поступаютъ по жребію, и лицъ, обладающихъ техническимъ образованіемъ.

Потребность арміи въ офицерахъ заставила искать другихъ средствъ, кромѣ жребія, чтобы привлечь возможно большее число образованныхъ молодыхъ людей въ службу. Лицамъ, получившимъ высшее и среднее образованіе, будетъ предоставлена возможность избѣгать риска, соединеннаго съ жребіемъ, при которомъ они могутъ, правда, освободиться совсѣмъ отъ службы, но могутъ подпасть и продолжительному сроку ея, поступаая на службу охотой, въ качествѣ вольноопредѣляющихся. При этомъ отъ поступающаго требуется непремѣнно свидѣтельство въ знаніи курса учебныхъ заведеній первыхъ трехъ разрядовъ. Мы уже имѣли случай говорить, что эти заведенія доступны теперь

только для имущественныхъ классовъ, такъ что право поступать вольноопредѣляющимися, соединенное съ такими большими льготами, достанется почти исключительно на долю высшихъ и среднихъ сословій. Вольноопредѣляющіеся должны имѣть не менѣе 17 лѣтъ, но несовершеннолѣтніе принимаются не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей и попечителей, такъ что для зажиточнаго человѣка военная повинность будетъ также мало страшна, какъ до сихъ поръ.

Смотря по степени образованія вольноопредѣляющіеся дѣлятся на 3 разряда, имѣющіе различныя права. Окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 1-го разряда, поступаая вольноопредѣляющимися, должны прослужить въ дѣйствующихъ войскахъ 3 мѣсяца и могутъ быть произведены, если выдержатъ определенное испытаніе и если начальство признаетъ ихъ достойными: въ унтеръ-офицеры черезъ 2 мѣсяца, а въ офицеры черезъ 3. Въ продолженіе этого срока непременно долженъ быть одинъ лагерный сборъ, такъ какъ при этомъ условіи можно лучше усвоить порядокъ военной службы. Вольноопредѣляющіеся изъ учебныхъ заведеній 2-го разряда должны прослужить годъ и могутъ быть произведены въ унтеръ-офицеры черезъ 4 мѣсяца, въ офицеры не ранѣе года. Вольноопредѣляющіеся 3-го разряда должны прослужить 2 года и производятся въ унтеръ-офицеры черезъ годъ, въ офицеры черезъ три года. Срокъ службы для вольноопредѣляющихся обязательенъ. По окончаніи службы въ дѣйствующихъ войскахъ, они могутъ или перечисляться въ запасъ или продолжать службу. При зачисленіи въ запасъ вольноопредѣляющіеся могутъ быть произведены въ офицеры, если выдержатъ офицерскій экзаменъ.

Вольноопредѣляющіеся принимаются на службу рядовыми, а не унтеръ-офицерами, какъ до сихъ поръ. Званіе унтеръ-офицера должно быть даваемо, по мнѣнію военнаго начальства, не за извѣстную степень общаго или спеціальнаго образованія, а за знаніе самой службы. Вольноопредѣляющіеся имѣютъ право выбора части войска для службы, но только въ томъ случаѣ, когда они, во время службы рядовыми, содержатъ себя на свой счетъ. Какъ легко видѣть, такое право составляетъ большое облегченіе для богатыхъ изъ вольноопредѣляющихся: они могутъ выбрать часть войска, расположенная вблизи ихъ родины или мѣста жительства или въ такихъ городахъ, гдѣ они могутъ продолжать во время службы свое образованіе.

Такъ какъ съ выдѣленіемъ вольноопредѣляющихся изъ общей массы населенія, число лицъ, обязанныхъ нести службу, уменьшается, то, чтобы вслѣдствіе этого, воинская повинность не

сдѣлалась обременительной, вольноопредѣляющіеся будутъ приниматься къ зачету въ число призываемыхъ на службу по жребію.

Въ гвардіи и кавалеріи они должны содержать себя на свой счетъ, а въ арміи, если пожелаютъ, принимаются на казенное содержаніе. Вольноопредѣляющіеся, служащіе на собственныя средства, могутъ жить на вольныхъ квартирахъ, если только для нихъ не требуется особаго надвора.

Для обезпеченія развитія народнаго образованія, еще слишкомъ мало льготъ, предоставляемыхъ учащимся; также необходимо обезпечить по возможности и средства для обученія юношества. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ *преподаватели*. Это равнялось бы, дѣйствительно, уничтоженію зачатковъ образованія, если-бы преподаватели учебныхъ заведеній наравнѣ съ другими брались въ ряды арміи. Недостатокъ въ учителяхъ чувствуется во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ университетахъ недочетъ въ 196 профессорахъ и доцентахъ. Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ 1870 году недоставало 199 учителей и отсутствіе учителей, по мѣрѣ открытія новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, дѣлается все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Въ 420 уѣздныхъ училищахъ въ 1870 году недоставало 340 учителей, то-есть около 22% всего числа. Но всего болѣе недостаетъ учителей для народныхъ школъ; здѣсь нужны не сотни, а тысячи учителей, между тѣмъ, у насъ не только ихъ нѣтъ, но и существуетъ самое незначительное число заведеній, гдѣ-бы можно было приготовиться къ учительской дѣятельности. Къ трудности получить нужную подготовку присоединяются еще другія неблагоприятныя обстоятельства: учительское дѣло въ народной школѣ требуетъ предварительной подготовки, большаго труда и терпѣнія, а между тѣмъ, оплачивается замѣчательно скудно. Обыкновенная плата учителямъ отъ 100 до 150 руб. въ годъ, только весьма немногіе получаютъ 300 руб., а сплошь и рядомъ можно встрѣтить учителя съ жалованьемъ въ 40—60 руб. Не говоримъ уже о другихъ условіяхъ, напримѣръ, объ обстановкѣ и проч. Нужно противопоставить какбе-нибудь очень сильное средство, чтобы уничтожить дѣйствіе этихъ условій, полное устраненіе которыхъ произойдетъ еще неизвѣстно когда. Избавленіе отъ воинской повинности можетъ до извѣстной степени парализовать эти неблагоприятныя условія. Такое освобожденіе существуетъ даже въ Пруссіи, гдѣ въ учителяхъ, какъ извѣстно, недостатка нѣтъ (6-ти-недѣльное обученіе для учителей здѣсь просто формальность).

На основаніи этихъ соображеній, коммисія пришла къ слѣдующему заключенію: преподаватели учебныхъ заведеній (но не

домашние учителя), (равно как пансіонеры академіи художествъ, отправленные за границу на казенный счетъ для усовершенствованія въ художественномъ образованіи, пансіонеры театральнаго училища, выпущенные съ званіемъ артиста императорскихъ театровъ) не поступаютъ на дѣйствительную службу, а зачисляются прямо въ запасъ до 36-ти-лѣтняго возраста. Они ежегодно, до истеченія 6 лѣтъ, обязаны доставлять удостовѣреніе, что не оставили своего званія; въ случаѣ-же превращенія своихъ занятій, привлекаются на службу на срокъ, соотвѣтствующій ихъ образованію. Преподаватели навигаціонныхъ школъ зачисляются въ запасъ флота на девятилѣтній срокъ.

Кромѣ преподавателей освобождается также *духовенство*. Причты будутъ состоять теперь, за весьма немногій исключеніемъ, изъ священниковъ и псаломщиковъ. Лица перваго сана безусловно освобождаются. Но безусловное освобожденіе всѣхъ псаломщиковъ могло бы привлечь въ это званіе громадную массу желающихъ. Вотъ почему признано полезнымъ допустить освобожденіе отъ военной службы только для тѣхъ изъ псаломщиковъ, которые кончили курсъ въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ. Для той-же цѣли постановлено правило, что псаломщики, оставившіе свое званіе до истеченія 6 лѣтъ со времени освобожденія отъ службы, привлекаются къ ней съ обязательствомъ пробыть на дѣйствительной службѣ срокъ, соотвѣтствующій ихъ образованію и въ запасѣ до 36 лѣтъ. Оставившіе церковную службу по прошествіи 6 лѣтъ зачисляются прямо въ запасъ до достиженія 36-лѣтняго-же возраста.

Лица, имѣющія степенъ доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарныхъ наукъ или фармаціи, или же ветеринара — зачисляются въ запасъ до 36 лѣтъ, если не подлежатъ, по уставамъ заведеній, за казенное содержаніе, обязательной службѣ въ военномъ вѣдомствѣ.

Въ виду того, чтобы привыкъ къ жребію не разстраивалъ въ конецъ хозяйства привываемыхъ, допущены *льготы по имущественному положенію* по отношенію къ бесемейнымъ одинокимъ.

Именно лицамъ, непосредственно владѣющимъ и непремѣнно лично управляющимъ недвижимымъ имуществомъ, разрѣшается отсрочивать поступленіе на службу, но не болѣе, какъ на одинъ годъ. Съ недвижимымъ имуществомъ также сравнены въ этомъ отношеніи торговня и промышленныя заведенія, содержимыя по гильдейскимъ или промысловымъ свидѣтельствамъ (но не по *билетамъ*, какъ, напримѣръ, мелочная торговля).

Эти отсрочки въ общій срокъ службы не зачисляются. По

*

дѣйствующему рекрутскому уставу освобождаются отъ воинской повинности: жители Бессарабіи, инородцы Сибири, Кавказа и округовъ Оренбургскаго и Туркестанскаго, равно какъ и русское населеніе отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Затѣмъ, освобождаются отдѣльныя общества, въ большинствѣ случаевъ не русскаго происхожденія, за взносъ 300 или 150 руб. сер. Тентари и бобыли башкирскаго войска платятъ взаменъ рекрутской повинности подушную подать 60 коп. съ души. Всѣ эти изъятія, равно какъ и другія льготы по мѣстностямъ теперь совершенно устраняются. Уничтожаются также льготы для иностранныхъ колонистовъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного слоя населенія, которое бы менѣе нуждалось и менѣе имѣло права на льготу, чѣмъ колонисты. Грамоты прежнихъ правительствъ здѣсь не могутъ имѣть значенія. Съ уничтоженіемъ привилегій дворянства и духовенства, нѣтъ основанія удерживать привилегіи и колонистовъ. По проекту коммисія, за устраненіемъ всѣхъ привилегій колонистовъ, оставлены только пожизненные льготы за слѣдующими колонистами: руссаками и задунайскими переселенцами, переселившимися въ Россію въ 1854 году, иностранными выходцами, водворившимися по положенію декабря 1861 года, чеками, переселяющимися въ Волынскую губернію по манифесту 1870 года.

Менониты, переселившіеся до 1862 года, пользуются 20-ти-лѣтней льготой со дня переселенія, по истеченіи которой призываются на общемъ основаніи, но съ тѣмъ, чтобы назначались только въ нестроевыя должности, при госпиталяхъ и въ мастерские для работъ въ мастерскихъ военнаго вѣдомства.

КАКЪ Я НАШЕЛЪ ЛИВИНГСТОНА.

XI.

КРЕЙСЕРОВКА ПО ОЗЕРУ ТЭНГЕНИКА.

Ливингстонъ и я рѣшилисъ посѣтить сѣверный край озера Тэнгеника, чтобъ рѣшить, притокъ или истокъ его составляетъ рѣка Руссия. Съ нами было довольно надежныхъ матросовъ, всѣ въ полномъ нашемъ распоряженіи. Сеидъ-бинъ-Меджидъ великодушно разрѣшилъ намъ воспользоваться его лодкой, для какой-бы то ни было надобности. Мы наняли двухъ проводниковъ изъ племени Веджиджи, заплатили каждому по два доти и приготовились отплыть изъ порта Уджиджи, спустя около недѣли послѣ того, какъ я туда пріѣхалъ.

Между тѣмъ, положеніе Ливингстона было плачевное, благодаря продѣлкѣ Шерифа. Прислугу доктора составляли Сузи, Чума, Гамойда, Гарднеръ и Галима, кухарка, жена Гамойды; въ нихъ надо прибавить еще Каифъ-Галека, котораго я заставилъ слѣдовать за собою изъ Уньяньембе.

Могъ-ли Ливингстонъ предпринять куда-нибудь путешествіе съ немногими людьми и съ небольшимъ количествомъ матерій и бусъ, — послѣдними остатками обширныхъ запасовъ, растроченныхъ негоднымъ Шерифомъ? Это было трудный вопросъ. Еслибы докторъ былъ вполне здоровъ, то его обычная отвага и энергическій характеръ очень скоро рѣшили бы вопросъ утвердительно. Онъ могъ бы занять кое-какое платце у Сеидъ-бинъ-Меджида, правда, за непомерную цѣну; однакожь, все-таки добрался бы до Уньяньембе и до морскаго берега. Но сколько времени Ливингстону пришлось бы теперь сидѣть въ Уджиджи, въ ожиданіи вещей, которыя, по слухамъ, были въ Уньяньембе, — сидѣть, испытывая муки выжиданія съ часу на часъ, съ минуты на ми-

нута? Выдержало-ли бы его слабое здоровье столько неприятностей—это тоже вопросъ.

При всемъ уваженіи въ обширной опытности Ливингстона, какъ путешественника, я предложилъ ему нѣсколько путей, какими, мнѣ казалось, слѣдовало ему теперь направиться, и прежде всего, я думалъ, что ему нужно возвратиться въ отечество, принять давно заслуженный отдыхъ, въ которомъ докторъ, очевидно, нуждался...

Однакожь, Ливингстонъ отклонилъ какъ это, такъ и другія мои предложенія, кромѣ послѣдняго. Оно состояло въ томъ, чтобы позволить мнѣ сопровождать доктора въ Уньяньембе, гдѣ онъ получить свои вещи, а я передамъ ему большой запасъ самыхъ лучшихъ матерій, бусъ, ружья и военные снаряды, кухонную посуду, платье, лодки, палатки и т. п. Тамъ докторъ можетъ расположиться комфортабельнымъ хозяйствомъ, а я, тѣмъ временемъ, поспѣшу на берегъ, органикую новую экспедицію изъ 50 или 60 надежныхъ людей, хорошо вооруженныхъ, и съ ними пошлю доктору еще добавочный запасъ нѣкоторыхъ предметовъ необходимой роскоши.

Сендъ-бинъ-Меджидъ увѣрялъ насъ, что его лодка можетъ сдержать 25 человекъ и 3,500 фунтовъ слонсвой кости. Мы и посадили-было указанное число человекъ, а изъ нихъ нѣкоторые еще захватили съ собою мѣшки съ солью для продажи туземцамъ. Но лишь только отвалили отъ берега близь Уджиджи, какъ лодка оказалась нагруженною черезъ-чуръ. Дѣлать нечего, мы должны были вернуться, высадили шестерыхъ изъ нашихъ слугиниковъ, мѣшки съ солью также оставили на берегу, и тогда остались съ 16 гребцами, арабскимъ мальчишкой Селимомъ, поваромъ Фераджи и двумя проводниками Веджиджи.

Послѣ посѣщенія острова Вангве, — на разстояніи 4 или 5 миль отъ Уджиджи, — мы плыли въ виду прелестной бухты Кигома. Это превосходная гавань для защиты отъ различныхъ вѣтровъ, которые на просторѣ гудяють по озеру Тэнгенъка. Для тѣхъ путешественниковъ, которымъ спѣшить особенно некуда, Кигома служить всегда первымъ роздыхомъ къ сѣверу отъ Уджиджи. Озеро было совершенно спокойно; въ его темнозеленыхъ водахъ отражалось ясноголубое небо. Гиппопотамы сновали въ близкомъ до ужаса разстояніи отъ лодки; они то высовывали свои морды на воздухъ, то опять съ головой погружались въ воду, точно играя съ нами въ прятки. Лодка шла вдоль самаго берега, который состоялъ изъ цѣпи холмовъ, красиво поросшихъ гѣсомъ и зеленой травой. Эти холмы встали прямо надъ нами, опускались вкруто, почти отвѣсно къ самой водѣ. Когда мы

обогнули нѣсколько мысовъ, представились опять новыя картины. Возвышенности, роскошно покрытыя рощами и прелестными деревьями; растительность частію въ цвѣту, съ невыразимо приятнымъ ароматомъ; разнородныя фигуры холмовъ, то пирамидальныя, то усѣченные конусы, то плоскія, какъ столъ, то похожія на крутую церковную крышу: этотъ рядъ картинъ казался мнѣ несравненнымъ, а не могъ сдержать своего восхищенія, но докторъ оставался спокоенъ; онъ уже привыкъ къ такимъ и даже лучшимъ красотамя природы и давно потерялъ способность восторгаться живописными видами.

Отъ Вэгемой до Уджиджи я не видалъ ничего подобнаго: ни разу не попадались мнѣ на глаза такія рыбачьи поселенія, расположенныя подъ тѣнью пальмъ и платановъ, банановъ и мимозъ, роскошныя сады кассавы, пальмовыя лѣса и полосы, засѣяныя красиво волнующимся хлѣбомъ, какіе теперь отражались передо мною въ спокойномъ заливѣ.

Рыбаки, по своимъ понятіямъ, блаженствуютъ. Озеро доставляетъ имъ рыбы сколько угодно, съ излишкомъ довольно для прокормленія себя, а людямъ предусмотрительнымъ не мало и на продажу. Крутые горныя склоны, обрабатываемыя женщинами, производятъ много хлѣба, въ такомъ родѣ, какъ дурра и индійское зерно, а сверхъ того кассава, земляныя орѣхи и сладкій картофель. Изъ пальмовыхъ деревьевъ добывается масло, платаны доставляютъ превосходныя плоды. Глубокіе овраги покрыты высокими, стройными деревьями, изъ которыхъ выдалбливаются лодки жителей. Чего только пожелаетъ душа или желудокъ, всѣмъ изобильно снабдила природа здѣшнія мѣста. При взглядѣ на это полное счастье приходитъ мысль, какія ужасныя страданія по такой прелестной родинѣ должны испытывать тѣ несчастныя, которыхъ арабы покупаютъ за пару *доти* и тащатъ чрезъ суровую пустыню, пролегающую между приозерной страной и морскимъ берегомъ, въ Занзибаръ, гдѣ ихъ употребляютъ на домовую работу.

Мы расположились на второмъ становищѣ, Ніасанга, подъ банановымъ деревомъ: кругомъ видѣлись свѣтло-сѣрыя воды Тэнгенкиа, амфитеатръ холмовъ, деревня Ніасанга при устьѣ рѣчки того-же названія и, разумѣется, пальмовыя рощи, платановыя заросли, кассавовыя поля. Вблизи нашей палатки было съ полдюжины лодокъ, большихъ и малыхъ, принадлежавшихъ поселенцамъ. Передъ нами разстиралась славная поляна прѣсной воды, видъ на отдаленныя поселенія Угома и Укарамба и на островъ Музиму, горныя вершины котораго окрашивались темно-голубымъ цвѣтомъ. Изъ здѣшнихъ птицъ замѣчательны трясо-

хвостки, которыя считаются туземцами вѣстниками мира; появленіе ихъ составляетъ доброе предзнаменованіе; всякій вредъ этимъ птичкамъ строго наказывается.

Здѣсь докторъ порядкомъ пострадалъ отъ діаррей; онъ вообще часто жалуются на нее, какъ на неизбежное слѣдствіе не только нарушенія порядка въ пищѣ, но даже и умственныхъ заботъ.

Извилистые берега озера около рѣки и деревни Засси, куда мы прибыли на третій день путешествія, сплошь заселены рыбаками, конические шалаши которыхъ постоянно выглядываютъ изъ зелени: каждая площадка, каждый клочекъ пространства непременно заняты.

На четвертый день мы достигли Ніабигма, песчаного острова въ Урунди. Рѣка Мшала составляетъ пограничную черту между областями Уджиджи и Урунди. Впрочемъ, это раздѣленіе соблюдается не особенно строго: нѣкоторыя партіи Варунди переселились по ту сторону границы, въ Уджиджи; также нѣсколько небольшихъ партій Вэджиджи воспользовались прекрасными землями въ дельтахъ рѣкъ Касокве, Намсинга и Луаба; двѣ первыя впадаютъ въ озеро Тэнгенга близъ острова Ніабигма.

Отсюда открывается прелестный видъ на большую, крапивообразную, изломанную линію горъ. Глубокіе овраги и пропасти служатъ исходомъ многочисленнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, которыя начинаются гдѣ-то назади. Отъ подошвы горъ тянется широкая намытая равнина, покрытая чрезвычайно роскошною растительностью, пальмами, платанами и вѣтвистыми деревьями. Деревья повсюду растутъ группами. Всѣ дельты рѣкъ, впадающихъ въ Тэнгенга, заросли густыми порослями матета (видъ гигантской травы) и папируса. Въ нѣкоторыхъ дельтахъ, какъ, на примѣръ Луаба и Касокве, образовались болота, а матетовыя и папирусовыя чащи совершенно непроходимы. Въ этой глуши своя дѣятельная жизнь: на глубокихъ прудахъ водятся разныя птицы, — гуси, утки, пеликаны. Пробраться туда охотнику — дѣло очень трудное и опасное, какъ отъ топкихъ болотъ, такъ и отъ лихорадки, которая здѣсь неизбежно явится, если у васъ промокнутъ ноги и платье.

На разсвѣтъ пятого дня мы оставили гавань острова Ніабигма и меньше, чѣмъ въ часъ времени, были уже противъ мыса Китунда. Это низменная платформа песчаникового конгломерата, которая тянется около восьми миль.

Въ Мукунгу, гдѣ мы остановились на пятый день, съ насъ спросили хонга или данъ. Матеріи и бусы, которыми мы пользовались во время путешествія по озеру, были мои, но

удовлетворить требованіямъ о „хонга“, взялся докторъ, какъ старшій изъ насъ обоихъ, болѣе опытный и вообще „глава“ партіи. Много разъ мнѣ приходилось выносить эту тягостную процедуру, а теперь интересно было посмотрѣть, какъ знаменитый путешественникъ будетъ улаживать дѣла. Переговоры начались.

Въ Мукунгу Матеко (одинъ изъ вождей племени) просилъ 2¹/₂ доти; докторъ спросилъ, не принесъ-ли и онъ намъ чего, но получилъ отвѣтъ: „нѣтъ, теперь поздно, нельзя ничего достать; вотъ когда заплатите хонга, то Матеко охотно дастъ вамъ что-нибудь на обратномъ пути“. На такія слова Ливингстонъ съ улыбкою отвѣчалъ: „Ну, хорошо, если вы ничего не можете намъ принести, и намърены отложить это до нашего возвращенія, то мы лучше до тѣхъ поръ и удержимъ хонга.“ Видя неудовольствіе Матеко, мы-таки добились того, что онъ принесъ намъ одну овцу, впрочемъ очень маленькую; но и то было хорошо, потому что наши желудки совсѣмъ опустѣли: мы голодали больше полдня. Воззваніе къ Матеко оказалось на этотъ разъ успѣшнымъ: старикъ принесъ намъ еще ягненка и горшокъ (галлона въ три) сладкой, крѣпкой зогга (пальмовой водки), а въ обмѣнъ на это докторъ далъ ему 2¹/₂ доти матеріи. Голодъ мы отлично утолили ягненкомъ, но зогга надѣлала не мало хлопотъ: Сузи, безцѣнный помощникъ доктора Ливингстона, и Бомбей, главный вожатый моего каравана, оказались мертвецки пьяными и заснули, какъ прилично людямъ въ такомъ положеніи; это одно было-бы еще ничего, но такъ какъ надзору Сузи и Бомбея была ввѣрена лодка, то на утро доктору и мнѣ пришлось погоревать о пропажѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ и незабываемыхъ вещей, въ томъ числѣ докторскій лоть-линь въ 90 сажень, патроны для моихъ ружей и 90 также моихъ ружейныхъ пуль; все это особенно было необходимо въ странѣ враждебныхъ Варунди. Пропали также большой мѣшокъ муки и цѣлый запасъ блага сахару, сколько было у доктора. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ, въ девяносто девятый разъ мнѣ пришлось горько раскаться въ легкомысленной довѣрчивости рекомендаціи Слика и Гранта, данной моему Бомбею. Только благодаря трусости воровъ, они не угнали самую лодку со всѣмъ, что въ ней было, въ томъ числѣ съ Бомбеемъ и Сузи, которыхъ, разумѣется, сдѣлали бы невольниками.

Сильно жалѣя о нашей потерѣ, мы на шестой день продолжали свое водное путешествіе. Мы обогнули нѣсколько низменныхъ мысовъ, образуемыхъ рѣками Кигвена, Кикуму и Кисунве. Съ каждымъ днемъ развѣрчивались передъ нами одинаковыя картпы: на правую гору Урунди, прорѣзанныя оврагами, чрезъ которые раз-

личные ручьи и рѣчки текли въ большое озеро. При подошвѣ горъ видѣлись намывныя равнины съ пальмами и платанами, подъ тѣнью которыхъ группировались купы деревушекъ. По временамъ тянулась длинная узкая полоса берега, гдѣ устроены были импровизованные рынки для продажи рыбы и шерстяныхъ продуктовъ разныхъ деревушекъ. То показывались широкія топи, образованныя многочисленными рѣчками и заросшія матетомъ и папирусомъ. Иногда горные склоны круто оступались къ водѣ. Лодки постоянно бѣгали взадъ и впередъ, безстрашно подѣзжая къ самымъ береговымъ бурунамъ, и не боясь прожорливыхъ крокодиловъ. Впрочемъ, должно быть и вообще крокодиловъ въ озерѣ немного, или развѣ только по сосѣдству большихъ рѣкъ, потому-что мы сами видѣли, какъ дѣти безстрашно возились въ водѣ у берега, а матери любовались тутъ-же изъ подъ дерева играми своихъ чадъ, не думая ни о какой опасности. Группа рыбаковъ лѣниво склонилась *in puris naturalibus* на набережную, смотря со вниманіемъ на лодки. Иногда туземная лодка шла на близкомъ разстояніи впереди насъ; наши люди, распѣвая хоромъ пѣсни, употребляли всѣ усилія чтобы обогнать ее, но туземцы, замѣтивъ это, также удвоивали работу мускуловъ, и тогда намъ оставалось только любоваться ихъ обнаженными мускулистами тѣлами.

На полпути между мысами Кисунве и Мурембе находится группа деревень, называемая Бикари; здѣсь также есть мутварь, который имѣетъ обыкновеніе взимать хонга. Такъ какъ мы были-бы не въ состояніи сопротивляться сколько-нибудь продолжительное время враждебнымъ туземцамъ, то старательно избѣгали всѣхъ деревень, имѣющихъ дурную репутацію у Веджиджи. Но даже и проводники Веджиджи иногда ошибались и не разъ заводили насъ въ опасныя мѣста. Такъ наприм., проводники находили, что можно остановиться въ Бикари, потому-что отдохнуть въ прохладной тѣни платановъ было неизмѣримо лучше, чѣмъ сидѣть, какъ чурбанамъ, въ лодкѣ. Но мы еще не успѣли рѣшиться, какъ жители Бикари съ берега стали громкимъ крикомъ приглашать высадиться, грозя мезью великаго Вами, если мы этого не сдѣлаемъ. Разумѣется, мы отказались принять такое любезное приглашеніе, такъ какъ это были голоса, мало похожіе на сирень. Видя, что угрозы не дѣйствуютъ, туземцы пустили въ ходъ камни, и одинъ изъ нихъ упалъ на разстояніи фута отъ моей руки. Я хотѣлъ-было послать въ отвѣтъ пулю также возможно близко къ ихъ ногамъ, но Ливингстонъ безмолвно далъ понять, что онъ этого не одобряетъ. Подобное отношеніе къ намъ жителей было не особенно приятно, но такъ какъ такое явле-

не повторялось почти каждый разъ, какъ наша лодка подъѣхала къ деревнѣ, то мы не выходили нигдѣ, до самой косы Мурембе, составляющей дельту рѣки того-же имени. Тамъ насъ застигла густая чаща колючаго, остроконечнаго кустарника и зарослей камыша и палируса, отъ которыхъ отступилъ-бы самый смѣлый Мрунди, особенно, если-бы узналъ, что за этой непроходимой чащей ждутъ его ружья чужеземца.

Здѣсь мы вытащили на берегъ лодку и на небольшой песчаной площадкѣ, поза Фераджи разводилъ огонь и варилъ превосходный моккскій кофе, предавались нѣкоторымъ размышлениямъ нравственно философскаго характера.

Около мыса Сентакейи, куда подъѣхала наша лодка послѣ косы Мурембе, мы не рѣшились остановиться, помня еще объ опасности, которой недавно избѣгли. Была славная лунная ночь, мы сочли за лучшее пристать къ берегу въ пустынномъ мѣстѣ, но тутъ приключился съ нами своеобразный эпизодъ. Мы думали отдохнуть здѣсь въ уединеніи, вѣдь всякаго назойливаго любопытства, и черезъ нѣсколько часовъ продолжать путь уже со свѣжами силами. Чай приготовлялся, люди развели для себя небольшой костеръ и наполнили свои черные глиняные горшки водою для похлебки, какъ вдругъ наши сторожевые замѣтили, что къ бивуаку подползаютъ какія-то темныя фигуры. Ихъ окликнули, они сейчасъ-же подошли съ туземнымъ привѣтствіемъ. Наши проводники объяснили, что мы — Вангвана, что намѣрены расположиться здѣсь до утра, и охотно кинимъ у нихъ что-нибудь, если есть что пролатъ. Туземцы отвѣчали, что очень рады слышать это, обмѣнялись между собою нѣсколькими словами, — какъ мы догадались, о расположеніи нашего становища, — и отошли, обѣщая вернуться утромъ, принести намъ съѣстнаго и быть нашими друзьями. Пока мы пили чай, подошла другая партія дикарей, тоже съ привѣтствіями и съ подсматриваніемъ. Ушли эти, подошла третья толпа, продѣлала тоже самое, что первая двѣ. Двѣ лодки разъѣзжали передъ нами назадъ и впередъ съ такою поспѣшностью, которая была, по меньшей мѣрѣ, излишнею. Мы тѣмъ больше имѣли основаніе подозрѣвать тутъ недоброе, что у здѣшнихъ жителей (по крайней мѣрѣ, между Уджиджи и Занзибаромъ) не въ обычаѣ дѣлать ночью посѣщенія и привѣтствія, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ; не допускается даже шататься въ темнотѣ около палатокъ, подъ опасеніемъ быть застрѣленнымъ: тѣмъ больше теперь шатанье назадъ и впередъ, назойливыя выраженія радости по поводу пріѣзда небольшой компаніи Вангвана были ненормальны. Пока мы оба съ докторомъ убѣждались, что это предвѣщаетъ враждебныя

дѣйствія, подошла четвертая толпа, еще болѣе шумная, чѣмъ прежнія, и также удалась съ выраженіями чрезвычайной радости; тутъ мы всѣ поспѣшно бросились въ лодку и отчалили, какъ оказалось, только что во-время. Когда наша лодка вышла изъ полосы тускаго свѣта, окружавшей насъ, я обратилъ вниманіе доктора на нѣсколько темныхъ фигуръ: однѣ изъ нихъ присѣли за скалами направо отъ насъ, другія карабкались на скалы, стараясь занять мѣста поудобнѣе; съ лѣвой стороны надвигались люди съ такими-же ужимками, а съ вершины скалы, подъ которой мы сидѣли, какой-то голосъ очень любезно посылалъ намъ привѣтствіе. „Чисто обдѣлано“, вскричалъ докторъ, когда мы отѣхали подалше.

Къ сѣверу отъ мыса Магала, одного изъ самыхъ выдающихся пунктовъ на пути къ сѣверу отъ Уджиджи, озеро сперто двумя цѣпами горъ. Варунди въ Магала очень вѣжливы, но черезъ чуръ любознательны. Они столпились около самой нашей палатки и такъ упорно на насъ смотрѣли, какъ будто бы мы были какими-то особыми, крайне интересными предметами и могли внезапно исчезнуть навсегда. Послѣ полудня пришелъ взглянуть на чужеземцевъ Мутваръ, одѣтый съ чрезвычайною роскошью. Онъ оказался, впрочемъ, молодымъ малымъ, котораго я замѣтилъ еще въ толпѣ зрителей по красивой наружности и отличнымъ зубамъ; зубы онъ постоянно скалилъ, поглядывая на насъ. Теперь онъ былъ разукрашенъ заплатами изъ слоновой кости, ожережьями, тяжелыми мѣдными браслетами и желѣзными проволочными украшеніями на лодыжкахъ. Мы взаимно восхищались другъ другомъ и, какъ прилично учтивымъ людямъ, сдѣлали подарки,—мы ему два доти матеріи и фунтъ самсаму; онъ намъ отличную, жирную, широкохвостую овцу и горшокъ молока. Въ нашемъ положеніи то и другое было какъ нельзя болѣе кстати. На восьмое утро послѣ выѣзда изъ Уджиджи мы простились съ гостепріимными жителями Магалы.

Хотя насъ предупреждали, что началась война между сосѣдними князьками Мукамба и Варумашанья, но мы не обратили на это вниманія: намъ нужно было рѣшить проблему рѣки Русизи. Эти вожди, кажется, постоянно грызутся между собой, но, впрочемъ, война ведется у нихъ особымъ, надо сознаться, довольно мирнымъ способомъ. Одинъ султанъ дѣлаетъ набѣгъ на страну другого, успѣваетъ отбить стадо скота, убить въ расплохъ одного или двухъ людей. Пройдетъ нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ, пока обложенный отплатитъ тѣмъ же, и тогда равновѣсіе восстанавливается. Рѣдко случается, чтобъ оба противника нападали другъ на друга съ отвагою и энергіею: са-

ный складъ африканца противится черезъ-чуръ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

На слѣдующій день, часа въ два послѣ восхода солнца, мы прошли широкую дельту рѣки Мугере, по имени которой назывался также и округъ на восточномъ берегу, подъ управленіемъ Мукамбы. Проѣзжая прямо противъ самаго южнаго изъ трехъ устьевъ дельты, мы замѣтили большое различіе въ цвѣтѣ воды по прямой линіи отъ востока къ западу отъ устья. На южной сторонѣ вода была свѣтлозеленаго цвѣта, на сѣверной—грязнаго.

По ту сторону третьяго устья Мугере открылся изгибъ берега, съ нѣсколькими группами деревень. Это все были владѣнія Мукамба, а въ одной изъ нихъ жилъ и самъ Мукамба. Туземцы еще отъ роду не видали бѣлыхъ людей и, разумѣется, какъ только мы высадились, тотчасъ же были окружены огромной толпой съ длинными копьями,—единственное оружіе, какое я у нихъ замѣтилъ, кромѣ дубины и кое-гдѣ топора.

Намъ отвели шалашъ, который я и докторъ раздѣлили между собою. Впрочемъ, что затѣмъ послѣдовало—я смутно помню, потому что былъ пораженъ лихорадкою,—первою послѣ отъѣзда изъ Уньянембе. На слѣдующее утро я нѣсколько оправился. Пришелъ Мукамба съ подарками, быкомъ, овцой и козломъ; я уже былъ въ состояніи слѣдить за отвѣтами, какіе онъ давалъ на вопросы о рѣкѣ Русизи и о верхнемъ концѣ озера. Онъ сообщалъ, что Русизи, по соединеніи съ Руанда или Луанда, на разстояніи двухъ дней воданаго пути, течетъ въ озеро, а не изъ него.

Разумѣется, мы заплатили Мукамбѣ „лонга“, состоящую изъ десяти доты и девяти фунтовъ самсама. Получивъ подарокъ, Мукамба привелъ своего сына, рослаго юношу лѣтъ восемнадцать или около того, и представилъ доктору, говоря, что пусть его сынъ будетъ за сына и бѣлому человѣку, но докторъ, съ добродушнымъ смѣхомъ, отклонилъ подобное родство, такъ какъ оно служило только къ тому, чтобъ выманить лишній кусокъ матеріи. Мукамба, впрочемъ, не обидѣлся отказомъ и удовольствовался тѣмъ, что получилъ. На слѣдующій день онъ простился съ нами и проспалъ, чтобы, когда мы достигнемъ владѣній его брата Рухинга, послали бы лодку и за нимъ, а между тѣмъ оставили бы ему двухъ изъ нашихъ людей съ ружьями, для защиты въ случаѣ нападенія Варумашанья. Область, въ которую мы теперь перѣехали, Мугпхева, владѣніе Рухинга, старшаго брата Мукамбы, расположена на дельтѣ рѣки Русизи. Это чрезвычайно изъясненная мѣстность; самая высокая часть ея не выше 10 футовъ

надъ озеромъ. Тутъ пасутся огромныя стада скота, потому что земля не покрыта болотными растениями и производитъ хорошую, сочную траву. Овцы и козы, особенно первыя, здѣсь превосходны; это лучшія, какихъ я видалъ въ Африкѣ, хотѣхъ и нельзя сравнить съ англійскими и американскими. Н дельтѣ Русиви множество деревень, потому что промежутки между рукавами рѣки не такъ заняты растительной чащей, какъ въ другихъ мѣстахъ. Воды озера въ его верховьяхъ кишатъ крокодилами, да и Русиви, намъ говорили, полна ими.

Рухинга вскорѣ явился къ намъ. Это очень любезный человекъ. Особенность его характера въ томъ, что онъ всегда старается найти что нибудь смѣшное. Онъ только нятю или шестью годами старше брата (Рухинга даже сказалъ, что имѣеть уже ста лѣтъ), но на половину менѣе его величественъ, и народъ не такое чувствуетъ къ нему почтеніе, какъ къ младшему брату. Рухинга соблюлъ относительно насъ обязанности учтиваго главы племени, подарилъ намъ быка и овцу, молоко и медъ. Онъ лучше зналъ страну, чѣмъ Мукамба, обладалъ прекрасною памятью и сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ.

Сущность его рассказовъ о политическомъ дѣленіи страны—та, что вся она вообще называется Урунди и подчинена верховному господству султана всего Урунди, а раздѣляется на нѣсколько мелкихъ владѣній: Мугере подъ управленіемъ Мукамба, Муканиги—подъ властью Варумашанья (эти-то два сосѣда и собирались воевать, когда мы проѣзжали), Узумбура—подъ властью Симве, друга и союзника Варумашанья,—затѣмъ Мугихева, владѣніе самого Рухинга, и Рувенга—также подъ властью Мукамба.

Узнавъ отъ Рухинга много мелкихъ подробностей о рѣкѣ Русиви, мы захотѣли сами видѣть ее. Наняты были десять сильныхъ гребцовъ и мы отправились. Для указанія пути мы взяли еще лодку, но увидали, что передъ нами уже ѣхала цѣлая флотилія лодокъ, просто изъ любопытства владѣльцевъ. Войдя въ рѣку, чрезвычайно быструю, мы поднимались по ней вверхъ сколько могли, пока не убѣдились, что она развѣтвляется на множество мелкихъ рукавовъ и переходитъ въ болото. Вопросъ о Русиви былъ рѣшенъ. Незачѣмъ было подниматься дальше. Докторъ, впрочемъ, остался того мнѣнія, что каково бы ни было значеніе рѣки Русиви, но истокъ изъ озера Тэнгеника гдѣ-нибудь долженъ быть, такъ какъ всѣ прѣсноводныя озера имѣютъ истоки.

Теперь насъ ничто больше не задерживало въ Мугихева. Рухинга былъ къ намъ чрезвычайно добръ и давалъ одного вола

за другимъ. Туземныя женщины снабжали насъ молокомъ и масломъ. Мы направились въ обратный путь къ югу.

Западные берега озера, вдоль которыхъ мы теперь ѣхали, возвышеннѣе и круче гѣсистыхъ высотъ Урунди и зубчатыхъ холмовъ Уджиджи. Внутри главной линіи горъ поднимаются отдѣльные холмы значительной высоты, крутые и обрывистые, но очень живописные. Часто выдаются въ озеро намывные равнины, окаймленныя съ юга, съ запада и съ сѣвера большою горною цѣпью. При томъ-же и растительность тамъ такъ могуча, что восхитительнѣе этихъ мѣстечекъ трудно себѣ что-нибудь представить. Тутъ группы пальмы *Elaeis guineensis* окружаютъ какую-нибудь грязнобурую деревню, тамъ цѣлый рядъ величественныхъ, рослыхъ деревьевъ ивуле; — вотъ широкая равнина, покрытая свѣтлозелеными древесными стволами, зонтикообразныя вершины микозъ, затѣмъ бѣлая линія песку, — рыбаки, гнѣвно лежащіе въ тѣни, — таковы сцены дикой тропической природы, какія мы видѣли на обратномъ пути въ лодкѣ по Тэнгеника.

Когда мы сдѣлали уже три четверти пути, замѣтили три крутые, утесистые островка; самый большой изъ нихъ имѣлъ 300 футовъ въ длину и около 200 въ ширину. Здѣсь мы расположились провести ночь. Обитателями островка оказались старыя пѣтухи, съ красивыми перьями, котораго здѣсь держали въ качествѣ утиловительной жертвы духу острова, — большой желтоглазый дроздъ, журавль съ молотообразной головой, и два астреба. Такимъ образомъ, мы завладѣли мѣстомъ, которое набожныя туземцы оставили для этихъ пернатыхъ обитателей; послѣдніе отлетѣли на самый западный изъ островковъ, усѣлись на какой-то насѣсть и возрлись на насъ самымъ торжественнымъ образомъ.

Такъ какъ названіе этихъ островковъ — Кавунвуехъ — съ трудомъ выговаривалось непривычнымъ языкомъ, а между тѣмъ они составляли единственное открытіе, сдѣланное въ нашу поѣзду, то докторъ окрестилъ ихъ, островами Нью-Йоркскаго Вѣстника*, и мы, въ честь этого, торжественно пожали другъ другу руки. Ночью разъ или два насъ посѣщали рыбаки, но мы зорко наблюдали и не допустили никакого мародерства. Мнѣ показалось, впрочемъ, что люди съ противоположнаго берега сторожили, какъ бы броситься на нашу лодку или самихъ насъ захватить живьемъ, однако все прошло благополучно.

Спустя нѣсколько времени, чтобъ избѣгнуть приближавшейся бури, мы зашли въ маленькую бухту передъ деревней, вытащили лодку, начали устранивать палатку, расположились тутъ ночевать, и я легъ пока вздремнуть. Меня вывелъ изъ забытья чей-то голосъ, который кричалъ что было мочи: „господинъ, госпо-

днѣ, вставайте скорѣе; адѣсь начинаютъ драться"! Я вскочилъ, выхватилъ револьверъ и вышелъ. Шумная, разъяренная куча туземцевъ о чемъ-то горячо спорила съ нашими людьми. Изъ числа послѣднихъ семь или восемь человѣкъ скрылись за лодкой и оттуда цѣлились заряженными ружьями въ разъяренную толпу, которая постоянно увеличивалась въ числѣ.

— Гдѣ докторъ? спросилъ я.

— Онъ пошелъ вонъ за тотъ холмъ, сэръ, со своимъ компасомъ, сказалъ Селимъ.

— Есть кто-нибудь съ нимъ?

— Сузи и Чума.

— Бомбей, пошлите двухъ людей предостеречь доктора и просить, чтобъ скорѣе шелъ назадъ.

Но въ эту минуту самъ докторъ со своими спутниками показался на вершинѣ холма, снисходительно смотря на трагикомическую сцену, которая передъ нами разыгрывалась. Голый молодой человѣкъ, — сынъ султана, какъ потомъ оказалось, — совершенно пьяный, такъ что едва держался на ногахъ, — неистово хлесталъ о землю единственнымъ платьемъ, которое наворачивается около пояса, и самымъ отборнымъ языкомъ увѣрялъ, что ни одинъ мгвана или арабъ ни минуты не останется на священной землѣ Узанви. Отецъ его, султанъ, одинаково пьяный, не проявлялъ, однакожъ, такого насилія въ поступкахъ.

Докторъ спокойно спросилъ, въ чемъ дѣло. Вожатые Вѣджиджи пояснили ему, что народъ желаетъ нашего удаленія, такъ какъ онъ во враждѣ съ арабами за убійство старшаго сына султана Музиму въ Уджиджи, который заглянулъ въ чужой гаремъ. Мы рѣшили, что не стоитъ драться съ пьяной толпой, хотя-бы и могли покончить дѣло однимъ выстрѣломъ изъ револьвера. Докторъ объяснилъ туземцамъ, что онъ не мгвана и не арабъ, а бѣлый человѣкъ совершенно другого народа, чѣмъ тотъ, котораго они привыкли видѣть, и что отъ бѣлыхъ людей черные никогда не терпѣли вреда. Это произвело эффектъ и наконецъ пьяный султанъ съ своимъ сыномъ сѣли спокойно и повели съ нами разговоръ о томъ, какъ звѣрски убить былъ сынъ султана Музиму. Они даже показывали неподлежащей сомнѣнiю пантомимой, какъ именно онъ былъ убитъ. Ливингстонъ продолжалъ говорить съ ними кротко, отечески, и нареканія противъ жестокости арабовъ почти уже прекратились, какъ вдругъ, старый султанъ вскочилъ, началъ шагать взадъ и впередъ въ крайне возбужденномъ состоянiи, ткнулъ нарочно свою ногу остриемъ копыя и вскричалъ, что Вангвана ранилъ его. При этомъ половина толпы обратилась въ бѣгство, а одна старуха,

съ большой палкой, на которой вѣрѣзана была фигура бѣлки, начала бранить султана, какъ могла, говоря, что онъ хочетъ, чтобъ всѣхъ ихъ перебили, а другая посовѣтовала успокоиться и принять отъ насъ подарокъ.

Но очевидно было, что немного нужно, чтобъ дѣло дошло до кровопролитной борьбы. Пока докторъ говорилъ съ дикарями и пытался усмирить ихъ страсти, я снялъ палатку, уложилъ поклажу, столкнулъ лодку и, когда переговоры закончились дружественнымъ образомъ, предложилъ доктору скорѣе садиться въ лодку, пока не разразилась новая буря.

11-го декабря мы опять увидели живописную Засси, 12-го прелестную бухту Нюсанга, и затѣмъ Уджиджи былъ передъ нами. Въ гавань мы вошли очень тихо, безъ всякой стрѣльбы, потому что уже не было ни пороху, ни пуль.

Вѣрный Мабруки безъ насъ превосходно охранялъ домъ Ливингстона. Калуду какъ-то ухитрился обвариться и имѣлъ на груди ужасную рану. Косноязычный трусъ Билали, гроза женщинъ, затѣялъ было шумъ на рынкѣ, но былъ жестоко отработанъ тростью Мабруки. А всего пріятнѣе было письмо ко мнѣ отъ американскаго консула изъ Занзибара, помѣченное 11 іюня, съ телеграммами изъ Парижа отъ 22 апрѣля того же года. Бѣдный Ливингстонъ воскликнулъ: „а мнѣ нѣтъ письма! хорошо тому, у кого есть на свѣтѣ вѣрный, добрый другъ!“

Наше путешествіе по озеру Тэнгеника продолжалось двадцать восемь дней.

ХІІ.

Этнографическія замѣтки о странѣ.

Между африканскими племенами тѣхъ областей, чрезъ которыя я проѣзжалъ, трудно уловить опредѣленные этнографическія отличія. Послѣ Занзибара первый путь нашъ въ Африкѣ лежалъ по направленію къ Бегемойо. Тутъ можно поименовать много племенъ, Венгиндо,—Везевегили, Верори, Вегого, Веньямвези, Везегутта и Везегера¹, но было бы невыразимо трудно опредѣ-

¹ Вообще должно замѣтить, что приставка къ названію частицы У означаетъ страну, Ве—народъ, М—отдѣльное лицо, такъ напр. Уджиджи—область Джиджи, Веджиджи—народъ этой области. Сесекили значитъ морской берегъ, отсюда народъ, который живетъ на берегу, называется Весекили, отдѣльный членъ этого племени— Мосекили, а языкъ, какимъ говоритъ этотъ народъ,—Мосекили.

лить, въ чемъ состоитъ различіе между ними. Только по нѣкоторымъ обычаямъ или мелкимъ отличительнымъ чертамъ, въ родѣ татуировки, прокалыванія ушныхъ лопастей, по украшеніямъ, по уборкѣ волосъ и т. п. можно отличить представителей различныхъ племенъ.

Вотъ, напримѣръ, Весевехили, племя затронутое полу-цивилизацией; оно лучше одѣвается и благообразнѣе съ виду, чѣмъ его собратья, живущіе далѣе къ западу. Но подъ этимъ наружнымъ подобіемъ лоска—въ Мсевехили вы найдете настоящаго варвара. На улицѣ, на базарѣ онъ покажется вамъ полу-арабомъ: у него является что-то родѣ пріятныхъ манеръ, онъ отпускаетъ поклоны и колѣнопреклоненія,—все доказываетъ его близость и сродство съ господствующей расой. Но какъ только Мсевехили вышель изъ береговыхъ городовъ куда-нибудь въ деревню, такъ сейчасъ цивилизующую рубашку долой, выступаютъ во всей красѣ и безукоризненная чернота кожи, и выдавшіяся челюсти, и толстыя губы—чистѣйшій негръ и варваръ: ни за что не отличить отъ другихъ племенъ.

Выгодно выдѣляется изъ другихъ племенъ Вэдо, воинственный, красивый народъ. Выраженіе лица его умнѣе, цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ племенъ, хотя, напримѣръ, Векеми и Веквере. Этотъ народъ хранитъ свои родовыя преданія, смѣло бросается на войну, въ случаѣ какого бы то ни было нарушенія его территоріи, и храбро защищается противъ другихъ племенъ Везегутга и Векеми, и противъ мародеровъ-номадовъ изъ Угумба. Эта страна, одна изъ самыхъ живописныхъ между моремъ и Уньяньембе, не разъ была ареною ужасныхъ дѣйствій торговцевъ невольниками. Сотни разъ жены и дѣти Вэдо были увлечены въ рабство; одинъ округъ за другимъ отрывали отъ ихъ страны и присоединяли къ Узегутга. Народъ Узегутга нападалъ на своихъ сосѣдей Вэдо по найму торговцевъ невольниками, которые вооружили туземцевъ ружьями и снабдили аммуниціей. Племя Вэдо въ физическомъ и въ умственномъ отношеніи гораздо выше другихъ, окружающихъ племенъ. Женщины изъ этого племени похотливые магометане съ удовольствіемъ дѣлаютъ своими наложницами, а дѣтей—слугами. У этого же племени мы впервые находимъ и отличительные племенные знаки—продольную линію проколовъ по ту и по другую сторону лица и внутренній разломъ двухъ среднихъ зубовъ верхняго ряда.

Племя Везегутга, о которомъ сейчасъ упомянуто, служитъ примѣромъ измѣчивости политическихъ судебъ и среди варварскихъ народовъ. Лѣтъ тридцать назадъ Везегутга тѣснились

на узкомъ пространствѣ между Вазембара и Вадо, а послѣдніе были самыми могучими племенамъ къ востоку отъ горъ Узэгера. Торговля невольниками все перевернула. Вадо, изъ которыхъ набирались самые умные и красивые невольники, были почти совсѣмъ прогнаны изъ прежнихъ своихъ прекрасныхъ долинъ. Везегутта усилились.

Какой нибудь отрядъ изъ восточной Африки могъ бы легко разорить это разбойничье гнѣздо и превратить безчеловѣчную торговлю рабами. Везегутта въ союзѣ съ негроторговцами—настоящей бичъ этой части восточной Африки; разорить разъ ихъ логовище, и они будутъ навсегда безвредны.

Везегутта искренно вѣрятъ въ колдовство, хотя, впрочемъ, знахарямъ этого темнаго искусства не всегда сладко приходится въ ихъ рукахъ. Часто случается видѣть на дорогѣ обугленные костры, а надъ ними виситъ развѣвающійся обрывокъ одежды: это показываетъ судьбу несчастнаго „ваганга“ или знахара. Пока предсказанія такихъ знахарей сбываются и сулятъ добро, народъ относится къ нимъ благосклонно; но разразись вдругъ какая нибудь бѣда, да еще если потерпѣвшіе могутъ поклясться, что она произошла отъ волшебства, какъ разъ соберется неумолимый трибуналъ домашнихъ инвизиторовъ, и несчастнаго колдуна ждетъ участь, напоминающая средніе вѣка. Сухаго дерева сколько угодно всегда подъ рукою въ африканскихъ лѣсахъ, колдунъ погибаетъ на вострѣ; и, въ предостереженіе другимъ ложнымъ пророкамъ, надъ мѣстомъ казни развѣшиваютъ одежду сожженнаго.

Въ восточномъ Узэгера еще не видно рѣзкаго различія между чистыми Везегера и Везегутта. Такое различіе впервые начинается около деревень Мпвава. Здѣсь появляются своеобразныя украшенія: длинныя жидкія бусы съ мѣдными и латунными подвѣсками,—шарики, перемежающиеся съ длинными рядами миниатюрныхъ бусъ, видѣются тамъ и сямъ среди буслей. Молодой Мсэгера, съ блѣднымъ оттѣнкомъ охры на чернубуромъ лицѣ, съ четырьмя или пятью блестящими мѣдными подвѣсками на подбородкѣ, съ кусочкомъ тыквы въ каждомъ ухѣ, въ крошечныхъ буслахъ, хорошо смазанныхъ и украшенныхъ маленькими кусочками мѣди и латуни,—притомъ голова, гордо откинута назадъ,—широкая грудь, выпяченная впередъ, мускулистыя руки и хорошо сложенные члены,—вотъ идеалъ африканскаго красавца-дикаря.

Мужчины и женщины Везегера татуируютъ подбородокъ, грудь и руки. Кромѣ кусочковъ тыквы въ ушахъ, они носятъ множество первобытныхъ украшеній вокругъ шеи,—въ родѣ двухъ-

трехъ бѣлыхъ скорлупокъ, вырѣзанныхъ кусковъ дерева, маленькаго козлинаго рога, какого нибудь лекарства, освященнаго знахаремъ племени, бѣлыхъ или красныхъ бусъ, двухъ или трехъ сунгомаззи, и иногда маленькой латуной цѣпочки. Эти вещи они или дѣлаютъ сами, или покупаютъ отъ арабовъ-торговцевъ за цыплятъ или ковъ. Дѣти всѣ ходятъ голыя: молодые люди носятъ козью или овечью шкуру, взрослые мужчины и женщины, надѣленные потомствомъ, носятъ одежду только вокругъ пояса; вожди носятъ шапки, въ родѣ тѣхъ, что у арабскихъ тарбушей.

Но вотъ когда путешественнику нужно всевозможное благо-разуміе, осторожность и разсудительность, — когда онъ вступаетъ въ область Вэгого, могущественнаго племени къ западу отъ Узгэра до Уйяни. До сихъ поръ путнику приходилось только заключать обѣты дружбы съ туземными вождями и, въ качествѣ друга, давать имъ подарки; здѣсь впервые слышится слово „хонга“ въ значеніи „дани“, и если путешественникъ ее не заплатитъ, то ему грозятъ силой. Если онъ захочетъ дать больше, то Вэгого всегда будетъ готовъ взять: онъ заломитъ съ васъ, примѣрно, 60 кусковъ матеріи и еще будетъ удивляться своему великодушію, изъ-за котораго такъ мало запросилъ съ великаго Мусунгу (блага человѣка).

Въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ Вэгого лучшее изъ племенъ между Уньямвези и моремъ: въ наружности этого племени есть что-то львиное; даже губы не такъ чудовищно толсты, какъ мы привыкли встрѣчать у негритянскаго типа. Несмотря на жестокость Мгого, онъ представляетъ бѣлому путешественнику и нѣкоторыя привлекательныя черты характера: этотъ дикарь гордится своей страной, какъ бы она ни была непригвѣтна и безплодна; онъ гордъ и самимъ собою, своею храбростію, своимъ оружіемъ. Правда, Мгого эгоистъ, тщеславенъ, при случаѣ тиранъ, но способенъ и къ искренней дружбѣ. Одинъ только неоспоримый порокъ Мгого: его непогвѣрная скупость и жадность къ богатству.

Но этотъ грубый туземецъ, сильный, кипучій, задорный, ставится ребенкомъ съ человѣкомъ, который просто посвящаетъ себя изученію дикой натуры, не оскорбляя тщеславія дикаря. Легко возбудить его любопытство, заставить понять свою пользу. Это грубое дитя природы понимаетъ слабость путешественника и не прочь извлечь изъ нея выгоду, но не дѣлаетъ насилія, потому что въ его же собственныхъ интересахъ соблюдать миръ: насиліе заставитъ караваны избрать другой путь, и сами же туземные вожди лишатся значительныхъ выгодъ. Воинъ Мгого

приучается обращаться съ копьемъ съ малолѣтства, а лѣтъ въ пятнадцать онъ уже вполне владѣеть имъ. Изготовиться къ войнѣ ему очень недолго. Гонимъ отъ вождя племени бросается изъ деревни въ деревню и трубить въ бычачій рогъ: это—сигналъ войны. Воинъ слышитъ звукъ рога, накидываетъ себѣ на плечи мотыку, которою работалъ, входитъ въ свое жилище и чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ уже готовый, расписанный боевыми красками, одѣтый въ полный боевой костюмъ. Страусовья, орлиныя или коршуновья перья развѣваются надъ головою дикаря, позади тащится его длинная малиновая одежда, на лѣвой рукѣ щитъ, въ правой—большое копье, вокругъ лодыжекъ и коленъ брещать колокольчики, къ рукамъ привязаны запястья изъ слоновой кости, которыми онъ даетъ знать о своемъ приближеніи.

Дома Вэгого четырехугольные; ими обстраивается одинъ общій дворъ, на который выходятъ всѣ двери. Сзади cadaго помѣщенія прорѣзаны отверстія для наблюденія и для защиты. Въ Угого дѣлаютъ также очень хрупкое и невзрачное помѣщеніе, называемое „тембе“: это просто рядъ маленькихъ колець, замазанныхъ снаружи грязью, съ тремя или четырьмя большими кольями на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга для поддержки брусевъ и бревенъ, на которыхъ покоится плоская глиняная крыша. Ружейная пуля насквозь пронизываетъ стѣны таковой „тембе“. Тембе состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній, раздѣленныхъ одно отъ другаго плетеными перегородками. Въ каждомъ отгороженномъ помѣщеніи можетъ помѣщаться цѣлая семья взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, которые спятъ тутъ же на полу, на шкурахъ. Только отецъ семейства имѣетъ для себя „китанда“ или особое ложе изъ воловьей шкуры, натянутой на распоркахъ, или изъ коры дерева миомбо. Полъ состоитъ изъ утопанной грязи и издаетъ ужасный запахъ. Въ углахъ, подъ балками, привольное жилище громадныхъ черныхъ пауковъ и другихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ. Крысы обыкновенно наполняютъ каждую тембе. Коровы, козы, овцы и лошаки живутъ внутри, собаки и другой скотъ снаружи тембе.

Вэгого вѣрятъ въ существованіе божества или воздушнаго духа, называемаго Мулунгу. Къ нему обращаются молитвы дикарей, когда умираютъ родители ихъ. Когда Мгого проводилъ своего отца въ могилу, онъ собираетъ его имущество, одежду, вещи изъ слоновой кости, ножъ, копья, стрѣлы и скотъ, и преклоняетъ колѣна, выражая желаніе, чтобъ Мулунгу умножилъ его земное богатство, благословилъ его труды и далъ успѣхъ въ торговлѣ.

— А какъ ты думаешь, спросилъ я разъ торговца Мгого:—его сдѣлалъ вашихъ родителей?

— Ну, конечно, Мулунгу, бѣлый человѣкъ!

— Ну, а тебя самого?

— Если Богъ сдѣлалъ моего отца, то и меня онъ же.

— А куда же ушелъ твой отецъ теперь. когда умеръ?

— Мертвые умерли, отвѣчалъ Мгого торжественно: ихъ нѣтъ больше. Султанъ умираетъ, онъ тогда уже ничто, не лучше дохлой собаки, онъ кончился и слова его кончились, нѣтъ больше словъ отъ него. Это правду я говорю: султанъ обращается въ ничто, прибавилъ онъ замѣтивъ улыбку на моемъ лицѣ: а вотъ кто иначе говорить—тотъ лжетъ. Онъ великъ только пока живъ, послѣ смерти бросаютъ его въ яму, и какъ о немъ, такъ и о всякомъ другомъ человѣкѣ тогда говорятъ одинаково.

— Какъ вы погребаете простого Мгого?

— Связываютъ ему ноги, складываютъ правую руку на тѣло, а лѣвую подъ голову, и кладутъ въ могилу на лѣвый бокъ. Платье, что онъ носилъ при жизни, надѣвается на него-же. Сверху насыпаютъ землю и накладываютъ терновыя вѣтви, чтобъ не добралась до трупа гiena. Женщину кладутъ въ могилу на правый бокъ, отдѣльно отъ мужчинъ.

— А какъ вы хороните султана?

— Да точно также, только среди деревни, и надъ его могилой ставится шалашъ. Когда старей султанъ умеръ, то новый убиваетъ передъ его могилой вола, призывая Мулунгу въ свѣдѣтели, что будетъ справедливымъ султаномъ. Потомъ онъ раздаетъ мясо въ память своего отца.

— Какимъ образомъ Вегого женятся?

— О, они покупаютъ себѣ женъ. Бѣднякъ можетъ купить себѣ жену отъ ея отца за пару козловъ.

— А сколько приходится платить султану?

— Онъ-то заплатитъ отцу невесты сотню козловъ, коровъ или овецъ. Разумѣется, на то онъ и главный. Султанъ простой женщины не купитъ. Разговоры о свадьбѣ тянутся долго. Вся семья и друзья невесты тутъ участвуютъ; ну, а когда, наконецъ, отецъ далъ согласіе, такъ сейчасъ-же и посылаетъ скоть.

— А въ случаѣ убійства, что вы съ убійцей дѣлаете?

— Онъ долженъ заплатить пятьдесятъ коровъ. А если бѣденъ и не можетъ заплатить, то султанъ даетъ позволеніе родственникамъ и друзьямъ убитаго умертвить убійцу. Какъ только они его поймутъ, такъ сейчасъ привязываютъ къ дереву и прокалываютъ копьями, потомъ отрубаютъ ему голову, руки и другіе члены и разбрасываютъ по странѣ.

— Какъ вы наказываете вора?

— Если его застали въ кражѣ, такъ тутъ-же и убиваютъ, безъ всякихъ разговоровъ. Вѣдь онъ воръ.

— А если не знаютъ навѣрное, кто воръ?

— Когда приведенъ человѣкъ, обвиняемый въ воровствѣ, мы убиваемъ дыпленка. Если его внутренности бѣлаго цвѣта, значить обвиняемый невиненъ, если желтаго—виновенъ.

— А въ колдовство вы вѣрите?

— Еще-бы, конечно, вѣримъ, и наказываемъ смертью человѣка, который заворожитъ скотъ или остановить огонь.

Самой красивой страной во всей восточной и центральной Африкѣ должно назвать Уньямвези. Это огромная гладкая равнина съ легкимъ наклономъ на западъ къ озеру Тэнгенника, которое орошаетъ большую часть ея. Съ высоты птичьяго полета вы увидали-бы лѣса, пурпурный коверъ листвы, прорѣзываемый кое-гдѣ голыми равнинами и прогалинами, или темною массою угеснаго холма. Здѣсь нѣтъ величественныхъ горъ или громадныхъ высотъ, нѣтъ того, что обыкновенно называютъ живописнымъ, есть даже однообразіе, но это однообразіе несравненно. Несравненное здѣсь заключается въ безпредѣльномъ, повидимому, пространствѣ лѣсовъ Уньямвези, какъ заключается оно въ океанѣ, который невозмутимо дремлетъ подъ тропическимъ солнцемъ и катитъ свои волны Богъ вѣсть куда.

Но въ этой прелестной странѣ туземцы живутъ подъ грозой многихъ ужасныхъ болѣзней, въ родѣ дисентеріи, холеры, перемежающейся лихорадки, сифилиса и самаго страшнаго бича восточной и центральной Африки—оспы. Остовы жертвъ по каждой караванной дорогѣ показываютъ, какія опустошенія дѣлаетъ болѣзнь каждый годъ не только въ рядахъ торговыхъ экспедицій, но и среди туземныхъ племенъ. Иногда въ караванѣ десятая часть падаетъ жертвою оспы. Деревни она опустошаетъ больше, чѣмъ на половину. Ливингстонъ спасъ жизнь многихъ въ Африкѣ прививкою оспы.

Какъ только появилась оспа, учреждается строгій карантинъ; никто не рѣшается приблизиться къ больнымъ, кромѣ тѣхъ, которые уже пострадали. Больные члены каравановъ отдѣляются отъ общества здоровыхъ; для нихъ устриваются особые шалаши близъ лагера. Если неосторожный смѣльчакъ въ караванѣ заболѣлъ оспой, то самъ изгоняется изъ каравана; если не въ силахъ идти дальше, то оставляется на вѣрную смерть, потому что ни одно селеніе не позволитъ больному подойти къ своимъ воротамъ, а караванъ не можетъ изъ-за него останавливаться въ пустынѣ. Тогда новый прокаженный, съ запасомъ пищи и воды, забирается

въ какую-нибудь чашу, строятъ себѣ шалашь и остается тутъ до выздоровленія или до смерти.

Самое замѣчательное племя въ центральной Африкѣ—Веньямвези. Мньямвези настоящій черный Аполлонъ: высокій долгоногій черный человекъ, съ добродушнымъ лицомъ, съ широкой улыбкой, почти голый; въ срединѣ верхняго ряда зубовъ у него прорѣзываютъ небольшое отверстіе еще въ дѣтствѣ: это отличительный признакъ племени.

Это африканскій янки: онъ прирожденный торговецъ и путешественникъ. Съ незапамятныхъ временъ это племя присвоило монополію перевозки влады изъ одной области въ другую. Мньямвези соединяетъ въ своей особѣ верблюда, лошадь, мула и осла, вообще вьючное животное, котораго ищутъ всѣ путешественники для переноски багажа съ берега во внутренность Африки. Арабъ никакъ не можетъ обойтись безъ него; бѣлый путешественникъ не въ состояніи путешествовать безъ Мньямвези. Онъ, точно матросъ, обитаетъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, въ большихъ приморскихъ портахъ. Морской берегъ для Мньямвези тоже самое, что Нью-Йоркъ для англійскаго матроса. Сотня такихъ человекообразныхъ *bêtes de somme* обойдется путешественнику за три мѣсяца пути до Уньямвези въ 10,000 ярдовъ матерій.

Во время путешествія съ караванами, Мньямвези послушны и обходительны; въ своихъ деревняхъ это лихіе ребята, въ торговыхъ экспедиціяхъ они являютъ опытность и проникательность; въ Укононго и Узвенди—это хорошіе охотники, въ Узукума—отличные погонщики, въ Лунда—энергическіе искатели слоновій восты; на берегу—это люди смиренные, боязливые, всему удивляющіеся.

Мнѣ кажется, что Веньямвези вымираютъ или расселяются въ разныя страны. Недовольныя, безпокойныя племена, какъ Манва-Сера, Нюнго, Мирамбо, Осето постоянной борьбой опустошаютъ Уньямвези. Дальніе путевые концы съ тяжестью на хребтѣ также не благоприятствуютъ размноженію племени. Восемь изъ десяти скелетовъ вдоль большихъ дорогъ внутри страны принадлежатъ несчастнымъ Веньямвези. Рабство помогаетъ ихъ деморализаціи и истребленію. Грустно подумать, что такое даровитое племя исчезаетъ съ лица земли.

„Уганга“—знахари пользуются въ Уньямвези большимъ значеніемъ. Про меня распустили молву, что я могу дѣлать дождь, отравлять источники въ странѣ, умертвить весь народъ Мирамбо медицинскими снадобьями, но я постарался опровергнуть убѣжденіе въ подобныхъ затѣйливыхъ качествахъ. Сначала ко мнѣ

принесли было равнородныхъ больныхъ, — сифилитиковъ, оспенныхъ, страдающихъ диссентеріею, но, наконецъ, по моему серьезному виду, убѣдились, что я ничего не могу для нихъ сдѣлать. Одинъ старикъ, страдающій хроническою диссентеріею, пріавелъ мнѣ отличную жирную овцу и блюдо журавлиного гороху, чтобъ только вылечить его болѣзнь. Я, разумѣется, отказался отъ овцы и объяснилъ, что не могу помочь въ болѣзни, но далъ больному около сотни зеренъ Доверскаго порошка и пару доти хорошей матеріи.

Ни одна охотничья экспедиція у Вельямвези не обходится безъ совѣта съ знахаремъ, который снабжаетъ амулетами, питьями, травами и заговорами. Кусочекъ уха зебры, кровь льва, зубъ леопарда, губа буйвола, хвостъ жираффа, — все это такія сокровища, съ которыми нельзя разстаться иначе, какъ за деньги.

Къ шеѣ привязываются кусокъ кварца, полнроанный, трехугольной формы, кусочки рѣзнаго дерева и всемогущій талисманъ въ видѣ растенія, бережно зашитаго въ небольшой кожаный кошелекъ.

Вельямвези вообще записные трусы. Ихъ караваны прокрадываются чрезъ Угого очень скромно, но какъ только вышли изъ этой опасной страны, то по пути чрезъ земли другихъ племенъ они непременно постараются отличиться самохвалствомъ. У Вельямвези есть нѣкоторые интересные обычаи. При рожденіи ребенка отецъ разрѣзываетъ сѣть, идетъ съ нею къ границѣ своего округа и тамъ зарываетъ въ землю, а если граница идетъ по рѣкѣ, то зарываетъ куски сѣти на берегу: потомъ беретъ корень дерева и зарываетъ его подъ порогомъ дверей. Потомъ зоветъ друзей на пирь, убиваетъ вола или поддюжины козловъ и распредѣляетъ ихъ внутренности между пирующими. Если родились близнецы, то это считается большимъ благополучіемъ. Мать, при наступленіи родовъ, спѣшитъ въ лѣса, куда ее сопровождаетъ приближенная женщина. Жены, какъ и въ Вэгого, покупаются за опредѣленное количество коровъ или козловъ.

Колдовство, произведенное съ злою цѣлью, наказывается смертью. Смертью же наказываются и преступленія противъ всего племени. Открытый воръ, пойманный съ поличнымъ, можетъ быть или убитъ на мѣстѣ, или, по рѣшенію Мтеми (царька) обращенъ въ рабы того собственника, право котораго онъ нарушилъ. Послѣ смерти Мньямвези, убираютъ тѣло въ чашу, а если умершій — важное лицо, то погребаютъ его въ сидячемъ положеніи или на боку, какъ Вэгого. Во время пути, тѣло просто выбрасывается на дорогу въ жертву гіенѣ, которая лучше, чѣмъ кто-нибудь, очищаетъ лѣса.

Божество, которому поклоняются въ Веньямвези, называется Мирингу. Веньямвези смотрятъ на него, какъ на подателя всѣхъ благъ. Ему, впрочемъ, рѣдко возносятся мольбы, развѣ только о приумноженіи земного богатства.

Дѣвушки въ Уньямвези съ раннихъ лѣтъ уже заботятся объ украшеніяхъ. Одно изъ самыхъ любимыхъ украшеній здѣсь—запястья изъ красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ бусъ, составляющія рѣзкій контрастъ съ черной кожей красавицы. Она любитъ перехватывать пальцы ожерельями изъ разноцвѣтныхъ бусъ, падающими съ шеи. Также не малое удовольствіе доставляется спиральнымъ проволочнымъ поясомъ, хотя бы даже у щеголихи и не надѣто было платья, которое должно поддерживать такой поясъ.

Въ Уньямвези встрѣчается обычай, совершенно сходный съ обычаемъ англо-саксонскихъ земель,—женскія вечеринки. Рѣдко я видалъ болѣе полное довольство, чѣмъ то, какое рисовалось на лицахъ молодыхъ и старыхъ женщинъ Веньямвези, когда онѣ, около солнечнаго заката, сходились изъ разныхъ домовъ посидѣть и поболтать о текущихъ дѣлахъ, о самыхъ безыскусственныхъ предметахъ, какіе можетъ представить социальный кругъ Веньямвези. Подлѣ матери, которая болтаетъ и куритъ съ сіяющимъ лицомъ, стоитъ взрослая дочь; проворныя руки ея занимаются выдѣлываніемъ различныхъ косъ и колечекъ изъ шерстистыхъ волосъ родительницы. Старухи, усѣвшись въ кружокъ, начинаютъ трещать точно ласточки: одна рассказываетъ, какъ ея корова перестала давать молоко, другая—какъ выгодно продала молоко бѣлому человѣку, третья — какъ она работала на полѣ, четвертая — что ея повелитель еще не вернулся изъ столицы Веньямвези, куда отправился продавать зерна.

Пока деревенскія матроны упражняются въ деревенской болтовнѣ, *patres familias* собираются также въ укромномъ мѣстечкѣ, называемомъ „Ванза“ или „Уванза“ и расположенномъ, обыкновенно, на одномъ концѣ четырехугольнаго двора внутри деревни. Здѣсь обсуждаются цѣны на предметы, разбирается мѣстная политика, съ остроуміемъ и здравымъ смысломъ,—въ своемъ родѣ происходятъ такія же пренія, какъ бываетъ въ подобныхъ мѣстахъ и въ цивилизованныхъ странахъ.

Въ свободное время,—а занятого времени вообще здѣсь мало,—собесѣдники курятъ, сидятъ на паткахъ и толкуютъ, бытъ можетъ, о тѣхъ же самыхъ предметахъ, какъ и женщины: вѣрнѣе всего, что предметомъ разговора служитъ бѣлый человѣкъ, который только-что пріѣхалъ. Туземцу нужно заострить копье, украсить мечъ, или сдѣлать рукоятку къ топору, выкурить

трубку, сообщить новость, и онъ является въ Ванза. Если мѣсто малолюдное и опредѣленнаго пункта собраній нѣтъ, то туземецъ, кончивъ свои немудренныя занятія, отыскиваетъ группу земляковъ гдѣ-нибудь подъ большимъ деревомъ, какое почти всегда найдется въ деревнѣ, и подъ тѣнью этого дерева можетъ удовлетворить своей потребности общѣна мыслей. Ванза, въ деревнѣ Уньямвези совершенно тоже, чѣмъ была Агора въ Аеинахъ и чѣмъ служить биржа въ новѣйшихъ цивилизованныхъ столицахъ.

Веньямвези—большіе охотники до куренья. Разные сорта ихъ трубокъ, сдѣланныхъ вообще довольно искусно, представляютъ по отдѣлкѣ сходство съ трубками сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ. Последніе употребляютъ для трубокъ красный стеатитъ, а Веньямвези—черный, который находятъ въ западномъ Усукума, фабрика у этого мягкій камень съ грязью, которая смѣшивается съ мелко-изрубленною соломой. Табакъ у здѣшнихъ курильщиковъ далеко не высокаго сорта. Туземцы любятъ употреблять также своеобразный, первобытнаго качества наррилъ, который дѣлается изъ тыквы и пустой палки. Одной или двухъ затежекъ довольно, чтобъ каждый изъ курильщиковъ, выдѣлывая различныя гримасы, подвергся ужасному кашлю, который какъ-бы раздраетъ его внутренности. Самимъ курильщикамъ, кажется, это нравится, но на посторонняго такой громкій, рѣзкій, скрипучій кашель производитъ чрезвычайно раздражающее и отвратительное впечатлѣніе.

Это племя, какъ и всѣ негры, очень любятъ музыку. Правда, музыка эта варварская и скоро надоѣдаетъ своею монотонностью, но лучшіе изъ туземныхъ музыкантовъ всегда умѣютъ оживить ее. Между ними есть даже импровизаторы: послѣднее бурное событіе, политическія новости, личныя дѣла, имѣющія достаточный общественный интересъ, все находятъ себѣ выраженіе въ деревенской музыкѣ. Черезъ недѣлю послѣ объявленія войны Мирамбо, не было ни одной деревни въ цѣломъ Уньямвези, гдѣ бы Мирамбо тѣмъ или другимъ способомъ не упоминался вечеромъ въ пѣсняхъ. Мусунгу также былъ съ прїѣзда любимымъ предметомъ пѣсенъ, но скоро потерялъ прелесть новизны.

Дряхлая старость рѣдко встрѣчается въ центральной Африкѣ, но сѣдые волосы и согбенныя спины можно видѣть почти въ каждой деревнѣ. Самыхъ старыхъ людей видалъ я въ Угого и Уньянембе, стародавнихъ, безопасныхъ и сравнительно хорошо устроенныхъ областяхъ.

Прежде я думалъ, что Векевонго и Векевенди принадлежать къ одному племени съ Веньямвези: языкъ, нравы и обычаи у

всѣхъ ихъ одинаковы. Но перейдя чрезъ Малагарани въ область Увинза, мы находимся среди совершенно другого народа. Говоря о нравахъ и обычаяхъ Вевинза, я разумѣю тутъ и Веджджи, Вэкэранга, Вэрунди, Вэвира, Вэгута и Вэгуси.

Съ самаго вступленія въ Увинза видно, что тутъ новыя племена и новыя обычаи. Первое знакомство между двумя встрѣчными туземцами изъ этого племени составляетъ скучную церемонію. Приближаясь одинъ къ другому, они вытягиваютъ обѣ руки, произнося слова „вакъ, вакъ“, потомъ, схватывая другъ друга за локти, начинаютъ тереть одинъ у другого руки, быстро приговаривая „вакъ, вакъ, ваки, ваки“; эта исторія кончается крепаньемъ, означающимъ взаимное удовольствіе. Женщины встрѣчаютъ мужчинъ, даже полузрелыхъ юношей, наклоняя спину впередъ, пока концы пальцевъ рукъ не достанутъ пальцевъ ноги, или поворачиваютъ туловище въ сторону, всплескиваютъ руками и произносятъ такіа-же восклицанія. Мужчины въ отвѣтъ продѣлываютъ тоже самое.

Одежда всѣхъ этихъ племенъ, если они не довольно богаты, чтобъ покупать матеріи отъ путешествующихъ каравановъ и не имѣютъ сами выдѣлывать что нужно (какъ Веджджи и Вэрунди), состоитъ изъ козлиной шкуры, которая у плеча завязывается узломъ и падаетъ по одну сторону тѣла.

Веджджи, какъ и Вэкэранга, чрезвычайно суевѣрны. Въ Ніамтага, близь воротъ деревни, я видѣлъ ихъ божество: это вытесанная изъ дерева, расписанная голова человѣка. Лицо идола было бѣлаго цвѣта, съ черными, пристально устремленными глазами, — плечи прямыя, четырехугольныя, на головѣ что-то въ родѣ убора желтаго цвѣта. Каждый, при входѣ въ ворота, низко кланялся идолу.

Веджджи вѣрятъ, что имѣютъ власть надъ крокодилами и могутъ заставлять ихъ дѣлать все, что вздумаютъ.

Въ Уджиджи ходитъ слухъ, что есть такой ученый крокодилъ, который безирекословно повинуется приказаніямъ своихъ друзей, — переноситъ человѣка изъ дома въ озеро или путешествуетъ по многолюдному рынку, или открываетъ вора при большомъ собраніи туземцевъ. Пещеры Кэбого на западной сторонѣ озера внушаютъ ужасъ Веджджи, которые, проходя чрезъ это ужасное мѣсто, стараются умилостивить гнѣвное божество озера, бросая въ воду бусы и матеріи. Молва гласитъ, что это необходимо, и что божество предпочитаетъ бѣлыя бусы (мериканки). Съ этимъ обычаемъ должны сообразоваться и арабы и Вангвана изъ Занзибара, а иначе Веджджи, пожалуй, переломаютъ весла у ихъ лодокъ. Проѣзжая Бемба, каждая лодка должна оторвать

кусокъ глины, чтобы получить увѣренность въ благополучномъ путешествіи: такой обычай соблюдался цѣлыя поколѣнія такъ усердно, что въ мѣловой скалѣ образовалось огромное углубленіе.

Туземцы Урунди и Уджиджи искуснѣе другихъ племенъ въ татуировкѣ своихъ тѣлъ. Операція татуированія, должно быть, очень тягостна, судя по сильнымъ нарывамъ подлѣ проколовъ. Вообще негры такъ любятъ украшенія, что только бѣдность можетъ ограничивать эту склонность. Люди-же болѣе состоятельные, носятъ по тридцати и по сорока ожерелій изъ самг-сами, мерикани, софи, кадундугуру и розовыхъ бусъ. Веджиджи, особенно Вэрунди, надѣваютъ на шеѣ изогнутыя вещицы изъ слоновой кости, зубы гипнопотама и клыки кабана. Нѣкоторые носятъ также на шеѣ длинныя, узкія, миниатюрныя колокольчики изъ туземнаго желѣза, скрученную желѣзную проволоку, амулеты, состоящіе изъ бѣлыхъ полированныхъ камешковъ или скорлупокъ. Вэрунди еще больше Вагого любятъ расписывать свои тѣла. Кромѣ натиранія тѣла охрой, которая дѣлаетъ значительно свѣтлѣе цвѣтъ кожи, они пачкаютъ красной краской лица, голову, брови и вѣки.

Путешественники по озеру Тэнгеника рѣдко видятъ племя людѣдовъ Вэбембе, обитающихъ въ суровыхъ горахъ къ западу отъ озера. Должно быть, послѣдніе, по собственному опыту, заключаютъ, что и другіе люди ѣдятъ себѣ подобныхъ, и потому держатся ближе къ своимъ горамъ, когда завидятъ лодки съ арабами и Вангвана. Я держусь того мнѣнія, что людѣдами должно считать также и Вэсанси, которые надѣлали намъ съ докторомъ шуму изъ-за убійства сына султана Кисеса. Я рѣшительно никогда не видалъ подобнаго возбужденія, какъ у этихъ туземцевъ, когда они замѣтили, что одинъ изъ моихъ людей разрѣзываетъ кожу для раздачи другимъ. Дикіе глаза туземцевъ умоляли хотя о ничтожномъ кусочкѣ, потомъ поднялась драка изъ за куска, который былъ имъ брошенъ; дивари жадно синмали даже запекшуюся на землѣ кровь. Это было неистовство голоднаго плотояднаго звѣря, раздразненнаго сырымъ мясомъ.

XIII.

Путешествіе отъ Уджиджи до Уньяньембе.

Возвратившись 13 декабря въ Уджиджи изъ поѣздки на сѣверъ по Тэнгеника, — поѣздки, которую Ливингстонъ упорно называлъ „пикникомъ“, мы почувствовали себя вполне дома, какъ-

только усѣлись на медвѣжьихъ шкурахъ, на персидскомъ коврѣ и на чистыхъ, новыхъ циновкахъ, прилебывая чай и толкуя недавнихъ приключенійхъ.

Я все-таки пытался склонить доктора вернуться домой. „Вѣд вы увидите, докторъ, вашу семью. Позвольте мнѣ соблазнить васъ поѣхать со мною. Обѣщаю позаботиться о каждомъ шагѣ до самаго берега. У васъ будетъ самый лучшій осель, какой только найдется въ Уньяньембе. Если что вамъ нужно—наметните только, все будетъ выполнено. Оставьте позу заботу объ источникахъ Нила, отдохните съ годикъ на родинѣ поправьте вѣдворье, а потомъ и можете вернуться, кончить дѣло.“

Но отвѣтъ былъ постоянно одинъ и тотъ-же: „Нельзя. хотѣ я и очень хотѣлъ-бы видѣть свою семью. Письма дѣтей сильно меня трогаютъ, но я не долженъ уѣзжать домой, надо прежде кончить дѣло. Только недостатокъ запасовъ задержалъ меня. Я-бы кончилъ открытiе Нила, прослѣдилъ-бы его связь съ озеромъ Бэкера или съ Петериковскою вѣтвью. Если-бы мѣсяцемъ раньше я поѣхалъ, то могъ-бы уже сказать „дѣло сдѣлано“. Но докторъ Керкъ все шлетъ мнѣ только невольниковъ; онъ долженъ-бы знать, каковы люди вообще невольники.“

Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ доктора людей были еще въ Уджиджи и удерживали при себѣ Энфильдскiя ружья, пока не получаютъ всей условленной платы. Между тѣмъ, при уплатѣ задатка англiйскимъ консуломъ въ Занзибарѣ въ условiи съ этими людьми вошло обязательство слѣдовать за господиномъ куда-бы онъ ни потребовалъ; они не только этого не выполнили, но еще насмѣхались надъ Ливингстономъ и открыто сопротивлялись ему. Слышалъ я, какъ арабскiе шейхи, друзья Ливингстона, мягко совѣтовали непокорнымъ уступить; тогда я рѣшился самъ сказать негодяямъ, что они должны благодарить судьбу, что я нашелъ Ливингстона въ живыхъ, а если-бы волосъ съ его головы упалъ, то съ берега я привелъ-бы цѣлый отрядъ, съ которымъ порядкомъ проучилъ-бы негодяевъ. Но прошелъ мѣсяць или больше, а оружіе все еще не возвращалось: тогда я испросилъ разрѣшенiе просто отобрать его. Слуга Ливингстона, безцѣнный Сузи—его дѣйствительно можно назвать безцѣннымъ, если-бы онъ не былъ неисправимый воръ,—немедленно отправился съ дюжиной вооруженныхъ людей, и черезъ нѣсколько минутъ, ружья находились у насъ въ рукахъ.

Докторъ рѣшился сопровождать меня въ Уньяньембе, а кстатi и встрѣтить свои запасы, которые были отправлены британскимъ консуломъ изъ Занзибара 1-го ноября 1870 г. Зная, что на мнѣ лежитъ обязанность конвоировать Ливингстона, я принялся всѣ

учать дороги изъ Уджиджи въ Уньяньембе по картѣ, составленной мною самимъ. Я проектировалъ такую дорогу, по которой можно было не заплатить ни одного тюка матеріи, не встрѣтить ничего дурного, кромѣ чащи деревьевъ или кустарника, и избѣгнуть всякихъ грабителей Вагга и Вевинза; эта спокойная, мирная дорога вела водой вдоль берега Укаранга и Ужавенди къ мысу Гонтве, а потомъ по моей прежней дорогѣ въ Уньяньембе. Ливингстонъ со мною согласился.

Съ самого возвращенія изъ поѣздки по Тэнгеника, докторъ началъ писать письма къ своимъ многочисленнымъ друзьямъ и списывать въ путевой журналъ летучія замѣтки изъ походныхъ книжекъ, собранныя въ теченіи многихъ лѣтъ при путешествіяхъ на югъ и западъ по озеру Тэнгеника; онъ также написалъ письмо къ мистеру Беннету младшему.

Между тѣмъ мнѣ пришлось выдержать четвертый приступъ лихорадки со времени встрѣчи съ Ливингстономъ. Это самый злокачественный типъ болѣзни, который уже оказался роковымъ для многихъ африканскихъ путешественниковъ на Замбези, Вѣллы Нилъ, Конго и Нигерь: голова кружится, пульсъ усиленно бьется, сердце трепещетъ тягостно, а въ это время мысли большого бродятъ въ какомъ-то странномъ хаосѣ, болѣзненное воображеніе работаетъ усиленно. Подходя къ Уджиджи въ первую половину пути, я избавлялся отъ лихорадки напряженіемъ силъ, чрезмѣрнымъ нравственнымъ возбужденіемъ, надеждой достигнуть желанной цѣли; но когда событіе совершилось, прошло недѣли двѣ, моя энергія ослабѣла, умъ успокоился, и лихорадка на меня напала, какъ на обреченную жертву. Къ счастью, благодаря привычкѣ къ воздержности во всѣхъ отношеніяхъ, мой организмъ устоялъ противъ назойливой болѣзни.

Рождество мы съ докторомъ провели еще въ Уджиджи и старались отпраздновать его на англійскій манеръ, съ тѣми средствами, разумѣется, какія нашлись въ Уджиджи. Въ Рождество утромъ, еще слабый отъ недавней лихорадки, я уже дѣлалъ внушеніе повару Фераджи о важности этого дня для бѣлыхъ людей и старался сообщить ему нѣкоторые секреты кулинарнаго искусства. Жирнохвостая овца, коза, зогга и помбе, лица, свѣжее молоко, хлѣбная мука, рыба, лукъ, сладкій картофель и т. п. было добыто на рынкѣ въ Уджиджи. Но, увы! шпръ все-таки не удался. Фераджи испортилъ ростбифъ и сжегъ англичану.

27 декабря былъ день нашего отъѣзда изъ Уджиджи. Лодки нагружены всякимъ добромъ, гребцы на мѣстахъ, флагъ Англій

развѣвается надъ лодкой доктора, надъ моею весело колеблется американскій флагъ.

Насъ провожаютъ до лодокъ арабскіе купцы, ребята изъ Уньян-вези, Занзйбарскіе жители, Вэгугга и Веджиджи, сердитые Вэрунди, которые въ этотъ день сповойны, даже печальны по случаю отъѣзда бѣлыхъ людей. „Куда?“ спрашиваютъ они всѣ. Мы прощаемся съ арабами. Одинъ изъ нихъ, именно старшій грѣшникъ Магоммедъ-бинъ-Сали, покушается сказать что-то сантиментальное; я, хотя по наружности не выражаю неодобренія ни его словамъ, ни усиленному пожатію моей руки, не особенно печалюсь разставаньемъ съ нимъ за поступокъ съ Ливингстономъ. Меня усердно упрасиваютъ передать въ Уньяньембе всѣмъ и каждому „менгисалимъ“, но, разумѣется, сдѣлай я это, меня всѣ сочли-бы безнадежно сумасшедшимъ.

Мы отчалили отъ самаго рынка, взявъ съ собою багажъ, а сухопутная партія, на легкѣ, подъ предводительствомъ гиганта Асмани и Бомбея, направилась пѣшкомъ къ югу вдоль береговъ озера. Мы условились встрѣчать пѣшихъ при устьѣ каждой рѣки и перевозить ихъ отъ берега до берега.

Люди не отставали въ веселости отъ насъ самихъ, зная, что мы ѣдемъ въ Уньяньембе, держимъ обратный путь и что на избранной дорогѣ не предстоитъ ни малѣйшей опасности. Воздухъ оглашался дивными припѣвами африканской пѣсни. Докторъ ѣхалъ впереди въ лодкѣ Сеядъ-бинъ-Меджида, гдѣ и поставили британскій флагъ; я сѣлъ въ большой лодкѣ съ матросами Веджиджи подъ звѣзднымъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ. Береговая партія также не отставала отъ насъ въ бодрости, стараясь держаться въ уровень съ нами и на пути. Ловкій Калулу, крошечный Билали и Майвара бѣгали по берегу въ запуски со стадами козь, овецъ и ословъ, принадлежащихъ къ каравану.

Мы всѣ благополучно прибыли въ Уваранга, хотя, впрочемъ, въ ужасающей близости ютъ себя видѣли стадо гиппопотамовъ. Но особенно много ихъ было на слѣдующій день, когда мы въ томъ же порядкѣ продолжали путь къ югу. Эти гиппопотамы были съ красноватыми кольцами вокругъ ушей и около шеи. Одно изъ чудовищъ, увидѣвъ передъ собою нагруженную до полна лодку, въ величайшемъ страхѣ сдѣлало громадный прыжокъ, который обнаружилъ всю длину его туловища. Растительность береговъ совершенно тропическая, и съ каждымъ поворотомъ берега открываются новыя красоты. Въ восемнадцати миляхъ отъ Уваранга мы достигли устья рѣки Малагарази. Туда вскорѣ явилась и береговая партія, утомленная до послѣдней степени. Путешествіе, подобное нашему, никогда не предпринималось еще ни

однимъ арбомъ или Мсевехили, и потому каждый шагъ нашей береговой партіи приходилось дѣлать на удачу.

Такимъ образомъ, мы переправились чрезъ Малагарази, миновали мысы Мизогази и страшный Кэбого, о суровые утесы котораго разбилась не одна лодка. Мы прошли благополучно подлѣ самыхъ утесистыхъ стѣнъ, благодаря тишинѣ на Тэнгеника.

Выше уровня воды фута на три, на гладкой поверхности утесовъ Кэбого отчетливо видна еще линія высоты воды. Это значитъ, что въ дождливое время Тэнгеника поднимается на три фута выше уровня сухой поры, а потомъ испаренія понижаютъ уровень воды до нормальной высоты.

Между тѣмъ, мы подѣвжали къ ближайшей цѣли путешествія, къ Уримба; люди на обѣихъ лодкахъ налегли на весла и съ крикомъ, пѣснями и смѣхомъ ободряли другъ друга.

Жители Уримба очень боязливы и недовѣрчивы къ иностранцамъ, и ни за что бы не допустили насъ войти въ свою деревню, чему, правду сказать, я былъ очень радъ, такъ какъ это самое нездоровое мѣсто изъ всѣхъ прочихъ, — дельта Ладжери. Въ окрестностяхъ, — милыхъ въ двухъ, для блага человѣка, я думаю, смертельно проспать даже одну ночь.

На другой день послѣ прибытія въ Уримба, я рѣшился проникнуть внутрь страны за дичью, съ своимъ оруженосцемъ Каллу, который несъ превосходное ружье доктора. Побродивъ съ нимъ, я встрѣтилъ стадо зебръ, нагнулся, проползъ и былъ отъ нихъ уже въ какой-нибудь сотнѣ ярдовъ, но, къ несчастью, мѣсто попало скверное, низменное, колючіе кустарники, а тутъ еще мухи тсетсе жестоко кусали мой носъ, лѣзли въ глаза и совсѣмъ лишили меня бодрости; въ довершеніе бѣды, стараясь освободиться отъ колючекъ, я спугнулъ зебръ, — выстрѣлилъ въ грудь одной изъ нихъ и, какъ можно было ожидать, далъ промахъ. Зебры шарахнулись прочь и отбѣжали на триста ярдовъ; я поспѣшно спустилъ курокъ, прицѣлившись въ красиваго высокаго зебра, который выступалъ впереди товарищей, и пуля прошла ему прямо въ сердце. Другимъ удачнымъ выстрѣломъ я свалилъ огромнаго гуся, и такимъ образомъ получилось порядочное дополненіе къ съѣстнымъ запасамъ нашихъ спутниковъ; оно же было и кстати при переходѣ чрезъ неизвѣстную землю, которая лежала между нами и Мрера.

Только на третій день нашей стоянки въ Уримба догнала насъ береговая партія и то благодаря нашему громадному флагу, поднятому на самое высокое бамбуковое дерево; издали они сначала приняли его за огромную птицу и только благодаря чьимъ-

то зоркими глазамъ добрались до нашего лагеря, гдѣ уже начинали думать, что тѣ окончательно сбились съ пути.

Нужно было направиться на востокъ и распротиться съ красивымъ озеромъ и большими синими горами, съ которыми я меня соединялось не мало хорошихъ воспоминаній: берега озера Тэнгеника останутся для меня памятны по той счастливой встрѣчѣ, которая составляла цѣль моего путешествія. Были и очень сильныя оборотныя стороны: лихорадка (которая опять схватила меня въ Уримба, по сосѣдству съ этой проклятой дельтой), отсутствіе всякихъ удобствъ цивилизованной жизни, такъ что, въ результатѣ, проститься можно было безъ слезъ, безъ вздохъ.

Наша дорога теперь вела по долинѣ Лоаджери, которая все служивалась и, наконецъ, превратилась въ оврагъ, залитый свирѣпой, влокочущей рѣкой. Когда мы высматривали себѣ мѣсто для остановки, докторъ вдругъ молча указалъ впередъ и внезапно воцарилось мертвое молчаніе. На другой край оврага взбиралась красивая буйволица. Она уже высматривала врага, когда мой выстрѣлъ вызвалъ у ней болѣзненный ревъ. „Она убита! она убита!“ вскричалъ докторъ, „это вѣрный знакъ, что вы ее смертельно ранили!“ Еще два выстрѣла докончили звѣря, — у насъ былъ теперь большой запасъ провизіи. Мясо разрѣзали и сушили на огнѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ Вангвана; на долю мою и доктора достались языкъ, горбъ и нѣсколько кусковъ посоленныхъ мягкихъ частей.

Посоветовавшись съ докторомъ, я взялъ на себя управление караваномъ и, съ компасомъ въ рукѣ, повелъ спутниковъ по направленію къ востоку. Передъ нами разстился цѣлый дѣвственный паркъ, но трава была очень высока, и моя работа сдѣлалась тѣмъ непріятнѣе, что начался уже періодъ дождей. Не было ни малѣйшаго признака дороги, мы шли по нетронутой странѣ, чрезъ высокую траву, которая доставала мнѣ до горла. Съ каждымъ шагомъ впередъ по травѣ, она меня обдавала каплями дождя. Мы переправились черезъ двѣ рѣчки, перешли чрезъ нѣсколько горныхъ цѣпей, все среди неизмѣнно прекрасной природы и, наконецъ, очутились въ виду могучаго быстрого потока, который, — какъ Ніагара въ миниатюрѣ, — гремѣлъ и бурлилъ между громадами песчаниковыхъ утесовъ.

Мы расположились тутъ на стоянку. Такая живописная мѣстность, повидимому, обшала, много поживы для охотника. Часъ или два я ходилъ съ Винчестерскимъ ружьемъ по живописнымъ берегамъ рѣки и только что перелѣзъ чрезъ чрезвычайно заманчивыя оврагъ, какъ очутился прямо предъ колоссальнымъ

слономъ, широкія уши котораго были вытянуты точно паруса. Протянутымъ ко мнѣ хоботомъ онъ какъ бы грозилъ и предостерегалъ неразумнаго смѣльчака. Въ то же время слышался голосъ Калуду, который, завидя такое близкое сосѣдство, убѣжалъ со всѣхъ ногъ съ крикомъ: „тембо, тембо! бана янго! (господинъ, слонъ, слонъ!)“ Опомнившись отъ перваго изумленія, я счелъ благоразумнымъ также удалиться, тѣмъ болѣе, что на мое ружье со патронами для дичи въ этомъ случаѣ надежда была плоха. Взглянувъ назадъ, я замѣтилъ, что слонъ потрясалъ хоботомъ, точно хотѣлъ сказать: „Проваливай, молодчикъ, будь доволенъ, что успѣлъ убраться, а то я бы превратилъ тебя въ кисель“.

Черезъ нѣсколько времени, когда мы съ докторомъ пили чай въ палаткѣ, стадо изъ двѣнадцати слоновъ прошло мимо насъ на разстояніи около 800 ярдовъ. Асмани и Мабруки были немедленно отправлены въ погоню. Скоро мы услышали ихъ выстрѣлы и уже надѣялись имѣть опять порядочный запасъ мяса, какъ, спустя часъ времени, стрѣлки вернулись безъ успѣха: имъ удалось только ранить слона, и они озаботились показать намъ даже его кровь на листѣ. Чтобы убить африканскаго слона нужно очень хорошее ружье. Африканскіе путешественники, особенно охотники, не прочь поразсказать такіа диковинки о своемъ обиходѣ со слонами и съ другими африканскими приманками для охотника, которыя оцѣнить по достоинству можетъ только человѣкъ бывалый. Путешествіе по Африкѣ само по себѣ полно приключеній и безъ всякихъ вымысловъ.

Между тѣмъ, мы продолжали путь черезъ нѣсколько горныхъ краевъ, черезъ дѣвственные лѣса, въ полумракѣ которыхъ никогда еще не ступала нога бѣлаго человѣка. Кругомъ тянулись тѣ же самыя сцены: непрерывный рядъ горныхъ хребтовъ, параллельныхъ другъ другу и озеру Тэнгеника. Къ востоку видны крутые обрывы и террасы, поднимающіяся изъ глубокихъ долинъ; къ западу горные склоны болѣе покаты. Въ одной изъ такихъ долинъ мы натолкнулись на колонію краснобородыхъ обезьянъ, которыя, при видѣ каравана, подняли ужасный вой, звонко откликавшійся между скалами. Я никакъ не могъ подойти къ нимъ близко: обезьяны карабкались на деревья, явно выказывая ко мнѣ недовѣріе, потому что прыгивали на землю и убѣгали; онѣ замекли бы меня далеко, если бы я не вспомнилъ, что мое отсутствіе задерживаетъ экспедицію.

Дикую, привольную, роскошную природу Укавенди можно сравнить развѣ только съ Мингреліей и Имеретіей или, быть можетъ, съ Индіей. Только въ Укавенди становится понятна сила здѣш-

ней растительности: почва здѣсь такъ щедра, природа така привѣтливая, что невольно закрадывается въ голову сожалѣніе о полнѣйшемъ отсутствіи цивилизаціи, силою которой вредныя элементы уничтожились бы, страна обратилась бы въ здоровую и производительную, вмѣсто того, чтобы породить лихорадку и малярію.

На девятый день пути отъ береговъ озера Тэнгеника мы вѣрично замѣтили гору Магдала, которая высилась на сѣверо-востокъ, какъ мрачное облако. Тутъ я увидѣлъ, что мы приближаемся къ Имрера и что наша попытка пройти по необитаемой цѣлинѣ Укавенди скоро увѣнчается успѣхомъ. Вопреки совѣтамъ всѣхъ проводниковъ и ропоту утомленныхъ, голодныхъ людей нашей экспедиціи, которые угрюмо спрашивали меня, не намѣренъ-ли я уморить всѣхъ съ голоду, идя по сѣверовосточному направленію, я все таки предпочелъ положиться исключительно на компасъ. Не видно было ни луча солнца, когда мы пролагали себѣ путь чрезъ дѣвственный лѣсъ, чрезъ густую траву, чрезъ рѣки, по крутымъ врыжамъ и въ глубокія долины; густой туманъ покрывалъ лѣса, дождь часто поливалъ насъ: небо казалось неистощимымъ источникомъ сѣраго тумана. Но докторъ имѣлъ во мнѣ полное довѣріе, и я не покидалъ своего пути. Какъ только мы расположились на стоянку, люди разбрелись по сторонамъ добывать себѣ пищу. Грибы росли во множествѣ и, благодаря имъ, можно было еще утолить свирѣпый голодъ, который мучилъ нашихъ спутниковъ. Будь не такая дождливая пора, я могъ бы самъ добыть дичи для каравана, но ужасная усталость и лихорадка, которая совсѣмъ меня обезсидила, не допускали сдѣлать лишняго шагу изъ лагеря. По близости было много львовъ; ревъ ихъ слышался днемъ и ночью: это такъ смущало нашихъ охотниковъ, что хотя я предлагалъ пять дотъ за cadaго звѣря, принесеннаго въ лагерь, но никто не осмѣлился выглянуть изъ лагеря.

Положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, отчаянное, и я поистинѣ жалѣлъ нашихъ бѣдняковъ-людей гораздо больше, чѣмъ они сами себя; хотя я и увѣрялъ ихъ, что скоро будетъ у насъ пища, что они получаютъ отличное вознагражденіе, усовѣщивалъ малодушныхъ не выводить меня изъ терпѣнія, но въ душѣ гордился ими: при такихъ обстоятельствахъ было бы дѣломъ опаснымъ, даже самоубійствомъ,—выказать сомнѣніе или неувѣренность въ избранномъ пути, который къ тому же согласовался съ компасомъ.

Еще цѣлыя долгія мили шли мы такимъ образомъ, среди лѣсовъ и природныхъ парковъ рѣдкой красоты. Наконецъ, я съ

несколькими болѣе твердыми духомъ людьми, опередилъ прочіе и вообразился на покатыи горный склонъ, который обѣщала рѣчь въ нѣсколько минутъ, вѣрно или невѣрно составлена была на картѣ. Съ восточнаго края горы, мѣляхъ въ пяти разстояніи, на 1000 футовъ ниже высокаго плато, на которомъ мы стояли, можно было различить долину Имрера!

Проводникъ Асмани былъ очень смущенъ, узнавъ, что крошечный компасъ могъ опредѣлить дорогу лучше его самого, и торжественно объявилъ, что тутъ джи быть не можетъ. Репутация Асмани не мало пострадала отъ желанія оспорить пальму первенства у „маленькой вещицы“, такъ что и потомъ хваление его знаніе страны уже возбуждало сомнѣнія.

За нѣсколько миль по ту сторону Имреры, Асмани опять потерялъ дорогу, и уже я долженъ былъ показать ее, по поводу чего получилъ особый почетъ и общее довѣріе, какъ предводитель и проводникъ всей экспедиціи. У доктора истерлись и разболѣлись ноги отъ тяжелой ходьбы. Какъ его, такъ и моя обувь была въ самомъ жалкомъ состояніи. А между тѣмъ здѣшнія мѣста не мало измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я пробирался на сѣверъ по дорогѣ въ Уджиджи. Дикій виноградъ теперь висѣлъ гроздьями вдоль дороги, хлѣбные колосы поспѣли и были годны въ пищу,—различныя растенія покрылись цвѣтами, окружающіе дѣса и травы были зеленѣе, чѣмъ когда нибудь.

19-го января мы прибыли въ покинутую деревню Мпоква. Ноги доктора были чрезвычайно разгорячены ходьбой. Онъ прошелъ нѣшею всю дорогу отъ Уримба, хотя имѣлъ осла; тогда какъ я, къ стыду моему, отъ времени до времени ѣхалъ, сберегая силу, чтобъ лучше охотиться при остановкѣ. Дѣйствительно, скорѣе мнѣ удалось подстрѣлить пару зебръ. Погоня за жирафами была менѣе удачна. Ранить ихъ мнѣ еще удавалось, но поймать было невозможно: статное животное удалялось какимъ-то неуклюжимъ, точно вывихнутымъ шагомъ, волнообразнымъ движеніемъ, напоминающимъ фиванку-танцовщицу, — движеніемъ, которое раздѣляется и хвостомъ звѣря съ длинной бахрамой черныхъ волосъ.

Старый пагасизъ Ибрагимъ передъ отправленіемъ изъ Уджиджи затратилъ свой кусокъ матеріи на покупку невольника изъ Меньбемы, который носилъ громкое имя „Улименго“, то-есть „миръ“. Когда мы приближались къ Мпоква, Улименго улизнулъ вмѣстѣ съ имуществомъ своего господина, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ кусковъ матеріи и мѣшка соли, которую несчастный собственникъ везъ въ Уньяньембе на продажу. Ибрагимъ былъ безутѣшенъ и оплакивалъ каждый день свою потерю такими жалостными воп-

лями, что окружающіе не только не сочувствовали его горю, а даже смѣялись надъ нимъ. Я спросилъ Ибрагима, зачѣмъ онъ купилъ такого невольника, и отчего не кормилъ его, пока тотъ былъ при немъ. Ибрагимъ желчно возразилъ: „Да развѣ онъ не рабъ мой? Развѣ не за свой собственный кусокъ матеріи я его купилъ? И развѣ я не вправѣ былъ купить то, что мнѣ вздумается?“

Но, наконецъ, сердце Ибрагима возрадовалось: Улименго вернулся съ солью и матеріями; одноглазый старикъ даже заплакалъ отъ радости и явился ко мнѣ сообщить о неожиданномъ возвращеніи пропажи. Я все-таки посоветовалъ ему хорошенько кормить своего невольника на будущее время, потому что и рабы и господа одинаковѣ нуждаются въ пищѣ.

Мнѣ удалось-таки, наконецъ, убить высоваго, красиваго жирафа и, признаюсь, стало грустно, когда онъ лежалъ передо мною мертвый. Досадно, что такое славное животное, пригодное для службы человѣку, не можетъ приносить другой пользы, кромѣ обращенія въ пищу. Лошади, мулы, ослы не переносятъ климата здѣшнихъ болѣзненныхъ странъ. Прирученные жирафы и зебры приносили бы большую пользу хотя бы въ томъ отношеніи, что верхомъ на зебрѣ путешественникъ доберется до Уджиджи изъ Бегемойо въ какой-нибудь мѣсяцъ, а я долженъ былъ употребить на это же разстояніе семь мѣсяцевъ.

Я оставилъ убитаго жирафа на попеченіе Камиви, а самъ вернулся въ лагерь, чтобъ послать людей разрѣзать звѣря и доставить намъ куски его мяса. Но Камиви, боясь львовъ, взлѣзъ на дерево, и когда наши люди явились на мѣсто, коршуны уже выклевали у жирафа глаза, языкъ и много мясныхъ частей.

На половинѣ пути въ Мисонги, я увидѣлъ, что передніе ряды нашей экспедиціи поскакали опрометью; это быстро сообщалось послѣдующимъ, и наконецъ мой оселъ выразилъ безпокойство и началъ сильно лягаться. Вокругъ моей головы зажуужала цѣлая туча днѣвхъ пчелъ, три или четыре пчелы сѣли мнѣ на лицо и страшно ужалили. Мы скакали послѣ того, какъ сумасшедшіе, съ полмили. Доктора также жестоко искусили въ голову и въ лице; пчелы запутались даже въ его волосы; но послѣ чашки теплаго чаю онъ былъ такъ веселъ, какъ будто бы прошелъ всего не больше одной мили. 31-го января мы встрѣтили караванъ, подъ предводительствомъ невольника Сенда-бинъ-Габоба, который счелъ долгомъ явиться въ нашъ лагерь.

— Ну, другъ, какія новости принесъ ты изъ Уньяньембе?

— Хорошія новости, господинъ. Мирамбо скрывается. Онъ голоденъ. Черезъ мѣсяцъ онъ съ голоду умретъ.

— А куда ты теперь отправляешься съ караваномъ?

— Сенда, сынъ Меджида, сказалъ намъ, по какой дорогѣ пошелъ бѣлый человѣкъ, который благополучно прибылъ въ Уджиджи и теперь возвращается въ Уньяньембе. Мы и подумали, что если бѣлый человѣкъ могъ пройти тамъ, то и мы можемъ; арабы сотнями идутъ по дорогѣ бѣлаго человѣка за слоновою костью въ Уджиджи.

— Этотъ бѣлый человѣкъ я.

— Какъ же говорили, что вы уже умерли, сражаясь съ Вазавира.

— Нѣтъ, другъ, смотри (указываю на Ливингстона) вотъ бѣлый человѣкъ, мой отецъ, ¹ котораго я увидалъ въ Уджиджи. Онъ идетъ со мной въ Уньяньембе получить свои вещи, а потомъ вернется къ большой водѣ. А что скажешь ты о томъ бѣломъ человѣкѣ, который остался въ Уньяньембе, въ домѣ Сенда, сына Селимова — въ моемъ домѣ въ Квигерѣ?

— Онъ умеръ отъ гома (лихорадки).

— Давно-ли?

— Уже нѣсколько мѣсяцевъ. — Я посмотрѣлъ на доктора.

— Я такъ и говорилъ, когда узналъ, что онъ любитъ пить, сказалъ Ливингстонъ. — Пьяницы и люди, преданные другимъ порокамъ, здѣсь жить не могутъ.

— Бѣдный Шо! человѣкъ онъ былъ дурной, но мнѣ его жаль, очень жаль. А я ему еще сказалъ на прощанье: помни, если вернешься въ Уньяньембе, умрешь!

Отъ того же вожакаго каравана мы узнали, что мнѣ прислано изъ Занзибара нѣсколько пакетовъ съ письмами и газетами и нѣсколько ящиковъ. Докторъ напомнилъ мнѣ, что и его ждутъ въ Уньяньембе разные съѣстные запасы, которые онъ радъ будетъ раздѣлить со мной. Я тѣмъ больше былъ этимъ доволенъ, что послѣ всѣхъ мученій отъ лихорадки, вынесенныхъ за это время, уже давно съ любовью останавливался мысленно на привольной жизни въ Уньяньембе. Мое воображеніе ласкали такіе простые предметы, какъ пшеничный хлѣбъ и масло, окорокъ и икра, — за все это я далъ бы Богъ знаетъ какую цѣну. Я удивился, какъ могутъ скучать и быть недовольными жизнью люди, которымъ доступна вся эта роскошь.

Надо было утѣшиться тѣмъ, что у насъ остались еще соевый языкъ жирафа, жаренованный языкъ зебры, сладкій картофель, чай, кофе, угаи, приготовленные самой Галимой; но мой слабый желудокъ, раздраженный лекарственными снадобьями, протестовалъ противъ грубой пищи. „О, кричалъ я въ отчаяніи: — 500 долларовъ за ломоть пшеничнаго хлѣба!“

¹ Въ Африкѣ вѣжливость требуетъ называть старшихъ себя «отцами».

По мысли Ливингстона, я купил молочных козъ, благодаря которымъ, съ самаго выхода изъ Уджиджи, у насъ былъ запасъ свѣжаго молока для чая и кофе по три раза въ день. Кстати, мы стали пить то и другое въ огромныхъ размѣрахъ, — рѣдко останавливались раньше шести или семи чашекъ. Были у насъ и музыкальныя развлечения, хотя нѣсколько рѣзкія для слуха. Я разумѣю попугаевъ изъ Мэньюемы.

7-го февраля мы прибыли въ Гомбе и расположились подлѣ одного изъ большихъ озеръ, наполненнаго гиппопотами и крокодилами.

Я послалъ отсюда повара Фераджи и Чоупере въ Уньяньембе за письмами и лекарствами, присланными мнѣ изъ Занзибара. Дождь разогналъ много стадъ, но по сосѣдству дичи было все-таки еще довольно. Какъ-то послѣ завтрака я взялъ Камизи и Калуду съ собой на охоту. Послѣ продолжительнаго блужданья, мы нашли слѣды буйвола, антилопы, слона, носорога, гиппопотама и много отпечатковъ львиныхъ лапъ. Вдругъ Камизи, дрожа отъ ужаса, подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ: „господинъ, господинъ! здѣсь левъ!“ Голова звѣря, только и замѣтная изъ за высокой травы, была обращена прямо къ намъ. Потомъ онъ сталъ дѣлать прыжки изъ стороны въ сторону, но въ высокой травѣ нельзя было съ точностью различить его величины. Я выбралъ большое дерево и хотѣлъ прислонить къ нему мое ружье: слабость отъ лихорадки была еще такъ велика, что я не надѣялся сдержать ружье твердо, безъ поддержки. Но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что царь звѣрей, сдѣлавъ нѣсколько огромныхъ прыжковъ, былъ уже въ полномъ бѣгствѣ. Съ тѣхъ поръ я пересталъ считать ревъ льва опаснѣе воркованія голубей.

Продолжая путь, мы прибыли въ Угунда и съ возможнымъ комфортомъ расположились въ хижинѣ, отведенной намъ по любезности вождя, какъ явились Фераджи и Чоупере и принесли семь пакетовъ съ письмами и газетами изъ Занзибара, которыя набрались во время моего отсутствія изъ Уньяньембе, а также пакетъ отъ доктора Керка съ двумя или тремя письмами для Ливингстона. Было письмо и ко мнѣ отъ доктора Керка, съ просьбою позаботиться о вещахъ Ливингстона и употребить всѣ мѣры, чтобъ передать ихъ ему. Письмо это было помѣчено 25-го сентября 1871 г., пять дней спустя послѣ того, какъ я оставилъ Уньяньембе, отправляясь на свое, повидимому, безнадежное дѣло. Если я и не могъ передать Ливингстону его вещи, то постараюсь подвинуть Ливингстона поближе къ вещамъ.

Газеты были полны самыми изумительными для меня новостями.

Парижская коммуна вооружилась противъ національнаго собранія! Тюльери, Лувръ преданы пламени: французскія войска убиваютъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Злоба, месть, безуміе опустошаютъ прекраснѣйшій городъ въ мірѣ. Подобныя вещи неизвѣстны даже въ сердцѣ варварской центральной Африки. Мы оттолкнули отъ себя газеты и постарались найти утѣшеніе на невинныхъ страницахъ „Понча“.

Между тѣмъ, у дверей нашего жилища толпились любопытные туземцы и съ неописаннымъ удивленіемъ смотрѣли на громадныя бумажныя листы, повторяя слова „кабари кисунгу“ — „новости блага человѣка“. Они даже выражали свое мнѣніе и о качествахъ этихъ новостей, говоря, что бѣлые люди, хотя и злые, но зато очень искусны и свѣдуци; слово „злые“ теперь, какъ и часто у туземцевъ, употреблялось для выраженія высокаго удивленія.

На пятьдесятъ третій день пути отъ Уджиджи, мы съ развѣвающимися флагами, при пальбѣ изъ ружей, вступили въ долину Квингера, и я сдѣлалъ доктору формальное приглашеніе считать мой домъ своимъ. Со времени моего выѣзда изъ Уньяньембе прошелъ 131 день, а сдѣлалъ въ это время 1200 миль, испыталъ всякія превратности судьбы, но мифъ, изъ-за котораго я рѣшился проникнуть въ пустыню, сдѣлался фактомъ. „Докторъ“, сказалъ я, входя съ нимъ рука объ руку въ мою прежнюю комнату: — „вотъ мы, наконецъ, дома!“

XIV.

Обратный путь.

Уньяньембе казался для меня земнымъ раемъ. Ливингстонъ былъ не менѣе счастливъ; теперь онъ находился въ комфортабельной квартирѣ, которая казалась дворцомъ въ сравненіи съ его хижиной въ Уджиджи. Наши кладовыя были полны запасами, не считая матерій, бусъ и т. п. предметовъ. У меня было 74 тюка различныхъ вещей, самыя цѣнныя изъ которыхъ нужно было передать Ливингстону для обратнаго пути къ источникамъ Нила.

Вооружившись молоткомъ и пилой, я съ торжествомъ вскрылъ ящики доктора, надѣясь угостить наши желудки, истощенные до послѣдней степени на маисовой пищѣ. Будь у меня теперь только хорошая ветчина, я мигомъ справлюсь со всякимъ свирѣпымъ Вогого!

Но съ перваго же шага запасы доктора упали на 500% въ

моихъ глазахъ. Въ первомъ ящикѣ находились три жестянки сухарей, шесть жестянокъ окорока, но крошечныя, не многимъ больше наперстка, а когда открыли, то все содержаніе ихъ оказалось чуть-чуть больше столовой ложки разной съѣдобной смѣси, изобильно приправленной перцемъ. Пять горшковъ съ вареньемъ представили также разочарованіе: одинъ изъ нихъ былъ открытъ. Каменные сосуды были по фунту вѣсомъ, но въ каждомъ было немного больше чайной ложки варенья. Въ слѣдующемъ ящикѣ оказался голландскій сыръ, вѣрнѣе какъ кирпичъ, но все-таки здоровый. Другой кусокъ сыру былъ весь изъѣденъ. Въ третьемъ ящикѣ только и были двѣ головы сахару; въ четвертомъ — свѣчи, въ пятомъ — бутылки съ солью, соусы, перецъ и горчица. Хороша пища для поддержанія чело-вѣка, близкаго къ смерти, какимъ былъ я!

Въ пяти остальныхъ ящикахъ заключались презервы изъ мяса и суповъ, но ящикъ съ двѣнадцатью бутылками лекарственной водки исчезъ. Строгій перекрестный допросъ вожаго ливингстонскаго каравана, Асмани, выяснилъ, что недостаетъ не только водки, но также двухъ тюковъ матерій и четырехъ мѣшковъ съ самыми цѣнными въ Африкѣ бусами сами-сами, которыя у туземцевъ считаются наравнѣ съ золотомъ.

Мое отчаяніе было велико; въ каждомъ ящикѣ таялось разочарованіе; сохранились только презервы изъ суповъ, но кому они нужны въ Африкѣ, гдѣ сколько угодно козъ, овецъ и барановъ, изъ которыхъ можно сдѣлать гораздо лучшей супъ.

Перебралъ я и свои запасы: нѣсколько старыхъ водокъ и одна бутылка давнишняго шампанскаго были еще цѣлы; но, судя по тюкамъ съ матеріями, воровство и тутъ показало себя. Подозрѣніе пало на Асмани; при осмотрѣ его вещей нашлось нѣсколько цвѣтныхъ матерій съ клеймомъ моего агента въ Занзибарѣ. Такъ-какъ Асмани не могъ съ точностью объяснить, откуда у него эти вещи, то они были сейчасъ же отобраны и распределены между самыми достойными изъ людей доктора. Ливингстонъ тутъ же отказалъ виновному. Если бы мы такъ скоро не явились въ Уньянембе, то, вѣроятно, со временемъ исчезъ бы и весь запасъ, посланный изъ Занзибара.

Черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія, явился въ Квигеру и маленький шейхъ Сеидъ-бинъ-Селимъ; впрочемъ, онъ не особенно спѣшилъ увидѣть насъ. Какъ только мы узнали о его прибытіи, тотчасъ же послали за вещами, которыя были ввѣрены попеченію шейха вскорѣ послѣ отъѣзда Ливингстона въ Минкидени-бэй. Въ первый разъ губернаторъ объявлялъ, что онъ очень боленъ и не можетъ заниматься подобными дѣлами, но на слѣ-

дующій день вещи были возвращены намъ съ просьбою, чтобы докторъ не посердился, если они не въ хорошемъ состояніи: бѣлые муравьи рѣшительно все съѣли.

Дѣйствительно, запасы были въ неизвѣрно плачевномъ состояніи. Давно уже слѣдовало перевезти ихъ въ Уджиджи, и для этой цѣли назначены были средства, но Сеидъ-бинъ-Салимъ умышленно задерживалъ вещи здѣсь нѣсколько лѣтъ, стараясь удовлетворить свою склонность къ напиткамъ, а можетъ быть и уваслѣдовать два цѣнныхъ ружья, которыя, онъ зналъ, были въ тѣхъ-же тюкахъ. Бѣлые муравьи не только съѣли ящики, гдѣ были уложены ружья, но съѣли даже ружейные стволы; замки ружей были совершенно сломаны. Какъ ни странно, но даже бутылка съ водкой пала жертвою прожорливыхъ истребителей бѣлыхъ муравьевъ; эти муравьи, какими-то непонятными для меня средствами, выпили крѣпкій напитокъ и замѣнили пробки глѣбными втулками. Лекарства также исчезли и цинковые горшки, въ которыхъ они были закупорены, оказались испорченными. Изъ общаго крушенія спаслись только двѣ бутылки водки и маленькій цинковый ящикъ съ лекарствами.

Между тѣмъ распаковали мои тюки, и я передалъ Ливингстону до 700 штукъ матеріи, кромѣ другихъ путевыхъ принадлежностей, — палатокъ, револьвера, бусъ, вухонныхъ приборовъ, книгъ, ящика съ лекарствами и т. п.; всего съ другими вещами набралось тюковъ около 70, но безъ носильщиковъ это было для Ливингстона только обремененіемъ. Теперь у него составилъ полный комплектъ всего нужнаго, но съ девятью членами, которые оставались у Ливингстона, онъ никуда не могъ двинуться съ такими запасами. Поэтому я получилъ порученіе завербовать въ Занзибаръ до 50 свободныхъ людей, вооружить каждого изъ нихъ ружьемъ и топоромъ, кромѣ экипировки, а также закупить 2000 пуль, тысячу ружей и десять боченковъ пороху. Эти люди должны были служить носильщиками и слѣдовать за Ливингстономъ куда-бы онъ ни направился. Средства перевозки играютъ въ Африкѣ такую существенную роль, что безъ нихъ всѣ богатства Лондона и Нью-Йорка не приведутъ къ цѣли. Въ военное время ни одинъ Мьямвези не пойдетъ носильщикомъ. Слѣдовательно на мнѣ лежала обязанность спѣшить къ морскому берегу какъ только можно, не отдыхая до тѣхъ поръ, пока не найду Ливингстону надежныхъ людей.

Наконецъ докторъ окончилъ свои письма: онъ передалъ мнѣ 20 писемъ въ Великобритавію, 6 въ Бомбей, 2 въ Нью-Йоркъ (къ Джемсу Гордону Беннету младшему) и одно въ Занзибаръ. Арабы поручили мнѣ отвезти на берегъ до 45 писемъ, такъ что

я въ послѣднее время сдѣлался тѣмъ-то въ родѣ курьера; впрочемъ, теперь, изъ за войны съ Мирамбо нельзя правильно посылать изъ Уньянембе каравановъ.

Вечеромъ туземцы всѣ собрались передъ моимъ домомъ и задали мнѣ прощальный танецъ; тутъ-же присоединились мои люди, и даже я самъ, неволью увлекшись музыкой, принялъ легкое участіе въ весельи, къ несказанному восхищенію моихъ молодцовъ. Это былъ совсѣмъ дикій плясъ. Музыка, довольно живая и очень звучная, извлекалась изъ четырехъ барабановъ. Бомбей, вообще обладающій комическимъ талантомъ, надѣлъ на голову мое ведро для воды, и чувствуетъ себя вполне счастливымъ, выполняя танецъ Мрима; здоровый, проворный, крѣпкій на ногахъ Чоупере взялъ въ руки топоръ, а на голову надѣлъ козлиную шкуру; даже „буйвологоловый“ Мабруки вошелъ во вкусъ веселья и выступаетъ взадъ и впередъ съ торжественностью, достойною любого слона; Улименго овладѣлъ ружьемъ, и смотритъ такимъ свирѣпымъ, какъ будто готовъ подраться съ сотней тысячъ враговъ заразъ; гигантъ Асмани также съ ружьемъ, которымъ наноситъ удары по воздуху, какъ Торъ, поражающій молоткомъ невидимыя мириады враговъ. Всякое стѣсненіе отлетѣло отъ насъ прочь, и мы прыгаемъ при свѣтѣ звѣздъ, точно рой демоновъ.

Но вотъ воинственная музыка затихла, началось хоровое пѣніе въ честь отъѣзжающаго домой благаго человѣка, — пѣніе, замѣчательное по своей эпической красотѣ, ритмическому превосходству и безыскусственной силѣ.

Наступили, наконецъ, послѣднія сутки моего пребыванія вмѣстѣ съ Ливингстономъ. Несмотря на лихорадку, на продолжительную агонію, какія я здѣсь вытерпѣлъ, мысль, что я расстаюсь съ этимъ человѣкомъ, быть можетъ, навсегда, — наводитъ на меня чрезвычайную грусть.

Журналъ Ливингстона я берегу, какъ свой глазъ; на непромокаемой парусинной обложкѣ его я написалъ съ двухъ сторонъ по нѣмецки: „ни подъ какимъ видомъ не раскрывать“, и докторъ скрѣпилъ это своею подписью.

— Завтра вечеромъ, докторъ, вы уже будете одни!

— Да, и домъ для меня опустѣетъ. Лучше-бы вы подождали, пока кончатся дожди; теперь скоро.

— Душевно-бы радъ, но каждый лишній часъ моего пребыванія здѣсь, теперь уже ненужнаго, замедляетъ окончаніе вашего дѣла, свиданіе съ семьей. Между тѣмъ, дней черезъ 40, много черезъ 50, я буду на берегу.

Грустенъ былъ нашъ послѣдній завтракъ 14 марта. Ни я, ни

мой собесѣдникъ не могли ничего ѣсть. Докторъ выразилъ желаніе проводить меня немного. Старое время, воспоминанія о моихъ стремленіяхъ и надеждахъ первой половины пути тѣснились у меня въ головѣ при видѣ опустѣвшаго дома, который уже исчезалъ изъ глазъ. Вотъ на этомъ возвышеніи я сидѣлъ цѣлые часы, мечтая, надѣясь и вдыхая. Здѣсь наблюдалъ схватку и истребленіе Табора. Подъ этой кровлей лежалъ больной и бредилъ. Подъ этимъ банановымъ деревомъ лежалъ мой умершій товарищъ, бѣдный Шо! Изъ этого дома я отправился въ Уджиджи; сюда же и вернулся съ новымъ, дорогимъ спутникомъ; теперь все это я покидаю.

Мы шли рука объ руку съ Ливингстономъ. „Сколько времени докторъ, займетъ ваше остальное путешествіе къ источникамъ Нила?“

— Года полтора, самое большое, со дня моего выѣзда изъ Уньяньембе.

— Положимъ, даже два; случайности могутъ быть всякія, значить, я долженъ нанимать людей на два года. Ну, теперь, мой дорогой докторъ, самые лучшіе друзья расстаются. Вы прошли со мною довольно; позвольте попросить васъ вернуться назадъ. Дай Богъ, чтобъ вы благополучно возвратились послѣ окончанія трудовъ, прощайте!“

— Прощайте! Мы пожали другъ другу руки. Сузи, Чума, Гамойда,—вѣрные слуги доктора,—всѣ подходили ко мнѣ и трясли меня за руку и цѣловали. До свиданія, докторъ!

— Ну, теперь, маршъ, живо! Мы отправляемся домой! Довольно слабости! Въ сорокъ дней я сдѣлаю такую дорогу, на которую прежде нужно было три мѣсяца.

Вскорѣ мы вступили въ Угого. Лѣса этой области состоятъ, главнымъ образомъ, изъ камедныхъ и колючихъ породъ,—миозъ и тамариска, съ примѣсю дикихъ плодовыхъ деревьевъ. Вездѣ мы видѣли много винограду, только онъ еще не созрѣлъ.

Выйдя изъ колючей чащи, мы нашли удобную стоянку подѣ тѣнью колоссальнаго баобаба, къ востоку отъ деревни племени Киуайе, которое состоитъ изъ смѣси Вэимбу и Вэгого.

Только что мы успѣли расположиться, какъ повсюду раздались звуки военныхъ роговъ и мы увидѣли, что по всѣмъ направленіямъ бѣгутъ гонцы, провозглашающіе военную тревогу. Я готовъ былъ заподозрить, что предполагается нападеніе на нашу экспедицію, но скоро причина тревоги объяснилась крпками: „Уругу, Варугу!“ (воръ, воры!). Мукондоку, вождь многолюднаго округа, лежащаго къ сѣверовостоку, напалъ на молодого Мтеми изъ племени Киуайе, и послѣднее призывалось къ борьбѣ. Люди

бросились въ свои деревни, и вскорѣ мы увидали ихъ въ полномъ боевомъ костюмѣ, — въ перьяхъ, въ кольцахъ, съ кольями и стрѣлами. Колонна за колонной сѣвши мимо нашего лагеря, изъ каждой деревни выходили вооруженные Вагого: должно-быть, ихъ отправилось на войну до тысячи человекъ. Видъ этихъ полчищъ, лучше, чѣмъ все другое, уяснилъ мнѣ беззащитное положеніе даже самыхъ большихъ каравановъ между Занзибаромъ и Уньянембе.

30 марта мы прибыли въ Кхонзе, замѣчательное громадными шарами зелени гигантскихъ сикоморъ и баобабовъ. Вождь Кхонзе вздумалъ сопротивляться нашему переходу, потому что я послалъ ему только три доти, въ видѣ хонга, но потомъ дѣло уладилось.

При переходѣ мимо деревни Мапанга къ стоянкѣ, гдѣ мы предполагали завтракать и рассчитать сколько придется уплатить хонга, встрѣтился какой-то мальчуганъ, который спрашивалъ, что намъ нужно. Нашъ отвѣтъ онъ передалъ людямъ, которые стояли на полѣ. Между тѣмъ, Бомбей уже открылъ тюкъ съ матеріями, люди расположились кто-гдѣ, какъ вдругъ мы услышали громкіе крики и увидѣли 40 или 50 вооруженныхъ людей, которые держали кобы надъ головою и вынимали свои стрѣлы; воинственные завыванія оглашали воздухъ. Это не предвѣщало ничего добраго.

Я уже приготовилъ ружья и заряды. Прилетитъ въ насъ хоть одно копые, прогремитъ съ нашей стороны хоть одинъ выстрѣлъ — и пошла писать! Тутъ, разумѣется, рѣчь не о боевомъ порядкѣ, не о военной выправкѣ, тутъ предстоитъ навѣрное жестокая борьба на смерть съ дикими, которые то разсѣются, то опять ударятъ изъ за засады, и чѣмъ все это кончится? Хорошъ исходъ для экспедиціи, которая нашла Ливингстона! А что будетъ съ его журналомъ, плодомъ шестилѣтняго труда? Мнѣ тоже предстоитъ перспектива лишиться головы, которая послужитъ украшеніемъ какого-нибудь высокаго шеста въ деревнѣ Кигого.

Но въ здѣшнихъ странахъ до борьбы нужно доводить только въ крайнемъ случаѣ. Ни одинъ воинственный Мунго-Паркъ не можетъ имѣть успѣха въ Угого, если не ведетъ съ собою очень большой военной силы. Но при помощи такта и силы нравственной можно съ 500 европейцевъ пройти благополучно всю Африку изъ конца въ конецъ. Драться нужно будетъ очень немного.

Не поднимаясь съ тюка, на которомъ сидѣлъ, я попросилъ чрезъ кирангози объясненія этого яростнаго шума и угрожающаго вида, — не ограбятъ-ли они насъ хотя?

— Нѣтъ, отвѣчалъ вождь:—мы не хотимъ ни останавливать-
вась, ни грабить; но вы должны заплатить дань.

— Но вѣдь вы видите, что потому-то мы и остановились и
распаковали тюки, чтобъ послать ихъ вамъ! подальше за де-
ревню мы прошли для того, чтобъ, какъ только уладимъ дѣло
съ данью, сейчасъ-же отправляться дальше, пока засвѣтло.

Вождь разразился громкимъ смѣхомъ. Онъ очевидно совѣ-
стился своего поведенія, объяснилъ дѣло недоразумѣниемъ, въ ко-
торое ввелъ всѣхъ мальчишекъ, и мы скоро сдѣлались добрыми
друзьями. Онъ даже попросилъ меня послать имъ дождь, кото-
рый не показывался уже нѣсколько мѣсяцевъ, отчего жатвы сильно
пострадали. Я отвѣчалъ, что хотя бѣлые люди очень сильны и
свѣдуши, гораздо выше арабовъ, но не могутъ дѣлать дождя.
Вождь сначала казался нѣсколько разочарованнымъ, но потомъ
удовлетворился этимъ отвѣтомъ, и, получивъ хонга, не только
пропустилъ насъ безъ возраженій, но даже проводилъ нѣсколько
и показалъ дорогу.

Пришлось намъ переходить черезъ обнаженную, обожженную
равнину, на которой неистовствовалъ на всей волѣ жгучій вѣ-
теръ съ высотъ Усагара. Съ пронзительной, всеокрушающей
силой этотъ горючій вихрь, казалось, проникалъ насквозь наши
несчастныя тѣла. Мужественно сопротивляясь вѣтру и пройдя
черезъ широкое, песчаное русло потока, мы вступили на терри-
торию Мвуми, послѣдняго вождя Угого, собирающаго дань.
Заплатили мы и эту прощальную дань здѣшнему султану, про-
брались черезъ лѣсную чащу и въ пять часовъ были на краю
пустыни Мэренга Мэзли.

Отсюда я послалъ трехъ человѣкъ въ Занзибаръ съ пись-
мами къ американскому консулу и съ телеграммами для „Нью-
Йоркскаго Вѣстника“; я просилъ консула прислать небольшой
ящикъ или два съ необходимыми припасами, которые голоднымъ,
измученнымъ людямъ показались бы роскошью. Гонцамъ велѣно
было не останавливаться ни передъ чѣмъ,—ни передъ ливнемъ,
ни передъ рѣкой, ни передъ наводненіемъ, пока не достигнуть
берега. Они отправились съ громкими криками „Иншаллахъ,
бана!“

Съ радостнымъ сердцемъ мы вошли въ пустыню, которая, при
всемъ уединеніи и безмолвіи, была гораздо лучше безтолковой
сумятицы деревень Вэгого. На пути мы видѣли сердитыхъ но-
сороговъ, боязливыхъ кваггъ и цѣлыя стада антилопъ, населяю-
щія здѣшнія чащи. Среди мелкаго дождя нашъ отрядъ достигъ
Мивава, гдѣ умеръ мой шотландскій помощникъ, Фаркуаръ.

Леуколе, вождь Мивава, съ которымъ я оставилъ Фаркуара,

показалъ мнѣ яму, въ которую былъ брошенъ его трутъ, но въ стѣй Фаркуара я не могъ найти и слѣда, хотя мы очень хотѣли устроить умершему товарищу настоящую могилу. До отъѣзда из Уньяньембе я поставилъ солидный памятникъ надъ могилою Ш который, по словамъ Ливингстона, простоятъ сотни лѣтъ, уезжая могилу перваго бѣлаго человѣка, умершаго въ Уньяньемб

Когда мы вошли въ долину рѣки Музондоква, досталось испытать довольно лишеній отъ дождей мѣзика. Потокъ яростно ревѣлъ рѣка катила волны съ неудержимою силою; прибавьте къ этому вязкіе берега, широкія пробойны, полныя воды, затопленныя поля, дождь, льющій ливнемъ, все это вмѣстѣ составляло предостереженіе на счетъ того, что насъ ожидаетъ при переходѣ къ морскому берегу. Но мы только ускорили шагъ, стремились впередъ не медля, какъ люди, которымъ дорога каждая минута какъ будто сзади намъ грозилъ потокъ. Три раза мы переправлялись чрезъ рѣку при помощи веревокъ, привязанныхъ къ деревьямъ, перекинутымъ съ одного берега на другой, и наконецъ добрались до Кадетамаре.

12 апрѣля, послѣ шести часовой ужасной дороги, мы, несчастные путники, достигли пролива Музондоква, изъ котораго рѣка вливается въ долину Мэкета. Наша дорога лежала подлѣ самаго края пѣнящагося, бурнаго потока, часто попадала въ глубокія ямы, и мы оказывались въ водѣ до пояса или даже до горла. Безъисходная крайность заставляла насъ идти впередъ несмотря ни на что, чтобъ имѣть возможность остановиться въ одной изъ деревень до конца муссоновъ; и такъ мы шли по тинистымъ рвамъ, по колѣно въ грязи, чрезъ лѣсные туннели, гдѣ каплетъ сырость, чрезъ трясины, гдѣ проваливались до подъмышекъ. Наконецъ, мы почти совсѣмъ выбились изъ силъ. Пробывши, такимъ образомъ, полдня, мы еще разъ явились въ несчастную деревушку Мвуми. Цѣлую ночь провели въ борьбѣ съ черными прожорливыми москитами и въ геройскихъ попыткахъ заснуть, отчасти удачныхъ только по причинѣ крайняго нашего изнуренія.

Когда мы выбрались изъ Мвуми, цѣлую ночь шелъ дождь, и не прекратился даже на утро. Мы отсчитывали одну милю за другой, по полямъ, покрытымъ водой, и опять явились къ рѣкѣ рѣки, очень узкому, но глубокому посрединѣ. Срубили дерево, приладивъ такъ, чтобъ оно упало поперегъ рѣки. По этому дереву люди осторожно переправлялись, передвигая передъ собою тюки и ящики; но одинъ молодой парень Роджабъ, въ избытѣ усердія или просто по глупости, взялъ на голову ящикъ Ливингстона съ его письмами и журналомъ и пошелъ прямо

чрезъ рѣку. Я первый перешелъ на противоположный берегъ, чтобы наблюдать за переправой. Вдругъ Роджабъ съ драгоценной ношей остушился; попалъ въ подводную яму и чуть не скрылся изъ виду вмѣстѣ съ ящикомъ. Я замиралъ отъ ужаса изъ за участи, какая ждетъ драгоценныя бумаги. Къ счастью, Роджабъ оправился и опять бодро пошелъ, а я, прицѣлившись въ бѣдняка револьверомъ, кричалъ ему: „смотри! уронишь этотъ ящикъ—я тебя застрѣлю“!

Остальные люди пріостановили работу, обративъ все вниманіе на товарища, которому угрожала двойная смерть,—утопленіе и пуля. Самъ Роджабъ смотрѣлъ на пистолеть съ нескриваемымъ ужасомъ и, послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ усилій, благополучно вынесъ свою ношу на берегъ. Такъ какъ въ ящикѣ все осталось цѣло, то Роджабъ избѣгнувъ наказанія, но получилъ строгое внушеніе не прикасаться ни подъ какимъ предлогомъ къ ящику, который былъ переданъ на попеченіе надежнаго пагази, Маганга.

Черезъ часъ мы добрались до главнаго русла рѣки, но достаточно было взглянуть на ея бурныя воды, чтобы видѣть, что намъ предстояло. Мы стали работать надъ постройкой плота, свалили четыре дерева, скрѣпили ихъ одно съ другимъ и пустили въ кипучій потокъ: все немедленно было унесено и разломано. Тогда мы связали вмѣстѣ всѣ крѣпкія веревки, какія были въ нашемъ распоряженіи, и составили линію въ 180 футовъ длинны; Чоупере привязалъ одинъ конецъ этой веревки къ своему тѣлу и отправился черезъ рѣку, чтобы прикрѣпить ее къ дереву. Смѣльчака далеко унесло теченіемъ, но, какъ отличный пловецъ, онъ удержался и выполнилъ что нужно. Тюки, палатка и другія вещи, которыя не могли пострадать отъ воды, привязывались къ веревкѣ и вытягивались на другой берегъ. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ я самъ, были перетянуты черезъ рѣку тѣмъ-же способомъ; но когда очередь дошла до цѣнныхъ предметовъ и ящиковъ съ письмами, мы не могли придумать, какъ ихъ переправить. Пришлось устроить на ночь двѣ палатки на каждомъ берегу; на насыпи, вышиною съ футъ, стояла моя палатка, а вокругъ нея были поставлены и драгоценныя ящики.

Положеніе было оригинальное. Въ двадцати футахъ отъ нашего лагеря была рѣка, надъ нами пасмурное, плачущее небо; съ трехъ сторонъ разстилался громадный лѣсъ, по вѣтвямъ стучалъ неумолкаемый дождь, подъ ногами непроходимая грязь, и ко всему этому надо прибавить еще страхъ, какъ-бы не разлилась рѣка и не погубила все. На утро шестеро хорошихъ плов-

Т. ССVIII. — Отд. I. 1/19

цовъ благополучно перенесли на другую сторону всѣ ящики съ бумагами.

Но впереди предстояло еще испытаніе: надо было перейти черезъ Мэкэту. Тюки матерій были розданы всѣмъ по штучно, и мы пошли черезъ топь, по глубокимъ впадинамъ, въ водѣ по такимъ способомъ мы сдѣлали два перехода, по восьми часовъ каждый; на второй день, около захожденія солнца, прибыли на берега рѣки Мэкэты. Мои люди, конечно, долго не забудутъ этой ночи,—никто изъ нихъ долго не могъ спать изъ за цѣлыхъ тучъ москитовъ, которые грозили съѣсть насъ заживо; при всемъ томъ на другой день, когда нужно было выступать въ походъ, между моими людьми не было ни одного неисправнаго.

Передъ началомъ перехода черезъ самую рѣку, туземцы Кягонго предостерегали насъ, что вода доставала выше головы; но достаточно было одного моего намека, и люди смѣло пошли. Мы сдѣлались совсѣмъ амфибіями, брести по водѣ было лучше, чѣмъ по той ужасной топи и кучамъ растительныхъ остатковъ, съ какими приходилось имѣть дѣло раньше.

Вода сразу была намъ подъ мышки, потомъ по шею, потомъ мы поднимались на носки ногъ,—наконецъ, —наконецъ, должны были перебраться вплавь; это была медленная операція, по причинѣ чрезвычайнаго сильнаго теченія. Тутъ мною все было пущено въ ходъ: дѣятельность, рвеніе, хорошее вознагражденіе, денежные подарки, напоминаніе, что мы идемъ домой; все это вмѣстѣ сдѣлало чудеса, и черезъ два часа мы уже перебрались черезъ Мэкэту.

Послѣ длиннаго, утомительнаго путешествія мы добрались до Муссуди, на восточномъ берегу Унджеренджери. Задолго до нашего прибытія тамъ случилась ужасная катастрофа, которая истребила до ста деревень. Очевидцы рассказывали мнѣ такъ: съ вечера жители спокойно заснули, ничего не предчувствуя, но среди глубокой ночи, вдругъ услышали громовой гулъ, который скоро заставилъ ихъ понять, что грозитъ неминуемая смерть отъ громадной массы воды, которая шла, какъ стѣна, вырывая самыя высокія деревья, унося десятки деревень за одинъ пріемъ, оставляя повсюду разрушеніе. Сцена этого раззоренія, спустя шесть дней, когда вода вошла въ берега, была просто ужасна: изъ всѣхъ деревень, какія я замѣтилъ на пути въ Уньяньembe, оставалось только три. Я спросилъ туземца, что сдѣлалось съ жителями, онъ отвѣчалъ: „Большую часть изъ нихъ взялъ Богъ, а нѣкоторые ушли въ Удо.“

Рѣшительно, насъ преслѣдовали десять казней египетскихъ. Послѣ Мсува, мы поспѣшно прошли черезъ лѣсъ, полный отвра-

тительнаго запаха. Чаща такъ густа, что тигръ не сдѣлаеть тамъ ни одного прыжка, слонъ не въ состояннн проложить себѣ путь, Ужасы слѣдуютъ за ужасами. Надъ головой у насъ удавы, подѣ ногами—змѣи и скорпионы. По сторонамъ двигаются разные гады; въ воздухѣ малярн; дорога заражена „жгучими“ муравьями, которые кусаютъ ноги такъ, что мы пляшемъ и прыгаемъ, какъ безумные. Какъ не сказать, что мы счастливы, если уцѣлѣли.

2-го мая, въ Розако, трое моихъ посланныхъ вернулись и принесли отъ американскаго консула нѣсколько бутылокъ шампанскаго, нѣсколько горшковъ съ вареньемъ и два ящика съ окороками. Послѣ ужасныхъ испытаннй въ долинѣ Мэкэта, это было очень кстати. Въ одномъ изъ ящиковъ были сложены четыре нумера „Вѣстника“, одинъ съ моею корреспонденціей изъ Уньяньембе; въ другомъ извлеченн изъ разныхъ газетъ, гдѣ считают мою экспедицію въ Африку мясомъ. Увы! для меня это былъ ослзательный, ужасный фактъ.

Въ одномъ изъ зазвбарскихъ писемъ сообщалось, что въ Бэгэмою прибыла экспедиція „для разысканн и выручки Ливингстона“. Жаль, что она не пришла раньше.

Теперь до самаго города Бэгэмою я слѣдовалъ съ чувствомъ довольства и даже гордости, понятной у человѣка, который слѣдалъ 525 миль въ 35 дней, въ такую пору, да еще прошелъ чрезъ Мэкету!

Въ Бэгэмою мы прибыли на закатѣ солнца. Тамъ я встрѣтилъ лейтенанта Вильяма Генна, начальника экспедиціи „для разысканн и выручки Ливингстона“, посланной географическимъ обществомъ. Съ нимъ былъ Освальдъ Ливингстонъ, второй сынъ доктора Ливингстона.

Я сообщилъ мистеру Генну, что Ливингстонъ найденъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ. Лишнее его бы даже обременило, вѣдъ нужны люди для переноски.

— О, сказалъ мистеръ Геннъ, съ легкимъ смѣхомъ:— у насъ кладовая полна матернй и бусъ. Больше 190 тюковъ!

— Но куда же вы съ ними? Вѣдъ на цѣломъ берегу не достанетъ людей для переноски такого количества. Вѣдъ, чтобъ перенести ихъ, нужно 250 человѣкъ.

Въ это время вошелъ высокій, стройный, молодой джентльменъ, съ свѣтлыми волосами и темными, блестящими глазами: это былъ Освальдъ Ливингстонъ. Наружность его носила отпечатокъ спокойной рѣшимости, даже сдержанности. Онъ скорѣе годился бы быть начальникомъ экспедиціи, чѣмъ мистеръ Геннъ.

— Я доставлю вамъ, сказалъ я, людей и запасы, какне еще могутъ быть необходимы доктору. Мои люди доведутъ васъ до

Уньяньембе безъ всякихъ затрудненій. Они хорошо знаютъ дорогу, а это выгода огромная; при томъ же умѣютъ обращаться съ негритянскими вождями. Но нужно спѣшить. Вашъ отецъ ожидаетъ вещей.

Рѣшено было, что Генну нѣтъ надобности продолжать путь далѣе, такъ какъ докторъ Ливингстонъ найденъ, но, во всякомъ случаѣ Геннъ хотѣлъ посоветоваться съ докторомъ Керкомъ и для этого вернуться въ Занзибаръ, вмѣстѣ съ экспедиціей „Нью-Йорскаго Вѣстника“.

Наконецъ то, я могъ растянуться на комфортабельной постели и вздохнулъ спокойно при мысли, что мое путешествіе кончилось.

XV.

ЗАВЛЮЧЕНІЕ.

7 мая 1872 г. входила въ гавань Занзибара дгоу, на которой возвращалась моя экспедиція. Люди, обрадованные, что скоро вернутся домой, поминутно стрѣляли изъ ружей; выкинуть былъ американскій флагъ, и скоро мы увидали кровли домовъ и пристани, усѣянные зрителями, изъ которыхъ многіе были европейцы.

Мы медленно пристали къ берегу, потомъ сѣли въ лодку, назначенную для переноса насъ на землю, и скоро я былъ уже у моего пріятеля, консула, который искренно привѣтствовалъ меня съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Занзибаръ. Послѣдовали поздравленія. Въ тотъ же вечеръ я послалъ мальчика въ англійское консульство съ письмами отъ знаменитаго путешественника къ доктору Керку, отъ котораго на слѣдующій день также получилъ лично самыя теплыя поздравленія съ успѣхомъ предпріятія.

Тогда же я отпустилъ своихъ людей, — а двадцать человекъ изъ нихъ нанялъ вновь, чтобъ возвратиться къ „большому господину“. Бомбей, который вообще свысока относился къ мысли о денежномъ вознагражденіи и въ самыя затруднительныя минуты систематически мѣшалъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, охотно принялъ, однакожь, кромѣ платы, еще денежный подарокъ; такіе же подарки получили и прочіе изъ моихъ людей, смотря по достоинству cadaго. Это былъ день прощенія всѣхъ оскорбленій, забвенія обидъ. Бѣдные люди эти поступали сообразно своей натурѣ; я помнилъ то, что отъ Уджижди до морскаго берега они вели себя изумительно хорошо.

Самъ я очень осунулся и измѣнился, какъ показало мнѣ большое зеркало. Всѣ подтвердили, что я очень постарѣлъ и что меня показались сѣдые волосы.

Запасы, привезенные доктору экспедиціей Освальда Ливингтона, рѣшено было обратить въ деньги. Лейтенантъ Генъ юрмально отказался отъ начальства надъ экспедиціей, а также отъ своего намѣренія пострѣлять слоновъ и буйволовъ. На деньги, вырученныя за продажу излишнихъ тюковъ, были частію приобретены предметы, которые могли еще оказаться необходимыми доктору. Но потомъ Освальдъ Ливингстонъ перемѣнилъ намѣреніе и отказался отъ мысли вести караванъ къ отцу: докторъ Керкъ посовѣтовалъ ему не портить здоровья и не прерывать своихъ занятій, когда въ этомъ теперь существенной надобности уже не предстояло.

При такихъ обстоятельствахъ, моею обязанностью было выполнить инструкцію доктора Ливингстона, найти хорошаго вожака, араба, который могъ бы отвести ее въ Уньяньембе. Докторъ Керкъ, по моей просьбѣ, обращался для этого къ султану, но безуспѣшно. Тогда я сталъ дѣйствовать въ другомъ направленіи и вскорѣ, по рекомендаціи шейха Гашида, нанялъ до Уньяньембе молодого араба, по виду честнаго и способнаго. Окончательное условіе съ нимъ я предоставилъ самому доктору.

Благодаря содѣйствію американскаго консула, я пригласилъ Юкари, главнаго драгомана консульства, провести партію по затопленной равнинѣ Кингани съ обязательствомъ не возвращаться ни подъ какимъ предлогомъ, пока экспедиція не выступитъ въ шибѣйшій путь отъ западнаго берега рѣки Кингани.

Передъ зданіемъ консульства стояла на якорѣ дгоу, и я еще разъ обратился къ своимъ старымъ товарищамъ:

— Вы теперь возвращаетесь въ Уньяньембе, къ „большому господину“. Вы знаете, что у него доброе сердце. Общаете-ли мнѣ, что будете повиноваться ему безпрекословно и не покинете его, куда бы онъ ни пошелъ?

— Общаемъ, общаемъ, господинъ! вскричали всѣ съ жаромъ.

— Еще воть что. Я хочу пожать всѣмъ вамъ руки, мы разстемся навсегда.“

Всѣ бросились ко мнѣ, и мы разжѣнялись энергическими рукопожатіями.

— Ну, теперь каждый бери свой тюкъ!

Я вышелъ вмѣстѣ съ ними къ небрежной, видѣлъ, какъ они всѣ вошли въ дгоу, распустили парусъ, и дгоу проворно пошла на западъ къ Богэмою. Такъ разстался я со своими черными

друзьями, которые прошли со мной многиа сотни миль и дѣлили путевыя опасности.

29-го мая пароходъ „Африка“, принадлежащій германскому консульству, на которомъ были, между прочимъ, Геннъ, Освальдъ Ливингстонъ и я, отплылъ изъ Занзибара къ Сейшельскимъ островамъ, напутствуемый добрыми пожеланіями почти всѣхъ наличныхъ европейскихъ резидентовъ.

Въ Сейшелль прибыли 9 іюня, спустя около двѣнадцати часовъ послѣ отплытія французской почты въ Аденъ. Такъ какъ между Маге (Сейшеллемъ) и Аденомъ сообщеніе существуетъ только разъ въ мѣсяцъ, то мы вынуждены были остаться цѣлый мѣсяцъ на островѣ Маге.

Жизнь въ Маге принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ изъ моего обратнаго путешествія по Африкѣ. Я, Освальдъ Ливингстонъ, и другіе два спутника, Нью и Морганъ, наняли красивый маленькій деревянный домикъ, который мы назвали „Ливингстоновъ Коттэджъ“, а мистеръ Геннъ помѣстился въ отелѣ. Мои компаньоны оказались вполне достойными джентльменами, а Освальдъ Ливингстонъ—серьезнымъ, трудолюбивымъ, разсудительнымъ человѣкомъ. Когда, наконецъ, явился съ Мавриціи французскій пароходъ, то изъ нашей компаніи не было ни одного человѣка, который бы безъ сожалѣнія разставался съ прелестнымъ островомъ.

Въ Аденѣ всѣ пассажиры съ юга были пересажены на французскій почтовый пароходъ, на которомъ я и пріѣхалъ въ Марсель. Здѣсь меня встрѣтили съ распростертыми объятіями: между прочими, тутъ былъ представитель газеты „Daily Telegraph.“ Здѣсь же я узналъ, какое впечатлѣніе произвели въ Англии мои путешествія и открытіе Ливингстона американцемъ.

ТЕПЛОЕ ГНѢЗДЫШКО.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Матвій Ивановичъ Лугановъ, человѣкъ молодой и красивый послѣднее, но задумчиво расчесывалъ передъ зеркаломъ свои густыя черныя кудри. Когда кудри легли, какъ слѣдуетъ, переливчатыми блестящими волнами, и гребенка потонула въ богатой черной бородѣ съ золотой искоркой, лицо его приняло даже тревожно-озабоченное выраженіе.

Онъ критически оглянулъ свою высокую, широкоплечую фигуру, облеченную въ темное платье незатѣйливаго фасона, и его мягкіе смысленные глаза какъ нельзя яснѣе выразили:

— Гожусь-ли?

Тихій взглядъ и грусть, замѣтно омрачившая лицо, показали, что зеркало, по мнѣнію вопрошавшаго, дало отвѣтъ отрицательный.

Но подобное мнѣніе, очевидно, могло возникнуть только у человѣка, крайне возбужденнаго, взволнованнаго какими нибудь особыми чаяніями и страхами. Хладнокровный и безпристрастный наблюдатель, взглянувъ на отражавшагося въ зеркалѣ мужчину, навѣрно бы полюбовался и его здоровымъ видомъ; и стройностію, и силою, и прекрасными чертами, и подвижностію всей пріятной, одушевленной фивіономіи, а изъ ста обладателей такой счастливой наружности (подразумѣвается: обладателей, спокойныхъ душой) девяносто девять, безъ сомнѣнія, не мало бы о себѣ возмечтали.

Матвій Ивановичъ отвернулся отъ зеркала, задумчиво прошелся разъ пять взадъ и впередъ по комнатѣ, вдругъ словно очнулся, пріостановился у стола, перевернулъ нѣсколько листовъ

книги съ помѣтками на поляхъ, взялъ эту книгу въ руки, отодвинулъ кресло, какъ бы намѣреваясь въ немъ усѣсться и приняться за чтеніе, но снова задумался, выпустилъ книгу изъ рукъ, опять придвинулъ кресло плотно къ столу, приблизился къ отворенному въ садикѣ окну и сталъ глядѣть на узкую дорожку, которая вилась по мѣщанскому хозяйскому садику, сплошь засаженному крыжовникомъ, малиной и смородиной, и потомъ неправильными углами и поворотцами сбѣгала по ярковеленой, бархатистой горѣ къ пологому берегу свѣтлой шумливой рѣки.

Должно быть, занимательныя видѣнія рисовались передъ его духовными очами, потому что темные глаза то вспыхивали, то туманились, черныя брови то морщились, то приподнимались, появлялась то грустная усмѣшка, то веселая улыбка.

Матвѣй Ивановичъ дотога углубился въ эти видѣнія, что не обратилъ никакого вниманія на скрипъ полуотворившейся двери, изъ которой выставилась голова старушки, украшенная, какъ двойной рамкой, пышными прядями сѣдыхъ волосъ и густой туго накрахмаленной оборочкой бѣлаго кисейнаго чепца.

Изъ-подъ двойной рамки блеснули живые, темные глаза, быстро окинули и задумавшагося Матвѣя Ивановича, и всю комнату, пытливо остановились на распечатанномъ письменномъ конвертѣ на столѣ и затѣмъ снова устремились на Матвѣя Ивановича.

Минуты двѣ старушка продержала голову совершенно неподвижно и, сжавъ губы, только поблескивала глазами. Наконецъ, она проговорила:

— Матюша!

Матвѣй Ивановичъ быстро обернулся, словно его уколол острой иглой, и нѣсколько дико посмотрѣлъ на выставившійся изъ-за двери знакомый образъ.

— Можно къ тебѣ, Матюша? спросила старушка.

— Конечно, тетя, конечно... Войдите, войдите! поспѣшно проговорилъ опомнившійся отъ мечтаній и слегка покраснѣвшійся Матвѣй Ивановичъ. — Войдите...

— А я тебѣ не помѣшаю, дружокъ? Ты вѣдь занимаешься... Ишь сколько прочитай-то! Береги только глаза, Матюша! Читай лучше около окошечка... Дай-ка я у тебя пылъ смету...

Говоря это самымъ простодушнымъ и ласковымъ образомъ, старушка какъ мышь юркнула въ комнату, очутилась у стола, и ея проворныя морщинистыя ручки быстро заработали метелкой, а маленькая фигурка, въ коричневомъ капотикѣ, замелькала между горами наваленныхъ книгъ.

— Нисколько не помѣшаете, тетя... нисколько... — повторялъ

Матвѣй Ивановичъ, нѣсколько порывисто кинувшись тоже къ столу и схватываясь за томъ энциклопедическаго нѣмецкаго словаря.—Нѣсколько...

— А я все боюсь войти къ тебѣ: занимается, думаю, трудится...

— Да я и не занимался, тетя...

— Не занимался, дружокъ?

— Нѣтъ...

— Отчего-жь? Ужь не голова ли опять болитъ? А?

— Нѣтъ, тетя... нѣтъ...

— Да ты скажи по правдѣ, Матюша! Точно не болитъ? Ты что-то блѣдень... И глаза какіе-то такіе...

Старушка приостановила работу метелкой, и внимательно, пытливо, даже инвизиторски глядѣли ея пронизательные, блестящіе какъ свѣчки глаза на Матвѣя Ивановича.

Матвѣй Ивановичъ замѣтно конфузился подъ этимъ взглядомъ и не безъ запинки проговорилъ:

— Ничего не болитъ, тетя... ей Богу ничего... Честное слово ничего... Просто лѣнюсь... добавилъ онъ, съ нѣсколько принужденною улыбкою и заглянуль, неизвѣстно зачѣмъ, подъ столъ.

На мгновеніе блестящіе глаза старушки прищурились и губы сжались, какъ будто она боялась, что изъ нихъ вылетитъ немѣстное:

— Ишь какъ хитришь!

Но когда Матвѣй Ивановичъ снова поднялъ голову, метелка по прежнему усердно и проворно ходила между книгами и старушка повидимому снова углубилась въ свое хозяйское занятіе.

— Какой день-то сегодня благодатный! сказала она, сдувая какую-то непокорную пылинку:—ясность, теплота... Ты не туда кладешь, Матюша!

— Ничего, тетя, все равно...

— Какъ все равно, дружокъ? А ты говорилъ, чтобы эту книгу не закладывать! Помнишь сказалъ: „ахъ, тетя! вы опять эту книгу заложили!“ Я съ тѣхъ поръ и замѣтила ее, и всегда поближе кладу... Держи-ка, чтобы верхнія не свалились, а я ее вытащу...

— Не стоять, тетя, не трудитесь...

— И, дружокъ! какой тутъ трудъ? Мнѣ все равно дѣлать нечего, а ты потомъ долго искать будешь... Придержи-ка!

Матвѣй Ивановичъ покорился и придержалъ сверху ворохъ книгъ, изъ-подъ котораго старушка ловко вытащила самую нижнюю, а вмѣстѣ съ нею и распечатанный письменный конвертъ,—

тотъ самый конвертъ, который Матвѣй Ивановичъ, печально ил
умышленно, туда подсунулъ.

— Вотъ она, вотъ она... продолжала старушка.— А! закладк
выпала! Надѣлала я тебѣ бѣды, Матюша!

— Что вы, тетя! это ничего не значить...

— Какъ ничего не значить! Вотъ теперь, поди, отыскивай
страницу! Экая я разиная! Погоди, надо другую закладочку... Да
вотъ конвертъ... Не нуженъ тебѣ? Что это ты, письмо сегодня
получилъ? Ужъ не отъ Николая ли Николаевича?

— Нѣтъ...

— Ахъ, я слѣпая! Гдѣ-жъ ему такъ мелко написать! Он
одно „высокоблагородію“ едва на двухъ строкахъ умѣщаетъ! Да
и конвертъ-то не почтовый! Слепа совсѣмъ становлюсь. От
кого жъ это письмо, дружокъ?

— Это отъ Клавдіи Петровны, съ видимымъ усліемъ отвѣ
тилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Отъ Клавдіи Петровны? Что-жъ она тебѣ пишетъ?

(Голосъ старушки звучалъ по прежнему безпечной ласковостію,
но морщинистая ручка очень крѣпко сжала метелку и метелка
порывисто запрыгала по столу).

— Книгу возвращаетъ... О книгѣ...

— Поправилась книга?

— Да...

Матвѣй Ивановичъ снова неизвѣстно зачѣмъ заглянулъ подъ
столъ.

— Зоветь тебя въ гости?

— Да, просить завернуть... Ей тамъ надобно кое-что про
смотреть вмѣстѣ со мной...

— Все желаетъ учиться?

— Да.

— Что-жъ, дѣло хорошее. Только вотъ тебѣ-то это не
удобно...

— Почему-жъ мнѣ неудобно? съ излишней живостію спросилъ
Матвѣй Ивановичъ, но самъ же это замѣтилъ и прибавилъ съ
вовсе ненужно смягчающею улыбкою:

— Я неудобства въ этомъ для себя не вижу.

— Далекъ тебѣ туда ходить, дружокъ, — шутка ли, семь
верстъ!

— Не семь, тетя, гораздо меньше...

— Семь, дружокъ, я вѣдь знаю! Я ходила весной на бого
молье—помнишь?

— Помню.

— Ну такъ до монастыря ровно восемь верстъ, — это ты!

ного хочешь спроси, всякій тебѣ скажетъ, — а отъ Трофимовки до монастырской ограды рукой подать: всего навсего долинку перейти... Пожалуй, еще больше семи будетъ...

— Я вѣдь очень люблю ходить, мягко отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Время много у тебя отнимаетъ, дружокъ: день цѣлый проходишь, выбьешься изъ силъ; по ночамъ приходится читать...

— Вы меня ужъ давно полуночникомъ прозвали, еще мягче отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ. — Днемъ мнѣ чтение не въ чтение: кругомъ шумъ, суета... А вотъ когда все уснетъ, затихнетъ, тогда...

— Ахъ, Матюша! да вѣдь какъ человѣкъ изморится, такъ онъ и читать не можетъ! Я третьяго дня вхожу къ тебѣ, а ты положишь голову на книгу и спишь...

— Чтожъ вы не разбудили, тетя? сказала Матвѣй Ивановичъ, принужденно смѣясь и сильно краснѣя. — Вы всегда лѣнливо такъ потворствуете!

— Ахъ, Матюша, голубчикъ! береги ты себя... береги себя... Въ этихъ словахъ прорвалась такая глубокая печаль, такая томительная тревога, что Матвѣй Ивановичъ почувалъ неумѣстность шутивлаго тона, быстро перешелъ по другую сторону стола, обнялъ старушку и сказалъ:

— Что вы, что вы, тетя! Не тревожьтесь, не тревожьтесь!... Я берегу себя... Прощайте, мнѣ пора.

— Такъ идешь, Матюша? съ худо скрытымъ отчаяніемъ проговорила старушка

— Да, тетя, надо идти, отвѣтилъ какъ могъ безпечно и беззаботно Матвѣй Ивановичъ. — Гдѣ это моя шляпа? Куда я ее забросилъ? Вотъ она! Прощайте, тетя, я скоро приду.

Онъ еще разъ ее обнялъ, поцаловалъ въ щеку и торопливо, съ самымъ дѣловымъ видомъ, направился къ дверямъ.

— Матюша! сказала вслѣдъ ему старушка: — вѣдь сегодня Павелъ Данилычъ будетъ!

— Какой Павелъ Данилычъ? спросилъ онъ, приостанавливаясь на порогѣ.

На лицѣ старушки изобразился просто ужасъ.

— Ахъ, Матюша, Матюша, что-жъ это ты? что съ тобой? вскрикнула она. Самый близкихъ друзей забываешь! Павла Данилыча забылъ! Павелъ Данилычъ Мятелица. — Вспомнилъ?

— Простите, тетя... Вы знаете, какой я расвѣянный...

— Нѣтъ, Матюша, ты прежде не бывалъ расвѣянный!

— Такъ онъ сегодня, вы думаете, пріѣдетъ?

— Какъ же не думать, Матюша, когда вчера письмо получено! Или ты и про письмо забылъ?

— Помню, но вѣдь вы сами знаете, что на его обѣщанья полагаться невозможно.

— Отчего же невозможно, мой другъ? Онъ пишетъ: „непрерѣнно буду,“ — ты самъ мнѣ читалъ! „Буду въ субботу“, пишетъ...

— Увидите, что не придетъ. Впрочемъ, я очень скоро вернусь. До свиданья.

„До свиданья“ прилетѣло уже черезъ окно съ садовой дорожки, по которой Матвѣй Ивановичъ прошелъ такъ быстро, что угрюмая хозяйка, каждое лѣто клавшая всю свою душу на спѣющіе крыжевникъ, малину и смородину, и каждого, безъ различія пола, возраста и состоянія, подозрѣвавшая въ незаконномъ посягательствѣ на эти дары природы, долго инспектировала, съ помощью своей черномазой маленькой дочки, кусты, уповая накрыть гдѣ нибудь притаившагося посягателя.

— Дуня, кричала она, пробѣги-ка вонъ туда... Вонъ туда!

— Крапива! раздался звонкій голосокъ Дуни.

— Швырни въ нее кирпичемъ. Еще разъ швырни! Да мѣть хорошенько! Или ты безглазая?

А старушка, простоявъ послѣ ухода Матвѣя Ивановича минуты двѣ неподвижно, бросила метелку и начала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Изъ ея блестящихъ глазъ безпрестанно выкатывались слезы и она то и дѣло пила воду, очевидно, стараясь овладѣть своими горькими чувствами.

Наконецъ она въ этомъ успѣла. Слезы унялись, щеки перестали пылать и, напившись еще разъ воды, она усѣлась въ кресло и больше часу просидѣла, тихо погруженная въ какія-то соображенія.

Дошедши до какого-то окончательнаго рѣшенія, старушка встала, подошла къ зеркалу, помахала себѣ въ глаза носовымъ платкомъ, поправила оборочки чепчика, отворила дверь изъ смежной комнаты въ сѣни и покликнула:

— Домна! Домна!

— Иду, отвѣтилъ тонкій пискливый голосъ и вмѣсто существа слабого, какъ можно было ожидать по этому голосу, на порогѣ появилась Бобелина, въ пестромъ ситцевомъ платьѣ, пожилая, но румяная, словно опортовое крѣпкое яблоко; густыя брови лежали на низкомъ лбу, но это ни сколько не придавало суровости фивіономіи, потому что вверхъ поднятые углы губъ выражали самую завидную веселость нрава.

— Послушай, Домна, поди ты къ Софѣѣ Яковлевнѣ и по-

проси ее придти ко мнѣ. Скажи, что я ее очень прошу придти... Ты знаешь, гдѣ она живетъ?

— Это Кирилова, что ли?

— Да, Кирилова. Та, что ходила прежде часто къ намъ... Звѣшь, гдѣ живетъ?

— Знаю. Туда, къ рѣкѣ, у мѣщанки... Какъ ее!.. Вотъ забыла! Тамъ направо еще лавочка и питейный близко.

— Найдешь?

— Найду, найду.

— Погоди, Домна! Такъ ты, смотри, скажи, что я очень прошу придти. Слышишь? *Очень.*

— Слышу.

— Сегодня просить, сейчасъ, если можно.

— Такъ и скажу.

— А если она тебя спросить, зачѣмъ, такъ ты скажи, что какое-то, должно быть, есть важное дѣло... Слышишь?

— Слышу.

— А если она про Матюшу спросить, дома ли, такъ ты скажи, что скоро будетъ, и скажи... Скажи, что онъ что-то слученъ и нездоровъ. Только ты не говори: „велѣли сказать, что слученъ и нездоровъ“, а такъ, отъ себя.. если къ слову придется. Иди поскорѣе... И смотри, не забудь: *очень прошу* придти...

— Очень, очень, отвѣтила Домна, направляясь увѣреннымъ и быстрымъ шагомъ внизъ по узкой, покатою къ рѣкѣ улицѣ, застроенной рядомъ сѣренъкихъ деревянныхъ домиковъ, между которыми кое-гдѣ возвышались каменные дома своеобразной архитектуры и пестрѣли вывѣски въ родѣ: „Андрей Земчуговъ расшивочно и на выносъ“. „Мадамъ дѣвица Кругликова. Фасоны, платья, шляпы и чепчики по журналу“. „Иванъ Утюговъ. Гвозди и другіе товары“.

Барвара Сергѣевна провожала глазами Домну, пока ея монументальная фигура скрылась за капризнымъ поворотомъ улицы, потомъ было сѣла въ кресло у окна, но просидѣла не долго и снова принялась ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Она нѣсколько разъ, казалось, принуждала себя что-то хорошенько обдумать, но нетерпѣнье и тревога одолевали ее все тяжеле и тяжеле, такъ что наконецъ, она видимо сознала тщету усилий и дала себѣ полную волю заниматься наблюденіемъ стрѣлки большихъ часовъ въ деревянномъ футлярѣ на подобіе лиры, выглядываемъ изъ окошка и натрудой глазъ, силившихся отыскать въ отдаленномъ концѣ улицы еще непоказывающуюся Домну.

II.

Варвара Сергѣевна Теплова значилась по бумагамъ вдовой штабъ ротмистра Помпея Теплова и, со вдовства своего до совершеннолѣтія воспитанника и племянника Матвѣя Ивановича Луганова, питала свою душу уроками русской грамоты да вязаньемъ теплыхъ шарфовъ и узорчатыхъ чулокъ. Ходили слухи, что она была богатаго роду, что отецъ далъ за ней въ приданое отличную деревню и много тысячъ наличными деньгами. Въ ея родномъ уѣздномъ городѣ и до сей поры еще показываютъ принадлежавшій ей каменный домъ съ огромнымъ садомъ, и старожилки помнятъ, какъ на званныхъ обѣдахъ она сживвала въ чудесныхъ брилліантахъ и въ яхонтахъ съ голубинное яйцо (въ началѣ, надо полагать, примѣнены были яхонты къ воробьиному яйцу, но устное уѣздное преданье взяло свое и воробьи совершенно незамѣтно превратились въ голубей) и какія серебряныя вазы подавались у нея съ фруктами на именинахъ.

Куда дѣвались деревни, тысячи, домъ, яхонты и серебряныя вазы?—Богъ вѣдаетъ, да еще, по всѣмъ вѣроятіямъ, штабъ ротмистръ Помпей Тепловъ, о которомъ легенда гласитъ, что ему было извѣстно какое-то магическое слово на игру въ банкъ, но по самонадѣянности и легкомыслію онъ такъ небрежно примѣнялъ его, что оставилъ послѣ себя всего на всего одинъ полинявшій чепракъ.

Знала кое-что, разумѣется, и Варвара Сергѣевна, только Варвара Сергѣевна не любила разговаривать о своемъ прошломъ.

— Все суета суеть! все суета суеть! обыкновенно говорила она при всякихъ чувствительныхъ напоминаніяхъ и участливыхъ распросахъ и тотчасъ же принималась за какое нибудь дѣло, требующее быстрога движенія: начинала или сметать пылъ съ какой нибудь верхней полки, или ловить кошку, или что нибудь отыскивать въ шкафѣ.

Однако „суета суеть“ оставила, очевидно, впечатлѣніе сильное и прочное, потому что даже послѣ поминанія о ней, Варвара Сергѣевна много часовъ не могла придти въ свое мирное настроеніе духа, бродила изъ угла въ уголь, передвигала съ мѣста на мѣсто все, что попадалось на глаза или подъ руку, спускала петли въ вязанья, а порой случалось становилась къ окну, и притворившись будто наблюдаетъ за уличнымъ движеніемъ, проливая нѣсколько тихихъ слезинокъ.

Спустя около четырехъ лѣтъ послѣ кончины штабъ ротми-

стра Помпея Теплова, Варвара Сергѣевна получила извѣстіе, что умерла ея младшая сестра, жена переведеннаго на Кавказъ маіора Ивана Луганова, и что покойница завѣщала ей своего семилѣтняго сына.

Извѣстіе, а вмѣстѣ съ извѣстіемъ и семилѣтняго Матюшу привезъ какой-то молодой кавказскій офицеръ, явившійся въ лохматой шапкѣ, въ черкескѣ съ патронами, шашкой и кинжаломъ, словно онъ опасался встрѣтить у Варвары Сергѣевны шайку враждебныхъ горцевъ, но оказавшійся, не взирая на грозное вооруженіе и на восхищеніе „кровавыми встрѣчами“, какъ онъ называлъ схватки съ горцами, чрезвычайно мягкосердечнымъ человекомъ. Отобѣдавъ у Варвары Сергѣевны и напившись чаю съ медовымъ брусничнымъ вареньемъ, до котораго былъ страстный охотникъ, онъ довѣрилъ ей исторію своей несчастной любви къ невѣстной ему по имени, но очаровательной дѣвушкѣ, встрѣченной имъ у подножія Казбека, рассказалъ, какъ онъ взялъ разъ въ шѣнѣ дѣлныхъ одиннадцать семей знатныхъ горцевъ со всѣми ихъ табунами и стадами, признался, что даже подобныя подвиги его не тѣшутъ, потому что жизнь его разбита въ дребезги, а въ заключеніе попросилъ у Варвары Сергѣевны позволенія называть ее маменькой, такъ какъ родная его мать измѣнила клятвѣ, и вышла за мужъ, поцаловалъ за данное позволеніе ручки, и уѣхалъ.

Варвара Сергѣевна очень дружна была съ сестрой, очень любила ее и, разумѣется, глубоко огорчилась ея смертію, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибытіе Матюши замѣтно оживило ее. Она живѣе задвигалась, несравненно рѣже стала ласкать свою кошку, дѣятельнѣе принялась за вязанье и уроки, начала появляться чаще на городскихъ улицахъ и даже посѣтила нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ.

— А вы знаете, говорили одни старыя знакомыя другимъ старымъ знакомымъ:—у насъ была недавно Варвара Сергѣевна Теплова. Вообразите, ея сестра умерла,—та, что была за этимъ сумасбродомъ Лугановымъ,—и завѣщала ей сына! Право, не понятно, какъ это покойница...

— Да, да, была она, бѣдняжка, и у насъ. Какъ измѣнилась-то! Теперь новое горе: какъ она пробѣется съ этимъ ребенкомъ?

— Положеніе не завидное...

Положеніе, точно было, пожалуй, не завидное.

Маіоръ Иванъ Лугановъ, при жизни жены, заставлявшій ее прыгать черезъ веревочку подъ тѣмъ предлогомъ, что подруга вожднаго офицера должна быть на все готовой и все умѣть, рыдалъ надъ ея тѣломъ, какъ безумный, не давалъ ее хоронить

пока въ дѣло не вмѣшался начальникъ дивизіи, и написалъ Варварѣ Сергѣевнѣ отчаянное письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что послѣдняя воля незабвенной Катеньки для него священна. А такъ какъ одному знакомому, отправляющемуся на свиданье съ дядей, лежитъ путь черезъ уѣздный городъ, гдѣ онъ, маіоръ Лугановъ, когда-то былъ счастливъ, то онъ пользуется случаемъ, исполняетъ эту волю, отрываетъ Матюшу отъ своего сердца и препровождаетъ къ ней. Вручая ей послѣднее звено, привязывающее его къ жизни, проситъ не обмануть его довѣрія и увѣдомить о полученіи брилліантовыхъ серегъ, бирюзоваго фермуара, украшавшихъ когда-то ту, которая теперь уже навсегда отлетѣла, а также тысячи рублей денегъ.

„Вслѣдъ за этими деньгами я вамъ буду высылать и все све жалованье“, писалъ маіоръ. „Мнѣ теперь ничего не нужно, кромѣ успокоенія на лонѣ смерти. И можетъ быть скоро, скоро долетитъ до васъ вѣсть, что голову когда-то блаженнаго человѣка расклеиваютъ дикіе вороны на шашкѣ чеченца“.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въсто того, чтобы „скоро, скоро“ попасть на шашку чеченца, голова маіора Луганова „скоро, скоро“ очутилась подъ брачнымъ вѣнцомъ. Вторая супруга, которую мстительная судьба какъ бы нарочно одарила характеромъ, заставившимъ самого маіора прыгать черезъ веревочку и извѣдать на опытѣ, къ чему долженъ быть готовъ легкомысленно отдавшійся мужчина, вывела его въ отставку, увезла козайничать въ пермское имѣнье, и Варвара Сергѣевна никогда не получила не только всего маіорскаго жалованья, но даже брилліантовые серьги, бирюзовый фермуаръ и тысяча рублей, долженствовавшіе отправиться „съ первою же почтою“, не дошли до нея. Затѣмъ маіоръ написалъ Варварѣ Сергѣевнѣ еще одно письмо, извѣщая, что приобрѣлъ для Матюши новую мать, которая жаждетъ его обнять и посвятить ему жизнь въ тиши пермской губерніи, очень напугалъ ее и замолкъ на пять лѣтъ. Варвара Сергѣевна, постоянно тревожимая мыслью, что Матюшу могутъ у нея отнять, не переставала развѣдывать всѣми доступными ей путями о житьѣ-бытьѣ жителей пермской губерніи, наконецъ совершенно случайно узнала стороною, что законный владыка Матюшиной участи умеръ, написала, желая удостовѣриться въ подлинности извѣстія, маіорской вдовѣ, и въ отвѣтъ немедленно получила посланье за черной печатью, подписанное Серафимой Лугановой, которая удивлялась, какъ можетъ Варвара Сергѣевна такъ неосторожно бередить свѣжія раны ея души, и весьма обстоятельно поясняла, что законы справедливы

и ничѣмъ не обявываютъ вступившую въ бракъ съ вдовцомъ от-носительно его дѣтей отъ первой жены.

Матюша, между тѣмъ, росъ, не взирая на нужду и лишенія, благополучно окончилъ гимназію, и вступилъ въ университетъ.

Годъ разлуки Варвара Сергѣевна выдержала, но больше у нея силъ не хватило. Она распростилась съ знакомыми мѣстами, распродала убогое имущество, добралась до университетскаго города, гдѣ ей посчастливилось найти микроскопическую квар-тирку чуть не около стѣнъ университета и почти безмятежно прожила тутъ четыре года, не только мастерски сводя концы съ концами, но еще изощряясь угощать Матюшинныхъ любимыхъ товарищей чаемъ и закуской.

Вскорѣ послѣ выхода изъ университета, Матвѣй Ивановичъ получилъ мѣсто младшаго учителя исторіи при н—ской гимназіи.

Житіе пошло попривольнѣе. Варварѣ Сергѣевнѣ уже не надо было прибѣгать къ головоломнымъ соображеніямъ надъ кускомъ говядины и фунтомъ сыру, Матвѣй Ивановичъ поотдохнулъ отъ ѳготни по частнымъ урокамъ.

Но на новомъ привольномъ мѣстѣ Варвару Сергѣевну постигли дотолѣ невѣдомыя тревоги и волненія.

Дѣло въ томъ, что въ такъ называемомъ гимназическо-педа-гогическомъ кружкѣ заключалось пять дѣвицъ, которыя на пер-выхъ же порахъ самымъ ядовитымъ образомъ отравили ея мир-ное существованіе опасеніемъ видѣть Матюшу уловленнымъ въ брачныя тенета.

Были ли виноваты дѣвицы, права ли была Варвара Сер-гѣевна,—это, разумѣется, съ точностію рѣшить трудно. Досто-вѣрно только то, что Варварѣ Сергѣевнѣ скоро опостылѣли всѣ удобства, и она горько стала жалѣть о прежнемъ тихомъ и спо-койномъ убожествѣ.

Матвѣй Ивановичъ не съ разу понялъ, что за причина этого недовольства и грусти. Его не мало озаботилъ разстроенный видъ старушки и онъ старался, какъ умѣлъ деликатнѣе, до-искаться, чего ей не достаетъ.

Но, на несчастье, Варвара Сергѣевна, подозрѣвая дѣвицъ, не совсѣмъ довѣрала и самому Матвѣю Ивановичу.

— Тети, что это вы все какія скучныя? спрашивалъ Матвѣй Ивановичъ, ласково глядя ея морщинистую ручку въ своихъ грѣшкихъ ладоняхъ.

— Ничего, дружокъ, ничего, отвѣчала Варвара Сергѣевна, значная жестоко волноваться.

„Сейчасъ онъ мнѣ объявить! думала она. Сейчасъ объявить! Скажете: не случайте, я васъ обрадую...“

— Тетя! чѣмъ бы мнѣ васъ утѣшить, а? спрашивалъ Матвѣй Ивановичъ.

„Вотъ оно! вотъ оно!“ думала Варвара Сергѣевна, вся ходѣла и дрожащимъ голосомъ отвѣчала:

— Мнѣ ничего не надо, мой другъ... ничего... Я ничего не желаю... Думай о себѣ, Матюша, а я... что я!

И, задыхаясь отъ мятежныхъ чувствъ, она снѣшила скрыться съ глазъ.

— Ума не приложу, что такое съ моей старушкой! разсуждай Матвѣй Ивановичъ.—Хотѣлось бы мнѣ ее успокоить, понѣжить... Пора бы ей, бѣднягѣ, отдохнуть хорошенько...

Одно весьма обыкновенное событіе открыло Матвѣю Ивановичу, какой червь точить Варвару Сергѣевну.

Въ одно прекрасное утро, во время большой перемѣны, инспекторъ сообщилъ своимъ сослуживцамъ, что старшая дочь его выходитъ замужъ и пригласилъ ихъ на помолвку.

— Знаете вы, тетя, новость? спросилъ Матвѣй Ивановичъ, входя въ комнату.—Старшая дочь инспектора...

Но, взглянувъ на Варвару Сергѣевну, онъ остановился и съ удивленьемъ проговорилъ:

— Что съ вами, тетя?

Лицо у Варвары Сергѣевны пылало, какъ зарево, губы подергивались, глаза какъ-то странно блестя.

— Я предвидѣла это, Матюша, начала она: — я, мой другъ, это предвидѣла... Если бы ты спросилъ меня... Если бы ты не былъ ослѣпленъ... Но ты былъ ослѣпленъ, Матюша!..

— Что такое, тетя? Я ослѣпленъ? Чѣмъ же? И къ какой стати тутъ я? Я не понимаю...

— Я вѣдь съ перваго же дня замѣтила, Матюша... И ты только вообрази, каково это мнѣ было видѣть!.. Я знала, что тутъ любви къ тебѣ нѣтъ...

— Тетя, да вы объясните мнѣ, въ чемъ дѣло! Я не могу сообразить...

— Не убивайся, Матюша, другъ мой. Надо благодарить Бога, что во время...

Наконецъ Матвѣй Ивановичъ сообразилъ и разсѣялся.

— Откуда это вамъ могло въ голову придти, тетя?

— Ужъ что, Матюша, зачѣмъ, голубчикъ, лукавить?

— Да Богъ съ вами, тетя...

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, ты меня ужъ не разувѣришь!

И точно, Матвѣй Ивановичъ не замедлилъ убѣдиться, что разувѣрить ее невозможно.

— Нечего дѣлать! сказалъ Матвѣй Ивановичъ, смѣясь.—Хо-

рошо, что я теперь хоть знаю, чѣмъ вы мучитесь, а то вѣдь я ломалъ, ломалъ голову... Теперь я знаю вашу слабость и приму свои мѣры!

Но мѣру тутъ можно было принять только одну — выдать всѣхъ свободныхъ дѣвицъ замужъ. Этого сдѣлать было нельзя, и потому не успѣла старшая дочь инспектора пристроиться, какъ ужъ лицо Варвары Сергѣевны снова покрылось темнымъ облакомъ.

— Что, тета?

— Да ничего, мой другъ...

— Ничего? Поглядите-ка на меня?.. Кого намъ надо замужъ отдать?

— Ты, разумѣется, можешь шутить, мой другъ, но дай Богъ, чтобы изъ этого не вышло большого горя! Ты, конечно, думаешь, что я ошибаюсь, но я навѣрно знаю, что Каролина Карловна дѣвушка вѣтренная...

— Каролина Карловна! тета, да я ее три раза видѣлъ!

— И любить она тебя не можетъ...

— Да я и не желаю, тета!

— Нѣтъ, ты не говори объ этомъ такъ легко, мой другъ! Она тебя любить не можетъ...

Пристроилась Каролина Карловна, страшнымъ призракомъ сдѣлалась Любовь Федоровна, скрылась Любовь Федоровна, бичемъ явилась Ольга Петровна.

Наконецъ дошло до того, что уже посягательницы на свободу Матвѣя Ивановича начали мерещиться вдругъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ: посягаетъ несомнѣнно и Пулина Павловна, посягаетъ несомнѣнно и Марья Никитишна, и Софья Дмитриевна, и Анна Ивановна, и Дарья Климовна.

— Тета, да вы бы только подумали, что не могу же я всѣхъ ихъ вмѣстѣ обожать!

— Нечего мнѣ думать, мой другъ. Я и безъ думъ вижу всѣ ихъ ловки... Только ты ужъ повѣрь мнѣ, никто изъ нихъ тебя не любитъ...

— Знаете, тета, вѣдь это у васъ ужъ что-то болѣзненное, голубушка! Выбросьте вы это изъ головы!

— Странно, Матюша, что ты на меня же нападаешь! Я не фантазирую, — я имѣю доказательства!

— Тета! столько доказательствъ?

— Да, столько, мой другъ! Что жъ мнѣ дѣлать, здѣсь вся губернія такая... Отчего жъ я прежде ничего не говорила? Вспомни, какъ мы жили въ Е., — мирно, тихо, счастливо...

Разъ, когда Варвара Сергѣевна особенно сердечно распро-

странилась о быломъ спокойномъ житѣ, Матвѣй Ивановичъ усмѣхнулся не безъ грусти и сказалъ:

— А знаете, тетя, что я вамъ открою?

— Что такое, Матюша? Что? Говори же, мой другъ!

— Не пугайтесь, тетя, страшнаго-ничего нѣтъ...

— Говори же, Матюша... Какъ же это началъ, и не кончаешь!.. Говори прямо, мой другъ... Я догадываюсь...

— Да полноте, тетя! Это о прошломъ я хочу рѣчь вести...

— Что такое о прошломъ?

— А то, что именно тамъ, гдѣ вы ничего не подозрѣвали, и была бѣда...

— Не морочь, Матюша...

— Ей богу, не морочу. Истинная правда! Помните Юлію Михайловну?

— Помню. Ну что-жъ такое?

— Я былъ въ нее ужасно влюбленъ!

— Ахъ, какіе пустяки!

— Честное слово, тетя! Ночей не спалъ, плакалъ...

— Ужъ пожалуйста, пожалуйста... Я бы замѣтила... Да и не могла тебѣ понравиться такая вѣтренная дѣвчонка... И собой неприятная...

— Тетя, тетя! да вы всегда говорили, что лучше дѣвушки на свѣтѣ нѣтъ! А ужъ хороша-то, какъ мадонна! Чего одни глаза стоятъ! Каріе, глубокіе, тихіе...

— Удивляюсь, Матюша, какъ тебѣ охота все это помнить!

— Такъ вотъ видите, тетя, когда настоящая опасность была, вамъ и въ голову ничего не приходило, а когда все благополучно и горизонтъ совершенно чистъ, вы...

— Хорошо, хорошо, мой другъ... Только мнѣ кажется, что обманъ—это великій грѣхъ... и что рано, или поздно, а ужъ онъ откроется... И если Юлія Михайловна за мою къ ней... Если Юлія Михайловна надѣялась меня...

— Тетя, она ничего не надѣялась! Она даже не знала о моей страсти.

— Удивляюсь я, Матюша, какъ ты доврчивъ! И все ты всегда видишь въ невинномъ свѣтѣ...

Послѣ вышеприведеннаго признанія Матвѣя Ивановича, Варвара Сергѣевна перестала поминать о прошлой безмятежной жизни и, кромѣ того, своей логикой дошла до положительнаго заключенія, что Матвѣй Ивановичъ и теперь до безумія въ кого-то влюбленъ, хранитъ тайну своей страсти, отводитъ ея глаза шутками и думаетъ, что она, какъ тогда, ничего не подозреваетъ...

Среди подобныхъ волненій застало Варвару Сергѣевну радостное извѣстіе о переводѣ Матюши на новое мѣсто въ другую губернію.

Переводъ этотъ совершился неожиданно и совершенно случайно. Мѣсто собственно назначалось вовсе не Матвѣю Ивановичу, а другому учителю, который его желалъ и о немъ просилъ. Но на бѣду этого учителя, жена у него была урожденная баронесса, женщина чрезвычайно страстная и гордая, съ другой стороны жена директора, не рожденная баронессой, натурально не могла сносить, что „эта Адель Васильевна лѣзетъ всегда впередъ во время молебствій“... Изъ этого, повидимому, посторонняго обстоятельства вышло то, что мужъ баронессы не получилъ желаемаго перевода, а получилъ его вовсе того не искавшій Матвѣй Ивановичъ.

Грустить особенно, впрочемъ, Матвѣю Ивановичу было не о чемъ. Хотя онъ и прослужилъ слишкомъ два года при н—ой гимназіи, но особенно тѣсной дружбы между нимъ и его сослуживцами не завязалось. Онъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, говорили они, а ему они, быть можетъ, казались ужъ слишкомъ опытными и отжившими.

Преподаваніе тоже не представляло особаго интереса. Общій директорскій, инспекторскій и учительскій строй былъ таковъ, что у учениковъ не могло явиться охоты къ сближенію съ наставникомъ. Къ тому же директоръ и инспекторъ—оба питали какое-то особое нелюбие къ исторіи и такъ какъ доводились другъ другу родственниками и были очень дружны, то съ удвоеннымъ усердіемъ, старались лишить ее всякой жизни и красокъ. Почти передъ каждымъ классомъ директоръ подходилъ къ Матвѣю Ивановичу и внушительно ему говорилъ:

— Вы, Матвѣй Ивановичъ, въ прошлый разъ ужъ очень странно читали... Къ чему? И притомъ, мнѣ кажется, что вы распространяете неинтересныя мѣста для дѣтей... Дѣти любятъ такое, знаете, необыкновенное... Вы бы имъ, вотъ на примѣръ, видѣніе Карла, или что нибудь въ родѣ этого... Когда я служилъ при к—ской гимназіи, тамъ преподавалъ исторію Герасимъ Герасимовичъ Лобазовскій. Отлично шло! Пріѣхалъ разъ попечитель, вызываютъ ученика: „Скажите, что вамъ вспомнится изъ исторіи“, говоритъ Лобазовскій. Ученикъ такъ соловьемъ заляпс: видѣніе Карла. Ну, попечитель какъ нельзя болѣе доволенъ. „Поздравляю, говоритъ, „я даже удивленъ“... Да вотъ еще что: налегайте вы пожалуйста на года и на числа. Такъ чтобъ годъ и число, и даже еще бы лучше, еслибы и день—суббота тамъ что-ли, или четвергъ. На примѣръ: „Когда Батый

тамъ что-нибудь сдѣлать?—Такого-то года, такого-числа, въ два часа пополудни. У насъ, въ е-ской гимназiи, одинъ ученикъ,—умница мальчишка!—такъ даже говорилъ всегда: „погода была мрачная и грозная“, или „солнце ярко сіяло на небосклонѣ“. Прекрасно выходило!

Тутъ же, или послѣ класса, подходилъ инспекторъ.

— Вы извините меня, Матвѣй Ивановичъ,—обыкновенно начиналъ онъ,—я васъ глубоко уважаю и какъ преподавателя, и какъ прекраснаго человѣка, но, мнѣ кажется, что вамъ бы слѣдовало кое-что выпускать, кое-что сокращать... а кое-что прибавлять... Повойнный Федоръ Петровичъ и безъ того развилъ въ дѣтяхъ духъ строптивости. Въ прошлую вашу лекцію вдругъ слышу Васильевъ старшій отвѣчаетъ: „Онъ былъ человѣкъ съ непреклонной волей: разъ что либо задумавъ, шелъ къ цѣли твердыми стопами, не заглядываясь по сторонамъ, не развлекался ничѣмъ, и потому всегда почти своего достигалъ“. Къ чему это? Я бы нѣсколько на вашемъ мѣстѣ измѣнилъ, смягчилъ... Я бы такъ: онъ былъ человѣкъ съ непреклонной волей, что, какъ извѣстно, точно также часто бываетъ помѣхою, какъ и залогомъ успѣха, но счастливая звѣзда помогала ему и онъ почти всегда“... и такъ далѣе. Вѣрьте, Матвѣй Ивановичъ, я глубоко васъ уважаю, какъ преподавателя и какъ прекраснаго человѣка, но...

Если бы Варвара Сергѣевна, твердо борющаяся съ искушениемъ прочитывать украдкой длинныя письма, которыя Матвѣй Ивановичъ писалъ къ пріятелямъ, не устояла и искусилась, она бы прочла, вмѣсто ожидаемыхъ признаній въ страсти, описаній женскихъ красотъ и замысловъ на скорое блаженство брачной жизни, такія наприимѣръ вещи:

„Иной разъ мнѣ такъ бываетъ тяжело, что я не знаю куда мнѣ дѣваться, куда бѣжать отъ самого себя. Кажется, сидишь въ какомъ-то душномъ болотѣ, которое хочетъ засосать тебя. Я уже забываю, что такое живой разговоръ съ живимъ человѣкомъ. Мнѣ жутко подумать, что я, очень можетъ быть, проживу еще лѣтъ пять такой жизнью. Измысливаю, изыскиваю какой-нибудь выходъ, но ничего еще не нашелъ. Трудно, ажъ какъ трудно проводить „въ темную жизнь свѣтлую мысль“, какъ говаривалъ Р. Ты однако, не перетолкуй и этихъ словъ такъ, какъ ты перетолковалъ мое предъидущее письмо. Ты, можетъ статья, правъ, говоря, что люди, которые начинаютъ жаловаться на горечь дѣйствительности и толковать о томъ, какъ ихъ жестоко обманули мечты юности, не надежны, что они стоятъ на роковомъ рубежѣ и уже заносятъ ногу, чтобы перешагнуть съ дороги мыслящаго существа на какое-нибудь чревоугодное пастобъ-

ше, но нѣтъ правилъ безъ исключеній. Я писалъ тебѣ въ хорошую минуту, и у меня вырвалась малодушная жалоба, но я скорѣе, кажется, пришибу себя, какъ бѣшеную тварь, чѣмъ занесу ногу на помянутое тобой чревоугодное пастбище*.

Или такіа строга:

„Ты спрашиваешь о здѣшнихъ женщинахъ, какія онѣ, что дѣлать, чѣмъ заняты. Не могу тебѣ сообщить ничего утѣшительнаго. Все, кажется, дамы. Что моя добрѣйшая старая тетя не можетъ себѣ представить между холостымъ человѣкомъ и незамужней женщиной другихъ отношеній, кромѣ отношеній влюбленныхъ, это еще понятно, и болѣе забавно, чѣмъ досадно, то что молодыя женщины не могутъ отрѣшиться отъ этой точки зрѣнія, это очень печально. Твое заклинанье не закабалитъ душу барышнѣ, ни барышнѣ меня размѣшило. Спи совершенно спокойно, мой заботливый опекунъ! Барство, въ какомъ бы плѣнительномъ образѣ и подобіи оно ни явилось, меня не увлечетъ. Я никогда не подамъ руки на жизненный путь изнѣженной, неумѣлой, слабой ручкѣ, какой бы изящной формой ни плѣняли ея пальчики и какъ бы ни блестяли ея розовые ноготки. Если когда нибудь я выберу себѣ спутницу жизни, то такую, которая будетъ мнѣ во всемъ помощницей. Она у меня будетъ сильная, смѣлая, твердая, чистая...“

„А теперь я пока не думаю ни о чемъ подобномъ. Надо еще ложить одному, потерпѣть, поработать, надо заслужить чѣмъ нибудь личное счастье. Да знаешь что? По моему, самое величайшее счастье, это не теплое гвѣздышко, а возможность проводить въ жизнь дорогія намъ идеи. И что такое это „всесильная“ любовь? Мнѣ плохо вѣрится въ это ея *всесиліе*. Предположимъ, мною сильно омадѣло чувство, которое я считаю лучшимъ побѣдить. Разъ, какъ я считаю это лучшимъ, я побѣждаю. Ну, поболить, поносталь и заживетъ. Богъ съ ней, съ любовью! Не до нея теперь. Я жажду не любви...“ и пр.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, Матвѣй Ивановичъ не безъ наслажденія и веселья вдыхалъ полной грудью свѣжій полевоу воздухъ, когда почтовая тройка вынесла тарантасъ изъ города на большую дорогу, Варвара Сергѣевна въ седьмой разъ принималась считать всѣ ли узелки, и по сторонамъ замѣляли весенніе вѣжно зеленые всходы.

III.

Но просторныя поля и свѣжіе всходы помелькали только два дня и скрылись, а вмѣстѣ съ ними улетучились и разныя пріятныя мечты, которыми свойственно себя тѣшить всякому живому человѣку, наслаждающемуся просторомъ и вольнымъ весеннимъ воздухомъ и укачиваемому ѣздой по ровной дорогѣ, только-что передъ этимъ исправленной для проѣзда важной особы.

Впрочемъ Матвѣй Ивановичъ все-таки нисколько не проигралъ на переводѣ въ х—ское учебное заведеніе, а напротивъ очень много выигралъ.

Хотя новое начальство отличалось отъ только-что покинутого лишь возрастомъ, цвѣтомъ волосъ, повязкой галстука и манерой выражаться, хотя большая часть собратій тоже нашла его „слишкомъ молодымъ и неопытнымъ“, но вопервыхъ, между ними оказался нѣкто Яковъ Ивановичъ Кириловъ, пожилой преподаватель русской словесности, съ которымъ Матвѣй Ивановичъ сошелся съ первыхъ дней своего пріѣзда, а вовторыхъ у этого Кирилова онъ скоро встрѣтилъ одного изъ любимыхъ своихъ товарищей по университету, Павла Даниловича Мятелицу, додившагося Кирилову родственникомъ по покойной женѣ.

Павель Даниловичъ Мятелица служилъ всего въ двадцати верстахъ отъ города, при школѣ одного богатаго помѣщика и каждую субботу, по его выраженію, „доставлялся“ къ роднѣ, иногда на чьейнибудь мужицкой подводѣ, а иногда, тоже по его выраженію, „на своихъ на двоихъ“.

Съ великою отрадою встрѣчалъ Матвѣй Ивановичъ гостя, а еще съ большею шель съ нимъ въ непоказную квартирку Кирилова, гдѣ не стѣсняло его ревнивое око тети Варвары Сергѣевны, прежде всего уже замѣтившей нѣсколько опасныхъ враговъ и порѣшившей, что главная гроза воплощается въ лицѣ единственной дочери Кирилова, двадцатилѣтней Софьи Яковлевны.

Рѣшеніе это утвердилось окончательно, когда Матвѣй Ивановичъ началъ давать уроки Софьѣ Яковлевнѣ, и Варвара Сергѣевна съ отчаяніемъ сознала, что куда ни увози Матюшу, грозная и коварная сила вездѣ его находитъ.

Однажды, въ особенно тяжелую минуту, она не утерпѣла и, хотя Матвѣй Ивановичъ, очень занятый работой и замѣтно за послѣднее время просіявший, ее не спрашивалъ, высказала ему свою мысль и подала нѣкоторые совѣты относительно неосторожнаго обращенія съ интригантками.

Въ первый разъ Матвѣй Ивановичъ принялъ эти совѣты не съ шутками, не съ ласковымъ смѣхомъ, а съ большимъ огорченіемъ.

— Тетя, сказалъ онъ очень серьезно и печально:— вы любите меня?

— Я-то, Матюша? Я-то?..

— Если вы меня любите, то никогда не говорите подобныхъ вещей о Софѣѣ Яковлевнѣ.

— Матюша! да вѣдь я, мой другъ, ясно вижу...

— Никогда не говорите, тетя, а то вы меня ужасно огорчите и я... и я куда нибудь отъ васъ уйду.

Варвара Сергѣевна ахнула и зарыдала.

— Не буду! не буду! вскрикивала она, задыхаясь.— Не буду!

Минуть черезъ двадцать, когда Матвѣю Ивановичу удалось ее успокоить, она, отирая еще катившіяся по щекамъ слезы, попыталась снова завладѣть потерянной позиціей и, вздыхая, такъ тихо и такъ мягко заговорила, что рѣшительно невозможно было ее остановить.

— Матюша, сказала она:— ты говорилъ, что обо всемъ можно разсуждать спокойно? Вѣдь, говорилъ?

— Да, тетя, говорилъ.

— И ты тоже говорилъ, что всякій можетъ имѣть свое мнѣніе и можетъ это мнѣніе высказать, ну, хоть для того, чтобы сознаться въ ошибкѣ, если онъ ошибается? Вѣдь, говорилъ?

— Говорилъ, тетя, отвѣчалъ Матвѣй Ивановичъ, невольно улыбаясь искусству, съ какимъ его добрая, простодушная старушка подводила мину.

— Ты знаешь ли, Матюша, какъ я тебя люблю?

Голосъ ея задрожалъ и нѣсколько слезъ быстро повалились одна за другой.

Она точно его любила, онъ это зналъ. Передъ нимъ промелькнуло его счастливое дѣтство, какъ онъ отдохнулъ у нея послѣ капризной любви родной матери, опомнился послѣ помыванья буйнаго отца, какъ она неусыпно о немъ заботилась, ничего не жалѣла для его утѣхи, какъ для него трудилась, мучилась, терпѣла, какъ жила только имъ, какъ, наконецъ, и теперь живетъ только имъ.

— Знаю, тетя, проговорилъ онъ.

— Неужели ты думаешь, Матюша, что я не желаю тебѣ счастья? Ахъ, милый ты мой! да я о томъ только и горюю, что тебѣ его нѣтъ до сихъ поръ! Ты не вѣришь мнѣ, Матюша?

— Вѣрю, тетя, вѣрю. Ну, скажите, какого же бы вы мнѣ счастья желали?

— Я бы тебѣ, Матюша, желала такую невѣсту, которая бы тебя вполне была достойна... Красавицу... которая бы тебя любила больше всего на свѣтѣ.. Вотъ когда такая найдется, такъ я сама тебя стану просить: Матюша, женись!

— Таковой, тетя, не найдется, возразилъ ей съ улыбкой Матвѣй Ивановичъ.

— Отчего не найдется, мой другъ? Непременно найдется! Отчего-жъ, ты полагаешь, не найдется?

— Отъ того, что вы, тетя, на этотъ счетъ очень мнительны и вамъ все будутъ представляться одни изъяны.

— Ну, это грѣхъ тебѣ, Матюша! грѣхъ, мой другъ...

— Тетя, не обижайтесь...

— Нѣтъ, Матюша, ты напрасно... напрасно смѣешься... Я всей душой буду рада, когда пошлется тебѣ такое счастье! И какъ я ее любить буду! Мы съ нею отлично заживемъ! Ужъ между нами никакихъ глушыхъ ссоръ не будетъ, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ!

Увлечшись представленіями будущаго блаженнаго существованія, Варвара Сергѣевна долго фантазировала.

Матвѣй Ивановичъ слушалъ разсѣянно. Онъ о чемъ-то думалъ, но тѣмъ не менѣе, какъ нельзя лучше понялъ, что ревниво любившая его старушка никогда ни къ какому живому воплощенію рисуемаго ею идеала не отнесется не только дружелюбно, но даже милостиво.

Когда разговоръ завершенъ былъ объятіемъ и поцалуемъ, Матвѣй Ивановичъ всталъ съ дивана.

— Ты куда, Матюша? спросила Варвара Сергѣевна, стараясь казаться совершенно спокойной.

— Пойду за городъ, погуляю.

— Къ чаю придешь?

— Не знаю, тетя...

— Къ ней! къ ней! прошептала Варвара Сергѣевна, слѣдя въ окна за удалявшимся по улицѣ Матвѣемъ Ивановичемъ.

Но Матвѣй Ивановичъ пошелъ пока не „къ ней“, а дѣйствительно за городъ.

Онъ чувствовалъ потребность побыть одному, кое-что обдумать, поуспокоиться.

Пока онъ шелъ по душнымъ, нечистымъ улицамъ города, мысли у него только роились и путались, и онъ твердилъ про себя только одно:

— Однако, тетя отравляетъ мнѣ всякія отношенія! Изъ этого можетъ выйти какая-нибудь неприятность! Какъ оградить Софью Яковлевну отъ этихъ подозрѣній? Это ни на что не похоже!

Сколько въ жизни простыхъ вещей, которыхъ люди не хотѣтъ понимать! Сколько каждый самъ себя устраиваетъ мученій, сколько ихъ устраиваютъ ему другіе! Вѣдь тетя хорошая женщина!.. Отличная женщина! А между тѣмъ... Какъ это въ одно мѣсто и томъ же человѣкѣ, рядомъ съ самымъ высокимъ самоотверженіемъ, уживается самая мелкая слабость...

Очутившись за городомъ, онъ пошелъ тише и, мало-по-малу, волненіе утихло, мысли потекли плавнѣе.

Онъ не замедлялъ оставить ни къ чему не ведущіе вопросы: „какъ это?“ „зачѣмъ это?“ и бесполезныя сѣтованья, что „вотъ могло бы быть хорошо, а между тѣмъ худо“, и занялся исключительно Софьей Яковлевной.

Онъ вызывалъ ея образъ и образъ этотъ вдругъ (такъ живо ему представился, что ему даже стало жутко; внимательные темные глаза такъ засвѣтились передъ нимъ, что онъ даже пріостановился и подался назадъ).

Онъ постоялъ, усмѣхнулся какъ-то неопредѣленно, и снова пошелъ, но уже гораздо тише.

Шель и все поглядывалъ по сторонамъ, словно что измѣнилось на мѣстахъ его обычной прогулки въ свободное время.

Ему стало какъ-то необыкновенно легко и вмѣстѣ жутко, сердце какъ-то радостно таяло, и вмѣстѣ съ тѣмъ замирало.

— Какой чудесный вечеръ! проговорилъ онъ. — И какъ тутъ удивительно хорошо!

Вечеръ, точно, былъ чудесный, но въ мѣстности, если только ее подражывалъ Матвѣй Ивановичъ подъ словомъ „тутъ“, не было ничего особеннаго: просто широкая ярко зеленая поляна, впередъ уходившая изъ глазъ, съ одной стороны окаймленная темнымъ соснякомъ, а съ другой обрывисто спускавшаяся къ луговому ручью; ручей этотъ быстро катился, совершенно прикрытый широколиственными кустами мать-и-мачихи, вздрагивавшими надъ волной. Такіе же кусты, въ перемежку съ какими-то крестовидными пучками листьевъ, темнѣли на луговой травѣ. Лугъ зеленѣлъ, какъ ровно раскинутый коверъ, до опушки высокаго тѣлаго сосноваго лѣса, который выступалъ круглымъ мысомъ и представлялся совѣтъ бархатнымъ, потому что круто поворачивалъ на лѣво и скрывался въ лощинѣ, между косогорами, усыпанными, какъ стрѣлами, молодыми островерхими ёлками.

Еслибы показать эту картину охотнику до величественныхъ видовъ, ревущихъ водопадовъ, неприступныхъ утесовъ, то онъ бы, пожалуй, поднялъ только вверхъ плечи и сказалъ бы: „Ахъ, ледники Швейцаріи!“ или: „о, Ніагара!“ и съ грустію бы пожаловался, что въ Россіи даже порядочнаго вида не отыщешь.

Но Матвѣй Ивановичъ не видалъ пока швейцарскихъ ледниковъ, къ Ниагарѣ тоже еще не успѣлъ пробраться, а главное, у него сердце какъ-то особенно дрожало, и потому онъ все любовался незатѣйливымъ русскимъ ландшафтомъ и все говорилъ:

— Какъ тутъ хорошо! Какъ удивительно хорошо!

Онъ еще повторялъ эти слова, а уже окружающій ландшафтъ словно исчезъ передъ нимъ, и вмѣсто его онъ видѣлъ небольшую душную комнатку со спущенной бѣлой шторой на окнѣ, а въ комнатѣ, въ углу, за маленькимъ столикомъ темноглазая дѣвушка съ разгорѣвшимися щеками, совершенно погруженная въ чтеніе. Вотъ онъ входитъ, отрываетъ ее отъ чтенія и она засыпаетъ его вопросами. И съ какой тревогой, съ какими волненіемъ она слушаетъ отвѣты! Какъ строго, какъ терпѣливо разбираетъ каждое слово новой грамоты!

Матвѣю Ивановичу вспомнилась первая встрѣча, первое знакомство и сближеніе. Не словохотлива она была! нетороплива, на новыя знакомства! Не сойдись онъ съ отцомъ, онъ, пожалуй, никогда бы не узналъ дочери.

Даже при одной мысли, что онъ могъ не узнать ее, ему стало нехорошо.

У него вдругъ явилось непреодолимое желаніе ее видѣть, удостовериться, что вотъ она тутъ, цѣла, порадоваться на нее, услышать, какъ она скажетъ: „Это вы?“, поговорить съ ней о многомъ, многомъ—о чемъ до сихъ поръ еще не говорилось.

Онъ повернулъ къ городу и пошелъ такъ быстро, что когда очутился у дверей Кириловыхъ, то у него совсѣмъ заняло грудь и онъ, схватившись рукой за грудь, долженъ былъ постоять и погодить, пока вздохнется свободнѣе.

IV.

Мать у Софьи Яковлевны умерла, когда ей было всего девять лѣтъ, а такъ-такъ отецъ у нея былъ большой дѣмосѣдъ и рѣшительно неспособный на устраиванья дѣтскихъ пивниковокъ, лотерей, ёлокъ, именинныхъ вечеринокъ и тому подобное, то дѣтство свое Софья Яковлевна провела, сравнительно, въ уединеніи. Впослѣдствіи, когда Софья Яковлевна подросла, многія, внимательныя къ чужому образу жизни, матери семейства стали поговаривать, что Кириловъ воспитываетъ свою Соню странно, что Соня растетъ какой-то дикаркой, что манеры у нея ужасныя,—наша Конкордія Августовна говоритъ ей: *Bonjour Sophie!* а она, какъ жеребенокъ, въ сторону!“—и что необходимо посо-

вѣтовать Кириллу, чтобы онъ обратилъ, наконецъ, вниманіе на дочь, что такъ нельзя, что родительская любовь должна заключаться не въ баловствѣ, а въ другомъ, и проч.

Матери семействъ „посоветовали“.

Совѣтъ былъ, разумѣется, данъ такимъ образомъ, что долженствовавшій имъ воспользоваться прежде всего страшно перетревожился.

— Ахъ, Яковъ Ивановичъ, начали запѣвали:—намъ очень это грустно, но мы считаемъ первымъ долгомъ васъ предупредить... отвратить отъ васъ и отъ вашей Сони то горе, которое...

— Ахъ, да, Яковъ Ивановичъ, подхватилъ хоръ:—мы должны васъ предупредить... Бѣдная ваша Соня...

Яковъ Ивановичъ, больше всего на свѣтѣ любившій дочь, вообразилъ, что съ ней случилось что-либо ужасное и что его, какъ говорится, „осторожно приготавлиютъ“ къ страшному извѣстію. Добившись, въ чемъ дѣло, онъ очень обрадовался, наскоро потолковалъ съ совѣтчицами о необходимости соблюдать общественныя приличія, поблагодарилъ ихъ за любезное приглашеніе прислать къ ихъ дѣтямъ Соню, и поспѣшилъ домой.

— Чечетки! разсуждалъ Яковъ Ивановичъ, идя домой:—чечетки! Воображаю, какъ бы онѣ принялись муштровать Соню! „Необходимо умѣнне обращаться въ обществѣ!“ Нѣтъ, пусть ужъ лучше Соня останется „дикаркою“, пусть лучше смѣшитъ своею неловкостью свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ!

Но тутъ мысли его приняли нѣсколько иное теченіе. Ему вспомнилось, что пова Х—ское общество преимущественно состоитъ изъ дамъ и кавалеровъ и что эти дамы и кавалеры являлись все, не подходящее имъ подѣ стать.

Онъ привадумался.

Передъ нимъ замелькало не мало лицъ, пожелавшихъ устроить себѣ жизнь по своему и жестоко поплатившихся за это, казалося бы, никому не обидное желаніе.

Напримѣръ, давно-ли погибла Вѣра Ивановна, очень не глупая, честная, хорошая женщина, погибла единственно за то, что не хотѣла признать иманнинныхъ визитовъ?

Сначала пронеслися слухи, что она „Богъ знаетъ, что о себѣ мечтаетъ“, потомъ, что „она считаетъ всѣхъ за ничто“, потомъ, что она „думаетъ всѣхъ дурачить“, потомъ, что „она можетъ быть и рада бы ужъ возобновить знакомство, но такія обстоятельства...“

Работа закипѣла и черезъ годъ выплелись такіе узоры, какихъ лучше невозможно было и желать. И плетенье было такое прочное, основательное. Вѣра Ивановна сдѣлалась чѣмъ-то въ

родѣ уѣадной паріи. Даже купцы въ лавкахъ, принимая отъ нея деньги за товаръ, особенно подозрительно разглядывали бумажку на свѣтъ и, продержавъ бѣдную женщину лишникъ полчаса, говорили, подавая ей сдачу: плоха бумажка-то! Въ случаѣ чего, ужъ вы назадъ примите.

Какъ она въ одинъ годъ измѣнилась!

Яковъ Ивановичъ даже вздрогнулъ, представивъ себѣ ея, за годъ свѣжее, веселое и живое лицо. Какъ подозрительно она взглянула на него, когда онъ протянулъ ей руку! Съ какой горькой усмѣшкой выслушала его увѣренія въ неизмѣнной дружбѣ!

— Заѣли! заѣли! повторилъ онъ нѣсколько разъ.

— Впрочемъ, моя Соня не похожа на Вѣру Ивановну, прибавилъ онъ себѣ въ утѣшеніе.— Она не придетъ въ отчаянне отъ глушыхъ сплетень...

Однако, придя домой, онъ не замедилъ передать своей Сонѣ только-что полученныя имъ лестныя приглашенія и, передавъ ихъ, спросилъ:

— Что-жь, Соня, ты сберешься къ нимъ?..

— Зачѣмъ мнѣ туда? спросила Соня.— Вѣдь ты самъ говорилъ...

— Что-жь такое, что я говорилъ... Я вѣдь такой человѣкъ, который ничему мѣры не знаетъ, Соня...

Соня пристально на него поглядѣла. Онъ смѣнился, подошелъ къ окну, поглядѣлъ на темную, какъ лѣсъ, улицу, походилъ по комнатѣ.

— Проповѣдывалъ, проповѣдывалъ, а теперь и на попятный дворъ! думалъ онъ и очень стыдился.

— Что съ тобой? спросила Соня, не спускавшая съ него глазъ.

Онъ остановился и началъ такъ:

— Видишь-ли, Соня, въ дѣйствительную жизнь трудно съ неуклонностію проводить все, что намъ хочется... Очень трудно...

Соня все такъ же пристально на него глядѣла и очень внимательно его слушала.

— И не только трудно, а даже невозможно...

Онъ прошелся по комнатѣ.

— Даже невозможно, Соня...

— Почему невозможно? спросила Соня.

— Сила обстоятельствъ—страшная сила! Она коверкаетъ человека!

Онъ опять походилъ.

— Ты не знаешь, Соня, снова началъ онъ:—что значитъ бороться съ обществомъ, какъ жестоко мститъ оно за поправы даже самыхъ пошлыхъ своихъ постановленій! Охъ, какъ жестоко!

Онъ опять прошелся.

— Первые бойцы всегда падаютъ въ битвѣ, Соня, это давно извѣстная истина. Потому, по проложенной уже дорогѣ, хотя не легко, но все-таки можно идти...

— Что ты хочешь сказать? спросила Соня. — Что надо выждать, пока попадаютъ другіе и ужъ тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то, вовсе не то, Соня! воскликнулъ Яковъ Ивановичъ: — вовсе не то...

Онъ весь покраснѣлъ и съ смущеніемъ, съ тоскливою тревогою поглядѣлъ на молодое, слегка поблѣднѣвшее лицо, не спускавшее съ него темныхъ блестящихъ глазъ.

— Все не то, Соня...

— А что-же?

— Я хочу только сказать, что... что... иногда уступать... разумѣется въ вещахъ неважныхъ, въ пустякахъ... можно, даже благоразумно... даже необходимо, Соня...

— Ты прежде не то говорилъ, замѣтила Соня.

— Да вѣдь я говорилъ вообще, Соня, я не примѣнялъ этого къ пустякамъ... И что значать какіе-нибудь пустяки? Вотъ, когда дѣло касается чего нибудь... чего нибудь важнаго, основнаго...

Онъ замолкъ.

Онъ до сихъ поръ былъ честный человѣкъ въ настоящемъ значеніи этого слова, которое, мимоходомъ будь сказано, весьма разнообразно толкуется, и ему стало совѣстно прикрывать свою несостоятельность разными хитроуміями. Онъ просто испугался за свою Соню и, по слабости духа, пошатнулся. Прежде, когда онъ читалъ съ нею Плутарха, онъ съ наслажденіемъ развивалъ въ чуткой дѣвчкѣ всякія героическія чувства, но наступило время, когда предстояла опасность пустить уроки Плутарха въ дѣло, и вотъ онъ готовъ былъ — не какъ Авраамъ, не задумавшійся возложить Исаака на костеръ, а какъ большая часть родителей, — готовъ былъ болѣе или менѣе отречься отъ всѣхъ своихъ боговъ, чтобы сохранить своего Исаака.

Онъ отшатнулся и еще разъ попробовалъ:

— Уступать въ пустыхъ вещахъ даже слѣдуетъ, даже полезно, Соня...

Нѣтъ, онъ рѣшительно не имѣлъ силы взглянуть ей прямо въ глаза! Да и многолѣтняя честность взяла свое: онъ отложилъ въ сторону всякія „даже полезно“, „даже необходимо“, „для пользы общей“ и, отвернувшись къ огню, съ отчаяніемъ проговорилъ:

— Ахъ, Соня! вѣдь тебя заклюютъ!

— Ну, пускай заклюютъ! отвѣтила Соня, видимо усвоившая

себѣ героическіе уроки гораздо глубже и прочнѣе, чѣмъ бы преподаватель теперь того желалъ.

Къ тому-же, она была неопытна, не клевана, а кромѣ того, быть можетъ, надѣлена отъ природы большей дозой рѣшительности и настойчивости.

— Ахъ, Соня! вѣдь это легко говорить! Вѣдь это не шутка!

— А развѣ ты до сихъ поръ все шутишь со мной? сказала Соня:—помнишь, что ты говорилъ мнѣ?

Голосъ у нея былъ низкій, въ немъ не существовало ни единой пронзительной, визгливой нотки; къ этому еще она и говорила съ нимъ очень тихо, а между тѣмъ, звуки ея голоса какъ-то болѣзненно отчетливо звучали въ его ушахъ и каждое ея слово отдавалось съ удивительною ясностію и силою.

— Нѣтъ, Соня, я не шутишь, выговорилъ онъ:—нѣтъ, я не шутишь...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— А знаешь, вѣдь это смѣшно! началъ снова Яковъ Ивановичъ.

— Что смѣшно?

— Да вотъ, что ми съ тобой такъ разволновались изъ пустяковъ, изъ того, идти ли въ гости къ какому-то барынямъ, или нѣтъ!

Соня ничего на это не отвѣтила, но Яковъ Ивановичъ и безъ отвѣта зналъ, что ей не смѣшно, точно также, какъ не было смѣшно ему самому, что она понимаетъ, какъ понималъ и онъ самъ, что инне „пустяки“ не хуже самыхъ важныхъ вещей показываютъ куда тянетъ человѣкъ и могутъ лучше всякаго меча обрубить очень прочно связывающія нити всевозможныхъ чувствъ.

Снова наступило молчаніе и длилось на этотъ разъ гораздо дольше.

Яковъ Ивановичъ опять походилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ дочери, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Соня, чего-жь ты такъ огорчаешься? Ну, дѣлай какъ тебѣ угодно... Развѣ я стану тебя притѣснять? Развѣ я стану? Я только... только боюсь за тебя.

Онъ схватилъ и другую ея руку, обѣ ихъ прижалъ къ своимъ губамъ и чуть не разрыдался.

— Боишься за меня? А помнишь ту итальянку, которая привела обоихъ сыновей и сказала: вотъ они!.. помнишь?

Она говорила это уже улыбаясь, мягко и тихо, но была вся блѣдная, глаза у нея сіяли какъ звѣзды и когда отецъ подаловалъ ее, то почувствовалъ, что губы ея холодны какъ ледь.

У нихъ завязалась долгая бесѣда, продолвшаяся далеко за

полночь, первая бесѣда, въ которой древнихъ и новыхъ героевъ они отодвинули въ сторону, а внимательно поглядѣли другъ на друга и задали другъ другу кой какіе весьма существенные вопросы.

— Соня! ты побѣдила! сказала Яковъ Ивановичъ.

Этимъ закончилась ихъ бесѣда.

Яковъ Ивановичъ былъ очень взволнованъ, но въ такомъ настроеніи, когда человѣка никакъ не несутъ ноги назадъ, на такъ непонятный понятный дворъ, хотя онъ и съ ужасомъ глядитъ впередъ.

Онъ уже простился и затворилъ за собой двери, но вдругъ вернулся назадъ и сказалъ:

— Вотъ что, Соня: вѣдь между этими барынями есть и добрыя женщины, которыя обидятся твоимъ отказомъ. Зачѣмъ ихъ обижать?

— Я не хочу обижать ни добрыхъ, ни злыхъ, отвѣчала Соня. Очень можетъ быть, что я пойду ко всѣмъ. Я понимаю, что уступки слѣдуетъ дѣлать. Я безъ спору готова протанцовать цѣлую ночь на балѣ, или нѣсколько часовъ вести визитные разговоры, но сама я баловъ давать не буду и заводять визитныхъ разговоровъ не стану. Ты вѣдь понимаешь, что я хочу сказать? Можно и должно дѣлать уступки, только не тогда, когда это только намъ полезно. Ты вѣдь меня понимаешь?

Она стояла со свѣчей въ рукѣ и свѣтъ ярко озарялъ ея молчаливое, блѣдное, серьезное и тихое лицо.

— Понимаю, понимаю, проговорилъ Яковъ Ивановичъ, порывисто ее обнявъ еще разъ и ушелъ.

Назначенный для визитовъ четвергъ прошелъ, но ни отецъ, ни дочь не заводили больше о визитахъ разговора. Очень легко можетъ статься, что этотъ вопросъ такъ бы и затихъ, если бы Х—скія матери семейства не рѣшились бытъ до конца великодушными и въ субботу же сами не явились въ непоказную квартирку Кириловыхъ.

Обращеніе великодушныхъ посѣтительницъ отличалось столько же простотой, сколько и любезностью, а доброта ихъ могла сравняться только съ ихъ безыскусственностію. Однѣ разсматривали Соню какъ виньетку или какой нибудь канвовый узоръ, глядя на цвѣтъ ея лица, косы, глаза, другіе съ милѣйшей шутливостію увѣряли, что теперь не выпустятъ ее изъ рукъ, пока совершенно не уничтожатъ ея нелюдимости, третьи поздравляли Якова Ивановича съ такой прелестной дочкой, которой хотя и не достаетъ того-то и того-то, но это не бѣда, потому что легко то-то, то-то и то-то приобрести.

Во все продолженіе этихъ визитовъ, Яковъ Ивановичъ былъ какъ на горячкахъ угольяхъ. Онъ поминутно взглядывалъ на свою Соню и отвѣчалъ большей частью совсѣмъ не впадая, потому что вслушивался въ отвѣты Сони на любезности посѣтительницъ.

Къ величайшему его удовольствію и большому удивленію, Соня, если не держала себя съ развязной ловкостью свѣтской дѣвицы то и не отличалась никакими угловатыми выходами дикарки, — на что, смѣемъ думать, сильно рассчитывали посѣтительницы.

— Нѣтъ, ей можно дать полную волю! Нѣтъ, она ужъ не дѣвочка! думалъ Яковъ Ивановичъ, слѣдя за нею, и не понимая разказа одной изъ посѣтительницъ, сообщавшей ему, что „вообразите! Надежда Гавриловна все еще за границей! Мужъ, говорятъ, такъ этимъ недоволенъ... Она, конечно, странно поступаетъ, но я не рѣшаюсь такъ ее осуждать“... и проч.

Соня отдала визиты, побывала на нѣсколькихъ, такъ называемыхъ „безцеремонныхъ“ вечерахъ, гдѣ надо было, расхаживая по залѣ подъ руку съ дѣвицей-хозяйкой или дѣвицей-гостьей, слушать напоминающаго молодую морковъ гусара, который съ жаромъ и пыломъ рассказывалъ, какъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ „всего въ двухъ вершкахъ стоялъ отъ Патти“ на вечерѣ у графа такого-то, или давать отчетъ широкому солидному штабсъ-капитану, весело ли она проводить время, занимается ли музыкой и не груститъ ли безъ причины, „какъ случается съ молодыми дѣвицами“, или разговаривать съ кислымъ молодымъ помѣщикомъ о его планахъ при первой возможности бросить „эту глушь“ и явиться „въ другой, болѣе соответствующей его развитію сферѣ“; но покровительницы ея скоро увидали, что предметъ ихъ великодушнаго вниманія все-таки никогда не оправдаетъ ихъ расположенія, и мало по малу не только охладѣли къ ней, но даже почувствовали нѣчто неприязненное. Дѣвицы, вначалѣ обнимавшія ее и говорившія ей: что бы ни было, мы друзья на вѣкъ, — да? тоже не замедлили понять, что обманулись въ своихъ ожиданіяхъ.

Когда Матвѣй Ивановичъ прибылъ, въ качествѣ новаго члена X-скаго учебнаго заведенія, за Соней уже установилась неважная репутація дѣвушки „странной“. Дамы и дѣвицы, отличавшіяся красотой, въ довѣрчивыхъ разговорахъ съ кавалерами, утверждали, что она не лишена ума, но умъ этотъ нѣсколько неприятный и притомъ у нея совершенно нѣтъ сердца; дамы, отличавшіяся безобразіемъ, напротивъ, утверждали, что она, правда, очень не дурна собой, но за то ужъ просто до невѣроятія глупа и къ тому же самонадѣянна до смѣшнаго; матери

семействъ удивлялись, что она обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ молодыхъ людей; приписывали это ея „страннымъ“ манерамъ, и благодарили небо, что ихъ Фанни, или Полина не таковы; менѣе вліятельные члены семействъ, вдовствующія куклины, дѣвствующія тетки и разныя другія сиротливыя родственницы положительно опасались, что эта дѣвушка кончитъ не хорошо.

Частыя посѣщенія Матвѣя Ивановича, разумѣется, были и забыты, и истолкованы какъ слѣдуетъ.

V.

Матвѣй Ивановичъ справедливо замѣтилъ, что Соня была не расточительна на ласковыя слова, не тороплива на сближеніе, съ первыхъ же дней знакомства онъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, привязанность ея къ нему росла не по днямъ, а по часамъ, но все это совершалось подѣ спудомъ, а если и прорывалось наружу, то неуловимо. Когда же Соня почувствовала, что чинный наставникъ сталъ и любимымъ человѣкомъ, она сдѣлалась еще сдержаннѣе.

А почувствовала она это очень скоро, потому что хотя любовь эта и закралась незамѣтно, какъ закрадывается какая-нибудь болѣзнь, но оказалась такого остраго и опаснаго свойства, что къ ее никакъ нельзя было принять за легкую недомогу и задавать себѣ вопросъ: что это, недугъ или такъ не по себѣ?

— Какая она спокойная! думалъ Матвѣй Ивановичъ, глядя на нее въ тотъ вечеръ, когда произошло у него объясненіе съ Варварой Сергѣевной и когда онъ, почувствовавъ непреодолимое желаніе видѣть Соню, воротился съ прогулки за городомъ. Только гдѣ и можетъ взбрести странная мысль, что она... Удивительно, до чего она безмятежна!

Ему и въ голову не приходило, какъ у этой безмятежной и было, и замирало, и ныло, и дрожало сердце, сколько часовъ она безжалостно ломала себя, чтобы явиться ему въ этомъ безмятежномъ видѣ.

Еслибъ у нея кто-нибудь спросилъ, зачѣмъ она такъ ломала себя, она бы, очень можетъ быть, не нашла и отвѣта. Она была изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ не умѣютъ пользоваться жизнію и которыхъ другія женщины, умѣющія пользоваться жизнію, называютъ, не безъ презрѣнія, недотрогами.

Подобныя недотроги точно иногда поступаютъ безумно, но такъ-какъ къ безумію ихъ не примѣшивается своекорыстныхъ

расчетовъ и онѣ сами за него всёхъ дороже расплачиваются, то онѣ заслуживаютъ, можетъ быть, нѣвотораго снисхожденія.

Въ помянутый вечеръ случилось такъ, что Кирилова не было дома и они провели его вдвоемъ.

Блаженный то былъ для Сони вечеръ!

Хорошъ онъ былъ и для Матвѣя Ивановича — такъ хорошъ, что потомъ онъ никакъ не могъ изгнать его изъ своей памяти.

О собственномъ чувствѣ, успѣвшемъ въ этомъ вечеръ завладѣть ими болѣе, чѣмъ во все предшествующее время знакомства, не было и помянуто, но все, что ни говорилъ одинъ, было другимъ понято и находило отвѣтъ.

Богу любви нечего было являться между ними примирителемъ и извинителемъ, какъ это нерѣдко бываетъ, когда двое людей, увлеченныхъ страстью, берутъ, по пословицѣ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, кто подъ гору, кто на гору.

На слѣдующее же утро, часу въ одиннадцатомъ, Соня должна была поплатиться за этотъ блаженный вечеръ.

Она сидѣла съ книгой, но не читала. Испытанное ею счастье было слишкомъ сильно и на время парализовало всякую дѣятельность. Она то прислонялась къ жесткой спинкѣ кожанаго дивана головой, закрывала глаза, и слабая, чуть замѣтная улыбка скользила по ея губамъ, то приподнималась, блѣднѣла, темные глаза широко открывались, она глубоко вздыхала и снова набѣгала краска на щеки, снова смыкались рѣсницы, снова появлялась слабая улыбка на губахъ.

Въ такомъ состояніи духа застала ее Варвара Сергѣевна, которая тотчасъ же замѣтила, что съ нею происходитъ нѣчто необычайно, тотчасъ же рѣшила, что это необычайное несомнѣнно имѣетъ пагубное отношеніе къ Матюшѣ, и еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи пустить въ ходъ все, могущее „спасти Матюшу“.

— Все читаете, Софья Яковлевна! сказала Варвара Сергѣевна послѣ первыхъ привѣтствій, усѣвшись въ креслѣ и окидывая комнату испытующимъ взглядомъ.

— Вотъ тутъ, за этимъ столикомъ, онъ съ ней рядомъ сидитъ! думала ревнивая старушка. — Да, да, вотъ тутъ онъ сидитъ, вотъ тутъ она его обольщаетъ!

Сердце у нея такъ и закипѣло, и ужаснаго труда ей стоило сохранить приличный видъ гостыи и вести разговоры съ этой ненавистной обольстительницей.

Соня, между тѣмъ, ни мало не подозрѣвая какая буря въ душѣ посѣтительницы, особенно мягко настроенная, съ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣла на самоотверженную воспита-

тельницу дорогаго ей челоуѣка, съ непъяснимымъ наслажденіемъ ее слушала и, не взирая на всю свою сдержанность, невольно выказывала въ обращенія съ ней особую кѣжность.

— Все читаете, Софья Яковлевна! повторила Варвара Сергѣевна.—Я важь, можетъ быть, помѣшала?..

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтила Софья Яковлевна.—Я читать могу и послѣ... Я теперь и не читала...

— Матюша тоже очень любитъ читать, продолжала Варвара Сергѣевна, съ замѣтнымъ волненіемъ.—И прежде онъ очень много читалъ... А теперь нѣтъ, некогда...

Въ тонѣ ея голоса, въ порывистомъ расправленнн мантильи, въ избѣганіи прямо взглянуть въ глаза было что-то такое, что кольнуло бы и менѣе чуткую женщину, чѣмъ Софья Яковлевна.

— Матвѣй Ивановичъ очень занятъ, проговорила она.

— Да, очень занятъ, продолжала Варвара Сергѣевна, все съ возрастающимъ волненіемъ:—очень занятъ... Это вредно дѣйствуетъ и на его здоровье... Очень вредно. Но онъ такой челоуѣкъ, что никогда не скажетъ, какъ ему ни трудно... Его деликатность погубить его... Непремѣнно погубить... Вѣдь деликатныхъ людей очень мало на свѣтѣ... Всякій думаетъ только о томъ, что ему хорошо, а о другихъ... Кто захочетъ думать о другихъ? Нѣтъ, Матюшу погубить его деликатность! И какъ онъ худѣетъ! Не по днямъ, а по часамъ! Глядя на него вчужѣ сердце изныло!

Варвара Сергѣевна все это проговорила скороговоркою, не переводя духу, не рѣшаясь взглянуть на Софью Яковлевну. Она была женщина добрая и терзая, хотя бы и коварную обольстительницу, было для нея непріятно и тяжело.

Не получая однако никакого отвѣта, она, наконецъ, рѣшилась взглянуть въ лицо своему врагу.

Взглянула и была поражена его выраженіемъ. Она ожидала гнѣвныхъ взоровъ, презрительныхъ или насмѣшливыхъ улыбокъ, смущенія, вызывающихъ, торжествующихъ минъ, но никакъ не ожидала глубокой печали, заставившей поблѣднѣть это, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, счастливое розовое лицо.

— Вѣдь змѣя, больше ничего! думала Варвара Сергѣевна.—Хочетъ погубить Матюшу... И погубить, если допустить...

Не смотря на эти возбуждающіе доводы, старушка все-таки смѣшалась, окончателно пришла въ отчаяніе и съ отчаяніемъ вскрикнула:

— Охъ, боже ты мой! хоть бы ужъ Юлія Михайловна пріѣхала!

Почему ей вспомнилась Юлія Михайловна, почему она вдругъ пожелала ея пріѣзда, она и сама бы не рѣшила. Вѣроятно, въ

порывъ отчаянія, окидывая мысленно всѣхъ мучившихъ ее обольстительницъ, она остановилась на самой далекой и забытой, инстинктивно предпочитаемая утратившаго силу врага врагамъ, по ея мнѣнію, обладающимъ могуществомъ.

— Это ваша родственница? спросила Софья Яковлевна.

— Нѣтъ, нѣтъ! какая родственница! Матюша ее очень любилъ... Самъ говорилъ мнѣ, что ночей не спалъ, плакалъ...

— Отчего же она не ѣдетъ? спросила Софья Яковлевна.

Софья Яковлевна спрашивала съ наружнымъ спокойствіемъ, но Варвара Сергѣевна поняла, что попала, хотя нечаянно, да мѣтко.

— Не знаю, проговорила она:—не понимаю... Я жду ее... Матюша... О, ужъ Матюша-то какъ бы былъ счастливъ! И ужъ я бы успокоилась!

И Варвара Сергѣевнѣ въ эту минуту точно показалось, что пріѣзжай Юлія Михайловна, такъ „и она бы успокоилась“.

— Что за жизнь теперь Матюшина! продолжала она. — Что за жизнь! Его вѣдь ничто здѣсь не занимаетъ... разумѣется, онъ и разговариваетъ, и услуживаетъ, да все это только такъ, по добротѣ, по деликатности... Вотъ хотя бы и уроки. Вчера онъ получилъ приглашеніе давать уроки отъ Клавдія Петровни Розовой — вы знаете Клавдію Петровну?

— Знаю.

— Пишетъ, проситъ, чтобъ давать ей уроки. Онъ согласился слова не сказавъ, а вѣдь я-то знаю, что вовсе ему не слѣдовало соглашаться... По деликатности не хотѣлъ ей отказать...

Нѣсколько минутъ длилось молчанье.

— Хоть бы она чтонибудь сказала! думала Варвара Сергѣевна, не рѣшаясь взглянуть въ лицо обольстительницы и судорожно расправляя мантилю. — Хоть слово-бы одно сказала! Вѣдь это неловко... Ужъ лучше уйду... Не могу больше... не могу...

— Ну, прощайте, Софья Яковлевна, сказала она вставая:—милости просимъ къ намъ...

— Благодарю васъ, отвѣчала Софья Яковлевна.

— Передайте мой поклонъ Якову Ивановичу, попеняйте, что забылъ насъ, рѣдко навѣщаетъ...

И вдругъ перестала трясти своей похолодѣвшей рукой похолодѣвшую руку Софьи Яковлевны, загнулась, покраснѣла и торопливо залепетала:

— Вы, Софья Яковлевна, не подумайте... Я вовсе не на вашъ счетъ... То-есть объ урокахъ... Вы совсѣмъ другое... Васъ Матюша очень уважаетъ... Онъ говоритъ, что вы такія добрая,

такія умныя... Для васъ онъ все радъ сдѣлать... Вы извините, если я что не такъ сказала... не примите моихъ словъ...

— Не беспокойтесь, Варвара Сергѣевна, проговорила Софья Яковлевна.

— Не примите моихъ словъ какънибудь... Извините, если я васъ огорчила.. Охъ, мнѣ самой-то какъ ужъ тяжело! Какъ тяжело! Просто, свѣтъ Божій...

Варвара Сергѣевна не могла продолжать и заплакала.

Бѣдная старушка не лукавила, ей въ самомъ дѣлѣ было очень тяжело. Коварствовать, хотя бы и для спасенія безцѣннаго Матюши, было для нея дѣломъ непривычнымъ и душѣ претящимъ.

— Успокойтесь, повторила Софья Яковлевна: — прошу васъ, успокойтесь...

— Извините, Софья Яковлевна, извините, лепетала она, тревожно отирая лившіяся изъ глазъ слезы.—Извините... Не сердитесь.. И не говорите Матюшѣ... онъ будетъ недоволенъ...

— Я ничего не скажу, будьте увѣрены. Я не сержусь на васъ, успокойтесь...

— Извините, Софья Яковлевна, вѣрите...

— Я вѣрю...

Наконецъ Варвара Сергѣевна ушла.

Софья Яковлевна стояла у порога, приблизилась къ окну, проводила глазами гостью, удалявшуюся быстрыми шажками и первисто обдергивавшую свою мантилью, сѣла на свое прежнее мѣсто, взяла въ руки книгу, прикрыла ею лицо и такъ оставалась, пока не услышала голоса возвратившагося съ уроковъ отца

Онъ возвратился въ особенно хорошемъ расположеніи духа и, входя, весело и громко сказалъ:

— Ну, Соня, давай скорѣе обѣдать! Послѣ обѣда мы съ Матвѣемъ Ивановичемъ задумали удивительную прогулку. Онъ сейчасъ за нами зайдетъ. Да что съ тобой, Соня? На тебѣ лица нѣтъ? Ты больна?

Онъ перетревожился и схватилъ ее за руки.

— Ужасно голова болитъ, отвѣчала Соня.—Чувствуешь, какія у меня холодныя руки? Я едва на ногахъ держусь

— Да что же это съ тобою, Соня? Охъ, боже мой! Я за докторомъ...

— Погоди, погоди... Не надо доктора. Я просто, кажется, угорѣла...

— Угорѣла?

— Да, варила кофе и пролила сливки, начала ужасно... Намочу голову холодной водой и лягу... Да не тревожься: къ

вечеру все пройдет... Иди гулять... Обѣдай... Мнѣ тоже оставь: угаръ пройдет, такъ голодъ явится волчій... Проводи-ка меня до постели и принеси холодной воды...

Она позволила ему поправлять ей подушки, мочить ей голову холодной водой, тереть виски укусомъ,— даже въ успокоеніе ему съѣла два кусочка сахару, накапаннаго гофманскими каплями,— спускать шторы, цѣплять на вилкахъ импровизированныя гардины изъ краснаго одѣяла и шотландскаго пестраго платка, потомъ, когда онъ ужъ ничего не могъ больше придумать для ея комфорта и съѣла было у кровати, попросила его идти обѣдать.

— Да я лучше съ тобой посижу, Соня, началъ было Яковъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Если ты будешь здѣсь, я никогда не усну. Иди, иди... Слышишь? кто-то пришелъ...

— Это Матвѣй Ивановичъ...

— Ну, иди же... И ступайте гулять... А то ваши разговоры будутъ меня развлекать и я не усну... Иди... Нарви мнѣ цвѣтовъ побольше...

— Знаешь, Соня...

— Ну, если ты не уйдешь, такъ я сейчасъ встану...

— Лежи, лежи, я уйду... Ухожу...

Извѣстіе о Сониномъ нездоровьи сильно разстроило Матвѣя Ивановича. Онъ такъ спѣшилъ, онъ въ мысляхъ уже гулялъ, онъ заранѣе наслаждался, и вдругъ всѣ мечты должны разсѣяться какъ дымъ!

Онъ уже измысливалъ предлогъ, подъ которымъ бы можно отказать отъ сопровожденія Якова Ивановича, вдругъ потеряшаго въ его глазахъ всю свою цѣну, но Яковъ Ивановичъ упомянулъ, что Соня просила ей цвѣтовъ нарвать, и это обстоятельство заставило его переимѣнить намѣреніе.

Яковъ Ивановичъ тоже былъ озабоченъ Сонинимъ нездоровьемъ и потому разговоръ вовсе не былъ оживленъ.

Они отправились, какъ было условлено, въ ближній загородный лѣсъ, пробродили тамъ часа два, усердно срывая цвѣты и время отъ времени перекидываясь словами, и возвратились, утомленные и грустные, съ огромными букетами.

Молодая, краснощекая и быстроглазая кухарка Анисья объявила имъ, раскусывая орѣхъ, что Софья Яковлевна спать и что самоваръ готовъ.

Матвѣй Ивановичъ съ радостью принялъ приглашеніе остаться на чай.

Все-таки лучше издали смотрѣть на дверь ея комнаты, чѣмъ

йти домой и томиться дома въ своей одинокой, неприглядной кельѣ.

Яковъ Ивановичъ на ципочкахъ входитъ къ ней. Въ комнатѣ было темно и тихо. Онъ возвратился съ такой же предосторожностью и сказалъ:

— Спать.

Потомъ они пили чай, не мѣшали въ стаканахъ ложечками, чтобъ какъ нибудь не звякнуть, говорили такимъ шопотомъ, что, сидя рядомъ, едва могли разслушать другъ друга и приходили въ ужасъ отъ каждаго звука, долетавшаго изъ кухни, гдѣ юркая Анисья какъ нарочно принялась что-то своблить.

Наконецъ все-таки надо было уходить. Яковъ Ивановичъ проводилъ его со свѣчей на улицу и онъ побрелъ по темнымъ улицамъ домой.

Яковъ Ивановичъ снова прокрался въ комнату дочери.

— Это ты? спросила она.

— Соня, ты не спишь? Лучше тебѣ? Принести свѣчу? Хочешь чай?

— Нѣтъ, нѣтъ не носи свѣчи... Чаю не хочу. Мнѣ гораздо лучше... Ну, чтожь, хорошо гуляли?

— Отлично, Соня. Цвѣтовъ тебѣ нарвали цѣлыхъ два снопа. Принести ихъ тебѣ?

— Принеси. Только свѣчи не надо...

Яковъ Ивановичъ принесъ цвѣты.

— Вотъ это я нарвалъ, сказалъ онъ, приближая сперва одинъ, потомъ другой букетъ къ Сониному изголовью: — а вотъ это Матвѣй Ивановичъ. Мы все выбирали твои любимые.

— Какъ хорошо пахнуть! Ну, унеси ихъ теперь... И прощай...

— Заснешь?

— Засну.

Онъ тихонько поцаловалъ ее въ голову, вышелъ и осторожно притворилъ за собою дверь.

Послѣ унесенныхъ цвѣтовъ остался ароматъ въ комнатѣ; Соня собрала нѣсколько бѣлыхъ нахтичей, упавшихъ къ ней на подушку, подержала ихъ въ рукѣ, потомъ прижала къ лицу и горько заплакала.

Тяжелую она ночь провела. Вотъ тутъ-то понадобились ей героическіе уроки!

Итакъ онъ любить, — давно любить. Онъ ждетъ ее сюда. Вотъ почему онъ такъ говоритъ и о счастья, и о наслажденіи вѣстѣ работы! Его тяготятъ, всегда тяготили эти уроки. Неужто всегда? Онъ самъ вѣдь настаивалъ, уговаривалъ. Нѣтъ, они не всегда его тяготили. Пока ему было хорошо, онъ давалъ ихъ

*

охотно, а потомъ, когда она не пріѣхала... Однако какъ чело-
вѣкъ слабъ! Даже и онъ! Чуть, что самого защемило, ужъ онъ
и не въ состояніи работать для другихъ! А я? Куда я теперь
гожусь? Нѣтъ, онъ скрывалъ, онъ побѣждалъ свое горе, онъ
работалъ попрежнему, онъ училъ меня... Я даже ничего не за-
мѣчала... Я бы никогда, можетъ быть, и не замѣтила, еслибы
не Барвара Сергѣевна. Какое это счастье, что она открыла мнѣ
глаза! Вѣдь я бы его долго мучила... Я бы...

Она зарыдала.

— Какое счастье, что я теперь знаю! Бѣдный! какъ я его
тяготила! И никогда онъ даже виду не показалъ! Приходилъ,
распрашивалъ... Развѣ я могла подозрѣвать? Какъ хорошо было!
Хоть бы прошлое-то мнѣ осталось, а то и прошлаго нѣтъ!
Онъ все дѣлалъ изъ великодушія! Нѣтъ, его не въ чемъ
упрекнуть! Какъ трудно будетъ его не видать, не говорить съ
нимъ какъ прежде! Да я не могу его не видать. Куда я дѣ-
нусь? Какъ разорвать прежнія отношенія? Надо это сдѣлать
незамѣтно. Какой предлогъ я найду? Пока надо сказать, что
нездорова, а потомъ... Потомъ видно будетъ. Не буду видать его,
стану для него совсѣмъ чужой... Да, стану совсѣмъ чужой—
я вѣдь и теперь ему чужая. Только бы поскорѣй это кончалось!

Сердце у нея несказанно мучительно заняло.

— Ничего, ничего, проговорила она вслухъ.—Все-таки лучше
знать, чѣмъ обманываться...

Она встала, скинула съ себя платье, распустила косы, потомъ
подошла къ окну, сняла съ вилкох импровизированныя изъ одѣ-
яла и платка занавѣсы, пошире распахнула оконныя дверки,
жадно вдохнула свѣжій ночной воздухъ, прислонилась къ при-
толкѣ и долго неподвижно стояла.

Окно ея выходило въ запущенный садъ. Ночь была удиви-
тельно тихая и теплая. По небу ходили легкія тучки; звѣзды то
заволакивались, то словно вспыхивали; серпокъ молодого мѣ-
сяца ярко сіялъ на безоблачномъ мѣстечкѣ лазури. Кусты дя-
гаго жасмина, переросшіе оконницу, упирались въ стѣну вѣтками,
на которыхъ еще бѣлѣли пахучіе цвѣтки. Не далеко стояла
огромная засохшая яблоня, совершенно увитая и окутанная хмѣ-
лемъ, а около яблони, на узкой дорожкѣ, темной змѣйкой вив-
шейся по густой, высокой травѣ, блестяль свѣтлячокъ.

— Ну, что жъ дѣлать, думала Софья Яковлевна:—отрублена
рука—не приставишь! Могло быть хуже,—я могла не знать и...
Да могло быть гораздо хуже! А теперь еще слава Богу... Все
устроится.

Она какъ-то странно успокоилась и всѣ ея муки замерли.

Она легла въ постель. Ей казалось, что горе ея вовсе не такъ тяжело, какъ сначала представилось. Только заснуть она никакъ не могла.

VI.

Наступило утро,—отличное утро! Ясное, свѣжее, живительное, одно изъ тѣхъ, въ которыя Софья Яковлевна всегда говорила: а! какъ хорошо! спѣшила отворить настежь всѣ окна, въ каждое окно выглядывала, и съ наслажденьемъ полной грудью вдыхала чистый воздухъ.

Софья Яковлевна и въ это утро отворила всѣ окна, но ей не было хорошо. Она хотя была спокойна, но горе, еще недавно показавшееся ей вовсе не такимъ тяжелымъ, какимъ сначала представилось, стало вдругъ не въ примѣръ мучительнѣе ее терзать. Все, что было въ немъ страстнаго, порывистаго улеглось и теперь оно ровно, холодно ее щемило и душило.

— Ахъ Соня! ты вѣрно очень нездорова? съ тревогой вскринуть Яковъ Ивановичъ, когда она пришла наливать ему чай.

— Да, не совсѣмъ еще оправилась, отвѣтила Соня:—хотя теперь ужъ гораздо лучше. Я очень рано проснулась и голова еще тяжела.

— И охота тебѣ была варить этотъ кофе!

— Кто кофе варилъ? спросила быстроглазая Анисья, появляясь въ дверяхъ, одну руку вытирая о фартухъ, другою поправляя платокъ на головѣ и, не взирая на раннюю пору, уже раскусывая орѣхъ.

— Принеси мнѣ, пожалуйста книгу изъ моей комнаты, послѣшно сказала Софья Яковлевна отцу.—Тамъ на столѣ лежитъ... Принеси, пожалуйста...

— Сейчасъ, Соня, сейчасъ...

Яковъ Ивановичъ оставилъ свой стаканъ съ чаемъ и отправился за книгой.

— Кто кофей варилъ? повторила быстроглазая Анисья.

— Это мы между собой говоримъ, Анисья, сказала Софья Яковлевна:—это я вспомнила, какъ варила кофе...

— Ну и чтожь, что варили?

— Да ничего... голова заболѣла... А намъ надо бы сегодня купить сахару, Анисья...

— Купить, такъ и купить. Когда жъ это вы варили кофей? Слышу это, говорятъ: отъ кофею угорѣла...

Яковъ Ивановичъ вернулся съ книгой.

— Не стоитъ объ этомъ толковать, Анисья, прервала Софья Яковлевна призывчивую женщину.—Слышите, кто-то, кажется пришелъ.

— Ягодокъ не угодно ли? раздался сколько заискивающій, столько же и визгливый голосъ торговли.

Анисья едва выскочила за двери, какъ подняла споръ съ торговкой, доказывая, что товаръ у нея никуда не годный.

Софья Яковлевна съ безпокойствомъ взглянула на отца.

— Не догадывается ли? подумала она.

Но Яковъ Ивановичъ не догадывался. Онъ, услыжавъ Анисью, понялъ, что рѣчь идетъ о хозяйствѣ, и, въ ожиданьи пока Соня покончитъ съ этимъ дѣломъ, перелистывалъ книгу, которую принесъ.

— А знаешь, что мнѣ пришло въ голову, сказала Софья Яковлевна.

— Что, Соня?

— Не оттого ли у меня головныя боли, что я много занимаюсь?

— Да, вѣдь ты угорѣла?..

— Да, но кромѣ того, я уже съ недѣлю чувствую себя какъ-то не совсѣмъ хорошо...

— Ужъ съ недѣлю? Ахъ, Соня, Соня! отчего-жь ты до сихъ поръ не сказала! Ахъ, Соня!

— Ты не тревожься... Я думала, что пройдетъ... Не лучше ли мнѣ на время отложить уроки и чтенія? Поправлюсь, тогда опять можно.

— Разумѣется, слѣдуетъ отложить, разумѣется! Чтожь это, если ты серьезно разхвораеться!

— Я отложу... Чтожь ты такъ на меня смотришь?

— Какъ ты измѣнилась, Соня! Не понимаю, какъ я этого до сихъ поръ не замѣтилъ! Ты ужасно измѣнилась, невѣроятно!

— Ну это, я думаю, воображеніе. Знаешь, „у страха очи по яблону“, говоритъ Павелъ Даниловичъ.

Ей удалось весьма удовлетворительно улыбнуться.

— Нѣтъ, Соня, тутъ шутки плохія, тутъ надо серьезно заняться здоровьемъ. Я сегодня же приведу къ тебѣ доктора. Такъ нельзя! Твоя мать не побереглась и... и что же?

— Ну полно же, милый, полно! Я сама переговорю съ докторомъ, общаю тебѣ. Кажется кто-то пришелъ, а?

— Да, кто-то пришелъ...

Она знала кто и въ глазахъ у нея помутилось.

— А! это вы, Матвѣй Ивановичъ!

— Какъ видите. Вамъ лучше?

Послѣднія слова относились къ ней и она отвѣтила:

— Да, лучше!

— Какое лучше? вскрикнулъ Яковъ Ивановичъ.—Вы не знаете, она серьезно больна! Она сегодня только мнѣ призналась, что уже давно чувствуетъ себя не хорошо. Ей необходимо посоветоваться съ докторомъ.

— Что же съ вами? спросилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Не знаю... Я чувствую себя какъ-то усталой и голова болить. Не могу заниматься...

— Ей надо теперь прекратить на время занятія,—правда, Матвѣй Ивановичъ?

— Конечно, конечно, проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Поправится, тогда нагонитъ потерянное...

— Разумѣется, разумѣется, проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Какъ онъ поспѣшно согласился! подумала Соня. — Да, его таготали эти уроки! Какое счастье, что я узнала это!

А въ эту минуту Матвѣй Ивановичъ именно и говорилъ только по долгу, и скрѣпя сердце признавалъ благоразуміе и необходимость предлагаемой пріостановки занятій.

— Отчего вы не на урокъ? спросилъ Матвѣй Ивановичъ хозяина.

— У меня нѣтъ урока.

— Какъ нѣтъ?

— Мы помѣнялись часами съ Каликстомъ Викентьевичемъ. Онъ просилъ. Теперь, мои вторые часы, а не первые.

— А! вотъ что!

Матвѣй Ивановичъ началъ пить поланнй ему Соней чай.

— А къ кому, вы полагаете, лучше обратиться за совѣтомъ,—къ Бабаеву, или къ Федорову? спросилъ Яковъ Ивановичъ.

— Я полагаю, лучше къ Федорову, отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Да Федоровъ все твердить, что медицина еще въ младенческомъ состояніи... Согласитесь, это непріятно слушать, когда приходишь къ нему лечиться! „Медицина“, говоритъ, „въ младенческомъ состояніи и, какъ младенецъ, бессильна; всякое излеченіе болѣзни ничто иное, какъ дѣло случая. Пожалуй, выпейте чегонибудь—я пропишу“. Посудите, пріятно это слушать?

— Вы считаете Бабаева...

— Что считаю! Бабаевъ не лучше. Лечилъ Марью Семеновну, и халъ ей вдругъ семь микстуръ! Вы, можетъ, не вѣрите? Я самъ видѣлъ! Прихожу къ ней, вижу, онъ сидитъ и разставляетъ пузырьки, этакъ, кружечкомъ... „Какую-жь прежде принимать?“ спрашиваетъ Марья Семеновна. Онъ задумался, и потомъ гово-

рять:— „хоть вотъ эту!“ Марья Семеновна испугалась: „А я“, говорить, „приняла вотъ эту!“—Ну, ничего, ничего—успокоиваться... Не поѣхать ли намъ, Соня, къ Петру Ильичу? Онъ хоть живетъ въ самой глуши, а хорошій докторъ и славный человекъ... А?

— Далекъ. Впрочемъ, какъ хочешь. Главное, ты не волнуйся.

— А это очень далеко? спросилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Да верстъ сто будетъ, отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ.

— Вы хорошо знаете этого доктора?

— Еще бы! Да неужто я вамъ никогда о немъ не говорилъ? Ученый человекъ, поселился въ самой глуши, въ деревушкѣ, пациентамъ платитъ деньги, чтобъ лечились, дуракомъ слыветъ у окружныхъ мудрецовъ,—неужто я не говорилъ вамъ о немъ, о Петрѣ Ильичѣ Марудѣ?

— Нѣтъ, никогда не говорили. Не лучше ли ему сюда прѣхать?

— Не поѣдетъ!

— Не будетъ ли это путешествіе утомительно для Софьи Яковлевны?

— Отчего же утомительно? вмѣшалась Софья Яковлевна.—Я очень люблю всякія путешествія.

— Но вѣдь вы теперь нездоровы... Сто верстъ по глухимъ проселочнымъ дорогамъ не шутка! Можете сильнѣе захворать отъ утомленья...

— Не думаю... Вѣдь можно останавливаться и отдыхать... Ты ѣзжалъ по этой дорогѣ? обратилась она къ отцу.

— Сколько разъ! Ѣдемъ, Соня, Ѣдемъ! Сегодня же отправлюсь просить отпускъ. Ты непременно поправишься: свѣжій воздухъ, перемѣна мѣстности, — все это подѣйствуетъ благотворно. Вернешься молодцомъ. И тогда опять примешься за работу. Устроимъ по вечерамъ правильныя, послѣдовательныя чтенія... Однимъ словомъ, заживемъ на славу! Правда, Матвѣй Ивановичъ? Хотъ и говорить: впередъ загадывать—себѣ обманъ и досаду готовить, да это пустое.

— Да, впередъ загадывать не надо, не надо готовить себѣ обманъ и досаду, вырвалось у Матвѣя Ивановича, который подумалъ въ эту минуту, какъ разлѣтаются его надежды относительно ежедневныхъ свиданій и уроковъ съ Софьей Яковлевной. и которому стало отъ этой мысли очень горько.

-- Что это вы, Матвѣй Ивановичъ! воскликнулъ Кириловъ. Что у васъ за мрачный взглядъ!

— Да нѣтъ, я вѣдь только такъ, повторилъ ваши слова, послѣшно отвѣтилъ спохватившійся Матвѣй Ивановичъ.— Взглядъ у

меня вовсе не мрачный и я не меньше васъ надѣюсь, что мы славно проживемъ... Однако, мнѣ пора. Прощайте.

— Куда вы? спросилъ Яковъ Ивановичъ.

— На новый урокъ, къ Клавдіи Петровнѣ Розовой.

— Къ Клавдіи Петровнѣ Розовой! Она хочетъ учиться?

— Да, я получилъ отъ нея письмо.

— Кто бы могъ ожидать! А вотъ хочетъ учиться!

— Вы ее знаете? разсѣянно спросилъ Матвѣй Ивановичъ, соображая, какъ бы устроить свиданье съ Софьей Яковлевной безъ помѣхи.

— Часто встрѣчалъ. Этакая, казалось, барышня въ рамѣхъ, какъ говорить Мятелица, а вотъ... Знаете, вѣдь это очень угѣшительно! Да-съ живая-то струйка свое беретъ!

— Да, угѣшительно...

— Какъ вы вало это говорите! Я не узнаю васъ!

— Я какъ-то усталъ, проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.—То-есть, я хочу сказать, что усталъ сегодня... Мнѣ не спалось... Ну, прощайте.

„А! подумала Софья Яковлевна, наконецъ проговорилса!“

— И я съ вами выйду, и мнѣ ужъ пора. Погодите, только шапку возьму.

— Можно придти сегодня вечерому чтонибудь почтатъ вамъ? спросилъ Матвѣй Ивановичъ, пока Кириловъ искалъ шапку.

— Я бы очень рада, но не знаю, буду ли въ состояніи слушать: у меня опять разбалчивается голова, отвѣчала Софья Яковлевна.

А сама думала:

— Великодушіе! великодушіе! Господи, какое счастье, что я теперь это знаю и понимаю!

— Я вамъ не помѣшаю, если придю? Не читатъ, а такъ...

— Нѣтъ...

— Можно придти?

— Приходите...

— Ну, я готовъ, сказалъ Яковъ Ивановичъ, появляясь съ шляпой въ рукахъ. Прощай, Соня! Экая ты блѣдная! Нѣтъ, надо тебя поскорѣ везти къ Петру Ильичу!

— Вези, отвѣтила Соня, улыбаясь.

Наконецъ они ушли.

Софья Яковлевна прилегла на диванъ и закрыла глаза.

Когда Матвѣй Ивановичъ пришелъ вечерому, его встрѣтилъ одинъ Кириловъ и съ сокрушеніемъ сказалъ ему, что бѣдняжкѣ Сонѣ опять хуже, опять разболѣлась голова и она лежитъ въ своей комнатѣ. Они сѣли на диванъ и уныло разговаривали

попотомъ то объ исходѣ Сониной болѣзни, то о томъ, какъ трудно жить на свѣтѣ. Потомъ Анисья подала самоваръ и они уныло разлили чай. Яковъ Ивановичъ ходилъ спросить Соню, не выпьетъ ли она чашечку, но Соня не захотѣла.

Послѣ чаю, они еще посидѣли, потолковали, и такъ какъ начальство отлучилось куда-то на именины въ уѣздъ и отпуская, слѣдственно, нельзя было получить, то порѣшили пока пригласить доктора Федорова.

Матвѣй Ивановичъ отправился за помянутымъ эскулапомъ, какъ онъ самъ величалъ себя, но оказалось, что и эскулапъ являлся на тѣхъ же уѣздныхъ именинахъ, гдѣ присутствовало начальство.

Матвѣй Ивановичъ, нетерпѣливо желавшій знать, что съ Софьей Яковлевной, поспѣшилъ за докторомъ Бабаевымъ, разсуждая такъ:

— Хоть онъ и даетъ по семи микстуръ, но все-таки вѣдь чтонибудь да знаетъ.

Но и у Бабаева его ждала неудача. Сначала выскочила къ нему дѣвочка лѣтъ семи и объявила, что папа спитъ, а на просьбу разбудить, отвѣтила, что папа прибѣдетъ; потомъ вышла заспанная дама въ полиняломъ шелковомъ платьѣ, но безъ всякихъ признаковъ бѣлья, которая дернула за руку словоохотливую дѣвочку такъ, какъ только дергаютъ рѣпу или рѣдьку, выкинула ее во внутренней покой, притворила дверь этого покоя, не безъ суровости замѣтила, что „докторъ въ разѣздѣ по больнымъ“ и съ такою силою и стремительностію прихлопнула за посѣтителемъ входныя двери, что онъ принужденъ былъ схватиться за шляпу, чтобы удержать ее на головѣ.

— Экое горе! экое горе! повторялъ Кириловъ, слушая разсказъ о неудачномъ походѣ за докторами.—Знаете, вѣдь это просто бѣда! безпомощное положеніе! Вѣдь такъ, пожалуй, умрешь когданибудь, какъ въ глухомъ лѣсу!

— А что Софья Яковлена? спросилъ Матвѣй Ивановичъ.—Вн входили къ ней?

— Да, говорить, что теперь немножко легче.

Они еще посидѣли на диванѣ, еще потолковали.

— Однако ужъ очень поздно, сказалъ Матвѣй Ивановичъ, простился и ушелъ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать и сотни шаговъ по дорогѣ къ дому, какъ уже началъ жестоко раскаяваться, зачѣмъ поспѣшилъ. Но воротиться было нелегко.

Барвара Сергѣевна, не сомнѣвавшаяся, что обольстительница

постарается елико возможно разжалобить Матюшу, увидѣвъ разстроенное лицо своего сокровища, замерла на мѣстѣ.

— Сейчасъ будетъ допрашивать, зачѣмъ я ей сказала... сейчасъ, сейчасъ начнеть... думала она.

Но страхъ ея былъ напрасенъ: Матвѣй Ивановичъ только пожелалъ ей спокойной ночи, простился очень ласково и ушелъ спать.

VII.

Прошла недѣля.

Матвѣю Ивановичу ни разу не удалось и на минуту остаться наединѣ съ Софьей Яковлевной, хотя здоровье ея нѣсколько уже поправилось.

Докторъ Федоровъ, объявившій сначала, что человѣкъ есть еще неразрѣшенная тайна природы и что собственно неизвѣстно, что для него полезнѣе въ то время, когда онъ расклевается, упорный трудъ или отдохновеніе отъ труда, начавшій доказывать Якову Ивановичу, что на больного человѣка собственно слѣдуетъ смотрѣть хладнокровно—рѣзать его съ такимъ же спокойствіемъ духа, съ какимъ садовникъ обстригаетъ сухое растеніе,—поговоривъ съ Софьей Яковлевной, что называется, обошелся и оказался прямигосердечнымъ, прежалостливымъ созданиемъ. Онъ прописалъ желѣзныя пилюли, рекомендовалъ правильныя ежедневныя прогулки, запретилъ всякое чтеніе, каждое утро совершенно безкорыстно являлся наблюдать ходъ недуга, радовался облегченію и вообще велъ себя съ пациенткой вовсе не такъ, какъ садовникъ, обстригающій сухое растеніе.

Яковъ Ивановичъ радовался, превозносилъ доктора, каялся, что прежде легко о немъ отзывался, называлъ его спасителемъ Сони и отложилъ поѣздку къ своему пріятелю Петру Ильичу.

Матвѣй Ивановичъ тоже радъ былъ, что леченіе Сони идетъ успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ и недоумѣвалъ, какъ это все не удастся ему ни на минуту остаться съ ней наединѣ.

Еслибы Софья Яковлевна обращалась съ нимъ хоть сколько нибудь холоднѣе прежняго, еслибы избѣгала его, или хоть бы разъ намекнула на непостоянство всего земнаго, на тщету надеждъ, на обманъ мечты, на утраченныя иллюзіи, къ чему нерѣдко прибѣгаютъ оскорбленныя и разочаровавшіяся дамы, онъ бы подумалъ, что она измѣнилась къ нему, что порвалось что-то въ ихъ отношеніяхъ; но Софья Яковлевна, повидимому, была все та же. Она по прежнему его встрѣчала, жалѣла объ урокахъ

говорила, что нетерпѣливо ждетъ выздоровленья, чтобы наверстать потерянное даромъ время, жаловалась, какъ ей скучно лечиться, какъ ее тяготитъ жизнь по докторскому рецепту.

— Не слишкомъ ли вы строго слѣдуете прописанному рецепту? сказалъ разъ Матвѣй Ивановичъ.

— Ужъ если лечиться, такъ надо лечиться мужественно, отвѣчала она.—Я порѣшила, что буду строго исполнять всѣ предписанія, и исполняю ихъ строго. Иначе, пожалуй, придется прохворать и пролечиться года два, а мнѣ бы этого не хотѣлось.

— Но вамъ вѣдь теперь уже лучше?

— Да, лучше, и это позволяетъ надѣяться, что будетъ и со всѣмъ хорошо. Благоразуміе повелѣваетъ вооружиться терпѣніемъ, какъ говоритъ Павелъ Даниловичъ.

Да, благоразуміе точно повелѣвало это, и Матвѣю Ивановичу оставалось только покориться его повелѣнію.

Явились какія-то двѣ праздна дѣвицы, изъ которыхъ одна вышивала гипюровый воротничокъ, а другая даже и гипюроваго воротничка не вышивала, и цѣлые дни просиживали у Кирилловыхъ, „потому что бѣдная Соня нездорова“. Матвѣй Ивановичъ всѣми силами старался дать понять, что этихъ дѣвицъ слѣдуетъ какъ нибудь выжить, но Соня не понимала. Матвѣй Ивановичъ возненавидѣлъ неповинныхъ дѣвицъ, которыя того нисколько не подозрѣвали и обращались къ нему не иначе, какъ склонивъ голову на бокъ и перетонивъ голосокъ до послѣдней возможности.

Скоро Матвѣй Ивановичъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ ненависти и къ доктору Федорову, который, не только продолжалъ ѣздить каждое утро, но просиживалъ иногда и вечера у пациентки, и—что главное—познакомилъ ее съ какой-то своей родственницей, живущей въ прекрасной и здоровой мѣстности, недалеко отъ города, куда Соня начала ѣздить и гдѣ гостила по два, по три дня.

Наконецъ, случилось такъ, что Матвѣй Ивановичъ разъ цѣлую недѣлю не видалъ Сони. Въ страшной тоскѣ отправился онъ ввечеру гулять по той дорогѣ, по которой Соня обыкновенно возвращалась отъ докторовой родственницы, но едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ встрѣтилъ Якова Ивановича.

— А я къ вамъ, сказалъ Яковъ Ивановичъ.—Не ждите меня сегодня, сегодня мы съ Соней на вечерѣ у Клариссы Антоновны.

— Софья Яковлевна пріѣхала?

— Сейчасъ же послѣ вашего ухода. Она вамъ очень вѣняется, очень желаетъ васъ видѣть.

— Она дома? ее можно видѣть?

— Нѣтъ, она ушла съ Фанни Егоровной и онѣ ужъ вмѣстѣ оттуда придутъ на вечеръ. Да вѣдь вы получили приглашенье?

— Получилъ.

— Такъ отправитесь вмѣстѣ. Идите, сейчасъ одѣвайтесь, а я васъ подожду.

— Хорошо.

Варвара Сергѣевна, все это время не знавшая покоя, принудила себя по обыкновенію встрѣтить отца обольстительницы (котораго она, разумѣется, считала ея единомышленникомъ и помощникомъ) ласково и привѣтливо, отказалась отъ предложенія сопутствовать имъ къ Клариссѣ Антоновнѣ и, провожая ихъ съ улыбкою, но съ растерзаннымъ сердцемъ, пожелала имъ и за нее, и за себя хорошенько повеселиться.

Оставшись одна, и поломавъ голову надъ вопросомъ, почему же это Матюша на нее не сердится и что такое „у нихъ“ происходитъ, она еще съ большей тоской воззвала къ Господу, чтобы онъ прибралъ ее, и, не зная куда дѣваться, отправилась съ благодушной Домнѣ толковать о хозяйствѣ.

— Что это Софьѣ Яковлевнѣ вздумалось ѣхать на вечеръ? спросилъ Матвѣй Ивановичъ по дорогѣ къ дому Клариссы Антоновны.

Онъ былъ въ какомъ-то особенно тяжеломъ волненіи, голова у него слегка кружилась и сердце томительно, непріятно замирало.

— Не знаю, отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ:—она говоритъ, что время отъ времени любопытно поглядѣть на такія сборища.

Матвѣя Ивановича больно кольнуло въ сердце.

И зачѣмъ онъ спѣшитъ на этотъ глупый вечеръ? Что это за встрѣча, что за свиданье при толпѣ постороннихъ глупыхъ людей! Гораздо лучше отговориться чѣмъ нибудь и воротиться домой... А завтра пойти къ ней и поговорить съ нею прямо...

Но нѣтъ! Какъ бы то ни было, а все-таки лучше увидать ее сегодня же. Ждать до завтра нестерпимо...

У подъѣзда дома Клариссы Антоновны горѣли фонари и стояло много экипажей. Довольно значительная партія любознательныхъ Х—скихъ мѣщанъ съ большимъ интересомъ глядѣла на окна, въ которыхъ, сквозь спущенныя шторы, мелькали фигуры гостей. Въ душной передней, ярко освѣщенной, сидѣло и толпилось множество лакеевъ. Въ залѣ, освѣщенной еще ярче, волновались цвѣтныя дамскія платья, шмыгали жирные и худенькіе гусарскіе корнеты, поблескивали густые серебряные и золотые эплеты, черныя фракы.

— Сони еще, кажется, нѣтъ, сказалъ Яковъ Ивановичъ, огляясь во всѣ стороны.

Матвѣй Ивановичъ ничего ему не отвѣтилъ.

Хозяйка, извѣстная своей свѣтскостью и очаровательной любезностью, сидѣла на оттоманѣ и занимала разговоромъ живописнаго генерала лѣтъ шестидесяти, помѣщавшагося съ нею рядомъ.

Она привѣтствовала новопривывшихъ гостей милою улыбкою, протянула имъ кончики пальцевъ и, обращаясь къ живописному генералу, сказала.

— Voici nos savants, — вотъ наши ученые...

Затѣмъ, обращаясь къ ученымъ, пояснила:

— Генераль такъ интересуется ученостью! Онъ такъ много читалъ!

Но въ эту самую минуту какая-то гостья, въ лиловыхъ шелкахъ и курчавомъ шиньонѣ, подлетѣла точно на колесахъ, съ крикомъ: — ахъ, Кларисса Антоновна! ахъ, генераль! и затерла обоихъ ученыхъ, которые успѣли пробраться въ мѣстечко по укромнѣе

— Сони еще нѣтъ, сказалъ опять Яковъ Ивановичъ, когда они умѣстились въ углу, откуда можно было обозрѣвать всю залу и слѣдующую за залой гостиную.

Матвѣй Ивановичъ опять ему ничего не отвѣтилъ.

Прошелъ часъ, другой. Якова Ивановича увлекъ какой-то помѣщикъ, съ лицомъ, представлявшимъ только перекрестныя морщины и черные, какъ смоль, усы, приговаривая:

— Вы только не рискуйте, потому что онъ иногда нарочно пасуетъ, чтобы подвести другихъ подъ ремизъ... Не рискуйте, помните...

Въ залѣ составились кадрили. Какая-то очень большая, грузная дѣвица въ бѣломъ платьѣ съ букетами полевыхъ цвѣтовъ, притворялась, что летить по волѣ своего кавалера, который доставалъ ей только до букета на плечѣ. Тоненькій уланъ небрежно, но усердно выказывалъ свою грацію и легкость, къ замѣтному неудовольствію танцора въ черномъ фракѣ, который передъ тѣмъ, какъ начать па, значительно притопывалъ правой ногой и наклонялъ завитую, глянцовитую черную голову къ самымъ прошивкамъ батистовой рубашки. Томно и медленно плыла дама вся въ розовомъ, рѣзко подпрыгивала дама вся въ голубомъ. Военная музыка гудѣла такъ, словно музыкантамъ именно за то и разнесли по стакану водки, чтобы они оглушили большую часть общества. Въ дверяхъ то и дѣло появлялись новыя лица.

Но ея все не было.

Это высматриванье довело его чуть не до лихорадки и ему все чаще начала представляться мысль: не уйти-ли домой?

Но вслѣдъ за этой мыслью являлась другая:

— Впрочемъ, ужь долго ждалъ. Подожду еще нѣсколько минутъ. Можетъ, всего двѣ-три минуты...

Онъ уже въ сотый, быть можетъ, разъ повторялъ себѣ эти слова, какъ вдругъ увидалъ передъ собою бѣлое, круглое лицо, съ разгорѣвшимися щеками; красивые голубоватые глаза вовсе не сурово на него глядѣли, крупныя губы, хотя формою и цвѣтомъ нѣсколько напоминающія розовато-лиловый махровый пионтъ, но тѣмъ не менѣе, не особенно портившія общее впечатлѣніе, не безъ пріятности ему улыбались, выказывая оба ряда зубовъ; подвитые свѣтлые волосы, рассыпавшіеся ничуть не хуже вьющихся отъ природы, и легкія бѣлыя, облекавшія нѣсколько ладьеподобную фигуру, одежды скромно, но прекрасно оттеняемыя темно-голубымъ бантомъ на груди, довершали привлекательность приближившейся дѣвицы.

— Вы здѣсь! тихонько воскликнула дѣвица чрезвычайно мягкимъ, но не совсѣмъ пріятнымъ голосомъ.— Смотрю и не вѣрю глазамъ! Здравствуйте!

Она протянула ему бѣлую, пухлую, всю въ ямочкахъ руку, и когда онъ подалъ ей свою, сжала ее очень сильно.

Это пожатье какъ-бы говорило:

— Вы не знаете, какъ я рада, что васъ встрѣтила! Вы не знаете, какъ я понимаю и цѣню васъ!

Между тѣмъ, разстроенный, совершенно отдавшійся своимъ мыслямъ, Матвѣй Ивановичъ съ разу оторопѣлъ и никакъ не могъ сообразить, что за дѣвица передъ нимъ, откуда, зачѣмъ. Онъ только кланялся и улыбался.

— Можно сѣсть около васъ? спросила дѣвица. — Я вамъ не помѣшаю?

— Помилуйте... помилуйте... проговорилъ Матвѣй Ивановичъ, придвигая ей стулъ и холодѣя отъ мысли, что дѣвица расположится можетъ надолго. — А вы не танцуете?

— Нѣтъ, мнѣ удалось отъ этого сегодня освободиться, отвѣчала дѣвица.

— Вы не любите танцевать? спросилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Ахъ, Матвѣй Ивановичъ, зачѣмъ вы говорите со мной о танцахъ? произнесла дѣвица съ такою выразительно-кроткою грустью, что Матвѣй Ивановичъ совершенно переконфузился и счелъ необходимымъ поскорѣе извиниться.

— Извините меня, проговорилъ онъ:— извините...

— Вы думаете, что со мной ни о чемъ нельзя говорить, кромѣ

танцевъ? продолжала дѣвица все съ тою же выразительно-кровоу грустью.

— Помилуйте, помилуйте... какъ вы можете выводить такое заключеніе изъ моихъ словъ! возразилъ съ жаромъ Матвѣй Ивановичъ, которому показалось, что даже слезы навернулись на быстро-потупившихся глазахъ дѣвицы.

— Да вѣдь вы имѣете основаніе такъ думать обо мнѣ, проговорила съ печалью дѣвица:—вы могли видѣть, какая я невѣжда... И я сама это сознаю... хорошо сознаю!

Матвѣй Ивановичъ сообразилъ, наконецъ, что передъ нимъ его новая ученица, Клавдія Петровна Розова.

— Ахъ, вы не знаете, какъ это меня тяготитъ, мучитъ, терзаетъ! продолжала Клавдія Петровна:—вы не знаете! не знаете!

— Но... началъ было Матвѣй Ивановичъ.

— Я не имѣю своей винѣ такая, Матвѣй Ивановичъ: я выросла въ чужомъ домѣ, у людей, которые смотрѣли на меня какъ на игрушку... Эти люди думали, что игрушку можно и ломать, и бросать, куда имъ угодно... Ахъ, какъ мнѣ тяжело было такъ жить! Какъ я завидовала Софѣ Яковлевнѣ! Она могла учиться! У нея такой рѣдкій отецъ!

При имени Софьи Яковлевны, Матвѣй Ивановичъ встрепенулся, и кидавшая на него грустные, но испытующіе взоры Клавдія Петровна это замѣтила.

— Да, я ей ужасно завидовала! продолжала Клавдія Петровна. Вотъ, я думала, счастливица! И не цѣнить своего счастья!.. И, бывало, придю къ ней, выпрошу какую-нибудь книгу и потомъ по ночамъ читаю... а когда свѣчи нѣтъ, такъ цѣлую ночь уснуть не могу; жду разсвѣта... Впрочемъ, довольно объ этомъ... Скажите, отчего до сихъ поръ нѣтъ Софьи Яковлевны? Меня Яковъ Ивановичъ увѣрялъ, что она тоже пріѣдетъ. Пора бы.

— Не знаю, отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Какая она славная! И какъ все ее баловало, какъ все обещало хорошую, разумную жизнь! И все перевернулось!

— То есть какъ перевернулось? спросилъ ужъ черезчуръ равнодушно Матвѣй Ивановичъ.

— Ахъ, Матвѣй Ивановичъ, я вамъ прямо скажу: мнѣ кажется эта привязанность ни къ чему доброму не приведетъ! Ну подумайте сами, развѣ оиъ стоитъ ея?

— Какая привязанность? Кто? проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.

— Тяжело, грустно, что наши женщины до сихъ поръ еще такъ увлекаются! продолжала Клавдія Петровна, не слыша, по-видимому, его вопросовъ.—Сколько уже я такихъ пріѣздовъ ви-

дама! И спросите, за что онъ любить!—или ничего не отвѣтять, или начнутъ увѣрять, что это вы только не видите, а что сокровище ихъ обладаетъ всѣми на свѣтѣ достоинствами... Очень грустно!

— Что за глупости она говорить! думалъ Матвѣй Ивановичъ, но сердце у него вдвое шибче застучало.

— Знаете, продолжала Клавдія Петровна, я никогда бы не могла полюбить человѣка, стоящаго ниже меня по развитію! Никогда! Лучше ужъ вѣкъ остаться одинокой. Какъ! чтобы мои убѣжденія на каждомъ шагу попирались ногами! Лучше умереть! Нѣтъ, жизнь такая немислима! Что же это, на словахъ одно, а на дѣлѣ совсѣмъ другое? Нѣтъ! нѣтъ!

Клавдія Петровна подняла голову, глаза ея сверкали и на полномъ бѣломъ лицѣ выразилось нѣчто вдохновенное.

— И, быть можетъ, кажусь вамъ смѣшной идеалисткой, Матвѣй Ивановичъ? спросила она, обращая на него сверкающіе глаза.

— Нѣтъ... почему-жь...

— Знаете, Матвѣй Ивановичъ, по моему, кто не соединяетъ слова съ дѣломъ, у кого нравственный разладъ, тотъ подлець!

Послѣднія слова она провзнесла совсѣмъ уже шопотомъ, при чемъ ноздри ея расширились и она задышала такъ тяжело, что нѣсколько напомнила паровикъ.

— Вы совершенно правы, проговорилъ Матвѣй Ивановичъ, но зачѣмъ же...

(Онъ въ своемъ разстройствѣ чуть не сказалъ „браниться“, но во время спохватился и, запнувшись, поправился).

— Но зачѣмъ слишкомъ строго относиться къ людямъ? Люди очень часто ошибаются и не сознаютъ своихъ ошибокъ; очень часто люди...

— Да, да, съ этикъ-то я совершенно согласна, перебила его Клавдія Петровна.—Конечно, люди часто сами не понимаютъ, что дѣлаютъ... Но если есть сознание... Тогда это ужасно, низко безнравственно... Вамъ можетъ быть, странно, что я такъ волнуюсь?

— Нѣтъ... я...

— Что дѣлать; я ужъ такая отъ природы! Сама не рада... Я ничего не могу ни дѣлать, ни чувствовать на половинку... Я теперь просто не могу равнодушно слышать пения этого Федорова... Сама сознаю, что это неблагоразумно, но не могу пваче! Отъ мнѣ невыносимъ!

— Неужто? спросилъ, улыбаясь, Матвѣй Ивановичъ.

Онъ улыбался и, казалось, пристально разглядывалъ какую-то

яркую танцующую даму, но не только сердце, все его существо какъ-то мучительно зашло, и танцующая дама представляла ему съ тремя головами.

— А я еще огорчалась, что она выйдетъ замужъ за Мателицу продолжала Клавдія Петровна.—Хоть Мателица и врагъ мнѣ, я все-таки скажу, что онъ несравненно выше и развитѣе Федорова! Несравненно!

— Почему вы думаете, что Мателица врагъ вамъ? спросилъ Матвѣй Ивановичъ, котораго не особенно интересовало это обстоятельство.

Улыбка словно застыла на его губахъ и онъ никакъ не могъ ихъ сдвинуть.

— О, я отлично знаю, что онъ мой врагъ! отвѣчала, улыбаясь веселѣе, Клавдія Петровна.—Но я за это не сержусь на него и первая отдамъ справедливость всему доброму, что въ немъ есть.

— Вы съ нимъ поссорились?

— Хуже, чѣмъ прямо поссорились. Я ему очень ясно далъ понять, что онъ не стоитъ Софьи Яковлевны, а вѣдь онъ ужасно самолюбивъ! И въ этомъ отношеніи самый мелочный господинъ. Съ этихъ поръ онъ началъ меня преслѣдовать всевозможными насмѣшками. Онъ меня невидитъ, а я... я очень жалко что онъ до того мелоч... Ахъ, Матвѣй Ивановичъ! вдругъ вскринула она съ испугомъ: — вы не разсердились на меня?

— За что же, пожалуйста!

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога скажите мнѣ прямо! Вѣдь Мателица вашъ близкій пріятель, а я говорю о немъ такъ рѣзко. Простите, простите меня!

— Я могу возражать вамъ, но сердиться...

— Просите меня! прервала его Клавдія Петровна почти съ отчаяніемъ.—Я только однимъ вами... однимъ вашимъ мнѣніемъ и дорожу! Вы одинъ, кому я вѣрю, кто...

— Клавдинька, отчего ты, миленькая, не танцуешь? раздался вдругъ, точно съ потолка, нѣмецкій голосъ, и передъ Матвѣемъ Ивановичемъ появилось нѣчто въ родѣ павильона, обтянутого сизо-малиновымъ муаръ-антикъ.

— Устала, отвѣтила Клавдія Петровна.

— Молода дѣвица и устала! молодая дѣвица должна танцовать и рѣзва быть! А, Матвѣ Ивановичъ, какъ ваше здоровье? Вы тоже не желайте танцовать? Warum? Отчего такъ не желайте? Молодой человѣкъ долженъ танцовать!

Матвѣй Ивановичъ, поднявъ глаза, разобралъ, что передъ нимъ не павильонъ, а большая нѣмецкая фигура, съ большимъ

высоким носомъ, съ маленькими нѣмецкими глазами, съ темно-сѣрымъ нѣмецкимъ лицомъ; по три круглыхъ, похожихъ на колбасы, докона висѣли съ каждой стороны этого лица, на темени возвышались пестрые банты, завершающіе аршина три собраннаго облаго кружева, и все вмѣстѣ развѣвалось на подобіе флага; руки, въ бѣлыхъ перчаткахъ № 8, то играли краснымъ въеромъ, усманнымъ блестками, то потрачивали кисейнымъ носовымъ платкомъ съ кружевной оборкой.

— Я не танцую, отвѣчалъ Матвей Ивановичъ.

Онъ догадался, что передъ нимъ дальняя родственница Клавдіи Петровны, Фредерика Францовна Пиппихъ, которую онъ встрѣтилъ разъ на урокъ.

— Вы не танцуете? изумилась Фредерика Францовна. — Возможно ли така вещь? Гдѣ вашъ папаша или мамаша? Я должна итъ на васъ жаловаться и просить, чтобъ приказали вамъ танцовать! Ganz gewiss...

— Не угодно ли вамъ? спросилъ Матвей Ивановичъ, приподнявъ ей стулъ.

— Stossen Dank... благодарю...

Фредерика Францовна съѣла, распространила еще сильнѣе запахъ бергамотной помады, которую всегда приготовляла сама, выставила подобіе гигантскаго утюга, плотно обтянутаго свѣло-лиловой ботинкой, помахала краснымъ съ блестками въеромъ, какъ платеной метелкой, и продолжала:

— Я всегда должна бранить молодыхъ людей, которые не желаютъ танцовать... Отчего не веселиться? warum?... Это такъ прекрасно, танцовать!

Клавдія Петровна не разъ бросила на Матвей Ивановича взглядъ, выражавшій: посудите, легко ли мнѣ съ такими людьми! но Матвей Ивановичъ этакъ взглядомъ не замѣтилъ. Голова у него кружилась и онъ никакъ не могъ собрать мыслей.

— Какъ бы уйти отъ нихъ? думалось ему время отъ времени.

— Надо танцовать, надо танцовать, продолжала между тѣмъ Фредерика Францовна.

Она видимо старалась быть особенно любезною съ Матвѣемъ Ивановичемъ, но, не получая въ отвѣтъ ничего, кромѣ односложныхъ словъ, оставила его и обратилась къ Клавдіи Петровнѣ.

— Какіе прекрасны туалеты сегодня! На мадамъ Вуробевъ было съ розовыхъ... Prachtvoll! А на мадамъ Вѣлевъ весь французъ... Wunderschön!

— Кажется, въ гостиной разносятъ конфеты и мороженное! сказала Клавдія Петровна. — Да разноедятъ!

— Гдѣ? гдѣ? почти со страстью спросила Фредерика Францовна.—Гдѣ ты видишь?

— Вонъ тамъ... въ гостиной...

— Надо послѣшать, чтобы не выбрали сами хороши...

Она послѣшно встала и оправила сизо-малиновый муаръ-антикъ.

— А ты отчего жъ не идешь?

— Я послѣ... за вами...

— Сюда не будутъ нести, потому что здѣсь заняты танцами...

— Хорошо, хорошо...

Фредерика Францовна устремилась въ гостиную, ощущывая на пути, проченъ ли карманъ платья, а затѣмъ, проченъ ли другой, подвижной потаенный карманъ, въ который вела особая прорѣзка въ юбкѣ и который предусмотрительная дама имѣла обыкновеніе, отправляясь на вечера, званые обѣды и тому подобныя сборища, солидно прикрѣплять къ поясу посредствомъ шнура.

Сизо-малиновый муаръ-антикъ, обтягивавшій Фредерику Францовну Пипихъ, еще не успѣлъ исчезнуть между разноцвѣтными шелками и барезжами, какъ уже Клавдія Петровна обратилась къ Матвѣю Ивановичу:

— Такъ, вы на меня не сердитесь? Скажите!

— Помиуйте...

— И завтра придете на урокъ?

— Завтра? Но вѣдь, кажется, урокъ не завтра?

— Ахъ, да! Уроки только разъ въ недѣлю!

Она тихонько вздохнула и задумалась.

Матвѣй Ивановичъ соображалъ, какъ бы ему уйти, но только что хотѣлъ начать отступленіе лукавыми словами, что онъ долженъ передать нѣчто своему товарищу, преподавателю математики, задумчивость, овладѣвшая Клавдіей Петровной, исчезла и она предупредила замышленное отступленіе разговоромъ.

— А что ваши уроки Софѣ Яковлевнѣ? спросила она.

— Ничего... Я теперь не даю ей уроковъ. Она нездорова.

— Но вѣдь ей лучше?

— Да, лучше, но все-таки она еще не совсѣмъ оправилась.

— А знаете, что я думаю?

— Что?

— Можетъ быть, мнѣ бы не слѣдовало говорить... Но нѣтъ...

Вамъ я все могу сказать! Да?

— Я, право...

— Да, да, вамъ я все скажу! Я увѣрена, что Федоровъ не желаетъ...

— Чего не жаеаеь Федоровъ?

— Чтобы вы давала ей уроки.

— Это было бы смѣшно!

Матвѣй Ивановичъ пренеестественно засмѣялся и поправилъ себѣ волосы.

— Я знаю, я въ этомъ увѣрена! И Мятелицѣ это не нравилось, но Мятелица не имѣла такого авторитета, какъ этотъ господинъ, и могъ только уѣхать.

— Миѣ кажется, вы ошибаетесь: Мятелица уѣхалъ къ отцу, по какимъ-то домашнимъ своимъ дѣламъ!

— Онъ никогда прежде не ѣздилъ такъ долго по домашнимъ дѣламъ!

— Не всѣ дѣла одинаковы: нныя затягиваются, возразилъ Матвѣй Ивановичъ.

А самъ думалъ:

— Неужто Мятелица?...

Клавдія Петровна покачала головой.

— Матвѣй Ивановичъ! вдругъ прошептала она, не безъ трагизма:— спасите Софью Яковлевну!

— Что вы хотите сказать?

— Спасите, спасите ее!.. Вы понимаете, что я хочу сказать!.. Ужъ и безъ того ужасъ гибнетъ столько женщинъ!.. Я никому этого не сказала бы, кромѣ васъ... но вамъ... но вы...

Голосъ Клавдія Петровны пресѣлся. Она казалась въ страшномъ волненіи.

— Что жъ я могу сдѣлать? спросилъ Матвѣй Ивановичъ, который выдавалъ свое волненіе несвойственною ему холодностью къ дѣламъ своего ближняго.

— Вы? вы? Вы все можете! Неужто она погибнетъ? А она съ Федоровымъ погибнетъ непременно!.. Нѣтъ, надо употребить всѣ усилія... надо... У васъ завтра есть свободное время?

— Завтра?

— Да, завтра, завтра?.. Хотя часъ свободный?.. Хотя нѣсколько минутъ свободныхъ?.. Я должна васъ видѣть завтра... Я вамъ завтра скажу... А! вотъ и они! Смотрите!

Матвѣй Ивановичъ обернулся и увидалъ входящую Софью Яковлевну, а за нею дѣвину Фаилу Егоровну и доктора Федорова.

— Такъ завтра мы увидимся? шептала Клавдія Петровна:— увидимся?

— Да, да...

— Когда? По утру? Заходите по утру... хоть въ семь часовъ... Я встану на разсвѣтъ... Такъ по утру?

— По утру...

— Если вы забудете, я сама въ вамъ приду! Можете? Не стѣсню васъ? Я знаю, на меня закричатъ весь городъ, но мнѣ все равно! Я приду къ вамъ! Хорошо?

Онъ отвѣчалъ машинально, а самъ не могъ оторвать взгляда отъ новоприбывшихъ гостей.

Гости пробрались между танцующими въ ихъ сторону!

Докторъ Федоровъ очень весель. Она тоже улыбается! Ну чтожъ, тѣмъ лучше! Какъ это прежде не пришло въ голову? Этого слѣдовало ожидать. Женщины всегда такъ... Даже мадамъ Сталь, говорить, выдвинулась подъ ковредъ въ какое-то совершеннѣйшее ничтожество...

Несостоятельность мадамъ Сталь какъ будто секунды на двѣ его примирила съ несостоятельностью женщинъ и успокоила, но потомъ ему опять стало такъ тошно, что онъ порѣшилъ сейчасъ же уйти домой.

Порѣшилъ, но не ушелъ. Онъ дождался, пока они подошли, безпечно поздоровался съ Софьей Яковлевной и какъ-то особенно любезно съ докторомъ Федоровымъ, подарилъ Фашину Егорову какимъ-то комплиментомъ, отъ котораго та завертѣлась, какъ волчокъ, широко улыбался на каждое слово Клавдіи Петровны, отвѣчалъ на ея многозначительные взгляды, безъ нужды увертывался то вправо, то влево, даже разъ чуть не началъ танцевать.

Софья Яковлевна встрѣтилась съ нимъ, какъ всегда вытѣчалась, и это его почему-то чрезвычайно раздражило. На ея вопросъ, не видать ли онъ Якова Ивановича, онъ отвѣчалъ ледянымъ тономъ, что „Яковъ Ивановичъ играетъ вѣроятно въ карты“.

Клавдія Петровна заговорила, какъ нарочно, о неведомой деревнѣ; Софья Яковлевна похвалила деревню, Федоровъ прибавилъ, что деревенскій воздухъ полезенъ больнымъ, Фашина Егоровна закатила глаза и вскрикнула, какъ прелестьно вѣчать такъ въ лодкѣ. Ему стало не въ терпѣжъ, онъ распрощался, хотѣлъ идти домой, но вмѣсто того пошелъ въ гостиную, забрался въ уголъ и изъ этого угла скоро устремилъ глаза на толпу-это оставленное имъ общество.

Гостей было очень много, все по большей части незнакома лица и, какъ на его взглядъ представилось, все лица непривлекательныя. Генераль, интересующійся, по словамъ хозяйки, всѣмъ ученымъ, сидѣлъ между двумя внимательными дамами и очевидно, снова велъ ученые разговоры. Генераль его замѣтилъ,

когда онъ проходилъ мимо, и, указывая на него подбородкомъ, не кончивъ нисколько голоса, сказала:

— Ну вотъ замѣть: спрашиваю, какое жь въ немъ можетъ быть высшее понятіе и высшее стремленіе?

Внимательныя къ генералу дамы поглядѣли на него въ упоръ одна парой зеленыхъ, другая парой черныхъ, но одинаково неодобрительныхъ гдѣтъ.

Матвѣя Ивановича это, что надвывается, взорвало. Онъ было уже приостановился, съ цѣлью замѣтить интересующемуся всѣмъ ученику генералу, что онъ невѣжа, но къ счастью во время озумался и пошелъ дальше.

Подальше сидѣла Фредерика Францовна Пинихъ и, держа въ ладоняхъ апельсинъ и грушу, съ увлеченіемъ толковала какой-то гнѣздкой баронессѣ, съ пятиэтажнымъ подбородкомъ и бѣлобрысыми бровями, передвигая голубымъ бархатомъ, и русской вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, у которой всѣ руки были обвиты золотыми звѣздами съ разноцвѣтными глазами, и которая сама нѣсколько напоминала мелкую дѣвчуку, — какъ проить *Damen Nachtheim* à pantalou, oder ausgeschnittenes Damenhemd à pantalou.

Высокій молодой недовѣтъ, фигурно изогнувъ станъ съ тонкимъ перехватомъ, и не безъ удала сбочивъ голову, надъ которой онъ провелъ добрыхъ два часа, стараясь придать прическѣ должный небрежный видъ, отечески наставлялъ завитую мелкимъ баранкомъ дѣвцу, что иногда можно согласиться съ генераломъ Мюра (хотя генералъ Мюра — характеръ ничтожный и чаще всего говорилъ глупости), который, послѣ какой-то одержанной имъ победы, сказалъ Наполеону: люди болѣе всего падали на игрушки, на дѣтскія погремушки!

Однако Матвѣй Ивановичъ и ими остался недоволенъ. Онъ горько усмѣхнулся и, не безъ злобы глядя на молодого человѣка съ прекраснымъ, чисто кавалергардскимъ перехватомъ, а главное съ похвальной наклонностью, хотя критически, но справедливо отослаться къ словамъ и дѣйствіямъ историческихъ лицъ, — дуванъ.

— Вотъ такіе всегда успеваютъ! Да только такіе и успеваютъ!

Онъ взглянулъ на дѣвцу. Бѣдняжка не спускала круглыхъ веселыхъ глазъ съ своего собесѣдника и слушала его, страшая проронить слово.

— Да, она считаетъ его за гения, она готова стать передъ нимъ на колѣни и поклоняться ему! И вотъ женскіе кумиры! И всѣ они жаловы! Безумецъ будетъ тотъ, кто повѣритъ хоть одной,

как бы она ни была умна и проникательна! Во всякой онъ обманется и разочаруется!

Ему стало нестерпимо обидно и грустно и очень захотѣлось бросить взглядъ на ту женщину, въ которой онъ только что обманулся и разочаровался.

Онъ отошелъ отъ продавѣдущаго молодого человѣка, который уже добрался до Конфуція и, не церемонясь съ почтеннымъ китайцемъ, истолковывая „духъ его философіи“, — скользнулъ въ уголъ и кинулъ взглядъ, куда желалъ.

Кинулъ взглядъ и глаза его какъ-то противъ его воли на долго приковались къ вѣщцу. Онъ, испытывая самыя горькія чувства, смиренно стоялъ, вертѣвшись выжидал, пока опустится бѣлый, вздутый какъ пузырь, рукавъ Клавдія Петровича и позволитъ ему увидать хоть часть головы разочаровавшей его женщины, или откинется въ сторону вертлявая фигурка Фанни Егоровны и позволитъ ему взглянуть на какую-нибудь часть ея лица.

Какъ эта женщина спокойна! Право можно подумать, что все это сонъ, бредъ... А между тѣмъ, это дѣйствительно такъ! Она любитъ этого тупоголоваго человѣка, самажала, неуча... Какая же участь ее ожидаетъ замужемъ за нимъ? Куда она деваетъ всѣ свои стремленія? Вѣдь рядомъ съ нимъ, имъ, конечно, любить мѣстѣ! Неужто она этого не сознаетъ? Чтожъ это? совершенное затмѣніе ума, такъ называемое любовное ослѣпленіе? И отецъ ничего не видитъ! Эти выпренные мечтатели куда не годны въ дѣйствительной жизни! Онъ бы долженъ ей открыть глаза... Посторонняя она и слушать не захочеть...

Онъ перевелъ глаза на доктора Федорова, который съ живостью что-то рассказывалъ своимъ дамамъ.

— И это герой! Это кумиръ! Его слушаютъ, восхищаются каждымъ его пошлымъ словомъ! Не взирая на свою наружную невозмутимость, она непремѣнно въ душѣ имъ восторгается! И вотъ женщины! А! онъ уходитъ! Куда жъ это? Вѣрно не надолго! Ну, теперь она будетъ его провожать глазами...

Но она глазами его не провожала, даже не поглядѣла ему въ слѣдъ, а продолжала какой-то разговоръ съ Клавдіей Петровной.

— Какъ владѣеть собою! На лицѣ ничего не прочитаешь, чего она не желаетъ дать на прочтеніе!

И онъ принялся разсматривать это лицо, и долго разсматривалъ его и такъ на него заглядѣлся, что самъ не замѣтилъ, какъ сердце у него словно подтаяло и чувство гнѣвнаго негодованія замѣнилось чувствомъ одной глубокой грусти.

Какъ часто эти темные глаза обращались на него, сіяющіе

радостнымъ привѣтотъ! Какъ часто мѣнялось это подвижное лицо отъ одного его слова! И какъ хорошо понимала она каждое слово! И неужто все это прошло безвозвратно? Неужто нельзя воротить?

Она почувствовала, что ему словно застилаетъ глаза и быстро поморгала.

— Какъ будетъ пусто! Какъ томительно! проговорилъ онъ почти въ слухъ.

— Неужто невозможно ее спасти? О чемъ она теперь говорить съ Розовой? Можете, Розова завела разговоръ объ этомъ... Не подойти ли къ ней, не заговорить ли... Не сказать ли ей прямо?.. А какъ она это приметъ? Какъ бы ни приняла, я скажу ей... Я долженъ ей сказать! Это мой долгъ, какъ честнаго человѣка. Иду, скажу...

Она быстро направилась къ дверямъ залы, достигъ ихъ благополучно, но тутъ остановленъ былъ столкнувшеюся съ нимъ дамою; чрезвычайно неожиданно на сѣту, — круглый ея ротъ былъ открытъ, словно ее долго продержали на сушѣ, красноватая лоснящаяся плечи и руки сквозили сквозь сѣтку чернаго кружевнаго жевода и вся она подпрыгивала и металась, точно ее только что кольнули острою.

— Ахъ, Матвѣй Ивановичъ, вскрикнула дама, схватывая его за руку: — наконецъ-то я васъ отыскала! Спрашиваю у всѣхъ, гдѣ вы, мнѣ говорятъ: здѣсь, а я никакъ не могу отыскать! Наконецъ-то найденъ! Я такъ рада! Я, Матвѣй Ивановичъ, имѣю къ вамъ просьбу, а вы такой добрый, такой милый, такой благородный человѣкъ, что не откажете мнѣ въ ней! Вѣдь вы не захотите привести меня въ отчаяніе, нѣтъ!

— Я очень радъ... и готовъ... все, что могу... Позвольте завтра мнѣ явиться къ вамъ узнать, чѣмъ я могу... отбивался Матвѣй Ивановичъ, отъиду не выдавший въ глаза осаждающей его особы.

— Погодите, погодите! Вы не знаете меня, но я васъ знаю, — я знаю, какой вы благородный человѣкъ! Вы вѣдь учитель исторіи?

— Да-съ, и завтра...

— Вы вѣдь не захотите мучить меня, нѣтъ?

— Помилуйте...

— Ахъ, я и такъ столько уже страдала! Еслибы вы знали, что я пережила! Я потеряла здоровье, я состарилась прежде времени!

— Завтра, если позвол...

— Меня теперь малѣйшее огорченье просто можетъ убить, я это чувствую! И если мой Женя не перейдетъ въ третій классъ

я не знаю, что со мной будетъ. Но онъ перейдетъ, не правда ли? Вы не будете ему уми стилили единичъ, да? И саямъ эти единичи, не правда ли? Я вамъ буду такъ благодарна, такъ благодарна! Я очень хороша со всѣмъ вашимъ внешнимъ начальствомъ, и вотъ скоро поѣду въ Петербургъ и тамъ со всѣми ими увижусь... И ужъ непременно поблагодарю ихъ за васъ, что они такъ мало васъ цѣнятъ. Я потребую, чтобы вамъ какое нибудь отличие... непременно отличие... Такъ вы общаете мнѣ не нападать на моего бѣднаго Жени, — на Женио Вейкова? Общаете?

— Будете увѣрены, что я...

— Ну, благодарю! Дайте руку!

Когда Матвѣй Ивановичъ, наконецъ, освободился и торопливо пробрался къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Софья Ивановна, ея тамъ уже не было.

Онъ оглянулся во всѣ стороны. Со всѣхъ сторонъ мелькали мужскія и женскія головы, двигались и возмывались раздраженныя фигуры.

Гдѣжь она? уѣхала?

— Вы ищете ее? раздалось вдругъ около его уха.

Онъ быстро обернулся и увидалъ Клавдію Петровну Розову.

— Она ушла съ нимъ въ садъ, продолжала шептать Клавдія Петровна. — Они прошли черезъ балконъ... Вонъ тамъ, гдѣ цвѣты...

Онъ машинально взглянулъ въ ту сторону.

— Ахъ, Матвѣй Ивановичъ! трудно ее спасти, очень трудно. Она до того ослѣплена, до того ослѣплена, что это невѣроятно. Я бы не повѣрила, если бы не видала собственными глазами. Но не надо отчаиваться, надо дѣйствовать! Медлить нечего. Завтра мы увидимся? Вы придете ко мнѣ?

— Если только успѣю, то непременно...

— Хорошо. Я буду васъ ждать до десяти часовъ, а если въ десять васъ не будетъ, я сама приду къ вамъ. Рѣшено?

— Я не знаю...

— Не возражайте мнѣ, не беспокойтесь за меня. Что намъ за дѣло до глухихъ толковъ? Я приду!

— Здравствуйте, Клавдія Петровна, сказалъ подошедшій корнетъ съ несоразмѣрно большими глазами и несоразмѣрно малымъ носомъ, я напрасно ждалъ обѣщаннаго сувенира...

— Здравствуйте, произнесла ледянымъ тономъ Клавдія Петровна и тотчасъ же снова обратилась къ Матвѣю Ивановичу.

— Итакъ, рѣшено?

— Да, отвѣтилъ раскланиваясь и совѣмъ не думая, что рѣшено, Матвѣй Ивановичъ.

— Вы уже домой?

— Домой.

Клавдія Петровна вѣрѣе стиснула ему руку и проговорила:

— До завтра!

Ему, собственно говоря, хотѣлось не домой, а въ садъ, гдѣ они гуляли, но у него вырвалось слово домой и ему почему-то представилось, что послѣ этого не уйти туда будетъ невозвратно малодушно, недостойно человека.

Онъ до того былъ взволнованъ и колеблемъ однимъ, что не замѣтилъ даже кому-то доказывавшаго пользу идее докторъ Федорова, на котораго чуть не наткнулся, вышелъ въ переднюю, схватилъ свою шляпу и пальто, быстро шагнулъ до дому и, почувшившись въ своей комнатѣ, распахнулъ окно, взглянулъ на звѣздное небо, послушалъ, какъ шелестятъ листья въ садикѣ, проговорилъ: какъ тихо! потомъ: вора, однако, спать не легъ, а сѣлъ къ столу и закурилъ папиросу.

Марко-Вовчокъ.

НА ВОСТОКЪ.

(В. А. М—ву).

Пристрастьемъ къ Западу я страненъ,
А ты — къ Востоку, милый мой;
Ты въ этомъ истый мусульманинъ,
Хоть и не ходишь подъ чалмой.
Какъ мусульманинъ, въ честь Востока
Ты совершаешь свой намазъ,
А я жду съ Запада пророка,
Откуда онъ сходитъ не разъ...
Тамъ новой жизни возрожденъе,
Тамъ въявь сбывались наши сны,
А твой Востокъ — кладбище тлѣнья
И царство мертвой стороны.

Дмитрій Минаевъ.

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНИИ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Много воды утекло со времени моего послѣдняго письма. Событія слѣдовали другъ за другомъ съ такой быстротой и тѣснились въ такомъ множествѣ, что трудно было найти мину-ту спокойствія для оцѣнки ихъ, для сколько нибудь хладно-кровнаго взгляда назадъ на весь рядъ ихъ. Хотя такая минута и теперь еще не наступила, и врядъ-ли скоро наступитъ, но мы попробуемъ сдѣлать общій очеркъ всего пережитаго Испаніей въ послѣдніе три мѣсяца, хотя при этомъ намъ нельзя избѣжать, чтобы новыя событія не развлекали на каждомъ шагу нашего вниманія; нельзя избѣжать риска, что сегодняшнее положеніе дѣлъ и его интересы не сдѣлаются старыми, прежде, чѣмъ это письмо попадетъ въ печать.

Начнемъ съ отреченія Амедея. Полетившаны и журналисты серьезно увѣряютъ европейскую публику, что причиной его была исторія съ артиллеристами и генераломъ Идальго. Это насъ не удивляетъ, потому что публика, почерпающая свои свѣденія изъ разглаговльствованій этихъ господъ, привыкла глотать и не такія чудовищности. Дѣло очень просто, между тѣмъ. Амедей, такъ или иначе, живой или набальзамированный, долженъ былъ возвратиться во свояси, потому что донъ Мануэль Руйсъ Сорилья никакъ не могъ одинъ, собственной персоной, охранять его власть и особу при общемъ нерасположеніи къ нему народа и при томъ настроеніи въ войскѣ, которое теперь обваружилось. Отреченіе было неизбежно, — и хотя его вѣрный министръ всѣми силами протавился отреченію, но, встрѣтивъ непреклонность со стороны короля, придумалъ слѣдующій фортель, чтобы удержать за собой власть. Разсчитывая, что большинство палаты состоятъ изъ его собственныя креатуръ

(въ прошломъ письмѣ я говорилъ, какимъ образомъ онъ фабриковалъ депутатовъ), онъ надѣялся, что за отъѣдомъ короля все останется по старому. Амедей, разсуждалъ онъ, только компрометируетъ лучшее и радикальнѣйшее правитель-ство донъ Мануэла своимъ иностраннымъ происхожденіемъ и своими скандалами; въ сущности же всё только того и желать, чтобы радикальнѣйшій донъ Мануэль продолжалъ счастливить Испанію своимъ управленіемъ. И вотъ онъ съ развязнымъ видомъ является въ палату, объявляетъ о выходѣ короля въ отставку и старается показать вѣдь, что ничего особеннаго не случилось, что положеніе нисколько не измѣнилось и что палатѣ остается только возобновить желаніе г. Сорильи.

Разсчетъ этотъ, по сколько оны основывался на большинствѣ палаты, былъ очень вѣренъ. Это большинство состояло изъ такъ называемыхъ радикаловъ, т. е. изъ такихъ же рыцарей, какъ и самъ донъ Мануэль, вбрасывающіе и на монархію, и на республику, но подъ условіемъ вѣрности королю и получать хорошия деньги. Но разсчетъ этотъ былъ опровергнутъ на-ходу и вожжомъ. Первыя принялъ угрожающее положеніе, а второе, напротивъ того, рѣшительно отказалось принять его, вслѣдствіе чего донъ Мануэлю пришлось тоже отказаться; а друзья его, парламентскіе радикалы, Шеррость, Сильмероны, Риверо, Кордона, Беренгеръ и проч., все эти министры Амедея, или главные виновники его приванія въ Испанію, вдругъ съ непостижимымъ бесстыдетіемъ обвинились республиканцами, и этимъ маневромъ тѣ извѣнныя, которые занимали министерскія мѣста при королѣ, собрали ихъ и въ новорожденной республикѣ. При этомъ, конечно, въ виду народнаго настроенія имъ пришлось взять въ товарищи не только Ка-стеларъ, который, хотя республиканецъ, было крайней мѣрѣ не коммунаръ, но и ужасныхъ социалистовъ, Фигераса и Ни и Маргали.

Впрочемъ субъекты, какъ Мартесъ или Риверо, согласны вступи-тить въ товарищество хоть съ чортомъ, лишь бы остаться на теплыхъ мѣстечкахъ, потому ихъ уживчивости нельзя было удивляться. Отграниче могло показаться согласіе Фигерасовъ и Ка-стеларовъ водить компанію съ людьми совершенно потерянными въ общественномъ мнѣніи. Чтобы понять это, надо во-уисывать изъ шаду, что эти республиканцы и социалисты—депутаты, прежде всего депутаты, политическіе дѣтели, государ-ственныя мужи, и потому надо войти въ ихъ депутатское, го-сударственно-политическое міросозерцаніе. Разъ, что Амедей удался, является настоящая государственно-политичес-

какъ потребность: обзавестись новымъ правительствомъ; это правительство съ государственно-политической точки зрѣнія можетъ воздѣять правильнымъ, т. е. легальнымъ образомъ только палата, т. е. верховная власть, олицетворяющая народное самодержавіе и тождественная съ нимъ. Всякому гражданину чуждымъ и пріятна, пріятна, что это собраніе, большинство членовъ котораго обязано своимъ выборомъ самому высшему народу, представляеть на народное самодержавіе, а самоуправство того самого Сориллы, который только что со срамомъ изгнанъ, но Кастеларъ, Пидъ Маргаль и Фигерасъ, будучи самими членами этого собранія, хотя и меньшинствомъ его, дѣйствительно избраннаго, а не вытѣсненнаго министерствомъ, не могутъ такъ смѣлѣть надъ нимъ, потому что всю свою силу и полномочіе почерпнули изъ факта народнаго представительства этого собранія. Они проникнуты убѣжденіемъ легальности этого собранія и вынуждены закрывать глаза на явное его министерское происхожденіе, чтобы не поддѣлять видѣть съ его общимъ коллективнымъ авторитетомъ свой частный депутатскій. Они, напротивъ, желаютъ угодить своей авторитетъ, паять просахъ депутатовъ подчасъ въ дѣлѣ правды и справедливости. Они, пожалуй, могли бы похвастать, что это ирѣсто премо черезъ народъ, который имѣеть наивность вѣрять имъ и готовъ лить свою кровь, чтобы сдѣлать Пидъ Маргаль — министромъ внутреннихъ, а Кастеларъ — министромъ дѣлъ. Но эти государственно-политическимъ умомъ представляется гораздо вѣрнѣе быть правителями, санкціонированными легальной властью, чѣмъ поставленными народомъ безъ подобающаго легальнаго формъ; благо есть легальная власть, могущая дать имъ эту санкцію. И вотъ собраніе, девять десятыхъ котораго состоитъ изъ чиновниковъ, назначенныхъ монархическимъ министромъ для вѣрной службы династическимъ интересамъ, назначаетъ социалистовъ и революціонеровъ членами республиканскаго правительства на раду съ вчерашними креатурами придворной камарильи!

Вся эта нескладница, вовсе не шокировавшая и не казавшаяся нескладницей людямъ, взирающимъ съ высоты политико-государственной прамудрости, оскорбила однако простой здравый смыслъ народа, такъ что уже черезъ двѣ недѣли изъ членовъ правительства дѣла, наиболѣе скомпрометированныя въ монархическихъ интригахъ, вынуждены были выйти изъ его тѣнь переть народной манифестаціей. Вышла странность. Радикалы, какъ въ Испаніи называютъ теперь монархистовъ, располагая огромнымъ большинствомъ во всѣхъ легальныхъ органахъ вла-

сти, вынуждены были назначать въ правительство республиканцевъ и федералистовъ.

Между тѣмъ, положеніе, въ которомъ временное правительство увидѣло себя съ перваго дня своего существованія, было болѣе, чѣмъ затруднительно, было невозможно. Невозможность была двоякая. Впервыхъ, при карлистскомъ возстаніи на сѣверѣ и при сепаратистскихъ стремленіяхъ всѣхъ провинцій, разложеніе армій дѣлало невозможнымъ положеніе всякаго центрального, государственнаго мадридскаго правительства, каковъ бы ни былъ его составъ. Въ вторыхъ, личные качества членовъ его усиливали эту невозможность. Важнѣйшими членами его были Фигерасъ, Кастеларъ, Пи и Маргалъ и Сальмеронъ. Изъ нихъ *Фигерасъ и Пи и Маргалъ* заявляли себя не только федералистами, но и социалистами, и только этому были обязаны своей популярностью и значеніемъ. Въ качествѣ таковыхъ, они не могли, если бы и имѣли къ тому возможность, приняться за крутыя мѣры для поддержанія централизаціи и порядка. Измѣнить же явно и грубо своимъ заявленіямъ они до сихъ поръ не могли, потому что это разомъ лишило бы ихъ всякой силы. Въ первые дни республики имя *Кастелара* стояло на ряду съ ихъ именами въ смыслѣ искренняго республиканца, хотя республиканца государственнаго и буржуазнаго, но въ противоположность монархистамъ въ правительствѣ. Но когда вскорѣ послѣдніе были большею частію устранены изъ правительства, имя Кастелара приобрѣло консервативное значеніе, и между нимъ и самими крайними сочленами его обнаружилась разланица. Онъ началъ громко высказываться противъ федеральныхъ манифестацій, противъ нарушеній порядка, противъ уничтоженія дисциплины въ войскахъ, выступилъ инициаторомъ реакціоннаго плана *насильственнаго* набора 50 батальоновъ *воломтсровъ* и наконецъ окончательно выказалъ себя заявленіемъ своего намеренія выдавать Тьеру коммунаровъ. Если на такія вещи онъ рѣшался гласно, то можно себѣ представить, до чего доходилъ онъ въ закулисныхъ интригахъ и сдѣлкахъ. Пока монархическая партія была или казалась сильна, онъ, не смотря на все это, не считался прямо противникомъ республики и ея дальнѣйшаго развитія; поддержанію его популярности способствовало отчасти національное самолюбіе мадридцевъ, довольноныя громкою извѣстностью Кастелара и его репутаціей величайшаго оратора въ мірѣ. Но послѣ неудавшагося покушенія монархистовъ сдѣлать *Coup d'état*, 23 апрѣля, неудачи, которая, какъ всякое неудачное покушеніе, нанесло сильный ударъ этой партіи и на нѣкоторое время обезпечиваетъ Испанію по крайней

нѣрѣ отъ открытыхъ предпріятій монархической реакціи, — Кастеларъ окончательно очутился на самой крайней правой сторонѣ правительства. Мы не берѣмся предсказывать его паденіе; но положеніе дѣлъ теперь таково, что на дняхъ въ немъ долженъ наступить моментъ, когда товарищамъ Кастелара придется или разойтись съ нимъ и удалить его, или подчиниться ему.

Изъ остальныхъ членовъ правительства къ Кастелару всего ближе *Николай Сальмеронъ*, министръ юстиціи во временномъ правительствѣ. Хотя республиканецъ, онъ крайне подбѣрительнъ какъ братъ Франсиско Сальмерона, бывшаго президента палаты и затѣмъ постоянной комисіи ея, недавно разогнанной народомъ и распущенной правительствомъ. Въ день распушенія (28 апрѣля) Николай Сальмеронъ въ качествѣ члена правительства предъявлялъ декретъ его о распущеніи комисіи Франсиско Сальмерону, какъ ея президенту. «Но эта классическая сцена едва ли когда увидитъ въ искренности этой братской вражды; такъ какъ до сихъ поръ оба брата дѣйствовали всегда сообща».

Планъ Кастелара можно очень хорошо разобрать, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, уже теперь. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы по возможности, хитростью, а гдѣ можно силой, организовать и парализовать федеративное и социалистическое движеніе, а между тѣмъ организовывать войско; создать армию на мѣсто старой, которая сама уничтожилась. Для этой цѣли насильно вербуются волонтеры; старые солдаты, наиболѣе сомпрометированные сочувствіемъ къ федерализму, отправляются въ Сеуту, на Кубу и Филиппины; тѣ элементы армии, которые представляютъ оплотъ для всякаго центральнаго правительства, а именно, начальники, артиллерія, инженеры, сливаются съ новымъ войскомъ волонтеровъ, гдѣ составляютъ ядро дисциплины. Батальоны, какъ старые, такъ и вновь организуемые, выводятся противъ карлистовъ, но вовсе не для того, чтобы дѣйствовать противъ этихъ разбойниковъ (окончательное подавленіе карлистскихъ разбоевъ существенно подорвало бы планъ этотъ, отнявъ поводъ къ организаціи армии), а для того, чтобы въ лагерѣ и на походѣ удобнѣе возстановлять дисциплину энергическими мѣрами, какъ напр. разстрѣливаніемъ десятого. Рѣчь организовать армию, предполагается сбросить маску въ отношеніи федеральныхъ и социалистическихъ стремленій, отложить въ сторону церемоніи, пожалуй, выдать нѣсколько бунтовъ въ главныхъ центрахъ анархическихъ тенденцій, задушить ихъ энергическими ударами, ввести терроръ и основать консервативную республику, не Тьеро-монархическую, а Тьеро-Гамбетонскую.

Планъ этотъ, можетъ быть, въ высшей степени политиченъ, но онъ не предвѣдять дальнѣйшихъ послѣдствій. Онъ не предвидѣть, что военная диктатура, разъ возстановленная, не захочетъ оставаться въ услуженіи у адвоката, какимъ бы ораторскимъ талантомъ онъ ни обладалъ; что выдрессированный тигръ не замедлитъ пожрать своего жалкаго хозяина, не внушающаго ему къ себѣ достаточнаго уваженія; что настоящие хозяева его, (маршалы и генералы, Серрано, Дульсе, Конча и т. п., не замедлятъ выступить на сцену; что эти предводители слѣпой дисциплинированной вооруженной массы не преминутъ вскорѣ торговаться съ Изабеллой или съ Монпансье, или еще съ какимъ-нибудь ищущимъ мѣста принцемъ и что такимъ образомъ монархія будетъ возстановлена при бесильныхъ протестахъ гг. Кастеларовъ.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, федеративно-соціалистическая партія, преобладающая въ правительствѣ, не хочетъ или не находитъ возможнымъ принять планъ Кастелара, которому будто бы даже предстоитъ почетное удаленіе въ должность посланника на мѣсто Олосаги. Но непонятно, что имѣеть въ виду господствующая въ правительствѣ партія. Одно изъ двухъ: желаетъ она быть правительствомъ или не желаетъ. Если желаетъ, то ей необходимо имѣть все, что составляетъ правительство, т. е. всѣ элементы и атрибуты правительственной силы. Какъ правительство, оно обязано поддерживать порядокъ и спокойствіе, для этого держать армію, обязано платить проценты по внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ, заботиться о поддержаніи государственнаго кредита, для этого опять таки охранять порядокъ и опять таки содержать армію; для содержанія арміи и для платежа государственныхъ обязательствъ, ему необходимъ бюджетъ, необходимы налоги, для взиманія налоговъ еще разъ необходима военная и полицейская вооруженная сила. Стало бытъ, желаніе быть дѣйствительно настоящимъ правительствомъ роковымъ образомъ обрекаетъ ихъ выдумать, принять и приводить въ исполненіе планъ Кастелара или другой подобный же, непременно реакціонный.

Или можетъ быть, они понимаютъ несомнѣнность своихъ убѣжденій съ правительственной ролью и не хотятъ серьезно размыгрывать ее. Въ такомъ случаѣ чего же они хотятъ, въ чемъ представляютъ себѣ смыслъ своего положенія? Быть можетъ, они рассуждаютъ, какъ субъектъ, о которомъ рассказываетъ г. Успенскій, что «лучше, чтобы подлое мѣсто занималъ честный человѣкъ?» Можетъ быть, они перелагаютъ этотъ афоризмъ на рассужденіе такого рода: занимая свое мѣсто только для види-

мости, мы этимъ препятствуемъ занять его людямъ, которые воспользовались бы имъ для реакціи; удерживая въ своихъ рукахъ страшную машину безъ употребленія, мы этимъ не допускаемъ ее попасть въ руки человѣка, который тотчасъ произвелъ бы изъ нея реакціонный залпъ. Но возможно-ли на долго такое положеніе дѣла, такая игра въ прятки? Возможно-ли на долго существованіе государства безъ правительства? Не ясно-ли, что въ самомъ скоромъ времени должна наступить одна изъ двухъ развязокъ: или государство уничтожится, или оно создастъ себѣ настоящее, сильное, реакціонное правительство?

Настолько же, насколько въ настоящую минуту положеніе Испаніи, какъ культурнаго народа, блестяще, настолько же мрачно положеніе испанскаго государства. Безъ солдатъ, безъ доходовъ, обремененное страшнымъ долгомъ, оно находится наканунѣ полнаго банкротства, оно едва можетъ обороняться противъ жалкихъ карлистскихъ разбоевъ; оно вынуждено терпѣть самыя явныя нарушенія общественнаго порядка, самыя прямыя и реальныя атаки на собственность, окончательно добывающія его кредитъ, прекращающія всѣ дѣла, вызывающія эмиграцію капиталистовъ и вообще высшихъ классовъ, умножающія банкротства и вызывающія дороговизну и нужду. При такомъ положеніи дѣлъ правительству завтра же, можетъ быть, черезъ какой-нибудь мѣсяць придется объявить банкротство и ликвидацію испанскаго государства или приняться за насильственный курсъ, законы максимума конфискаціи и т. п. Но чтобы имѣть возможность дѣлать все это, надо быть не только настоящимъ, заправскимъ правительствомъ, надо быть правительствомъ террористическимъ, надо сдѣлаться страшилищемъ деспотизма и реакціи.

Но можетъ быть, не находя возможности спасти испанское государство, какъ государство единое и централизованное, они предоставляютъ послѣднее своей роковой судьбѣ, а тѣмъ временемъ готовятъ спасеніе государственности въ формѣ федеративной республики? На то они и федералисты. Но что же въ такомъ случаѣ дѣлаютъ они въ Мадридѣ? Зачѣмъ созываютъ они туда единое для всей Испаніи, центральное, государственное учредительное собраніе, могущее имѣть только смыслъ послѣдней попытки засвидѣтельствовать и поддержать единство испанскаго государства? рассчитываютъ ли они, что это собраніе, вопреки своему смыслу и назначенію, само разобьетъ государственное единство, которое предназначено утвердить, и большинствомъ голосовъ провозгласитъ Испанію федеральной республикой? Но, во первыхъ, это еще бабушка на двое гада-

ла. Большинство палаты может оказаться фиктивнымъ. Можетъ статься, что большинство націи, враждебное Мадриду и его централизаціи, не приметъ участія въ выборахъ въ центральную палату, и большинство депутатовъ, выбранныхъ центристами, высветится за единство. Во вторыхъ, какова можетъ быть федерація, декретированная верховною центральной властью?

Мы не хотимъ заподозрѣвать честность гг. Фигераса, Пи и Маргала и ихъ друзей. Мы охотно допускаемъ, что они искренно руководствуются вышеприведенными соображеніями. Такъ напр., одинъ изъ нихъ, генераль Контрерасъ, будучи нѣсколько недѣль генераль-капитаномъ, не только уклонился отъ всякихъ реакціонныхъ мѣръ, но разжаловалъ командира одного полка, который было принялся возстановлять дисциплину; при этомъ Контрерасъ выразился такъ: «Поймите, что уничтоженіе дисциплины въ арміи есть спасеніе Испаніи». Мы охотно вѣримъ, что всѣ эти господа занимаютъ мѣста правителей, чтобы не управлять, генераловъ, чтобы не командовать, словомъ стоять во главѣ государства, чтобы подорвать государственность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть, что если въ это дѣло никто не вмѣшается, то они погубятъ не государство, а революцію и республику и бесполезно погубятъ съ ними самихъ себя, если раньше не бросатся въ реакцію.

Вмѣшаться въ это дѣло можетъ, конечно, никто иной, какъ народъ. Такъ какъ испанскій народъ не составляетъ однообразной массы, такъ какъ его положеніе, развитіе, ближайшія дѣла различны въ различныхъ провинціяхъ, то мы должны сказать отдѣльно: 1) о Мадридѣ; 2) о Каталоніи и особенно Барселонѣ; 3) о южныхъ и югозападныхъ провинціяхъ; и 4) о сѣверныхъ провинціяхъ.

Хотя въ происшествіяхъ послѣднихъ дней Мадридъ показалъ, что зорко слѣдитъ за затѣями реакціи и не намѣренъ допускать или терпѣть *coup d'état*, но по своему историческому положенію Мадридъ имѣетъ въ теперешнихъ дѣлахъ реакціонное значеніе. Населеніе его невольнымъ образомъ слишкомъ увлекается центральными государственными интересами, невольнымъ образомъ придаетъ первостепенное значеніе личностямъ, занимающимъ извѣстныя мѣста въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, мелкимъ фактамъ, обнаруживающимся въ сферѣ дѣятельности этихъ учреждений. При теперешнихъ обстоятельствахъ событія въ Мадридѣ, если могутъ имѣть значеніе для общаго хода дѣлъ въ Испаніи, то только въ реакціонномъ смыслѣ; невозможно ожидать тамъ ничего, прямо содѣйствующаго

щее усилѣніемъ революціи, хотя конечно ошибки тамешняго правительства, тѣ или другія мѣры будущаго учредительнаго собранія могутъ имѣть вліяніе козветное. Мадридъ не Парижъ, и когда на дняхъ разнесся слухъ о провозглашенной тамъ будто-бы коммуны, едва-ли кто-нибудь знакомый хотя поперхностно съ положеніемъ дѣлъ могъ этому повѣрить. Въ Мадридѣ можетъ существовать сильная революціонная партія, но въ неей не живетъ никакой всемірно-исторической идеи, которая могла-бы побѣдить развращающее вліяніе столичнаго значенія.

Конечно, въ Мадридскомъ населеніи нѣтъ недостатка въ революціонныхъ элементахъ; но зато нигдѣ такъ не сильнѣе элементъ реакціонный. Въ виду того настроенія низшихъ классовъ, которое обнаружилось на юго-западѣ и о которомъ мы сейчасъ скажемъ, и при полномъ безсиліи правительства охранять порядокъ, высшіе классы мадридскаго населенія придумали и приняли въ исполненіе мѣры, которыя никакъ нельзя отказать ни въ энергіи, ни въ дѣлсообразности. Первою и существеннѣйшею изъ нихъ было вооруженіе ихъ. Они обратили свои дома въ крѣпости и арсеналы и энергически приготовились отражать силой всякое нападеніе. Это вооруженіе явилось сначала само собой, безъ общаго плана, но организація не замедлила возникнуть изъ него. Въ настоящее время высшіе классы Мадрида способны дать генеральное сраженіе народу со всѣми шансами побѣды. Но дѣло на этомъ не остановилось. Организація эта выработала планъ дѣлой ассоціаціи, предполагая распространять ее по мѣрѣ возможности по всей странѣ. Вотъ важнѣйшіе пункты программы этой ассоціаціи: защита собственности,—защита личной безопасности противъ покушеній какъ властей, такъ и частныхъ лицъ и партій,—организація отрядовъ волонтеровъ на защиту всего этого,—учрежденіе во всѣхъ главныхъ пунктахъ комиссій для наблюденія за произволомъ властей и нарушеніями общественнаго спокойствія и отпора имъ,—учрежденіе въ Мадридѣ многочисленнаго собранія изъ лицъ вліятельныхъ по положенію или богатству,—учрежденіе подобныхъ же хунтъ въ другихъ городахъ, депутаты отъ которыхъ войдутъ въ мадридскую центральную хунту,—назначеніе мадридской хунтой исполнительнаго комитета,—установленіе для дѣлей ассоціаціи поголовнаго налога на всѣхъ ея членовъ въ такомъ размѣрѣ, что каждый платящій тысячу и болѣе реаловъ годовой подати вноситъ въ кассу ассоціаціи четыре реала въ мѣсяцъ; платящіе менѣе налога вносятъ пропорціоноально менѣе, однако не менѣе одного реала въ мѣсяцъ.

Не говоря уже о матеріальной силѣ этой организаціи въ Ма-

дридѣ, понятно, что ея вооруженное и готовое на все положеніе имѣетъ сильное нравственное вліяніе. Но кромѣ этого вліянія, высшіе классы не пренебрегаютъ и другими средствами, чтобы подрывать революціонный духъ въ мадридскомъ народѣ. Мы приведемъ для примѣра нѣкоторыя изъ подобныхъ средствъ. Въ концѣ марта, во время ничтожныхъ успѣховъ Савальса и другихъ подобныхъ карлистскихъ побѣдъ, *Discusion*, офиціонный органъ радикальной части правительства, принялся натравливать темный народъ на мнимыхъ карлистовъ, прямо указывая какъ на таковыхъ на бѣдное населеніе прирѣчнаго квартала, живущее скудными промыслами, какіе доставляетъ рѣченка Мансанаресъ. Послѣдствіемъ этого были прискорбныя сцены, гдѣ бѣдные люди передрались между собой, а изобрѣтательные радикалы хихикали и потирали отъ удовольствія руки. Другой, еще болѣе искусный маневръ составляетъ изданіе будто бы ультра-коммунистической газеты *Los Descamisados* (Санкюлоты). Газета эта, заявляющая себя органомъ крайней революціонной партіи, утверждающая, что она есть голосъ настоящей голодной и оборванной толпы, заявляетъ, что эта крайняя партія стремится къ общности собственности и *жестокимъ!* Понятенъ моральный эффектъ подобныхъ заявленій.

Таково положеніе Мадрида, какъ видимъ, не особенно блестящее. Совершенно иное дѣло Барселона. Рабочее населеніе этого города больше всего въ дѣлѣ Испаніи по умственному развитію приближается къ интеллигенціи рабочихъ классовъ главныхъ мануфактурныхъ и промышленныхъ городовъ Франціи и Англіи. Это развитое рабочее сословіе оказало своей пропагандой въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сильное вліяніе на расположенныя въ Каталоніи войска. Кромѣ того, въ Каталоніи по всему ея историческому прошлому всего сильнѣе автономическія стремленія. Все это сдѣлало то, что провозглашеніе республики въ Мадридѣ вызвало въ Каталоніи и особенно въ Барселонѣ сильное броженіе. При малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны властей броженіе это безъ сомнѣнія перешло бы въ возстаніе и привело бы къ независимости Каталоніи. Но о противодѣйствіи нельзя было и думать, такъ какъ войска первыи вышли изъ повиновенія, прогнали реакціонныхъ командировъ и надѣли фригійскія шапки. Генералъ-капитанъ, Гамиде и Лафонъ, старый изабелловскій генералъ, спасался тѣмъ, что велъ себя совершенно пассивно. Преемникомъ его былъ Контрерасъ, принявшій открыто сторону возмущенія и вызвавшій этимъ противъ себя негодованіе радикаловъ въ правительствѣ. Но когда на смѣну его былъ присланъ въ Каталонію Веларде,

барселонцы прямо объявили, что не пустить его въ свой городъ, и онъ былъ вынужденъ принимать свои мѣры для возстановленія дисциплины въ тѣхъ непроходимыхъ трущобахъ, гдѣ будто бы гоняется за карлистскими шайками.

Съ точки зрѣнія государственнаго единства вынужденная и сознательная пассивность властей была счастьемъ. Не подстрекаемая сопротивленіемъ, народная революціонная страсть дремлетъ. Народъ барселонскій какъ будто самъ не сознаетъ своей силы, которую ему не на чемъ было испробовать. Онъ проситъ тамъ, гдѣ могъ бы повелѣвать. Онъ просилъ у городскихъ властей оружія, которое могъ взять безъ всякихъ переговоровъ; барселонскіе работники дѣлаютъ стачки изъ за какой нибудь хвостерной прибавки платы или убавки рабочаго времени, когда отъ нихъ зависитъ взять все. Главный органъ не только барселонскихъ, но вообще испанскихъ рабочихъ, La Federación, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ боялась прямо и громко высказывать сочувствіе свергшимъ дисциплину солдатамъ изъ опасенія обвиненія въ карлизмѣ. Въ газетахъ было много крика объ избіеніи цѣнныхъ карлистовъ и о нѣсколькихъ случаяхъ суда Линга надъ пойманными разбойниками и ворами; но газеты забывали прибавить, что въ этомъ участвовали исключительно люди средняго, важнотчнаго класса, того класса, которому вредна безнаказанность воровъ и разбойниковъ.

Но при всей своей умѣренности барселонцы показали въ двухъ случаяхъ, что съ ними шутить нельзя и что всякій малѣйшій успѣхъ реакціи въ Мадридѣ будетъ имѣть слѣдствіемъ такой же или еще большій успѣхъ революціи въ Барселонѣ. Когда въ концѣ марта въ Мадридѣ радикалы подняли было голову, пользуясь своимъ большинствомъ въ правительствѣ, Барселона отвѣчала на это приготовленіемъ въ провозглашенію независимости Каталоніи, и самъ Фигерасъ долженъ былъ поспѣвать въ Барселону, гдѣ три дня распинался передъ народомъ, увѣряя, что онъ федералистъ и социалистъ, чтобы предупредить этотъ шагъ. Торжество республиканцевъ въ Мадридѣ и распушеніе палаты больше увѣреній Фигераса заставили барселонцевъ отказаться на время отъ виѣшной формы независимости, такъ какъ сущностью они пользуются съ 11 февраля. Въ сущности правительство въ Барселонѣ составляетъ федералистскій клубъ, носящій названіе *Каталонскаго Штата*. Этотъ клубъ, не только управляетъ Барселоной, но имѣетъ рѣшительное вліяніе и на Мадридѣ. Когда недавно, передъ самой попыткой реакціи 28 апрѣля, г. Кастеларъ началъ было въ сообщничествѣ съ военнымъ министромъ Агостой снискиваться съ маршаломъ

Сорвано на счетъ возстановленія дисциплины въ войскахъ и для одной цѣли возвращенія на службу реакціонныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, Каталонскій штатъ такъ рѣшительно заговорилъ черезъ своихъ делегатовъ въ Мадридѣ, что эта маленькая нація задохлась въ скорлупѣ, и тогда-то маршалъ де-ла Торре бросилъ, оцѣря голову, въ комплотъ 23 апрѣля.

Въ Андалузін и Эстремадурѣ, гдѣ населеніе почти исключительно сельское и, какъ таковое, довольно варварское, чуждое пониманія политическихъ комбинацій и компромисовъ, была бы теперь просто на просто настоящая крестьянская война, если бы крестьянамъ было съ кѣмъ воевать. Но при полномъ отсутствіи всякихъ представителей и защитниковъ порядка, при совершенной пассивности высшихъ классовъ, которые или бѣгутъ, или покоряются, крестьянамъ все достается безъ боя. Европейскія газеты, почерпнувшія свои свѣденія отъ мадридскихъ коммюни, угощаютъ свою публику утками о свирѣпостяхъ и безчинствахъ андалузскихъ мужиковъ. Все это чистый вздоръ. Никакихъ свирѣпостей не было и не дѣлается, и все совершается чрезвычайно чинно и правильно. Община просто овладѣваетъ всю землю, принадлежащую ея членамъ, въ томъ числѣ и помѣщичью, уничтожаетъ стѣны, загороди, пограничные столбы, передаетъ огню акты на право владѣнія, и затѣмъ даетъ каждому изъ своихъ членовъ работниковъ извѣстный надѣлъ, которымъ онъ имѣетъ пользоваться известное число лѣтъ, послѣ чего земля должна подвергаться новому распредѣленію. Въ примѣръ чинности, съ которой все это совершается, мы приведемъ два относящихся до этого акта.

Въ Бургильосѣ, значительномъ мѣстечкѣ Эстремадуры, Бадахосской области съ 5000 населенія, алькальде обнародовалъ слѣдующій печатный циркуляръ къ другимъ мерамъ провинціи. Вотъ этотъ документъ. «Господинъ алькальде, въ виду политическихъ обстоятельствъ страны, населеніе здѣшней мѣстности провозгласило возстановленіе всѣхъ своихъ древнихъ земельныхъ правъ. Жалаа немедленно вступитъ въ пользованіе ими, оно вышло 9, 10 и 16 числа текущаго мѣсяца въ поле, разрушило пограничныя стѣны и сожгло нѣсколько домовъ и хижинъ, встроенныхъ на его земляхъ. Власть не могла предупредить этого, хотя желала бы, что-бы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ судебнымъ порядкомъ. Внаслѣдствіи, находя все совершившееся справедливымъ и своевременнымъ, бывшіе собственники сами добровольно признали необходимость выше-сказанныхъ разрушеній. Внаслѣдствіе этого прекращаемъ вамъ

списокъ собственности, должаствующихъ поступить въ общинное владѣніе для сообщенія его владѣльцамъ, дабы они могли дать о нихъ отзывы, какіе сочтутъ нужными. Бургильосъ, 19 марта 1873, алькальде Франсиско Мендесъ».

Въ Андалузіи муниципалитетъ города Хереса де-Лосъ-Кавалеросъ (провинціи Кадикской) разослалъ слѣдующій циркуляръ владѣльцамъ: «Конституціонное аутоміенто Хереса де-Лосъ-Кавалеросъ дону. Принимая во вниманіе требованіе революціонной Хунты, общинный совѣтъ рѣшилъ ввести рабочихъ людей въ пользование законно принадлежащихъ имъ определенныхъ надѣловъ (gigros). Съ этою цѣлью, будетъ приступлено къ раздѣлу земель, а такъ какъ въ числѣ подлежащихъ оному находятся и ваши, узазанныя ниже, то я довожу это до вашего свѣденія, дабы вы назначили лицо для присутствованія при раздѣлѣ въ качествѣ вашего уполномоченнаго, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній и споровъ. Да хранить васъ Богъ многіе годы. Хересъ, 5 марта 1873. Алькальде Масеро».

Единственный городъ въ Андалузіи, гдѣ дѣло обошлось не совсѣмъ мирно, есть маленький городокъ Монтяльа, гдѣ собственники вздумали сопротивляться подобнымъ преобразованіямъ. Были также беспорядки въ Малагѣ въ первые дни республики, когда народъ приступилъ къ разрушенію таможенъ и сожженію разныхъ коммерческихъ книгъ, актовъ и т. п. Многочисленная таможенная стража оказала сопротивленіе; но при помощи войскъ, перешедшихъ къ народу, въ городѣ водворился и до сихъ поръ сохраняется совершенный миръ. Мадридскіе наставарцы чуть было не нарушили его, вздумавъ послать въ городъ новыя войска. Но горожане такъ рѣшительно отказались не только принять войска, но и впускать въ портъ военные корабли, везущіе войска въ другія мѣста, что все обошлось мирно. Въ настоящее время Малага, какъ и Кадиксъ, составляетъ de facto совершенно независимую общину и вольный портъ, и если когда нибудь въ Мадридѣ возстановится центральное сильное правительство, ему придется пролить море крови, чтобы снова покорить южную Испанію.

Мы уже говорили въ предъидущихъ письмахъ, что карлизмъ и легитимизмъ Басковъ и Наваррцевъ есть ничто иное, какъ преданность своей независимости и своей еще недавней совершенно народной конституціи Фуэросовъ. 21 апрѣля минулъ годъ, какъ послѣднее возстаніе продолжается, и въ теченіе этого года генералы сначала короля Амедея, а теперь республики чуть не всякій день одерживали блистательнѣйшія побѣды. Если при королѣ, у котораго все таки была какая нибудь сила, всѣ

эти побѣды не мѣшали возстанію, то при республикѣ и подавно не помѣшаютъ. Правда, карлистскія телеграммы, возвѣщавшія съ торжествомъ о взятіи какой нибудь деревушки, какъ Риполь, смѣшны, и приносятъ пользу не столько карлистскому дѣлу, сколько мадридскому правительству, давая ему предлогъ для реакціонныхъ мѣръ. Нечего опасаться, чтобы шайки Сувальса или попа Санта Круса могли, какъ нѣкогда армія Сумалакарегъи, угрожать реставраціей католическаго короля. Всѣ эти французскіе и ирландскіе виконты, отставные панскіе зуавы, попы, принцы, принцессы и генералы страшны только проѣзжимъ и прохожимъ по дорогамъ горныхъ мѣстностей Вискайн и Наварры. Если-бы населеніе страны добилось той независимости, о которой мечтаетъ, оно завтра-же само перевѣшало бы этихъ безстыдныхъ авантюристовъ, которые въ своихъ шайкахъ сами поютъ

Amadeo no queremos
 Carlos siete no viendrá
 Entretanto comeremos,
 Y el pueblo pagara.

(Амедея не хотимъ, Карлъ VII не придетъ, мы же пока будемъ ѣсть, а народъ заплатитъ!)

Но съ другой стороны, также несомнѣнно, что только распаденіе испанскаго государства можетъ лишить этихъ авантюристовъ той всегда готовой почвы для ихъ подвиговъ, которую имъ представляютъ сѣверныя провинціи.

Но распаденіе испанскаго государства не есть вопросъ жизни и смерти только для испанскаго народа. При теперешнемъ положеніи Франціи, при стремленіяхъ къ независимости, обнаружившихся на югѣ ея во время послѣдней войны и выравнявшихся въ знаменитой Ligue du Midi, можно смѣло пророчествовать, что независимость Каталоніи вызоветъ въ южной Франціи сильное стремленіе къ сепаратизму и къ федераціи съ сѣверо-восточными штатами Испаніи. Поэтому если мы не очень склонны придавать важность слухамъ объ иностранномъ вмѣшательствѣ и повтореніи экспедиціи 1823, то только потому, что нынѣшнему французскому правительству, какъ бодливой коровѣ, Вогъ рогъ не далъ.

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

IX.

ЖЕНА ИЛИ ТЮРЬМА.

Какой-то глубокой знатокъ человѣческаго сердца справедливо замѣтилъ, что при видѣ несчастія, даже самаго близкаго намъ человѣка, мы, помимо собственнаго вѣдома, безсознательно чувствуемъ известнаго рода удовольствіе. Это удовольствіе выражается безъ словъ, даже безъ всякой оформленной мысли; но кто пріучился слѣдить за своимъ внутреннимъ жизненнымъ процессомъ, тотъ легко подмѣтитъ какое-то невольное душевное возбужденіе, выражающееся, въ переводѣ, словами: „Слава Богу! я не на *его* мѣстѣ!“

Искренно сострадая несчастному товарищу моего дѣтства Ерухиму, я, въ то-же время, чувствовалъ точно такое-же душевное возбужденіе. Мрачныя картины моего дѣтства живо представлялись моему воображенію. Я вспоминалъ, какъ забытый, лишенный ласки ребенокъ, я завидовалъ моему блѣднлицему товарищу по хедеру, нѣжившемуся подъ крылышкомъ обожавшей его матери. Съ какимъ восторгомъ промѣнялъ-бы я тогда свою горькую участь на участь счастливаго товарища! А теперь?

— Слава Богу! я не на *его* мѣстѣ! сто разъ повторялъ во мнѣ голосъ всемірнаго эгоизма.

Несчастія Ерухима, на нѣкоторое время, примирили меня съ

моей участію. Сооставляя откупную службу мою съ военною службою Ерофея, я приходилъ къ заключенію, что я счастливѣйшій изъ смертныхъ, и не имѣю никакого права требовать ничего болѣе. Но сознавая вполнѣ свое безправіе на лучшую участь, я, въ то-же время, все-таки желалъ ея, готовъ былъ вступить въ самую ожесточенную борьбу для ея завоеванія.

Не прошло и года со дня встрѣчи моей съ злополучнымъ другомъ моего дѣтства, какъ во мнѣ опять уже заговорила кичливость, запротестовало самолюбіе. Я опять началъ рваться куда-то на просторъ, на широкую дорогу, гдѣ мое я и моя жизнь не были-бы задѣваемы другими, гдѣ не подставляли-бы ноги моимъ не опредѣленнымъ стремленіямъ, гдѣ я могъ-бы двигаться и существовать безъ помѣхи, по собственнымъ убѣжденіямъ. Вырваться изъ откупной среды я однакожь не пытался: это было для меня такъ-же невозможно, какъ взобраться на луну; я только отыскивалъ болѣе широкую дорогу въ той сферѣ, въ которой уже застрялъ, убѣдившись неоднократно наблюденіемъ, что всѣ дороги одинаково ведутъ въ Римъ.

Изучая своего принципала, я подмѣтилъ, что изъ числа своихъ подчиненныхъ онъ дорожилъ особенно тѣми, которые непосредственно дѣйствуютъ на распорядительной почвѣ и выгребаютъ каштаны изъ огня. Онъ во многихъ изъ этихъ дѣятелей сознавалъ полнѣйшую неспособность и крупные недостатки, но дѣла, которыми эти неспособные дѣятели заправляли, приносили изобильные плоды, и онъ ими дорожилъ. Большая часть этихъ счастливыхъ дѣятелей, не слишкомъ разчитывая на щедрость принципала, имѣла благоразуміе оставлять часть каштановъ и для себя... Принципаль догадывался, но молчалъ, притворяясь ничего невѣдающимъ. Онъ не допускалъ въ людяхъ абсолютной честности, а на человѣческой умъ смотрѣлъ съ одной дѣловой точки зрѣнія. Кто умѣлъ приносить пользу самому себѣ, тотъ, слѣдовательно, былъ полезенъ и для дѣла. Тѣхъ-же, у которыхъ не доставало безсовѣстности обогащаться на счетъ чужихъ интересовъ, онъ считалъ безхарактерными, трусливыми и недальновидными. Можетъ-ли тотъ быть полезенъ другимъ, кто не умѣетъ быть полезнымъ самому себѣ? Преклоняясь предъ силой каштановъ, мой принципаль видимо проникался уваженіемъ даже къ тѣмъ счастливицамъ изъ числа своихъ подчиненныхъ, которые богатели исключительно на счетъ бармана своего хозяина. Онъ никогда не удалялъ подобныхъ служащихъ, въ томъ убѣжденіи, что эти *ушлы* уже наирасъ, а новые *начнутъ* только красть. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ его управляющихъ и успешнѣйшихъ не только богатели на распорядительной почвѣ, но воз-

выпались еще въ его глазахъ, какъ умъ и сила. Я же, состоя по счетной и письменной части, сѣялъ въ мертвой, бесплодной пустынѣ. Въ то время, когда откупные полководцы и генералиссимусы удерживали надъ закономъ побѣду за побѣдой, я могъ только подносить лавровые вѣнки въ видѣ испещренныхъ крупными цифрами балансовъ. Я игралъ жалкую роль писца-каллиграфа, который на чисто переписываетъ рапортъ главнокомандующаго объ одержанной блестящей побѣдѣ. Русскіе крупные откупщики придерживались въ этомъ отношеніи другихъ теорій: у нихъ бухгалтеръ или секретарь пользовались особеннымъ вниманіемъ и осыпались щедротами, какъ статс-секретари и главные контролеры въ маленькомъ царствѣ; мой-же принципаль смотрѣлъ на вещи съ болѣе реальной стороны; секретарь считался у него бумаго-марателемъ, а бухгалтеръ—ходячимъ гробухомъ.

Уяснивъ себѣ это положеніе, я рѣшился, въ чтобы-то ни стало, избраться на болѣе выгодную служебную почву. Для перваго опыта, я обратился къ благоволившему ко мнѣ принципалу съ просьбою.

— Я человѣкъ обремененный многочисленнымъ семействомъ, сказалъ я ему однажды.—Я давно уже имѣю честь служить при васъ, но ни до чего существенно-полезнаго еще не дослужился. Ограниченнаго моего жалованья едва хватаетъ на прокормленіе. Дѣти мои подростаютъ, в скоро придется серьезно подумать о ихъ воспитаніи. Пока я молодъ и въ состояніи трудиться, я обязанъ стремиться къ обезпеченію моей семьи на черный день. Достичь этого въ настоящей моей должности я считаю положительно невозможнымъ. Прошу у васъ мѣста по части распорядительной, надѣясь быть вамъ полезнымъ не менѣе другихъ.

Принципаль изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Мы вами совершенно довольны. Но вы намъ позезны именно въ той должности, въ которой вы состоите.

— Покорно благодарю. Но я недоволенъ своимъ положеніемъ, вотому что бесполезенъ самому себѣ, своей семьѣ и своей будности.

— Было вамъ жить безъ расчета и проживать все! возражь онъ рѣзко.

— Извините. Я не широко живу. Безъ пища ни жить, ни служить нельзя, отвѣтилъ я не менѣе рѣзкимъ тономъ.

— Чего-же именно вы добиваетесь? спросилъ онъ болѣе мягко. — Прибавки жалованья?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я добиваюсь другой арены дѣятельности,

гдѣ я могъ-бы принести вамъ болѣе осязательную пользу и тѣмъ заслужить болѣе выгодную оцѣнку.

— Нѣтъ, по распорядительной части вы мѣста получить не можете.

— Смѣю спросить, почему?

— Потому что вы по этой части неспособны.

— Но вы вѣдь еще не испытали меня?

— Нѣтъ. Вы слишкомъ большой философъ для дѣла. Вы черезъ чуръ мягкаго и податливаго характера, а въ нашемъ дѣлѣ нужно быть кремнемъ.

— Система откупная, сама по себѣ, на столько безпощадна и удобна для вашихъ интересовъ, что съ моей стороны достаточно будетъ придерживаться только этой системы, чтобъ интересы ваши были вполне обезпечены! Личныя-же мои убѣжденія и характеръ не имѣютъ ничего общаго съ точнымъ выполнениемъ обязанностей.

— Нѣтъ, вы въ распорядители рѣшительно неспособны, даже вредны, объявилъ мнѣ принципаль рѣшительно.

— И такъ я на другую должность рассчитывать не могу?

— Со временемъ можете рассчитывать на прибавку жалованья, болѣе ни на что.

— Въ такомъ случаѣ я прошу васъ уволить меня совсѣмъ.

Принципаль искоса посмотрѣлъ на меня и насмѣшливо улыбнулся.

— Вы серьезно это говорите? спросилъ онъ, надмѣнно, измѣривъ меня глазами.

— Какъ нельзя болѣе.

— А семья ваша что ѣсть станетъ?

— Объ этомъ позвольте ужъ мнѣ самому позаботиться.

— Хорошо, сказалъ онъ рѣзко:—мы выпишемъ когонибудь на ваше мѣсто. Просить мы никого не привыкли.

Я хладнокровно поклонился и вышелъ.

Съ этой минуты мои отношенія къ принципалу сдѣлались нѣсколько натаянутыми. Я считалъ себя почти уволеннымъ, хотя и продолжалъ исполнять свои обязанности съ подобающей точностью. Выписали-ли когонибудь на мое мѣсто, мнѣ было неизвѣстно. Я зналъ только одно: что мой принципаль заглазно не разъ высказывалъ свое непоколебимое мнѣніе на мой счетъ въ томъ смыслѣ, что я слишкомъ безхитростенъ и прямодушенъ, чтобы быть полезнымъ на откупномъ распорядительномъ поприщѣ.

Скоро однакожъ мой принципаль получилъ неоднократныя доказательства ошибочности своего предвзятаго мнѣнія.

Въ нѣкоторыхъ случайныхъ откупныхъ событіяхъ я внезапно

такую распорядительность, что выросъ въ глазахъ моего принципала, хотя, по правдѣ сказать, совсѣмъ не выросъ въ собственныхъ глазахъ... Я думаю, что едва ли возвышусь и во мнѣніи моихъ читателей, когда они узнаютъ, въ какихъ именно роляхъ я отличился. Но я рассказываю факты, не стараясь ихъ окрашивать въ какой-бы то ни было цвѣтъ. Событія, въ которыхъ я печально сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ, бросаютъ такой яркій свѣтъ на отношенія откупа къ прежней правительственной администраціи и на нѣкоторыхъ административныхъ дѣятелей прежняго времени, что рассказъ о нихъ, полагаю, не будетъ безинтереснымъ для читающей публики.

За отсутствіемъ мѣстнаго управляющаго мелкаго откупа, мнѣ поручено было временно исправлять его должность. Случилось, что въ это же самое время, смѣстился полицеймейстеръ и на его мѣсто прибылъ изъ сибирскихъ губерній новый. Это былъ человекъ военный, грубый, надмѣнный, гигантъ по росту и поклонникъ Бахуса съ виду. Въ подобныхъ случаяхъ, управляющіе откупами обязаны были немедленно представляться вновь прибывшему начальству, какъ для того, чтобы отдать ему должную честь, такъ и для того, чтобы объявить новому начальнику его будущій окладъ *откупнаго жалованья* и вручить его за мѣсяць или за треть года впередъ. Эту церемонію обязанъ былъ исполнить конечно и я.

Первое слово, съ которымъ меня встрѣтилъ новый полицеймейстеръ, было слѣдующее.

— Кто содержитъ здѣшній откупъ?

Я назвалъ ему откупщика.

— А! жидъ? миллионеръ?

Я смолчалъ.

— Ты, братецъ, знаешь кто я такой?

— Вы—новый полицеймейстеръ, отвѣтилъ я наввно.

— Да. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ и *жидоморъ*.

— Это, я думаю, къ откupu не относится.

— Нѣтъ, другъ любезный, очень и очень относится. Сколько, напримѣръ, получалъ мой предмѣстникъ жалованья изъ откупа?

— Пятьсотъ рублей въ годъ.

— Ой-ли? Не шутишь?

— Я не смѣю шутить.

— Ну-съ, мой предмѣстникъ—баба, а я, менѣе.. двѣнадцати тысячъ цѣлковыхъ въ годъ, или тысячи въ мѣсяць, не возьму. Вотъ что!

— Помилуйте, ужаснулся я:—откупъ платитъ *казнѣ* всего нѣ-

сколько десятков тысяч откупной суммы, какими-же образом онъ можетъ вамъ, одинъ, платить такія деньги?

— Заплатишь, братецъ, да еще въ ножки поклонишься. Ну-съ, а теперь „прощаюсь ангель мой съ тобою“. Не забудь: моя фамилія—жидоморовъ!

Сначала, я считъ новаго начальника какимъ-то шутникомъ и не очень тревожился его бессмысленнымъ требованіемъ. Но когда, на другой день, цѣлая стая нижнихъ и среднихъ полицейскихъ чиновъ закутила мое маленькое кабачное царство, когда цѣловальники воевали подъ давленіемъ полицейскихъ клещей, я встревожился не на шутку. Нѣсколько дней къ ряду, я являлся къ строгому начальнику, кланялся, просилъ, убѣждать взвѣсить невыполнимость его требованія, но всякій разъ былъ почти выгоняемъ, и получалъ одинъ и тотъ-же непоколебимый отвѣтъ.

— Двѣнадцать тысячъ, ни гроша меньше. Я затѣмъ и перевелся въ привилегированную жидовскую Палестину.. Понимаешь?

Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ только доложить объ этомъ принципалу. Но я зналъ очень хорошо, что мой принципалъ припишетъ мнѣ неумѣнье вывернуться изъ этой бѣды полѣвшей моей неспособностью, и потому, очертя голову, рѣшился на отчаянную выходку.

Въ то время губернаторствовалъ нѣкій князь, известный своимъ безкорыстіемъ чловѣкъ. Я обратился прямо къ нему, испросилъ у него аудіенцію по важному дѣлу. Одинъ на одинъ я прямо рассказалъ ему обо всемъ и объяснилъ то затруднительное положеніе, въ которое поставила меня съ одной стороны моя обязанность управляющаго, а съ другой—неслышанное требованіе полицеймейстера, подкрѣпляемое разными противузаконными прижимками со стороны ожесточенной полицеской власти.

— Я обращаюсь къ вашему сіятельству не только, какъ къ начальнику, но и какъ къ благородному чловѣку, который не вмѣняетъ мнѣ въ преступленіе мою откровенность. Я знаю, что дающій взятку такъ же преступенъ, какъ и принимающій ее. Но взятку, или лучше сказать, жалованье, даю собственно не я, а откупъ. или, другими словами, самый питейный уставъ, оставляющій много лазѣкъ откупу присвоивать себѣ небывалыя права, а властямъ принимать откупъ даже въ его настоящемъ, законномъ правѣ.

Губернаторъ благосклонно посмотрѣлъ на меня и потребовалъ, черезъ жандарма, полицеймейстера.

Десяти минутъ не прошло, какъ шефъ полиціи стоялъ уже у дверей кабинета съ поднятой ко лбу рукою, затянутый въ свой мундиръ, и съ раскраснѣвшимся до неприличія лицомъ.

— Приблизьтесь, приказал тихо князь.

Полицеймейстеръ, сдѣлавъ три военныхъ шага впередъ, остановился. Увидѣвъ меня, сидящаго въ губернаторскомъ кабинетѣ, онъ измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ на меня изумленными глазами.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ его князь, какимъ-то безучастнымъ голосомъ.

— Е...въ, къ услугамъ вашего сіятельства, прохрипѣлъ струсившій воинъ.

— Нѣтъ-съ. Сколько мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, вы прозвали себя *жидоморомъ*. Отъ жидоморовъ я никакихъ услугъ принимать не намѣренъ.

— Виновать-съ. Умоляю, однакожь, ваше сіятельство, выслушать.

— Вы, любезный, съумасшествуете... Предшественникъ вашъ былъ практичнѣе и человѣчнѣе васъ. Надѣюсь, больше жалобъ вы на себя не допустите. Поручаю вашему попеченію этого управляющаго откупа, заключилъ князь, сдѣлавъ намъ обоимъ общій прощальный знакъ рукою.

Въ тотъ самый день, Е...въ получилъ сотню рублей въ счетъ своего пятисотеннаго жалованья. Между полиціей и кабаками установились прежнія мирныя отношенія, какъ казалось, на вѣки нерушимыя.

О выходы моей, конечно, узнали и удостоили похвалы.

Вслѣдъ за благороднымъ княземъ, управлялъ губернію добродушнѣйшій въ мірѣ старичекъ. Былъ онъ тоже не изъ *берушнѣ*. (Губернаторы, надобно правду сказать, рѣдко пользовались откупными подачками, хоть и посматривали сквозь пальцы на дѣйствія своихъ чиновниковъ). Самый капитальный недостатокъ этого добраго старика заключался въ томъ, что онъ обладалъ козегливой, расточительной, хотя и немолодою женою. Губернаторскіе финансы далеко не удовлетворяли безмѣрной любви къ роскоши и нарядамъ губернаторши. Объ этомъ скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ имѣющимъ нужду въ губернаторскомъ покровительствѣ. Чтобы удостоиться этого драгоцѣннаго покровительства, стоило только представиться начальницѣ, въ ея щегольскомъ будуарѣ, конечно, не съ пустыми руками. Она была добра и гуманна до того, что отказа почти никому не было; и если только она обѣщалась помочь, то обѣщаніе ея всегда исполнялось. Одна только была бѣда съ этой доброй начальницей: она была выше всякихъ денежныхъ расчетовъ; кто разъ воспользовался ея покровительствомъ, тотъ дѣлался вѣчнымъ ея должникомъ. Само

собой разумеется, что самую главную дойную корову фигурировалъ въ этомъ случаѣ несчастный откупъ.

На одномъ злополучномъ гуляньѣ—губернаторша замѣтила на шеѣ откупщицы великолѣпное ожерелье изъ крупнаго жемчуга, и возгорѣла къ дорогому ожерелью страстью. Съ свойственной ей пылкостью, она въ тотъ-же день прислала къ откупщику одного изъ своихъ клевретовъ съ просьбою уступить ей ожерелье *по собственной цѣнѣ*.

Я былъ приглашенъ къ принципалу.

— Губернаторша, обратился ко мнѣ принципаль съ насмѣшливой улыбкою:—губернаторша бросила свой жадный взглядъ на ожерелье моей жены, и просить уступить ей его *по собственной цѣнѣ*.

— Что-же, замѣтилъ я наивно:— развѣ другое такое ожерелье вамъ трудно будетъ достать?

— Достать-то можно. Но дѣло въ томъ, что ея *собственная цѣна* равняется нулю. Она въ этомъ году и такъ содрала съ насъ шкуру.

— Какъ-же вы ей откажете?

— Конечно, прямо отказать нельзя. Я передалъ ей, черезъ ея прихвостня, что это ожерелье не мое, что оно принадлежитъ проѣзжему нѣмцу-ювелиру, что мы хотѣли его купить и уже почти сошлись въ цѣнѣ, такъ что жена уже надѣла его разъ, но что, пораспросивъ здѣшнихъ ювелировъ, мы нашли цѣну слишкомъ высокою, а потому разошлись и ожерелье отдали назадъ ювелиру.

— Значитъ, вывернулись?

— Не совсѣмъ. Только-что приходила ея компаньонка узнать адресъ ювелира, обладающаго ожерельемъ. Я обѣщала прислать къ ней его самого.

— Гдѣ-же вы его возьмете?

— Вы, кажется, говорите по нѣмецки?

— Да, нѣсколько.

— Возьмите, пожалуйста, ожерелье и отправьтесь къ ней. Вы, надѣюсь, сумеете разыграть роль. Заломите громадную цѣну. Деньги требуйте наличными и ризомъ.

Со вздохомъ, я спряталъ проклятое ожерелье въ карманъ, прифрантился и отправился къ губернаторшѣ.

Мнимаго ювелира немедленно пригласили въ роскошный будуаръ. Изячно разодѣтая, среднихъ лѣтъ барыня встрѣтила меня съ очаровательною улыбкою на чувственныхъ губахъ. Я представился на нѣмецкомъ языкѣ. Она фамиллярно взяла меня за руку и усадила возлѣ себя.

— Въ первый разъ я вижу такого молодого ювелира. замѣтила она, обдавъ меня жаркимъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ.—Гдѣ ожерелье? Покажите-ка его.

Я передала ожерелье. Она ворочала его на всѣ стороны, смотрѣла на него то прямо, то стороной, любовалась правильностью и чистотою каждой жемчужины, взвѣшивала на рукѣ съ видомъ знатока. Долго разспрашивала о заграничныхъ модахъ по части ювелирской. Я безсовѣстно вралъ, но вралъ безъ запинки, ловко избѣгая техническихъ терминовъ, которыми она меня осматривала.

Словомъ сказать, она фамильярничала со мной болѣе, чѣмъ даже подобааетъ такой высокой особѣ; но когда я заломилъ цѣну, и особенно когда прибавилъ, что деньги должны быть уплачены разомъ, лицо ея въ одну минуту помрачилось и губки надулись. Возвращая мнѣ ожерелье, она, со вздохомъ, спросила:

— Въ кредитъ нельзя? Подъ вексель... вы вѣдь знаете, кто я такая?

— Я долженъ признаться, сударыня, что это ожерелье, къ сожалѣнію, не моя собственность. Мнѣ поручилъ его продать заграничный банкиръ. Я теперь возвращаюсь за границу, попробую убѣдить собственника смягчить свои условія въ пользу вашу, и если успѣю, то буду имѣть честь явиться вторично, и съ особеннымъ удовольствіемъ поднесу это украшеніе той особѣ, которая собою украситъ его еще больше.

Въ эту минуту, семеня дрожащими старческими ногами, приблизился къ намъ совсѣмъ плѣшивый губернаторъ. Губернаторша меня представила.

— Да, да, да, зашамкалъ начальникъ губерніи.
 "— Чтожь, дорого, что-ли? спросилъ онъ жену какимъ-то особенно-тревожнымъ голосомъ.

Губернаторша пересказала ему мои условія и обѣщанія относительно *кредита*.

— Очень хорошо, очень хорошо, душа моя... я очень радъ... очень...

Я поторопился раскланяться.
 — Ахъ, куда-же вы? удержала меня за руку добрая губернаторша.—Кстати, обратилась она къ мужу:—вотъ случай разрѣшить наше давнившее пари.

— Я тороплюсь, душа моя, взмолился губернаторъ.
 — Нѣтъ, нѣтъ, я такого случая не упущу, звонко засмѣялась она, насильно усаживая мужа и цалуя его въ голову.—Дѣло вотъ въ чемъ: мнѣ достались по наслѣдству, отъ дальней родственницы, нѣкоторыя брилліантовныя вещицы. Мужъ мой оцѣнилъ ихъ въ ничтожную сумму, и я съ нимъ держала пари, что вещи эти

стоять, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ болѣе того, во что онъ ихъ цѣнитъ. Вотъ, кстати, вы ихъ теперь оцѣните. Мне очень интересно выиграть пари, прибавила она полушопотомъ такъ, что только я одинъ могъ ее слышать. Сказавъ это, она убѣжала въ далекіе апартаменты за роковыми вещами.

— Боже мой, встревожился я мысленно. — Что-же теперь со мною будетъ? Какъ я приступлю къ оцѣнкѣ, когда я не могу даже отличить цѣнный камень отъ обыкновеннаго цвѣтнаго стекла?

Между тѣмъ впорхнула губернаторша съ шкатулкою розоваго дерева въ рукахъ. Черезъ минуту, разныя брошки, серьги и перстни явились на свѣтъ Божій и заестрѣли въ моихъ испуганныхъ глазахъ.

— Ну-съ, любезный ювелиръ, цѣните.

Дрожащими руками началъ я взвѣшивать на рукѣ каждую вещь отдѣльно и всѣ вещи въ совокупности, поднося ихъ къ свѣту, чтобы лучше рассмотреть воду драгоценныхъ камней.

— Старомодная отдѣлка, замѣтилъ я, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Да. Но это пустяки. Главное, оцѣните брилліанты.

— Такъ, нѣсколько трудновато будетъ, произнесъ я самоуверенно. — Нужно-бы вынуть камни и опредѣлить число каратовъ.

— Нужды нѣтъ. Опредѣлите приблизительно, нетерпѣливо попросилъ губернаторъ, желавшій, повидимому, отдѣлаться, какъ можно скорѣе.

— Любопытно-бы знать, во сколько ваше превосходительство оцѣнили всѣ эти вещи? спросилъ я улыбаясь.

Губернаторъ имѣлъ неосторожность высказаться. Слѣдовательно, я имѣлъ уже масштабъ для той оцѣнки, какая нужна была для выигрыша пари. Я удачно разрѣшилъ трудную задачу и, наконецъ, былъ отпущенъ.

Вся эта сцена, переданная мною принципалу, размѣшила его. Я спасъ дорогое ожерелье изъ пасти ненасытной превосходительной акулы. За то ожерелье это болѣе не показывалось на свѣтъ Божій, а я, мнимый иностранецъ-ювелиръ, смотрѣлъ въ оба, чтобы какъ-нибудь на улицѣ не попасться на глаза начальницъ губерніи.

Мнѣ посчастливилось вывести моего принципала изъ болѣе крупнаго затруднительнаго положенія, угрожавшаго ему весьма непріятными послѣдствіями.

Въ нѣкій извѣстный періодъ, фортуна заблаговолила къ моему принципалу самымъ благосклоннымъ образомъ и счастье повалило къ нему со всѣхъ сторонъ. Дѣла и откупъ начали давать тѣ-

жіе результаты, какіе ему никогда и присниться не могли. Въ короткое время, прибыли выросли въ миллионы и выражались не одними мертвыми цифрами, а наличными кредитными билетами. Не было того почтового дня, который не принесъ-бы съ собою десятковъ и сотенъ тысячъ. Чтобы упрочить свои капиталы счастливымъ принципалъ мой завязалъ разныя банкирскія дѣловыя сношенія съ заграничными биржами и денежными рынками. Для перевода капиталовъ за границу и для выигрыша на курсѣ, требовалась звонкая монета, преимущественно золотая. Золото это покупалось, гдѣ только возможно было, собиралось и высылалось изъ различныхъ мѣстъ, но, при всемъ томъ, постоянно оказывался въ немъ недостатокъ.

Однажды былъ я призванъ къ принципалу.

— Требуется большое количество золота, для срочной высылки за границу. Я просилъ предсѣдателя казенной палаты, и получилъ его согласіе, до присылки намъ золота изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, позволить неофіціальнымъ образомъ казначею сдѣлать намъ заемъ всего наличнаго казеннаго золота, хранящагося въ казначействѣ, подъ закладъ банковыхъ билетовъ рубль за рубль. Возьмите съ собою банковые билеты, сходите къ предсѣдателю и попросите отъ моего имени исполненія своего обѣщанія.

Я явился къ предсѣдателю и передалъ ему просьбу откупщика. Какъ предсѣдатель, такъ и казначей состояли на жалованьѣ у моего принципала, значить, нечего было съ ними особенно церемониться.

— Я уже разрѣшилъ казначею, сказалъ мнѣ предсѣдатель. — Отправьтесь къ нему и передайте вторичное мое разрѣшеніе на выдачу золота.

— Я всегда готовъ къ услугамъ, согласился казначей, съ явными признаками колебанія. — Но, согласитесь, ни я, ни даже самъ предсѣдатель никакого права не имѣемъ дѣлать подобныя самовольные займы изъ государственныхъ суммъ.

— Этотъ заемъ дѣлается на самое короткое время, настаивалъ я. — Мы на дняхъ получимъ золото и немедленно выкупимъ наши билеты. Разрѣшеніе предсѣдателя ручается вамъ, что вы тутъ ни чѣмъ не рискуете.

Съ озабоченнымъ видомъ, казначей отправился на домъ къ предсѣдателю, получилъ изъ устъ его секретное разрѣшеніе и немедленно выдалъ мнѣ требуемое золото, которое и было отправлено въ тотъ-же день куда слѣдовало, къ большому удовольствію моего принципала.

Для черезъ два прибѣгаетъ ко мнѣ, на домъ, казначей, блѣдный, дрожащій, еле дышашій отъ волненія.

— Вы погубили меня и мою семью, едва могъ произнести казначей, и крупныя слезы потекли по его щекамъ.

— Что такое случилось? встревожился я.

— Я выдалъ вамъ казначейское золото...

— Ну-съ?

— Вчера вечеромъ, председатель, собственноручно, опечаталъ казначейскую кладовую.

— Для чего-же?

— Чтобы сегодня обревизовать меня, отереть мое преступленіе и предать меня суду.

— Что вы? Вѣдь председатель, самъ-же, разрѣшилъ вамъ?

— Разрѣшилъ изустно, секретно, безъ свидѣтелей. Теперь онъ, самымъ наглýmъ образомъ, отпирается отъ своего разрѣшенія и взваливаетъ свою вину на меня одного.

— Что-же его побуждаетъ къ такому низкому поступку?

— Погубить онъ меня хочетъ.

— Но за что?

— Третьяго дня въ большомъ обществѣ, куда былъ приглашенъ и я, шла попойка. Онъ захмелѣлъ и зачванился до того, что, въ присутствіи дамъ, началъ помыкать мною, какъ своимъ лакеемъ. Я не выдержалъ. Онъ сказалъ мнѣ дерзость, я отвѣтилъ тѣмъ же, и вотъ онъ теперь рѣшилъ меня наказать.

— Успокойтесь, попытался я утѣшить бѣднаго казначея. — Председатель васъ только страшаетъ. Нельзя допустить такой наглости съ его стороны.

— Вы мало знаете этого барина, если воображаете, что есть низость, къ которой онъ не былъ бы способенъ.

— Во всякомъ случаѣ, я, своей особой, васъ спасти не въ силахъ. Пойдемте къ откупщику.

Принципалъ выслушалъ разстроеннаго, убитаго казначея и разсмѣялся.

— Не беспокойтесь, сказалъ онъ самоувѣренно. — Это не болѣе какъ шутка. Сходите къ председателю, приказалъ онъ мнѣ:— и попросите его отъ моего имени положить конецъ этой комедіи.

Добрый часъ просидѣлъ я въ приемной, пока великій администраторъ удостоилъ меня принять. Какъ будто увидѣвъ меня въ первый разъ въ жизни, онъ выпучилъ на меня совиные глаза, ковыряя мизинцемъ во рту. Это былъ рослый мужчина, суроваго вида, съ военными ухватками.

— Что вамъ угодно? процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Я присланъ къ вашему превосходительству г. откупщикомъ.

— Что ему отъ меня угодно?

Я объяснилъ обстоятельно, въ чемъ дѣло.

— Не думаетъ-ли г. откупщикъ, что предсѣдатель палаты войдетъ съ нимъ въ стачку, чтобы закрывать его плутни со взятчиномъ казначеемъ?

— Ваше превосходительство, осмѣлился я робко замѣтить: — во этому дѣлу, я самъ... имѣлъ честь явиться къ вамъ и... получить разрѣшеніе.

— Вы... врете! ошеломили меня наглець и повелительно указъ на дверь.

Когда я передалъ принципалу о приѣмѣ, сдѣланномъ мнѣ предсѣдателемъ, онъ потерялъ всю свою самоувѣренность и видимо растерялся. Натянувъ на скоро фракъ и перчатки, онъ самъ поспѣшилъ туда, гдѣ я потерпѣлъ крушеніе. Черезъ четверть часа онъ возвратился разъяреннымъ.

— Представьте себѣ, этотъ подлець меня не принялъ... понимаете, *не принялъ!* Всего нѣсколько дней тому назадъ онъ, почти на колѣняхъ, выкапачилъ у меня сверхокладную подачку, а теперь... Дѣло принимаетъ серьезный видъ. Мнѣ эта штука угрожаетъ скандаломъ, отвѣтственностью. Что дѣлать?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте ужъ мнѣ дѣйствовать, вывѣлся я.

Принципалъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Что-же вы можете сдѣлать, когда я самъ потерялъ вліяніе?

— Мнѣ пришла счастливая мысль въ голову... Пока, это мой секретъ.

— Пожалуста, дѣйствуйте, какъ знаете. Не жалѣйте денегъ, чтобы потушить это дѣло.

Я испыталъ сначала все свое краснорѣчіе, убѣждая казначея пойти съ повинною къ начальнику, чтобы вымолить себѣ прощеніе. Но казначей былъ съ головы до пятки гонорный шляхтичъ.

— Я скорѣе положу голову на плаху, чѣмъ унижусь до такой степени! рѣшилъ онъ, разъ на всегда.

Тогда, я отправился къ фактору Шмергѣ.

Въ той польско-русской мѣстности, гдѣ эта исторія случилась, всякій, мало мальски вліятельный чиновникъ имѣлъ своего любимца фактора, черезъ котораго онъ конфиденціально обдѣлывалъ свои мутныя дѣлишки. Этотъ мудрый обычай былъ удобенъ въ томъ отношеніи, что чиновникамъ не приходилось сталкиваться лично со всякой мелюзгой, опасною своею болтливостью. Въ прямомъ смыслѣ, нѣкоторые чиновники не брали, а брали за нихъ факторы, будто съ тѣмъ, чтобы замолвить словечко у своего покровителя. Эти факторы, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, богатѣли, и за тѣмъ, вступали въ разрядъ крупныхъ пер-

вогильдейцевъ. Просителямъ евреевъ махинація эта была тоже очень удобна: имъ не приходилось дрожать и мямлить предъ ясновельможными панами, они могли отнестись къ своему же брату прямо на еврейскомъ жаргонѣ. И такъ, разные, съ виду ошарпанные Гершки, Ицки и Шмерки представляли собою полицеймейстеровъ, предсѣдателей и прочихъ администраторовъ и судебныхъ дѣателей. Факторъ Шмерка, къ которому я обратился, былъ фактотумомъ предсѣдателя.

Шмерка принялъ меня очень предупредительно и любезно, хотя и не могъ скрыть нѣкотораго удивленія. Онъ зналъ, что гигантъ откупъ не нуждается ни въ чьемъ посредничествѣ.

Я объяснилъ ему откровенно, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится мой принципаль и попросилъ его совѣта, конечно, пообѣщавъ предварительно что нужно. Шмерка глубоко задумался, машинально кудрявя свои тощіе пейсики.

— *Мой* — ужасно упорный осель, сказалъ онъ наконецъ. — Если онъ себѣ заберетъ что-нибудь въ голову, то и клиномъ оттуда не вышибешь. Я тутъ ничѣмъ помочь не могу... Есть, впрочемъ, одно средство...

— Скажите, ради Бога, какое?

— Онъ большой трусъ... Совѣсть, знаете, не чиста... Понимаете? Его припугнуть-бы не мѣшало; авось подастся. Разъ какъ-то я это средство надъ нимъ съ большимъ успѣхомъ испробовалъ. Это было во время рекрутскаго набора...

— Но какъ и чѣмъ его припугнуть?

— Я вамъ дамъ наставленіе. Но, смотрите, все, что я вамъ скажу, должно навсегда остаться между нами... Иначе, вы погубите меня. Но прежде всего: если мое средство удастся — что я за мой совѣтъ получу?

Мы сладили. Черезъ часъ, нравственно вооруженный съ головы до пятокъ, я былъ уже въ приѣмной предсѣдателя. Обо мнѣ доложили по *важному* секретному дѣлу.

— Опять вы? грозно спросилъ меня предсѣдатель, когда я переступилъ порогъ его кабинета.

— Ваше превосходительство, произнесъ я полушопотомъ, съ таинственной миной на лицѣ: — на этотъ разъ, дѣло касается *одного* васъ. Оно такъ важно, что я счелъ своимъ долгомъ...

— *Важно... для меня?!* Что такое? торопливо спросилъ онъ, поднимаясь съ кресла.

— Казначей...

— Что?

— Казначей... готовится доносъ...

— На кого?

— На ваше превосходительство.

— Га? что?

— Извините... я счелъ долгомъ...

Я поклонился, сдѣлавъ видъ, что собираюсь ретироваться.

— Пойдите, куда-же вы?

Я остановился.

— Въ чемъ заключается этотъ доносъ?

— Я только урывками, и то случайно, успѣлъ пробѣжать нѣсколько мѣстъ черновой бумаги...

— Но что-же вы тамъ прочли? Говорите.

— Къ кому доносъ этотъ готовится не знаю. Знаю только что въ немъ исчисляются...

— Говорите, не стѣсняйтесь.

— Какія-то противузаконныя дѣйствія палаты...

— Напримѣръ?

— Выдачи подрядчикамъ и почтосодержателямъ суммъ по произволу, безъ всякаго расчета...

— Далѣе?

— Многочисленныя злоупотребленія по торговымъ налогамъ... По рекрутскимъ наборамъ... по ревизскимъ сказкамъ, по...

— Ахъ, мерзавецъ!

— Помѣщикъ Блинскій... подрядчикъ Труфель... Аншель Гильзь... Хацкель Кнуричъ... Шмуль Плюхъ...

— Довольно, довольно! Такъ вотъ онъ какой! Я-же его! загнулъ позволенъвшій предсѣдатель, съ пѣною у рта.

Я вторично раскланялся.

— Обождите... Раздавить надо это лдовитое пресмыкающееся. Скажите, вашъ хозяинъ очень огорченъ этимъ... дѣломъ? спросилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ какимъ-то надорваннымъ, слышимъ голосомъ, остановившись и, фамиллярно, взявшись за лацканъ моего сюртука. — Очень огорченъ, а?

— Нисколько. Самовольно онъ золота изъ казначейства вѣдь не бралъ, а дѣйствовало-ли, въ данномъ случаѣ, казначейство законно, или произвольно, это до него отнюдь не касается.

— За чѣмъ же вы и онъ самъ мнѣ покою не даете?

— Мы хлопотали изъ состраданія къ бѣдному казначею, ни въ чемъ неповинному...

— Бѣдный! неповинный!!... Я его, каналію, въ бараній рогъ скручу.

Я въ третій разъ раскланялся.

— Послушайте... Ну такъ и быть; изъ уваженія къ вашему хозяину... Ступайте къ казначею, скажите, что я, на этотъ разъ, готовъ простить... Пусть явится и раскается въ своемъ непо-

чтенія къ начальству. Я подумаю.. быть можетъ, и рѣшусь прекратить эту исторію.

Я вышелъ но къ казначею однакожь не пошелъ, а пошелъ въ свою канцелярію. Черезъ нѣкоторое время, я опять явился къ предсѣдателю.

— Казначей, не признавая себя виновнымъ предъ вашими превосходительствомъ, отказывается...

— Однако онъ придетъ? спросилъ онъ меня тревожно.

— Рѣшительно нѣтъ. Онъ, напротивъ, какъ говоритъ, даже радъ этому случаю. По его словамъ, онъ черезъ чуръ уже терпѣть... Пора, говорить, по квитаться!

Предсѣдатель замычалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Идите, прошу васъ, урезоньте дурака. Чего онъ зачванился? Эка бѣда большая, что начальникъ погорячился!

— Убѣжденія, по моему, тутъ совсѣмъ бесполезны. Онъ слишкомъ разгоряченъ, чтобы поддаться какимъ-бы то ни было увѣщаніямъ.

— Пусть придетъ, чортъ съ нимъ! я дамъ ему письменный приказъ снять печать. Отмѣню ревизію.

— Если уже вамъ угодно прекратить это дѣло, то лучше было-бы, какъ мнѣ кажется, вручить мнѣ этотъ письменный приказъ. Я же постараюсь умаслить казначея и уничтожить написанное... Съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, что ваше превосходительство не должны даже и заикнуться казначею о доносѣ, иначе вы все испортите.

— Хорошо, хорошо, даю слово! обрадовался предсѣдатель, и затѣмъ, изготовивъ собственноручно подобающій приказъ, прибавилъ, пожимая ужъ мнѣ руку:—Я вамъ очень благодаренъ. Укротите этого дурака... дайте тамъ ему чтонибудь... заткните глотку! Ахъ, да! кланяйтесь вашему хозяину отъ меня и скажите, что для него, исключительно для него...

Трусливый казначей былъ пораженъ внезапнымъ оборотомъ дѣла, не вѣря собственнымъ глазамъ и ушамъ. Мой принципаль былъ въ восторгѣ отъ моей хитрости. Я видѣлъ во очію, что выросъ въ его мнѣніи на цѣлый аршинъ. Я конечно не сознался, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ удачной развязкѣ дѣла былъ не я, а находчивый факторъ Шмерко, котораго я наградилъ изъ собственнаго кармана.

Жалкая кабацкая служба! Ни мои грессбухи и балансы, поглощавшія мои молодя силы и слѣпившіе глаза своими бирсерными цифрами, ни разныя литературно-дѣловыя бумаго-маранія, искушавшія мой мозгъ, ни моя примѣрная исправность и вниманіе къ дѣлу не могли, въ продолженіи нѣсколькихъ дѣтъ,

дать мнѣ того выгоднаго толчка по службѣ, который дала мнѣ ложь, интрига и хитрость. Какъ-бы то ни было, но я, наконецъ, получилъ отъ принципала общаніе виднаго мѣста по распорядительной части. Вскорѣ были выписаны на мое упразднившееся мѣсто и бухгалтеръ и правитель канцеляріи.

Я не въ состояніи изобразить тотъ восторгъ, который овладѣлъ мною, когда я, съ моимъ принципаломъ, въ качествѣ кассира и секретаря, въ первый разъ очутился въ Сѣверной нашей Пальмирѣ; когда послѣ долгой сидячей жизни, я расправилъ отекшіе члены; когда увидѣлъ новый свѣтъ, новыхъ людей и новую жизнь. Я трудился и работалъ пуще прежняго, но трудился съ наслажденіемъ, съ увлеченіемъ, не уставая. У меня имѣлась цѣль въ перспективѣ; воображеніе мое рисовало соблазнительную картину будущности. Я не былъ алчнымъ по натурѣ; мой идеалъ счастья не шелъ далѣе умѣренныхъ матеріальныхъ средствъ. Но при видѣ того миллионнаго рынка, который открывался во время откупныхъ торговъ въ Сенатѣ, гдѣ сотни тысячъ и миллионы выигрывались и увеличивались въ нѣсколько минутъ, въ нѣсколькихъ лаконическихъ словахъ; гдѣ баснословныя суммы ежеминутно переходили изъ рукъ въ руки, перебрасывались какъ щепки, голова моя закружилась. Меня рвало впередъ общее теченіе; я заразился жадностію къ деньгамъ, къ богатству; въ моихъ мысляхъ и представленіяхъ о счастьи произошелъ полный переворотъ. Мой принципалъ съ своими скороспѣлыми миллионами и недюжиннымъ практическимъ умомъ игралъ одну изъ первыхъ ролей на откупной биржѣ. Мелкіе откупщики состояли подъ его покровительствомъ. Дѣла по переходу маленькихъ и крупныхъ откуповъ изъ рукъ въ руки кипѣли и совершались непосредственно въ моей канцеляріи. Извѣстные проценты отдѣлялись покровительствуемыми откупщиками, изъ каждаго дѣла, въ пользу канцеляріи, единственнымъ представителемъ которой былъ я. Проценты эти, по окончаніи откупныхъ торговъ, образовали очень крупную цифру. Но когда мнѣ удѣлили изъ этой суммы миниатюрную кроху, я былъ крайне недоволенъ, хотя въ первый разъ въ жизни имѣлъ въ рукахъ столько собственнаго капитала. Я убѣдился въ ненасытности чловѣческой природы на самомъ себѣ.

Пропускаю мелкіе перевороты и событія, слѣдовавшіе одни за другими въ служебной моей карьерѣ, и игравшіе большую роль въ послѣдующей моей жизни; пропускаю ихъ потому, что они не замѣчаютъ въ себѣ особеннаго интереса для читателя. Перехожу прямо къ тому счастливому періоду моей жизни, когда судьба особенно начала улыбаться мнѣ, когда я, на самомъ се-

бѣ, провѣрилъ практическое изрѣченіе талмудейскаго мудреца „нѣтъ предмета (въ природѣ), который не имѣлъ бы своего (подходящаго) мѣста, и нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы своего (счастливаго) часа“.

Я получилъ горячо желанное мѣсто на поприщѣ распорядительномъ. Какъ нѣкогда я съ жалностію бросился на изученіе бухгалтеріи,—безъ особенной любви къ этому предмету,—такъ точно съ свойственной мнѣ порывистостію, противъ внутреннихъ своихъ убѣжденій, я бросился въ борьбу на защиту откупныхъ интересовъ моего принціпала. Безъ любви къ коммерціи, съ полнымъ отвращеніемъ къ меркантильности, я ринулся въ коммерческій штоссъ, ставя на карту случая все за одинъ разъ. Я гонялся за деньгами не ради денегъ, но во имя осуществленія моихъ завѣтныхъ желаній; я гонялся за тою тѣнью, за тѣмъ миражемъ, который люди величаютъ счастіемъ. Мнѣ повезло глупѣйшимъ образомъ. Заработки мелкіе и крупныя падали ко мнѣ, какъ снѣгъ на голову. По службѣ мнѣ тоже повезло, какъ никогда прежде. Я достигъ той степени величія по службѣ, которое я нѣкогда считалъ для себя недосыгаемымъ. Но достигнувъ всего этого, увидя себя въ одно прекрасное время богачемъ, конечно относительнымъ, я, въ тоже время, почувствовалъ всю иронію насмѣшливой судьбы надо мною. Я не только не утолилъ своей душевной жажды, но напротивъ жажда къ счастію пожирала меня пуще прежняго; а миражъ манилъ все дальше и дальше...

Переставъ быть пишущей и считающей машиной, я получилъ возможность сталкиваться съ разнообразными людьми различныхъ общественныхъ сферъ, съ европейскимъ обществомъ, съ его удовольствіями, съ дурными и хорошими его законами, привычками, требованіями. Я пересталъ жить однимъ внутреннимъ своимъ міромъ, бросилъ свои недосыгаемыя стремленія и употребилъ всю силу своей логики на примиреніе своего пылкаго воображенія съ дѣйствительностію жизни. Опять произошла во мнѣ безбожная ломка, подъ вліяніемъ которой падали самыя дорогія вѣрованія и убѣжденія. Къ счастью, или лучше сказать, къ несчастью, я имѣлъ досужіе часы для анализа и провѣрки людей и самого себя. Этими досужими часами я обязанъ былъ тѣмъ, что нѣкоторое время жилъ въ дали отъ моей подруги жизни, на холостую ногу. Мою шею не душили супружескіе тиски.

Въ новой сферѣ моей дѣятельности, я попалъ въ такое еврейское образованное общество, существованія котораго я прежде и не подозревалъ. Я столкнулся также со многими личностями, которыя, въ давнопрошедшія времена, витали такъ высоко надо

мною. Боже мой, какія крупныя перемены! Я во очю видѣлъ эти перемены, но никакъ разрѣшить не могъ: поднялся ли я самъ къ этимъ личностямъ, или они опустились до меня? Измѣнились ли характеры этихъ людей, или измѣнился я самъ и смотрю на нихъ другими глазами? Последнее было вѣроятнѣе. Въ дѣтствѣ и юности, униженный и оскорбленный, я смотрѣлъ на сравнительно счастливыхъ людей, какъ голодающій, приниженный нищій смотритъ на пресыщеннаго богача-сибарита, теперь-же я самъ былъ сытъ и сыто смотрѣлъ на людей и мѣръ.

Я до сихъ поръ живо помню страшную борьбу, происходившую во мнѣ по случаю одного визита. Къ лучшему еврейскому бонтоному обществу, въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, въ лучшіе дни моего прозябанія, принадлежали и занимали видное мѣсто: мой смертельный врагъ съ дѣтства, кабачный принцъ и его очаровавшая меня нѣкогда супруга. Не сдѣлать имъ визита было-бы верхомъ невѣжливости съ моей стороны, но сдѣлать его было выше моихъ силъ. При одной мысли объ этомъ, въ головѣ поднимались непривлекательныя картины изъ моего отрочества, живо припоминались унижительныя сцены, въ которыхъ я игралъ такую жалкую роль предъ юношей счастливецемъ; поднималась вся желчь, вся зависть давно прошедшихъ временъ душила меня. Я, наконецъ, пересилилъ себя и сдѣлалъ этотъ роковой визитъ, съ затаенной злобой въ сердцѣ. Но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто чванливаго, надменнаго и злого чело-вѣка, я въ бывшемъ моемъ врагѣ нашелъ чело-вѣка необикно-венно добраго, простаго, безъ особенныхъ претензій, любезнаго и гостепріимнаго. Уродливое воспитаніе, полученное имъ въ дѣтствѣ, повредило только одному ему и горько отразилось на его незавидной жизни. Смотря на него, я часто задавался вопро-сомъ: *кто*-ли переработала жизнь или меня самого?

Но миниатюрное мнимое счастье мое не ослѣпляло меня. Я сознавалъ его случайность, скоротечность, сознавалъ трудность, многосложность моихъ обязанностей относительно дѣтей и род-ныхъ, льнувшихъ ко мнѣ по еврейскому обычаю, какъ къ че-ловѣку, которому Богъ посылаетъ не для него одного, а и для блага другихъ. Въ будущее я не слишкомъ вѣрилъ. Я рѣшился, не откладывая, ввести ту реформу въ моей семейной жизни, о которой мечталъ во дни печальнаго прошлаго. Заповѣдь библей-скую: „плодитесь и множитесь“, я выполнилъ въ двойной про-порціи ¹⁾. Дѣтямъ моимъ я твердо рѣшился дать такое образо-

¹⁾ По толкованію талмуда, старающагося, съея казуистикой, самое неопре-дѣленное опредѣлить числомъ и мѣрой, заповѣдь эта считается исполненной

ваніе, которое обезпечило бы ихъ въ нравственномъ и материальномъ отношеніяхъ. Не надѣясь на шаткое будущее, я вознамѣрился ввести въ мое хозяйство разумную экономію, откладывать кое-что на черный день. Я былъ еще очень молодъ, но на жизнь научился уже смотрѣть трезвыми, недовѣрчивыми глазами старика. Для достиженія этихъ цѣлей, какъ и для того, чтобы избавиться отъ нравственной пытки, которой я подвергался, живя неразлучно съ женою, чтобы не краснѣть изъ за нея на каждомъ шагѣ въ обществѣ, куда, по моему положенію, я долженъ былъ-бы ее ввести, я положилъ жить съ ней врозь и поселить ее съ недозрѣвшими еще для помѣщенія въ учебныя заведенія дѣтьми, въ маленькомъ городѣ, въ средѣ ея родни, гдѣ ей жилось-бы и привольно и весело по ея понятіямъ. Сколько грязныхъ сценъ перенесъ я, пока достигъ этой цѣли,—трудно себя вообразить; но я поставилъ на своемъ. Удивительная вещь! не живя съ противной мнѣ женщиной подъ одной кровлей, не подвергаясь ежеминутно семейнымъ, грубымъ непріятностямъ, не натапливаясь каждый день на ея дикій, фанатическій образъ мыслей, я начиналъ уважать мать моихъ дѣтей, женщину, дѣлившую со мною житейское горе, и старался отыскивать для нея какія-то искусственныя оправданія. Мнѣ уже на мысль не приходило, какъ въ былыя времена, совершенно избавиться отъ нея, развестись съ нею, а тѣмъ болѣе, вступить въ новый бракъ. Со-временемъ однако-жь, зародившееся во мнѣ чувство уваженія къ ней начало улетучиваться, благодаря ея назойливости и вѣчнымъ претензіямъ, выразавшимся въ грязной формѣ и въ самыхъ вульгарныхъ выраженіяхъ, пересыпанныхъ руганью и бранью.

— Скажи на милость, какую жизнь ведешь ты со мною? начинала жена, при рѣдкихъ моихъ пріѣздахъ, сопровождая каждое слово драчливой ухваткой.

— Самую мирную и цѣлесообразную жизнь, пытался я отдѣлаться общими словами.

— Ты мнѣ дѣлаешь визиты какъ любовницѣ какой-нибудь?

— Въ этомъ отношеніи ты уже совсѣмъ ошибаешься. Я пріѣзжаю навѣстить дѣтей и мать моихъ дѣтей, къ которой я питаю должное уваженіе, и которую жаль-бы видѣть въ будущемъ совершенно счастливою.

— Счастливою! чѣмъ это ты собираешься осчастливить меня?

послѣ рожденія въ семьѣ двухъ (мнговей и одной дочери). Послѣ этого только еврей имѣетъ право вступить въ число еврейскихъ платониковъ и сдѣлаться «Поринъ».

— Тѣмъ, что мы взростимъ и воспитаемъ нашихъ дѣтей, припасемъ что-нибудь на будущее. Я избавленъ буду отъ необходимости служить и быть въ зависимости отъ другихъ. На старости лѣтъ...

— Я знать не хочу твоихъ глупостей. Я жить хочу, какъ прочіе евреи живутъ.

— Скажи яснѣе: ты хочешь быть вѣчною насѣдкой: рожать и кормить, кормить и рожать. Такъ-ли?

— Я все то хочу, что Богъ велитъ.

— Другъ мой! пойми-же, наконецъ, что дѣти требуютъ средствъ. Я своихъ дѣтей воспитать хочу, а для этого требуются средства!

— Всѣ евреи воспитываютъ дѣтей!

— Тѣ евреи, которыхъ ты ставишь мнѣ въ примѣръ, дѣтей не воспитываютъ, а только кормятъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ.

— А ты-же что? Своихъ дѣтей пряниками кормить собираешься?

— Дѣло не въ пряникахъ, а въ образованіи, словомъ въ томъ, чего ты совсѣмъ не понимаешь.

— Всевышній заботится о дѣтяхъ. Ты его не перемудришь.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Знаешь ты эту умную русскую пословицу?

— Я ничего русскаго не знаю и знать не хочу. Я сто разъ тебѣ уже говорила.

— Напрасно. Ты другую пѣсню затянешь, когда твои дѣти получать русское воспитаніе.

— Что? Русское воспитаніе? Мои дѣти? Я ихъ скорѣе передшу. Не быть по твоему! Я уже приняла еврейскаго учителя. Другихъ учителей моимъ дѣтямъ не нужно.

— Не мѣшаю твоему еврейскому учителю. Дѣти еще маленькія. Но помни это: когда наступитъ пора, я выпшвирну твоего невѣжу-учителя за окно!

— Не смѣешь! я мать моимъ дѣтямъ, и воспитаю ихъ въ страхъ Божию.

Разгаралась семейная сцена во всемъ ея бурномъ величіи. Дѣти смотрѣли на разсвирѣпѣвшихъ родителей, хлопая испуганными глазенками, не зная, кому симпатизировать.

Въ другой разъ, жена вдругъ обрадуетъ меня сюрпризомъ.

— Повѣришь-ли, Сруликъ, наши мальчики начали уже читать талмудъ. Учитель не надивится на ихъ способности. Увѣряетъ, что нѣкоторые изъ нихъ выйдутъ знаменитыми раввинами!

— Скажи твоему невѣжѣ учителю, что если онъ не переста-

нетъ забивать головы ребятишекъ своимъ талимудомъ, а ему всё ребра пересчитад.

— Ты съума сошелъ?

— Твой учитель съума сошелъ, а ты до ума не дошла. Шутка-ли, мучить бѣдныхъ дѣтей!

— Какой ужасный отецъ!

— Какая нѣжная мать!

Подобныя сцены и ссоры повторялись безчисленное множество разъ, но я на нихъ мало обращалъ вниманія. Проектъ моей будущей жизни и дѣтскаго воспитанія былъ выработанъ долгимъ мышлениемъ и утвержденъ моей непоколебимой волей.

Наша семейная жизнь танулась въ описанномъ мною видѣ, пока одна выходка моей жены, черезъ-чуръ выходящая уже изъ ряда обыкновенныхъ, не доказала мнѣ наглядно, что съ женщиной безъ логики и сознанія собственнаго достоинства невозможно установить никакія искусственно-мирныя отношенія. Сверхъ того, я убѣдился, что наши натянутыя отношенія отражаются на бѣдныхъ дѣтяхъ до такой степени, что воспитаніе ихъ по начертанному мною плану дѣлается невозможнымъ. Волей-неволей я долженъ былъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительному шагу. Я созвалъ семейный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ родственниковъ моей жены и объявилъ уже беззапѣнчиво, гласно, что подобная семейная жизнь продлиться не можетъ, что образованіе моихъ дѣтей, по европейскому образцу, составляетъ для меня жизненный вопросъ, что наконецъ, изъ за этого я готовъ вступить въ борьбу не только съ неразвитою женою, но и съ цѣлымъ міромъ!

— Вы видите, добавилъ я въ заключеніе:— что между мною и вашей родственницей, моей женою, лежитъ цѣлая пропасть. Ни наши характеры, ни наши убѣжденія ни въ чемъ не сходятся. Наконецъ, одинъ уже мой антирелигиозный образъ мыслей долженъ отшатнуть всѣхъ васъ отъ меня. Я лютно въ вашей семьѣ. Чтобы избавить васъ отъ позора, а себя отъ вѣчныхъ страданій, не лучше-ли мнѣ выступить совсѣмъ изъ семьи вашей? Я готовъ дѣлать съ вашей родственницей свое состояніе и принять дѣтей на свое исключительное попеченіе.

Мой рѣшительный тонъ изумилъ собраніе, но не возымѣлъ того дѣйствія, котораго я отъ него ожидалъ. На меня посылались упреки, увѣщанія, клонившіяся къ примиренію. Бѣдные люди не понимали меня; мои слова приписали какому-то минутному капризу человѣка, взбѣсившагося отъ жира. Родственники моей жены видѣли во мнѣ доходную статью, выпустить которую изъ рукъ было-бы веркомъ неблагоразумія. Что-же ка-

сается до моего анти-религиозного направлѣнія, то, хотя они въ душѣ меня презирали и осуждали, но, считая богачемъ, мирились съ нимъ, стараясь смотрѣть съвозъ пальцы на мое вольнодумство и нѣкоторыя отступленія отъ обрядной стороны еврейской религіи. Замѣчательно то, что самый бѣшеннѣйшій еврейскій фанатизмъ преклоняется иногда предъ силою богатства. То отступленіе отъ безсмысленнаго обряда или обычая, за которое бѣднаго человѣка забросали-бы камнями, дозволяется богачу почти безнаказанно. „Посмотрите на этого голыша! указываютъ фанатики съ невыразимымъ презрѣніемъ на безденежнаго еврея:— онъ туда же брѣдетъ бороду и папиросы курить въ субботній день! Въ карманахъ у него свистить, а онъ тоже противъ Бога возстаетъ“. Сколько разъ, въ былыя времена, во дни *камельной* силы и деспотизма, подобныя безденежныя смѣльчаки преслѣдовались, изгонялись или сдавались въ рекруты безграмотными приговорами безошадныхъ кагаловъ.

Я созвалъ семейный сеймъ въ другой разъ и заговорилъ уже другимъ языкомъ.

— Господа! вы рѣшительно отказываетесь содѣйствовать разводу? спросилъ я съ возможнымъ хладнокровіемъ.

— Разлучать супруговъ—грѣхъ смертнѣйшій, отвѣтили мнѣ хоромъ всѣ ханжи.

— Такъ вы окончательно отказываетесь?

— Противъ Бога мы идти не можемъ.

— Ну, хорошо. Знайте-же, что я найду средства избавиться отъ вашей опеки, даже изъ подъ еврейской опеки *вообще*... и своихъ дѣтей избавлю. Прощайте.

Въ моихъ словахъ, какъ я и рассчитывалъ, родственники открыли такой страшный смыслъ, что всѣ въ одинъ голосъ завопили.

— Онъ замышляетъ ренегатство, онъ опозоритъ насъ на вѣчныя времена, онъ загубитъ нѣсколько израильянскихъ душъ. Мы всѣ за него на томъ свѣтѣ отвѣчать будемъ.

Началась бѣготня и суета. Мою жену принялись бомбардировать со всѣхъ сторонъ.

— Обери ты его какъ личку, и пусти на всѣ четыре стороны. Ты молода, не дурна собою. Съ деньгами легко найдешь себѣ другаго мужа, *настоящаго* еврея, заживешь по уставу, по израильскому закону, по обычаю еврейскому.

Дѣло казалось пошло наладъ. Я радовался представляющейся перспективѣ получить наконецъ свободу. Сердце мое трепетало отъ надежды. Картины другой, лучшей жизни уже носились предъ глазами.

Моя радость оказалась однако-жь преждевременною. Я не зналъ моей жены и ея гранитнаго упорства. Ни что ее не трогало, ни что не пугало.

— Куда онъ пойдетъ, туда и я, даже въ самый адъ. Я не дамъ ему жить, какъ ему хочется.

Послѣ долгихъ совѣщаній и переговоровъ, совѣтъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ, и рѣшеніе это было утверждено моею тещей и принято моею женою: 1) отнынѣ, супругамъ жить врозь, и 2) дѣтей и ихъ воспитаніе предоставить усмотрѣнію отца и въ дѣло это не вмѣшиваться. Рѣшеніе это было довольно либерально и я остался имъ доволенъ, хотя мало вѣрилъ въ его удобоисполнимость.

И точно, не прошло и полугода, какъ супружескія сцены возобновились опять съ большей еще яростію. Жизнь моя опять начала отравляться новыми выходками со стороны неотвязчивой жены, не отступавшей ни предъ какимъ скандаломъ, ни предъ какою оглаской. Больше всего нажимала она свою безошадную руку на самое чувствительное мѣсто моего сердца, на образованіе дѣтей. Всѣми средствами и путями препятствовала она ихъ образованію. Она внушала имъ отвращеніе къ инновѣрнымъ наставникамъ и къ ихъ ученію, не отпускала мальчиковъ въ учебныя заведенія, похищала дѣвочекъ изъ пансіоновъ. Борьба между мною и ею на этомъ щекотливомъ пунктѣ дошла до того, что я вынужденъ былъ прибѣгать къ помощи властей. Эта борьба причиняла такія страданія и униженія, какихъ я еще въ жизни не испытывалъ. Слѣдствіемъ такого положенія было то, что я напутку началъ замышлять о ликвидаціи всѣхъ моихъ дѣлъ. Я рѣшился было обратитъ все свое состояніе въ наличный капиталъ, основательно обезпечитъ моихъ бѣдныхъ дѣтей и бѣжать...

Между тѣмъ, многое въ моей коммерческой и служебной дѣятельности измѣнилось. Самый театръ семейныхъ повседневныхъ ссоръ перенесся въ другую мѣстность, мѣстность самую роковую для меня. Это было захолустье, отличающееся полнымъ застоємъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, провинція изъ провинцій. Затхлый этотъ мірокъ отличался особенно своимъ еврейскимъ народонаселеніемъ, изобиловавшимъ такими уродливыми, нравственными самородками, какихъ въ другихъ еврейскихъ обществахъ и со свѣчей отыскать невозможно. Въ средѣ этого еврейскаго общества, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, фигурировали самыя отвѣренные ничтожества, тунеядствующие ростовщики, мелкіе интриганы по профессіи, факторы изъ одной любви къ искусству, доносчики, пасквилянты и ябедники. Мое положеніе въ этомъ обществѣ было самое непріятное.

Я был знакомъ со всѣми, но сходился лишь съ тѣми очень немногими, которые могли внушить мнѣ хоть какой нибудь человѣческій интересъ. Я старался быть полезнымъ всѣмъ, но не могъ скрывать презрѣнія къ тѣмъ гнуснымъ субъектамъ, которые считали позоромъ своей націи, пятномъ челоуѣчества. Я жилъ почти изолированной жизнью, преслѣдуя собственныя дѣловыя и житейскія цѣли, не интересуясь еврейской сплетней, чужими дѣлами, чужой семейной грязью, часто волновавшей затхлый мірокъ своей траги-комичною оригинальностью. Общество вообще, а еврейское въ особенности, не прощаетъ тому, кто живетъ особнякомъ, идетъ собственной дорогой, не придерживаясь рутинныхъ обычаевъ. Еврейское мѣстное общество не влюбилось ко мнѣ съ перваго же дня, причислило къ разряду людей слишкомъ о себѣ мечтающихъ и прозвало въ насмѣшку *аристократомъ*. Кроме того, оно не могло остаться равнодушнымъ къ собрату, питающему русскую кухню, брѣющему бороду, куращему въ субботніе дни, обѣдающему въ постные дни, а главное, живущему врозь съ законною женою, не заноса въ метрическія книги, хоть разъ въ два года, о рожденіи сына или дочери. Мое положеніе было самое несносное и своеобразное: евреи причисляли меня къ русскому лагерю, а русскіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, причисляли меня къ жидамъ, которые забываютъ свое мѣсто.

Еврейскіе мои враги стояли внѣ моей сферы; я не принадлежалъ къ ихъ кагалу, а потому они ни чѣмъ не могли вредить мнѣ, кроме мелкой сплетни, мало смущавшей меня. Но еврейскій Ахиллесъ имѣлъ свою чувствительную пятку въ лицѣ неугомонной жены. Это обстоятельство вскорѣ сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Еврейскіе кумовья и кумушки приняли подъ свое покровительство *несчастную жертву супружескаго деспотизма* и завертели ея какъ шарманкой. Подъ искусными ихъ руками, живая шарманка, подъ самыми моими ушами, начала издавать такіе раздражающіе звуки, отъ которыхъ приходилось или оглохнуть или бѣжать безъ оглядки.

Эти непріятные звуки улаждали мой слухъ нѣсколько лѣтъ сразу. Мало-по-малу я началъ къ нимъ привыкать. Жена жила врозь со мною, но на одномъ дворѣ, заправляла всѣмъ домомъ, фигурировала какъ хозяйка, пользовалась матеріальными удобствами и, съ горя и неудовлетворенной любви, полнѣла съ каждымъ днемъ. Она имѣла собственный кругъ знакомства, своихъ друзей, свои радости, свои печали, свои интриги, свои ссоры и примиренія. Ей самой надоѣло уже воевать со мною и обращать меня на путь истинный, но выпустить меня совсѣмъ изъ когтей она ни

*

за какія блага не соглашалась. Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, устраненныхъ мною отъ вреднаго ея вліянія, она перестала наконецъ вмѣшиваться, сознавая свою полнѣйшую безправность въ этомъ отношеніи. Я втянулся въ эту жизнь и думалъ дожить уже такимъ образомъ свой неудачный вѣкъ, какъ случилось въ нашемъ отечествѣ *много* въ высшей степени благодѣтельное для Россіи и, въ такой-же степени, пагубное для меня. Это *много* была судебная реформа.

Судебная реформа, подъ популярнымъ названіемъ *маснаго суда*, взбудоражила всѣ умы, даже умы праздные, безграмотные. Большая часть евреевъ занимается крупною или мелкою коммерціею, пускается въ спекуляціи, въ афферы, покупаетъ, продаетъ, занимаетъ, даетъ въ займы, арендуетъ, вступаетъ въ товарищества. Конкуренція, борьба съ своими ближними за существованіе ведетъ къ частымъ столкновеніямъ, столкновенія ведутъ къ ссорамъ, а ссоры къ процессамъ. Естественно, что предстоявшіе новые судебные порядки, отсутствіе взятокъ, словесное состязаніе на судѣ, рѣшеніе дѣла не буквою закона, а убѣжденіемъ судей породили разнохарактерныя надежды и понятія. Людямъ неблагонамѣреннымъ казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ запутать новый судъ, выдать изнанку за лицевую сторону, выиграть самые бездоказательные процессы силой лжи и льстиваго краснорѣчія. Такія мнѣнія о судьяхъ и судахъ поддерживались доморощенными, частными адвокатами, выползшими на добычу дѣльными стаями, изъ всѣхъ закоулковъ. Процессы, особенно въ еврейской торговой средѣ, выросли какъ грибы, и какъ грибы самаго вычурнаго вида. Новые суды, въ буквальномъ смыслѣ слова, были завалены дѣлами. Судебныя залы служили главнымъ центромъ сходокъ для праздныхъ зѣвакъ, для плутовъ, бесплатно набирающихся юридической премудрости съ цѣлью познакомиться со взглядомъ суда и при случаѣ приложить этотъ взглядъ къ дѣлу... На судахъ разбирались самые курьезные, неслыханные процессы. Еврей шиньварь, наприимѣръ, у котораго кредиторъ секвестровалъ, посредствомъ полицейской сельской власти, боченокъ водки, дѣною въ 88 руб., доказывалъ что этимъ секвестромъ кредиторъ причинилъ ему убытки на 6983 руб. 33 коп., и доказывалъ это съ такими серьезнымъ видомъ, въ такихъ выраженіяхъ, съ такими комичными жестами, что судьямъ стоило нечеловѣческихъ усилій, чтобы сохранить серьезность. У мирового судьи, еврей приносилъ жалобу на свою жену, при громадномъ стеченіи народа, въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Г. Судья!

- Что вамъ угодно?
- Я имѣю жалоба на моя жена Перле.
- Подавайте прошеніе.
- Г. Судья, я не умѣю писать.
- Попросите кого-нибудь написать.
- Я бѣдный, г. судья. Позволяйте мнѣ рассказать.
- Говорите.
- Я имѣю жалоба на своя жена Перле...
- Въ чемъ состоятъ ваша жалоба?
- Жена моя Перле не хочетъ ходить... да, ходить не хочетъ...
- Говорите яснѣе, куда ходить не хочетъ?
- Въ воду, г. судья, ходить не хочетъ.
- Въ какую воду?
- Обыкновенно вода, цто при банѣ.
- То есть, въ баню ходить не хочетъ, что-ли?
- Ахъ нѣтъ, г. судья, на цто мнѣ баня?
- Что-же вы хотите?
- Я хоцу чтобы моя жена, Перле, пошла въ колодызъ¹ по закону.

Всеобщее ложное понятіе о назначеніи новыхъ судовъ при-
вилось, конечно, и къ той средѣ, гдѣ подвизалась моя недо-
вольная, оскорбленная супруга. День и ночь рассказывались
тамъ разныя сказки о чудесахъ премудрости новыхъ судей,
о соломоновскихъ рѣшеніяхъ, о томъ, что наконецъ наступило
безграничное царство правды. Моя жена и услужливыя ея ку-
мушки мотали себѣ на усы и съ нетерпѣніемъ ждали открытія
и въ нашемъ краю гласнаго суда.

— Погоди ты у меня. И моя пора наступить; и на моей
улицѣ будетъ праздник! угрожала мнѣ жена.

- Хорошо, обожду, улыбался я.
- Смиѣйся, смиѣйся; скоро заплачешь ты у меня!
- Будто?
- Да. Увидишь, что судъ тебѣ запоетъ!
- Какой-такой судъ?
- Новый гласный судъ.
- Что-же ты съ нимъ дѣлать станешь, съ новымъ судомъ?
- Такихъ, какъ ты, въ арестантскія роты ссылають, даже
въ Сибирь. Да!

¹ По промествіи менструаціоннаго періода, въ которомъ супруги должны
лечь въ полномъ отчужденіи другъ отъ друга, еврейскія женщины очища-
ются въ бассейнахъ (микве), имѣющихся при всякой общественной банѣ,
или синагогѣ.

— Неужели-же ты будешь такъ жестока, что запрядешь меня въ Сибирь? меня, несчастнаго отца твоихъ бѣдныхъ дѣтей? продолжалъ я шутить.

— Нѣтъ тебѣ пощады. Вотъ что.

— Кто-же васъ кормить станетъ, когда меня сошлютъ?

— Мнѣ передадутъ всѣ твои дѣла, все твое состояніе. Мнѣ и такъ половина слѣдуетъ по закону.

При этомъ, безграмотная моя жена комично цитировала законы и приводила меня въ изумленіе своими юридическими познаніями. Очевидно, находились добрые люди, безвозмездные наставники.

Наконецъ, былъ открытъ и у насъ новый судъ. Я радовался этой благодѣтельной реформѣ на равнѣ со всѣми соотечественниками, на практикѣ извѣдавшими всю прелесть старыхъ судебныхъ порядковъ. Но еще болѣе моего радовалась моя озлобленная жена, смотрѣвшая на новый судъ, какъ на своего Мессію.

Евреи и еврейки, особенно въ свободные субботніе и праздничные дни, запружали камеры мировыхъ судей и залу окружнаго суда. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду только и было говору, что о судебныхъ рѣшеніяхъ. Рѣшенія эти критиковались, обсуждались, выхвалялись или порицались. Самые рьяные посятители судовъ обоего пола принадлежали къ безкорыстнымъ друзьямъ моей жены и, разумѣется, къ врагамъ моимъ. Любовь къ скандальной новости побуждала этихъ добрыхъ людей настраивать свою послушную шарманку на новый ладъ. Благодаря разнымъ наущеніямъ, жена моя задрала носъ и ввела такой новый тонъ въ своихъ отношеніяхъ со мною, что у меня прошла всякая охота шутить.

— Послушай, не вытерпѣлъ я однажды. — Выбрось ты эту дурь изъ головы. Силой нивого любить не заставишь. Или живи мирно, по прежнему, или-же разведемся окончательно. Я и безъ суда готовъ тебя такъ обезпечить, чтобы ты во всю жизнь ни въ чемъ не нуждалась, даже такъ, чтобы ты могла вступить въ новый бракъ, если пожелаешь.

— Съ чего ты взялъ, что я хочу тебя заставить меня любить? Я сама тебя ненавижу.

— Чего-же ты добиваешься?

— Я твоя законная жена, и ты долженъ быть законнымъ моимъ мужемъ.

— Какъ? Я тебя не люблю, а ты меня ненавидишь и, послѣ всего этого, ты все-таки требуешь, чтобы я былъ твоимъ законнымъ мужемъ?

— Да, требую; и тебя заставить.

— Заставятъ? Кто?

— Судъ заставитъ тебя. Мы, слава Богу, не въ безсудной землѣ живемъ.

— Какъ-же судъ умудрится это сдѣлать?

— А какъ судъ сажаетъ въ острогъ, или ссылаетъ въ Сибирь?

— Такъ ты полагаешь что, при барабанномъ боѣ, судъ препроводитъ меня по этапу въ твои объятія.

Подобныя сцены выпадали часто на мою долю. Скоро однакожь жена перестала удовлетворяться одной интересной діалектикой а принялась за меня болѣе основательно.

— Оставьте меня въ покоѣ, прошу я жену, забравшуюся въ мой кабинетъ съ позаранку и сверлившую мнѣ по обыкновенію уши, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.—Оставьте меня, ради Бога. Вы мнѣ не даете заниматься дѣломъ.

— Какъ важно! Вы онъ мнѣ говорить! Ха, ха, ха.

— Прошу васъ...

— Я имѣю право по закону сидѣть тутъ день и ночь. Я законная жена.

— Наконецъ, вы выводите меня изъ терпѣнія.

— Ну, позови лакея. Вели меня вытолкать вонъ отсюда.

— Я надѣюсь, что вы и безъ этого можете обойтись.

— Нѣтъ, позови лакея, говорю я тебѣ, вели меня вытолкать. Я только этого и хочу, только этого и жду.

— Для чего-же вы добиваетесь подобной чести?

— Этотъ лакей будетъ моимъ свидѣтелемъ на судѣ. Позови, иначе я отсюда не уйду.

Приходилось самому уходить изъ собственнаго дома. Какъ былъ я несчастливъ при мысли, что судьба именно меня надѣлала такой женою, которая добивается оскорбленія дѣйствіемъ, для того, чтобы приобрѣсти свидѣтеля-лакея на судѣ.

Мое терпѣніе часто подвергалось такимъ тяжкимъ испытаніямъ, преодоленіе которыхъ начало видимо отражаться на моемъ, и безъ того разстроенномъ, здоровьѣ. Нерѣдко штурмовался мой кабинетъ, ломались въ дверь съ шумомъ, крикомъ, съ позорною огласкою, въ виду постороннихъ и прислуги. Я не зналъ, куда дѣваться отъ страшныхъ скандаловъ, служившихъ интересною новостью дня для всего затхлаго мірка, въ которомъ не находилось ни одного добраго человѣка, чтобы повліять на неразумную женщину, заѣдающую, въ дикой безсознательности, собственный и чужой вѣкъ. Напротивъ, съ каждымъ днемъ прибавлялись новые подстрекатели, являлись новыя импровизированныя адвокаты, высасывавшіе деньги бѣдной женщины, за обѣщанія возстановитъ какія-то супружескія права, которыя она

сама себѣ не могла хорошенько уяснить. Наконецъ, случилось нѣчто такое, что окончательно переполнило сосудъ.

Въ одинъ изъ зимнихъ, въ провинціи особенно скучныхъ, вечеровъ я возвращался домой довольно поздно. Ночная вьюга и морозъ пробрали меня насквозь. Спѣша домой, я мысленно предвкушалъ пріятную теплоту ожидавшей меня постели. Слуга, отворившій мнѣ дверь, посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно странно. Онъ видимо собирался, но не рѣшался сообщить мнѣ что-то особенно неприятное.

— Что случилось? встревожился я.— Не обокрали-ли насъ?

— Кто насъ обокрадетъ? отвѣтилъ лакей, довольно глухо улыбаясь. — Только вотъ что...

— Что?

— Гдѣ вы спать-то будете?

— Ты что мелешь? Съ просонковъ что-ли?

— Барыни всѣ ваши покои заняла. Совсѣмъ перебралась сюда. Я урезонивалъ, урезонивалъ, ни что не беретъ. Перебралась, да и баста.

Задача представилась скверная. Я не зналъ на что рѣшиться. Пока я колебался и раздумывалъ, за спиною у моего лакея появились служанки моей супруги, съ такимъ злораднымъ выраженіемъ на грубыхъ лицахъ, что я вмгъ рѣшился завоевать непріятельскую позицію. И, въ наказаніе за злорадство, послать въ опасный бой этихъ-же самыхъ служанокъ.

— Сію минуту перенести всю рухлядь барыни въ ея покои, командовалъ я необыкновенно рѣзко:— и очистить мою квартиру, или убраться вонъ изъ моего дома сію минуту. „Понимаете?“

Армія непріятеля тутъ-же перешла на мою сторону. Не прошло и часа, какъ мои комнаты были свободны. Пока происходило переселеніе, я стоялъ все время на улицѣ, на службѣ. Меня била лихорадка, не то отъ холода, не то отъ внутренней безсильной ярости. Ко мнѣ долетали дикіе крики, площадная ругань, протесты на основаніи законовъ, адресуемые на имя моего лакея. На этотъ шумъ и гвалтъ сбѣжалась вся прислуга, шепталась и украдкой язвительно посмѣивалась надъ глупымъ положеніемъ своихъ хозяевъ. Что перечувствовалъ я въ эту безконечную, бессонную ночь, не выразить мнѣ словами. Въ душѣ бушевали черные помислы. Въ эту страшную ночь я былъ способенъ на самоубійство, на преступленіе. Я нѣсколько успокоился тогда только, когда солнечный лучъ ясноморознаго утра колебался и заигралъ на моемъ изголовьѣ. Я вскочилъ на ноги съ непоколебимымъ рѣшеніемъ.

Я не считалъ себя на столько компетентнымъ въ еврейскихъ

религиозныхъ законахъ, по предметамъ брака и развода, чтобы обойтись безъ посторонняго совѣта. Въ довольно отдаленной мѣстности я имѣлъ знакомаго ученаго раввина. Къ нему я и отправился за дружескимъ совѣтомъ. Я разсказалъ ему о своемъ несчастномъ, безвыходномъ положеніи и попросилъ совѣта.

— Ваше семейное положеніе мнѣ хорошо извѣстно. Извѣстно мнѣ также и то, что вы не однажды вызывались обезпечить неразумную женщину, но что она васъ выпустить изъ своихъ когтей не хочетъ. Имѣете-ли вы и теперь похвальное желаніе ее обезпечить?

— Болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Не можете-ли вы съ ней какъ-нибудь сойтись?

Мое лицо и глаза ясно отвѣтили за меня.

— Ну, хорошо, хорошо. Мой долгъ испытать всѣ мирные пути, прежде чѣмъ сказать послѣднее слово.

— Говорите-же послѣднее слово, рабби.

— Бракъ у евреевъ имѣеть болѣе гражданскій характеръ, чѣмъ религиозный. Законы о бракѣ построены у насъ на самомъ либеральномъ основаніи. Наши талмудисты, относительно брака и развода, были такъ гуманны, что въ этомъ отношеніи уравнивали даже права мужчины и женщины, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ, еврейская женщина играетъ самую жалкую роль, роль полнѣйшей неправоиспособности. Неправоиспособность эта простирается до того, что она почти освобождена отъ „Тарьягъ-мицвесь“¹. Принужденіе супруговъ къ совмѣстному сожителству, по законамъ еврейскимъ, не полагается. Напротивъ, бракъ безъ любви причисляется къ замаскированному разврату. Какъ мужъ, такъ и жена имѣють полное право требовать другъ отъ друга развода во всякое время. Законы развода доходятъ даже до абсурда. Мужъ имѣеть право развести жену даже за то только, что она часто *пересаливаетъ* его похлебку. Но за то и жена имѣеть право заявить во всякое время о своемъ отвращеніи, даже о самой обыкновенной нелюбви къ мужу, и мужъ *обязанъ* ее развести, по закону Моисееву. При чемъ, если жена указываетъ на какую-нибудь причину, послужившую къ ея охлажденію къ мужу, въ родѣ вспыльчивости характера супруга, неделикатнаго обращенія съ нею, неимѣнія средствъ къ ея содержанію, неисполненія вообще своихъ обязанностей, по смыслу брачнаго, домашняго контракта (ксибе), мужъ *обязанъ* выплатить ей и

¹ Обрядовъ положительныхъ «Мицвесь-есе» и запретительныхъ «Мицвесь-лоессе» установлено въ числѣ шести сотъ тринадцати «Тарьягъ». Эти обряды и законы обязательны для каждаго еврея, достигшаго тринадцатилѣтняго возраста, т.-е. религіознаго совершеннолѣтія «Баръ-мицве».

сумму, положенную въ томъ контрактѣ на случай развода. Лишается же жена этой суммы тогда только, когда настоятельное ея требованіе развода основано на одномъ капризѣ, на одной безпричинной прихоти. Но во всякомъ случаѣ, мужъ принуждается къ дачѣ развода. Наши еврейскіе законы строго воспрещаютъ отдѣльную жизнь лицъ, соединенныхъ узами брака, запрещаютъ потому, что подобная жизнь, рано или поздно, приводитъ къ пороку и разврату.

— Слѣдовательно?

— Слѣдовательно, вы имѣете полное право заставить жену развестись съ вами за раздорную семейную жизнь; тѣмъ болѣе, что вы соглашаетесь ее обезпечить на всю жизнь.

— Какъ-же могу я *заставить*? Надѣюсь, не черезъ полицію или судебного пристава?

— Законы наши предусмотрѣли это затрудненіе. Жена считается окончательно разведенною однимъ врученіемъ разводнаго письма, изготовленнаго по извѣстной религіозной формѣ, при трехъ свидѣтеляхъ еврейхъ, не моложе тринадцати лѣтъ. При чемъ, вручающій мужъ, или заступающій его мѣсто (шелуахъ), долженъ сказать „вотъ твой разводный актъ (гетъ), отнынѣ ты свободна“. Разводъ считается дѣйствительнымъ даже тогда только, когда его бросаютъ къ ногамъ разводимой жены. Изъ этого вы видите, что ваше положеніе не такъ безвыходно, какъ вамъ кажется. Но...

— Тутъ есть и но?

— Конечно, есть и „но“. Это „но“ является въ лицѣ извѣстнаго авторитета рабби Гершона. Этотъ рабби, за восемь столѣтій тому назадъ, созвалъ раввинскій соборъ, который, соображаясь съ духомъ времени, положилъ конецъ еврейской полигаміи, и тогда-же, между прочимъ, было постановлено, что врученіе развода безъ буквального согласія другой стороны, воспрещается.

— Слѣдовательно?

— Слѣдовательно, ваше положеніе опять безвыходно. Но и это только съ перваго разу такъ кажется. Постановленіе рабби Гершона въ настоящее время для васъ не обязательно.

— Почему-же?

— Соборъ тотъ обязательность своихъ постановленій для евреевъ опредѣлилъ срокомъ двухъ столѣтій. Срокъ этотъ давно уже миновалъ."

— Въ такомъ случаѣ, я имѣю право не стѣсняться мнѣніемъ покойнаго рабби Гершона?

— Конечно. Но вы все-таки подвержены наказанію.

— Какому именно?

— Вы можете получить между евреями титулъ „ослушника“, „Аверьянтъ“.

— Этотъ титулъ давно уже считается за мною. Не привыкать стать. Но за что-же я подвергаюсь наказанію, когда постановленія рабби Гершона необязательны въ настоящее время для евреевъ?

— Изволите видѣть, постановленія одного раввинскаго собора могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ такимъ-же равносильнымъ раввинскимъ соборомъ; но такого собора до сихъ поръ еще не было, да и на врядъ-ли когда нибудь будетъ. Но...

Последнее „но“ я дослушать не хотѣлъ, предчувствуя, что этому конца не будетъ, что ученый раввинъ запутаетъ меня своей казуистикой и схоластикой, какъ любой законникъ-крючкотворъ.

Я поблагодарилъ и направился къ двери.

— Позвольте, остановилъ онъ меня.— Выслушать мой совѣтъ, вамъ, однакожь, не мѣшало-бы выслушать и мнѣніе адвоката-еврея, который сообразилъ-бы наши религіозные законы съ русскими законами.

— Что общаго между религіозными нашими законами и законами православія?

— Это совершенно такъ, но...

— Я васъ понимаю, и отправляюсь къ адвокату.

Адвокатъ—онъ-же отчасти и талмудистъ—оказался еще большею крючкотворомъ, чѣмъ ученый раввинъ. Его *самодовольно* и *мо* не предвидѣлось конца. Я потерялъ терпѣніе.

— Скажите прямо, дѣйствительны-ли наши религіозные законы въ дѣлѣ брака и развода?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Адвокатъ процитировалъ нѣсколько параграфовъ изъ десятаго тома свода законовъ.

— И такъ, я имѣю право...

— Сами вы ни на что права не имѣете. Вы должны имѣть законное разрѣшеніе отъ раввина. Онъ процитировалъ новые параграфы.

— Но, имѣя законное разрѣшеніе, я имѣю право...

— Конечно, конечно, вы имѣете полное право, но...

— Боже мой, все-таки *мо*?

— Даже очень крупное *мо*.

— Въ чемъ-же оно заключается? Объясните, не мучьте.

— Можно будетъ пустить въ ходъ противъ васъ такіе законы и такія толкованія, которые могутъ сдѣлать разводъ недействительнымъ.

— Чѣмъ-же я тутъ рискую? Хуже настоящаго вѣдь не будетъ.

— Вы разсуждаете довольно логично. Ха, ха, ха. Но...

— Опять но?

— Последнее. Вы, милостивый государь, можете... попасть въ тюрьму!

Эта пріятная новость хватилъ меня какъ обухомъ по головѣ.

— Замятъте, прибавилъ адвокатъ съ тонкой ироніей.—Я вамъ никакого прямого совѣта не даю. Ваше *настоящее* положеніе мерзкое, отвратительное, невыносимое; *будущее-же*... только *сомнительное*. Жена—предъ глазами, а тюрьма — за горами. Ха, ха, ха.

— Но еслибы возникъ споръ противъ дѣйствительности развода, то какія отношенія устанавливаетъ законъ между тяжущимися супругами до рѣшенія спорнаго вопроса, и кто этотъ споръ разрѣшаетъ?

— Споръ этотъ разрѣшается мѣстнымъ раввиномъ, а въ случаѣ жалобы на него, раввинскою комиссією. До окончанія дѣла, бракъ считается расторгнутымъ. За всѣмъ тѣмъ, вступленіе въ новый бракъ не дозволяется. Разведенная жена имѣетъ право на содержаніе. Я вывожу свои заключенія, замѣтите, по одной аналогіи...

— Но во всякомъ случаѣ, разведенная, или мнимо разведенная жена лишается, хотя временно, тѣхъ нравственныхъ когтей, которыми она, *по праву супруги*, имѣетъ возможность царапаться?

— Еще-бы! Конечно. Всякое оскорбленіе со стороны ея имѣетъ уже характеръ оскорбленія, наносимаго однимъ частнымъ лицомъ другому, такому-же частному лицу.

— И такъ, мнѣ предстоитъ выборъ, между женою и тюрьмою?

— Гм... да, въ этомъ родѣ.

— *Тюрьма!* произнесъ я рѣшительно.

— На вашемъ мѣстѣ, я рѣшилъ-бы точно такъ-же, какъ и вы, польстилъ мнѣ адвокатъ, небрежно пряча въ карманъ мою благодарность.

Раввинское официальное разрѣшеніе было получено, разводное письмо было изготовлено по формѣ и вручено моему врагу по формѣ-же. Китайская церемонія эта, въ сущности, не произвела никакихъ перемѣнъ. Разведенная жена живетъ и пользуется матеріальными удобствами по прежнему и носить имя мужа по прежнему. Церемонія эта лишила ее только тѣхъ грубыхъ правъ, которыми она злоупотребляла, которыми она отравляла мою жизнь и вводила смятеніе и неурядицу въ родную ей семью. Обезоруженный непріятель, со своими союзниками, не теряетъ, однакожь, надежды завоевать прежнюю выгодную позицію...

Событіе этого роковаго развода взволновало кружеѣ праздныхъ людей, не менѣе того, какъ взволновало въ свое время Европу страшное убійство Троппмана. Встрепенулись, засуетились, закружились и зашипѣли разные полудремавшіе гады и пресмыкающіяся. Я сторонился отъ этого зловоннаго болота и наслаждался безсильнымъ бѣшенствомъ тѣхъ, которые не досягали до меня, которые пытались, но никакъ не могли выползть на сухой берегъ...

Я нѣсколько успокоился. Но то, къ чему я стремился, такъ же далеко отъ меня теперь, какъ было далеко и прежде. Тотъ миражъ, называемый счастьемъ, который манилъ меня за собою во всю жизнь, продолжаетъ меня манить и теперь; но я ему уже не довѣряю. Да и путь сдѣлался безнадежнымъ. Я спускаюсь уже по склону жизненной горы.

Мудрые нѣмцы, назвавшіе извѣстное, но неувимое душевное состояніе непереводаемымъ словомъ „Gemüth“, открыли въ душѣ человѣка новую своеобразную болѣзнь. Эту болѣзнь они назвали „Die Fierzig-jahres-Krankheit“ (болѣзнь сорока лѣтъ). Безпомощный, бѣдный человѣкъ, безъ путевоодителей и поддержки, грубо толкаемый сзади нуждою, голодомъ и лишениями, начинаетъ свое карабканье на крутую гору, называемую жизнью. Извилистыя, чуть замѣтныя тропинки ведутъ къ разнымъ гребнямъ. Всѣ эти тропинки усѣяны острыми камнями, вѣскользящими изъ-подъ ногъ истощеннаго путника. По сторонамъ обрывы и пропасти. На пути непроходимые терновники, населенные кровожадными хищниками. Путнику выбора нѣтъ: „умирай или карабайся“. Страшный путь поглощаетъ его лучшія силы. Онъ поминутно спотыкается, падаетъ, встаетъ и взбирается все дальше, все круче. Очертя голову, перескакиваетъ онъ разщелины, голыми руками раздвигаетъ запутанныя вѣтви терновника, съ ловкостью отчаянія увертывается отъ острыхъ зубовъ, отъ смертоносныхъ жалъ. Наконецъ, достигаетъ онъ своей высшей точки, своихъ сорока лѣтъ; достигаетъ и того изъ многочисленныхъ гребней горы, къ которому онъ стремился. Усталый, истощенный, облитый потомъ и кровью, падаетъ онъ въ изнеможеніи и, на нѣсколько минутъ, погружается въ тяжелый, тревожный сонъ. Но содрогнувшись отъ толчка невидимой руки, онъ просыпается и опять вскакиваетъ на ноги. Невольно взоръ его устремляется назадъ, на ту тропинку, по которой онъ взбирался. Съ ужасомъ и отвращеніемъ отворачивается онъ отъ ненавистной панорамы. Нѣтъ,—думаетъ онъ,—эта картина всегда будетъ смущать и пугать меня. Поищу болѣе удобнаго, для душевнаго спокойствія, пункта“. Съ лихорадочною торопливостью подбираетъ путникъ

закоржавѣлую, полупустую свою котомку, въ формѣ сердца, улаковываетъ въ нее свои растрепанныя убѣжденія, свои истерзанныя вѣрованія, и направляется дальше. Но куда-же дальше? Еще шагъ—и узкому гребню конецъ. Опять такая-же крутая тропинка внизъ. Мѣстность еще болѣе дикая, еще болѣе страшная. Тѣ-же острия скалы, тѣ-же непроходимые терновники. А тамъ, по сторонамъ, шаловливые, юные дикари новаго поколѣнія, съ стрѣлами насмѣшки на натянутыхъ лукахъ, скалятъ зубы на встрѣчу полуотжившему, измученному путнику. „И это все? и для этого только я карабкался? Нѣтъ, туда не хочу“, вскрикиваетъ бѣдный путникъ. „Иди“, спокойно повелѣваетъ время и беспощадно толкаетъ внизъ, по крутому склону горы. А подъ горой, весь горизонтъ окутанъ непроницаемою мглою, и изъ этой мглы широко зияетъ бездонная пропасть... Пропасть, поглощающая всѣ жизни человѣческія, и счастливыя, радостныя, и такія изуродованныя, какъ моя...

Какъ ни одна мысль не заканчивается безъ точки, такъ и одно письмо или записка, появляющаяся въ области беллетристики, не заканчивается безъ неизбежнаго *postscriptum*. Я не считаю себя въ правѣ отступать отъ обще-принятой формы при закончаніи „записокъ еврея“. Кстати, я состою еще въ долгу у нѣкоторыхъ моихъ единовѣрцевъ, удостоившихъ мой слабый литературный трудъ своими изустными, письменными и печатными отзывами.

Отзывы эти, касавшіеся различныхъ сторонъ и мѣстъ „записокъ еврея“, расходились между собою въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но, какъ стройный хоръ, сливались въ общій тонъ порицанія. Порицанія эти выражались въ формѣ горькихъ вопросовъ.

— Зачѣмъ выносить соръ изъ родной избы?

— Къ чему поднимать їдею, талмудейскую и кагалную пыль, отъ которой приходится намъ самимъ-же неприятно отчихаться?

— Правда, самая святая правда не всегда бываетъ полезна и безопасна.

— Достаточно порицаютъ насъ другіе. Къ чему еще порицать самихъ себя? Недруги (а ихъ, въ послѣднее время, расплодилось очень много) скажутъ, пожалуй: „Если *они сами* внимаютъ изъ собственнаго глаза *на показъ* порошинку, то въ этомъ хитромъ, полу-закрытомъ глазѣ, безъ сомнѣнія торчатъ цѣлое бревно“.

Я несогласенъ съ такими взглядами и выводами. По моему мнѣнію, кто хочетъ избавиться отъ жестокаго бичеванія чужой руки, тотъ долженъ бичевать самого себя. Самобичеваніе и честнѣе, и не такъ больно. Кто слишкомъ доволенъ самимъ собою, тотъ, въ большинствѣ случаевъ, безконечно глупъ. Кто хвалитъ себя, того рѣдко хвалятъ другіе. Я расхожусь во мнѣніяхъ съ тѣми новѣйшими еврейскими публицистами, которые, какъ кажется, задались нетрудною проблемой отрицать, или игнорировать факты, вмѣсто того, чтобы, честно признавая ихъ, оправдать тѣмъ исторически-соціальнымъ, экономическимъ и фанатическимъ строемъ, который, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ единственный источникъ деморализаціи, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ группъ, сословій и даже племенъ. Вмѣсто того, чтобы оглашать *безответную пустыню* жалобами, вздохами и воплями; вмѣсто того, чтобы все взывать къ какимъ-то *заоблачнымъ* орошеніямъ, цѣлесобразнѣе было-бы обратить вниманіе на родную почву, очистить ее отъ толстаго слоя сора, удобрить ее, обновить заржавленный, неуклюжій, выжившій изъ употребленія плугъ, разумно вспахать родное поле и засѣять его плодоноснымъ зерномъ европейской культуры. Какъ очистить фанатическую почву? Какъ и чѣмъ удобрить? Какъ вспахать и посѣять? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ вполне достойно благородныхъ, добросовѣстныхъ публицистовъ, не гонящихся исключительно за пустыми симпатіями *своихъ*, непоющихъ вѣчные гимны и панегирики, изъ за нравственной или матеріальной подачки, или просто изъ за того, чтобы прослыть *голосистымъ бардомъ въ полудикой деревнѣ*. Барды, въ наши не героическія времена, сошли уже со сцены, а пѣснями и панегириками ни кого уже не убѣдишь...

Тѣ, къ которымъ я адресую вышесказанную мысль, суть самые умѣренные, честные изъ моихъ порицателей, съ которыми я хотя и не схожусь во мнѣніяхъ, но которыхъ я, тѣмъ не менѣе, уважаю. Но нашлись и такіе, которые придали „Запискамъ еврея“ характеръ злоумышленнаго доноса брата на братьевъ. Они обвинили меня въ искаженіи фактовъ, въ томъ, что я выдаю лжезнанку за лицевую сторону, выставляю нелѣпныя, вредныя стороны врагамъ на злорадство, публикѣ на посмѣшище; они смѣшали мои записки съ извѣстною „Книгою кагала“. Нѣкоторые крючкотворы зашли еще дальше: придираясь къ двусмысленному толкованію слова, они попытались доказать *своимъ*, что „Записки еврея“ стараются обинакомъ поддерживать дикое обвиненіе евреевъ *въ употребленіи христіанскій* крови.

Съ подобною категоріей людей, не желающихъ или не умѣю-

щихъ читать, съ такими свирѣпыми *кулами* патриотами всякія разсужденія были-бы бесплоднымъ трудомъ. Ктъ, упорно жмурить глаза, того ни чѣмъ не освѣтишь до полного прозрѣнія. Но я всетаки въ долгу у этихъ господъ. Отвѣчу имъ притчей.

Жилъ былъ (а, можетъ быть, живетъ еще и теперь) нѣкій сѣдой, очень остроумный еврей, по имени раби Шая, по прозвищу Тарарамъ (шалопутъ).

Кличку эту нажилъ себѣ раби Шая своей вѣчно кочующей жизнью, своей эксцентричною дѣятельностью.

Тарарамъ вѣчно былъ въ пути, вѣчно путешествовалъ отъ одного центра еврейскаго населенія до другого, не брезгая ни какимъ способомъ передвиженія. Иногда вѣзжалъ онъ въ безконечно-длинной польской будѣ, съ цѣлой гурьбой ошарпанныхъ пассажировъ обоего пола, иногда въ одиночкѣ на обратной перекладной, иногда взобравшись на самую верхушку нагруженнаго лукомъ мужицкаго воза, а иногда развалившись въ роскошной коляскѣ мчащагося на курьерскихъ, по *казенной надобности*, еврейскаго откупщика или подрядчика. Его не рѣдко встрѣчали и въ образѣ пѣшаго хожденія, съ странническимъ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою на плечахъ.

Въ первые годы своего безконечнаго странствованія (а началъ онъ это странствованіе въ молодые годы) чудакъ этотъ рекомендовался безъ церемоніи, прямо „попрошайкой“ (мекаблѣ). Костюмъ его вполне соответствовалъ этому титулу. Вскорѣ однакожь всякая рекомендація сдѣлалась для него совершенно излишнею. Раби Шая приобрѣлъ такую популярность во всѣхъ мѣстахъ, *идѣ еврейскъ жителство дозволяется*, что его знали, какъ говорятъ, и старъ и младъ. Раби Шая смѣшилъ своими выходками, островами и эниграммами богачей, утѣшалъ бѣдняковъ, проводилъ безсонныя ночи, съ веселой пѣсенкой на улыбающихся устахъ, у грязнаго одра безпомощнаго страдальца, плясалъ на устраиваемыхъ имъ самимъ свадьбахъ полуничихъ, въ качествѣ посаженнаго отца, пилъ на родинахъ въ роли крестнаго отца. Вѣчно веселый, бодрый, подвижной, онъ обивалъ пороги еврейской знати, терся въ роскошныхъ переднихъ, стончески сносилъ дерзость и толчки прислуги, но всегда добивался подачки. Этими подачками онъ самъ пользовался на столько, чтобы не умереть съ голода и холода, остальное-же все раздавалъ бѣдной, немущей братіи. Кормилъ голодающихъ, воспитывалъ круглыхъ сиротокъ, выдавалъ замужъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ. Раби Шая ласково, съ рѣдкимъ умѣньемъ и тактомъ, выжималъ богатыхъ, чтобы поддерживать бѣдныхъ. Въ этомъ заключалась вся задача его многотрудной жизни. Еврейская аристократія

смотрѣла на него, какъ на забавнаго шута, а еврейская масса благоговѣла предъ нимъ, какъ предъ своимъ апостоломъ.

— Что за странную жизнь ведете вы, Раби Шая? спрашивали его разсудительные евреи.

— Любезные братья, отвѣчалъ онъ улыбаясь: — моя жизнь загублена съ самаго дѣтства. Я сказалъ себѣ: чѣмъ чинить собственную жизнь, дай-ка лучше буду чинить чужую. У меня погибаетъ одна только жизнь, а кругомъ меня гибнутъ тысячи жизней. Что важнѣе?

— На нашемъ мѣстѣ, мы скорѣе чинили-бы собственную жизнь, чѣмъ чужую.

— Да. Но вы, друзья мои, не знаете, что въ чиненномъ башмакѣ далеко не уйдешь; онъ только жметъ и третъ ступню.

Но чѣмъ именно была испорчена его жизнь, раби Шая никому не объяснялъ. На подобнаго рода вопросы онъ всегда отвѣчалъ уклончиво, отшучиваясь по своему.

Вскорѣ, однакожь, быстро распространившійся анекдотъ изъ жизни Раби Шая открылъ всѣмъ глаза. Раби Шая имѣлъ жену и взрослога уже сына. Но онъ о своей семьѣ почти не заботился, зная, что пронырливая его жена, перебивающаяся мелкою торговлею, можетъ обойтись и безъ посторонней помощи. Аккуратно разъ въ годъ, Раби Шая посѣщалъ семью во дню великаго праздника пасхи, чтобы ¹ *возсѣсть на престолъ*, какъ онъ, смѣясь, выражался. Всякій разъ, при появленіи бродяжничающаго супруга, жена встрѣчала гостя крикомъ, бранью, толчками. Но импровизированный король, не смущаясь такими пустяками, преспокойно усаживался на свой престолъ и удерживалъ за собою позицію до конца праздника, по прошествіи котораго опять исчезалъ на цѣлый годъ.

Однажды, жена раби Шая, уставшая браниться, попыталась подѣйствовать на крѣпколобаго мужа путемъ ласки.

— Что ты о себѣ думаешь, Шая? Образумься, подумай о своемъ сынѣ. Онъ уже взрослый неучъ. Его бы, по крайней мѣрѣ, женить нужно.

— Ну, женить мы его еще успѣемъ, а пристроить его, дать ему какую нибудь прибыльную профессію не мѣшало-бы.

— Какую-же профессію ты думаешь ему дать? Онъ вѣдь глупъ, ничего не смыслить.

¹ Въ первые два вечера пасхи, праздника установленнаго въ ознаменованіе избавленія отъ египетскаго рабства, евреи именуютъ себя мелехъ (королемъ), а жену малке (царицею). Еврей ужинаетъ, какъ римляне въ свое время, полужена на кучѣ подушекъ, представляющей собою подобіе престола.

— Это ничего. Если Богъ смиляется надо мною грѣшнымъ то я изъ него сдѣлаю доктора; дѣ, доктора.

— Что?

— Да, я непремѣнно изъ него сдѣлаю доктора, да еще знаменитаго. Конечно, если Богъ смиляется надо мною и услышитъ мои горячія молитвы.

— Объясни, въ чемъ дѣло?

— Вотъ видишь, другъ мой милый. Я молю Іегову превратить меня въ ангела смерти.

— Ты шутишь, или съума сошелъ?

— Не перебивай, жена. То, что я тебѣ расскажу, написано въ еврейской книжкѣ. А еврейскія книжки, какъ тебѣ извѣстно, считаются святыми; онѣ никогда не врутъ.

Жена выпучила на мужа глаза, не рѣшаясь оспаривать повальную святость еврейскихъ книжекъ.

— И такъ, въ еврейской книжкѣ этой рассказывается слѣдующее. Однажды, великій Іегова разгнѣвался на ангела смерти. Ты знаешь, на того ангела, усѣянаго съ головы до пятокъ глазами, который, съ длинной, острой бритвой въ рукѣ, вѣчно шныряетъ по свѣту и невидимо рѣжетъ бѣдныхъ смертныхъ. А разгнѣвался Іегова на ангела этого за то, что онъ уже черезъ чуръ началъ шалить и душить человѣчество. Долго думалъ Іегова, какъ-бы шалуна почувствительнѣе наказать и наконецъ выдумалъ. Іегова! призвалъ ангела смерти, повелѣлъ ему спуститься на землю и жениться.

Жена подпрыгнула на стулѣ.

— Еврейская книжка не хочетъ этимъ сказать, что жена вообще кара небесная, книжка подразумеваетъ только тѣхъ женъ, которыя, по изрѣченію мудраго Саломона, *горше смерти*. На одной изъ этого сорта женщинъ Іегова заставилъ жениться бѣднаго ангела смерти. Скоро послѣ свадьбы, несчастный новобрачный завопилъ въ когтяхъ молодой жены. И было отчего: жена была такая... такая...

Раби Шая многозначительно посмотрѣлъ на свою жену и недокончилъ фразы.

— Ну, ври дальше, шуть гороховый! приказала жена нетерпѣливо.

— Черезъ годъ, у ангела смерти родился сынъ, точно какъ у меня съ тобою. И точно какъ я, ангелъ смерти не могъ долѣе года выносить своего несчастія, и точно такъ же, какъ и я, ударилъ отъ своей милой супруги. Прошло много лѣтъ. Сынъ между тѣмъ выросъ тѣломъ, но не выросъ умомъ и знаніемъ, какъ и нашъ сынъ. Однажды, ангелъ смерти вспомнилъ о сынѣ и явился къ

нему ночью, когда жена спала. (Онъ жены боялся еще больше, чѣмъ я боюсь тебя). „Сынъ мой, сказала ангелъ смерти своему сыну: — не пугайся меня: я твой отецъ. Я люблю тебя и хочу тебя пристроить въ жизни. Вотъ, что я придумалъ. Сдѣлайся ты докторомъ и начни лечить больныхъ. Когда ты явишься къ пациенту, ты меня всегда тамъ увидишь, или у ногъ его, или у его изголовья. Въ первомъ случаѣ, знай, что больной навѣрное выздоровѣетъ. Зная это, ты можешь его заливать или кормить чѣмъ ни попало, однимъ словомъ, можешь поступать, какъ большая часть медиковъ поступаетъ... За жизнь такого пациента я тебѣ ручаюсь. Если же ты увидишь меня у изголовья больного, то на отръвъ откажись его лечить: этотъ больной непременно умретъ. Чтобы не повредить своей славы, поступай какъ вообще доктора поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда видятъ явную опасность, а въ болѣзни ничего не смыслятъ. Объяви, что тебя призвали черезъ чуръ поздно, что болѣзнь (назови ее какъ хочешь; чѣмъ мудренѣе, тѣмъ лучше) охватила уже всѣ жизненные центры организма и прямо предскажи неминуемую смерть. Ты никогда не ошибешься. И въ этомъ я тебѣ ручаюсь.“ Научивъ сына многимъ медицинскимъ терминамъ и докторскимъ приемамъ, ангелъ смерти, чтобы не разбудить страшную жену, на цыпочкахъ вышелъ, совершенно успокоенный на счетъ участи единороднаго сына. На слѣдующій же день, сынъ ангела смерти исчезъ изъ дома своей родительницы, и пустился по міру лечить страдающее человѣчество. Съ каждымъ днемъ все больше росла его докторская слава. Если этотъ докторъ-чудотворъ объявлялъ смертный приговоръ больному, то ничто ужъ не могло его спасти; напротивъ того, если онъ ручался за жизнь больного, то больной всегда выздоравливалъ, какъ-бы докторъ его ни лечилъ. Юный докторъ блаженствовалъ и богатѣлъ, благодаря своему отцу. Случилось однажды, что у какого-то великаго короля опасно заболѣла единородная дочь, принцесса, краса всего королевства. Сослали король докторовъ и знахарей со всего міра. Но что ни дѣлали они, ничто не помогало больной. Она чахла съ каждымъ днемъ и видимо приближалась къ могилѣ, когда до короля дошли вѣсти о чудномъ юномъ докторѣ. Немедленно изъ далекой страны былъ призванъ знаменитый докторъ. „Спаси ты мою принцессу, выполни отецъ король, я осмилю тебя золотомъ и почестями, а отдамъ тебѣ половину моего королевства“. Докторъ пожелалъ видѣть больную. Въ серебрянной хороминѣ на золотой кровати металась въ горячечномъ бреду полумертвая принцесса, ослѣпившая своей неземною красотой молодого доктора и жгущая его пылкое сердце. Докторъ осторожно приблизился

*

къ кровати больной и—задрожалъ съ головы до ногъ: у наголовья больной стоялъ грозный его отецъ, съ бритвою въ рукѣ и повелительно указывалъ сыну-доктору на дверь. „Выходи, моль, тутъ для тебя поживи нѣтъ“. Пока сынъ стоялъ, пораженный какъ громомъ, приблизился къ нему король. „Спаси мою доч, молодой человекъ, я осчастливаю тебя; еще больше, я отдамъ принцессу тебѣ въ жены.“ — „Выходите всѣ, приказалъ самоуверенно докторъ.—Оставьте меня одного съ больною.“ Когда всѣ вышли, сынъ рѣшительно приблизился къ отцу. „Папаша, ты слышалъ? Не тронь-же моей будущей жены. Уходи!“ — „Нѣтъ, она умретъ“, отрѣзалъ грозно отецъ. — „Прошу тебя, отецъ, уходи“, продолжалъ сынъ. „Нѣтъ она немедленно умретъ. Я ее зарѣжу“, упорствовалъ отецъ. „Папаша, не уйдешь?“ спросилъ еще разъ сынъ „Нѣтъ.“ „Уходи, крикнулъ сынъ, не то я позову сюда мамашу.“ Услышавъ подобную, ужасную угрозу, ангелъ смерти въ одинъ мигъ исчезъ. Принцесса выздоровѣла и счастье доктора было упрочено на всегда.

— Ну, а дальше-же что?

— Вотъ видишь, моя милая. Нашъ сынъ имѣетъ подходящую мать, недостаетъ только мнѣ, его отцу, слѣзаться ангеломъ смерти, и тогда...

Раби Шая не могъ кончить своей фразы, потому что тарелка, брошенная ему прямо въ лицо, заклепала ему ротъ.

Вотъ какова была жена раби Шая! вотъ почему онъ махнулъ рукою на собственную жизнь и посвятилъ себя общему благу.

Долго переносилъ раби Шая ругань и обиды отъ своей жены, но дошло наконецъ до того, что и его терпѣніе лопнуло. Прослушавъ однажды, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, дѣлныя лексиконъ бранихъ словъ, не возражая ни слова, онъ вдругъ вскочилъ, схватилъ жену за руку и вытащилъ на дворъ.

Время было вечернее. Далекое лазуревое небо было усыяно мириадами яркихъ звѣздъ.

— Жена, угомонись. Чѣмъ ругаться и проклинать, посмотри лучше на это небо, сказалъ раби Шая своей женѣ, поднявъ указательный палецъ къ небу.

Жена тревожно взвела свои испуганные глаза, ожидая узрѣть какое нибудь знаменіе свыше.

— Ну, что, жена, видишь?

— Я ничего не вижу

— Смотри хорошенько. Что ты тамъ видишь?

— Небо вижу.

— А еще что?

— Больше ничего.

— А звѣзды ты видишь?

— Ну, да.

— А много ихъ, этихъ звѣздъ?

— Считаю, если хочешь! разошлась жена, вырывая свою руку.

— Постой, выслушай, жена, что я тебѣ скажу. Сколько звѣздъ на небѣ, столько-же разъ чортъ тебя возьми! Теперь, моя голубка, воркуй сколько угодно. Во всю жизнь твою, проклиная меня день и ночь, ты не поквитаешься со мною!

Какъ Раби Шая къ неугомонной женѣ своей, такъ и я обращаюсь къ вамъ, ожесточенные порицатели мои, только гораздо вѣжливѣе. Я говорю вамъ: „Господа, сколько звѣздъ на небѣ, столько разъ—я, молча, преклоняюсь предъ вашимъ мудрымъ приговоромъ...“

Г. Вогровъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПЛЕЩЕЕВА.

I.

СТАРИКИ.

Вотъ и опять мы, какъ въ прежніе годы,
Старый товарищъ, бесѣду ведемъ;
И прожитыя когда-то невзгоды,
Смутнымъ какимъ-то намъ кажутся сномъ.

Сколько мы лѣтъ не видались съ тобою,
Сколько воды съ той поры утекло!
Старость, подеравшись къ намъ тихой стопою,
Избороздила обонмъ чело.

Пламень горѣвшій въ глазахъ потушила,
Снѣгомъ обсыпала волосы намъ.
Гдѣ наша бодрость, отвага и сила?
Видно, онѣ не подѣ стать сѣдинамъ!

Помнишь, товарищъ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядѣли тогда,
Жали съ улыбкой другъ другу мы руки,
Грозная насъ не страшила бѣда.

Мы говорили другъ другу прощаясь:
Скоро желанное время придетъ;
Сбудется все, что толпа издѣваясь,
Бредомъ, нелѣпнымъ мечтаньемъ зоветъ.

Вѣруя въ силу свободного слова,
Думали мы, что могучая рать

Ринуться въ битву съ неправдой готова,
Стоило только ему прозвучать.

Что-же ты вдругъ покачалъ головою?
Что улынулись такъ горько уста?
Молодость насъ обманула съ тобою, —
Совѣсть за то у обонякъ чиста.

Вѣдны мы оба, въ потертой одеждѣ,
Много отъ насъ отшатнулось друзей.
Пусть ихъ! Но сердце въ насъ бьется какъ прежде,
Вѣрой горячей въ добро и людей.

Пылъ нетерпѣнья давно охладилъ,
Свергли не мало кумировъ — года;
Но и кумирамъ толпы не кадили,
Въ чаянныя блага мы земныхъ никогда.

Съ пѣной у рта не бросали каменья
Въ юность кипучую, если полна
Гордой отваги, въ пылу увлеченья,
Насъ за ошибки корила она.

Все-же мы знаемъ: какъ время настанетъ
Намъ отъ житейскихъ тревогъ отдохнуть,
Лихомъ она стариковъ не помянетъ,
Скажетъ: «они пролагали намъ путь».

Конченъ нашъ путь! Мы разбиты и хилы!
Намъ остается смотрѣть въ сторонѣ,
Какъ нарождаются новыя силы,
Какъ на борьбу выступаютъ онѣ;

Да вспоминая прожитые годы
Въ сердцѣ, суровое небо молить,
Чтобъ миновали всѣ наши невзгоды
Тѣхъ, кто приходитъ отжившихъ смѣнять.

II.

Теплый день весенній.
Солнышко блеститъ,
Птичка заливаясь,
Въ поле всѣхъ манитъ.

Улицы, бульвары,
Запрудили народъ.
Пестрыми толпами
За городъ идти.

Праздничныя лица
Радостно глядятъ,
Рѣдко, рѣдко встрѣтишь
Невеселый взглядъ.

Словно всѣмъ живется
Такъ легко, что нѣтъ
У толпы нарядной
Ни заботъ ни бѣдъ.

Только мнѣ съ тоскою
Справиться не вмогъ,
Какъ ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Гдѣ-бъ я ни былъ, — всюду
Шепчетъ мнѣ она:
— А твоя на вѣки
Отцвѣла весна!

Зашумитъ ли въ рощѣ
Яркая листва,
Мнѣ и въ этомъ шумѣ
Слышатся слова:

„Нечего отъ жизни
Ждать тебѣ. Твой путь
Пройденъ; — не пора ли
Навсегда уснуть?“

„И когда сойдешь ты
Въ землю, — надъ тобой,
Зеленѣть мы будемъ
Каждою весной!“

А. Плещеевъ.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО ЖИТЬЯ.

I. Мирской учетъ.

Максимъ Ареѣвичъ Ознобинъ, собираясь вывозить изъ тайги гѣсъ, заготовленный съ весны на срубъ для амбара, сколачивалъ на дворѣ дровни, когда пріѣхавшій изъ волости сотникъ сообщилъ ему, что онъ избранъ обществомъ въ учетчики и долженъ явиться въ волость. При взглядѣ на Максима Ареѣвича, ему никто не дасть-бы болѣе пятидесяти лѣтъ: до того онъ былъ бодръ и свѣжъ на видъ, хотя ему давно было за семьдесятъ. Темнорусые волосы на головѣ не имѣли ни одной сѣдины и подстриженные спереди въ скобку обрамляли прямой, широкой лобъ, прорѣзанный крупной морщиной, нависавшей надъ бровями, когда онъ задумывался. Лицо его было одно изъ тѣхъ, какія не часто встрѣчаются въ живани. Особеннаго въ немъ ничего не было, но всмотрѣвшись пристальнѣе, вы замѣчали подъ наружною грубостью душевную теплоту и спокойную ясность, выражающія лучше словъ и дѣйствій нравственную жизнь человѣка. Въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ нѣсколько изъ подлобья, проглядывала иронія и вмѣстѣ сосредоточенность мыслящаго человѣка. Онъ былъ несловоохотливъ, угрюмъ, но когда говорилъ, то рѣчь его была тиха, обдуманна и выказывала опытный, наблюдательный умъ, спокойно взвѣшивающій каждое явленіе прежде, чѣмъ произнести объ немъ рѣшительное слово. Онъ былъ не общителенъ и точно сторонился отъ людей. Соберутся бывало однопоросенцы его въ праздничный день около какой нибудь избы, кликнутъ и Максима Ареѣвича примкнуть къ бесѣдѣ

ихъ, но молча махнетъ онъ рукой вмѣсто отвѣта и примется за работу. А работу онъ всегда находилъ себѣ и не вѣрилъ, чтобъ у человѣка не могло найдтись дѣла. Только неумолимымъ трудомъ онъ и не допускалъ нужды въ избѣ своей. Не любилъ онъ вмѣшиваться въ дѣла и въ жизнь сосѣдей и давать совѣты прибѣгающимъ за ними, говоря „что свой умъ въ головѣ лучшей совѣтчикъ, а у кого нѣтъ его, тому чужой не поможетъ!“ Не любилъ выслушивать толки и пересуды крестьянъ другъ про друга, на которые такъ-же падеи обитатели утлыхъ, убогихъ деревенекъ, какъ и шумныхъ столицъ и городовъ. По волости знали его за человѣка глубоко честнаго, добраго, хотя уклончиваго. Но уклончивости въ немъ, собственно говоря, не было, и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ, онъ всегда приходилъ на сходы и молча выслушивалъ всѣ толки, особенно же толки крикуновъ, которыми одинаково изобилуютъ всѣ слои общества. Онъ никогда не возвышалъ противъ нихъ своего голоса, зная по опыту, что мнѣнія подобныхъ людей лопаются какъ мыльные пузыри отъ столкновения съ дѣйствительностью. Иногда и онъ высказывалъ свое мнѣніе, и многимъ приходилось оно по душѣ, по ясному пониманію дѣла, изощреннаго опытнымъ и наблюдательнымъ умомъ.

Извѣстіе о выборѣ въ учетчики было не совсѣмъ пріятно для Максима Ареѣвича. Кромѣ того, что это отвлекало отъ хозяйства, онъ зналъ съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, и заранѣе былъ увѣренъ въ неблагопріятномъ исходѣ его.. Но все таки въ тотъ же день, прибравшись по домашности, уѣхалъ вмѣстѣ съ сотникомъ въ село Бог.....ъ, гдѣ находилось волостное правленіе.

Учетчики избираются крестьянами при вступленіи на службу вновь избранныхъ волостныхъ начальниковъ и при смѣнѣ выслужившихъ сроки. Учетчики, какъ и волостные начальники, приводятся къ присягѣ, прежде, чѣмъ приступить къ своей обязанности учета правильнаго сбора податей и денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ съ крестьянъ. Въ учетчики всегда избираются крестьянами люди испытанной честности, но не всегда грамотные, и не смотря на это послѣднее обстоятельство, учеты производятся до мельчайшихъ подробностей. Путемъ соображенія при подушномъ раскладѣ они высчитываютъ съ такою вѣрностью не только восьмьи, но и шестнадцатыя доли копейекъ, какой по-завидовалъ-бы любой контрольный или интендантскій чиновникъ. Ни одинъ учетъ не обходится безъ открытія крупныхъ злоупотребленій и начетовъ на волостныхъ начальниковъ, но въ большинствѣ случаевъ они проходятъ для нихъ безнаказанно и падаютъ всею своею тяжестью на тѣхъ-же крестьянъ.

За долго до смѣны выслужившихъ срокъ волостныхъ начальниковъ Бог...ой волости раздавался ропотъ на тяжесть поборовъ и злоупотребленія собираемыми суммами. Волостной голова Акинфъ Васильчъ Сабининъ пользовался хорошей репутаціей, но будучи человѣкомъ болѣзненнымъ и недалекимъ, онъ не понималъ своего назначенія, не вникалъ въ дѣла и не рѣдко по мѣсяцу не показывался въ волость, которой управлялъ засѣдатель по хозяйственной части, Николай Семенчъ Харламовъ. Болѣе всего смущало крестьянъ и наводило на мысль о злоупотребленіяхъ, что Николай Семенчъ, человѣкъ болѣе, чѣмъ бѣдный, со времени выбора его въ хозяйственные засѣдатели сталъ быстро поправляться. Сначала онъ прикупилъ лошадей, потомъ подъ предлогомъ, что служба отнимаетъ много времени и хозяйство приходить въ упадокъ, нанялъ двухъ работниковъ и увеличилъ запашку хлѣба. Затѣмъ и въба его показалась ему мала и черезъ годъ наемными рабочими онъ выстроилъ чистенькій домикъ съ обширными амбарами. „Растетъ Семенчъ не по днямъ, а по часамъ!“ шептали, покачивая головами крестьяне, но откуда брался ростъ у Семенча, для многихъ все еще оставалось загадкой. Какъ человѣкъ, онъ былъ ласковъ и уступчивъ; собирая подати, не прибѣгалъ къ насиліямъ, и терпѣливо ожидалъ, когда недоимщики справятся съ деньгами и сами внесутъ ее. А чаще всего за бѣдныхъ и случайно подвергшихся несчастіямъ крестьянъ онъ вносилъ свои деньги. Подобные должники расплачивались съ нимъ по частямъ хлѣбомъ, льномъ, лыкомъ, кедровымъ орѣхомъ или зарабатывали ему свой долгъ. Вставши въ болѣе близкія отношенія къ нему, они, хотя и замѣчали за нимъ кое что, но изъ чувства благодарности и зависимости должны были молчать. Догадывались объ источникахъ его обогащенія и тѣ изъ крестьянъ, которые были побогаче и не имѣли съ нимъ обязательныхъ отношеній, но тоже молчали, зная, что онъ былъ нужный для нихъ человѣкъ. Николай Семенчъ умѣлъ жить съ ними, потакая ихъ произволу относительно бѣдняковъ. Онъ впрочемъ со всѣми умѣлъ жить, зная людей и быстро подмѣчая слабыя струны каждаго и обходя все, что могло раздражать и вызвать неудовольствіе. Благодаря этому такту, онъ такъ обстановилъ себя, что и неодобрительные отзывы про его дѣятельность раздавались не иначе, какъ шопотомъ. Его боялись, несмотря на видимую уживчивость, тихій нравъ и мягкую до приторности наружность. Живые каріе глазки его всегда такъ лукаво ласкали, пѣвучій голосокъ приятно щекоталъ слухъ и казалось вкрадывался въ душу; небольшое круглое лицо съ острымъ вздернутымъ носомъ и пухлыми румя-

ними губами, обрамленными черною бородкой и усами, привлекало своей миловидностью, а въ особенности характерною улыбкой, выражавшей не то иронію, не то внутреннее довольство собой. Отъ этой улыбки и пѣвучаго ласкающаго голоса люди, знавшіе его ближе, всегда чувствовали инстинктивную робость и стѣсненіе. Убавлявъ своею предупредительною услужливостію умъ и волю волостнаго головы, онъ постепенно отстранилъ его отъ дѣлъ, и осторожно прослѣдивъ всѣ дѣйствія волостнаго писаря, поставилъ его въ безвыходную зависимость отъ себя.

Игнатій Петровичъ Коробовъ, допущенный въ волостныя писаря изъ ссыльно-поселенцевъ, по первымъ приѣмамъ его догадался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и послѣ непродолжительнаго объясненія, происшедшаго между ними на первыхъ же порахъ, они поняли другъ друга, и превратились въ загадочныхъ друзей. Съ этого времени и начались по волости небывалые прежде поборы, порождавшіе даже въ легковѣрныхъ умахъ сомнѣніе въ законности и необходимости ихъ.

Быстро прошло трехлѣтіе, быстро оперился и Николай Семеновичъ, превратившійся изъ бѣднаго человѣка въ зажиточнаго. Онъ замѣтно пополнилъ и солиднѣе обложился подбородокъ его пушистой окладистой бородкой. Голосъ, сохранивъ все тотъ-же пѣвучій тонъ, приобрѣлъ увѣренность, свойственную людямъ, сознающимъ свое финансовое или бюрократическое превосходство. Знакомство онъ повелъ съ людьми зажиточными, принимая только ихъ въ своихъ чистыхъ горницахъ. Бѣдняка-же, обращающіеся къ нему съ просьбами, нерѣдко по часу, по два ожидали его на дворѣ или въ черной жилой избѣ. Около дома его, съ рѣзными воротами и подьоконниками, останавливались и повозки заѣзжавшихъ къ нему въ гости купцовъ. Привыкъ онъ и къ незнакомымъ ему до того удобствамъ жизни: и къ чаю и къ тележкѣ съ кованными окрашенными колесами на длинныхъ дрожинахъ. Въ разговорахъ онъ приобрѣлъ привычку многозначительно задумываться, заложивъ пальцы рукъ за алыі кумачный кушакъ, тянуть слова и слова не протыка, а все болѣе отборныя, неслыханныя „ревонтъ“, „атшлифовка“, „пальтурный человѣкъ“, „фартубликація“ и т. п. И дивились, слушая его, простодушные крестьяне, откуда у Семеновича столько ума вдругъ вышло? Выросъ за это время и у Игнатія Петровича на концѣ села домикъ съ антресолями на выточенныхъ колонкахъ, и взялъ онъ на себя подрядъ отъ крестьянъ села Бог.....го содержать земскую квартиру для пріѣзжающихъ властей. И полюбили его власти, потому что нигдѣ такъ нишно не возбывались для нихъ чуховки, нигдѣ не цекли такихъ сочныхъ и вкусныхъ рыбныхъ

вроговъ, не жарили такъ мастерски цыплятъ, какъ у Игнатія Петровича. И въ какую-бы пору ни прїѣзжали исправникъ или засѣдатель у Игнатія Петровича всегда находилса^д для дорогихъ гостей и Ямайскій ромъ и густыя домашнія наливки, а въ частую и бутылочка, другая шампанскаго. Кромѣ хлѣбосолюства, исправника привлекали къ нему черныя глазки и свѣжія пухленькія щечки его дочери. Игнатій же Петровичъ былъ такъ преданъ начальству, что не имѣлъ отъ него ничего завѣтнаго. Неменьшимъ расположеніемъ властей пользовался и Николай Семенычъ. Исправникъ объѣзжалъ волость не иначе, какъ въ сопровожденіи его и постоянно въ одномъ тарантасѣ съ нимъ, что еще болѣе скрывало возникавшій противъ него ропотъ крестьянъ. На сельскихъ сходахъ исправникъ постоянно высказывалъ крестьянамъ мысль объ избраніи Николая Семеныча головой. И дѣйствительно, передъ выборами по деревнямъ, сильныя своимъ вліяніемъ богачи подстрекали крестьянъ на выборъ Николая Семеновича, такъ что выборы долго колебались между имъ и другимъ кандидатомъ, Автономъ Аверьяновичемъ Бобовымъ. Но сверхъ всякаго ожиданія, приниженная и задавленная бѣдность подняла на этомъ сходѣ громкій ропотъ о злоупотребленіяхъ, и головой былъ избранъ Бобовъ.

Подобный оборотъ выборовъ засталъ Николая Семеныча и Игнатія Петровича въ располхъ, неподготовленными къ смѣнѣ и учету. Неодобрительно взглянуло на исходъ выборовъ и земское начальство, но воспрепятствовать утвержденію вновь избранныхъ волостныхъ начальниковъ не могло, безъ особенно уважительныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что избранный голова слылъ за человека умнаго и не замаравшаго себя никакими предосудительными поступками.

Настали тяжелые дни для Николая Семеныча и Игнатія Петровича, который дни и ночи провѣрять и перебѣливалъ черновыя денежныя книги и тетради, составлялъ изъ нихъ выписки и вѣдомости. Николай Семенычъ безвыѣздно жилъ въ волости, забывъ о домѣ и хозяйствѣ. Нерѣдко, вдвоемъ, запершись наглухо, они совѣтовались между собой, и Николай Семенычъ заичалъ, что, въ присутствіи новыхъ волостныхъ начальниковъ, Игнатій Петровичъ постепенно охладѣвалъ къ нему, и изъподъ тѣшка наводилъ ихъ на слѣды злоупотребленій. Черезъ мѣсяць послѣ выборовъ, изъ губернскаго правленія былъ присланъ указъ объ утвержденіи въ должностяхъ избранныхъ волостныхъ начальниковъ и о приводѣ ихъ къ присягѣ. Но прежде, чѣмъ вступить въ должности и принять денежныя документы и суммы, новый голова собралъ сходъ для выбора учетчиковъ и об-

щій голосъ крестьянъ палъ, какъ мы видѣли, на Максима Ареѣвича.

— И чего-бы усчитывать-то! раздраженно говорилъ Николай Семенычъ, пришедшій въ Максиму Ареѣвичу, не успѣвшему еще обогрѣться съ дороги по приѣздѣ въ Бог...ъ. — Дѣла свѣтлыя солнца, безъ хвастни сказать, такъ нѣтъ, усчитывать кричать надоть! Что-жь, и усчитывайте, говорю, коли вѣры нѣтъ, не сами мы волостными сѣли, вы-жь, говорю, общественники, выбрали! Ахъ! да грѣхи одни обсказывать-то! заключилъ онъ, махнувъ рукой, и быстро, но пристально окинулъ взглядомъ Максима Ареѣвича, сидѣвшаго напротивъ его у печи, какъ-бы желая уловить впечатлѣнiе, произведенное на него рѣчью.

— Порядокъ-то одинъ вѣдь, не тебя перваго, всѣхъ усчитываютъ!... отвѣтилъ Максимъ Ареѣвичъ, облокотившись руками на колѣни и глядя въ полъ.

— Считаю! Да до времени, говорю, не порочь человека—вотъ что!

— А развѣ несутъ на тебя?

— Послушай-ко, чего поить-то?.. Плутъ изъ плутовъ сталъ. Вона до какой чести дожилъ за мое-то радѣнье! Да пошли имъ Господи за ихнее-то спасибо!..

— Диво, что безпричинно-то это?

— Кабы причина была, душа бы не болѣла, Орефѣвичъ! звалъ-бы, что за грѣхъ отвѣтъ несутъ!..

— И не убивайся до время, коли совѣсть чиста!..

Николай Семенычъ пристально посмотрѣлъ на него и на губахъ его мелькнула неуловимая улыбка.

— И въ самомъ дѣлѣ, ты въ правду говоришь, снова началъ онъ послѣ минутной паузы:—и то, не съ чего убиваться-то! Бѣдко только, говорю, что за мою-то добродѣтель зная отплата! Спроси-ко теперь по волости, кто бѣдность-то въ нужѣ выручалъ—я! У инаго-бы за подушную-то послѣдню лошадь, аль корову съ двора свели, а свелъ ли у кого я? Никто не скажетъ! Бывало послѣдни свои деньги внесешь, только-бъ не зорить! И теperича за кого кровь-то свою сочилъ—на тебя-же орутъ, за добро-то мое! Развѣ это не бѣдко, Орефѣвичъ?

— Бѣдко-то, бѣдко... да чего-жь дѣлать, стерни!..

— Не легко терпѣть-то оно! Не мон-бы годы, а нѣда слеза бьетъ!

— Увидать, неправду несутъ, и образумятся, имъ-же стыдѣтъ!..

— Радъ вотъ я, что ты въ учетчики-то попалъ. Ты не то, что другіе, ты обсудишь! Теперя, къ слову сказать, и въ самомъ дѣлѣ, коли гдѣ недочетъ—вѣдь неграмотное дѣло-то, кажную-то копѣйку въ памяти не удержишь! Посуди ты, чѣмъ я-то повиненъ! Я и самъ человѣкъ подначальный былъ! Голова, что прикажетъ бывало, то и дѣлалъ, ты и спрашивай съ головы! А по-вѣтъ, вишь, что голова-то только зналъ пролежни на бокахъ рогать, а волостью-то ты, говорить, управлялъ, порядки-то всякіе велъ!..

— Оно и въ правду вѣдь, Николай Семенычъ, чего-жъ таяться-то?.. спросилъ его Максимъ Аребычъ, послѣ короткаго раздумья.

— Не отступсуй! Да вѣдь я про то говорю, что еслибъ и ты былъ въ подначалѣ у кого, и сказали-бы тебѣ: энто ты вотъ такъ сдѣлай, а энто этакъ, кто-жъ долженъ по твоему въ отвѣтъ быть, расуди!..

— По моему-то? не погнѣви, на мой-бы умъ тотъ, кто дѣлалъ!..

— А съ какого-жъ бы резенту?

— Коли неправду какую тебѣ наказываютъ — отшатнись, на мой умъ, не прймай и грѣха на душу!

— А опосля-бъ того, за непокорство къ суду иди?

— И иди!.. Коли ты съ чистой совѣстью, нигдѣ не пропадешь, а все твоя правда сыщется, свѣчей загорить!

— Вонъ оно какъ по твоему-то! Ну, а какъ теперича, ты вотъ это дѣло расудишь? — Скажу не таясь, есть у насъ недочетъ. Еще лонского году какъ-то исправникъ наказалъ справить дорогу въ Со... но, Акинфъ-то Василичъ съ горяча тогда и оповѣстилъ: вашъ, говорить, участокъ! ¹ правьте!.. Ну Со... цы-то и приговорили въ то время наймомъ выправить, и деньги собрали, и приговоръ на это есь! Ладно. — Храню эти деньги, при общей поправкѣ, думаю, приложу и ихъ: за одно ужъ труситься-то! Только и придишь намъ вносить подать, а мы въ тѣ поры, какъ на грѣхъ, много не добрали. Акинфъ-то Василичъ и говоритъ: «взрощетъ начальство, что мало собрали, приложъ-ко, говорить, къ ней и энти деньги, все, говорить, повиднѣй будетъ, а опосля, говорить, какъ ни есть обернемся!» Я и приложу по

¹ Исправленіе дорогъ въ Сибири составляетъ одну изъ натуральныхъ повинностей крестьянъ. По общему размежеванію, производимому крестьянскими обществами — дорога распределяется участками по деревнямъ и потомъ вполнѣнно распределяется на каждую душу въ семьѣ. Иногда крестьяне сами выѣзжаютъ на поправку своихъ участковъ. Чаще-же, по общему согласію, исправляютъ ихъ подрядомъ, собирая подряченную на раскладу суму, по сколько причитается по раскладѣ съ каждой души.

это-то слову, а онъ теперь въ отпоръ: «какъ, говорятъ, такіе деньги, я и не помню!» Ну кто-жъ повиненъ то, что такая совѣсть у человѣка, а?..

— Ты!..

— Все я... ахъ путай-тѣ грѣхъ!

— Ты! снова повторилъ Максимъ Ареѣвичъ:—и сонца-бы чище у человѣка совѣсть была, а все этихъ дѣловъ глазъ на глазъ не дѣлай, не ровень случай!

— Что-жъ, завсе свидѣтелей что-ль?

— Очищать себя грѣха нѣтъ, Николай Семенычъ... особливо, въ крестьянской копѣйкѣ! Крестьянская-то копѣйка — та-же кровь!

— Ахъ! тогда-бы вотъ экую-то науку, а теперь ужъ поздно!..

— Поздно, Николай Семенычъ, поздно!.. Малъ-бы нашто ты сталъ собирать съ мира деньги, а голова-бы тебѣ насакала туды ихъ приложь, да въ ино мѣсто прикинъ, а ты-бы и клади да прикладывай! На что-жъ ты послѣ этого хозяиномъ-то по волости былъ выбранъ? Дѣло-то головы порядокъ блюсти, а твое—счетъ охранять, что свою душу, мирскую-то копѣйку!

— А-а-ахъ, грѣхъ! накупаешься никакъ за чужіе-то грѣха... накупаешься!

— Глубокой колодець мирская-то казна, Николай Семенычъ:—не ты одинъ въ немъ выкупался, всѣ до чиста моются, черпаютъ да попиваютъ изъ него—только не уставай мужикъ подливать!..

— Мнѣ-то бы къ чему этикія-то слова? спросилъ весь всплывшій Николай Семенычъ.

— Съ проста... къ слову подошло!

— Миръ-то говорить, что твое-то слово, какъ ни жуи, а все не проглотить! не изъ тѣхъ ты, что съ проста-то звонять?..

— Всѣ мы одного куста вѣтки, подъ однимъ дождемъ живемъ!

Николай Семенычъ замолчалъ и обвелъ глазами вокругъ чисто выбѣленныхъ стѣнъ, украшенныхъ лубочными гравюрами.

— Такъ какъ ты мнѣ посовѣтуешь? снова обратился онъ къ Максиму Ареѣвичу.

— Старъ я, мнѣ-ли совѣты давать! отрывисто отвѣтилъ Максимъ голосомъ, въ которомъ слышалось раздраженіе.

— У старика-то и спрашивать. Старый-то умъ ядреный, что вѣковая сосна! заигрывающимъ голосомъ продолжалъ Николай Семенычъ.

— И сосныкъ-то новѣ... ска-азалъ-бы я тебѣ!..

— Что-жъ?

— Смолчу!

— По душѣ коли, говори. Я люблю, когда по душевному-то!..

— Любишь, такъ таять не буду. Соснякъ-то конѣ, говорю, скороспѣлка пошолъ! Стары-то сосны сперва въ землю глѣбже корни пустять, да опосля ужь вверху и тянутся—ну и врѣзки были! А конѣшни-то...

— И въ правду соснякъ конѣ пошолъ не старому чета, по-проще ровно, и иглой-то помягше, зря не волеть! Это вотъ ину пору пораздумаешься, ты къ иному съ добромъ, а тебѣ все на зло, все-то на зло! Есть вотъ... у меня, такъ-бы сказать, конекъ... мнѣ-то бы совсѣмъ онъ не ко двору, а подарил-бы я тебѣ — ну чего-бъ ты подумалъ про меня! и—ни ни вѣсть бы что поди—ей Богу!

Максимъ Ареѣвичъ съ минуту сидѣлъ молча и наконецъ, улыбнувшись, покачалъ головой. Николай Семенычъ наблюдалъ за нимъ съ самымъ наивно-добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Оно-бы и подумалъ, произнесъ, послѣ короткаго раздумья, Максимъ Ареѣвичъ: — съ какой-бы это прибыли ты расходоватьсѣ сталъ на дары-то мнѣ?

— Вижу, что бѣдное дѣло—для че не помочь?... другъ бы о другѣ, а Богъ за всѣхъ!..

— Нешто я жаловался тебѣ, что бѣденъ?

— Слыкалъ отъ другихъ!

— А-а-а!.. вотъ ты какой доброй, пошли тебѣ Господи... Ты чего-жъ это, Николай Семенычъ, спрошу я, бѣднымъ-то на дары расходуешься?

Николай Семеновичъ смѣшался, и незамѣтно отвелъ глаза въ сторону.

— Худая слава про меня, Максимъ Ореѣвичъ, идетъ, съ грустью заговорилъ онъ: — только напрасливая, не таковскій я! я каждому-бы готовъ... коли человекъ по душѣ мнѣ... ты вотъ мнѣ теперь... что отецъ сыну, завсегда-бы я тебѣ, ей Богу...

— Скоро-же ты облюбилъ меня!

— Человека-то съ разу видать каковъ онъ... душа-то какова!

— Правда твоя, Николай Семенычъ! другой все наровить, какъ бы людей одурачить, а того и не примѣтитъ, что самъ себя дурачить. Не люби мнѣ твои рѣчи, не погнѣви! Молодъ ты еще, не по вѣсамъ гири-то выбралъ...

— Что-жъ я по твоимъ-то рѣчамъ, скажи не таисъ?.. ба-ахвалъ, аль што?..

— Охота пришла знать — скажу, что невздашныне-то хлѣбы за все мягки на видѣ!

Т. ССVIII. — Отд. I.

23

— Не выпекли, стало быть! ну допечете, жару-то въ васъ не занимать!.. Съ чего-жъ бы мнѣ предъ тобой извороты то эти дѣлать? Аль что учетчикъ-то?.. такъ я бы это, боюсь... а-а-ахъ ха-а!..

— Боишься, Николай Семеничъ! Ну зачѣмъ ты ко мнѣ прибѣжалъ, а?.. Съ роду мы другъ друга не знали, а ты съ вѣтру увидалъ человѣка — ужъ воня даришь! Опомнись, темная душа твоя, не докуда кривыми-то путями ходить! Стучить въ тебѣ совѣсть-то, что молотъ въ кузнѣ — вотъ ты и не знаешь куда кинуться отъ нея. Уйди какъ лучше!

— Не засижусь, не бойся... Уйду! помни-же, хваленая честь! помни, что скороспѣлыя-то сосенки только гнутся отъ вѣтра, а ядренныя-то п съ корнемъ вылетаютъ!

Наканунѣ дня, назначеннаго для учета, село Бог... одушевилось. Учеты всегда производится при полномъ составѣ общества или не менѣе двухъ третей его, и продолжаются по нѣскольку дней. Часто они бываютъ весьма бурны. Накипающее у крестьянъ неудовольствіе на волостныхъ начальниковъ на ихъ произволъ, несправедливость, взяточничество и воровство кровныхъ мирскихъ рублей выливается массою попрековъ и насмѣшекъ надъ ними. Много происходитъ и трогающихъ за душу сценъ. Въ день учета волостное правленіе приняло праздничный видъ. Въ немъ съ утра было накурено мозжевельникомъ. Въ передней половинѣ присутственной комнаты, отдѣленной рѣшеткой для помѣщенія членовъ и канцеларіи, стоялъ аналой, приготовленный для приведенія къ присягѣ новыхъ волостныхъ начальниковъ и учетчиковъ. Около него стоялъ на скамьѣ баулъ съ замками и печатами, въ которомъ хранились приготовленныя къ повѣркѣ и сдачѣ суммы. И присутственная комната я двѣ смежныхъ съ нею были полны народа, но въ толпахъ не слышалось ни шумнаго говора, ни смѣха. Не меньшая торжественность проглядывала и въ наружности и костюмахъ новыхъ волостныхъ начальниковъ. Голова, плотный приземистый человѣкъ, съ широкою падашею на грудь бородою, одѣтъ былъ въ зипунъ тонкаго чернаго сукна; отъ высокихъ сапогъ его припахивало дегтемъ, смѣшаннымъ съ рыбьимъ жиромъ; волосы на головѣ намазаны были коровьимъ масломъ, отъ котораго лоснился и лобъ. Прилично случаю, лицо его было серьезно, хотя въ обыденной жизни онъ былъ весьма веселый человѣкъ. Сидя около широкаго письменнаго стола, онъ въ полголоса бесѣдовалъ съ Акинфомъ Васильичемъ. Рядомъ съ ними, писарь, съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, распечатывалъ пакеты и помѣчалъ вновь вступившія бумаги.

У окна, за аналоемъ, стоялъ Максимъ Ареѣвичъ съ новыми засѣдателями по хозяйственной и полицейской части, которые, также какъ и голова, были въ новыхъ зипунахъ, и наканунѣ вступленія въ должность сходили въ баню. Николай Семеновъ, съ ранняго утра пришедшій въ волость, сидѣлъ около баула поодаль отъ всѣхъ. Онъ также щеголевато одѣлся въ бешметъ, опухнувшій бѣлой мерлушкой, и съ любопытствомъ наблюдалъ за тихо волнующею толпой. Послѣ привода къ присягѣ, по уходѣ священника, члены расчистали баулъ и приступили къ поворѣжкѣ денегъ. Толпа заволнчалась и налегла на рѣшетку. Въ заднихъ рядахъ ея становились на носки, упиралась въ плечи и головы переднихъ, наблюдая за толстыми пачками пересчитываемыхъ ассигнацій. „У-у-ухъ денегъ-то!“ невольно выривалось у много.

— Побойчѣе, Трофимъ Митричъ, считай! не мусли деньги-то: казенно добро смочишь, что проку! съ ироніей произнесъ стоявшій у рѣшетки, опершись на нее всею грудью, старикъ, обращаясь къ новому хозяйственному засѣдателю.

— Не навмытъ еще, отвѣтилъ онъ: — не просчитаться бѣ, думамъ!

— Приплатяшь! не бѣдное дѣло!

— Съ перваго-то дня, другъ, платиться учнешь — скажется...

— Ничего, Богъ дастъ поправишься, должность доходная! Кругомъ прокатился смѣхъ.

— Не обходился еще! съ изнова-то всѣ они, какъ молоденцы малые, оцупью около денегъ-то бродятъ! пронеслось въ толпѣ.

— И послужить-то не дали, а ужъ укорили! обидчиво отвѣтилъ новый засѣдатель, кладя на столъ отсчитанную пачку: — не изъ тѣхъ я, что бы миръ распоясывалъ свои карманы на мой обзаводъ!

— Оно, давай-бы Богъ, Трофимъ Митричъ! да вишь... миръ-то изъ вѣры вышелъ! говорить, что съ изнова-то вы всѣ одну пѣсеньку поете. Вотъ и за тебя опаска беретъ, что ты казенныя бумажки муслишь. По мирской молвѣ, худая это примѣта...

— А чтожь-бы?

— Къ пальцамъ-бы, говорить, не стали прилипать...

Въ толпѣ снова раздался смѣхъ.

— Не во гнѣвъ его милости, Николаю-то Семенову, сказать, продолжалъ между тѣмъ старикъ: — съ первоначалу-то, помнится, и-и съ какой оглядкой къ казеннымъ-то бумажкамъ касался, а опосля и пообвыкъ! Извѣстно, что индѣ и карманы веремѣшать: гдѣ бы надо въ казенный опустить, а онъ все въ свой да въ свой!

*

— Свой-то ближе! крикнули изъ толпы: — а въ казенный сколь ни вали, все, какъ худую плотину, прорываешь, да прорываешь...

— Про то и говорю, а на бумажкахъ-то не написано, которая своя, которая казенная, а долго-ль смѣшаться, особливо неграмотному! Гдѣ-бы на свою лошадохъ прикупить, аль къ дому чего пристроить, а онъ, все, по ошибкѣ, на казенну, да на казенну! ты ужь, Трофимъ Митричь, Богъ дастъ пообслужишься, такъ коли въ суматохѣ когда доведется тебѣ въ свой карманъ казенну бумажку опустить, такъ уголькомъ помѣть ее — пра-аво!.. А то, храни Богъ, и ты учнешь смѣшивать, какъ Николай Семенычъ!

— Уваръ Прокопичъ! а ты видалъ, какъ я казенны бумажки съ своими мѣшалъ? угрюмо спросилъ его задѣтый за живое Николай Семенычъ.

— Дѣла-то эти въ потьмахъ дѣются, Николай Семенычъ! какъ ты увидишь ихъ? а что худыя страшки завсе о горячіе горшки руки обжигаютъ—это видывалъ, не потаю!..

Дружный взрывъ хохота снова прервалъ рѣчь Увара Прокопича, на лицѣ котораго играла иронія и вмѣстѣ наивное дѣтское лукавство, придававшее и самой ироніи его добродушный оттѣнокъ. Говорилъ онъ тихо; но все-таки каждое слово его долетало въ смежныя комнаты, откуда видѣлись вытягивающіяся головы, чтобы послушать. Замѣтно было, что каждое слово его было эхомъ затаенной думы всѣхъ. Уваръ Прокопичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда игралъ роль запѣвалца и, завершивъ свое дѣло, мирно удалялся.

— Вотъ Николай-то Семенычъ, говорю, продолжалъ старикъ: — нагрѣлъ ручки-то около мирского-то горшка, ну ногѣ онѣ и побиваются холодку-то! И заморозковъ нѣтъ, а онъ ужь рукавички надѣлъ! А нашъ братъ мужикъ и въ морозъ только въ пальцы дуетъ... А-а-ахъ ма! бѣда простотой родится! Ты гдѣ это, Николай Семенычъ, рукавички-то покупалъ?... спросилъ онъ, указавъ на окно, гдѣ съ краю лежала смушковая шапка бывшаго засѣдателя и замшевыя рукавички, разшитыя цвѣтною шерстью.

— А ты не купить-ли хошь?... съ злою улыбкой спросилъ его Николай Семенычъ.

— Ужо... неравно засѣдателемъ миръ-то выбрать, такъ запасть-бы! Теперя-то пока еще моволи руки грѣютъ, а на тепломъ мѣстѣ гляди и поопадуть!

— Къ чему ты мнѣ всѣ эти рѣчи загибаешь? спросилъ по-

блѣднѣвшій Николай Семенычъ, когда въ толпѣ замеръ раздававшійся смѣхъ.

— Отгани-ко вотъ, съ какой начинкой сноха про деверя пироги гнетъ?

Въ толпѣ снова прокатился смѣхъ, заразившій даже и членовъ.

— Ой... не рано-ли печь-то принялся ихъ! обождаль-бы!

— Поспѣли—такъ чего ждать! рѣжь, да ѣшь на добро здоровье!.. Аль не по зубамъ?.. Иду я, братцы, какъ-то нонѣ, да и глянь ненарокомъ на домъ-то Николая Семеныча, да съ простоты-то и не остерегся! гляжу—ахъ ты напасть! шапки-то на зашивѣ какъ вѣкъ не бывало! Ну и высь!.. ай и домина! Дай, думаю, спрошу Николая Семеновича, въ какую тыщу онъ ему ставъ?...

— На мой-бы умъ, Уваръ Прокопичъ, не дѣзь-бы ты на меня до время, что собака на кость! дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ, подходя къ рѣшеткѣ, Николай Семенычъ.

— Жирная кость-то, Николай Семенычъ, есть чего погрызть! а ты не сердчай, вѣдь я съ простоты! мужикъ вѣдь... что малое дѣла, на все-то ему поглядѣть надоть, да позупать, а засвербить зубки въ десенкахъ и поточить ихъ!..

Желая скрыть свое смущеніе, Николай Семенычъ быстро вернулся, среди раздавагоса въ толпѣ смѣха и отошелъ къ столу.

— Какія, Николай Семенычъ, въ 186... году, ты деньги въ податъ внесъ 523 рубля? неожиданно спросилъ его въ это время Антонъ Аверьяничъ.

При этомъ вопросѣ, толпа стихла, и всѣ стали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Окончивъ перечетъ суммъ, бывшихъ на лицо и провѣривъ ихъ при помощи писаря съ вѣдомостями и квитанціями казначейства, волостные начальники и учетчики встрѣтили крупное недоразумѣніе. За одинъ изъ годовъ, въ податъ было внесено на 523 рубля болѣе противу дѣйствительнаго поступленія. Между тѣмъ, недоимка въ послѣдующіе года собиралась безъ исключенія этой суммы. Податъ же вносилась въ казну за исключеніемъ ея.

— Бумажныя, Антонъ Аверьяничъ! съ ироніей отвѣтилъ Николай Семенычъ: — всѣ 523 рубля бумажками были!..

— И безъ тебя знаю, что злата-то, серебра немного по рукамъ ходитъ, а про то спрашиваю, отколь ты ихъ взялъ?

— Изъ сундука!..

— Не время-бы, Николай Семенычъ, шутки шутить! вмѣшался Максимъ Ареоблчъ.

— Про шутки-то я, Максимъ Орефъичъ, то скажу: Уваръ Прокопъичъ вонъ подшучивалъ, такъ вы ничего, посмѣиваетесь. Такъ и мнѣ нечего плакать. Вотъ я на то и говорю: отганите-ка, отколь они въ сундукъ попали, а я помолчу! Аль сказать, а? или послушать, что Акинфъ Васильичъ скажетъ!

Акинфъ Васильичъ Сабининъ, стоявшій у стола, скрестивъ на груди руки, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Это былъ пожилой человѣкъ, лисній, съ болѣзненно отекившимъ лицомъ. Сѣрые глаза его постоянно слезились, отчего онъ поминутно отиралъ ихъ клѣтчатымъ платкомъ, постоянно хранившимся за пазухой по неизмѣнно кармановъ.

— Не меня вѣдь спрашиваютъ, а тебя? отвѣтилъ наконецъ онъ.

— Общественники-то на меня несутъ, а ты заступисъ! аль кто въ грѣхѣ, а я въ отвѣтѣ? Не по твоему-ль наказу я деньги-то эти съ Сор.....ъ на поправку дорожнаго участка собралъ, а ты въ тѣ поры велѣлъ ихъ къ подушной приложить, а?..

— Я... я велѣлъ, это точно, не отпоurus! отвѣтилъ Сабининъ послѣ минутнаго раздумья:—только вѣдь я тогда-же тебѣ наказалъ засчитать ихъ въ пополненіе недоимки на Со..., а ты вонъ все собиралъ, да собиралъ. Куда-жъ ты эти деньги дѣвалъ?

— А ты не помнишь?..

— Не запомню что-то...

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ. Акинфъ Васильичъ, вынувъ платокъ, отеръ имъ глаза и лобъ, и снова сложивъ, опустилъ за пазуху.

— Не разгудался еще! Пожалуй, и то заспалъ: когда на другой годъ собрали недоимку, а я хотѣлъ засчитать 523 рубля, ты что мнѣ сказалъ на это?

— Чего-жъ?

— Не надоть,—забылъ?

— Ты что-то тово... ровно...

— А-а-а... тутъ и тово... не вспомнишь!.. А когда я сталъ говорить тебѣ: да какъ-же моль это оставлять-то ихъ? и то говорю, миръ со слезами ропчетъ, что все поборы да поборы. А ты что сказалъ? Поропчуть, да такіе-же будутъ!

— Я будто это тебѣ сказалъ?

— Мужикъ, говорить, что ворона: на дождь и на солнце каркаетъ! а ты, говорить, дай-ка мнѣ ихъ для оборота, опосля справлюсь, внесу... да такъ и внесь ихъ!..

Акинфъ Васильичъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ; глаза его широко раскрылись и глядѣли тускло, безсознательно.

— Вотъ гдѣ, общественники, денежки-то ваши плаваютъ, обратившись къ толпѣ, продолжалъ Николай Семенычъ:—не все руки виноваты, что собираютъ, руки-то головѣ повинны! Да еще тогда-же на мои слова смѣхомъ говорить мнѣ: волостныхъ-то на то, говорить, и сажаютъ, чтобы дураковъ крестить!

— Кто-жъ бы дураки-то? пронеслось въ толпѣ.

— Мужики! И деньги эти тогда-же своими руками отобралъ отъ меня, какъ теперь помню, отколь-то одна бумажка фальшивая запуталась и ту взялъ: уйдетъ, говорить, за одно съ путными.

Въ это время, Акинфъ Васильевичъ, очнувшійся отъ неожиданности, развелъ внезапно руками и хлопнулъ себя по бедрамъ.

— А-а-ахъ! проснулся такъ! со смѣхомъ произнесъ Николай Семеновичъ.

— Ну, братцы! обратившись къ окружающимъ членамъ, началъ Акинфъ Васильичъ:—пятый десятокъ на свѣтѣ маюсъ.. видывалъ народу и худого и добраго, но экого человѣка въ первой. Да какая это тебя и мать-то выносила, Николай Семенычъ, скажи ты намъ?

— Чужая, Акинфъ Васильичъ, своей-то не было, сироткой родился! а ты, чѣмъ матерны-то косточки трести, сними-ка лучше съ души моей грѣхъ!

— О-опомнись... человѣкъ-ли ты, есть-ли у тебя Богъ-то!

— Я-то завсе въ памяти, ты проснись, да Бога-то въ наши дѣла не путай, у него и своихъ много! Какъ миръ-то на меня ропчетъ, что я его обворовывалъ. такъ вы всѣ молчите. Вонъ учетчикъ вашъ, правдивая-то душа Максимъ-то Орефичъ, и не поймалъ, да ужъ ощипалъ! и воръ-то я, и скороспѣлая-то сосенка промежъ ядренныхъ деревьевъ! За тебя сталъ ему своего коня дарить — и не подступайся! А какъ старый голова двадцать пять рублей далъ, такъ взялъ! Коня-то, говорить, каждый увидитъ, а деньги-то не мѣчены!

Максимъ Ареѣичъ поблѣднѣлъ и стоялъ неподвижно, только нависшая надъ бровями морщина нервно дрогнула.

— Что-жъ ты молчишь?.. снова обрѣтился къ нему Николай Семенычъ среди всеобщаго изумленнаго молчанія:—и ты-бы, какъ Акинфъ Васильичъ, по крайности, руками похлопалъ, да сказалъ-бы: неправда! а?

— Правды-то, Николай Семенычъ, никакими рѣчами не утопишь—вышлыветь! тихо отвѣтилъ Максимъ Ареѣичъ.

— Вышлыветь, Максимъ Орефичъ, вышлыветь! да и живого-то человѣка до время не топите—вышлыветь!

— По пути-ли ты, Николай Семенычъ, всё эти выводы-то за-тѣялъ? вступился наконецъ новый голова:—ой, не оступись!

— За чужую-то поступь, Антонъ Аверьянычъ не бойся, своихъ блюди!.. Не рано-ли ты вотъ сапожки-то высвѣтлилъ—не зама-рай! узка наша тропка и лужицъ много! Припомни-ка, какъ въ головы-то садясь, ты хвалился ходить по ней? спросилъ онъ по-краснѣвшаго и растерявшагося новаго голову.

— Совѣсть-то гдѣ-жъ у тебя, а?.. на поклепы-то эти?.. спро-силъ онъ, оправившись отъ неожиданнаго упрека.

— Пстеряна!.. да ты чѣмъ спрашивать-то, по себѣ примѣръ, откуда ей бытъ у волостныхъ! Вотъ, общественники, обляяли вы меня воромъ да до поры до время! Воровъ-то у васъ и напередки будетъ много, поколь темнота ваша будетъ стоять, что дремучъ боръ! Вотъ ты, Уваръ Прокосьичъ, на домъ мой засмотрѣлся, что индѣ шапка свалилась, а что-жъ ты не сказалъ, падала-ли у тебя шапка, аль нѣтъ, когда ты домъ нашего писаря глядѣлъ, а?.. А ты не бѣлѣй, Игнатій Петровичъ! насмѣшливо обратился онъ къ поблѣднѣвшему при послѣднихъ словахъ его писарю:—общест-венники съ волостными накинудись на меня, что вороны на па-даль, а ты застыдился, отъ стараго друга подагъ! Такъ допрежъ чѣмъ разстаться, оглядимся, у кого болѣ клею на рукахъ было! А-а-ахъ! съ злобнымъ хохотомъ продолжалъ онъ:—бывало, какъ деньги дѣлить, такъ Игнатій Петровичъ безъ зову бѣжалъ, а теперь и смотрѣтъ не хочетъ, такъ заспѣсивился! Нутко... не гляди-ко шибко въ бумага-то!.. сважи-ко лучше, какъ ты на день-ди-то, собранныя на новую икону, домъ тесомъ обшилъ—а? Вѣ-сто царскаго-то патрета полнъ выкрасилъ... а?... А-а-ахъ! Мак-симъ Орефъичъ! вѣдъ ты учетчикъ—что-жъ молчишь-то! аль и тутъ тебѣ деньгами ротъ замазали? а?..

— Мы объ этихъ дѣлахъ спросимъ съ хозяевъ, а не съ ра-ботника, спокойно отвѣчалъ Максимъ Арефъичъ:—деньги-то на царскій обликъ и икону не писарь собиралъ, а ты; ты-же о ту пору и на поправку дорогъ собиралъ. По мирскому-то приговору ты по два рубля тогда съ души собралъ; съ 1713 душъ, добры люди говорятъ, 3426 рублей. На этия деньги дорогу на де-сять лѣтъ можно выправить... А какъ ты ее выправилъ?

— Худо!.. что я надѣлалъ, все худо!..

— Хвалить-то хорошее! не гнѣви! Отдалъ ты ее по контрак-ту въ подрядъ Раймолу, изъ чужой волости—неужъ-бы по на-шей-то не нашлось кому взять его... а?..

— А-ахъ.. и въ томъ, значить повиненъ, что не нанялъ пл-покъ мирскія плѣши прикрывать? съ ироніей отвѣтилъ онъ.

— Повиненъ!.. ты вотъ миръ оголялъ, да себѣ шапку спялъ!.. Станемъ-ко безъ шуточекъ говорить, а на пряжки... будетъ! за три-то года до сыта напутились!.. Съ нашими-то мужиками тебѣ-бы нельзя плутовать: все бы на виду было, вотъ ты и бинулся въ сторону...

— Соловушка-то вашъ... общественники! слышите, поеть—заливается?

— Общественники слышать, Николай Семенычъ.. у кого какой голосокъ! ты также напѣлъ небыллицъ, только одно забылъ, что у общества кромѣ уха, и глазъ есть..

— Ну, а еще что... поговори, Максимъ Орефьичъ! послушаемъ.

— Послушай, коли на то пошло, послушай. Ты-жъ хвалился, что еще не послѣдній воръ, что много ихъ и на предки будетъ! такъ вотъ, глядя на тебя, хоть другіе поучатся, какъ отвѣтъ миру давать! ты дорожный-то подрядъ отдалъ Раймолову, потому что съ нимъ виѣстѣ торгуешь... Деньги-то эти ты съ Раймоловицъ, да съ исправникомъ между собой подѣлили... а на починку-то дороги и 300 рублей не истратили.

— Это ты вѣрно сосчиталъ?

— Считать намъ всѣ твои дѣла не приводится; мы считать будемъ только мирскія слезы! все болѣе и болѣе оживляясь, заговорилъ Максимъ Ареѣевичъ.

Напряженное вниманіе въ толпѣ выражалось не однимъ молчаніемъ. Каждый жадно вытягивалъ голову, вслушиваясь въ слова, отчетливо разносившіяся по комнатѣ.

— Ты подрядъ-то отдалъ ему, общества не спросилъ, а только ужъ контрактъ заключивши вычиталъ его обществу! Въ контрактѣ-то было выговорено, что-бы мосты всѣ были новыя, перила выкрашены, версты всѣ были новыя, гати перестланы заново, дорога вычищена и посыпана дресвой на всѣ 120 версты. А какъ ее выправили?.. Какой до поправки была, такой и теперь стоитъ. Версты всѣ старыя, всѣ-то свосились на стороны, словно отъ глазу хоронятся. У мостовъ кой гдѣ только бревнышко вколочено, а перила-то подъ мостами лежать. Каждый допрежь, чѣмъ на мостъ-то въѣхать, перекрестится, да чудотворцевъ на помощь кликнетъ, чтобы бревно по затчку не ударило. Ни повозка, ни телега гатами-то не проѣдетъ, чтобы ось не хряснула. На 120 версты робило-ли двадцать человекъ, и какъ робили! черезъ сажень лопаткой поковыривали... Это за три-то тыщи! Не тягота это миру, Николай Семенычъ, а? Кто долженъ теперь дорогу-то править, коли начальство съ винова потребуеть? А оно не сегодня, завтра потребуеть; гляди, вѣдь на дорогѣ-то ни проходу,

ни провзду нѣтъ! Съ изнова три тыщи собирай!.. Съ изнова мужикъ веди корову или лошадь со двора, чтобы внести эти два рубля! да отколь-же миру-то взять... на вашу-то наживу!...

Вмѣсто отвѣта, Николай Семеновичъ, заворотивъ полу бешмета, отеръ имъ лобъ и лицо.

— Холодну-бы, други, нагнать! внезапно произнесъ Уваръ Прокопичъ:— а то Николай Семеновичъ-то у насъ разогрѣваться на чаль, инда въ потъ кинуло!...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— А кто дорогу-то принималъ отъ подрядчика? ты одинъ! А нешто это одного тебя дѣло касалось?.. Вѣдь это мирское дѣло-то, общественное! Ты долженъ былъ всѣхъ сельскихъ старостъ созвать, да по крайности трехъ, четырехъ выборникъ отъ каждаго сельскаго общества, чтобы они дорогу-то оглядѣли, да приняли ее отъ подрядчика. А кто былъ, ну-ко?..

— Ты объ этомъ, Максимъ Арефичъ, помолчи, тебя это дѣло не касается!... остановилъ его Николай Семеновичъ, въ голосъ котораго не слышалось уже игривой ироніи.

— А-а... тутъ такъ и не касается!

— Такъ точно! Не твоего оно ума!..

— А чьего-жь-бы?..

— Вышняго начальства, коли знать охота пришла! Дорогу-то эту отъ подрядчика самъ исправникъ прималъ, съ него и спрашивай, коли она тебѣ не по нраву.. Слышалъ, а?

— Исправникъ прималъ, а чьими деньгами за дорогу-то расплачивались: исправническими, аль мирскими? Исправникъ-то, не бось, своей кофѣйки не приложилъ, а съ мира всѣ до единой вытанули... Такъ какое-жь ему дѣло было принимать ее на свою душу?.. Его дѣло приказать править, а примать на свой страхъ не доводится! А в люди! да доколь-же это безсудье будетъ надъ нами! Правду на миру говорить, что безсудье Сибири земли на свѣтъ нѣтъ! Коли ты, нашъ-же братъ мужикъ, одной долею окрещенъ и вврощенъ, и ты на мирскія слезы обстроился, такъ ужъ отколь теперь миру защиты ждать! Ты вонъ на икону дм волости, да на царскій обликъ безъ мала 200 рублей съ мира собралъ, да самъ-же еще смѣхомъ похваляешься, что на мѣсто царскаго то обличья писарь полы себѣ выкрасилъ.. а за мѣсто святителейъ-то домъ тесомъ обшилъ! Да нешто у путнаго волостного писарь бы смѣлъ самъ деньги брать! Нешто у доминтаго хозяина работникъ украдетъ, а?.. Оба вы вмѣстѣ воровали, оба и обстроились! А миръ плати, натружайся, ходи нагъ и бось!

Въ толпѣ пронесся неясный гулъ....

— Ты самъ былъ волостной, такъ тебѣ ли сказывать! самъ видѣлъ: сыплетъ, сыплетъ миръ податей, что верна въ бездонныя закромы, а все мало, все подливай на каменку, что-бы другимъ было теплѣй! Только на подать, да на поборы отъ рожденья до смерти и мается мужикъ, робить, не покладывая рукъ, поколъ Богъ не пошлетъ по душу. Гляди, мозоли-то на рукахъ что каменя! поди, и червь-то въ могилѣ не прогрызетъ. И тутъ ты еще послѣднія нитки обрываешь!... нашъ-же братъ мужикъ, да смѣешь еще говорить, что миръ тебя угнетаетъ... Глядитко, у тебя не повертывается сердце какъ миръ-то объѣдаютъ, а? Ты вотъ по контракту за дорогу-то три тыщи отдалъ, а гдѣ у тебя остальные-то 426 рублей... ну-ко скажи!.. Аль исправнику отдалъ, чтобъ онъ у тебя съ Раймоловымъ дорогу-то принялъ... Нутко, скажи намъ, какъ ты за то, что въ одномъ тарантасѣ съ нимъ ѣздилъ, да чай-то виѣстѣ попивалъ, ссужалъ его мирскими деньгами по двѣ, до по три тыщи?

— Ты одумался-ли, Максимъ Арефѣичъ, чего насказалъ-то? остановилъ его Николай Семенычъ.

— Одумался, не сумнѣвайся!

— Опомнись-ко... за этакія-то рѣчи, бываетъ, и къ отвѣту водать.

— Не страшай, Николай Семенычъ. Тихой я человекъ, да небозаливой. Коли Богъ велитъ къ отвѣту пойти, пойду, дамъ отвѣтъ— на то и крестъ цѣловалъ! Не въ мои годы кривыми путями ходить, мнѣ и могила близка, такъ ужъ прятаться отъ доли не стану! Назудѣла вся эта неправда-то на мирской душѣ. Глядит-ко, миръ-то, онъ весь тутъ! Спроси-ко, видывалъ-ли кто радости-то на вѣку, такъ докуда-же намъ! Ты вотъ насказалъ, что и дары мнѣ надарилъ, а теперь угрозилъ, что къ отвѣту поведутъ, а я тебѣ скажу, что самъ пойду къ отвѣту! самъ! Пора и вышнему начальству правду знать. Вы какъ слышите, что набольшій начальникъ ѣдетъ, такъ всякаго мужика потоловѣй прачете, чтобъ не выболтался. Всякой, кто поумнѣе, у васъ ябедникъ, до каверзникъ, да бунтовщикъ. Всякаго наровили въ дѣло впутать, да услатъ! На какія-ты вотъ деньги съ Раймоловымъ съота накупалъ для принсковъ, а?... на мирскія!.. ихъ въ подать собиралъ, вздыху не давалъ, а самъ пущалъ въ оборотъ, наживался на нихъ... Ты, волостной, а на чужое имя три кабака по волости держалъ, такъ какой у тебя мужику охраны было противъ кабачника искать? Ты подать-то собиралъ въ самое нужное время, когда зналъ, что у мужика ни копѣйки — засѣвъ на корню и продать

нечего—да самъ-же и вносишь, да за гривну-то на рубль хлѣба бралъ!

— Правда! правда, Орефъичъ! пронеслось въ толпѣ...

— Экаго раззорителя поискать!..

— Ахъ, слезъ-то, други, на немъ!..

— Ввелъ онъ меня, общественники, пошли ему Господи болѣ... да и дѣткамъ! заговорилъ, выдвигаясь къ рѣшеткѣ почти на плечахъ тѣснившихся крестьянъ, мужичекъ съ бѣлыми, какъ лѣтъ волосами и бородею.—Раззорилъ ты меня, Николай Семенчъ! Скажи-ко предъ миромъ по совѣсти: внесъ ты за меня въ податъ пятнадцать рублей, а сколь ты выbralъ съ меня за нихъ? Заступитесь, общественники, бѣдное мое дѣло, горькое, а онъ и тутъ послѣднее рвалъ!

— Чего съ тебя рвать-то было, скажи-ка! съ злобою въ голосѣ отвѣтилъ, обратившись къ нему, Николай Семенчъ: — ты-бы прежде чѣмъ жаловаться, на себя-то бы поглядѣлъ: чего рвать-то съ тебя? ты никакъ и родился въ этомъ бреднѣ! рва-а-ать! было чего рвать!..

— Бреденекъ онъ... да мой!.. А ты вотъ на наши-то слезы суконный съ выпушками надѣлъ?

— Не на твои-ли?..

— И мои-хъ тутъ есть!..

— Ты вспомни лучше, гдѣ твои слезы-то у меня?.. Забылъ, какъ кланялся да плакалъ, сапоги-то обмывалъ, обождать-то просилъ. Я изъ жалости свои внесъ!

— А вспомни ты, сколько ты перебралъ съ меня за нихъ?

— Не подарилъ... а-а-ахъ бѣда!..

— На дарено-то кармановъ у меня нѣтъ, Николай Семенчъ, а твои пятнадцать рублей мнѣ добрыхъ тридцать стали!

— Сосчиталъ-же... умѣешь?

— Свое всякъ умѣеть считать!

— Учись и чужое, авось на зипунъ сойдется!

— Хожу и въ этомъ, зипуномъ-то не кори! трудовой онъ, не ворованный! Заступитесь, общественники! внесъ онъ за меня въ подушну пятнадцать рублей, плачусь ему и плачусь и все еще въ долгу!.. Все еще какнхъ-то пять рублей считаетъ. Лонской годъ какой былъ неурожай, хлѣбъ-то по семи гривенъ за пудъ на отбой брали, а онъ своими руками у меня двѣнадцать пудовъ насыпалъ, да съ двора свезъ, а цѣну положилъ по 25 копѣекъ съ пуда. Не обиди-ли? А то навозилъ я о ту пору хѣсу, 17 лѣсивъ, въ ину пору ты за четыре рубля экой-то лѣсины не ку-

нишь, а онъ взялъ да по восьми гривенъ лѣсину-то поставилъ... Не бѣдо-ли это?

— На ядренныхъ-же поставкахъ у тебя, Николай Семенычъ, домъ-то срубленъ! вступился Уваръ Прокопычъ.

— То-то... Отдавать — такъ горе, а брать — такъ горя нѣтъ! отвѣтилъ Николай Семенычъ: — всю-то вашу мірскую правду можно за грошь купить!

— Ты въ свою-то онучу мірскую совѣсть не обувай, Николай Семенычъ! сказалъ Уваръ Прокопычъ: — аль не любо, какъ старинку-то перетрахиываютъ?..

— И зачѣмъ это вы, братцы, старое помните, слышался голосъ изъ толпы. — Безъ того мужику тошно: всѣ глаза по угламъ отклонялъ, а вы еще въ нихъ песку сыплете. Когда татары съ моего сѣновоса сѣно скрали да увезли, онъ за то, чтобъ разсудить насъ, пять рублей съ меня взялъ, три овчинки, да были у меня всѣи мѣдныя еще отъ родителей — и ихъ подобралъ! да я и то молчу.

— Грѣхъ вамъ, общественники, слушать всѣ эти навѣты на меня, не угибатель я былъ вамъ! произнесъ наконецъ Николай Семенычъ голосомъ, въ которомъ послышалась боль...

— Хуже всякаго угибателя былъ ты, Николай Семенычъ! снова прервалъ его Максимъ Ареѣвичъ: — оглянись на себя, а коли совѣсть въ тебѣ заснула, побуди!.. Одумайся, какихъ только за тобой дѣловъ не было! Ты только богатымъ мирволил, они и стояли за тебя горой! Какая-бы ни была неправда, ты все имъ спускалъ, вмѣстѣ съ ними бѣдность-то зорилъ! А находилъ-ли кто изъ бѣдныхъ у тебя правду безъ денегъ? Гляди-ко, въ волостные-то мы тебя сажали — у дома-то твоего крыша падала... Лошадка-то была одна одиныхонька... Окромѣ армяка, на тебѣ міръ ничего не видывалъ! Оглянись ты теперь на себя — отколь у тебя домъ то взялся? Лошадей-то чуть не косякъ¹. За три года росторговался, что кушцу въ пору! Отколь это все? Вотъ, ты по два раза собиралъ, одинъ разъ по 20 копеекъ съ души, другой по 11. Люди считаютъ 532 рубля. Хлѣбныя магазей по волости нужно было править, а правилъ-ли ты ихъ? Гдѣ у тебя эти деньги?..

Николай Семенычъ молчалъ. Лицо его горѣло лихорадочнымъ румянцомъ. Глаза щурились и точно налились влагой.

— Что-жъ Николай Семенычъ, скажи гдѣ онъ у тебя... а? снова повторилъ Максимъ Ареѣвичъ.

¹ Двѣдцать лошадей называются у сибирскихъ крестьянъ „косякомъ“.

— Ты дай ему одуматься, Орефьичъ! со смѣхомъ крикнули ему изъ толпы:—пушай вздохнетъ!

— А-а-ахъ, други, бѣ-ѣ-да худой дѣвѣ житье, началъ Уваръ Прокопъичъ:—спутаетъ-спутаетъ волосы-то на головѣ, подойдетъ дѣло къ свадьбѣ расчесывать ихъ—и пойдетъ на гребень жаловаться, что больно деретъ!

— Ты не изъ магазейскихъ-ли денегъ-то Орефьичу двадцать-то пять рублей далъ, Николай Семенычъ?.. Больно ужъ онъ тебя чего-то пытается объ нихъ?

— Помолчите, други, не путайте! видите, человекъ думу выдумываетъ, а вы мѣшаете! неровень грѣхъ онъ еще обмолвится, да на себя скажетъ...

— Не обмолвлюсь, общественники! отвѣтилъ Николай Семенычъ, обратившись къ смѣющейся толпѣ:—что говорить больше, коли всѣ мои рѣчи неправдивы!

До глубокой ночи потѣшался миръ надъ своимъ уничтоженнымъ владыкой, высчитывая ему всѣ его неправды...

Учетъ продолжался болѣе пяти дней. При помощи сельскихъ старостъ и провѣрки книгъ много обнаружилось лишнихъ переборовъ въ податяхъ и недоимкахъ. Раскрылись и другія злоупотребленія. Такъ между прочимъ, за леченіе приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ поселенцевъ и нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ больницахъ приказа общественного призрѣнія, были взысканы съ этихъ обществъ, по общему подушному раскладу, деньги за употребленные при леченіи ихъ медикаменты и содержаніе, и въ тоже время раскрылось, что эти деньги были взысканы и лично съ нѣкоторыхъ поселенцевъ и крестьянъ, находившихся на излеченіи, а у одного изъ нихъ даже продана была лошадь на пополненіе этого долга.

По мѣрѣ раскрытія этихъ злоупотребленій, безпощаднѣе спались на Николая Семеныча укоры и насмѣшки, но онъ выносилъ ихъ съ полнымъ равнодушіемъ. Онъ былъ спокоенъ; не менѣе его спокоенъ былъ и писарь, имѣвшій съ нимъ въ первый же день учета, послѣ того, какъ разошелся сходъ, довольно продолжительное совѣщаніе. Общество не приняло на себя суммы, собранной на исправленіе дороги и начеть, со включеніемъ ея и всѣхъ поборовъ, палъ на Николая Семеныча въ размѣрѣ 6,523 рублей.

Для человека посторонняго сдѣлалось-бы невыносимо-тяжелымъ зрѣлище той скорби, какая отразилась въ лицѣ Акинфа Васильевича Сабынина, когда, по приговору общества, пополненіе

523 рублей, выведенных на него Николаем Семеннымъ, пало на его долю.

— Снявайте, общество! для Бога, къ старости-то моей! за что я въ отвѣтъ... за что?

— На себя пѣный, Акинфъ Васильичъ, а не на общество, отвѣтили ему изъ толпы:—за науку всегда платить!.. Не даромъ на миру-то говорить: что kota бить, коли мясо скрала, бить того надо, кто его въ амбаръ пустил!

— Общественники, будьте по правдѣ! не богатое мое дѣло!.. Самъ я просился у васъ, освободите меня отъ службы! неможное дѣло мое, неможное! И радъ-бы служить, да нездоровье мое! Пошла тебѣ Господи, Николай Семеннымъ!

Вокругъ царило тяжелое молчаніе.

— Тебѣ это ничего, Николай Семеннымъ, что изъ за тебя такъ убиваютъ? спросилъ Максимъ Ареѣвичъ.

Точно не разслышавъ вопроса, Николай Семеннымъ молча отвелъ глаза въ сторону.

Составленный обществомъ приговоръ о начетѣ на другой-же день при рапортѣ отъ волостнаго правленія былъ представленъ въ окружное полицейское управленіе, для повѣрки его и утвержденія, а новый голова немедленно распорядился, что-бы со стороны общества были приняты мѣры наблюденія за имуществомъ Николаемъ Семеннымъ. Но дѣло приняло неожиданный оборотъ. Вскорѣ послѣ учета, въ Полицейское Управленіе поступилъ доносъ отъ имени писаря и Николаемъ Семеннымъ „о подстрекательствѣ крестьянъ во время учета къ неповиновенію властямъ, о порицаніи дѣйствій высшихъ властей и правительства крестьяниномъ Ознобинымъ“. Сначала, по доносу, было произведено тайное дознаніе, и спрошенные крестьяне подтвердили все то, что говорилъ Максимъ Ареѣвичъ. Доносъ, вмѣстѣ съ дознаніемъ, былъ представленъ по начальству. Не прошло и мѣсяца, какъ по этому дѣлу въ село Бог...е пріѣхалъ особый чиновникъ для производства слѣдствія; крестьяне снова подтвердили все, что говорилъ Максимъ Ареѣвичъ, да и самъ онъ съ тѣмъ-же воодушевленіемъ, какъ и на учетѣ, передалъ всѣ тяготящія надъ миромъ неправды. По окончаніи слѣдствія, дѣло было отослано на особое разсмотрѣніе, и Максимъ Ареѣвичъ отправленъ въ острогъ. А по повѣркѣ учета, всѣ выведенные на Николаемъ Семеннымъ поборы, по бездоказательности, оставлены безъ послѣдствій, такъ что Николай Семеннымъ внесъ только 200 рублей, собранные на икону и портретъ государя. Сумма, павшая на Сабынина, за псключеніемъ внесенныхъ имъ 100 рублей, по безнадежности взыска-

нія въ виду его бѣдности, была сложена съ него по приговору самого общества. Тѣмъ и кончился мирской учетъ.

Черезъ годъ послѣдовало и рѣшеніе по дѣлу Максима Арсеньича о высылкѣ его въ дальнѣйшія мѣста Сибири, если общество не возьметъ его на поруки. Но онъ не дождался рѣшенія, и той же зимой померъ въ острогѣ отъ тифа, постоянно свирѣпствующаго въ Сибирскихъ тюрьмахъ. Николай Семенычъ былъ правъ, сказавши „что скороспѣлыя сосенки только гнутся отъ вѣтровъ, ядренныя-же вылетаютъ съ корнемъ вонъ!“

Н. Наумовъ.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.

Недавно въ Англіи вышла въ свѣтъ книга: „Newspaper Press“, излагающая исторію и современное положеніе англійской журналистики. Книга эта написана однимъ изъ ветерановъ англійской журналистики І. Грантомъ, который на журнальномъ поприщѣ подвизался цѣлыя сорокъ лѣтъ, былъ въ разныхъ газетахъ сотрудникомъ, репортеромъ, редакторомъ, знаетъ за это время всю внѣшнюю и закулисную сторону газетнаго міра, всѣхъ болѣе или менѣе выдававшихся его дѣятелей. Когда Грантъ выступилъ на журнальное поприще, англійская журналистика пережила уже свое трудное время и для нея начался новый блестящій періодъ ея дѣятельности, ея общаго признанія; но люди, которые доставили ей эту побѣду, которые были участниками ея послѣдней борьбы за свободу и самостоятельность, находились еще въ рядахъ ея молодыхъ дѣятелей, заканчивая свое поприще. Такимъ образомъ Грантъ и съ прошлымъ журналистикой, захватывающимъ не только начало нынѣшняго столѣтія, но и конецъ прошедшаго, знакомъ не по однимъ источникамъ, а по живымъ разсказамъ лицъ, которыя сами въ ней дѣйствовали и на себѣ самихъ переиспытали ея невзгоды. Это придаетъ книгѣ Гранта особенный интересъ: его исторія—не сухая работа ученаго, который восстанавливаетъ прошлое по нѣмымъ памятникамъ, а одушевленный разсказъ чловѣка, который передаетъ отчасти свои личныя впечатлѣнія, отчасти личныя впечатлѣнія другихъ лицъ, но на которыхъ еще не успѣли остыть слѣды жизни. Грантъ писалъ свою книгу собственно для англичанъ; но она, вѣроятно, еще болѣе найдетъ читателей въ другихъ странахъ. Англійская журналистика стоитъ на такой высотѣ, о которой пока не могутъ даже и мечтать журналисты многихъ другихъ странъ. Это сравненіе разности разстояній между журналистикою англійскою и собственною, интересное и само по себѣ для каждой страны, кромѣ того очень поучительно во многихъ отношеніяхъ. Между

прочимъ, оно невольно заставляетъ задумываться надъ причинами, которыя могутъ производить такую глубокую разницу въ развитіи различныхъ странъ. Сочиненіе Гранта уже явилось на нѣмецкомъ языкѣ въ передѣлкѣ одного изъ нѣмецкихъ журналистовъ *Дюбока*, который кой-что интересное собственно для англійскихъ только читателей изъ книги Гранта выпустилъ, кой-что непонятное для нѣмецкой публики пояснилъ въ особыхъ примѣчаніяхъ, а, главное, обогатилъ книгу Гранта особою статьею, въ которой сравнивается современное положеніе журналистики нѣмецкой съ англійскою, такъ-что въ передѣлкѣ Дюбока кромѣ журналистики англійской и американской, которой отчасти касается въ своей книгѣ Грантъ, мы имѣемъ для сравненія еще журналистику нѣмецкую. Книгою Дюбока мы и воспользуемся, чтобы познакомить нашихъ читателей съ англійскою журналистикою и вмѣстѣ съ тѣмъ показать ея болѣе существенныя отличія отъ журналистики нѣмецкой и русской.

Читатели, бывавшіе за границей, конечно, видали, если не читали, сочиненіе: „Russland unter Alexander II, — von Iwan Golownin“, которое красуется во всѣхъ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ русскихъ путешественниковъ. Сочиненіе это въ сущности не стоитъ того, чтобы его читать, но въ немъ интересенъ рассказъ автора о похищеніяхъ его въ берлинской полиціи. Получивъ въ 1855 году отъ нынѣ царствующаго государя позволеніе вернуться въ Россію, авторъ прибылъ въ Берлинъ. Но здѣсь случилось съ нимъ странная исторія. Хозяйка квартиры, нѣмка, у которой онъ остановился, сдѣлала на него, неизвѣстно почему, доносъ, что онъ велѣлъ вынести изъ занятой имъ комнаты портреты прусскаго короля и его супруги. Извѣстіе это, — прибавимъ мы отъ себя, — не невѣроятное. У нѣкоторыхъ берлинскихъ хозяевъ есть такой обычай, что разсорившись съ своими квартирантами-иностранцами и желая ихъ дохватъ, онѣ дѣлаютъ на нихъ доносъ въ оскорбленіи прусскаго величества. Объ одномъ такомъ случаѣ мы знаемъ изъ очень недавняго времени. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но вслѣдствіе этого Головинъ вступилъ въ очень непріятныя отношенія съ берлинскою полиціею. Его сначала здѣсь сильно приструнили, но потомъ — такъ какъ кромѣ русскаго онъ имѣлъ еще англійскій паспортъ, за него вступился, за отсутствіемъ англійскаго посланника, американскій, — дѣло пошло легче. Но полиція въ покоѣ его все-таки не оставила. Она дѣлала ему разныя мелкія непріятности. Въ томъ числѣ, между прочимъ, она послала ему свои бумаги съ надписью: „Wohlgeboren und Literat“, чѣмъ Головинъ очень обижался и требовалъ, чтобы ему

писали: „Hochwohlheborn und Schriftsteller“. Изъ этого факта видно, какое глубокое различіе проводится въ Пруссіи между „сочинителемъ“ и „литераторомъ“ или „журналистомъ“. Даже низшія инстанціи полиціи знаютъ, что журналистъ не то, что сочинитель; слово: журналистъ онѣ употребляютъ какъ бранное слово или по крайней въ пику, въ насмѣшку. Правда, по прусскимъ понятіямъ, и сочинитель не Богъ знаетъ, что за птица,— но все-таки сочинитель есть нѣчто такое, что еще можно терпѣть, что, по крайней мѣрѣ, своимъ бытіемъ не противорѣчитъ общественнымъ основамъ; журналистъ же по самому званію своему есть уже нѣчто противообщественное, „Catilinarische Exiſtenz“, какъ охарактеризовалъ журналистовъ князь Бисмаркъ на своемъ пластическомъ языкѣ. Такое понятіе о журналистахъ существуетъ не въ официальныхъ только кругахъ, оно распространено болѣе или менѣе во всемъ образованномъ обществѣ. „Тогда какъ, говоритъ Дюбокъ, англійская публика относится съ сочувствіемъ и уваженіемъ къ своей журналистикѣ, — въ Германіи на журналистовъ смотрятъ свысока и даже съ пренебреженіемъ. Въ этомъ сходятся всѣ—и ученые, и духовные, и военные и аристократы; всѣ они того мнѣнія, что журналисты вообще опасные сумасброды—люди иногда не безъ таланта и дарованія, но въ которыхъ нѣтъ ничего солиднаго и никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ. Исключенія изъ этого общаго правила допускаются, но съ большимъ трудомъ и недовѣрчивостію,—и журналистъ долженъ предварительно выдержать нѣкоторымъ образомъ особаго рода искусь и очищеніе, чтобы войти въ другіе классы общества. „Эти слова,—заключаетъ Дюбокъ,—покажутся многимъ преувеличенными, но кто близко знакомъ съ отношеніями, о которыхъ идетъ рѣчь, тотъ навѣрное не найдетъ въ нихъ никакого преувеличенія“. Подъ этимъ двойнымъ гнетомъ и государства, и общества влечить свое существованіе нѣмецкій журналистъ, равно подавленный и матеріально, и морально. „По всей вѣроятности не найдется еще занятія,—говоритъ Дюбокъ,—которое бы такъ ослабляло и истощало нервы, въ одно и тоже время такъ возбуждало и притупляло, какъ журналистика. Было бы очень долго объяснять здѣсь причины этого явленія, обусловливаемыя особенными свойствами журнальной работы. Довольно сказать, что это дѣйствительно такъ, и что сравнительно вознагражденіе, получаемое за такой истощающій трудъ, нельзя назвать иначе, какъ крайне ничтожнымъ... Журналистъ въ Германіи ведетъ самую тяжелую борьбу за существованіе. Матеріально онъ поставленъ самымъ жалкимъ образомъ и въ своемъ брennemъ существованіи ничѣмъ не обезпеченъ. У него

нѣтъ въ виду ни пенсін, ни обезпеченіи на старость, ни вообще какой бы ни было поддержки въ разныхъ случайностяхъ жизни. Кромѣ этого, вступая на журнальное поприще, онъ тѣмъ самымъ впередъ отказывается отъ всякаго сколько-нибудь значительнаго положенія въ обществѣ, даже отъ возможности добыться чего-нибудь своимъ трудомъ; будучи писателемъ онъ обрекаетъ себя на полную неизвѣстность анонимностію своихъ трудовъ; будучи политикомъ, онъ довольствуется тѣмъ, что изъ-за кулисъ посматриваетъ на недоступное для него политическое поприще; однимъ словомъ, ни къ кому такъ не примѣнимы, какъ къ журналисту, слова, сказанныя некогда Гёте: „нѣмецкій писатель—это нѣмецкій мученикъ“.

Полагаемъ, что насъ никто не обвинить въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что наша журналистика находится не только не въ лучшемъ положеніи, а въ далеко худшемъ, чѣмъ германская. Различіе между журналистомъ и сочинителемъ у насъ проводится еще гораздо рѣзче, чѣмъ въ Германіи. Если относительно сочинителя нѣкоторымъ образомъ окрѣпло убѣжденіе, что сочинитель долженъ быть лицомъ не только болѣе или менѣе знающимъ, но и на столько солиднымъ, что онъ противъ общественныхъ основъ не пойдетъ, то о журналистахъ напротивъ предполагается, что они свѣденій не имѣютъ никакихъ, умѣютъ только писать статейки, и въ своемъ писаніи, кромѣ разрушенія общественныхъ основъ и нарушенія общественнаго порядка, ничего въ виду не имѣютъ. Если они въ этомъ не успѣваютъ, то единственно потому, что сданы на руки благонадежнымъ редакторамъ, которыхъ собственная выгода и страхъ заставляютъ держать ихъ въ неослабномъ наблюденіи и порядкѣ. При такомъ взглядѣ на составъ и направленіе журнальнаго персонала, занятіе журнальной работой даже на солиднаго человѣка набрасываетъ тѣнь нѣкоторой неблагонамѣренности и дѣлаетъ его нетерпимымъ для официальныхъ круговъ. Потому нѣкоторыми начальствами принято за правило всякаго чиновника, какъ скоро будетъ узвано, что онъ началъ пописывать статейки въ газеты или журналы, увольнять немедленно отъ должности, какъ человѣка вреднаго. Съ обществомъ журналистъ не имѣетъ никакого соприкосновенія; онъ чуждъ ему; здѣсь не только нѣтъ уваженія къ профессіи журналиста, но даже болѣею частію и понятія о ней никакого не имѣется. Общество, болѣе интеллигентное, имѣетъ, конечно, понятіе о журналистахъ, но оно относится къ нимъ также свысока и съ пренебреженіемъ, какъ и нѣмецкое. Мы не можемъ ни въ нашемъ настоящемъ, ни въ прошедшемъ указать ни одного журналиста, который, не имѣя крупнаго чина, или крупнаго титула,

или крупнаго состоянія, одною своею журнальною дѣятельностію приобрѣлъ бы себѣ общее признаніе и почетное положеніе во всемъ интеллигентномъ обществѣ. Даже на Вѣлинскаго, вліяніе и заслуги котораго для тогдашняго общества были всемъ очевидны, смотрѣли свысока, не говоря уже о другихъ, своя же братья, тогдашніе аристократическіе писатели и ихъ прихвостни, въ томъ числѣ и корпорація московскаго университета, въ лицѣ многихъ своихъ членовъ. М. П. Погодинъ даже до настоящаго времени не можетъ помириться съ мыслию, чтобы недоучившійся студентъ могъ что-нибудь значить и имѣть право на уваженіе. Это показываетъ, что даже талантъ, который выдвигаетъ личность во всякомъ званіи и во во всякомъ состояніи, какъ бы она низко въ обществѣ ни стояла, и доставляетъ ей общее признаніе, въ журналистикѣ не силенъ сдѣлать этого. Ясно, что въ мнѣніи нашего интеллигентнаго общества профессія журналиста стоитъ очень не высоко. Отвлеченная отъ разныхъ стороннихъ акциденцій лица, занимающагося журналистикой, и дающихъ ему то или другое общественное положеніе, какъ-то: чиновъ, титуловъ, званій и т. п., сама по себѣ профессія журналиста въ главахъ общества есть не болѣе, какъ профессія *безымяннаго писателю*, какъ недавно обозвалъ профессоръ Любимовъ одного почетнаго человѣка, который взялъ на себя трудъ разобрать его, г. Любимова, мнѣніе о преобразованіи университетовъ. Мы припомнимъ здѣсь выраженіе г. Любимова потому, что имъ характеризуется не личность только г. Любимова, а вообще уровень общественнаго развитія нашей интеллигенціи и положеніе журнальнаго дѣла, въ значительной мѣрѣ обусловливаемое этимъ развитіемъ. Казалось бы: какое дѣло ученому профессору до того, кто писалъ статью? Что ему въ имени? Передъ нимъ статья; съ ней онъ долженъ имѣть дѣло; ея основательность или неосновательность долженъ онъ разсматривать. Въ Англии нѣкоторыми критическими журналами принято за неизмѣнное правило: не подписывать помѣщаемыхъ въ нихъ статей. — Въ „Times'ѣ“ имена сотрудниковъ, пишущихъ руководяція статьи, держатся въ глубочайшемъ секретѣ и никому неизвѣстны. И тамъ не только никому не придется въ голову третировать ихъ за эту безымянность, напротивъ она даетъ имъ нѣкоторый шикъ. Почему? Потому что профессія журналиста тамъ приобрѣла давно уже общественное *raison d'être*. Общество англійское настолько развито, что журналистика сдѣлалась одною изъ существенныхъ его потребностей и корпорація, удовлетворяющая этой его потребности, въ своемъ цѣломъ составѣ пользуется его уваженіемъ и признаніемъ, такъ точно, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ поль-

зуются его уваженіемъ и другія корпораціи, удовлетворяющія его потребностямъ, ученая, духовная, военная и т. д. Личный талантъ можетъ выдвигать ту или другую личность въ средѣ корпораціи, но для самого таланта корпорація служитъ, такъ сказать, необходимой оправой. Въ общественныхъ отношеніяхъ личный талантъ можетъ быть неизвѣстенъ, можетъ быть не признаваемъ, но принадлежность къ корпораціи даетъ ему вездѣ право на то общественное положеніе и уваженіе, которое признано за корпораціей цѣлымъ обществомъ. Гдѣ журналистика пріобрѣла себѣ высокое общественное положеніе, гдѣ авторитетъ ея силенъ, тамъ даже таланту выгоднѣе увеличивать силу корпораціи, чѣмъ свое личное значеніе, тѣмъ болѣе, что анонимность даетъ ему больше простора и воспитываетъ въ публикѣ привычку цѣнить силу мысли и содержаніе, независимо отъ авторитета имени. Но тамъ, гдѣ журналистика не имѣетъ никакого общественнаго положенія и никакого авторитета, и гдѣ между тѣмъ авторитетъ даже въ сферѣ свободного обсуждения необходимое условіе для силы доказательства, тамъ, естественно, журналистика всякому цѣнному грузу можетъ давать значеніе только чужимъ флагомъ. Г. Любимовъ съ точки зрѣнія современнаго положенія журналистики совершенно правъ, когда не понимаетъ, какъ можно безъ имени

.....смиѣть

Свое сужденіе имѣть.

Конечно, для г. Любимова не то важно: есть подѣ статью какое-нибудь имя, или нѣтъ? Онъ все равно не удовлетворился-бы, еслибы мы подѣ статью подписали: Филатовъ, Тряпкинь и т. п. Ему нужно имя, въ котораго-бы онъ могъ видѣть, что писавшій статью имѣетъ дипломъ, или въ общественномъ положеніи занимаетъ генеральское мѣсто или около того, что, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія Сивцова Вражка считается благонамѣреннымъ. Нѣтъ?—Ну, значить и говорить съ нимъ не стоитъ. Разсуждай онъ хоть мудрѣ Соломона,—все равно онъ безымянный писака, т.-е. человѣкъ, не имѣющій никакого общественнаго положенія или, что тоже, русскій журналистъ.

Чтобы охарактеризовать матеріальное положеніе русскаго журналиста, довольно сказать, что самый высшій гонорарій, который платятъ лучшія газеты своимъ сотрудникамъ (на постоянномъ жалованьи состоятъ очень немногіе—только кадры редакцій), составляетъ пятакъ за строчку. Этотъ пятакъ остается неизмѣннымъ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, если не болѣе, несмотря на то, что русскій кредитный рубль за это время испыталъ всевозможныя колебанія, и что цѣна всѣхъ вещей

за послѣднія 15 лѣтъ увеличилась вдвое и даже втрое. Но пять копеекъ за строчку — это, какъ мы сказали, высшая плата въ лучшихъ газетахъ. Есть газеты, въ которыхъ эта плата понижается до трехъ, до двухъ, даже до полоторыхъ копеекъ за строчку. Но даже и такія ничтожныя деньги выплачиваются не всегда исправно. Какое жалкое существованіе влчатъ многочисленные, никому невѣдомые дѣятели журнальнаго міра и ихъ семейства, объ этомъ читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе, прочитывая засѣданія комитета общества литературнаго фонда. Говорятъ, что по самому точному расчету за послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ въ вѣчныя селенія отошло не менѣе 150 разныхъ журнальныхъ тружениковъ, т.-е. если не $\frac{3}{4}$, то навѣрное $\frac{1}{2}$ всего журнальнаго персонала.

Когда изъ многострадальнаго міра журналистики нѣмецкой и русской, — этого міра, полнаго всевозможныхъ горестей, скорбей и озабоченій, переходишь къ тѣмъ свѣтлымъ картинамъ, которыя Грантъ рисуетъ въ своей книгѣ изъ жизни журналистики англійской, то едва вѣришь глазамъ своимъ, что читаешь дѣйствительную исторію, а не праздное измышленіе какой-нибудь игривой фантазіи, что рѣчь идетъ дѣйствительно о журналистахъ, а не о какой-нибудь другой сферѣ дѣятельности. Такъ все здѣсь не похоже на то, что мы привыкли соединять съ именемъ журналистики! Такъ вся обстановка англійской журналистики противорѣчитъ нашимъ порядкамъ, понятіямъ, нравамъ!

Первое, что здѣсь бросается въ глаза, это общественное положеніе англійскихъ журналистовъ. Это уже не *Catilinarische Existenzen*, не тѣ загнанные люди, которыхъ можетъ притѣснить чуть не каждый полицейскій, на которыхъ считаетъ себя въ правѣ смотрѣть свысока какой-нибудь залпесневѣлый гелертеръ, или швольный педантъ: это — лица, пользующіяся глубокимъ уваженіемъ государственныхъ мужей Англій, англійскаго парламента и вообще всего образованнаго общества. Они привыкли съ такою гордостью смотрѣть на свою профессію, такъ ревниво охраняютъ ея права, что не оставляютъ безъ протеста ни малѣйшаго публичнаго неуваженія къ ней, — кѣмъ-бы оно ни было оказано, — принимая это неуваженіе за оскорбленіе цѣлой корпораціи. Въ другихъ странахъ эти протесты показались-бы странными, ни съ чѣмъ несообразными, нелѣпными и не только настаиваніе на ихъ удовлетвореніи, а самое заявленіе ихъ, пожалуй, повлекло бы за собою полицейское и уголовное преслѣдованіе. Въ Англійю относятся къ этимъ протестамъ иначе. Ихъ рассматриваютъ здѣсь со всевозможнымъ вниманіемъ, и требованія журналистовъ иногда, можетъ быть, очень щекотливыя, но вполне резонныя въ

виду охраненія уваженія къ профессіи, стараются равно поддерживать и парламентъ, и собственники газетъ, и публика. Со словъ Гранта мы передадимъ здѣсь исторію двухъ такихъ протестовъ, изъ которыхъ для читателя разомъ освѣтится вся разница между положеніемъ журналистики англійской и другихъ странъ.

Въ Англій изъ среднихъ вѣковъ сохранились такъ-называемыя юридическія корпораціи или коллегіи, въ которыя должны записываться всѣ молодые люди, желающіе посвятить себя юридической практикѣ, и состоять тамъ извѣстное число лѣтъ. Прежде здѣсь читались и обязательныя лекціи, но теперь хотя занесеніе въ списки коллегіи по прежнему обязательно, но самимъ студентамъ предоставляется право изучать правовѣденіе тамъ, гдѣ они найдутъ лучше. Въ тридцатыхъ годахъ начальство одной изъ такихъ коллегій „Lincoln's Inn“ замѣтило, что нѣкоторые изъ студентовъ подобныхъ заведеній сотрудничаютъ въ разныхъ газетахъ, нашло это для студентовъ неприличнымъ и издало постановленіе, въ силу котораго каждый членъ корпораціи подлежалъ исключенію изъ ученаго цеха, къ которому принадлежалъ, если онъ сотрудничалъ въ газетахъ. Сотрудники газетъ взглянули на это постановленіе, какъ на оскорбленіе, нѣкоторымъ образомъ даже какъ на публичное опозореніе своей профессіи. Тѣ изъ нихъ, которые исполняли обязанности репортеровъ въ парламентѣ, рѣшились довести дѣло до свѣденія парламента. Здѣсь у репортеровъ было много друзей и защиту ихъ дѣла принялъ на себя самъ Шериданъ, извѣстная парламентская знаменитость. Онъ поставилъ вопросъ съ особеннымъ шикомъ. „Господа, исполняющіе обязанности репортеровъ въ палатѣ, — сказалъ онъ, — такъ много терпѣли отъ бездушннхъ клеветъ, что пора, наконецъ, зажать ей ротъ и обратить ее въ ничто. Я констатирую фактъ, что между тѣми, которые записываютъ парламентскіе дебаты, находится не менѣе 23 человекъ, имѣющихъ степени университетовъ оксфордскаго, кембриджскаго и дублинскаго. Для всѣхъ ихъ открыты самыя почетныя поприща въ жизни и они для развитія своего ума и пріобрѣтенія политической опытности не могли выбрать лучше пути, чѣмъ тотъ, на который они вступили. Ихъ привели на этотъ путь достойныя всякаго уваженія и честныя побужденія. Этими самыми побужденіями руководились и тѣ многочисленныя, принадлежащія нашему прошедшему великія имена, которыя изъ мрака неизвѣстности достигли славы и чести. Докторъ Джонсонъ и Боркъ не почитали для себя унизительнымъ этого занятія, и такихъ-то людей осмѣливается унижать эта коллегія. Невозможно представить себѣ болѣе бездушнаго и низкаго нападенія на литератур-

ные таланты. Во всей англійской исторіи нельзя найти ничего подобнаго, исключая развѣ попытки изгнать всѣхъ ученыхъ юристовъ изъ парламента, которая была сдѣлана въ царствованіе Генриха IV. Но тогда эта самая корпорація, которая теперь хочетъ обезславить другихъ, почувствовала себя глубоко оскорбленною. Она запятнала парламентъ названіемъ—*indostum*—невѣжественнаго и лордъ Кукъ имѣлъ даже смѣлость объявить, что парламентъ не издалъ ни одного порядочнаго закона. Совершенно невозможно представить себѣ ни одного разумнаго основанія для изданія того постановленія, на которое принесена жалоба. Постановленіе это посягаетъ на свободу и честный характеръ нашей прессы. Оно содержитъ крайне несправедливую личную проскрипцію и тѣмъ подрываетъ лучшіе принципы нашей конституціи. Англійская конституція тѣмъ и славится, что она не признаетъ никакихъ отверженныхъ положеній или состояній, что нѣтъ такого мѣста и достоинства въ государствѣ, котораго не могъ бы достигъ каждый своимъ честнымъ трудомъ и дарованіемъ, на какой бы ступени въ общественной лѣстницѣ онъ ни стоялъ". Эта рѣчь Шеридана произвела сильное впечатлѣніе какъ въ самой палатѣ, такъ и въ интеллигентной части англійскаго общества. Коллегія со всѣхъ сторонъ подверглась порицаніямъ, и не только не приводила своего постановленія въ исполненіе, но и постаралась поскорѣе вычеркнуть его изъ своего устава.

Еще интереснѣе была борьба репортеровъ съ извѣстнымъ знаменитымъ агитаторомъ и членомъ нижней палаты О'Коннелемъ. Въ лѣтнюю сессію 1833 года О'Коннель сдѣлалъ на репортеровъ сильное нападеніе. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они при различныхъ случаяхъ, часто изъ личныхъ побужденій, рѣчей его или вовсе не передавали, или передавали не съ тою точностію и полнотою, которыхъ требовали интересы Ирландіи. Кроме того, онъ вообще, упрекалъ ихъ въ нечестности и въ заключеніе рѣчи сдѣлалъ предложеніе, чтобы репортеры „Times“ и „Morning Chronicle“ были привлечены къ отвѣтственности передъ палатою, за то, что они сдѣлали неполное сообщеніе объ одной изъ болѣе важныхъ его рѣчей. Предложеніе О'Коннеля было отвергнуто 159 голосами, противъ 48,—да и эти 48 принадлежали такъ-называемому хвосту „О'Коннеля“, т. е. тѣмъ членамъ, которые изъ благоговѣнія къ великому агитатору востервали съ нимъ всегда за одно. Хотя репортеры вышли такимъ образомъ побѣдителями надъ О'Коннелемъ, но они этой побѣдой не удовольствовались. О'Коннель сдѣлалъ публичное нападеніе на нравственный характеръ дѣятельности, заподозривъ

ихъ въ невѣрномъ и нечестномъ исполненіи ихъ профессиональныхъ обязанностей; такое оскорбленіе нельзя было оставить безъ истребованія удовлетворенія отъ О'Коннеля. Репортеры начали съ того, что всѣ безъ исключенія постановили: не говорить въ своихъ сообщеніяхъ ни одного слова о рѣчахъ О'Коннеля, до тѣхъ поръ, пока онъ не возьметъ назадъ обвиненій, высказанныхъ имъ публично противъ ихъ корпораціи. Между прочимъ, встаетъ здѣсь замѣтить, въ какомъ уваженіи находятся репортеры у издателей и собственниковъ газетъ; ни одинъ изъ послѣднихъ не возразилъ ни слова противъ принятія репортерами резолюціи, какъ она ни вредна была для матеріальныхъ выгодъ газетъ. Резолюція была въ копіи послана репортерами О'Коннелю. Но О'Коннель этимъ не смутился; онъ надѣялся съ торжествомъ выйдти изъ этой борьбы, воспользовавшись однимъ древнимъ парламентскимъ обычаемъ. Въ прежнее время доступъ въ парламентъ для всѣхъ чужихъ, т. е. не членовъ, былъ воспрещенъ; они могли присутствовать здѣсь, пользуясь только терпимостію членовъ. Но если какой нибудь членъ хотѣлъ, чтобы изъ не было въ парламентѣ, ему стоило только обратиться къ предсѣдателю и сказать: „сэръ, мнѣ кажется, я вижу на галлерей чужихъ“. Предсѣдатель обязанъ былъ тотчасъ-же, громко, съ особеннымъ удареніемъ произнести: „чужіе должны удалиться“. И чужіе, исполняя это приказаніе, бѣжали съ галлерей съ такою быстротою, какъ будто бы кто закричалъ: пожаръ. О'Коннель думалъ, что если онъ разъ только воспользуется такимъ правомъ, то репортеры лишены будутъ возможности передавать не только его рѣчи, но и вообще всѣ дебаты парламента. А такое состояніе продолжаться не можетъ и репортеры на другой-же день примутся за исполненіе своихъ обязанностей и будутъ рады бросить свою резолюцію, чтобы изъ-за нея не подвергнуться отвѣтственности. Но прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ такому крайнему средству, О'Коннель сначала только пригрозилъ имъ, надѣясь, что репортеры сами одумаются. Въ первое-же послѣ этого парламентское засѣданіе онъ говорилъ длинную и очень важныхъ предметовъ касавшуюся рѣчь—и ждалъ, что будетъ. На другое утро, къ его удивленію и досадѣ, ни въ одной газетѣ объ его рѣчи не было упомянуто ни слова. Тогда О'Коннель рѣшился вступить въ борьбу съ репортерами. Въ слѣдующее-же засѣданіе вечеромъ, онъ всталъ и обратился къ предсѣдателю съ вышеприведенною нами фразою о присутствіи чужихъ на галлерей и всѣ чужіе, въ томъ числѣ и репортеры, по требованію предсѣдателя немедленно удалились. О'Коннель подробно объяснилъ палатѣ причины, которыя заставили его такъ поступить,

и вмѣстѣ объявилъ, что онъ будетъ продолжать такъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока репортеры не откажутся отъ своей резолюціи. На другое утро всѣ лондонскія газеты явились безъ парламентскихъ извѣстій и въ первый разъ, — ибо уже многіе и очень многіе прошли годы, когда бывали подобные случаи, — страна не имѣла извѣстій, о чемъ разсуждаютъ ея представители въ парламентѣ. Такъ прошелъ день, другой, третій... Недовольство сдѣлалось общимъ. Недоволенъ былъ парламентъ, который привыкъ къ публичности своихъ дебатовъ и теперь долженъ былъ вести ихъ точно при закрытыхъ дверяхъ; недовольна была вся страна, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о парламентскихъ дѣйствіяхъ. О'Коннель и друзья его все еще надѣялись, что издатели и собственники газетъ, интересы которыхъ страдаютъ, вступятся въ это дѣло и заставятъ репортеровъ приняться за работу. Но издатели и собственники и не думали предпринимать ничего подобнаго. Съ свойственнымъ имъ тактомъ, они совершенно уклонились отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло, предоставивъ его въ полную волю репортеровъ. Последніе собирались каждый вечеръ съ открытіемъ парламентскаго засѣданія, чтобы тотчасъ приняться за дѣло, какъ скоро О'Коннель заявитъ, что беретъ назадъ высказанныя имъ обвиненія. Въ такомъ состояніи прошла цѣлая недѣля и даже болѣе. О'Коннелю, который чувствовалъ себя виновникомъ этого положенія, становилось тяжело и неловко. Онъ продолжалъ каждый вечеръ жаловаться въ парламентѣ на такое отношеніе къ нему, но тонъ его жалобъ съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе и болѣе злегичнымъ и смягчался. Наконецъ, это состояніе стало невыносимымъ для парламента и для націи, тѣмъ болѣе, что въ парламентѣ начались дебаты о какихъ-то важныхъ предметахъ. Тогда вліятельнѣйшіе члены парламента обратились къ репортерамъ съ просьбою бросить это дѣло. Репортеры сами убѣдились, что общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ и что они могутъ, не роняя себя, кончить борьбу. Они снова принялись за дѣло и такъ-какъ вмѣстѣ съ этимъ О'Коннель далъ требуемое ими удовлетвореніе, то все пришло въ прежній порядокъ — и рѣчи О'Коннеля стали излагаться также полно, какъ и рѣчи другихъ ораторовъ.

Исторіи, которыя мы рассказали, относятся къ 30 годамъ, къ времени, которое никакъ нельзя назвать особенно блестящимъ въ англійской журналистикѣ; тогда она только начала, такъ сказать, вставать на ноги. Теперь она давно уже заняла прочное и независимое положеніе и пользуется еще большимъ почетомъ и уваженіемъ. Редакторы и сотрудники большихъ газетъ и журналовъ находятся въ постоянныхъ, и часто самыхъ близкихъ

отношеніяхъ съ государственными людьми; отъ нихъ получаютъ они разныя свѣдѣнія, дѣлятся съ ними съ своей стороны своими мнѣніями и доставляютъ имъ поддержку, безъ которой въ Англіи государственный человѣкъ обойтись не можетъ. Эта поддержка дается по свободному убѣжденію, каковую могутъ давать другъ другу люди, стоящіе на равной ногѣ, а не изъ прихвостничества или желанія получить подачку и не вынужденно, какъ дѣлаетъ это въ „Leipziger-Strasse“¹, какъ остроумно замѣчаетъ Дюбокъ въ поддержкахъ, оказываемыхъ журналистикою нѣмецкой. Для вліятельнѣйшихъ лицъ въ журналистикѣ, для редакторовъ большихъ газетъ открытъ входъ въ самыя тѣсныя аристократическія круги. Почти за годъ до смерти лорда Пальмерстона, говоритъ Гравтъ Дизраэли имѣлъ безтактность въ одной изъ своихъ рѣчей сказать о редакторахъ главныхъ лондонскихъ газетъ, что ихъ политическія мнѣнія навѣваются изъ блестящихъ золотомъ салоновъ супруговъ министровъ. Этотъ намекъ относился главнымъ образомъ къ леди Пальмерстонъ, въ обществѣ которой былъ принятъ м-г Диленъ, съ давняго времени завѣдующій „Times'омъ“. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ на этотъ намекъ, что онъ лично считаетъ за высокую честь быть въ самыхъ дружескихъ и интимныхъ отношеніяхъ съ м-г Диленомъ, котораго онъ не можетъ не уважать за его отличныя качества, какъ человѣка, и за его рѣдкія дарованія, какъ редактора, — что онъ (лордъ Пальмерстонъ) вообще протестуетъ противъ посягательства оратора на униженіе корпораціи, которая стоитъ такъ высоко и почетно, что должна быть защищена отъ подобныхъ низкихъ нападеній. Рѣчь Пальмерстона была встрѣчена общимъ сочувствіемъ и одобреніемъ всей палаты.

При высокомъ своемъ общественномъ положеніи англійская журналистика имѣетъ и матеріальную обстановку блестящую. Изданіе англійскихъ газетъ требуетъ огромныхъ издержекъ. Поэтому къ журнальному дѣлу здѣсь давно уже приложенъ принципъ капиталистической ассоціаціи — изданія газетъ на акціяхъ. Такъ издаются многія газеты. Но этотъ принципъ не внесъ въ англійскую журналистику того политическаго разврата, какой внесенъ имъ въ нѣкоторыя изданія въ Австріи и Германіи. Журналистика и при немъ осталась самостоятельной и независимой, а между тѣмъ онъ далъ возможность хорошо обставить газету и дать лучшее матеріальное положеніе трудящимся въ ней.

Большія лондонскія утреннія газеты имѣютъ огромный персо-

¹ Въ этой улицѣ, въ Берлинѣ, находится зданіе военнаго министерства, палаты господъ, германскаго рейхстага.

мъ сотрудниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ главный редакторъ. Главный редакторъ представляетъ лице собственниковъ и собственника газеты,—и полный хозяинъ дѣла. Онъ имѣетъ личный надзоръ и контроль за всѣми частями учрежденія, рѣшаетъ всѣ сомнѣнія и затрудненія, даетъ направленіе всему дѣлу. Онъ пишетъ иногда руководящія статьи, но большею частію, такъ-какъ самъ онъ заваленъ работой, онъ даетъ для этихъ статей темы сотрудникамъ, указывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ или другой характеръ и тонъ въ разработкѣ темы; затѣмъ онъ прочитываетъ доставленные на темы статьи, сглаживаетъ ихъ и окончиваетъ, гдѣ нужно, согласно съ тѣмъ или другимъ политическимъ направленіемъ газеты и требованіемъ минуты. За главнымъ редакторомъ слѣдуетъ его товарищъ, который собственно и ведетъ дѣло редакціи газеты, распоряжается помѣщеніемъ статей или другихъ статей, заботится о полнотѣ текущихъ свѣдѣній, отмѣчаетъ, что нужно взять изъ провинціальныхъ газетъ; рядомъ съ нимъ стоитъ особый редакторъ для иностранныхъ вѣстий. Работа главного редактора — работа въ своемъ родѣ вторжная. Онъ занятъ цѣлые дни и ночи. Ранѣе трехъ часовъ редакторъ рѣдко можетъ идти въ постель. Когда-же идутъ парламентскія засѣданія, то работа оканчивается обыкновенно почти не ранѣе пяти съ половиною часовъ утра. Одинъ редакторъ утренней газеты цѣлыя двадцать лѣтъ своей жизни провелъ слѣдующимъ образомъ: регулярно въ 10 часовъ утра онъ отправился въ редакцію и оставался тамъ до двухъ часовъ пополудни, потомъ въ половинѣ седьмого отправлялся опять въ редакцію и оставался тамъ до 3 часовъ утра. Это постоянное напряженіе заставляло иногда редакторовъ отказываться отъ всякихъ праздниковъ и нерѣдко проходить цѣлые годы въ непрерывной, не знающей отдыха дѣятельности. Работа товарищей редактора не менѣе трудна и утомительна. Въ Америкѣ главные редакторы получаютъ жалованья не менѣе 2,000 фунтовъ стерлинговъ, а ихъ помощники отъ 1,000 до 1,200 ф. ст. Въ Англии только главный редакторъ „Times“ получаетъ 2,000 ф. ст., обыкновенное же жалованье въ другихъ газетахъ 1,000 ф. Что касается до товарищей редакторовъ въ Англии, то они, по словамъ Джонсона, живутъ *надеждою* попасть въ главные редакторы, утѣшаясь до того блаженнаго времени 1,000 ф. стерлинговъ, ими получаемыхъ. Но Грантъ говоритъ, что такое жалованье товарищи редактора получаютъ рѣдко; обыкновенно же оно составляетъ половину того, что получаетъ главный редакторъ, а въ плохихъ газетахъ даже и треть. Золотные-же сны о главномъ редакторствѣ зачастую и сбываются. Кромѣ этихъ главныхъ лицъ въ редакціи, ре-

директора и двухъ его товарищей, иногда бываетъ въ газетѣ особый редакторъ для литературныхъ и индустриальныхъ извѣстій; кромѣ того, во всякой газетѣ есть особенный журналистъ для биржевыхъ статей, который имѣетъ свое бюро въ -Сити и каждый вечеръ посылаетъ свои работы въ газету. Подъ рукою у этихъ лицъ, составляющихъ кадры газетъ, находится безчисленное множество репортеровъ, корреспондентовъ и т. п.

Подъ репортеромъ у насъ очень многіе разумѣютъ человѣка, состоящаго при газетѣ на побѣгушкахъ, доставляющаго въ нее разныя мелкія извѣстія. Такое понятіе о репортерахъ совершенно неправильно. Хотя въ обширномъ смыслѣ и поставщики мелкихъ извѣстій, какъ-то: объ убійствахъ, пожарахъ, уличныхъ скандалахъ и т. п. называются репортерами, но это только въ обширномъ смыслѣ; специальное-же ихъ названіе *peppu-a-lineer*, данное имъ именно потому, что они не принадлежатъ прочно къ персоналу газеты, постояннымъ окладомъ жалованья не пользуются, а получаютъ за приносимыя ими отѣтки и извѣстія только построчную плату. Собственно репортерами называются всѣ постоянные сотрудники газетъ по разработкѣ текущихъ ежедневныхъ вопросовъ и событій, что бы они въ нее ни вносили, замѣтки-ли, обзорѣнія, этюды, характеристики и т. д. Уже изъ этого ясно, что въ хорошо поставленной газетѣ всѣ репортеры должны быть болѣе или менѣе достаточно образованы, и не безъ талантовъ, чтобы изъ безконечнаго матеріала, ежедневно представляющагося для газеты, каждый изъ нихъ по своей части умѣлъ выбрать и обработать то, что можетъ болѣе способствовать успѣху газеты. Самый значительный контингентъ въ числѣ репортеровъ газетъ составляютъ репортеры парламентскіе. „Times“ посылаетъ въ парламентъ 16 репортеровъ, кромѣ этого 2 обозрѣвателя, которые обязаны записывать только суть всего, и, наконецъ, еще одного, который доставляетъ свѣдѣнія вообще о составѣ парламента. „Standard“ посылаетъ 13 репортеровъ и одного обозрѣвателя; „Morning Advertiser“ девять репортеровъ и одного обозрѣвателя; „Daily News“ восемь репортеровъ и одного обозрѣвателя; „Morning Post“ семь репортеровъ и одного обозрѣвателя. Въ репортеры поступаютъ обыкновенно люди не только съ высшимъ образованіемъ, но иногда съ обширными научными свѣдѣніями и замѣчательными талантами. Составъ корпораціи репортеровъ самый разнообразный. Большую часть составляютъ юристы, но тутъ есть и медики, и лица, готовившіяся къ духовному званію, но оставившія его и т. п. Нѣкоторые такъ влюбляются въ занятія репортера, что ради нихъ отказываются отъ самыхъ выгодныхъ и видныхъ мѣстъ, которыя имъ предла-

гаются. Но обыкновенно званіе репортеровъ переходное. Отсюда одни ноступаютъ на очень видныя посты: судебныя, дипломатическія, вообще официальные; другіе дѣлаются учеными, писателями, редакторами. Изъ репортеровъ вышло безчисленное множество разнаго рода англійскихъ знаменитостей, — въ томъ числѣ репортеромъ началъ свое поприще и Чарльзъ Диккенсъ, — и всѣ эти знаменитости съ удовольствіемъ и гордостью вспоминаютъ время, проведенное ими въ ряду „джентльменовъ галлерей“, какъ называютъ ихъ въ парламентѣ. Репортеры, смотря по газетѣ и личнымъ дарованіямъ, получаютъ постояннаго жалованья отъ 5 до 10 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю. Число парламентскихъ репортеровъ отъ всѣхъ газетъ простирается въ настоящее время до 105 человекъ. Для нихъ въ парламентѣ построена особенная галерея, отлично отдѣланная, при которой, кромѣ того, находится особенная комната, гдѣ они редижируютъ свои замѣтки. При парламентѣ они составляютъ нѣчто въ родѣ особой корпорации и обыкновенно называются джентльменами галлерей.

Репортеры каждой газеты записываютъ парламентскія дебаты по очереди; смѣна происходитъ черезъ каждыя три четверти часа и это называется „туромъ“. При ночныхъ засѣданіяхъ туры оканчиваются еще скорѣе. Работа репортеровъ не легкая. Стенографировать можно рѣчи только тѣхъ ораторовъ, которые говорятъ громко и внятно и которые хорошо владѣютъ даромъ слова. А такихъ ораторовъ очень немного. Такъ прежде стенографировались рѣчи лорда Линдгѣрста, лорда Дерби и сэра Роберта Пилля, нынѣ стенографируются рѣчи Гладстона. Но если ораторъ не имѣетъ сильнаго голоса, сливается или скрадываетъ слова, не довольно свободно владѣетъ языкомъ и говоритъ несладко, то здѣсь для репортера важно уловить не столько звуки, какъ это дѣлается при стенографической записи, сколько смыслъ рѣчи и ея построеніе, чтобы потомъ можно было возстановить ее. Рѣчи такихъ ораторовъ подвергаются сильной переработкѣ репортеровъ. Для оратора весьма много значить: въ какой туръ придется говорить? Какой репортеръ — болѣе или менѣе талантливый — будетъ работать надъ его рѣчью? Отъ той или другой отдѣлки, которую дадутъ рѣчи репортеры, весьма много теряетъ или выигрываетъ достоинство рѣчи и ея впечатлѣніе. Въ этомъ случаѣ не безъ вліянія остается то или другое отношеніе оратора къ „джентльменамъ галлерей“. У нихъ есть между членами палаты свои любимцы и не любимцы. Общимъ расположеніемъ всѣхъ пользовался лордъ Пальмерстонъ, — и репортеры всѣхъ газетъ — и преданныхъ правительству и враждебныхъ ему, одинаково старались надъ обработкой рѣчей Пальмерстона. Лордъ Пальмер-

стонъ вообще умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ обворожительною мягкостію и гуманностію своего обращенія. Кромя того, для репортеровъ, онъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ быть чѣмъ нибудь полезенъ, дѣлалъ все, что могъ, со всею предупредительностію и любезностію. Если время, назначенное для митинга, на которомъ долженъ былъ говорить рѣчь Пальмерстонъ, было неудобно для репортеровъ, онъ по просьбѣ послѣднихъ хлопоталъ о перемѣнѣ срока; если нельзя было этого сдѣлать, онъ давалъ краткій конспектъ рѣчи, которую онъ намѣренъ былъ говорить. По этому конспекту сообразительные „джентльмены галлерей“, знавшіе хорошо образъ мыслей и манеру оратора, легко могли рассказать содержаніе рѣчи, не слышавъ ея и не впадая въ противорѣчіе съ рѣчью дѣйствительно сказанною. Между прочимъ, въ доказательство того, какъ далеко простиралась любовь лорда Пальмерстона по отношенію къ репортерамъ, Грантъ рассказываетъ слѣдующій комическій случай.

Парламентскіе репортеры раздѣляются на два класса: годовыхъ (annuals), получающихъ постоянное жалованье и „сессіоналовъ“, приглашаемыхъ только на парламентскую сессію. Назадъ тому двадцать и тридцать лѣтъ всѣ репортеры начинали свою карьеру съ сессіоналовъ, и въ этомъ положеніи оставались очень долго. Бывали случаи, что несмотря на свою способность, едва черезъ 19 лѣтъ, сессіоналъ попадалъ въ годовые. Нынѣ этого уже не бываетъ. Всѣ лучшія газеты стараются обзавестись годовыми репортерами. При „Times'ѣ“ уже лѣтъ 10 или 12 всѣ репортеры получаютъ постоянное жалованье; точно также и въ другихъ большихъ газетахъ. Сессіоналы, когда оканчиваются парламентскія сессіи, отправляются обыкновенно въ графства, иногда очень на далекія разстоянія, и работаютъ тамъ на митингахъ, предварительно заручившись, конечно, заказами отъ газетъ. Естественно, что митингъ съ Пальмерстономъ былъ и для сессіоналовъ и для газетъ самымъ интереснымъ митингомъ. И такой митингъ бывалъ обыкновенно въ Тивертонѣ каждый разъ, когда происходили новые выборы лорда Пальмерстона въ парламентъ за Тивертонъ,—и митингъ бывалъ очень оживленный. Здѣсь былъ непримиримый соперникъ лорда одинъ мясникъ—человѣкъ эксцентричный, любившій поговорить, который постоянно ему оппонировалъ. Лордъ Пальмерстонъ не безъ удовольствія выходилъ на это состязаніе, дававшее обильную пищу его неистощимому юмору. Когда въ послѣдній разъ передъ внесеніемъ билля о реформѣ онъ прибылъ сюда въ качествѣ кандидата за Тивертонъ, сюда-же явились и три сессіонала въ полной надеждѣ на обильную поживу. Но на этотъ разъ судьба оказалась къ нимъ

неблагодарною; масникъ заболѣлъ; лордъ Пальмерстонъ былъ выбранъ безъ всякаго противорѣчя, — никакой рѣчи не было; лордъ сказалъ лишь нѣсколько благодарственныхъ словъ, изъявъ сожалѣнiе объ отсутствii своего „друга“ и затѣмъ съ двумя друзьями своими, съ которыми прiѣхалъ, отправился въ гостиницу, гдѣ остановился. Репортеры, сдѣлавшие значительные расходы на путешествiе, остались ни съ чѣмъ и не знали, что имъ дѣлать. Собравшись на совѣтъ, они порѣшили выбрать изъ среды себя депутата и отправить его къ министру съ просьбою, что „три джентльмена, участвующiе въ прессѣ“ желаютъ съ нимъ говорить. Когда они были допущены и объяснили, въ чемъ дѣло, лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ: „Я очень сожалѣю о такомъ прискорбномъ обстоятельстве. Если-бы я это зналъ, я-бы для васъ сказалъ какую-нибудь рѣчь. Но теперь я не знаю, что намъ дѣлать. Не придумаете-ли вы чего-нибудь?“ „Еслибы ваше превосходительство были такъ добры... сказали теперь рѣчь...“ проговорилъ депутатъ. „Но какъ-же это? Здѣсь всего только два моихъ друга!“ возразилъ лордъ Пальмерстонъ. „И насъ еще трое“, прибавилъ депутатъ. „Ахъ, да, совершенно справедливо, но о чемъ-же говорить? У меня нѣтъ въ виду никакой идеи“. „Ваше превосходительство, началъ депутатъ: — вы, конечно, знаете, какъ глубоко заинтересована вся страна ожидаемымъ биллемъ о реформѣ. Вы насъ очень обязали-бы, еслибы сказали что-нибудь объ этомъ предметѣ!“ „Признаться сказать, отвѣчалъ лордъ Пальмерстонъ: — именно объ этомъ предметѣ, я не знаю, что можно было-бы сказать теперь. А впрочемъ, то правда, что министры ея величества готовятъ билль о реформѣ, который будетъ предложенъ парламенту въ ближайшую сессiю“. И вотъ лордъ Пальмерстонъ началъ длинную рѣчь о нуждахъ страны, о необходимости улучшить ея представительство, чувствуемой всѣми, о желанii правительства удовлетворить потребностямъ страны. Не входя въ подробности, лордъ Пальмерстонъ по мѣстамъ давалъ понять, что реформы, которыя будутъ предложены, удовлетворяютъ желанiямъ большинства страны. Когда рѣчь была кончена, репортеры изъявили министру искреннюю благодарность и, ни мало не медля, отъ слова до слова воспроизвели его рѣчь и отослали ее въ лондонскiя газеты. Здѣсь тивертонская рѣчь министра, которой никто изъ жителей Тивертонна не слыхалъ, произвела впечатлѣнiе на всѣхъ. Во всѣхъ газетахъ явились передовныя статьи съ разъясненiемъ тѣхъ намековъ, которые сдѣланы министромъ относительно предстоящей реформы.

Еще большее число, чѣмъ репортеровъ, состоитъ при каждой газетѣ корреспондентовъ и такъ-называемыхъ специальныхъ кор-

респондентовъ. До февральской революціи 'единственными пунктами постоянныхъ корреспондентовъ были: Парижъ, Мадридъ, Лиссабонъ, — послѣдніе оба по старой памяти, сохранившейся изъ временъ Наполеона I. Теперь лондонскія газеты обязаны содержать своихъ агентовъ, не говоря уже о всѣхъ значительныхъ городахъ Англіи, во всей Европѣ, Сѣверной Америкѣ, Ост-Индіи, и даже въ Австраліи; агенты, кромѣ обыкновенныхъ корреспонденцій о каждомъ сколько-нибудь значительномъ событіи и даже о слухахъ, имѣющихъ тотъ или другой интересъ, посылають въ редакціи телеграфическія депеши. Кромѣ этихъ осѣдлыхъ, такъ сказать, корреспондентовъ, которые не могутъ оставлять своихъ постовъ, на которыхъ они поставлены, есть еще корреспонденты странствующие или корреспонденты, какъ обыкновенно они называются, *спеціальные*. Спеціальныи корреспондентъ тѣмъ и отличается отъ обыкновеннаго, что у него нѣтъ постоянного мѣста, что онъ по требованію обстоятельствъ переезжаетъ съ одного мѣста на другое, и пишетъ о томъ, что случится здѣсь особенно важнаго. Если начинается революція, то его обязанность немедленно отправляться туда, гдѣ революціонное движеніе находится въ самомъ сильномъ разгарѣ. Въ военное время онъ обязанъ слѣдовать повсюду за арміей и сообщать газетѣ, которая его командировала, извѣстія о ежедневномъ ходѣ военныхъ дѣлъ. Жизнь спеціальнаго корреспондента во время революцій или во время войны, какъ было въ крымскую войну 1854 года и недавнюю прусско-французскую, полна всякаго рода приключеній и подвержена непрестаннымъ опасностямъ. Чтобы быть хорошимъ корреспондентомъ, добывать интересныя свѣдѣнія, надобно не жалѣть себя, быть постоянно въ боевыхъ мѣстахъ. И спеціальныя корреспонденты въ сказанныя войны большею частію такъ ревностно служили своему дѣлу, что ихъ отважность и храбрость были предметомъ удивленія для офицеровъ различныхъ армій. Они то и дѣло были задерживаемы, попадали въ плѣнъ, подвергались опасности быть разстрѣлянными. Нѣкоторые были ранены, нѣкоторые убиты. Вообще-же, почти всѣ перенесли такія лишения и бѣдствія, которыя, по всей вѣроятности, оставили послѣдствія на всю жизнь. Но какъ ни тяжело было положеніе спеціальныхъ корреспондентовъ даже въ послѣднюю прусско-французскую войну, оно все-таки не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми страданіями, которыя вытерпѣли они въ американскую войну. Война эта и продолжалась въ пять разъ долѣе, чѣмъ прусско-французская и ведена съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. „New-York-Herald“ сообщалъ въ концѣ войны много любопытныя свѣдѣнія о понесенныхъ имъ собственно потеряхъ.

Эта газета съ начала и до конца войны имѣла 60 специальныхъ корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій. Изъ нихъ одинъ былъ убитъ въ сраженіи, трое умерли отъ болѣзни вслѣдствіе лишений. Одинъ былъ положенъ на мѣстѣ картечнымъ выстрѣломъ. Одинъ былъ двадцать семь разъ въ пылу сраженій и получилъ семь ранъ, тогда какъ товарищъ его полатился четырнадцатимѣсячнымъ плѣннымъ. Многие другіе корреспонденты сдѣлались на всю жизнь инвалидами. Любопытны данныя, сообщаемыя „New-York-Herald'омъ“ о потерѣ лошадей. Изъ 128 лошадей, которыя были куплены этою газетою для своихъ специальныхъ корреспондентовъ, погибло 78, — одинъ былъ убитъ во время сраженій, другія пали отъ недостатка корма. Таковы потери одной только газеты! Какъ-же должна быть велика общая сумма потерь всѣхъ газетъ, изъ которыхъ каждая имѣла также изрядный штатъ специальныхъ корреспондентовъ!

Уже изъ сказаннаго видно, что на специальныхъ корреспондентовъ газеты не жалѣютъ денегъ. Обыкновенно, редакция, отправляя корреспондента, даетъ ему двойное жалованье противу репортеровъ и, кромѣ того, беретъ всѣ издержки на свой счетъ. Въ этомъ случаѣ, англійскія газеты не жалѣютъ ничего, чтобы поставить своего корреспондента, какъ можно лучше. Въ особенности, въ военное время, военнымъ корреспондентамъ внушается, чтобы они не стѣснялись никакими расходами, дѣлали все, что можетъ способствовать успѣшному исполненію ихъ обязанностей. Грантъ говоритъ, что расходы на специальныхъ корреспондентовъ, во время прусско-французской войны, каждой лондонской большой газетѣ стоили не менѣе 10,000 фунтовъ стерлинговъ, а «Times» гораздо больше. «New-York-Herald» свои расходы на специальныхъ корреспондентовъ въ теченіи четырехъ лѣтъ американской войны считаетъ въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. по 30,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Одно извѣстіе о взятіи новаго Орлеана, величиною въ три столбца, стоило газетѣ 260 фунт. стерл.

Когда мы говоримъ о военныхъ корреспондентахъ, то читатель никакъ не долженъ разумѣть здѣсь специалистовъ военного дѣла. Англія — государство не военное, и сыны Марса тамъ вовсе не въ ходу. Специальные корреспонденты въ особенно важныхъ случаяхъ выбираются большею частію изъ «джентльменовъ галлерей»; и какъ показываетъ опытъ, эти джентльмены неспециалисты ведутъ дѣло, какъ не удавалось ни одному изъ корреспондентовъ-специалистовъ континента. Нельзя при этомъ не отдать чести проницательности собственниковъ и редакторовъ англійскихъ газетъ при выборѣ своихъ специальныхъ корреспон-

*

дентовъ. Извѣстный Джонъ Россель, который въ послѣднюю французскую войну игралъ при нѣмецкой квартирѣ роль едва не важнѣйшую, чѣмъ нѣкоторыя великия державы, былъ не болѣе, какъ скромный репортеръ, въ продолженіи дѣлныхъ четырнадцать лѣтъ записывавшій парламентскіе дебаты, не обращавшій на себя ничьего вниманія и не отличавшійся въ литературномъ мірѣ никакою извѣстностію. Когда началась крымская война, хозяева „Times'a“ отправили его на мѣсто дѣйствія, дали ему большое жалованье и полномочіе не жалѣть никакихъ издержекъ, которыя потребуются для его дѣла. Послѣдствія извѣстны. Послѣ двѣнадцати мѣсяцевъ Джонъ Россель сдѣлался европейскою извѣстностію и приобрѣлъ такое литературное положеніе въ Англіи, которое кромѣ его имѣлъ развѣ только Диккенсъ.

Кромѣ сотрудниковъ постоянныхъ, въ англійскихъ газетахъ, какъ и въ нашихъ есть много вкладчиковъ случайныхъ, какъ-то: корреспондентовъ вольныхъ, также реппу-а-линей, доставляющихъ ежедневно извѣстія о разныхъ мелкихъ происшествіяхъ; наконецъ присылающихъ, вообще, различныя статьи въ газету. Реппу-а-линей, а также, вообще, всѣ случайныя заурядныя корреспонденціи оплачиваются по 3½ пенса за строчку. Но статьи, писанныя по разнымъ текущимъ вопросамъ и происшествіямъ и попадающія въ число руководящихъ, если успѣютъ обратить на себя вниманіе публики, оплачиваются очень щедро. Въ особенности, какъ и во всемъ, не жалѣеть денегъ „Times“. За статьи, которыя произвели впечатлѣніе въ публикѣ, онъ выплачивалъ иногда стороннимъ вкладчикамъ по 20 ф. стерлинговъ за столбецъ, хотя-бы они писали статьи въ виду собственныхъ, вовсе не денежныхъ расчетовъ и не только не просили никакого гонорарія, но считали гонораріемъ уже и то, что статьи ихъ помѣщены въ такой вліятельной газетѣ. Но у „Times“ принципъ не помѣщать у себя ни одной строчки неоплаченной соблюдается строго и онъ иногда по этому поводу вступаетъ въ благородную борьбу съ авторами, не желающими брать гонорарія за свои статьи. Разсказавъ одинъ изъ случаевъ щедрого вознагражденія Times'омъ одной статьи сторонняго вкладчика, Грантъ замѣчаетъ, что „этотъ случай никакъ не единственный, что напротивъ газета эта постоянно старалась возможно щедро вознаграждать устныхъ работниковъ. Это сохранялось въ ней по традиціи. Кромѣ того, Times'омъ принято еще за правило, постояннымъ сотрудникамъ газеты, если они оказали ей какую нибудь особенную услугу или долго въ ней работали и потому сдѣлались неспособными къ работѣ, выплачивать постоянную пенсію до смерти. Едва-ли нужно говорить, замѣчаетъ Грантъ, какъ эта увѣрен-

ность въ томъ, что выброшенъ на улицу никогда не будешь, много способствуешь въ возможно долгомъ сохраненіи связки силъ для газеты въ сотрудничавъ и ихъ продуктивной дѣятельности".

Одинъ американскій писатель, описывающій „Times“, говоритъ, что въ этой газетѣ постоянныхъ сотрудниковъ, состоящихъ на жалованьи, простирается до 400 человекъ, а по другимъ, даже до 500 человекъ. Грантъ находитъ эту цифру слишкомъ увеличенной. Ошибка, по его мнѣнію, происходитъ оттого, что въ число постоянныхъ сотрудниковъ газеты включены всѣ тѣ лица, которыя приносятъ изъ провинцій извѣстія о мѣстныхъ происшествіяхъ, катастрофахъ и разныя другія замѣтки. Подобныя корреспонденціи посылаются во всѣ газеты и омячиваются только тогда, когда будутъ приняты годными, по 3½ пенса за строчку, какъ и мелкія извѣстія, доставляемыя реппу-а-линег. Но если предположить, что число постоянныхъ сотрудниковъ Times'a увеличено въ приведенномъ выше извѣстіи вдвое, то все таки цифра ихъ останется очень почтенная.

На такихъ-же широкихъ основаніяхъ и съ такимъ-же блескомъ поставлена и механическая сторона журнальнаго дѣла. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности этой постановки, ибо это повело-бы насъ очень далеко, а передадимъ только нѣсколько общихъ цифръ по этому предмету, сообщаемыхъ однимъ американцемъ о „Times'а“. Число всѣхъ лицъ, занимающихся механической работой при этой газетѣ, простирается до 400 чел. Этой цифрой не отвергаетъ и Грантъ. При процессѣ печатанія газеты десять человекъ заняты единственно тѣмъ, что устанавливають стереотипныя доски въ печатныхъ машинахъ, которыя работаютъ постоянно отъ восьми часовъ вечера до семи утра, кромѣ того, въ промежутокъ, днемъ заняты печатаніемъ вторыхъ изданій, шестнадцать истопниковъ и инженеровъ заняты около котловъ и машинъ, шесть человекъ подкладываютъ бумагу для печати, девяносто человекъ работаютъ при машинахъ и семь человекъ передаютъ газеты по окончаніи печатанія агентамъ, занимающимся ихъ дальнѣйшею раздачей.

Нынѣшнее блестящее положеніе досталось англійской журналистикѣ не даромъ. Она дебивалась его въ продолженіи болѣе полутораго вѣка постояннымъ внутреннимъ, какъ выражается Малкольмъ, самоочищеніемъ, угнѣнемъ пользоваться благоприятными обстоятельствами, неуклоннымъ служеніемъ высшимъ цѣлямъ общества, неутомимымъ трудомъ. Начатки англійской журналистики относятся къ два десятимъ годамъ 17 столѣтія. Съ этого времени и въ продолженіе болѣе, чѣмъ полуторыхъ столѣтій, путь англійской

журналистика былъ очень тернистый. Съ одной стороны, публика была слишкомъ груба и не развита. Какъ не высокъ былъ уровень ея пониманія, можно судить по слѣдующему заявленію, напечатанному въ „Общественномъ Вѣстникѣ“ 1644 года: „Уайтгалль, 14 мая 1646 года. Такъ какъ его Богоосвященное величество объявилъ свою королевскую волю, что онъ исцѣленіе своего народа отъ „недуга“ будетъ продолжать только въ маѣ мѣсяцѣ, а потомъ отложить его до ближайшаго Михайлова дня, то я получилъ повелѣніе объявить, чтобъ народъ въ промежутокъ этого времени въ городъ не приходилъ и отъ своихъ работъ не отвлекался.“ Карлъ 1-й, замѣчаетъ Грантъ, — жилъ и умеръ въ той вѣрѣ, что онъ одаренъ силою свыше исцѣлять золотуху посредствомъ прикосновенія; оттого эта болѣзнь и называлась въ Англіи королевскимъ недугомъ,—и обычай поручать такіа прикосновенія сохранялся до смерти королевы Анны, которая еще назначала извѣстные опредѣленные сроки для приѣма лицъ, приходившихъ для прикосновенія къ ней изъ различныхъ частей страны. Но если нельзя не удивляться тому, что носители королевской власти могли имѣть вѣру въ такую свою прерогативу и народъ пользовался ею, какъ дѣйствительнымъ лекарствомъ, то еще удивительнѣе, что многіе изъ знаменитѣйшихъ врачей, по видимому, вполне раздѣляли эту вѣру, какъ можно это заключать изъ значительнаго числа пациентовъ, которыхъ они послали изъ провинцій въ столицу для полученія королевскаго прикосновенія. Въ числѣ другихъ между этими пациентами находился и сдѣлавшійся въ послѣдствіи знаменитымъ Д. Джонсонъ, который, будучи еще 5 лѣтнимъ мальчикомъ, по совѣту сэра Джона-Мейера, извѣстнаго въ то время врача, былъ посланъ въ Лондонъ и въ мартѣ 1714 года, вмѣстѣ съ другими двумя старшими лицами, получилъ королевское прикосновеніе отъ королевы Анны. Даже въ употреблявшемся въ то время молитвенникѣ есть молитва, изъ которой ясно видна вѣра всего тогдашняго духовенства въ дѣйствительность этого королевскаго леченія“. Такая публика, конечно, не чувствовала нужды въ политическихъ и общественныхъ извѣстіяхъ, которыхъ и не видно въ тогдашнихъ газетныхъ листахъ, являвшихся въ недѣлю разъ и наполнявшихся разными суевѣрными и курьезными рассказами, напримѣръ, о морскихъ русалкахъ и т. п., а за недостаткомъ ихъ перепечаткою одной или нѣсколькихъ главъ изъ священнаго писанія. Съ другой стороны и касаться какихъ-бы то ни было политическихъ предметовъ было не безопасно. Подобнаго рода сочинителей подвергали смерти, отнятію разныхъ членовъ тѣла, тѣлесному наказанію, тюремному заключенію и т. п. Но цензоры были такъ люты, что

и эти наказания находили недостаточными. Одинъ изъ нихъ Роджеръ Д'Эстрангъ, бывшій цензоромъ въ царствованіе обоихъ послѣднихъ Стюартовъ, вошелъ въ парламентъ съ представленіемъ, чтобъ въ этиже наказанія были еще прибавлены: позорный столбъ, наказаніе плетью, стояніе съ веревкой на шеѣ подъ вѣслицей, работы въ рудникахъ, тасканіе тачекъ и т. д. Какъ кажется, парламентъ принялъ предложеніе изобрѣтательнаго цензора. Тотъ-же цензоръ типографика Трегена, который издалъ какіе-то возмутительнаго содержанія листки, самъ вслѣдилъ въ его квартиру и арестовалъ. Надъ Трегеномъ былъ исполненъ слѣдующій приговоръ: онъ былъ повѣшенъ подъ руки, брюхо его распорото, внутренности вынуты и сожжены предъ его глазами, потомъ тѣло его четвертовано, а голова to be disposed of at the pleasure of the King's Majesty. Во время Кромвеля пресса нѣсколько вздохнула. Согласно своему знаменитому изрѣченію, что „его правленіе не заслуживало-бы и существованія, еслибы оно не могло выдерживать бумажныхъ выстрѣловъ“, онъ оставилъ ее въ покоѣ. Но съ реставраціей гоненія начались снова. Англійскіе судьи про толковали, что одному королю принадлежитъ право обнародовать политическія извѣстія, поэтому, безъ его дозволенія, не могла являться ни одна газета. На этомъ основаніи, когда въ 1695 году англійская пресса была освобождена отъ цензуры, свобода изданія газетъ безъ концессіи оставалась все-таки подъ сомнѣніемъ. Но журналистика стала пользоваться этимъ правомъ на основаніи общаго закона о свободѣ прессы, стараясь въ то же время не раздражать правительства своими нападами; съ своей стороны, правительство смотрѣло на это сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что было неизвѣстно, какъ-бы рѣшилъ вопросъ о свободѣ журналистики парламентъ, еслибы дѣло это было внесено на его разсмотрѣніе при Вильгельмѣ III? Такимъ образомъ, мало по малу свобода журналистики фактически утвердилась и черезъ это стала правомъ. Съ момента свободы журналистики началось, по мнѣнію Маколея, то внутреннее ея самоочищеніе, о которомъ мы упомянули выше. „Лучшіе и умнѣйшіе люди въ рядахъ оппозиціи взяли теперь — говоритъ Маколей — на себя то дѣло, которое доселѣ было предоставлено людямъ безъ всякихъ принциповъ и аvarтнымъ. Разсужденія противъ правительства стали излагаться такимъ языкомъ, что государственные люди не имѣли причинъ ихъ стыдиться, и даже сочиненія низшаго и болѣе необузданнаго класса недовольныхъ сдѣлались не такъ грубы и пошлы, какими были во дни цензуры. Съ того дня, въ который совершилась эманципація англійской литературы, началось ея очищеніе“.

Съ этого же дня въ журналистикѣ видимо начинается обнаруживаться стремленіе прочно утвердиться въ обществѣ, сдѣлаться для него необходимою, взять на себя высшее представительство и защиту его интересовъ. Съ этою цѣлью журналистика стремится завладѣть матеріаломъ парламентскихъ засѣданій и сдѣлать ихъ доступными для публики и для свободнаго публичнаго обсужденія. Обнародованіе парламентскихъ засѣданій было строго запрещено парламентомъ; но уже съ начала XVIII столѣтія журналистика начинаетъ дѣлать попытки, чтобы обойти это запрещеніе. Съ 1715 года начинаютъ печататься краткіе отчеты о парламентскихъ дебатахъ въ „Boyer's Register“, потомъ нѣсколько подробнѣе, но также въ суммарномъ видѣ являются они въ „London Magazine“ и „Gentleman's Magazine“. Имена ораторовъ обозначались въ этихъ отчетахъ только начальными и конечными буквами; точно такъ же обозначалось даже названіе палаты. Чтобы получать свѣденія о парламентскихъ преніяхъ болѣе полныя и сообщать ихъ во-время, собственникъ и издатель „Gentleman's Magazine“ сдѣлалъ первый смѣлый для этого шагъ. Посредствомъ подкупа парламентскихъ сторожей онъ открылъ себѣ доступъ въ обѣ палаты. Здѣсь онъ и два друга его, забившись гдѣ-нибудь въ уголокъ, дѣлали тайно отъ другихъ краткія замѣтки, потомъ отправлялись куда-нибудь въ ближайшую гостинницу, слыхали и сводили свои замѣтки и такимъ образомъ составлялся отчетъ о парламентскихъ преніяхъ, окончательную отдѣлку которому давалъ историкъ Гѣтри. Эти отчеты своею сравнительною полнотою и обстоятельностью возбуждали такое вниманіе въ публикѣ, что издатель „Gentleman's Magazine“, во избѣжаніе отвѣтственности, сталъ предносить имъ примѣчаніе, въ которомъ значилось, что сообщаемыя пренія получены изъ баснословнаго царства дилланутовъ! Когда разразилась парламентская буря противъ министерства Вальполя (1740 года) и вся Англія стала съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдить за парламентскими рѣчами, тогда окончательную отдѣлку рѣчей принялъ на себя извѣстный лексикографъ Джонсонъ. Но по случайнымъ замѣткамъ, которыя дѣлали издатель „Gentleman's Magazine“ и его друзья, воровски попадавшіе въ палату и воровски писавшіе тамъ замѣтки, трудно было возстановлять цѣлыя рѣчи. А между тѣмъ, нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей были очень любопытны, на примѣръ, рѣчь Питта старшаго. Тогда Джонсонъ, долго не думая, самъ сочинилъ отъ имени Питта большую рѣчь, которая и была напечатана и произвела фуроръ въ публикѣ. Эта шутка издателя „Gentleman's Magazine“ сошла благополучно; но вскорѣ онъ попался на другомъ. Выѣстъ съ

издателемъ другой газеты „London Magazin“ они напечатали въ 1747 году завѣстие о процессѣ лорда Левета по обвиненію его въ государственной измѣнѣ; за это ихъ обоимъ призвали въ палату лордовъ, заставляли просить прощенія, обѣщать впредь этого не дѣлать и заплатить издержки. Но это мало подѣйствовало на надателей. Черезъ нѣсколько времени издатель «Gentleman's Magazine» началъ снова печатать отчеты о засѣданіяхъ палаты лордовъ. Тринадцать лѣтъ послѣ этого молчалъ парламентъ, дозволяя газетамъ свободно печатать о своихъ засѣданіяхъ. Но въ 1760 году снова вооружился. Издатели четырехъ главныхъ газетъ были призваны въ палату, получили выговоръ и на колѣняхъ должны были испросить прощеніе. Этимъ, однакожь, они нисколько не смутились. Возвратившись изъ палаты, они попрежнему принялись за печатаніе отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, точно будто ничего не случилось. И парламентъ, несмотря на очевидное ихъ непослушаніе, не рѣшился къ болѣе безпокоить. Публика такъ пріучилась уже имѣть свѣденія о томъ, что происходитъ въ парламентѣ, что лишить ее этого удовольствія было нельзя. Тѣмъ не менѣе, парламентъ еще было разъ сдѣлалъ попытку оградить себя отъ журналистики, но попытка эта кончилась уже срамомъ для него и окончательнымъ пораженіемъ.

Дѣло началось слѣдующимъ образомъ. Въ 1765 году стала выходить въ Лондонѣ еженедѣльная газета „North Briton“. Съ самаго появленія своего она рѣзко начала нападать на короля, министерство, въ особенности на главу тогдашняго министерства, лорда Бьюта, на котораго основатель газеты Вильксъ, членъ парламента, былъ лично золь, потому что тотъ отказалъ ему въ мѣстѣ посланника въ Константинополь. Вопреки господствовавшему доселѣ въ журналистикѣ обычаю, Вильксъ началъ называть лицъ, на которыхъ нападалъ, не начальными только буквами именъ, а полными именами. Названія дѣлались не безъ остроумія, и газета получила быстрый успѣхъ. Въ № 45 газеты явилась статья, разбиравшая рѣчь короля при открытіи парламента, въ которой прямо было сказано, что король говоритъ очевидную ложь. Парламентъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на эту статью, безусловно осудилъ всѣ мѣста въ ней, относящіяся къ королю, и приговорилъ № 45-й газеты къ соженію рукою палача. Между тѣмъ, надъ виновниками наложено слѣдствіе, и типографщикъ, редакторъ и авторъ статьи Вильксъ были посажены въ Тоузъръ. Но заключеніе въ тюрьму члена парламента подало поводъ снова къ пересмотру дѣла въ парламентѣ, гдѣ послѣ бурныхъ преній арестъ Вилькса былъ

признанъ незаконнымъ, и какъ онъ, такъ и его товарищи были выпущены изъ тюрьмы, а судъ приговорилъ даже значительную сумму за незаконное лишеніе ихъ свободы. Народъ принялъ съ восторгомъ такое рѣшеніе; но это еще болѣе раздражило короля и министра; они отыскали какое-то безнравственное стихотвореніе Вилькса и представили его парламенту. Вильксъ былъ исключенъ изъ парламента и уѣхалъ во Францію; но въ 1768 году, по вступленіи въ управленіе новаго министра, явился снова кандидатомъ въ депутаты палаты за Миддлсексъ. Министерство, по требованію короля, уговорило палату отгѣвнть этотъ выборъ. Четыре раза производились новыя выборы и каждый разъ Вильксъ былъ избираемъ вновь огромнымъ большинствомъ. Парламентъ постоянно отгѣвнялъ эти выборы, и, наконецъ, въ четвертый разъ, совершенно вопреки праву, единственно въ угоду королю, призналъ избраннымъ въ парламентъ за Миддлсексъ не Вилькса, а его соперника полковника Лотрелли, получившаго самое ничтожное число голосовъ. Такое явное поправленіе правъ народныхъ произвело страшную бурю какъ въ самомъ парламентѣ, вызвавъ протестъ со стороны лучшихъ его членовъ, такъ въ особенности въ народѣ. Со времени революціи Англіи никогда еще не бывала въ такомъ возбужденіи.

Журналистика, интересы которой такъ близко были затронуты всѣми означенными событіями, не осталась безучастною въ этомъ движеніи. Въ 1770 году городское представительство Лондона подало адресъ королю, въ которомъ порицало самовластіе парламента, дозволившаго себѣ нарушить законный порядокъ избранія народныхъ представителей, и доказывало, что парламентъ, имѣющій въ своей средѣ представителей, избранныхъ не народомъ, не можетъ имѣть права законодательной власти, принадлежащей исключительно народу, потому требовало его распушенія, равно какъ и отставки министерства. Король не только не удовлетворилъ этого требованія, но въ тронной рѣчи выразилъ свое неудовольствіе городскому представительству и порицалъ самый тонъ его адреса. Оскорбленное этимъ представительствомъ города рѣшилось снова подать адресъ королю, который былъ написанъ въ законной формѣ, но повторялъ прежнюю просьбу о распушеніи парламента и министерства. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ журналистъ Гортъ Тукъ, принимавшій горячее участіе во всѣхъ тогдашнихъ движеніяхъ. Предвидя, что король приметъ депутацію съ адресомъ нисколько неблагоприятно, онъ научилъ стоявшаго во главѣ депутаціи лордъ-мера Вилліама Белфорда, что онъ долженъ въ случаѣ неблагоприятнаго приѣма отвѣчать королю. Но лордъ-меръ такъ смутился въ

присутствіи короля, что забылъ выученную имъ рѣчь и на гнѣв- ный отвѣтъ короля не сказалъ ни слова. Тутъ, когда узналъ объ этомъ, былъ внѣ себя отъ досады, но онъ нашелся, какъ поправить дѣло. Онъ сказалъ лордъ-жеру, что рѣчь его все- таки будетъ напечатана во всѣхъ газетахъ, что онъ самъ напишетъ эту рѣчь за него. На другое утро дѣйствительно во всѣхъ газетахъ явилась рѣчь, которую будто бы лордъ-жеръ го- ворилъ королю. Такъ какъ истиннаго положенія дѣла никто не зналъ, то Бекфордъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ лордъ-меровъ, которые когда-либо занимали этотъ высокий постъ. Вездѣ прославляли его патріотизмъ, стойкость, смѣлость, съ которою онъ защищалъ права народа передъ трономъ; вскорѣ послѣ этого въ честь его была поставлена въ Гильдгалиѣ пре- красная мраморная статуя, на пьедесталѣ которой прописана слово въ слово и вся смѣлая его рѣчь монарху.

Но торжествомъ журналистики во время этого движенія были такъ называемыя письма Юніуса, которыя съ января 1769 года начали являться въ „Public Advertiser“. Незвѣстный авторъ, разсмотрѣвъ процессъ Вилъкса и другія современныхъ дѣла, ударъ за ударомъ наносилъ парламенту, судамъ, министерству, и даже лицу короля. Письма его производили громадное впечатлѣ- ніе и читались на расхватъ во всей Англии. За письмо къ коро- лю редакторъ журнала Вудфалль былъ преданъ суду, но это только послужило еще къ большому распространенію газеты. Со времени появленія письма къ королю редакція едва успѣвала удовлетворять все болѣе и болѣе прибывающихъ абонентовъ. Пе- чатаніе писемъ Юніуса (всѣхъ писемъ было 69) продолжалось до января 1772 года. Существенное содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что авторъ совѣтуетъ народу не довѣрять ни парламенту, ни правительству, ни королю, стоять за точное исполненіе конст- туціи и не допускать посягательства ни на одно изъ своихъ правъ, какъ-бы оно мелкимъ ни казалось, охранять свое право свободныхъ выборовъ, но при этомъ, сверхъ того, твердо пом- нить и „внушить это своимъ дѣтямъ, что свобода прессы есть оплотъ всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и религіозныхъ правъ англичанина и что право присяжнаго суда высказывать общій при- говоръ о винѣ или невинности (а не о фактѣ только) составляетъ существенную часть государственнаго устройства, которая не должна быть ограничиваема судьями и подвергаема сомнѣнію за- конодателями“.

Въ письмахъ Юніуса англійская журналистика въ первый разъ, но со всѣмъ блескомъ, показала обществу свою дѣйствительную силу и значеніе. Черезъ эти письма идеаль истинной журна-

листки разом такъ высоко поднялся въ общественномъ мнѣніи, что еще недавній вопросъ о томъ: имѣтъ-ли журналистика право сообщать отчеты о парламентскихъ преніяхъ—былъ болѣе не у мѣста. Тѣмъ не менѣе, парламентъ еще разъ имѣлъ безтактность возбудить его. Въ 1771 году онъ привлекъ къ суду издателя „Abendpost“ за сообщеніе подробныхъ извѣстій о парламентскихъ засѣданіяхъ. Но издатель газеты оставилъ постановленіе парламента безъ вниманія. За такое неуваженіе къ своей власти парламентъ велѣлъ его арестовать. Но лордъ-меръ не позволилъ арестовать издателя, какъ гражданина Сети, который могъ быть арестованъ только съ согласія городского начальства. По этому поводу въ парламентѣ поднялся страшный шумъ, придумывались всевозможные роды наказаній и штрафовъ за такое явное ослушаніе противъ воли парламента. Кончилось однакожъ все это тѣмъ, что лордъ-меръ восторжествовалъ; парламентъ въ виду общественнаго настроенія не рѣшился поднимать болѣе дѣла и съ этого времени никогда болѣе не возникало вопроса о правѣ журналистики печатать отчеты о парламентскихъ преніяхъ; фактически журналистика начала вполне пользоваться и доселѣ пользуется этимъ правомъ, но закономъ оно не утверждено за ней и до настоящаго времени.

Послѣ этихъ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ журналисткой, она не только стала твердою ногою въ англійскомъ народѣ, но и заняла высокое положеніе въ общественномъ мнѣніи. Газета сдѣлалась любимымъ чтеніемъ для всѣхъ. Краббе, одинъ изъ довольно значительныхъ англійскихъ поэтовъ прошедшаго столѣтія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ученый и клерикаль, написалъ въ 1785 году сатирико-полемическое стихотвореніе, подъ названіемъ «Газета», въ которомъ самыми темными красками описываетъ эту нову, по его мнѣнію, язву общества и образованія. Отъ палаты, говорить онъ, до послѣдней мастерской и до послѣдняго деревенскаго кабака она проникла повсюду. Никто не читаетъ книгъ. Лучшія произведенія поэзіи остаются не разрѣзанными. Газета удовлетворяетъ и занимаетъ всѣхъ. На нее бросаются всѣ. Газеты, говорить онъ, это—проклятіе для поэзіи. Это изображеніе Краббе, можетъ быть, отчасти преувеличено, но, во всякомъ случаѣ, въ то время, когда Краббе писалъ свое стихотвореніе, англійскія журналистика была уже сильно распространена. По отчету 1783 года о штемпельныхъ пошлинахъ, которыя въ то время платили газеты, видно, что уже въ этомъ году на 6,186,336 душъ англійскаго населенія выходило въ годъ 7,411,757 № различныхъ газетъ и журналовъ. Русская журналистика даже и въ настоящее время далеко еще не достигла такого счастливаго положенія. Чтобы стать въ такое-же отношеніе къ народонаселенію

нію Россіи, въ какомъ находилась англійская журналистика въ 1753 году въ народонаселенію Англій, русской журналистикѣ надобно-бы было выпускать ежедневно 250,000 ММ разныхъ газетъ и журналовъ. А она не выпускаетъ пока, вѣроятно, и третьей доли этого.

Вскорѣ за свое торжество англійская журналистика должна была заплатить очень дорого. Во время наступившей съ 70 годовъ общей реакціи, на журналистику, именно въ слѣдствіе ея недавнихъ блестящихъ побѣдъ, обращено было особенное вниманіе. «По всей вѣроятности, говоритъ Грантъ, никогда ни въ одинъ изъ прежнихъ, тѣмъ болѣе, ни въ одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ англійской исторіи, прессу не третировали такъ деспотически, какъ во время управленія Георга III. Даже во времена Карла перваго и втораго, не смотря на тяжкія преслѣдованія, которымъ тогда зачастую подвергались газеты, надъ ними не было такой тираніи. Ни одна газета никогда не могла быть увѣрена въ благополучномъ выходѣ какого-бы то ни было своего №. Все, что писалъ редакторъ или сотрудникъ, если это имѣло отношеніе къ политическимъ дѣламъ, вполне зависѣло отъ произвола прокуроровъ и каждый нумеръ либеральной газеты печатался съ постояннымъ страхомъ и трепетомъ передъ этими чиновниками. Едва-ли можно указать за это время, хотя одного редактора, съ либеральнымъ образомъ мыслей и не безъ нѣкоторой дозы гражданского мужества, который не заплатилъ-бы денежнымъ штрафомъ или не посидѣлъ въ тюрьмѣ, а нѣкоторые изъ такихъ познакомились даже и съ позорнымъ столбомъ».

Но даже и такое гоненіе не могло нанести особенно чувствительнаго вреда журналистикѣ. Такъ она успѣла глубоко пустить корни въ англійскомъ обществѣ въ предшествовавшей свой блестящій періодъ! Къ концу столѣтія число ежегодно выходящихъ экземплярровъ газетъ и журналовъ увеличилось съ 7 на 13 милліоновъ. Въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ газеты могли уже безпрепятственно основать цѣлую корпорацію репортеровъ для записыванія въ полномъ видѣ парламентскихъ преній. Этимъ нововведеніемъ газеты обязаны были издателю „Morning Chronicle“ Перри. До этого времени отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, при всемъ стараніи, выходили все-таки скудные, потому что для записыванія ихъ были отправляемы одинъ или два репертера, которымъ трудно было записать и упомянуть и четверть того, что говорилось. Перри первый сталъ посылать четырехъ репортеровъ. Пригѣру его немедленно послѣдовали и другія газеты. „Times“ началъ посылать 16 репортеровъ и т. д., и такимъ образомъ, об-

разошелся цѣлый штатъ репортеровъ, существующій и въ настоящее время, какъ мы уже объ этомъ сказали выше.

Съ наступленіемъ XIX столѣтія прежнія грубыя преслѣдованія англійской журналистики совершенно почти прекращаются. Журналистика получаетъ признаніе и со стороны правительства. По этому правительство старается привлечь ее на свою сторону ласкою, субсидіями, и только въ случаѣ ея неподатливости на такія приманки позволяетъ себѣ по временамъ употребить нѣкоторыя прижимки, но прижимки мягкаго, цивильнаго свойства. Но и эти прижимки употребляются не часто, и держатся въ обычѣ никакъ не далѣе конца двадцатыхъ годовъ. Къ счастью англійской журналистики, въ главѣ ея съ самаго начала нынѣшняго столѣтія и почти до половины его стоялъ человекъ характера независимаго, честнаго, твердаго, въ высшей степени энергическій и дѣятельный, предпримчивый, отлично понимавшій требованія журнальнаго дѣла и умѣвшій равно хорошо поставить его какъ съ его внутренней стороны, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Мы говоримъ о второмъ издателѣ и собственникѣ „Times'a“ Вальтерѣ-снѣ, который, вступилъ въ завѣдываніе и управленіе этою газетою въ 1803 году. „Times“ основанный въ 1788 году, уже и въ это время занималъ видное положеніе между другими газетами. Съ этого-же времени, благодаря Вальтеру, исторія его развитія дѣлается нѣкоторымъ образомъ исторіей развитія всей англійской журналистики. Инициатива почти всѣхъ улучшеній, которыя произошли въ теченіи полстолѣтія въ англійской журналистикѣ — въ литературной ея сторонѣ, въ ея экономической постановкѣ, въ техническомъ развитіи дѣла, принадлежитъ едва ли не исключительно одному Вальтеру. Онъ также первый умѣлъ стать въ тѣ вполне независимыя, но нисколько не враждебныя отношенія къ официальному міру, которыя до настоящаго времени рѣзко отличаютъ англійскую журналистику отъ журналистикъ другихъ странъ. Онъ поставилъ себѣ за правило не дѣлаться ни записнымъ другомъ правительства, ни заклятымъ его врагомъ, и черезъ это сохранить за собой полную свободу безпристрастно относиться къ его дѣйствіямъ: порицать все достойное порицанія, хотя бы оно дѣлалось правительствомъ сочувственнымъ и отиѣчать все достойное похвалы, хотя-бы это было сдѣлано и правительствомъ не особенно пріязненнымъ. Установить такое отношеніе было въ то время не легко. Съ одной стороны, царствованіе Георга III-го все еще продолжалось, того самаго Георга, который еще недавно былъ такимъ лютымъ гонителемъ журналистики; съ другой—это время было временемъ всеобщаго самаго крайняго ультра-консерватизма въ Англии, доходившаго

почти до ретроградности. Когда Наполеонъ началъ сокрушать монархію за монархіей и перекраивать карту Европы, страхъ обуялъ и англійское общество. „Спасеніе государства и церкви“ сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ. Торійскій образъ мыслей вошелъ въ моду и для человѣка порядочнаго почиталось неприличнымъ держаться либеральныхъ принциповъ. Тогда журналистикѣ съ древа ультра-консерватизма можно было собирать богатые плоды. И нѣкоторыя газеты пользовались этимъ и катались, какъ сыръ въ масле. Такъ, напримѣръ, „Сиггіег“ имѣлъ 12,000 абонентовъ — цифру необыкновенную для того времени, которая притомъ въ случаѣ полученія какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, поднималась на нѣсколько тысячъ выше. Но Вальтеръ не прельстился этими выгодами. Когда онъ вступилъ въ управленіе газетою, тогда во главѣ министерства стоялъ Аддингтонъ. „Газета, говоритъ Вальтеръ, оказывала поддержку министерству, но никогда не соглашалась воспользоваться за это отъ министерства какими-бы то ни было выгодами. Издатель понималъ, что если-бы онъ позволилъ себѣ это, то онъ отнялъ-бы у себя право отнестись критически къ такому правительственному дѣйствию, которое онъ призналъ-бы несомнѣннымъ съ общимъ благомъ. Онъ поддерживалъ означенное правительство, потому что какъ тогда былъ, такъ и теперь остается того мнѣнія, что это было правительство честное, достойное уваженія, но онъ не могъ знать, сохранитъ-ли оно этотъ свой характеръ и на будущее время, и потому не хотѣлъ жертвовать своимъ правомъ на свободное сужденіе тѣмъ выгоднымъ предложеніямъ, которыя ему дѣлались и дѣлались нисколько недвусмысленно. Въ 1804 году министерство Аддингтона было распушено и мѣсто Аддингтона занялъ лордъ Питтъ съ лордомъ Мелльвиллемъ и др. Вскорѣ послѣ этого лордъ Мелльвилль предпринялъ катамарскую экспедицію, а нѣсколько позднѣе десятымъ отчетомъ флотской слѣдственной комиссіей обнародованы опущенія министра по управленію флотомъ. Отецъ издателя тогда восемнадцать лѣтъ уже занималъ мѣсто типографщика при департаментѣ податей. Издатель хорошо зналъ того человѣка, дѣйствія котораго ему приходилось обсуждать; но это нисколько не помѣшало ему оцѣнить катамарскую экспедицію, какъ она того заслуживала и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ недостатки управленія, открытыя комиссіею. Послѣдствія, которыхъ опасался издатель, не заставили себя долго ждать. Безъ малѣйшаго повода, у его семейства было отнято дѣло, которымъ оно занималось такъ много лѣтъ, на которое имѣло право по контракту, которое было ведено имъ съ такою, — можно сказать это смѣло, — точностію и экономіею, какихъ едва-ли можно найти. — Одноре-

менно съ этимъ у газеты были отняты казенныя объявленія". Далѣе, Вальтеръ рассказываетъ, что по смерти Питта въ 1806 году образовалось министерство, въ составъ котораго вошли нѣкоторые изъ членовъ бывшаго министерства Аддингтона. По старой памяти эти члены хотѣли возратить Вальтеру то, что было несправедливо отнято у него предшествующимъ министерствомъ, но только требовали его подписи на представленіи, которое должно было поступить въ казначейство. Вальтеръ отказался сдѣлать такую подпись, потому что „подумавъ, говорить Вальтеръ, я убѣдился, что если и возврататъ мнѣ, что у меня отнято, то на это будутъ смотрѣть не какъ на должное, а какъ на милость, въ которой давшіе ее будутъ видѣть право приобрѣтеннаго ими вліянія на газету". Вальтеръ отказался также и отъ всякаго участія въ составленіи записки по этому дѣлу. Наконецъ, когда несмотря на все это, записка все-таки была составлена и представлена, то онъ увѣдомилъ тѣхъ, отъ кого зависѣло вознаградить его, что онъ съ своей стороны никоимъ образомъ не желаетъ вознагражденія, если только оно можетъ повліять на свободу его газеты. Предчувствія его не обманули. Кончилось тѣмъ, что ему не возвратили отнятыхъ у него типографскихъ работъ при департаментѣ податей.

Но кромѣ этого, со времени распущенія министерства Аддингтона правительство употребляло и другія, бывшія въ его рукахъ средства, чтобы повредить газетѣ. Такъ съ 1805 года, когда началась австро-французская война и когда своевременное полученіе заграничной корреспонденціи для газеты было особенно важно, правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы корреспонденціи, идущія по адресу „Times“ задерживались на границѣ. У иностранныхъ капитановъ кораблей чиновники англійскіе обыкновенно спрашивали, есть-ли газеты на имя „Times“, и если тѣ отвѣчали „да“, то газеты останавливали. Чиновникъ, завѣдывающій почтою на границѣ, когда его спросили объ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ, что онъ былъ-бы готовъ съ такою-же аккуратностію посылать газеты „Times'у“, какъ и другимъ редакціямъ, но ему это не позволено. Вальтеръ принесъ жалобу министерству; въ томъ послѣ долгихъ проволочекъ товарищъ министра далъ ему такой отвѣтъ, что въ настоящее время еще не рѣшено, а только идетъ совѣтъ о томъ, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ—одинаково-ли по отношенію ко всѣмъ газетамъ, или давать предпочтеніе газетамъ, покровительствуемымъ правительствомъ? При этомъ Вальтеру намекнули, что онъ можетъ получать свою газету въ числѣ покровительствуемыхъ правительствомъ. Вальтеръ отъ этого отказался, — и множество, говорилъ онъ, очень важныхъ

корреспонденцій у него или вовсе пропали, или доставка ихъ была крайне замедлена. Тотъ-же самый случай повторился съ корреспонденціями еще разъ и впоследствии. Вальтеръ опять принесъ жалобу. Ему отвѣчали, что дѣлу можно помочь, если онъ дастъ свѣдѣнія, какую партію въ политикѣ будетъ поддерживать его газета. Вальтеръ и отъ этого отказался. „Издатель, — говоритъ Вальтеръ въ заключеніе своего объясненія, писаннаго въ 1810 году, — отказывался отъ предложеній, которыя дѣлало ему правительство, вовсе не изъ какой-нибудь систематической оппозиціи противъ послѣдняго. Напротивъ, при различныхъ очень важныхъ случаяхъ, онъ этимъ самымъ людямъ оказывалъ всю свою поддержку. Но тѣмъ не менѣе, когда они старались вынудить у него эту поддержку или купить, онъ постоянно противъ этого возставалъ. Онъ можетъ присовокупить къ этому, нисколько не хвалясь, что ему предлагались всѣ возможные выгоды и въ самыхъ желанныхъ формахъ, но онъ всегда отъ этого отказывался. Объяснивъ здѣсь свою независимость во время различныхъ правительствъ, подъ давленіемъ тѣхъ мѣръ, которыя противъ него предпринимались, издатель считаетъ нужнымъ при этомъ удобномъ случаѣ заявить, что точно также онъ умѣетъ сохранять себя отъ всякаго индивидуальнаго на него вліянія и что если онъ кого-нибудь хвалитъ когда, то хвалитъ по внутреннему своему убѣжденію, что то лицо, которое онъ хвалитъ, заслуживаетъ похвалы“. Объ этомъ объясненіи Вальтера Грантъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „если нельзя не признаться, что въ этомъ вліяніи слишкомъ неумѣренно проглядываетъ чувство собственнаго достоинства, то для Вальтера это вполне извинительно. Этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ недоступенъ ни для какихъ нечистыхъ вліяній и далъ много несомнѣнныхъ доказательствъ своей личной честности. Общественное убѣжденіе въ его независимости и неподкупности весьма много содѣйствовало успѣху его газеты“. Какъ велико было тогда уже значеніе „Times'a“, можно судить потому, что даже Наполеонъ считалъ нужнымъ совѣтоваться съ английскими юристами о томъ: можетъ ли онъ надѣяться на успѣхъ, если начнетъ противъ „Times'a“ искъ за его грубыя оскорбленія. Надобно сказать, что, въ это время, редакторомъ „Times'a“ былъ Джонъ Штоддартъ, впоследствии губернаторъ Мальты, человѣкъ очень способный, но преисполненный такою ненавистію къ Наполеону, что по отношенію къ нему онъ не соблюдалъ никакихъ приличій и „жоржиканская каналья“ было еще однимъ изъ его магкихъ названій для Наполеона. Напрасны были всѣ убѣжденія Вальтера, чтобы онъ

нѣсколько смягчилъ свой тонъ, Штеддартъ остался непреклоненъ и въ-за этого оставилъ наконецъ мѣсто.

Грантъ рассказываетъ слѣдующіе примѣры высокой честности и независимаго характера Вальтера.

Въ 1840 году парижскій корреспондентъ „Times'a“ началъ на слѣдъ громаднаго мошенничества, затѣяннаго парижскими рыцарями индустрии и спекуляторами. Именно заготовлено было множество векселей на нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ имени одного богатаго торговаго дома въ Лондонѣ, вторые предполагалось одновременно расовать во всѣ большіе банкирскіе дома континента. Парижскій корреспондентъ „Times'a“ не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобы разузнать дѣло нѣсколько подробнѣе. Наконецъ, ему удалось получить свѣдѣнія о главныхъ зачинщикахъ дѣла. Дальнѣйшія подробности выяснились изъ показаній одного второстепеннаго агента, который случайно былъ арестованъ въ Антверпенѣ. Тогда „Times“, который до сихъ норъ хранилъ глубокое молчаніе, помѣстилъ громкую статью, подъ названіемъ: „необыкновенное мошенничество на континентѣ“. Одинъ изъ участниковъ, поименованныхъ „Times'омъ“ началъ противъ него искъ за клевету. Дѣло въ слѣдующемъ году поступило на разсмотрѣніе въ ассизы. „Times“ употребилъ всѣ старанія, чтобы добыть дальнѣйшія доказательства, истративъ для этого, говорятъ, до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Но все-таки формальныхъ доказательствъ для оправдательнаго вердикта оказалось недостаточно и присяжные рѣшили дѣло въ его пользу морально, приговоривъ дать истцу въ вознагражденіе одинъ фартингъ, т.-е. $\frac{1}{4}$ пенни (около копейки серебромъ). Все общество выразило свое сочувствіе къ „Times'у“; немедленно открыта была подписка для покрытія сдѣланныхъ имъ расходовъ. Въ короткое время была собрана сумма въ 2,500 фунтовъ стерлинговъ. Но Вальтеръ рѣшительно отказался отъ принятія денегъ; тогда часть собранныхъ денегъ была употреблена на сооруженіе двухъ плитъ съ надписями въ память этого событія; одна поставлена въ редакціи „Times'a“, а другая въ зданіи биржи; на остальныя деньги положено было учредить при оксфордскомъ или кембриджскомъ университетѣ двѣ вальтеровскія стипендіи для воспитанниковъ городской школы и Христова гошпитала.

Точно также независимо и честно велъ себя „Times“ во время желѣзнодорожной горячки въ Англии. Газеты тогда страшно наживались отъ рекламъ и объявленій желѣзно-дорожныхъ компаній, въ которыхъ послѣднія сулили акціонерамъ горы золота. Въ разгаръ этой горячки съ 6-го сентября по 1-е ноября 1845

года „Times“ получилъ за объявленія по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Но этимъ онъ нисколько не подкупился въ пользу аферистовъ. Тогда какъ другія газеты вслѣдъ за рекламами аферистовъ росписывали, какія огромныя выгоды получатся отъ этихъ предпріятій, „Times“ во все время горячки, начиная съ перваго дня и до послѣдняго—не переставалъ предостерегать публику отъ гибельныхъ послѣдствій, которыя неизбежно повлекутъ за собою эти аферы и отъ которыхъ многія тысячи семействъ потеряютъ разомъ все свое состояніе. Предсказаніе „Times'a“, какъ извѣстно, очень скоро оправдалось. Множество предпріятій дѣйствительно рухнуло и тысячи семействъ, имѣвшихъ средній достатокъ, совершенно разорились и сдѣлались нищими. И на сколько газетъ, которыя прославились спекулятивными аферами потеряли въ общественномъ мнѣніи, на столько-же выигралъ „Times“ за свой честный голосъ во время общаго ослѣвленія или обмана.

Эта общая увѣренность въ непоколебимости и независимости „Times'a“ даетъ особую силу его руководящимъ статьямъ, своего рода престижъ, котораго напрасно добиваются другія газеты. Мы уже замѣтили выше, что имена главныхъ сотрудниковъ „Times'a“, пишущихъ въ немъ руководящія статьи, хранятся въ глубочайшей тайнѣ. Ихъ не знаютъ не только лица постороннія, но и тѣ, которыя сами участвуютъ въ газетѣ. Одинъ изъ редакторовъ „Morning-Herald“ употребилъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ эту тайну. И ему дѣйствительно удалось узнать имена сотрудниковъ и даже пригласить нѣкоторыхъ изъ нихъ за огромное денежное вознагражденіе доставлять иногда статьи для „Morning-Herald“. Но изъ этого ничего не вышло. Тѣ самыя статьи, которыя въ „Times'ѣ“ навѣрное произвели-бы сенсацию, на страницахъ „Morning-Herald'a“ проходили незамѣченными.

Въ механическомъ отношеніи английская журналистика обязана Вальтеру весьма важнымъ усовершенствованіемъ — приложеніемъ пара къ печатанію. Вальтеръ бился надъ этимъ дѣломъ десять лѣтъ и съ упорствомъ, которымъ отличался онъ вообще въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, онъ не отставалъ отъ него, несмотря на десятилѣтнія неудачи. Онъ розыскивалъ изобрѣтателей, давалъ имъ возможность дѣлать опыты, уплачивалъ всѣ ихъ расходы по этимъ опытамъ. Наконецъ, въ 1814 году явился саксонецъ Кёнигъ съ своею патентованною печатальною машиною. Вальтеръ нанялъ для него особенное помѣщеніе, въ которомъ тотъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ Бауеромъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ работали надъ усовершенствованіемъ машины въ совершенномъ секретѣ. Трудность дѣла состояла не только

въ томъ, чтобы устроить машину, но и чтобы сохранить дѣло тайнѣ отъ работниковъ типографіи, которые нѣсколько лѣтъ в задѣ чуть не убили одного наборщика-изобрѣтателя, начавши по приглашенію Вальтера, дѣлать подобныя опыты и тѣмъ разрыли все дѣло, объявивъ при этомъ, что они лишатъ жизни всякаго, кто подобнымъ изобрѣтеніемъ лишитъ ихъ куса хлѣба. Ночь, когда машина была совершенно готова и должна была начать дѣйствовать, была самою страшною для изобрѣтателя. Вечеромъ Вальтеръ сказалъ въ своей типографіи, что ожидаютъ очень важныя извѣстія съ континента и что до полученія ихъ нельзя начинать печатанія газеты. Въ шестомъ часу утра онъ пришелъ въ типографію и къ удивленію рабочихъ объявилъ, что „Times“ уже напечатанъ паровою машиною, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ имъ, что ихъ насилія ни къ чему не поведутъ, что противъ нихъ употреблена будетъ сила и что, напротивъ, если они останутся спокойны, то будутъ получать то-же самое содержаніе, какое получали до сихъ поръ, пока пріучатся къ новому дѣлу. Рабочіе, которые вообще любили Вальтера и вполне ему вѣрили, успокоились. Кстати здѣсь сказать объ отношеніи Вальтера къ рабочимъ. Не только въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, но даже въ позднѣйшее время, когда Вальтеръ сдѣлался старъ, былъ заваленъ дѣлами и какъ членъ парламента, просиживалъ ночи въ парламентскихъ засѣданіяхъ, онъ не переставалъ очень часто забѣгать въ типографію. Если наборщиковъ не было въ типографіи, то не рѣдко самъ выбиралъ важнѣйшее извѣстіе, которое въ ихъ отсутствіе было принесено и которое надобно было немедленно набрать, принимался за наборъ. Наборщики, возвратившись въ типографію, къ удивленію своему находили, что Вальтеръ, который былъ съ дѣтства искуснымъ наборщикомъ, уже исполнилъ часть ихъ работы.

Приложеніе пара къ печатанію составляетъ эпоху въ развитіи журналистики. Самое большее, что могъ печатать ручной станокъ, это—450 экземпляровъ въ часъ. Поэтому, когда сбытъ газеты доходилъ до 20,000 экземпляровъ, газета уже становилась въ затрудненіе удовлетворять требованія. Машина Кенита съ самаго начала стала печатать 1,100 листовъ въ часъ; въ 1836 году, посредствомъ сдѣланныхъ въ машинѣ улучшеній, могла уже печатать 2,500 листовъ въ часъ, потомъ 4,000, 8,000, 10,000 пока, наконецъ, введена была въ типографію „Times'a“ новая печатальная „машина Вальтера“, которая въ часъ печатаетъ отъ 22,000 до 24,000 листовъ.

Вообще Вальтеръ ничего не жалѣлъ для лучшей постановки и обстановки журнальнаго дѣла. Выше, говоря о матеріальномъ

положеніи англійскихъ журналистовъ, мы видѣли, какія большія сумми тратятся на репортеровъ, корреспондентовъ и т. п. Инициатива улучшенія въ экономическомъ положеніи всѣхъ вообще работающихъ въ журналистикѣ, равно какъ и въ обстановкѣ самаго дѣла, принадлежитъ также Вальтеру. Онъ-же первый ввелъ въ употребленіе для журнальнаго дѣла экспрессы. Когда правительство начало притѣснять его удерживаніемъ его корреспонденцій, неисправною доставкою и т. п., тогда онъ организовалъ свою собственную почту, завелъ свои пароходы, свою легкую почту, своихъ курьеровъ. Теперь вошло въ обычай имѣть экспрессы во всѣхъ случаяхъ, когда совершаются какія нибудь важныя или интересующія публику событія и когда извѣстія о нихъ ожидаются съ нетерпѣніемъ. Въ 1834 году, когда лордъ Дургамъ былъ приглашенъ на большой общественный обѣдъ въ Глазговѣ и всѣ въ высшей степени заинтересованы были рѣчью, которую онъ будетъ говорить, такъ-какъ рѣчь эта должна была служить чѣмъ-то въ родѣ манифеста со стороны партіи прогресса, „Times“ послалъ въ Глазговъ двухъ лучшихъ своихъ репортеровъ и между Глазговимъ и Лондономъ на разстояніи 400 миль поставилъ перемѣнныхъ лошадей и такимъ образомъ рѣчь лорда Дургамъ, воспроизведенная слово въ слово, явилась въ „Times“ днемъ ранѣе, нежели она могла-бы явиться обыкновеннымъ путемъ.—Въ послѣднюю войну, во время начавшихся переговоровъ о мирѣ между Франціей и Германіей, для находившагося при гѣмеккой квартирѣ корреспондента Джона Росселя были повсюду приготовлены до самаго Лондона по желѣзнымъ дорогамъ особые поѣзды, на морѣ его ожидалъ особый пароходъ, такъ чтобы ни на одну минуту не произошло замедленія въ сообщеніи тѣхъ важныхъ извѣстій, которыя онъ долженъ былъ привезти.

Само собою разумѣется, что „Times“ не могъ-бы дѣлать такихъ громадныхъ расходовъ, еслибы доходъ его не былъ равно громаденъ. Какъ велика цифра собственно чистаго дохода, получаемого издателемъ „Times'a“, это даже приблизительно опредѣлить очень трудно. Нигдѣ,—говоритъ Грантъ,—коммерческая сторона дѣла не ведется съ большою тайною, чѣмъ въ „Times““. Въ одной изъ руководящихъ статей въ 1852 году издатель высказался, что его доходъ также великъ, какъ доходъ значительнѣйшаго изъ нѣмецкихъ герцоговъ. Но при другомъ случаѣ онъ сдѣлалъ расчетъ, изъ котораго выходило, что всѣхъ денегъ, выручаемыхъ имъ отъ постоянныхъ подписчиковъ на газету и отъ розничной ея продажи едва стабѣтъ на покрытіе расходовъ по газетѣ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ собственныхъ показаній

издателя можно-бы было заключить, что чистый доходъ его составляютъ единственно объявленія. Если остановиться и на этомъ выводѣ, то чистый доходъ „Times'a“ будетъ все-таки, какъ увидимъ ниже, очень великъ. Число постоянныхъ абонентовъ „Times'a“ съ 1834 года постоянно возросло. Въ 1834 году „Times“ имѣлъ 10,000 постоянныхъ подписчиковъ; въ 1844 г. уже 23,000; въ 1854 г. 51,648; въ 1860 г. болѣе 60,000; въ настоящее время число постоянныхъ абонентовъ „Times'a“ простирается до 70,000 ч. Въ какомъ отношеніи „Times“ до 1855 года стоялъ въ другимъ газетамъ, видно изъ слѣдующихъ официальныхъ цифръ: въ 1846 году „Times“ имѣлъ постоянныхъ подписчиковъ 28,594 ч.; всѣ остальные утреннія лондонскія газеты вмѣстѣ 38,969; въ 1854 г. у „Times'a“ было—51,648; у всѣхъ другихъ газетъ вмѣстѣ 26,000. Т.-е. „Times“ одинъ имѣлъ почти вдвое болѣе постоянныхъ подписчиковъ, чѣмъ всѣ остальные газеты вмѣстѣ. Не должно забывать, что здѣсь означенъ сбытъ газеты только постоянный; но по разнымъ случаямъ онъ увеличивался иногда на половину, иногда даже вдвое и втрое противъ обыкновеннаго. Такъ во время крымской войны „Times“ не продавался менѣе, чѣмъ въ 70,000 экземпляровъ, хотя обыкновенный сбытъ его въ это время былъ всего въ 51,640 экземпляровъ. Въ это время „Times“ часто выходилъ въ тройныхъ листахъ, и все-таки, если были извѣстія о большомъ сраженіи, то изданія не хватало и цѣна отдѣльныхъ нумеровъ доходила до полу-гинеи“.

Доходу „Times'a“ отъ объявленій Грантъ дѣлаетъ слѣдующій приблизительный расчетъ. Въ настоящее время съ обыкновенныхъ объявленій за столбецъ берется около 22 фунтовъ стерлинговъ; съ объявленій разныхъ публичныхъ обществъ, компаній берется 25% выше, т.-е. около 30 ф. стерлинговъ. Объявленія о смерти, рожденіи, бракахъ въ другихъ газетахъ печатаются болѣею частію безденежно, но „Times“ беретъ за нихъ, по крайней мѣрѣ, 6 шиллинговъ. При этомъ надобно имѣть въ виду, что не всѣ мѣсяцы въ году одинаково обильны объявленіями. Самые лучшіе мѣсяцы въ этомъ отношеніи: мартъ и апрѣль, такъ что въ прошедшемъ, напримѣръ, году за эти мѣсяцы было объявленій среднимъ числомъ каждый день 8¹/₂ страницъ; зимой, напротивъ, объявленія уменьшились среднимъ числомъ на 6¹/₂ страницъ. И такъ, если для болѣе вѣрнаго расчета возьмемъ среднее число 7 страницъ, и положимъ, что каждый столбецъ стоитъ не болѣе, какъ 20 фунтовъ стерлинговъ (надобно имѣть въ виду, что отъ ищущихъ мѣстъ или вообще какихъ нибудь занятій за объявленія берется гораздо дешевле), то найдемъ, что

„Times“ получает дохода отъ объявленій въ каждую недѣлю 5,040 ф. стерл., а въ годъ почти 260,000 ф. стерл.

Если этотъ расчетъ Гранта нѣсколько и преувеличенъ, то все-таки положеніе „Times“ въ финансовомъ отношеніи и въ настоящее время нельзя назвать иначе, какъ блестящимъ. Но останется-ли эта газета въ такомъ положеніи и на будущее время, это становится теперь большимъ вопросомъ. Съ 1855 года въ Англии уничтожена пртемпельная пошлина на газеты, а также пошлина на бумагу въ объявленіяхъ; этимъ изданіе газетъ сильно удешевилось, — и „Times“ нажилъ себѣ сильныхъ и опасныхъ соперниковъ въ дешевыхъ газетахъ, продающихся по пенни (около 3 к.) за №. Первая попытка къ пониженію цѣны газетъ была сдѣлана „Daily Telegraph“омъ“. Онъ началъ издаваться въ 1855 году ежедневно въ одномъ листѣ по два пенни за №. Газета была дѣйствительно дешевле всѣхъ другихъ, но не обратила на себя ничего вниманія и объявленія давали въ ней не болѣе какъ по 10—15 шиллинговъ въ день. Издатель ея Слейтъ, человекъ безъ капитала, скоро сдѣлался несостоятельнымъ и газета перешла къ его кредитору Леви. Леви началъ съ того, что понизилъ цѣну газеты до пенни. Это возбудило общее вниманіе; газета стала распространяться. Тогда онъ немедленно увеличилъ ея форматъ и сталъ давать такое-же число листовъ, какое даетъ „Times“. Такимъ образомъ за одинъ пенни публика получала газету, по формату и объему ни въ чемъ не уступающую дорогимъ четырехпенсовымъ газетамъ. При этомъ и по внутреннему своему содержанию, по руководящимъ и другимъ статьямъ „Daily Telegraph“ малымъ чѣмъ уступалъ даже „Times“у“. Газета стала распространяться съ быстротою необыкновенною; во второй половинѣ 1870 года „Daily Telegraph“а распродалось уже въ 190,885 экземпляровъ. Послѣ войны эта цифра упала на 175.000. Въ настоящее время это — самая распространенная изъ всѣхъ газетъ не только английскихъ, но и американскихъ.

Примѣру „Daily Telegraph“ послѣдовалъ въ недавнее время и „Daily-News“. „Daily-News“ былъ основанъ въ 1846 году компаніею на акціяхъ. Многіе изъ акціонеровъ были люди очень богатые, вообще-же, всѣ были люди сочувствующіе литературѣ и предпринчивые. На газету они не жалѣли ничего; она была обставлена также роскошно, какъ „Times“. Къ участию въ ней привлечены были разные литературныя знаменитости; главнымъ редакторомъ былъ сдѣланъ Диккенсъ съ жалованьемъ по 2,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но газетѣ не повезло. Знаменитый романистъ оказался неспособнымъ для той мелкой политической борьбы, которой требовала ежедневная газета и черезъ

нѣсколько мѣсяцевъ сложили съ себя званіе редактора. Послѣ него смѣнилось нѣсколько редакторовъ и почти всѣ они были избираемы изъ лицъ, приобрѣвшихъ литературную извѣстность изданіемъ разныхъ солидныхъ сочиненій. Но газета не пошла. Въ теченіе 12 лѣтъ акціонеры понесли убытку на 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Всѣ думали, что послѣ такихъ громадныхъ потерь газета доживаетъ послѣдніе дни. Но акціонеры не унывали. Послѣ того, какъ цѣна газеты мѣнялась нѣсколько разъ—продавалась она и по 5 пенсовъ, и по 3, и по 2¹/₂, и опять по 5,—издатели понизили ее, наконецъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, до одного пенни. Во время послѣдней войны они не щадили ничего, чтобы поставить газету наилучшимъ образомъ. „Daily-News“ отличался за это время такою быстротою, точностію, полнотою извѣстій, что даже „Times“ вынужденъ былъ самымъ лестнымъ образомъ отозваться о его корреспондентахъ и репортерахъ. Точно тоже должно сказать и объ извѣстіяхъ этой газеты за время восстанія въ Парижѣ. Иво дня въ день она сообщала въ это время самыя важныя и интересныя телеграфическія извѣстія, а нисѣма Лэбушера изъ французской столицы отличались такою остроумною характеристикою происходившихъ событій, что въ остальной журналистикѣ за то время не было рѣшительно ничего подобнаго. Все это сильно содѣйствовало чрезвычайному успѣху и распространенію „Daily-News“ въ публикѣ. Въ настоящее время газета эта расходуется ежедневно въ 90,000 экземплярахъ.

Точно также и „Standard“, газета, существующая съ 1827 года, но въ средніе 30 годовъ обанкротившаяся и едва тапнувшая свое существованіе, поступивъ въ число пенни-газетъ, поправилась и имѣетъ теперь большой сбытъ. Вмѣстѣ съ своимъ вечернимъ изданіемъ она расходуется ежедневно въ 120—150,000 экземплярахъ.

Всѣ эти пенни-газеты сильно подрываютъ „Times“. Они уже вынудили его цѣну своихъ ММ понизить сначала съ 6 пенсовъ на 4, а потомъ съ 4 на 3. Но это еще не такъ важно. Важнѣе всего объявленія. Натурально, что объявленія будутъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стремиться въ тѣ газеты, которыя имѣютъ наибольшій сбытъ. Грантъ пишетъ, что и теперь уже приливъ объявленій въ „Daily-News“ такъ великъ, что въ послѣднюю сессію эта газета должна была два раза въ недѣлю увеличивать объемъ свой съ шести столбцовъ на семь. Вѣроятно такой-же приливъ объявленій и въ „Daily-Telegraph“, еще болѣе распространенномъ.

Но предприимчивая англійская журналистика не остановилась

на пенни-газетахъ. Она пошла далѣе. Въ декабрѣ 1868 года была основана газета „The Echo“, цѣною $\frac{1}{2}$ пенни за №. Попытка была очень смѣлая, можно сказать, дерзкая. Въ Англіи, гдѣ пенни-газеты по своимъ достоинствамъ и объему почти-что не уступаютъ „Times'у“, нельзя издавать болѣе дешевой газеты, съ надеждою на успѣхъ, если эта газета не будетъ поставлена также хорошо, какъ и пенни-газеты. Слѣдовательно, требовались для успѣха газеты огромныя предварительныя затраты, которыя никакъ нельзя было рассчитывать покрыть сбытомъ газеты, и сверхъ того, солидный запасный капиталъ, на случай, если бы пришлось болѣе или менѣе продолжительное время бороться съ равнодушіемъ публики. Предприниматели, однакожь, выдержали испытаніе. Газета „Echo“ теперь не только прочно утвердилась, но и общается со временемъ давать хорошіе барыши. У ней уже 80,000 постоянныхъ покупателей. Экономическая и литературная обстановка „Echo“ ни въ чемъ не уступаетъ другимъ большимъ утреннимъ газетамъ. „Echo“ имѣетъ также своихъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ большихъ европейскихъ и американскихъ городахъ, получаетъ телеграммы, какъ и другія газеты, дѣлаетъ обзорѣніе по ежедневнымъ политическимъ дѣламъ ни чѣмъ не хуже большихъ газетъ. Въ особенности руководящія статьи, въ составленіи которыхъ участвуютъ лучшія литературныя силы, обрабатываются такъ тщательно, что очень часто онѣ могли-бы съ честью занимать мѣсто въ лучшей изъ лондонскихъ газетъ.

Какъ сильно распространено и какъ быстро возрастаетъ чтеніе газетъ въ Англіи, можно судить по слѣдующему:

Въ 1853 году всякаго рода газетъ и журналовъ выходило ежедневно 353,914 №№.

Теперь ежедневно расходуется: „Daily-Telegraph“ въ 170,000 экземплярахъ; „Standard“ въ 140,000 экз.; „Daily-News“ въ 90,000; „Times“ въ 70,000; „Morning Advertiser“ въ 6,000; „Morning-Post“ въ 3,500; „Echo“ въ 80,000; „Pall-Mall-Gazette“ въ 8,000, и, наконецъ, „Globe“ въ 7,000 экземплярахъ. Въ общемъ числѣ всѣ утреннія и вечернія изданія лондонскихъ газетъ даютъ ежедневно почти 569,000 экземпляровъ. Это—только одні лондонскія и притомъ только политическія газеты. Но такъ какъ число всѣхъ газетъ въ соединенныхъ королевствахъ простирается свыше 700, и кромѣ газетъ выходитъ много журналовъ, то общее число всѣхъ выходящихъ ежедневно во всей Великобританіи и Ирландіи экземпляровъ газетъ и журналовъ надобно положить не менѣе 900,000, при народонаселеніи почти въ 32.600,000 душъ. Чтобы поравняться съ англійскою журна-

листкой наша журналистика должна-бы была давать ежеднев-но—предполагая народонаселение Россіи въ 80 милліоновъ,—около 2.400,000 экземпляровъ разныхъ газетъ и журналовъ.

Обращая вниманіе на то, что мы свазали выше о постепенномъ развитіи англійской журналистики, нельзя не примѣтить, что если англійская журналистика своимъ процвѣтаніемъ много обивана тѣмъ особеннымъ условіемъ, въ которыя стоитъ Англія въ сравненіи съ многими другими странами континента, то едва-ли еще не болѣе своей собственной самодѣтельности и предпріимчивости. Начиная съ того времени, когда журналистовъ въ Англіи сѣкли плетью, выставляли къ позорному столбу, держали по нѣскольку лѣтъ въ тюрьмѣ, распарывали имъ животы, и до послѣдняго опыта издателей „Echo“ основать газету въ пол-пенни, которая была бы не хуже „Times'a“,—ведѣ мы видимъ въ англійской журналистикѣ одну и ту же черту: необыкновенную, незнающую покоя предпріимчивость, неутомимость и упорство въ преслѣдованіи цѣли, ту, если угодно, британскую гордость, которая для своихъ плановъ не хочетъ знать ничего невозможнаго. Разъ предположивъ извѣстную цѣль, она идетъ къ ней твердо и непреклонно, не жалѣя денегъ, не щада себя, ни даже чести своей, если другимъ угодно понимать эту честь не такъ, какъ она сама ее понимаетъ. Дефо, знаменитый авторъ Робинзона, приставленный къ позорному столбу въ то время, когда Англія ходила еще лечиться отъ золотухи првосношеніемъ къ королямъ, когда человѣкъ, приставленный къ позорному столбу, признавался дѣйствительно безчестнымъ всѣмъ обществомъ и подвергался оскорбленіямъ, сочиняетъ похвальную оду позорному столбу. Вальтеръ, по своимъ убѣжденіямъ, ни тори, ни вигъ, добровольно готовъ поддерживать и тори, и виговъ, но онъ считаетъ несогласнымъ съ достоинствомъ журналиста подчиниться чьему бы то ни было вліянію, и съ тѣми самыми лицами, которыхъ онъ поддерживаетъ, онъ ведетъ изъ-за одной мысли ихъ о притязаніи на это вліяніе упорную борьбу, которая стѣдетъ ему большихъ хлопотъ и огромныхъ расходовъ. Тотъ же Вальтеръ цѣлыя десять лѣтъ проводитъ надъ тѣмъ, чтобы изобрѣсть паровую машину для печатанія, привлекаетъ къ себѣ каждаго изобрѣтателя, тратитъ на это большія деньги, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, можетъ ли быть изобрѣтена такая машина. Эта машина нужна; этого довольно для него, чтобы быть убѣжденнымъ въ томъ, что она должна быть изобрѣтена! Издатели „Daily News“, издержавъ напрасно на наши деньги ,1400,000 руб., нисколько не смущаются тѣмъ, что газета неидетъ. Она должна пойти, такъ они предположили. Какъ же бы

она снѣла не войти?! И тратятся новыя милліоны на то, чтобы газета пошла. Напрасно мы думаемъ, что ничтожество журналистики во многихъ странахъ на континентѣ зависитъ единственно отъ тѣхъ неблагоприятныхъ политическихъ условій, въ которыхъ она поставлена. Едва-ли не важнѣйшую всегда роль играетъ адѣсь недостатокъ духа предприимчивости, апатія къ дѣлу, рутинна и неизбѣжное при этихъ условіяхъ алтынничество. Возьмемъ въ примѣръ хотя Пруссію и настоящій прусскій законъ о прессѣ. Чего недостаетъ въ немъ для развитія журналистики и даже для процвѣтанія ея? Въ Пруссіи права концессіи на изданіе газетъ и журналовъ не существуетъ; это — промыселъ совершенно свободный и открытый для всякаго; отъ предпринимающаго изданіе газеты или журнала требуется только заявленіе объ этомъ полиціи; предостереженій и вообще какихъ-бы то ни было полицейскихъ затрудненій для выходящихъ уже газетъ и журналовъ не существуетъ; въ случаѣ совершеннаго газетомъ или журналомъ преступленія, полиція арестуетъ номеръ газеты или журнала, но немедленно представляетъ его суду, который имѣетъ право подвергать отвѣтственности только лицо редактора, но самое предпріятіе остается неприкосновеннымъ. Очевидно, что даже этотъ настоящій законъ о прессѣ (онъ скоро будетъ еще улучшенъ) въ Пруссіи настолько огражденъ отъ всякаго произвола со стороны администраціи, что вполне обезпечиваетъ приложеніе какихъ угодно капиталовъ въ журнальному дѣлу, и настолько либераленъ, что не можетъ служить препятствіемъ къ участію въ журналистикѣ для самыхъ свободныхъ и интеллигентныхъ силъ страны, еслибы матеріальная постановка журнальнаго дѣла была другая. Но этого именно до сихъ поръ и нѣтъ въ нѣмецкой журналистикѣ. Можно сказать смѣло, что она страдаетъ теперь, главнымъ образомъ, отъ своего внутренняго неустройства—отъ той алтынной постановки дѣла, которая осталась въ ней отъ прежняго времени. Эта постановка держитъ ее въ прежнемъ мизерномъ положеніи, не даетъ ей развернуть своихъ силъ и передъ официальнымъ міромъ и обществомъ явиться совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они привыкли представлять ее по рутинѣ прежняго времени. Изъ всѣхъ причинъ, которыя приводятъ Дюбокъ въ облысненіе современнаго бѣдственнаго положенія нѣмецкой журналистики, это едва-ли не единственно вѣрная. Упомянувъ о чрезвычайномъ успѣхѣ „Daily News“ въ послѣднюю войну, приобрѣтенномъ единственно смѣлостію и рискомъ въ такое время, когда газета была въ совершенномъ упадкѣ и находилась, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи, Дюбокъ спрашиваетъ: «Ка-

кой изъ нѣмецкихъ издателей или какое нѣмецкое акціонерное общество въ подобныхъ обстоятельствахъ рѣшилось бы на подобный рискъ? Кто изъ нихъ согласился бы предпринять операцію, которая требовала неисчислимыхъ расходовъ и, въ случаѣ неудачи, угрожала громадными потерями? Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что на это не согласился бы ни одинъ издатель и ни одно акціонерное общество. Намъ могутъ возразить, что здѣсь совершенно разнородныя отношенія не допускаютъ никакого и сравненія, что грандіозные размѣры англійской жизни, огромный обѣтъ столичныхъ газетъ, наконецъ, незначительное число большихъ газетъ даютъ тамъ возможность для подобныхъ предпріятій и дѣлаютъ ихъ удобоисполнимыми; у насъ же ничего подобнаго нѣтъ. Но это возраженіе, если оно въ данномъ случаѣ и имѣетъ нѣкоторое основаніе, нисколько не опровергаетъ того несомнѣннаго факта, что въ нѣмецкой журналистикѣ господствуетъ вообще такое отсутствіе всякой предпримчивости, такая сдержанная и выше всякой мѣры прижимистая экономическая постановка дѣла, наконецъ, такая страсть къ рутинѣ, которыя никакъ не могутъ быть оправданы незначительными размѣрами нѣмецкой политической и соціальной жизни. И у насъ есть газеты, имѣющія огромный капиталъ и дающія очень большую ренту, но мы могли бы указать только развѣ очень немногія изъ нихъ, къ которымъ нельзя бы было примѣнить вышесказаннаго въ большей или меньшей мѣрѣ. Въ нашихъ редакціяхъ и конторахъ газетъ есть склонность бросать завистливые взгляды въ тѣ времена, когда газету можно было надавать за цѣну, въ половину меньшую нынѣшней, а между тѣмъ, и славу наживать, и карманы набивать; они все думаютъ, что чѣмъ болѣе будешь давать публикѣ, тѣмъ болѣе ее этикъ избалуешь и сдѣлаешь требовательнѣе, забывая при этомъ, что если публика будетъ предъявлять высшія требованія газетамъ и будетъ находить въ послѣднихъ удовлетвореніе своимъ требованіямъ, то она будетъ лучше и оплачивать газеты, что публика вообще такая барыня, которая на своихъ плечахъ вывозитъ и прессу, и ея представителей, что она обуславливаетъ собой и ихъ внутреннее и внѣшнее значеніе".

Если мы отъ нѣмецкой журналистики обратимся къ нашей собственной русской, то найдемъ, что политическое положеніе русской журналистики совсѣмъ другое, чѣмъ нѣмецкой, что оно гораздо неблагопріятнѣе. У насъ существуетъ еще право концессіи на всѣ періодическія изданія; существуетъ система предохраненій; издающіеся журналы и газеты административно

мастию могутъ быть останавливаемы и т. п. При такомъ стѣснительномъ законѣ прессы, приложеніе капиталовъ къ журнальному дѣлу на первый взглядъ представляется крайне опаснымъ. Оно и дѣйствительно опасно, но не настолько, чтобы угрожало каждому предпріятію несомнѣнною и неизбѣжною гибелью. При всей стѣснительности условій, которыми обставлена русская пресса, есть все-таки извѣстный районъ дозволеннаго, внутри котораго журналистика можетъ дѣйствовать не безъ пользы. Притомъ, помимо того или другого дозволеннаго уровня свободы мысли, возможно улучшение внутренняго достоинства статей, а еще болѣе возможны внѣшнія улучшения, которыя едва-ли не болѣе всего способствуютъ развитію и процвѣтанію газетнаго дѣла, какъ-то: устройство постоянныхъ и правильныхъ корреспонденцій изъ важнѣйшихъ пунктовъ заграничныхъ и внутреннихъ, быстрое и обстоятельное сообщеніе разныхъ важныхъ и интересныхъ почему-либо извѣстій и т. п. Такимъ образомъ, была бы только охота, а различныя улучшения и внутреннія и внѣшнія возможны въ нѣкоторой мѣрѣ и для нашей журналистики...

Если они не дѣлаются, то причина этого заключается въ томъ же отсутствіи предпріимчивости, отъ котораго страдаетъ и Германія, и въ той же алтынной постановкѣ и рутинѣ журнальнаго дѣла, которыя господствуютъ и тамъ. Съ крымской войны число подписчиковъ на газеты увеличилось въ три раза, если не болѣе; число газетъ осталось то же самое; между тѣмъ, значительныхъ улучшеній не видно ни во внутреннемъ содержаніи газетъ, ни въ ихъ внѣшней обстановкѣ. Тотъ же самый пятакъ за строчку, который былъ двигателемъ литературнаго труда назадъ тому пятнадцать-двадцать лѣтъ, остается таковымъ, какъ и уже сказали выше, и до сихъ поръ. За исключеніемъ трех-четырехъ человекъ въ редакціяхъ, да и то не во всѣхъ, сотрудники газетъ жалованья не получаютъ, а оплачиваются пятакомъ за строчку. Потому всѣ они въ газетѣ люди случайные: такихъ же случайныхъ людей для газеты представляютъ собой, болѣею частью, и писатели руководящихъ статей. Собственныхъ постоянныхъ корреспондентовъ на жалованьѣ наши газеты также не имѣютъ ни внутри Россіи, ни за границей. Относительно Россіи всѣ главныя свѣдѣнія получаютъ только официальнымъ путемъ, о заграничныхъ дѣлахъ почерпаются изъ иностранныхъ газетъ. Стыдно сказать, что даже во время прусско-французской войны мы, великій, по увѣренію всѣхъ нашихъ газетъ, народъ, не имѣли собственныхъ корреспондентовъ ни въ Парижѣ, ни въ нѣмецкой квартирѣ. Всѣ корреспонденціи,

какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, помѣщаемыя въ нашия газеты, доставляются различными добродетельными дателями, которые пишутъ, когда имъ вздумается и что вздумается, безъ всякой опредѣленной интенціи и цѣли, что имъ Богъ на душу положить. Телеграфическими депешами наши газеты также не обилуютъ. Кромѣ общихъ, получаемыхъ всѣми, ни одна газета не даетъ никакихъ телеграфическихъ депешъ ни изъ внутри Россіи, ни изъ-заграницы. Вообще ни во внутреннемъ своемъ содержаніи, ни во внѣшней постановкѣ и обстановкѣ наши газеты не имѣютъ смысла предпріятія, и потому на нихъ лежитъ характеръ полной случайности. По внутреннему содержанію онѣ остаются безъ всякихъ опредѣленныхъ программъ, безцѣльными для самихъ себя, направляемыми во всѣ стороны случайнымъ личнымъ усмотрѣніемъ и настроеніемъ каждого изъ своихъ сотрудниковъ, постоянно себѣ противорѣчащими, лишенными всякаго опредѣленнаго цвѣта и характера. Для внѣшнихъ улучшеній не существуетъ также никакого живаго, движущаго постоянно дѣло впередъ начала. Все и здѣсь зависитъ отъ случайности. Издатель газеты можетъ увеличить форматъ своей газеты до аршина и потомъ опять умалить его до $\frac{3}{4}$ четвертой; можетъ вамъ дать корреспондента о хивинскомъ походѣ и не дать; это — его добрая воля; его добрая воля была бы сдѣлать это или не сдѣлать, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы у него, вмѣсто 15—20,000 подписчиковъ, ихъ было 100,000 или 150,000. Ибо что вы съ нимъ можете сдѣлать? Не читать газетъ вовсе вы не согласитесь. Подпишетесь на другую газету? Но и тамъ издатель точно такъ же даетъ своимъ подписчикамъ, что заблагоразсудитъ. Захотите сами издавать газету, чтобы показать, что на такія деньги, какія получаютъ издатели ежедневныхъ газетъ, хорошую газету издавать можно? Но въ томъ-то и сила, что здѣсь твердо—онъ-то и приперто, или говоря яснѣе, что журналистика у насъ не свободный промыселъ, предоставленный каждому.

Мы сказали выше, что никакія цензурныя стѣсненія не могутъ мѣшать нѣкоторому развитію журналистики въ извѣстныхъ, дозволенныхъ предѣлахъ. Нельзя того же сказать о концессіи на право изданія. Изданіе газеты есть прежде всего предпріятіе промышленное, но умственно-промышленное, требующее отъ предпринимателя, кромѣ капитала, самыхъ разнообразныхъ знаній и нравственныхъ качествъ. Дѣйствительно, предпринимательные и энергическіе предприниматели въ родѣ Вальтера, способные двигать журнальное дѣло впередъ, могли-бы найдтись

у насъ и образоваться только тогда, когда промыселъ этого дѣла былъ бы открытъ для всѣхъ и каждаго. Право концессіи ставить журнальное дѣло, какъ разъ наоборотъ. Оно закрываетъ дорогу къ газетному дѣлу всѣмъ способнѣйшимъ и отдаетъ его въ руки благонадежнѣйшимъ. Если-бы въ числѣ послѣднихъ иногда и встрѣтился какой-нибудь способный вести журнальное дѣло, то и въ такомъ концессія убиваетъ эту способность, парализируетъ и останавливаетъ ея развитіе. Ибо правомъ концессіи на періодическія изданія создается искусственно монополія журнальнаго дѣла, и притомъ, монополія совершенно особеннаго характера, не похожая на всѣ другія монополіи. Во всѣхъ другихъ производствахъ и промыслахъ государство, если иногда и допускаетъ монополіи, то отдаетъ эти монополіи обыкновенно тѣмъ, которые своею практикою доказали, что они лучше другихъ понимаютъ и могутъ вести то дѣло, которое имъ отдается въ монополію. Въ журналистикѣ раздача концессій, въ особенности за послѣдніе годы, производится, какъ разъ на оборотъ. Всѣмъ, которые участвовали въ журналистикѣ, о которыхъ можно предполагать, что они болѣе или менѣе понимаютъ журнальное дѣло и могутъ, слѣдовательно, въ томъ или другомъ отношеніи быть полезными для его развитія, получить концессію на изданіе газеты или журнала очень трудно. И напротивъ, тѣмъ, которые никогда не участвовали въ журналистикѣ, которые даже въ граматѣ не очень сильны, концессіи даются безъ особенныхъ затрудненій. Теперь есть такіе редакторы-издатели, которые были-бы на мѣстѣ скорѣе въ любомъ мучномъ лабазѣ и мелочной лавочкѣ, чѣмъ во главѣ журнальныхъ предпріятій. Мы говоримъ это впрочемъ, нисколько не въ обиду означеннымъ редакторамъ-издателямъ. Еслибы промыселъ журнальнаго дѣла былъ у насъ свободенъ для всѣхъ, мы, первые, стали-бы отстаивать право каждаго лавочника и сидѣльца мелочной лавочки, пожелавшаго взяться за журнальное дѣло. Потому что, —кто-жь его знаетъ?— иной лабазникъ и сидѣлецъ оказался-бы, быть можетъ, способнѣе къ веденію журнальнаго дѣла, чѣмъ лучший изъ журналистовъ. Но тогда вопросъ этотъ рѣшался бы свободной конкуренціей, и кто взялся не за свое дѣло, тотъ за это и поплатился-бы. Теперь-же, когда правительство находитъ нужнымъ монополизировать промыселъ журнальнаго дѣла, оно, по принципу самихъ монополій, должно отдавать его *исключительно* лицамъ, участвующимъ въ журналистикѣ, какъ разумѣющимъ это дѣло и способнымъ вести его. Иначе надобно-бы было предположить, что правительство не желаетъ никакого развитія въ журналъ-

номъ дѣлѣ, никакихъ усовершенствованій въ немъ, что оно просто хочетъ убить его. Но этого мы предположить въ намѣреніяхъ правительства никакъ не можемъ. Мы, напротивъ, склонны думать, что это одно изъ самыхъ страшныхъ старинныхъ орудій притѣсненія прессы перешло въ нашъ новый законъ о прессѣ лишь потому, что оно не разсмотрѣно въ достаточной ясности, что осталось непримѣненнымъ то вредное, убивающее вліяніе, которое оно имѣетъ и неизбежно должно имѣть на развитіе прессы.

Нынѣ нѣтъ нужды доказывать вредъ монополій. Извѣстно всѣмъ, что монополіи вредны во всякомъ дѣлѣ даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ отдаются людямъ талантливейшимъ и способнѣйшимъ. Въ журнальномъ дѣлѣ, гдѣ концессіи раздаются не талантливейшимъ и способнѣйшимъ, а благонадежнѣйшимъ по поведенію, этотъ вредъ возрастаетъ отъ монополій во сто, въ тысячу разъ. Всѣмъ извѣстно, что концессія на ежедневную газету, если и не можетъ равняться съ концессіей на желѣзную дорогу, то во всякомъ случаѣ она обезпечиваетъ вѣрнѣйшій и значительнѣйшій ежегодный доходъ, чѣмъ пожалованіе арендою въ 5 — 10,000 десятинъ земли. Ибо при нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ на землю, аренда даже въ 10,000 десятинъ земли можетъ дать въ годъ не болѣе 30 — 40,000 р. Ежедневная-же газета, при маленькомъ умѣньши вести дѣло, черезъ два, три года можетъ приносить до 50,000 р. ежегоднаго дохода. Въ сравненіи съ доходами „Times'a“ доходъ этотъ, конечно, не великъ, но все-таки это доходъ кругленькій, а главное, при монополіи журнальнаго дѣла, что называется, на боку лежа, вѣрный и обезпеченный. Что можетъ побуждать издателя, достигшаго такого дохода, дѣлать большія затраты на внѣшнія и внутреннія улучшенія въ газетѣ?—Публика?—Но мы уже выше замѣтили, что при монополіи публика ровно ничего не можетъ сдѣлать съ издателемъ. Къ тому-же, наша публика такъ не избалована, что она остается вполне довольною уже и тѣмъ, если газета исправно выходитъ, не запаздываетъ передачею извѣстій изъ иностранныхъ газетъ; а ежели при этомъ еще аккуратно собираетъ разныя ежедневныя мелкія извѣстія, тѣ, что въ Англіи доставляютъ реппу-а-линер, и передаетъ ихъ своевременно, не запаздывая, то это уже верхъ совершенства.—Издатели другихъ газетъ?—Но всѣ они такіе-же концессіонеры, и каждому изъ нихъ держаться рутинны очень выгодно. Въ предѣлахъ рутинны они другъ съ другомъ конкурировать будутъ,—но дальше никто не пойдетъ. Ибо всѣ они очень хорошо понимаютъ, что лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль

въ небесахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они люди или вовсе безкапитальные, или съ капиталами не особенно значительными. Любовь къ литературѣ и русскому просвѣщенію вообще? Честолюбіе? Задоръ? Но всѣ эти стимулы возможны только тогда, когда газетное дѣло дѣлается предпріятіемъ въ какомъ-нибудь смыслѣ — въ политическомъ, промышленномъ и т. п. У насъ оно, какъ мы уже сказали, ни въ какомъ смыслѣ не предпріятіе и въ немъ нельзя ждать никогда самопроизвольнаго движенія къ лучшему.

Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь захолустномъ мѣстечкѣ торговля исповошь вѣку ведется такимъ образомъ, что лавочники торгуютъ въ грязныхъ лавочкахъ, своихъ молодцовъ держать впроголодь, въ заработной платѣ обчитываютъ, на покупателей смотрять, какъ на крѣпостныхъ, которымъ уйти отъ нихъ нѣкуда, и съ которыми, слѣдовательно, нѣчего перемониться ни на счетъ доброкачества товара, ни на счетъ его недомѣра и недовѣса, — все съ рувъ сойдегъ, — и что, благодаря такимъ торговымъ обычаямъ, многіе изъ лавочниковъ сколотили себѣ уже большое состояніе. Съ какой стати лавочникъ, владѣющій на правѣ монополіи въ этомъ захолустѣ лавкою и получающій, можетъ быть, 100⁰/₀, 200⁰/₀, 500⁰/₀ на 100, вдругъ проникнется политико-экономическими теоріями обіѣна и захочетъ преобразовать свою торговлю на иныхъ новыхъ основаніяхъ? Онъ не можетъ не понимать, что эти новыя основанія, хотя и увеличатъ число его покупателей, но его бывшую чистую прибыль понизятъ на двѣ трети, а можетъ быть, на три четверти и болѣе. Помириться съ такими основаніями, ввести ихъ въ свою торговлю, отказаться отъ прежнихъ выгодныхъ для него обычаевъ, его можетъ заставить только крайняя необходимость, когда, напримѣръ, эти начала будутъ внесены въ его городъ и примѣнены къ торговлѣ кѣмъ-нибудь извнѣ, и когда эта конкуренція будетъ угрожать полнымъ уничтоженіемъ его дѣлу. Точно тоже самое должно сказать и о нашей нынѣшней журналистикѣ, воспитанной на алтынничествѣ и привыкшей съ давняго времени къ подобному веденію дѣла. Не возможно ни требовать, ни надѣяться, чтобы какой-нибудь частный антрепренеръ-издатель когда-нибудь добровольно отказался отъ тѣхъ выгодъ, какія даетъ ему монопольное право нашей журналистики, отъ традиціи, въ которой она развивалась, отъ ея рутинной постановки, и установивъ для себя какой-нибудь извѣстный, твердоопредѣленный, конечно, умѣренный maximum чистаго дохода, остальное все употреблялъ на улучшеніе дѣла. Для этого нужно имѣть слишкомъ много самоотверженія.

При такомъ печальномъ положеніи нашей журналистики, которое не кончится до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено право концессіи, — есть только одинъ способъ внести въ нее нѣкоторое обновленіе,—это соединенныя усилія всѣхъ сочувствующихъ развитію журнальнаго дѣла для поднятія его уровня. Мы думаемъ, что еслибы образовалось акціонерное общество съ капиталомъ въ 500,000 р. и основало умѣренно-либеральную газету съ извѣстными, твердо опредѣленными задачами, матеріально обставило ее, по крайней мѣрѣ, также хорошо, какъ обставлены лучшія дешевыя англійскія газеты, напримѣръ, „Daily-Telegraph“, то нѣтъ сомнѣнія, что черезъ 3—4 года, при постоянно-неуклонномъ, неизмѣнно вѣрномъ преслѣдованіи разъ навсегда поставленныхъ ею задачъ, эта газета имѣла-бы 30—40 тысячъ подписчиковъ, и, давая своимъ хозяевамъ 30—40% чистаго ежегоднаго дохода на затраченный капиталъ, положила-бы начало преобразованію нашей журналистики на другихъ, болѣе широкихъ основаніяхъ.

ПЕРВАГО ЯНВАРЯ.

Гремитъ полночный пирь. Въ граненомъ хрусталѣ
Шипучее вино играетъ на столѣ,
И разогрѣтая живительнымъ напиткомъ,
Давъ волю сдержаннымъ движеньямъ и улыбкамъ,
Безпечная толпа, разбившись на кружки,
Плруетъ и шумить. Злословять языки,
Здѣсь споръ идетъ, тамъ хохотъ раздается,
Рулада прозвучитъ и смѣхомъ оборвется;
Тамъ бѣглый разговоръ въ углу стихаетъ вдругъ
Въ интимномъ шопотѣ, съ нѣмымъ пожатьемъ рукъ,
И новыя узлы интриги маскарадной
Завязываетъ франтъ съ сосѣдкою нарядной.

Но все-жъ веселья искренняго нѣтъ
И дышетъ скукою наша праздничный банкетъ;
Не отличишь подъ вальса остроты
Улыбки отъ подавленной зѣвоты,
Веселья отъ тоски, знакомой намъ давно...
Не веселитъ насъ самое вино.
Съ усталой головой, съ холодной рыбьей кровью
Лѣнливо споримъ мы, или даемъ злословью
Характеръ личныхъ дразгъ и жалкихъ пустяковъ;
Отъ старыхъ юношей до юныхъ стариковъ,
Отъ скромныхъ дѣвственницъ, какъ сфинксы молчаливыхъ,
До женщинъ, какъ шампанское игривыхъ,
И какъ шампанское способныхъ опьянять —
На всѣхъ лежитъ какая-то печать
Неотразимой пошлости и скуки.

Какъ рода слабого разслабленные внуки,
Какъ мертвецы съ обличемъ живымъ
Посредственностью общей мы блестяще:
Она одна — пришло такое время! —
Подъ общій уровень подводитъ наше племя,
Дасть ему одни понятя и языкъ,
И гдѣ-бъ мы ни были — у насъ вездѣ двойникъ.
Поклонникамъ блаженной середины,
Намъ страшны мудрецы, намъ страшны и кретины,

И слишкомъ сильный умъ и искренній глупецъ,
 И шутовской колпакъ и генія вѣнецъ;
 Прослыть титанами и въ грезахъ не посмѣя,
 Съ презрѣньемъ въ свой чередъ глядимъ мы на пигмея.

Посредственность — вотъ новый нашъ кумиръ;
 Ничтожество вотъ муза нашихъ лиръ
 И полная безличность въ каждомъ дѣлѣ —
 Вотъ идеаль житейской нашей цѣли
 И помысловъ практическихъ zenithъ;
 Вотъ почему, одинъ принявши видъ,
 Всѣ люди точно списаны другъ съ друга;
 Не отличаешь явнаго супруга
 Отъ тайнаго любовника, жены —
 Отъ горничной, лоретки отъ княжны,
 По ремеслу присяжнаго фискала
 Отъ журналиста въ чинѣ либерала,
 Ученаго отъ записныхъ вралей,
 Врача отъ продавца мозольныхъ пластырей,
 Завзятую ханжу отъ женщины публичной;
 Весь этотъ сонмъ толпы многоязычной
 Какъ будто выкроенъ и спитъ однимъ портнымъ,
 Одною нянькою вездѣ руководимъ.
 Уравниваютъ всѣхъ одни стремленья
 Дешовенькихъ желаній исполненье:
 Крестъ, мѣсто теплое, вѣнчальное кольцо,
 И пошлость всѣмъ даетъ одно лицо.

Нѣтъ смѣлости ни въ комъ и вдохновенья
 Для подвиговъ, любви и даже преступленья;
 Мѣщански скромнень тайный нашъ развратъ
 И юридически неумовимъ тотъ адъ,
 Боторымъ ближняго мы часто отравляемъ
 И на скамью суда за то не попадаемъ.
 У насъ прогрессъ — колоколовъ трезвонъ,
 У насъ разгулъ — подобье похоронъ,
 У насъ слюна — замѣна дарованья,
 У насъ жена — родникъ существованья,
 Супругами торгующихъ мужей;
 У насъ другъ друга рѣжутъ безъ ножей
 Оружьемъ клеветы, доноса и обмана;
 У насъ поэзія — поэзія канкана,
 У насъ любовь — танцклассъ или гаремъ,
 У насъ и кровь — не красная совсѣмъ.

Д. Минаевъ.

ДОЧЬ ЕГИПЕТСКАГО ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ГЕОРГА ЭВЕРСА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый романъ въ первый разъ явился на нѣмецкомъ языкѣ въ 1860 году; въ прошедшемъ году вышло третье его изданіе; четвертое — иллюстрированное — уже готовится. На англійскомъ языкѣ за это время онъ выдержалъ уже два изданія. Такой рѣдкій успѣхъ былъ бы не безъ значенія и для романа изъ современной жизни; тѣмъ болѣе онъ долженъ говорить за достоинство романа, дѣйствіе котораго происходитъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Х., который снабженъ болѣе, чѣмъ 500 ученыхъ примѣчаній, и героиня котораго—дочь Фараона.

Авторъ романа въ настоящее время—профессоръ лейпцигскаго университета по кафедрѣ египетскихъ древностей. Назадъ тому тринадцать лѣтъ, когда онъ былъ еще приватъ-доцентомъ въ Іенскомъ университетѣ, ему пришла счастливая мысль — познакомить читающую публику съ жизнію и культурою древняго міра посредствомъ романа. Форма романа давала возможность представить древнюю жизнь во всей широтѣ и полнотѣ ея движенія, во всемъ разнообразіи ея дѣятельности политической, общественной, семейной, религіозной и т. д., со всѣми мельчайшими подробностями ея внѣшняго быта, со всѣми характеристическими особенностями ея нравственнаго содержанія. Но признать эту форму къ древней жизни—была задача не легкая. Трудность ея главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы заинтересовать читателя міромъ не только давно отжившимъ, отстоящимъ отъ насъ болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи лѣтъ, но и міромъ, чуждымъ намъ по своей цивилизаціи, понятіямъ, нравамъ, обычаямъ и вѣрованіямъ. Авторъ съ честію вышелъ изъ этой трудной задачи. Оставаясь вѣрнымъ различнымъ археологическимъ и историческимъ изысканіямъ и свѣдѣніямъ о древнемъ мірѣ, почти до самыхъ незначительныхъ мелочей, онъ умѣлъ, однакожъ, по этимъ свѣдѣніямъ нарисовать живую, поэтическую кар-

тину древняго міра, полную интереса для современнаго читателя. Начавъ читать его романъ, съ напряженнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ переворачиваешь страницу за страницей; чѣмъ далѣе идетъ рассказъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ интересъ, и несмотря на то, что слишкомъ 500 ученыхъ примѣчаній, вставленныхъ въ романъ, то и дѣло напоминаютъ вамъ, что вы переживаете жизнь времени пирамидъ и плѣненія вавилонскаго, это нисколько не ослабляетъ впечатлѣнія и такъ романъ дочитывается до конца. Безчисленные дѣятели всемірной исторіи изъ сѣдой древности, всѣ эти Амазисы, Псамметихи, Камбизы и т. п., при имени которыхъ въ обыкновенномъ читателѣ часто не возникаетъ никакого представленія, кромѣ развѣ представленія о муміяхъ, да пирамидахъ, здѣсь проходятъ передъ вами точно живые и вмѣстѣ съ ними воскресаетъ весь древній міръ въ его будничной обстановкѣ, въ его торжественныхъ церемоніяхъ и дѣйствіяхъ, въ его международныхъ сношеніяхъ. Авторъ съ такимъ наслажденіемъ и увлеченіемъ вдается въ изображение различныхъ тонностей и подробностей древнеегипетской жизни, какъ будто бы самъ былъ урожденнымъ гражданиномъ этой жизни,—но, несмотря на это, отъ его изображенія не пахнетъ антикварной работой. Роясь въ прахѣ пирамидъ и мумій, авторъ умѣетъ сохранить въ груди своей священныи огонь поэзіи и вдохнуть жизнь и духъ въ окружающее его тлѣніе. Въ этомъ и заключается тайна его успѣха.

Но очевидно, что эти духъ и жизнь, которые авторъ вноситъ въ древній, давно усопшій міръ, надобно было освѣтить для современнаго читателя со стороны для него понятной и возбуждающей его интересъ. Вотъ почему, какъ ни объективенъ авторъ въ изображеніи древняго міра, объективность эта могла простираться только до извѣстнаго предѣла. Поэтическое чутье автора въ этомъ случаѣ вполне вѣрно указало ему этотъ предѣлъ. «Я не могъ и не смѣлъ,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи ко второму изданію,—вполнѣ освободиться отъ основныхъ воззрѣній времени и страны, въ которыхъ я родился вмѣстѣ съ читателями; такъ-какъ, еслибы я захотѣлъ изображать чисто древнихъ людей и чисто древнія обстоятельства, то я сдѣлался бы отчасти непонятнымъ для новѣйшихъ читателей, отчасти скучнымъ и, слѣдовательно, не достигъ-бы своей цѣли. Поэтому, при всемъ сходствѣ дѣйствующихъ лицъ съ персами, египтянами и т. п., въ ихъ дѣйствіяхъ, а въ особенности въ словахъ, все-таки будетъ проглядывать нѣмецкій писатель, не всегда стоящій выше сентиментальности своего времени, разсказчикъ, родившійся въ XIX столѣтіи по Рождествѣ Христа, этого великаго учителя, слово котораго произвело такой могущественный переворотъ въ чувствахъ и мысленіи человечества. Персы и греки, сродственные намъ по происхожденію, представляютъ въ этомъ отношеніи менѣе трудностей, чѣмъ египтяне, одинокіе на своемъ плодоносномъ островѣ, отнятомъ рѣвою

Ниломъ у пустыни. Я весьма благодаренъ господину профессору Ленсіусу, который замѣтилъ мнѣ, что художественное изображеніе, стоящее на исключительно египетской почвѣ, утомило бы читателя. Слѣдуя его совѣту, я еще въ первомъ изданіи расположилъ свой, заимствованный у Геродота, матеріалъ, такимъ образомъ, что прежде всего, такъ сказать, въ видѣ вступленія, ввелъ читателя въ греческое общество, которое не совсѣмъ ему чуждо, и съ которымъ онъ даже имѣетъ общность въ одномъ важномъ пунктѣ: я говорю объ ощущеніяхъ въ области прекраснаго и искусства. Черезъ это эллинское преддверіе онъ, приготовленный, вступаетъ въ Египетъ, оттуда въ Персію, и, наконецъ, снова возвращается на Нилъ. Свой интересъ онъ долженъ раздѣлять поровну между упомянутыми народами. Поэтому, вся трудность здѣсь не ограничивается изображеніемъ только одного героя; напротивъ того, я старался индивидуализировать всѣ три націи, посредствомъ соответствующихъ каждой изъ нихъ представителей. Если, несмотря на то, я далъ своему роману названіе— «Дочь египетскаго царя», такъ это потому, что счастье и горе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ обусловлены судьбою Нинетисъ, и такимъ образомъ на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на центральный пунктъ дѣлаго».

Какъ ни очевидно, что субъективный элементъ европейскаго характера неизбеженъ во всякомъ романѣ, изъ какой бы онъ жизни ни былъ,—если только его пишетъ европеецъ и для европейцевъ же,—тѣмъ не менѣе, по выходѣ въ свѣтъ романа Эберса, именно эта субъективность возбудила множество порицаній. Показались всѣмъ странно ямбы автора въ сценѣ любви между Сафо и Бартией, равно какъ и вообще другія любовныя сцены. Возбудился даже общій вопросъ: была ли извѣстна древнему міру любовь въ нашемъ смыслѣ этого слова и проч.? На эти порицанія и недоумѣнія авторъ даетъ отвѣтъ въ предисловіи къ своему второму изданію, и такъ-какъ отвѣтъ этотъ характеризуетъ отчасти личность самого автора, то мы приведемъ его здѣсь вполнѣ и тѣмъ закончимъ наше предисловіе.

«Я долженъ,—говоритъ Эберсъ,—извиниться за потокъ ямбовъ, который является въ сценѣ любви между Сафо и Бартией въ первой и третьей части; также мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о любовныхъ сценахъ, которыя я мало измѣнилъ въ новомъ изданіи, хотя именно относительно ихъ мнѣ дѣлали наиболѣе замѣчаній.

«Прежде всего я долженъ признаться, что ямбы при изображеніи блаженства любви прекрасной молодой четы, которая самому мнѣ сдѣлалась дорогою и которую я привелъ въ ночной тишинѣ къ вѣчному Нилу, къ пальмамъ и розамъ, подвернулся мнѣ подъ перо неволью и даже противъ моей воли. Первая любовная сцена имѣетъ для меня свою исторію. Я написалъ ее, не сознавая, что пишу, въ полчаса. Въ моей книгѣ сказано, что Персы, рѣшенія приняты ими вечеромъ въ состояніи

опьяненія, обдумывали снова въ слѣдующее утро, отрезвившись. Когда я при солнечномъ сіяніи разсматривалъ то, что было написано при свѣтѣ лампы, то мной овладѣло сомнѣніе и я хотѣлъ уже уничтожить сцены любви; но мой дорогой, слишкомъ рано умершій другъ Юлія Гаммеръ, авторъ стихотворенія «Взгляни въ себя и вокругъ себя!» удержалъ мою руку, поднятую уже для того, чтобы вычеркнуть ихъ. Форма любовныхъ сценъ получила одобреніе также и съ другой стороны и я думаю, что *поэтическое* выраженіе чувства любви во всѣхъ странахъ и во всѣ времена изображается весьма сходно, между тѣмъ, какъ языкъ и формы обращенія любящей четы въ дѣйствительности различествуютъ, смотря по мѣсту и времени. Здѣсь предо мною явился не рѣдкій, впрочемъ, случай, когда поэзія можетъ подходить къ истинѣ ближе, чѣмъ обдуманная наблюдательная проза. Нѣкоторые языкъ моихъ многоуважаемыхъ критиковъ порицали эти сцены, другіе, и въ числѣ ихъ лица, приговоромъ которыхъ я въ особенности дорожилъ, отзывались о нихъ съ благосклонною похвалою. Однакоже, я не могу умолчать, что до меня отъ разныхъ компетентныхъ сторонъ доходитъ вопросъ: была ли вообще извѣстна древнему міру любовь въ нашемъ смыслѣ этого слова, или она есть продуктъ христіанства, какъ и романтизмъ, на которомъ основанъ романъ даже по своему названію? Что я, начиная писать свою книгу, не оставалъ глухимъ къ подобнымъ сомнѣніямъ, это доказывается слѣдующимъ эпиграфомъ, поставленнымъ мною во главѣ предисловія:

«Неоднократно было замѣчено, что въ письмахъ Цицерона и Плинія младшаго, нельзя не замѣтить сентиментальности новѣйшаго времени. Я нахожу въ нихъ только звуки глубокой чувствительности, которыя *въ каждомъ вѣкѣ и у каждою племеню* вырываются изъ груди, сдавленной горемъ». А. Ф. Гумбольдтъ *Космосъ II*, стр. 19.

И я съ удовольствіемъ соглашаюсь съ великимъ ученымъ и указываю на то, что до насъ дошли любовные романы отъ временъ языческихъ. Напомню только объ Амурѣ и Психеѣ Апулея. Любовь не была чужда и для древности. Существуютъ-ли образцы пылкой страсти прекраснѣе тѣхъ, которыми дышутъ нѣсни Сафо? имѣемъ-ли мы болѣе великолѣпный образъ терпѣливаго выжиданія вѣрной любви, чѣмъ тотъ, который представилъ намъ Гомеръ въ благородной Пенелопѣ? что можетъ быть прекраснѣе того примѣра вѣрнаго, не прерываемаго даже смертью союза двухъ сердецъ, который даетъ намъ Ксенофонтъ въ своемъ разсказѣ о Пантеѣ и Абрадатѣ, или исторія Веспасіана въ повѣствованіи объ участіи галла Сабина и его жены? Знаемъ-ли мы что-нибудь трогательнѣе сказанія о галькіонахъ (птены), которыя любятъ другъ друга такъ нѣжно, что когда мужъ обезсилѣлъ отъ старости, то жена стала носить его на своихъ крыльяхъ куда онъ требовалъ? Подобную любовь награждаютъ боги, и когда парочка строитъ свое гнѣздо и слѣ-

дѣтъ на яйцахъ, то волны и вѣтеръ утихаютъ и солнце приятно свѣтитъ съ неба въ эти «галькионовы дни». Развѣ мало любовнаго романтизма въ томъ, что Антоній, этотъ развратникъ, въ своемъ завѣщаніи требовалъ, чтобы его тѣло, гдѣ бы онъ ни умеръ, было положено возлѣ его возлюбленной Клеопатры? Если даже предположить, что романтизмъ любви былъ неизвѣстенъ тамъ, гдѣ прекрасные волосы царицы Вереники были перенесены на небо, какъ изображение звѣздъ, то можемъ-ли мы сомнѣваться въ способности къ любви въ средѣ народовъ, которые съ упорнымъ ожесточеніемъ ведутъ страшныя войны за прекрасную женщину? Греки мстили за оскорбленіе, Троянцы же сражались за обладаніе Еленой, такъ-какъ старцы Иліона готовы «долго переносить страданія ради такой женщины».

Наконецъ, развѣ весь этотъ вопросъ не разрѣшается однимъ стихотвореніемъ Теокрита, подъ названіемъ «Волшебница», которое Рюккертъ своимъ превосходнымъ переводомъ сдѣлалъ достояніемъ нѣмецкой литературы? Бѣдная брошенная дѣвушка сидитъ съ своею старою служанкою Тестилисъ у огня, надъ нимъ сидятъ птица вертиголова (*Iupx torquilla* изъ семейства дятловыхъ), которой приписывается сила возвратить дѣвушкѣ невѣрнаго Дельфиса. Какой-то ассиріецъ, въ достаточной степени научилъ Симанту разнымъ способамъ ворожбы и она пробуетъ всѣ, не забывая ни одного изъ нихъ. Отдаленный ропотъ моря, шумъ огня, вой собакъ на улицѣ, измученная безпокойная птица, старая служанка, терзаемая сердечнымъ горемъ дѣвушка, страшныя атрибуты колдовства, — все это соединяется въ мрачную ночную сцену, эффектъ которой усиливается спокойнымъ и холоднымъ свѣтомъ луны, сіяющей съ неба. Вотъ старуха оставляетъ дѣвушку одну и Симанта тотчасъ перестаетъ ворожить. Она даетъ волю своимъ слезамъ, подымаетъ свои глаза къ Селенѣ, къ лунѣ, этой тихой повѣренной влюбленныхъ и повѣряетъ ей все, что случилось: какъ она въ первый разъ увидѣла Дельфиса и какъ въ ея сердцѣ воспыладо любовью къ нему. Она уже не видала болѣе толпы юношей... далѣе поэтъ влагаетъ въ ея уста слѣдующія слова:

Я ужъ не помню, какъ я возвратилась домой, но горячка
На десять сутокъ меня приковала къ постели.

Вотъ отъ чего приключилась со мною любовь, о, Селена!

И когда Дельфисъ наконецъ переступилъ за ея порогъ въ первый разъ, то ее охватили и жаръ и холодъ:

Но говорить не могла я, хотя бы подобно младенцамъ,
Что своимъ лепетомъ дѣтскимъ во снѣ свою мать призываю,
Тѣло мое все пылало, но было какъ кула недвижно.

Вотъ отъ чего приключилась со мною любовь, о, Селена!

Отъ чего она приключилась? Отъ того, отъ чего она приключается съ нами нынѣ. Любовь созданія къ своему создателю, чловѣчества къ божеству, есть высокой и прекрасный даръ христіанства. вмѣстѣ съ своею заповѣдью—любить ближняго, оно

создало понятіе о любви къ людямъ и къ человѣчеству вообще, чуждое языческимъ народамъ, которые дальнѣйшею цѣлью своей любви ставили только свой родной городъ и свое отечество. Конечно, христіанство подѣйствовало просвѣтительно и на любовь мужчины къ женщинѣ, но нельзя не допустить, что греческое сердце было столь же способно къ нѣжнымъ чувствамъ и столь же трепетало отъ страстнаго томленія, какъ и христіанское. Нельзя отрицать глубокаго пыла страсти у древнихъ. Но выражалась-ли у нихъ любовь подобно тому, какъ она высказывается у насъ? Кому неизвѣстна прекрасная круговая нѣсня:

Пей со мной, любви, мечтай,
Украшай себя цвѣтами,
Радость друга раздѣлай,
Плачь съ нимъ горькими слезами!

Но ни одинъ поэтъ нашего времени не пѣлъ этой пѣсни; она принадлежитъ поэтессѣ Праксидѣ, жившей въ V столѣтіи до Р. X. Въ нижеприведенной пѣсенѣ Рюккерта слышится, что она есть подражаніе стихамъ, которые пѣлись еще до того времени, къ которому принадлежитъ нашъ рассказъ:

Милая матушка
Прясть не могу я,
Мнѣ не сидится:
Ноя, тоскуя,
Сердце томится
Здѣсь взалерти!
Ниточки рвутся,
Руки трясутся—
Милая матушка,
Дай мнѣ уйтн!

Еслибы я имѣлъ больше мѣста, то я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ. Я позволю себѣ сказать только одно. У древнихъ, какъ и у насъ, сердце, бьющееся страстною любовью, теплѣе и глубже сочувствовало природѣ. Луна была и осталась повѣренною влюбленныхъ и я желалъ бы знать какое нибудь новѣйшее стихотвореніе, въ которомъ таинственная прелесть лѣтней ночи и чары, вѣющія въ лѣтнее время надъ садомъ, наполненнымъ ручьями, были изображены прекраснѣе, чѣмъ въ слѣдующихъ стихахъ той же Сафо:

Передъ дискомъ сіяющимъ мѣсяца,
Надъ землею, объятою сномъ,
Съ своимъ слабымъ мерцаніемъ вращутся
Звѣзды въ небѣ ночномъ.

Или:

И вода, благодатно-холодная,
Пробивалась, журчитъ межъ кустовъ;
Сонъ нисходитъ на землю, при травѣхъ
Шелестящихъ цвѣтовъ.

Говоря это, я имѣлъ въ виду тѣхъ, которые объявили, что любовь, подобная любви между Сафо и Вартіей, была невоз-

можно въ дѣвности. Само собою разумѣется, что нѣжныя чувствованія въ дохристіанскія времена принадлежали къ числу исключеній еще, въ болѣе степені, чѣмъ теперь. Въ заключеніе я признаю, что относительно играющей роль въ моей книгѣ я чѣты, употребилъ слишкомъ яркія краски. Но такъ-какъ я изображалъ ея чувства въ поэтической формѣ, то почему мнѣ было не воспользоваться свободою поэта?

Какъ мало я пользовался этою свободою въ другихъ отношеніяхъ—это показываютъ примѣчанія въ концѣ каждаго тома. Они притомъ оказываются необходимыми, отчасти для того, чтобы объяснить читателю менѣе знакомыя ему имена и обстоятельства, отчасти же для того, чтобы оправдать автора въ глазахъ ученыхъ. Пусть непосвященные не страшатся этихъ примѣчаній. Самый же текстъ и безъ объясненій легко доступенъ для каждаго образованнаго человѣка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нилъ вышелъ изъ береговъ. Необозримая водная равнина раскинулась въ ширь и въ даль, тамъ, гдѣ въ другое время видѣлись роскошныя нивы и цвѣтущія грады. Только защищенные дамбами города, съ ихъ гигантскими храмами и дворцами, крыши деревень, а также вершины высокоствольныхъ пальмъ и акацій возвышались надъ зеркальною поверхностью. Вѣтви сикоморъ и платановъ свѣшивались въ волны, между тѣмъ какъ серебристыя тополи, съ своими устремляющимися вверхъ вѣтвями, казались, старались уйти отъ влажной стихіи. Вошла полная луна, проливая свой кроткій свѣтъ на цѣпь Индійскихъ горъ, сливавшуюся съ западнымъ горизонтомъ. На зеркальной поверхности плавали голубые и бѣлые цвѣты лотоса. Летучія мыши разнаго вида стремительно носились въ тихомъ ночномъ воздухѣ, напоенномъ запахомъ акацій и жасминовъ. На вершинахъ деревьевъ дремали дикіе голубы и другія птицы, между тѣмъ какъ пеликаны, аисты и журавли пріютились подъ защитою папируснаго тростника и нильскихъ бобовъ, зеленѣвшихъ на берегу. Первые скрывали свои долгоносныя головы подъ приютомъ и оставались неподвижными, а журавли вздрагивали при малѣйшемъ ударѣ весель или звуцѣ пѣсни работающихъ лодочниковъ и вглядывались въ даль, боязливо вытянувъ впе-

редь тонкія шен. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣянья и отраженіе луны, плававшее на водяной поверхности, подобное серебряному щиту, показывало, что Нилъ, бѣшено несущійся через пороги и мимо гигантскихъ храмовъ Верхняго Египта, замедляетъ свое бурное теченіе и становится спокойнымъ тамъ, гдѣ онъ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, приближается къ морю.

Въ эту лунную ночь за 528 лѣтъ до Р. Х. въ устьѣ Нила, почти лишенномъ теченія, скользила какая-то барка. На высокой крышѣ задней палубы сидѣлъ египтянинъ и оттуда направлялъ длинный шестъ руля ¹. Въ самой лодкѣ полунагіе гребцы распѣвая пѣсни, исполняли свои обязанности. Подъ открытыми навѣсомъ каюты, похожимъ на деревянную бесѣдку, лежали два человѣка на низкихъ подушкахъ. Оба они были, очевидно, не египтяне. Даже при лунномъ свѣтѣ можно было узнать ихъ греческое происхожденіе. Старшій, необыкновенно высокій и сильный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, котораго густыя сѣдыя кудри беспорядочно спускались на мускулистую шею, былъ одѣтъ въ простой плащъ и мрачно смотрѣлъ на рѣку, между тѣмъ какъ его спутникъ, годами двадцатью моложе его, стройный и хорошо сложенный, то поглядывалъ на небо, то обращался къ рулевому, или же поправлялъ складки своего прекраснаго пурпурно-голубого хланиса ² и приводилъ въ порядокъ душистые каштановые волосы и слегка вьющуюся бороду.

Судно около получаса тому назадъ отплыло изъ Наукратиса ³ единственной эллинской гавани въ тогдашнемъ Египтѣ. Сѣдой, мрачный мужчина въ теченіи всего пути не произнесъ ни слова, а его спутникъ предоставилъ его собственнымъ мыслямъ. Когда барка стала приближаться къ берегу, безпокойный путешественникъ всталъ и, обратясь къ товарищу, воскликнулъ:

— Мы сейчасъ будемъ у дѣли нашего путешествія, Аристомахъ. Вонъ тотъ веселый домикъ налѣво, съ садомъ, наполненнымъ пальмами, возвышающійся надъ затопленными полями ⁴, и есть жилище моей пріятельницы Родописъ. Его выстроилъ покойный мужъ ея Хараксъ, и всѣ ея друзья и даже самъ царь стараются снабжать его ежегодно новыми украшениями. Напрасный трудъ! Если бы они собрали туда всѣ сокровища міра, то все-таки лучшимъ украшеніемъ этого дома останется его прекрасная обитательница.

Старикъ всталъ, бросилъ бѣглый взглядъ на строеніе, расправилъ рукою свою густую сѣдую бороду, покрывавшую подбородокъ и щеки, но не губъ ⁵ и спросилъ отрывисто:

— Что это ты, Фанесъ, превозносишь эту Родопись? Съ которыхъ поръ аенняне восхищаются старыми бабами?

Товарищъ улыбнулся и отвѣтилъ самодовольно:

— Мнѣ вѣжета, что я знатокъ въ людяхъ и въ особенности въ женщинахъ; но я еще разъ увѣраю тебя, что я въ цѣломъ Египтѣ не знаю никого благороднѣе этой старухи. Когда ты увидишь ее вмѣстѣ съ ея очаровательною внучкой и услышишь свои любимыя мелодіи, пропѣтыя хоромъ прекраснѣйшихъ вольничъ⁶, то навѣрно поблагодаришь меня.

— А все-таки, серьезнымъ тономъ возразилъ спартаецъ: — я не послѣдовалъ бы за тобою, еслибы не надѣялся встрѣтить тутъ дельфіица Фрикаса.

— Ты увидишь его. Я также надѣюсь, что пѣніе на тебя благотвѣтельно подѣйствуетъ и разсѣетъ твои мрачныя думы.

Аристомахъ отрицательно покачалъ головою и сказалъ:

— Тебя, легкомысленнаго аеннянина, можетъ развеселить родной напѣвъ: но когда я услышу пѣсни Алкмана⁷, то со мною будетъ то же, что и во время бессонныхъ ночей. Мое томленіе не успокоится, а только усилится вдвое.

— Неужели ты думаешь, спросилъ Фанесъ: — что я не стремлюсь въ мои милыя Аенны, къ мѣстамъ моихъ юношескихъ игръ и оживленной дѣятельности рынка? Право и мнѣ не сладокъ хлѣбъ изгнанника, но онъ все-таки дѣлается пріятнѣе вслѣдствіе знакомства съ домомъ, подобнымъ этому, и когда мои дорогія эллинскія пѣсни, пропѣтыя такъ великолѣпно, насытятъ моего слуха, тогда родина возстаетъ въ моемъ воображеніи; я вижу ея маслячныя и сосновыя рощи, ея холодныя изумрудныя рѣки, ея синее море, ея блестящіе города, снѣжныя вершины и мраморныя залы. Сладостно-горькая слеза скатывается на мою бороду, когда замолнутъ звуки и я долженъ сказать себѣ, что нахожусь въ Египтѣ, этой однообразной, жаркой, удивительной странѣ, которую я, благодаряеіе богамъ, скоро покину. Но Аристомахъ, неужели же ты станешь обходить оазисы въ пустынѣ только потому, что послѣ нихъ тебѣ придется пробираться по песку и терпѣть недостатокъ въ водѣ? Неужели ты хочешь убѣгать отъ удовольствій одного часа, потому, что тебѣ предстоятъ мрачныя дни? Но вотъ мы пріѣхали. Постарайся принять веселый видъ, мой другъ, такъ-какъ неприлично вступать въ храмъ харитъ⁸ въ грустномъ настроеніи.

Въ это время барка пристала къ берегу у стѣны сада, омываемой Ниломъ. Аеннянинъ выскочилъ изъ лодки легкимъ прыжкомъ, спартаецъ же ступилъ на землю тяжелою, но твердою стопою. У Аристомаха одна нога была деревянная, но онъ шолъ

съ такою увѣренностью возлѣ легионогаго Фанеса, что казалось, будто онъ родился на свѣтъ съ этою деревянною ногою.

Въ саду Родописъ все цвѣло, благоухало и жужжало. Авантуса, желтыя мимозы, заборы изъ жасмина, сирени и ровъ тѣснились одинъ около другого, высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревья возвышались надъ кустами, а на рѣбѣ раздавались нѣніе и смѣхъ.

Этотъ садъ былъ устроенъ египтяниномъ; строители пирамидъ съ давнихъ временъ славились какъ отличные садовники⁹. Они умѣли аккуратно раздѣлять гряды, садить правильныя группы деревьевъ и кустовъ, устраивать водопроводы и фонтаны, бесѣдки и гроты и даже окаймлять дорожки искусственно подстриженными изгородами, а также разводить золотыхъ рыбокъ въ каменныхъ бассейнахъ.

Фанесъ остановился у калитки садовой стѣны, внимательно осмотрѣлся кругомъ и сталъ прислушиваться; затѣмъ покачалъ головою и сказалъ:

— Не понимаю, что это значить. Я не слышу голосовъ, не вижу огня, всѣ барьеры исчезли, а между тѣмъ флагъ развѣвается на пестромъ шестѣ около обелисковъ, по обѣимъ сторонамъ воротъ¹⁰. Родописъ, вѣроятно, находится въ отсутствіи. Неужели она забыла?..

Не успѣлъ онъ еще договорить этихъ словъ, какъ густой голосъ прервалъ его:

— А, начальникъ тѣлохранителей!

— Добрый вечеръ, Книакіасъ! воскликнулъ Фанесъ, приветливо кланаясь подходившему старику. Что значить эта тишина въ саду, [похожая на безмолвіе египетской могильной комнаты, между тѣмъ какъ развѣвается пригласительный флагъ? Съ которыхъ поръ бѣлое полотно напрасно призываетъ гостей?

— Съ которыхъ поръ? улыбаясь возразилъ старій рабъ Родописъ.—Покажѣте Парки благосклонно шадяте мою госпожу, старій флагъ навѣрно привлечетъ столько гостей, сколько возможно пріютить въ этомъ домѣ. Родописъ нѣтъ дома, но она должна скоро возвратиться. Вечеръ былъ такъ хорошъ, что она вмѣстѣ со всѣми гостями, вздумала устроить увеселительную прогулку по Нилу. Два часа тому назадъ, передъ заходомъ солнца, они отчалили отъ берега, а теперь уже готовъ ужинъ¹¹. Они уже не могутъ замедлить слишкомъ долго. Пожалуйте, Фанесъ, умѣрь свое нетерпѣніе и иди за мною въ домъ. Родописъ никогда не простила бы мнѣ, еслибы я не удержалъ твоего дорогого гостя. Тебя же, чужеземецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ спартанцу:—я также убѣдительно прошу остаться:

ты тоже будешь желаннымъ гостемъ для моей госпожи, какъ другъ ея друга.

Оба грека послѣдовали за слугою и усѣлись въ одной изъ бесѣдокъ.

Аристомакъ, рассматривая все окружающее, ярко освѣщенное луною, сказалъ:

— Объясни мнѣ, пожалуйста, Фанесъ, какимъ счастливымъ обстоятельствомъ облана эта Родописъ, бывшая рабыня и гетера ¹², тѣмъ, что живетъ какъ царица и можетъ по царски принимать своихъ гостей?

— Этого вопроса я ожидалъ давно, возразилъ аенининъ:— мнѣ очень пріятно, что прежде нежели ты войдешь въ домъ этой женщины, я могу ознакомить тебя съ ея прошлымъ. Во время путешествія по Нилу я не хотѣлъ навязывать тебѣ никакихъ разсказовъ. Эта древняя рѣка съ непонятною силою располагаетъ къ безмолвному раздумью. Когда я, подобно тебѣ, первый разъ совершилъ ночное путешествіе по Нилу, то даже мой, столь подвижной, языкъ былъ точно парализованъ.

— Благодарю тебя, отвѣчалъ спартанецъ.—Когда я въ первый разъ увидѣлъ стопятидесятилѣтняго жреца Эпименида ¹³ изъ Кносса на Критѣ, то мною овладѣлъ какой-то странный ужасъ, внушонный его старостью; на сколько же древнѣе и священнѣе эта маститая рѣка «Эпитосъ»! ¹⁴ Кто можетъ избѣгнуть ея чарующаго вліянія? Попрошу тебя, разскажи мнѣ о Родописъ.

— Родописъ, началъ Фанесъ:— будучи маленькимъ ребенкомъ и играя на фракійскомъ берегу съ другими дѣтьми, была украдена финнійскими моряками и увезена на Самось, гдѣ ее купилъ Ядмонъ, геоморъ ¹⁵. Дѣвочка хороша была день ото дня, дѣлалась все привлекательнѣе и умнѣе и служила предметомъ любви и удивленія для всѣхъ, кто зналъ ее.

Эзопъ ¹⁶ сочинитель басенъ о звѣряхъ, въ тоже самое время находившійся въ рабствѣ у Ядмона, въ особенности восхищался миловидностью и умомъ ребенка. Онъ училъ дѣвочку всему и заботился о ней, какъ педагогъ ¹⁷, который у насъ аенинянъ берется для мальчиковъ. Добрый учитель нашолъ въ ней послушную и весьма понятливую ученицу и маленькая рабыня говорила, пѣла и играла на музыкальномъ инструментѣ лучше сыновей Ядмона, которыхъ воспитывали самымъ тщательнымъ образомъ. На четырнадцатому году Родописъ была такъ прекрасна и совершенна, что ревнивая жена Ядмона не захотѣла долѣе держать дѣвушку у себя въ домѣ и самосецъ съ грустью долженъ былъ продать свою любимицу извѣстному Ксанеу. Въ тѣ

времена на Самосѣ преобладала небогатая аристократія. Если бы Поликрать уже стоялъ у кормила правленія, то Ксанеу не пришлось бы заботиться о покущикахъ. Эти тираны наполняютъ свои сокровищницы, какъ сороки гнѣзда! Такимъ образомъ, онъ отправился съ своею драгоцѣнностью въ Наукратисъ, и тутъ, посредствомъ прелестей своей рабыни, приобрѣталъ много денегъ. Родописъ въ теченіи трехъ лѣтъ претерпѣвала величайшее униженіе, о которомъ воспоминаеть съ содроганіемъ.

Когда, наконецъ, слухъ объ ея красотѣ распространился по всей Элладѣ и иностранцы издалика прѣѣзжали въ Наукратисъ только ради нея ¹⁸, то случилось, что народъ на Лесбосѣ изгналъ свою аристократію и сдѣлалъ правителемъ мудраго Питтава. Самыя знатныя семейства принуждены были покинуть Лесбосъ и бѣжали частію въ Сицилію, частію въ греческую Италію, частію въ Египетъ. Алкей ¹⁹, величайшій поэтъ своего времени и Хараксъ, братъ той Сафо ²⁰, выучить оды которой было послѣднимъ желаніемъ нашего Солона, прибыли сюда въ Наукратисъ, который уже издавна процвѣталъ, какъ центральный пунктъ сношеній Египта со всѣмъ остальнымъ міромъ. Хараксъ увидалъ Родописъ и вскорѣ полюбилъ ее такъ пламенно, что заплатилъ громадную сумму для покупки ея у Ксанеа, желавшаго возвратиться на родину. Сафо, въ ѣдкихъ стихахъ, осмѣяла брата по поводу этой покупки; но Алкей оправдалъ Харакса и воспѣлъ Родописъ въ пламенныхъ стихахъ.

Братъ поэтессы, остававшійся въ прежнее время незамѣченнымъ среди иностранцевъ въ Наукратисѣ, вдругъ сдѣлался знаменитъ черезъ Родописъ. Въ его домѣ собирались ради нея всѣ иностранцы и осипали ее подарками. Царь Гѳра ²¹, много слышавшій объ ея красотѣ и мудрости, призвалъ ее въ Мемфисъ и хотѣлъ купить ее у Харакса; но послѣдній давно уже тайнѣ далъ ей свободу и слишкомъ сильно любилъ ее для того, чтобы быть въ состояніи разстаться съ нею. Съ другой стороны она охотно оставалась у него, несмотря на блистательныя предложенія, которыя дѣлались ей со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, Хараксъ сдѣлалъ эту удивительную женщину своею законною женою и остался съ нею и ея дочерью Клейсѣ въ Наукратисѣ, покаместъ Питтавъ не позволилъ изгнанныкамъ возвратиться на родину.

«Тогда онъ отправился съ женою въ Лесбосъ. На пути туда онъ заболѣлъ и умеръ вскорѣ по прибытіи въ Митилеу. Сафо, насмѣхавшаяся надъ братомъ вслѣдствіе его неравной женитьбы, вскорѣ сдѣлалась пламенною почитательницею прекрасной вдо-

зы, которую она воспѣвала въ страстныхъ пѣсняхъ, соперничая со своимъ другомъ Алкеемъ.

По смерти поэтессы Родописъ возвратилась со своею дочерью въ Наукратисъ и была принята тутъ точно богиня. Между тѣмъ нынѣшній царь египетскій Амазисъ ²² овладѣлъ трономъ фараоновъ и удерживался на немъ съ помощью солдатъ, изъ части которыхъ происходилъ. Такъ-какъ его предѣстникъ Гофра ускорилъ свое паденіе своимъ пристрастіемъ къ грекамъ и сношеніями съ иностранцами, ненавистными всѣмъ египтянамъ, и въ особенности довелъ до открытаго возмущенія жрецовъ и воиновъ, то всѣ были увѣрены, что Амазисъ, по примѣру старыхъ временъ, закроетъ иностранцамъ доступъ въ государство ²³, отпустить эллинскихъ наемниковъ и станетъ слушаться приказаній жрецовъ, вмѣсто того, чтобы внимать преческимъ совѣтамъ. Однако же ты самъ видишь, что мудре египтяне ошиблись въ выборѣ царя и изъ Сциллы попали въ Харибду. Если Гофра былъ другомъ грековъ, то Амазиса мы можемъ назвать нашимъ любовникомъ. Египтяне, и прежде всѣхъ жрецы и воины приходять въ бѣшенство и охотнѣе всего перерѣзали бы насъ всѣхъ, какъ поступилъ Одиссей съ расточителями своего имущества. О войнахъ царь не слишкомъ-то заботился, зная, что дѣлають они, и что дѣлаемъ мы для него; а на жрецовъ онъ не можетъ не обращать вниманія, такъ-какъ съ одной стороны они имѣють неограниченное вліаніе на народъ, а съ другой царь сильнѣе, нежели сознается въ этомъ при насъ, преданъ той бессмысленной религіи ²⁴, которая остается неизмѣнною въ этой удивительной ²⁵ странѣ въ теченіи тысячелѣтій и поэтому кажется вдвое священнѣе для людей, ее исповѣдующихъ. Эти жрецы отравляютъ жизнь Амазису, преслѣдуютъ насъ и вредятъ намъ, гдѣ только могутъ; меня уже давно не было бы на свѣтѣ, еслибы царь не прикрывалъ меня своею десницею. Но я слишкомъ уклоняюсь отъ предмета. И такъ Родописъ была принята въ Наукратисѣ съ распростертыми объятіями и осыпана изъявленіями милости со стороны Амазиса, познакомившагося съ нею. Ея дочь Клейсъ, которая, также какъ теперь Софо, никогда не присутствовала на вечернихъ собраніяхъ въ домѣ, и которую воспитывали еще строже, чѣмъ другихъ дѣвушекъ въ Наукратисѣ, вышла за мужъ за Глаука, богатаго фокейскаго торговца изъ благороднаго дома, храбро защищавшаго свой родной городъ противъ персовъ, и послѣдовала за нимъ во вновь основанную Массалию ²⁶ на кельтскомъ берегу. Молодые люди погибли отъ тамошняго климата послѣ того, какъ у нихъ родилась дочь,

Сафо. Родопись предприняла сама продолжительное путешествие на Западъ, привезла маленькую сиротку, взяла ее къ себѣ въ домъ, воспитывала ее самымъ тщательнымъ образомъ, и теперь, когда она выросла, запрещаетъ ей находиться въ обществѣ мужчинъ. Она такъ сильно чувствуетъ позоръ своей ранней юности, что держать свою внучку гораздо дагѣе отъ нашего пола, чѣмъ допускаютъ египетскіе нравы, что впрочемъ не трудно при характерѣ Сафо. А самой моею пріятельницѣ общество также необходимо, какъ вода рыбѣ и воздухъ птицѣ. Всѣ иностранцы посѣщаютъ ее, а кто однажды испыталъ ея гостепримство, тотъ, если позволяеть ему время, никогда не преминетъ явиться, какъ только флагъ возвѣститъ о пріемомъ вечерѣ. Каждый эллинъ позначительнѣе посѣщаетъ этотъ домъ, такъ-какъ здѣсь происходятъ совѣщанія, какимъ образомъ противодѣйствовать ненависти жрецовъ и уговорить царя согласиться на ту или другую мѣру. Здѣсь всегда можно услышать новѣйшія извѣстія съ родины и со всего остальнаго міра; здѣсь преслѣдуемый находитъ непркосновенное убѣжище, такъ какъ царь далъ своей пріятельницѣ защитительную грамоту противъ всѣхъ придирокъ полиціи ²⁷; здѣсь можно услышать языкъ и пѣсни родины; здѣсь обсуждается какимъ образомъ избавить Элладу отъ возрастающаго единовластія ²⁸, однимъ словомъ этотъ домъ есть пунктъ соединенія всѣхъ эллинскихъ интересовъ въ Египтѣ и имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели самъ Гелленіонъ, здѣшнее общество храма и торговли ²⁹. Черезъ нѣсколько минутъ ты увидишь необыкновенную бабушку, — а можетъ быть, если мы останемся одни, и внучку, — и тутъ же поймешь, что эти люди обязаны всѣмъ не одному счастью, но и своему превосходству. Да вотъ и онѣ! Теперь мы направимся къ дому—слышишь, какъ поютъ рабыни. Вотъ онѣ входятъ. Пусть онѣ сперва усядутся, и тогда слѣдуй за мною, а при прощаніи я спрошу тебя, сожалѣешь ли ты, что отправился со мною и не болѣе ли похожа Родопись на царницу, чѣмъ на рабыню, отпущенную на волю».

Домъ Родопись ³⁰ былъ построенъ въ греческомъ стилѣ. Внѣшняя сторона одноэтажнаго продолговатаго зданія должна была, по нашимъ понятіямъ, назваться совершенно простою, между тѣмъ, какъ внутреннее устройство соединило въ себѣ эллинскую красоту формъ съ египетскимъ великолѣпіемъ красокъ. Широкая главная дверь вела въ сѣни ³¹, по лѣвую сторону которыхъ большая столовая выходила окнами на рѣку. Противъ нея находилась кухня, существовавшая только у богатыхъ эллиновъ, между тѣмъ какъ болѣе бѣдные приготавливали

кушанья на очагѣ въ передней. Приемная находилась въ концѣ сѣней, имѣла квадратную форму и была окружена корридормъ съ колоннами, въ который выходили многія комнаты ²². Посре- ди приемной, обыкновеннаго мѣстопребыванія мужчинъ ²³, горѣлъ домашній огонь на мѣдномъ очагѣ древней формы и бо- гатой эгинской работы ²⁴.

Днемъ эта комната освѣщалась посредствомъ отверстій въ крышѣ, черезъ которыя вмѣстѣ съ тѣмъ выходилъ дымъ огня на очагѣ. Корридоръ, находившійся противъ сѣней съ накрѣп- кою замертою дверью ²⁵, велъ въ большую комнату для жен- щинъ ²⁶, только съ трехъ сторонъ окруженную колоннами, въ которой обыкновенно собирался женскій персоналъ дома, если не былъ занятъ пражею и тканьемъ въ комнатахъ, находив- шихся около такъ-называемой садовой или задней двери ²⁷. Между этими комнатами и тѣми, которыя слѣва и справа окру- жали женскую комнату и предназначались для хозяйственныхъ дѣлъ, находились спальни ²⁸, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ хранились домашнія сокровища. Стѣны мужской комнаты были окрашены красновато-коричневою краской, на фонѣ которой рѣз- ю выдѣлялись бѣлыя мраморныя статуи, подарокъ одного ху- дожника изъ Хіоса ²⁹. Полъ покрывали тяжелые ковры изъ Сар- деса. Вдоль колоннъ тянулись низкія подушки, покрытыя шку- рою пантеры, между тѣмъ какъ вблизи изысканаго очага стояли странныхъ формъ египетскія кресла и столики изъ тиваго де- рева ⁴⁰ съ тонкою рѣзбою; на нихъ лежали разнаго рода му- зыкальные инструменты, флейты, кивары и формиссы. На стѣ- нахъ висѣли многочисленныя лампы, различныхъ формъ, напол- ненныя кивковымъ масломъ ⁴¹. Нѣкоторыя лампы изображали дельфина, изрыгавшаго пламя, другія — удивительное крилатое чудовище, изъ пасти котораго вырывалось пламя. Свѣтъ этихъ лампъ приятно сливался съ огнемъ очага.

Въ этой комнатѣ стояло нѣсколько человѣкъ мужчинъ раз- личной наружности и въ разнородныхъ костюмахъ. Сириецъ изъ Тира въ длинной яркочерной одеждѣ велъ оживленный разго- воръ съ человѣкомъ, котораго рѣзкія черты и курчавые черные волосы обличали израильянина. Онъ прибылъ изъ своего оте- чества въ Египеть, чтобы закупить для цара іудейскаго, Зоро- вавеля, египетскихъ лошадей и колесницъ, пользовавшихся въ то время большою знаменитостью ⁴². Три грека изъ Малой Азіи, въ драгоценныхъ широкихъ одеждахъ своего отечества, Милета, стояли около него и вели серьезныя разговоры съ просто одѣ- тымъ Фриксомъ, посломъ города Дельфъ, который явился въ Египеть для сбора денегъ на храмъ Аполлона. Древнее пней-

свое святилище, десять лѣтъ тому назадъ, сдѣлалось добычею пламени; теперь предполагалось воздвигнуть другое, болѣе великолѣпное ⁴³.

Милетцы, ученики Анаксимандра и Анаксимена ⁴⁴, находились на берегахъ Нила, чтобы изучать египетскую мудрость и астрономію въ Гелиополисѣ.

Третій былъ богатый венецъ и владѣлецъ кораблей, по имени Теопомпъ, поселившійся въ Наукратисѣ. Сама Родописъ оживленно разговаривала съ двумя греками изъ Самоса, знаменитымъ архитекторомъ, плавильщикомъ, скульпторомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ Теодоромъ ⁴⁵, и сочинителемъ ямбовъ Ивикомъ изъ Регіума ⁴⁶, которые оставили дворъ Поликрата на нѣсколько недѣль, чтобы ознакомиться съ Египтомъ и передать царю подарки своего властителя. Около самаго очага лежалъ тучный мужчина съ рѣзкими чувственными чертами, по имени Филоннъ, изъ Сибариса ⁴⁷, вытянувшись во весь ростъ на пестрой мѣховой покрывкѣ двойнаго стула и играя своими душистыми, перьевыми золотомъ кудрями и золотыми цѣпочками, спускавшимися съ шеи на шафрано-желтую одежду, которая доходила ему до самыхъ пятъ.

У Родописъ находилось для каждаго привѣтливое слово, но теперь она разговаривала исключительно съ знаменитыми самосцами. Она бесѣдовала съ ними объ искусствѣхъ и поэзіи.

Глаза фракіянки горѣли огнемъ юности, ея высокая фигура была полна и прима, сѣдые волосы густыми прядями окружали прекрасно сформированную голову и были подобраны на затылкѣ въ сѣтку изъ тонкой золотой плетени. Высокое чело украшалось сверкающею діадемой.

Благородное греческое лицо ея было блѣдно, но прекрасно и замѣчательно по отсутствію морщинъ, несмотря на прелонныя лѣта; маленькій, изящно обрисованный ротъ, большіе, задумчивые и кроткіе глаза, благородный лобъ и носъ этой женщины могли бы служить украшеніемъ для всякаго молодого лица.

Родописъ казалась моложе, нежели она была на самомъ дѣлѣ, но нисколько не скрывала своихъ лѣтъ. Каждое движеніе ея было запечатлѣно достоинствомъ матроны и ея грація не была граціею юности, которая старается нравиться, а граціею старости, которая желаетъ оказать привѣтливость, и, будучи внимательна къ другимъ, требуетъ того же и относительно себя.

Теперь въ комнатѣ показались извѣстныя намъ лица. Глаза всѣхъ обратились на нихъ и когда вошелъ Фанесъ, веда за

рулу своего друга, то его привѣтствовали самымъ дружескимъ образомъ; а одинъ изъ милетцевъ воскликнулъ:

— А я-то и не зналъ, чего намъ не достаетъ. Теперь я позналъ въ чемъ дѣло: безъ Фанеса нѣтъ полнаго веселья!

Филонъ сибаритъ возвысилъ свой густой голосъ и воскликнулъ, не измѣняя своей спокойной позы:

— Веселье вещь прекрасная и если ты принесъ его съ собою, то и я привѣтствую тебя, афинянинъ!

— А я, сказала Родописъ, подходя къ новымъ гостямъ:— отъ души привѣтствую васъ, если вы веселы и приму васъ не менѣе радушно, если вы удручены горемъ; я не знаю бѣльшаго удовольствія, какъ разгладить морщины на челѣ друга. И тебя также, спартанецъ, я называю «другомъ» потому, что это имя я дамъ каждому, кто любъ моимъ друзьямъ.

Аристомакъ поклонился молча; афинянинъ же, обращаясь частію къ Родописъ, частію къ сибариту, воскликнулъ:

— И такъ, я могу доставить удовольствіе вамъ обоимъ, мои дорогіе. Ты, Родописъ, будешь имѣть случай утѣшать меня, твоего друга, потому что мнѣ скоро придется покинуть тебя и твой милый домъ; ты же сибаритъ, будешь радоваться моему веселью, такъ-какъ я наконецъ увижу мою Эгладу и покину, хотя и недобровольно, эту страну, которую можно назвать золотою мышеловкою!

— Ты удаляешься? Ты получилъ отставку? Куда думаешь ты отправиться? спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Имѣйте терпѣніе, друзья мои, воскликнулъ Фанесъ:— я долженъ рассказать вамъ длинную исторію, которую приберегу на ужинъ. Къ слову говоря, любезная пріятельница, мой голодъ столь же великъ, какъ и моя печаль по случаю разставанія съ тобою.

— Голодъ вещь прекрасная, философствовалъ сибаритъ:— когда ожидаешь хорошаго обѣда.

— Будь спокоенъ Филонъ, отвѣчала Родописъ:— я приказала повару приложить всевозможное стараніе и сообщила ему, что величайшій гастрономъ изъ самаго роскошнаго города всего міра, сибаритъ Филонъ будетъ строго судить его изысканныя кушанья. Иди Кнакіасъ, и вели подавать! Довольны-ли вы теперь, нетерпѣливые гости? Несносный Фанесъ, - ты испортилъ мнѣ весь ужинъ своимъ печальнымъ извѣстіемъ!

Афинянинъ поклонился, а сибаритъ снова сталъ философствовать.

— Удовлетвореніе прекрасная вещь, когда имѣешь средства

исполнять всё свои желанія; я также благодарю тебя Родопись за то, что ты почтила мою несравненную родину. Что говорить Анакреонъ? ⁴⁸

Дорогъ день мнѣ настоящій:
Что намъ завтрашній сулитъ?
Будемъ пить, играть, пусть горе
Нашихъ думъ не омрачитъ!

— Эй, Ивигъ! вѣрно-ли я цитировалъ стихи твоего друга, пирующаго вмѣстѣ съ тобою за столомъ Поликрата? Говоритъ тебѣ, что если Анакреонъ пишетъ стихи лучше меня, то моя ничтожная особа умѣетъ жить не хуже этого великаго художника жизни. Во всѣхъ его пѣсняхъ не встрѣчается похвалы ѣдѣ, а равнѣ ѣда не важнѣе, чѣмъ игра и любовь, хотя оба эти дѣйствія—я разумѣю игру и любовь—также весьма дороги мнѣ? Безъ ѣды я долженъ былъ бы умереть, а безъ игры и любви могу прожить, хотя и весьма печально.

Сибаритъ, довольный своею плоской острою, громко расхотался; спартанецъ же, во время разговора, продолжавшагося въ томъ же тонѣ, обратился къ дельфійцу Фриксу, отвелъ его въ уголокъ и, забывая свой степенный тонъ, спросилъ его съ величайшимъ волненіемъ, привезъ-ли онъ ему давно ожидаемый отвѣтъ оракула. Серьезное лицо дельфійца сдѣлалось привѣтливымъ; онъ коснулся грудныхъ складокъ своего хитона ⁴⁹ и вынулъ маленькую трубочку изъ овечьей кожи, похожей на пергаментъ, на которой были написаны нѣсколько строчекъ.

Руки сильнаго и храбраго спартанца дрожали, когда онъ взялъ свертокъ, и, развернувъ его, онъ вникъ взглядами въ порывавшія его строки. Такъ онъ простоялъ недолго; затѣмъ онъ съ неудовольствіемъ тряхнулъ сѣдыми кудрями, возвратилъ свертокъ Фриксу и сказалъ:

— Мы спартанцы учимся инымъ вещамъ, а не чтенію и письму. Если можешь, то прочти мнѣ, что говоритъ Пиней.

Дельфіецъ пробѣжалъ письма и возразилъ:

— Радуйся! Локіасъ ⁵⁰ предсказываетъ тебѣ счастливое возвращеніе; послушай, что возвѣщаетъ тебѣ жрица:

«Время придетъ—и желѣзныя полчища ринутся
Съ снѣжныхъ высотъ на побережье потога великаго;
Въ углой ладѣ ты пристанешь къ желанному берегу,
Миръ и покой обрѣтутъ твои ноги усталыя:
Патеро судей даруютъ бездомному страннику
То, въ чемъ ему было долго, такъ долго отказано!»

Напряженно вслушивался спартанецъ въ эти слова. Онъ попросилъ во второй разъ прочесть изрѣченіе оракула, затѣмъ

повторилъ его на память, поблагодарилъ Фрикса и спряталъ свертокъ.

Дельфидъ вѣшался въ общій разговоръ; спартанецъ же непрерывно повторялъ про себя изрѣченіе оракула, чтобы не забыть его и старался объяснить себѣ загадочныя слова.

II.

Двери въ столовую распахнулись. Съ каждой стороны у входа стоялъ хорошенькій бѣлокурый мальчикъ съ митровымъ вѣнкомъ въ рукѣ; посреди залы возвышался большой, низкій, блестяще отполированный столъ, по сторонамъ котораго пурпурныя подушки приглашали гостей помѣститься поудобнѣ ⁵¹.

На столѣ красовались роскошныя букеты цвѣтовъ. Огромныя жаркія, ставаны и чаши, наполненныя финиками, винными ягодами, гранатами, дынями и виноградомъ, стояли рядомъ съ маленькими серебрянными ульями, наполненными медомъ; нѣжный сыръ съ острова Тринакрия ⁵² лежалъ на фигурныхъ мѣдныхъ тарелкахъ, а посреди стола возвышалось серебряное украшеніе, походившее на алтарь; оно было обвито кругомъ миртами и розовыми вѣнками, а изъ вершины его поднимался пріятный дымъ куреній.

На крайнемъ концѣ стола блестялъ серебрянный сосудъ со смѣшаннымъ напиткомъ ⁵³, великолѣпное произведеніе египетскаго искусства. Его искривленныя ножки представляли двухъ гигантовъ, какъ будто изнемогавшихъ подъ тяжестью чаши, которую несли. Этотъ сосудъ, былъ, подобно алтарю, на серединѣ стола, обвитъ цвѣтами и вокругъ каждой чаши ⁵⁴ тоже обвивался вѣнокъ изъ розъ или миртъ. Вся комната была усѣяна ⁵⁵ розовыми листьями, а на гладкихъ, покрытыхъ бѣлою штукатуркой стѣнахъ, висѣло множество лампъ.

Какъ только общество усѣлось на подушкахъ, явились бѣлокурые мальчики, которые обвили головы и плечи првующихъ миртами и вѣнками изъ плюща и омыли ихъ ноги въ серебряныхъ тазахъ ⁵⁶. Служитель взялъ уже со стола первыя жаркія, чтобы разрѣзать ихъ, а сибаритъ все еще возился съ мальчикомъ, и хотя уже и безъ того благоухалъ всѣми ароматами Аравіи, приказалъ буквально укутать себя розами и миртами; но когда подали первое кушанье изъ рыбы тунца подъ горчичнымъ соусомъ ⁵⁷, то онъ забылъ обо всѣхъ побочныхъ вещахъ и исключительно предался наслажденію прекрасными блюдами. Родилась сидѣла на креслѣ во главѣ стола, около сосуда со смѣ-

шаннымъ напиткомъ, и, управляя бесѣдою, въ тоже время давала указанія прислуживавшимъ рабамъ ⁵⁸.

Съ нѣкоторою гордостью глядѣла она на своихъ веселыхъ гостей и, казалось, была занята исключительно каждымъ изъ нихъ. То она освѣдомлялась у дельфійца объ успѣхѣ его сбора, то спрашивала сибарита, нравятся-ли ему произведенія ея повара, то слушала Ивика, рассказывавшаго, что Фринихъ Аѳинскій перенесъ въ гражданскую жизнь религіозныя зрѣлища Тесписа изъ Икаріи и устроиваетъ представленія ⁵⁹ цѣлыхъ исторій древнѣйшихъ временъ съ хорами и лицами, вопрошающими и дающими отвѣты.

Затѣмъ она обратилась къ спартанцу и сказала ему, что онъ единственный человѣкъ, передъ которымъ ей приходится извиняться не въ простотѣ своей трапезы, а въ пышности ея. Когда онъ прійдетъ въ другой разъ, то ея рабъ Кнакіасъ, хвалищійся, что въ качествѣ бѣглого спартанскаго илота ⁶⁰ умѣетъ варить отличный кровавой супъ (тутъ сибаритъ содрогнулся), приготовить ему чисто лакедемонскій обѣдъ.

Когда гости насытились, они снова умили свои руки. Затѣмъ посуда, въ которой ѣли, была убрана, полъ очищенъ и налито вино съ водою въ чашу ⁶¹. Наконецъ, удостовѣрившись, что все идетъ, какъ слѣдуетъ, Родописъ обратилась къ Танесу, спорившему съ милетцами, и сказала:

— Благородный другъ! Мы уже такъ долго сдерживали наше нетерпѣніе, что теперь ты обязанъ сообщить намъ, какой неприятный случай грозитъ тебѣ удаленіемъ изъ Египта и изъ нашего кружка. Ты оставишь насъ и нашу страну съ тою беззаботностью, которую боги, въ видѣ драгоценнаго дара, ниспосылаютъ всѣмъ вамъ іонійцамъ при рожденіи; но мы очень долго будемъ съ грустію вспоминать о тебѣ, такъ-какъ я не знаю утраты болѣе значительной, какъ потеря друга, испытаннаго долгодѣтнимъ опытомъ. Нѣкоторые изъ насъ уже слишкомъ долго прожили на берегахъ Нила для того, чтобы не усвоить себѣ отчасти постоянства египтянъ. Ты улыбаешься, но мнѣ кажется, что хотя ты и давно стремился душою въ Элладу, во все-таки разстанешься съ нами не безъ нѣкотораго сожалѣнія. Вѣдь я права, не такъ-ли? Ну, такъ расскажи намъ почему ты принужденъ покинуть Египетъ, чтобы мы могли обсудить — не представится-ли возможность уничтожить твое удаленіе отъ двора и сохранить тебя для насъ.

Танесъ горько улыбнулся и сказалъ:

— Благодарю тебя, Родописъ, за твои любезныя слова и доброе желаніе воспрепятствовать моему отъѣзду, огорчающему

тебя. Сотни новыхъ лицъ вскорѣ заставятъ тебя забыть обо мнѣ, такъ-какъ хотя ты и давно уже живешь на берегу Нила, но осталась эллиною отъ головы до пятокъ, за-что должна благодарить боговъ. И я также сторонникъ постоянства, но я врагъ египетской тупости; вѣроятно между вами не найдется ни одного человѣка, который счелъ бы благоразумнымъ сокрушаться о неизбѣжномъ. Египетское постоянство въ моихъ глазахъ не есть добродѣтель, а просто заблужденіе. Они, которые сохраняютъ своихъ покойниковъ въ теченіи тысячелѣтій до настоящаго дня и скорѣе согласятся лишиться послѣдняго куска хлѣба, нежели пожертвовать одною костью своего прапраща, должны быть названы не постоянными, а глухими ⁶². Развѣ мнѣ можетъ быть пріятно видѣть грустными тѣхъ, кого я люблю? Разумѣется нѣтъ! Вы не должны вспоминать обо мнѣ съ ежедневными сѣтованіями, продолжающимися въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подобно египтянамъ, когда ихъ покидаетъ другъ. Если вы захотите когда либо вспомнить обо мнѣ—такъ какъ я во всю остальную жизнь не могу ступить на египетскую землю—то вспоминайте меня съ улыбкою на губахъ. Не восклицайте: «Ахъ, зачѣмъ долженъ былъ Ѡанесъ покинуть насъ!» а говорите: «Будемъ веселы какъ Ѡанесъ, когда онъ еще находился въ нашемъ кругу!» Вотъ какъ вамъ слѣдуетъ поступать. Такъ повелѣлъ еще Симонидъ, когда онъ пѣлъ:

Еслибъ мы разсудкомъ обладали,
То рыдать такъ долго мы-бъ не стали,
И у гроба, мертвыхъ хорона,
Плакали-бъ не дольше дня.
Смерть отъ насъ и такъ, вѣдь, не далеко,
Жизнь мелькаетъ какъ волна потока,
И безъ лишнихъ горестей она
Такъ ничтожна, такъ бѣдна! ⁶³.

— Если не слѣдуетъ оплакивать покойниковъ, то еще болѣе неблагоприятно тосковать о покидающихъ насъ друзьяхъ; тѣ исчезли на вѣки, а этимъ мы говоримъ при прощаніи: «до свиданья!»

Тутъ сибарить, уже давно выказывавшій знаки нетерпѣнія, не могъ выдержать долѣе и воскликнулъ плачевнымъ голосомъ:

— Да начинай же ты наконецъ рассказывать, несносный человѣкъ. Я не могу выпить ни капли, покажѣшь ты не перестанешь разглагольствовать о смерти. Я совсѣмъ похолодѣлъ и дѣлаюсь боленъ каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о... словомъ, когда говорятъ, что мы будемъ жить не вѣчно.

Все общество разсмѣялось, а Ѡанесъ началъ свой рассказъ:

«Какъ вамъ извѣстно, я живу въ Саисѣ, въ новомъ дворцѣ; а въ Мемфисѣ мнѣ, какъ начальнику греческой стражи, сопровождающей царя во всѣхъ его поѣздкахъ, было назначено помѣщеніе въ лѣвомъ крылѣ стараго дворца ⁶⁴.

«Со времянь перваго Псаметиха ⁶⁵ цари имѣютъ свое мѣсто-пребываніе въ Саисѣ, и поэтому внутренность другихъ дворцовъ немного запущена. Мое помѣщеніе было само по себѣ прекрасно, отлично устроено и не оставило бы ничего желать во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы, тотчасъ же по моемъ водвореніи, не открылось въ немъ страшнаго неудобства.

«Днемъ, когда я вообще рѣдко бываю дома, мое жилище, повидимому, было безукоризненно хорошо, но ночью невозможно было помышлять о снѣ: такой страшный шумъ поднимали тысячи мышей и крысъ подъ старыми полами, за обоями и подъ кроватами.

«Я не зналъ какимъ образомъ помочь этой бѣдѣ, пока одинъ египетскій солдатъ не продалъ мнѣ двухъ прекрасныхъ большихъ кошекъ, которыя дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, отчасти освободили меня отъ моихъ мучителей и дали возможность успокоиться.

«Всѣмъ вамъ извѣстно, что одинъ изъ милыхъ законовъ этого удивительнаго народа, котораго образованностью и мудростью вы, мои милетскіе друзья, не можете достаточно нахвалиться, объявляетъ кошекъ священными животными. Этимъ счастливымъ четвероногимъ, наравнѣ со многими другими животными, воздаются божескія почести и убійство ихъ наказывается также строго, какъ убійство человѣка».

Родопись, до тѣхъ поръ улыбаяся, сдѣлалась серьезнѣе, когда узнала, что изгнаніе Оанеса находится въ связи съ его неуваженіемъ къ священнымъ животнымъ. Она знала, сколько жертвъ и человѣческихъ жизней уже стоило это суевѣріе египтянъ. Еще незадолго передъ тѣмъ, самъ царь Амазисъ не могъ спасти ⁶⁶ отъ ярости взбѣшоннаго народа несчастнаго самосца, убившаго кошку.

«Все шло хорошо, продолжалъ разсказывать Оанесь: — пока мы, два года тому назадъ, не уѣхали изъ Мемфиса.

«Я поручилъ своихъ кошекъ попеченію египетскаго дворцоваго прислужника и зналъ, что враждебныя крысамъ животныя на будущее время избавятъ мое жилище отъ ихъ нашествія, и даже начиналъ чувствовать нѣкотораго рода уваженіе къ моимъ спасителямъ, избавившимъ меня отъ мышей.

«Въ прошломъ году Амазисъ заболѣлъ прежде, нежели дворъ успѣлъ переселиться въ Мемфисъ и мы остались въ Саисѣ.

«Наконецъ около шести недѣль тому назадъ мы двинулись въ путь, къ городу пирамидъ ⁶⁷. Я поселился въ своей старой квартирѣ и не нашолъ въ ней и тѣни мышинаго хвоста; но вмѣсто крысъ мои комнаты были наполнены другою породою животныхъ, которая была мнѣ также неприятна, какъ и ея предшественница. А именно кошачья чета удесятерилась въ теченіе моего двухлѣтняго отсутствія. Я старался изгнать несносное кошачье пологѣніе всѣхъ возрастовъ и мастей; но мнѣ это не удалось и я каждую ночь просыпался отъ ужаснаго хора этихъ четвероногихъ—отъ воинственнаго крика кошекъ и пѣсней котовъ.

«Ежегодно, во время праздника Бубастиса, позволяется сдавать всѣхъ лишнихъ кошекъ въ храмъ богини Пахты, имѣющей кошачью голову; тамъ за ними ухаживаютъ и, какъ мнѣ кажется, устраняютъ ихъ въ случаѣ слишкомъ сильнаго размноженія. Вѣдь эти жрецы мошенники!

«Къ несчастію, время нашего пребыванія у пирамидъ не совпало съ великимъ путешествіемъ къ вышеназванному святилищу ⁶⁸; но у меня не было силъ долѣе терпѣть это полчище мучителей и когда двѣ кошки подарили мнѣ еще дюжину здоровыхъ потомковъ, я рѣшился спровадить хоть этихъ послѣднихъ. Мой старый рабъ Мюсъ ⁶⁹, уже по одному имени своему прирожденный врагъ кошачьей породы, получилъ приказаніе убить юныхъ животныхъ, спрятать въ мѣшокъ и бросить въ Нилъ.

«Это извѣстіе было необходимо, такъ-какъ иначе мяуванье котятъ обличило бы содержаніе мѣшка предъ дворцовыми слугами. Когда стало смеркаться, бѣдный Мюсъ отправился со своею опасною ношею черезъ роццу Гаеорн ⁷⁰ къ Нилу. Но дворцовый слуга египтянинъ, обыкновенно кормившій моихъ животныхъ и знавшій каждую кошку по имени, догадался о нашемъ планѣ.

«Мой рабъ спокойно шелъ по большой сфинксовой аллеѣ мимо храма Пта ⁷¹; мѣшокъ онъ спряталъ подъ плащомъ. Уже въ священной роцѣ онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдуютъ, но не обратилъ на это вниманія и, совершенно успокоенный, шелъ дальше, замѣтивъ, что люди, шедшіе за нимъ остановились у храма Пта и начали разговаривать тамъ съ жрецами.

«Онъ уже стоялъ на берегу Нила. Тутъ онъ услышалъ, что его зовутъ, что множество людей бѣгутъ за нимъ и брошенный въ него камень пролетѣлъ близехонько отъ его головы.

«Мюсъ понялъ угрожающую ему опасность. Собравъ всѣ силы, онъ добѣжалъ до рѣки, бросилъ мѣшокъ въ воду и съ сильною

бьющимся сердцемъ, но какъ ему казалось, безо всякой улиты въ своей винѣ, стоялъ на берегу рѣки. Нѣсколько минутъ спустя, онъ былъ окружонъ сотней служителей при храмѣ. Церковный жрецъ бога Пта, Птаотеель, мой старый врагъ, не считъ ниже своего достоинства собственною особою послѣдовать за ними.

«Многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ вѣроломный дворцовый слуга, тотчасъ же бросились въ Нилъ и нашли, на наше несчастіе, мѣшокъ съ двѣнадцатю трупами, который, нисколько не поврежденный, запутался въ папирусовомъ тростникѣ и зелени бобовъ у берега. Въ присутствіи главнаго жреца, толпа прислужниковъ при храмѣ и по крайней мѣрѣ тысячи мемфисцевъ, былъ открытъ гробъ изъ бумажной ткани. Когда они увидали его ужасное содержаніе, то поднялся такой отчаянный вой, что я слышалъ его въ самомъ замѣ. Разъяренная толпа въ дикомъ бѣшенствѣ бросилась на моего бѣднаго слугу, сбѣла его съ погъ, топтала его ногами, и тутъ же лишила бы его жизни, еслибъ всемогущій верховный жрецъ не удержалъ толпу и не приказалъ заключить въ тюрьму страшно изувѣченнаго преступника, имѣя намѣреніе погубить меня, такъ-какъ во мнѣ онъ подозрѣвалъ зачинщика святотатства.

«По прошествіи получаса былъ арестованъ и я.

«Мой старый Мюсъ взялъ на себя всю вину преступленія, но верховный жрецъ, посредствомъ пытки, вынудилъ у него признаніе, что я приказалъ ему убить кошекъ, и онъ, какъ вѣрный слуга, принужденъ былъ повиноваться.

Верховное судилище ⁷², противъ приговоровъ котораго даже самъ царь не имѣеть никакой власти, составлено изъ жрецовъ Мемфиса, Геліополиса и Оивъ; поэтому вы можете себѣ представить, что какъ бѣднаго Мюса, такъ и мою ничтожную эллинскую особу не задумываясь приговорили къ смерти. Раба приговорили за два уголовныхъ преступленія: во первыхъ за убійство священныхъ животныхъ, во вторыхъ за двѣнадцатикратное оскверненіе трупами священнаго Нила; меня же за то, что я былъ зачинщикомъ этого, какъ они называли, двадцатичетырехкратнаго уголовного преступленія ⁷³. Мюса казнили въ тотъ же день. Миръ праху его! Въ моей памяти воспоминаніе о немъ будетъ жить какъ воспоминаніе о другѣ и благодѣтелѣ. Передъ его трупомъ и мнѣ былъ прочтенъ смертный приговоръ; и я уже сталъ приготовляться къ длинному путешествію въ подземный міръ, когда царь приказалъ отложить мою казнь.

«Меня снова отвели въ тюрьму.

«Аркадійскій таксіархъ ⁷⁴, находившійся въ числѣ моихъ стражей сообщилъ мнѣ, что всѣ греческіе офицеры тѣлохранителей

и множество солдатъ, въ числѣ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, грозили выйти въ отставку, если не помилуютъ меня, ихъ начальниа.

«Въ сумерки меня привели къ царю, который милостиво принялъ меня. Самъ онъ подтвердилъ мнѣ все сказанное таксіархомъ и выразилъ свое сожалѣніе, что онъ долженъ лишиться столь любимаго война. Что же касается до меня, то я охотно признаюсь, что нисколько не сержусь на Амазиса и прибавлю, что чувствую сожалѣніе къ нему, могущественному царю. Еслибы вы послушали, какъ онъ жаловался, что ни въ чемъ не можетъ поступить какъ захочетъ, и даже въ своихъ личныхъ дѣлахъ не можетъ избѣгнуть помѣхи со стороны жрецовъ! Еслибы это завсѣло отъ него, говорилъ онъ, то онъ охотно простилъ бы мнѣ, иноземцу, преступленіе противъ закона, который мнѣ непочтитель, который я, хотя и несправедливо, считаю бессмысленнымъ суевѣріемъ. Но ради жрецовъ онъ не можетъ оставить меня безъ наказанія. Изгнаніе ⁷⁵ изъ Египта есть самое легкая кара, которую онъ можетъ наложить на меня.

«Ты не знаешь»,—этими словами заключилъ онъ свои жалобы:—какія значительныя уступки я принужденъ былъ сдѣлать жрецамъ для того, чтобы выхлопотать тебѣ помилованіе. Вѣдь нашъ верховный судъ независимъ даже отъ меня, царя!»

«Такимъ образомъ я откланялся послѣ того, какъ далъ клятву покинуть Мемфисъ въ тотъ же день и Египетъ—самое позднее—черезъ три недѣли.

«У воротъ дворца я встрѣтился съ наследнымъ царевичемъ Псамметихомъ, уже давно преслѣдующимъ меня изъ-за неприятныхъ исторій, о которыхъ я долженъ умолчать (ты знаешь ихъ, Родопись). Я хотѣлъ проститься съ нимъ, но онъ отвернулся отъ меня, воскликнувъ: «Ты и на этотъ разъ избѣгнулъ наказанія, аоннянинъ; но отъ моей мести ты еще не избавился! Куда бы ты ни ушелъ, я съумѣю найти тебя!» «И такъ я могу надѣяться на свиданіе съ тобою», возразилъ я ему, и затѣмъ перенесъ свои имущество на барку и прибылъ сюда въ Науратисъ, гдѣ счастье свело меня съ моимъ старымъ другомъ Аристомахомъ изъ Спарты, который, въ качествѣ прѣжняго начальниа войскъ на о-вѣ Кипрѣ ⁷⁶, весьма вѣроятно будетъ назначенъ моимъ преемникомъ. Я былъ бы весьма доволенъ, увидавъ на своемъ мѣстѣ такого достойнаго человѣка, еслибы не опасался, что рядомъ съ его замѣчательными заслугами мои покажутся еще ничтожныѣ, чѣмъ каковы онѣ на самомъ дѣлѣ».

Тутъ Аристомахъ прервалъ аоннянина и воскликнулъ: «Довольно хвалить меня, другъ Фанесъ! Спартанскіе языки непово-

ротливъ; но когда тебѣ встрѣтится нужда во мнѣ, то я на дѣлѣ дамъ тебѣ надлежащій отвѣтъ».

Родопись одобрительно улыбнулась обонимъ. Потомъ подала руку каждому изъ нихъ и сказала:

— Къ сожалѣнію я узнала изъ твоего разказа, мой бѣдный Фанесъ, что дальнѣйшее пребываніе твое въ этой странѣ невозможно. Я не стану порицать тебя за легкомысліе, но вѣдь ты долженъ былъ знать, что ты подвергался большой опасности изъ-за пустяковъ. Человѣкъ мудрый и истинно мужественный рѣшается на рискованное предпріятіе только тогда, когда ожидаемая отъ него польза превышаетъ вредъ. Безумная храбрость столь-же вредна, какъ и трусость, хотя и не столько достойна порицанія, потому что если обѣ онѣ вредятъ, то позорна только послѣдняя. Твое легкомысліе едва не стоило тебѣ жизни, той жизни, которая дорога для многихъ и которую ты долженъ сохранять для дѣлѣ болѣе прекрасныхъ, чѣмъ глупое сумасбродство. Мы не можемъ имѣться сохранить тебя для насъ; такъ какъ не принесли бы этимъ пользы для тебя и повредили бы себѣ самимъ. Пусть на будущее время этотъ благородный спартавецъ, въ качествѣ начальника тѣлохранителей, сдѣлается представителемъ нашей націи при дворѣ, пусть онъ старается оградить ее отъ нападковъ жрецовъ и сохранить ей мидость цари. Я беру твою руку Аристомакъ, и не выпущу ее до тѣхъ норъ, пока ты не обѣщаешь намъ, по примѣру твоего предшественника Фанеса, защищать, по мѣрѣ силъ, каждого самага незначительнаго грека отъ высокоумія египтянъ и скорѣе отвѣтаться отъ своего мѣста, чѣмъ оставить безъ вниманія и возмездія малѣйшую несправедливость, которой подвергнется эллинъ. Намъ всего нѣсколько тысячъ между столькими-же милліонами людей, относящихся къ намъ враждебно; но мы сильны нашимъ мужествомъ и должны поддерживать свою силу единодушіемъ. До сихъ поръ эллины въ Египтѣ вели себя какъ настоящіе братья; одинъ жертвовалъ собою за всѣхъ, всѣ—за одного, и именно это единодушіе и дѣлало насъ могущественными и должно и на будущее время сохранить нашу силу. Если-бы мы только могли даровать нашей метрополіи и ея колоніямъ то-же самое единодушіе, если-бы всѣ племена нашего отечества, забывъ о своемъ дорическомъ, іоническомъ или волическомъ происхожденіи, довольствовались однимъ именемъ «эллинновъ» и жили подобно дѣтямъ одной семьи, подобно овцамъ одного стада,—тогда дѣйствительно весь міръ не былъ бы въ состояніи сопротивляться намъ и всѣ націи признали бы Элладу своею властительницей ⁷⁷.

Глаза старухи засверкали при этихъ словахъ; спартаецъ же сжалъ ее руку, съ необузданнымъ порывомъ стукнулъ по полу своею деревянною ногой и воскликнулъ:

— Клянусь Зевсомъ Лакедемонскимъ, я не позволю тронуть ни одного волоса на головѣ эллиновъ; ты же, Родопись, достойна быть спартанкою!

— И афинянкою! воскликнулъ Фанесъ.

— Ионійкою! вскричали милетцы.

— Дочерью геоморовъ на Самосѣ! воскликнулъ скульпторъ.

— Но я болѣе всего этого,—воскликнула вдохновенная женщина:—я болѣе всего этого,—я эллинка!

Всѣ были въ восхищеніи; даже сиріецъ и еврей не могли остаться равнодушными при всеобщемъ возбужденіи; только сибаритъ не измѣнилъ своему спокойствію и сазалъ, набивъ ротъ кушаньемъ:

— Ты была бы достойна быть также сибариткою, такъ какъ твое жаркое самое лучшее, какое только мнѣ приходилось ѣсть, послѣ отъѣзда изъ Италіи и твое антильское ⁷⁸ вино я наюму почти такимъ же вкуснымъ, какъ вино съ Хіоса или съ Везувія.

Всѣ засмѣялись, только спартаецъ бросилъ на сластолюбца взглядъ, полный презрѣнія.

— Привѣтствую васъ! внезапно воскликнулъ еще незнакомый намъ басистый голосъ, раздавшійся изъ-за окна.

— Привѣтствуемъ тебя!—отвѣчалъ хоръ пирующихъ, спрашивая и стараясь угадать, кто этотъ запоздалый гость.

Не долго пришлось ожидать его; не успѣлъ еще сибаритъ попробовать новый глотокъ вина, какъ около Родописъ стоялъ уже высокій, худощавый старикъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду, съ продолговатою взящною и умною головою; это былъ Калліасъ, сынъ Фениппа Аѳинскаго ⁷⁹.

Запоздалый гость одинъ изъ богатѣйшихъ аѳинскихъ изгнанниковъ, дважды покупавшій отъ государства имущество Пизистрата и дважды лишавшійся ихъ по возвращеніи правителя, вглядывался своими ясными, умными глазами въ своихъ знакомыхъ, и, дружески поздоровавшись со всѣми, воскликнулъ:

— Если вы не оцените достойнымъ образомъ мое сегодняшнее появленіе, то я скажу, что въ мірѣ не существуетъ благодарности.

— Мы долго ждали тебя, прервалъ его одинъ изъ милетцевъ.— Ты первый приносишь извѣстіе о ходѣ олимпійскихъ игръ!

— И мы не могли желать лучшаго вѣстника, какъ бывшаго побѣдителя, прибавила Родопись.

— Садись, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Фанесъ:—и рассказывай коротко и связно то, что тебѣ извѣстно, другъ Калліасъ!

— Сейчасъ, землякъ, возразилъ послѣдній.—Уже довольно много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Олимпію и отчалилъ отъ пристани въ Кенхрѣ на самосскомъ пятидесятивесельномъ суднѣ, лучшемъ, которое когда либо было построено.

«Меня нисколько не удивляетъ, что ни одинъ эллинъ до меня не присталъ къ берегу въ Науратисѣ; намъ пришлось выдержать страшныя бури и мы могли бы полатиться жизнію, если-бы эти самосскіе корабли съ ихъ толстымъ дномъ, обшивными носами и рыбьими хвостами⁶⁰ не были такъ хорошо построены и снабжены экипажемъ.

«Неизвѣстно куда попали другіе возвращавшіеся домой путешественники, но мы могли укрыться въ Самосской гавани и послѣ десятидневнаго пребыванія тамъ, снова отправиться въ путь.

«Когда мы наконецъ сегодня вошли въ устье Нила, я тотчасъ же сѣлъ въ свою барку, и Борей, желая по крайней мѣрѣ въ концѣ путешествія показать мнѣ, что онъ все еще любитъ своего стараго Калліаса, помчалъ меня къ цѣли такъ быстро, что я чрезъ нѣсколько мгновеній могъ увидѣть домъ, самый привѣтливый изъ всѣхъ. Я замѣтилъ развѣвающійся флагъ, свѣтъ въ открытыхъ окнахъ и долго колебался,—войти ли мнѣ или нѣтъ; но я не могъ устоять противъ твоихъ чаръ, Родописъ, и, кромѣ того, новости, которыхъ я еще никому не сообщалъ, подавили бы меня, если-бы я не вышелъ на берегъ, чтобы за кускомъ жаркого и кубкомъ вина рассказать вамъ такія вещи, о какихъ вамъ и во снѣ не грезилось.»

Калліасъ удобно расположился на подушкѣ и прежде, чѣмъ началъ сообщать свои новости, подалъ Родописъ великолѣпный золотой браслетъ,⁸¹ изображавшій змѣю, и купленный имъ за большія деньги въ Самосѣ, въ мастерской того самаго Θεодора, который сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ.

— Вотъ что я привезъ тебѣ,⁸² сказалъ онъ, обращаясь къ сильно обрадованной старухѣ, а для тебя, другъ Фанесъ, у меня найдется кое-что получше. Угадай, кто ввѣлъ призъ при состязаніи въ бѣгъ на колесницахъ съ четверкою лошадей?

— Афинянинъ? спросилъ Фанесъ съ пылающими щеками.

Всякая олимпійская побѣда принадлежала цѣлому народу, гражданинъ котораго получалъ призъ. Оливовая вѣтвь, полученная на олимпійскихъ играхъ, была высочайшею честью и величай-

нимъ счастиемъ, какое только могло выпасть на долю эллина, и даже цѣлаго греческаго племени!

— Отгадай, Фанесь! воскликнулъ вѣстникъ радости.—Первый изъ всѣхъ призовъ получилъ аѳинянинъ, и, скажу еще болѣе, это твой двоюродный братъ Кимонъ, сынъ Кипселоса, братъ того Мильтиада, который, девять олимпіадъ тому назадъ, удостоился подобной же чести. Онъ во второй разъ побѣдилъ въ этомъ году съ тѣми же конями, которые выиграли призъ на прошломъ праздникѣ⁸³. Понстинѣ слава Алкмеонидовъ все болѣе и болѣе затмѣвается Флиадами.⁸⁴ Гордишься ли ты, чувствуешь ли себя счастливымъ вслѣдствіе прославленія твоей семьи, Фанесь?

Послѣдній всталъ въ величайшей радости и, казалось, впрось на цѣлую голову.

Съ невыразимою гордостью и сознаниемъ своего достоинства, подалъ онъ руки вѣстнику побѣды, который, обнимая земляка, продолжалъ:

— Да, мы можемъ быть гордыми и счастливыми, Фанесь; а больше всѣхъ приходится радоваться тебѣ. Послѣ того, какъ судьи единогласно присудили Кимону призъ, онъ велѣлъ глашатаемъ объявить Пизистрата собственникомъ великолѣпной четверни, а слѣдовательно—и побѣдителемъ. Теперь вашъ родъ, какъ это объявлялъ Пизистратъ, можетъ возвратиться въ Аѳины, и такимъ образомъ и для тебя пробилъ столь долго желанный часъ возвращенія на родину!

При этихъ словахъ румянецъ веселья сбѣжалъ съ щекъ начальнаго тѣлохранителя; величавая гордость его взгляда прератилась въ гнѣвъ, и онъ вскричалъ:

— Такъ, по твоему, мнѣ слѣдуетъ радоваться, глупый Калліасъ? Нѣтъ, я долженъ плавать, при мысли, что потомокъ Аякса такъ позорно повергнулъ къ ногамъ властителя свою заслуженную славу. Я возвращусь домой? ха! вланусь Аѳной, отцемъ Зевсомъ и Аполлономъ, что скорѣй я умру съ голода въ чужой землѣ, чѣмъ моя нога направится къ отечеству, пока Пизистратъ держитъ его въ норабощеніи. Я свободенъ, какъ орелъ въ облакахъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ службу Амазиса; но я готовъ быть скорѣе голоднымъ рабомъ поселеннаго въ чужой землѣ, чѣмъ первымъ слугою Пизистрата на родинѣ. Намъ, благородному сословію, принадлежитъ господство въ Аѳинахъ; и Кимонъ, положивъ свой вѣнокъ къ ногамъ Пизистрата, обломизалъ скипетръ тиранна и запечатлѣлъ себя клеймомъ раба. Я самъ скажу Кимону, что мнѣ, Фанесу, нѣтъ никакого дѣла до милости властителя; мало того, я *хочу* остаться

изгнанныкомъ по тѣхъ поръ, пока не будетъ освобождено мое отечество, пока благородное сословіе и народъ снова не будутъ управлять сами собою и сами себѣ предписывать законы! *Θанесъ* не станетъ преклоняться передъ поработителемъ, хотя бы тысяча *Кимонъ* и всѣ *Алкмеониды*, отъ перваго до послѣдняго, и даже если бы твой родъ, *Калліасъ*, богатые дадухи, ⁸⁵ бросились къ ногамъ *Пизистрата*.

Аеннинъ окинулъ собраніе пламеннымъ взглядомъ, старый *Калліасъ* также съ гордостью оглядѣлъ весь кругъ гостей. Казалось, что онъ хочетъ сказать всякому: «Смотрите, друзья, вотъ какіе люди родятся въ моемъ славномъ отечествѣ!»

Затѣмъ онъ снова взялъ *Θанеса* за руку и сказалъ:

— Какъ тебѣ, мой другъ, такъ и мнѣ ненавистенъ властитель; но я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что врадъ ли можетъ быть свергнута тираннія покажѣтъ онъ живъ. Его союзники, *Лигдамисъ Наксосскій* и *Поликрать Самосскій*, весьма могущественны; но для нашей свободы умѣренность и мудрость самого *Пизистрата* гораздо опаснѣе ихъ. Во время моего послѣдняго пребыванія въ *Элладѣ*, я съ ужасомъ видѣлъ, что масса *аеннскаго* народа любитъ поработителя какъ отца. Не смотря на свое могущество, онъ оставляетъ въ дѣйствиіи государственныя учрежденія *Солона*. Онъ украшаетъ городъ великолѣпнѣйшими произведеніями искусства. Новый храмъ *Зевса*, воздвигаемый изъ великолѣпнаго мрамора *Каллаэсхромъ*, *Антистатомъ* и *Пориносомъ*, которыхъ ты долженъ знать, вѣроятно превзойдетъ всѣ прежнія эллинскія постройки. ⁸⁶ *Пизистратъ* умѣетъ привлекать въ *Аены* художниковъ и поэтовъ всякаго рода, онъ велитъ записывать пѣсни *Гомера* и собирать изрѣченія *Музеуса* *Ономакритскаго*. Онъ прокладываетъ новыя улицы и устраиваетъ новыя празднества; торговля процвѣтаетъ при его правленіи и народное благосостояніе, не смотря на вновь налагаемыя подати, увеличивается, вмѣсто того, чтобы уменьшаться. Но что такое народъ? Это пошлая толпа, которая, подобно комарамъ, стремится на встрѣчу всему блестящему и если при этомъ она обожжетъ себѣ крылья, то все-таки продолжаетъ летать вокругъ свѣчи, покажѣтъ та горитъ. Пусть погаснетъ факель *Пизистрата*, и я вланусь тебѣ, *Θанесъ*, что непостоянная чернь устремится къ новому свѣтилу, къ возвращающейся аристократіи, съ неменьшею готовностью, чѣмъ недавно къ тиранну. Еще разъ дай пожать мнѣ твою руку, истинный сынъ *Аякса*; вамъ же друзья я еще расскажу нѣкоторые новости.

«И такъ на скачкахъ съ колесницами побѣдилъ *Кимонъ*, подарившій *Пизистрату* свою оливковую вѣтвь. Никогда не ви-

далъ я лучшей четверни. Также Аркезилей Киренскій, Клеосеонъ изъ Эпидамна, ⁸⁷ Астеръ изъ Сибариса, Гекатевсъ изъ Милетта и многіе другіе прислали въ Олимпію великолѣпныхъ лошадей. Вообще въ этотъ разъ игры были болѣе, чѣмъ блистательны. Вся Эллада прислала представителей. Рода, городъ Ардеатовъ, въ дальней Иберіи, ⁸⁸ богатый Тартесъ, Синопъ на дальнемъ востокѣ у берега Понта, однимъ словомъ — каждое племя, гордѣющееся своимъ эллинскимъ происхожденіемъ, имѣло многочисленныхъ представителей. Сибариты прислали пословъ, отличившихся дѣйствительно ослѣпительнымъ блескомъ, спартанцы простыхъ мужей, красотою уподоблявшихся Ахиллесу и ростомъ — Геркулесу; аоняне отличались гибкостью членовъ и граціозностію движеній, кротонцы явились подѣ предводительствомъ Милона ⁸⁹, сильнѣйшаго изъ мужей человѣческаго происхожденія, самосскіе и милетскіе гости старались превзойти великолѣпиемъ и вышнимъ блескомъ коринѳянъ и митиленцевъ; весь цвѣтъ эллинскаго юношества находился въ сборѣ, и въ мѣстахъ для зрителей сидѣло, рядомъ съ мужами всякаго возраста, сословія и племени, много прекрасныхъ дѣвъ, прибывшихъ въ Олимпію преимущественно изъ Спарты, чтобы своими восклицаніями украшать игры мужчинъ. ⁹⁰ По ту сторону Алфея былъ устроенъ рынокъ. Тамъ можно было видѣть торговцевъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Эллины, кархедонцы, лидійцы, фригійцы и торгашинники изъ Палестины заключали крупныя сдѣлки или предлагали свои товары въ лавкахъ и палаткахъ. Я не въ состояніи описать вамъ толкотню и давку въ толпѣ, шумъ хоръ, дымившаяся праздничная гекатомба, пестрые наряды, дорогія колесницы цѣнныхъ коней, смѣшанный говоръ на различныхъ діалектахъ, радостныя восклицанія старыхъ друзей, встрѣтившихся здѣсь послѣ долголѣтней разлуки, блескъ представителей праздника, суетню зрителей и купцовъ; напряженный интересъ, съ которымъ всѣ слѣдили за ходомъ игръ, великолѣпный видъ, представляемый переполненными помѣщеніями для зрителей, безконечное ликованіе въ минуту рѣшенія какой нибудь побѣды, торжественное врученіе вѣтви, которую мальчикъ изъ Элиса, имѣющій въ живыхъ отца и мать, золотымъ ножомъ отрѣзаетъ отъ священнаго оливоваго дерева, въ Альтисѣ ⁹¹, насажденнаго нѣсколько вѣковъ тому назадъ еще Геркулесомъ. Мнѣ невозможно описать вамъ непрерывныя клики восторга, разносившіяся по аренѣ, подобно рокочущему грому, когда появился кротонаецъ Милонъ и безъ магійшаго усилія перенесъ на своихъ плечахъ черезъ стадіумъ ⁹² въ Альтисъ ⁹³ свою собственную статую, вылитую Дамасомъ изъ мѣди. Тяжесть металла сломала бы ги-

ганта, но Милонъ несъ эту статую такъ же легко, какъ лаведмонская нянька носить маленькаго мальчуга. ⁹⁴

«Послѣ Кимона самыя лучшія вѣнки достались двумъ братьямъ спартамцамъ Лизандру и Марону, сыновьямъ благороднаго изгнанника, по имени Аристомаха. Маронъ одержалъ побѣду въ бѣгѣ; а Лизандръ, при радостныхъ восклицаніяхъ всѣхъ присутствовавшихъ, выступилъ въ единоборство противъ Милона, непреодолимаго побѣдителя въ Пизѣ, на Пиеійскихъ играхъ и въ Истмѣ. ⁹⁵ Милонъ былъ выше и сильнѣе спартамца, который по сложенію уподоблялся Аполлону и котораго юность показывала, что онъ едва вышелъ изъ подъ ферылы педаномоса. ⁹⁶

«Въ своей обнаженной красотѣ, блистала отъ золотого масла, которымъ они были натерты, стояли одинъ противъ другого юноша и мужъ, подобные пантерѣ и льву, приготовляющимся къ битвѣ. Молодой Лизандръ передъ началомъ поднялъ свои руки, обращаясь къ богамъ съ заклинаніемъ, и воскликнулъ:

«За моего отца, мою честь и славу Спарты! Кротонецъ улыбнулся, глядя на юношу съ выраженіемъ превосходства, подобно тому, какъ улыбается гастрономъ, приготовляясь открыть раковину августы. ⁹⁷

«Но вотъ началось единоборство. Долго ни одинъ не могъ схватить одинъ другаго. Съ могучею, почти непреодолимою силою хватался кротонецъ за своего противника, но тотъ, какъ змѣя, выскользнулъ изъ ужасныхъ объятій атлета, руки котораго были похожи на вѣщи. На эту борьбу все собраніе смотрѣло онѣмѣвъ и пританувъ дыханіе. Не слышно было ничего, кромѣ стона борцовъ и дѣнія птицъ въ алытисовой рошѣ. Наконецъ, юношѣ удалось, посредствомъ великолѣпной схватки, когда либо виданной мною, уцѣпиться за своего противника. Долго Милонъ напрасно напрягалъ свои силы, чтобы освободиться отъ крѣпкихъ рукъ юноши. Потъ борцовъ обильными струями орошалъ песокъ арены.

«Все болѣе и болѣе увеличивалось напряженное состояніе зрителей, все глубже становилось молчаніе и рѣже дѣлалась ободрительные возгласы, все громче слышался стонъ борцовъ. Наконецъ силы юноши истощились. Тысяча ободряющихъ голосовъ звывали къ нему, онъ еще разъ съ нечеловѣческимъ напряженіемъ собралъ послѣднія силы и попытался сбить кротонца съ ногъ; но послѣдній замѣтилъ минутный упадокъ силъ въ своемъ противникѣ и, въ непреодолимомъ объятіи, прижалъ его къ себѣ. Тогда черная, обильная струя крови хлынула изо рта юноши, который бездыханнымъ трупомъ упалъ на землю изъ ослабѣвшихъ рукъ великана. Демокедъ, ⁹⁸ знаменитѣйшій

врачъ нашего времени, котораго вы, самосцы, должны знать вслѣдствіе его пребыванія при дворѣ Поликрата, явился немедленно; но никакое искусство не могло помочь счастливицу, такъ какъ онъ былъ мертвъ.

«Милонъ лишился своего вѣнча, а слава этого юноши разнесется по всей Элладѣ. Право, я самъ желалъ бы быть мертвымъ подобно Лизандру, сыну Аристомаха, нежели жить какъ Калліасъ, въ бездѣйствіи старѣющійся на чужбинѣ. Вся Греція, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, сопровождала на костеръ прекрасный трупъ юноши и его статуя будетъ поставлена въ Альтисѣ, рядомъ со статуями Милона Кротонскаго и Праксидама Эгинскаго.»⁹⁹ Наконецъ глашатаи возвѣстили приговоръ судей: «Спарта получить побѣдный вѣнокъ за покойника, такъ какъ благороднаго Лизандра побѣдилъ не Милонъ, а смерть; а кто вышелъ не побѣжденнымъ изъ двухчасовой борьбы съ сильнѣйшимъ изъ грековъ, тотъ вполне заслужилъ оливковую вѣтвь»¹⁰⁰.

Калліасъ съ минуту помолчалъ. Этотъ человѣкъ съ живымъ темпераментомъ, при изображеніи событія, столь дорогаго для эллинскихъ сердець, не обращалъ вниманія на присутствующихъ и, устремивъ глаза въ пространство, казалось, видѣлъ какъ передъ нимъ проходили картины состязанія. Теперь онъ оглядѣлся вокругъ и съ удивленіемъ увидаль, что сѣдой старикъ съ деревянною ногою,—котораго онъ, не зная его, уже успѣлъ замѣтить, — закрылъ руками лицо и обливается горькими слезами. Съ правой стороны около него стояла Родописъ, а съ лѣвой Фанесъ и всѣ присутствующіе смотрѣли на спартанца такъ, какъ будто онъ былъ героемъ разсказа Калліаса. Умный афинянинъ тотчасъ же сообразилъ, что, вѣроятно, старикъ находится въ близкихъ отношеніяхъ къ кому нибудь изъ олимпійскихъ побѣдителей; но когда онъ услышалъ, что Аристомахъ—отецъ этихъ двухъ прославившихся братьевъ-спартанцевъ, которыхъ прекрасныя фигуры все еще рисовались у него передъ глазами, подобно видѣніямъ изъ міра боговъ, тогда и онъ съ завистливымъ удивленіемъ сталъ глядѣть на рыдающаго старика и въ его умныхъ глазахъ свернула слеза, которую онъ и не думалъ скрывать. Въ тѣ времена мужчины плакали, надѣясь получить отъ слезъ облегченіе. Въ гнѣвѣ, въ великомъ восторгѣ, при всякомъ душевномъ страданіи мы видимъ плачущихъ героевъ, между тѣмъ, какъ спартанскій мальчикъ, не испуская ни одного жалобнаго звука, подвергалъ себя иногда смертельному бичеванію у алтара Артемиды Ореійской, только ради того, чтобы заслужить похвалу взрослыхъ мужей.

Нѣкоторое время всѣ гости оставались безмолвными, нѣз уваженія къ горю старика. Наконецъ, израильянинъ Іосія нарушилъ молчаніе и сказалъ на домашномъ греческомъ языкѣ:

— Выплачъся хорошенъко, спартанскій мужъ. Я знаю, что значить потерять сына. И я тоже одинадцать лѣтъ тому назадъ долженъ былъ скоронить прекраснаго мальчика на чужой сторонѣ, у рѣкъ вавилонскихъ, гдѣ мой народъ томился въ рабствѣ. Еслибъ мой прекрасный ребенокъ прожилъ еще только одинъ годъ, то онъ умеръ бы на родинѣ, и мы могли бы скоронить его въ могилѣ его отцовъ. Но Киръ Персидскій, да благословить Іегова его потомковъ! — освободилъ насъ годомъ повдѣе и я вдвойнѣ оплакиваю дитя моего сердца, потому что его могли для него пришлось вырвать въ странѣ враговъ Израіля. Можеть-ли быть что нибудь ужаснѣе этого: видѣть, какъ наши дѣти, драгоценнѣйшее сокровище, которое мы имѣемъ, прежде насъ сходятъ въ могилу? И — да будетъ милостивъ ко мнѣ Іегова — потерять подобнаго прекраснаго ребенка, какимъ былъ твой сынъ, именно въ то время, когда онъ превратился въ мужа, покрытаго славой, — вѣдь это должна быть величайшая нѣз горестей!

Спартанецъ отнял руки отъ своего суроваго лица и, улыбаясь, сквозь слезы возразилъ:

— Ты ошибаешься, финикіянинъ: — я плачу отъ радости, а не отъ горя, и я охотно потерялъ-бы и другого сына, если-бы онъ умеръ какъ мой Лизандръ.

Израильянинъ, приведенный въ ужасъ этимъ словами, которыя казались ему преступными и противными природѣ, только покачалъ неодобительно головой; но присутствовавшіе при этомъ эллины осыпали счастливаго старика поздравленіями. Аристомакъ казался помолодѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ отъ восторга и вскричалъ, обращаясь къ Родописъ:

— По истинѣ, домъ твой приноситъ мнѣ благословіе, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я вошелъ въ него, это уже второй даръ боговъ, который я получалъ подъ твоею кровлей.

— Каковъ же былъ первый? спросила старуха.

— Благопріятное изрѣченіе оракула.

— Ты забываешь третій, вскричалъ Фанесъ: — сегодня боги дали тебѣ счастье — познакомиться съ Родописъ. А что такое сказалъ оракулъ?

— Могу-ли я сообщить друзьямъ его изрѣченіе? — спросилъ дельфіецъ.

Аристомакъ утвердительно кивнулъ головой, и Фанесъ во второй разъ прочелъ отвѣтъ Пнеи:

«Время придет — и желѣзныя полчища ринутся
 Съ сѣвѣнныхъ высотъ на долину потока великаго,
 Въ углой ладѣ ты пристанешь къ желанному берегу,
 Миръ и покой обрѣтутъ твои ноги усталыя,
 Пятеро судей даруютъ бездомному страннику
 То, въ чемъ ему было долго, такъ долго отказано».

Едва Фриксъ проговорилъ послѣднее слово, какъ афинянинъ Каллиасъ вскричалъ и вскричалъ въ глубокомъ волненіи:

— Теперь ты получишь отъ меня четвертый даръ боговъ въ этомъ домѣ. Я отглаживалъ свою рѣдкую новость до послѣд-
 наго. Знай же: персы идутъ въ Египетъ!

Ни одинъ изъ гостей кромѣ сибарита не остался на своемъ мѣстѣ, и Каллиасъ едва успѣвалъ отвѣчать на множество вопро-
 соровъ.

— Тихе, тихе, друзья! вскричалъ онъ наконецъ. — Дайте мнѣ рассказать по порядку, иначе я никогда не дойду до конца! Большое посольство Камбиза, внѣшняго великаго царя всемо-
 гущей Персіи, а не войско, какъ думаешь ты Фанесъ, нахо-
 дятся на пути. Изъ Самоса я получилъ вѣвѣстіе, что это посольство прибыло уже въ Милетъ. Черезъ нѣсколько дней оно должно быть здѣсь. Къ числѣ лицъ, составляющихъ его, находятся родственникъ царя и даже старый Крезъ Лидійскій; мы увидимъ рѣдкое великолѣпіе! Цѣль ихъ посольства неизвѣстна никому, однакоже полагаютъ, что царь Камбизъ хочетъ пред-
 ложить союзъ Амазису; говорятъ даже, что будто-бы великій царь желаетъ жениться на дочери Фараона.

— Союзъ? спросилъ Фанесъ, недовѣрчиво пожимая плечами. — Персы и такъ обладаютъ теперь половиною міра. Всѣ великія державы Азіи покорились ихъ скипетру; завоеватель щадить еще только Египетъ и родину эллиновъ.

— Ты забываешь золотую Индію и великіе кочующіе народы Азіи, возразилъ Каллиасъ. — Далѣе ты забываешь, что имперія, составленная такимъ образомъ изъ семидесяти народностей съ различными языками и нравами, сама въ себя несетъ и все болѣе и болѣе питаетъ зародышъ войны и должна остерегаться вѣншихъ войнъ, чтобы, во время отсутствія главной массы войска, отдѣльныя провинціи не воспользовались желаннымъ случаемъ къ отпаденію. Спроси милетцевъ: остались ли бы они спокойными, если бы могущество ихъ порабитителей потеряло уреть въ какой-нибудь битьѣ?

Феопомпъ, купецъ изъ Милета съ живостью прервалъ Каллиаса:

— Если-бы персы потерѣли поражение въ какой-нибудь

войнѣ, то на ихъ голову обрушились бы много другихъ войнъ, и мое отечество не послѣднимъ возстало бы противъ ослабленныхъ властителей!

— Какую цѣль ни имѣли бы эти послы, продолжалъ Калдіасъ:—я настаиваю на своемъ извѣстіи, что, самое большее, черезъ три дня, они будутъ здѣсь.

— И такимъ образомъ исполнится предсказаніе твоего оракула, Аристомахъ! вскричала Родописъ:—желѣзными полчищами съ горъ не можетъ быть никто кромѣ персовъ. Когда они придутъ къ городомъ Нила, то измѣнится образъ мыслей у пяти судей, вашихъ эфоровъ ¹⁰¹, и тебя, отца двухъ олимпийскихъ побѣдителей, призовутъ обратно въ отечество. — Наполни снова кубки, Кнакіасъ! Выпьемъ этотъ послѣдній кубокъ за тѣхъ знаменитаго Ливандра и затѣмъ, хотя и не охотно, я расстанусь съ вами до завтра. Хозяинъ, любящій своихъ гостей, все-таки долженъ прекратить пиръ, когда волны веселія подымутся до своей наибольшей высоты. Пріятное, ничѣмъ не возмущенное воспоминаніе скоро приведетъ васъ въ этотъ домъ снова, между тѣмъ какъ вы не охотно посѣтили бы его, если бы вамъ пришлось вспоминать о часахъ утомленія, послѣдовавшихъ за шумнымъ весельемъ.

Всѣ гости согласились съ хозяйкой и Ивикъ назвалъ ее истинною ученицей Пнеагора, прославляя торжественно-радостное оживленіе вечера.

Всѣ стали собираться домой. Сибарить, который, желая заглушить свое весьма непріятное для него волненіе, пилъ очень неумѣренно, также поднялся съ своего мѣста, опираясь на призванныхъ рабовъ ¹⁰² и уже коснѣющимъ языкомъ болталъ что-то о нарушеніи законовъ гостепримства.

Когда, при прощаніи, Родописъ хотѣла подать ему руку, то онъ, ступаненный винными парами, воскликнулъ:

— Клянусь Геркулесомъ, Родописъ, ты выбрасываешь насъ за дверь точно назойливыхъ кредиторовъ. Я не привыкъ къ тому, чтобы уходить съ нира, покамѣстъ еще держусь на ногахъ, а еще менѣе къ тому, чтобы мнѣ указывали на дверь, какъ какому-нибудь паразиту!

— Пойми-же ты, невоздержный кутила,—собиралась съ улыбкою оправдаться Родописъ;—но Филоинъ, раздосадованный въ своемъ опьянѣніи этимъ возраженіемъ старухи, насмѣшливо захохоталъ и, невѣрными шагами направляясь къ двери, вскричалъ:

— Ты называешь меня невоздержнымъ кутилою? Хорошо! я назову тебя безстыдною рабой! Клянусь Діонисіемъ, въ тебѣ

еще до сихъ поръ замѣтно. чѣмъ ты была въ своей юности. Прощай, раба Ядмона и Ксаеа, вольноотпущенница «Харакса!»

Не успѣлъ онъ еще договорить всего, какъ на него внезапно бросился спартаецъ, сбиль его съ ногъ сильнымъ ударомъ кулака и снесъ обезбаматѣвшаго точно ребенка въ лодку, ожидавшую вмѣстѣ съ рабами сибарита у садовой калитки.

III.

Всѣ гости удалились изъ дому.

Подобно граду, навшему на цвѣтущую ниву, обрушилась брань сибарита на радостное настроеніе прощавшихся собесѣдниковъ; сама Родопись стояла блѣдная и дрожащая въ опустѣвшей и по праздничному разукрашенной комнатѣ. Кнакіась гасилъ цестрыя лампы на стѣнахъ. Вмѣсто яркаго свѣта разлился непріятный полумракъ, едва освѣщавшій безпорядочно сдвинутую посуду, остатки кушаній и сдвинутыя съ мѣста скамьи. Въ открытую дверь врвался холодный воздухъ, такъ-какъ уже начинало разсвѣтать, а передъ солнечнымъ восходомъ въ Египтѣ бываетъ всего холоднѣе. По членамъ легко одѣтой старухи пробѣгала дрожь. Безъ слезъ блуждали ея глаза по опустѣвшей комнатѣ, еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ наполненной весельемъ и ликованьемъ. Она сравнивала свое душевное состояніе съ этою опустѣвшей залой пиршества. Ей казалось, что червь грызетъ ея сердце и кровь ея превращается въ снѣгъ и ледъ.

Такъ она стояла долгое время, пока не явилась ея старая рабыня и не посвѣтила ей въ спальню.

Молча позволила Родопись раздѣть себя, молча отдернула занавѣсъ, отдѣлявшій ея спальню отъ другой. Среди этой второй спальни стояла кровать изъ кленоваго дерева и на ней, на тюфякѣ изъ нѣжной овечьей шерсти, покрытой бѣлыми простынями, подъ свѣтлоголубыми одѣялами, ¹⁰³ покоилось очаровательное, предестное существо; это была Сафо, внучка Родопись. Эти нѣжныя пышныя формы, это личико съ тонкими чертами принадлежали разцвѣтающей дѣвушкѣ, а блаженная, спокойная улыбка беззаботному счастливому ребенку.

Одна рука, на которой покоилась предестная головка спящей, спривалась въ массѣ густыхъ, темнонаштановыхъ волосъ; другая слегка придерживала маленькій амулетъ изъ зеленого камня ¹⁰⁴, висѣвшій на шеѣ. Длинные рѣсницы закрытыхъ глазъ

едва замѣтно шевелились, а щеки спящей были покрыты нѣжными розовымъ оттѣнкомъ. Тонкія ноздри вздымались при ровномъ дыханіи. Такъ изображаютъ невинность, такъ улыбается мечтательное спокойствіе, такой сонъ ниспосылаютъ боги безпечному юношескому возрасту.

Едва ступая на концахъ, палецъ осторожно приблизилась старуха къ этому ложу по толстому ковру ¹⁰⁵. Съ невыразимой нѣжностью вглядывалась она въ улыбавшееся дѣтское личико, тихо и безмолвно опустилась на колѣни передъ кроватью, осторожно прижалась лицомъ къ мягкимъ одѣяламъ, такъ что рука дѣвушки касалась ея волосъ. Затѣмъ она стала плавать, не переставая, точно хотѣла этими слезами смыть съ себя оскорбленіе, которому подверглась, и всю тоску, накопившуюся въ душѣ.

Наконецъ она встала, напечатлѣла легкой подалуй на челѣ спящей, съ молитвой подняла руки къ небу, и возвратилась въ свою комнату такъ-же тихо и осторожно, какъ пришла.

У своего ложа она нашла старую рабыню, все еще ожидавшую ее.

— Зачѣмъ ты сидишь здѣсь въ такую позднюю пору, Мелитта? проговорила она тихо и ласково.—Пооди, ложись спать, ты знаешь, что ты болѣе не нужна мнѣ. Прощай, не приходи завтра прежде, чѣмъ я не позову тебя. Я, кажется, не скоро засну и потому буду рада, если подѣ утро задремлю.

Рабыня медлила; видно было, что она хочетъ что-то сказать, но не рѣшается.

— Ты, вѣроятно, хочешь о чемъ-нибудь просить меня? спросила Родопись.

Старуха все еще стояла въ нерѣшимости.

— Говори-же, говори, но только поскорѣй!

— Я видѣла, какъ ты плакала, заговорила рабыня:—ты, кажется, огорчена, или нездорова; не могу-ли я остаться на ночь при тебѣ? Скажи мнѣ, что мучить тебя? Ты уже не разъ испытывала, что, подѣлившись горемъ, облегчаешь свою грудь и уменьшаешь самое горе. Повѣрь мнѣ и сегодня свою печаль; это облегчитъ тебя и навѣрно возвратитъ тебѣ утраченное душевное спокойствіе!

— Нѣтъ, я не могу говорить, возразила Родопись. Затѣмъ она продолжала, горько улыбаясь:—Я снова убѣдилась, что ни одно божество не въ состояніи изгладить прошлое человѣка и что несчастіе и позоръ нераздѣльны! Прощай, оставь меня, Мелитта!

Въ поддень слѣдующаго дня, та-же самая барва, которая въ

предыдущій вечеръ привезла афинянина и спартаца, остановилась у сада старухи.

Солнце свѣтило такъ ярко и радостно съ чистаго темноголубого египетскаго неба, воздухъ былъ такъ прозраченъ, жуки жужжали такъ весело, лодочники на баржахъ такъ громко распѣвали свои пѣсни, берегъ Нила былъ такъ цвѣтушъ, такъ пестрѣлъ флагами и кишѣлъ людьми; пальмы, сикоморы, акація и бананы зеленѣли и цвѣли такъ великолѣпно, вся мѣстность кругомъ представлялась такъ необыкновенно богато одаренною щедрымъ божествомъ,—что путникъ могъ бы подумать, что изъ этихъ равнинъ изгнано всякое несчастье, что здѣсь мѣстопробываніе всякой радости и веселья.

Какъ часто, проѣзжая мимо деревеньки, скрытой среди цвѣтушихъ плодовыхъ деревьевъ, мы представляемъ себѣ, что она должна быть пріобѣжищемъ мира, сердечной доброты и благополучія. Но стѣнитъ намъ войти въ отдѣльныя хижины — и мы найдемъ въ нихъ, какъ и повсюду, страхъ и нужду, желанія и страсти, опасенія и раскаяніе, тоску и горе, и увя! такъ мало радостей! Кто, прибывъ въ Египетъ, могъ догадываться, что улыбающаяся плодородная страна солнца, которой небо никогда не заволакивается тучами, питаетъ людей, склонныхъ къ угрюмости и ожесточенію? кому могло придти въ голову, что въ прелестномъ, обвитомъ цвѣтами гостепріимномъ домѣ счастливой Родописъ бьется сердце, удрученное глубокимъ горемъ? Кто изъ гостей всѣми превозносимой еракіянки могъ догадываться, что это сердце принадлежитъ старухѣ, на лицѣ которой всегда виднѣлась очаровательная улыбка?

Блѣдная, но, какъ всегда, прекрасная и пріятливая, сидѣла она вмѣстѣ съ Фанесомъ въ тѣнистой бесѣдѣ около прохладной струи фонтана. Видно было, что она плакала. Афинянинъ держалъ ее за руку и старался утѣшить.

Родописъ терпѣливо слушала его, иногда улыбаясь то съ горечью, то съ видомъ одобренія. Наконецъ она прервала добродетельнаго друга и сказала:

— Благодарю тебя Фанесъ! Рано или поздно этотъ позоръ долженъ быть забытъ. Время—хорошій исцѣлитель. Еслибъ я была слаба характеромъ, то покинула-бы Наукратисъ и стала-бы жить въ уединеніи, только для своей внучки. Въ этомъ молодомъ созданіи, повторяю тебѣ, дремлетъ цѣлый міръ. Тысачу разъ собиралась я покинуть Египетъ, но тысячу разъ побѣждала въ себѣ этотъ порывъ. Меня удерживало вовсе не желаніе принимать поклоненія отъ людей твоего пола; на мою долю выпало ихъ столько, что я уже давно пресытилась ими. Меня, слабую, когда-

то презираемую рабу удерживало и удерживаетъ сознание, что я могу принести нѣкотораго рода пользу и, даже, иногда быть необходимою свободнымъ благороднымъ людямъ. Привыкнувъ къ дѣятельности въ обширномъ мужскомъ кругу, я не могла бы довольствоваться заботою объ одномъ любимомъ существѣ; я засохла-бы подобно растенію, пересаженному въ пустыню изъ плодородной почвы, и моя внучка вскорѣ осталась-бы совершенно одинокою въ мирѣ, троекратно сиротою. Я остаюсь въ Египтѣ!

Теперь, послѣ твоего отъѣзда, я буду дѣйствительно необходима нашимъ друзьямъ. Амазисъ старъ; если ему наследуетъ Псамметихъ, то намъ придется бороться съ большими трудностями, отъ которыхъ до сихъ поръ мы были избавлены. Я должна остаться и продолжать борьбу за свободу и благосостояніе эллиновъ. Такова цѣль моей жизни. Этой цѣли я останусь вѣрна тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже женщина осмѣливается посвящать свою жизнь подобнымъ цѣлямъ. Пусть мои стремленія называютъ неженственными. Въ эту ночь, проведенную въ слезахъ, я почувствовала, что во мнѣ есть еще безконечно много женской слабости, составляющей въ одно и то-же время счастье и несчастье моего пола. Сохранить въ моей внучкѣ эту слабость, соединенную съ значительною степенью нѣжной женственности, было первою моею задачею; второю было—сбросить съ себя самой всякую мягкость. Но нѣтъ возможности одержать побѣду надъ собственной природою, не потерпѣвъ пораженія. Если меня подавляетъ горе и я готова предаться отчаянію, то единственное мое лекарство—вспоминать о лучшемъ изъ людей, моимъ другѣ ¹⁰⁶ Пиеагорѣ и его словахъ: «Сохрани соразмѣрность во всемъ, избѣгай какъ шумной радости, такъ и громкихъ сѣтованій, и старайся сохранить твою душу столь-же гармоничною и благозвучною, какъ струны хорошо настроенной арфы! «Этотъ пиеагоровскій душевный миръ, это глубокое ненарушимое спокойствіе духа я ежедневно вижу въ моей Сафо; но я сама стремлюсь къ нему вопреки неоднократному вмѣшательству судьбы, которая насильственно разстраиваетъ струны моего сердца. Теперь я спокойна! Ты не можешь себѣ представить, какое огромное вліяніе имѣетъ на меня одна мысль объ этомъ великомъ философѣ, объ этомъ спокойномъ, сдержанномъ человѣкѣ. Воспоминаніе о немъ проносится надъ моимъ существованіемъ подобно мягкому и вмѣстѣ съ тѣмъ ослепляющему звуку. Ты также зналъ его и долженъ понимать меня. Теперь я прошу тебя высказать свою просьбу. Мое сердце такъ же спокойно, какъ волны Нила, который такъ мирно ватитъ

мимо насъ свои прозрачныя волны. Хорошее или дурное скажешь ты—я готова тебя выслушать.

— Вотъ такую ты нравишься мнѣ, проговорилъ афинянинъ.— Еслибы ты ранѣе подумала о благородномъ другѣ мудрости,— имѣя Пинегоръ имѣлъ привычку называть себя ¹⁰⁷, — то твоя душа уже вчера обрѣла-бы свое прекрасное равновѣсіе. Учитель требуетъ, чтобы мы каждый вечеръ провѣряли въ своемъ умѣ событія, чувства и мысли протекшаго дня. Еслибы ты сдѣлала это, то сказала-бы себѣ, что неспривторное удивленіе всѣхъ твоихъ гостей, между которыми находилось много мужей, славныхъ своими заслугами, въ тысячу разъ перетягиваетъ брань пьянаго развратника; ты должна была-бы чувствовать себя любимцею боговъ, такъ-какъ въ твоемъ домѣ бессмертныя испослали благородному старику величайшее счастье, которое можетъ выпасть на долю человѣка, послѣ многихъ лѣтъ невзгодъ; наконецъ они, лишивъ тебя друга, тотчасъ-же даровали тебѣ другого, болѣе достойнаго. Не противорѣчь мнѣ и позволю высказать теперь мою просьбу.

«Ты знаешь, что меня называютъ то афиняниномъ, то галикарнассцемъ ¹⁰⁸. Іонійскіе, дорійскіе и эолійскіе наемники съ давнихъ временъ не ладили съ карійскими; поэтому мнѣ, предводителю обѣихъ частей, въ особенности было полезно мое, такъ сказать, двойственное происхожденіе. Какими прекрасными качествами ни обладалъ-бы Аристомахъ, но Амазисъ все-таки почувствуетъ мое отсутствіе; мнѣ безъ труда удавалось возстановить согласіе между наемниками, между тѣмъ какъ для спартавца встрѣтятся большія затрудненія, относительно карійцевъ.

«Это мое двойственное происхожденіе имѣетъ слѣдующую причину. Отецъ мой женился на галикарнасскѣ изъ благороднаго дорическаго рода и, для полученія наслѣдства послѣ ея родителей, проживалъ въ Галикарнассѣ, именно въ то время, когда я родился. Хотя меня увезли въ Афины уже на третьемъ мѣсяцѣ жизни, но я собственно каріецъ, такъ какъ мѣстомъ рожденія опредѣляется отечество человѣка.

«Въ Афинахъ я, въ качествѣ юнаго эпатрида ¹⁰⁹ изъ знатнаго древняго рода Аякса, былъ вскормленъ и воспитанъ во всей гордости аттическаго аристократа. Храбрый и мудрый Пизистратъ, принадлежавшій къ семьѣ, равной намъ, но нисколько не превышавшей насъ по происхожденію (болѣе знатнаго рода, чѣмъ родъ моего отца не существуетъ), сумѣлъ овладѣть верховною властію. Соединенными усиліями аристократіи удалось дважды низвергнуть его. Когда онъ захотѣлъ возвра-

тятся въ третій разъ, при помощи Лигдамиса Ниссосскаго, аргосцевъ и эретрійцевъ, то мы воспротивились ему. Мы расположились лагеремъ у храма Аѳины въ Палленѣ. Когда мы передъ завтракомъ приносили жертву богинѣ, умный правитель невзначай напалъ на насъ, бросился на наше безоружное войско и одержалъ легкую, нисколько не кровавую побѣду. Такъ какъ мнѣ была довѣрена половина всего, враждебнаго тирану, войска, то я рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ отступить. Я боролся всѣми силами, заклиналъ воиновъ держаться и самъ не отступалъ ни на шагъ, но наконецъ упалъ, пронзенный копьемъ въ плечо.

«Пизистратиды сдѣлались властителями въ Аѳинахъ ¹¹⁰. Я бѣжалъ въ Галикарнасъ, свое второе отечество, куда за мною послѣдовала жена съ нашими дѣтьми, получили приглашеніе занять мѣсто главнаго начальника наемниковъ въ Египтѣ, — такъ какъ мое имя было извѣстно вслѣдствіе моей пелійской ¹¹¹ побѣды и смѣлыхъ военныхъ подвиговъ, — участвовалъ въ Кипрскомъ походѣ, раздѣлилъ съ Аристомаромъ его славу при завоеваніи для Амазиса мѣсторожденія Афродиты и, наконецъ, сдѣлался верховнымъ начальникомъ всѣхъ наемниковъ въ Египтѣ.

«Моя жена скончалась прошлое лѣто; дѣти—мальчикъ одиннадцати и дѣвочка десяти лѣтъ остались у своей тѣтки въ Галикарнасѣ. Но и ее постигла неумолимая смерть. И такъ я, нѣсколько дней тому назадъ, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы малютокъ привезли сюда; но они не могутъ прибыть въ Наукратисъ раньше трехъ недѣль и, вѣроятно, уже отправились въ путь, такъ что вторичное распоряженіе уже не заста-нетъ ихъ.

«Черезъ двѣ недѣли я долженъ покинуть Египетъ, и поэтому не могу самъ встрѣтить дѣтей.

«Я рѣшилъ отправиться во еракійскій Херсонесъ, куда мой дядя, какъ тебѣ извѣстно, призванъ племенемъ Долонговъ ¹¹². Пусть туда отправятся и дѣти. Корабль, мой старшій, вѣрный рабъ, останется въ Наукратисѣ, чтобы привезти ко мнѣ малютокъ.

«Если ты хочешь доказать свою дружбу ко мнѣ, то прими моихъ дѣтей и присмотри за ними до тѣхъ поръ, пока во Фракію не отправится какой-либо корабль, и скрой ихъ заботливо отъ взглядовъ шпіоновъ наслѣдника престола, Псамметиха. Ты знаешь, что онъ смертельно ненавидитъ меня, и легко можетъ отмстить отцу посредствомъ дѣтей. Я прошу у тебя этой великой милости вопервыхъ потому, что знаю твою добро-

ту; а восторныхъ потому, что твой домъ, вслѣдствіе царской грамоты, можетъ служить убѣжищемъ, гдѣ мои дѣти будутъ защищены отъ всякихъ развѣдогъ полиціи, которая въ этой странѣ формальностей, предписываетъ объявлять должностнымъ лицамъ округа о каждомъ иностранцѣ, неисключая дѣтей.

«Ты видишь, какъ глубоко я уважаю тебя: я передаю тебѣ единственное сокровище, заставляющее меня дорожить живнiю. Даже отечество не дорого мнѣ, пока оно позорно преклоняется передъ тираномъ. Желаетъ-ли ты возвратить спокойствіе встревоженному сердцу отца? Желаетъ-ли?..

— Я согласна на все, Фанесъ! воскликнула старуха съ непритворною сердечною радостью.—Ты ни о чемъ не просишь меня, а дѣлаешь мнѣ подарокъ. О, какъ я рада малюткамъ! И въ какомъ восторгѣ будетъ Сафо, когда прійдутъ милія созданія и оживать ея одиночество! Но я напередъ говорю тебѣ, Фанесъ, что ни въ какомъ случаѣ не допущу моихъ маленькихъ гостей отплыть на первомъ еракійскомъ кораблѣ! Ужъ на какіе-нибудь полгода ты можешь разстаться съ ними; я ручаюсь тебѣ, что ихъ будутъ отлично учить здѣсь и приучать ко всему доброму и прекрасному.

— Объ этомъ-то я бы не сталъ беспокоиться, возразилъ Фанесъ съ благодарною улыбкою:—но я все-таки настаиваю на томъ, чтобы ты отправила ихъ съ первымъ кораблемъ. Мои опасенія относительно мести Псамметиха, къ сожалѣнію, слишкомъ основательны. Поэтому уже заранѣе прими сердечную благодарность за твою любовь и доброту къ моимъ дѣтямъ. Впрочемъ, я самъ думаю, что они будутъ пріятнымъ развлеченіемъ для твоей Сафо въ ея одиночествѣ.

— А затѣмъ, прервала его Родописъ, опустивъ глаза:—добріе, оказываемое благороднымъ человѣкомъ моимъ материнскимъ добродѣтелямъ, даетъ мнѣ право не думать болѣе о срамѣ, причиненномъ мнѣ пьянымъ кутилою! Но вотъ идетъ Сафо!

IV.

Пять дней спустя послѣ вечера въ домѣ Родописъ, громадное стеченіе народа было видно у гавани въ Саисѣ. Египтяне всѣхъ возрастовъ, званій и половъ стояли густою массою на берегу.

Вовны и купцы въ бѣлыхъ, украшенныхъ пестрою бахромою одеждахъ, которыхъ длина соотвѣтствовала болѣе высокому или низкому общественному положенію важдаго, смѣшались съ боль-

шюю толпою мускулистых полунагихъ мужчинъ, которыхъ единственное платье состояло изъ передника, одежды чловѣка низкаго званія. Нагія дѣти толпились, толкались и дрались, чтобы захватить лучшее мѣсто. Матери, въ короткихъ накидкахъ ¹¹³, высоко поднимали на рукахъ своихъ малютокъ, хотя черезъ то лишали себя самихъ ожидаемаго зрѣлища. Множество собакъ и кошекъ дрались у ногъ охотниковъ до зрѣлищъ, двигавшихся весьма осторожно, чтобы не наступить на которое нибудь изъ священныхъ животныхъ или не поранить ихъ.

Полицейскіе, вооруженные длинными палками ¹¹⁴, на мѣднѣныхъ набалдашникахъ которыхъ виднѣлось имя царя, заботились о порядкѣ и спокойствіи, въ особенности-же о томъ, чтобы, вслѣдствіе напора стоящихъ назади, никто не былъ сброшенъ въ сильно раздувшійся рукавъ Нила, который во время наводненія омывалъ стѣны Сауса,—опасеніе во многихъ случаяхъ оказавшееся основательнымъ.

На широкой береговой лѣстницѣ, украшенной сфинксами, и служившей пристанью царскимъ баркамъ, виднѣлось собраніе другого рода.

Здѣсь, на каменныхъ скамьяхъ, возсѣдали знатнѣйшіе изъ жрецовъ. Многие изъ нихъ были облечены въ длинныя бѣлыя одежды, другіе въ передники, драгоценныя перевязи, широкія шейныя украшенія и кожи пантеръ. Нѣкоторые носили головныя, разукрашенныя перьями, повязки, прилежавшія ко лбу, вискамъ и пышнымъ фальшивымъ локонамъ, которые спускались до самой спины, другіе щеголяли блестящею наготою своихъ тщательно выбритыхъ череповъ. Среди ихъ всѣхъ, главный суды отличался самымъ богатымъ и пышнымъ страусовымъ перомъ на головномъ уборѣ и драгоценнымъ амулетомъ изъ сапфира, висѣвшимъ на золотой дѣпочкѣ на груди ¹¹⁵.

Начальники египетскаго войска были одѣты въ пестрое военное платье ¹¹⁶ и имѣли при себѣ короткіе мечи на перевязяхъ. Часть царской охранной стражи, вооруженная боевыми сѣкврами, кинжалами, луками и большими щитами, стояла по правую сторону лѣстницы; по лѣвую стояли греческіе наемники въ іонійскомъ вооруженіи. Ихъ новыи предводитель, хорошо извѣстный намъ Аристомохъ, стоялъ отдѣльно отъ египтянъ, съ нѣсколькими младшими греческими начальниками, около колоссальныхъ статуй Псамметиха I, воздвигнутыхъ на площадкѣ передъ лѣстницей и обращенныхъ лицомъ къ рѣкѣ. Передъ ними сидѣлъ на серебряномъ сѣдалищѣ наслѣдникъ престола Псамметихъ, въ пестромъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ, плотно прилежавшемъ къ его фигурѣ ¹¹⁷; онъ былъ окруженъ знатнѣйши-

ми царедворцами, совѣтниками и друзьями царя, имѣвшими въ рукахъ пали со страусовыми перьями и золотыми цвѣтами лотоса ¹¹⁸.

Народная толпа уже давно заявила о своемъ нетерпѣннн криками, пѣснями и пронзительными восклицаніями; жрецы и аристократія у лѣстницы, напротивъ того, держали себя съ достоинствомъ, храня молчаніе. Всѣ они въ размѣренной сдержанности движеній, съ своими негнуущимися, завитыми въ локоны париками ¹¹⁹ и наладными, правильно подвитыми бородами, имѣли совершенное сходство съ тѣми статуями, которыя неподвижно и серьезно покоились на своихъ мѣстахъ, пристально глядя на рѣку.

Но вотъ показались вдали шоловне паруса голубаго и пурпурно-краснаго цвѣтовъ въ клѣтку. ¹²⁰

Въ народѣ послышались восклицанія восторга. Раздавались крики: «Они ѣдутъ, вотъ они!»—«Будь остороженъ, не наступи на конку,»—«Кормилица, держи дѣвочку повыше, чтобы и она увидела что нибудь!»—«Ты еще сбросишь меня въ воду, Зебакъ!»—«Посмотри-ка, финикиянинъ, мальчишки бросаютъ тебѣ въ бороду колочія шишекъ!» Ну, ну, элинтъ, ты не долженъ воображать, что Египетъ принадлежитъ только тебѣ одному, потому только, что Амазисъ дозволяетъ вамъ жить на берегахъ священной рѣкы!»—«Безсовѣстная сволочь, эти греки! Долой ихъ!» закричалъ храмовый прислужникъ. «Долой свиноподовъ ¹²¹, презирающихъ боговъ!» раздалось повсюду кругомъ.

Дѣло стало влониться къ драгѣ, но полицейскіе не позволили шутить съ собою, и, энергически размахивая палками, вскорѣ водворили миръ и тишину. Большіе пестрые паруса, ясно отличавшіеся отъ сновавшихъ вокругъ нихъ парусовъ голубыхъ, бѣлыхъ, и коричневыхъ, которые принадлежали нильскимъ судамъ меньшаго размѣра, все болѣе и болѣе приближались къ ожидающей толпѣ. Теперь встали со своихъ мѣстъ даже сановники и наслѣдникъ престола.

Хоръ царскихъ трубачей ¹²² разразился веселыми рѣзкими звуками и первое изъ ожидаемыхъ судовъ остановилось на пристани у лѣстницы.

Довольно продолговатое судно было покрыто богатою позолотою и имѣло на носу серебряное изображеніе копчика. Посреди барки возвышался золотой балдахинъ, съ пурпурнымъ навѣсомъ. Подъ нимъ длинныя подушки были приготовлены для сидѣнья. На передней части судна сидѣло по обѣимъ бортамъ по двѣнадцати гребцовъ, работавшихъ веслами; ихъ передники придерживались богатыми помочами. ¹²³

Подъ балдахиномъ лежало шесть человекъ, пышно одѣтыхъ и статныхъ на видъ. Прежде, чѣмъ барка пристала къ берегу, младшій изъ пассажировъ, съ великолѣпными бѣлокурными выпущенными волосами, выпрыгнулъ на лѣстницу.

При видѣ его у многихъ египетскихъ дѣвушекъ вырвалось невольное восклицаніе удивленія и даже серьезныя мими иъ-которыхъ саловниковъ освѣтились благосклонною улыбкой.

Человекъ, возбуждшій такой восторгъ, назывался Бартіа¹²⁴ и былъ сынъ умершаго и братъ царствовавшаго царя персидскаго. Природа дала ему все, чего можетъ желать себѣ двадцатилѣтній юноша.

Изъ подъ голубой съ бѣлыми повязки, обвивавшей его турбанъ, пышными прядями разсыпались густые золотисто-бѣлокурные волосы; въ его голубыхъ глазахъ свѣтились жизнь, веселье, доброта, смѣлость, и даже высокоуміе; его благородное лицо, опущенное едва пробивавшеюся бородой, было достойно рѣзда греческаго художника, его стройная, мускулистая фигура показывала большую силу и ловкость. Великолѣпіе его одежды равнялось его красотѣ. Посреди его турбана блестѣла большая звѣзда изъ брилліантовъ и бирюзы. Спускавшаяся до колѣнъ верхняя одежда изъ тяжелой золотой парчи придерживалась на бокахъ перевязью, голубов, пополамъ съ бѣлымъ (это были цвѣта персидскаго царскаго дома). Къ ней былъ прикрѣпленъ короткій золотой мечъ, котораго рукоятка и ножны были густо осипаны бѣлыми оналами и бирюзой. Шаровары, плотно обхватывавшіе щиколотку, были также сдѣланы изъ золотой парчи, и засунуты въ невысокіе свѣтлоголубые кожаные башмаки.

Сильныя, голыя руки, видѣвшіяся черезъ широкіе рукава одежды, были украшены нѣсколькими драгоценными золотыми браслетами съ брилліантами. Со стройной шеи спускалась на высокую грудь золотая цѣпь¹²⁵.

Этотъ юноша первый выпрыгнулъ на землю. За нимъ послѣдовалъ Дарій, сынъ Гастаспа, знатный молодой персіанинъ царской крови, подобно Бартіа, только одѣтый немного проще его. Третьимъ былъ старикъ, съ сѣдыми волосами, на привѣтливо-серьезномъ лицѣ котораго можно было прочесть добродушіе ребенка, опытность старика и умъ мужа. Онъ былъ одѣтъ въ длинную пурпурную одежду съ рукавами и обувь въ желтые ладійскіе сапоги¹²⁶. Вся его наружность производила впечатлѣніе совершеннаго отсутствія претензій, а между тѣмъ этотъ простой съ виду старикъ былъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, человекомъ, которому завидовали больше всѣхъ и именемъ котораго мы черезъ двѣ тысячи слѣшкомъ лѣтъ называемъ самхъ

богатѣйшихъ людей. Это былъ Креза, низвергнутый съ престола индійскій царь, который жилъ въ то время въ качествѣ друга и совѣтника при дворѣ Камбиза и, въ качествѣ ментора, сопровождалъ въ Египетъ молодого Бартіа.

За нимъ послѣдовали: Прексаспъ, посланникъ персидскаго царя, Зопиръ, сынъ Мегабиза, благородный персъ, другъ Бартіа и Дарія; наконецъ, появился стройный, блѣднолицый сынъ Креза—Гигесъ, который, сдѣлавшись нѣмымъ на четвертомъ году отъ рожденія, снова заговорилъ, вслѣдствіе смертельнаго страха за отца, который онъ испыталъ во время взятія Сардеса ¹²⁷.

Псамметихъ спустился со ступеней на встрѣчу новопривышнихъ. Онъ старался вызвать любезную улыбку на свое желтоватое суровое лицо. Сановники, слѣдовавшіе за нимъ склонились почти до земли передъ чужеземцами, вмѣстѣ съ тѣмъ опустивъ руки внизъ. Персы свестили руки на груди и пали ницъ передъ наследникомъ престола. Когда окончились первыя формальности, Бартіа, къ великому удивленію народа, непріученнаго къ подобному зрѣлищу, по обычаю своей родины, подаловалъ жолтую щоку египетскаго царевича, слегка содрогнувшись отъ прикосновенія нечистыхъ устъ чужеземца, и отправился съ своими проводниками къ ожидавшимъ ихъ носилкамъ, въ которыхъ ихъ надлежало доставить въ помѣщеніе, приготовленное для нихъ въ царскомъ дворцѣ Саса.

Часть народа бросилась вслѣдъ за иностранцами; но большинство зрителей осталось на прежнихъ мѣстахъ, такъ какъ они знали, что ихъ ожидало еще не одно, никогда невиданное ими зрѣлище.

— Неужели ты хочешь бѣжать за разряженною обезьяной и другими дѣтьми Тифона? ¹²⁸ спросилъ недовольный храмовой служитель своего сосѣда, честнаго саятскаго портного.

— Говорю тебѣ, Пугоръ, да и верховный жрецъ сказалъ, что эти чужеземцы не принесутъ странъ ничего, кромѣ пагубы! Куда исчезло старое доброе время, когда ни одинъ чужеземецъ, которому была дорога жизнь, не смѣлъ ступить на египетскую почву! Теперь наши улицы переполнены лживыми евреями, ¹²⁹ въ особенности этими безстыдными эллинами, которыхъ да уничтожатъ боги! Посмотри-ка: вонъ ужъ подходитъ третья барка, наполненная иноземцами. И знаешь-ли ты, ктѣ эти персы? Верховный жрецъ говоритъ, что во всемъ ихъ государствѣ, которое, по обширности, равняется половинѣ міра, нѣтъ ни одного храма для боговъ; муміи же своихъ покойниковъ, вмѣсто почетнаго погребенія, они отдаютъ на растерзаніе собакамъ и коршунамъ! ¹³⁰

Портной обнаруживалъ сильное удивленіе и еще сильнѣйшее негодованіа; потомъ онъ указалъ пальцемъ на лѣстницу у пристани и сказалъ:

— Клянусь сыномъ Изиды, уничтожившимъ Тифона, вотъ уже пристаесть къ берегу шестая барка, наполненная иноземцами!

— Да, это плохо! вздыхая проговорилъ храмовой служитель:— право можно подумать, что собирается цѣлое войско. Амазисъ будетъ распоряжаться такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока иноземцы не лишатъ его трона и не изгонять изъ государства, а насъ бѣдныхъ не обратятъ въ рабовъ и не разорятъ, какъ когда-то сдѣлали злые гиксосы—люди чумы¹²¹ и черные зѳіоны.

— Седьмая барка! воскликнулъ портной.

— Пусть найдетъ на меня гибель моя повелительница Нейтъ, великая богиня Саиса, сѣтовалъ служитель храма—но я не въ состояніи понять царя. Онъ отправилъ въ богомерзкое гнѣздо Наукратисъ цѣлыхъ три грузовыхъ барки для поклажи и прислуги персидскихъ пословъ; но вмѣсто этихъ трехъ пришлось приготовить восемь лодокъ, потому что, вмѣстѣ съ кухонною посудой, собаками, лошадьми, колесницами, ящиками, корзинами и тюками, эти безбожники и ненавистники покойниковъ за тысячу миль повезли съ собою цѣлое полчище слугъ. Говорятъ, что между ними есть такіе, которые не дѣлаютъ ничего, какъ только плетутъ вѣнки и готовятъ мази.¹²² Они также привезли своихъ жрецовъ, которыхъ называютъ магами. Хотѣлось бы мнѣ знать, зачѣмъ имъ эти праздношатающіеся? Къ чему жрецы, если нѣтъ боговъ и храмовъ?

Престарѣлый царь Амазисъ Египетскій принялъ персидское посольство вскорѣ по его прибытіи, со всею ему свойственною любезностью. Спустя четыре дня онъ, окончивъ свои занятія, которымъ обыкновенно посвящалъ положительно каждое утро, отправился прогуляться въ дворцовомъ саду со старикомъ Крезомъ, между тѣмъ какъ прочіе персіане отправились, въ сопровожденіи наследника престола, на рѣчную прогулку по Нялу въ Мемфисъ.

Дворцовый садъ, устроенный съ царскимъ великолѣпіемъ, но все таки по плану имѣвшій сходство съ садомъ Родописъ, находился вблизи царскаго дворца, расположеннаго на сѣверо-западной сторонѣ города на холмѣ.

Старикъ усѣлся въ тѣни развѣсистой смоковницы не далеко отъ огромнаго бассейна изъ краснаго гранита, въ который лилась обильными струями прозрачная вода изъ широко раскрытой пасти черныхъ базальтовыхъ крокодиловъ.

Лишенный престола царь, нѣсколькими годами старше могу-

цественнаго властителя, снѣвшаго рядомъ съ нимъ, былъ на видъ гораздо свѣжѣе и крѣпче послѣдняго. Спина высокаго ростомъ Амазиса была согнута, опорю его крѣпкому туловищу служили слабыя и худыя ноги; его красивее лицо было покрыто морщинами. Въ маленькыхъ, блестящихъ глазахъ свѣтился бодрый умъ, а на его слишкомъ полныхъ губахъ постоянно играла веселая, а иногда и насмѣшливая улыбка. Низкій, но широкій лобъ старика и его большой, прекрасно сформированный черепъ свидѣтельствовали о силѣ его ума; ¹³³ измѣнчивый цвѣтъ его глазъ заставлялъ предполагать, что остроуміе и страстность не чужды этому удивительному человѣку, который изъ простаго воина возвысился до престола фараоновъ. Его языкъ былъ рѣзокъ и грубъ, а его движенія, въ противоположность сдержаннымъ манерамъ другихъ лицъ, составлявшихъ египетскій дворъ, почти болѣзненно живы.

Манеры его сосѣда были пріятны и вполне достойны царя. Во всей его личности проглядывало, что онъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ лучшими людьми Греціи. Фалесъ, Анаксимандръ и Анаксименъ Милетскій, Біасъ Пріенскій, ¹³⁴ Солонъ Аѳинскій, Питтакъ Лесбосскій, знаменитѣйшіе греческіе всемірные мудрецы, въ лучшія времена появлялись при Сардескомъ дворѣ Креза, въ качествѣ гостей. Его полный, ясный голосъ, раздавался рядомъ съ рѣзкимъ голосомъ Амазиса, звучалъ точно пѣніе.

— Теперь же скажи мнѣ откровенно, довольно бѣгло заговорилъ фараонъ ¹³⁵, по гречески: — какъ понравился тебѣ Египетъ? Я не знаю никого, чье мнѣніе казалось бы мнѣ столь дорогимъ, какъ твое, потому — что, вопервыхъ, ты знакомъ съ большею частью народовъ и странъ міра; вовторыхъ, боги судили тебѣ подняться вверхъ по лѣстницѣ счастья и снова спуститься по ней внизъ; въ третьихъ, ты не напрасно былъ первымъ совѣтникомъ могущественнѣйшаго изъ всѣхъ царей. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мое царство понравилось тебѣ въ такой степени, чтобы ты согласился остаться при мнѣ, въ качествѣ брата. Право, Крезъ, ты уже давно другъ мнѣ, хотя только вчерашній день боги дали мнѣ увидѣть твое лицо!

— А ты—мой другъ, прервалъ его лядіецъ.—Я удивляюсь тебѣ по причинѣ мужества, съ которымъ ты, вопреки всѣмъ окружающимъ тебя, умѣешь осуществить то, что признаешь хорошимъ; я благодаренъ тебѣ за благосклонность, съ которою ты относишься къ моимъ друзьямъ эллинамъ. Я считаю тебя своимъ родственникомъ по сходству нашей судьбы, потому

что и ты испыталъ на себѣ все благополучіе и горе, могущее встрѣтиться въ жизни!

— Съ тою разницею, улыбался замѣтилъ Амазисъ:—что мы начали съ различныхъ концовъ. На твою долю сперва выпало хорошее, а потомъ дурное; со мною же случилось на оборотъ; то есть если я предположу,—задумчиво прибавилъ онъ:—что я доволенъ своимъ настоящимъ счастіемъ.

— А я, возразилъ Крезъ:—если сознаюсь, что страдаю отъ моего, такъ называемаго, несчастія.

— А какъ же могло быть иначе послѣ утраты такихъ огромныхъ сокровищъ?

— Развѣ счастье зависитъ отъ обладанія? спросилъ Крезъ.— И развѣ, вообще, счастье есть обладаніе? Счастье есть представленіе, чувство, даруемое завистливыми богами немущему чаще, нежели могущественному. Ясный взглядъ послѣдняго ослѣпляется блистательными сокровищами и онъ всегда долженъ страдать отъ неудачъ, такъ какъ онъ, въ сознаніи своей силы достигнуть *многаго*, постоянно терпитъ пораженіе въ борьбѣ за обладаніе *всѣми* благами, которыми онъ желаетъ обладать и которыхъ не можетъ достигнуть.

Амазисъ вздохнулъ и сказалъ:

— Я бы желалъ быть въ состояніи не согласиться съ тобою, но когда вспомню о своемъ прошломъ, то долженъ сознаться, что съ того самаго часа, который принесъ мнѣ такъ называемое счастье, начались великія заботы, тяготящія мою жизнь.

— А я увѣряю тебя, перебилъ его Крезъ:—что я благодаренъ тебѣ за твою запоздавшую помощь, такъ какъ минута невзгоды доставила мнѣ первое чистое, истинное счастье. Когда первые персы взошли на стѣны Сардеса, я пролиналъ самого себя и боговъ, жизнь казалась мнѣ ненавистною и существованіе проклятіемъ. Сражаясь, отступалъ я вмѣстѣ со своими, предавался отчаянію. Тутъ персидскій солдатъ поднялъ мечъ надъ моею головою, мой сынъ схватилъ убійцу за руку и, впервые послѣ многихъ лѣтъ, я снова услышалъ его голосъ изъ устъ, развершихся отъ ужаса. Мой нѣмой сынъ Гигесъ въ ужасную минуту снова получилъ даръ слова, и я, пролинавшій боговъ, преклонился передъ ихъ могуществомъ. У раба, которому я приказалъ убить меня, какъ только я копаду въ плѣтъ къ персамъ, я отналъ мечъ. Я сдѣлался другимъ человѣкомъ и мало-по-малу сумѣлъ побѣдить постоянно пробуждавшееся во мнѣ ослѣпленіе противъ своей судьбы и моихъ благородныхъ враговъ. Ты знаешь, что я наконецъ сдѣлался другомъ Кира, что мой сынъ могъ расти подлѣ меня свободнымъ человѣкомъ и вполне

влады своимъ языкомъ. Все, что я видѣлъ, слышалъ и пере-думалъ прекраснаго въ теченіи своей долгодѣтней жизни, я собралъ, чтобы передать ему; теперь онъ сдѣлался моимъ государствомъ, моею короною, моею сокровищницею. Вида наполненные заботою дни и бессонныя ночи Кира, я со страхомъ вспоминалъ прежнее свое величіе и могущество и все съ большею ясностью понималъ, гдѣ слѣдуетъ искать истиннаго счастья. Каждый изъ насъ носить скрытый зародышъ его въ своемъ сердцѣ. Довольное, терпѣливое настроеніе, ощущающее сильную радость при видѣ прекраснаго и великаго, но не оставляющее безъ вниманія и мелкихъ явленій, принимаетъ страданіе безъ жалобъ и улаживаетъ ихъ воспоминаніями. Сохраненіе мѣры во всѣхъ вещахъ, твердое упованіе на милость боговъ и увѣренность, что все, даже самое худшее должно пройти, такъ какъ все подвергается измѣненію,—все это способствуетъ созрѣванію зародыша счастья, скрытаго въ нашей груди и даетъ намъ силу съ улыбкой относиться къ тому, вслѣдствіе чего человѣкъ неприготовленный впасть бы въ уныніе и отчаяніе.

Амазисъ внимательно слушалъ, черти на пескѣ фигуры золотымъ набалдашникомъ своей палки, на которомъ была изображена собачья голова, потомъ сказалъ:

— По истинѣ, Крезъ, я «великій богъ», «солнце справедливости» «сынъ Нейты», «повелитель военной славы» (титулы, даваемые мнѣ египтянами), ¹³⁶ готовъ завидовать тебѣ, ограбленному и низверженному съ трона. Нѣкогда я былъ счастливъ какъ ты теперь, весь Египетъ зналъ меня, бѣднаго сына сотника, вслѣдствіе моей веселости, плутовскихъ продѣлокъ, легкомыслія и задора. ¹³⁷ Простые солдаты носили меня на рукахъ; начальники многое во мнѣ находили достойнымъ порицанія, но безумному Амазису многое сходило съ рукъ; мои товарищи, младшіе офицеры въ войскѣ, не умѣли веселиться безъ меня. Но вотъ мой предмѣстникъ Гофра отправилъ насъ въ походъ противъ Кирены. Изнемогая въ пустынѣ, мы отказывались идти далѣе. Подоврѣніе—будто царь хочетъ принести насъ въ жертву эллискимъ иеземникамъ, возбудило открытое возстаніе. Я, по обыкновенію, шута воскликнулъ, обращаясь къ друзьямъ: «Вѣдь безъ царя вы не обойдетесь, такъ сдѣлайте меня своимъ повелителемъ; *болѣе весело* вы не найдете нигдѣ!» Солдаты услышали эти слова. «Амазисъ хочетъ быть царемъ!» пробѣжало по рядамъ, отъ одного къ другому. «Добрый, счастливый Амазисъ пусть будетъ нашимъ царемъ!» этимъ восклицаніемъ встрѣтили меня черезъ нѣсколько часовъ. Одинъ изъ товарищей по кутежанью надѣлъ на меня шлемъ главнокомандующаго;—я превра-

тилъ шутку въ серьезное дѣло, большинство солдатъ оказалось на моей сторонѣ, и мы разбили Гофру при Момемфисѣ. Народъ присоединился къ заговору. Я взошелъ на престолъ. Меня называли счастливымъ. Бывъ до тѣхъ поръ другомъ египтянъ, я теперь сдѣлался врагомъ лучшихъ изъ нихъ. Жрецы поклонились мнѣ и приняли меня въ свою касту, но только потому, что надѣялись управлять мною совершенно по своему произволу. Мои прежніе начальники завидовали мнѣ, или же хотѣли обращаться со мною по прежнему. Ты понимаешь, что это не согласовалось съ моимъ новымъ званіемъ и могло бы ослабить внушаемое мною уваженіе; поэтому я однажды показавъ пирующимъ у меня начальникамъ войска, захотѣвшимъ снова безъ церемоніи шутить со мною, золотой тазъ, въ которомъ имъ омывали ноги передъ началомъ пиршества. Спусти пять дней, когда они снова пировали у меня, я приказавъ поставить на изукрашенный столъ золотую статую великаго бога Ра.¹²⁰ Едва только увидѣвъ ее, они пали ницъ, чтобы поклониться ей. Когда они встали, я взялъ скипетръ, высоко и торжественно поднявъ его вверхъ и воскликнулъ: «Это изображеніе божества художникъ сдѣлалъ въ пять дней изъ того ничтожнаго сосуда, въ который вы плевали, и въ которомъ омывали ваши ноги. Я самъ когда-то былъ подобнымъ сосудомъ, но божество, умѣющее творить скорѣе, чѣмъ золотыхъ дѣлать мастеръ, сдѣлало меня вашимъ царемъ. И такъ, повергайтесь ницъ и поклонитесь мнѣ. Отнынѣ тотъ, кто окажется непослушнымъ или забудетъ воздать уваженіе царю, намѣстнику Ра на землѣ, будетъ обреченъ на смерть». Они пали ницъ всѣ, рѣшительно всѣ. Моя власть была спасена, но друзей своихъ я потерялъ. Теперь мнѣ необходима была другая опора. Я приобрѣлъ ее въ эллинахъ. Относительно способности въ военной службѣ одинъ грекъ стоитъ болѣе пятерыхъ египтянъ; это я зналъ очень хорошо и, основываясь на этомъ, рѣшился осуществить то, что считалъ полезнымъ.

Меня постоянно окружали греческіе наемники. Отъ нихъ я научился ихъ языку, они познакомили меня съ благороднѣйшимъ человѣкомъ, котораго мнѣ когда либо удавалось встрѣчаться въ Пнагоромъ. Я старался ввести у насъ греческіе нравы и греческій языкъ, такъ какъ убѣдился, что упорно придерживаясь обратившагося въ обычай худшаго тамъ, гдѣ лучшее находится подъ рукою и только ждетъ, чтобы его посѣяли на египетскихъ нивахъ, — просто бессмысленно.

Я правильно раздѣлилъ всю страну,¹²⁰ устроилъ полицію, наилучшую въ дѣломъ свѣтѣ, и привелъ въ исполненіе многое;

но моя высшая дѣль—вести греческій духъ, греческія формы, греческое наслажденіе жизнью и свободное эллинское искусство въ эти богатія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мрачныя страны, потерпѣла крушеніе на той скалѣ, которая каждый разъ, какъ я только предпринимаю что-либо новое, грозитъ мнѣ низверженіемъ и гибелью. Жрецы—вотъ моя преграда, мои противники, мои повелители. Они, съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ придерживающіея всего, освященнаго временемъ; они, для которыхъ все иноземное есть предметъ ужаса и которые считаютъ каждаго иностранца естественнымъ врагомъ ихъ власти и ученій,—управляютъ набожнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ почти съ неограниченною властью. Поэтому-то мнѣ пришлось пожертвовать имъ прекраснѣйшими изъ моихъ плановъ, поэтому-то, согласно ихъ предписаніямъ, моя жизнь должна проходить во всевозможныхъ стѣсненіяхъ; и я умру неудовлетвореннымъ, будучи лишень даже увѣренности—согласится ли эта негодующая, гордая толпа посредниковъ между божествомъ и смертными дать мнѣ успокоеніе въ могилѣ!»

— Клянусь Зевсомъ-избавителемъ, бѣдникъ мой счастливецъ!— съ участіемъ прервалъ его Крезъ:—я понимаю твои сѣтованія. Хотя я въ теченіи своей жизни знавалъ много отдѣльныхъ личностей, безрадостно и мрачно проходившихъ жизненный путь, но я все-таки не подозрѣвалъ существованія цѣлой породы, которой по наслѣдству достается мрачность души какъ змѣямъ ихъ ядъ. Сколькихъ жрецовъ ни видалъ я на пути моемъ сюда и при твоёмъ дворѣ, у всѣхъ ихъ я видѣлъ мрачныя лица. Даже юноши, прислуживающіе тебѣ, улыбаются весьма рѣдко, между тѣмъ какъ веселье, подобно цвѣтамъ весною, принадлежитъ юности, какъ прекрасный даръ божества.

— Ты бы ошибся, если-бы вздумалъ считать мрачными всѣхъ египтянъ, отвѣчалъ Амазисъ. Наша религія, дѣйствительно, требуетъ серьезнаго размышленія о смерти, но ты врядъ-ли найдешь другой народъ, болѣе склонный къ насмѣшливымъ шуткамъ и, въ случаѣ праздника, способный веселиться съ подобнымъ самозабвеніемъ и размахистымъ разгуломъ. Но видъ иноземцевъ ненавистенъ жрецамъ, и на мой союзъ съ вами они смотрятъ съ мрачнымъ ропотомъ. Тѣ мальчики, о которыхъ ты упоминалъ, сыновья знатнѣйшихъ между ними, ¹⁴⁰ составляютъ величайшую отраву моей жизни. Они служатъ у меня рабами и послушны малѣйшему знаку съ моей стороны. Людей, отдающихъ своихъ дѣтей для подобнаго дѣла, слѣдовало-бы считать самими послушными, почтительными слугами царя, которому воздается божеское поклоненіе, но повѣрь мнѣ, Крезъ, именно въ

этой преданности, отклонить которую не въ состояніи ни одинъ властитель, не нанеся оскорбленія, кроется ловкій и хитрый расчетъ. Каждый изъ этихъ юношей—мой сторожъ и наблюдатель. Я не могу шевельнуть рукою безъ ихъ вѣдома, и все это немедленно передается жрецамъ.

— Но какъ же ты можешь выносить подобное существованіе? Изгони твоихъ согладатаевъ и выбери себѣ слугъ, напр. хотя бы изъ касты воиновъ, которая можетъ быть тебѣ полезною не мѣнѣе жрецовъ!

— Если-бы я только могъ это сдѣлать! воскликнулъ Амазисъ громкимъ голосомъ. Затѣмъ онъ продолжалъ тише, точно испугавшись своей горячности: — Миѣ кажется, что нашъ разговоръ подслушиваютъ. Завтра прикажу вырвать съ корнями вонъ тотъ финиковый кустъ. Юному жрецу, любителю садовыхъ прогуловъ, который тамъ срываетъ едва дозрѣвшіе финики, нужны плоды совершенно другого рода, нежели тѣ, которые онъ такъ медленно кладетъ въ свою корзину. Рука собираетъ плоды съ дерева, а ухо слова изъ устъ царя.

— Но кланусь отцомъ Зевсомъ и Аполлономъ...

— Я понимаю твое негодованіе и раздѣляю его; но каждое званіе налагаетъ обязанности, и, въ качествѣ царя этой страны, оказывающей божественное благоговѣніе всѣмъ укоренившимся правамъ, я долженъ подчиняться, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, придворному церемоніалу, существующему нѣсколько тысячъ лѣтъ. Если-бы я захотѣлъ разорвать эти цѣпи, то могло бы случиться, что моему трупу было-бы отказано въ погребеніи. Я долженъ сказать тебѣ, что жрецы назначаютъ посмертный судъ надъ каждымъ покойникомъ и лишаютъ могильнаго успокоенія того, кого признаютъ виновнымъ¹⁴¹. Уваженіе къ моему сыну обезпечило-бы погребеніе моей муміи, но какимъ образомъ отнеслись-бы въ моему тѣлу тѣ, которые стали-бы совершать жертвоприношенія въ моей могилѣ...

— Какое тебѣ дѣло до могилы! съ негодованіемъ перебилъ Крезъ. — Жить слѣдуетъ для жизни, а не для смерти.

— Скажи лучше, возразилъ Амазисъ, поднимаясь съ своего мѣста:—что мы, раздѣляющіе греческія понятія, считаемъ прекрасною жизнь за высшее благо; но, Крезъ, я родился отъ отца египтянина, вскормленъ матерью египтянкою, выросъ на египетской пищѣ и хотя и усвоилъ себѣ кое-что эллинское, но все-таки въ глубинѣ моего существа остаюсь египтянникомъ. То, о чемъ наиввали тебѣ въ дѣтствѣ, что представляли святынею въ юношескомъ возрастѣ, находятъ отголосокъ въ твоемъ сердцѣ до тѣхъ поръ, пока тебя не обернутъ членами муміи. Я ста-

рикъ и мнѣ осталось не далеко идти до того пограничнаго камня, за которымъ начинается вѣчность. Неужели-же мнѣ, ради немногихъ дней жизни, портить безконечныя тысячелѣтія смерти? Нѣтъ, другъ мой, я остался египтявиномъ: подобно каждому изъ моихъ соотечественниковъ, я твердо и неуклонно вѣрю, что сохраненіе моего тѣла, вмѣстѣлища души, тѣсно соединено съ благоденствіемъ моей второй жизни, ¹⁴² хотя-бы я и не былъ сочтенъ достойнымъ слиться съ душою міра и, сдѣлавшись частью ея, принимать, въ качествѣ Озириса, участіе въ управленіи мірозданіемъ. Но довольно объ этихъ возвышенныхъ вещахъ, открывать которыя непосвященнымъ во всей ихъ глубинѣ и величій мнѣ запрещаетъ великая клятва. Отвѣтъ мнѣ лучше на мой вопросъ: какъ нравятся тебѣ наши храмы и пирамиды?

Крезъ задумчиво отвѣчалъ:

— Каменные глыбы пирамидъ представляются мнѣ созданными необозримою пустыней, пестрыя колоннады храмовъ—произведеніемъ пышной весны; но если сфинксы, ведущіе къ воротамъ, указываютъ дорогу въ святилище, то космы, подобныя увлеченіямъ стѣны пилоновъ кажутся воздвигнутыми для защиты. Такимъ же образомъ и пестрые іероглифы привлекаютъ взоры, но своею таинственностью отталкиваютъ пытливый умъ. Изображенія вашихъ многообразныхъ боговъ стоятъ повсюду; они неотразимо бросаются въ глаза, а между тѣмъ всякій догадывается, что они означаютъ нѣчто совершенно отличное отъ того, чему они служатъ изображеніемъ; что они суть только осязательныя воспроизведенія глубокихъ мыслей, едва доступныхъ пониманію немногихъ людей. Всюду возбуждается мое любопытство, но нигдѣ мое теплое сочувствіе всему прекрасному не находитъ пріятнаго удовлетворенія. Мой умъ желалъ бы проникнуть въ тайны вашихъ мудрецовъ, но сердце и пониманіе должны оставаться чуждыми тѣмъ основнымъ воззрѣніямъ, на которыхъ построены ваше мышленіе, существованіе и дѣйствія и которыя, повидимому, учатъ, что жизнь есть только короткій путь, ведущій къ смерти, а смерть, напротивъ того, надобно считать настоящею, истинною жизнію!

— И однако, жизнь, которую мы стараемся украшать шумными празднествами, и у насъ цѣнится въ полномъ ея значеніи, и у насъ боятся ужасовъ могилы и стараются избѣгнуть смерти. Наши врачи не пользовались бы такимъ уваженіемъ и великою извѣстностью, еслибы въ нихъ не признавали искусства продлить наше земное существованіе. Кстати: я вспомнилъ о

глазномъ лекарѣ Небенкари, котораго я послалъ царю въ Сузу. Поддержалъ ли онъ свою репутацію? довольны ли имъ?

— Подобный представитель дѣлаетъ честь наукѣ твоей страны, отвѣчалъ Крезъ.—Онъ же обратилъ вниманіе Камбиза на привлекательность твоей дочери. Небенкари помогъ не одному слѣпцу; но мать царя, къ несчастію, все еще лишена зрѣнія. Мы, впрочемъ, сожалѣемъ, что столь искусный человекъ умѣетъ лечить только одни глаза. Когда дочь царя, Атосса, заболѣла горячкою, то невозможно было уговорить Небенкари дать ей врачебный совѣтъ.

— Это очень естественно, потому что наши врачи лечатъ всегда только одну какую нибудь часть тѣла. У насъ есть лекаря ушные, зубные и глазные; врачи для леченія перелома костей, для внутреннихъ болѣзней. Ни одинъ зубной врачъ не можетъ, по древнимъ законамъ жрецовъ, лечить глухого, ни одинъ занимающійся болѣзнями костей, не можетъ лечить брюшныхъ страданій, хотя бы въ совершенствѣ понималъ внутреннія болѣзни ¹⁴³. Посредствомъ этого закона хотятъ достигнуть болѣе основательнаго изученія отдѣльныхъ отраслей медицинскои науки; вообще жрецы, къ числу которыхъ принадлежатъ и лекаря, занимаются науками съ весьма похвальнымъ рвеніемъ. Вонъ тамъ находится домъ верховнаго жреца Нейтотена, котораго познанія въ астрономіи и измѣреніяхъ восхвалялъ даже самъ Пеегоръ. Этотъ домъ граничитъ съ заломъ, ведущею въ храмъ богини Нейты, повелительницы Саиса. Мнѣ бы хотѣлось имѣть возможность показать тебѣ священную рошу съ ея великолѣпными деревьями, прекрасныя колонны святилища, которыхъ капители составляютъ подражаніе цвѣтамъ лотоса, ¹⁴⁴ и колоссальную гранитную часовню, которая, по моему приказанію, сдѣлана въ Элефантинѣ изъ одного цѣльнаго камня, чтобы посвятить ее богинѣ ¹⁴⁵. Къ сожалѣнію, жрецы просили меня не вести даже и *васъ* далѣе окружающихъ храмы стѣнъ и пилоновъ. Поидемъ теперь къ моей женѣ и къ моимъ дочерямъ; всѣ онѣ полюбили тебя и я желаю, чтобы ты полюбилъ бѣдную дѣвочку прежде, чѣмъ отправишься съ нею въ дальнюю страну и къ чужимъ людямъ, которыхъ царицею она должна сдѣлаться. Не правда-ли, ты примешь ее подъ свое покровительство?

— Будь увѣренъ въ этомъ, сказалъ Крезъ, отвѣчая на рукопожатіе Амазиса.—Я буду съ отеческою заботливостью поддерживать твою Нитетисъ, а она будетъ имѣть во мнѣ нужду, такъ какъ женскія комнаты персидскихъ дворцовъ имѣютъ весьма скользкій полъ. Впрочемъ къ ней будутъ относиться съ великимъ уваженіемъ. Камбизъ можетъ быть доволенъ своимъ

выборомъ и будетъ высоко цѣнить то, что ты довѣришь ему свое прекраснѣйшее дитя; хотя Тахота привлекательна не менѣе Нитетисъ, но все-таки ей недостаетъ того величія въ манерѣ, которымъ отличается послѣдняя и которое такъ идетъ будущей персидской царицѣ. Небенхари говорилъ только о твоей дочери Тахотѣ.

— А я все-таки отправляю свою прекрасную Нитетисъ; Тахота такъ хрупка и нѣжна, что врядъ ли перенесла бы трудности пути и печаль разлуки. Если бы я слушался внушеній своего сердца, то и Нитетисъ не слѣдовало бы отправляться въ Персію. Но Египетъ нуждается въ мирѣ, а я былъ царемъ прежде, чѣмъ сдѣлался отцомъ!

V.

Всѣ прочіе члены персидскаго посольства возвратились въ Саисъ со своей прогулки по Нилу къ пирамидамъ; только Прексаспъ, посланникъ Камбиза, уже находился на возвратномъ пути въ Персію, для того чтобы сообщить царю о благопріятномъ результатѣ сватовства.

Во дворцѣ Амависа было замѣтно всюду большое оживленіе. Свита Камбизова посланника, состоявшая почти изъ 300 чело-вѣкъ и знатные гости, которымъ оказывали всевозможное вниманіе, наполняли всѣ помѣщенія большого саисскаго дворца. Дворы переполнены были тѣлохранителями и сановниками, молодыми жрецами и рабами, въ богатѣйшихъ праздничныхъ одеждахъ.

По случаю даваемого въ этотъ день праздника въ честь помолвки своей дочери, царь хотѣлъ выставить въ особенно блистательномъ видѣ богатство и великолѣпіе своего двора.

Высокая, поддерживаемая пестрыми колоннами пріемная зала, обращенныя окнами въ садъ, потолокъ которой, расписанный голубою краскою, былъ усыянъ тысячею золотыхъ звѣздъ, представляла дѣйствительно обворожительное зрѣлище. По стѣнамъ, богато испещреннымъ картинами и іероглифическими знаками, висѣли лампы изъ цвѣтнаго папируса, распространявшія странный свѣтъ, подобный солнечнымъ лучамъ, просвѣчивающимъ сквозь цвѣтныя стекла. Пространство между стѣнами и колоннами было наполнено рѣдкими растеніями, пальмами, олеандрами, гранатами, апельсинными деревьями и розами, а за ними была скрыта невидимая толпа арфистовъ и флейтистовъ, встрѣчавшихъ гостей торжественными однообразными мелодіями.¹⁴⁶

Посреди комнаты, которой полъ былъ выложенъ бѣлыми и черными плитами, стояли красивыя столы съ холодными жареными, сладкими кушаньями, прекрасно убранными корзинами съ плодами и печеньями, золотыми кубками, стеклянными боулами и изящными цвѣточными вазами. Около этихъ столовъ толпилось множество богато одѣтыхъ рабовъ, которые, подъ надзоромъ домоправителя, разносили кушанья отдѣльными гостямъ, разговаривавшимъ частью стоя, частью сидя на дорожкахъ креслахъ.

Общество состояло изъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ. Входившимъ женщинамъ молодые жрецы, личные слуги царя, подавали изящныя букеты, и многіе знатные юноши являлись съ цвѣтами, которые они, во время пршества, не только представляли избранницамъ своего сердца, но даже подносили къ самому ихъ носу.

Египтяне, одѣтые также какъ и при приѣмѣ персидскихъ пословъ, были вѣжливы и даже раболѣпны относительно женщинъ, между которыми находилась, впрочемъ, весьма мало замѣчательныхъ красавицъ. У большинства изъ нихъ волосы были убраны по одному образцу, вся волнистая масса вѣбитыхъ и припеченныхъ щипцами волосъ спускалась назадъ, оставляя отъ себя напередѣ двѣ косы справа и слѣва, которыя, ниспадая съ обѣихъ сторонъ между глазамъ и ухомъ, спускались до самой груди. Широкая діадема придерживала эти прически, про которыя горничныя знали, что онѣ столь же часто были произведеніемъ искусства парикмахера, какъ и природы. Надъ проборокъ у многихъ придворныхъ дамъ былъ прикрѣпленъ цвѣтокъ лотоса, котораго стебель спускался на затылокъ.

Въ нѣжныхъ рукахъ, пальцы которыхъ были покрыты кольцами, а ногти, согласно египетскому обычаю, выкрашены красною краской,¹⁴⁷ онѣ держали опахала изъ пестрыхъ перьевъ, а верхняя часть и кисть руки, и нога у лодыжки были украшены золотыми и серебряными запястьями.

Одежды всѣхъ присутствовавшихъ египтянокъ были столь же прекрасны, какъ и драгоценны, въ особенности по нѣжности ткани, тонкой почти до прозрачности, и у нѣкоторыхъ были скроены такимъ образомъ, что оставляли непокрытою правую грудь.

Подобно тому, какъ между мужчинами отличался молодой персидскій князь, Бартія, Нятетисъ, дочь фараона, красотою превосходила всѣхъ египтянокъ. Царственная дѣвушка въ своемъ прозрачномъ ярко-розовомъ платьѣ, со свѣжими розами въ черныхъ волосахъ, ходившая рядомъ со своею одинаково одѣтою

сестрою, была блѣдна, какъ цвѣтокъ лотоса, украшавшій голову ея матери.

Царьца Ладиса, ¹⁴⁸ гречанка по происхожденію, дочь Ваттоса Биренскаго, находилась около Амазиса и подводила молодыхъ персіянь къ своимъ дѣтямъ. Легкая кружевная накладка покрывала затканную золотомъ пурпурную ткань ея платья. На прекрасной ея головѣ греческаго типа была надѣта золотая змѣя—головной уборъ египетскихъ царицъ ¹⁴⁹. Ея лицо было столь же благородно какъ и привѣтливо, и каждое движеніе ея показывало, что она обладаетъ тою граціей, которую въ состояніи дать только эллинское воспитаніе.

Послѣ смерти своей второй жены, египтянки Тентхеты, ¹⁵⁰ матери наслѣдника престола Псамметиха, Амазисъ выбралъ эту женщину, вслѣдствіе своего пристрастія къ грекамъ и наперекоръ сопротивленію жрецовъ.

Дѣѣ помѣстившіяся около Ладисы дѣвушки, Тахоть и Нитетись, считались близнецами, но въ нихъ не видно было никакого слѣда того сходства, которое вообще привыкли находить въ близнецахъ.

Тахоть была блондинна съ голубыми глазами, ¹⁵¹ небольшого роста и стройнаго сложенія, между тѣмъ какъ Нитетись высокая и полная, съ черными глазами и волосами, каждымъ движеніемъ своимъ заявляла о своемъ происхожденіи изъ царскаго дома.

— Какъ ты блѣдна, дочь моя, проговорила Ладиса, цалуя Нитетись въ щеку. Будь весела и смотри съ увѣренностью на будущее. Я привела къ тебѣ брата твоего будущаго супруга, благороднаго Бартію.

Нитетись подняла свои выразительные, темные глаза и устремляла долгій, испытующій взглядъ на прекраснаго юношу. Послѣдній низко поклонился, поцаловалъ одежду вспыхнувшей дѣвушки и сказалъ:

— Привѣтствую тебя, какъ мою будущую царицу и сестру! Я совершенно вѣрю, что у тебя сжимается сердце при прощаніи съ родной, родителями, братьями и сестрами; но не унывай, потому что твой будущій мужъ великій герой и могущественный царь; наша мать Кассандана—благороднѣйшая изъ женщинъ, а женская красота и добродѣтель уважается у персовъ подобно свѣту солнца, заливающему жизнь. Тебя же сестра лилии Нитетась, которую я рядомъ съ нею желалъ бы назвать «розою», я прошу простить меня за то, что мы пришли лишить тебя дорогой подруги.

Взоры юноши впались при этихъ словахъ въ голубыя очи

прекрасной Тахоты, которая, приложивъ руку къ сердцу, молча поклонилась, и еще долго глядѣла вслѣдъ Бартіа, когда Амазисъ увелъ его съ собою, чтобы указать ему на стулъ противъ танцовщицъ, которыя только что начали показывать свое искусство для увеселенія гостей. Одежда этихъ дѣвушекъ состояла только изъ одной легкой юбки и ихъ гибкія фигуры кружились и извивались подъ звуки арфы и тамбуриновъ. Затѣмъ выступили на сцену египетскіе пѣвцы и фокусники¹⁵² со своими забавными штуками.

Наконецъ нѣкоторые придворные, оставивши въ хмѣлю свое торжественную сдержанность¹⁵³, вышли изъ залы. Женщины, въ сопровожденіи рабовъ, съ факелами, отправились домой въ пестрыхъ носилкахъ; только военные начальники, персидскіе послы и нѣкоторые сановники, въ особенности друзья Амазиса, были удержаны домоправителемъ и введены въ великолѣпно убранную комнату, гдѣ стоялъ столъ, приготовленный на греческій манеръ съ громаднымъ, врасовавшимся посреди его сосудомъ для смѣси вина съ водою, и приглашавшимъ къ ночному кутежу.

Амазисъ сидѣлъ на высокомъ креслѣ¹⁵⁴ во главѣ стола; съ лѣвой стороны у него находился молодой Бартіа, а съ правой престарѣлый Крезъ. Кромѣ его и близкихъ къ царю лицъ, здѣсь находились уже знакомые намъ друзья Поликрата, Теодоръ и Ивигъ, а также новый начальникъ эллинской царской стражи Аристомакъ.

Амазисъ, который еще такъ недавно велъ разговоръ съ Крезомъ, теперь сыпалъ самыми ѣдкими шутками. Казалось, будто онъ снова превратился въ безумно-веселаго незначительнаго офицера и смѣлаго кутягу прежнихъ временъ.

Съ какимъ-то испрометнымъ юморомъ онъ сыпалъ шутками и остротами, поддразнивая своихъ собесѣдниковъ и подсмѣиваясь надъ ними. Громкій, часто вынужденный уваженіемъ къ царской особѣ, смѣхъ раздавался въ отвѣтъ на его шутки; кубокъ осушался за кубкомъ, и ликованіе достигло своего апогея, когда царскій домоправитель появился съ маленькою вызолоченною мумією и, показывая ее гостямъ, воскликнулъ:

— Пейте, шутите и веселитесь, потому что слишкомъ скоро вы сдѣлаетесь подобными вотъ этой муміи.¹⁵⁵

— Это напоминовеніе о смерти во время пиршествъ вѣроятно вошло у васъ въ обычай? спросилъ у царя Бартіа, сдѣлавшись серьезнѣе, — или же это твой домоправитель позволяетъ себѣ сегодня эту шутку?

— Съ древнѣйшихъ временъ, отвѣчалъ Амазисъ, принято

указывать на подобныя муміи, для сильнѣйшаго возбужденія веселости пирующихъ, и для напоминанія имъ, чтобы они спѣшили наслаждаться, пока есть время. У тебя, молодого мотылька, еще много радостныхъ лѣтъ впереди; но мы, старые люди, другъ Крезъ, должны серьезно относиться къ этому напоминанію. Виночерпій, поскорѣй наполняй наши кубки, чтобы ни одна минута жизни не проходила бесполезно! Какъ ты умѣешь пить, златоудрнй персь! Право, великіе боги даровали тебѣ такую же здоровую глотку какъ прекрасные глаза и цвѣтущую красоту. Дай поцаловать себя, очаровательный юноша, негодный мальчишкѣ! Моя дочь Тахоть не говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ объ этомъ молокососѣ, который вскружилъ ей голову сперва нѣжными взглядами, а потомъ чарующими словами. Ну нечего тебѣ краснѣть, юный вѣтрогонъ! Мужчина, подобный тебѣ, имѣетъ право заглядываться на царскихъ дочерей; но будь ты даже самъ Киръ, твой отецъ, то и въ такомъ случаѣ я не отпустилъ бы Тахоть въ Персію!

— Отецъ! тихо шепнулъ королю наслѣдникъ престола Псамметихъ, прерывая его рѣчь. — Отецъ, удержи свой языкъ и вспомни о Фанесѣ.

Царь окинулъ сына мрачнымъ взглядомъ, его веселое настроеніе было парализовано точно какой-то судорогой, и за тѣмъ онъ только изрѣдка вмѣшивался въ разговоръ, дѣлавшійся все болѣе и болѣе всеобщимъ.

Аристомахъ, сидѣвшій наискось противъ Креза, непрерывно наблюдалъ за персами, не говоря ни слова и не отвѣчая смѣхомъ на шутки Амазиса. Какъ только умолкъ фараонъ, онъ съ живостью обратился къ Крезу и спросилъ:

— Мнѣ желательно было бы знать, лидіецъ, покрывалъ ли снѣгъ горы въ то время, когда вы покинули Персію?

Удивленный этими странными словами, Крезъ съ улыбкой отвѣчалъ:

— Большая часть персидскихъ горъ были покрыты зеленью когда мы четыре мѣсяца тому назадъ отправились въ Египеть; но въ царствѣ Камбиза есть также вершины, на которыхъ даже въ самое жаркое время года не таетъ снѣгъ,¹⁵⁶ и они свергали свою бѣлизною, когда мы спускались съ нихъ.

Лицо спартанца видимо прояснилось. Крезъ, которому понравился этотъ серьезный человѣкъ, спросилъ у него объ его имени.

— Меня зовутъ Аристомахомъ.

— Твое имя не безъизвѣстно мнѣ.

Т. ССVII.—Отд. I.

— Ты зналъ многихъ эллиновъ, а многіе имѣютъ одно имя со мною.

— Судя по твоему діалекту, ты принадлежишь къ дорійскому племени; не спартанецъ ли ты?

— Я былъ имъ.

— А теперь?

— Тотъ, кто покидаетъ отечество безъ позволенія, повиненъ смерти.

— Ты добровольно покинулъ родину?

— Да.

— Зачѣмъ?

— Чтобы избавиться отъ позора.

— Что же ты сдѣлалъ дурного?

— Ничего.

— Поэтому тебя несправедливо обвинили въ преступленіи?

— Да.

— А кто былъ причиною твоего несчастія?

— Ты.

Крезъ привскочилъ на своемъ мѣстѣ. Серьезный тонъ и мрачное лицо спартанца устраняли всякую мысль о шуткѣ.

Сосѣди обонхъ, вслушивавшіеся въ странный разговоръ, также испугались и просили Аристомаха объяснить его странное заявленіе.

Спартанецъ колебался. Было видно, что ему непріятно говорить; но наконецъ, когда и царь сталъ просить его рассказать въ чемъ дѣло, онъ началъ такимъ образомъ:

«Ты, Крезъ, слѣдуя изрѣченію оракула,¹⁵⁷ избралъ насъ, мекедмонцевъ, какъ самыхъ могущественныхъ изъ эллиновъ, въ союзники противъ могущества персовъ, и подарилъ намъ золото для храма Аполлона Гермеса, на горѣ Форнаксѣ. Поэтому эфоры рѣшили подарить тебѣ громадный, искусно сдѣланный изъ мѣди сосудъ для смѣшаннаго напитка. Для врученія его тебѣ избрали меня. Прежде, чѣмъ мы достигли Сардеса, корабль нашъ погибъ отъ бури и вмѣстѣ съ нимъ сосудъ. Мы спасли только свою жизнь и добрались до Самоса. Когда мы возвратились на родину, то на меня взвели обвиненіе, будто я продалъ корабль и сосудъ самосскимъ купцамъ. Но такъ какъ меня не могли уличить, а между тѣмъ хотѣли погубить, то я былъ приговоренъ простоять два дня и двѣ ночи у позорнаго столба. Прежде, чѣмъ занялось утро моего безчестія, явился мой братъ, и тайно передалъ мнѣ мечъ. Я долженъ былъ лишить себя жизни, во избѣжаніе позора. Я не могъ умереть. такъ какъ долженъ былъ еще отомстить моимъ врагамъ; по-

этому я самъ отрубилъ прикованную ногу отъ колѣна и спря- тался въ тростникахъ Эвротаса. Братъ тайно приносилъ мнѣ пищу и питье. Черезъ два мѣсяца я могъ уже ходить вотъ на этой деревяшкѣ. Аполлонъ принялъ на себя мою месть, потому что чума истребила моихъ злѣйшихъ противниковъ. Не смотря на ихъ смерть, я не могъ возвратиться. Въ Гноіумѣ я, на- конецъ, сѣлъ на корабль, для того, чтобы вмѣстѣ съ тобою, Крезъ, сражаться въ Сардесѣхъ противъ персовъ. Когда я при- сталъ къ берегу въ Теосѣ, то узналъ, что ты уже болѣе не царь. Могущественный Киръ, отецъ этого прекраснаго юноши, въ нѣсколько недѣль покорилъ сильную Лидію и превратилъ въ нищаго богатѣйшаго изъ царей.

Всѣ пирующие съ удивленіемъ глядѣли на серьезнаго война. Крезъ пожалъ его грубую руку, а молодой Бартія воскликнулъ:

— По истинѣ, спартаецъ, мнѣ хотѣлось бы взять тебя съ собою въ Сузу, чтобы показать моимъ друзьямъ, что я видѣлъ храбрѣйшаго и честнѣйшаго изъ людей!

— Повѣрь мнѣ, юноша, съ улыбкой отвѣтилъ Аристомахъ, что каждый спартаецъ поступилъ бы подобно мнѣ. Въ нашей странѣ надобно имѣть болѣе мужества для того, чтобы быть трусомъ, чѣмъ для того, чтобы быть храбрымъ.

— А ты, Бартія, воскликнулъ Дарій, двоюродный братъ пер- сидскаго царя:—развѣ вынесъ бы позоръ—стоять у столба?

Бартія покраснѣлъ, но было видно, что и онъ предпочелъ бы смерть позору.

— А ты, Зопиръ? спросилъ Дарій, обращаясь къ третьему изъ молодыхъ персовъ.

— Я изъ одной любви къ вамъ изувѣчилъ бы себя, ¹⁵⁸ вос- воскликнулъ этотъ послѣдній и пожалъ подъ столомъ руки двухъ своихъ друзей.

Псамметихъ смотрѣлъ на юныхъ героевъ съ насмѣшкою, Крезъ, Гигесъ и Амазисъ съ величайшимъ доброжелательствомъ; египтяне выразительно переглядывались, а спартаецъ весело цосмѣивался.

Теперь Ивигъ разсказалъ объ изрѣченіи оракула, пророчив- шаго Аристомаху возвращеніе на родину при приближеніи лю- дей со снѣжныхъ вершинъ, и при этомъ упомянулъ о госте- приимномъ домѣ Родописъ.

Псамметихъ сдѣлался безпокоенъ при произнесеніи этого имени; Крезъ выразилъ желаніе познакомиться съ престарѣлою еракіанкою, о которой Эвопъ разсказывалъ ему много хоро- шаго, и когда гости, большею частію упившіеся до безчувствія, покинули залу, то сверженный съ престола царь, поэтъ, скульп-

торъ и спартанскій герой стоворились на другой день отпра-
виться въ Наукратись, чтобы насладиться разговоромъ съ Ро-
дописъ.

VI.

Въ ночь послѣ описаннаго пиришества царь Амазисъ имѣлъ едва три часа отдыха. Какъ въ другіе дни, и на этотъ разъ при первомъ крикѣ пѣтуковъ, молодые жрецы разбудили его, повели въ ванну, одѣли въ царское облаченіе и сопровождали къ алтарю на двѣрцовый дворъ, гдѣ онъ, въ виду народа, принесъ на алтарь обычную жертву; между тѣмъ какъ верховный жрецъ громкимъ голосомъ пѣлъ молитвы, исчислялъ добродѣтели царя и для того, чтобы отклонить отъ особы властителя всякое порицаніе, возлагалъ всю отвѣтственность за грѣхи, совершенныя имъ по невѣденію, на его дурныхъ совѣтниковъ.

Какъ и всегда, жрецы, поддѣрживая его въ добродѣтеляхъ, укваривали творить добро, читали ему полезныя книги и совѣты великихъ людей изъ священныхъ книгъ и отвели его въ его комнаты, гдѣ собраны были доклады и донесенія изъ всѣхъ мѣстностей государства. ^{159.}

Эти церемоніи, повторявшіяся каждый день, Амазисъ соблюдалъ неуклонно, и также добросовѣстно посвящалъ всѣ назначенныя часы работъ, но за то позднѣйшую часть дня проводилъ, по своему усмотрѣнію, преимущественно въ веселомъ обществѣ.

Поэтому жрецы упрекали его въ томъ, что онъ ведетъ не царскую жизнь; но онъ однажды отвѣтилъ разгнѣванному верховному жрецу: «Посмотри на этотъ лукъ; если ты станешь постоянно натягивать его, то онъ вскорѣ утратитъ свою силу; а если ты будешь употреблять его въ дѣло только въ теченіе одной половины дня, и затѣмъ дашь ему отдыхъ, то онъ останется крѣпкимъ и годнымъ къ употребленію до тѣхъ поръ, пока не лопнетъ тетива.» ¹⁶⁰

Амазисъ только что успѣлъ подписать послѣдній докладъ, заключающій въ себѣ благопріятный отвѣтъ на просьбу одного номарха ¹⁶¹ о выдачѣ денегъ на береговыя постройки, ¹⁶² омазавшіяся необходимыми, вслѣдствіе наводненія, когда слуга доложилъ ему, что наследникъ престола Псамметихъ проситъ своего отца удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора.

Амазисъ, находившійся въ отличномъ расположеніи духа по случаю благопріятныхъ извѣстій изъ всѣхъ частей государства, весело привѣтствовалъ вошедшаго, но вдругъ сдѣлался серьез-

нимъ и задумчивымъ. Наконецъ, послѣ продолжительной паузы, онъ воскликнулъ:

— Поди и проси царевича войти.

Псамметихъ, какъ всегда блѣдный и мрачный, переступая черезъ отеческій порогъ, отвѣсилъ глубокой и почтительный поклонъ.

Амазисъ отвѣтилъ ему нѣмымъ знакомъ; потомъ спросилъ отрывисто и строго:

— Чего тебѣ нужно отъ меня? Мое время съ точностью размѣрено.

— Въ особенности для твоего сына, отвѣчалъ Псамметихъ, при чемъ губы его задрожали.—Семь разъ я просилъ у тебя великой милости, которую ты наконецъ даровалъ мнѣ сегодня.

— Оставь упреки! Я догадываюсь о причинѣ твоего прихода. Я долженъ разъяснить твои сомнѣнія относительно происхожденія Нитетисъ.

— Я не любопытенъ и пришолъ скорѣе для того, чтобы предупредить тебя и напомнить, что кромѣ меня еще существуетъ другой, которому извѣстна эта тайна!

— Фанесъ?

— А кто-же иной? Онъ, изгнанный изъ Египта и изъ собственного отечества, черезъ нѣсколько дней покинетъ Наукра- тисъ. Кто ручается тебѣ въ томъ, что онъ не выдастъ насъ персамъ?

— Доброта и дружба, которую я всегда оказывалъ ему.

— Такъ ты вѣришь въ благодарность людей?

— Нѣтъ, но я довѣряю своей способности распознавать ихъ. Фанесъ не измѣнитъ намъ! Повторяю тебѣ, онъ мой другъ.

— Можетъ быть *твоей* другъ, но *мой* смертельный врагъ.

— Такъ и остерегайся его. Мнѣ-же нѣчего опасаться съ его стороны.

— Не тебѣ, но нашему отечеству! О, отецъ, подумай о томъ, что, если я и ненавиственъ тебѣ, какъ твой сынъ, то я всетаки долженъ быть близокъ твоему сердцу, какъ будущность Египта. Подумай, что послѣ твоей смерти, отъ которой да избавятъ тебя боги на многія лѣта, — я, какъ и ты теперь, буду представлять собою настоящее этой дивной страны, что мое низверженіе въ будущемъ сдѣлается равносильно паденію твоего дома и гибели Египта!

Амазисъ становился все серьезнѣе, между тѣмъ, какъ Псамметихъ съ жаромъ продолжалъ:

— Ты долженъ согласиться и согласишься, что я правъ! Въ рукахъ у этого Фанеса есть возможность предать нашу страну

каждому иноземному врагу, потому что онъ знаетъ ее такъ-же хорошо, какъ мы съ тобой; дажѣ, въ его груди скрыта тайна, разоблаченіе которой можетъ превратить могущественнѣйшаго изъ нашихъ друзей въ страшнѣйшаго врага.

— Ты ошибаешься! Нитетисъ, хотя и не мое дитя, но все-таки дочь царя и съумѣетъ расположить къ себѣ сердце мужа.

— Если-бы она даже была дочерью какого-либо изъ боговъ, то и тогда Камбизъ, узнавъ тайну, сдѣлался-бы нашимъ врагомъ; вѣдь ты знаешь, что у персовъ ложь считается величайшимъ преступленіемъ¹⁶⁸, а сдѣлаться жертвою обмана—позоромъ. Ты же обманулъ самаго гордаго и могущественнѣйшаго изъ нихъ; и что будетъ въ состояніи сдѣлать одинокая, неопытная дѣвушка тамъ, гдѣ благосклонности владыки добивается сотня женщинъ, искушенныхъ во всевозможныхъ коварствахъ?

— Неправда-ли, что ненависть и мстительность—лучшіе наставники въ краснорѣчіи? рѣзкимъ голосомъ спросилъ Амазисъ. Неразумный сынъ, неужели ты думаешь, что я затѣялъ такую опасную игру безъ зрѣлаго обсуждения всѣхъ обстоятельствъ? Пусть Фанесъ хоть сегодня расскажетъ персамъ то, чего онъ даже хорошенько не знаетъ, о чемъ онъ можетъ только догадываться, и чего никакъ не въ состояніи доказать! Я—отецъ и Ладиса—мать лучше всего должны знать кто наше дитя. Оба мы называемъ Нитетисъ нашею дочерью; кто-же осмѣлится утверждать, что это не правда? — Если Фанесъ захочетъ раскрыть передъ другимъ врагомъ, кромѣ персовъ, слабыя стороны нашего государства, то пусть дѣлаетъ это; я не боюсь никого! Неужели ты хочешь уговорить меня согласиться на гибель человѣка, которому я за многое обязанъ благодарностью, который вѣрно прослужилъ мнѣ десять лѣтъ и ничѣмъ не оскорбилъ меня? Говорю тебѣ, что я вмѣсто того, чтобы сдѣлать ему зло, готовъ защитить его отъ твоей мести, грязный источникъ которой мнѣ извѣстенъ.

— Отецъ!

— Ты хочешь погубить этого человѣка потому, что онъ по-мѣшалъ тебѣ насильно завладѣть внучкою еракіянин Родописъ изъ Наукратиса, потому что я назначилъ его главнокомандующимъ, когда ты оказался неспособнымъ. Ты блѣднѣешь? Право, я благодаренъ Фанесу за то, что онъ предупредилъ меня относительно твоихъ постыдныхъ плановъ и вслѣдствіе этого далъ мнѣ случай еще болѣе привязать къ себѣ людей, составляющихъ опору моего престола, и которымъ Родописъ очень дорога:

— Отецъ, какъ можешь ты превозносить такимъ образомъ иноземцевъ и забывать о древней славѣ египтянъ! Брани меня,

сколько тебѣ угодно; я знаю, что ты не любишь меня, но не говори, что мы нуждаемся въ чужеземцахъ для своего величія. Оглянись на нашу исторію! Когда были мы всего могущественнѣе? Въ то время, когда для всѣхъ иноземцевъ безъ исключенія былъ воспрещенъ доступъ въ наше государство; когда мы, стоя на собственныхъ ногахъ, вѣруа въ собственныя силы, жили согласно древнимъ законамъ нашихъ отцовъ и боговъ. Тѣ времена были свидѣтелями дѣятельности Рамзеса Великаго ¹⁶⁴, который подчинилъ нашему побѣдоносному оружію самыя отдаленныя народы; тѣ времена слышали, какъ весь міръ называлъ Египетъ первою величайшею страню въ мірѣ. А что такое мы теперь? Изъ собственныхъ твоихъ царскихъ устъ я слышу, что ты называешь чужеземныхъ нищихъ и проходимцевъ «опорою государства»; я вижу, какъ ты, царь, приготавлиаешь недостойный обманъ для того, чтобы пріобрѣсти дружбу народа, надъ которымъ мы одерживали великія побѣды ¹⁶⁵ до тѣхъ поръ, пока иностранцы не появились на берегахъ Нила. Земля египетская была богато убранною, могущественною царицею, а теперь она — разурянная и обвѣшенная мишурнымъ золотомъ развратница!

— Придержи свой языкъ! воскликнулъ Амазисъ, топнувъ ногой:—Египетъ никогда не зналъ такого процвѣтанія и величія, какъ теперь! Рамзесъ перенесъ наше оружіе въ дальнія страны и сдѣлалъ посредствомъ его кровавыя пріобрѣтенія; но я добился того, что произведенія нашихъ рукъ отправляются на отдаленнѣйшія окраины свѣта и вмѣсто крови приносятъ намъ сокровища и благосостояніе. Рамзесъ заставлялъ своихъ подданныхъ проливать потоки крови и пота, для славы своего имени, а я достигъ того, что въ моемъ государствѣ кровь проливается съ расчетомъ, а потъ только при полезныхъ работахъ, и что каждый гражданинъ можетъ окончить свое земное поприще въ безопасности, счастіи и благосостояніи. На берегахъ Нила находятся теперь десять тысячъ ¹⁶⁶ густо населенныхъ мѣстъ, не осталось ни одного фута необработанной земли, ни одинъ ребенокъ въ Египтѣ не лишонъ благодѣяній права и закона, ни одинъ злодѣй не можетъ ускользнуть отъ бдительнаго взора властей. А если-бы на насъ напали враги, то, кромѣ нашихъ крѣпостей и другихъ средствъ обороны ¹⁶⁷, дарованныхъ намъ самими богами, т. е. водопадовъ, морей и пустыни, мы имѣемъ для защиты отличнѣйшихъ бойцовъ, когда-либо носившихъ оружіе — тридцать тысячъ эллиновъ, кромѣ египетской касты воиновъ. Таковы дѣла въ нашемъ Египтѣ! Нѣкогда онъ заплатилъ Рамзесу кровавыми слезами за мишур-

ный блескъ пустой славы. Неподдѣльнымъ золотомъ истиннаго гражданскаго счастья и мирнаго благосостоянія онъ обязанъ мнѣ и моимъ предшественникамъ, самскимъ царямъ!

— А всетаки я говорю тебѣ, воскликнулъ наследникъ, что Египетъ — дерево, въ жизненныхъ волокнахъ котораго завелась смертоносная червоточина. Стремленіе и погоня за золотомъ, за роскошью и блескомъ испортило всѣ сердца. Пышность иноземцевъ нанесла смертельный ударъ простымъ нравамъ нашихъ гражданъ. Часто приходится слышать, какъ египтяне, совращенные эллинами, насмѣхаются надъ древними богами; раздоръ и ссоры разъединяютъ касты жрецовъ и воиновъ. Ежедневно доносятъ о кровавыхъ побоищахъ между эллинскими наемниками, египетскими воинами, иностранцами и туземцами. Пастыръ и стадо ведутъ борьбу другъ съ другомъ; одинъ жерновъ государственной мельницы стираетъ другой, пока все зданіе не рассыплется прахомъ. Да, отецъ мой, если я не буду говорить сегодня, то мнѣ никогда не придется этого сдѣлать, и я, наконецъ, долженъ высказать то, что тяготитъ мое сердце! Во время твоей борьбы съ почтеннымъ сословіемъ нашихъ жрецовъ, лучшей опорой престола, ты спокойно смотрѣлъ, какъ юное могущество персовъ, подобное чудовищу, поглощающему народы и дѣлающемуся все прожорливѣе и сильнѣе послѣ всякой новой жертвы, подвигалось съ Востока на Западъ. вмѣсто того, чтобы подоспѣть на помощь индійцамъ и вавилонянамъ, какъ ты сначала намѣревался сдѣлать, ты помогалъ грекамъ строить храмы для ихъ ложныхъ боговъ. Но, когда, наконецъ, всякое сопротивленіе оказалось невозможнымъ, когда Персія подчинила себѣ полміра и, сдѣлавшись непобѣдимой, могла требовать отъ всѣхъ царей чего хотѣла, тогда бессмертные боги, повидному, еще разъ заохотили подать тебѣ руку помощи, для спасенія Египта. Камбизъ посватался за твою дочь; но ты, будучи слишкомъ слабъ для того, чтобы пожертвовать собственнымъ ребенкомъ для всеобщаго благополучія, послышавши великому царю подставную невѣсту и по своей слабохарактерности щадишь иноземца, который держитъ въ своихъ рукахъ счастье и гибель твоего государства, если оно не рухнетъ уже раньше, подточенное внутреннимъ раздоромъ!

До сихъ поръ Амазисъ, блѣдный и дрожащій отъ гнѣва, вслушивалъ порицаніе всего, что было наиболѣе дорого его сердцу. Но теперь онъ уже не могъ молчать и голосомъ, раздавшимся по огромной комнатѣ подобно трубному звуку, воскликнулъ:

— Знаешь-ли ты, чьимъ существованіемъ я долженъ былъ-

бы пожертвовать, если-бы жизнь моихъ дѣтей и существованіе основаннаго мною царскаго дома не были для меня дороже благоденствія этой страны? Извѣстенъ-ли тебѣ, хвастливый истительный сынъ злополучія, тотъ человѣкъ, который сдѣлаетъ разрушителемъ этого прекраснаго древняго царства? Это ты самъ, Псамметихъ, отмѣченный богами и внушающій ужасъ людямъ, ты, сердце котораго не знаетъ любви, грудь—дружбы, лицо—улыбки, а душа—состраданія! Проклятіе боговъ одарило тебя пагубнымъ характеромъ и вражда безсмертныхъ ниспосылаетъ дурной конецъ твоимъ начинаніямъ. Слушай-же теперь, такъ какъ я долженъ высказать то, о чемъ я такъ долго умалчивалъ, вслѣдствіе родительской слабости. Я свергнулъ своего предшественника и принудилъ его вѣдать за меня свою сестру Тентхету. Она полюбила меня и черезъ годъ я имѣлъ надежду сдѣлаться отцомъ. Въ ночь, предшествовавшую твоему рожденію, я уснулъ, сидя у кровати моей жены. Тогда мнѣ приснилось, что твоя мать лежитъ на берегу Нила. Она жаловалась мнѣ на боль въ груди. Я наклонился къ ней и увидалъ, что изъ ея сердца выростаетъ кипарисъ. Дерево дѣлалось все больше, шире и темнѣе; а корни обвились вокругъ твоей матери и задушили ее. Я похолодѣлъ отъ ужаса. Я хотѣлъ бѣжать, но вдругъ съ востока поднялся страшный ураганъ, опрокинувшій кипарисъ, такимъ образомъ, что его широкія вѣтви погрузились въ волны Нила. Тогда рѣка остановилась въ своемъ теченіи, ея вода отвердѣла и вмѣсто рѣки предо мною лежала громадная мумія. Прибрежные города принизились и превратились въ большія погребальныя урны, которыя, точно въ могилѣ, окружали громадный трупъ Нила. Тутъ я проснулся и велѣлъ призвать снотолкователей. Ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ объяснить удивительный сонъ; наконецъ, жрецы Аммона Ливійскаго объявили мнѣ слѣдующее толкованіе: «Тентхета лишилась жизни вслѣдствіе рожденія сына. Этого сына, мрачнаго, злобнаго человѣка изображаетъ кипарисъ, удушившій свою мать. Во время его правленія народъ съ востока превратитъ Ниль, т. е. египтянъ, въ трупы, а ихъ города въ груды развалинъ, изображаемыя погребальными урнами».

Псамметихъ, подобно мраморному изваянію, стоялъ напротивъ отца, между тѣмъ какъ послѣдній продолжалъ:

— Твоя мать умерла, давъ тебѣ жизнь, на твоихъ вискахъ видѣлись ярко-красные волосы, знакъ сыновъ Тиэона¹⁶⁰; выросши, ты сдѣлался мрачнымъ человѣкомъ;—несчастіе преслѣдовало тебя, такъ какъ ты лишился любимой жены и четырехъ дѣтей. Подобно тому, какъ я рожденъ подъ счастливымъ знакомъ Ам-

мона, ты, по вычисленіямъ астрологовъ, рожденъ при выхожденіи ужасной планеты Себъ ¹⁶⁹; ты...

Амазисъ прервалъ свою рѣчь, потому что Псамметихъ, подавленный тяжестью всѣхъ ужасовъ, которыхъ наслушался, упалъ и воскликнулъ скорѣе стоная, чѣмъ говоря:

— Перестань, жестокій отецъ, и умолчи по крайней мѣрѣ о томъ, что я единственный въ Египтѣ сынъ, невинно преслѣдуемый ненавистью родного отца!

Амазисъ посмотрѣлъ на блѣднаго человѣка, упавшаго къ его ногамъ и скрывавшаго лицо въ складкахъ его платья. Его быстро возгорѣвшійся гнѣвъ превратился въ состраданіе. Отъ почувствовалъ, что былъ слишкомъ жестокъ, что своимъ разсказомъ бросилъ въ душу Псамметиха ядовитую стрѣлу и вспомнилъ объ умершей, сорокъ лѣтъ тому назадъ, матери несчастнаго. Въ первый разъ съ давнихъ поръ онъ взглянулъ какъ отецъ и утѣшитель на эту мрачную личность, отталкивавшую всякое изъясненіе любви и столь чуждую ему по всѣмъ своимъ возрѣніямъ. Его нѣжному сердцу теперь въ первый разъ представлялась возможность осушить слезы въ глазахъ сына, всегда дышавшихъ такою холодностью. Съ радостною поспѣшностью воспользовался онъ этимъ случаемъ, и, нагнувшись къ стонущему Псамметиху, напечатлѣлъ на челѣ его поцалуй, поднял его и проговорилъ мягкимъ голосомъ:

— Прости мой порывъ, любовный сынъ. Нехорошія слова, оскорбившія тебя, вырвались не изъ сердца Амазиса, а изъ пасти бѣшенства. Ты въ теченіи многихъ лѣтъ раздражалъ меня своею холодностью, жестокостью, своимъ упрямствомъ и отталкивающимъ обращеніемъ. Сегодня ты оскорбилъ меня въ моихъ священнѣйшихъ чувствахъ, поэтому я и увлекся порывомъ гнѣва. Теперь все будетъ хорошо между нами. Хотя мы слишкомъ различны по характерамъ для того, чтобы наши сердца могли слиться самымъ нѣжнымъ образомъ, но отнынѣ мы будемъ дѣйствовать единодушно и дѣлать уступки другъ другу.

Псамметихъ, молча поклонившись, поцаловалъ платье отца.

— Нѣтъ, не такъ, воскликнулъ послѣдній:— поцалуй меня въ губы. Вотъ это другое дѣло, такъ должно быть между отцомъ и сыномъ! Чтоже касается до днаго сна, о которомъ я разсказывалъ тебѣ, то не безпокойся. Сны—обманчивыя видѣнія, но если они дѣйствительно ниспосылаются богами, то ихъ истолкователи подвержены человѣческимъ заблужденіямъ. Твои руки все еще дрожать и твои щоки такъ же бѣлы, какъ твоя полотняная одежда. Я былъ жестокъ къ тебѣ, болѣе жестокъ, чѣмъ отецъ...

— Болѣе жестоко, чѣмъ позволено быть чужому относительно чужого, прервалъ царя наслѣдникъ. Ты сломилъ и уничтожилъ меня, и если до сихъ поръ на моемъ лицѣ рѣдко появлялась улыбка, то отнынѣ она будетъ зеркаломъ бѣдствія.

— Нѣтъ, сказалъ Амазисъ, положивъ руку на плечо сына. Если я нанесъ раны, то имѣю средства залечить ихъ. Выскажи мнѣ самое пламенное желаніе твоего сердца — и оно будетъ исполнено!

Глаза Псамметиха свергнули, блѣдно розовый отблескъ появился на его мертвенномъ лицѣ и онъ отвѣтилъ, не задумываясь, такимъ голосомъ, въ которомъ еще отзывалось потрясеніе, испытанное имъ въ послѣднія минуты:

— Отдай мнѣ Фанеса, моего врага.

Царь оставался нѣкоторое время погруженнымъ въ задумчивость, затѣмъ онъ сказалъ:

— Я буду принужденъ исполнить твое требованіе, но мнѣ было бы пріятнѣе, если бы ты потребовалъ половину моей казны. Тисячи голосовъ въ глубинѣ моей души шепчутъ мнѣ, что я намѣреваюсь сдѣлать, нѣчто не достойное меня, что сдѣлается пагубнымъ для меня, для тебя и для цѣлаго государства. Обдумай еще разъ прежде, нежели начнешь дѣйствовать; но я предупреждаю тебя, какія бы ни были твои намѣренія относительно Фанеса, съ головы у Родописъ не долженъ быть тронутъ ни одинъ волосъ; ты также долженъ позаботиться о томъ, чтобы преслѣдованіе моего бѣднаго друга осталось тайною, въ особенности для грековъ. Гдѣ я найду полководца, совѣтника и собесѣдника, подобнаго ему? Но онъ еще не находится въ твоей власти и поэтому я напомню тебѣ, что если ты хитеръ, какъ египтянинъ, то и Фанесъ хитеръ, какъ эллина! Въ особенности помни свою клятву отказаться отъ всякой мысли о внучкѣ Родописъ. Надѣюсь, что замѣнъ, который я тебѣ предлагаю, стоитъ принять; если я не ошибаюсь, то месть для тебѣ дороже любви. Что-же касается Египта, то повторяю тебѣ, что мое царство никогда не было счастливѣе, нежели теперь. Утверждать противное не приходитъ никому въ голову, кромѣ недовольныхъ жрецовъ и людей, бессознательно повторяющихъ ихъ слова. Ты также хотѣлъ бы узнать исторію происхожденія Нитетисъ? И такъ, слушай; твой собственный интересъ долженъ заставить тебя молчать!

Псамметихъ съ напряженнымъ любопытствомъ слушалъ разсказъ отца и когда послѣдній кончилъ, то онъ поблагодарилъ его крѣпкимъ пожатіемъ руки.

— Теперь прощай! закончилъ Амазисъ свой разговоръ съ

синомъ. — Не забывай ничего мною сказаннаго, и, въ особен-ности прошу тебя, не проливай крови! Что бы ни случилось съ Фанесомъ, я не хочу ничего знать, такъ какъ ненавижу жесто-кость и не желаю бы съ омерзѣніемъ относиться къ тебѣ, моему сыну! Какъ ты веселъ! Бѣдный афинянинъ, лучше было бы для тебя—никогда не вступать на эту землю!

Когда Псамметихъ удалился изъ комнаты своего отца, то послѣдній долгое время въ задумчивости ходилъ взадъ и впе-редъ. Онъ сожалѣлъ о своей уступчивости и ему казалось, будто онъ уже видитъ окровавленнаго Фанеса, стоящаго передъ нимъ рядомъ съ тѣнью свергнутаго имъ Гофры. «Но вѣдь онъ дѣй-ствительно могъ бы погубить насъ, — старался онъ оправдать себя передъ судьбою въ собственной груди, — затѣмъ встрепе-нулся, выпрямился во весь ростъ, призвалъ слугъ и съ улы-бою на губахъ вышелъ изъ своихъ покоевъ.

Неужели этотъ легкомысленный человѣкъ, баловень счастья, такъ скоро успокоилъ свой внутренній голосъ? или онъ владелъ собою настолько, чтобы прикрывать улыбкою страданія, кото-рыя ему приходилось выносить?

VII.

Выйдя изъ комнаты отца, Псамметихъ немедленно отправился въ храмъ богини Нейтъ. У входа въ храмъ онъ спросилъ о главномъ жрецѣ. Храмовые прислужники попросили его обо-ждать, говоря что великій Нейтотецъ въ настоящую минуту мо-лится въ святая святыхъ ¹⁷⁰ великой царицы неба.

Молодой жрецъ появился вскорѣ съ извѣщеніемъ, что его повелитель ожидаетъ царевича.

Псамметихъ тотчасъ покинулъ прохладное мѣсто, на кото-ромъ расположился въ тѣни серебристыхъ тополей священной рощи, на берегу большого пруда ¹⁷¹, посвященнаго великой Нейтъ. Онъ прошелъ по первому двору, вымощенному камен-ными плитами, на который ослѣпительные солнечные лучи слу-скались подобно раскаленнымъ стрѣламъ, при чемъ при-держивался одной изъ длинныхъ сфинксовыхъ аллей, которыя вели къ отдѣльно стоявшимъ пидонамъ ¹⁷² гигантскаго храма богини. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ громадные главные ворота, которыя, подобно всѣмъ египетскимъ храмовымъ воротамъ были украшены ширококрытымъ солнечнымъ дискомъ ¹⁷³. По обѣимъ сторонамъ отворенныхъ навстрѣхъ воротъ возвышались башне-по-добныя зданія, стройныя обелиски и развѣвующіеся флаги. За-

тѣмъ онъ скрылся во дворѣ, окаймленномъ справа и слѣва колоннами, посреди котораго принеслись жертвы божеству. Весь передній фасадъ собственно храмоваго зданія, поднимавшагося на подобіе укрѣпленія, тушимъ угломъ, изъ квадратовъ обширнаго, окруженнаго колоннами двора, былъ некрытъ пестрыми изображеніями и надписями. Черезъ портикъ онъ вошелъ въ высокую переднюю комнату, потомъ въ большую залу, которой голубой потолокъ, усыянный тысячами золотыхъ звѣздъ, поддерживался четырьмя рядами гигантскихъ колонъ. Корнусы ихъ и капители, изображавшія цвѣтокъ лотоса, богини стѣли и ниши этой громадной залы, однимъ словомъ все, на чемъ останавливался взоръ, было покрыто пестрыми красками и іероглифами. Колонны подымалась до гигантской высоты, безмѣрно высокая зала раскидывалась въ необъятную, величественную ширь; воздухъ, которымъ дышали молящіеся, былъ переполненъ ладаномъ и запахомъ кифи, а равно и испареніями, проникавшими изъ лабораторіи храма. Такая музыка, исполняемая незримиыми артистами, казалось, никогда не умолкала, но иногда прерывалась густымъ ревомъ священныхъ коровъ Изиды и карчающимъ голосомъ коршуновъ Гора, которыхъ помѣщеніе находилось рядомъ. Какъ только раздавалось торжественно протяжное мычаніе коровы подобно далекому раскату грома, или слышался потрясающій нервы рѣзкій крикъ коршуна, моельщики, сидящіе на корточкахъ, наклоняли головы и касались лбами каменныхъ плитъ передняго двора, обнесеннаго колоннами. Съ величайшимъ благоговѣніемъ глядѣли они на закрытую для нихъ внутренность храма, во святая святыхъ котораго, вмѣщенномъ на подобіе часовни изъ одного куска гранита, стояли многочисленныя жрецы; у нѣкоторыхъ изъ нихъ на блестящихъ лысыхъ головахъ виднѣлись страусовыя перья, у другихъ были накинуты на плечи, сверхъ бѣлой одежды, мантеровыя шкуры. Съ бормотаньемъ и нѣмымъ они склонялись и выпрямлялись, поднимали кадильницы съ фиміамомъ и изъ золотыхъ сосудовъ для жертвенныхъ возліаній лили чистую воду въ честь боговъ. Въ этой гигантской залѣ, открытой только для самыхъ привилегированныхъ изъ египтянъ, человѣкъ долженъ былъ чувствовать себя умаленнымъ до послѣдней степени. Его зрѣніе, слухъ, даже дыхательныя органы подвергались только такимъ вліяніямъ внѣшняго міра, которыя отстояли далеко ото всего, чѣмъ наполняется ежедневная жизнь, стѣсняли грудь и возбуждали содроганіе въ нервахъ. Въ чаду, и отрехшись отъ дѣйствительности, молящійся долженъ былъ искать здѣсь опоры внѣ самого себя. Голосъ жреца указывалъ ему

на эту опору; таинственная музыка и голосъ священныхъ животныхъ считались проявленіями близости божества.

Послѣ того, какъ Псамметихъ, не будучи въ состояніи молиться, принявъ однакоже на нѣсколько времени позу молящагося на назначенной для него низкой золотой скамьѣ, покрытой подушками, — онъ направился къ упомянутой болѣе тѣсной и менѣе высокой боковой залѣ, въ которой помѣщались священныя коровы Иизды - Нейтъ и коршуны Гора. Занавѣсъ изъ драгоценной, вышитой золотомъ матеріи скрывалъ ихъ отъ глазъ посѣтителей храма, такъ какъ лицезрѣніе этихъ обоготворяемыхъ животныхъ разрѣшалось народу весьма рѣдко и издалека. Когда Псамметихъ проходилъ мимо, то въ золотыя ясли коровъ служители клали размоченныя въ молоко печенья, соль и цвѣты клевера, а въ красивую клетку коршуна — маленькихъ птичекъ съ пестрыми перьями. Въ своемъ тогдашнемъ настроеніи духа наслѣдникъ престола не обратилъ никакого вниманія на всѣ эти хорошо ему знакомыя вещи и съ помощью скрытой лѣстницы поднялся въ комнаты, расположенныя около обсерваторіи, гдѣ верховный жрецъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ богослуженія.

Въ великолѣпной комнатѣ, покрытой тяжелыми вавилонскими коврами на пурпурныхъ подушкахъ вызолоченнаго кресла сидѣлъ семидесятилѣтній старикъ Нейтотепъ. Его ноги покоились на скамейкѣ, украшенной искусною рѣзбою. Онъ держалъ въ рукахъ свертокъ, покрытый іероглифическими знаками. Позади него стоялъ мальчикъ, отмахивавшій отъ него насѣкомыхъ, опухаюмъ изъ траусовыхъ перьевъ.

Лицо стараго жреца было покрыто морщинами; но въ немъ видѣлись слѣды прежней красоты. Въ большихъ голубыхъ глазахъ и теперь еще свѣтился живой умъ и исполненное достоинства самосознаніе.

Нейтотепъ снялъ свои искусственные волосы. Обнаженный гладкій черепъ оригинально отдѣлялся отъ покрытаго морщинами лица, вслѣдствіе чего свойственный египтянамъ плоскій лобъ казался необыкновенно высокимъ. Пестрая комната, на стѣнахъ которой видѣлись тысячи изрѣченій, написанныхъ іероглифами, различныя цвѣтныя статуи богини, наполнявшія ее и бѣлоснѣжная одежда жреца не могли не произвести на посторонняго зрителя столь-же торжественнаго, какъ и страннаго впечатлѣнія.

Старикъ принявъ наслѣдника престола весьма дружелюбно и спросилъ:

— Что привело моего свѣтлѣйшаго сына къ бѣдному слугителю божества?

— Я имѣю многое сообщить тебѣ, отецъ мой, отвѣчалъ Псамметихъ съ торжествующею улыбкою; я только что возвратился отъ Амазиса.

— И такъ онъ наконецъ выслушалъ тебя?

— Наконецъ!

— Твое лицо говоритъ мнѣ, что нашъ властелинъ, а твой отецъ милостиво обошелся съ тобою.

— Да, послѣ того, какъ я подвергся его гнѣву. — Когда я высказалъ требованія, внушенные мнѣ тобою, онъ предался неумѣренному гнѣву и обрушился на меня ужасными рѣчами.

— Ты, вѣроятно, оскорбилъ его? Или же ты, по моему совѣту, приблизился къ нему въ видѣ смиренно просящаго сына?

— Нѣтъ, отецъ мой, я былъ раздраженъ и полонъ негодованія.

— Въ такомъ случаѣ Амазисъ былъ правъ въ своемъ гнѣвѣ; никогда не слѣдуетъ сыну относиться къ своему родителю съ неудовольствіемъ, а менѣе всего тогда, когда этотъ сынъ собирается о чемъ-нибудь просить его. Ты знаешь нарѣченіе: «почитающій своего отца будетъ долголѣтенъ»¹⁷⁴: Вотъ видишь-ли, сынъ мой, ты постоянно оказываешься виновнымъ въ томъ, что стараешься насильственно и съ неудовольствіемъ добиться исполненія вещей, которыя могутъ быть приобретены посредствомъ доброты и кротости. Доброе слово гораздо дѣйствительнѣе злого, и *способъ*, съ какимъ мы пользуемся рѣчью, имѣетъ большое значеніе. Послушай, что я расскажу тебѣ: Много лѣтъ тому назадъ Египтомъ управлялъ царь Снефру, проживавшій въ Мемфисѣ. Однажды ему приснилось, что всѣ зубы выпали у него изъ рта. Онъ тотчасъ-же послалъ за снотолкователемъ, которому и рассказалъ свой сонъ. Тогда послѣдній воскликнулъ: «О царь, горе тебѣ, всѣ твои родственники умрутъ раньше тебя!» Разгнѣванный Снефру велѣлъ наказать несчастнаго плетями и призвалъ второго снотолкователя, который объяснилъ сонъ слѣдующимъ образомъ: «Великій царь, да будетъ благословенно твоимъ, ты проживешь долѣе всѣхъ твоихъ родственниковъ!» Царь улыбнулся при этихъ словахъ, и наградилъ второго толкователя подаркомъ; потому что, хотя послѣдній сказалъ ему тоже самое, что и первый, но сумѣлъ облечь свое изрѣченіе въ лучшую форму.—Понимаешь-ли ты смыслъ моей повѣсти? И такъ, старайся на будущее время избирать пріятную форму для своей рѣчи, потому что, въ особенности для слуха властителя, столь-

коже важно то: какъ ему говорить, какъ и то, что ему говорить.

— О, отецъ мой, какъ часто давалъ ты мнѣ эти наставленія, какъ часто я самъ сознавалъ, что я наношу себѣ вредъ своими грубыми словами и гнѣвными движеніями; но я не могу измѣнить своей манеры, не могу...

— Стажи лучше: я не хочу; истинный мужчина не долженъ никогда вторично дѣлать того, о чемъ однажды пожалѣлъ. Но довольно читать наставленія! Разсказывай, какимъ образомъ ты смягчилъ гнѣвъ Амазиса!

— Ты знаешь моего отца. Когда онъ увидалъ, что его страшныя слова поразили меня до самой глубины души, онъ раскаялся въ своей бѣшеной вспышкѣ. Онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и захотѣлъ какою-бы то ни было цѣною загладить свою жестокость.

— У него благородное сердце, но умъ его помраченъ! воскликнулъ жрецъ.—Чѣмъ-бы могъ быть Амазисъ для Египта, если-бы онъ слушался нашихъ совѣтовъ и заповѣдей боговъ!

— Будучи такъ сильно расстроганъ, онъ, подъ конецъ, согласился,—слушай хорошенько, отецъ мой—онъ согласился пожертвовать мнѣ жизнью Фанеса!

— Какъ свергнуть твои глаза! Это не хорошо, Псамметихъ! Анонанинъ долженъ умереть, потому что оскорбилъ боговъ; но судья, будучи строгимъ, долженъ не радоваться, а скорбѣть о несчастіи осужденнаго. Ну говори, чего же еще добился ты?

— Царь сообщилъ мнѣ, изъ какого дома происходитъ Нитетисъ.

— Больше ничего?

— Нѣтъ, отецъ мой, но развѣ тебѣ не любопытно узнать...

— Любопытство есть порокъ женщинъ; впрочемъ я уже давно знаю то, что ты могъ бы разсказать мнѣ.

— Но вѣдь ты вчера настойчиво поручалъ мнѣ разспросить отца.

— Я сдѣлалъ это, чтобы испытать тебя, преданъ ли ты божеству и готовъ ли исполнить его повелѣнія, и идешь ли по тому пути, который одинъ можетъ сдѣлать тебя достойнымъ получить посвященіе въ высшую степень знанія. Я вижу, что ты добросовѣстно сообщалъ намъ все, о чемъ узнаешь, и что ты умѣешь исполнять первую добродѣтель жреца — послушаніе.

— Такъ ты знаешь, кто отецъ Нитетисъ?

— Я самъ читалъ молитву у могилы царя Гофры.

— Но кто выдалъ тебѣ тайну?

— Вѣчныя звѣзды, сынъ мой, и мое искусство читать въ книгѣ небесъ.

— А эти звѣзды? развѣ онѣ никогда не обманываютъ?

— Никогда не обманываютъ человѣка истинно свѣдущаго.

Псамметихъ поблѣднѣлъ. Сонъ его отца и его собственный ужасный гороскопъ возстали въ его душѣ въ видѣ ужасныхъ привраковъ. Жрецъ тотчасъ же замѣтилъ измѣненіе въ чертахъ лица царевича и мягкимъ голосомъ сказавъ ему:

— Ты вспоминаешь о несчастныхъ небесныхъ знакахъ при твоёмъ рожденіи, и считаешь себя погибшимъ; но утѣшься, Псамметихъ: въ то время астрологи не примѣтили созвѣддія, которое не ускользнуло отъ моихъ глазъ. Твой гороскопъ былъ плохъ, очень плохъ, но онъ можетъ обратиться въ хорошій, онъ можетъ...

— О говори, отецъ мой, говори!

— Все должно обратиться къ лучшему, если ты, забывъ обо всемъ другомъ, будешь жить для боговъ и безусловно станешь повиноваться ихъ голосу, который мы слышимъ во святая святыхъ.

— Подай знакъ, отецъ мой—и я буду слушаться!

— Да дастъ это владычица Саиса, великая Нейтъ! воскликнулъ жрецъ торжественнымъ голосомъ.—А теперь, сынъ мой, ласково продолжалъ онъ:—оставь меня, такъ какъ я утомился отъ продолжительной молитвы и бремени дѣлъ. Если возможно, то замедли смерть Танеса; мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нимъ прежде, нежели онъ умретъ. Еще одно: вѣчера вступилъ сюда отрядъ эѳіоповъ. Эти люди не понимаютъ ни слова погречески. Подъ начальствомъ вѣрнаго человѣка, знающаго аменяннина и мѣстность, они окажутся пригодными къ устраненію виновнаго, такъ какъ ихъ незнакомство съ языкомъ и обстоятельствами дѣла не допуститъ нескромности или предательства. Передъ своимъ отправленіемъ въ Наувратисъ эти люди ничего не должны знать о цѣли своего путешествія; а когда дѣло будетъ сдѣлано, то мы отправимъ ихъ обратно въ Кушъ ¹⁷⁵. Помни, что тайна, о которой знаетъ не одинъ человѣкъ, уже въ половину разоблачена. Прощай!

Псамметихъ удалился изъ комнаты старика. Спустя нѣсколько минутъ вошелъ молодой жрецъ, одинъ изъ слугъ царя, и спросилъ старика:

— А что, хорошо ли я наблюдаю, отецъ мой?

— Отлично, сынъ мой; отъ тебя не ускользнуло ничто изъ разговора Амазиса съ Псамметихомъ. Да сохранишь Изида ¹⁷⁶ твой слухъ.

— Ахъ, отецъ, сегодня глухой услыхалъ бы изъ сосѣдней комнаты каждое слово, такъ какъ царь ревѣлъ точно быкъ.

— Великая Нейтъ наслала на него неосторожность. Ступай теперь, держи глаза свои открытыми и немедленно увѣдомь меня, если Амазисъ—что весьма возможно—попытастся уничтожить планъ относительно Фанеса. Ты во всякомъ случаѣ найдешь меня дома. Прикажи слугамъ, чтобы они отказывали всѣмъ посѣтителемъ и говорили, что я молюсь въ святая святыхъ. Незрѣченный да хранить твой путь!

Между тѣмъ какъ Псамметихъ дѣлалъ всѣ приготовления къ поимкѣ Фанеса, Крезъ со своими спутниками сѣдился въ царскую барку на Нилѣ, чтобы отправиться въ Наукратисъ и провести слѣдующій вечеръ у Родописъ.

Его сынъ Гигесъ и трое молодыхъ персіянь остались въ Саясѣ, гдѣ они чувствовали себя очень хорошо.

Амазисъ осыпалъ ихъ любезностями, по египетскому обычаю допускалъ ихъ въ общество своей жены и такъ называемыхъ сестеръ-близнецовъ, училъ Гигеса игрѣ въ шашки¹⁷⁷ и выказывалъ неистощимый запасъ остроумія и веселости, любуясь какъ сильные и ловкіе юноши участвовали въ играхъ его дочерей—въ бросаніи мячей и обручей, составлявшемъ любимое развлеченіе египетскихъ дѣвушекъ¹⁷⁸.

— Право, воскликнулъ Бартія послѣ того, какъ Нитетисъ въ сотый разъ подхватила тонкою палочкою изъ слоновой кости нѣжный украшенный лентами обручъ:—эту игру мы должны ввести и у себя на родинѣ. Мы, персіяне, не похожи на васъ, египтянь. Все новое и иноземное принимается у насъ на столько же охотно, насколько вамъ оно бываетъ повидимому ненавистно. Я расскажу объ этой игрѣ нашей матери Кассанданѣ и она съ удовольствіемъ согласится, чтобы женѣ моего брата забавлялись этимъ способомъ.

— Сдѣлай это, непременно сдѣлай,—воскликнула бѣлокурая Тахоть, зардѣвшись яркимъ румянцемъ.—Нитетисъ будетъ участвовать въ этой забавѣ и переноситься мыслію на родину, къ милымъ сердцу; ты же, Бартія, негромко прибавила она:—слѣди за полетомъ обруча, долженъ также вспомнить о настоящей минутѣ.

Молодой персъ съ улыбкою отвѣчалъ:

— Я никогда не забуду ее! Затѣмъ онъ воскликнулъ громко и весело, обращаясь къ своей будущей невѣсткѣ:—Не унывай, Нитетисъ, тебѣ понравится у насъ больше, нежели ты думаешь. Мы, азіаты, умѣемъ чествовать красоту; это мы доказываемъ уже тѣмъ, что имѣемъ по нѣскольку женъ!

Нитетисъ вздохнула, а Ладиса, жена царя, воскликнула:

— Именно этимъ вы показываете, что дурно понимаете женскую натуру! Ты не можешь себѣ представить, Бартія, что чувствуетъ женщина, когда она видитъ, что на нее смотритъ какъ на какую-то игрушку, на дорогую лошадь или на драгоценный сосудъ тотъ человѣкъ, который для нея дороже жизни, которому она готова была бы вполнѣ и беззавѣтно пожертвовать всѣмъ, что ей дорого и свято. Еще въ тысячу разъ обиднѣе, когда приходится раздѣлять съ сотнею другихъ ту любовь, которою желательно было бы обладать одной.

— Вотъ видишь-ли, какая она ревнивица! воскликнулъ Амазисъ.—Развѣ она не говоритъ такъ, какъ будто уже имѣла случай жаловаться на мою невѣрность?

— О нѣтъ, дорогой мой, отвѣчала Ладиса:—въ этомъ отношеніи вамъ, египтянамъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передо всѣми другими мужчинами; вы вѣрны и постоянны, и довольствуетесь тѣмъ, что однажды полюбили; я даже осмѣливаюсь утверждать, что ни одна женщина не можетъ быть счастливѣе жены египтянина ¹⁷⁹. Даже греки, умѣющіе гораздо богаче украшать жизнь, нежели египтяне, не умѣютъ цѣнить женщинъ такъ, какъ онѣ этого стѣбуютъ! Въ ихъ душныхъ комнатахъ матери и домоправительницы постоянно принуждаютъ ихъ къ работѣ у ткацкаго станка или прялки и такимъ образомъ эллинскія дѣвушки грустно проводятъ свою раннюю молодость для того, чтобы, достигши совершеннолѣтія, быть введенными въ безмолвный домъ незнакомаго мужа, котораго дѣятельность на пользу государства позволяетъ ему только изрѣдка появляться въ женской комнатѣ. Женщина имѣетъ право являться въ общество мужчинъ только при посѣщеніи ея мужа близкими друзьями и родственниками, но и то застѣнчиво и нерѣшительно, чтобы услышать о томъ, что дѣлается на свѣтѣ и поучиться. Увы! и въ насъ существуетъ стремленіе къ пріобрѣтенію знанія и именно нашему полу и не слѣдовало бы отказывать въ извѣстныхъ свѣденіяхъ для того, чтобы мы, будучи матерями, могли сдѣлаться учительницами своихъ дѣтей. Что можетъ передать своимъ дочерямъ эллина-мать, вромѣ незнанія, такъ какъ она сама не имѣетъ ни о чемъ понятія и ничего не испытала. Поэтому грекъ весьма рѣдко довольствуется своею законною женою, стоящею въ умственномъ отношеніи гораздо ниже его, и отправляется въ дома гетеръ, которыя, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ другимъ поломъ, наслушались отъ мужчинъ всего, и умѣютъ украшать пріобрѣтенныя отъ нихъ познанія цвѣтами женственной прелести и солью своего

тонкаго остроумія. Въ Египтѣ—все дѣлается иначе. Здѣсь подрастающія дѣвушки допускаются къ совершенно свободному обращенію въ обществѣ лучшихъ мужчинъ; юноша и дѣвушка знакомятся другъ съ другомъ при многочисленныхъ празднествахъ, и привыкаютъ ко взаимной любви. вмѣсто рабы, женщина дѣлается подругою мужчины. Одинъ дополняетъ другого. Въ болѣе серьезныхъ вопросахъ перевѣсъ остается на сторонѣ болѣе сильнаго; мелкія заботы предоставляются женщинѣ, болѣе свѣдущей въ малыхъ вещахъ. Дочери вырастаютъ подъ хорошимъ присмотромъ, такъ какъ мать не лишена познаній и опытности. Женщинѣ легко оставаться добродѣтельною и домовитою, такъ какъ она своими добродѣтелями увеличиваетъ счастье того, который принадлежитъ только ей одной и драгоценнѣйшее сокровище котораго составляетъ она. Мы, женщины, вѣдь дѣлаемъ только то, что намъ нравится! Египтяне обладаютъ искусствомъ направлять насъ такимъ образомъ, чтобы намъ нравилось именно только то, что хорошо. Здѣсь на берегахъ Нила Фокильдъ Милетскій и Гиппонаксъ Эфесскій никогда не осмѣлились бы выступить противъ насъ съ своими сатирическими пѣснями,—здѣсь никогда не могло бы быть изобрѣтено сказаніе о Пандорѣ ¹⁸⁰.

— Какъ хорошо ты говоришь! воскликнулъ Вартія.—Мнѣ было трудно выучиться по-гречески, но теперь я радуюсь, что не бросилъ своихъ занятій и внимательно слушалъ уроки Креза.

— Но кто-же эти дурные люди, которые осмѣливаются дурно говорить о женщинахъ? спросилъ Дарій.

— Нѣсколько греческихъ поэтовъ, отвѣчалъ Амазисъ:—самы смѣлые изъ людей, такъ какъ я скорѣе согласился бы раздражить львицу, нежели женщину. Вотъ ужъ эти греки не болтаютъ ничего въ мѣрѣ. Послушайте только обращеніе поэзін Гиппонакса:

Жена лишь два дня тебѣ можетъ пріятною быть:

Въ день свадьбы и въ день, когда будутъ ее хоронить.

— Перестань, перестань, безсовѣстный! воскликнула Ладиса, затыкая себѣ уши.—Вотъ посмотрите персы, каковъ этотъ Амазисъ. Гдѣ онъ только можетъ поддразнить и посмѣяться, то уже не упуститъ случая,—хотя бы, даже, онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе тѣхъ, которые подвергаются его насмѣшкамъ. Нѣтъ лучшаго мужа...

— И нѣтъ жены хуже тебя, со смѣхомъ замѣтилъ Амазисъ:—такъ какъ ты набрасываешь на меня подозрѣніе, будто я уже слишкомъ послушный супругъ! До свиданія, дѣти; пусть молодые герои познакомятся съ нашимъ Сансомъ; но прежде я

хочу сообщить имъ, что злой Симонидъ поестъ о самой лучшей изъ женщинъ:

Но отъ пчелы одна произошла:
 Счастливецъ тотъ кому она досталась!
 Черезъ нее плодятся и цвѣтутъ
 Ему судьбой ниспосланныя блага;
 И съ любящимъ супругомъ доживаетъ
 Она, любя, до старости глубокой;
 Отъ ней идетъ прекрасный, славный родъ,
 Всѣхъ женъ она затмила яркимъ блескомъ,
 Все прелестью богини дышитъ въ ней.
 Не по сердцу ей кругъ болтливыхъ женщинъ,
 Гдѣ говорить лишь объ одной любви.
 Вотъ каковы разумѣйшія жены
 И лучшія, которыхъ только Зевсъ
 Даруетъ намъ, мужчинамъ въ обладанье ¹⁸¹!

— Вотъ такова и моя Ладиса! Прощайте!

— Нѣтъ еще, подождите! воскликнулъ Бартія.—Я еще долженъ сперва оправдать нашу бѣдную Персію, чтобы вдохнуть новое мужество въ мою будущую невѣстку. Но нѣтъ! Дарій, говори ты за меня, такъ какъ ты столь-же краснорѣчивъ, какъ и свѣдуешь въ счетахъ и въ искусствѣ владѣть мечомъ.

— Ты выставляешь меня какимъ то болтуномъ и разношникомъ ¹⁸², возразилъ сынъ Гистаспа.—Но пусть будетъ такъ; я уже давно порываюсь защитить нравы нашей родины. И такъ знай же, Ладиса, что твоя дочь никакимъ образомъ не будетъ рабою, но подругою нашего царя, если Аурамазда ¹⁸³ направитъ его сердце къ добру; знай, что и въ Персіи, разумѣется, только при большихъ празднествахъ, царскія жены присутствуютъ за столомъ вмѣстѣ съ мужчинами, и что мы привыкли оказывать величайшее уваженіе нашимъ женамъ и матерямъ. Послушайте-ка: въ состояніи ли вы, египтяне, предоставить вашимъ женамъ подарокъ драгоценнѣе того, который сдѣлалъ вавилонскій царь, женатый на персіянкѣ. Эта послѣдняя, прививнувшись къ горамъ своей родины, чувствовала себя несчастною на обширныхъ равнинахъ Евфрата и заболѣла тоскою по родинѣ. Что же сдѣлалъ царь? Онъ приказалъ возвести гигантское зданіе на высокихъ мостовыхъ аркахъ и покрыть его вершину насыпью изъ плодородной земли. Тамъ были посажены великолѣпнѣйшіе цвѣты и деревья, орошавшіеся искусственными водопроводами. Когда все было готово, онъ привелъ туда свою жену-персіянку и подарилъ ей искусственную гору, съ которой она, какъ съ вершиной Рахмеда, могла смотрѣть внизъ на равнину ¹⁸⁴.

— И что же, выздоровѣла-ли персіянка? спросила Нитетисъ, опустивъ глаза.

— Она выздоровѣла и новеселѣла; также и ты по прошествіи нѣкотораго времени будешь чувствовать себя довольною и счастливою въ нашей странѣ.

Ладиса привѣтливо улынулась и спросила:

— А что-же больше всего способствовало къ выздоровленію молодой царицы? искусственная гора, или любовь мужа, воздвигнувшаго такую постройку для ея удовольствія?

— Любовь мужа! воскликнули дѣвушки.

— Но Нитетисъ не станетъ пренебрегать и горю, увѣрала Бартія.—Я устрою такъ, чтобы она жила въ висячихъ садахъ, какъ только дворъ отправится въ Вавилонъ.

— Теперь же ступайте, воскликнулъ Амазисъ:—иначе вамъ придется осматривать городъ въ темнотѣ. А меня уже цѣлныи часъ ожидаютъ два писца. Эй, Сахонсъ, прикажи сотнику нашихъ тѣлохранителей слѣдовать за нашими высшими гостями съ сотнею человекъ.

— Но къ чему это? Достаточно было бы одного проводника, или какого нибудь изъ греческихъ низшихъ начальниковъ.

— Такъ лучше. Иностранецъ никогда не можетъ быть черезъ-чуръ остороженъ въ Египтѣ. Примите это къ свѣденію: въ особенности остерегайтесь насмѣхаться надъ священными животными. Будьте здоровы, мои юные герои, и до свиданія сегодня вечеромъ, за веселымъ кубкомъ!

Персы вышли изъ царскаго дворца въ сопровожденіи переводчика, грека, воспитаннаго въ Египтѣ, говорившаго одинаково бѣгло на обоихъ языкахъ ¹⁸⁵.

Улицы Саиса, находившіяся вблизи дворца, представляли пріятное зрѣлище. Дома, изъ которыхъ иные имѣли пять этажей вышины, были построены изъ легкихъ нильскихъ кирпичей, украшались рисунками и іероглифическими знаками. Галлерей съ перилами изъ рѣзнаго пестро раскрашеннаго дерева, поддерживаемыя разрисованными колоннами, окружали стѣны, выходившія во дворъ. На крѣпко запертыхъ входныхъ дверяхъ многихъ домовъ можно было прочесть имя и сословіе владѣльца ¹⁸⁶. На плоскихъ крышахъ стояли цвѣты и красивыя растенія, подъ навѣсомъ которыхъ египтяне любили проводить вечера, если не предпочитали подниматься на башенку, которая была принадлежностью почти каждаго дома. Эти маленькія обсерваторіи строились потому, что несносныя насѣкомыя, зарождающіяся на Нилѣ, летаютъ только очень низко и отъ нихъ можно было избавиться на вершинѣ этихъ башенокъ ¹⁸⁷.

Молодые персы восхищались величайшею, почти до излишества доведенною, чистотою, которою блистали всѣ дома и даже

улицы. Доски на дверяхъ и молотки свергали на солнцѣ, рисунки на стѣнахъ, галереяхъ и колоннахъ имѣли такой видъ, какъ будто они только что сейчасъ окончены, и даже мостовныя на улицахъ ¹⁸⁸ заставляли предполагать, что тутъ имѣютъ обыкновеніе мить ихъ. Чѣмъ болѣе удалялись персы отъ Нила и дворца, тѣмъ незначительнѣе дѣлались улицы города. Онъ былъ построенъ на склонѣ небольшого холма и въ сравнительно короткое время превратился изъ незначительнаго поселенія въ большой городъ, когда, за два столѣтія предъ тѣмъ, сюда была перенесена резиденція Фараоновъ:

На сторонѣ Саиса, обращенной къ рукаву Нила, улицы были прекрасны и блестящи; на другомъ склонѣ холма, напротивъ того, были расположены хижины бѣдняковъ, сдѣланныя изъ нильскаго ила и вѣтвей акацій и только изрѣдка перемежавшіяся съ лучшими домами. На сѣверо-западѣ высился укрѣпленный дворецъ царя ¹⁸⁹.

— Вернемся назадъ, воскликнулъ Гигесъ, снѣзь Креза, обращаясь къ младшимъ своимъ спутникамъ,—которыхъ онъ, за отсутствіемъ своего отца, былъ обязанъ охранять и руководить,—когда увидалъ, что толпа любопытныхъ, слѣдовавшихъ за нимъ, на каждомъ шагу увеличивается.

— Какъ прикажешь, отвѣчалъ переводчикъ.—Тамъ внизу въ долинѣ, у подошвы того холма, расположенъ мертвый городъ сантянъ, на который, по моему мнѣнію, стоитъ посмотреть иностранцамъ.

— Иди впередъ, воскликнулъ Бартія:—вѣдь мы затѣмъ и сопровождаемъ Прекрасна, чтобы увидѣть всѣ достопримѣчательности чужихъ странъ.

Когда они, недалеко отъ мертваго города, достигли пустаго мѣста, окруженнаго лавочками ремесленниковъ, ¹⁹⁰ то въ слѣдовавшей за ними толпѣ послышался дикій крикъ. Дѣти испускали радостныя восклицанія, женщины кричали и какой-то голосъ, покрывавшій всѣ другіе, взывалъ:

— Идите сюда, въ преддверіе храма, чтобы увидать дѣянія великаго волшебника, уроженца оазисовъ Ливійскаго Запада. Онъ надѣленъ всѣми чародѣйственными силами отъ Хунсу, покровителя хорошихъ совѣтовъ и трижды великаго Тота! ¹⁹¹.

— Слѣдуйте за мною вонъ туда, въ маленькій храмъ! сказалъ переводчикъ.—Вы сейчасъ увидите удивительное зрѣлище!

Тутъ онъ сталъ вмѣстѣ съ персами пролагать себѣ дорогу черезъ толпу египтянъ, отталкивая въ сторону то полунагого ребенка, то женщину съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, и вскорѣ возвратился въ сопровожденіи жреца, который провелъ иностран-

цевъ въ передній дворъ храма. Тутъ, среди нѣсколькихъ ящиковъ и сундуковъ, стоялъ, человекъ въ одеждѣ жреца. Два негра стояли на колѣняхъ около него.

Ливіецъ, ¹⁹² гигантскаго роста, съ гибкими членами и пронзительными черными глазами, держалъ въ рукѣ духовой инструментъ въ родѣ нашихъ кларнетовъ. Вокругъ его груди и рукъ обвивались нѣсколько змѣй, признаваемыхъ въ Египтѣ ядовитыми.

Очутившись напротивъ персовъ, онъ поклонился, торжественнымъ жестомъ пригласилъ ихъ быть зрителями, снялъ свою бѣлую одежду и началъ дѣлать разные фокусы со своими змѣями.

То онъ позволялъ имъ кусать его, такъ что яркая кровь струилась у него по щекамъ, то, посредствомъ странныхъ звуковъ своей флейты, принуждалъ ихъ выпрямиться и дѣлать движенія, похожія на танцы, то, плюнувъ имъ въ пасть, превращалъ ихъ въ неподвижныя палки. Потомъ онъ бросалъ всѣхъ змѣй на земь и, вращаясь среди нихъ, выполнялъ бѣшенныя танцы, не касаясь ихъ ногами.

Точно безумный выворачивалъ и корчилъ волшебники свои гибкіе члены, пока глаза его не выступали изъ орбитъ и на губахъ не показывалась кровавая пѣна.

Вдругъ онъ, точно мертвый, упалъ на землю. Ничто не шевелилось во всей его фигурѣ, кромѣ губъ, которыя издавали какое-то свистящее шипѣніе. По этому знаку змѣи поползли къ нему и, подобно живымъ кольцамъ, обвились вокругъ его шеи, ногъ и туловища. Наконецъ, онъ поднялся и пропѣлъ пѣсню въ честь чудотворной силы божества, которое, ради своей собственной славы, сдѣлало его чародѣемъ.

Затѣмъ онъ отерлъ одинъ изъ сундуковъ и положилъ туда большую часть змѣй и только нѣкоторыхъ, вѣроятно своихъ любимцевъ, оставилъ у себя въ видѣ шейныхъ украшеній и браслетовъ на рукахъ.

Вторую часть его представленія составляли хорошо исполненные фокусы. Онъ глоталъ горящій дѣвѣ; плясалъ, держа въ равновѣсіи мечи, которыхъ острые концы помѣщались у него въ глазныхъ углубленіяхъ; вытаскивалъ длинныя веревки и ленты изъ носовъ египетскихъ дѣтей; показывалъ нѣвѣстную игру съ шарами и кубками, и довелъ благоговѣнное удивленіе зрителей до послѣднихъ предѣловъ, вынувъ изъ пяти страусовыхъ яицъ столько же живыхъ маленькихъ кроликовъ.

Персовъ никакъ нельзя было причислить къ самой неблаго-

дарной части зрителей; напротивъ, это никогда невиданное ими зрѣлище произвело потрясающее впечатлѣніе на ихъ души.

Имъ казалось, что они находятся въ области чудесъ, что во всёхъ рѣдкостей Египта они увидали теперь самыя невѣроятныя.

Молча добрались они до лучинхъ улицъ, не замѣчая, какъ много изъ окружавшихъ ихъ египтянъ ходили безрукими и съ обезображенными носами и ушами. Эти люди не были необыкновеннымъ зрѣлищемъ для азіатцевъ, такъ какъ и у нихъ многія преступленія наказывались отрѣзываніемъ членовъ. Еслибы они освѣдомились о причинѣ изувѣченія, то узнали-бы, что въ Египтѣ лишенный руки человѣкъ есть преступникъ, уличенный въ подлогъ, безногая женщина—нарушительница супружеской вѣрности, лишенный языка—государственный преступникъ или клеветникъ, человѣкъ съ отрубленными ушами—шпіонъ, а та блѣдная идиотка—дѣтубійца, которая, въ наказаніе за свое преступленіе, должна была въ теченіи трехъ дней и трехъ ночей продержать на рукахъ трупъ умерщвленнаго ребенка.—Какая женщина была-бы въ состояніи сохранить рассудокъ по прошествіи такихъ ужасныхъ дней? ¹⁹³.

Большая часть карательныхъ законовъ у египтянъ имѣли цѣль, какъ наказаніе преступленій, такъ и поставленіе преступника въ невозможность совершить преступленіе вторично.

Шествіе пріостановилось, такъ какъ многочисленная толпа народа скучилась на улицѣ, ведущей къ храму Нейтъ у одного изъ прекраснѣйшихъ домовъ, котораго немногочисленныя окна (большая ихъ часть обыкновенно выходила на дворъ или въ садъ) были заперты ставнями.

Во входной двери стоялъ старикъ въ простой бѣлой одеждѣ слуги жреца; крича, онъ хотѣлъ воспрепятствовать нѣсколькимъ человѣкамъ одного съ нимъ сословія унести изъ дому большой ящикъ.

— Кто позволилъ вамъ обкрадывать моего господина? кричалъ онъ, бѣшено жестикулируя.—Я стражъ этого дома, и мой господинъ, отправляясь по приказанію царя въ Персію,—которую да уничтожатъ боги,—приказалъ мнѣ въ особенности смотрѣть за этимъ ящикомъ: въ немъ хранятся его бумаги.

— Успокойся старикъ Гибъ, воскликнулъ храмовый служитель, съ которымъ мы познакомились при пріемѣ азіатскаго посольства:—насъ прислалъ сюда верховный жрецъ великой Нейтъ, господинъ твоего господина. Въ этомъ ящикѣ, вѣроятно, находится какія-нибудь особенныя бумаги, а то Нейтотепъ не почтѣлъ-бы насъ поученіемъ взять его.

— Но я не допущу, чтобы была украдена собственность моего господина, великаго врача Небенхари! кричалъ старикъ.—Я добьюсь справедливости и, если нужно, дойду до самого царя!

— Стой! воскликнулъ теперь храмовой служитель.—Вотъ это такъ. Эй вы! Отправляйтесь-ка съ ящикомъ; несите его сейчасъ же къ верховному жрецу; ты же старикъ поступилъ бы умнѣе, если бы попридержалъ свой языкъ и обдумалъ, что и ты тоже слуга моего господина — верховнаго жреца. Отправляйся-ка назадъ въ домъ, а то завтра мы потащимъ и тебя такъ же, какъ сегодня этотъ ящикъ!

Съ этими словами онъ такъ сильно захлопнулъ тяжелую входную дверь, что старикъ былъ отброшенъ въ сѣни и скрытъ отъ взоровъ толпы.

Персы были свидѣтелями этой странной сцены и просили переводчика объяснить ея значеніе.

Зофиръ разсмѣялся, услыхавъ, что владѣлецъ похищеннаго всемогущимъ верховнымъ жрецомъ ящика—глазной врачъ, который проживалъ въ Персіи вслѣдствіе слабости зрѣнія матери царя и котораго, за его серьезный и мрачный нравъ, не слишкомъ любили при дворѣ Камбиза.

Бартія хотѣлъ спросить Амазиса, что означаетъ это странное похищеніе; но Гигесъ убѣждалъ его не путаться въ дѣла, которыя до нихъ не касаются.

Когда они подошли къ самому дворцу (темнота, наступившая въ Египтѣ весьма быстро, уже начала распространяться), Гигесъ внезапно почувствовалъ, что его остановилъ какой-то человекъ, удержавъ его за одежду. Онъ оглянулся и увидалъ, что незнакомецъ, прижавъ палецъ къ губамъ, дѣлаетъ ему знакъ молчать.

— Когда я могу незамѣтно поговорить съ тобою наединѣ? шепнулъ онъ сыну Крева.

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Не спрашивай и отвѣчай поскорѣе. Клянусь Митрою, ¹⁹⁴ я имѣю сообщить тебѣ важныя вещи!

— Ты говоришь поперсидски? Значитъ ты не египтянинъ, несмотря на свое египетское платье?

— Я—персъ; но отвѣчай скорѣе, прежде, нежели увидятъ насъ разговаривающими. Когда можно мнѣ незамѣтно поговорить съ тобою?

— Завтра утромъ.

— Это будетъ слишкомъ поздно.

— Ну такъ черезъ четверть часа, когда совершенно стемнѣетъ, у дворцовыхъ воротъ.

— Буду ожидать тебя.

Съ этими словами незнакомецъ исчезъ. Гигесъ, возвратясь въ дворецъ, разстался съ Бартіей и Зопиромъ, опоясался мечомъ, опросилъ Дарія сдѣлать тоже самое и послѣдовать за нимъ; вскорѣ, окутанные ночнымъ мракомъ, они стояли у большаго дворцоваго портика, съ глазу на глазъ съ незнакомецемъ.

— Хвала Аурамаздъ, что ты пришелъ! воскликнулъ онъ, отясясь къ молодому лидійцу на персидскомъ языкѣ:—но кто та-ой твой спутникъ?

— Мой другъ, Ахеменидъ ¹⁹⁶ Дарій, сынъ Гистаспа.

Незнакомецъ нивко поклонился и сказалъ:

— Это хорошо, а то я думалъ ужъ не египтянинъ-ли при-ноль съ тобою.

— Нѣтъ, мы одни и хотимъ выслушать тебя. Но будь кра-токъ. Кто ты такой и чего желаешь?

— Я называюсь Бубаресъ и былъ бѣднымъ сотникомъ во времена великаго Кира. Когда мы взяли приступомъ Сардесъ, столицу твоего отца, намъ сначала было разрѣшено грабить; но твой мудрый отецъ просилъ Кира велѣть прекратить гра-бежъ, потому что, такъ какъ Сардесъ имъ покоренъ, это значило бы грабить не прежняго владѣльца, а самого себя ¹⁹⁶. Тогда, подъ страхомъ смертной казни, было приказано возвра-тить все сотникамъ; этимъ же послѣднимъ приказано распо-рядиться, чтобы всѣ драгоценности, которыя будутъ доставле-ны имъ, были снесены на рынокъ. Тамъ лежало множество лучъ золотой и серебряной посуды, цѣлыя горы женскихъ и мужскихъ украшеній съ драгоценными камнями...

— Скорѣй, скорѣй, у насъ не много времени! прервалъ Ги-гесъ рассказчика.

— Ты правъ! Я долженъ рассказывать короче. Я долженъ былъ лишиться жизни, такъ какъ оставилъ у себя сверкающій драгоценными камнями ящикъ для мазей изъ дворца твоего от-ца. Киръ хотѣлъ приказать казнить меня; но Крезъ спасъ мнѣ жизнь своимъ ходатайствомъ у побѣдителя. Киръ даровалъ мнѣ свободу, но объявилъ меня лишеннымъ чести. Такимъ обра-зомъ я обязанъ жизнью твоему отцу; но я все таки не могъ оставаться въ Персіи, такъ какъ безчестіе лежало на мнѣ слиш-комъ тяжелою гнетомъ. Смирнскій корабль доставилъ меня въ Кипръ. Тамъ я снова вступилъ въ военную службу, вы-учился погречески и поегипетски, сражался противъ Амазиса и былъ привезенъ сюда Фанесомъ, въ качествѣ военно-плѣнна-го. Я всегда служилъ въ конницѣ. Меня присоединили къ ра-бамъ, ходящимъ за царскими лошадьми. Я отличился и черезъ

шесть лѣтъ сдѣлался смотрителемъ конюшенъ. Я никогда не забывалъ твоего отца и благодарности, которою обязанъ ему; теперь наступаетъ моя очередь быть ему полезнымъ.

— Дѣло идетъ о моемъ отцѣ?—Такъ говори же скорѣй, разскажи, объясни!

— Сейчасъ. Не обидѣлъ ли Крезъ наследника престола Псамметиха?

— Не знаю.

— Твой отецъ проводитъ сегодняшній вечеръ въ Наукрутисѣ у Родописъ?

— Почему ты это знаешь?

— Я слышала это отъ него самого, потому что слѣдовалъ сегодня за нимъ въ баркѣ, чтобы броситься къ его ногамъ.

— Достигъ ли ты своей цѣли?

— Да. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ; но онъ не могъ долго слушать меня, такъ какъ его спутники уже сѣли на корабль, когда онъ пришелъ. Его старшій рабъ Сандонъ, котораго я знаю, торопливо сказалъ мнѣ только, что они отправляются въ Наукрутисъ къ элинкѣ, по имени Родописъ.

— Онъ сказалъ правду.

— И такъ необходимо скорѣе спасти его. Когда рынокъ уже былъ полонъ народа, ¹⁹⁷ въ Наукрутисъ тайно отправилось десять телегъ и двѣ барки съ эеопскими воинами, чтобы ночью оцѣпить домъ Родописъ и взять въ плѣнъ ея гостей.

— Иамбна! воскликнулъ Гигесъ.

— Но что такое они могутъ замышлять противъ твоего отца? спросилъ Дарій.—Вѣдь имъ извѣстно, что мечь Камбеза...

— Я ничего не знаю, повторилъ Бубаресъ:—кромя того, что загородный домъ Родописъ, въ которомъ находится также и твой отецъ, долженъ быть сегодня ночью оцѣпленъ эеопскими воинами. Я самъ запрягалъ лошадей въ эти телеги и слышалъ, что вѣроносецъ наследника престола обратился къ сотнику Пентауру съ слѣдующими словами: «Раскрой хорошенько уши и глаза, и вели окружить домъ Родописъ для того, чтобы онъ не ускользнулъ въ заднюю дверь. Шадите его жизнь, если это будетъ возможно, и убейте его только тогда, когда онъ начнетъ сопротивляться. Если вы доставите его живымъ въ Самсъ, то получите двадцать колецъ золотомъ» ¹⁹⁸.

— Неужели это дѣйствительно относится къ моему отцу?

— Никакимъ образомъ! воскликнулъ Дарій.

— Нельзя знать, пробормоталъ Бубаресъ:— въ этой странѣ все возможно.

— Во сколько времени может хорошая лошадь доскакать о Наувратиса?

— Въ три часа, если выдержитъ скачку и если Нилъ не лишкомъ затопитъ дорогу.

— Я доскачу туда въ два часа!

— Я поѣду съ тобой, восславнунуль Дарій.

— Нѣтъ, ты долженъ остаться здѣсь съ Зофиромъ, для охраненія Бартіа. Прикази нашимъ слугамъ быть на готовѣ.

— Но Гигесъ...

— Ты останешься здѣсь и извинишься за меня передъ Амаисомъ. Ты скажешь, что я не могу присутствовать на пиру, къ счастью головной или зубной боли; слышишь? Я поѣду на пзейскомъ конѣ Бартіа;—ты, Бубаресъ, послѣдуешь за мною на лошади Дарія; вѣдь ты предоставишь ее мнѣ на время, братъ мой?

— Еслибъ у меня было ихъ десять тысячъ, всѣ онѣ принадлежали бы тебѣ.

— Знаешь ли ты, Бубаресъ, дорогу въ Наувратисъ?

— Какъ свои собственные глаза!

— И такъ отправляйся, Дарій, и прикази, чтобы лошади, какъ волы, такъ и Бартіа были на готовѣ! Всякое промедленіе есть преступленіе! Прощай, Дарій, можетъ быть навсегда! Будь защитникомъ Бартіа! Прощай!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I—VII.

¹ Уильямсонъ, *Manners and customs of the ancient Egyptians* III, 14 и III plate XIV. Прекрасная классификація судовъ, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ египтянъ, находится у Дюмхена, подъ названіемъ: «Флотъ египетской царицы». Т. I—V. Т. XXV—XXXI. Тутъ мы видимъ такіе корабли, возвращающіеся изъ путешествія въ Офиръ, которые, кроме павлиновъ, привозили всѣ тѣ сокровища, кои по свидѣтельству I кн. царей (9, 28; 10, 11) обогащали Соломона, посланнаго мореходомъ своимъ другомъ финиціанномъ Хирамомъ. Памятники свидѣствуютъ да объ успѣхахъ мореходнаго искусства у египтянъ. Подвижной рудъ былъ употребляемъ уже въ позднѣйшія времена. Суда являются на монументахъ уже въ періодъ пирамидъ, напримѣръ, въ мастабахъ Сакхари, этихъ синахъ и гробницахъ, которые строили себѣ египетскіе вельможи въ періодъ пирамидъ. Они давали мастабамъ форму усѣченныхъ пирамидъ, стѣны которыхъ извѣдъ оставались безъ всякихъ украшеній, но которыя внутри были орнаментированы рисунками и характеристичными барельефами, еще и теперь возбуждающими удивленіе нашихъ скульпторовъ. Таковы, напримѣръ, изображенія кораблей съ мастаба Т. I. Собранія Дюмхена, результатъ принятаго по повелѣнію короля Вильгельма I путешествія I т. II и IV. В. видѣ приложенія въ этому труду, авторъ присоединилъ превосходный трактатъ Гразера, величайшаго знатока древняго мореплаванія, подъ названіемъ «Мореплаваніе древнихъ египтянъ».

² Хланисъ былъ легкій лѣтній плащъ, сдѣланный болѣею частью изъ дорогихъ тканей, который преимущественно носили щеголеватые афиняне. Простой плащъ, гиматіонъ былъ въ употребленіи у дорійскихъ грековъ и особенности у спартацевъ.

³ Этотъ городъ, который будетъ мѣстомъ дѣйствія части нашего романа, находился на сѣверозападѣ нильской дельты, въ сантскомъ номосѣ въ округѣ, на лѣвомъ берегу канопскаго устья Нила. По Страбону и Ексестіонъ основанъ микетдами, по расчету Бунзена, около 749 г. до Р. X. Кажется, что въ самыя отдаленныя времена, входъ въ канопское устье раздѣлялся греческими кораблями только въ крайнихъ случаяхъ. Тогда всѣ сношенія египтянъ съ ненавистными иноплеменцами ограничивались маленькимъ островомъ Фарусомъ, находившимся напротивъ города Тониса. *Hom. Odys. IV. 36.* Герод. II, 113 и 114. Е. Курциусъ въ своей дѣльной брошюрѣ объ іонійцахъ, старается указать на гораздо болѣе раннія сношенія іонійцевъ съ египтянами. Таковыя, дѣйствительно, существовали, но врядъ ли непосредственно черезъ упомянутое знаменитое племя; напротивъ того, сѣверный берегъ Нижняго Египта очень рано былъ колонизированъ финиціанами, которые, волею судьбы себѣ египетскіе нравы, могутъ быть названы египтянами.

финиціями и оставались вѣрными политикѣ своихъ земляковъ въ Тирѣ и Карфагенѣ, состоявшей въ томъ, чтобы, посредствомъ насилія и хитрости, закрыть устроенные ими для мѣны и торговли пункты всѣмъ иностранцамъ. Дальнѣйшія подробности находятся въ моемъ сочиненіи: Египетъ и Книги Моисея, стр. 195. Мовера Финиціане II, 2. ст. 89 и слѣд.; Какъ только греки поселились въ Наукратисѣ, они укрѣпили его и построили своимъ богамъ храмы: огнищю — Зевсу, миагетю — Аполлону, самосци — Герѣ. Кроме того, тамъ былъ основанъ большой храмъ, общій для многихъ городовъ и племенъ, и образовалось нѣчто въ родѣ Ганзы, подъ названіемъ Гелленіонъ. Александръ впоследствии избралъ вблизи этого цвѣтущаго торговаго города мѣсто для закладки Александріи.

⁴ Дѣло происходитъ въ октябрѣ, когда вода въ Нилѣ начинаетъ уже спадать. Причины наводненія вполнѣ разъяснились послѣ великолѣпной табеларной работы Х. Барта (*Zeitschr. für allgemeine Erdkunde* 1863, XIV. Bd. и Путешествіе С. Бэкера въ Абиссинію). Тропическіе дожди и талые снѣжки на горахъ экватора — вотъ причины этого наводненія. Въ началѣ іюня замѣчается постепенное возвышеніе уровня воды въ рѣкѣ; между 15 и 20 іюля медленная приближъ превращается въ быстрое увеличеніе; въ началѣ октября, воды Нила достигаютъ послѣдней степени высоты, къ которой стремлѣніе возвратиться вторично уже послѣ того, когда начинается убыль, и затѣмъ, убываетъ сперва постепенно, а затѣмъ, все быстрѣе и быстрѣе. Въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ вода все еще усыхаетъ; въ маѣ рѣка имѣетъ наибольшую глубину въ руслѣ. Тогда количество ея воды въ 20 разъ менше, чѣмъ въ октябрѣ.

⁵ Спартанцы не носили усовъ.

⁶ Греки, во время пировъ, часто развлекались музыкою; но и въ Египтѣ имъ видны на изображеніяхъ, что среди общества, обыкновенно, присутствуютъ женщины или играющія на двойной флейтѣ женщины, слѣпыя арфистки и т. п.

⁷ Алкманъ (по аттически Алкмеонъ), жилъ въ Спартѣ около 650 года. Рожденный отъ индійской невольницы въ Сардесѣ, онъ попалъ въ руки въ спартанцу Агезиду, который отпустилъ его на волю. Вскорѣ его прекрасныя пѣсни доставили ему право гражданства въ Лакедемонѣ, гдѣ его сдѣлали главнымъ распорядителемъ по музыкальной части и гдѣ онъ ввелъ нѣжную индійскую музыку, съ которою мы ознакомились черезъ Полимнеста. *Hieroglyph. ocat.* 5. Его языкъ, дорійско-лаконскій. Послѣ жизни, посвященной пѣнію, гастрономическимъ наслажденіямъ и утѣхамъ любви, онъ, какъ говорятъ, умеръ отъ ужасной болѣзни. Вслѣдствіе множества хоровъ дѣвъ (партеій), которые онъ создалъ, его хвалебныхъ пѣсень о женщинахъ и дружескихъ отношеній его въ спартанцамъ, между которыми онъ въ особенности отличалъ блонкуру Мегалострату, онъ заслуживаетъ названіе лакедемонскаго «хвалителя женщинъ». Его пѣани и гимны весьма знамениты. Отрывки его сочиненій собраны Велькеромъ и ихъ можно найти у Берга въ книгѣ, подъ названіемъ *Poetae Lyrici Graeci*, *Alem. fr.*; въ нѣмецкомъ переводѣ — у Гартунга: Греческіе лирики, по гречески, съ метрическимъ переводомъ. Его пѣсни стали извѣстны въ Египтѣ, хотя уже и въ позднѣйшее время, такъ какъ къ числу драгоцѣнныхъ папирусовъ, въ недавнее время найденныхъ на берегахъ Нила, принадлежатъ и отрывокъ изъ пѣсень Алкмана.

⁸ Богиня очарованія. Онѣ болѣе извѣстны подъ римскимъ названіемъ грацій.

⁹ Уилькинсонъ, II, 136—145. *Rosellini, monumenti civili*, табл. 68 и 69. Самыя лучшія картины расположенія садовъ древнихъ египтянъ найдены въ могилкахъ *Tel el Amarna* (18 династія), *Lepsius, Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen. Abth. III. Bl. 102 fgd.*

¹⁰ У воротъ египетскихъ загородныхъ домовъ, иногда стояли обелиски съ именами владѣльцевъ; флаги также были весьма обыкновенны. Однакоже ни встрѣчаемъ ихъ почти исключительно у воротъ храмовъ, гдѣ еще теперь можно видѣть желѣзные крючья, въ которые втыкались древніе флаговъ. Эти послѣдніе были также не безвѣзвѣстны и грекамъ.

¹¹ Главная трапева (δείπνον) происходила весьма поздно, въ особенности въ Аѳинахъ.

¹² Гетеръ у грековъ совсѣмъ нельзя сравнивать съ современными новотами, такъ какъ лучшіе изъ нихъ служили представительницами интеллигенціи и образованности женскаго населенія Эллады, въ особенности у юнійцевъ. Вспомнимъ Аспазію и ея хорошо извѣстныя отношенія къ Периллу и Сократу. Также и наша Родописъ пользовалась большою славой. Гетера Фаргалия изъ Милета сдѣлалась женою ессалийскаго царя. Птоломей Лагъ женился на Файсѣ. Ея дочь называлась Иринею, а сынъ ея былъ Леонтисъ и Лагъ. Athen XIII p. 576. Наконецъ, многимъ гетерамъ воздвигали статуи. Лучшій трактатъ объ этомъ находится въ смѣшанныхъ сочиненіяхъ Ф. Ялбоса, IV и у Векера Charikles, II, стр. 51—69.

¹³ Эпименидъ былъ жрецомъ Зевса въ Кносѣ на Критѣ, и, по словамъ Плинія, дожилъ до 299, а по свидѣтельству Исенофонта Колофонскаго, его современника, до 154 лѣтъ. Диогенъ Лаэртій рассказываетъ, что онъ могъ умирать и оживать по желанію. Такъ какъ онъ былъ въ Спартѣ въ 576 году, то весьма вѣроятно, что старшій Аристомахъ могъ видѣть его.

¹⁴ «Нилъ греки въ древніе времена называли «Aegyptos», наипримеръ, Помет Odys. IV, 478. Нилъ, разливающійся въ Нижнемъ Египтѣ, называется на нѣкоторыхъ памятникахъ Акабъ; но, вѣроятно, онъ получилъ это названіе отъ страны, которую онъ орошаетъ своими устьемъ, такъ какъ побережье Дельты, въ прежнее время населенное египто-финикійцами, по видимому, называлось Экаб-тъ или Эгаб-тъ, извилистая береговая страна, а названіе Египта греки усматривали впервые, вѣроятно, изъ усть финикійца.

¹⁵ Коренные аристократическіе роды на Самосѣ

¹⁶ Эвопъ (620—550), по свидѣтельству Геродота, былъ фракіинецъ, но мнѣнію другихъ—фригіецъ или уроженецъ Мезембрій, милетской колоніи на Черномъ морѣ. Его продали въ рабство самосцу Ядмону. Въ его домѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ Родописъ и впоследствии получилъ свободу. Герод. II, 134. Приобрѣти извѣстность своими баснями, онъ, какъ говорятъ, сдѣлался повѣреннымъ по дѣламъ и пользовался дружбою Креса. Когда онъ, уже будучи старикомъ, по порученію послѣдняго, отправился въ Дельфы, то былъ обремененъ оскорбленными жрецами въ покражѣ золотой чаши, несправедливо приговоренъ къ смерти и сброшенъ съ дельфійскихъ скалъ. Впоследствии, вслѣдъ жизненное правило, практически представленное въ рассказѣ изъ области природы, получило названіе эвоновой басни. О немъ и его басняхъ см. Stalpert: de Aesopo et fabulis Aesopis. Bonnъ 1826. Въ новѣйшее время многократно было высказано, въ особенности Цонделемъ, Revue Archéol. III p. 354, весьма основательное мнѣніе, что первоначальнаго происхожденія Эвоновыхъ басенъ слѣдуетъ искать въ Египтѣ. Отечествомъ басенъ о звѣряхъ, обыкновенно, считаютъ Индію.

¹⁷ Воспитатель дѣтей.

¹⁸ По Геродоту II, 134 и 135, Родописъ была такъ хороша, что каждый эллінецъ зналъ ея имя.

¹⁹ Алкей, современникъ и другъ Сафо, происходилъ, подобно ей, отъ одной изъ знатнѣйшихъ лесбосскихъ фамилій и долженъ быть причисленъ къ лучшимъ лирикамъ дѣлой древности. Одаренный всѣми талантами, по

такой и исключенный гордости и возки предрасудков своего звания, открывавши книжку, купавъ въ дѣло своемъ въ прѣснѣмъ днѣ: императорскія террасы; для знанія: какъ Сивеума, величавъ, пороскившихъ на дѣлѣхъ въ Пѣлонесу; для обозначенія: верховной власти: въ аристократіи, оныя сопрѣжылаше: въ исповѣданіи: Меланиру, Меланиру, Миррису, Клеопатрадамъ. Потерявъ: иудуу въ послѣднихъ днѣхъ: предпріятіи, онъ: призываетъ быть: обратитъ: ся въ: бѣство: ищетъ съ своимъ братьями и единокленичниками, когда Пяттага: сдѣлался: владыкою: народа. Первобытныи: въ: востану: службу: у: На: вуходоморова: Ассивійскаго, послѣдніе, и: въ: нима: Алкеи, вели: оныя: востану: князь. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что поэтъ, вмѣстѣ съ Хараксомъ, братомъ Сафо, проживалъ также и въ Науратисѣ. Послѣ того, какъ Пяттага окончилъ свое законодательство, за которое заслужилъ названіе всемирнаго мудреца, онъ призванъ изгнанникомъ и простылъ поэта, хотя послѣдній и на чужбинѣ преслѣдовалъ его самими ѣдкими стихами. Пѣсни Алкеи исполнены «рицарской поэзіи митиленской аристократіи, которая, изучивъ все искусства при своемъ олигархическомъ воспитаніи, полная гордаго самосознанія получила въ наслѣдство самыя драгоценныя привилегіи — дѣлать свои клязь между дѣломъ и наслажденіемъ и не должна была терять мужества даже въ несчастіи». Это было изящный духъ, котораго ибѣнъ: востану: въ самыя: совершенины: формы, иныи: потому, что онъ: долженъ: быть: ибѣнъ; когда для него раздѣлалась радость или его томилъ горе. Ибѣнъ; ибѣнъ: востану: беззаботный и предающійся наслажденію минуты, онъ: долженъ: считаться: однимъ изъ: значительнѣйшихъ: первообразовъ: Горация, который условяетъ не только его развѣръ, но и многие изъ его мысли. Его отношенія къ Сафо, о которыхъ говорится въ текстѣ, подтверждаются нѣкоторыми изъ его отрывковъ. Они: находятся въ: A. Matthiae: Alcaei: reliquiae: L. 1827. Кроме: того, см. Welker, Kleine: Schriften. I. 126.—147 и Bergk: Lyr. gr. ed. I p. 569—593. Hartung, Die: griechischen: Lyriker, на: греческомъ: языкѣ: съ: метрическими: переводомъ: V p. 18. Ея: статуя: востану: найдена: на: Монте: Кальво. Она: совершенно: соотвѣтствуетъ: представленной: иныи: характеристикѣ: этого: человѣка. Правосходная: статуя: въ: залѣ: Боргесе: въ: Римѣ, по: всей: вѣроятности, есть: изображение: этого: поэта. Braun, Vöner: und: Museen: Rom, стр. 548.

²⁰ Знаменитая повѣстеса Сафо жила, по свидѣтельству Атеней, во время иудійскаго царя Аліатта, т. е. между 620—568 г. до Р. X., а по хронологіи Эссей, о. 44 т. е. около 600 до Р. X. Кроме того, ее называютъ современницею Пяттага, Алкеи и Родописъ, чѣмъ согласуется съ вышеприведенными данными. Мы вряд-ли ошибемся, если скажемъ, что она родилась въ Исбосѣ въ Митиленѣ, около 620 года. Ея отца называли Сванандреоникомъ или Скамонъ. Въ пользу этого говорятъ, кроме Геродота, Эліанъ и другіе древніе писатели, кроме того, Вельперъ, Бергарди, Рихтеръ и другіе. Ея мать и дѣнь назывались Клейсъ. Кроме упомянутого нами Харакса она имѣла втораго брата Дариха, который, по свидѣтельству Атеней, занималъ видное и почетную должностъ въ Пританей въ Митиленѣ. Изъ этого, а также изъ того, что Сафо и Хараксъ подверглись изгнанію во время Пяттага, встаетъ, что они происходили изъ весьма знатной фамиліи. Эта фамилія, вѣроятно, обладала достаточнымъ состояніемъ, иначе Хараксъ не могъ бы, какъ повѣствуетъ Геродотъ, купить Родописъ. Судяса поименительно называетъ мужа поэтессы, Кернола, весьма богатымъ человѣкомъ. Въ числѣ ея поклонниковъ нельзя не упомянуть объ ея знаменитомъ современникѣ Алкеи, между тѣмъ, какъ вѣдѣстную несчастную любовь ея къ молодому Фаону, Бергарди, весьма основательно называетъ басней. Несправедливо также и то, что Анакреонтъ, жившій нѣсколько десятилѣтій спустя, повѣстала Сафо вѣдѣст-

ные эротическіе стихи: они относятся къ другой лезбіанкѣ. Равнѣмъ образомъ, ея грѣшная страсть къ прекраснымъ дѣвамъ и ея привычка съ лезбіанской свалы принадлежать къ области эминологіи. См. Вельгера, Ф. В. Рихтера, Бергарди и Кёбли. Платонъ, Платархъ и др. называютъ ее «красною Сафо». Алкей восхваляетъ ея черные волосы и очаровательную улыбку. Вельгеръ причисляетъ ее къ красавицамъ, воспѣваемымъ въ древности. Ея изображение весьма часто встрѣчается на монетахъ ея отечества, на картинахъ и статуяхъ; но, повидимому, ее изображали весьма различно. Одно изъ этихъ изображеній Демохарисъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Такъ, о художникъ, представи ты могъ митиленскую музу
Лишь вдохновенный самою природою, художницей дивной.
Свѣтомъ чарующимъ блещутъ ея лучезарныя очи,
Творческій духъ отражалъ, ключомъ животворнымъ киницій.
Нѣтъ никакого изліяша въ ея граціозной фигурѣ,
Зеркалъ вѣрномъ, живомъ простоты ея кроткаго нрава;
Это лицо, озаренное мыслью и вмѣстѣ улыбкой,
Намъ говоритъ, что слились въ ней счастливо Киприда и Муза.

Ей посвящены тысячи пѣсень; но мы упоминаемъ здѣсь только о слѣдующихъ эпиграммахъ Пинига и Антипатра Сидонскаго, взятыхъ изъ греческаго изданія (Ф. Якобса).

Пенекъ лишь Сафо, да кости, да ныи закрыты землею,
Пѣснь-жъ ея вдохновенной, бессмертіе служить удѣломъ.

Сафо меня называли и въ пѣсняхъ далеко всѣхъ мѣщанъ
Я превзошла, какъ Гомеръ превзошелъ всѣхъ мужичъ въ своихъ пѣсняхъ.

Правописаніе слова Сафо эолическое. ΣΑΦΟ встрѣчается только на одной монетѣ въ Вѣнѣ, и Вельгеръ считаетъ это написаніе ореографической ошибкой. Отривки ея стихотвореній см. у Вергиліа Луг. Гр. ed II. Прекрасная статья о Сафо есть у Кёбли, въ академическихъ лекціяхъ и рѣчахъ, стр. 153 и слѣд. Солонъ выражалъ упоминутое въ текстѣ желаніе своему племяннику. Stobaeus Serm. XXIX, 26.

²¹ Мы избрали для этого царя его богу известное библейское имя Гофра. У грековъ онъ назывался Уафрисъ и Априсъ. См. его иероглифическіе именныя гербы (С. Lepsius Königsbuch. T. 48). Уа-ф-ра-гетъ, откуда происходитъ передѣлка—Уафрисъ и Гофра (Уа-ф-ра). Онъ царствовалъ отъ 588—569. Эти цифры вѣрны, что видно, во первыхъ, изъ сопоставленія известныхъ уже одновременныхъ событій, а вторыхъ, въ особенности, по найденнымъ Марьеттоу гробницамъ Аписа, которыхъ надписи доставляютъ самыя лучшія свѣдѣнія относительно годовъ царствованія, въ особенности царей 26-й династіи, къ которой принадлежалъ также и Гофра. Онъ былъ свергнутъ Амазисомъ (который, по словамъ Атеней, былъ его другомъ), при восстаніи, упоминаемомъ пророками Ветхаго Завета. Іеремія 44, 30, 24—26, и описываемомъ съ большою подробностью Геродотомъ. Герод. II. 169.

²² Амазисъ отъ 570—526 до Р. Х., о которомъ много будетъ говорено въ текстѣ, судя по иероглифическимъ читаньямъ съ изображеніемъ его имени (Lepsius Königsbuch. Taf. 48, 8) Амесь (молодой мѣсяцъ). Его обыкновенное прозвище было Са-Нитъ, «Снѣгъ Нейты». Имена и изображенія его находятъ на вазахъ крѣпости Каира, на барельефѣ во Флоренціи, на статуѣ въ Ватиканѣ, на саркофагахъ въ Стокгольмѣ и Лондонѣ; на статуѣ въ видѣ Альбани, и на маленькомъ храмѣ изъ розоваго гранита въ Делфѣхъ.

²³ Древніе египтяне, по поводу своихъ отношеній къ иноземцамъ, могутъ быть сравнены съ японцами. Всѣ, не принадлежащія къ ихъ народу, были

чье неизвестны; но они волею-неволею принуждены были издавна открыты для иностранцев доступъ через свои границы и даже не могли воспретать, чтобы въ особенности финикийне, въ руках которыхъ находилась ввозная и отпуская торговля, подобно тому, какъ это было съ португальцами и испанцами въ Японіи (въ XVI столѣтіи), не приобрѣли большого вліянія на всѣ отрасли жизни и даже на религиозныя понятія народа. И подобно тому, какъ въ Японіи за иберійцами послѣдовали голландцы, и въ Египтѣ финикийцы замѣнили греки, которые, послѣ вторженія персовъ и походовъ Александра, господствовали въ долинѣ Нила.

²¹ Мы знаемъ, что мудрость египетскихъ жрецовъ пользовалась большимъ уваженіемъ у грековъ; однако, многія мѣста въ классикахъ показываютъ, что древнѣйшіе греки и римляне, видѣвшіе только странныя формы египетской религіи, дѣйствительно, считали ее безсмысленною. Впослѣдствіи неоплатоничи заимствовали многое изъ ученій жрецовъ Гелиополиса, Онеъ и проч.

²² Герод. II. 85.

²³ Массалия, иныишня Марсель, была основана около 600 года до Р. X. фокейцами. Послѣдній іоническій городъ на мало-азійскомъ берегу подпалъ власти персовъ послѣ того, какъ всѣ граждане удалились оттуда на своихъ корабляхъ, за 19 дѣтъ до начала нашего разсказа. Прежде, чѣмъ поселились мало-азійцы, уже, вѣроятно, существовала финикійская факторія на мѣстѣ Массалии. Впослѣдствіи мы, дѣйствительно, находимъ финикийцевъ совладѣтелями этого мѣста,—фактъ, подтверждаемый не только классиками, но и надписками и надписями тутъ найденными. Кельтами назывались у древнихъ грековъ не только галлы, но и германскія и иберійскія (испанскія) племена.

²⁴ Въ Египтѣ существовала весьма дѣятельная и строгая полиція, организація которой въ особенности приписывается Амазису. По надписямъ и папируснымъ свиткамъ намъ извѣстно о существованіи въ Египтѣ учрежденія, подобнаго жандармскому корпусу, въ ряды котораго предпочтительно принимались иностранцы.

²⁵ Незадолго до начала нашего разсказа нѣсколькимъ честолюбивымъ эллинамъ, вмѣстѣ съ Пизистратомъ Ахенскимъ + 527, Полиратомъ Самосскимъ + 522, и Ладимисомъ Накосскимъ + 524, удалось низвергнуть аристократическое господство и овладѣть правленіемъ.

²⁶ См. прим. 3.

²⁷ Внутреннее устройство дома мы описали по Бекеру и К. Ф. Герману. Домъ, изображенный въ «Анахарсисѣ» Вартеlemi по несомнѣнному мѣсту у Витрувія, слишкомъ обширенъ для нашей цѣли. Очеркъ Гирта еще менѣе удобенъ для насъ, чѣмъ многіе другіе, между тѣмъ, какъ очеркъ Германа, Charikles II, 99, повидимому набросанъ какъ съ любовью примѣненіемъ относихся сюда мѣсть, такъ равно и съ остроумною критикою. Характеръ, будучи богатъ, очень легко могъ выстроить такой домъ, хотя частныя жилища эллиновъ и въ особенности въ то время, пожалуй, были проще описываемаго нами. Гораздо болѣе ясное представленіе, чѣмъ о греческомъ домѣ, мы имѣемъ о домѣ римскомъ, устройство котораго весьма легко воссоздать по строеніямъ, сохранившимся въ Помпеѣ. Этотъ предметъ ясно и отчетливо изложенъ I. Овербекомъ: Pompeji, Zweite Aufl. 1866, томъ I, стр. 230, чертежъ стр. 236.

²⁸ Thyrogeion.

²⁹ Oikemata.

³⁰ Andronitis.

³¹ Пластическое искусство эгинцевъ славилось уже въ древнѣйшія времена. Въ остаткахъ древне-египетскихъ произведеній весьма явственно видны пе-

рекоды от типической формы въ свободному подражанію природѣ. Самыми интересными памятниками древне-египетскаго искусства могутъ быть названы группы на крышѣ храма Аенны въ Эгиптѣ, открытыя въ 1811 г. обществомъ английскихъ, датскихъ и нѣмецкихъ путешественниковъ и находившіяся въ настоящее время въ Мюнхенѣ. Упомянутыя фигуры представляютъ борьбу между греками и троянцами за трюны навшихъ грековъ, тутъ (Ахилла, тамъ Окиа). Группа западной части со статуей Аенны въ серединѣ въ особенности замѣчательна и хорошо сохранилась. См. Wagner, Bericht über die äginetischen Bildwerke mit Anmerkungen von Schelling. 1817. Gerhard, Vorlesungen über Gypsabgüsse. 1844, стр. 8—28. Welker, antike Denkmäler I. S. 80 fgd. Overbeck, Geschichte der griech. Plastik. I. S. 117, fgd. O. Müller, Denkmäler der Kunst. I. T. 6—8. Clarac, Musée de sculpture, 815 и слѣд. О мнѣніи египетскаго искусства на зачаткѣ греческаго — см. E. Lepsius, Über einige ägyptische Kunstformen und ihre Entwicklung. Изъ трактатовъ королевской академіи наукъ въ Берлинѣ, 1871.

²⁵ Metaulos Thüra.

²⁶ Ginäkonitis.

²⁷ Кераія Thüra.

²⁸ Thalamos и Antithalamos.

²⁹ На островѣ Хиосѣ, какъ кажется, изготовлялись первыя произведенія искусства изъ мрамора.

³⁰ Египетское кресло. Уильямсонъ. II, plate XI, стр. 192 и слѣд. Rosellini mon. civ. T. 66, 90—91, гдѣ также находится диванъ, имѣющіе сходство съ нашими. Тіовое дерево привозилось съ оазиса Юпитера Амона въ ливійской степи и было столь драгоценно, что Цидеронъ заплатилъ за одинъ столъ изъ такого дерева миллионъ сестерцій, т.-е. 55,000 таллеровъ. Въ Алжирѣ на большой выставкѣ произведеній области и видѣлъ доску изъ весьма тяжелаго, плотнаго и прекраснаго кедроваго дерева, похожаго на нашу фигурную березу, и названнаго въ каталогѣ, вѣроятно по собственному соображенію его составителя, «корнемъ тіоваго дерева и деревомъ отъ ствола тенить-эль-хадъ».

³¹ Масло изъ плода удивительнаго дерева *gicinus communis*, которое египтяне называли *кни* и употребляли для освѣщенія и помазанія. Герод. II, 94. Страбонъ ед. Савауб. 824. Плиніи XV, 7. Dioscor. IV, 164. На памятникахъ встрѣчаются орѣхи куку (напр. на одномъ берлинскомъ папирусѣ) и кака. Намъ кажется, что послѣдніе тожественны съ маслянистыми ягодами древнихъ египтянъ, такъ-какъ ихъ тоже называютъ «нутерь-кака», священныя орѣхи-кни.

³² Хроника, I, 3, 17—19. Уже Саломонъ за 1,000 лѣтъ до Р. X. приказывалъ закупать лошадей и колесницы въ Египтѣ. Лошадь стоила 150, колесница 600 сикелей (75 и 800 талеровъ). Сикель, по мнѣнію Лютера, «серебрянныя» равняется почти полу-талеру. Книга царствъ I. 10, 28, 29. Хроника II, 1, 16 и 17. На памятникахъ изображены не только прекрасныя лошади верелъ колесницами Фараона, но даже фабрики колесницъ. Впрочемъ, тѣ и другія, т.-е. лошади и колесницы введены въ Египтѣ, какъ доказываютъ памятники, только во второмъ тысячелѣтніи до Р. X. Конскіе заводы, повидимому, существовали въ Сѣв. Египтѣ, гдѣ были обширныя равнины. Мы имѣемъ свидѣтельства о начальникахъ конскихъ заводовъ. (Памятникъ съ 400-лѣтнею эрой въ Танисѣ) и знаемъ, что Фараонъ еще 26 династии, въ которой принадлежалъ Амазисъ, придаетъ особенное значеніе коннозаводству.

Объ конской сбруѣ египтянъ и частяхъ колесницъ, уже издавна изготовлявшихся въ Сиріи, находятся прекрасныя свѣданія въ свѣданцѣ Шабасомъ исследованіи папируса Анастази I., Voyage d'un Egyptien, etc. Парижъ,

хорошо сохранившаяся легкой постройки колесница древнего египтянина найдена въ могилѣ ея бывшаго обладателя (но едвали въ качествѣ его военной добычи); она хранится въ египетскомъ музеѣ во Флоренціи.

⁴³ Герод. II, 180. Пиндаръ. Пис. 7, 9.

⁴⁴ Анаксимандръ Милетскій, родившійся между 611—546 гг., знаменитый геометръ, астрономъ, мудрецъ и географъ, написалъ книгу о природѣ, награвировалъ всемірную карту на жѣлѣ и звѣздъ въ Греціи нѣчто въ родѣ часовъ, которые, повидимому, заимствовалъ отъ вавилонянъ. Началомъ всего сущаго онъ представлялъ нѣчто неопредѣленное, необъятное, безграничное, въ которомъ идетъ постоянное движеніе и изъ котораго чрезъ борьбу противоположностей образуется все видимое. Zeller, Philosophie der Griechen. I. 170. Brandis T. I, стр. 128. Анаксименъ 570—500 былъ также милетскимъ натурфилософомъ и называлъ «воздухъ» первою матеріею. Плутархъ plac. phil. I. 3, 6. Zeller Philosophie der Griechen I. Brandis T. I, стр. 141.

⁴⁵ Теодоръ, происходившій изъ знаменитой самосской семьи художниковъ, оказалъ много услугъ архитектурѣ и въ особенности художественной плавкѣ металловъ.

⁴⁶ Ивикъ изъ Нижней Италіи процвѣталъ около 530 г. Полиратъ признавалъ въ своемъ дворѣ пламеннаго и высокообразованнаго поэта. Событія, случившія послѣ его насильственной смерти, обратились въ древности въ поговорку и приобрѣли всеобщую извѣстность и у насъ, благодаря стихотворенію Шиллера «Ивиковы журавли». Отрывки изъ его сочиненій собраны Шцайдевиномъ Truc. sagm. reliq. и Бергомъ, Poet. lug. gr. Нигдѣ не упоминается о томъ, что онъ былъ въ Египтѣ, но говорится, что онъ сообщалъ грекамъ давно извѣстное египтянамъ свѣдѣніе о тождествѣ утренней и вечерней звѣзды. Achilles Tatius. Isag. in Arati Phaenomen. въ Uranolog. Petavii, p. 136. Lersius, Chronologie, Einleitung, S. 91. Это мѣсто, также какъ и дружба Полирата и Амазиса дѣлаютъ возможнымъ появленіе Ивика въ Египтѣ.

⁴⁷ Сибарисъ былъ городъ въ Нижней Италіи, извѣстный всему древнему міру по своей роскоши, и по свѣдѣтельству Страбона основанъ Ахейцами въ 762 г. Около 510 г. онъ былъ завоеванъ и разрушенъ кротонцами и впоследствии снова встроены подъ именемъ Турія.

⁴⁸ Анакреонъ изъ Теоса жилъ также въ эпоху нашего разсказа при дворѣ Полирата. Знаменитый, очаровательный пѣвецъ любви и вина будетъ часто упоминаемъ въ текстѣ, гдѣ будутъ приводиться его стихи. Упомянутое мѣсто находится въ Анаст. fragm. ed. Moevius XV.

⁴⁹ Рубашкообразное нижнее платье.

⁵⁰ Прозвище, данное Аполлону вслѣдствіе его темныхъ, неясныхъ прорицаній. Macrobius I, 17.

⁵¹ Обыкновенно каждый гость имѣлъ свой собственный столъ; но ми аклимъ, что уже у Гомера говорится о большихъ столахъ. Илиада IX. 206, 215. Odyss. I. 111. Въ Симпозиѣ, который Ксенофонтъ описываетъ, почти въ то время, когда происходитъ наша исторія, встрѣчается столъ, котораго убранствомъ ми воспользовались при нижеслѣдующемъ описаніи. Xenoph. fragm. ed. Bergk. I. Во времена Гомера сѣдѣли за столомъ, вслѣдствіи легкаго положенія вслѣдъ вошло въ обычай.

⁵² Сидра.

⁵³ Греки обыкновенно пили разбавленное вино. Пить чистый виноградный сокъ, какъ повѣствуютъ, было запрещено Закономъ подъ страхомъ смертной казни, а Солономъ—строгаго наказанія всѣмъ гражданамъ, которые не были принуждены употребить его какъ лекарство. Обыкновенная сибѣ была $\frac{2}{3}$ воды и $\frac{1}{3}$ вина. Прим. въ Всадникамъ Аристофана 1184.

⁵⁴ Какъ у грековъ, такъ и у египтянъ существовали кубки разнообразнѣйшихъ формъ и изъ различныхъ матеріаловъ. Всѣмъ извѣстна граціозная греческая посуда для напитковъ, но и египтяне также умѣли дѣлать прекрасныя кубки. Эти кубки были изъ благородныхъ металловъ, изъ мѣди (кубки жрецовъ по Геродоту), изъ вѣшной, отчасти глазированной глины (въ берлинскомъ музее съ голубой глазурью), а иногда, хотя и рѣдко, изъ стекла. Многие отличались пестрою эмалью и были формы распускающагося цвѣта; другіе служили подражаніемъ головамъ млекопитающихъ и птицъ, изъ горла которыхъ лили; другіе были похожи на наши чаши съ ручками. Уильямсонъ II. стр. 848—855. Ровеллини, *Mon. civ. T. LIII—LXII*. Эберсъ, Египетъ в книгѣ Моисея, стр. 328. Оригиналы въ музеяхъ берлинскомъ, лондонскомъ, варшавскомъ, лейденскомъ, туринскомъ и пр.

⁵⁵ Говорятъ, что столовая комната Клеопатры была усыпана розами на цѣлый локоть вышины. Атеней. *Deipnos*, IV. 148 ed. Meineke.

⁵⁶ Греки садились за столъ въ вѣнкахъ. Передъ тѣмъ рабы мыли ноги гостямъ. *Plato. Symposion*, p. 213. На руки также лили воду передъ трапезой. *Athen.* II, 60.

⁵⁷ *Thyrsus* одна изъ классическихъ рыбъ. Объ этомъ кушаньи упоминаетъ Гиппократъ приблизительно около того времени, когда происходилъ нашъ разговоръ. *Hippocrat. fragm.* 84 ed. Bergk.

⁵⁸ Женщины имѣли обыкновеніе ѣсть сидя. У грековъ были стулья и кресла, также какъ и у египтянъ. Изъ Помпей и изображеній нѣкоторыхъ боговъ, и въ особенности знатныхъ личностей, мы узнаемъ, что фигура соли или трона, имѣвшая высокую, немного крутую спинку, а по бокамъ опоры, на которыя можно было класть руки. Обыкновенно симпозиархъ, или распорядитель пршества, избирался по жребію; но тутъ эта обязанность сама по себѣ выпадаетъ на долю Родописъ. Одинъ изъ домашнихъ рабовъ долженъ былъ присматривать за другими слугами, которыхъ гости частію привозили съ собой.

⁵⁹ Въ эпоху нашего разсказа драма находилась еще въ зародкѣ. Θεσικς придавалъ драматическую форму вакхическимъ хорамъ, посредствомъ перемѣнаго вѣнча и масокъ, между тѣмъ какъ Фригійскіе должны были называться первыми трагическимъ поэтомъ въ собственномъ смыслѣ.

⁶⁰ Рабы въ Спартѣ, которые довольно часто старались освободиться отъ своего рабства, описываемаго, впрочемъ, вообще слишкомъ мрачными красками.

⁶¹ Послѣ обѣда въ собственномъ смыслѣ начинался симпозиумъ. Тутъ только обыкновенно надѣвались вѣнки, умывали руки смесью или смесью (нѣчто въ родѣ мыла) и принимались за вино.

⁶² Египтянинъ, запутавшійся въ долгахъ, могъ заложить муміи своихъ предковъ и лишался послѣдняго для того, чтобы не потерять ихъ. Въ противномъ случаѣ онъ подвергался позору и поруганію; а послѣ смерти онъ лишался погребенія. *Діодоръ I.* 98.

⁶³ Переводъ по *Simonidis fragm.* ed. Bergk.

⁶⁴ Городъ Мемфисъ, какъ предполагаютъ, былъ уже основанъ Менесомъ, котораго древніе хронологи болѣею частію считаютъ, послѣ Мането, первымъ египетскимъ царемъ. Онъ оградилъ это мѣсто отъ наводненія посредствомъ великолѣпной канализаціи. Герод. II. 99. Буэнзъ. Жѣсто Египта во всемирной исторіи. II. стр. 40. Его имя многократно встрѣчается на каменныхъ и именно первымъ въ генеалогіи царей; такъ и по открытой Деметриемъ таблицѣ царей, ованчивающей царемъ Сети I. Менесъ (по египетски Мена), несмотря на подовѣніе, которое можетъ возбудить его имя, undoubtedly долженъ считаться историческою личностью. *S. de Rougé Mém. int*

les VI premières dyn. aeg. Онъ, по свидѣтельству Лепсиуса, подвергнуто строгому критическому разсмотрѣнію всѣ хронографы и существующія надписи, царствовавъ въ 3892 г. до Р. X. Его сынъ и преемникъ основалъ magnificentейшій дворецъ, по свидѣтельству Мането, црца гелиополисскаго, который около 250 г. до Р. X. перевелъ на греческій языкъ египетскія священныя книги для птоломеевской династіи. Отъ громаднаго города сохранились слѣдующіе остатки вблизи нижнихъ деревень Бедремейя и Митрагени. Нѣсколько большихъ мусорныхъ кучъ, колоссальная статуя Рамзеса II, отариты Кавальею и Сюаномъ, упоминаемая классиками и нынѣ составляющая собственность англичанъ, обломки колоннъ и каменныхъ фигуръ, слѣды храма бога Пта, осколки и болѣе многочисленныя памятники меньшаго размаха — вотъ все, что осталось отъ прежняго громаднаго города. Мертвый городъ въ Мемфисѣ сохранился лучше. Пирамиды вѣчно остаются на своемъ мѣстѣ, Серанеумъ, Аписовы гробницы Мастаба (см. прим. I) открыты Марзебеємъ, ученымъ французомъ, находящимся на службѣ у вице-короля. Жилища царей ни коимъ образомъ не находились въ храмахъ, какъ доказывали многіе. Домашнія комнаты Рамзеса III, хотя и соединялись съ храмомъ Мединета Габу, но это было исключеніе. Дворцы Фараоновъ, изъ которыхъ не сохранилось ни одного, кромѣ названнаго выше, были, подобно частнымъ домамъ египтянъ, повидимому, построены изъ матеріала гораздо болѣе хрупкаго, и поэтому, болѣе подверженнаго уничтоженію, чѣмъ матеріалъ, употребленный на постройку храмовъ. Последніе строились, вѣроятно, изъ пильскихъ кирпичей, а первые почти исключительно изъ плитъ твердаго камня.

“Первый Псамтикъ, болѣе извѣстный подъ своимъ греческимъ именемъ Псаметиха принадлежалъ къ 26-й или саитской династіи. Онъ первый открылъ Египетъ для сношеній съ иностранными землями. Тутъ надписи изъ аписовыхъ гробницъ оказываютъ такую помощь, что мы можемъ указать на 5-е февраля 664 года, какъ на день вступленія Псаметиха на престолъ.

“Кошка, повидимому, была самымъ священнымъ изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ обоготворяли египтяне. Въ то время, какъ другими животными воздавали поклоненіе только въ извѣстныхъ округахъ, кошка была священна для всѣхъ подданныхъ фараоновъ. Геродотъ, II. 66, рассказываетъ, что египтянинъ, въ случаѣ пожара въ домѣ, помышляеть о потушеніи его не прежде, какъ спасеть свою кошку, и что въ случаѣ смерти ея, въ знакъ горести брѣшетъ себѣ голову. Убившіи кошку, умышленно или нечаянно, во всякомъ случаѣ подвергались смертной казни. Дюдоръ, I. 81, былъ очевидцемъ, какъ египтяне лишили жизни одного несчастнаго римскаго гражданина, убившаго кошку, несмотря на то, что правительство употребило всѣ средства для успокоенія народа, опасаясь могущественныхъ римлянъ. Трупы кошекъ старательно набальзамировались и погребались. Муміи кошекъ имѣются въ каждой музеѣ. Изъ всѣхъ набальзамированныхъ животныхъ чаще всего находятъ муміи кошекъ, старательно обвитые полотняными пеленами. Несмотря на старательный уходъ за кошками, кажется, въ Египтѣ не было недостатка и въ мышахъ. Въ одномъ номосѣ или округѣ (Атрибитійскомъ), считалась священной землеройка, а на одномъ непристойномъ сатирическомъ надрисѣ въ Турніѣ изображена война кошекъ съ мышами. Mr. de Potonnier, слугникъ вѣстнаго учредителя сухаго пути въ Индію, Вагхорна, рассказывалъ намъ въ Каирѣ, что въ одномъ старомъ каменномъ строеніи въ Нижнемъ Египтѣ, на него ночью напали крысы. Знаки отъ укушеній этихъ отвратительныхъ животныхъ не выгладились по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Даже въ позднѣйшее время, когда уже исламизмъ проникъ въ Египетъ, кошки пользовались особенными привилегіями. Въ Каирѣ была

называлась известная сумка золота для коридора толоханъ кошеть, и большой паразанъ шилтриновъ, отирающийся въ Мажу, еще недавно сохранился старухой, имѣвшей при себѣ нѣсколько кошеть, и носившею названіе кошачьей матери.

⁶⁷ Большія пирамиды стоятъ на западъ отъ Мемфиса. Ближайшія подробности въ III части текста.

⁶⁸ Святилище богини Пахти (Сехетъ и Вастъ), изображаемой съ кошачьей головой, находилось въ Вубастисѣ на восточной Дельтѣ (С. Эберсъ. Черезъ Гевенъ къ Синаю. Стр., 15 и слѣд. 482 и слѣд.). Туда также, обыкновенно приносились кошачьи муміи, которыя, впрочемъ, были находимы и въ другихъ мѣстахъ, въ особенности-же весьма часто при Серапеумѣ. По свѣдѣтельству Геродота, это богиня имѣла сходство съ греческой Артемидой (Дяной) и называлась Вубастійскою. По словамъ Стефана Византійскаго, кошка также называлась по египетски бубастосъ. Впрочемъ, это животное, обыкновенно, называли мау, а по новѣйшимъ формамъ языка ему и нау. Кажется также, что въ лицѣ богини Пахти боготворили покровительницу рожденія дѣтей и плодovitости. Ея изображенія находятсѣ у Бѣрца, Gallery p. 16. Уильямсонъ и. а. с. VI Pl. 27 и 36. Кажется же подлежитъ сомнѣнію, въ особенности мѣстѣ обнаруженія храмовыхъ надписей Дендеръ Дюмикеновъ, что въ Васті упоминались нѣкоторыя черты Астарты (чужеземная Афродита, Venus uganis), перешедшей въ египтянамъ чрезъ финикіанъ. О путешествіи въ Вубастисъ въ текстѣ части II.

⁶⁹ *ἄβς* — имя весьма обыкновенное у грековъ, значить «милъ».

⁷⁰ Богиня любви у египтянъ, имѣвшая также храмъ въ Мемфисѣ. Это одно изъ древнѣйшихъ египетскихъ божествъ. Ея главное святилище находилось въ Дендерѣ (Ta-p-ta-ger, страна гиппотоама, богиня гиппотоама), гдѣ она названа всѣми своими именами, которыхъ въ Эдфу наберется около 300. По слову она является протаволожнимъ мужскому, создающему принципъ, принципомъ женскимъ, воспринимающимъ и производимъ и носическимъ какъ міръ, изображеніемъ Бога въ видимомъ мірѣ, природою, въ которой божество проявляетъ свою дѣятельность. Какъ олицетвореніе плодотворности, она представляетъ собою плодородіе полей. Такъ-какъ плодородіе зависитъ въ Египтѣ отъ Нила, то эта богиня есть Ивида-Гаеоръ, «заставляющая Нилъ возрастать въ свое время». Это великая богиня любви, великая небесная мать, которая своимъ небеснымъ покровительствомъ защищаетъ матерей на землѣ; подательница всѣхъ жизненныхъ благъ, прекраснотца, наполняющая небо и землю своими благодѣяніями. Въ позднѣйшее время она рѣзительно превратилась въ музу. Танцы, пѣніе, шутки, и даже наслажденіе и опытіе при питъи вина находились подъ ея покровительствомъ; но главнѣйшимъ образомъ ее чествовали какъ богиню любви. Веревка и тамбури въ ея рукѣ указываютъ на чарующую силу и прелесть любви. Вслѣдствіе ея кубка (*teshu*) Дендера называлась «*Kanthalopolis*» т. е. мѣсто кубка. Гаеору называютъ великой царицей золотого вѣна и корилицею, находящейся около родильницъ. Она была любимою богинею царственныхъ женщинъ. Ея священнымъ животнымъ была корова и она обыкновенно является въ видѣ женщины съ коровьей головой, имѣющей между рогами солнечный дискъ, который напоминаетъ рогъ луны. Изображенія ея см. у Бѣрца, Gallery, p. 19, у Шаволіона *Pantheon Egyptien*. T. 18. Rosell. mon. & cultio etc. Лучшія свѣдѣнія объ этой богинѣ у Дюмикена, *Vaugkünde von Dendera* L. 1863. Ивида есть Гаеоръ въ сверхъестественной формѣ, плодородіе какъ идея, представляющая органическій міръ.

⁷¹ Храмъ великаго мемфисскаго бога Пта былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ произведеній въ Египтѣ. Царь Менесъ заложилъ его,

а многие фараоны, жившие позже, в особенности Рамзесъ III, известный своею сокровищницею Рахисинитъ и Аменемха III старались украсить и расширить его. Псамметихъ I, какъ говорить, встроилъ около него великолѣпный домъ для Аписа, священнаго быка бога Пта; крыша этого дома сдѣлалась, въѣсто колоннъ, на статуи, вышиною въ 12 локтей. Страбонъ, 807. Амазисъ также заботился объ украшеніи этого храма и приказалъ построить на его дворѣ колосса, вышиною въ 75 футовъ. Герод. II. 176. Слабѣ сѣдмъ его еще замѣтны въ настоящее время вблизи арабской деревни Митрагенни.

⁷² Это судилище, которое Дюдоръ, I. 75, сравниваетъ съ афинскимъ арестомъ и спартанскою герузіей, состояло изъ 50 судей изъ числа жрецовъ (10 отъ Гелиополиса, 10 отъ Мемфиса, 10 отъ Эвбей) и избирало въ председатели достойнѣйшаго (Eva tov Aristov). Всѣ жалобы и защитительныя рѣчи подавались письменно, для того чтобы слова и жесты судьи не повліяли на судью. Этотъ требовалъ быть независимъ даже отъ царя. Относительно юриспруденціи у древнихъ египтянъ весьма поучителенъ находящійся въ Туринѣ папирусъ Абботъ, болѣе известный похъ названіемъ Papyr. judiciaire. Болѣе подробныя сѣденія и указанія на литературу этого предмета—у Эберса: *Durch Gosen zum Sinai*, стр. 543 и слѣд.

⁷³ Всякій, кто зналъ о преступленіи, былъ, по египетскимъ законамъ, столь же виновенъ, какъ и самъ преступникъ.

⁷⁴ Предводитель таксы или ротный командиръ, *Lusias*, Apol. p. 162.

⁷⁵ Относительно природныхъ египтянъ изгнаніе, повидимому, не употреблялось въ видѣ наказанія; виновецъ же, котораго требовалось удалить, легко подвергался ему.

⁷⁶ Царь Амазисъ велъ удачную войну противъ Кипра. Герод. II. 178. Дѣл. I. 68.

⁷⁷ Это стремленіе и желаніе единства никакъ не было чуждо эллинамъ, хотя оно и высказывалось не часто. Аристотель, VII. 7, напрямѣръ говорить: «Длины могли-бы, соединившись въ одно государство, владѣть надъ всеми варварами».

⁷⁸ Атенеи I. 25. называетъ атильское вино самымъ лучшимъ египетскимъ винограднымъ виномъ. Въ памятникахъ, кромѣ бѣлаго и краснаго вина, упоминается о различныхъ сортахъ винъ, напр. каземское. Болѣе подробныя сѣденія у Эберса: Египетъ и книги Жюзепа, стр. 322.

⁷⁹ Весьма известный и часто упоминаемый афинянинъ, жившій во время, къ которому относится наша исторія. По свидѣтельству Геродота VI. 122. онъ одержалъ побѣду на скаковой лошади и четверни.

⁸⁰ Такихъ образомъ Геродотъ описываетъ славившіеся въ то время самоскіе корабли; на носу у нихъ часто видѣлись также головы кабановъ. На это обстоятельство указываетъ Страбонъ, говоря, что египтяне отбивали кабаньи головы у кораблей, захваченныхъ въ плѣнъ. Герод., III. 59. рассказываетъ то-же самое о носкахъ кораблей.

⁸¹ У Th. More, *Costume* I. 188. существуютъ также и египетскіе браслеты въ видѣ змѣй.

⁸² И въ древности существовалъ обычай привозить своимъ друзьямъ подарки изъ чужестранія. Такъ напр. Теокрытъ привезъ жемчъ своего друга Никия приду изъ стеновой кости, въ которой онъ присоединилъ прѣдѣльные стихи. Мы указываемъ на прекрасный переводъ этого случайнаго стихотворенія сдѣланнаго Ф. Рюкертонъ.

⁸³ Вторая побѣда коней Емвона, какъ справедливо замѣчаетъ Дундубъ, *Geschichte des Alterthums* IV. стр. 343, была одержана въ 628 году. Тѣ-же самые кони въ третій разъ одержали побѣду на слѣдующихъ играхъ, т.-е. четыре года спустя. Въ знакъ благодарности, Емвонъ поставилъ имъ памят-

никъ на «Владыстоу улицѣ» въ Афинахъ. При этомъ вспоминаемъ, что греки обозначали годы по олимпійскимъ играмъ. Эти составленія происходятъ каждые четыре года. Первое было въ 776 г. до Р. X. Данный годъ назывался 1-мъ, 2, 3, 4 такой-то Олимпіады.

⁸⁴ Наряду съ Акимеонидами знатнѣйшая благородная фамилія въ Афинахъ, которая вела свой родъ отъ Аякса, героя Илиады Гомера. Филеосъ, сынъ Аякса изъ Саламиса, считался ея родоначальникомъ. Отъ нея происходили Мильтиадъ и Кимонъ. Первый Мильтиадъ, женившійся на дочери Кинсеяса, былъ однимъ изъ первыхъ избираемыхъ на годъ архонтовъ въ Афинахъ (Павзаній IV. 23. 5; VIII, 39, 2) и, повидимому, носилъ это званіе около 664 и 659 г. См. М. Дункера *Gesch. des Alterthums*, IV. стр. 301, гдѣ помѣщена родословная этой фамиліи, начиная отъ Мильтиада.

⁸⁵ Каллиаса называютъ дадукомъ *δαδούχος* потому, что въ его семействѣ было наслѣдственнымъ право носить фавелы при элевзинскихъ мистеріяхъ. Есеюф. *Эл.* VI. 3, 2.

⁸⁶ Vitruv. 7. praef. 15. Pausan. I. 18. Dicaearch. fragm. ed. Müller, 59. Его превзошелъ только храмъ Артемиды въ Эфесѣ.

⁸⁷ Онъ побѣждалъ въслѣдствіи черезъ три олимпіады съ своими четырьмя конями Фениксомъ, Кораксомъ, Самосомъ и Квакіасомъ, которыми онъ воздвигнулъ памятники. Павзаній, VI. 14.

⁸⁸ Иберія (Испанія). Рода находилась въ нижней Каталоніи; Тартесъ въ Андалузій.

⁸⁹ Объ этомъ сильнѣйшемъ изъ всѣхъ эллиновъ разсказываются неистощимые подвиги силы. Онъ семь разъ одерживалъ побѣды въ Олимпіи, десять разъ въ Немей, шесть разъ на пелійскихъ играхъ (въ Дельфакъ), десять разъ въ Истмѣ. Diod. XII, 9. Что онъ получилъ званіе въ 62 олимпіаду, это мы знаемъ навѣрно, — Krause. *Olympia*, стр. 327; поэтому есть въроликъ, что онъ могъ состязаться на 63-й, т.-е. за 528 л. до Р. X.

⁹⁰ Meyer, *Olympische Spiele*. Schömann, *Privat-alterthümer* и многіе другіе. Замужнія женщины не смѣли, подъ страхомъ смертной казни, присоединяться къ зрителямъ.

⁹¹ Альтисомъ называлась священная роща изъ платановъ и масличныхъ деревьевъ, которая, будучи окружена стѣною, находилась между рѣкою Алфею и ручьемъ Кладесомъ. Pindar. *Olymp.* VIII.

⁹² Сцена, гдѣ происходила состязанія.
⁹³ Павзаній VI. 14. Евсевій. Хрон. 6. Ол. 72. Эпиграмма Симониды fragm. 179. Бергк. Гартунгъ 222.

Это есть образъ Милона, такой-же прекрасный, какъ самъ онъ:

Въ Пизѣ шесть (?) разъ побѣдилъ онъ, ни разу не павъ на колѣни.

Лучше было-бы сказать семь разъ вмѣсто шести, потому что хотя вообще говорить только о шести побѣдахъ Милона, но все-таки въ Автол. *Plat.* 24 сказано не *ἕξαι*, а *ἑπτάαι*.

⁹⁴ Спартацкія няньки были извѣстны во всей Греціи и на нихъ существовалъ большой спросъ.

⁹⁵ Группы борцовъ назначались по жребію, послѣ того, какъ были доказаны ихъ свободное рожденіе и незапятнанная репутанія.

⁹⁶ Начальникъ спартацкихъ училищъ. Xenoph. *gespubl. Lacaedemon*.

⁹⁷ Дангустами назывались вкусные морскіе раки безъ клешней, встрѣчавшіяся у береговъ Средиземнаго моря, Чернаго моря и даже на берегахъ Франціи, омываемыхъ Атлантическимъ океаномъ.

⁹⁸ Этотъ знаменитѣйшій врачъ былъ уроженецъ Кротона въ Нижней Италиіи и родился въ половинѣ VI вѣка до Р. X. Вслѣдствіе дурнаго обращенія отца, онъ, покинулъ родину и служилъ въ качествѣ врача сарва Пластира-

тдамъ за 2,500, а потомъ Поликрату за слишкомъ 4,000 талантовъ жалованья. Впоследствии его насильно взяли въ персидскому двору, но онъ и тамъ выказалъ свое искусство и умелъ съ помощью хитрости. Въ 510 г. онъ снова возвратился въ Бротонъ и женился тамъ на дочери знаменитаго атлета Милона.

⁹⁹ По законамъ борьбы, тотъ, чей противникъ умеръ, не имѣлъ никакихъ правъ на побѣдный призъ.

¹⁰⁰ Одержалъ побѣду въ 59 олимпиаду, въ кулачномъ бою.

¹⁰¹ Пять спартанскихъ эфоровъ были учреждены для того, чтобы во время кессанской войны заступать мѣсто отсутствующихъ царей. Впоследствии аристократія воспользовалась эфорствомъ, чтобы противопоставить царской власти другую, исходящую изъ ея среды. Въ качествѣ высшаго судебного, воспитательнаго и нравственно-полицейскаго учрежденія, эфоры вскорѣ стѣснѣли въ большинствѣ случаевъ стать выше даже самой царской власти. Каждый аристократъ, имѣвшій отъ роду болѣе 30 лѣтъ, имѣлъ право ежегодно выступать кандидатомъ для избранія въ эфоры. Aristot. polit. II и IV Laert. Diog. I. 68.

¹⁰² Греки имѣли обыкновеніе брать съ собою въ гости своихъ рабовъ. Алкивиадъ, напр., по словамъ Платона, взялъ съ собою слугъ, когда посѣтилъ Симпозионъ Агаэона.

¹⁰³ Becker, Charikles III. 67. Pollux X. 67. A. Rich подъ сл. lectulus. Overbeck, Pompeji, второе изд. II. стр. 47. Древнія кровати дѣлались изъ дерева, бронзы или слоновой кости, очень часто изъ камня, а именно въ видѣ ступени, длиною 7—8 футовъ и вышиною въ 2—2½ фута, которой передній край былъ немного выше и на которую клали матрасы, одѣла и проч.

¹⁰⁴ Древніе греки очень часто носили амулеты, для предохраненія себя отъ несчастій, или для наслажденія постояннымъ благополучіемъ. См. объ этомъ особое сочиненіе Ардита: Il fascino e l'amuleto presso gli antichi. У древнихъ египтянъ также часто встрѣчается употребленіе амулетовъ. Они должны были ограждать отъ бѣдствій не только живыхъ людей, но и души умершихъ.

¹⁰⁵ Хотя сардесскіе и вавилонскіе ковры были въ особенності знамениты, но уже Гомеръ восхваляетъ ковры египетскіе, которые называютъ τὰ κλέα (отъ τέκω). Odys. IV. 124. Теокрытъ восхваляетъ александрійскіе пурпурные ковры, говоря, что они иживѣ сна. Существовали драгоцѣнные египетскіе ковры, магніе и пушистые съ обѣихъ сторонъ (ἀμφίτατοι). Athen, V. 197.

¹⁰⁶ Не подлежитъ сомнѣнію, что Пифагоръ былъ въ Египтѣ въ царствованіе Амазиса, вѣроятно въ среднѣй шестого вѣка (по нашему расчету около 536 г.). Герод. II. 81. 123. Діод. I. 98. Херемонъ у Porphyrius de abst. IV. Jamblichus vita Pythag. 35. Значительно богатый матеріалъ о Пифагорѣ сообщаетъ весьма ученый, но часто слишкомъ смѣлый въ своихъ предположеніяхъ Рётъ, въ своей Geschichte unserer abendländ. Philos. Bd. II.

¹⁰⁷ Пифагоръ былъ первый эллинскій мыслитель, который называлъ себя не «мудрецомъ», а «другомъ мудрости», «философомъ».

¹⁰⁸ Галикарнасъ (нынѣ Бохру), на юго-западномъ берегу Малой Азіи, былъ дорійскимъ поселеніемъ на карійской территоріи. Геродотъ, самъ Галикарнассецъ, называетъ Фанеса уроженцемъ того-же города. Герод. I. 63. 64. Мы сдѣлали Фанеса афиняниномъ для того, чтобы въ немъ представить образецъ аттическаго аристократа. Въ прекрасно-написанной критикѣ на наше сочиненіе ученаго голландскаго профессора Фета, насъ поэтому осуждаютъ, и не безъ основанія. Во второмъ изданіи мы сдѣлали бы Фанеса настоящимъ

гаптирнасцемъ, еслибы для насъ не было важно выставить юническаго грѣхъ въ качествѣ дѣйствующаго лица.

¹⁰⁹ Аристократъ.

¹¹⁰ Оукд. IV. 56. 57.

¹¹¹ Пелійскія игры праздновались въблизи Дельфъ каждые 4 года, въ честь Аполлона, который убилъ Писона. Онѣ приходились въ третій годъ олимпіады.

¹¹² Герод. VI. 35. 36. Laert. Diog. I. 47. Мильтиадъ, приглашенный въ свой домъ пословъ отъ ерапейскаго племени Долонговъ, тѣснимаго своими сосѣдями, былъ выбранъ ими въ правителя.

¹¹³ По различнымъ изображеніямъ на древне-египетскихъ памятникахъ. Матери по Уилькинсонъ, III. 363.

¹¹⁴ Уилькинсонъ, III. 386. Эти палки изъ собранія мистера Салта, найденны въ Фивахъ и сдѣланы изъ вишневаго дерева. Египтяне съ длинными палками видны почти на всѣхъ памятникахъ; также почти во всѣхъ музеяхъ хранятся египетскія палки.

¹¹⁵ Этотъ амулетъ изображалъ Ма, богиню истины, носившую на головѣ страусовое перо. Она изображается также съ закрытыми глазами. См. Уилькинсонъ II. 28 и VI. Pl. 49. Эланъ называетъ этотъ амулетъ изображеніемъ изъ сапфира, *ἄγαλα σαφείρα λίθη*. Діодоръ говоритъ, что амулетъ былъ обложенъ драгоценными камнями. Все сословіе жрецовъ или птероформы носили страусовыя перья. Впрочемъ, многіе высшіе разряды жрецовъ носили перья на головѣ. См. Декретъ Канопа 5 строка греческаго текста и Klemens Alex. Strom ed. Potter стр. 767 и 68. (VI. 4). Wilkinson, I. 1. *Ägypten I.* стр. 343.

¹¹⁶ Уилькинсонъ, III. Pl. 3. Розеллини, *Mon. stor. I.* 79. *Mon. civ. T. I.* 21.

¹¹⁷ Розеллини, *Mon. stor. I.* Таблица 81.

¹¹⁸ Почти повсюду, гдѣ появлялся фараонъ, его сопровождаютъ люди съ такими палками въ рукахъ. «Вѣроносець» былъ обыкновеннымъ титуломъ придворныхъ чиновниковъ.

¹¹⁹ Въ берлинскомъ музеѣ еще до сихъ поръ можно видѣть подобныя иривъ, котораго кудри имѣютъ 2' 6" длины. Эта мода происходила, вѣроятно, отъ бритья, предписаннаго религіею.

¹²⁰ Уилькинсонъ, III. стр. 211. Plate, 16. Иезекиль 27. 7. «Твой парусъ былъ сдѣланъ изъ египетскаго шовла». Дюмхенъ. Флотъ египетской царицы. Еще ярче былъ раскрашенныя картины. Розеллини *Mon. civ.* Табл. 107. 108.

¹²¹ Египтянамъ, такъ-же какъ и евреямъ, было запрещено употребленіе свинины. *Pogryph. de abstin. IV.* Свинья считалась у нихъ въ высшей степени нечистымъ животнымъ, и была атрибутомъ Тифона (по египетски Сета), подобно тому, какъ кабанъ служилъ атрибутомъ Ареса, и свинопасы находились въ глубокомъ пренебреженіи. Шестигранныя животныя приносились въ жертву только при празднествахъ Озириса и Эйлейтисъ. Герод. II. 47. Если богатые египтяне хвалились (см. Врунгъ, Путешествіе въ Египетъ, стр. 223), напримѣръ, тѣмъ, что обладали 1500 свиней, то это можно сопоставить съ вышеупомянутымъ свидѣтельствомъ Геродота. Памятники ел Каб'а также свидѣтельствуютъ о принесеніи свиней въ жертву Эйлейтисъ.

¹²² Трубачи. Уилькинсонъ I. 290, табл. 13. Дюмхенъ, Флотъ египетской царицы. Табл. 8 и 10.

¹²³ Всѣ знакомые люди имѣли богѣ или женѣ дорогія ильскія бари. Уже въ могилѣ Ти въ Саккарѣ, принадлежащей къ временамъ пирамидъ, мы встрѣчаемъ главнаго надсмотрщика надъ судами этого богатаго египтянина.

¹²⁴ Этотъ Варта богѣ извѣстенъ подъ именемъ Смердеса. Почему грѣхъ

называли его такимъ образомъ — неизвестно. Въ клинообразныхъ надписяхъ Вавилона, или Вегистана, онъ называется Вартиг или, по Шингелю, «дрезно-персидскія клинообразныя надписи» стр. 5, X., Варди. Мы, ради болѣе легкаго выговора, избираемъ первое, болѣе удобное для произношенія написание по Раулинсону. Note of the Behistun inscription. Journ. of the Asiat Soc. Сина Амаанса, Псамтика греки называютъ Псамметихомъ, Псаменигомъ или также Псамехеритомъ, имя, въ которомъ Унгеръ, *Chronologie des Manetho*, стр. 234 предполагаетъ перестановку слоговъ отъ Псамтеахъ (Псамтиахъ) Ра.

¹²⁵ Curtius III. 8. Xenoph. Cyrop. VIII. 8. 7. Книга Эсфира 1, 6, 8. 15. Эсфиръ, Перси 661. Скульптуры Персеполиса у Нибура и др. Относительно остального, по знаменитому мозаичному полу, изображающему Александру битву (при Исусѣ). Въ прекрасной раскрашенной литографіи у Овербека. Пензел, второе изд. П. стр. 324. Она была найдена въ Сада del Faino въ Помпей и сохраняется теперь въ музео Borbonico въ Неаполѣ. Впрочемъ, это изображение художника Елены, дочери Тимона въ Кентах. Мечіа сочиненія О. Вальера III. стр. 460—475 и Германуса, небольшія историч. сочиненія VII. стр. 435—467. Мнѣніе Швейдера, будто сюжетъ этой картины есть битва при Кластидумѣ, безусловно ложно.

¹²⁶ Изъ-за этихъ самоговъ, о которыхъ часто упоминается, орacula называлъ Грека «магическими» «Λογὰ ποιητῆρα». Герод. I. 55.

¹²⁷ Герод. I. 85.

¹²⁸ См. примѣч. 166.

¹²⁹ Египтяне называли іудеевъ евреями (Анури), какъ открылъ Chabas, *Mélanges egyptologiques*, II, Эбарсъ, Египетъ I. стр. 316.

¹³⁰ Этѣ слова справедливы, такъ какъ перси, во времена ахеменидской династіи, не вѣдали храмовъ, а только огненные алтари, и отдавали своихъ покойниковъ на сзденіе собакамъ и коршунамъ. Нечистый трудъ, не долженъ былъ заделывать чистую землю своимъ гниеніемъ, ни быть преданъ огню и водѣ, которыя онъ также сдѣлалъ бы нечистыми. Но такъ какъ нельзя было устранить труда, то устроивались дамки или мѣста погребенія, которыя покрывались пластомъ глины и цемента, но меньшей мѣрѣ, въ 4 дюйма толщины, и были обиты веревками. Они означали, что все адавіе виситъ на воздухѣ, не касаясь земли. Spiegel, *Avesta*, Einleitung 2 глава по Андлетю. Изображеніе дамки тамъ-же. Т. II. табл. I.

¹³¹ Гиксосами назывались въ Египтѣ иноземные влстители, которыхъ происхожденіе трудно опредѣлять. О ихъ существованіи свидѣтельствуютъ не только Мането, но и весьма интересныя памятники, найденныя преимущественно въ Танисѣ въ Дельтѣ, которые, будучи сдѣланы египетскими художниками, представляютъ черты иноземныхъ правителей, принесенныхъ въ жертву богу Сету (Тифону). Кроме I сохранился документъ, повѣствующій о послѣднемъ времени иноземнаго влдчества. Въ неголѣ начальника корабля, Амеса, въ Эль-Канѣ находится описаніе прѣступа и влтіе египтянамъ грѣности Абариса съ суши и съ моря. Въ Туранскомъ королевскомъ папирускѣ сохранилось нѣсколько именъ царей — гиксосовъ и подробный памятникъ съ 400 лѣтней эрой, найденный въ Танисѣ, маленкій лезъ, найденный въ Багдадѣ и проч., указываютъ на эпоху гиксосовъ. Послѣдніе цари 17-й династіи (законные повелители Египта были отброшены на вгъ) вступили въ борьбу съ иноземцами. Въ началѣ 18-й династіи все государство снова было подтнено ихъ власти. Мы считаемъ гиксосовъ неоправно уславнившимися финиційскими колонистами въ сѣверной Дельтѣ, къ которымъ принадлежали арабы и влстившія племена. Они властвовали болѣе 400 лѣтъ; ихъ влганіе совершалось около 1600 г. до Р. X. Ихъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ іудеями, какъ это дѣлалось со временъ Иосифа

Флавій. Вожье подробно у Эберса, Египетъ и книги Моксеа, стр. 196. Мы, также, хотя и не во всемъ раздѣляемъ мнѣніе Шаба, указывающаго на прерванное произведеіе его: *Les pasteurs en Egypte. Amsterdam 1868.* Феоіици властвовали въ Египтѣ въ послѣднемъ тысячелѣтіи до Р. X. при 3-хъ царяхъ, пока послѣдній изъ нихъ Тагариа (Тиргана), не былъ изгнанъ около 698 г. Также царь-кредъ Верхняго Египта, Пшанки, которому прихотилось вести трудную борьбу съ мелкими властителями въ Дельтѣ, былъ эіонъ. См. памятники Пшанки. E. de Rougé, Rev. archéol. n. s. VIII стр. 96. Lauth, Die Pianchistele, Abhandl. d. k. bayer. Akad. d. W. I. Cl. XII. B. I. Abth Oppert. Mémoire sur les rapports de l'Égypte et de l'Assyrie. Названіе — люди чумы, палачи, которое египтянѣиъ дасть гипсосамъ, было, дѣйствительно, бранимъ словомъ, относившимся къ вторгнувшимся въ страну иностранцамъ; но египетски aat—п. Шаба объяснилъ это въ *Mélanges égyptol. I, 268.*

¹⁴³ Herod. VII. 88. Xenoph. Cyrop. VIII. 10. Anab. VI. 4. По Агемевъ, въ свѣтѣ Дарія, взятой въ плѣнъ Александромъ, находилось 277 поваровъ, 29 поварениковъ, 17 бочаровъ, 70 погребныхъ сторожей, 40 приготовителей напей и 66 вѣнкошетовъ.

¹⁴⁴ У Розеллини и въ сочиненіи Lepsius о памятникахъ есть портретъ Амаанса въ юношескомъ возрастѣ. Черты его заставляютъ предпологать, что Геродотъ вѣрно охарактеризовалъ этого царя.

¹⁴⁵ См. примѣч. 44 и 19. Біасъ, одинъ изъ всемірныхъ мудрецовъ іонійскаго племени, процвѣталъ около 560 г. до Р. X. и былъ въ особенности знаменитъ вслѣдствіе своихъ весьма мудрыхъ приговоровъ и нравственныхъ изреченій. Послѣ его смерти, посѣдовавшей во время открытаго судебного засѣданія, когда онъ защищалъ друга, его соотечественники воздвигли въ честь его святилище Laert. Diog. I. 88.

¹⁴⁶ Въ переводѣ — большой домъ или высокая ворота. По египетски regia. См. Эберсъ, Египетъ и книги Моксеа I. стр. 268.

¹⁴⁷ Эти титулы носилъ Амаансъ. Розеллини Monumenti dell' Egitto. II. 149. Всѣ прочіе фараоны имѣли подобныя же прозвища и получали божескія почести, какъ указываютъ іероглифическія надписи, а также надписи Розеттская и декретъ Канюпа. Въ 26 династіи очень часто встрѣчается титулъ Небъ пети, господынъ военной славы.

¹⁴⁸ По Герод. II. 173. и слѣд. Диод. I. 95.

¹⁴⁹ Ра, съ обозначавшимъ мужескій родъ членомъ Фра, долженъ считаться средоточіемъ солнечнаго культа египтянъ, который мы признаемъ основой всей ихъ религіи. Ему преимущественно поклонялись въ Гелиополисѣ, египетскомъ Анъ (по еврейскіи Онъ). На памятникахъ обыкновенно изображали его красною краской. Его священнымъ животнымъ былъ коршунъ. Въ книгѣ мертвыхъ онъ игралъ наибавѣйшую роль. Къ нему обращалась большая часть гимновъ и молитвъ. Платонъ, Эвдоксъ и, вѣроятно, Пифагоръ слушали ученіе его жрецовъ. Ему были посвящены обелиски, бывшіе, впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣми памятниками, на которыхъ великіе цари увѣнчивали свои имена и прославительныя татулы. Плиній говорить про нихъ, что они изображали солнечныя лучи. На него, бога свѣта, смотрѣли какъ на заидителъ всего видимаго міра, въ которомъ онъ царствовалъ, между тѣмъ какъ Озирисъ властвовалъ въ мірѣ духовъ. Но такъ какъ подъ всякимъ земнымъ явленіемъ скрыто духовное, то и Ра есть только земное проявленіе Озириса. Озирисъ есть «душа Ра»; онъ самъ является въ здѣшнемъ мірѣ въ видѣ Ра и измѣняется только свое имя и видѣ, каждый вечеръ возвращался въ свое настоящее мѣстопребываніе въ другомъ мірѣ, гдѣ управляетъ подъ именемъ Озириса, такъ же какъ здѣсь подъ именемъ Ра. На другое утро онъ снова

превращается въ Ра въ своемъ юномодѣвшемъ образѣ, подъ названіемъ Горуса Ра, начиная свое круговое движеніе постоянно снова. Древнѣйшіе текстъ Деміуса въ Книгѣ мертвыхъ. Многъ объ Озирисѣ-Ивидѣ и Горусѣ придаетъ этимъ воззрѣніямъ аллегорическо-драматическую форму. Фениксъ (по египетски Бену) принадлежалъ къ культу Ра. Каждые 500 лѣтъ онъ являлся изъ страны палмы (восточной Финніи), чтобы сжечь себя въ Геліополитскомъ храмѣ и возродиться еще прерасибѣ изъ своего пепла. Онъ означалъ 500 лѣтній періодъ, который, подобно Фениксу, возобновлялся вѣчно самъ изъ себя и въ своемъ шестикратномъ повтореніи опредѣлялъ время, необходимое для души, чтобы явиться очищенной послѣ своего сжиганія. Lepsius, Chronologie, стр. 180. и слѣд.

¹²⁰ Герод. II. 177. Дюд. I. 95.

¹²⁰ Дюдоръ I. 70.

¹²¹ Этотъ всѣмъ извѣстный обычай древнихъ египтянъ подтверждается, кромѣ многихъ греческихъ свидѣтельствъ, памятниками и могильными комнатами, въ которыхъ съ трудомъ найдены почти уничтоженныя имена ихъ основателей. Мы увидимъ, какъ, при религиозныхъ воззрѣніяхъ египтянъ, была велика ихъ заботливость относительно нарушенія могильнаго спокойствія. Впрочемъ былъ возбужденъ вопросъ: не должно ли считать упоминаемый гречами земной судъ надъ покойниками сжиганіемъ съ вѣрованіемъ о судѣ надъ душою въ другомъ мірѣ; но для подобнаго мнѣнія нѣтъ особеннаго основанія.

¹²² Каждая человѣческая душа считалась частью всемірной души Озириса, съ которымъ она снова соединялась послѣ тѣлесной смерти и съ тѣхъ поръ уже называлась Озирисомъ. Небо, земля и преисподняя—вотъ три большія области египетскаго космоса. По громадному океану, обтекающему небесный сводъ, солнце ѣздитъ въ лодкѣ, которую везутъ планеты и постоянныя звѣзды. На немъ совершаютъ свое круговращеніе большія созвѣздія на своихъ корабляхъ; тамъ царство блаженныхъ боговъ, которые, въ вѣчномъ спокойствіи, воссѣдаютъ среди звѣздъ на своихъ тронахъ надъ небеснымъ Океаномъ. Доступъ къ великому потоку находится на востокѣ, гдѣ каждое утро богъ солнца рождается въ видѣ ребенка и поднимается изъ влаги. Земныя существа живутъ на земной плоскости, имѣя участіе во всѣхъ трехъ космическихъ областяхъ. Душа дается имъ съ небесной вышней, откуда проистекаетъ свѣтъ; ихъ тѣло, матерія, принадлежитъ земному поприщу; фигура, вѣшній видъ, посредствомъ котораго одинъ человѣкъ на взглядъ отличается отъ другаго, принадлежитъ преисподней. Во время смерти человѣка душа, тѣло и тѣнь отдѣляются другъ отъ друга; душа—для того, чтобы возвратиться къ точкѣ исхода, на небо, такъ какъ она есть часть бога (Озириса), тѣло, чтобы быть преданнымъ землѣ, такъ какъ оно создано изъ земли, по подобію своего творца; а тѣнь для того, чтобы сойти въ преисподнюю, въ царство призвановъ. Ворота, ведущія туда, находятся на западѣ, на горѣ вечерней зари, тамъ, гдѣ солнце ежедневно опускается и умираетъ. Отсюда взаимныя отношенія между восхожденіемъ и закатомъ, между приходомъ и уходомъ, между рожденіемъ и смертью... Заботливое сохраненіе тѣла послѣ смерти какъ относительно разрушенія его по внутреннимъ причинамъ, вслѣдствіе процесса разложенія, такъ и по вѣшнымъ, вслѣдствіе случайностей и насилія, по древне-египетскому ученію, (введенному, вѣроятно, жрецами, по санитарнымъ соображеніямъ), было главнымъ условіемъ для скорого освобожденія души и вмѣстѣ съ тѣмъ для соединенія ея съ источникомъ свѣта и добра, считавшихся неразрывными. Душа, по понятіямъ египтянъ, была еще, въ теченіе большаго цикла солнечныхъ годовъ, связана съ тѣломъ, которое она, однако, могла оставлять на время по желанію, чтобы появляться въ различныхъ видахъ и мѣстахъ передъ глазами земныхъ людей въ тѣхъ образахъ, которые, разл-

честова смотра по часамъ, подробно предписана въ рисункахъ и тессахъ. По могильнымъ памятникамъ и надгробнымъ саркофагамъ. Вгипсч, Aegyptische Gräberwelt, Seite 6.

¹⁴² Герод. II. 84. Бернарь, Antiquitates medicinae Aegypticae p. 20 Hirsch, Geschichte der Medicin.

¹⁴³ Формы египетскихъ колоннъ были и подражались формамъ растений. Ихъ каменные приклады видя съезжаныхъ вѣтвѣхъ буковыхъ вакаруса, нѣкоего лотоса и сѣдящихъ головахъ, если ихъ не уравнивалъ каменный, плоский или лицевой боковъ. Не рѣди также карнаи колоннъ, представляющихъ савану стелой вакаруса. Объ отнесеніяхъ древнеегипетскихъ и древнихъ колоннъ см. Lepsius, Sur l'ordre des colonnes pilliers, en Egypte, et ses rapports etc. в Annales de l'institut de corresp. arab. Rome. 1838. Vol. IX и въ его новомъ сочиненіи о нѣкоторыхъ египетскихъ формахъ искусствъ. Учен. Шаполюнъ указывалъ на то, что входъ въ гробницы Бенхасана, или исторія происхожденія форумъ колоннъ, могъ бы быть весьма важенъ. Lettres-esp. d'Égypte et de Nubie стр. 74, и слѣд.

¹⁴⁴ Герод. II. 175.

¹⁴⁵ Описание этого общества, записано, въ старинныхъ рисункахъ, которые Уильямсонъ, Розеллинъ, Лепsius и другіе перевели въ видѣ картинъ въ своихъ ботанич. сочиненіяхъ. Въ видѣхъ, стелы вакаруса для меда, былъ еще незначительный кодъ, съ картинъ, сѣдящихъ Аммонитовъ, въ Египтѣ, и въ которой въ особенности хорошо изображено чуждое общество, наз. арабск. Фародотъ.

¹⁴⁷ Этого общества еще и теперь существуютъ на Востоку. Для этого употребляютъ хинное растеніе Laniopis, вриповъ, которое Паллій. XIII. I. называетъ сургуа. Въ Египтѣ правительствъ, запрещало это растеніе; но старинъ община, сильно вторгавшаяся, трудно была уничтожить.

¹⁴⁸ Герод. II. 181. Судя по царскому гербу второй жены Амазиса, у Лепсія Царская книга II табл. 49, ее слѣдуетъ называть Себасторъ. Это имя можетъ считаться замъ египетскимъ, такъ и греческимъ. Въ первомъ случаѣ это означало бы дочь богини Вастъ, въ послѣднемъ же означало бы саванное, боговорнидъ, и доказывало бы, что вторая жена Амазиса дѣйствительно была египтянка.

¹⁴⁹ Въ главныхъ украшеніяхъ каждого египетскаго царя, и каждой царки находились фигуры змѣй, знаки власти. Въ Лейденскомъ музеѣ найдено серебряное головное украшеніе царки съ вѣнчанью головами. Изображенъ см. у Шаполюна, Mon. у Розеллина, Mon. arab. et civil. у Уильямсона, Lepsius и др. во множествѣ.

¹⁵⁰ Лерсіпа, Königsbuch II табл. XXXVIII. Первая жена Амазиса, вѣроятно, была Ахнаста, вдова Псамметиха II, на которой онъ женился, вѣроятно, въ политическихъ видахъ, такъ какъ она была довольно похлѣдъ женщиной.

¹⁵¹ Египтянки не считались въ древности, особенно прекрасными. Однако мы находимъ весьма милыя лица между поругетанъ царки и древнихъ собраними Розеллина и Лепsiusомъ. Также нѣкоторые големы сфинисомъ влодѣхъ соответствуютъ нашимъ понатіямъ о красотѣ. Денонъ говоритъ о древнихъ изображеніяхъ египетскихъ женщинъ: «Celle, des femmes ressemblé encore à la figure des jolies femmes d'aujourd'hui; de la rondeur, de la volupté, la nez petit, les yeux long, peu ouverts... le caractère de tête de la plupart tenait du beau style». Еще болѣе одобительно выражается о женскихъ египетскихъ головахъ генералъ Гейльброннеръ, въ своемъ прекрасномъ описаніи путешествія. Также не подлежитъ сомнѣнію, что египтяне суть народъ, переселившійся изъ Азіи на берега Нила, и принадлежалъ къ табу называемой Кавказской расѣ. См. Эберсъ. Египетъ и книги Моисея. I, стр.

40. Эврипидъ говоритъ о Нилѣ, на берегахъ котораго обитають прекрасныя дѣвушки. Известно, что существовали и блондуны египтянинъ. Мането у Страбона называетъ царяку Нилотрисъ (ἠαφὴ τῆν χροίαν, т.-е. блондуровъ, а нынѣшнимъ между портретами у Розеллини. Мон. stor. табл. XIX блондуровъ каревну по имени Равофре. По царскимъ итамъ у Демокрита это была дочь Тутмоса III.

¹⁵² Танцовщица, которая сама аккомпанируетъ себя на гитарѣ. Уилькинсонъ II. 301. Арфисти. Уилькинсонъ II. 20. Арфисти и глѣные пѣвцы. II. 280. Женщины съ тамбуриномъ II. 240. Мужчины, играющіе на двойной флейтѣ II. 232 и 234. Общество танцовщицами и музыкантами, Уилькинсонъ II. Plate XII. П. 390. Фокусники, Уилькинсонъ II. 483. Музыкальные инструменты находятся въ музеяхъ. Танцовщица, которыхъ мы видимъ вмѣстѣ съ тѣми женщинами, можно сравнить съ италіанскими гаваями, которыя своими прелестями, танцами и плясками забавляютъ общество царцевъ и другихъ городскихъ жителей на берегахъ Нила. Въ древнемъ Египтѣ ихъ называли ашениу, а какъ кажется, они принадлежали къ домашнему штату знатныхъ людей.

¹⁵³ Къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ на памятникахъ изображеніе какъ пьяныхъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Слуги несутъ домой пьянаго, лежащаго точно бревно на ихъ головахъ. Уилькинсонъ II. 168. Другой стоитъ на головѣ. II. 169. Многихъ женщинъ рветъ. Уилькинсонъ II. 167. При большомъ праздникѣ Теку въ Дендерѣ пьяство, кажется, было также обязательно, какъ на праздникѣ Ваха между Птолемеями, изъ которыхъ одинъ (Діонисій) грозилъ смертью трезвымъ. Впрочемъ, опьяненіе считалось и у египтянъ позорнымъ и неслыханнымъ состояніемъ. Въ папирусѣ Анастаси IV говорится напр. о вышці: «Ты подобенъ святилицу безъ бога, дому безъ хлѣба; а за глѣмъ: Надобно набѣгать нива (hek)». Множество мѣстъ въ папирусахъ восстаютъ противъ пьянства и бутылъ.

¹⁵⁴ Это были богато вызолоченныя и обитыя пестрою матеріею царскія кресла. Уилькинсонъ II. табл. XI. Розеллини Мон. civ. табл. 90—92.

¹⁵⁵ Герод. II. 78. Petrop. Satyr. c. 84. Nicol. Damaas. Ogar. I. Уилькинсонъ представляетъ изображенія такихъ мумій, II. 410, изъ которыхъ сохранилось много экземпляровъ. Лукіанъ былъ очевидцемъ какъ ихъ раздавали во время иршества. Греки въ Александріи повидимому усвоили этотъ обычай, но вмѣсто мумій у нихъ, оказывающихся и въ этомъ случаѣ болѣе извѣстными, приносили крылатою генію смерти.

¹⁵⁶ Въ особенности Демавездъ. См. восхожденіе на него въ чрезвычайно интересномъ путешествіи въ Персію Вругша I. стр. 284.

¹⁵⁷ Herod. I. 52. 54. 69. 70. Xenoph. Cyrop. VI. 2. 5.

¹⁵⁸ Это увѣреніе, отзывавшееся гиперболой, Зофиръ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, привелъ въ исполненіе на дѣлѣ.

¹⁵⁹ Это распредѣленіе царскаго дня въ Египтѣ, о которомъ говоритъ Діод. I. 70. вообще подтверждается памятниками.

¹⁶⁰ Герод. II. 173.

¹⁶¹ Номархами назывались главные управители округовъ или номосовъ, на которые было раздѣлено все царство. Названіе номосъ (νομός) вполнѣ греческое и означаетъ въ первоначальномъ смыслѣ участокъ для пастбища. По египетски номосъ называется р—tesch или hesp. Въ настоящее время, благодаря заслугамъ англичанина Гарриса, Вругша, Парти, Длиннохвоста и Жана де Ружѣ мы самымъ подробнымъ образомъ ознакомились съ раздѣленіемъ царства фараоновъ. Результаты, добыты упомянутыми учеными, оказались возможными вслѣдствіе многихъ, найденныхъ въ стѣнахъ храмовъ, списковъ номосовъ. Изъ нихъ явствуетъ, что вся страна была раздѣлена на 26 верхне-египетскихъ и 24 нижнеегипетскихъ округовъ, изъ которыхъ каждый еще подраз-

дѣлился на три части. Понятіе о номосѣ было весьма мѣтко опредѣлено александрійскимъ епископомъ Кирилломъ въ *Esai. 19*. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ кажется вѣроятнымъ, что границы номосовъ образовались не вслѣдствіе случайныхъ мѣстныхъ условій, но математически вѣрно распредѣлились по градусамъ. Подъ начальствомъ у номарховъ, управлявшихъ цѣлыми номосомъ и, вѣроятно, проживавшихъ въ главномъ городѣ, дававшемъ имя округу, входились во времена Птолемея топархи, завѣдывавшіе частями этихъ округовъ. Эти участки раздѣлились на поля (*ἀρραι, μερίδες*) Страбонъ. 787.

¹⁶² Вслѣдствіе особенныхъ свойствъ Нила, береговныя постройки были особенно нужны. Фараоны считали за честь заботиться о нихъ. Геродотъ рассказываетъ, что Менесъ оградилъ дамбою западный рукавъ Нила у Мемфиса. Это свидѣніе можетъ быть справедливо. Буазенъ, *Aegyptens Stelle i. d. Weltgeschichte II.* стр. 40. Что Мѣрисское озеро вырыто также для регулированія наводненій—это уже не подлежитъ сомнѣнію. Лелсіусъ, *Хронол. I.* стр. 262. *Linant de Bellefonds, Mémoire sur le lac de Moeris.*

¹⁶³ *Herod. I.* 188. *Xenoph. Cyrop., VIII.* 8. 7. *Авеста (Шлегель). Fargard IV.* стр. Ш. часть прим. 158.

¹⁶⁴ Рамзесъ великій, сынъ Сетоса, получившій отъ грековъ имя Сесостриса, (о причинахъ этой ошибки см. Лелсіусъ, *Хронол. Египет.* стр. 538) царствовалъ отъ 1394—1328 до Р. X. При немъ могущество египтянъ достигло своего апогея; онъ покорилъ многіе народы Африки и Азіи съ войскомъ, которое, по свѣд. Діодора I. 58—58 состояло изъ 600,000 пѣхоты, 24,000 конницы, 27,000 воиновъ на колесницахъ и 400 военныхъ кораблей, и върубаеъ свое изображение и имя въ видѣ побѣднаго трофея въ скалахъ покоренныхъ странъ. Геродотъ самъ видѣлъ два такихъ изображенія. II. 102—106 и еще въ настоящее время можно найти два изъ нихъ неподалеку отъ Бейрута древняго *Βερόν* или *Βιρότός*. У Гюиса и Визе есть снимки съ нихъ. Подобные же снимки находятся въ *Annales de l'Institut de sciences Archéol. Rome 1834*. По поводу этихъ изображеній, египетскіе памятники его называютъ: *Ker-ta—и menp—и her gal—f*, т.-е. тотъ, который поддерживаетъ міръ наплечами, относящимися къ его имени. Благодаря ему, въ Египтѣ получалась огромная дань, *Tacit. annal. II.* 60, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ возможность воздвигать удивительно великолѣпныя постройки отъ Нубіи до Таниса, въ особенности же въ своей резиденціи Эмбахъ. Одинъ изъobeliskовъ, поставленныхъ имъ въ Эмбахъ, находится въ настоящее время на *place de la consorde* въ Парижѣ. Въ послѣднее время переводъ сдѣланъ Шабасомъ. На сохранившихся стѣнахъ дворцовъ и храмовъ, воздвигнутыхъ по приказанію этого великаго царя, мы еще въ настоящее время находимъ тысячу картинъ, изображающихъ его самого, его войска, многочисленна народности, подчинившіяся его оружію и богамъ, которымъ онъ считалъ себя обязаннымъ своими побѣдами. Изъ боговъ онъ, повидимому, относился съ особеннымъ уваженіемъ къ Амону и Бастѣ. Съ другой стороны мы узнаемъ изъ надписей, что небожители были всегда готовы исполнять всякое желаніе своего любимаго. Его борьба противъ Хетъ повѣстически изображена длинными рядами іероглифовъ, на южной стѣнѣ громадной залы съ колоннами въ Карнакѣ, а также и въ Льюсорѣ и на паннусахъ Сальера. Одинъ и тотъ же злосъ, относящійся къ его дѣяніямъ, находится въ 6 различныхъ мѣстахъ. Разработано виконтомъ *E. de Rougé*. Вполнѣ сохранился и переведенъ въ высшей степени интереснѣйшій мирный трактатъ, заключенный имъ съ Хетомъ; онъ переведенъ Шабасомъ въ его прибавленіяхъ къ разбору *Papyrus Anastasi I. Voyage d'un Egyptien*. Его портретъ съ немного загнутыми носомъ, изображающій его въ эпоху энергической предприимчивости, долженъ быть названъ въ высшей степени характеристичнымъ. Памятники даютъ намъ возможность

прослѣдить всю его жизнь, начиная съ юности, съ которою насъ знакомятъ наметники въ Абидосѣ до самой смерти и доставляютъ свѣдѣнія о каждомъ членѣ его семейства. Въ его правленіе египетскія искусства также достигли своего высшаго процвѣтанія.

¹⁰⁵ Еврей Іосифъ рассказываетъ, слѣдуя Мането, что Рамзесъ покорилъ также индію (?) Это было бы не особенно невѣроятно, если-бы Бахтагъ можно было считать тождественнымъ съ Эмбагоной (?), гдѣ мы видимъ одного изъ членовъ 20 династіи собирающимъ дань. Бахтагъ во всякомъ случаѣ находился въ Авіи. E. de Rougé, *Etudes sur une stèle egyptienne etc. Journ. Asiat.* 1856—58.

¹⁰⁶ Герод. II. 177. Это извѣстіе кажется преувеличеннымъ, такъ какъ, по свѣдѣтельству Діодора, въ Египтѣ во времена Пталомеевъ насчитывалось не болѣе 7.000,000 жителей. Діод. I. 81. Іосифъ насчитываетъ 7.600,000 душъ. Число у Теокрита не болѣе какъ ижемоническая игра съ цифрою 3 Лева, въ своемъ Account of the manners and customs of the modern Egyptians насчитываетъ, что эта страна въ состояніи прокормить 8.000,000 человѣкъ. Champollion le jeune находитъ, что можно принять отъ 6—7.000,000. Число жителей въ Египтѣ простиралось въ 1880 г. по Леву до 2.500,000 душъ, по Стефану, см. Современный Египетъ 1872 г. стр. 58, въ 1866 году въ Египтѣ было 4.848,529 жителей.

¹⁰⁷ Древніе египтяне были весьма свѣдущи въ искусствѣ строить укрѣпленія. Въ изображеніяхъ на наметникахъ видны крѣпости со стѣнами и зубцами. Въ моихъ сочиненіяхъ: *Aegypt. I. 78. Durch Gosen zum Sinai* стр. 71 я старался указать, что сѣверовостокъ этой страны (отъ Пелузіума до Краснаго Моря) былъ огражденъ отъ нападенія азіатцевъ ридомъ укрѣпленій.

¹⁰⁸ Тифонъ, по египетски Сеть, богъ нечистаго и зла, подвергся въ религіозныхъ понатіяхъ египтянъ, въ высшей степени странному измѣненію, такъ какъ въ древнѣйшія времена онъ совсѣмъ не являлся въ видѣ губительнаго божества. Марреть доказалъ, что его чествовали въ Мемфисѣ до 5-й династіи. Повидимому, онъ превратился для египтянъ въ губительное божество во времена Гисосовъ, исключительно чтившихъ его. Прежде принявъ зла олицетворяли вмѣстѣ Аленъ. Сеть былъ богомъ войны и вѣдѣтъ съ тѣми богами чужихъ странъ. Рамзесъ называетъ себя его почитателемъ; позднѣйшіе владыки стираютъ его имя тамъ, гдѣ оно имъ встрѣчается. Наконецъ къ нему относятся съ отвращеніемъ, какъ къ исключительному принципу уничтоженія. По свѣдѣтельству Плутарха, онъ властвовалъ надъ всѣмъ необузданнымъ, нестойкимъ, дикимъ и бесмысленнымъ въ душѣ человѣка. Въ одномъ изъ нурсу его называютъ «всемогущимъ разрушителемъ и опустошителемъ». *Lepsius, Erster Götterkreis* стр. 58. И такъ въ его существѣ отражаются также губительныя силы природы. Всѣ вредныя растенія и животныя составляютъ его собственность и также бесполезное, коварное, бесплодное море принадлежало къ его царству. Упрямый оселъ, грязный гиппопотамъ, прожорливый крокодилъ и дикій вервь—любимыя его животныя. Его цвѣтъ былъ красный, поэтому говорятъ, будто въ древнія времена ему приносили въ жертву людей съ рыжими волосами, которыхъ называли тифонскими. Діод. I. 88. Объ этомъ повѣствуетъ также и Плутархъ. Но человѣческія жертвы прекратились уже въ весьма раннія времена. Впрочемъ, говорятъ, что и въ болѣе позднее время рыжеволосыхъ египтянъ забрасывали грязью и презирали. Изображенія представляютъ Сета или въ видѣ животнаго, похожаго на леопарка съ острыми ушами и раздвоеннымъ хвостомъ, или съ щетиною на саннѣ и съ головою крокодила, осла, или гиппопотама. Мы снова встрѣтаемъ Сета-Тифона въ мифахъ объ Изидѣ и Озирисѣ.

¹⁰⁹ Египетскіе астрологи пользовались всемірною извѣстностью. Герод. II.

82 говорить, что египтяне изобрѣли астрологію, а *Aristoteles de coelo II. 12*, что они были пераши астрономами. Каждый часъ имѣлъ свои планеты, изъ которыхъ нѣкоторыя возвышали счастье, другія губили; также и при гороскопахъ все зависѣло отъ положенія звѣздъ. Амонъ (Юпитерь) всегда представлялъ счастье, Себъ (Сатурнъ) всегда былъ предвѣстникомъ зла. Тотъ (Меркурій) былъ измѣнчивъ. Различныя совѣщанія должны были также имѣть влияние на отдѣльные члены человеческого тѣла. *Champollion, Lettres p. 289. Firmicus Maternus, IV. 16*, называетъ имена двухъ знаменитыхъ египетскихъ астрологовъ—Петозириса и Нехенсо. См. также *Диод. I. 50. 81. II. 92*. Памятники наполнены астрономическими фигурами, а праздничные календари, дошедшіе до насъ, подтверждаютъ то, что говорятъ классики объ астрономіи египтянъ.

¹⁷⁰ Египетскіе храмы устроены такимъ образомъ, что они посредствомъ помѣщеній, дѣлающихся все ниже и тѣснѣе, стараются сосредоточить на одной точкѣ серьезное настроеніе и благочестіе молящагося. Всѣ пути указаны, никакое уклоненіе не дозволено, никакая ошибка невозможна. Между рядами священныя животныхъ, между воротъ мы проходимъ съ благоговѣніемъ. Высоко, широко открываются ворота... молещякъ входитъ въ обширный дворъ... боковыя стѣны сдвигаются, дворы понижаются, почва возвышается, все стремится къ одной цѣли... Такимъ образомъ мы идемъ дальше, лишенные развлеченій видѣть небо и тѣсно окруженные суровостью постройки, святостью изображеній. Все ближе сдвигаются вокругъ насъ священныя стѣны до тѣхъ поръ, пока только нога жреца вступаетъ въ одинокую, наполненную отголосками комнату самого божества. «*Schnaase, Kunstgeschichte I. 894.*

¹⁷¹ Это озеро существуетъ еще и понинѣ около развалинъ *Sansa. Sa-el-Nagar*. Герод. II. 170. Уэлькинсонъ. IV. 192. II. 509. Карта, приложенная къ *Description de l'Egypte. Lepsiusъ*. Памятники отч. I табл. 55 и 56. Озера, посвященныя божествамъ, находятся при большинствѣ храмовъ.

¹⁷² Ведущія къ египетскимъ храмамъ отдѣльно стоящія ворота съ восьми стѣнами, благодаря которымъ, можетъ быть, Египъ Гомера получали названіе сто-воротныхъ.

¹⁷³ О крылатомъ солнечномъ дискѣ и его значеніи только въ новѣйшее время собраны подробныя свѣденія по памятникамъ. Изъ текстовъ Эдфу, опубликованныхъ Навилемъ, которые Бругиусъ перевелъ въ своей брошюрѣ «Крылатый солнечный дискъ», мы узнаемъ, что Горъ Гутъ (Горъ Эдфу), въ образѣ крылатого солнечнаго диска, поборолъ злаго духа и его сообщниковъ и что въ воспоминаніе о его побѣдѣ надъ всѣми храмовыми воротами и святилищами въ Египтѣ должно находиться изображеніе крылатого солнечнаго диска со змѣями. Такимъ образомъ этотъ символъ напоминаетъ окончательную побѣду добра надъ зломъ, свѣта надъ мракомъ, плодородія надъ неурожаемъ, жизни надъ смертію.

¹⁷⁴ Египетская заповѣдь, поразительно похожая на четвертую еврейскую. Она встрѣчается на папирусѣ Приссе, древнѣйшемъ изъ имѣющихся иероглифическихъ письменныхъ памятниковъ.

¹⁷⁵ Египетское названіе *Θεοῖσι*.

¹⁷⁶ Ивида, жена или сестра Озириса, есть природа, посредствомъ которой богъ допускаетъ въ соверщенію и откровенію. Дальнѣйшія свѣденія объ относящемся къ ней мифѣ см. въ третьей части.

¹⁷⁷ Не только простые египтяне, но и фараоны представляемы на древнихъ изображеніяхъ играющими въ шаши или въ ваку-то другу подобную игру. Царь Рамзесъ, играющій съ своею дочерью, у Розеллини; два египтянина, играющіе въ тригратъ, Уэлькинсонъ II. 419. Минутоли, общественныя игры у древнихъ египтянъ, *Лейпцигская иллюстрированная газета VII, 1853. Осо-*

блестящая прекрасная шахматная доска находится в египетской коллекции в Луврском музее в Париже; другая в музее в Булаге.

¹⁷⁵ Минутали. Общественные игры, Уильямсонъ II. 429. Розеллини. Моп. сив. табл. 100 и 101. В гробницахъ также найдены мячи и сохраняются в музеяхъ, напр. в Лейденѣ.

¹⁷⁶ По свидѣтельству Дюх. I. 27 египетскіе царичи пользовались большимъ почетомъ, нежели сами цари. Памятники и списки доказываютъ, что и женщины могли быть облачаемы верховною властью. Мужъ наследницы престола дѣлался царемъ, благодаря ей. Во всякомъ случаѣ у царственныхъ женщинъ были свои собственные доходы (Дюх. I. 52), и если котораянибудь изъ нихъ причислялась послѣ смерти въ богинямъ, то ей назначались жрецы (дегретъ Канона). Во времена Птолемеевъ многія монеты украшались изображеніями царичъ и ихъ имена давались городамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что сновель, говорившіе о своемъ происхожденіи, такъ же часто называютъ имя матери, какъ и отца, что замуженныя египтяночки очень часто называютъ «госпожами» и апостельницами дома», что имъ, какъ извѣстно изъ греческихъ папирусовъ, было предоставлено свободное распоряженіе принесеннымъ въ подарокъ имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ,—однимъ словомъ, что слабому полу въ Египтѣ были предоставлены всѣ права наравнѣ съ сильнымъ поломъ. Стремленіе многихъ претендентовъ состояло въ томъ, чтобы жениться на царственныхъ женщинахъ изъ законной династіи. Во время отсутствія царя правленіе передавалось его женѣ. Дюх. I. 17.

¹⁷⁷ Симонидъ Аморгосскій, сочинитель ямбовъ, жившій около 650 г., разражался ѣдкими стихами противъ женщинъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на различные разряды, которые сравниваетъ съ вредными животными. Хороша только женщина, подобная пчелѣ, такъ какъ она можетъ осчастливить мужа. Этотъ же самый поэтъ есть авторъ извѣстнаго сказанія о Пандорѣ. Впрочемъ мы видимъ, что и египтяне бранятъ дурныхъ женщинъ, и даже по примѣру Симонида, сравниваютъ ихъ съ хищными животными (тиенами, львами, пантерами). О порочной женщинѣ говорятъ: она есть выстилкае всего дурного и жѣлокъ, полный всякой скверны. Шаба, Фаруг, тагіе. Наггіс. стр. 135. Фокиадъ Милетскій, человекъ грубый и рѣзкій, но внимательный наблюдатель, въ своихъ произведеніяхъ подражалъ Симониду. Еще гораздо рѣзче его—Гиллионасъ Эфесскій, тѣлесно изуродованный и погибавшій отъ язвы (около 550 г.). «Въ его Холиамбахъ отражается (по Бергарии) его безобразіе во всѣхъ видахъ». Отрывки изъ этихъ писателей—у Вельгера, Шейдевица и Берга.

¹⁷⁸ По прекрасному переводу Ф. В. Рихтера.

¹⁷⁹ Объ этомъ насмѣшливомъ прозвищѣ, вполнѣмъ полученномъ Даріемъ, будетъ сказано въ концѣ третьей части.

¹⁸⁰ Аурмаздоу называется въ клинообразныхъ письменахъ извѣстный водъ именовъ Ормузда великій и чистый богъ персовъ, противопоставленный злону, врачному принципу Анграманью или Арману. Въ Зендъ-Авестѣ Аурмазда (по Шлегелю) называется Агура-Мазда.

¹⁸¹ Повѣствуютъ, что Науходоносоръ водвинулъ эту гигантскую постройку на своей женѣ—персіианкѣ Амитисѣ. Curtius V. 5. Уоверпуз contra Аріон. I. 19. Antiq. X 11. 1. Дюх. 11. 10. Дальнѣйшія подробности о числѣхъ садахъ во второй части, въ примѣч.

¹⁸² Изъ подобныхъ впросникъ въ Египтѣ эллиновъ первый Псамметихъ образовалъ новую касту переводчиковъ. Герод. II. 164. Вѣроятно и Геродота сопровождалъ подобный же «драгоманъ».

¹⁸³ Уильямсонъ II, стр. 102. 95. 1.

Т. ССVIII — Отд. I.

439

¹⁰⁷ Уилькинсонъ II, стр. 119 и 121. Герод. II. 96. Еще и по нынѣ находятъ такіа башенки.

¹⁰⁸ Насколько можно судить по развалинамъ Алабастрова и Мемфиса египетскія улицы были вымощены. Намѣрное это можно сказать о дорогахъ, которыя вели къ храмамъ.

¹⁰⁹ Ленсузъ, Письма, стр. 13, и уже ученые французской экспедиціи видѣли груды мусора, означавшія положеніе Акрополя въ Саксѣ.

¹¹⁰ Въ Египтѣ ремесленники имѣли обыкновеніе въ тогдашнія времена, такъ же какъ въ настоящія, работать на открытомъ воздухѣ, или въ настѣхъ растворенной мастерской.

¹¹¹ Что подобнаго рода чародѣи и заклинатели змѣй были далеко не рѣдкостью въ древнемъ Египтѣ, это можно доназвать многими мѣстами въ Библии и разсказами древнихъ. Псаломъ 58. 45., Іерем. VIII. 17, Aelian histog. animal XVII. 5. Даже въ настоящее время, по свидѣтельству Лева, II. 129, въ одномъ Каирѣ существуетъ 300 человекъ подобныхъ заклинателей змѣй, изъ которыхъ мы видѣли многихъ въ Каирѣ, Суэзѣ, Ассуанѣ и пр. Напомнимъ также о Псимахъ въ Киренаикѣ. Боговъ Хунзу и Тота мы избрали, такъ сказать, покровителями чародѣя, такъ какъ первый изображенъ на памятникѣ Вентрешта въ парижской библиотекѣ изгоняющимъ злыхъ духовъ, а Тотъ (Гермесъ грековъ), считавшійся изобрѣтателемъ письма и покровителемъ всѣхъ наукъ, повидимому былъ также и представителемъ магіи.

¹¹² Западный берегъ Нила со стороны, расположенною позади его, назывался Ливією; ливійскій номосъ находился на сѣверозападѣ Египта и въ особенности отличался изобиліемъ змѣй въ мѣстности Мармарика, уже отчасти живущей стеною характеръ.

¹¹³ Діод. I. 77.

¹¹⁴ Клятва именемъ Митры, бога солнца, была въ особенности священна для персійцевъ. Vendid. Farg. IV. 36. Шингель, Авеста стр. 94.

¹¹⁵ Ахемнидами назывались цари, происходившіе отъ Ахемесеса, называемаго въ клинообразныхъ письменахъ (Бегистанская надпись 1. 2). «Гахманисъ» и аристократы, находившіеся съ ними въ родствѣ.

¹¹⁶ Герод. I, 88.

¹¹⁷ Греки опредѣляли дообѣденное время дѣятельностью на рынкѣ. *ἡγορά* πλῆθος αἰορά, *πὲρ* πλῆθος αἰοράν, — *πληθὺν αἰοράς*. II. 178, VII. 228, *διὰ* πλῆθος αἰοράς. (Херофр. Оесоп. 12. 1). Когда рынокъ наполняется, когда рынокъ наполненъ, когда онъ пустѣетъ. Точное опредѣленіе этого раздѣленія по нашему счету часовъ здѣсь невозможно, однакоже, повидимому, вѣрно то, что рыночная торговля оканчивалась до обѣда. Главная дѣятельность на рынкѣ продолжалась, вѣроятно, отъ 10 часовъ утра до 1 пополуночи.

¹¹⁸ Дозвано, что до персидскаго періода, слѣдовательно и во время, къ которому относится эта часть нашей исторіи, въ Египтѣ не существовало никакой чеканеной монеты. Благородные металлы звѣшивались и, какъется, ходили какъ монета въ видѣ колецъ, изображеній звѣрей и т. и. На многихъ памятникахъ мы видимъ людей, звѣшивавшихъ золото при покупкѣ товаровъ, а также людей, уплачивающихъ подать золотыми кольцами проч. Такія кольца употреблялись для платежей даже и во времена Птолемея, которые чеканили много монеты. Плиніи, XXXIII. 1. Вѣсь, напр. у Уилькинсона 11, стр. 10. Золотныя кольца звѣшивались посредствомъ гирь, имѣющихъ видъ животнаго. О вѣсахъ египтянъ и ихъ значеніи мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ.

(Замѣтки провинціального адвоката).

I.

Не мѣсто разсказывать здѣсь о тѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, при которыхъ я, вышедши изъ — скаго университета, не кончивъ курса, ухватился за адвокатуру, какъ за спасительную соломенку, начавъ свою практику съ перваго дня открытія мировыхъ судебныхъ установленій въ той мѣстности, гдѣ я поселился. Начну прямо съ разсказа о положеніи провинціальныхъ ходатаевъ въ средѣ провинціального общества, положеніи, мнѣ, какъ одному изъ этихъ ходатаевъ, вполне извѣстному.

Нельзя сказать, чтобы адвокатура въ провинціи вообще, а въ уѣздныхъ городахъ въ особенности, считалась дѣломъ серьезнымъ, то-есть, занятіемъ, достойнымъ уваженія. На адвоката смотрятъ какъ на личность «безъ опредѣленныхъ занятій», какъ на правдошатающагося, другими словами, какъ на человека, отъ котораго ничего «путнаго» ожидать нельзя.

Такой взглядъ на провинціальную адвокатуру отражается, конечно, и на общественномъ положеніи самихъ адвокатовъ, далеко не завидномъ, зависящемъ отъ всякихъ случайностей, отъ всѣхъ и вся. Этотъ взглядъ вытекаетъ изъ самаго порядка вещей: адвокатъ въ глазахъ провинціальныхъ обывателей не болѣе какъ работникъ, котораго всѣ и каждый нанять могутъ, когда имъ вздумается (исключая, конечно, крестьянина, который за свои же деньги, въ ноги адвокату до сыта навланяется). Значить: «дѣло дѣлай и деньги бери!»

— Положеніе вашей братіи весьма шаткое, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ шаткое!... Опредѣленности не имѣете никакой! Точки опоры у васъ нѣтъ! И развелось вашей братіи столько, что «предложенія больше, чѣмъ спросу»; оттого ваши фонды и понижаются!.. Сегодня урвете, а завтра зубки на

полку! соболѣновалъ мнѣ товарищъ прокурора, очастливившій меня однажды своимъ милостивымъ разговоромъ на мировомъ сѣздѣ.

— Не только шаткое,—думаю себѣ:—а даже мы вовсе подъ собою никакой почвы не имѣемъ! Чуть что не такъ сдѣлалъ, не по «ихнему», чуть кого не «уважилъ», всякій можетъ какудъ ни на есть пакость нашему брату сдѣлать!...

— На счетъ «жранья» нашему брату ужъ куда какъ плохо стало! Хоть бы въ писаря куда нибудь поступить, да нигдѣ не берутъ, потому что, говорятъ, въ «аблакатахъ» былъ! часто слышалъ я сѣтованія на свою судьбу отъ «вашей братин».

Адвокатъ въ уѣздномъ городѣ всегда находится между многихъ огней и если обнаружить нѣкоторую неосторожность въ обращеніи съ ними, то можетъ преобильно обжечься...

Случится въ городѣ случай, напримѣръ, хоть такой: какой-нибудь «дергачъ» Паганкинъ съ пьяныхъ глазъ пошлетъ съ улицы въ окно воздушный поцалуй какой-нибудь госпожѣ Вонъ-Глазъ, а супругъ этой госпожи дастъ Паганнину за такое тяжкое оскорбленіе его супруги отеческое наставленіе, то-есть собственноручно кровь ему изъ зубовъ пустить. Весь городъ сейчасъ же раздѣлится на двѣ партіи.

— Если нашихъ женъ такъ оскорблять будутъ!!! восклицаютъ одни.

— Зачѣмъ же было, однакожь, кровь изъ зубовъ пускать! разсуждаютъ другіе.

Между тѣмъ на того же несчастнаго «дергача» Паганкина, независимо отъ кровопусканія, подается мировому жалоба за оскорбленіе г-жи Вонъ-Глазъ дѣйствіемъ, «помощію воздушнаго поцалуя». Если Паганкинъ обратится съ просьбою о защитѣ къ уѣздному ходатаю, то честно ли поступить послѣдній, отказавшись защищать его, на томъ только основаніи, что въ кармапѣ у него лежитъ всего на всего три рубля?

А господинъ Вонъ-Глазъ тѣмъ временемъ приглашаетъ для своей защиты «губернскаго» ходатая, который съ превеликимъ триумфомъ и выигрываетъ ему дѣло. Паганкина за оскорбленіе дѣйствіемъ помощію воздушнаго поцалуя сажаютъ на «висидку», а господину Вонъ-Глазъ, принимая во вниманіе то, и то, и то, а наконецъ и то, что онъ дѣйствовалъ по необходимой оборонѣ, ставятъ на видъ лишь неблаговидность его поступка. И затѣмъ уѣздный адвокатъ, осмѣлившійся принять на себя защиту Паганкина за 3 рубля, предается всеобщему поруганію.

Вообще, если поручили адвокату дѣло, то забыви его Богъ, встрѣтись съ «противной стороною» или съ родственниками ея въ восходящихъ и нисходящихъ степеняхъ и въ боковыхъ не ниже второй степени, перевинуться двумя, тремя словами или даже просто поклониться. Сейчасъ пойдетъ слухъ: «перегачнуться на другую сторону хочеть»—и довѣритель станетъ грозить отнять дѣло. Отъ адвоката требуется, чтобы онъ нахо-

дился съ противоположною стороною въ такомъ же враждебномъ отношеши, въ какомъ состоитъ и его довѣритель.

А если напишетъ адвокатъ частную жалобу на видимо неправильное распоряженіе судьи (извѣстно, что есть судьи, равнодушные къ подаваемымъ на нихъ частнымъ жалобамъ), то «увлегающемуся» сейчасъ же дается почувствовать, что для него существуютъ нѣкотораго рода «бразды».

Прежде всего, при первомъ же удобномъ случаѣ, пускается въ ходъ власть, которая въ «руководствѣ для мировыхъ судей» назвала дискреціонною, то-есть безконтрольною. Это власть штрафовать до 3 рублей каждаго изъ присутствующихъ въ камерѣ лицъ, если они мѣшаютъ разбирательству, нарушая порядокъ и тишину и правяа благопристойности.

Жалобъ на эту «штрафовку» не принимается, а иногда отъ нея гарману навладно, потому что въ законахъ не воспрещено и нѣсколько разъ въ одно засѣданіе оштрафовать по 3 р.

А между тѣмъ, сколько случаевъ, сколько примѣровъ того, какъ широко понимается эта власть! Я знаю случай, когда судья оштрафовалъ одного не милаго ему адвоката нѣсколько разъ по 3 р., за то, что тотъ «устремлялъ на него, мирового судью, видимо дерзкіе взоры и тѣмъ мѣшалъ разбирательству».

Но, кромѣ того, есть и другія средства, съ помощію которыхъ адвокатъ поджаривается на медленномъ огнѣ.

Въ повѣсткахъ на явку въ судъ обозначается срокъ явки стереотипными словами: «не позднѣе десяти часовъ утра». Случаясь опоздать хоть нѣсколькими минутами — глядишь, дѣло первымъ разобрано, то-есть или заочное рѣшеніе готово, если я явлюсь за отвѣтчика, или, если я явлюсь за истца, то дѣло и совсѣмъ производствомъ превращено. А судебныя издержки постановлено взимать съ ни въ чемъ неповиннаго довѣрителя. Отмѣны лучше и не просить: «нельзя-съ!... Я дѣйствую на основаніи 135 ст. уст. уг. суд.! Вы опоздали, законныхъ причинъ не представили? Нельзя-съ».

Если придете пораньше, то приходится просидѣть до конца засѣданія, потому что ваше дѣло, какъ нарочно, разбирается послѣднимъ. Просить о скорѣйшемъ разсмотрѣніи лучше и не могъ: «нельзя-съ! У меня дѣла по очереди идутъ! Нарушать для васъ порядокъ невозможно-съ! дожидайтесь, когда я вызову и потрудитесь не мѣшать мнѣ, иначе я васъ оштрафую!» А между тѣмъ, у самого въ глазахъ такъ и написано: «а! что? будьте впередъ частныя жалобы подавать!»

Привыкаться сказать, въ первое время своей адвокатской дѣятельности, я былъ очень ретивъ: и «то» меня возмущало, и «это» было, по моему мнѣнію, незаконно, ну и поролъ горячку «изъ-за разныхъ пустячковъ». Вслѣдствіе такой неопытности, мнѣ очень часто приходилось «гнѣвить», а послѣдствіемъ этого начиналось «поджариванье».

Присутствующая въ камерѣ публики чутка къ подобнаго рода

отношениямъ; она сейчасъ же замѣчаетъ, что «аблакать» находится «въ опалѣ» и потому идти къ нему съ дѣломъ поостережется.

— Или ты ужь очень глупъ, батюшка, или очень заучился, а только ума въ тебѣ я большого не предвижу, распекала меня хозяйка моей квартиры, добрая старуха, дозволявшая себѣ распекать меня потому, что «опальное время» вносило нѣкоторую неправильность въ исправность моихъ платежей ей за квартиру:— бѣдному человѣку отчего не помочь, да зачѣмъ же ты лѣзешь куда не слѣдуетъ? Нельзя, ну и нельзя! Пойми ты, что плеть обуза не перешибетъ!..

— Ну, чего ты ершишься, говаривалъ, бывало, въ мое «опальное время» кандидатъ на судебныя должности Чижиковъ, прикомандированный въ помощь къ одному изъ нашихъ судебныхъ слѣдователей, но болѣе занимавшійся адвокатурой у мировыхъ судей: — помни ты, что ласковый теленокъ двухъ матерей сосетъ!..

Кстати. Въ средѣ самаго провинціального общества о «насъ» существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія.

— Кассаторы-съ и апелляторы-съ!... звали насъ мировые судьи, не любившіе частныхъ жалобъ.

— Помилуйте-съ, да это—настоящіе воровъ укрыватели, — утверждалъ помощникъ исправника.

— Это пьяви-съ! Кровь изъ мужиковъ постоянно высасываютъ!.. говорилъ помѣщикъ, къ которому я отъ имени бывшихъ крестьянъ предъявилъ искъ и выигралъ дѣло.

— Что это, крестьянскія-ли молитвы до Бога, да до царя дошли, что таперича защитчики вездѣ пошли! умилались крестьяне.

— Клявузи нимъ бы только разводить! гадѣлъ кой-кто изъ купечества, не влюбивъ нашу братію за предъявленіе къ нимъ исковъ о нерасчетѣ за куленные товары.

Чтобы показать, на какомъ счету у насъ на Руси стоитъ провинціальная адвокатура, укажу еще на одинъ примѣръ. Часто случалось мнѣ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Разговорится, бывало, сосѣдъ, и однимъ изъ первыхъ вопросовъ, почти тотчасъ же послѣ «а позволите узнать куда вы ѣдете», предлагаеь: «зчѣмъ вы занимаетесь, позволите узнать?»

— Я—адвокатъ, говорю. И вотъ какъ сейчасъ вижу на устахъ любовнаго сосѣда какую-то прескверную улыбку. Тамъ вотъ и хочется ему сказать, что, значить «обирали мученика» передъ собою вижу. И непременно станеть разныя колкости подпускать, пока не уйдешь отъ него, во избѣжаніе скандала.

О «нашей братіи» существуетъ множество корреспонденцій, которыя всегда выходятъ какъ-то пивантнѣе, если въ нихъ разсказывается и про *темныя* продѣлки «мѣстныхъ ходатаевъ». Такимъ образомъ, при видѣ уѣзднаго «аблаката», постороннему человѣку невольно приходитъ въ голову: а что, дескать, не одинъ-ли это изъ тѣхъ, «про которыхъ я въ газетахъ то и то читалъ?»

А такъ какъ съ «нашей» стороны хранится гробовое молчаніе на всѣ наръванія, то это принимается въ томъ смыслѣ, что, значить, противъ «справдн» бороться трудно. И въ результатѣ выходятъ, что «всѣ» отвѣчаютъ за «нѣкоторыхъ».

Сегодня прочитаешь про «темную продѣлку», завтра прочитаешь про «темную продѣлку» — ну и подумаешь, что провинціальныя «саблаты» только и совершаютъ однѣ темныя продѣлки.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вспомните, что дѣятельность современныхъ «саблатовъ» публична, у всѣхъ на виду: покрыть совѣстью — сейчасъ же прокричатъ, да, пожалуй, еще и распишутъ во всѣхъ столичныхъ вѣдомостяхъ. Вспомните также, что и при прежнихъ судахъ существовало не малое количество ходатаевъ, дѣятельность которыхъ носила подпольный, темный характеръ, и о которыхъ тѣмъ не менѣе никто ничего не говорилъ.

Еще недавно кричали о постоянно возрастающемъ числѣ преступленій въ Россіи со времени реформъ, — а впоследствии оказалось, что не число преступленій увеличилось, а увеличилось лишь средства распространенія въ обществѣ извѣстій о нихъ путемъ печати. Не то ли же самое можно сказать о провинціальной адвокатурѣ?

Странно, отчего съ «нашей» стороны до сихъ поръ не было еще должнаго отпора, отчего «мы» сами не указываемъ до сихъ поръ на то, что есть праваго, и что неправаго въ нападкахъ на провинціальную адвокатуру?

Въ настоящее время сословіе провинціальныхъ ходатаевъ представляетъ изъ себя самую разношерстную толпу лицъ всѣхъ званій и наименованій.

Кто подтверже въ судебныхъ уставахъ, тотъ «жметса» поближе къ оружному суду, гдѣ, при сравнительно меньшей тратѣ времени и силъ, приходится вести дѣла на значительные куши, и получать соответствующее вознагражденіе. Вопросъ матеріальный, конечно, играетъ здѣсь большую роль. Всякому хочется «жрать», а провинціальнымъ ходатаямъ не меньше другихъ. Но мы, несчастные провинціальные «ходочки», положительно довольствуемся только крохами, да и изъ за нихъ столько горя натерпимся, что адвокату съ «хорошимъ аппетитомъ», живя въ уѣздномъ городѣ, просто приходится зубами ласкать. Не только въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, но и въ отношеніи вообще всякихъ удобствъ «уѣздные» ходатаи поставлены совершенно въ иныя условія, чѣмъ, напримѣръ, «губернскіе», не говоря уже о столичныхъ.

Что сказать о вознагражденіи «уѣзднаго» ходатая за его трудъ? Наибольшая цѣна иска, подсуднаго мировымъ судьямъ, какъ извѣстно, — 500 рублей, но и такіе иски попадаютъ не часто. Вообще средняя цѣна иска вращается около 50—100 р. Отсюда уже не трудно будетъ опредѣлить среднее количество вознагражденія за веденіе ходатаемъ дѣлъ. Всякій крестьянинъ

уже знаетъ, что и по закону аблвату слѣдуетъ десятую копейку платить, а потому больше 10% съ рубля рѣко кто даетъ, такъ что по гражданскимъ дѣламъ вознагражденіе повѣренному за выигрышъ въ среднемъ размѣрѣ не превышаетъ десяти рублей, и только по уголовнымъ дѣламъ оно зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, смотря по важности дѣла и достаточности довѣрителя.

И вотъ за эти 10% съ рубля уѣздный ходатай долженъ бѣвать ѣхать въ уѣздъ, въ камеру участковаго мирового судьи, которые, какъ извѣстно, всегда проживаютъ въ своихъ усадьбахъ, отстоящихъ иногда отъ города на 40 и болѣе верстъ. На такое путешествіе, совершаемое иногда въ севернѣйшую погоду, проселкомъ, по севернѣйшей дорогѣ, на лошади вѣстлянина-довѣрителя въ его-же телегѣ или саняхъ, нужно бѣваетъ употребить двое, трое сутокъ въ оба конца, съ неизбежными ночлегами по кабакамъ и сопряженными съ этимъ удобствами. Испытавшіе всѣ прелести подобныхъ путешествій, конечно, согласятся со мною, что иной разъ не бываешь радъ и деньгамъ... Ѣдешь, Ѣдешь, и вдругъ оказывается, что назначенное въ тотъ день разбирательство отмѣнено, потому что «мировой къ сусѣду на имянины уѣхамши», или просто потому, что на дверяхъ камеры прочтешь, что «разбирательство, по случаю внезапной болѣзни мирового судьи, откладывается впередъ до новаго вызова».

Иной разъ къ мировому съѣзду, который какъ извѣстно собирается въ уѣздныхъ городахъ разъ въ мѣсяць, а иногда и по полугоду не собирается, скопится у ходатая до десятка дѣлъ. Извольте-ка по каждому изъ нихъ приготовиться, запомнить всѣ обстоятельства и быть чуть не цѣлыя сутки въ напряженномъ состояніи.

Все это было-бы еще сносно, если-бы у «уѣздныхъ» ходатаевъ были постоянно дѣла, но этого невозможно и требовать, потому что нашей братіи на Руси развелось столько, что предложеніе превышаетъ спросъ. Правда, что въ первое время послѣ открытія мировыхъ судовъ къ помощи адвокатовъ прибѣгалъ обыкновенно почти каждый изъ тяжущихся, потому что каждому пугала мысль, что ему «нужно на публику идти» и «на рѣчахъ свое дѣло изъяснить», но потомъ, когда народъ мало-по-малу свылся съ гласностью суда, къ помощи адвокатовъ стали прибѣгать все рѣже и рѣже, и теперь уже обращаются къ нему только тогда, когда нужно «на законахъ основатся», напримѣръ при переносѣ дѣла въ апелляціонную инстанцію.

Во всякомъ случаѣ, при перенесеніи положенію дѣлъ, наибольшій мѣсячный заработокъ самаго лучшаго и извѣстнаго уѣзднаго ходатая не простирается выше 50 р. с. въ мѣсяць, при громадной затратѣ времени и силъ. А въ перспективѣ—ничего лучшаго, а скорѣй худшее, т. е. уменьшеніе практик.

Отсюда понятно, отчего нѣтъ лицъ, получившихъ серьезное юридическое образованіе, между уѣздными ходатаями.

А сколько, выигранныхъ дѣлъ остается безъ вознагражденія! Довѣрители уѣзднаго ходатая—по большей частіи крестьяне и въ значительномъ большинствѣ случаевъ люди незграмотные. Денегъ впередъ они не дадутъ: то «нѣту», то просто боятся обмана; поэтому, просить «сдѣлать расписочку» т. е. условіе. Очень часто случается, что совершить подобное условіе совершенно невозможно, такъ какъ при этомъ нужно идти къ нотаріусу, платить пошлины за совершеніе акта, брать гербовую бумагу и т. д., а на такія траты довѣрители соглашаются неохотно. А потому, въ большей части случаевъ приходится приглашать постороннихъ лицъ для расписки за неграмотнаго и въ качествѣ свидѣтелей. А если никого не найдешь, приходится просто на слово вѣрить довѣрителямъ, между которыми попадаются и такіе, которые, вмѣсто обѣщанной суммы, принесутъ «частву», а послѣ и глазъ не важутъ. А станешь требовать, такъ они въ отвѣтъ: «нѣтъ тебѣ ничего, потому что доказательствъ у тебя нѣтъ», и приводятъ пословицу: «слова вѣтеръ, а бумага грунтъ».

Разъ на мировомъ съѣздѣ, я защищалъ одного изъ нашихъ купцовъ по обвиненію его въ обвѣсѣ. Когда мировой съѣздъ прочелъ приговоръ, которымъ отмѣнялся приговоръ мирового судьи, и подсудимый освобождался отъ наказанія, довѣритель мой обратился къ судьямъ и спросилъ: «а что, гг. судьи, слѣдуетъ ли мнѣ платить вонъ ему—вѣдь дѣло то мое почестъ что правое, такъ оно и само должно отыграться?»

Да и съ письменными условіями ничего не подѣлаешь. Иной разъ довѣритель, по окончаніи дѣла, возьметъ въ волости паспортъ, да и уйдетъ въ Москву или еще куда въ заработки,—ну и приходится поджидать его, когда онъ вернется. Если обратиться къ суду, то издержки взысканія значительно превысятъ самый доходъ, потому что нужно еще тратиться на наемку подводъ, а если не явится отвѣтчикъ, то, пожалуй, и нѣсколько разъ.

Вообще я жилъ ни сыто, ни голодно, недостатка не терпѣлъ, но в особеннаго довольства тоже не имѣлъ. Меня впрочемъ утѣшала всегда мысль, что все то, что я испыталъ, въ теченіи своей адвокатурной практики,—я когда нибудь современемъ напечатая.

Материаловъ для наблюденій много: жизнь «уѣзднаго» ходатая, умѣющаго «оглядываться», полна разнообразности. Есть дни, когда такому адвокату «работы» болѣе обыкновеннаго: это базарные дни. Крестьяне пріѣзжаютъ въ городъ на базаръ еще до свѣту, а ужъ чуть свѣтъ идутъ къ «аблакату» посовѣтоваться «на счетъ своо дѣла»; чтобы отдѣлавшись у него поскорѣй, управится и на базаръ, и за-свѣтло домой съѣхать.

Набьются бывало къ хозяйну моей квартиры въ лужку. За-

ставлять «посѣтителей» по дѣлу дожидаться было какъ-то совѣстно, а потому зачастую приходилось вставать часовъ въ 6 утра, а въ зимнее время конечно еще съ огнемъ.

Кому дашь совѣтъ, а отъ кого и дѣло для «веденія» примешь. За совѣтъ, конечно, ничего не полагалось: это вѣдь не столица и не «губернія», гдѣ адвокатамъ за совѣты платятъ. Попробывалъ было я разъ спросить, да и самъ былъ не радъ.

— Какое же, батюшка, тебѣ утрудненіе? Совѣтъ?... Мы жъ къ тебѣ помочи пришли просить, а не совѣту! Коли охлочнешь наше дѣло, ну, извѣстно, тогда за труды себѣ положишь, что слѣдуетъ!

Въ столицахъ, или въ «губерніи», говорить, у адвокатовъ существуютъ таксы чуть ли не за каждый шагъ, за каждое слово, а попробуй-ка увѣдннй ходатай установить таксу, къ нему никто не станетъ и ходить.

Одни приходили просить «помочи» по своему дѣлу, рѣшенному уже или мировымъ судьей, или мировымъ съѣздомъ не въ ихъ пользу, другіе просили «помочи» по дѣлу, еще не начатому, третьи рассказывали про дѣло рѣшенное или еще не рѣшаемое волостнымъ судомъ; иные приходили «на счетъ некрутскаго вочереду»... «сыгна безъ правовъ на кругъ поставили»; эти — похлопотать о землѣ, которую «отбиваетъ отъ нихъ помѣщикъ»; тѣ принесли обвинительный актъ и просили «постараться на вокругъ, когда онъ наѣзжать будетъ», то-есть, во временномъ отдѣленіи окружного суда, за родственника ихъ, сидящаго въ острогѣ; однимъ словомъ, предъ вами самия разнообразныя стороны жизни человѣческой и самое обширное поле для наблюдений. Чтобы собрать всѣ эти наблюденія въ одно стройное цѣлое и дать вѣрную картину современной провинціальной жизни, нуженъ талантъ, котораго я не имѣю; и потому я буду пользоваться собранными матеріалами по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья.

II.

Изъ уголовныхъ дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся въ практикѣ волостныхъ судовъ, наибольшій процентъ принадлежитъ дѣламъ объ оскорбленіяхъ личныхъ. Такое же явленіе замѣчается и въ практикѣ мировыхъ судей; но въ первомъ случаѣ оскорбленія эти имѣютъ какой-то ожесточенный характеръ, среднн тяжкимъ побоямъ.

Приходить разъ ко мнѣ крестьянка. Помолилась, какъ водится, на икону, начала было что-то говорить мнѣ, и вдругъ захлебнулась слезами.

— Обида! Сильно билъ! Суда не найду! Нигдѣ законныхъ концовъ себѣ не сыщу!

Я поспѣшилъ ее успокоить, и просилъ рассказать дѣло «по порядку».

— Заступитесь за горькую сироту! Явите божеское милосердіе! Волостные судьи за мужичка залагаютъ, а мое прошеніе все мнутъ, да трутъ! Подсадили меня въ холодную, подъ ерестъ, съ малымъ ребеночкомъ, на четыре дня, за то, что подаю на него прошеніе. Меня-жъ ѣнъ билъ, меня-жъ и посадили! Не смѣй на него жалиться, а баба я одна — что подѣлаю, ровно ничѣво! Съ голоду сморили! Говорю старшинѣ: дай хоть пяточекъ на ѣду съ малымъ ребеночкомъ, и то не даетъ! Спасибо писаревой жонкѣ, не оставляла она меня!

— Вы говорите: васъ избили?

— Да какъ избилъ-то! Какъ избилъ! Просто смертнымъ боемъ избилъ!

— Кто?

— Да все ѣнъ! Съ сусѣдной деревни «мужичекъ» Петръ Семеновъ. Добрые люди подняли, за мертво мѣсто лежала! День восемь проболѣла, а потомъ и пошла я къ судьямъ, въ контору, жалобу на него произнести, а ѣнъ мужичекъ-то съ достаткомъ! Старшина ему кланяется, все по ѣмъ дѣлаетъ! А судьи-то кто братъ, кто свать! А я *правовъ себѣ тидь не могу сыскать!* Среди бѣла дня меня ѣнъ билъ, а моихъ свидѣтелей не допрашиваютъ! Была я у мирового, да ѣнъ прошенье мое назадъ оборотилъ: ступай, говоришь, на волость, а на волости концовъ не найдешь! Старшина совсѣмъ сѣду не даетъ!

— Пожалуйтесь на него посреднику!

— Была я у посредника, и не одинъ разъ! Петръ-то Семеновъ писаря его прежде меня запросилъ! Посредникъ-то рѣчей выговорить не далъ, ногами затопалъ: «все влявуны, гирть, разводись! Мирись!» А я и говорю, что судьи на два рубля смирять стали, а ѣнъ и на это не соглашается! Стала я ихъ юрять, что не въ правилахъ они меня судятъ, а они меня подъ ерестъ: «не ори, говоришь!» Ну, есть-ли такіе законы, чтобы того, кто жалуется, за справедливое дѣло подъ ерестъ сажать! Ну и стала я посреднику жалобу произносить: за что-молъ меня, горькую сироту, подъ ерестъ: меня-жъ ѣнъ билъ, меня-жъ подъ ерестъ! А посредникъ и говорить: «и хорошо, говорить, сдѣлалъ, что посадили подъ ерестъ, не влявуничай!» Нельзя къ законному суду привести мое дѣло! Къ мировому прошенье подать, чтобы на законѣ все дѣло мое произвелъ! Была я у дохтура, да тотъ говорить: ты, говорить, здорова, чего-жъ тебѣ еще надо! Ну, а мировой мое прошенье назадъ оборотилъ! А ужъ такъ ѣнъ виновень, такъ ѣнъ виновень, что кабы къ мировому дѣло пршло, то на высидку его сейчасъ бы и посадили! И дуже боится ѣнъ васъ! Спозналъ ѣнъ, что къ вашей милости сбираться въ городъ стала, людей сталъ подсылать, на миръ сталъ зазывать! Восемь рублей сталъ давать, чтобы я дѣло прикончила! Теперь я въ городъ, и ѣнъ за мною: боится

страсть какъ! Помогите мнѣ, наставьте на разумъ горькую сироту!

— Скажите, пожалуйста, за что-жъ онъ васъ билъ, этотъ Петръ Семенычъ?

— Да пьяный ёнъ азарной! Большой ругатель! Сейчасъ начнетъ прилипать и ты ему не перечь,—а то изобьетъ сколько влѣзеть.

— Вы вдова?

— Сиротское дѣло! Въ прошломъ мѣсяцѣ мужъ померъ, да вотъ съ одной сиротинкой я и осталась! Мириться мнѣ что-ль, али на законный судъ дѣло веста?

Вы увидите, читатель, и въ послѣдствіи, въ другикъ разсказахъ, что конечнымъ стремленіемъ всѣхъ крестьянъ, недобольныхъ «конторскими разсудками»,—было желаніе передать дѣла къ законному, т. е. къ мировому суду, «гдѣ свои права скорѣй розыщешь». Желанію этому въ данномъ случаѣ удовлетворить было невозможно.

— Миритесь.

— А не останусь я за то виновна, что прошенья подавала, да потомъ на миръ согласилась?

— Нѣтъ.

— Да какъ-же мнѣ смиряться-то! Нѣшто мой побой восьми рублей стоить?! по землѣ таскалъ, косы повыдергалъ, рубашку разорвалъ!

Она ушла отъ меня ни съ чѣмъ. Въ послѣдствіи, я впрочемъ узналъ, что она помирилась съ Петромъ Семенычемъ на десять рублей.

Другой случай. Разъ приходитъ ко мнѣ съ виду какъ будто отставной солдатъ.

— Объ обидѣ.

— Разскажете!

— Избилъ меня очень крестьянинъ!

— А сами вы кто таковъ?

— Безсрочно отпускной рядовой.

— Что же вамъ угодно?

— Да вотъ я къ мировому пришелъ, прошенье принесъ, а мировой, безъ «разсудку», далъ мнѣ конвертъ въ волостную и статью сказывалъ, чтобы по той статьѣ меня судили, да я, признаться сказать, ее позапамятовалъ. Чтобы, значить, по справедливости разсудитъ-то въ конторѣ были, а волостные-то говорятъ: «дѣло наше и судъ нашъ, какъ хотимъ, такъ и судимъ!»

Въ черновой копіи съ прошенія, поданнаго мировому судѣ отъ имени его жены, между прочимъ значилось: «... мужа моего избилъ, но такъ аккуратно, что лица не тронулъ, а все больше въ бока вдарялъ».

— По сю пору себя нездоровымъ чувствую. Двѣ недѣли съ постели не вставалъ!

— Вы подлежите вѣденію волостного суда, а потому вамъ слѣдуетъ обратиться съ жалобою къ волостному суду.

— Въ волостной! Да волостные суды разсуждать не хотѣть, потому что старшина тому, кто билъ, брать двоюродный!

— Пожалуйте посреднику!

— Да ужъ жаловались мы и посреднику, да грѣхи одни! Перешлетъ наше прошеніе въ волость, а волостные опять безъ вниманья дѣло отставятъ! Былъ я однако на волостномъ, да опять только одни грѣхи! Его розгами хотѣли, да онъ не сталъ даваться, ну и порѣшили штрафу съ него четверть и съ меня четверть! Тутъ и выпили!

— Что-жь дальше?..

— А что-жь дальше! Я не хочу на этомъ основаться, а хочу свое дѣло къ законному суду привести! Десять лѣтъ государю вѣрой и правдой служилъ! Не хочу, чтобы всякій сиволапъ надо мною надругался! Остался я такимъ судомъ недоволенъ, а они мнѣ скопін не дають и никакого рѣшенья не вычитываютъ. Помогите сколько можно, «со вторично», отстанемся благодарны! Какой я теперь царю слуга, коли онъ меня нехорошимъ человѣкомъ сдѣлалъ!

— Онъ нанесъ вамъ тяжкіе побои?

— Ну, какъ же не тяжкіе! Въ городъ жена прїѣзжала, казеннаго дохтура просила, чтобы мои побои сослѣдствовать, а дохтуръ не поѣхалъ: «потому, говорить, что я никакой бумаги объ твоёмъ мужѣ не получаю». А потомъ приходилъ я къ нему самъ, такъ онъ говорить: «начто теперь тебя сослѣдствовать, когда ты здоровъ!» То-то вотъ, чужіе-то побои никому не больны! Нельзя-ли мое дѣло къ мировому передать?

— Вы подлежите вѣденію волостного суда, а потому мировому судѣ ваше дѣло не подсудно.

— Ишь вѣдь! Такъ значить, сколько ни ходи, а дальше волостного суда не пойдешь?

— Нѣтъ!

— Такъ пропадай же и дѣло все! Таперича ужъ если кто побои наносить станетъ, такъ выходитъ ужъ самому лучше сдачу давать, чѣмъ по судамъ таскаться. Прощенья просимъ!

Много такихъ случаевъ приходилось мнѣ слышать во время моей четырехлѣтней адвокатской дѣятельности. Эти оскорбленія, или точнѣе сказать, тяжкіе побои, имѣли несомнѣнное вліяніе на здоровье побитыхъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе того, что они часто повторяются въ крестьянской жизни, никто серьёзнаго вниманія на нихъ не обращаетъ. Рѣдко, рѣдко, когда ужъ побитый совсѣмъ при смерти, заявится о томъ полицейскому управленію, которое командируетъ уѣзднаго врача для освидѣтельствованія и въ случаѣ признанія имъ побоевъ тяжкими, дѣло поднимается и доходитъ до окружного суда. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ дѣла такого рода судятся волостными

судами; а какъ они судятся, тому примѣромъ можетъ служить приведенный выше рассказъ.

Ясно, что между крестьянами есть много недовольныхъ своими судами, недовольныхъ за ту кривду, которая, по увѣреніямъ расказчиковъ, всегда руководить рѣшеніями волостныхъ судей.

Приведу еще одинъ случай. Приходить разъ ко мнѣ крестьянка, пожилыхъ лѣтъ, съ виду очень зажиточная.

— Что вамъ угодно?

— Да объ обидѣ!

— Расскажите!

— Да вотъ положенъ былъ сперва штрафъ, а потомъ на сѣчку перемѣнили!

— Кого-жъ высѣкли, и кто перемѣнилъ?

— Да мово мужа! Въ волостной конторѣ! Судьи три рубля штрафа приказали отдать, а старшина на розги переложилъ. Нѣшто это можно! Мой-то и заурачился!

— Въ чемъ же обида ваша заключается, чѣмъ вы обижены?

— Мы только тѣмъ и обиждаемся: зачѣмъ перевернули на сѣченье! Мы бы лучше 25 цалковыхъ штрафу согласились отдать, чѣмъ сѣчься класть!

— Какое-же у васъ было дѣло въ волостномъ судѣ?

— Да какое дѣло! Такъ, пустяшное! Мой-то съ сосѣдомъ пошумѣлъ, да плюху ему и далъ, а сосѣду-то староста отецъ крестный, а старостинъ зять — старшина, ну я и говорю имъ: «не судите вы меня, родные», а бнъ не даетъ отъ себя никакого резонту! Развѣ можно перемѣнять, коли рассудки были сдѣланы! развѣ можетъ старшина перемѣнять рассудки!

— Да у васъ копія съ рѣшенія-то есть?

— Не даютъ и скопія! На что тебѣ «скопія», говорятъ!

— Знаете что: помогъ вамъ въ этомъ дѣлѣ я не въ силахъ!

— Значить, такъ сѣченому ему и оставаться?

— А какъ же перемѣнить?

— Нѣ! Оно знамо дѣло! А коли по закону, тамъ, что за это полагается?

— Все зависятъ отъ посредника. Обратитесь къ нему.

— Ходила, много разъ ходила! На глаза къ себѣ не пускаетъ! Такъ ужъ видно мому дѣлу пропадать! А нельзя-жъ къ мировому-то?

— Нѣтъ, нельзя!

— Ну, прощай.

Въ тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя удѣляетъ Положеніе 19 февраля правиламъ судопроизводства въ волостныхъ судахъ (ст. 100, 101 Полож.), нѣтъ вовсе правилъ, проведенныхъ чрезъ судебные уставы 20 ноября, правилъ отвода тяжущимся судей, относительно которыхъ возможно предполагать, что они по родству или по другимъ отношеніямъ не могутъ внести въ

свои приговоры на столько правды, сколько того было бы желательно.

Приведу одинъ замѣчательный случай бездѣйствія волостнаго суда.

— Что надобно вамъ? спросилъ я вошедшаго ко мнѣ крестьянина.

— Извѣстно что! Объ обидѣ пришелъ, вѣшто кто съ «добромъ» къ тебѣ ходить?

— Расскажите же про вашу обиду!

— Сусѣди крадутъ меня!

— Что такое?

— Въ крательствѣ уличаютъ!

— Не понимаю!

— Какой ты, право! Ну воромъ поставляютъ!

— Ну, что-же?

— Да больше ничего!

— Да дальше-то что?

— Да дальше-то некуда! скаламбурилъ онъ. Очевидно я имѣлъ дѣло съ личностью изъ бойкихъ; его отвѣты были отрывисты, поза съ нѣкотораго рода достоинствомъ, руки фертомъ и большіе пальцы обѣихъ рукъ затннуты за поясъ. Нужно было отбросить обычную вѣжливость въ сторону и приступить къ болѣе «точному» объясненію.

— Я прошу рассказать дѣло подробнѣе.

— Я-жъ тебѣ все рассказалъ! А ты спрашивай, что тебѣ надо?

— За что васъ воромъ поставляютъ?

— За подозрѣніе на счетъ лошади, на счетъ уголовныхъ дѣловъ!

— Вы обвинялись уже въ кражѣ лошади?..

— Приличали по насердгѣ, да мировой дѣло ни на чемъ осудилъ,—значить, ихнее прошенье въ туняхъ отсталось!

— То-есть, мировой судья разобралъ ваше дѣло и оправдалъ васъ по обвиненію въ кражѣ лошади? значить, ваше дѣло кончилось?

— Въ посейчасное время кончилось, и сусѣди-то вотъ все сердатся, что ихнее прошенье въ туняхъ отсталось! Ну, и крадутъ меня! Понялъ? На улицу выйтить нельзя: воръ, да воръ, никакого слова нѣтъ, все воромъ зовутъ! Все въ той лошади приличаютъ!

— Что-же вамъ нужно?

— Извѣстно что! Обоскорбленіе свое сыскать хочу!

— Обратитесь на волостной судъ!

— На волостномъ я былъ, да судъ мое дѣло ни на чемъ кончилъ! Говорить, твое дѣло ни на чемъ кончилось и ихнее пусть также!

— Какъ ни на чемъ?

— А такъ. Вотъ я тебѣ скопію покажу, ты и увидишь! На, посмотри!

Копія съ рѣшенія волостнаго суда была настолько интересна, что я списалъ ее съ буквальной точностью. Она представляла листъ сѣрой писчей бумаги, разграфленной въ столбцы: въ первомъ столбцѣ значились имена жалобщика и «отвѣтчиковъ» и предметъ жалобы: «оскорбленіе на словахъ въ врательствѣ лошади у крестьянина NN»; во второмъ столбцѣ — показаніе «отвѣтчиковъ», а въ третьемъ—постановленіе суда. Показаніе отвѣтчиковъ было таково: «подчиниться суду волостному не желаемъ, а дѣйствительно уличаемъ его въ врательствѣ лошади, и хотимъ искатъ свои права выше, потому что мировой судья не разсудилъ». Вслѣдствіе такого отвѣта цѣлой деревни, волостной судъ постановляетъ: «такъ какъ отвѣтчики подчиниться волостному суду не захотѣли, а истецъ самъ обвинялся уже въ кражѣ лошади, хотя и признанъ невиновнымъ, по сему рѣшенія по сему дѣлу никакого не дѣлать, а предоставить истцу и отвѣтчикамъ право обратиться съ жалобами въ высшее судебное мѣсто».

Вообще необходимо замѣтить, что со времени введенія мировыхъ судебныхъ установленій, крестьяне всячески стараются избѣгать волостнаго суда, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. Сильно ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что передача крестьянъ въ вѣденіе мировыхъ судовъ, т.-е., другими словами, упраздненіе волостныхъ судовъ повлечетъ за собою громадное увеличеніе количества дѣлъ, разбираемыхъ ежегодно мировыми судьями.

De facto волостные суды уже не существуютъ, потому что всякій изъ крестьянъ теперь уже знаетъ, что «правосудіа» онъ скорѣй ожидать можетъ отъ мирового судьи, а не отъ волостныхъ судей, а потому и идетъ къ первому, а не въ «волостную». Въ послѣдствіи, мы увидимъ, что изъ гражданскихъ дѣлъ, — всѣ предусмотрѣнныя ст. 29 уст. гр. суд. «могутъ» быть подсудны мировымъ судьямъ, или, по крайней мѣрѣ, мировой судья не можетъ отклонить себя отъ рассмотрѣнія гражданского дѣла. По дѣламъ уголовнымъ, изъ всего устава о наказаніяхъ de facto, кажется, одни только дѣла объ оскорбленіяхъ личныхъ не подлежатъ вѣденію мировыхъ судей. По всѣмъ же остальнымъ проступкамъ, мировые судьи принимаютъ жалобы и разбираютъ ихъ, при чемъ жалобъ на неподсудность дѣлъ мировому суду я почти никогда не встрѣчалъ.

Хотя кража на суму менѣе 30 рублей серебромъ, совершенная между лицами сельскаго состоянія, и считается проступкомъ маловажнымъ, т.-е. подсуднымъ волостному суду, по «при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ», она должна подлежать вѣденію мировыхъ судей, а увеличивающимъ вину обстоятельствомъ служить, напримѣръ, совершеніе такой кражи ночью и т. п.

Я несколько не преувеличу, если скажу, что «къ мировому» крестьяне идутъ со всякимъ своимъ дѣломъ. Практика мировыхъ судей въ такихъ случаяхъ различна: иные принимаютъ къ своему разбирательству всѣ жалобы по проступкамъ мало-важнымъ, подсуднымъ волостному суду, иные же возвращаютъ жалобы при объявленіи.

Мотивы такихъ письменныхъ объявленій, обыкновенно, таковы: «на основаніи § 3 ст. 34 уст. угол. суд. сельскіе обыватели подлежатъ отвѣтственности предъ ихъ собственными судами по проступкамъ мало-важнымъ». Оскорбленіе личности крестьянина крестьяниномъ же есть проступокъ мало-важный (хотя отъ такого мало-важнаго оскорбленія иногда приходится двѣ недѣли въ лежку пролежать) и волостной судъ опредѣляетъ по этимъ дѣламъ мѣру наказанія, примѣняясь къ правиламъ устава сельскихъ судовъ для государственныхъ крестьянъ.

Въ рѣшеніи угол. касс. департамента 1867 г. № 289, по этому поводу объяснено, что на основаніи общихъ правилъ, подсудность дѣлъ волостному суду обусловливается: 1) мало-важностью преступленія и 2) тѣмъ, что преступленіе совершено лицомъ, принадлежащимъ къ тому же сословію. Какія преступленія должны считаться мало-важными опредѣляется уставомъ сельскихъ судовъ госуд. крестьянъ. Но изъ числа этихъ мало-важныхъ преступленій, волостному суду подлежатъ лишь тѣ, которыя совершены исключительно противъ крестьянъ и не нарушаютъ права лицъ, принадлежащихъ къ другому сословію. Кража до 30 рублей, безъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ, отнесена къ числу мало-важныхъ преступленій и нарушаетъ лишь имущественное право того, у кого похищено имущество, а потому и должна быть причислена къ проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію волостныхъ судовъ.

Дѣла объ оскорбленіяхъ между лицами крестьянскаго сословія тоже подлежатъ, на основаніи рѣш. уг. касс. деп. 1867 г. № 396, суду волостному.

Впрочемъ, сенатъ нерѣдко оставлялъ безъ послѣдствій кассационныя жалобы на неподсудность мировымъ судебнымъ установленіямъ дѣла о кражѣ на сумму не свыше 30 руб. сер. Сенатъ признаетъ, что вѣденію волостного суда подлежатъ лишь такія «мало-важныя» дѣла, которыя совершены безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Въ числѣ такихъ увеличивающихъ относительно кражи обстоятельствъ упоминается и о совершеніи ея ночью; а такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ кражи совершаются ночью, то всякій побметъ, какъ мало дѣла о кражахъ разбирается въ настоящее время волостными судами.

Повторяю еще разъ, что крестьяне всегда съ болѣею охотою обращаются къ мировому судѣ, чѣмъ къ волостному, несмотря даже на то, что волостная контора, по болѣею части, гораздо ближе, нежели камера мирового судьи. Если сравнить

количество времени, потраченное на проѣзды къ мировому судѣ по подачѣ прошенія, по вызову къ разбирательству,—съ временемъ, употребляемымъ на проходъ до волостной конторы, «не одинъ разъ» (въ особенности тому, кто хочетъ «справы свои сыскать»), къ посреднику съ жалобой, на то, что «старшина суда не даетъ» (тоже не одинъ разъ), причемъ иной посредникъ живетъ въ своей усадьбѣ верстъ за сорокъ, если не болѣе, отъ участка, то окажется, что сравненіе будетъ отнюдь не въ пользу волостного суда.

Предубѣжденіе противъ своего волостного суда появилось у крестьянина съ перваго же дня, какъ онъ побывалъ въ камерѣ мирового судьи.

Пришелъ разъ ко мнѣ крестьянинъ и началъ рассказывать «свое дѣло».

— За наличную работу вотъ одинъ мужичекъ мнѣ денегъ не отдастъ!

— Сколько?

— Семнадцать рублей. Подалъ я къ мировому, а ѣтъ оборотилъ назадъ, потому что говорить «ниже ста рублей дѣловъ судить не могу». А волость дѣло мнетъ. Извѣстно, онъ мужикъ богатый, ему всѣ кумы, да сваты. Что дѣлать бѣдному челоуѣку! Таперича всѣ у мирового судятся, а одни крестьяне нѣтъ! Неужели для крестьянина нѣтъ *божескаго правосудія*? Нельзя-ли къ мировому? Волость насъ не разберетъ никогда! Видно, такъ моимъ деньгамъ и пропадать!

Впрочемъ, въ послѣдствіи времени, наши мировые судьи стали принимать къ своему разбирательству всѣ вообще гражданскія дѣла, о чемъ я буду еще говорить въ слѣдующей главѣ.

Въ первое время послѣ введенія мировыхъ судовъ, крестьяне туго усвоивали себѣ новые порядки судопроизводства, быть можетъ, потому, что были запуганы старыми. Такъ, напримѣръ, они боялись подавать апелляціонныя жалобы на рѣшеніе мирового судьи изъ боязни «разсердить» этимъ судей, «чтобы хуже чего не надѣлать». Понятно, что я всегда старался разсѣвать убѣжденія, говоря, что жалобы подаются не на мирового судью, а на его рѣшеніе.

Однажды приходитъ ко мнѣ крестьянинъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, худощавый съ глубоко ввалившимися глазами. Сѣдые волосы на головѣ, длинная сѣдая борода придавали ему очень почтенный видъ. Говорилъ онъ тихо, съ разстановками и звучнымъ басомъ.

— На счетъ своихъ дѣловъ!

— Расскажите.

— Ды, вотъ... никакыхъ за собою прищентовъ не знаю, а мировой на двѣ недѣли на высидку присудилъ, а коли не хошь,

говорить, сидѣть, такъ пятьдесятъ рублей штрафу подай. Что теперь дѣлать? Наставьте на умъ! Смириться что-ли на этомъ, или выше куда подавать?

— Не узнавъ вашего дѣла, не могу вамъ и совѣтовать. Когда вы мнѣ расскажете всѣ обстоятельства его, и я увижу, что можно будетъ что-либо сдѣлать къ облегченію вашей участи, то можно будетъ подать жалобу въ сѣздъ мировыхъ судей.

— Да разбиваютъ меня очень сосѣди! жалобу-то подавать! «На мирового, говорятъ, ты подашь, и станутъ его судить. Цѣнь съ его смуть, потому, коли ънъ себя до жалобы доведь, то въ цѣни сидѣть не должны. Ну, и посадятъ его въ уголъ, либо выгонятъ вонки. Прошенье новое, что ты подавалъ и прочитаютъ, да мирового и позовутъ: расскажи, какъ и почему ты такъ его дѣло смѣлъ разсудить и его до жалобъ доводить. Тотъ и почнѣть и почнѣть, а ты вотъ тогда и держись. Узнаешь, что съ тобой будетъ. Узнаешь, какъ на мирового жалобы проносить. Сидѣль-бы мѣсяць, а посадятъ на два.»

— Да вѣдь вы жалуетесь не на судью, а на его рѣшеніе, и если оно по вашему мнѣнію неправильно, то и самъ законъ дозволяетъ вамъ его обжаловать. Расскажите же ваше дѣло! Есть у васъ копія съ рѣшенія?

— Нѣ, нѣту-ти!

— Да вы просили-ли копію?

— Нѣ, не просили! А не восерчаетъ онъ, что я «скопю» стану спрашивать? Посредникъ нашъ всегда шибко за это ру-гается.

— Какое же у васъ дѣло-то завелось?

— Да вотъ, объ праздникѣ былъ я въ городѣ... Порядочно выпилъ. Только лошадь у меня и взбѣсись, не удержу никакъ, а тутъ образа понесли, гдѣ ужъ тутъ шапку-то снимать, когда боюсь народъ передавить! Только, вотъ, одинъ человекъ меня по шапкѣ и вдарилъ: «нехристь, говорить, чего-жъ ты шапку-то не сймаешь!» Ну, и подрались! А тутъ въ полицію меня, а потомъ мировой приказъ прислалъ на разборку явиться. Тому, что вдарилъ ничѣво, а меня на высидку!

— Драться на улицѣ или площади строго запрещается, въ особенности, когда народу много! Но достаньте отъ мирового копію съ приговора, тогда я разсмотрю, что можно будетъ для васъ сдѣлать?!

— Да нельзя-ли вамъ, батюшка, самимъ склопотать скопію-то! Разорюсь совсѣмъ; ну, гдѣ-жъ мнѣ взять 50 рублей, когда всего моего имѣнія только и станетъ, что на 50 рублей!

Впослѣдствіи, мировой сѣздъ смягчилъ ему наказаніе, при-навъ во вниманіе, что не онъ началъ драку.

Я упоминалъ уже, что мировые судьи возвращаютъ крестьянамъ подаваемые ими жалобы, если онѣ принесены по дѣламъ неподсуднымъ мировымъ судьямъ, какъ, напримѣръ, по дѣламъ объ оскорбленіяхъ. При этомъ случается, что крестьянинъ, по-

лагаю, что прошеніе возвращается только потому, что написано не по формѣ, подаетъ новое и снова получаетъ его обратно. По этому поводу я расскажу одинъ интересный случай. Приходить разъ ко мнѣ крестьянинъ:

— Что вамъ угодно? спрашиваю.

— Да мировой вотъ все прошенья наши все изворачиваетъ! Никакъ шестое подаю, а все въ точку не попаду. Извѣстно дѣло, писано въ деревнѣ, можетъ не по закону, такъ нельзя ли вашей милости постараться?

— Покажите мнѣ хоть одно!

— Да, вотъ, они всѣ тутъ.

Онъ подалъ мнѣ шесть исписанныхъ листовъ сѣрой бумаги. Въ первомъ изъ прошеній, жалобщикъ жаловался мировому судѣ на своего племянника за то, что тотъ его не «почитаетъ и даже изъ умѣстнаго (совмѣстнаго) колодца воду таскать не даетъ», ругаетъ его, родного дядю, который его воспиталъ и женилъ; въ концѣ концовъ, просить мирового судью запретить племяннику ругаться и отобрать у него мельницу, которую проситель получилъ по раздѣлу съ братомъ своимъ, отцомъ племянника, но которую послѣдній самовольно завладѣлъ.

Во второмъ и третьемъ прошеніяхъ требованія были тѣ же, но титулъ мирового судьи былъ измѣненъ. Къ «его высокоблагородію» было прибавлено «господину милостивому мировому судѣ такому-то».

Въ четвертомъ и пятомъ прошеніяхъ было сверхъ титула прописано: «во имя отца и сына и святаго духа».

Шестое было отлично отъ другихъ. Оно начиналось молитвою и содержаніе его было изложено иначе.

— Вы, вѣроятно, по старой вѣрѣ?

— Да, по отцамъ пошли.

Списываю это прошеніе съ буквальною точностью:

«Единъ честный и нетленный Господи, за нѣизрѣченную милость челоувѣколюбія нашѣ всѣ воспріимый смѣшеніе.

«виждь мою скорбь и болезнь и прегрешенія безмѣрное множество душамъ нашимъ озлобленіе.

Святый Славный и всѣхвальднй Апостолъ Иваннѣ крестителю; усердно просимъ святую волю подайти наше прошеніе по вачальству; во вниманіе чтобы принѣли.

Его высокоблагородію
господину мировому судѣ — сваго участка.

Отъ крестьянина Михаила Васильева отъ
женн и отъ дѣтей моихъ

прошеніе

Ваше высокоблагородіе имѣю смѣлость просить и Утруждать нашимъ прошнїемъ; какъ отца и Покровителя взайти взащиту, чтобы Вы свсвоей стороны сдѣлали сношнїе; а такжѣ обезпокою Вашѣ Высокоблагородіе сдѣлайте взысканіе Обирадовской волости деревни Теребидовки съ крестьянина Пзана Иванова:

потому Ивановъ всячески обличаетъ меня, много разъ воронъ называлъ: стрижкою пѣсь и пѣсь тебя стригъ, вглаго харкатищей плевалъ, ни только родному дядѣ и жентѣ моей, также называлъ ее сволочь и еще того хуже. Роднова дядю поставилъ душегубомъ, будто-бы я со злости убилъ солдата, при семъ извѣстенъ Титъ Федотовъ и прочее о чемъ почтительнѣйше честь имѣю покорнѣйше просить по начальству сдѣлать угроженіе и высканіе съ Иванова а опросъ произвести въ самой деревнѣ.

Всѣ шесть прошеній были возвращены при объявленіи.

— Если прошеніе ваше подѣйствуетъ, говорилъ между тѣмъ крестьянинъ: — со вторично (вдвое) заплачу!

— Вы жаловались только на оскорбленіе васъ племянникомъ?

— На него, на него подавали! Житья не дастъ ни жентѣ, ни дѣтямъ!

— Въ такомъ случаѣ, обратитесь на волостной судъ.

— На волостной? Да нанѣ волостной судъ одно горе! Водка одна! кто больше спить, тотъ и правъ! Нечего тамъ и тлгаться! А къ мировому никакъ нельзя!

— Нѣтъ, нельзя!

— Ну, видно бросить приходится! значить только время понапрасну потерялъ!

Чтобы показать, какъ поступаетъ крестьянской судъ въ дѣлахъ уголовныхъ, я разскажу еще одинъ случай. Приходить къ мнѣ, въ рабочую пору, крестьянинъ съ крестьянкой и прежде, чѣмъ что-либо сказать, несутъ мнѣ «горланъ», глиняный горшокъ, обвязанный трипцей.

— Что это?..

— Да, вотъ, подарочекъ вашей милости! Маслица фунтиковъ пятюкъ! заговорилъ крестьянинъ.

— Зачѣмъ это?

— Да признаться, мы народъ-то бѣднѣй, деньгами-то не въ слахъ, такъ думали можетъ вы за насъ послѣдствуете!.. Намъ говорили, что вы по дѣламъ хлопочете, а у насъ вотъ уголовныи завязались!

— Разскажите!

— Да вотъ, говорятъ, въ старшинѣ присланъ со създу лютостей выскать съ насъ 17 рублей! Какъ ужъ это случилось, мы не знаемъ и ума не приложимъ! Даже самъ посредникъ сказалъ, что вызоветъ насъ либо въ свою контору, либо въ другую волость! Анъ и не вызвалъ! Теперь и выскиваютъ; я старшинѣ-то и говорю: «развѣ можно, говорю, печати не приложимши выскивать!» А на бумагѣ печати-то нѣтъ... А емъ и говорить, мнѣ, говорить, все можно! Ну я и говорю ему: «ты бери у меня все; цѣни, а я пойду въ городъ правовъ справедливыхъ себѣ искать», а ѣмъ и говорить: «я, говорю, безъ тебя цанить не могу, подожду недѣльку, пока ты изъ города приѣдешь, да недѣльку-то, говорю, много сроку, а два на три, на четыре отложимъ!» Я говорю: «какже, говорю, мировой съѣздъ

говорилъ, что вызовъ будетъ, а бнъ могъ дѣло безъ насъ рѣшить!» Просили мы «скопца» да старшина не даетъ, а говорить: въ городѣ сами разищете! Вотъ мы другой день здѣсь бьемся, а пора-то вѣдь рабочая и никакихъ себѣ кондовъ не находимъ!

— Признаться вамъ сказать: я изъ вашего разсказа ничего не понимаю! Разскажите мнѣ, за что съ васъ взыскиваютъ 17 рублей.

— Да... поясъ! Да человекъ въ человекъ придется, а поясъ въ поясъ и подавно! Вины за собою не знаемъ! Изъ одного мѣста покупали! Тому дѣлу годовъ семь безъ маленьку! Старшина мнѣ сказывалъ, что если ты, говорить, расписанъ изъ города никакой не привезешь, то я могу, говорить, приступить къ твоему имуществу, а я и говорю, зачѣмъ же вы можете это сдѣлать, когда душа моя ни въ чемъ не повинна! Заступитесь за насъ бѣдныхъ! Будьте благодѣтелями!

Оба повалились въ ноги. На силу заставляя ихъ подняться.

— Про какой поясъ вы толкуете?

— Да я говорю, что жалобу подать, что этимъ судомъ я недоволенъ, а старшина говоритъ, куда хошь иди, а что мы съ посредникомъ сдѣлали, то и будетъ. Будьте защитники, не оставьте воровъ!

— Васъ вѣроятно обвиняютъ въ томъ, что вы украли поясъ? вѣроятно, вы были на волостномъ судѣ?

— Были, были на волостномъ! Да не могли насъ расудить по закону! Жену мою поставили воровъ! Поясъ вишь у сусѣда украла, да разнаго имущества на 17 рублей, да къ нашему поясу собственному и признались. Сами мы въ городѣ у купцовъ изъ одной лавки покупали и свидѣтели были, и все онъ у насъ лежалъ, да лежалъ! Дочка надѣла его въ праздникъ, а сусѣда-то и завричала: краулъ! И стала насъ уличать, что у ней седьмымъ годомъ поясъ такой пропалъ и имущество разное на 17 рублей! Ну, сусѣда всѣ къ намъ съ обыскомъ! Ничего не нашли, а потомъ на волость, а волостные-то и обвиновали насъ! Положили: жену на три дни подъ ерестъ, да 17 рублей денегъ съ насъ за прощалу! Вотъ всѣ и дѣла наши!

Итакъ, дѣло заключалось въ томъ, что сосѣдка обознала на дочери этого крестьянина поясъ, который пропалъ у ней семь лѣтъ тому назадъ. Волостные судьи приговорили его жену за это къ трехдневному аресту и ко взысканію за все пограбленное имущество на 17 р. с. Между тѣмъ, если бы это дѣло разбиралось мировымъ судьей, то буде подсудимая и была бы признана виновною, она, за давностию, отвѣтственности не подверглась бы, а могла отвѣчать только въ денежномъ отношеніи. Понятно, что я не отказалъ имъ въ помощи.

Нужно было получить копию съ рѣшенія съѣзда. Секретарь съѣзда посредниковъ ухалъ въ уѣздъ недѣли на двѣ на охоту, а потому пришлось посматривать ихъ опять къ старшинѣ за копией,

потому что писать жалобу въ губернское присутствіе на обумъ мнѣ не хотѣлось.

Черезъ три дня мужикъ пріѣзжаетъ.

— Не дождался меня старшина! Пріѣзжалъ къ намъ въ деревню съ двумя сотскими, собралъ всю деревню! Осуждены, вышь, мы платить 17 рублей! Ну старики и говорятъ: подождите, можетъ онъ прошенье станетъ выше куда подавать, куда дальше слѣдуетъ! А ѣнъ и говоритъ: «куда подавать? Я самъ, говорить, енараль-полковникъ!» Поймалъ въ полѣ мою лошадь, да и отдалъ сусѣду самовольно, безъ оцѣнки, безъ всякихъ разсудковъ! Теперь лошадь-то безъ ноги ходить: сусѣдъ-то за 70 верстъ на ней ѣздилъ, сказывали! Жалко лошадь-то! А вчера пріѣхалъ да и взялъ жену мою на веревочку, да и повелъ подъ ерестъ сажать, да только сусѣди остановили, сказали, что малыя дѣти-то съ кѣмъ-же отстанутся! Старшина-то, подгулявши, въ кабакѣ сказывалъ, что съ того мужичка взялъ пару колесъ, а тотъ-то мужичекъ ворокъ, ну у него колеса-то и были воровскія! Ему ихъ съ рукъ сбить, а къ старшининимъ колесамъ никто признаваться не станетъ!

— Далъ-ли онъ вамъ копію?

— Не даетъ онъ скопія, говорить, какъ приважетъ посредникъ!

— Вы бы къ посреднику!

— Да какъ-же безъ прошенія-то?

— Для полученія копій не нужно прошенія!..

— А нашъ-то посредникъ безъ прошенья никого не принимаетъ! Напишите намъ прошеньяце, чтобы скопія была намъ выдана!

Я тотчасъ же написалъ требуемое. Дня черезъ три является онъ снова.

— Ну что?

— Не принялъ!

— Какъ, не принялъ?

— Да такъ... не принялъ! Твое дѣло, говорить, рѣшено: чего ты еще хочешь? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, дѣло мое къ вамъ со сѣзду за номеромъ передано, намъ старшина сказывалъ! Ну да, говорить, я его и рѣшилъ! Когда такъ, говорю, пожалуйста скопію! Нѣтъ, говорить, тебѣ скопія, а уплати деньги! А если ты жалобу въ сѣздъ подашь, я тамъ буду, и твою жалобу къ чорту выкину, а если еще куда пойдешь, еще хуже тебѣ будетъ! Уплати деньги! А я говорю: за что же я буду платить, когда я самъ себя виновнымъ не признаю и вины тутъ нѣтъ никакой! Поясъ купленный нашъ, а не грабѣный! Такъ и прогналъ! Пожаляйте меня: все вамъ отдамъ, только ворами насъ не поставьте! Къ мировому бы все дѣло передать!

Я написалъ съ его словъ жалобу въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, выяснивъ въ ней всѣ причины, по

которымъ рѣшеніе мирового съѣзда «по такому-то дѣлу» должно быть отмѣнено. Прошло не помню два или три мѣсяца. Приѣзжаетъ онъ опять ко мнѣ и съ радостнымъ видомъ начинаетъ рассказывать:

— Пришло наше дѣло! Контору-то и посредника обошли, что они насъ такъ все терли, да терли, да тиранили! А бумаги всѣ вышли на становой! Становой таперича въ полицейское правленіе ихъ свезъ!

— Что же въ нихъ вычитывали вамъ?

— Становой вычитывалъ, да мы не поняли! Ну, онъ, однако, намъ говорилъ, что посреднику носъ, почему деньги съ насъ взыскали, а на судбище не вызвали и свидѣтелей не допросили! Семь разовъ, говоритъ, посреднику носъ! И пришло дѣло разсудить насъ снова законнымъ порядкомъ! Становой-то и говоритъ: вотъ теперь ты и получишь свою лошадь и возьмешь еще утрудненіе, всѣ свои утиры взыщешь! Ну я и спрашиваю, куда таперъ, эти дѣла поступать, а ѣтъ и говоритъ: «въ полицейское, говоритъ, правленіе!» Ну, я и приѣхалъ васъ благодарить, что вы хлопотали! Я вашей милости полтинничкомъ не обижу.

— Не нужно. Зачѣмъ!

— Какъ не взять? Мы тебѣ полтинничкомъ соблагОВОЛИМЪ! Чтожъ, ты трудился нѣшто за дарма! Заставялъ-то за насъ! Не хочу я поскудой быть.... передъ вашей честью! Очень вы уже меня обезпечили! Волостной то вѣдь мнѣ лошадеку назадъ отдалъ, да и тотъ мужичекъ мириться зоветъ!

Между дѣлами, подсудными волостнымъ судамъ, существуютъ еще дѣла объ «оскорбленіяхъ между супругами», хотя и въ этомъ случаѣ, сказать по правдѣ, слово «оскорбленіе» слѣдовало бы замѣнить словомъ «побой», или словами «жестокое обращеніе».

Пришла, однажды, ко мнѣ крестьянка, молоденькая и замѣчательной красоты. Одѣта она была весьма опрятно, чисто, что въ нашей мѣстности было нѣкоторою рѣдкостью. Она разсказала мнѣ, какой она волости, деревни, что ее зовутъ Анной Мартыновной, и что она пришла ко мнѣ по уголовному дѣлу.

— Въ чемъ же заключается ваше уголовное дѣло?

— Съ мужемъ нельзя-ли меня развести!

Гм! Вотъ, думаю, чего, голубушка, тебѣ захотѣлось!

— Какія вы имѣете на то причины?

— Какія жъ причины: бьетъ меня нещадно! Уходила я отъ него много разовъ! Прогонить, значить, а самъ билетъ не выдаетъ! Походишь, походишь: безъ паспорта въ городъ ниго не беретъ, ну и опять придешь къ нему, а онъ въ кѣтъ не пускаетъ! Да и идти то къ нему словно на убивство! Вилъ онъ меня такъ, что я замертво мѣсто лемала! Въ такомъ

безчувствѣн была, что не помню какъ и билъ! Очнулась, все мокрая лежу! Словно выпарилъ кто!

— За чтоже онъ васъ такъ билъ? Быть можетъ, съ вашей стороны были какія нибудь причины?

— Ужъ никакой причины я не знаю! Ненавистна, видно, ему была! Неужели же есть такіе законы, которые велѣтъ мужу свою жену бить! Разъ за то били, что забранилась на меня свекровь, что мать моя родная мнѣ конфетъ изъ города прислала! Твоя, гыръ, мать у хозяина съ работникомъ живеть! Работникъ для матери у хозяина украдетъ конфетъ, а она ихъ тебѣ ворованья и шлетъ! А я не вытерпѣла, да и сказала, что Наську-то, золовку мою, съ барабаннымъ боемъ хозяйка съ фабрики спровадила! Это значить, дочку-то ей на фабрикѣ съ приващникомъ застали! хозяйка-то ее разочли, а въ фабрика уру кричала! Мужъ-то какъ вошелъ, ему свекровь-то и пожаловалась на меня, ну и сталъ ѣнъ меня бить, заматалъ веревку за шею, а другимъ концомъ билъ сколько влѣзло!

— Чего-же старайе-то смотрѣли?

— Да свекоръ самъ за косы, да головой объ печь! А больше я ничего ужъ и не помню.

— Давно это было?

— Мѣсяца три! Съ матерью живу. Сказывала я вамъ, что приходила я къ нему, да ѣнъ въ влѣтъ меня не пускаеть. Ступай, говоритъ, приходи съ десятскимъ! Ну, и приведешъ десятскаго. Тотъ урезониваетъ, урезониваетъ, да такъ и плюнетъ, потому что онъ никакихъ резоновъ не принимаетъ. Вотъ еще передъ святой тоже билъ! Прибилъ-то ночью, а потомъ и гонить со двора, ступай, говоритъ, куда знаешь! Поставьте, говорю, меня куда нибудь въ работницы, получайте за меня деньги, только живнъ мнѣ дайте, а то мнѣ ни жизни, ни смерти нѣту! Ничего, говорятъ, за тебя не дадутъ!

— Не ревнуетъ ли васъ онъ къ кому нибудь? Нѣтъ-ли у васъ возлюбленнаго?

— Милѣнковъ я себѣ не заводила еще! Ни съ кѣмъ меня не видали! Пытала я и лаской обходиться,—не принимаетъ отъ меня никакихъ рѣчей, а отъ братьевъ, отъ сестеръ, да отъ матери принимаетъ, просто, можно сказать, чужимъ разумомъ живеть!

— Имѣли вы дѣтей?

— Двое были, да померли.

— Что-же вамъ отъ меня угодно?

— Да вотъ подала я къ мировому прошенье, если теперь мировой опять присудитъ мнѣ къ нему идти, не миновать мнѣ смерти! Сколько разъ я съ мужемъ въ конторѣ судилась—и счету нѣтъ. Подпишется, что пальцемъ не трону, а какъ до дома дошолъ, давай бить! Доведу, говорить, до глухова мѣста, да и убою. Отъ побоевъ я просто глухая совсѣмъ стала. Все въ ухо, да въ ухо! Лѣто поработаешь—ничего, а какъ зима, такъ со двора долой! Не нужна, значить! Выгнать—такъ,

сутки не ѣмши и ходишь. Всякій принять то боится, чтобы, значить, чего не вышло!

— Мировой судья разбиралъ ваше дѣло?

— Разовъ пять разбиралъ: все смирялъ, да толку мало! Вотъ и волостные смиряли, а я все бита, да бита. Теперь я и не знаю, на чемъ мнѣ основаться! Прислала меня мать къ вашей милости спросить совѣту: не сходить ли мнѣ къ помощнику прокурора?

— Къ товарищу прокурора? Для чего?

— Да чтобы приказалъ мнѣ паспортъ выдать!

— Попробуйте, сходите!

Въ послѣдствіи я узналъ, что неизвѣстно какими путями, но Анна Мартыновна получила годовой паспортъ и уѣхала въ Москву.

В. К.

ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ.

Статья третья и послѣдняя.

V.

Ненормальное положеніе сцены, о которомъ мы говорили въ предыдущей статьѣ, конечно должно имѣть свое косвенное вліяніе на развитіе драматической литературы; пиша для сцены, писатель естественно принужденъ брать въ соображеніе ея условія и насыловать всячески свое творчество, приравниваясь сколько возможно къ ея бюрократическимъ требованіямъ. Но рядомъ съ этимъ еще болѣе сильное вліяніе на бѣдность нашей драмы оказываетъ то крайнее отсутствіе всякой общественности и монотонная замкнутость нашей жизни, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Но для того, чтобы читатель могъ ясно себѣ представить, въ чемъ заключается это вліяніе и какъ оно дѣйствуетъ, я принужденъ развить нѣсколько общихъ теоретическихъ положеній относительно этого предмета.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ миромъ фактовъ.—Всѣ эти факты привели насъ къ тому выводу, что драматическое искусство прямо зависитъ отъ степени развитія общественности, что моменты наибольшаго процвѣтанія его всегда совпадали съ моментами наибольшаго развитія общественной жизни, наибольшаго развитія въ массахъ сознанія своего національнаго могущества при увлеченіи какою-нибудь великою историческою иде-

сю: таковы были эпохи Перикла въ Аѳинахъ, вѣкъ Елизаветы въ Англіи, вѣкъ Шиллера въ Германіи. — Въ противоположность этимъ фактамъ, мы видѣли, что драма постоянно тѣмъ болѣе падала, обращалась въ ничтожество и пошлость, чѣмъ тѣше становилась импульсъ общественной жизни или по мѣрѣ того, какъ драма попадала въ частную сферу какаго-нибудь сословія, партіи, кружка. Историческимъ путемъ мы объяснили это явленіе такимъ образомъ, что являясь въ раннюю эпоху жизни каждаго народа религіознымъ обрядомъ, въ моменты наибольшаго напряженія религіознаго энтузіазма массы, драма традиціонно сохраняетъ за собою право быть выразительницею всякаго высокаго, торжественнаго настроенія массы и естественно вслѣдствіе этого, что чѣмъ свободнѣе массы могутъ выразить свои впечатлѣнія, и чѣмъ съ другой стороны восторженнѣе дѣлается настроеніе ихъ, тѣмъ болѣе получаетъ наклонности поэтическое творчество въ драмѣ. Но слишкомъ широкая общность подобной формулы требуетъ многихъ поясненій; обнимая развитіе драмы съ птичьаго полета въ теченіе вѣковъ, эта формула не показываетъ сама по себѣ, какое значеніе имѣетъ она въ частности, въ творчествѣ каждаго поэта, въ какой бы вѣкъ онъ ни жилъ; какъ отражается присутствіе или отсутствіе развитія свободы и напряженности общественности на произведеніяхъ тѣхъ или другихъ поэтовъ, хотя бы на примѣрѣ, нашихъ драматурговъ. Вотъ этимъ мы и займемся въ заключеніи нашего трактата.

Истари, испоконъ вѣковъ принято у насъ дѣлить поэзію на три рода: эпическую, лирическую и драматическую. Что касается до внѣшней, формальной стороны, на которую обыкновенно напирается наиболѣе при подобномъ дѣленіи, то она конечно нигуда не годится: поэтическое творчество, руководствуясь своими законами, постоянно рушитъ всѣ эти рубрики, помимо воли поэта вторгается въ чуждую область или смѣшиваетъ разнородные элементы самымъ повидимому капризнымъ образомъ: поэтъ на примѣрѣ задумаетъ писать драму, раздѣлитъ свой сюжетъ на дѣйствія, явленія, а у него выйдетъ вдругъ эпическое произведеніе; вздумаетъ написать романъ и окажется въ немъ чистѣйшимъ лирикомъ и пр.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало у насъ поэмъ по формѣ, представляющихся въ то же время лирическими произведеніями по содержанію? Развѣ на примѣрѣ Байронъ, перепробовавшій всѣ роды поэзіи, не является однимъ и тѣмъ же лирикомъ—въ поэмахъ и драмахъ, въ балладахъ и элегіяхъ, и развѣ нѣтъ на западѣ романовъ съ такимъ богатымъ драматическимъ содержаниемъ, что садись только и передѣлывай ихъ въ драму?

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы дѣленіе поэтическаго творчества на эпосъ, лирику и драму было несостоятельно само по себѣ. Но только бѣда вся въ томъ, что принимаемое съ одной формальной стороны—оно мерочить и публику, и поз-

товъ. Морочить публику въ томъ отношеніи, что глядя, напримѣръ, на рядъ драматическихъ произведеній, публика воображаетъ, что въ ея отечественной литературѣ и дѣйствительно есть драма, тогда какъ ея можетъ быть вовсе не существуетъ, или публики въ иную эпоху вообразить, что преобладающею формою поэзіи въ ея время является эпосъ, въ то время, какъ напротивъ преобладаетъ лирика. Морочить оно и поэтозъ, потому что не даетъ имъ иногда развернуться надлежащимъ образомъ въ такихъ формахъ, какія наиболѣе соотвѣтствуютъ направленію ихъ творчества; по крайней мѣрѣ мы не видимъ ничего хорошаго, когда эпическій писатель берется писать плохіи лирическія произведенія или скучныя драмы, когда лиристъ угощаетъ насъ романами.

Въ сущности, раздѣленіе поэзіи на три вышеозначенные рода имѣетъ свое важное значеніе, если мы, откинувши въ сторону формы, будемъ разсматривать это раздѣленіе въ смыслѣ различія отношеній между воспринятіемъ поэтомъ впечатлѣній внѣшняго міра и личнымъ настроеніемъ его при этомъ. Преобладающимъ настроеніемъ поэта можетъ быть спокойная созерцательность, или напротивъ рядъ страстныхъ душевныхъ движеній.—Въ первомъ случаѣ въ поэтѣ является склонность къ эпосу, во второмъ къ лирикѣ. При спокойной созерцательности у насъ является склонность подиѣчать всѣ окружающія насъ детали и мелочи, потому что въ такомъ случаѣ наше вниманіе не отвлекается отъ внѣшнихъ впечатлѣній созерцаніемъ внутреннихъ движеній нашей природы и напротивъ того, чѣмъ напряженнѣе въ насъ внутреннія движенія, тѣмъ менѣе мы являемся способны къ воспринятію внѣшнихъ впечатлѣній; въ экстазѣ страсти мы доходимъ иногда до полного отрѣшенія отъ окружающаго насъ міра, не знаемъ гдѣ идемъ, не видимъ людей, встрѣчающихся намъ на пути. Этимъ весьма естественно обуславливается преобладаніе пластики, богатства внѣшнихъ подробностей въ эпосѣ и бѣдность всего этого въ лирикѣ.

Чѣмъ же отличается драма отъ этихъ двухъ родовъ поэзіи и какимъ состояніемъ психическаго міра обуславливается ея появленіе? Гегель и за нимъ всѣ эстетяны его школы разсматривали драму, какъ высшее сочетаніе эпоса и лирики, но мы оставимъ въ сторонѣ это объясненіе, которое и до сихъ поръ въ большомъ ходу, между тѣмъ какъ въ сущности оно ничего не объясняетъ и даже съ точки зрѣнія философіи Гегеля непонятнымъ остается, почему же синтезъ эпоса и лирики долженъ проявляться непременно въ драмѣ, а не въ лирической поэзіи напримѣръ, или въ иныхъ какихъ нибудь произведеніяхъ, которыя могли бы быть въ одно и то же время и лирическими, и эпическими, не будучи въ то же время драматическими? Мнѣ кажется, что гораздо вѣрнѣе и естественно въ началѣ драмы, сообразно ея происхожденію, въ тѣхъ особенныхъ, специфическихъ настроеніяхъ, какія мы чувствуемъ, когда отрѣшались

совершенно отъ своей личности, забываемъ совершенно себя, сливаясь въ одномъ чувствѣ съ какою-нибудь толпою. Кто не чувствовалъ хоть разъ въ жизни подобнаго настроенія, присутствуя на примѣръ, въ ранней молодости, хотя бы на крестномъ ходѣ въ пасхальную ночь, смотря въ толпѣ народа на какой-нибудь страшный, объявившій нѣсколько улицъ пожаръ, особенно во время темной бурной ночи. Всѣ подобныя настроенія никакъ нельзя сравнить съ простыми личными чувствами—гнѣвомъ, страхомъ, любовью и пр. Въ экстазѣ послѣднихъ вы совершенно углубляетесь въ себя, для васъ не существуетъ никогда цѣлаго міра, кромѣ васъ самихъ; первыя же напротивъ заставляютъ васъ совершенно забывать о себѣ, вы чувствуете только, что вы какъ-то вырастаете до чего-то необъятно гигантскаго и въ то же время вамъ кажется, что вы ничто передъ тѣмъ необъятно гигантскимъ, въ чемъ вы составляете микроскопическій атомъ.

Для того, чтобы понять, къ какимъ результатамъ ведетъ преобладаніе подобныхъ настроеній въ поэтическомъ творчествѣ, мы возьмемъ слѣдующій примѣръ: представимъ себѣ, что вы любуетесь прекраснымъ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ. На душѣ у васъ также спокойно и безмятежно, какъ и вокругъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія вы способны всматриваться въ каждую деталь окружающаго васъ ландшафта, какъ переливается ручей въ лучахъ заходящаго солнца, какъ расходятся тонкія облачка въ сіяніи вави, какъ пылится вдаль дорога подъ копытами стада, возвращающагося домой и пр. и пр. Но вдругъ передъ вами является толпа народа, не обыкновенная толпа, но торжественно настроенная однимъ общимъ чувствомъ, несутъ знамена, раздается стройный хоръ тысячи голосовъ; конечно, тотчасъ же настроеніе ваше мѣняется; всѣ детали ландшафта уходятъ на задній планъ; вы перестаете наблюдать ихъ, не замѣчаете вовсе: подчиняясь общему чувству толпы, вы сами настраиваетесь на торжественный ладъ; въ вашемъ воображеніи начинаютъ возникать величественныя картины историческаго прошлаго, настоящаго или будущаго этой толпы, смотря по общему настроенію; ваши мысли отъ повседневныхъ мелочей отвлекаются къ созерцанію таинственныхъ судебъ, управляющихъ жизнью массъ и если вы захотите говорить передъ этою толпою, то неужели вы станете распространяться передъ нею о переливахъ ручья, облачкахъ и тому подобнымъ предметахъ, занимавшихъ васъ прежде; конечно вы заговорите въ духѣ того настроенія, которое сами раздѣляете вмѣстѣ съ толпою, о существенныхъ явленіяхъ жизни ея, начнете выставлять передъ нею ту общественную или нравственную дисгармонію, которая губитъ лучшія ея силы или осмѣивать такія пошлыя явленія въ жизни ея, которыя при всемъ своемъ возмутительномъ безобразіи въ то же время грандіозны, потому что составляютъ колоссальныя язвы на общественномъ тѣлѣ, равно близкія сердцу

всѣхъ и каждаго... Въ особенностяхъ подобнаго настроенія поэта и лежитъ тайна драмы и ея отличие отъ эпоса и лирики. Истинная драма, трагедія она или комедія—должна непременно быть проникнута тѣмъ торжественнымъ настроеніемъ, которое поэтъ выноситъ изъ созерцанія общественныхъ или общечеловѣческихъ судебъ; она пишется не для отдѣльнаго читателя, берущагося за книгу послѣ сытнаго обѣда или на сонъ грядущій, а для толпы, жаждущей сильныхъ ощущеній; она должна потрясти эту толпу; а тѣмъ-же можетъ она этого достигнуть, какъ не затронувъ ее за живое изображеніемъ роковыхъ судебъ ея жизни, или-же выставленіемъ на всеобщее позорище такихъ сторонъ ея быта, которыя составляютъ общій стыдъ всѣхъ и каждаго.

Въ драмѣ есть, если хотите, свой эпосъ, но существенно отличающійся отъ эпоса въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ, что драматическій эпосъ касается наиболѣе страстныхъ, роковыхъ и потрясающихъ элементовъ жизни, при чемъ всѣ подробности, столь умѣстныя въ обыкновенномъ эпосѣ, въ драматическомъ— мало того, что становятся излишними, но портятъ дѣло, замедляютъ ходъ дѣйствія и вмѣсто того, чтобы возбуждать, успокаиваютъ настроеніе зрителей, направляя ихъ въ сторону спокойнаго созерцанія; но только то спокойное созерцаніе, которое вы выносите изъ чтенія драмы, замѣняется при зрѣніи ея, вслѣдствіе обманутаго ожиданія страстныхъ впечатлѣній, нетерпѣніемъ, досадою, наконецъ скукою... «За тѣмъ все это представляется, все это ми и безъ того каждый день видимъ въ жизни!» восклицаютъ нерѣдко наивные простолюдины при зрѣніи всякой драмы, изображающей бездѣлныя сцены обшденной жизни— и наивные простолюдины въ своемъ простодушномъ восклицаніи выражаютъ гораздо болѣе глубокой правды, чѣмъ вы найдете въ сотняхъ рецензій на такую драму. Съ другой стороны въ драмѣ есть и своя лирика, но опять таки лирика, существенно отличающаяся отъ личной, субъективной именно тѣмъ, что чувство, пронизающее драматическое произведеніе, должно вполне соответствовать тому общему настроенію, которое преобладаетъ въ массѣ въ данный моментъ. Авторъ увѣренъ, что приведенный имъ выше примѣръ незападнаго появленія толпы передъ поэтомъ читатель приметъ не буквально, а только какъ наглядный грубый примѣръ. Конечно для возбужденія драматическаго творчества необходима не толпа въ тѣсномъ смыслѣ слова, со знаменами и хоровымъ пѣніемъ, а именно, чтобы масса, находясь въ извѣстномъ возбужденіи и свободно проявляя свои настроенія, постоянно дѣйствовала на поэта въ различныхъ проявленіяхъ жизни, на улицѣ и дома за газетою, въ клубѣ и театрѣ, на народномъ торжествѣ и въ проявленіяхъ народной печали, постоянно настраивала его своимъ обаяніемъ, отвлекая его отъ частныхъ подробностей обшденной жизни къ созерцанію общихъ и наиболѣе страстныхъ ея проявленій.

Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ мы и видимъ, что на Западѣ, гдѣ общественная жизнь развита весьма сильно, и масса постоянно вліяетъ на настроеніе поэта, не только лучшія драматическія произведенія, но и чисто эпическія — романы, повѣсти, поэмы, — являются проникнутыми богатымъ драматическимъ элементомъ, при чемъ главное вниманіе романистовъ устремляется не столько на обрисовку мелочей, обыденной жизни, сколько на развитіе различныхъ драматическихъ положеній, имѣющихъ общечеловѣческое и социальное значеніе. Даже народный эпосъ, — каковы гѣсны о Нибелунгахъ или о Роландѣ — представляютъ въ себѣ прекрасные сюжеты для потрясающихъ трагедій. Съ другой стороны и лирика на Западѣ подъ обаяніемъ толпы постоянно принимаетъ общественный характеръ.

Совершенно въ иномъ положеніи находится русскій писатель. Гдѣ вы найдете въ нашей жизни такія мировыя идеи, которыя двигали бы массы, каковы были идеи эпохи Возрожденія или философскаго движенія XVIII вѣка? Гдѣ у насъ такое настроеніе, которое можно было-бы назвать общимъ, которое не было-бы частнымъ настроеніемъ того или другого кружка? При однообразной монотонности нашей жизни, при оудрающей замкнутости, направленіе творчества нашихъ писателей неудержимо стремится къ созерцанію различныхъ подробностей, мелочей жизни. Преобладающимъ родомъ поэзіи при такихъ условіяхъ долженъ быть эпосъ, который и дѣйствительно является господствующею формою нашей литературы. Всѣ наши писатели воспитаны натуральною школою, которая именно учила изображать жизнь такъ, какъ она представляется нашимъ взорамъ во всѣхъ ея обыденныхъ мелочахъ и подробностяхъ. Подобное требованіе писатели наши вносятъ, къ величайшему сожалѣнію, и въ драму. Прежде всего поражаетъ васъ въ нашихъ отечественныхъ драмахъ отсутствіе всякаго страстнаго увлеченія какою-либо идеею. Въ нѣкоторыхъ вы найдете, пожалуй, блѣдную тѣнь драматической волннви, но именно блѣдную тѣнь: вмѣсто того, чтобы особенно напереть на развитіе драматическихъ положеній и выставить ихъ на первый планъ, авторы намѣчаютъ ихъ обыкновенно самыми общими блѣдными чертами. Очень часто при этомъ ихъ преслѣдуетъ тотъ убійственный и мертвящій натурализмъ, подъ вліяніемъ котораго имъ вдругъ иногда покажется, что какой-нибудь герой, при совершеніи даннаго дѣйствія, не можетъ изливать свои чувства. И вотъ — вмѣсто того, чтобы нѣсколькими страстными монологами обрисовать психическое состояніе героя и настроить зрителей къ ожиданію катастрофы, подобно тому, какъ напримѣръ Шекспиръ, задолго до убійства Дездемоны, заставляетъ зрителей, при одномъ видѣ бѣшенства Отелло, трепетать за бѣдную жертву, наши драматурги, желая остаться вѣрными дѣйствительности до смѣшнаго педантизма, заставляютъ героя проговорить нѣсколько отрывочныхъ словъ, и холодный читатель смотритъ на

находящиеся по сценѣ труны въ концѣ драмы съ тѣмъ-же хладнокровіемъ, съ какимъ слушаетъ объясненія въ любви въ первомъ дѣйствіи. Но отодвигая драматическія положенія на послѣдній планъ и обрисовывая ихъ самыми блѣдными чертами, въ тоже время драматурги всю драму наполняютъ обыкновенно рядомъ бытовыхъ сценъ вполне эпического характера. Чего только вы тутъ не найдете: и хороводы, и уличныя сцены, и дѣвичьи терема, и боярскія думы, и цырушки, и приемы пословъ; такъ что прочитавъ драму, вы видите, что дѣль ея заключается вовсе не въ томъ, чтобы тронуть васъ изображеніемъ какихъ нибудь трагическихъ судебъ человѣческой жизни, а просто познакомить васъ съ бытомъ такого-то вѣка. Передъ вами не живое, страстное увлеченіе поэта, а сухой, холодный историческій трудъ, причемъ нѣкоторые драматурги, какъ бы примѣръ Чаевъ или Аверіевъ, доходятъ до такихъ тонкостей, что даже стараются по лѣтописямъ и всевозможнымъ актамъ воспроизводить въ устахъ героевъ языкъ какого нибудь XVI вѣка. Воже мой, но вѣдь это не живое поэтическое творчество, а мертвечина, схоластика! Вѣдь это не драмы, а археологическія выставки живыхъ картинъ! Вѣдь это хорошо смотрѣть въ какомъ нибудь музее на подобныя картины, гдѣ вы все-таки въ движеніи, переходите съ одного угла въ другой, роетесь въ каталогѣ, куда вы наконецъ идете уже заранѣе настроенные на ученую скуку. Но представьте себѣ, что вы пришли въ театръ—развлечѣсь отъ обыденныхъ занятій, забыться отъ мелочей и дряблѣ жизни созерцаніемъ какихъ нибудь величественныхъ, выходящихъ изъ уровня сценъ—и вдругъ пять часовъ сряду просидѣть неподвижно передъ подвижною выставкою археологическихъ картинъ. Это вѣдь болѣе, чѣмъ злая насмѣшка надъ вами! Это чистое смертоубійство! Но что же будете дѣлать съ нашими драматургами? Откуда взять имъ увлеченія, страсти, огни, когда ничего этого нѣтъ въ жизни.

Но не ограничиваясь этою общою характеристикою, попытаемся подтвердить ее анализомъ наиболее выдающихся историческихъ драмъ, появившихся на сценѣ и въ печати, именно: «Козьма Мининъ Сухорукъ» г. Островскаго и «Смерть Іоанна Грознаго» гр. Толстаго. Мы увидимъ, что даже эти драмы при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ драматическаго искусства.

Начнемъ съ Минина Г. Островскаго.

Драматическую хроніку «Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ»—можно по справедливости назвать лучшимъ произведеніемъ этой школы, какъ по удачному выбору сюжета, вполне драматическаго, такъ и по художественной обработкѣ характеровъ и сценъ. На первомъ планѣ рисуется передъ нами возбуждающій глубокое сочувствіе къ себѣ въ зрителяхъ человѣкъ, дѣйствительно выдающийся надъ толпою, одинъ изъ тѣхъ могучихъ духомъ героевъ, которые выдвигаются изъ среди народа въ моменты

наиболѣе роковыя, когда жизнь страны бываетъ потрясена и всколеблена до самыхъ основаній. Для Минина не существуетъ личныхъ заботъ, онъ забываетъ совершенно свое я; картина общественныхъ бѣдствій, мысль о томъ, что русская земля гибнетъ, до такой степени свѣдаютъ его, что онъ впадаетъ въ мрачный мистицизмъ, постится, молится, худѣетъ и таетъ, какъ свѣчка. Въ порывѣ страстнаго желанія возбудить духъ народа и повести его на послѣднія усилія къ освобожденію, онъ напрягаетъ всѣ свои силы, ходитъ по площадямъ и перушкамъ, среди мѣщанъ, купцовъ и бояръ; вездѣ льютъ его пламенныя, пронизанныя горечью рѣчи. И что же: на первыхъ же шагахъ своего великаго подвига онъ встрѣчаетъ цѣлый рядъ разочарованій: не всеобщее сочувствіе къ своимъ рѣчамъ, не готовность положить жизнь за отцовъ и братьевъ видятъ онъ. Напротивъ того, одни принимаютъ его рѣчи сухо и холодно, пронизанные заботою о своихъ личныхъ выгодахъ, жалѣютъ пожертвовать копѣйку на общую пользу; другіе смѣются надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ блаженнымъ, пустосвятомъ, а третьи, въ особенности дѣяки и приказные, заподозрѣваютъ его въ различныхъ своекорыстныхъ и неблагонамѣренныхъ дѣлахъ. Однѣ только темный, оборванный, нищій людъ съ энтузіазмомъ слушаетъ его рѣчи, молится ему, какъ Богу,—но что же можетъ Мининъ сдѣлать съ одними этими своими приверженцами, безъ средствъ, безъ оружія. И вотъ на краю самаго горькаго отчаянія Мининъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству: онъ читалъ не разъ въ различныхъ священныя книгахъ, что въ годину народныхъ бѣдствій Богъ являлся къ своимъ избраннымъ и посылалъ ихъ на подвигъ спасенія народа. Мининъ рѣшился объявить себя такимъ божественнымъ посланникомъ и возвѣститъ народу, что ночью ему явился преподобный Сергій и велѣлъ будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ. Очень можетъ быть, что Мининъ, рассказывая о своемъ видѣніи, былъ далекъ отъ умысленаго обмана: полный мистицизма, въ экстазѣ отчаянія, онъ и въ самомъ дѣлѣ могъ дойти до галлюцинаціи и, вообразивши себя избранныкомъ народнаго искушенія, увидѣть и соответствующее этому видѣніе. Какъ бы то ни было, но послѣднее средство удалось: гдѣ не подѣйствовали призы въ геройскому самопожертвованію, тамъ повліялъ суевѣрный страхъ—и Мининъ восторжествовалъ надъ врагами: поднялся весь Нижній Новгородъ, собрали все, что только можно было собрать, снарядили ополченіе и оно двинулось на Москву...

Но выступленіемъ ополченія изъ Москвы не оканчивается еще судьба Минина, какъ трагическаго героя. Въ сущности это только начало драмы, завязка ея: герой, исполнившись высокой страсти, ополчился на борьбу съ вишними и внутренними враждебными силами своего отечества. Вы и ждете, чѣмъ же кончится эта борьба. Драма непременно должна представить конечный результатъ судьбы героя, такъ чтобы вся эта судьба

была передъ вами, какъ на ладони и все равно, чѣмъ бы ни кончилъ герой, еслибы даже онъ и не погибъ въ борьбѣ, для васъ должно быть ясно, что было съ нимъ далѣе, по окончаніи драмы. По крайней-мѣрѣ, читая любую драму Шекспира, Шиллера, Гёте, вы всегда видите передъ собою полную развязку драматической коллизіи. Но, подумайте, исчерпывается-ли судьба Минина поднятіемъ нижегородцевъ? Неужели та высокая, могучая страсть къ общественному благу, которая, какъ мы видѣли, овладѣла всѣмъ существомъ Минина, тотчасъ же и угасла въ немъ, какъ только Москва была взята поляками и на престолъ былъ избранъ Михаилъ? Неужели Мининъ могъ удовлетвориться и успокоиться на этомъ, онъ, сердце котораго болѣло не отъ одного раззоренія русской земли внѣшними врагами, но и внутренними, въ виду безчеловѣчнаго своеволія сильныхъ, обиды и тяготы, которыми былъ угнетенъ низшій людъ, черстваго своекормиста, постыднаго приношенія общаго блага въ пользу личныхъ выгодъ, попранія въ ближнихъ всякаго человѣческаго достоинства, однимъ словомъ, всего того, чѣмъ была такъ красна допетровская Русь и что ее довело почти до гибели. Вѣдь этотъ внутренний врагъ не былъ побѣжденъ, онъ былъ только подавленъ на время силою энтузіазма Минина. И вотъ теперь, когда подвигъ Минина былъ совершенъ и русская земля хотя немного свободнѣе вздохнула отъ всѣхъ своихъ бѣдствій, когда Мининъ сталъ болѣе не нуженъ, этотъ внутренний врагъ, въ лицѣ различныхъ Биркиныхъ, Семеновыхъ, Лыткиныхъ и т. п., долженъ былъ съ удвоеннымъ ехидствомъ наброситься на своего гонителя. Исторія ничего ясно и опредѣленно не говоритъ намъ о дальнѣйшей судьбѣ Минина, но въ ней есть намекъ въ видѣ темнаго преданія, что Мининъ кончилъ чѣмъ-то въ родѣ заточенія. Историкъ конечно можетъ пренебрегать этимъ фактомъ, достовѣрность котораго ничѣмъ не подтверждена, но для поэта подобное преданіе—драгоцѣнность. Поэтъ, не кропотливый исследователь, сличающій вѣрность документовъ. Художественную правду онъ всегда обязанъ предпочитать исторической достовѣрности. Мининъ, въ глазахъ его, долженъ быть не историческимъ лицомъ, исторію котораго онъ пишетъ по актамъ, а художественнымъ типомъ, въ которомъ онъ воплощаетъ свой лучшій идеаль. Тамъ, гдѣ для историка нуженъ рядъ осязательныхъ фактовъ для того, чтобы сдѣлать свои заключенія, для художника достаточно иногда одного намека, чтобы создать цѣлое драматическое положеніе. А какъ хорошъ въ этомъ отношеніи вышеприведенный намекъ о судьбѣ Минина. Герой, подъявшій на свои плеча тягу всей русской земли, народный вождь, освободитель отечества и умирающій въ темницѣ, всѣми забытый, униженный, поруганный. Какое богатое драматическое положеніе, сколько потрясающихъ трагическихъ моментовъ могъ бы выставить здѣсь драматургъ, какое мрачное раздумье выносить

бы изъ этой трагедіи зритель о судьбѣ многихъ героевъ въ исторіи, кончившихъ тѣмъ же, чѣмъ кончилъ Мининъ. Это была бы трагедія повстанія общечеловѣческая. И я увѣренъ, что западно-европейскій драматургъ не замедлилъ бы воспользоваться этимъ богатымъ сюжетомъ, не говоря уже о Шекспирѣ, который счумѣлъ въ Тимонѣ Аѳинскомъ возвысить до трагическаго паѳоса даже разочарованіе въ друзьяхъ промотавшагося барича.

Но г. Островскій кончилъ свою піесу выступленіемъ ополченія изъ Нижняго. Да не подумаетъ читатель, чтобъ я это ставилъ въ вину г. Островскому и навязывалъ ему непременно предполагаемое мною развитіе сюжета. Признавая за художникомъ неотъемлемое право выбора содержанія и плана своего произведенія, лишь-бы содержаніе это было серьезно и достойно поэтическаго творчества, я не только далеко отъ того, чтобы пенять, зачѣмъ г. Островскій не произвелъ своей піесы по моему усмотрѣнію, напротивъ того, я признаю по причинамъ, изложеннымъ ниже, что г. Островскій, какъ нельзя болѣе прекрасно сдѣлалъ, написавъ свою піесу въ томъ видѣ, въ какомъ она является передъ нами. Цѣль моей характеристики заключается только въ томъ, чтобы объяснить, почему г. Островскій воспользовался своимъ сюжетомъ такъ, а не иначе, почему, взявши сюжетъ, могущій послужить для потрясающей трагедіи, онъ, однако-же, не заинтересовался имъ такъ, какъ могъ-бы имъ заинтересоваться трагическій писатель, а взялъ только часть сюжета и разработалъ эту часть, болѣе въ эпическомъ духѣ, чѣмъ въ драматическомъ. (я говорю, въ эпическомъ болѣе, чѣмъ въ драматическомъ, на томъ основаніи, что представленіе какого-либо героя въ одномъ изъ моментовъ его жизни, и притомъ, въ моментѣ наибольшей славы его, естъ прямо предметъ эпоса, а никакъ не драмы, цѣль которой заключается не столько въ апоѳеозѣ героя, сколько въ изображеніи судьбы его въ ея конечномъ результатѣ). По моему мнѣнію, это произошло не случайно, и вовсе не вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ свойствъ или недостатковъ таланта г. Островскаго, а прямо отъ вліяній жизни, неуклонно и инстинктивно направляющей творчество писателей въ ту или другую сторону. Г. Островскій не виноватъ, что жизнь наша—монотонная, вялая, мелочная, представляющая полное отсутствіе сильныхъ героическихъ характеровъ и могучихъ страстей, не возбуждаетъ въ поэтѣ трагическаго паѳоса, и не вдохновляетъ въ него образъ міровой борьбы и титаническихъ страданій, а напротивъ того, болѣе располагаетъ его къ эпическому изображенію обыкновенныхъ сценъ жизни во всѣхъ ея бытовыхъ деталяхъ. Мы не должны забывать того закона творчества, что поэтъ, какъ-бы гениаленъ онъ ни былъ, никогда не можетъ создать что-либо изъ ничего, произвести то, чего не даетъ ему жизнь, — и до тѣхъ только поръ онъ является передъ нами истиннымъ поэтомъ,

Т. ССVIII. — Отд. II.

пока онъ повинуется тѣмъ непосредственнымъ влеченіямъ своего творчества, которыя возбуждаются въ немъ впечатлѣніями жизни; а чуть онъ перестаетъ повиноваться этимъ влеченіямъ и, вслѣдствіе какихъ-нибудь предвзятыхъ доктринъ или теорій, дѣлаетъ попытку пронавести что-нибудь болѣе того, что внушаетъ ему жизнь, у него являютя образы отвлеченныя, искусственныя, неестественныя и ходульныя. На этомъ именно основаніи мы и признаемъ, что если г. Островскій не воспользовался исторіею Мнѣина, какъ трагическимъ сюжетомъ, а ограничился драматическою хроникой, эпическимъ представленіемъ одного изъ эпизодовъ нашего прошлаго во всѣхъ бытовыхъ деталяхъ, то въ этомъ не только мы не имѣемъ права обвинять его, но должны видѣть въ этомъ достоинство г. Островскаго, какъ поэта. Повинуясь голосу жизни, влеченію своего творчества, г. Островскій, хотя и не произвелъ цѣльной, законченной трагедіи, но, все-таки, создалъ прекрасное эпическое произведеніе въ драматической формѣ и было-бы смѣшно осуждать это произведеніе, зачѣмъ оно принадлежитъ къ эпосу, а не къ драмѣ. Между тѣмъ какъ, если-бы г. Островскій, на основаніи теоретическихъ соображеній о сущности трагедіи, или соблазнившись образцами западной драмы, вздумалъ-бы написать цѣльную трагедію съ вышеназванной развязкой, можно навѣрное сказать, что это не удалось-бы ему, что навболѣе драматическія сцены въ произведеніи вышли-бы или холодны и безжизненны, или неестественны и ходульны и это произошло-бы не отъ недостатка таланта г. Островскаго, а прямо отъ того, что ему въ этихъ сценахъ, пришлось-бы силою напрягать, во что-бы ни стало, свое творчество на трагическій пафосъ, котораго у него нѣтъ, придумывать, сочинять. За примѣрами печальныхъ послѣдствій подобнаго насилванія таланта ходить въ нашей литературѣ не далеко. Вспомните хоть-бы «Бориса Годунова» Пушкина. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ талантомъ, стоящимъ на недосыгаемой высотѣ, и, повидимому, всемогущимъ. А между тѣмъ, и этотъ талантъ не могъ выдумать трагическаго пафоса, котораго не дала ему жизнь. Лучшими мѣстами произведенія представляются въ свою очередь тѣ, въ которыхъ Пушкинъ является передъ нами писателемъ эпическимъ: это сцены бытовныя, обрисовывающія духъ и нравы смутнаго времени. Между тѣмъ, тѣ сцены, въ которыхъ Пушкинъ пытается, во что бы ни стало, предстать передъ нами драматическимъ писателемъ — суть самыя слабыя въ пьесѣ: личность главнаго героя, Бориса Годунова, вышла ходульною и неестественною, напоминающею собою злодѣевъ пошлыхъ мелодрамъ и таковыя представляется этотъ герой въ наиболѣе патетическихъ своихъ монологахъ. Въ общемъ своемъ видѣ, наконецъ, пьеса является вовсе не гармонически-цѣльною, законченною драмою, а рядомъ бытовыхъ сценъ, имѣющихъ между собою одну только ту связь, что всѣ онѣ относятся къ одной эпохѣ. Не имѣ

нужды вдаваться въ подробный разборъ произведенія Пушкина, достаточно уже разобраннаго критикою, мы отсылаемъ читателей къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, гдѣ они найдутъ обстоятельный анализъ недостатковъ произведенія Пушкина, какъ драмы. Мы же возвращаемся къ г. Островскому, и считаемъ необходимымъ указать на одинъ весьма характеристическій фактъ въ его литературной дѣятельности, ясно показывающій, что если онъ въ своихъ историческихъ драмахъ является передъ нами писателемъ болѣе бытовымъ, эпическимъ, чѣмъ драматическимъ, то это зависитъ никакъ не отъ свойствъ его таланта, а чисто отъ духа времени и жизни, неотразимо влияющихъ на писателя. Фактъ этотъ — «Гроза» г. Островскаго. Про это произведеніе вы уже не скажете, чтобы эпическій, бытовой элементъ преобладалъ въ немъ надъ драматическимъ. Напротивъ того, это драма въ истинномъ смыслѣ этого слова и, можно сказать, единственная драма въ нашей литературѣ, вполне оправдывающая это названіе. Трагическій сюжетъ, положенный въ основаніе пьесы, развитъ вполне, стоитъ на первомъ планѣ, и во всей пьесѣ вы не найдете ни одной лишней сцены, значеніе которой было-бы чисто бытовое, правоописательное, и которая не служила-бы такъ или иначе къ наибольшему развитію или оттѣненію сюжета. Трагическій паѳосъ, возрастая съ каждымъ актомъ, доходитъ до полного своего развитія въ катастрофѣ послѣдняго дѣйствія, причемъ авторъ отлагаетъ въ сторону тотъ педантическій натурализмъ нашихъ писателей, вслѣдствіе котораго они считаютъ высшимъ преступленіемъ противъ искусства обставлять свои сюжеты эффектною обстановкою красоть природы и буйства стихій, подобно тому, какъ это дѣлаетъ часто Шекспиръ для наибольшаго развитія трагическаго паѳоса, и которые, вмѣсто этого, готовы, ради такъ-называемой правды жизни, заставить героя нѣсколько разъ высморкаться и чихнуть во время патетическаго монолога, потому что, въ дѣйствительности, вѣдь это случается довольно часто. Г. Островскій не слѣдуетъ въ «Грозѣ» этому мертвящему пуризму нашихъ натуралистовъ и грозу жизни смѣло обставляетъ грозою природы, что, конечно, усиливаетъ въ болѣе степени впечатлѣніе катастрофы. Однимъ словомъ, г. Островскій въ «Грозѣ» является вполне западнымъ драматургомъ, заботящимся не столько о томъ, чтобы каждая сцена, до мелочныхъ подробностей, воспроизводила обденную жизнь, сколько о наиболѣе рѣзкомъ и поразительномъ проведеніи идеи драмы, оттого-то и пьеса г. Островскаго вышла драмою въ истинномъ, западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Но какъ-же это такъ? спроситъ меня читатель. Не противорѣчитъ-ли подобный фактъ всѣмъ нашимъ разсужденіямъ? Въ природѣ не можетъ быть исключеній въ явленіяхъ, слѣдствій изъ ихъ причинъ: причина неминуемо должна производить свое слѣдствіе и было-бы неслыханнымъ чудомъ, если бы она хоть разъ не произвела; вѣдь это было бы все равно, какъ

еслибы огонь не зажегъ дерева, ливень не смочилъ земли. На этомъ основаніи, если вы разъ предположили, что причина эпического характера нашей драмы заключается въ условіяхъ самой жизни, то эти условія всегда должны вліять одинаково, — исключеній быть не можетъ; но если вы допускаете возможность существованія хоть одной истинной драмы, то что-нибудь изъ двухъ: или тѣ причины, о которыхъ вы говорите, суть вовсе не причины, или вы допускаете чудо. На первый взглядъ «Гроза» г. Островскаго можетъ показаться, дѣйствительно, какимъ-то исключеніемъ, опровергающимъ всѣ наши разсужденія, но если мы возьмемъ въ соображеніе время, въ которое явилась «Гроза», то мы увидимъ, что не только пьеса эта не противорѣчитъ нашимъ разсужденіямъ, но напротивъ того, еще болѣе подтверждаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, въ какое время была написана эта пьеса: жизнь тогда кипѣла влечемъ, общество было возбуждено массою вопросовъ всякаго рода; въ извѣстной части его проявлялось тогда нѣчто въ родѣ общест-венности; между всѣми вопросамъ, однимъ изъ главныхъ, занималъ въ то время всѣхъ мыслящихъ людей семейный вопросъ. И вотъ появилась «Гроза», какъ отраженіе этого вопроса, и естественно, что драма эта, появившаяся въ наиболѣе живое время, отличается такою страстностью, такими богатыми и развитыми трагическими моментами, подобныхъ которымъ вы въ нашей литературѣ не найдете.

Драмъ г. А. Толстаго служить къ еще большому подтвержденію нашихъ взглядовъ. Особенно поучительно въ этомъ отношеніи сравненіе г. Островскаго съ г. А. Толстымъ, какъ писателей. Г. Островскій представляется намъ типомъ художника, создающаго свои произведенія вполне непосредственно, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и ухищреній. Онъ передаетъ намъ то, что внушаетъ ему жизнь, и ни въ одной пьесѣ его вы не найдете тѣни какой-либо претензіи передать больше, чѣмъ онъ можетъ. Поэтому у г. Островскаго вы нигдѣ не встрѣтите попытокъ поддѣлаться подъ какую-нибудь западную знаменитость — Шекспира, Шиллера или Гёте. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ является писателемъ вполне самобытнымъ, чисто русскимъ, но, если вы не встрѣтите въ произведеніяхъ г. Островскаго ни одного такого мѣста, въ которомъ авторъ становился-бы передъ вами на кодули, желая разыграть русскаго Шекспира, за то изрѣдка промелькнетъ передъ вами сцена, вполне оригинальная, не носящая и тѣни подражательности, между тѣмъ, отъ которой можетъ быть не отказался-бы и Шекспиръ. Таковы, напримѣръ, сцены — свиданія Лжедмитрія съ матерью царевича Дмитрія или сна Шалыгина въ комедіи «Воевода».

Совершенно въ иномъ видѣ представляется намъ г. А. Толстой. Это писатель, очевидно мѣтящій въ русскіе Шекспиръ, никакъ не менѣе. Ужъ по одному тому, какими многогрѣшны-

ми совѣтами относительно постановки своихъ пьесъ на сцену, разражался онъ неоднократно, можно судить, какъ высоко ставить онъ свои пьесы, и притомъ совѣты эти произносились не за кулисами во время репетицій, гдѣ-бы имъ было надлежащее мѣсто, а печатно, во всеуслышаніе передъ публикою на страницахъ различныхъ журналовъ, такъ, что очевидно, они предназначались не для однихъ современныхъ актеровъ, а въ назначеніе потомству, въ свѣдѣніе будущимъ Кинамъ и Эльриджамъ. Что касается до содержанія пьесъ гр. А. Толстаго, то онѣ преисполнены не меньшими претензіями. Возьмемъ для примѣра наиболѣе извѣстную его пьесу Смерть Іоанна Грознаго.

Въ самомъ заглавіи пьесы есть уже претензія: гр. А. Толстой не довольствовался скромнымъ наименованіемъ своей пьесы драматическою хроникою, хотя она прямо принадлежитъ по своему характеру къ этому роду, — нѣтъ, передъ нами трагедія. Но судя по содержанію пьесы видно, что гр. А. Толстой имѣетъ весьма смутныя понятія о томъ, что такое трагедія.

Личность Іоанна Грознаго представляетъ безспорное богатство драматическихъ положеній, какъ по складу своего характера, такъ и по всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни. Но вы подумайте, какой моментъ поставилъ-бы истинный драматургъ въ центрѣ драмы, еслибы, избравши Іоанна главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, онъ захотѣлъ-бы освѣтить эту личность, какъ трагическій характеръ? Очевидно, онъ избралъ-бы для этого исторію того загадочнаго психическаго переворота, который сдѣлалъ изъ энергическаго юноши, полнаго жажды плодотворной дѣятельности, мрачнаго, безумнаго тирана. Какъ-бы объяснилъ поэтъ этотъ переворотъ, это было-бы дѣло его личныхъ взглядовъ и побужденій, но уже тотъ фактъ, что переворотъ этотъ можетъ возбуждать различныя объясненія, доказываетъ намъ, какъ богатъ этотъ сюжетъ для трагедіи. Графъ-же А. Толстой избралъ для своей трагедіи смерть Іоанна Грознаго. Но что же трагическаго представляютъ въ себѣ послѣдніе дни жизни Іоанна? Ознаменовались-ли они какимъ-нибудь особеннымъ нравственнымъ переломомъ, или борьбою съ внѣшними обстоятельствами? и что такое смерть его? есть-ли это смерть героя, мученика, или злодѣя, въ родѣ Макбета или Дункана? Ничего этого не было: если Іоанна терзала совѣсть въ послѣдніе дни его существованія, при воспоминаніи о всѣхъ своихъ злодѣяствахъ, то не менѣе, чѣмъ это было и прежде во всѣ годы его тиранства, если онъ продолжалъ неистовствовать и дурить, то опять-таки, не только не болѣе прежняго, но конечно менѣе, вслѣдствіе старческой слабости; по крайней мѣрѣ самодурства его не имѣли уже такого яркаго характера звѣрскаго необузданности и фантастичности, какъ годы наибольшей энергіи его. Однимъ словомъ прожилъ человѣкъ до глубокой старости, не измѣнивши ни въ чемъ своего нрава и умеръ внезапно, въ минуту праздно потѣхи, играя въ шахматы. Подумаешь, какой

поразительный, высокій трагизм! Только російскому драматургу можетъ придти въ голову создать трагедію изъ апоплексическаго удара! Мы не говоримъ, чтобы изображеніе послѣднихъ дней жизни Іоанна въ драматической формѣ было-бы совершенно дѣломъ излишнимъ и суетнымъ и чтобы въ пьесѣ гр. Толстаго не было художественныхъ сценъ, прекрасно обрисовывающихъ личность Іоанна Грознаго. Но назовите какъ хотите эти сцены—эпическимъ сказаніемъ въ драматической формѣ, хроникой, но не воображайте, что это трагедія и не ставьте на сцену этого утомительнаго ряда живыхъ картинъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте что трагическаго во всей пьесѣ? Переберите всѣ ея главные моменты. Или, можетъ быть, вы видите трагедію въ томъ фактѣ, что Іоаннъ, глядя въ гробъ, намѣревался развестись съ своей седьмой женою и жениться на восьмой. Правда, это могло-бы послужить драматической коллизіей, еслибы соединялось съ какою-нибудь нравственною борьбою въ Іоаннѣ, прямымъ результатомъ котораго была-бы смерть его, или-же еслибы результатомъ этого была-бы трагическая катастрофа съ царицею Марією, но ничего подобнаго мы не видимъ въ драмѣ: Іоаннъ помышляетъ о восьмомъ бракѣ съ такимъ кладнокровіемъ, какъ-будто дѣло шло о перемѣнѣ квартиръ, а царица Марія, хотя и горюетъ, но остается царицею до внезапнаго паденія Іоанна со стула, и драма кончается совершенно независимо отъ обстоятельствъ этого семейнаго раздора. Или, быть можетъ, намъ слѣдуетъ видѣть трагическую коллизію въ томъ ослѣпленіи, въ какомъ находился Іоаннъ относительно внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ своего государства, ослѣпленіи, причиною котораго было тиранство Іоанна, побуждавшее обезумѣвшихъ отъ страха царедворцевъ скрывать отъ него истину. Но и это могло-бы служить драматическою коллизією только въ такомъ случаѣ, еслибы изъ этого прямо вытекала трагическая катастрофа, т.-е. смерть Грознаго; и этого мы не видимъ въ драмѣ: правда, Іоаннъ погорачился немного послѣ унижительной сцены съ Гарабурдою, какъ случилось ему конечно ежедневно горячиться во все время его царствованія, а потомъ и ничего: вѣсти о новыхъ побѣдахъ заставили его успокоиться и просіять.

Недостатокъ драматизма въ главномъ героѣ трагедіи поневолѣ заставилъ гр. Толстаго искать драматической коллизіи въ побочныхъ дѣйствующихъ лицахъ, преимущественно въ Борисѣ Годуновѣ. Бѣдный Борисъ Годуновъ! ты одинъ отшучиваешься за всѣхъ твоихъ историческихъ собратій и несешь на себѣ тяготу убожества драматической фантазіи нашихъ писателей, благо имъ мозолятъ глаза Макбетъ, по готовой выкройкѣ котораго тебя очень легко скривать и кто только не скривавалъ, начиная съ Пушкина и кончая гр. А. Толстымъ? Въ обрисовкѣ личности Бориса Годунова наиболѣе выражается претензія гр. Толстаго подняться на шекспировскія ходули. Борисъ Годуновъ

соединяетъ въ себѣ черты Ричарда и Макбета: онъ ведетъ хитрую интригу, съ цѣлю низвергнуть враждебную ему партію Нагихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже при Іоаннѣ Грозномъ мечтаетъ о царствѣ, подстрекаемый къ этому предсказаніемъ волхвовъ, представляющихъ грубый переводъ на русскіе нравы шекспировскихъ вѣдьмъ.

Но и въ личности Бориса Годунова, при всемъ усиліи поднаться до Шекспира, гр. А. Толстому не удалось сострипать никакой драматической коллизіи. Что касается до борьбы Бориса Годунова съ Нагими, занимающей обширную часть пьесы, то здѣсь мы видимъ недостатокъ весьма крупнаго свойства и притомъ общій всѣмъ нашимъ драматургамъ. Дѣло въ томъ, что драма, стремясь возбудить въ насъ чувства жалости, скорби къ человѣческимъ бѣдствіямъ, должна употреблять для этого всѣ средства, и однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ является обаятельность героевъ. Для того, чтобы мы могли жалѣть героя, скорбѣть о немъ, даже если онъ является передъ нами преступникомъ, злодѣемъ, надо, чтобы онъ стоилъ сожалѣнія, чтобы онъ возбуждалъ въ насъ сочувствіе къ лучшимъ силамъ человѣческой природы, гибнущимъ отъ жизненной дисгармоніи. Шекспиръ такъ всегда и дѣлалъ: съ одной стороны въ драмахъ его является рядъ личностей, которыя тѣмъ болѣе раздражаютъ наши сердца своею гибелью, чѣмъ обаятельнѣе они чарующею прелестью своихъ душевныхъ качествъ: таковы Корделия, Офелія, Дездемона, Джульета и пр., съ другой стороны предстаютъ передъ нами титаническія натуры, въ родѣ Отелло, Яго, леди Макбетъ, Ричарда III, натуры мрачныя, ужасающія и въ тоже время заставляющія насъ удивляться ихъ могучимъ силамъ и возбуждающія въ насъ грустное раздумье о томъ, какъ хорошо могли-бы люди эти употребить ихъ непреклонную волю, желѣзное хладнокровіе, эту гибкость ума,—и на что они все это употребили. Какъ только этихъ условій не соблюдено, и на сценѣ являются передъ вами обыденные, безцвѣтные люди,—и драматическая иллюзія слабѣетъ, холодно смотримъ мы на всѣ страданія и злодѣйства героевъ, при всемъ желаніи сочувствовать, негодовать или скорбѣть. Вотъ этихъ условій и не соблюлъ гр. Толстой. Съ одной стороны онъ не сумѣлъ очертить личность Бориса такими чертами, чтобы она поражала насъ или приводила въ ужасъ: при всѣхъ своихъ замыслахъ и козняхъ—онъ рисуется передъ вами чрезвычайно блѣдно обыденнымъ царедворцемъ, устроивающимъ кривыми путями свою карьеру. Съ другой стороны и Нагіе не возбуждаютъ въ насъ никакого сочувствія, которое могло-бы заставить насъ трепетать за ихъ участь, какъ вы напримѣръ трепещете за участь Корделии, Глостера, Кента—въ шекспировской трагедіи, основанной въ свою очередь на борьбѣ партій. Вслѣдствіе всего этого и выходитъ, что холодно смотрите вы на разыгрывающуюся передъ вами борьбу и для васъ рѣшительно все равно,

Нагіе-ли побѣдятъ Бориса, или онъ ихъ низвергнетъ. Но откуда-же происходитъ подобное неумѣнье автора обрисовывать характеры и развѣивать дѣйствіе такъ, чтобы читатель былъ пораженъ или тронутъ результатомъ борьбы? Очень понятно откуда: можетъ-ли авторъ возбудить въ зрителяхъ участіе къ героямъ, къ которымъ онъ самъ относится съ полнымъ безучастіемъ археолога? Что ему Борисъ, Нагіе и что онъ Нагімъ? Другое было-бы дѣло, еслибы онъ могъ на историческія личности перенести идеалы, страсти, страданія своего вѣка, подобно тому, какъ Шиллеръ въ Маркизѣ Позѣ или Гёте въ Фаустѣ—воплотили все, чѣмъ только жили ихъ современники. Ну, а если у современниковъ нѣтъ ни идеаловъ, ни страстей, ни страданій, а есть въ наличности одна безпробудная спячка и пассивная созерцательность пасущагося стада; откуда-же взяться въ такомъ случаѣ огню, для того, чтобы авторъ могъ воспламениться имъ: самовоспламененій-же не бываетъ тамъ, гдѣ все сковано холодомъ и льдомъ.

Я не знаю, нужно ли много распространяться относительно мечтаній Бориса о царствѣ и предсказаній волхвовъ. Единственно только недостаткомъ драматическихъ элементовъ въ жизни и творчествѣ писателя можно объяснить это грубое, чистое школьническое подражаніе Шекспиру. Замѣтимъ только, что гр. А. Толстой, въ своемъ подражаніи, упустилъ изъ виду одно и самое главное: именно ту чарующую художественность, которою проникнуты у Шекспира всѣ его фантастическіе образы; сверхъестественное является у Шекспира постоянно, или какъ народный мифъ, или какъ галлюцинація, греза; вы видите передъ собою какой-то туманный призракъ, и недоумѣваете, что это такое: реальное-ли это явленіе изъ какого-то таинственнаго міра, или это просто олицетвореніе того или другаго психическаго движенія. Графъ-же А. Толстой, какъ истинъ росіянинъ, не терпящій ничего туманнаго, неопредѣленнаго и въ то же время не любящій, чтобы его дергали за фалды, когда онъ расходится, вывелъ на сцену въ видѣ волхвовъ кореловъ, какъ есть во плоти и крови настоящихъ кореловъ, и заставилъ ихъ предсказать мѣсяцъ и день кончины Іоанна съ точностью астрономовъ, вычисляющихъ будущія затмѣнія небесныхъ свѣтилъ! Прелестно!..

Если въ такомъ видѣ представляется намъ драма, во всякомъ случаѣ лучшая въ нашей литературѣ послѣ Минина г. Островскаго, то что-же говорить о прочихъ произведеніяхъ этой школы—драмахъ гг. Аверкіева, Чаева и пр. Въ драмахъ гг. Островскаго и А. Толстаго мы, все-таки, видимъ хоть намеки на драматическіе замыслы; иногда они подарятъ насъ и сценою вполне трагическою; наконецъ, драмы ихъ художественностью бытовыхъ сценъ доставляютъ, по крайней мѣрѣ, наслажденіе въ чтеніи ихъ. Но далѣе за ними намъ пришлось-бы вступить въ бесплодную степь сухихъ историческихъ фактовъ; всѣ эти Чаевы

и Аверіевы требуютъ вовсе не художественной критики, а развѣ что провѣрки ихъ произведеній по глѣтонсямъ и актамъ,—но отъ этого мы рѣшительно отказываемся.

При полномъ недостаткѣ драмы, намъ приходится довольствоваться одною комедіею. Но и комедія наша принуждена вѣчно довольствоваться скромною сферою бытовыхъ и семейныхъ нравовъ, нужно-ли прибавлять, что вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, какія обуславливаютъ и отсутствіе драмы. По крайней мѣрѣ, существованіе общественной комедіи на нашей сценѣ представляется намъ дѣломъ совершенно немислимымъ.

Въ заключеніи статьи считаемъ не лишнимъ отвѣтить на два возраженія, которыя могутъ возникнуть при чтеніи моей статьи. Первое возраженіе можетъ быть слѣдующаго рода: ты обуславливаешь, скажешь мнѣ читатель, процвѣтаніе драмы свободнымъ развитіемъ общественности въ странѣ; этимъ ты объясняешь и золотой вѣкъ греческой трагедіи и эпоху Шекспира; прекрасно. Но подумай, какого-же тебѣ надо развитія общественности большаго, чѣмъ, напримѣръ, какое существуетъ въ настоящее время въ Америкѣ или какое было во Франціи въ эпоху первой революціи? И однако же ни въ Америкѣ, ни во Франціи въ революціонные годы — мы не только не видимъ Шекспировъ, но хоть что-нибудь подходящее, и драма въ обоихъ случаяхъ не представляетъ никакого особенно блестящаго процвѣтанія.

На это я могу сказать, что ставя свободное развитіе общественности необходимымъ условіемъ процвѣтанія драмы, я рядомъ съ этимъ не отрицаю и другихъ условій, вліяющихъ на развитіе драмы и вовсе поэтому далека отъ того предположенія, что чуть гдѣ общественность мало-мальски развита, тамъ сейчасъ-же долженъ явиться и Шекспиръ. Это было-бы все равно, что предполагать на основаніи существованія условій, производящихъ въ нашемъ климатѣ осеннія бури, что у насъ каждую осень должно повторяться наводненіе 1824 года. Несмотря на то, что основныя условія, какъ для бури 1824 года, такъ и для всѣхъ прочихъ, одинаковы, тѣмъ не менѣе для повторенія первой нужны, сверхъ этихъ основныхъ, еще и различныя другія, совпаденіе которыхъ такъ рѣдко, что впродолженіи 200-лѣтняго существованія Петербурга, буря 1824 года была только разъ. Такія явленія, какъ Софолъ или Эскиль суть своего рода литературныя ураганы, появленіе которыхъ зависитъ отъ такого необыкновеннаго совпаденія условій, что естественно они могутъ являться въ цѣлныя тысячелѣтія по одному, да по два. Но говоря о процвѣтаніи театра, мы вовсе и не мечтали о постоянныхъ появленіяхъ Шекспировъ. Для насъ совершенно достаточно, чтобы театръ былъ живымъ органомъ общественнаго сознанія, чтобы на сценѣ выражались всѣ стороны жизни народа, всѣ его интересы, стремленія, страсти—существованіе такого именно театра мы и ставимъ въ зависимость отъ свободнаго развитія общественности. Но развѣ вы можете сказать,

что въ Америкѣ, во Франціи, во всей Европѣ средневѣковой и современной не было такого театра? Нѣтъ его только у насъ и очень желательно, чтобы онъ когда-нибудь развился.

Другое возраженіе, которое можетъ мнѣ сдѣлать читатель, будетъ заключаться въ обвиненіи меня въ чемъ-то въ родѣ славянофильства. Ты считаешь, скажетъ мнѣ читатель, однимъ изъ главныхъ условій правильности развитія драмы на западѣ то обстоятельство, что драма развилась вполнѣ тамъ органически изъ народныхъ обрядовъ; у насъ-же, по твоему мнѣнію, драма потому и лишена развитія, что, разорвавши всякую связь съ народомъ, она, въ рукахъ привилегированныхъ классовъ, приняла видъ рабской подражательности западнымъ образцамъ. Поэтому ужъ не думаешь-ли ты, что для того, чтобы посадить драму на народную почву и доставить ей возможность развиваться, необходимо уничтожить совсѣмъ нашу современную сцену, устроенную на западно-европейскій образецъ и возвратиться снова къ пещному дѣйствию, хороводамъ и масляннымъ кривляньямъ въ ожиданіи, что черезъ 1,000 лѣтъ изъ всего этого равовьется самобытная русская народная драма и явятся новые Шекспиры?

Такой взглядъ конечно былъ-бы вполнѣ славянофильскимъ, но я и не думаю о немъ. Не только у насъ, но и на западѣ, я не считаю развитія драмы вполнѣ самобытнымъ. Въ Европѣ въ 15-мъ вѣкѣ сцена въ свою очередь подверглась чуждому вліянію классицизма и это вліяніе само по себѣ не только не задержало развитія театра, но ускорило его, по крайней мѣрѣ, для Англіи, гдѣ народная сцена конечно долго еще не была бы въ состояніи возвыситься до Шекспира, еслибы не была оплодотворена классицизмомъ. Но и въ Европѣ тѣ сцены, которыя, увлекшись классицизмомъ, прервали всякое сношеніе съ народомъ, представили не развитіе, а паденіе, которое продолжалось до тѣхъ поръ, пока они снова не встали на общественно-народную почву. Для насъ современная западная сцена можетъ представить такое же оплодотворяющее вліяніе на нашъ театръ, какъ и классицизмъ на западѣ въ эпоху возрожденія. Но для того, чтобы вліяніе западной сцены было дѣйствительно плодотворнымъ, необходимо, чтобы театръ былъ въ рукахъ общества, совершенно подобно тому, какъ литература. Вѣдь и литература наша была рабски подражательною, вполнѣ отвлеченною отъ народной жизни, пока стояла на покровительственной почвѣ. Нынѣ-же, какъ-бы она ни была слаба, а все-таки про нее можно сказать, что она вполнѣ русская, самобытная, вынуждаемая мотивами нашей русской жизни и отражающая интересы и нравы нашего общества. Но съ котораго времени получила она такой характеръ? Именно со времени Пушкина, Полеваго и Бѣлинскаго, когда съ покровительственной почвы она перешла на общественную. Того-же самаго мы желаемъ и для театра. Для насъ совершенно достаточно было-бы, чтобы театръ сдѣлался

въ рукахъ общества органомъ его умственной жизни; а что затѣмъ далѣе было-бы съ нашимъ театромъ, это лежитъ внѣ нашихъ заботъ: сдѣлавшись органомъ народной жизни, театръ конечно и поступитъ въ зависимость въ своемъ развитіи отъ этой жизни: представить эта жизнь что-либо грандіозное, наступитъ въ ней эпоха развитія какой-либо новой великой исторической идеи, это отразится и на театрѣ новымъ золотымъ вѣкомъ драмы, а если нѣтъ, если нашему народу суждено прожить свой вѣкъ въ сторонкѣ отъ главнаго русла историческаго движенія, въ ряду Швеціи, Даніи, Португаліи и прочихъ подобныхъ этимъ сверхштатныхъ народовъ, довольствуясь плодами цивилизаціи другихъ и не въ силахъ будучи произвести своихъ новыхъ плодовъ, то и въ такомъ случаѣ народъ нашъ имѣетъ право имѣть живую сцену, выразительницею своихъ хотя бы маленькихъ интересиковъ и некрупныхъ стремлений, подобно тому, какъ отсутствіе гениальности въ человѣкѣ вовсе не дѣлаетъ являющимъ для него имѣніе языка во рту.

А. Осабичевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Май 1878

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра.—«Завѣщаніе отеческое сыну» Ивана Посожкова.—«Солдатскій букварь». — Современныя Посожковы. — Статья г. Спасовича о книгѣ г. Строикна.

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
 Въ большомъ затрудненіи торчатъ флагова:
 Ужь какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
 Въ которую сторону имъ повернуться...

Такъ идутъ дѣла, читатель, и, собственно говоря, мнѣ нечего больше вамъ сообщать. Но я такъ люблю бесѣдовать съ вами, такъ привыкъ къ этой бесѣдѣ, что не могу сдать себя безъ боя. Надо попытаться найти предлогъ для бесѣды. Вы видите, читатель, я откровененъ. Я впрочемъ не думаю ставить себя это въ заслугу. Нельзя мнѣ не быть откровеннымъ, потому что вы безъ сомнѣнія и сами замѣтили, что я рѣшительно неспособенъ къ систематическому, что называется, разбору номера того или другого журнала или, какъ еще говорятъ, къ отчету о такой-то и такой-то книгѣ. Дѣйствительно, я не имѣю къ такого рода отчетамъ ни охоты, ни способности. Это, конечно, прискорбно, ибо если-бы я обладалъ всѣмъ этимъ, мнѣ не за-

чѣмъ было-бы искать предлога для бесѣды съ вами. Съ чувствомъ собственнаго достоинства перепечатывать бы я ежемѣсячно болѣе или менѣе полное оглавленіе вышедшихъ номеровъ «Русскаго Вѣстника», «Вѣстника Европы», «Дѣла»; съ апломбомъ дѣлать бы изъ нѣкоторыхъ статей болѣе или менѣе обширныя выписки; съ еще большимъ апломбомъ вставлялъ бы тамъ и самъ большее или меньшее количество своихъ похвалъ и порицаній. Но мнѣ все кажется, что и перепечатка оглавленій, которыя публикуются въ газетахъ, и сообщеніе содержанія статей, которыя вы навѣрное сами прочтете, вамъ вовсе не нужны. Разъ я обзавелся такимъ, впрочемъ, кажется, довольно законнымъ скептицизмомъ, а желаніе бесѣдовать съ читателемъ о явленіяхъ текущей литературы все-таки находится на лицѣ, мнѣ поневолю надо искать предлога для бесѣды. И вотъ я обращаю ваше вниманіе на какойнибудь газетный фельетонъ, который завтра-же, даже сегодня къ вечеру погрузится въ мрачную Лету, на какіянибудь диссертациі, которыя, какъ извѣстно, читаются обыкновенно только официальными оппонентами и т. п. Конечно, и мнѣ случается говорить о явленіяхъ крупныхъ, всѣми замѣченныхъ. Но и въ нихъ я вижу только предлогъ для бесѣды съ вами. Легкомысленно это, конечно; но что-же дѣлать? Во всякомъ случаѣ не вамъ меня бранить за это, потому что вѣдь это значить только, что я очень люблю русскую литературу, но еще больше люблю васъ, моихъ собесѣдниковъ.

Вотъ и на сегодня мнѣ нуженъ предлогъ, хоть какойнибудь, хоть плохонькой. Можно-бы было побесѣдовать объ томъ, что «безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра, въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера». Но объ этомъ у насъ рѣчь была уже неоднократно. Можно, пожалуй, сдѣлать нѣкоторое воззваніе къ зефирамъ и авилонамъ и молить ихъ хотя бы о легкомъ дуновеніи, которое выведетъ бы флюгера изъ затрудненія и укажетъ бы имъ сторону, въ которую надлежитъ повернуться. Но въ прозѣ я думаю сдѣлать это не совсѣмъ удобно. Еслибы я могъ, подобно хроникеру Петербургскихъ Вѣдомостей, г. З., съ чистомъ совѣстью сказать: «я стихами и прозой пишу одинаково прекрасно»,—о, тогда бы я непремѣнно обработалъ эту тему въ поэтическомъ произведеніи. Но, будучи прикованъ къ жалкой прозѣ, я могу только съ завистью взирать на чужіе таланты. Можно, пожалуй, тоже поискать исключеній, т.-е. флюгеровъ, которые и при безвѣтріи, ни мало не затрудняясь, неуклонно торчатъ всегда въ опредѣленную сторону. Исключенія есть всегда и вездѣ. Почему бы имъ и здѣсь не быть? Отсвятить ихъ лежитъ даже отчасти на моей обязанности, потому что никто, кажется, больше моего не говорилъ о «большомъ затрудненіи» флюгеровъ русской литературы; mea culpa! Впрочемъ, какаѣ же culpa, когда я всегда указывалъ на дѣйствительныя трудности положенія и слѣдовательно на смягчающія обстоятельства торчанія флюгеровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, жить становится все труднѣе и труднѣе. Хозяева жалуются на возрастающую дороговизну, но это еще куда-бы ни шло: не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ. Все дороже и дороже оплачивается хлѣбъ духовный—истина, убѣжденіе, правило поведенія. Еще когда думъ зефиръ и аквилонъ,—жить легче, потому что затрудняются негода, раздумью негдѣ разгуляться: кто идетъ по вѣтру, кто противъ вѣтра, но во всякомъ случаѣ куда-то идетъ и знаетъ куда идетъ, по крайней мѣрѣ думаетъ, что знаетъ. А когда «безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра»... А между тѣмъ, помимо состоянія погоды, уже просто въ силу того, что жизнь усложняется и открываются новыя и разнообразныя перспективы,—все труднѣе и труднѣе становится отвѣчать на вопросы: что дѣлать? какъ быть? Все большій и большій кругъ идей и фактовъ приходится принимать въ соображеніе, все въ болѣе и болѣе сложныхъ дѣлахъ приходится ориентироваться. О, счастливыя времена, когда десятью заповѣдями исчерпывалась программа жизни! Любопытно было бы заглянуть въ будущее и узнать—не сважутъ-ли наши поздніе потомки: какой, однако, неповоротливый умъ былъ у нашихъ почтенныхъ предковъ? имъ предстояли такія легкія жизненныя задачи, а они или пакостили, или торчали въ большомъ затрудненіи...

Но оставимъ будущее въ покоѣ и посмотримъ лучше на прошедшее.

Недавно въ Москвѣ открыто и издано г. Андреемъ Поповымъ неизвѣстное до сихъ поръ сочиненіе Посошкова, автора книги «О скудости и богатствѣ». Называется это вновь открытое произведеніе «Завѣщаніе отеческое къ сыну». Къ тому, что намъ извѣстно о Петровскомъ времени и о самомъ Посошковѣ книга эта почти ничего не прибавляетъ. Но она чрезвычайно интересна по ясности, простотѣ, немногосложности, опредѣленности воззрѣній автора. На пространствѣ какихъ нибудь полтора десятка листовъ, довольно впрочемъ убористой печати, Посошковъ даетъ своему сыну цѣлую программу жизни, предусматривая мельчайшія подробности и всевозможныя случайности положенія въ обществѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ наставленій.

«Аще воя жена, или дѣвица, прижавъ тя поцѣлуеъ: то ты беги отъ нея яко отъ ядовитаго змія, дабы не прелстила тебя на блудъ, и егда и случитъ ти ся съ ними цѣловатися: то ты самымъ легкимъ цѣлованіемъ съ ними цѣлуйся, понеже въ плотномъ цѣлованіи, есть сокровенъ великій блудный ядъ, и аще не убѣжиши, то тако ты угрызнетъ, еже и самъ себя забудеши» (12).

«Аще ты сыне мой поѣдеша на кони, блюдишь того, дабы ти какова человекъа богата или убога конемъ своемъ не потѣснати, и з дороги бы пѣшеходные не стиснути въ грязь, и аще и не по пѣшеходной дороге поѣдеша, и въѣдеша въ грязь: то

ты коня своего удержи, дабы конь твой тако ступалъ, дабы ти нивакова человекѣа не обрызгати грязью, и не токмо человекѣа любя: но и скоты жалуй, аще и курицу на пути найдеша, въ пещѣ рыхлюся, не потѣсни ея, аще мочно объѣдъ ю... Вѣси-ли чадо, яко святое писаніе тѣхъ людей блажить, кѣмъ скотину жалуютъ, и наречени тѣи люди праведниками» (16).

Далѣе Посошковъ даетъ многочисленныя совѣты относительно «брачнаго житія». Между прочимъ, онъ приводитъ доводы въ пользу того, что первыя три брачныя ночи должны быть посвящены молитвѣ. Однако онъ предвидитъ затрудненія и замѣчаетъ: «аще-же сыне мой, юность твоя преодолѣеть тя: и воздержатися до трехъ дней ни коими дѣлами не можеша: то всячески потщися, дабы тебѣ поне единъ день сохранити чистоту, да не проженеши Духа святаго того дня на васъ сошедшаго» (29). Затѣмъ идетъ чрезвычайно курьезная и длинная полемика съ «люторанами» относительно нѣкоторыхъ подробностей «брачнаго житія». Мы изъ нея ничего не приведемъ, точно также какъ изъ предписаній, какъ слѣдуетъ молиться. Съ «люторанами» Посошковъ полемизируетъ и по другимъ вопросамъ:

«О предѣльнаго люторскаго безумія, законы вси Божіи превративша опако: а потомъ начаша твореніе его обратити опако же: тягостную землю подыша на воздухъ, отъ центра земнаго идѣже была отъ Бога сотворена, вознесоша на высоту небесную, и со звѣздами ю уравниша, и планетою ю нарекаша. а легкость солнечную съ высоты небесныя, идѣже е устроилъ Богъ, снесоша, и поставивша въ срединѣ тверди небесныя, идѣже по Божію творенію и повелѣнію всякая тяжесть собираешася. Богъ сотворивъ солнце въ послуженіе и просвѣщеніе земли, и живущимъ на ней человекомъ, а люторанѣ солнце въ Бога почтоша, устроивша ему недвижиму быти, а землѣ, и съ человекѣа повелѣвша служити солнцу, и на нѣждо день обхожденіе огреть его творити» (157).

«Первую чашу пѣй съ возложеніемъ на ся крестнаго воображенія, и приавъ сосудъ въ рудѣ свои, принесши ко устамъ своимъ рцы: Во имя отца и сына и святаго духа: и егда вспоманеши святаго духа, то съ тѣмъ глаголомъ: въ сосудъ той дуни крестообразно» (172).

«Аще сыне мой, и весьма оскудѣвши: и отъ тоя великія скудости чемъ пропитатися не можеша, то и тогда сыне мой, во отчаяніе ни во уныніе не вдавайся: и ни въ какому воровству, и неправедному дѣлу не касайся... но возложи надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу: и аще дѣлу велику или малу возмеша: работой всею правдою безъ лѣности и безъ лъавѣства» (176).

«Аще-же тою своею черною работою, прокормити себя не можеша, и ради пропитанія своего: въ дашися каковому господину великому, или и малому, и не токмо свободному: но аще

и къ рабу чьему, или и къ крестьянину, отдашися въ рабы, еже служить ему, или токмо изъ пропитанія, обаче почитай ево, яко великаго господина: и никогда, ни въ какомъ дѣлѣ съ нимъ не равняйся. Аще онъ предъ инѣми и низокъ. но предъ тобою высокъ» (178).

«Аще у господина твоего и много есть инихъ рабовъ, и работниковъ, а онъ тѣхъ минувъ, да будетъ тебя посылати, не отрещи ему: и не моги отрещися тѣмъ, еже ли ты и болши ихъ работаеши. И аще кой твой влечетъ и гуляетъ, не указывая на него, и очередей не расчислай, но что ти повелитъ работать работай, такоже и сходить куда повелитъ, съходи безъ замедленія: и аще грязь или слота (слякоть), ни чемъ не отговаривайся, и во всякомъ дѣлѣ буди услуженъ, и безотѣтенъ, но токмо въ томъ не буди послушенъ, есть ли станеть тебя посылати на разбой, или на татьбу, или на убивство какое, или и на иное какое дѣло богопротивное, или закону христіанскому развратное: или людямъ досадительное. А и въ такомъ дѣлѣ отрицайся кротостно: чтобы ты его не излобити, рцы ему сицѣ, господинъ мой, благоволи инаго кого послать посмѣлее меня, я человекъ несмѣлой, и несловесной» (182).

«Аще господинъ твой будетъ пьяница, или иной какой мотыга: не поноси его, но одиначе буди ему во всемъ покоренъ. И аще безвинно ты избранъ или и зашибетъ, не гнѣвайся на него, и не токмо людямъ, но и Богу не жалуйся на него: и аще кто и спроситъ тебя о немъ, каковъ онъ къ тебѣ, сказывай тихъ и милостивъ, а досаду и непорядочность его никому не объявляй: и тако твори, велики къ Богу близокъ будеши» (183).

«Аще на пути народномъ что найдеши, и того не моги себѣ усвоити, еже никому не объявля, но всякому изъясляй словесно о своей находкѣ, и аще кто явится погубившій: то спреси у него свидѣтельства, и свидѣтельство аще сходно, то отдаждь ему, и аще не сходно то удержи у себя, до дванадесяти дней, а потомъ какъ ти понравитца такъ и учини, токмо чужому ничему и найденному не весьма прикасайся» (184).

«Аще ругающе будутъ тебя и бити всячески, понеси на себѣ, а буде же тягостныхъ побоевъ понести не въ мочь ти будетъ, то ты присвидѣтельствуй, и рцы имъ глаголя: буду на васъ господину своему жалобу творити. И аще они измѣнятся, то умолиши, а аще не измѣнятся и по прежнему будутъ ты несносно бити, то ты донеси господину своему. А аще же можеши понести на себѣ, ради своей вищія душевныя пользы, то вся претерпи» (185).

«Кому даси слово, еже на срокъ состронти какое дѣло: и то слово свое памятуй вѣрно, дабы тебѣ живѣющимъ не слыть, и кое ты дѣло чаеши тремя денми здѣлати, владн срокъ на недѣлю, а буде кое дѣло можеши здѣлати въ мѣсяцъ, не имайся его здѣлати въ мѣсяцъ: но рцы, аще Богъ помощь святую ми

послеть, то чаю мѣсяца въ полтара здѣлаю. А еще учиница какая помѣшка: то и въ два мѣсяца не здѣлати будетъ, еще же и прежде срока здѣлаецца, то не медля отнесу къ милости твоей» (186).

Если, говорить Посошковъ сыну, ты будешь купцомъ, то товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми, и закрасы въ товарехъ своихъ ни малыя не чини: но каковъ есть таковъ бы и былъ весь, и чужого товара добраго не нарицай худымъ: но еще и совершенно чей товаръ узриши не тово плохъ, но еще и непотребенъ, купующимъ не моги охулити его, развѣе кто тебя нарочно спроситъ, каковъ де сей товаръ, добръ ли, то уже тутъ не можно ти неправды сказать: но каковъ есть объяви ему: обаче объяви ему не голосно, не положи ты между продавцемъ и собою вражды. Буде же не лзя тебѣ скрытно объявить о плохости того товару, то ты у него же спроси, глаголи, брате нѣтъ ли у тебя иного товару получиши сего» (191).

Если будешь солдатомъ, «сmeđu своими сожителн буди смиренъ и милостивъ, а на бою противъ непріятеля буди золь и безстрашенъ, въ дому своемъ буди яко кроткая овечка: а противо непріятеля, буди яко волкъ хищный, и яко левъ страшный» (195).

«И егда бою не случится: а оузея заправлена съ пулею, то долго не держи ее, и большое что три дня подержа да и выстрели, а просто отнюдь не стрѣлай; но постави цѣль и стрѣлай по ней, съ приклады и руки, дабы у тебя твердо было стрѣліаніе и рука бы не тряслася. А буде тебѣ государева пороху командиры для навички мастерской къ стрелобъ давать и не будутъ: то ты купи пороху на свои деньги» (198).

Если будешь «афицѣромъ» и случится тебѣ разбирать жалобы обывателей на столичныхъ у нихъ солдатъ и «буде станеть заператца въ оворничествѣ своемъ, то ты спроси за именовъ Вожиамъ чтобы безо лжи сказали, то вѣждь что купецкіе люди не солгутъ, а се и не смѣють лгать, а у солдатъ то и лучшее что лгать, и буде солдаты будутъ своего брата оправдывать: и еще признаеши что они лгутъ то и ихъ высѣки хорошено, чтобы въпредь товарищамъ своимъ не потакали, и должно бы не третъевали. И еще тако будеши чинить: то ты великую мду отъ Бога примешн (700). Солдатъ учи стрѣлать чаще. «И еще вазеннаго пороху на такое тщательное вышшіе командоры давать не будутъ, то ты хотя отъ себя по оунту мѣсто и по другому дай» (201).

Если обнищаешь, то будь нищимъ вполне, запаса никакого не дѣлай даже на завтрашній день и не имѣй никакой, хоти бы самой убогой хижинн. «Егда набереши хлѣба на день, то болши того не прося, но иди въ хижину свою, а о другомъ дню не пейся... Когда уже Богъ привелъ тебя въ нищету: то уже ты буди совершенно нищимъ, ничего у себя не имѣя: во

весь буди въ Возѣ... ризу нибѣй едину... у себя остави пенязя два или три, а болши того никогда не накапливай» (206).

Наставленія «молодому подъячему», «старнику подъячему» и судья весьма обширны и касаются множества мелочей. Мы приведемъ изъ нихъ только три.

«Егда судія прїѣдетъ въ приказъ: а ты аще и въ молодыхъ подъячыхъ; обаче, выбѣги, и встрѣть его не допуская до крыльца, и поклонъ ему достойный отдай, и проводя въ приказъ, паки за свое дѣло сядь. А буде у тебя своего дѣла мало, и писати тебѣ нечего: то ты у своего брата возми, чтобы тебѣ отнюдь даромъ не сидѣть» (209).

«Буде у коего подъячего увидишь какіе бездѣлки пометные пишуца иже ни въ какое созидательное дѣло не годятся, то ты учани ему великое страхование чтобы онъ въпредь бумаги малаго лоскутка даромъ не тратилъ... (213).

«Если тебѣ придется разбирать дѣло о совращеніи въ расколъ. и буде явитца что проведенъ лестію, то уже не по что его много спрашивать, толко поспросить ево товарищей, кои учителями ходять и въ расколъ проводятъ, и гдѣ они живутъ, и дни два или три погодивъ паки попытать крѣпчае, чтобы истинну сказали, а потомъ предать ихъ обихъ огню: а буде кости ихъ останутца то разбивъ ихъ паки изжечь, чтобы въ пепель претворились, и тотъ пепель въ пометъ челоувѣчь вмѣстити, или въ непроходимое болото развѣять, чтобы ученикамъ ихъ собрать, и во святыя мощи причести имъ было невозможно» (235).

Всѣ эти наставленія, въ общемъ напоминающія ученіе стоиковъ, безъ теоретическаго, однако, базиса стоицизма могли бы быть резюмированы пословицей: назвался груздемъ, такъ и полѣзай въ кузовъ. *Моги-бы*, потому что въ дѣйствительности они означенной пословицей не резюмируются; груздю въ нихъ не предлагается назваться груздемъ самовольно, а говорится: привелъ Богъ быть груздемъ — полѣзай въ кузовъ. Въ практической философіи Посошкова, узкій формализмъ обрядности, нетерпимость и суевѣріе занимаютъ безъ сравненія меньше мѣста, чѣмъ въ знаменитомъ Домостроѣ. Одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, «фантальнаго и водошнаго дѣла мастеръ», авторъ финансовыхъ и экономическихъ сочиненій, охотно отправившій сына для обученія за границу, Посошковъ во многихъ мѣстахъ своего «отеческаго завѣщанія» говоритъ о дикости суевѣрной и голой обрядности. Онъ вездѣ старается уловить нравственное ядро христіанскаго идеала, и ко возможности осмыслить свою мораль, хотъ это и не всегда ему удается. Съ удивительною гуманностью предвидитъ онъ возможность тѣхъ или другихъ увлеченій и уклоненій отъ его идеала и, выяснивъ сыну ихъ грѣховность, тѣмъ не менѣе указываетъ и на возможность выхода опять на путь правды и добра. Словомъ, это челоувѣкъ живой, не замаскированный,

как авторъ Домостроя. Однако, если мы сравнимъ практическую философію Посошкова со взглядами нѣкоторыхъ другихъ русскихъ моралистовъ предшествовавшаго времени, стоящихъ на одной съ нимъ теоретической почвѣ, то сравненіе окажется не въ пользу его. Такъ напримѣръ извѣстный Матвій Башкинъ говорилъ: «Въ Апостолахъ написано: весь законъ заключается въ словахъ: возлюби искреннаго своего, какъ самъ себя. А мы держимъ у себя Христовыхъ рабовъ, когда Христосъ называлъ всѣхъ братьями; а у насъ на иныхъ кабалы, на другихъ бѣдныя и полныя. Я, благодаря Бога, всѣ полныя изодралъ и держу своихъ людей добровольно: хорошо—живетъ у меня, не хорошо—идетъ прочь!» Въ такомъ же родѣ смотрѣли на вещи единомышленники Башкина — Косой, архимандритъ Артемій. Мы напоминаемъ читателю этихъ еретиковъ XVI столѣтія не для сравненія ихъ личностей и собственно политическихъ воззрѣній съ личностью и воззрѣніями Посошкова, а единственно для уясненія практической точки зрѣнія послѣдняго. Артемій, напримѣръ, бросилъ игуменство и удалился въ пустыню, дабы во исполненіе евангельскаго ученія, жить своимъ трудомъ. Посошковъ только въ одномъ мѣстѣ «отеческаго завѣщанія» говоритъ: «живи ты христіански, своею работою питайся, а не чужою» (204). Это значитъ въ параграфѣ «о крестьянскомъ житіи», т. е. въ примѣненіи къ людямъ, которымъ не только «по христіански» а и по наличнымъ общественнымъ условіямъ приходится «своею работою питаться, а не чужою». Какъ крестьянинъ, Посошковъ даетъ сыну наставленія только относительно такихъ общественныхъ положеній, въ какихъ онъ можетъ волею судьбы очутиться: солдата, офицера, крестьянина, купца, нищаго, ремесленника, приказнаго. Но и изъ этихъ наставленій и изъ другихъ сочиненій Посошкова ясно видно, что ему никогда не пришли въ голову энергическія рѣшенія Башкина и Артемія, или даже современныхъ прусскихъ и русскихъ меннонитовъ, которые, какъ пишутъ въ газетахъ, хлопчутъ о переселеніи въ Америку для избѣжанія всеобщей военной повинности. Сильно протестуя противъ злоупотребленій тѣмъ или другимъ общественнымъ положеніямъ, противъ неправильнаго или неусерднаго отправления извѣстныхъ обязанностей, Посошковъ никогда не поднимется до протеста противъ самыхъ этихъ положеній и обязанностей. Нищій, такъ нищій, игумень, такъ игумень, помѣщикъ, такъ помѣщать, солдатъ, такъ солдатъ,—онъ больше ничего не требуетъ: правель Богъ быть груздемъ—погъвай въ кузовъ. Такимъ образомъ практическая философія Посошкова представляетъ собой нѣчто среднее между плесенью Домостроя и смѣлыми выводами еретиковъ XVI вѣка. Съ одной стороны онъ совершенно не чуждъ Домостроевскаго формализма и скудости мысли (такъ, напримѣръ, онъ учитъ ставить предъ изображеніями Бога свѣчи большія, предъ образомъ Богородицы поменьше, предъ ико-

нами святыхъ еще поменьше и т. п.), но по возможности старается мотивировать свои предписанія требованіями практической жизни и нравственного смысла христіанства. Съ другой стороны, несмотря на отвлеченную высоту своего христіанскаго идеала, онъ миритъ его со всевозможными случайностями самихъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и самими этими положеніями своимъ идеаломъ не протѣряетъ. Какъ прожить свято на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности?—вотъ задача, занимающая Посошкова. Въ исторіи человѣческой мысли такая постановка вопроса о нравственности встрѣчается довольно часто. Такъ словами его, наприимѣръ, стоики и эпикурейцы, въ противоположность Платону и Аристотелю, которые не могли бы себѣ представить идеала личной нравственности, независимо отъ идеала общественнаго. И эпикурейцы и стоики, отираясь отъ совершенно различныхъ теоретическихъ основаній, сходились въ требованіи самоудовлетворенія при наличныхъ условіяхъ, каковы бы они ни были. Конечно игнорированіе условій, при которыхъ является стремленіе къ самоудовлетворенію, не всегда достигаетъ такого развитія, какъ въ «отеческомъ завѣщаніи» Посошкова. Но тѣмъ не менѣе въ исторіи человѣческихъ мыслей можно наблюдать постоянную смѣну нравственныхъ теорій съ преобладаніемъ то личныхъ, то общественныхъ идеаловъ. Бываютъ историческіе моменты, когда предполагается возможнымъ и обязательнымъ достиженіе нравственныхъ общественныхъ идеаловъ, иногда весьма высокихъ, при болѣе или менѣе полномъ пренебреженіи къ вѣковымъ правиламъ личной нравственности. Таковы, наприимѣръ, доктрина Макіавели, убѣжденія нѣкоторыхъ дѣятелей первой французской революціи. Бываютъ наоборотъ моменты, когда идеалъ личной нравственности заглушаетъ все. Бываетъ и такъ, что оба теченія дѣйствуютъ одновременно.

Нашъ здѣсь пока будетъ занимать только пососшковская задача. Ея исключительно личный характеръ бросается въ глаза на каждомъ шагѣ, даже тамъ, гдѣ она самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ извѣстнымъ общественнымъ интересамъ. Даже такіе предписанія, какъ запрещеніе приказнымъ непроизводительно тратить бумагу или совѣтъ выдавать солдатамъ, за неизбѣжнымъ военнаго, собственнаго порока, густо осложняются мотивомъ спасенія своей души. Съ наивнѣйшимъ эгоизмомъ Посошковъ постоянно повторяетъ: и на такомъ-то, и на такомъ-то мѣстѣ можно спастись; не смотри на другихъ, тебѣ до нихъ дѣла нѣтъ, пусть другіе тебя бьютъ, оскорбляютъ, относятся къ тебѣ несправедливо; это даже еще лучше, потому что ты тѣмъ вѣрнѣе спасешь свою душу. Выходить какая-то странная толкотня у дверей царствія небеснаго, неистовая борьба за спасеніе души, въ которой, какъ и въ Дарвиновой борьбѣ за существованіе, цѣль достигается только отодвиганіемъ однихъ другими. Разница только въ томъ, что въ борьбѣ за земное существованіе

одерживаютъ верхъ самыя наглыя, безсовѣстные, сильныя экземпляры человѣческой породы, а въ борьбѣ за спасеніе души экземпляры наиболѣе выносливыя, терпѣливыя, кроткіе. Практическое осуществленіе идеала Посошкова представляетъ, разумѣется, огромныя трудности. Оно требуетъ такой незлобности и кротости, такой жажды загробнаго счастья, какія только очень рѣдко можно встрѣтить. Да оно и рассчитано на немногихъ. Но теоретическое разрѣшеніе посошковской задачи не представляетъ рѣшительно никакихъ трудностей: думай всегда о себѣ, о спасеніи своей души,—вотъ и все. Далѣе идутъ уже частности, въ которыхъ осмотрѣться, конечно, уже не такъ легко. Однако для Посошкова и это легко: избѣгай профессій, правительствомъ не дозволенныхъ и обществомъ не терпимыхъ, какова профессія вора, разбойника; профессій, властью установленныхъ, какова профессія солдата, или только терпимыхъ, какова профессія нищаго, старайся исполнить во всемъ ихъ объемѣ, дохода даже до виртуозности; то-есть, если ты солдатъ, то стремись убить какъ можно больше непріятелей, покупая даже для этого на свои собственные деньги порохъ; если ты нищій, то живи буквально изо дня въ день, и больше «стрѣхъ пѣназей» у себя не имѣй.

Богъ мой, какъ легко, какъ хорошо было жить нашимъ предкамъ! Скатертью стлалась передъ ними жизненная дорога, бѣлой, выкатанной, выглаженной скатертью. Пусть у многихъ изъ нихъ не хватало кротости и незлобности для спасенія души, но они, по крайней мѣрѣ, знали, что вотъ, моля, выпросивъ четвертій пѣназь, я грѣшу, довольствуясь тремя пѣназями, спасаю свою душу. Каждый шагъ ясенъ и самому себѣ и другимъ, все рассчитано, разложено, приложено. Спасеніе души обращено въ почти механическое дѣло, въ родъ постукиванія на счетахъ или припискиванія логарифмовъ. А намъ куда ужъ о спасеніи думать, лишь бы знать, что мы дѣлаемъ, лишь бы умѣть назвать наши дѣйствія настоящимъ именемъ. Трудно, трудно жить:

Безоблачно небо, вѣтъ вѣтру съ утра,
Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться...

Есть однако и въ наше многотрудное время блестящія исключенія, конечно, довольно рѣдкія, но тѣмъ болѣе заслуживающія вниманія. Возьмите «Букварь солдатскій», изданіе «Досуга и Дѣла», и разверните его на стр. 41. Тамъ напечатано слѣдующее: «между безграмотнымъ и грамотнымъ разница такая, что не только въ разговорахъ, но и съ перваго взгляда — по одной наружности—можно иногда отличить безграмотнаго отъ грамотнаго. Вотъ и примѣръ: оба эти господина списаны съ натуры — схоже, какъ двѣ капли воды». Къ этому приложены картинки. Нарисованы два солдата: одинъ высочій, красивый, молодцоватый унтеръ, должно быть, изъ писарей или фельдфе-

бель, грудь колесомъ, проборъ какъ на модной картинкѣ или на парикмахерской вывѣсткѣ,—это грамотный; другой, приземистый, нечесанный, небритый, сморщенный, каравый, вообще даже не вѣрится, чтобы такіе въ побѣдоносномъ русскомъ войскѣ были, развѣ въ фуражкѣ или въ инвалидной командѣ гдѣ нибудь,—это неграмотный. Изъ картинки этой и ея морали видно, что составитель букваря отнюдь не «торчитъ въ большомъ затрудненіи». Онъ твердо знаетъ, что грамотность и щетку головную можетъ замѣнить, и бритву, и грудь выправить, и руки по швамъ какъ слѣдуетъ держать держать научить. Его очевидно съ толку не собьешь насчетъ значенія грамотности. Ужъ онъ не скажетъ: «можно не соглашаться, но должно признаться». Какъ Кювье по одному зубу реставрировалъ образъ допотопнаго звѣря, которому этотъ зубъ принадлежалъ, какъ Вальзагъ, по формѣ, кажется, затылка, брался опредѣлять генеалогію человѣка, такъ составитель букваря можетъ, по степени развитія груди и аккуратности пробора, опредѣлять грамотенъ человѣкъ или нѣтъ. Это въ практическомъ отношеніи удобно и хорошо, но, со стороны глядя, въ особености хорошо какъ свидѣтельство ясности міросозерцанія и неуклонной вѣры въ пользу грамотности.

Однако, по совѣсти говоря, много-ли такихъ примѣровъ неуклонности видимъ мы вокругъ себя? А, главное, много-ли такихъ непререкаемыхъ свѣточей, какъ грамотность? Да даже не удаляясь отъ грамотности, мы можемъ натолкнуться, напримѣръ, на брошюру какого-то «Заѣздаго тулупа» — «Просвѣщеніе и грамотность», въ которой авторъ доказываетъ, что намъ нужно просвѣщеніе, а не грамотность, и тѣмъ приводитъ въ большое смущеніе и негодованіе почтенную газету г. Корша. Что-же касается въ частности грамотнаго солдата, то онъ покорила наши сердца, собственно говоря, очень недавно; окончательное же покореніе произошло не дальше, какъ послѣ франко-прусской войны.

Вотъ было время хорошее, ясное, потому что бурное,—я разумѣю то недавнее время, когда грамотный и молодцоватый прусскій солдатъ поднималъ на поляхъ Франціи зефиръ и аквилонъ. Какъ все и всѣмъ было тогда ясно. «Франція погибла, а это навѣрное знаю, мнѣ вѣрные люди говорили, въ этомъ согласны всѣ мудрецы Вшивой Горки и всѣ геніи Севцова Овражка». Въ такомъ родѣ остріль, лѣтъ ужъ около тридцати тому назадъ, одианъ знаменитый русскій писатель. Тогда Франція не погибла. Но не погибли и мудрецы со Вшивой Горки и геніи Севцова Овражка. Это мѣстности тучныя, въ которыхъ присяжные мудрецы и геніи рождаются самъ-десять и болѣе почти безъ удобренія. До войны присяжные мудрецы и геніи мало подавали свой голосъ въ дѣлѣ о подсудимой Франціи. Они ждали, должно быть, обѣщаннаго Наполеономъ увѣчанія зданія имперіи. За то съ какою безповоротною рѣшительностью, съ какою яснымъ лбомъ произнесли они свой вердиктъ, когда пред-

сѣдателемъ суда обазался прусскій штыхъ, прокуроромъ—прусскій штыхъ, свидѣтелями — прусскіе штыхы... Адвоката подсудимаго Франція въ торопяхъ добыть себѣ не успѣла, а назначить ей обязательнаго, должно быть, забыли. «Франція погибла», окончательно рѣшили мудрецы со Вшивой Горки и генія Сивцова Овражка, и только нѣкоторые давали понять, что еслибы во Франціи удалось ввести нѣчто, приближающееся къ нашему городовому положенію, то, можетъ быть, она еще возродится. Все было взвѣшено, смѣряно, и жить было легко. Но, увы! читатель, вы сами знаете, что какъ только стихли аквилоны войны и Франція далеко не успѣла еще уплатить пятый миллиардъ контрибуціи, — флюгера стали торчать въ большомъ затрудненіи.

Мы, однако, удалились отъ пососшковской задачи. Представимъ себѣ современнаго Пососшкова, т.-е. современнаго человѣка, поставившаго себѣ цѣлью достиженіе личнаго самоудовлетворенія. Какое отеческое завѣщаніе написалъ бы онъ сыну? Безъ сомнѣнія, это современное завѣщаніе имѣло-бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большое сходство, въ практической части, съ завѣщаніемъ Пососшкова. Есть моральныя истины до такой степени элементарныя, что онѣ вошли въ составъ нравственнаго идеала, какъ только сложилось какое-бы то ни было общество и образовался какой-бы то ни было идеаль. Но помимо этихъ элементарныхъ истинъ, разница была-бы огромная. Первое измѣненіе произошло-бы въ санкціи этихъ самыхъ элементарныхъ моральныхъ истинъ. Въ томъ грубомъ обществѣ, въ которомъ жилъ Пососшковъ, элементарныя моральныя истины нуждались въ сильной внѣшней санкціи, которая, по мѣрѣ развитія нравственнаго чувства и знанія законовъ природы, отпадаетъ сама собой. Современный Пососшковъ не сталъ-бы грозить за всякую малость муками ада или ублажать за всякую малость надеждой загробнаго счастья. Вообще центръ тяжести его морали оказался-бы на землѣ. Это разъ. Вовторыхъ, современный Пососшковъ встрѣтилъ-бы гораздо большее число общественныхъ положеній, установленныхъ властью и терпимыхъ обществомъ, и, уже вслѣдствіе одного этого количественнаго измѣненія общественныхъ отношеній, онъ не могъ бы написать такой подробной и ясной книги, какъ «Завѣщаніе отеческое къ сыну». Качественныя измѣненія поставили-бы его въ еще болѣе трудныя условія. Возьмемъ, напримѣръ, способы добычи средствъ существованія. Мы найдемъ въ этомъ отношеніи въ современномъ обществѣ много такихъ положеній, которыя были совершенно неизвѣстны въ старомъ обществѣ и автору Отческаго завѣщанія и во снѣ не снялась. Мы найдемъ, напримѣръ, положеніе спекулятора, биржеваго игрока, положеніе, властью не установленное, но обществомъ терпимое, какъ во времена Пососшкова не была установлена властью, но терпима обществомъ профессія нищаго. Какъ-бы написалъ Пососшковъ: аще, сыне мой, будеши спекуляторомъ, то тщися получить возможно большую разность между

сегодняшней и завтрашней цѣною акцій. Онъ долженъ-бы былъ написать именно такъ, потому что какъ профессія нищаго состоитъ въ томъ, чтобы жить изо дня въ день, какъ профессія солдата обязываетъ его убивать какъ можно больше непріятелей, такъ профессія биржеваго игрока состоитъ въ томъ, чтобы получить возможно большую разность. Но обставить такое предписаніе какимъ-бы то ни было моральнымъ антуражемъ Посошкову было-бы весьма трудно, а вывернуть дѣло на изнанку и сказать: еще будешь спекуляторомъ, тѣмъ получить самую малую разность, — не представляется ни малѣйшаго основанія. Если онъ совѣтуетъ купцу довольствоваться извѣстнымъ барышомъ и не обманывать покупателя на товарѣ; если онъ могъ-бы совѣтовать заимодавцу довольствоваться малымъ процентомъ, то очевидно онъ не можетъ преподавать подобныхъ совѣтовъ биржевому игроку. Когда рѣчь идетъ о купцѣ, то предполагается возможность извѣстнаго равновѣсія между взаимными услугами купца съ одной стороны и покупателя съ другой. Эта возможность равновѣсія и даетъ почву для морали. Таковую же почву имѣютъ въ виду и защитники процента. Но биржевой игрокъ получаетъ нѣчто, не давая взамѣнъ абсолютно ничего, никакой матеріальной или духовной цѣнности. Слѣдовательно, судя рѣшительно неприложимо основаніе морали Посошкова: цѣни свою услугу какъ можно меньше. А въ этомъ именно онъ видитъ путь къ спасенію души, поскольку дѣло идетъ о приобрѣтеніи средствъ существованія. Посошковь могъ-бы сказать помѣщику: получая отъ своихъ крестьянъ оброкъ и барщину, пейсись взамѣнъ того о ихъ матеріальномъ и моральномъ благоденствіи; при этомъ получай съ нихъ по возможности меньше, а пейсись объ нихъ возможно больше. Онъ могъ-бы сказать нищему: получая отъ добродѣтельныхъ дателей милостыню, молись взамѣнъ того о ихъ здравіи и спасеніи; при этомъ получай какъ можно меньше, а молись какъ можно больше. Рабу или работнику: получая отъ своего господина пропитаніе, старайся получать отъ него какъ можно меньше, а работать какъ можно больше и т. п. Но ничего подобнаго онъ не можетъ сказать биржевому игроку, какъ не могъ сказать вору или разбойнику, которые тоже не даютъ взамѣнъ получаемаго ничего: вору и грабъ какъ можно меньше. А между тѣмъ приравнять профессію биржеваго игрока къ профессіи вора или разбойника и, слѣдовательно, воспретить ее, онъ, съ своей точки зрѣнія, не имѣлъ-бы права. Воръ и разбойникъ обществомъ не терпятся, биржевой-же игрокъ пользуется въ наше время такимъ почетомъ, какимъ во времена Посошкова отнюдь не пользовался нищій. Правда, моралисты гремятъ противъ биржевой игры, но это не мѣшаетъ ей совершаться открыто и даже доставлять счастливымъ игрокамъ титулы благодѣтелей и филантроповъ. И такъ, во времена Посошкова, существовали, съ его точки зрѣнія, два способа приобрѣтенія средствъ существованія: при по-

мощи обмѣна услугъ—способы существованія купца, нищаго, крестьянина, солдата, офицера, ремесленника, и безъ обмѣна—способы существованія вора и разбойника. Относительно первыхъ мораль возможна, вторые изгоняются за предѣлы вопроса о нравственности: они просто воспрещаются. Тѣ-же двѣ категории способовъ добычи средствъ существованія существуютъ и нынѣ, но въ посошковскомъ обществѣ вторая категория обществомъ не терпѣлась, въ современномъ она терпится и даже сидитъ въ переднемъ углу. Слѣдовательно, въ посошковскомъ обществѣ, вообще говоря, не было разлада между нравственными идеалами, въ современномъ онъ есть, и притомъ въ значительно развитомъ состояніи.

Изъ одного этого примѣра видно, что современному Посошкову пришлось-бы отказаться отъ мысли, что спасти свою душу можно во всѣхъ установленныхъ и терпимыхъ общественныхъ положеніяхъ. Ему пришлось-бы довольно часто повторять: не приведи тебя Богъ быть такимъ-то или такимъ-то груздемъ, не погѣвай ни за что въ такой-то или такой-то кузовъ. А этимъ уже нарушается простота и ясность программы жизни. Но мы упростимъ задачу современнаго Посошкова и оставимъ пока въ сторонѣ выборъ общественнаго положенія, или по крайней мѣрѣ совершенно подчинимъ общественный идеалъ идеалу личному. Въ такомъ упрощенномъ видѣ посошковская задача у насъ довольно часто разрѣшалась весьма многими романистами и критиками. Недавно вышедшіе пять томовъ сочиненій г. А. Михайлова и множество другихъ подобныхъ произведеній могли бы дать обильный матеріалъ для уясненія положенія современныхъ Посошковыхъ. Но именно потому, что этотъ матеріалъ очень обиленъ, а мѣста и времени у меня остается мало, я нить не воспользуюсь. Не могу однако отказаться отъ удовольствія сдѣлать, по поводу этихъ произведеній, еще одну выписку изъ Отческаго завѣщанія Посошкова: «А буде-же будешу моляромъ: то наипаче тѣйся еже-бы ти не погрѣшить предъ Богомъ въ рисовкѣ, и во изображеніи лица Спасителява: и знай во всемъ мѣру. Есть бо во иконописцахъ великое неискусство: ишутъ младенцевъ не во младенческой мѣрѣ, но въ самой совершеннаго возраста чловѣка мѣрѣ, и ради примѣру, и мѣра у себя азбуки размѣра чловѣческаго личныя, и письменныя размѣры. Разумѣй-же совершеннаго чловѣка сицѣ: возми мѣру съ большаго палца: и что мѣры въ немъ, то и въ носу, а въ ноздряхъ ширина та-же мѣра безъ трети, и между глазъ тоже безъ трети мѣра, во главѣ четыре мѣры, въ шее поперегъ двѣ мѣры, отъ плеча до плеча семь мѣръ, отъ плеча до локтя шесть мѣръ, отъ локтя до запястья пять мѣръ безъ четверти» и т. д., и т. д. Цитата эта можетъ, между прочимъ, служить подтвержденіемъ всего вышесказаннаго о практической философіи автора Отческаго завѣщанія. Веѣ эти «размѣры» нужны ему не во имя какихъ-нибудь эстетическихъ требованій и не

для того, чтобы возбудить въ зрителяхъ тѣ или другія идеи и чувства; это все второстепенныя, подчиненныя дѣла, можно сказать даже, что ихъ вовсе нѣтъ на лицо, а все дѣло въ спасеніи души: «наипаче тѣмъ еже бы ти не погрѣшати предъ Богомъ въ рисованіи». Посошковъ, безъ сомнѣнія, очень удивился бы, послушавъ нашихъ длинныхъ, нескончаемыхъ споровъ о дѣлѣ и значеніи искусства, о тенденціозности и чистой красотѣ. Для него все было такъ ясно, такъ просто, такъ легко ему жить и рисовать было. Ясности дѣла и односложности мотива вполне соответствуетъ у него простота средствъ: «возьми мѣру съ большаго палца» и получишь носъ, сюда возьми двѣ мѣры, туда четверть мѣры и получишь «совершенный человѣкъ». Вотъ какъ легко было въ старыя годы быть художникомъ. Читатель знаетъ конечно, что въ свое время вездѣ такъ было, а не только у насъ. Блаженной памяти классическія «три единства» представляють такую-же «мѣру съ большаго палца». Какъ въ практической жизни извѣстныя формы, установленныя властью и терпимыя обществомъ, вообще исторически данныя формы признавались предѣломъ его же не преидеши, внутри котораго только и возможно спасеніе; такъ и искусству оставались опредѣленныя, обычныя границы, не оставившія мѣста никакому личному произволу. Все было предусматрѣно, указано, приказано. Этотъ невыносимо удобный и легкій порядокъ вещей вызвалъ реакцію въ видѣ романтизма съ его формулою: *le laid c'est le beau*. Всякія единства были осмѣяны и оплеваны, всякія «мѣры съ большаго палца» выброшены. Все было предоставлено личной волѣ и личному вкусу художника. Его идеалы должны были обладать размѣрами не узаконенными, а титаническими; его герои стали отверженцы данныхъ общественныхъ формъ и отвергающіе ихъ, даже отверженцы общества вообще какого-бы то ни было,—убійцы, развратники. Однако жить все-таки еще было довольно просто и легко, именно потому, что художникъ могъ усвоить себѣ любую форму и любой идеалъ: чѣмъ страннѣе его выборъ, тѣмъ было даже лучше, пивантиѣе. Немудрено, что и этотъ порядокъ вещей сталъ наконецъ невыносимо удобнымъ и легкимъ, потребовались опять границы личному вкусу и личному произволу художника. Но къ старымъ, узаконеннымъ границамъ «мѣры большаго палца» возврата уже нѣтъ. И здѣсь-то начинаются большія, громадныя трудности для художника, какъ художника и практическаго моралиста. И не для одного художника.

Я обращаю особенное вниманіе читателя на этотъ пунктъ, и, при самомъ недолгомъ размышленіи, онъ не замедлитъ убѣдиться самъ, что здѣсь именно, въ этомъ пунктѣ сосредоточивается вся злоба дня. Повсюду, вообще говоря, старыя границы личныхъ вкусовъ и желаній оказываются слишкомъ тѣсными: посошковская мораль, не выходящая изъ предѣловъ легальности, оказывается безсильною какъ для одобренія, такъ и для

порядка такъхъ профессій, какъ биржевая игра; посолшковское искусство, не выходящее изъ предѣловъ «мѣрки съ большаго палца», бессильно передъ требованіями личной самостоятельности художника. Но предоставленіе полнаго простора личному произволу также есть дѣло въ Европѣ испробованное на самую широкую ногу и пробы этой не выдержавшее. Дикій разгулъ романтизма и бессмысленное служеніе чистой красотѣ въ искусствѣ, разнузданность аппетитовъ въ практической жизни, метафизическія негѣпости въ философіи, систематическій грабежъ и систематическое обнищаніе народа въ жизни экономической, постоянная смѣна революцій и реакцій въ жизни политической, — таковы плоды уничтоженія всякихъ границъ произвола личности. Слѣдовательно, задача всякаго современнаго дѣятеля, въ какой бы сферѣ жизни онъ ни работалъ, оказывается чрезвычайно сложною: не только старія ограниченія личныхъ вкусовъ и желаній должны быть расторгнуты, но они должны быть немедленно замѣнены новыми. И притомъ эти новыя ограниченія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выработаны при помощи тѣхъ приемовъ, какіе употреблялись Посошковымъ. Посошковъ былъ въ принципѣ вполне солидаренъ съ современнымъ ему общественнымъ устройствомъ. Онъ могъ находить, что наличныя общественныя функціи исполняются дурно, недобросовѣстно, и громить ихъ, какъ онъ это и дѣлаетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Но самый принципъ этихъ функцій былъ для него святъ и неприкосновененъ. Онъ называлъ дурнымъ, безнравственнымъ, злымъ только то, что и все общество признавало таковымъ. Поэтому онъ имѣлъ полное право и возможность ставить голый вопросъ: какъ мнѣ прожить свято? и получать отвѣты ясные, простые, опредѣленные, вполне удовлетворительные для своего пракческаго обхода. Ничѣ этотъ приемъ можно сказать никуда не годится. Личный идеалъ ничѣ не можетъ быть ни на волосъ отодвигаемъ отъ идеала общественаго. При такой сложности задачъ современнаго дѣятеля нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди на каждомъ шагу могутъ не соглашаться, но должны признаться. Особенно при безвѣтріи:

Везоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
 Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
 Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
 Въ которую сторону имъ вернуться...

Есть у насъ однако дѣлая школа писателей, въ которыхъ это хорошенькое четверостишіе Гейне ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣнено. Это именно вышеупомянутый г. А. Михайловъ и другіе романисты той-же категоріи. Романы ихъ, вообще говоря, плохи. Въ нихъ «совершенный человѣкъ изображается сицѣ: возми мѣрку съ большаго палца» и т. д. Даже и эти условія далеко не всегда соблюдаются этими писателями, такъ что они часто «нишуть младенцевъ не во младенческой

мѣрѣ, но въ самой совершеннаго возраста человѣка мѣрѣ. Но, если такъ неудачно исполненіе, то нельзя того-же сказать о намѣреніяхъ авторовъ. Намѣренія эти прекрасны, и вдобавокъ авторы до тонкости знаютъ, какъ прожить свято. Я уже отказался отъ подробнаго разсмотрѣнія ихъ произведеній, за немѣнѣемъ мѣста и времени. Я лучше самъ сочиню конспектъ небольшого романа, — такъ будетъ короче.

Нѣсколько молодыхъ людей—Ивановъ, Матвѣевъ, Сидоровъ, Петровъ и Карповъ, и нѣсколько молодыхъ женщинъ — Васильева, Семенова и Андреева, въ видахъ взаимной выгоды, рѣшили вмѣстѣ учиться, трудиться, вообще вести раціональную и честную жизнь. Люди они, за немногими исключеніями, прекрасные, исполненные самой искренней жажды правды и добра. Они называютъ себя реалистами, но въ сущности они идеалисты, въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Трѣмъ членамъ поручается составить статутъ маленькой колоніи. Ивановъ представилъ обширную записку о пищевыхъ веществахъ, въ которой, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, излагалось какія кушанья должны быть употребляемы членами колоніи, какъ ихъ готовить и т. д. Записка оканчивалась замѣчаніемъ, что послѣ всякаго принятія пищи слѣдуетъ полоскать ротъ водою температуры въ 20°. Записка была составлена дѣльно, толково и возразить противъ правильности требованій Иванова не могъ бы рѣшительно никто. Она была принята единогласно. И тутъ-же Матвѣевъ, до тѣхъ поръ съ большимъ успѣхомъ и любовью занимавшійся юридическими науками, порѣшилъ перейти на естественный факультетъ. Въ сравненіи съ ясностью доводовъ и непреложностью выводовъ естественныхъ наукъ, ему показались совершенно мизерными теоремы и логическіе приемы наукъ юридическихъ. Онъ рѣшилъ, что человѣкъ, желающій вести раціональную жизнь, долженъ заниматься изученіемъ законовъ природы. Притомъ же польза естественныхъ наукъ была такъ осязательно выражена запиской Иванова. Сидоровъ представилъ прозекъ расположенія занятій на каждый день. Имѣлось въ виду устроить дѣло такъ, чтобы умственные и физическія работы чередовались и чтобы всѣ занятія по кухнѣ, уборкѣ комнатъ, заготовленію припасовъ и проч. были также исполняемы по очереди. Этотъ прозекъ вызвалъ довольно продолжительныя пренія, и, благодаря познаніямъ того-же Иванова, былъ значительно измѣненъ къ лучшему. Петровъ прочиталъ уставъ взаимныхъ отношеній между членами колоніи, на обсужденіе котораго ушли три довольно бурныя засѣданія. Одни требовали слишкомъ уже большой регламентаціи взаимныхъ отношеній, другіе желали полной свободы дѣйствія. Наконецъ дѣло кое-какъ уладилось, причѣмъ однако выражено было мнѣніе, что въ числѣ совмѣстныхъ умственныхъ занятій одно изъ первыхъ мѣстъ должно занимать и на будущее время обсужденіе раціональныхъ принциповъ взаимной честности и довѣрія. Колонія стала жить,

поживать, развивая по плану умственные, физическія и нравственные качества членовъ. Жили они, кто переводами, кто уроками, Карповъ получалъ деньги отъ отца. Комнаты хорошо вентилировались, обѣдъ приготавливался рационально, послѣ каждаго принятія пищи ротъ полоскался водою температуры въ 20°, постельное и носильное бѣлье мѣнялось акуратно, по правиламъ гигиены, каждому приходилось работать физически, но безъ утомленія. Всѣмъ этимъ вполне обезпечивалось физическое здоровье. Умственное здоровье поддерживалось постоянными бесѣдами о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, о вновь выходящихъ книгахъ, о рефератахъ, которые время отъ времени представлялъ то одинъ, то другой членъ колоніи. Они усердно помогали другъ другу въ занятіяхъ. Здоровье нравственное обезпечивалось опять-таки и теоретическими разсужденіями, вызванными чѣмъ-нибудь сомнѣніемъ, или гласнымъ обсужденіемъ тѣхъ или другихъ практическихъ столкновеній, возникавшихъ иногда между членами. Такъ жила наша колонія, не всегда безоблачно разумѣтся, но тѣмъ не менѣе въ общемъ члены ея были физически здоровы, имѣли чистую совѣсть и правильныя возрѣнія на дѣла міра сего и того. По крайней мѣрѣ и то, и другое, и третье выработывалось съ каждымъ днемъ. Но тутъ начались бѣды. Во-первыхъ Ивановъ, который, несмотря на свои познанія, всегда обѣщалъ быть негодяемъ, сдѣлалъ крупную пакость. Онъ былъ немедленно изгнанъ, хотя и съ сожалѣніемъ, такъ какъ онъ былъ очень полезнымъ членомъ общества. Несогласная съ рѣшеніемъ большинства Андреева вышла. Затѣмъ Сидоровъ и Васильева принесли однажды вечеромъ извѣстіе о тайномъ обществѣ, въ которое они вступили и предложили сдѣлать тоже самое остальнымъ. Провозмелъ расколъ, который уже самъ по себѣ сталъ принимать гибельные размѣры. Но тутъ налетѣлъ шквалъ, многіе члены были куда-то взяты, но впрочемъ скоро выпущены, кромѣ Сидорова и Васильевой, которые пропали навсегда или по крайней мѣрѣ надолго... Колонія распалась.

Мнѣ очень жаль, что такіе хорошіе люди, какъ Сидоровъ и Васильева пропали, и особенно жаль, что они пропали изъ-за дѣла необдуманнаго и совершенно неpravильно рассчитаннаго. Но я этому не удивляюсь: они были такъ заняты собственной чистотой, что ихъ полнѣйшая неприготовленность къ общественной дѣятельности вполне понятна. Изъ Семеновоу вышла отличная акушерка. Матвѣевъ кончилъ курсъ по естественному факультету и теперь состоитъ учителемъ гимназіи. Онъ человѣкъ знающій, честный, добросовѣстный и исполняетъ свою обязанность прекрасно. Но мнѣ иногда приходитъ въ голову, что если бы этотъ способный и честный человѣкъ не промѣнялъ, ради личнаго усовершенствованія, финансоваго права на зоологію, то онъ былъ бы теперь гораздо полезнѣе. Петровъ, разочарованный неудачей опыта колоніи, но не потерявшій вѣры

въ свои принципы, уѣхалъ въ Америку. Тамъ онъ ведетъ честную, трудовую жизнь и я съ уваженіемъ представляю себѣ его мужественное загорѣлое лицо и мозолистые руки. Но еслибы можно было удержать эту хорошую силу дома, думается мнѣ иногда, даже съ уступкою нѣкоторныхъ сторонъ личнаго спокойствія совѣсти и совершенства, было бы лучше. Андреева, столкнувшись съ практикой, разочаровалась... Но объ ней не стоитъ говорить... Впрочемъ, у всѣхъ у нихъ были минуты, дни, мѣсяцы полного самоудовлетворенія. Для нѣкоторыхъ, имѣющихъ нинѣ болѣе или менѣе узкую сферу дѣятельности, какъ Матвѣевъ, колонія была хорошей школой...

Р. С. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія въ «Вѣстникѣ Европы» статьи нашего извѣстнаго адвоката, г. Спасовича, о книгѣ г. Стронина «Политика, какъ наука». Объ ней уже давно ходили слухи и даже весьма прозрачно говорилось въ нѣкоторыхъ газетахъ. Ожиданія, слухи были весьма естественны. Г. Спасовичъ не занимаетъ въ литературѣ нашей виднаго мѣста, но онъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ людей въ Россіи, и притомъ заслуженно-извѣстныхъ. Г. Спасовичъ никогда не высказывалъ своихъ взглядовъ на предметы изслѣдованія, подобныхъ книгѣ г. Стронина. Но тѣмъ интереснѣе было познакомиться съ его мнѣніемъ въ данномъ случаѣ. Наконецъ, въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы», статья г. Спасовича появилась. Называется она «Опытъ построенія социологін». Къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ съ вещами, которымъ предшествуютъ слухи и ожиданія, статья г. Спасовича вкладывается въ сокровищницу отечественной литературы весьма скудную лепту. Нашъ блестящій ораторъ рассказываетъ содержаніе трудовъ г. Стронина («Исторія и методъ» и «Политика, какъ наука»), пропуская многое, весьма интересное, и сопровождая изложеніе отрывочными замѣчаніями отъ себя, которыя, опять-таки, располагаются довольно произвольно. Пропустивъ съ десятокъ нелѣпостей безъ примѣчаній, г. Спасовичъ почему-то вдругъ на минуту останавливается на одиннадцатой, хотя эта одиннадцатая нелѣпость ничуть не нелѣпѣе предыдущихъ десяти. Меня, конечно, интересовало не изложеніе г. Спасовичемъ мыслей г. Стронина, а мнѣніе самого г. Спасовича. Но, къ сожалѣнію, г. Спасовичъ на этотъ счетъ такъ скупъ, что трудно даже понять, почему онъ счелъ нужнымъ такъ пристально остановиться на книгѣ г. Стронина. Къ еще болѣшему сожалѣнію, между немногочисленными замѣчаніями г. Спасовича попадаются весьма странныя. Напримѣръ: «Г. Стронинъ утверждаетъ, что споконъ-вѣку и донинѣ право было и будетъ одно: право кулачное, право сильнѣйшаго. Онъ уничтожаетъ работу Гуго Гроція и его послѣдователей, работавшихъ три вѣка надъ тѣмъ, чтобы заковать въ кандалы чудовище—войну, чтобы обратить физическую силу въ рабыню божественной метафизической идеи права. Г

Стронинъ обожаетъ войну, дѣлаетъ ее органомъ величайшей и превыше всѣхъ другихъ стоящей международной справедливости. Сущность этой *позитивистической* переработки праводѣнія заключается въ слѣдующемъ и т. д. (729). Почему такая переработка права называется у г. Спасовича позитивистической, я недоумѣваю. Это не придира къ слову, потому что г. Спасовичъ особенно напираетъ на позитивизмъ г. Стронина. Но г. Спасовичу должно быть извѣстно, что, во первыхъ, война, какъ органъ справедливости, обожается весьма многими непозитивистами, и что, во вторыхъ, одно изъ основныхъ положеній позитивизма, относительно котораго нѣтъ разногласія между сторонниками этого ученія, состоитъ въ томъ, что война есть атрибутъ такъ-называемаго теологическаго фазиса развитія; что слѣдующіе фазисы существенно враждебны войнѣ. И это не случайная, а существенная часть позитивизма. Но положимъ, что здѣсь г. Спасовичъ просто обмолвился, употребилъ невѣрное выраженіе. Приведемъ другой примѣръ его замѣчаній. Приведемъ извѣстное предсказаніе г. Стронина, относительно нашего похода къ Атлантическому океану, г. Спасовичъ замѣчаетъ: «Чего-же жалѣть, помогай Богъ, дай только намъ побольше аппетита на этотъ богатырскій пиръ горой! Жаль, что не обозначено приблизительно, въ какой годъ отъ Рождества Христова совершится это побѣдное шествіе до Атлантическаго океана съ бубнами и литаврами; вѣроятно, еще не скоро, потому что, если романскіи племена, съ Франціей во главѣ, спустились уже къ низу по дугѣ прогресса, Англія стоитъ на кульминаціонномъ пунктѣ этой дуги, а Германія поднимается вверхъ по другому концу ея, то для Россіи кульминаціонный пунктъ еще весьма далекъ. Искренно жаль разрушать эти милны грезы, эти розовыя надежды, а между тѣмъ, однако, грустно, на которомъ онѣ построены, столь шатокъ, что онѣ не могутъ не провалиться» (744). Почему путешествіе къ Атлантическому океану «съ бубнами и литаврами» есть милая греза, которую искренно жаль разрушить — опять недоумѣваю. Впрочемъ, за этимъ слѣдуетъ самое интересное и поучительное замѣчаніе г. Спасовича. Дѣло идетъ объ открытій г. Стронинимъ русскомъ «методѣ завоеванія», который состоитъ будто-бы въ томъ, что русскіе, завоевывая страну, не мѣшаютъ ей оставаться самой собой. Г. Спасовичу не стоило, конечно, большого труда, простымъ напоминаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, опровергнуть такое, по истинѣ, розовое воззрѣніе. Но онъ сдѣлалъ больше. Онъ весьма вѣрно замѣтилъ, что русскій методъ завоеванія состоитъ въ томъ, чтобы, «оставивъ некультурные слои нетронутыми, но снять у нихъ съ плечъ разомъ всѣ культурныя, аристократическія наслоенія и замѣстить ихъ заѣзжими людьми и пришлыми элементами изъ центра государства». Такъ шло, по мнѣнію г. Спасовича, дѣло главнымъ образомъ до Петра, въ періодъ собиранія земли русской московскими царями. Затѣмъ, методъ за-

восвѣдательный значительно измѣнился. Автономія Остзейскаго края, Финляндіи, конгрессовскаго королевства западныхъ и юго-западныхъ губерній были гарантіями для мѣстныхъ аристократій. И тѣ-же побужденія, которыя управляли Россіей въ дѣлѣ этихъ федералистическихъ попытокъ, заставили ее и у себя даже завести, кромѣ аристократіи по монгольскому образцу, еще аристократію по образцу нѣмецкому и даже польскому. «Огюда—заключаетъ г. Спасовичъ—самыя широкія уступки всевозможнаго происхожденія барству, даже иногда (?) во вредъ интересамъ низшихъ, некультурныхъ слоевъ населенія. Извѣстно, съ какою силою проявилъ себя инстинктъ демократическій, возвращаясь разомъ къ преданіямъ древне-московскимъ завоеванія Новгородъ и Пскова. Русско-римскаго метода завоеваній, такимъ образомъ, не было въ Россіи и нѣтъ, а есть два крайніе приѣма, и между ними никакой середины: либо лелѣять и пересаживать къ себѣ всякое барство, либо срѣзывать всякую культурность до основанія» (746). Эти строки и еще нѣкоторыя въ другихъ мѣстахъ могли-бы быть написаны г. Спасовичемъ совершенно независимо отъ книги г. Стронина. И я тѣмъ болѣе недоумѣваю, зачѣмъ онъ ее погревожилъ и чѣмъ она его тревожила, что, называя ее «почтеннымъ трудомъ», и посвятивъ, очевидно, не мало времени на ея изученіе и изложеніе, онъ цестритъ свою статью слѣдующими рѣзкими приговорами: «выводы г. Стронина, иногда, дѣйствительно, странны и дики, такъ что небольшого труда стѣдуетъ представить ихъ въ забавномъ видѣ» (701); «г. Стронинъ предлагаетъ дѣлать схему социальныхъ наукъ, имъ собственно изобрѣтенную, которая, по своей сложности, по странности и содержанія своего и терминологіи, едва-ли можетъ кому понравиться» (705); «воображеніе окрыляетъ аналогію г. Стронина и увлекаетъ его Богъ-вьсть куда. вмѣсто метода, во всякомъ случаѣ рискованнаго, гипотетическаго, является простое остроуміе, игра сравненіями» (708); «онъ предпочелъ изобразить графически общество въ видѣ геометрическихъ фигуръ, которыя не только на государство, но вообще ни на что на свѣтѣ не похожи» (711); «основная мысль дѣтски проста, забавна и даже смѣшна; она напоминаетъ мифологическую химеру льва-козла-змѣи, такъ странныя сложные въ ней элементы математическіе съ физиологическими; она указываетъ на то, что авторъ забрелъ въ такія дебри, гдѣ и витають только одни чудовища да небылицы» (712); «строго научнаго мало въ этихъ опредѣленіяхъ и предсказаніяхъ, по всей вѣроятности, не многимъ больше, чѣмъ въ предсказаніяхъ старинныхъ календарей о погодѣ на грядущій годъ» (740). Со всѣмъ этимъ нельзя, впрочемъ, не согласиться.

Н. М.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Въ рублевомъ календарѣ Гатцука помѣщенъ списокъ несостоятельныхъ лицъ Москвы и Петербурга съ 1-го сентября 1871-го по 10-е октября минувшаго года. Изъ этого списка, составленнаго по свѣдѣніямъ, добытымъ изъ коммерческихъ судовъ, видно, что въ теченіи одного года въ обѣихъ столицахъ успѣли обанкрутиться сто сорокъ купцовъ и торговыхъ фирмъ, нѣмнѣе на мелкія суммы, тысячъ до десяти, но другіе за то врѣзались глубоко, съ шумомъ и трескомъ, какъ въ рѣчной песчаной заносѣ морскія крупныя суда, которымъ нуженъ глубокій фарватеръ. Петербургскій торговый домъ Левестамъ и К^о., на примѣръ, обанкротился на три милліона съ половиной, Тизенгаузенъ безъ малаго на милліонъ, а московскіе коммерсанты Карръ и Макферсонъ: первый на два милліона рублей, второй на полтора милліона. Всѣ обанкротившея въ двѣнадцать мѣсяцевъ лица отказались заплатить своимъ кредиторамъ около десяти милліоновъ рублей серебромъ.

Это только въ однѣхъ столицахъ, до начала октября минувшаго года. Если бы мы имѣли какую-нибудь возможность пересчитать всѣхъ банкротовъ во всѣхъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ городахъ Россійской имперіи по 1-е мая текущаго года, то, вѣроятно, намъ бы пришлось въ десяти милліонамъ еще бы пристегнуть милліончиковъ двадцать, потому что слухи о торговой состоятельности, которые сообщаются газетами, очень и очень неутѣшительны. Изъ московской корреспонденціи газеты «Виржа» мы узнаемъ, что въ Москвѣ въ январѣ и февралѣ многіе купцы, повидимому небѣдные, вдругъ, ни съ того ни съ сего, заявили о прекращеніи платежей, вѣроятно потому только, что платить имъ уже надобно. Изъ нежелающихъ платить долги остается должнымъ на болѣе крупную сумму, именно на 100,000 рублей, однѣ контористъ, торговавшій шерстяной и бумажной пряжей. Затѣмъ торгующій картузнымъ товаромъ, остался долженъ 80,000 р., чайный торговецъ 32,000 р. и рыбный торговецъ 7,500 р. *Два послѣдніе исчезли изъ Москвы.* Чайный торговецъ перевелъ свой магазинъ на жену. Рыбный торговецъ находится въ Рязани, откуда, говорятъ, прислалъ

своимъ родственникамъ письмо, въ которомъ говорить, что его уже болѣе не увидятъ.

Вообще на счетъ московскаго купечества слухи идутъ нехорошіе, мало утѣшительные. Въ мѣстныхъ газетахъ пишутъ, что стѣны московской биржевой залы почти ежедневно увѣшиваются новыми объявленіями о несостоятельныхъ торговцахъ, въ *Помпейскихъ Видомостяхъ* появляются въ каждомъ почти номерѣ заявленія о вновь назначенныхъ конкурсахъ и администраціяхъ; конторы нотаріусовъ завалены векселями для протеста; то тамъ, то здѣсь говорятъ о сдѣлкахъ должниковъ съ кредиторами по 50 к. за рубль: словомъ свазать, рынокъ недалеко отъ кризиса. Иногородные купцы, жалуются на дурной ходъ торговли, платежи оттягиваютъ, прося отсрочекъ на нѣсколько мѣсяцевъ; иные платятъ совершенно отказываются, или, что одно и то же, предлагаютъ по 10 к. за рубль. При этомъ конечно не обходится безъ злоупотребленій; бывають случаи и очень не рѣдко, что лица, задумавшія объявить себя несостоятельными, свою торговлю и недвижимое имущество переводятъ на своихъ родственникововъ, которые и продолжаютъ вести ихъ дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало.

Многіе утверждаютъ, будто Москва переживаетъ теперь такой кризисъ, какого даже въ ней давно ужъ не бывало. Процентщики, пользуясь случаемъ, берутъ по произволу, забирая подъ залогъ дома и фабрики, которые, конечно, впослѣдствіи останутся въ ихъ рукахъ за безцѣнокъ. Аблагатамъ этотъ кризисъ тоже на руку; они не дремлютъ, путая и составляя для своихъ вліятельныхъ купцовъ новыя положенія книги и получая за это солидные куши; въ особенности-же работаетъ въ этихъ случаяхъ «Ерижная Биржа», находящаяся въ нѣдрахъ московскаго трактира Гурьина.

Изъ другихъ городовъ и изъ крупныхъ и мелкихъ — слухи тоже не казисты.

Изъ Нижняго-Новгорода сообщаютъ, что въ послѣднее время тамъ часто повторяются банкротства купцовъ, *повидимому, весьма состоятельныхъ*. Такъ, незадолго до праздниковъ, объявили себя неплательщиками двое купцовъ, торгующихъ мяснымъ товаромъ; одинъ изъ нихъ, С — въ, на 40,000 р., а другой, К — въ — на 98,000 р. Они предлагаютъ кредиторамъ сдѣлку по 10 к. и по 25 к. за рубль. Превратилъ также платежи торговый домъ «В — ва сыновья» на весьма значительную сумму.

Корреспондентъ *Биржи* говорить, что банкротства въ Казани снова начали всплывать наружу. Лица, близкія къ несостоятельности, прежде всего стараются войти въ сдѣлку съ частными кредиторами, и такихъ сдѣлокъ въ послѣднее время состоялось нѣсколько, впрочемъ, не дороже какъ на 40 коп. за рубль; затѣмъ торговцы всевозможными мѣрами стараются удержать за собою кредитъ въ банкахъ, которые въ этихъ случаяхъ весьма строги.

Въ «Голосъ» пишутъ изъ Пензы, «что многіе изъ томошскихъ купцовъ, въ послѣднее время, объявили себя несостоятельными. Такъ-какъ ихъ торговые обороты находятся въ непосредственной связи съ операциями городского банка, то этому учрежденію придется понести значительный ущербъ. Передаютъ за вѣрное, что выдача безденежныхъ векселей, съ цѣлью получить подъ учетъ ихъ ссуду изъ общественнаго банка, сдѣлалась въ Пензѣ явленіемъ довольно обычнымъ. Такого рода «извороты» еще не могли бы имѣть потрясающаго вліянія на фонды банка, еслибъ выдача ссудъ соразмѣрялась съ дѣйствительными денежными средствами кредитующагося лица; но бѣда въ томъ, что довѣріе, оказываемое банкомъ, безгранично, а между тѣмъ, такая довѣрчивость не оправдывается никакими разумными соображеніями. Напримѣръ, одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, объявившій себя банкротомъ и распродавшій заранее весь свой товаръ, долженъ банку до 90,000 рублей!»

Наконецъ, даже въ самомъ Петербургѣ, отличающемся необыкновеннымъ богатствомъ и роскошью, что-то очень ужъ часто начали толковать о банкротствахъ, въ особенности-же о мелкихъ банкротствахъ среди рыночныхъ торговцевъ. За январь насчитывали до пятнадцати. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности не превышаетъ десяти-двѣнадцати тысячъ и собственно не можетъ назваться банкротствомъ, такъ-какъ должники предлагаютъ кредиторамъ пойти на сдѣлки и негласнымъ образомъ взять съ нихъ 30 или 40% за рубль (см. «Петерб. газ.»).

Даже въ такихъ, сравнительно мелкихъ и ничтожныхъ городишкахъ, каковъ напримѣръ, Чистополь, Спаскъ и т. п. — и тамъ съ новаго года начали появляться очень крупныя (тысячъ на 60 и больше) банкроты, которые постоянно пользовались тамъ всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Обозлились терпѣливыя до послѣдней поры кредиторы на добродушно-злостныхъ своихъ должниковъ, и, въ то самое время, когда въ Петербургѣ рѣшается вопросъ объ уничтоженіи тюремнаго заключенія за долги, — обозлившіеся кредиторы поговариваютъ о необходимости старинныхъ «справежей», или вымучиванія долговъ посредствомъ палокъ. Чуть-ли не въ каждомъ изъ губерскихъ тюремныхъ замковъ томятся въ отвратительныхъ помѣщеніяхъ по два, по три «несостоятельныхъ», привыкшихъ къ роскоши и пользовавшихся еще въ недавнее время всеобщимъ почетомъ и безграничнымъ довѣріемъ. Въ Петербургскихъ газетахъ появляются отъ времени до времени вошпи этихъ злостныхъ, попавшихъ изъ привольной жизни въ тѣсныя, вонючія тюремныя кельи. «Здоровье мое—лишеть одинъ изъ такихъ заключенныхъ въ «С.-Петерб. Вѣд.»—съ каждымъ днемъ разстроивается, такъ какъ жизнь въ замкѣ ужасна. Тюремный замокъ выстроенъ на 160 человекъ, но въ немъ помѣщается до 400, отъ чего воздухъ постоянно зараженный и убійственный. Живу я въ одномъ корридорѣ съ бѣглокаторжаними и

убійцами, и лишены не только свободы, но подвергнуты медленной и постоянной пытке, такъ-какъ нерѣдко приходится бояться не только за здоровье, но и за самую жизнь.

До какой степени дошло озлобленіе кредиторовъ на слишкомъ ужъ частую несостоятельность должниковъ — это можно видѣть изъ корреспонденціи, помѣщенной въ одномъ изъ №№ «Иллюстраціи» Зотова. Чистопольскіе кредиторы засадили въ тюрьму за долги своего согражданина, купца Щербакова, котораго года два-три назадъ, выбрали во всѣ почетныя общественныя должности, какъ человѣка очень богатаго, ловкаго и чрезвычайно образованнаго, хотя образованіе его ограничивалось только умѣньемъ носить модное платье. Жилъ этотъ купецъ роскошно, по барски, держалъ себя, какъ богатый банкиръ; но вдругъ, захвативши деньги у своихъ довѣрчивыхъ компаньоновъ по торговлѣ и у другихъ обвужающихъ, у кого было возможно — объявилъ себя несостоятельнымъ. Городская дума сжалась-было надъ своимъ прежнимъ любимцемъ-коноводомъ и порѣшила выпустить купца Щербакова на свободу, но на второмъ засѣданіи въ той-же думѣ возникъ протестъ. «Для чего его освобождать? — возразилъ одинъ изъ протестантовъ. — Жилъ онъ роскошно, въ свое удовольствіе, и никто не тянулъ его въ яму. Если бѣднякъ-мѣщанинъ, не рассчитавши, по нуждѣ, займетъ да не отдастъ 200 рублей, то ему спасенія нѣтъ, а этотъ 60 тысячъ, безъ всякой нужды, изъ жадности, нахваталъ и его освободить нужно? Зачѣмъ? Пусть посидитъ, помучается съ непривычки-то: можетъ и отдастъ?» Большинство гласныхъ присоединилось къ оратору. Не выручило г. Щербакова и замѣчаніе одного добродушнаго гласнаго, который напомнилъ, что Христосъ помиловалъ даже лютаго разбойника.

Расчеты оратора и присоединившагося къ нему большинства гласныхъ могутъ оказаться вѣрными. Не мудрено, что посидитъ-посидитъ, да и отдастъ, если только, еще до ареста, не нарвался на какого-нибудь Подкалюзина... Суровые законы, вызванные грубыми нравами, поддерживаютъ въ народѣ грубость нравовъ, слѣдовательно желательно, чтобы законъ смягчили; но нельзя, однако-же, не замѣтить, что въ нашемъ торговомъ сословіи сохранилось еще много кое-чего отъ временъ «торговыхъ правей», когда находились даже люди состоятельныя, которые становились добровольно съ голыми ногами подъ розги, надѣясь этимъ путемъ отдѣлаться отъ уплаты долга.

Но должны-же, однако, существовать какія-нибудь особенныя причины, которыя неудержимо влекутъ хорошо обеспеченныхъ, малоподвижныхъ нашихъ кулаковъ дѣйствовать рискованно, очертя голову, и изъ роскошныхъ своихъ помѣщеній, попадать въ вонючія казачатскія кельи, въ которыхъ приходится бояться «не только за здоровье, но и за самую жизнь»?

Какъ на одну изъ главнѣйшихъ побудительныхъ причинъ мы можемъ указать на частныя банки и кредитныя общества, кото-

рыхъ въ послѣдніе полтора года расплодилось въ Россіи какъ грибовъ-дождевиковъ въ теплые дождливые дни, да и въ будущемъ еще конца не предвидится ихъ размноженію. Впрочемъ, и долговѣчность ихъ, кажется, такая-же, какъ грибовъ-дождевиковъ: не пойдетъ дождь два-три дня — они сейчасъ-же сморщатся, почернѣютъ и разлетятся пылью по вѣтру. Года два-три назадъ, господствовала у насъ желѣзно-дорожная, концессионерная эпидемія, а теперь уже на желѣзно-дорожныя концессіи многіе смотрятъ съ пренебреженіемъ, потому что наши дѣла повыгоднѣе и повѣрнѣе. «Съ бритвы медъ лизать» — говорятъ нынче про желѣзно-дорожныя занятія, то-есть, что дѣло опасное, а не надежное.

Спекуляція, покинувъ (хотя еще и не совсѣмъ) концессіи, накинута на акціонерныя банки. Кредитъ вдругъ открылся у насъ неограниченный, хотя во всей странѣ не отищешь десяти человѣкъ, которые-бы вѣрнули въ честность другъ друга. Теперь въ Россіи, кромѣ 45-ти конторъ и отдѣленій государственнаго банка, къ услугамъ заемщиковъ открыто еще сорокъ частныхъ коммерческихъ, промышленныхъ, ссудныхъ и учетныхъ банковъ, восемь городскихъ кредитныхъ обществъ, семнадцать земскихъ кредитныхъ обществъ и банковъ и 23 общества взаимнаго кредита. Въ городахъ, въ которыхъ года три-четыре назадъ, негдѣ было денегъ занять, вдругъ открылось по три по четыре банка, и больше. Въ Астрахани, напримѣръ, теперь уже четыре кредитныхъ учрежденія: отдѣленіе государственнаго банка, отдѣленіе волжско-камскаго банка, общество взаимнаго кредита и городской общественный банкъ.

Въ Кіевѣ уже семь, балансы которыхъ къ 1-му сентября 1872 года представляются въ слѣдующемъ видѣ: контора государственнаго банка въ 24.529,959 р., кіевскаго частнаго коммерческаго банка въ 11.663,250 р., кіевскаго городского общества взаимнаго кредита въ 8.102,048 р., кіевскаго промышленнаго банка въ 5.999,935 р., кіевскаго отдѣленія с.-петербургскаго международнаго банка въ 2.635,412 р., кіевскаго отдѣленія волжско-камскаго банка въ 5.103,836 р.; кіевскій земельный банкъ своихъ дѣйствій еще не открывалъ. Къ 1-му сентября 1872 года балансъ всѣхъ банковъ представляется въ 58.034,440 руб. Даже мелкіе уѣздные городишки не отстаютъ отъ общаго стремленія и плывутъ, не отставая отъ другихъ, по теченію, къ неограниченному кредиту. Въ прошломъ году, между прочимъ, открытъ банкъ въ Кинешмѣ, причеиъ случайно открылось, какія странныя понятія имѣли гг. кинешемцы о финансовыхъ операціяхъ вообще, до открытія банка. Городская дума представила въ новооткрытый банкъ 20 тысячъ рублей общественныхъ денегъ *кредитными билетами*, которые, невѣстно сколько лѣтъ, спокойно лежали у нея въ сундукѣ. Зачѣмъ хранила она такую значительную сумму денегъ въ такомъ непроизводительномъ видѣ, отчего она не промѣнила эти

16,000 руб. хоть бы на серіи, которыя могли бы давать городу до 700 руб. дохода—никто не понимаетъ—пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—по этому случаю. Утверждаются новыя проекты банковъ и кредитныхъ обществъ очень скоро и безъ затрудненій, но замѣчено, однакожь, что спекулятивныя, акціонерныя учрежденія утверждаются, почему-то, скорѣе и охотнѣе, чѣмъ болѣе солидныя, общественныя, напримѣръ, городскія или земскія. Киевское городское общество еще въ 1870 году задумало устроить въ своемъ городѣ кредитное учрежденіе, которое выдавало-бы долгосрочныя ссуды подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ общество взаимнаго кредита выдаетъ подъ нихъ только краткосрочныя ссуды; почему, при отсрочкѣ платежа, заемщикамъ приходится каждыя шесть мѣсяцевъ мѣнять векселя. Между тѣмъ, операціи этого общества подвержены вліянію банковыхъ кризисовъ, почему заемщикъ и не можетъ быть впередъ увѣренъ, какъ въ размѣрѣ процентовъ, которые ему придется уплатить, такъ равно и въ возможности отсрочки уплаты самого долга. Въ 1871 году былъ составленъ проектъ устава новаго кредитнаго учрежденія, главныя положенія котораго существенно сходны съ основаніями, на которыхъ устроено с.-петербургское городское кредитное общество. Въ томъ-же году, чрезъ посредство городской думы, проектъ этотъ былъ представленъ генералъ-губернатору, и послѣдній въ январѣ 1872 года препроводилъ его въ Петербургъ на утвержденіе. Затѣмъ, въ февралѣ 1872 года нѣсколько частныхъ лицъ составили проектъ устава кievскаго земельного банка, въ число операцій котораго входитъ также выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ городѣ Киевѣ. При утвержденіи проектовъ уставовъ этихъ двухъ кредитныхъ учрежденій, министромъ финансовъ былъ возбужденъ вопросъ, не будутъ-ли эти два банка стѣснять другъ друга, почему былъ сдѣланъ думѣ запросъ, не возьметъ-ли она назадъ проектъ устава своего банка, въ виду ожидаемаго утвержденія устава кievскаго земельного банка. Но дума, имѣя въ виду, «что городское кредитное общество имѣетъ цѣлью не извлеченіе прибыли для выдачи дивиденда акціонерамъ, а удешевленіе кредита для городскихъ домовладѣльцевъ» (протоколъ засѣданія думы 23-го мая)—просила объ его утвержденіи. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало утвержденіе кievскаго земельного банка, городское-же кредитное общество ждетъ и до настоящаго времени своего утвержденія. «Кіевляне были очень удивлены предпочтеніемъ, оказаннымъ предпріятію частной спекуляціи противъ предпріятія, устраняемаго съ цѣлью общественной пользы»—пишетъ кievскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; но теперь уже, послѣ утвержденія устава центрального банка русскаго поземельнаго кредита, нельзя удивляться такому предпочтенію.

Россія считается страной земледѣльческою, а, между тѣмъ,

до послѣдняго времени, одни только земледѣльцы да землевладѣльцы не пользовались въ ней никакимъ кредитомъ. Начался въ обширныхъ размѣрахъ переходъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ руки денежныхъ купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, то-есть, именно въ тѣ руки, которыя земли покупали не для земледѣлія, а для перепродажи ихъ во вторыя и третьи руки, съ выгодой для себя.

Такое неловкое положеніе дѣлъ вызвало появленіе у насъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи земельныхъ банковъ и обществъ взаимнаго поземельнаго кредита, основанныхъ не на акціяхъ, какъ обыкновенныя спекулятивныя учрежденія, а на взаимномъ ручательствѣ заемщиковъ. Оцѣнка земли подъ ссуды въ этихъ солидныхъ учрежденіяхъ назначалась не высокая (не болѣе 40% стоимости), но за то ссуды выдавались на продолжительные сроки и не предвидѣлось въ виду никакой опасности обанкротиться. Такимъ способомъ дѣйствовали и дѣйствуютъ еще до сей поры общество взаимнаго поземельнаго кредита, херсонскій и харьковскій земельные банки, залладные листы которыхъ покупаются на биржѣ такъ-же охотно, какъ и билеты государственнаго банка.

Но правила эти (т.-е. низкая оцѣнка земли), какъ высказано было въ комиссіи «общества для содѣйствія промышленности», кажутся весьма стѣснительными нашимъ землевладѣльцамъ, постоянно нуждающимся въ деньгахъ и мало разборчивымъ въ условіяхъ, на которыхъ приходится имъ доставать капиталы. Поэтому, внѣ круга дѣйствія общества поземельнаго кредита, осталось еще широкое поле для дѣятельности новыхъ банковъ, и правительство разрѣшило на каждую мѣстность два новыя банка, не считая общества поземельнаго кредита, имѣющаго право простирать свои дѣйствія на всю Россію. Всѣ эти новыя банки составились на акціонерномъ началѣ, побуждающемъ къ болѣе смѣлому образу дѣйствій, чѣмъ начало взаимности; но какъ акціонерныя общества, для обезпеченія дивиденда своимъ участникамъ, должны требовать съ заемщиковъ высшихъ платежей, чѣмъ общество взаимнаго кредита, неимѣющее побочныхъ расходовъ, то они вынуждены привлекать къ себѣ заемщиковъ предоставленіемъ имъ болѣе широкаго кредита. По этимъ соображеніямъ, нѣкоторые изъ акціонерныхъ банковъ прямо объявили, что они всегда готовы возвышать оцѣнку общества поземельнаго кредита на 25%, выдавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, не 40%, а 60, и даже до 70% съ оцѣночной суммы. Одинъ изъ акціонерныхъ банковъ объявилъ даже, что онъ готовъ выдавать въ ссуду на 10% болѣе всѣхъ своихъ соперниковъ.

Такимъ образомъ, явилась неограниченная конкуренція при закладѣ земель, а наши землевладѣльцы, какъ извѣстно, къ этому дѣлу падки и достаточно изучили уже его въ старихъ привазахъ общественнаго призрѣнія. Если только откроется возможность, всякій старается два раза заложить и перезало-

жить свою землю, деньги истратить на заграничныя поѣздки, а потомъ махнуть рукой на заложенную, запутанную землю, съ улыбкой приговаривая: а пусть ихъ продаютъ съ аукціона!

Богъ знаетъ, до чего-бы могла достигнуть оцѣнка земли при дальнѣйшемъ развитіи свободной конкуренціи, быть можетъ, вдвое выше настоящей цѣнности, еслибы такое похвальное рвеніе мѣстныхъ акціонерныхъ банковъ, поддерживаемое стремленіемъ большинства землевладѣльцевъ добывать сколь можно богѣе денегъ, не обуздывалось единственно только затруднительнымъ сбытомъ закладныхъ листовъ вновь возникшихъ банковъ, наводнившихъ всѣ рынки.

Но вотъ здѣсь-то, на помощь жаждущимъ займовъ, въ что-бы то ни стало, землевладѣльцамъ, и появляется новый, заманчивый проектъ «Центральнаго банка русскаго поземельнаго кредита», возбудившій такіе ожесточенные споры и раздоры въ нашей несчастной журналистикѣ, которой, кажется, вѣчно суждено олицетворять собою извѣстную народную поговорку: «сердцѣ, да не силѣнь...».

Проектируемый банкъ намѣренъ скупать закладные листы частныхъ банковъ, выдаваемыхъ на кредитные билеты, и подѣ ихъ обезпеченіе выпускать свои собственныя облигаціи, съ уплатой по нимъ процентовъ звонкою монетой. Дивидендъ акціонеровъ и разница въ курсѣ кредитнаго и металлическаго рублей имѣютъ быть покрыты разницей между покупною цѣной закладныхъ листовъ и продажною цѣной облигацій центрального банка; степень же колебанія вексельнаго курса въ продолженіи всего времени теченія процентовъ по закладнымъ листамъ, выдаваемымъ на 40 и 50 лѣтъ, предвидѣть невозможно. Между тѣмъ, банкъ долженъ будетъ ограждать себя на случай наибольшаго пониженія курса, потому, дѣйствуя осмотрительно, онъ вынужденъ будетъ увеличивать запасный свой капиталъ до громадныхъ размѣровъ и едва-ли въ состояніи будетъ платить за закладные листы даже ту цѣну, за которую они по нынѣ продавались, какъ-бы выгодно онъ ни сбывалъ свои облигаціи за границей.

«Но отъ акціонернаго предпріятія,—совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ членовъ комисіи,—стремящагося, естественно, къ раздачѣ наибольшаго дивиденда, нельзя требовать накопленія огромнаго запаснаго капитала на случай могущихъ быть когда нибудь убытковъ. Выгоды его участниковъ требуютъ возможно скорого расширенія дѣла, и потому нельзя не предвидѣть, что центральный банкъ, обезпечивъ сбытъ своихъ облигацій за границей, привлечетъ къ себѣ сколь можно болѣе количество закладныхъ листовъ и этимъ вызоветъ громадный выпускъ ихъ мѣстными банками. Будетъ-ли центральный банкъ при этомъ имѣть возможность взвѣшивать степень обезпеченія, представляемую этими листами, покажетъ опытъ; но нельзя не опасаться, чтобъ банкъ не пожертвовалъ иногда

прочностью дѣла стремленію къ скорому обогащенію своихъ акціонеровъ или возвышенію цѣны акцій для скорѣйшаго ихъ сбыта».

Вообще коммисія прямо и положительно высказалась противъ учрежденія центральнаго банка, руководствуясь слѣдующими соображеніями:

1) что общество центральнаго поземельнаго банка, въ которомъ участвуютъ главнѣйшіе банкирскіе дома Россіи, сдѣлается единственнымъ покупателемъ закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ мѣстными банками, и потому поставитъ ихъ въ безусловную отъ себя зависимость;

2) что, черезъ замѣнъ закладныхъ листовъ частныхъ банковъ своими собственными, центральный банкъ устранимъ мѣстные банки отъ всякихъ прямыхъ сношеній съ капиталистами и этимъ уничтожитъ ихъ самостоятельность;

3) что, сдѣлавшись единственнымъ покупщикомъ закладныхъ листовъ мѣстныхъ банковъ, а потому и единственнымъ цѣнителемъ ихъ образа дѣйствія и ихъ благонадежности, центральный банкъ не въ силахъ будетъ наблюдать за ними столь же зорко, какъ бы дѣлали это частные покупатели закладныхъ листовъ мѣстныхъ банковъ;

4) что, открывая легкій сбытъ закладнымъ листамъ мѣстныхъ банковъ, центральный банкъ вызоветъ чрезмѣрное усиленіе ссудъ подъ земли и разовьетъ въ землевладѣльцахъ русскихъ и безъ того уже великую склонность къ неразсчетливому задолжанію;

5) что, помѣщая за границей закладные свои листы, центральный банкъ чрезмѣрно увеличитъ безъ того уже тягостную для Россіи зависимость отъ иностранныхъ рынковъ и ежегодную высылку туда огромныхъ суммъ на уплату процентовъ;

6) что, въ случаѣ денежнаго кризиса, средства центральнаго банка могли бы оказаться недостаточными для возмѣщенія потери отъ вексельнаго курса при уплатѣ металлическими рублями процентовъ по закладнымъ листамъ, уплачиваемыхъ заемщиками кредитными билетами: ликвидація же центральнаго банка поставила бы въ крайне затруднительное положеніе мѣстные банки, привыкшіе рассчитывать на его помощь.

Въ публикѣ, заинтересованной участіемъ проекта центральнаго банка, ходили слухи, что проектъ не пройдетъ. Дѣйствительно, и въ государственномъ совѣтѣ проектъ отвергнутъ большинствомъ, но вслѣдъ затѣмъ въ газетѣ «Биржа» сообщается, что учредители центральнаго банка русскаго поземельнаго кредита, получивъ официальное извѣстіе о высочайшемъ утвержденіи устава банка, имѣли 10-го апрѣля первое свое собраніе, на которомъ избрали изъ среды себя комитетъ для сдѣланія надлежащихъ распоряженій къ открытію дѣйствій центральнаго банка. Такъ-какъ осуществленіе его представляетъ

са дѣломъ многосложнымъ, то открытіе его дѣйствию послѣдуетъ, какъ говорятъ, не ранѣе шести или семи недѣль.

Пользу или вредъ принесетъ нашему отечеству центральный банкъ—это окажется не въ отдаленномъ будущемъ; толковать же о разрѣшенномъ уже вопросѣ по меньшей мѣрѣ—безполезно. Въ одномъ только и теперь уже невозможно сомнѣваться: учредители и первые управляющіе новымъ банкомъ наживутъ милліоны на преміяхъ и ажіотажѣ, провинціальныя банки выисать оцѣнку земли до невозможности и станутъ безъ счета выпускать свои листы, потому что въ первое время ихъ потребуетъ великое множество. Несомнѣнно также и то, что землевладѣльцы наши вдоволь наконецъ натѣшатся неограниченнымъ кредитомъ, все, что возможно, заложатъ и перезаложатъ, а потомъ и станутъ хладнокровно, съ улыбкой, читать въ газетахъ безчисленныя объявленія объ аукціонахъ.

Во всякомъ случаѣ главная цѣль будетъ достигнута: кредитъ удвоится или утроится, торговля—въ особенности заграничными предметами роскоши—оживится, хотя, быть можетъ, и не надолго, но за то изумительно рѣзко, какъ больной, утратившій силы, отъ большого приѣма мускуса.

Единственно только возможностью быстрого обогащенія безъ труда и хлопотъ можно объяснить себѣ тѣ печальныя, невѣроятныя факты, какими переполнены у насъ въ послѣднее время всѣ газеты. Только и слышишь, что вотъ тамъ-то кассиръ N укралъ сорокъ тысячъ и скрылся за границу, а въ другомъ мѣстѣ даже самыя кредитныя учрежденія пропали безъ вѣсти—и съ деньгами и со служащими. Нѣтъ никакой надобности въ подробномъ перечисленіи всѣхъ этихъ возмутительныхъ фактовъ, потому что читатель самъ ихъ можетъ припомнить, но нѣкоторые изъ нихъ, болѣе крупныя, мы должны внести въ свою хронику, имѣя въ виду тѣхъ читателей, до которыхъ книжка журнала доходитъ черезъ годъ послѣ ея выхода. Вотъ, напримѣръ, извѣстія изъ разныхъ мѣстностей Россіи, появившіяся въ газетахъ въ теченіи какихъ-нибудь шести-семи дней.

— Съ 23-го марта по 27-е влѣчательно въ московскомъ окружномъ судѣ рассматривалось громадное дѣло о передѣлѣ и выпускѣ въ обращеніе уже оплаченныхъ билетовъ сохранной казны, съ присоединеніемъ къ нему дѣлъ: о мошенничествѣ мѣщанина Лопанова и крестьянина Погожева и о кражѣ изъ банкирской конторы Лури.

— Въ «Донскія Областныя Вѣдомости» пишутъ изъ одной станицы Черкаскаго округа, что тамъ, въ концѣ прошлаго года, украдено было нѣсколько тысячъ рублей общественныхъ денегъ. Для розысканія воровъ, въ числѣ другихъ мѣръ, гражданами станицы приняты были и слѣдующія: отправлено было изъ станицы нѣсколько человекъ къ извѣстной нахичеванской воровкѣ, которая, для того чтобы узнать, кѣмъ именно украдены деньги, потребовала, чтобы къ ней были доставлены платки ото

всѣхъ живущихъ въ станицѣ подозрительныхъ лицъ; а такъ какъ такихъ оказалось не мало, то въ Нахичеванъ привезены были изъ этой станицы цѣлыя вороха платковъ. Но сколько воровъ ни шептала надъ ними, станичники ничего не могли узнать отъ нея, кромѣ того, что деньги дѣйствительно украдены.

— Въ Калугѣ обнаружено похищеніе денегъ изъ губернскаго казначейства. Виновики преступленія, кассиръ казначейства В—ъ, скрылся и, несмотря на всѣ принятыя мѣры, до сихъ поръ не задержанъ. Предполагаютъ, что въ настоящее время онъ находится въ Петербургѣ («Виржевыя Вѣд.»).

Въ другомъ городѣ — слѣдствіе по такому-же дѣлу продолжается и неосторожный бухгалтеръ казначейства, который велъ, какъ говорятъ, систематическое расхищеніе денегъ (гербовой бумаги) на приобрѣтеніе собольихъ шубъ, бобровыхъ шапокъ, а главное—на содержаніе одной жены Марса, посаженъ теперь также на казенные хлѣбы.

— По извѣстіямъ, полученнымъ «Одесскимъ Вѣстникомъ», здѣсь ходитъ слухъ, будто въ суммахъ мѣстнаго окружнаго суда оказалась недостача около 15,000 р. сер. Слѣдствіе начато.

Въ Ташкентѣ, въ который мы вносимъ европейскую цивилизацію, не такъ-то давно *внезапно исчезло 20 ссудо-сберегательныхъ кассъ*. Исчезли всѣ безъ остатка, вмѣстѣ съ капиталами, правленіями и всѣми благими результатами кооперативности. Дѣло происходило такимъ образомъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ населеніе Кураминскаго уѣзда построило на свой счетъ шоссе отъ Ташкента до мѣстопребыванія уѣзднаго управленія, Той-тубе; въ награду за это, высшее начальство признало возможнымъ выдать населенію 20,000 р. Уѣздный начальникъ донесъ высшему начальству въ Ташкентѣ, что кураминцы просятъ образовать изъ этихъ денегъ ссудный фондъ для населенія, дабы оно не имѣло необходимости занимать деньги у ростовщиковъ, которымъ оно въ настоящее время платитъ отъ 60 до 80 и болѣе процентовъ въ годъ. На это высшее начальство изъявило полное свое согласіе и приказало тотчасъ составить проектъ устава. Приказаніе это было исполнено, уставъ составленъ и утвержденъ, и на отпущенныя 20,000 р. открыто въ Кураминскомъ уѣздѣ 20 ссудо-сберегательныхъ кассъ, въ каждой волости по кассѣ, съ капиталомъ по 1,000 руб. Проходитъ годъ, другой; кураминцы по прежнему продолжаютъ занимать деньги у ростовщиковъ за старыя проценты. Наконецъ доходить очередь до ревизіи этого расхода; обревизовали и оказалось, что всѣ эти кассы не существуютъ. Всѣ деньги, цѣлкомъ, достались первымъ предпринимателямъ и учредителямъ (См. газ. «Виржа»).

Изъ торговаго городка Моршанска (въ «Соврем. Изв.») пишутъ, что тамошнимъ купцамъ теперь отъ скуки ничего боль-

ше не остается дѣлать, какъ банкротиться, тѣмъ они и занимаются успѣшно и талантливо. На первыхъ порахъ нѣсколько несостоятельности отырилось формальнымъ порядкомъ, и должники изъ *неумныхъ* и неопытныхъ сидятъ вотъ уже цѣлые годы въ острогѣ.

Теперь дѣло ведется замысловатѣе, не формально, а келейно: расплачиваются копейками за рубли самымъ безобиднымъ для себя образомъ. Готовится еще нѣсколько несостоятельств; товары, лавки, дома и пр. уже многими купцами переведены на родныхъ, знакомыхъ и другихъ *сприятельныхъ* людей. Гражданство наше сочувственно относится къ этимъ банкрутскимъ продѣлкамъ и купечество московское отдувается теперь за прежде взятые барыши. Словомъ, дѣла въ Моршанскѣ скверны. Объ этомъ предметѣ усердно перетолковываютъ на всѣхъ перекресткахъ и надошли смертельно.

Воруютъ рѣшительно вездѣ, изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ только лежатъ какія-нибудь деньги: воруютъ и изъ окружныхъ судовъ, изъ земскихъ и городскихъ управъ, изъ казначействъ и банковъ сами-же служащіе въ нихъ, такъ-какъ служащимъ лучше знать, гдѣ что плохо лежитъ. Этого мало, что воруютъ: еще обижаются, если кому нибудь вздумается провѣрить наличность ввѣренной ихъ храненію кассы, а иной разъ просто силою не допускаютъ ревизоровъ до кассы, считая такія ревизіи насильственнымъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла. На дняхъ въ газетахъ было заявлено «о преданіи суду директора Вишневолоцкаго общественнаго банка, г. Ермакова, за *упорство въ недопущеніи къ освидѣтельствуванію наличности кладовой банка*»; но такія «недопущенія къ освидѣтельствуванію» не представляють собою вовсе ничего необыкновеннаго: они у насъ такъ часто повторяются, что и публика ихъ не замѣчаетъ, и подѣ судъ за нихъ не отдають.

Во второй половинѣ марта, въ Петербургѣ и Москвѣ, было два такихъ случая «упорства въ недопущеніи къ освидѣтельствуванію наличности». Случай очень крупныя и замѣтныя, въ которыхъ, впрочемъ, упорствующіе не пострадали: одинъ случай—въ собраніи акціонеровъ общества «Кавказъ и Меркурій», 18-го марта, и другой, 30-го марта, въ Москвѣ, — въ общемъ собраніи злополучнаго общества «Сотрудникъ», положеніе котораго было постоянно хуже и безвыходнѣе положенія постояннаго сотрудника газеты «Новое Время».

Для вѣрной характеристики нашей общественной дѣятельности, необходимо обратить вниманіе читателей на эти случаи. Естати: по дѣламъ общества «Кавказъ и Меркурій» я заручился такими свѣдѣніями, которыя не были еще опубликованы.

Чтобы предостаить читателю всѣ способы къ уясненію сущности такъ-называемаго «*меркурьевскаго* (или меркуріальнаго) *скандала*» 18-го марта, о которомъ онъ имѣеть поверхностныя

свѣдѣнія изъ газетъ, необходимо изложить скандальныя событія, предшествовавшія 18-му марта.

10-го января 54 акціонера сдѣлали правленію запросъ: почему они, поставленные правительственными льготами и преимуществами въ совершенно исключительное положеніе въ сравненіи съ другими пароходными компаніями, терпятъ только одни убытки, тогда какъ акціи ихъ должны-бы давать большой дивидендъ?

Черезъ мѣсяцъ, въ общемъ собраніи, предсѣдатель правленія, г. Жандръ, далъ отвѣтъ на заданные вопросы, но такой отвѣтъ, которымъ едва-ли бы удовлетворился даже самый снисходительный экзаменаторъ. На счетъ всѣмъ извѣстныхъ льготъ и преимуществъ, какъ-то субсидій и т. п., предсѣдатель прямо и положительно заявилъ, что общество «Кавказъ и Меркурій» никакими льготами не пользуется, а если подъ льготами акціонеры разумѣютъ помилую плату, получаемую обществомъ отъ правительства, то они сильно ошибаются, воображая, что эта субсидія даетъ какое-бы то ни было преимущество имъ предъ другими обществами; напротивъ, субсидія (тысячъ по 350-ти въ годъ) приноситъ однѣ только хлопоты.

Акціонеры не повѣрили голословному заявленію предсѣдателя и назначили ревизионную комиссію, но комиссія эта, кромѣ отъѣвной деликатности къ предсѣдателю, ничего другого не выказала. Чуть являлся на сцену какой-нибудь сомнительный вопросъ—большинство депутатовъ сейчасъ-же заминало его и спѣшило выразить свое безграничное довѣріе къ правленію, подписывая всѣ журналы и бумаги *по внутреннему ублаженію* въ вѣрности тѣхъ цифръ, которыя подсовывало имъ правленіе.

Наконецъ самъ г. Жандръ сознался, что никакого страховаго и запаснаго капитала не существуетъ, а есть въ долгу за правительствомъ до 400,000 руб. заработанныхъ денегъ и что въ этой суммѣ закладывается все, т.-е. и страховою капиталъ, и строительный, и запасный, и оборотный, и общественный для раздачи акціонерамъ дивиденда. Если-же по отчету эта сумма и значится подъ наименованіемъ страховаго капитала, такъ это *просто для формы* и для успокоенія старѣйшихъ акціонеровъ. Однимъ изъ акціонеровъ (не депутатомъ), былъ преподнесенъ ревизорамъ довольно рѣзко бросающійся въ глаза расходъ на пошлины по нижегородскому агентству въ октябрѣ мѣсяцѣ. Это агентство показываетъ, что уплатило $\frac{1}{4}\%$ сбора на улучшение путей сообщенія 15,326 руб. 96 к. и въ пользу города Нижняго-Новгорода 6,255 руб. 99 к.—всего 21,583 руб. Найдя такой расходъ чрезвычайно великимъ для октября мѣсяца, когда заканчивается навигація и большаго движенія грузовъ быть не могло изъ Нижняго, акціонеръ этотъ навелъ справки въ департаментъ шоссеиныхъ и водныхъ сообщеній министерства путей сообщенія: сколько получено начальникомъ дистанціи въ Нижнемъ пошлинныхъ денегъ отъ общества «Кавказъ и Мер-

курій»? И что-же оказалось? Въ октябрѣ мѣсяцѣ получено въ Нижнемъ отъ общества «Кавказъ и Меркурій» $\frac{1}{4}$ °/о сбора на улучшеніе путей сообщенія 270 р. 39 к. и въ доходъ Нижне-го-Новгорода 504 р. 20 к.—всего 774 р. 59 к.—только! Нѣкоторые изъ депутатовъ замѣтили, что это дѣло пахнетъ прокурорскимъ надзоромъ, а большинство снова замаяло такое заявленіе, и согласилось съ г. Жандромъ, что такъ-какъ пошлинныя деньги не составляютъ дохода общества, а доходъ государства, то правленіе и не обязано слѣдить за вѣрностью и полнотой взносовъ этихъ денегъ въ надлежащія учрежденія, а что эти учрежденія сами обязаны заботиться, чтобы деньги поступали къ нимъ.

Ошибка, какъ видите, не ничтожная: вмѣсто показанныхъ въ расходѣ 21,583 рублей внесено всего 774 рубля; гдѣ-же остальные-то 20 с лишкомъ тысячъ и кто ихъ получилъ? Вопросъ очень интересный, но деликатные депутаты и его оставили безъ вниманія. Внутреннее убѣжденіе — то самое, которымъ руководствуются, помимо законовъ, и наши мировые судьи, подсказало имъ, что члены правленія сплутовать не могли, ибо люди они благородные, а куда пропали 20 тысячъ—это вопросъ совсѣмъ сторонній, не важный. Не ссорой-же на самомъ дѣлѣ, не уголовщиной-же заканчивать ревизію?

Такия-то обстоятельства предшествовали общему засѣданію 18-го марта. Представленный въ этотъ роковой для правленія день акціонерамъ отчетъ за 1872 годъ показывалъ, что правленіе отчислило имъ въ дивидендъ по 12 р. 50 к. на акцію, или всего 5°/о, тогда какъ само получило отъ правительства помятой платы болѣе 8°/о. Видя, однако, что особеннаго довольства такимъ дивидендомъ не вызовешь отъ акціонеровъ, правленіе, въ утѣшеніе имъ, объявило: а вотъ на будущій годъ, съ помощью *Божею*, мы надѣемся получить хорошій дивидендъ! По представленнымъ нами, говорилъ г. Жандръ, и рассмотрѣннымъ депутатами бюджетами, ожидается чистой прибылью, за всѣми расходами и погашеніями, на Волгѣ до 100,000 руб. и на Каспійскомъ морѣ до 500,000 руб., а всего около 600,000 руб.

Многіе изъ акціонеровъ думаютъ, что эта особенная *Божья помощь* въ 1873 году ожидается отъ путешествія персидскаго шаха и хивинскаго похода. Эти два событія дѣйствительно могутъ временно поправить дѣла акціонеровъ, но на частныя путешествія шаха и походы рассчитывать невозможно, а вообще дѣла общества ведутся до крайности плохо.

Какъ ни убѣдительно говорилъ г. Жандръ, указывая акціонерамъ на особенную помощь *Божею*, но они отчета, однако-же, не утвердили. Имъ нельзя было согласиться съ распредѣленіемъ чистой выгоды въ томъ видѣ, какъ представило правленіе. Развѣ можно было отчислить 37,959 р. въ страховую капиталь, когда вообще никакого страхового капитала уже не су-

ществуеть, когда всѣ деньги пущены правленіемъ въ оборотъ и изъ этого оборота навлекается всего 5% на весь складочный капиталъ? Деньги эти, присоединенныя къ дивиденду, дали-бы, вмѣсто 12 р. 50 к.—14 руб. 50 к. на акцію, а если-бы къ нимъ присоединить еще тѣ 20 тысячъ, которыхъ безъ особенной помощи Божьей невозможно ни гдѣ отыскать, то акція дали-бы по 15 руб. 60 коп. дивиденда, слѣдовательно, повысились-бы въ цѣнѣ.

Какъ-бы тамъ ни было, но 18-го марта совершилось дѣло, невиданное еще у насъ и неслыханное: *отчета не утвердили*. Этотъ неслыханно-смѣлый поступокъ акціонеровъ, какъ молніей поразилъ благодушное правленіе, привывшее, въ теченіи 11-ти лѣтъ, къ безпрекословному повиновенію акціонеровъ. Послѣ утвержденія отчета, г. Лавровъ предложилъ перейти къ очередному занятію—къ выбору новаго директора на мѣсто выбывающаго по уставу г. Европеуса. Предложеніе это встрѣтило весьма резонный протестъ, что если не утвержденъ отчетъ, то и выборъ новаго директора долженъ быть приостановленъ, пока утвержденіе акціонерами отчета не освободитъ его отъ отвѣтственности. Несмотря ни на какіе резоны и протесты, г. Лавровъ *пригласилъ партію правленія къ балотировкѣ новаго директора, въ каковыя и попалъ тотъ самый депутатъ, и. Смирновъ, который воспитъ неподобное, прекрасное и безпримѣрное на свѣтѣ дѣлопроизводство правленія общества «Кавказъ и Меркурій»*. Протестовавшіе акціонеры не принимали участія въ балотировкѣ; возмущенные этимъ беззаконіемъ, они составили тутъ же протоколъ, предъявль его г. Лаврову, и разошлись по домамъ. Г. Лавровъ опять предоставилъ имъ право обжаловать его дѣйствія. «Терпѣнія не хватило у насъ оставаться долѣе на этомъ собраніи...» заключаетъ свою корреспонденцію (газ. Голось) меркурьевскій акціонеръ, которому не мѣшало-бы запастись нѣскольکو ббльшимъ терпѣніемъ: какъ ни плохо идутъ дѣла меркурьевцевъ, но бываетъ и хуже.

Какъ на отличный образецъ такихъ акціонерныхъ обществъ, *хуже которыхъ быть не можетъ*, слѣдуетъ указать на московское общество «Сотрудникъ», отчетъ о послѣднемъ засѣданіи котораго (30-го Марта) напечатанъ въ «Соврем. Извѣстіяхъ», вѣроятно акціонеромъ этого общества, г. Пелешевскимъ.

Съѣхалось на общее собраніе 44 акціонера. Отчета никакого, какъ водится, представлено не было, и съѣхавшимся акціонерамъ бросилось въ глаза:

1) Что предъявленные счета однихъ только прибылей и убытковъ и глухая вѣдомость о ссудахъ подъ товары далеко не представляютъ требуемаго отчета о дѣйствіяхъ правленія, и что эти данныя не даютъ ровно никакого понятія о состояніи дѣлъ Общества.

2) Что рѣшительно не видно акціонерамъ, въ чемъ состоятъ нынѣ наличные фонды Общества.

3) Что не видится никакихъ данныхъ, гарантирующихъ стоимость товаровъ относительно выданныхъ подъ нихъ ссудъ отъ Общества.

4) Что не видно и количества долговъ Общества и его обязательствъ.

5) Что крайне сомнительна выдача ссудъ на 366,400 р. с. въ однѣ руки,—ссуда въ 1½ раза превышающая весь капиталъ Общества,—тѣмъ болѣе, что ссуда эта выдана одному изъ членовъ ревизионной комисіи.

6) Что приглашеніе члену ревизионной комисіи Сабурову, для ревизіи складовъ, послѣдовало всего за 3 дня до общаго собранія; что ревизія поэтому весьма сомнительна, тѣмъ болѣе что, по словамъ артельщика у склада Вильямсъ и Корчагина, пріѣзжали только члены правленія и два члена ревизионной комисіи Лури и Давидовъ, которые въ полчаса времени успѣли все обревизовать.

7) Что въ виду вопроса о ликвидациіи слѣдовало-бы ознакомить акціонеровъ съ дѣлами Общества за послѣдніе три мѣсяца.

Акціонеръ Безобразовъ просилъ разъясненія: могутъ-ли быть избираемы въ предсѣдатели и счетчики голосовъ настоящаго общаго собранія (которому по уставу предоставлено право повѣрить отчетъ и подписать за всѣхъ акціонеровъ) тѣ лица, которыя, въ теченіе истекшаго года, были въ составѣ правленія, т. е. сами были дѣйствующими лицами и въ своихъ дѣйствіяхъ подлежатъ повѣркѣ? 13 акціонеровъ изъ числа присутствующихъ сочувственно отозвались на этотъ вопросъ, разсуждая основательно, что, по здравому смыслу, не могутъ-же люди, завѣдывавшіе общественными капиталами и дѣлами, сами себя контролировать. Но противъ этого посыпались возраженія. Единодушное большинство, 31 акціонеръ, выражало готовность безусловно вѣрить въ непогрѣшимость всѣхъ дѣйствій правленія и въ справедливость его словъ, безъ отчета и безъ официальныхъ выводовъ. Тогда партія 13 акціонеровъ послала немедленно телеграмму министру финансовъ, прося его разъяснить возникшій споръ.

Тринадцать акціонеровъ въ ожиданіи отвѣта на депешу отъ министра финансовъ, отказались баллотировать утвержденіе отчета, т. е. утвержденіе того, чего предъявлено общему собранію не было. Остальные акціонеры единодушно утвердили отчетъ, какъ и слѣдовало отъ нихъ ожидать.

Далѣе, былъ предложенъ вопросъ о ликвидациіи, по своевременному заявленію объ этомъ, подписанному 5 акціонерами, въ числѣ которыхъ и г. Шнейдеръ, получившій ссуду отъ Общества въ 250 тысячъ.

Не вида отчета, не зная, основательны-ли оцѣнки товаровъ, подъ которые правленіе выдало, по вѣдомости, ссуду въ 653,678 р., с., не зная долговъ и обязательствъ Общества, не

и мѣя нивакъ положительныхъ данныхъ, 13 акціонеровъ до-казывали, что по однимъ только предъявленнымъ счетамъ при-былей и убытковъ акціонеры не могутъ судить о крайности положенія Общества, вызывающей мысль о ликвидациі, а тѣмъ болѣе подписывать приговоръ существованію *Сотрудника*.

Другая единодушная партія пробаллотировала этотъ вопросъ и опять совершенно единодушно рѣшила: *ликвидировать*.

«Стремленіе тринадцати акціонеровъ возстановить умирающій «Сотрудникъ»—заключаетъ свою статью г. Пелешевскій—не увѣнчалось успѣхомъ. Не даромъ говорятъ, что число 13—не-счастное число.

Приговоръ *не жить Сотруднику* уже подписанъ законнымъ большинствомъ, и *Сотрудникъ уже скончался*, поживъ недолго, но шибко поживъ. Умеръ *Сотрудникъ* наканунѣ Лазаревой суб-боты.

Странное сочетаніе цифръ и дней!

Что скажутъ вѣрующіе, если вдругъ министръ финансовъ, виявъ законному протесту меньшинства, сотворитъ воскресеніе Лазаря, въ образѣ *Сотрудника*?

Бывали же чудеса на свѣтѣ...»

Разсчеты г. Пелешевского на повтореніе въ наши прозаиче-скія времена Лазарева воскресенія мнѣ кажутся слишкомъ смѣлыми и неумѣренными, потому что отъ вздохшаго «Сотру-дника» очень ужъ «смердитъ»; да едва-ли кто даже желаетъ его воскресенія. Единственно, чего только можно пожелать въ данномъ случаѣ,—это уголовного суда, да денежнаго взыска-нія съ виновныхъ, но только какъ и что съ нихъ взыщешь? Одинъ изъ членовъ ревизіонной комисіи успѣлъ захватить 370 ты-сячъ, другой 250: развѣ тяжело отсидѣться за такіи сумми даже въ казематѣ, или, по московски, въ ямѣ?

Если-бы мы вздумали перечислить всевозможные виды и спо-собы пользованія быстро-развившимся у насъ кредитомъ, то пришлось-бы написать цѣлую книгу, листовъ въ десять-пят-надцать. Привелось-бы говорить о разныхъ, прочно и пра-вильно организованныхъ обществахъ (то-же акціонерныхъ) «го-нобрадовъ», «скотоконобрадовъ», о южно-русскомъ «воровскомъ обществѣ», о московскомъ «глубѣ червонныхъ валетовъ» и проч. и проч.; но мы пока остановимся на однихъ только самыхъ крупныхъ явленіяхъ, предоставляя себѣ право перейти впослед-ствіи и къ мелкимъ, не исключая даже и акціонернаго обще-ства петербургскихъ шуллеровъ и мазуриковъ.

Спекуляція по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ съ земскими и правительственными гарантіями хотя и слыветъ нынче у мно-гихъ подъ названіемъ *лизанья меда съ бритвы*, но можно пред-положить, что слой меда, прирывающій бритву, еще очень толстъ, да и самая бритва—не възъ острыхъ, слѣдовательно не особенно опасныхъ. Двѣ-три губерніи втнатуны уже этими га-рантіями въ неоплатные долги, безъ всякой надежды когда ни-

будь расплатиться, такъ что, если не осуществится проектъ объ упраздненіи депоговыхъ отдѣленій, то мы, вполнѣдствіи, увидимъ цѣлны губерніи подъ арестомъ. Бѣдное земство Саратовской губерніи за свою опасную, на-скоро построенную желѣзную дорогу, принуждено платить по 365,000 рублей въ годъ—и сомнѣваются, что-бы въ теченіи 85-ти лѣтъ выдался хоть одинъ такой счастливый годъ, въ который бы не пришлось платить этимъ бѣднякамъ-земцамъ, которые, собственно, никогда и ничего ни у кого не занимали. Главная выгода желѣзнодорожныхъ строителей заключается въ томъ, что они за постройку каждой версты выговариваютъ себѣ тысячъ по 80, по 90, а съ рабочими и даже подрядчиками расплачиваются грошами, употребляя въ дѣло негодный, дешевый матеріалъ, который, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, сойдетъ за хорошій и дорогой. Какъ у насъ обращаются съ рабочими землекопами—объ этомъ такъ уже много было писано, что и распространяться не за тѣмъ. Недавно на Кіевско-брестской желѣзной дорогѣ артель рабочихъ въ 160 человекъ вдругъ очутилась безъ хлѣба и безъ платья, потому что платье было распродано на покупку хлѣба, а подрядчикъ ихъ, не заплативши денегъ, куда-то скрылся. Подрядчикъ былъ, наконецъ, гдѣ-то отысканъ и *обязанъ подымской* расплатиться съ голоднымиъ людоемъ, но голодные отъ этого смѣтны не сдѣлались, да и самъ подрядчикъ застрѣлился. Причина самоубійства: невозможность уплаты денегъ и крайнее раззореніе отъ взятаго подряда. (См. «Русскій Миръ»). Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ такомъ видѣ описывается положеніе желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Екатеринославской губерніи: расчеты съ рабочими землекопами производила контора; расчеты эти доводили рабочихъ до побѣговъ. Контора, не смотря на общее болѣзненное состояніе рабочихъ, требовала ихъ по этапу и принуждала къ работамъ, не расквартировывала ихъ на зимнее время, не зачисляла ихъ поденными рабочими, не снабжала ни обувью, ни теплымъ платьемъ.

Главные безпорядки въ положеніи рабочихъ происходили лѣтомъ, когда свирѣпствовали тифъ, холера, лихорадки, убѣгали съ работъ цѣлны партій, рабочіе выли денно и ночью возлѣ конторы, не получая расчета, больные бродили по городу и просили милостыню, и въ самыхъ лазаретахъ происходилъ какой-то моръ. Въ Подстенномъ лазаретѣ, при 56 больныхъ, не было ни матрацовъ, ни подушекъ, ни кроватей, ни халатовъ, ни бѣлья; подъ многими больными не было даже подстилки изъ соломы; въ аптекѣ же, говорятъ, было: двѣ пустыя бутылки отъ лафита, семнадцать разныхъ стклянокъ, двѣ воронки, маленькій вулечекъ съ невзвѣстными медикаментами, чашка съ настѣнкомъ и оберточная бумага для фильтровки. Не было ни капли ни дистиллированной, ни простой рѣчной воды, а была колодезная—на столько известковая и мутная, что фальдшеръ не могъ растворить въ ней лангса. Другой лазаретъ, вѣ-

личною въ 50 куб. сажень, построенный среди голой, открытой степи, отоплялся четырьмя полторапудовыми чугунными печами; тонкая досчатая дверь, ничѣмъ не обитая, очень плохо предохраняла отъ мороза и вѣтра, да и отъ печей-то было больше угара, чѣмъ тепла. Для больныхъ же не было ни соломы, ни теплаго платья. Въ Кучечумовскомъ лазаретѣ изъ 700 халатовъ для больныхъ едва могли набрать 25, но и тѣ были въ такомъ видѣ, что фельдшера не рѣшались предложить ихъ рабочимъ: слѣды пролежней, рвоты, и миллиарды насѣкомыхъ превращали халатъ не въ удобство больного, а въ пытку и заразу.

Не довольствуясь такими неслыханными бѣдствіями безответныхъ рабочихъ людей, подрядчики ихъ-же обвинили въ воровствѣ, подали на убѣжавшихъ отъ голодной смерти 800 жалобъ, и бѣдняковъ, еле дотащившихся христовымъ подаваніемъ на рудину, *приводятъ изъ-за 1,000 и болѣе верстъ въ кандалахъ, точно разбойниковъ, въ Александровскъ.* Между этими несчастными нѣкоторые прогулялись совершенно напрасно, благодаря тому, что мѣстныя власти перепутали фамилии. Мировой судья, разобравъ дѣло, нашелъ обвиненіе рабочихъ подрядчиками недобросовѣстнымъ; жалобы же рабочихъ на неправильный расчетъ и постоянное обсчитываніе ихъ со стороны тѣхъ же подрядчиковъ призналъ вполне справедливыми. При разборѣ дѣла большая часть рабочихъ заявили, что даже и въ глаза не видали нанимателей-подрядчиковъ, что, напоивъ водкой, старшины объявили имъ, что недоимки за нихъ уплачены подрядчикомъ, и они отправятся въ Александровскъ. Рабочія книжки или вовсе не были подписаны, или, за неграмотность, подписаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, котораго рабочіе никогда не видали и не знаютъ; цѣны оказались ниже договорныхъ, а получая денегъ въ книжкахъ записывалась подрядчиками часто по два раза.

Изъ Курска въ газету «Голосъ» пишутъ, что двухъ ежедневныхъ поѣздовъ желѣзной дороги (по 14 — 15 вагоновъ) тамъ далеко не хватаетъ для громаднаго числа рабочихъ, которые ѣдутъ на югъ, и теперь черезъ день еще отъ Москвы отправляется дополнительный пассажирскій поѣздъ; но и этого, впрочемъ, мало. Изъ Орла до Курска еще ежедневно ходитъ второй дополнительный поѣздъ, исключительно съ рабочими. Такимъ образомъ, ихъ прибываетъ въ Курскъ отъ 1,700 до 2,300 человѣкъ, и вся эта масса, прибывая въ Курскъ, направляется на югъ — на Ловово-Севастопольскую желѣзную дорогу, другіе ѣдутъ на Кавказскую, а про этотъ «губительный» Кавказъ поговариваютъ, что онъ «останется въ памяти у рабочихъ, особенно у землекоповъ, *которые устали копать и степи копать своимъ товарищамъ.* Да и вообще не чѣмъ хорошимъ-то помянуть эту сторонушку: дорога тянется степями, деревни далеко, одни шинки еврейскіе, гдѣ нужно платить за все въ тридорога; въ

городахъ тоже ничего нѣтъ дешеваго. Мука ржаная 65 к. пудъ, крупчатка 2 р. 80 к. Пшеница мѣстная 1 р. 50 к. пудъ. Мясо: говядина отъ 8 до 12 к. ф. и т. д. Цѣны, какъ видите, почти Петербургскія, а варманъ у рабочихъ не петербургскій, гдѣ иной разъ посѣтители разныхъ Борелей, да Дюссо даже обижатся, если съ нихъ возьмутъ меньше рубля за порцію простой, самой русской телатины. Въ Смоленскую губернію, въ началѣ прошлаго года, сотни рабочихъ съ желѣзныхъ дорогъ возвратились домой безъ денегъ и даже безъ одежды, въ которой отправлялись на заработки; многимъ изъ рабочихъ первый разъ въ жизни пришлось надѣть суму, и, соединясь съ оставленнымъ семействомъ, просить милостыню. Спросишь иного, что его довело до такого положенія, — вездѣ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: «хозяинъ расчетомъ обидѣлъ», т.-е. подрядчикъ отнялъ послѣднія крохи его семейства, тѣ крохи, которыя достались ему тяжелымъ, кровавымъ трудомъ.

По недобросовѣстности расчетовъ подрядчиковъ съ рабочими, изъ числа желѣзныхъ дорогъ выдается Знаменко-николаевская линія. Производитель работъ на этой дорогѣ, доселѣ мало извѣстный г. К., при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для работъ, успѣлъ разорить своихъ подрядчиковъ, и пустить по міру нѣсколько сотенъ трудящагося народа. Бѣдняки, распродавъ свою послѣднюю одежду и собирая дорогою милостыню, возвратились домой раздѣлить нищету съ своими семействами. Нѣкоторые изъ подрядчиковъ обращались къ директору дороги съ жалобой на неуплату денегъ производителемъ работъ, но тотъ не удостоилъ даже принять и выслушать ихъ жалобы. Откуда же тутъ ждать защиты, когда сама дирекція желѣзной дороги повела дѣло такъ, что безнаказанно можно было дѣлать матеріальный вредъ довѣрчивымъ простолюдиамъ? Приходилось спрашивать нѣкоторыхъ подрядчиковъ: отъ чего же они не вошли съ жалобой на дѣйствія своего патрона въ общія судебныя мѣста? — «Да что, говорятъ, развѣ мы сюда судиться пріѣхали? да притомъ же покуда судъ, да дѣло, а намъ рабочихъ нечѣмъ кормить и рассчитывать, потому что К. до тѣхъ поръ намъ не дастъ ни гроша денегъ, покуда не подпишемся на условіи, что на расчетъ претензіи не имѣемъ и имѣть не будемъ. Это значитъ, что производитель работъ гарантируетъ себя, чтобъ на будущее время кто-нибудь не осмѣлился побеспокоить его провѣркою счетовъ; мысль превосходная, но не всегда полезная. Скоро-ли, долго-ли, а дѣло когда-нибудь дойдетъ до суда.

Извѣстный уже читателю смоленскій желѣзно-дорожный «вифлеемскій вопросъ», надѣлавшій въ свое время столько шуму, совершенно почему-то заглохъ. Въ іюлѣ прошлаго года возбужденъ было опять на экстренномъ земскомъ собраніи въ Смоленскѣ темный, заглохшій вопросъ о земляныхъ желѣзно-дорожныхъ отахъ, но попытка эта не удалась, хотя уже земскими были не тѣ, что прежде. Дорогобужскій гласный,

г. Пенскій, ясно и категорически потребовалъ отчета объ употребленіи денегъ на земляныя работы, о ходѣ работъ, о числѣ взрытыхъ и насыпанныхъ земствомъ кубовъ земли и объ условіяхъ, на которыхъ переданы произведенныя земствомъ работы компаніи строителей, но на прямой его запросъ отвѣта все-таки не послѣдовало.

— Я не понимаю, въ чемъ и отъ кого мы будемъ требовать отчета—уклончиво отвѣчаетъ одинъ изъ гласныхъ. Земство можетъ требовать отчета только въ суммахъ, которыя принадлежатъ ему, или довлѣренны его распоряженію и контролю.

Предсѣдатель пояснилъ, что деньги на земляныя работы не были отпущены земству, что управа распоряжалась ими въ качествѣ *коммисіонера* (чьего, по чьей довлѣренности?) и что по передачѣ работъ строителямъ отчеты представлены уже въ подлежащія министерства, а земству до нихъ дѣла нѣтъ.

Всѣ гласные, или, по крайней мѣрѣ, большинство, очень хорошо знали, что деньги даны и довлѣрены земству. Сколько-же ихъ получено и затрачено? Сколько ихъ выручено при передачѣ работъ? Насколько эта форсированная затрата удовлетворила своей цѣли? Въ убытокъ, или барышъ себѣ передало земство свои работы строителямъ?

Такая непроходимая темнота поразила нѣкоторыхъ гласныхъ, разумѣется изъ слабонервныхъ. «До такой степени мы окружены мракомъ и погружены въ невѣдѣніе — торжественно произнесъ одинъ изъ гласныхъ—что не знаете даже, кому были поручены деньги на земляныя работы и насколько отвѣтственно земство въ правильномъ ихъ употребленіи!» Это напоминаетъ гласному декабрьское собраніе, на которомъ былъ предложенъ нѣсколько странный вопросъ: «лучше или хуже стало положеніе Смоленской губерніи теперь, когда въ ней есть двѣ чугунки, чѣмъ было въ 1868 году, когда въ губерніи сохранялись еще хлѣбные запасы и не было еще непронзводительнаго миллионнаго долга?» Собраніе (изъ 36 членовъ) раздѣлилось на двѣ равныя половины: одна произнесла «лучше», другая—«хуже». Оставалось только узнать, къ которой изъ сторонъ присоединится голосъ предсѣдателя, но предсѣдатель сказалъ среднее между двумя половинами: «не знаю!». Такая оригинальная баллотировка экономического вопроса хотя и напоминала собой другую баллотировку—*уарно-ли, или не уарно въ замѣ собраніи?*—но воспоминаніе объ ней побудило смоленскаго гласнаго произнести слѣдующую фразу: «надо-же, господа, когда-нибудь разсвѣять мракъ, со всѣхъ сторонъ насъ окружающій! Лучше поздно, чѣмъ никогда! Надо же узнать положительно, кому были поручены деньги, и, если земству, то потребовать, наконецъ, отчета!»

Кое-какъ убѣдились, что деньги были поручены земству, но что-жъ изъ этого?—«Зачѣмъ мы станемъ требовать отъ кого-то отчета—произнесъ одинъ изъ гласныхъ, г. Степановъ,—когда

всѣ эти земляныя работы—дѣла давно минувшихъ дней—преданья старины глубокой, и не представляютъ для насъ уже никакого интереса?»

Безъ всякаго сомнѣнія, новыя земляныя работы представили бы для многихъ несравненно больше интереса, чѣмъ старыя; но, послѣ рѣзкаго заявленія князя Друцкаго, что *«безответность въ земскихъ дѣлахъ противна есть правиламъ чести и здраваго смысла»*—многіе сочли уже неудобнымъ сопротивляться желанію большинства. Выбрали комиссію, но изъ комиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, толку никакого не вышло. «Дѣла давно минувшихъ дней» такъ и остались «преданьемъ старины глубокой», хотя со времени устройства земляныхъ насыпей не прошло еще и пяти лѣтъ.

Впрочемъ, желѣзно-дорожныя насыпи не въ одной только Смоленской губерніи возбуждаютъ споры и недоразумѣнія. Строители, изъ экономіи, дѣлаютъ обыкновенно насыпи изъ замершей грязи и онѣ въ морозное время кажутся прочными и твердыми, какъ замерзшій кисель; но, какъ скоро покажется весеннее солнышко—замерзшій кисель является въ настоящемъ своемъ видѣ. При постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ гарантіями, вообще давно уже замѣчено, что *«обычай сдавать дорогу въ руки эксплуатаціи въ зимнее время, когда все полотно линіи оковано морозомъ и занесено снѣгомъ»*. Уже не разъ бывали случаи, что только оконченная линія, при приѣмѣ зимою, признавалась вполне удовлетворительною и по ней открывалось движеніе, а съ наступленіемъ весны обнаруживалась вся несостоятельность произведенныхъ работъ. Насыпи размывались, полотно осѣдало и дорога въ первый же годъ своего открытія нуждалась въ капитальномъ ремонтѣ и являла о своемъ существованіи рядомъ несчастій, происходящихъ съ поѣздами. Желѣзно-дорожные строители, какъ читатели увидятъ изъ приведеннаго ниже извѣстія, и въ настоящее время находятъ для себя болѣе удобнымъ держаться той же системы сдачи работъ въ зимнее время. Строители лозово-севастопольской желѣзной дороги употребляютъ всѣ мѣры, чтобы работы были закончены къ концу этого года и въ декабрѣ мѣсяцѣ открылось самое движеніе во линіи. Судя по доходящимъ свѣдѣніямъ, работы по севастопольской дорогѣ производятся, дѣйствительно, съ замѣчательною быстротою, но вотъ вопросъ—насколько онѣ прочны? Чтобы судить объ этомъ, потребуются основательный осмотръ, который можно будетъ произвести только лѣтомъ, а не зимою.

Нечему и удивляться, если несчастные случаи на такихъ *«слабыхъ»* дорогахъ то-же должны были «свойти въ обычай», что мы и дѣйствительно замѣчаемъ на особенно плохо построенныхъ дорогахъ, напримѣръ на смоленской и саратовско-тамбовской, на которыхъ благополучное прибытіе поѣзда на мѣсто

можетъ считаться особеннымъ, не совѣмъ обыкновеннымъ случаемъ, а несчастные случаи—общимъ правиломъ.

Впрочемъ, кисельные строители ни мало не стѣсняются слишкомъ частыми несчастіями съ переломами рукъ, ногъ и спинныхъ хребтовъ на своихъ ежидныхъ дорогахъ, которыя строятся ими, какъ капианы для волковъ. Они имѣютъ подъ руками всѣ способы свалить свою вину съ больной головы на здоровую и, пользуясь въ своихъ многоэтажныхъ (не кисельныхъ уже) домахъ и загородныхъ роскошныхъ дачахъ всѣми благами сего міра, подставляютъ за себя въ уголовныхъ судахъ злосчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ машинистовъ, которые въ этихъ случаяхъ принуждены играть неблагодарныя роли старинныхъ каменныхъ холоповъ.

Обращаемъ вниманіе читателя на одинъ изъ такихъ, очень нерѣдкихъ, но до крайности возмутительныхъ случаевъ на такъовско-саратовской желѣзной дорогѣ.

12-го іюня 1871 года былъ отправленъ изъ Саратова пассажирскій поѣздъ изъ 20 вагоновъ подъ управленіемъ машиниста Сусскаго. На 183-й верстѣ, недалеко отъ станціи Салтыки, дорога шла подъ гору, а внизу склона—насыпь изъ глины, сдѣланная кое-какъ, т.-е. именно такая, которая называется кисельными. По показаніямъ специалистовъ, локомотивъ былъ такого устройства, что болѣе 40 верстъ въ часъ идти не могъ, слѣдовательно, машиниста Сусскаго никакъ нельзя было упрекать въ неосторожности и въ чрезмѣрно быстрой ѣздѣ. Какъ только поѣздъ вступилъ на кисельную почву—сейчасъ-же произошло то, чего слѣдовало ожидать на непрочной трясинѣ, размягченной проливнымъ дождемъ. Рельсы изогнулись въ дугу, шпалы переломились, нѣсколько вагоновъ разбилось и двонъ изъ прислуги ушибло—одного опасно, другого не опасно. Колеса вагоновъ по самыя оси вдавились въ кисельную почву и, выскочившіе изъ вагоновъ люди вязли въ жидкой грязи по колѣно. Какъ солнечный день было ясно, что причиною несчастія была вовсе не неосторожность г. Сусскаго, а единственно излишняя экономія строителей, которые рассчитали, что изъ замерзшей грязи насыпь строить несравненно выгоднѣе, чѣмъ изъ болѣе прочнаго матеріала. Доказано было, что на мѣстѣ несчастія два раза уже, незадолго передъ послѣднимъ случаемъ, ломались рессооры у паровоза, слѣдовательно, мѣсто было очень опасное, и, какъ въ послѣдствіи оказалось, вовсе для ѣзды негодное.

Сусскаго отдали подъ судъ и, не взирая на всѣ, въ его пользу служащія показанія, приговорили къ трехмѣсячному аресту, разумѣется съ устраненіемъ отъ должности, т.-е., другими словами, съ лишеніемъ куска насущнаго хлѣба. Осужденный апеллировалъ въ палату, и, можно надѣяться, что палата взглянетъ на дѣло нѣсколько съ другой стороны, повнимательнѣе взвѣситъ противурѣчивыя показанія и сниметъ обвиненіе, тѣмъ

болѣе, что на той-же дорогѣ, на томъ-же, должно быть, мѣстѣ недалеко отъ станціи Салтыкъ) въ нынѣшнемъ уже году произошелъ новый случай, уязвляющій на непрочность дороги.

Въ 10 часу вечера, 11-го апрѣля, пишутъ въ газетахъ, начальникъ дистанціи Югансонъ отправился по направленію къ станціи Салтыкъ съ небольшимъ рабочимъ поѣздомъ для исправленія прорыва, образовавшагося на 210 верстѣ въ полотнѣ дороги. При машинѣ находились: машинистъ Янъ, помощникъ его кочегаръ; самъ Югансонъ помѣстился также на машинѣ и здѣсь же находился помощникъ инспектора дороги Микулинъ. Поѣздъ подвигался медленно, и подойдя къ трубѣ, находившейся на 212 верстѣ (гдѣ не было замѣтно какого-либо прорыва), Югансонъ приказалъ машинисту убавить ходъ, что и было исполнено, самъ же всталъ на узенькой площадкѣ между тендеромъ и паровозомъ, чтобы удобнѣе смотрѣть внизъ и наблюдать за положеніемъ полотна дороги въ этомъ мѣстѣ. Прочія сопровождавшія Югансона лица стояли въ паровозной будкѣ. Черезъ нѣсколько секундъ хода, г. Микулинъ спросилъ машиниста: «скоро ли труба?» и только что успѣлъ отвѣтить на это кочегаръ: «вотъ она», какъ въ одинъ моментъ паровозъ задними колесами, а тендеръ переднею своею частью проваливаются сквозь полотно, образуя между собою уголь, въ которомъ и стиснуло всѣхъ, бывшихъ на машинѣ людей. Югансонъ былъ буквально раздавленъ между желѣзными стѣнками паровоза и тендера; машинистъ приплюснуть къ паровому котлу вавалившимся на его спину бревномъ, а прочія лица закиданы свалившимися съ тендера дровами, подъ которыми они однако остались живы, получивъ только значительные ушибы. Отъ сильнаго сотрясенія, находившіеся на платформахъ рабочіе и дорожный мастеръ попадали на землю, но тотчасъ же оправились и бросились къ паровозу. Услышавъ стоны, они раскидали дрова и съ большимъ трудомъ высвободили черезъ окошко будки оставшихся въ живыхъ людей. Несчастнаго же Югансона и машиниста нельзя было и высвободить, такъ-какъ ихъ совершенно стиснуло желѣзными частями паровоза и тендера.

Мы не имѣемъ ни права, ни возможности осуждать дѣятельность саратовскаго окружнаго суда, но, опираясь на имѣющіеся подъ руками копія съ официальныхъ бумагъ, укажемъ читателю, на какихъ показаніяхъ свидѣтелей основано обвиненіе машиниста, по нашему крайнему убѣжденію, вовсе невиннаго.

Кондукторъ поѣзда сказалъ въ судѣ, что будто бы онъ, подѣзжая къ опасному мѣсту, дергалъ за веревку, подавая сигналъ машинисту, но послѣ самъ же прибавилъ, что *веревки не доставало на три вагона*, слѣдовательно, такой негодный сигналъ сохранился въ секретѣ отъ машиниста. Потомъ кондукторъ зажегъ, будто бы, фонарь, а машинистъ не оглянулся на фонарь, тогда какъ онъ обязанъ былъ вѣхать и оглядываться назадъ черезъ каждыя три минуты. Болѣе или менѣе трехъ ми-

нуть горѣлъ фонарь — объ этомъ въ показаніи умалчивается, такъ что трудно обвинять машиниста въ несоблюденіи правила: ѣзди, да оглядывайся назадъ черезъ каждыя три минуты.

Свидѣтель показалъ, что локомотивъ Сусскаго, не имѣвшій возможности идти болѣе 40 верстъ въ часъ, бѣжалъ къ опасному мѣсту съ неимоверной быстротой 1 1/4 минуты версту. Свидѣтель слѣдилъ, будто бы, за этой скоростью по своимъ карманнымъ часамъ, а между тѣмъ, по показанію свидѣтеля, тогда было такъ темно, что даже крупнаго лица человѣческаго нельзя было разсмотрѣть. По показаніямъ третьяго свидѣтеля, въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановился паровозъ, было очень темно. Жадная грязь замѣчена была прежде, чѣмъ прибыли рабочіе и разиѣсили ее ногами. По показаніямъ свидѣтеля Григорьева — колотно дороги устроено вообще до крайности дурно и небрежно. Что онъ первый подошелъ къ паровозу послѣ несчастія и замѣтилъ, какъ глубоко шпалы втиснулись въ грязь отъ тяжести поѣзда, а по голому полотну дороги невозможно было ходить, такъ какъ ноги вязли поколѣно.

Чѣмъ рѣшится это дѣло во второй инстанціи — окажется въ слѣдствіи. Можно надѣяться, что «въ настоящее время, когда... и проч.» добродѣтель восторжествуетъ, а порокъ строго найдетъ, но, однакоже, иной разъ, и сомнѣнія приходятъ въ голову. Поводомъ къ этимъ сомнѣніямъ служатъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что добродѣтель у насъ пока все какъ то дѣйствуетъ въ одиночку, безъ поддержки, а порокъ — прочно организованными компаниями на акціяхъ, пользуясь кредитомъ безъ конца и безграничнымъ довѣріемъ.

Н. Д.

ПАРИЖСКІЙ КОНГРЕССЪ ПО ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ.

Въ концѣ сентября ннѣшняго года созывается въ Парижѣ международный конгрессъ по женскому вопросу. Извѣстіе это вѣроятно вызоветъ улыбку у людей, считающихъ этотъ вопросъ правдой фантазіей женщинъ и ихъ друзей. Но и тѣ, кто смотритъ на дѣло иначе, кто понимаетъ какъ тѣсно вопросъ о положеніи женщинъ въ семьѣ и обществѣ связанъ съ другими социальными вопросами, и тѣ, пожалуй, не одобрятъ мысли о созваніи конгресса; онъ покажется имъ преждевременнымъ: зачѣмъ обнаруживать свою слабость, зачѣмъ собирать слѣд, котораго на лицо такъ мало?

На первый взглядъ такое мнѣніе можетъ показаться основнымъ. Но если вспомнить, что женскій вопросъ великій ужъ нѣсколько разъ, нѣсколько разъ казался истерпаннымъ,

вновь поднимался и до настоящаго времени остается неразрѣшеннымъ, то объяснять это можно лишь тѣмъ, что онъ не стовтъ одиноко, а напротивъ касается такихъ сторонъ жизни, которыя постоянно дають себѣ чувствовать. И дѣйствительно самые упорные отрицатели его и вообще всякаго социальнаго движенія не могутъ относиться безучастно въ вопросамъ о брахѣ, положеніи незаконныхъ дѣтей, разводѣ, и пр., которые такъ непосредственно затрогиваютъ, такъ близко касаются личной жизни даже наиболѣе счастливо, въ другихъ отношеніяхъ, поставленныхъ людей, что задумываться надъ ними приходится чуть не каждому изъ насъ. А всѣ эти вопросы, вѣчно стоящіе на очереди, неразрывно связаны съ женскимъ. Отсюда ясно, что не Милль или Михайловъ вызвали на свѣтъ послѣдній. Серьезные мыслители всегда сознавали значеніе женщины въ обществѣ и вредъ, происходящій для него отъ неравенства половъ¹. Спрашивается, почему же это неравенство существовало такъ долго? Но давно замѣчено, что самыя простыя мысли приходятъ послѣдними; пока женщинамъ кое-какъ жилось подъ крылышкомъ своихъ «естественныхъ покровителей», а мужчинамъ, при давнихъ условіяхъ, легко было разыгрывать роль такихъ покровителей, можно было принимать и тѣ мѣры, которыя принимались для поддержанія такого порядка. Воспитаніе, законы — все это были могущественныя орудія для того, чтобъ удержать женщину въ тяжеломъ для нихъ подчиненіи. Блаженный Августинъ могъ предписывать мужьямъ бить своихъ женъ; можно было приказывать женщинамъ носить длинныя волосы, чтобы жена не могла уклониться отъ побоевъ мужа; женщинъ могли оставлять въ совершенномъ невѣжествѣ, чтобы онѣ лишены были возможности ясно сознавать свое положеніе. До поры до времени Наполеонъ I могъ, не боясь общественнаго мнѣнія, высказывать такія мысли, что женщина дана мужчигѣ для того, чтобы производить ему дѣтей, что она составляетъ собственность мужа, подобно тому, какъ плодовое дерево принадлежит садовнику, и что на этомъ основаніи мужъ имѣетъ всемогущее право надъ женой. Но когда условія жизни измѣнились, тогда и муж-

¹ La servitude des femmes est très conforme au genre de gouvernement despotique, qui arrive à abuser de tout. Aussi a-t-on vu dans tous les temps en Asie marcher d'un pas égal la servitude domestique et le gouvernement despotique. (Esprit des lois). Montesquieu.

Les hommes seront toujours ce qu'il plaira aux femmes: si vous voulez qu'ils deviennent grands et vertueux, apprenez aux femmes ce que c'est que grandeur, et vertu... J. J. Rousseau.

La société dépend des femmes. Tous les peuples, qui ont le malheur de les enfermer, sont misérables. Voltaire.

Parmi les progrès de l'esprit humain, les plus importants pour le bonheur général, nous devons compter l'entière destruction des préjugés qui ont établi entre les deux sexes une inégalité de droits funeste à celui même qu'elle favorise. Condorcet.

чины увидѣли, что такое положеніе вещей для нихъ становится невыгоднымъ; явилась необходимость подумать объ измѣненіи его.

Въ настоящее время факты говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ теорій. Численное превосходство женскаго населенія надъ мужскимъ въ Европѣ доказано. Кромѣ того возрастающая дороговизна жизни заставляетъ мужчинъ вступать въ бракъ въ болѣе позднемъ возрастѣ и даже совсѣмъ отъ него отказываться. Такимъ образомъ увеличивается и число незамужнихъ женщинъ, лишенныхъ единственнаго выхода изъ совершенно безпомощнаго положенія. Въ одной Пруссіи, по переписи 1867 г., незамужнихъ женщинъ, имѣвшихъ отъ 20 до 40 лѣтъ, было 1.483,494. Предоставленныя на произволъ судьбы, не подготовленныя къ самостоятельному существованію, имъ остается браться за такія отрасли труда, которыя всего болѣе переполнены, благодаря кажущейся доступности ихъ, и такимъ образомъ сбивать и безъ того низкую заработную плату у тысячъ такихъ же голодныхъ, какъ онѣ сами, или же броситься въ развратъ, составляющій одно не изъ послѣднихъ общественныхъ золъ.

Явленіе это можно признать общимъ для всѣхъ европейскихъ государствъ. Весьма вѣроятно, что въ будущемъ женскій рабочій вопросъ сольется съ мужскимъ и образуетъ одинъ общій—пролетаріевъ; можетъ быть тогда, соединенными силами, они добьются улучшенія своего положенія. Въ Америкѣ рабочіе поняли свою солидарность съ женщинами и начали принимать ихъ въ свои союзы; а въ Европѣ, напримѣръ, въ Германіи, стачки между работницами сдѣлались не рѣдкостью, такъ тяжело условия, въ которыя послѣднія поставлены. Поэтому какъ бы ни велики казались задачи, поставляемыя по отношенію къ женскому вопросу въ различныхъ государствахъ, какъ бы ограничены ни были дѣла самихъ женщинъ и безсознательны ихъ стремленія—онѣ вызваны необходимостью и всякій шагъ къ осуществленію этихъ дѣлей влечетъ за собою перемены болѣе глубокия, нежели тѣ, которыя повидимому имѣются въ виду. Съ этой точки зрѣнія женское движеніе заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ бы ничтожно ни казалось.

Не заглядывая такъ глубоко и повинуясь лишь гнетущей необходимости, женщины разныхъ націй стараются выйти изъ своего положенія тѣми путями, какіе обуславливаются для нихъ общимъ складомъ всей національной жизни.

У насъ существуетъ мнѣніе, что русскія женщины находятся въ лучшемъ положеніи, нежели въ остальной Европѣ; есть даже люди, утверждающіе будто въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ никакихъ стѣсненій, препятствующихъ женщинамъ выступать на общественное поприще и слѣдовательно отъ нихъ самихъ зависить избрать себѣ общественную дѣятельность по вкусу. Намъ кажется, что для насъ время пропаганды прошло

и наступила пора осуществлять теоріи, что ужъ и началось открытіемъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, устройствомъ лекцій для высшаго образованія женщинъ и пр.

Если дѣйствительно положеніе русскихъ женщинъ въ имущественныхъ правахъ и лучше, нежели въ остальной Европѣ, то въ другихъ отношеніяхъ оно гораздо хуже, и дѣла предстоитъ намъ еще много; поэтому останавливаться на томъ, что уже приобретено и притомъ приобретено совершенно случайно, никакъ не слѣдуетъ. Конечно, хотя бы сами женщины считали себя удовлетворенными, то все таки разъ начатое движеніе не остановится, потому что тутъ дѣло идетъ не о личностяхъ или справедливости, а объ общественномъ порядкѣ и благѣ, но активное участіе самихъ женщинъ можетъ значительно содѣйствовать болѣе правильному разрѣшенію такъ близко касающагося ихъ вопроса. Примѣръ Германіи въ этомъ отношеніи поучителенъ для насъ. Въ нѣмецкомъ законодательствѣ также нигдѣ не упомянуто о запрещеніи принимать женщинъ на общественную и государственную службу; но когда въ прошломъ году нѣмецкія женщины подали въ рейхстагъ петицію о допущеніи ихъ къ исполненію разныхъ обязанностей по почтовому и телеграфному вѣдомствамъ, а также на желѣзныхъ дорогахъ, то имъ отвѣчали не тѣмъ, что онѣ не имѣютъ на это право, а тѣмъ, что на всѣ эти должности есть много кандидатовъ изъ мужчинъ, которымъ и будутъ отдавать предпочтеніе. Положимъ, что кандидаты изъ мужчинъ также хотятъ имѣть кусокъ хлѣба, какъ и женщины, предъявившія права на занятіе мѣстъ, обезпечивающихъ такой кусокъ хлѣба; но тоже можетъ повториться и въ другихъ случаяхъ, какъ напр. въ Англии, гдѣ всѣ оставаемые по завѣщанію капиталы на воспитательныя дѣла, употреблялись исключительно на устройство и содержаніе мужскихъ швобъ и только послѣ настоячивыхъ и продолжительныхъ требованій женщинъ и ихъ сторонниковъ, стали удѣлять, весьма незначительную, впрочемъ, часть на женское образованіе.

Въ Германіи женщины съ самыхъ раннихъ лѣтъ такъ привыкаютъ своими семейными обязанностями, что не чувствуютъ особенной необходимости болѣе независимаго для себя положенія въ семьѣ; но именно тамъ съ каждымъ годомъ, и преимущественно послѣ послѣдней войны, возможность выйти замужъ становится все труднѣе и вынуждаетъ женщинъ самихъ заботиться о доставленіи себѣ средствъ къ существованію. Съ этой цѣлью, онѣ, благодаря свободѣ сходовъ, устраиваютъ всевозможные фрейлы, преслѣдующіе различныя задачи; но такъ какъ затруднительность вступленія въ бракъ отзывается главнымъ образомъ на женщинахъ средняго класса, вслѣдствіе того, что въ высшемъ остающіяся одинокими женщины обезпечены въ средствахъ, а въ низшемъ жена служитъ -омощницей и работницей въ домѣ, то и женское движеніе въ

Германія сводится главнымъ образомъ къ вопросу о воспитаніи и допущеніи женщинъ къ такимъ занятіямъ, которыя, не требуя большой подготовки, даютъ относительно лучшее вознагражденіе.

Въ Англии мы видимъ иное. Тамъ хотя и существуютъ тѣже тяжелыя условія для женскаго труда, влекуція за собой такія же послѣдствія, но въ тоже время личная свобода такъ высоко цѣнится, что весьма естественно и женщины прежде всего стремятся къ достиженію возможно большей личной независимости. Если эти стремленія увѣнчаются успѣхомъ, то весьма вѣроятно, что положеніе трудящихся женщинъ вообще улучшится, такъ какъ особенность женскаго движенія заключается въ томъ, что это движеніе не сословное, а касается всѣхъ женщинъ, безъ различія званія и общественнаго положенія. Англійскія женщины ужъ достигли отѣны закона, въ силу котораго не только имущество, доставшееся женѣ по наслѣдству, принадлежало мужу, но даже деньги, заработанныя ея личнымъ трудомъ, составляли его собственность; онѣ могъ распоряжаться ими какъ хотѣлъ. Теперь онѣ стремятся къ тому, чтобы всякое имущество жены принадлежало ей самой, а также, чтобы власть матери не прекращалась съ достиженіемъ дѣтей семилѣтнаго возраста. Хотя общественное мнѣніе значительно измѣнилось по отношенію къ этимъ требованіямъ женщинъ, но парламентъ, въ который уже два раза вносились петиціи, покрытыя многочисленными подписями, о дарованіи женщинамъ имущественныхъ правъ, еще не сдѣлалъ ничего въ этомъ отношеніи. За женщинами признали нѣкоторыя гражданскія права, напр. на участіе въ муниципальныхъ выборахъ, а также въ училищныхъ совѣтахъ, но едва ли онѣ достигнутъ полнаго равенства иначе, какъ получивъ права избирательныя. Въ странѣ, гдѣ политическая жизнь такъ развита, классамъ, лишеннымъ политическихъ правъ, особенно трудно обратить вниманіе на свои нужды. Примѣръ рабочихъ, задача которыхъ въ этомъ отношеніи была весьма сходна съ задачею женщинъ, прямо указываетъ на необходимость прежде всего получить политическія права, къ чему и направлены теперь усилія англійскихъ женщинъ.

Насъ спросятъ: какая польза произойдетъ для человѣчества въ томъ случаѣ, если женщины достигнутъ того, къ чему теперь стремятся, что внесутъ онѣ для общаго блага? О томъ, что внесутъ съ собою женщины, когда онѣ достигнутъ своихъ цѣлей, конечно можно говорить только гадательно, такъ-какъ онѣ еще никогда не были поставлены въ нормальныя условія и не пользовались прямымъ вліяніемъ на общественныя дѣла; но если позволительно по прошлому судить о будущемъ, то исторія возникновенія на практикѣ женскаго движенія можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ тѣхъ побужденій, которыми женщины будутъ руководствоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности.

Это движеніе впервые обнаружилось въ Америкѣ. Побуж-

даемыя чувствомъ состраданія, нѣкоторые американскія женщины освободили принадлежавшихъ имъ негровъ, и стали пропагандировать идею освобожденія. Съ этой цѣлью онѣ основали газету, называвшуюся «National Anti-Slavery-Standard», разъѣзжали по различнымъ штатамъ и въ первый разъ выступили на общественное поприще въ качествѣ публичныхъ ораторовъ. Вскорѣ затѣмъ онѣ основали общество для противодѣйствія рабству, и въ числѣ задачъ его было приобрѣтеніе земель съ тѣмъ, чтобы купивъ нѣсколько семействъ негровъ, давать имъ свободу, удерживая ихъ при землѣ на условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Девизомъ общества былъ выбранъ: «равенство передъ закономъ всѣхъ, безъ различія пола и цвѣта».

Въ самомъ девизѣ уже заключалась мысль, естественно должествовавшая явиться у женщинъ, вступившихъ въ борьбу за идею свободы и равенства. Но понимая, что соединивъ обѣ цѣли—освобожденіе негровъ и женщинъ—онѣ мѣшаютъ успѣху дѣла, такъ какъ ожесточеніе, вызванное агитаціей, высказывалось въ крайне безцеремонной формѣ, женщины отодвинули на время свое личное дѣло на второй планъ и лишь тогда, когда освобожденіе негровъ совершилось, принялись за него съ новой энергіей. Во время войны онѣ дѣйствовали съ такимъ самоотверженіемъ въ лазаретахъ, на полѣ битвы и въ санитарныхъ коммисіяхъ, что, казалось, примиряли съ собою общественное мнѣніе. Но имъ пришлось горько разочароваться, когда на поданную ими послѣ войны петицію объ отмѣнѣ закона, ограничивавшаго ихъ имущественныя права, имъ отвѣчали отказомъ. Тогда онѣ увидѣли, что полагаться на другихъ въ дѣлѣ, касавшемся ихъ лично, бесполезно, и поставили себѣ задачей приобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ настоящее время многое въ Америкѣ ужъ перешло изъ теоріи въ практику; женщины уравнины въ имущественныхъ и семейныхъ правахъ (относительно дѣтей), нѣкоторые штаты признали за ними и политическія права, но, проученныя опытомъ, женщины считаютъ дѣло не выиграннымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлана поправка къ 14-й и 15-й статьямъ конституціи въ смыслѣ признанія за женщинами всѣхъ личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ ожиданіи этого, женщины рѣшились пользоваться всякимъ случаемъ для заявленія своихъ требованій на дѣлѣ, и на послѣднихъ выборахъ въ Рочестерѣ нѣсколько женщинъ явились въ качествѣ избирательницъ, за что и привлечены теперь къ суду вмѣстѣ съ лицами, допустившими ихъ къ голосованію. По этому случаю въ Нью-Йоркѣ былъ собранъ митингъ, на которомъ рѣшено принять на общій счетъ всѣ расходы по процессу. Чѣмъ кончится это движеніе — неизвѣстно, но Сенатъ уже два раза назначалъ коммисію для разсмотрѣнія вопроса о томъ, насколько полезно измѣненіе конституціи, требуемое женщинами и вѣроятно рѣшеніе его не заставитъ себя долго ждать.

Тогда женщины будутъ имѣть возможность показать на дѣлѣ, насколько полезно для всѣхъ признаніе ихъ правъ.

Гораздо шире задача ставится во Франціи, которую мы такъ привыкли упрекать въ теоретичности стремленій. Собственно объ успѣхахъ женскаго дѣла во Франціи дѣйствительно сказать почти нечего. Дѣлаются и тамъ одиночныя попытки на этомъ пути, но онѣ не привели ни къ какой видимой переимѣнѣ въ положеніи женщинъ. Однако общія начала, провозглашенныя во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, не могли не перейти въ сознаніе и французскихъ женщинъ, съ тѣхъ поръ еще начавшихъ заявлять о своихъ общечеловѣческихъ правахъ. Въ настоящее время женское движеніе во Франціи сосредоточивается вокругъ издаваемой въ Парижѣ на авціяхъ газеты, подъ редакціею Леона Рише. Какъ кажется эта газета не имѣетъ особеннаго успѣха, впрочемъ именно потому, что она ставитъ вопросъ на болѣе широкую точку зрѣнія и разрабатываетъ преимущественно тѣ отдѣлы ея, которые, хотя и несомнѣнно тѣсно связаны съ положеніемъ женщинъ, но для многихъ представляются недостаточно практическими. Именно въ этомъ, намъ кажется, и не слѣдуетъ винить газету. Нигдѣ законодательство относительно женщинъ такъ не стѣснительно, какъ во Франціи, нигдѣ и положеніе ихъ такъ не тягостно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тамъ. Хотя Вольтеръ и сказалъ: *les hommes font les lois et les femmes font les mœurs*, но если послѣднее и справедливо, то столь же справедливо и то, что нравы, создаемыя женщинами, обусловливаются въ значительной степени дѣйствующими относительно ихъ законами. Поэтому въ странѣ, гдѣ и законодательство и нравы такъ неблагоприятны женщинамъ, для улучшенія положенія послѣднихъ и слѣдуетъ начинать съ работъ общихъ вопросовъ, касающихся всѣхъ, а не однихъ только женщинъ.

Но какъ бы ни дурны были французскіе нравы, мы ихъ перенимаемъ и не протестуемъ, или весьма слабо протестуемъ, противъ нихъ. Между тѣмъ во Франціи, создающей эти нравы, поднимается въ тоже время и сильный протестъ противъ нихъ. Появившаяся въ прошломъ году брошюра Дюма: *L'homme-femme*, обратила у насъ вниманіе лишь по своему скандальному характеру; между тѣмъ, въ ней затрогивался общій, всѣмъ намъ весьма близкій вопросъ объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Во Франціи брошюра Дюма выдержала 35 изданій и породила цѣлую массу другихъ, разошедшихся если не въ такомъ громадномъ, то все-таки весьма значительномъ количествѣ, въ томъ числѣ брошюра Маріи Дэрэмъ, выдержавшая 18 изданій. Знаменитое изреченіе: *tue-la* осмѣивалось въ печати и на сценѣ; оно пародировалось на всѣ лады: и въ серьезныхъ пьесахъ и въ буффонадахъ и вызывало всегда смѣхъ и рукоплесканія. Однако негѣлое разрѣшеніе Дюма поставленнаго имъ вопроса не помѣшало откликнуться на него и потянуть за собою цѣлый

рядъ другихъ, съ нимъ связанныхъ: о положеніи незаконныхъ дѣтей, бракъ, наслѣдствѣ, разводѣ. Прослѣдить теперь всю эту полемику трудно, но она можетъ служить доказательствомъ того, какъ сильно во Франціи наблюдало это мѣсто въ общественномъ организмѣ.

Повидимому, во Франціи женскій вопросъ долженъ разрѣшиться не такъ, какъ въ другихъ странахъ, а косвенно. Французскимъ женщинамъ почти невозможно проводить свои личныя дѣла отдѣльно отъ прочихъ социальныхъ задачъ, такъ какъ онѣ встрѣчаютъ сочувствіе къ своимъ стремленіямъ со стороны образованнаго меньшинства лишь на столько, на сколько ихъ стремленія могутъ содѣйствовать осуществленію общихъ чело-вѣческихъ идеаловъ. Поэтому имъ придется вѣроятно ждать очень долго. Кобденъ говорилъ, что произвести какую нибудь серьезную перемѣну въ общественномъ мнѣніи можно въ періодъ времени не менѣе семи лѣтъ. Въ данномъ случаѣ такой срокъ черезъ чуръ коротокъ и конечно пройдетъ не семь, а гораздо болѣе лѣтъ, прежде чѣмъ усилія людей въ этомъ направленіи приведутъ къ какимъ нибудь значительнымъ результатамъ. Въ настоящее время можно лишь собирать матеріалъ для будущей реформы.

Въ прошломъ году въ Парижѣ происходило собраніе по инициативѣ кружка, издающаго женскую газету. На собраніи присутствовали: Луи-Бланъ, В. Гюго, Лабулэ, Наке и другіе и обсуждался различные социальные вопросы, въ томъ числѣ и женскій. Тутъ и возникла мысль о необходимости болѣе серьезнаго ознакомленія съ положеніемъ женщинъ въ различныхъ государствахъ, съ законодательствами, касающимися ихъ, стремленіями, ими заявленными, состояніемъ общественнаго мнѣнія по этому вопросу и пр. Съ этой цѣлью и предполагается въ сентябрѣ нынѣшняго года конгрессъ, на который приглашены представители Америки, Англіи, Швеціи, Швейцаріи, Италіи, Голландіи, Испаніи.

Еслибы на конгрессѣ и обнаружилось :бесиліе самихъ женщинъ, то это ровно ничего не значитъ; до сихъ поръ никто и не вправѣ ожидать отъ нихъ совершенно готовой организациі. Къ тому-же конгрессъ собирается не изъ женщинъ исключительно, а по вопросу ихъ непосредственно касающемуся. Слѣдовательно опасенія людей, признающихъ важность этого вопроса въ ряду прочихъ социальныхъ, и поэтому боящихся обнаруженія слабости самихъ женщинъ, напрасны. Тѣмъ-же, кто отрицаетъ эту важность, мы припомнимъ слова Токвилля объ американскихъ женщинахъ: «Еслибы меня спросили, чему слѣдуетъ приписать удивительное процвѣтаніе американскаго народа, я бы отвѣтилъ: превосходству американскихъ женщинъ».

Если это справедливо, то такое-же превосходство женщинъ и въ другихъ странахъ,—предполагая, что оно не ограничится

однимъ привилегированнымъ классомъ, а будетъ приобретено всѣмъ женскимъ населеніемъ страны, какъ и въ Америкѣ, — должно вести за собою благосостояніе цѣлыхъ націй, а все что ведетъ къ этой цѣли безспорно имѣеть громадное значеніе.

Е. Л.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

СХІІІ.

Отставка президента Гриви и вопросъ о распущеніи палаты.

Жюль Гриви, родившійся въ 1810 году въ Монъ-су-Водре, началъ свою политическую карьеру въ 1830 г. во время июльскихъ дней. Онъ былъ въ числѣ студентовъ, которые, вмѣстѣ съ воспитанниками политехнической школы, подъ предводительствомъ Шарраса взяли Вавилонскую казарму. Сдѣлавшись адвокатомъ при парижскомъ судѣ, онъ приобрѣлъ сильное вліяніе на республиканскую партію, какъ защитникъ преслѣдуемыхъ журналистовъ и побѣжденныхъ инсургентовъ. Тотчасъ-же послѣ февральской революціи, Ледрю-Ролленъ послалъ его комиссаромъ въ его родной департаментъ Юри. Его управленіе отличалось такимъ примирительнымъ характеромъ, что соотечественники почти единогласно избрали его депутатомъ въ учредительное собраніе. Здѣсь онъ былъ сдѣлавъ вице-президентомъ и членомъ комитета юстиціи.

7-го октября 1848 г., большинствомъ 643 голосовъ противъ 158 была отвергнута представленная имъ къ проекту конституціи поправка, клонившаяся къ тому, чтобы національное собраніе поручало исполнительную власть гражданину, носящему титулъ *президента состава министровъ*, избираемому закрытой баллотировкою абсолютнымъ большинствомъ на неопредѣленное время. Еслибы эта поправка была въ свое время принята, Лодовиъ-Наполеонъ не сдѣлался-бы президентомъ республики, и Франція не имѣла-бы ни 2-го декабря, ни имперіи, ни плебисцита, ни нашествія.

Это предложеніе тогда-же доставило авторитетъ своему автору, авторитетъ, сохранившійся до нашихъ дней.

Вѣрныи своимъ принципамъ, онъ вотивовалъ въ законодательномъ собраніи противъ римской экспедиціи и постоянно являлся самымъ дальновзорнымъ, самымъ твердымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ умѣреннымъ изъ противниковъ президентской во-

лития, равно какъ и монархической коалиціи улицы Пуатье, главою и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ которой былъ, какъ извѣстно, Тьеръ, и которая, начиная съ закона Фаллу противъ народнаго образованія и закона 31-го мая противъ всеобщей подачи голосовъ, прямо привела къ восстановленію католицизма и имперіи.

Удаленный съ политической арены въ концѣ 1851 года, Гревинъ снова возвратился къ своей адвокатской дѣятельности. Когда послѣ 1863 года парламентская демократическая партія рѣшилась вступить въ легальную борьбу съ наполеоновскою узурпаціею, много труда стоило ей уговорить его принять званіе депутата и дать необходимую въ этомъ случаѣ присягу императору. Сдѣлавшись членомъ крайней лѣвой стороны, онъ не принималъ почти участія въ преніяхъ, которыя не считалъ серьезными, и въ которыхъ относился скорѣе презрительно, чѣмъ активно. Онъ подалъ голосъ противъ войны, роковой исходъ которой предвидѣлъ, но и 4-е сентября нашелъ въ немъ противника. Состарѣвшись, онъ вообще началъ бояться народныхъ взрывовъ, а въ данномъ случаѣ не хотѣлъ, чтобы республика приняла страшное наслѣдство режима, глава котораго только-что сдалъ свою шпагу въ Седанѣ.

Поэтому Гревинъ отказался принять участіе въ правительствѣ народной обороны. Турская делегація застала его, вмѣстѣ съ Тьеромъ, составляющимъ либеральную коалицію, въ виду скорѣйшаго созванія національнаго собранія для легализованія тогдашняго положенія дѣлъ и скорѣйшаго заключенія возможно менѣе невыгоднаго мира. Когда, наконецъ, собрались въ Бордо избранники перемирія, ему почти единогласно было предложено президентство и роялистами, удивлявшимися его политической мудрости, и умѣренными республиканцами, увѣренными въ томъ, что, не смотря на его оппозицію Гамбеттѣ и войнѣ до послѣдней крайности, онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь остался вѣренъ принципамъ всей своей жизни.

Въ теченіе дѣлныхъ двухъ лѣтъ его президентства, вслѣдствіе его строгаго безпристрастія, прикрывавшаго нерѣдко холодность и вронію, палата оставляла за нимъ президентское кресло при каждомъ возобновленіи состава бюро. Только при открытіи послѣдней сессіи, крайняя правая сторона выразила къ нему недоувѣріе, положивъ противъ него въ урну около сотни бѣлыхъ бюллетеней. Эта оппозиція усилилась и сдѣлалась довольно шумною во время обсужденія псевдо-конституціи комиссіи тридцати. То обстоятельство, что онъ всегда останавливалъ выходки изъворотныхъ фанатиковъ клерикализма и радикализма, вывало сильныя протесты, которые видимо его утомили.

1-го апрѣля, одинъ изъ наименѣе видныхъ лионскихъ депутатовъ и предводителей умѣреннѣйшей лѣвой стороны, покорной Тьеру, Ле-Роюе, вмѣшавшись въ пренія объ упраздненіи цент-

ральной меріи втораго города Франціи, позволилъ себѣ назвать «багажемъ» всю совокупность доводовъ доклада виконта де-Мо.

— Багажъ! прерываетъ правая сторона:—это не парламентское выраженіе! въ порядку!

Маркизь де-Граммонъ требуетъ, чтобы ораторъ взялъ назадъ свою дерзость.

Греви замѣчаетъ Граммону, что его выраженіе оскорбительно.

— Пусть Ле-Роше возьметъ назадъ свое выраженіе, иначе я оставлю свое.

Президентъ считаетъ своимъ долгомъ призвать его въ порядокъ. Послѣ этого на скамьяхъ легитимистовъ раздается громкій ропотъ.

Греви старается объяснить палатѣ, что «дерзость» есть слово оскорбительное, значеніе котораго авторъ еще усилилъ повтореніемъ его, тогда какъ «багажъ» выраженіе, хотя и не совсѣмъ удачное, но тѣмъ не менѣе употребляемое даже въ академіи, гдѣ часто говорится «литературный багажъ такого-то», при чемъ никто этимъ и не думаетъ обижаться.

Но де-Граммонъ и правая сторона продолжаютъ утверждать, что прививъ въ порядку попалъ не туда, куда слѣдовало, и укоряютъ Греви въ несправедливости.

— Кажется, мое поведеніе не одобряется здѣсь, сухо замѣчаетъ Греви:—оно даже порицается враждебными мнѣ манифестациями одной части собранія. Господа, если вы находите, что я дурно исполняю свои обязанности — выскажитесь! Я не просилъ и не искалъ этихъ обязанностей. Я всегда исполнялъ ихъ, какъ могъ, съ возможнымъ безпристрастіемъ. Такъ-какъ я, въ свою очередь, не нахожу въ васъ справедливости, на которую, по моему мнѣнію, имѣю право рассчитывать, то я знаю, что мнѣ остается дѣлать.

И надѣвъ шляпу, среди рукоплесканій лѣвой стороны и ропота правой, онъ прибавилъ:

— Засѣданіе закрыто.

На другой день Вите, занявъ кресло въ качествѣ вице-президента, прочелъ слѣдующія три ледяныя строчки: «Покорнѣйше прошу передать національному собранію мою просьбу объ отставкѣ отъ должности президента собранія. Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи. Жюль Греви.»

Вице-президентъ не нашелъ ничего прибавить къ этому заявленію. Правая сторона хотѣла выиграть сорокъ восемь часовъ, чтобы согласиться на счетъ выбора новаго президента. Но лѣвая, пораженная тѣмъ, что такъ равнодушно принимается отставка такого человѣка, какъ Греви, не хотѣтъ дать времени развиться интригамъ. Послѣ перерыва засѣданія на три четверти часа открыта баллотировка, въ результатѣ которой оказывается на 593 вотирующихъ 349 голосовъ за Греви и 231 за Бюффе.

Наканунѣ этого дня, многіе депутаты, главнымъ образомъ

изъ центровъ, сдѣлали визиты бывшему президенту. Послѣ голосованія, посѣщенія дѣлаются болѣе частыми и просьбы болѣе настоятельными. Всѣ министры одинъ за другимъ умоляютъ Гриви принять благоприятное для него голосованіе.

— Большинство слишкомъ ничтожно! отвѣчаетъ онъ.

Самъ Тьеръ начинаетъ уговаривать его, удивляясь, что президентъ собранія не довольствуется большинствомъ, гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ то, которымъ обыкновенно удовлетворяется онъ, президентъ республики. Гриви остается непоколебимымъ. Онъ находитъ, что положеніе дѣлъ становится слишкомъ щекотливымъ, и что въ интересахъ страны и спокойствія своей политической совѣсти онъ не можетъ уже ограничить свою дѣятельность провозглашеніемъ постановленій собранія.

— Теперь идетъ игра, говорилъ онъ:—принимать участіе въ которой я не намѣренъ.

Радикалы республиканской уніи присылаютъ къ нему депутацію для того, чтобы поблагодарить за достоинство, съ которымъ онъ возсталъ противъ роялистскихъ интригъ.

Депутаціи этой, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ, онъ объяснилъ, что рѣшеніе его непоколебимо, и что, не смотря на всевозможныя неприятели, онъ сохранилъ президентское кресло до тѣхъ поръ, пока считалъ свое присутствіе полезнымъ для освобожденія территоріи и примиренія партій.

— Но теперь, объявляетъ онъ:—внутренняя политика получаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, и я думаю, что наступило время принять въ ней болѣе дѣятельное участіе, оставивъ постъ, занятіе котораго дѣлается слишкомъ труднымъ въ виду оппозиціи значительной части палаты.

Онъ даже высказалъ, что «отнынѣ этою палатою управлять невозможно».

Новымъ письмомъ, не столь сухимъ, какъ предъидущее, онъ высказалъ благодарность тѣмъ, которые, подавъ за него голосъ, «дали ему новое доказательство своего уваженія и своихъ симпатій», но въ тоже время подтвердилъ свою отставку.

Должность президента собранія при переживаемыхъ нами обстоятельствахъ, въ высшей степени важная должность. Въ случаѣ возмущенія или государственнаго переворота, президенту принадлежитъ право сбора войска. Если-бы умеръ глава государства, президентъ палаты, за неимѣніемъ другаго легальнаго преемника, приметъ въ свои руки управленіе. Многие въ средѣ радикаловъ жалѣютъ, что Гриви отказался отъ должности, занимая которую онъ могъ-бы спасти республику, тогда какъ другой на его мѣстѣ, пожалуй, будетъ въ состояніи эвакуировать ее. Многие спрашиваютъ себя съ безпокойствомъ, хотѣлъ-ли онъ, узнавъ о корыстныхъ планахъ роялистовъ, предостеречь своихъ друзей республиканцевъ, или же, какъ Понтій Пилатъ умывая руки, хотѣлъ только оградить самого себя.

Многіе же выражаютъ мысли слѣдующаго рода:

Авторъ предложенія 1848 г., чрезвычайно глубокой политикѣ, издали предвидящій событія. Никто лучше него не сознаеть опасностей тактики Тьера, удерживающаго власть во чтобы то ни стало и спасающаго свое настоящее положеніе то при помощи правой стороны, то при помощи лѣвой. Онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ подземныя операціи партій неудавшагослзанія и партій исподволь подготовляющей президентство герцога Омальскаго. Онъ знаетъ, что среди волненія, вызваннаго исчезновеніемъ съ политическаго поприща Тьера, партія герцоговъ будетъ легко заставить принять сына Людовика-Филиппа, изъ страха Гамбетты. Вотъ тутъ-то онъ и станетъ во главѣ умѣренной республиканской партіи и явится возможнымъ для буржуазіи кандидатомъ на президентство республики, въ случаѣ ея вакансіи.

Вы знаете, что уже давно подумываютъ о Гревѣ, какъ о будущемъ президентѣ республики. Многіе серьезные республиканцы даже жалуютъ, что онъ и теперь не занимаетъ этого высокаго поста. Онъ былъ-бы непреодолимою *трампою* для монархическихъ интригъ. Онъ навѣрное не сталъ бы самъ и не позволилъ-бы другимъ готовить орлеанистское штатгалтерство. Послѣ окончательнаго установленія республики, — а онъ не приметъ власти до тѣхъ поръ, пока этого не сбудется, какъ это онъ уже нѣсколько разъ повторалъ тѣмъ, которые старались вывѣдать его мнѣніе на этотъ счетъ, — онъ былъ-бы въ одно время противникомъ и социализма и роялизма, къ которымъ онъ относится одинаково враждебно, и терпѣливымъ охранителемъ чистой республиканской формы. А чего же лучшаго — прибавляютъ оптимисты, взглядъ которыхъ я передаю, — желать при настоящемъ положеніи дѣлъ! Лишь бы въ настоящемъ была какая-бы то ни была республика, а въ будущемъ можно надѣяться на все!

— Но, возражаютъ пессимисты, которыхъ беспокоитъ неподвижность и апатическія привычки Гревя: — этотъ человекъ самъ не добьется власти, нужно будетъ его заставить принять ее, почти противъ воли. А на это не будетъ времени. Человекъ, который теперь занимаетъ президентство, не хочетъ быть ни Вашингтономъ, ни Монкомъ, а Тьеромъ, какъ онъ самъ говоритъ. Онъ считаетъ себя бессмертнымъ, и если-бы сталъ для кого-нибудь готовить свое наследство, то навѣрно для герцога Омальскаго, а не для Гревя. Партія Гревя могла бы скоро составиться въ новой палатѣ, но при настоящей она врядъ ли можетъ рассчитывать на успѣхъ. А между тѣмъ орлеанистскій заговоръ, быть можетъ, уже на столько подготовленъ, что вспыхнетъ ранѣе распушенія.

Очевидно, для того, чтобы разъ навсегда кончить съ этою послѣднею гипотезою, въ тоже засѣданіе 3-го апрѣля, въ которое Гревъ окончательно подтвердилъ свою отставку, одинъ

изъ членовъ республиканскаго лѣваго центра, Марсель Бартъ, представилъ предложеніе о томъ, чтобы собраніе постановило разойтись и назначить общіе выборы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за очищеніемъ территоріи. Одинъ изъ депутатовъ не радикальной лѣвой стороны, де-Лакретель, потребовалъ, чтобы этотъ срокъ былъ сокращенъ до двухъ недѣль.

Само собою разумѣется, что никто въ Версали не слушалъ прекрасныхъ доводовъ, развитыхъ Марселемъ Бартомъ, и что его предложеніе было присоединено къ прочимъ, лежащимъ подъ сукномъ, откуда оно высвободится только если этого захочетъ Тьеръ, да и то, пожалуй будетъ отвергнуто большинствомъ, которое не хочетъ сложить власти до тѣхъ поръ, пока не удастся, если не возстановить монархію, то по крайней мѣрѣ помѣшать республикѣ сдѣлаться окончательною.

CXIV.

Гирцогъ Омальскій въ Академіи, оргланнизмъ и планъ Фаллу.

Какъ разъ во время президентскаго кризиса, совершилась уже давно подготовлявшаяся церемонія приѣма герцога Омальскаго въ Академію. По древнему торжественному обычаю, новый безсмертный явился въ новомъ платьѣ съ зеленою пальмовою вѣтвью, въ сопровожденіи двухъ воспріемниковъ, также въ новыхъ платьяхъ и съ вѣтвями. Воспріемниками этими были два сильнѣйшіе министра его отца Людовика-Филиппа, нѣкогда ожесточенные враги, теперь же примирившіеся, на почвѣ, вѣроятно, общей любви къ республикѣ: Гизо и Тьеръ. На лучшихъ мѣстахъ лучшей трибуны большой залы института засѣдали, какъ-бы на тронахъ, графъ и графиня Парижскіе, окруженные старцами въ орденахъ и прелестными дамами, которыя составляютъ украшеніе будущаго двора. Когда усѣлась герцогиня Омальская, вошли члены академіи, и слово было дано герцогу Омальскому, который тотчасъ-же началъ чтеніе своей рукописи.

Эта рукопись въ теченіи дѣлныхъ мѣсяцевъ обрабатывалась то у Эдуарда Герве, то подъ тѣнью Шантильи, то въ отелѣ предмѣстья Сентъ-Оноре, то наконецъ въ маленькомъ интимномъ кабинетѣ президента «честнаго опыта». «Двадцать разъ передѣлывайте свою работу», сказала поэтъ-законодатель французскаго Парнасса. И этотъ совѣтъ былъ вполнѣ исполненъ друзьями и сотрудниками герцога-академика. Изъ всего этого вышла неполная біографія графа де-Монталамбера, мѣсто котораго замѣняетъ новый безсмертный, и оцѣнка, само собою разумѣется льстивая, но въ существенныхъ пунктахъ сильно отъивающаяся

фальшью, дѣятельности, рѣчей и сочиненій этого яко-бы либеральнаго ультрамонтана.

Намеки на современную политику, безъ которыхъ не обходились академическія рѣчи временъ имперіи, были, конечно, тщательно вычеркнуты восприемникомъ Тьеромъ. Но герцогу Омальскому была представлена полная свобода раскрывать личность своего предшественника, автора «жизни святой Елизаветы Венгерской», и союзъ христіанства, католицизма, и даже іезуитизма съ свободою, чтобы такимъ образомъ показать, что реставрированныя Орлеаны, отрекшись отъ своего дѣда-царубійцы и даже отъ своего отца-скептика, будутъ обдѣлывать дѣлишки духовенства ни чуть не хуже императора или легитимнаго короля. Краснорѣчіе бывшаго пэра Франціи и народнаго представителя, дало случай восквалить парламентаризмъ того печальнаго времени, когда, благодаря отсутствію всеобщей подачи голосовъ, онъ составлялъ исключительную привилегію «направляющихъ классовъ».

Достаточно было привести день приема въ академію покойнаго Монталамбера, въ годъ, слѣдовавшій за 2 декабря, и припомнить число мѣстъ, сдѣлавшихся вакантными даже въ академіи послѣ Наполеоновскихъ проскрипцій, чтобы дать мѣсто сантиментальному изліанію чувствъ по поводу тяжкаго изгнанія, радости возвращенія въ отечество и личнаго горя, перенесеннаго герцогомъ Омальскимъ, въ прошедшемъ году, когда, — какъ онъ выражается, — «Богу было угодно погасить послѣднее пламя его домашняго очага», т. е. когда смерть похитила его сына.

Такимъ образомъ, — поясняли офиціозныя орлеанистскія газеты, — онъ остался безъ наслѣдниковъ и, слѣдовательно, лучше всякаго другого, способенъ, не компрометируя монархическаго принципа, занять мѣсто будущаго короля.

Послѣднія слова литературной рѣчи претендента были поставлены такимъ образомъ, что, съ одной стороны, могли относиться къ бѣдной, униженной Франціи, а съ другой къ несчастной, пять или шесть разъ свергнутой съ престола, французской монархіи.

... слово, восплавленное Бурбономъ на другой день послѣ Авенюра, слово французское и христіанское: *надежда!*

Гизо поднялся, чтобы позать руку принцу. Другой восприемникъ Тьеръ сдѣлалъ то-же, но болѣе сдержанно.

Послѣ этого критикъ «Journal des débats», Кювилье-Флери, прочиталъ величественный отвѣтъ Его Высочеству-академику. Бывшии учителямъ орлеанскихъ принцевъ, онъ скромно указалъ на то, что онъ, именно онъ вскормилъ млекою классическихкихъ наукъ генія, произведшія «Зуавовъ», «Письма о французской исторіи», знаменитый запрещенный автн-бонапартистскій памфлетъ, и «Исторію принцевъ дома Конде». Послѣ описанія военныхъ подвиговъ, совершанныхъ этимъ военнымъ литерато-

двѣрь, послѣ нѣсколькихъ намеровъ на то, какіе могли-бы сдѣлать принцы крови, если-бы нѣкоторые демократы не отказались принять ихъ послѣдней войны, Кювилье-Флери подчеркнѣнчн принца другимъ заключеніемъ вѣр-кается на своего принца, о «неосиданной» онталамберу, этому сину врестовыхъ панегиристы католическаго и либе-

льскаго увѣнчалъ это торжество. Больные, академіи присутствіемъ Огюста Барбье и Тьера, ашеніе, но не имѣвшаго возмож-нѣ, вслѣдствіе парламентскаго кризиса, Гревн, что случилось какъ нельзя бо-го, такъ-какъ, выхода изъ академіи, онъ слн-которымъ толпа встрѣчала принца, и крики: «да-ль республика!» «да здравствуетъ президентъ!» вмѣ-ловъ: «да здравствуетъ Тьеръ!»

кризисъ не помѣшалъ вице-президенту совѣта министровъ министру иностранныхъ дѣлъ, членамъ академіи Люфору и Ремюза присутствовать за августѣйшимъ столомъ.

На вечеръ, слѣдовавшій за обѣдомъ, явились военный министръ, генераль де-Сиссе, Парижскій губернаторъ Ладмиро, префектъ полиціи Леонъ Рено и другіе сановники республики бевъ республиканцевъ.

Въ обыкновенное время пріемъ у герцога Омальскаго былъ бы событіемъ, которое вызвало бы безконечную газетную полемику, тѣмъ болѣе, что, какъ будто именно для того, чтобы выставить въ полномъ блескѣ орлеанскихъ принцевъ, самъ наслѣдившій престола, графъ Парижскій, издалъ «показанія графа Парижскаго передъ парламентскою слѣдственнымъ комиссіею объ условіяхъ, въ которыя поставлены трудъ и рабочіе во Франціи». Совершенно какъ Людовикъ Наполеонъ передъ 1848 г., его высочество, сначала посредствомъ маленькой книжонки о кооперативныхъ ассоціаціяхъ, изданной въ Англии, а затѣмъ посредствомъ этихъ довольно объемистыхъ «показаній» старается выдать себя если не за социалиста, то, по крайней мѣрѣ, за разумнаго покровителя рабочихъ классовъ. Но наши рабочіе не поддаются на эту удочку и авансы графа Парижскаго остались бы незамѣченными, если бы релятивная пресса не пришла въ негодование на то, что въ этомъ полу-королевскомъ трудѣ на 297 страницахъ ни разу не упомянуто ни имени *Боа*, ни слова *Провидѣніе*, ни слова *религія*, и что, напротивъ того, порившись въ немъ хорошенько, можно даже найти двѣ-три фразы, благоприятныя пролятой ереси первоначальнаго образованія, обязательнаго и даже—е ужасы!—*сонтискаго!*

«Univer» органъ Непогрѣшимаго, пришелъ въ неистовство

«Union», газета невинтаннаго легитимизма, удвоила свои нападенія на орлеанцамъ и заставила личными оскорбленіями де-Фаллу напечатать текстъ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 3-го января прошлаго года въ частномъ собраніи заговорщиковъ «слиянія», у виконта де-Мо.

Эта рѣчь, составленная очень искусно, даетъ тѣмъ не менѣе возможность разгадать до тонкости всѣ эволюціи правой стороны, коализированной въ виду того, чтобы захватить «честный опытъ» въ свои руки и затѣмъ уничтожить въ возможно скоромъ времени республику. Эта рѣчь была секретною программой всѣхъ выходовъ монархистовъ, начиная съ выходы 20-го іюня, такъ-называемой процессіи «медвѣжьихъ шапокъ», до неудачи слиянія, и отъ оппозиціи посланію 18-го ноября до установленія соглашенія между Тьеромъ и комиссіею тридцати.

Въ настоящее время нечего останавливаться на томъ, виноваты-ли графъ Шамборъ и его приближенные, или Фаллу и его друзья въ томъ, что обѣ французскія линіи Бурбонскаго дома не примирились на трехцвѣтномъ знамени, усѣянномъ лиліями. Еслибы слияніе состоялось, то вотъ какимъ образомъ, по совѣту Фаллу, слѣдовало-бы приступить къ подготовленію монархической реставраціи.

Вопервыхъ, слѣдовало-бы *«организовать»* всеобщую подачу голосовъ... впрочемъ, честно ее уважая, въ виду того,—собственные слова Фаллу—«что всеобщая подача голосовъ, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, вооружаетъ исключительно необразованнаго еще массы, передаетъ государство въ руки тайныхъ обществъ, и даетъ послѣднее слово о собственности тѣмъ, которые ничего не имѣютъ».

Затѣмъ, слѣдовало-бы захватить въ свои руки правительство республики такъ, чтобы оно все болѣе и болѣе готовило монархію, потому что,—утверждаетъ нашъ дѣлатель королей,—нужно, чтобы монархія была восстановлена ранѣе исполненія роковаго трактата, подписаннаго республикою, и ранѣе подавленія коммунъ, исполненіе чего также слѣдовало представить республикѣ; даже теперь нечего торопиться, такъ-какъ съ политикѣ, какъ и въ медицинѣ необходимо выздоровленіе, и народъ не можетъ отъ анархіи перейти къ монархіи безъ *«переходнаго состоянія»*.

Переходное состояніе! Только для этого наши бордоскіе роялисты и поставили Тьера во главѣ власти. Къ несчастью, они замѣтили въ Версали, «что онъ пренебрегаетъ истинною славою, предпочитаетъ первое мѣсто первой роли и довольствуется званіемъ президента неопредѣленной республики». Тѣмъ не менѣе, консерваторы все-таки должны быть благодарны этому «неполному человѣку», и готовы сохранить за нимъ его мѣсто, еслибы онъ позволилъ помогать себѣ противъ окружающихъ его козней, улучшать и исправлять свое политикю.

А еслибы онъ этого не позволилъ? или еслибы онъ умеръ?

Тогда, проповѣдывая уже въ началѣ 1872 года Фаллу секретно коализированной правой сторонѣ:—тогда *открывается возможная роль герцога Омальскаго.*

Послѣ этихъ словъ легитимисты испускаютъ крикъ ужаса и требуютъ, чтобы ораторъ категорически объяснилъ, предполагаетъ-ли онъ сдѣлать принца орлеанскаго президентомъ республики.

— Нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ! отвѣчаетъ смущенный де-Фаллу:—вы знаете, что я не кочу сохранения республики. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы улучшить всѣхъ, никого не ломая, чтобы улучшить Тьера перспективою шага впередъ къ монархіи посредствомъ возможнаго президентства герцога Омальскаго, чтобы улучшить, если нужно будетъ, герцога Омальскаго перспективою президентства Тьера... Я не знаю никого изъ орлеанскихъ принцевъ... Герцогъ Омальскій, быть можетъ, болѣе всѣхъ расходится съ нами (клерикалами), но *самбы онъ соглашается принять некоторыя обязательства на честное слово, я бы поверилъ ему.*

Съ тѣхъ поръ, какъ эта рѣчь была произнесена, съ тѣхъ поръ, какъ соглашеніе двухъ линій королевскаго дома опять стало невозможнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ приверженцы партіи сліянія съ анаемами были извергнуты чистыми легитимистами изъ лона церкви, короля, папы и Бога, обязательства, о которыхъ шла рѣчь, какъ вѣдается, легко могли быть заключены между партіей Фаллу и герцога Омальскаго. Благодаря заученнымъ трудностямъ герцоговъ д'Одифре-Пакье и де-Брольи, работавшихъ въ комисіи тридцати, вѣроятно, состоялись *соглашенія*, которыя, быть можетъ, измѣняютъ положеніе двухъ одинаково эксплуатируемыхъ соперниковъ герцога Омальскаго и Тьера.

Окончательно рѣшено, по крайней мѣрѣ, то, что орлеанисты праваго центра и тѣ изъ легитимистовъ, которые, уставши ждать возвращенія блага знамени, присоединились къ правому центру, будутъ продолжать пользоваться Тьеромъ для подготовленія монархіи и герцогомъ Омальскимъ для уничтоженія республики.

Таковъ планъ Фаллу, уже измѣненный и могущій измѣняться сколько угодно въ подробностяхъ, смотря по обстоятельствамъ, но совершенно опредѣленный относительно своей исходной точки и своей цѣли.

СХУ.

Президентство Бюффе и нападеніе противъ вольскихъ республиканскихъ городовъ.

Послѣ того, какъ Гриви отказался отъ президентства національнаго собранія, лѣвая республиканская сторона была уже на

въ состояніи отыскать въ своей средѣ преемника ему, вмѣщающаго шансы на успѣхъ. Поэтому она была принуждена присоединить свои голоса къ голосамъ центровъ, избравшихъ кандидатомъ одного изъ первѣйшихъ членовъ праваго центра, Мартеля, президента комисіи помилованія.

Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства кандидатъ этотъ долженъ былъ, казалось, получить за себя голоса даже правой стороны. Все правительство поддерживало его, и 4-го апрѣля самъ Тьеръ явился, чтобы подать за него голосъ. Тѣмъ не менѣе закрытая баллотировка дала только 285 голосовъ въ его пользу, и Бюффе, при содѣйствіи почти всего праваго центра и трехъ фракцій правой стороны, коализировавшихся орлеанистовъ, легитимистовъ и имперіалистовъ, получалъ перевѣсъ: за него было подано 304 голоса, что составляетъ относительное большинство въ 19 голосовъ и абсолютное въ 6.

Гревъ отказался отъ 349 голосовъ, считая президентство невозможнымъ въ виду ожесточеннаго меньшинства въ 231 членовъ. Бюффе принялъ президентство безъ всякихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что удерживать парламентскія бури ему предстояло только въ теченіе одного или двухъ засѣданій до ваканцій, во время которыхъ власть собранія будетъ предоставлена ему и постоянной комисіи изъ двадцати пяти членовъ, составленной такъ искусно, что на долю республиканцевъ въ ней приходится не болѣе четверти голосовъ.

Занявъ президентское кресло 5-го апрѣля, Бюффе, по общаю, произнесъ коротенькую торжественную рѣчь, въ которой въсплазалъ нѣсколько похвальныхъ словъ своему предшественнику, засвидѣтельствовалъ его полное безпристрастіе, но и не упустилъ случая слѣдующимъ образомъ охарактеризовать свое собственное назначеніе:

— Мы исполнили, при патриотическомъ содѣйствіи славнаго президента республики, *кѣрвую половину нашей задачи. Вѣтрая не менѣе значительна и не менѣе трудна: вамъ остается дать нашей странѣ, испытанной такими ужасными катастрофами, всѣ возможныя гарантіи безопасности въ будущемъ. Мы твердо исполнимъ свой долгъ. Что-же касается до меня, милостивые государи, то если я и окажусь ниже той задачи, которой я никогда не добивался, то все-таки надѣюсь оправдать ваше довѣріе полною преданностью *зрвамъ національнаго собранія.**

Это значило снова провозгласить самодержавіе собранія и подтвердить рѣшеніе большинства пережить даже очущеніе территорій, и вопреки желаніямъ страны, продолжать свои засѣданія до полного *обезпеченія будущаго*, т.-е. до провозглашенія монархіи, если будетъ возможно отыскать короля, или, если это будетъ невозможно, то до монархической и клерикальной организаціи «честнаго опыта».

Вступительная рѣчь новаго президента произвела тѣмъ худшее впечатлѣніе на лѣвую сторону и на публику, что она была

произнесена тономъ, совершенно не похожимъ на тотъ, съ которымъ обращался къ палатѣ и странѣ Греви. Въ своемъ костюмѣ, бывшій президентъ доводилъ республиканскую простоту до того, что въ жюкей-клубѣ называютъ небрежностью; Вюффе, напротивъ того, явился въ черномъ, строгонномъ по послѣдней модѣ фракѣ, въ жилетѣ съ сердцевиднымъ вырѣзомъ и въ бѣломъ галстухѣ, улыбался дамамъ, воссѣдавшимъ въ трибунахъ, и жестикулировалъ, какъ совершенный придворный.

Публика даже спрашивала въ шутку:

— Не въ палатѣ-ли мы депутатовъ Людовика-Филиппа II, или не въ законодательномъ-ли корпусѣ Наполеона IV?

Луи Вюффе, сравнительно съ царствующею имѣя старостью, человекъ еще молодой. Ему пятьдесятъ пять лѣтъ. Будучи, само собою разумѣется, адвокатомъ, такъ-какъ у насъ, *говоря за и противъ*, можно еще дойти до всего, онъ началъ свою парламентскую карьеру, благодаря революціи 1848 года, которая сдѣлала его депутатомъ департамента Вогезовъ въ учредительномъ собраніи. Онъ нашелъ средство обратить на себя вниманіе избирателей въ качествѣ су-префекта, назначеннаго Ледрю-Роленомъ, что впрочемъ не помѣшало ему явиться въ собраніи противникомъ своего покровителя. Онъ перешелъ сначала на сторону генерала Кавеньяка, а затѣмъ, тотчасъ-же послѣ выборовъ 10-го декабря, на сторону Людовика Наполеона, который не замедлилъ поручить ему портфель министерства торговли и земледѣлія. 31-го октября 1849 года, онъ оставилъ министерство и вернулся въ законодательное собраніе для того, чтобы принять самое дѣятельное участіе въ монархическомъ заговорѣ улицы Пуатье. вмѣстѣ съ Тьеромъ и Варошемъ, онъ былъ однимъ изъ авторовъ пресловутаго закона 31-го мая. Сдѣлавшись членомъ реакціоннаго кабинета Лерона Фоше, онъ во второй разъ отказался отъ власти, когда будущему императору заблагоразсудилось потребовать отміны этого самаго закона 31-го мая, чтобы явиться востановителемъ всеобщей подачи голосовъ. Государственный переворотъ застигъ его въ числѣ одураченныхъ, которые, не бывши въ состояніи подчинить себя Бонапарту, сами попались въ его руки. Лично онъ не особенно пострадалъ отъ этого, но до 1863 года оставался темнымъ адвокатомъ помѣщикомъ въ своихъ родныхъ Вогезахъ.

Въ 1863 году, сначала отвергнутый, какъ личность, враждебно относящаяся къ имперіи, онъ, наконецъ, былъ избранъ въ законодательный корпусъ, гдѣ вмѣстѣ съ Оливье сталъ работать надъ *либерализаціею* 2-го декабря. Это ввело его 2-го января 1870 года въ министерство Оливье, въ которомъ онъ подготовлялъ плебисцитъ, но изъ котораго вышелъ накануне объявленія войны, счумивъ какъ разъ во время избавленія отъ отвѣтственности. Съ 4-го сентября, во все продолженіе нашестія, онъ былъ изъ тѣхъ, которые не переставали поддерживать сношенія съ эсъ-императоромъ въ

Вильгельмстѣге и эйсъ-императрицею въ Англии. Его имя встрѣчается въ комбинаціяхъ, задуманныхъ знаменитымъ Ренне относительно учрежденія въ нейтрализированной части Франціи правительства, которое-бы посредствомъ плебисцита ускорило заключеніе мира и возстановило имперію. Присланный департаментомъ Вогезовъ въ Бордоское собраніе, онъ былъ принятъ, какъ Веніаминъ, монархистскими интригантами, дѣявшими въ немъ генія интриги. Онъ былъ въ Версали однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ коалиціи орлеанистовъ, легитимистовъ и даже имперіалистовъ, составившейся съ цѣлью захватить правительство республики въ свои руки. Тьеръ, всегда встрѣчая его въ комиссіяхъ и на трибунѣ своимъ противникомъ, нападающимъ съ ядовитою умѣренностью на каждую изъ его экономическихъ идей и политическихъ плановъ, до такой степени возненавидѣлъ его, что когда Бюффе избранъ былъ президентомъ собранія, многіе увидѣли въ этомъ объявленіе войны президенту республики.

Многіе боялись даже немедленнаго столкновенія, но ничего еще не готово въ лагерѣ герцоговъ, а маленькій буржуа, хоти и обладающій «душою гордою», какъ онъ объявилъ въ комиссіи тридцати, умѣетъ склонять голову передъ грозю и ожидать хорошей погоды. Онъ поспѣшилъ скрыть дурное расположеніе духа, вызванное неудачею его друга Мартеля. Въ соотвѣтственный срокъ, онъ велѣлъ запретъ свою карету и отправился съ официальнымъ визитомъ къ новому президенту, котораго не засталъ дома. Визитъ былъ отданъ тѣмъ-же образомъ: Бюффе рассчиталъ время такъ, чтобы не встрѣтиться съ Тьеромъ. Тѣмъ не менѣе, Бюффе появился на приѣмахъ въ Елисейскомъ дворцѣ, и даже на вечерѣ у министра народнаго просвѣщенія. Случай столкнулъ лицомъ къ лицу обонхъ президентовъ, которые вѣжливо раскланялись, но въ разговоръ не вступили.

Все это приводитъ въ восторгъ навивныхъ республиканцевъ, изъ которыхъ одинъ даже рѣшился выразить «необходимому человеку», что національное собраніе сильно ускорило свое распущеніе, выбравъ себѣ «президента борьбы».

— Ахъ, вовсе нѣтъ! воскликнулъ своимъ тоненькимъ проническимъ голосомъ Тьеръ:—Бюффе вовсе не такой мой врагъ, какъ кажется... Онъ часто обѣдалъ у меня... и еще будетъ обѣдать!

Между тѣмъ горячія пренія, завязавшіяся по поводу упраздненія центральной люнской меріи, нѣсколько задержанными президентскимъ кривисомъ, были приведены къ концу 4-го апрѣля, и большинствомъ 399 голосовъ противъ 195 второй городъ Франціи лишился своей муниципальной автономіи. Законъ этотъ, изданіе котораго правительство могло-бы задержать до конца вакаціи, еслибы оно исполнило обѣщанія, данныя лѣвой стороною, и значеніе котораго вообще могло-бы быть сильно смягче-

но, еслибы правительство постаралось поддержать проект министра Гуляра вмѣсто проекта комиссія де-Мо, не могъ быть обнаругованъ въ теченіи трехъ дней, какъ того требуетъ конституція тридцати, нарушенная такимъ образомъ при первомъ же своемъ примѣненіи. Только 11-го апрѣля появилось въ «Journal Officiel» предписаніе исполнительной власти ліонскому меру Бароде сдать свою должность Ронскому префекту. На другой день, были назначены министромъ внутреннихъ дѣлъ шесть меровъ и двѣнадцать помощниковъ для веденія городскихъ дѣлъ. Очень трудно было найти лицъ, которыя-бы согласились принять на себя эти ничтожныя должности безъ содержанія; одни клерикалы, бывшіе дѣатели плебисцита 1870 года, сочли возможнымъ, принявъ ихъ, подвергнуться крайней непопулярности. Не смотря на то, что генераль Бурбаки, комендантъ осаднаго положенія, принялъ довольно вызывающія военныя предосторожности, Ліонъ мирно перенесъ ударъ, нанесенный его старинному муниципальному праву.

Но тотчасъ-же вокругъ префекторальной диктатуры и маленькихъ, назначенныхъ свыше, меровъ образовалась пустота. Одинъ за другимъ, всѣ члены муниципальнаго совѣта, кромѣ двухъ, подали въ отставку, мотивируя ее очень рѣзкими печатными письмами. Этому примѣру послѣдовали, за очень немногими исключеніями, всѣ граждане, добровольно принявшіе на себя различныя безмездныя городскія должности. Такъ, что ліонская администрація оказалась совершенно дезорганизованною, когда ронскому префекту пришлось принять ее въ свое завѣдываніе. Этотъ префектъ былъ старинный республиканецъ, вошедшій въ высшую департаментскую администрацію благодаря 4-му сентабрю и Гамбеттѣ. Какимъ послушнымъ онъ ни являлся во время подготовленія мести клерикаловъ и роялистовъ, онъ тѣмъ менѣе могъ вынести ея осуществленіе, что его власть вараіе была сильно поколеблена нерѣшительностью правительства. Какъ только меры и ихъ помощники были назначены, Кантонне отослалъ въ Парижъ просьбу объ отставкѣ и уѣхалъ изъ Ліона, никому не оставивъ своего адреса. Уѣхалъ-ли онъ въ свой родной городъ Неверъ? Отправился-ли онъ путешествовать въ Швейцарію? Въ теченіи двухъ или трехъ недѣль многосѣялись надъ *исчезновеніемъ префекта*, который, наконецъ, отыскался въ Парижѣ.

Но потерявъ его, Ліонъ не много выигралъ. Главный секретарь ліонской префектуры, нѣкій Врюнель, со времени имперіи занимающій различныя второстепенныя должности, выучился въ школѣ чистѣйшаго деспотизма, какъ обращаться съ матежнымъ населеніемъ.

Получивъ временно диктатуру, онъ отправился въ бывшую центральную мерію, сдѣлалъ смотръ чиновникамъ города и при этомъ объявилъ имъ, что онъ зорко смотритъ за тѣми, которые добивались различныя мѣстъ, благодаря демагогическому нап्रा-

влению прежней администраціи, и не потерпеть, чтобы кто-нибудь занимался политикою.

Благодаря откровенности этого дикаго вице-префекта, раздраженіе ліонцевъ достигло крайнихъ предѣловъ и оно будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія, если католическое большинство «борьбы» намѣрено продолжать свои преслѣдованія главѣйшихъ муниципалитетовъ Франціи.

Ненависть къ городамъ, не перестававшимъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ возобновленъ въ 1871 г. составъ ихъ муниципальныхъ совѣтовъ, подавать петиціи объ окончательномъ учрежденіи республики и вводить даровое и свѣтское первоначальное образованіе, выразилась не только въ преніяхъ о ліонской меріи, но и въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ, 5-го и 7-го мая, парламентской сессіи. Дѣло шло о томъ, чтобы возвратитъ Парижу сумму въ 140 милліоновъ, не восполняющую даже тѣ 200 милліоновъ, которые были выданы пруссакамъ во время перемирія, и предназначенную на покрытіе убытковъ, понесенныхъ частными лицами не столько вслѣдствіе нѣмецкой осады, сколько во время вступленія версальской арміи въ кровавыя дни мая 1871 года. Дѣло тянулось въ теченіе полутора года, безпрестанно возобновляемое парижскимъ муниципальнымъ и сенскимъ генеральнымъ совѣтами и безпрестанно отсылаемое обратно разсматривавшею его парламентскою комиссіею. Нужно было, наконецъ, разрѣшить его уплатою хоть какой-нибудь суммы, такъ-какъ парижская администрація, положившись на обѣщанія правительства, предприняла различныя работы, которыя должны были быть пріостановлены за недостаткомъ средствъ.

Правая сторона всячески старалась доказать, что Парижъ не имѣетъ никакого права на полученіе какой-бы то ни было суммы, ссылаясь на бѣдность казны, обремененной уплатою контрибуціи, и на буржуазную идею, нѣкогда высказанную Тьеромъ, что мы не въ состояніи теперь предаваться благотворительности, и что между департаментами, подвергшимися нашествію, и неподвергавшимися ему, не существуетъ никакой матеріальной солидарности. Монархисты рѣшились даже насмѣхаться надъ страданіями парижанъ во время осады, когда они ожидали отъ генія какого-нибудь Трошю достойной ихъ мужества вылазки; и дошли до указаній на то, что такъ-какъ Парижъ произвелъ коммуны, то онъ самъ и долженъ вознаграждать тѣхъ изъ своихъ жителей, которые пострадали отъ нея.

На эти недостойныя выходки отвѣчали не демократы, а представители коммерческаго міра и нотаріата, попавшіе въ палату благодаря террору 1871 года и поддержкѣ коализированной реакціонной прессы. Андре и де-Норманди исполнили свои обязанности представителей проклятаго города, съ благороднымъ негодованіемъ опровергнувъ низкія клеветы реакціонеровъ.

Для того, чтобы доставить столицѣ едва половину должнаго ей, нужно было дать сѣвернымъ и восточнымъ департаментамъ

почти такую-же сумму въ 120 милліоновъ, противъ которой республиканцы, добивающіеся нѣжной солидарности всѣхъ частей Франціи, само собою разумѣется, не сдѣляли никакого возраженія, тогда какъ противники ихъ истощали всѣ средства, чтобы возбудить зависть поселянъ къ большимъ городамъ Франціи вообще, и къ «современному Вавилону» въ особенности.

Эти низкія возбужденія къ междоусобной войнѣ между порабощенными невѣждами и просвѣщенными парижанами, проявились еще разъ при представленіи докладовъ слѣдственной комисіи о подрядахъ во время войны, и слѣдственной комисіи о переворотѣ 4-го сентября, докладчики которыхъ старались обезчестить и марсельскихъ администраторовъ 1870—71 годовъ, и самихъ гражданъ этого города, голословно обвиняя первыхъ въ беспорядкахъ, наводствѣ, взяточничествѣ и воровствѣ, а вторыхъ въ демагогіи. Представленіе этихъ докладовъ вызвало сильнѣйшіе протесты со стороны бывшихъ префектовъ и комиссаровъ департамента устьева Роны, Альфонса Эскирова и Жана, и со стороны Гамбетты, назначившаго ихъ на эти должности.

— Эти люди,—говорилъ мнѣ недавно одинъ англійскій корреспондентъ, присутствовавшій рядомъ со мною при одномъ изъ бурныхъ засѣданій начала этого мѣсяца: — вончаты тѣмъ, что перегрызутся. Одна половина собранія уничтожитъ другую!

Я долженъ былъ склонить голову, имѣя въ сердцѣ только надежду на то, что бессильная для добра палата останется такою-же бессильною и для зла...

СХVI.

Приготовленія къ выборамъ.

Въ воскресенье 6-го апрѣля, въ Парижѣ, въ трехъ городахъ департамента Устьева Роны, въ Марсели и Нантѣ, происходили дополнительные выборы въ муниципальные совѣты по случаю смерти и отставки нѣсколькихъ совѣтниковъ. Въ отвѣтъ на вызывающія выходы версальскаго собранія радикальная демократія повсюду провела своихъ кандидатовъ, за исключеніемъ одного парижскаго квартала, аристократическихъ *Champs Élysées*.

Въ Нантѣ была нанесена сильнѣйшая пощечина клерикализму: жеръ Лелу, смѣщенный за бездѣйствіе власти во время беспорядковъ, вызванныхъ возвращеніемъ лурдскихъ пилигримовъ, прошелъ во главѣ избирательнаго списка.

Но это было только предлюдіе къ другой, гораздо болѣе серьезной избирательной борьбѣ въ восьми департаментахъ, въ которыхъ, тотчасъ по закрытіи сессіи, президентскимъ декретомъ были назначены на 27 апрѣля выборы восьми депутатовъ въ замѣнъ выбывшихъ изъ палаты. Строго говоря, нужно было

одновременно созвать избирателей еще трех других департаментовъ, но, злоупотребляя закономъ, позволяющимъ оставлять депутатскія мѣста вакантными въ теченіи шести мѣсяцевъ, правительство отложило эти выборы изъ опасенія того, чтобы Лионъ, также входящій въ число этихъ департаментовъ, не выразилъ протеста противъ упраздненія своей центральной меріи избраніемъ бывшаго мера Бароде.

Но дѣло приняло характеръ совершенно противный тому, который старались придать ему наши черезъ-чуръ ловкіе политики. Хотѣли воспрепятствовать протесту Лиона, но вмѣсто него выразилъ этотъ протестъ Парижъ и еще съ большимъ блескомъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, я кажется сообщилъ вамъ о приговорахъ въ средѣ республиканцевъ, собиравшихся въ Парискомъ семейномъ кружкѣ, — нинѣ запрещенномъ и приговоренномъ къ штрафу, — въ виду болѣе или менѣе близкакъ общахъ выборахъ, также и въ виду выборовъ дополнительныхъ. Я, вѣроятно, упоминалъ о томъ, какъ маленькая группа ревностныхъ гражданъ, образовавшихъ изъ себя очень скромный комитетъ, составила формулу полномочій для объединенія дѣятельности радикальной партіи во время этихъ уже давно ожидаемыхъ дополнительныхъ выборовъ. Такъ какъ избирательная реформа является главнымъ конькомъ реакціи, то комитетъ хотѣлъ было предложить парижскую кандидатуру Ледриу-Роллену, главному организатору всеобщей подачи голосовъ. Однакожъ, онъ наотрѣвъ отказался отъ депутатства.

Такимъ образомъ, въ моментъ созванія избирателей, радикалы были въ очень затруднительномъ положеніи, не находя чловека, на столько извѣстнаго, чтобы быть принятымъ всею парижскою демократіею, и могущаго вступить въ борьбу съ министромъ Ремюза, кандидатура котораго, уже въ то время возвышенная, должна была принять характеръ консервативный и офиціальныи. Тогда-то совершенно случайно, въ частномъ собраніи республиканцевъ Монмартра, одинъ изъ нихъ заговорилъ объ зкьсь-мерѣ Лиона. Другой изъ присутствовавшихъ носѣишилъ образовать федеральный республиканскій избирательный комитетъ Сенсваго департамента, который принялъ уже готовую программу, — немедленное распущеніе палаты, неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ, созваніе единого учредительнаго собранія, амнистія и снятіе осаднаго положенія, — и предложилъ ее Бароде. Въ самый день открытія избирательнаго періода, честолюбивый редакторъ «*Congrès*» и «*Avenir National*», который принялъ на себя инициативу для собранія ста тысячъ франковъ, нужныхъ для отправления французскихъ рабочихъ на Вѣнскую всамірную выставку, въ которыхъ отказало Версальское собраніе, Порталисъ рѣшился принять инициативу и кандидатуру лионсваго мера. Зналъ ли сколько эта кандидатура симпатична народнымъ массамъ «*République Française*» и

вся гамбеттистская партія также постѣшила присоединиться къ ней. Этому-же примѣру послѣдовали «*Garret*» съ маленькимъ «*Peuple souverain*», «*Evénement*» и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, чрезвычайно важный органъ мелкой буржуазіи «*Siècle*».

Между тѣмъ, съ перваго-же часа избирательнаго періода, дѣющаго полную свободу политическихъ сборищъ, вліятельные демократы двадцати парижскихъ округовъ стали собираться въ частныхъ собраніяхъ, созывать публичныя сходки, и назначили 184 делегата для составленія избирательнаго конгресса Сена-скаго департамента.

Въ обыкновенное время задача этого конгресса состояла-бы въ томъ, чтобы, во-первыхъ, опредѣлить программу и, во вторыхъ, избрать соотвѣтствующихъ ей кандидатовъ. Теперь-же ему пришлось только принять требованіе неприкосновенности муниципальных вольностей и другіе пункты программы, разработанной въ отдѣльныхъ собраніяхъ, и единогласно провозгласить Бароде кандидатомъ радикальныхъ избирателей Парижа. вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы какими-нибудь рѣзкими выходками не дать новаго повода къ нападеніямъ со стороны своихъ враговъ. Напротивъ того, онъ прежде всего, по предложенію гражданина Шассена, постановилъ, что принимаетъ названіе не *радикальнаго* и не *федеральнаго*, а просто *демократическаго республиканскаго конгресса*. Во вторыхъ, онъ постановилъ не обращаться ни съ какою прокламаціею къ народу и вмѣсто всякаго манифеста напечатать письмо, которымъ Бароде выражаетъ согласіе принять кандидатуру.

Это письмо, написанное самымъ простымъ языкомъ, по своей ясности, было лучшею *profession de foi*. Бывшій меръ «города Лиона, лишенаго своихъ муниципальных вольностей», принималъ во всемъ ея объемѣ программу, разработанную парижскими комитетами. Онъ удивлялся тому, что личностямъ, болѣе выдающимся, предпочли его, «скромнаго, но давняго служителя республики». Развѣ онъ могъ отказаться отъ такой чести, когда нужно было въ его лицѣ имѣть «торжественное доказательство солидарности, которая не только соединяетъ большіе города для защиты своихъ правъ, но которая связываетъ съ дѣломъ муниципальных вольностей всѣ общины Франціи?» Лионская демократія, благодарная парижанамъ за ихъ иниціативу, гордится тѣмъ, что одинъ изъ ея членовъ будетъ имѣть честь потребовать отъ имени столицы, «во-первыхъ, немедленнаго распушенія Версальскаго собранія, во-вторыхъ, безусловной неприкосновенности всеобщей подачи голосовъ, въ третьихъ, созванія въ самый короткій срокъ единаго собранія, которое вотировало-бы амнистію и снятіе осаднаго положенія».

Затѣмъ Бароде рекомендуетъ своей партіи единеніе и согласіе въ виду коалиціи партій различныхъ претендентовъ. Онъ объ-

являетъ, что наступила уже пора «выйти изъ невѣдѣнности, которая обезсиливаетъ страну, ободряетъ злоумышленниковъ и приводитъ въ отчаяніе самыхъ друзей правительства». Онъ доказываетъ примѣрами предшествовавшихъ дополнительныхъ выборовъ, что республиканская демократія привлекла на свою сторону страну «своею умѣренностію, порядкомъ и дисциплиною», и благодаря «гарантіямъ, которыя она одна можетъ дать идеямъ правосудія и прогресса». Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ,—восклицаетъ онъ:— въ Версали не хотѣтъ слушать голоса страны. Повторимъ-же наши твердыя, но умѣренныя предостереженія. Ныѣшніе выборы составляютъ только предисловіе къ выборамъ общимъ. Постараемся-же отнынѣ приготовиться къ этому великому національному суду. Самымъ избирателямъ предстоитъ постановить рѣшеніе, означающее въ одно время: *распущеніе и республика!*»

Если бы не законъ противъ Ліона и не послѣднія выраженія ненависти деревенщины къ республиканскимъ городамъ, кандидатура Бароде не была-бы поставлена и кандидатура графа Ремюза, предложенная свободно, внѣ всякаго правительственнаго вліянія, могла-бы имѣть такой-же успѣхъ, какъ нѣкогда кандидатура Вотрева. Неисполненное обѣщаніе перенесенія собранія въ Парижъ, дѣйствительно, имѣло гораздо меньше значенія, чѣмъ освобожденіе территорій, ускоренное при содѣйствіи почтеннаго министра иностранныхъ дѣлъ. Къ несчастью, возникнувъ въ кабинетѣ Тьера по предложенію окружныхъ меровъ, не избираемыхъ народомъ, и тотчасъ-же взятая подъ покровительство главы государства, кандидатура эта съ самаго начала приняла характеръ officialный и уже этимъ самымъ отвратила отъ себя большую часть избирателей, привыкшихъ еще во времена имперіи по принципу отвергать всѣхъ правительственныхъ протеже.

Вотъ почему радикальнѣйшіе члены лѣвой республиканской стороны, сами опасаясь столкновенія между «необходимымъ» человекомъ и всеобщей подачею голосовъ, порѣшили обратиться къ Ремюзу, прося его отказаться отъ этой кандидатуры. Но министръ, признавшись, что онъ не дорожитъ депутатствомъ, объявилъ, что «это его не касается». Нѣкоторые обратились къ тому, «кого это касалось»; но Тьеръ былъ непоколебимъ; онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхѣ!

Увлечшись этимъ убѣжденіемъ, *маленькій буржуа* безъ труда сообщилъ его своимъ вѣрнымъ друзьямъ лѣвой умѣренной стороны. Эти республиканцы должны были впрочемъ тотчасъ-же разочароваться, при видѣ «генеральнаго комитета поддержки кандидатуры де-Ремюза», образовавшагося подъ предѣлительствомъ Алуу, и составленнаго изъ смѣси орлеанистовъ и *либеральныхъ* имперіалистовъ, поддерживавшихъ въ 1870 году министерство Оливье.

Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко и болѣе дѣятельные

члены комитета Ремюза, какъ напимѣръ Эмианюэль Араго, Дюллеръ и пр., старались вытребовать отъ министра иностранныхъ дѣлъ непременно республиканское заявленіе, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ немедленнаго созванія ліонскихъ избирателей.

Правительство проколебалось лишнюю недѣлю; ліонцы не могли быть созваны ранѣе 11 мая, вмѣстѣ съ избирателями трехъ другихъ департаментовъ, — въ томъ числѣ департамента Верхней-Віенны, депутатомъ котораго былъ прежде покойный Сень-Маркъ Жярарденъ. Сюда же былъ включенъ и департаментъ Луары, потерявшій, два дня спустя, знаменитаго Доріана.

Сначала правительство, созывая не всѣхъ избирателей, имѣло въ виду избавить отъ протеста Ліона; назначеніемъ-же, впоследствии, дополнительныхъ выборовъ въ Ліонъ, одновременно съ Парижемъ, оно хотѣло обезпечить успѣхъ кандидата Тьера.

Но это *chassez croisez* не удалось. Открытіе избирательнаго періода въ ронскомъ департаментѣ послужило только къ легальному открытію знаменитаго комитета улицы Гроле, центральнаго комитета республиканскихъ избирателей Ліона. Первымъ его постановленіемъ было не перенесеніе въ Ліонъ кандидатуры Бароде, но принятіе парижской кандидатуры, чтобы скупить солидарность двухъ главныхъ городовъ Франціи. Тремя послѣдовательными депешами республиканскій демократическій конгрессъ двадцати двухъ избирательныхъ округовъ департамента Севы былъ приглашенъ указать на гражданина, который долженъ былъ, въ замѣнъ Бароде, быть избранъ ліонскимъ радикаламъ. Конгрессъ рѣшился принять резолюцію, предложенную Шассеномъ:

«Принимая во вниманіе, что, по принципу, самимъ избирателямъ принадлежитъ право непосредственно избирать себѣ представителей, опредѣлявъ сущность полномочій, которыя они должны принять на себя, конгрессъ считаетъ своимъ долгомъ предоставить самимъ ліонскимъ избирателямъ избрать того изъ парижскихъ гражданъ, котораго они сочтутъ достойнымъ быть ихъ представителемъ».

Между тѣмъ, по требованію своихъ республиканскихъ приверженцевъ, Ремюза рѣшился подписать циркуляръ къ сенскимъ избирателямъ, составленный въ кабинетъ Тьера, при содѣйствіи главныхъ членовъ лѣвой умѣренной стороны. Въ этомъ циркулярѣ говорилось о содѣйствіи его очищенію территоріи, о его парижскомъ происхожденіи, о его постоянной любви къ законности, о его пятидесятилѣтней дружбѣ съ президентомъ республики.

— И, прибавляетъ онъ:—принялъ по убѣжденію и поддерживалъ съ вѣрностью политику, столько разъ выраженную президентомъ въ своихъ рѣчахъ и посланіяхъ (читай: въ посланіи 13-го ноября) политику, возстановившую миръ и порядокъ внутри, поддержавшую силы государства посредствомъ реорга-

дизајнъ финансовъ и арміи, *сдѣлавшую изъ республики правительствомъ устойчивое и внушающее довѣріе*, и главное сдѣлавшую возможнымъ близкое очищеніе территоріи.

Но, какъ для консерваторовъ, такъ и для республиканцевъ нужно было разъяснить одно очень щекотливое обстоятельство: какой смыслъ министерскій кандидатъ придаетъ тремъ органическимъ законамъ, которые должно представить правительство, согласно конституціи тридцати.

— Это законы, — говоритъ Ремюза: — могутъ имѣть въ виду только *организацию правительства республики*, утвердивъ его посредствомъ правильныхъ учреждений, *соответствующихъ тому всякъ время*, и основанныхъ на *неприкосновенности всеобщей подачи голосовъ*.

Въ виду безсилія комитета Аллу и нападеній реакціонной прессы, «республиканскій комитетъ» ознаменовалъ свое открытіе подъ предсѣдательствомъ Карно, прокламаціей, въ которой, благодаря парижанъ за ихъ протестъ въ пользу Ліона, и приглашая ихъ дать случай самимъ ліонцамъ избрать своего бывшаго мера, онъ объяснял, на сколько избраніе Ремюза *необходимо*, такъ какъ оно должно «утвердить правительство въ республиканской политикѣ, тѣмъ болѣе, что въ своей *profession de foi* министръ высказался и за утверженіе республики и за «главный вопросъ, отъ котораго зависитъ всѣ остальные: *за неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ*».

Для большаго успѣха кандидатуры Ремюза, комитетъ Карно выставляетъ мотивированныя заявленія возможно большаго числа депутатовъ и вліятельныхъ членовъ республиканской партіи, поддерживающихъ кандидатуру Ремюза. Въ числѣ послѣднихъ, прежде всѣхъ красуется имя итальянца Чернуски, вызвавшаго въ 1848 году баррикады въ Миланѣ, бывшаго въ Римѣ помощникомъ Мадзини, пріобрѣтшаго чрезвычайную популярность въ 1870 году своимъ щедрымъ даромъ въ 200,000 франковъ антиквизитарному комитету, и удалившагося съ политическаго поприща послѣ печальной смерти своего друга Шодэ. До самаго дня выборовъ на стѣнахъ красовалось его заявленіе, что отъ выбора Ремюза зависитъ основаніе республики, и что Парижъ, достаточно доказавшій свой республиканизмъ, долженъ еще доказать свой *политическій тактъ*.

Рядомъ съ этимъ *заявленіемъ* виднѣлось другое, полученное не безъ труда, словесно отъ Греви. Въ этомъ отрывкѣ изъ разговора, кандидатура Бороде признается «*большою ошибкою съ точки зрѣнія утверженія республики*», *неумѣстнымъ предостереженіемъ*, могущимъ ослабить правительство, «которое нуждается въ томъ, чтобы ему дали силы для борьбы съ врагами республики» и, наконецъ, актомъ крайне *не политическимъ*, могущимъ, какъ разъ въ то время, какъ страна начала освобождаться отъ своего предубѣжденія относительно демократическаго режима,

«дать новое оружіе въ руки тѣхъ, которые стараются залучить націю, чтобы заставить ее снова обратиться вспять».

Этотъ-то страхъ и доставилъ главнымъ образомъ кандидатурѣ Ремюза столькихъ приверженцевъ въ средѣ республиканскихъ депутатовъ, и вызвалъ даже образованіе въ пользу нея третьяго комитета, составленнаго изъ фантазеровъ, нѣкогда красныхъ, теперь же съ неслышанною рѣзкостью и безтактностью нападавшихъ въ газетахъ и уличныхъ прокламаціяхъ на кандидатуру Бароде. Изъ этой-то среды и исходили главнымъ образомъ дикія статьи, появлявшіяся въ самую послѣднюю минуту въ различныхъ газетахъ, какъ напримѣръ, въ «National», кричавшей: «Подавать голосъ за Бароде, значить, подавать голосъ за продолженіе засѣданій собранія и за изуродованіе всеобщей подачи голосовъ!»

Комитетъ Карно-Араго-Анри Мартенъ и пр., не столь несправедливый по отношенію къ своимъ противникамъ, въ своихъ различныхъ сообщеніяхъ ограничивался указаніями на послѣдствія, которыя можетъ повлечь пораженіе Тьера и его правительство говорить избирателямъ: «Мы вмѣстѣ съ вами поддерживаемъ *неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ. Поддержите насъ!*»

Послѣдняя прокламація республиканскаго комитета, подписанная 72 депутатами и 16 парижскими муниципальными и сенскими генеральными совѣтниками, и поддержанная цѣлою сотнею, болѣе или менѣе выдающихся, республиканцевъ, состояла въ слѣдующемъ:

«Избиратели, *де-Ремюза желаетъ республики и неприкосновенности всеобщей подачи голосовъ.* Вотъ что вызываетъ противъ него злобу реакціи. Не нужно нерѣшительности въ виду этой злобы. Оно опредѣляетъ наши обязанности. Ботируйте всѣ за Ремюза!»

А въ самомъ низу этой прокламаціи можно было прочесть написаннаго мелкимъ шрифтомъ слова: «скрѣпилъ: Ремюза».

Но въ тотъ же день, за сорокъ восемь часовъ до выборовъ, изъ пятнадцати монархическихъ депутатовъ, поддерживающихъ его кандидатуру, десять напечатали длинное письмо къ графу Карлу Ремюза, въ которомъ они высказываютъ, что между нимъ и лицами, поддерживающими его кандидатуру, не *выяснено*, исключаетъ ли его заявленіе въ пользу *неприкосновенности всеобщей подачи голосовъ* необходимость реформы нынѣшняго избирательнаго закона. Не требуя торжественнаго отвѣта, они удовольствуются, если не будетъ сдѣлано возраженія на ихъ собственное толкованіе, «признающее оскорбленіемъ министра подозрѣніе его въ томъ, чтобы онъ былъ способенъ, въ качествѣ кандидата, отречься отъ заявленій, сдѣланныхъ президентомъ республики отъ имени правительства». И послѣ своего письма,—противъ котораго Ремюза не думалъ протестовать,—они напечатали сначала рѣчь Тьера въ комисіи тридцати но

поводу будущей избирательной реформы, и то мѣсто изъ доклада горцога де-Врольи, въ которомъ указывается на полное соглашеніе правительства и комисіи относительно необходимости *пересмотра* избирательнаго закона 1849 года въ смыслѣ обезпеченія искренности всеобщей подачи голосовъ гарантіями, состоящими главнымъ образомъ въ «продолженіи срока пребыванія въ давномъ избирательномъ округѣ».

Это объясненіе, совершенно противоположное тому, которое дѣлали республиканцы, поддерживающіе ту же кандидатуру, выказало вполне двусмысленность, кроющуюся въ имени Ремюза.

Вынужденные заявленіемъ шестнадцати членовъ муниципальнаго и генеральнаго совѣтовъ нарушить свое молчаніе, прочіе двадцать восемь членовъ тѣхъ же совѣтовъ рѣшились публично высказать свое сочувствіе кандидатурѣ Бароде. «Убѣжденные въ томъ, что двусмысленная политика, возбуждая тревогу въ странѣ, служить главнымъ препятствіемъ къ развитію труда и общественнаго благосостоянія, они протестуютъ противъ кабинета, всѣ дѣйствія котораго были внушены этою политикою, и учредительные проекты котораго угрожаютъ *безусловной неприкосновенности* всеобщей подачи голосовъ и свободѣ будущаго собранія». Они также хотятъ «дать силу правительству, но силу, которую бы оно могло употреблять на пользу республики, а не въ ущербъ демократическимъ интересамъ».

Радикальные депутаты республиканской униі, въ числѣ сорока двухъ, также сочли своимъ долгомъ поддержать кандидатуру Бароде, одобрить его программу и провозгласить, что «официальный характеръ и двусмысленное значеніе кандидатуры де-Ремюза не позволяютъ республиканскимъ избирателямъ принять ее, не измѣнивъ своему долгу и интересамъ демократіи».

Наконецъ, Сенскій демократическій республиканскій конгрессъ, встревоженный главнымъ образомъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на верѣшительную буржуазію заявленіемъ Гревн противъ кандидатуры Бароде, счелъ въ послѣднаго минуту своимъ долгомъ обнародовать адресъ къ народу. Въ немъ заключаются, какъ нельзя болѣе приличныя по формѣ нападенія на прошедшее и настоящее де-Ремюза, имѣющія преимущественно въ виду доказать, что почтенный старецъ, бывшій министръ Людовика Филиппа, въ 1850 г. вполне одобрявшій законъ 31-го мая, исключившій изъ числа избирателей до трехъ милліоновъ человекъ, не можетъ совершенно искренно обратиться къ *демократической* республикѣ и *неприкосновенности* всеобщей подачи голосовъ. Этотъ документъ заканчивается слѣдующими замѣчательными словами:

— Всякое измѣненіе, всякое ограниченіе всеобщей подачи голосовъ порождаетъ или революцію, или государственный переворотъ. Мы не хотимъ ни государственныхъ переворотовъ, ни революцій, ни Орлеановъ, ни бѣлаго знамени, ни втораго декабря!

СХУІІ.

Выборы 27-го апрѣля.

Въ послѣднюю недѣлю избирательнаго періода одно обстоятельство, обратившееся въ смѣшное, еще болѣе увеличило запутанность положенія, раздѣливъ и партію консерваторовъ на двѣ фракціи, одну за, другую противъ Ремюза.

Вонапартистская газета «Gaulois» пригласила открытыхъ враговъ республики собраться въ залѣ Герцъ, составить свой комитетъ, и избрать кандидата столь-же враждебнаго министру Тьера, сколько и эксъ-меру Ліона. Въ Казино-Каде были особенно бурныя сходы, въ которыхъ публика помѣнялась даже нѣсколькими тумаками. Но ни одна изъ нихъ не отличалась такимъ безпорядкомъ, какъ сходка приверженцевъ порядка. Только одинъ ораторъ былъ выслушанъ до конца. И кто-же? Донъ Кихотъ имперіализма, хвастунишка Поль-де-Кассаньякъ! Никто-бы, конечно, не могъ ожидать, чтобы этотъ легкомысленный молодой редакторъ «*Revue, journal de l'empire*», внезапно сталъ предаваться проповѣдямъ à la Воссюэтъ, толкуя о единеніи всѣхъ защитниковъ религіи и общества въ виду «республики, которая дѣйствительно менѣе всего насъ разъединяетъ, но только потому, что она болѣе всего внушаетъ къ себѣ отвращеніе». Онъ старается противъ кандидата пролѣтой и ненавистной республики, равно какъ и противъ двухъ старцевъ, «между которыми бьется несчастная Франція, растерявшаяся Суссана», отыскать нѣм, значеніе котораго было бы ударомъ республикѣ и угрозой Тьеру, и, наконецъ, изъ ненависти и презрѣнія къ «жирондистамъ въ родѣ Ремюза», освящаетъ тайный бракъ легитимизма съ имперією, усновленіе Наполеона IV Генрихомъ V.

Что это, фарсъ? Нисколько. По постановленію, вотиванному въ залѣ Герцъ 19-го апрѣля 1878 года, «ежеднй консерваторъ обязанъ съ одинаковою энергією бороться противъ кандидатуры Ремюза и Бароде», для чего учреждается *консервативный избирательный комитетъ*, составленный изъ приверженцевъ Генриха V и Наполеона IV, подъ предсѣдательствомъ молодого оратора правой стороны, самого де-ла-Рошфуко, герцога Визаччіа.

Такъ-какъ нѣкоторые маркизы осмѣлились было найти такой союзъ недостойнымъ и высказать сомнѣніе на счетъ того, чтобы графъ Шамборъ одобрилъ его, «Union» и «Gazette de France» сочли своимъ долгомъ заявить, что изъ Фросдорфа не прислано еще ничего, выражающаго неодобреніе подобному образу дѣйствій.

Сначала, примиренные монархисты лиліи и орла, выдвинули

ямя, известное только имъ однимъ, нѣкоего переврещеннаго еврея Либмана, отличеннаго ими за попытку оказать сопротивленіе занатію 4-го сентября 1870 года законодательнаго корпуса. Но на большомъ собраніи консерваторовъ, это имя не встрѣтило особаго сочувствія, тогда какъ имя Стоффеля, предложеннаго неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно какъ, вызвало взрывъ энтузіазма.

Де-Виваччіа и де-Кассаньянъ начали хлопотать о томъ, чтобы соединить всѣ анти-республиканскія газеты вокругъ бѣлаго и лиловаго знамени. Но даже «Figaro», чистый легитимистъ, хотя и очень нечистый забавникъ, отказался раздѣлить вѣрное пораженіе, равно какъ и его постоянная союзница «Presse», редактируемая сенаторомъ Артуромъ де-Лагероньеръ. Маленькій «Français» Вюффе продолжалъ высказывать равнодушіе къ этому дѣлу; а «Journal de Paris» и «Soleil» объявили, что хотя они и не соглашаются съ тѣмъ, что по истолкованію комитета Карно придаетъ республиканскій характеръ кандидатурѣ министра иностранныхъ дѣлъ, но тѣмъ не менѣе *во всякомъ случаѣ подадутъ голосъ за графа Ремюза.*

Такимъ образомъ разоблачился секретъ игры Тьера, старающагося сохранить собственную власть и подготовляющаго будущность сына и внука своего прежняго друга и короля.

Парижскій депутатъ Эдгаръ Кюне описалъ, ни сколько не стѣсняясь, весь этотъ планъ, въ письмѣ къ избирателямъ, которое, хотя и не было вывѣшено на стѣнахъ, имѣло тѣмъ не менѣе громадное вліяніе.

— Кандидатура Ремюза, — говоритъ онъ, — прикрывается, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, кандидатуру герцога Омальскаго на президентство республики. Вся эта кампанія была предпринята для того, чтобы разъединить республиканскую партію, заставить столицу отречься отъ истинной республики и вырвать у сбившихся съ толку департаментовъ такое-же бессмысленное новое собраніе.

Въ другомъ письмѣ, другой знаменитый историкъ Луи-Блазъ съ горечью воспоминаетъ любезности радикальной партіи относительно Тьера, нѣсколько разъ спасеннаго ею отъ заговоровъ правой стороны; онъ говоритъ, что, если онъ и его друзья рѣшились возстать противъ Ремюза, то потому только, что, демократическая партія, продолжая оказывать содѣйствіе Тьеру, обязана соразмѣрять это содѣйствіе съ даваемыми ей доказательствами готовности слѣдовать внушеніямъ истинно республиканской политикѣ.

Произносилъ за пять дней до выборовъ въ частномъ собраніи въ Вельвиллѣ длинную рѣчь, Гамбетта постарался главнѣйшимъ образомъ взглянуть впечатлѣніе, провозведенное на буржуазію заявленіемъ Гриви о «большой ошибкѣ», которую представляетъ собою кандидатура Бароде. Онъ краснорѣчиво перевелъ то,

что въ теченіе двухъ лѣтъ хотеть сказать всеобщая подача голоса правительству республики и Тьеру:

— Я высказываюсь такимъ образомъ не для того, чтобы поколебать ваше значеніе, не для того, чтобы низвергнуть васъ, а для того, чтобы привлечь васъ къ себѣ, просвѣтить и убѣдить васъ. Прислушайтесь къ голосу, раздающемуся въ всѣхъ общинахъ Франціи, и ваша власть перестанетъ зависѣть отъ нѣсколькихъ голосовъ версальскаго собранія; ваша власть станетъ самою сильною и самою уважаемою изъ властей, потому что она будетъ основываться на большинствѣ страны... Франціи надобно тонкости, хитрости, двусмысленности, ей нужна ясность и логичность. Если она требуетъ распущенія версальскаго собранія, то потому, что не хотеть, не понимаетъ и не можетъ допустить, чтобы *учредителями* являлись легитимисты, орлеанноты и бонапартисты, которые могутъ организовать все, что угодно, кромѣ республики».

«Но не нужно думать, — досказываетъ краснорѣчивый депутатъ, при аплодисментахъ аудиторіи: — не нужно думать, что великая республиканская демократическая партія намѣрена отказаться послѣ освобожденія территорій отъ умѣренности и терпѣнія, которыми она отличалась во время осуществленія этой высокой патріотической задачи; партія эта понимаетъ, что даже послѣ окончательнаго признанія республики, потребуются еще долгіе годы для созданія истинно-республиканскихъ нравовъ и осуществленія идеала правосудія и свободы.»

Выводъ изъ всего этого тотъ, что радикальные выборы 27-го апрѣля и 11-го мая ни въ какомъ случаѣ не будутъ означать объявленія войны Тьеру, не будутъ только напоминаніемъ собранію 8-го февраля 1871 года, что оно не должно настаивать на сохраненіи своей власти.

Рѣчь Гамбетты и письма Эдгара Кине и Луи-Блана, очень распространившіяся въ теченіе послѣднихъ дней избирательнаго періода, принесли столько-же пользы кандидатурѣ Бароде, сколько письмо десяти консерваторовъ принесло вреда кандидатурѣ Ремюза, которую оно хотѣло поддержать. Двусмысленность стала очевидною даже для близорукихъ.

Въ придмѣстьи Сенъ-Жерменъ красовалась надпись: «Графъ де-Ремюза, консервативный кандидатъ»; въ центрѣ города: «де-Ремюза, кандидатъ», безъ эпитета; въ сѣверныхъ-же народныхъ кварталахъ: «Ремюза, республиканскій кандидатъ». Въ одномъ мѣстѣ афиши были желтыя, въ другомъ сѣрыя, въ третьемъ розовыя. Передъ монмартрскою меріею я видѣлъ громадную афишу, нѣчто въ родѣ синтеза рекламъ трехъ комитетовъ, напечатанную на трехцвѣтной бумагѣ.

Открытая въ воскресенье 27-го апрѣля въ шесть часовъ утра и закрытая въ шесть часовъ вечера, баллотировка совершилась въ полномъ порядкѣ, не вызвавъ нигдѣ никакихъ волненій. Публичный счетъ голосовъ, за которыми трепетно слѣдило населеніе

всякаго квартала, тоже не возбудилъ безпорядковъ или протестовъ. Съ девяти часовъ вечера и далеко за полночь сотни тысячъ людей расхаживали по центральнымъ бульварамъ, оспаривали другъ у друга прибавленія къ газетамъ, и горчато, но мирно обмѣнивались разсужденіями о послѣдовательно узнаваемыхъ цифрахъ. Вокругъ комитетовъ Ремюза въ улицѣ *Basse de Remprat* и *Richelieu* собирались громадные сборища буржуазіи; въ улицѣ-же *Соф-Негон*, передъ мѣстомъ засѣданія постоянного бюро республиканскаго демократическаго конгресса, толпы рабочихъ окружали экипажи, привозившіе делегатовъ съ результатами выборовъ въ различныхъ округахъ. По мѣрѣ того, какъ сводились счеты голосамъ, одинъ изъ членовъ конгресса спустился изъ типографіи Дюбуиссона и выкрикивалъ на тротуарѣ:

— Граждане, Бароде имѣеть перевѣсъ въ 10,000, въ 20,000 голосовъ!

Когда-же побѣда стала извѣстною во всей своей громадности, раздались неумолкаемые браво и крики: «да здравствуетъ республика!»

Такимъ образомъ была выражена главная цѣль парижскаго голосованія 27-го апрѣля: основаніе республики, распушеніе монархической палаты, неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ. Вотъ на что хотѣли обратить вниманіе того слѣдуетъ 180,000 избирателей Бароде. А сколько еще нужно прибавить сюда голосовъ, желающихъ того-же, но послѣдовавшихъ совѣту Гриви и Ланглуа и доставившихъ двусмысленной кандидатурѣ Ремюза почтенную цифру 135,500 голосовъ?

Кто-то въ комитетѣ Карно воскликнулъ при полученіи перваго извѣстія о неудачѣ министра иностранныхъ дѣлъ:

— Эти выборы убьютъ республику!

Своимъ громовымъ голосомъ Эмманюэль Араго возразилъ на то:

— Нѣтъ, не говорите этого, это не правда!.. Голоса, поданные за Бароде и де-Ремюза, должны быть сложены въ пользу республики... Намъ триста тысячъ человекъ, требующихъ республики... Если искренніе республиканцы и раздѣлялись между двумя кандидатурами, республикѣ не угрожаетъ никакой опасности; она сильнѣе теперь; чѣмъ когда-нибудь!

И въ комитетѣ побѣжденныхъ, какъ и въ конгрессѣ побѣдителей раздались крики: «да здравствуетъ республика!»

Въ дѣйствительности при этомъ великомъ столкновеніи бюджетной, позорное пораженіе понесла только клерикальная партія. Кандидатъ лалій и фіалокъ, полковникъ Стоффель, представлявшій союзъ легитимизма съ имперією, получилъ всего 28,000 голосовъ.

Невозможно вычислить, какая часть голосовъ, полученныхъ Ремюза, приходится на долю орлеанистовъ. Но легко понять, что орлеанизмъ своею поддержкою только содѣйствовалъ неудачѣ министерской кандидатуры.

Что же касается до правительства, такъ неловко впутавшагося въ эту исторію, то ударъ коснулся его только въ одномъ отношеніи. Оффиціальная кандидатура, какъ-бы ее ни замаскировали, внушаетъ всеобщей подачѣ голосовъ отвращеніе. Только потому, что де-Ремюза и его кандидатура находились подъ покровительствомъ высшихъ властей, многіе буржуа торговыхъ кварталовъ, возмущавшіеся нѣкогда вмѣшательствомъ въ выборы императорской администраціи, подали голосъ за Бароде. Эта сторона неудачи министра, личнаго друга Тьера, имѣетъ то важное значеніе, что показываетъ, какъ мало будутъ имѣть вліянія при будущихъ общихъ выборахъ всякія внушенія свыше.

Реакція почувствовала это. Она испугалась результата парижскихъ выборовъ, равно какъ и выборовъ семи другихъ департаментовъ, одновременно призванныхъ къ избирательнымъ урнамъ. Одинъ Морбигонъ, гдѣ не знаютъ въ деревняхъ французскаго языка, гдѣ крестьяне, какъ два вѣка тому назадъ, прозабуютъ на бесплодныхъ ландахъ въ невѣжествѣ, приводившемъ въ ужасъ Севинье, доставилъ легитимисту Бодану пятнадцать тысячъ голосовъ болѣе, чѣмъ получилъ въ мелкихъ городахъ этой мѣстности его конкурентъ, республиканецъ Бове.

Во всѣхъ прочихъ департаментахъ въ Нievрѣ и Коррежѣ, такъ же, какъ и въ Марнѣ и Юрѣ, въ Жирондѣ и Устьяхъ Роны, получили перевѣсъ демократы. Сосчитавъ сумму всѣхъ избирателей, принимавшихъ участіе въ плебисцитѣ 27-го апрѣля, оказывается, что республика утверждается большинствомъ 72,000 голосовъ противъ 13,000 монархистовъ всѣхъ отгѣнковъ.

Сугуброды имперіализма, легитимизма, клерикализма, приверженцы консерватизма, не пренебрегающіе, гдѣ случится, пушками, люди элегантнаго разврата, «Gaulois», «Union», «Univers», «Figaro» и пр., принялись испускать самыя яростныя вопли. Одинъ призываетъ всѣ громы неба и ада, и митрализмъ земли на 180,000 парижскихъ поджигателей и на всѣхъ прочихъ провинціальнымъ убійцѣ. Другой, родившійся въ Эльзасѣ, жагѣетъ о томъ, что предпочелъ освѣрженное отечество отечеству завоеванному. Третій, ехидствуя, возвѣщаетъ, что довольно уже защищать общество и теперь намѣренъ возвратиться къ частной жизни изъ страха сдѣлаться заложникомъ. Четвертый требуетъ, чтобы собраніе немедленно возвратилось съ вакаціи и, не теряя ни минуты, посадилъ на лошадь генерала, который бы перерѣзалъ *радикальную сволочь* и морализировалъ избирателей, сославши большую часть ихъ въ Каенну.

Не теряя до такой степени головы, маленькая группа хитрецовъ, сфабриковавшихъ конституцію тридцати и доставившихъ президентство палаты Бюффе, старается усилить ударъ, нанесенный самолюбію Тьера пораженіемъ покровительствуемаго имъ кандидата, и убѣдить *маленькаго буржуа*, что если онъ тотчасъ же не станетъ во главѣ реакціоннаго большинства, то

онъ прежде, чѣмъ остальное общество, будетъ уничтоженъ тѣмъ, что онъ нѣкогда называлъ «низкою чернью».

Но къ счастью, радикалы не думаютъ злоупотреблять своею побѣдою. Всѣ парижскіе и провинціальныя органы ихъ стараются смягчить революціонное значеніе выборовъ 27-го апрѣля. Повторяя версальскому собранію, что всеобщая подача голосовъ подтвердила ему приказаніе разойтись, ничего не учреждая, они воздерживаются отъ всего, что могло бы быть хоть сколько-нибудь непріятно Тьеру, на мѣсто котораго они иного не предлагаютъ. «République Française» выражаетъ свое полное уваженіе и послушаніе нынѣшнему правительству, предлагаетъ ему свои услуги, но проситъ Тьера, чтобы онъ «управлялъ республиканскою страной, слѣдуя республиканскимъ принципамъ, и обратилъ взоры на будущее, переставъ смотрѣть исключительно въ прошлое».

Герой же 27-го апрѣля, ліонскій эксъ-меръ, не поминавшій Ліона во все продолженіе избирательнаго періода, изъ опасенія, чтобы его присутствіе въ Парижѣ не послужило поводомъ къ волненіямъ, пишетъ своимъ 180,000 избирателямъ, благодаря ихъ за избраніе:

— Извѣстно теперь, что мы хотимъ основать республику на уваженіи къ законамъ, на самодержавной власти всеобщей подачи голосовъ... Будемъ же продолжать слѣдовать мудрой и патриотической политикѣ, которой мы держались до сихъ поръ. Чѣмъ мы сильнѣе въ численномъ отношеніи, тѣмъ болѣе мы должны выказывать себя спокойными, терпѣливыми, умѣренными, однимъ словомъ, достойными принять въ свои руки управленіе интересами нашей великой страны. *Моя кандидатура не была кандидатурою борьбы...* Дѣло шло не о томъ, чтобы бороться съ правительствомъ, а о томъ, чтобы просвѣтить его. Я постараюсь доказать при первомъ удобномъ случаѣ, что духъ согласія и единства получить во мнѣ новаго представителя, чѣмъ я и надѣюсь оправдать ваше довѣріе.»

Тьеръ, сначала крайне раздраженный, очень скоро вернулся къ своему спокойствію и ироническому оптимизму. Приближенные его увѣряютъ, что онъ объясняетъ пораженіе своего министра-кандидата подозрѣніями, вызванными безтактностями версальцевъ по отношенію къ всеобщей подачѣ голосовъ и къ большимъ городамъ. Онъ принималъ вѣсколько разъ республиканцевъ комитета Карно и объявилъ имъ, что онъ считаетъ себя связаннымъ заявленіями, сдѣланными де-Ремюза и тѣми, которые поддерживали его кандидатуру; что онъ рѣшился сохранить всеобщую подачу голосовъ во всей ея неприкосновенности; что онъ убѣжденъ, что всякое правительство, которое захотѣло бы быть представителемъ реакціи, повергло бы страну въ самую ужасную изъ междоусобныхъ войнъ; что одна республика въ состояніи сохранить порядокъ, и что нѣкогда

еще онъ такъ ясно не сознавалъ необходимости тѣсно соединить правительство съ республикою.

И такъ, Тьеръ намѣренъ воспользоваться урокомъ, даннымъ ему народомъ? Неудача не обратила ли его окончательно къ республикѣ съ *республиканцами*? Не составитъ ли онъ завтра же министерство изъ членовъ лѣвой стороны, кабинетъ Гревя, согласно правиламъ истиннаго представительнаго режима? И не ожидаетъ ли 19-го мая, для того только, чтобъ убѣдить самодержавное собраніе, присвоившее себѣ право самому постановить свой смертный приговоръ, въ необходимости распушенія?

Безъ сомнѣнія это былъ бы самый естественный и логическій исходъ національнаго кризиса. Но захочетъ ли Тьеръ завтра того, чего не хотѣлъ вчера? И если захочетъ, то сможетъ ли онъ осуществить это? Соглашенія съ партією герцоговъ и конституціею тридцати дадутъ ли ему полную свободу дѣйствій? Не слишкомъ ли онъ старъ для того, чтобы замѣнить политику интригъ политикою твердыхъ принциповъ? Не слишкомъ ли онъ слабъ для того, чтобы сѣумѣть противостать послѣднимъ усиліямъ коалиціи всѣхъ монархическихъ элементовъ?

Клодъ Франкъ.

Парижъ 1-го мая 1878 г.

ПО ПОВОДУ ТРЕХЪ КАРТИНЪ.

«Грѣшница» — г. Семирадскаго; «Бурлаки» — г. Рѣпина и «Утро во дворѣ Анны Іоанновны» — г. Якоби.

Помните вы споръ двухъ дамъ города NN о платьи, на которомъ «все глазки и лапки, глазки и лапки». — Ахъ, та сѣге, это пестро! говорить дама «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ». — Ахъ, да нисколько же не пестро, нисколько! утверждаетъ «просто пріятная дама». И сколько эти дамы ни спорили, а вопросъ о глазкахъ и лапкахъ остался вопросомъ, такъ сказать, открытымъ...

Газеты города С.-Петербурга—какъ пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и просто пріятныя—очутились недавно точь-въ-точь въ положеніи дамъ, по поводу глазокъ и лапокъ трехъ названныхъ произведеній отечественныхъ художниковъ.

— Ахъ, та сѣге, картина Семирадскаго пестра!

— Ахъ, да нисколько-же не пестра, нисколько!

— Бурлаковъ Рѣпина никакимъ перомъ описать нельзя...

— Напротивъ, та сѣге, грѣшницу Семирадскаго нельзя! а бурлаки—это я и не знаю чтò!—фа! какая гадость!

— Бурлаки прелесть, а вотъ ваша грѣшница, такъ ужъ точно-что гадость! выходила изъ себя дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

О третьемъ произведеніи—исторической сатирѣ г. Якоби, наши дамы не спорили,—можетъ быть изъ скромности, отличающей ихъ полъ (неочтительная картина въ почтенныя залы академіи допущена не была), а можетъ и потому, что сатиры вообще не по дамской части.

Какъ-бы то ни было, но слушатели начали приходить въ замѣшательство. Которая же, изъ двухъ вретъ? спрашивали они себя, или ужъ не обѣ ли врутъ? И кто-же, наконецъ, прелесть—бурлаки или грѣшница? Нѣкоторые, по слабости характера, готовы были призвать обонхъ прелестными, другіе склонялись въ противную сторону. Я не отчаиваюсь однако, что по лижайшемъ разсмотрѣніи, соглашеніе можетъ быть достигнуто и истина окажется какъ разъ посерединѣ.

Каждая картина хороша по-своему и каждая совершенно-противуположна другой, онѣ ни мало не исключаются одна

но,—напротивъ, только лучше отъѣнять одна другую. Реалистъ и идеалистъ, — это какъ брюнетка и блондинка рядомъ, очень выгодный контрастъ. Развѣ оттого, что г. Рѣпина тянетъ на Волгу, къ желтымъ пескамъ ея береговъ, къ оборваннымъ, невзрачнымъ, обращеннымъ въ двуногий вьючный скотъ бурлакамъ,—въ этотъ сѣрый будень трудовой, близкой намъ дѣйствительности,—а г. Семирадскій уносится въ далекіе вѣка, подъ лучезарныя небеса, въ свѣтлые пирѣ—природы и жизни,—развѣ, говорю, за это непременно слѣдуетъ котораго-нибудь оштрафовать? А вѣдь наши критикующія дамы поступаютъ именно такимъ образомъ: а! ты не на Волгѣ?—штрафъ! или: ты не обзавелся грѣшницами?—не стѣишь ты того, чтобы жать тебѣ на сѣтѣ! Точно область искуства такъ узка, что ее можно сплосить населить одними грѣшницами, или всю предоставить въ собственность бурлакамъ! И хорошо еще, что художники, по русской своей натурѣ, приговоры начальства не всегда принимаютъ къ непремѣнному исполненію, а то, представьте только себѣ, какія грѣшницы приходили-бы къ одному изъ нихъ съ Волги и какіхъ бурлаковъ подарили-бы идеалы древности другому!

Можно, разумѣется, поставить во главѣ бухгалтеріи поэта (у насъ и это случается), а во главѣ литературы — бухгалтера, но первый все-таки не перестанетъ писать стиховъ, а второй — изумлять міръ необыкновеннымъ совершенствомъ своихъ приходо-расходныхъ статей! И какаѣ же произойдетъ отъ этого польза для бухгалтеріи и для литературы? Никакой также не произойдетъ пользы ни для кого, если и г. Семирадскій начнетъ лить самыя искреннія слезы надъ судьбою запряженнаго въ яму человѣка, а самъ передастъ кистью совсѣмъ не то. Пускай лучше г. Рѣпинъ посѣщаетъ Волгу, а потомъ показываетъ намъ съ реальностью и наблюдательностью *ему* врожденною, какъ бѣдный волжскій бурлакъ натравляетъ мозоли на плечахъ, какъ рубища его плохо защищаютъ отъ зноя и стужи; пускай это драма глухая, темная, эти оборванные люди—закаленные герои, какіхъ не одѣваетъ пуриуръ и злато,—каковъ г. Семирадскому до нихъ дѣло? Его идеалы не тѣ, его сфера не эта! Блескъ и красота, драгоценныя каменья и вино, ширна разгула и страстей, древняя іудея и міръ восхитительныхъ легендъ, — почти вѣчеловѣческихъ существъ... Христосъ, ступающій въ величій своей побѣдной простоты; всепобѣждающая красота еврейской блудницы, побѣжденной его единымъ чистымъ взоромъ... лазурное небо, тѣни оливы: таковы идеалы г. Семирадскаго. Къ нимъ не проецировано желѣзныхъ дорогъ даже безшабашѣйшими героями концессій изъ среды современныхъ іудеевъ... Къ нимъ добрался на собственныхъ парахъ воображенія тѣ, у кого ихъ «разведаетъ» великодушная природа...

Вотъ г. Яковъ напричѣтъ, прокатился на всѣхъ парахъ въ XVII вѣкъ, остановился передъ самымъ крыльцемъ дворца Ав-

ны Иоанновны, и по томамъ «Русской Старины», какъ по ступенямъ, поднялся прямо въ кабинетъ императрицы. И прекрасно сдѣлалъ, ибо то, что онъ тутъ увидѣлъ, совершенно стоило такого путешествія. Никѣмъ не замѣченный, онъ увидѣлъ лежащую въ постели больную государыню и разыгрываемую передъ нею великолѣпную чехарду. Пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ, онъ обращается къ г. Семевскому, — тѣмъ котораго витала тутъ-же, — и получаетъ отъ него указаніе на источникъ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ томъ, что чехарда признавалась въ то время однимъ изъ средствъ для отогнанія недуга... Онъ погружается въ источникъ по горло, и черезъ два, три года усиленнаго труда, выноситъ изъ него интересную, умную и мѣткую картинку, — до того мѣткую, что увлеченныя ею потомственные самолюбія закрываютъ ей своимъ влияніемъ доступъ на выставку... Не въ силахъ они были, однако, закрыть (буквально) дверь мастерской художника — съ утра и до сумерекъ...

Всѣ эти произведенія вытекаютъ, такъ сказать, изъ литературы, и подобно тому какъ рѣки текутъ — одни изъ горъ и льсовъ, а другія и изъ болотъ, — картины наши берутъ свое начало — одна въ г. Некрасовѣ, другая въ графѣ А. Толстомъ, третья — даже въ г. Семевскомъ.

Глядя на «Бурлаковъ» г. Рѣпина, нельзя не сказать: да, это вы, старые знакомые, давно какъ есть, на лету подхваченные перомъ и только теперь попадающіе подъ кисть. И все-то вы тѣже, словно время только для того и топтало васъ своею тяжелой лапою, чтобъ затоптать навѣки въ ту западню, изъ которой нѣтъ выхода на волю!

Унымый, сумрачный бурлакъ,
 Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
 Такимъ и нынѣ увидалъ:
 Все ту же пѣсню ты поешь,
 Все ту же лямку ты несешь,
 Въ чертахъ усталого лица
 Все та жь покорность безъ конца...

Впечатлѣніе молодого художника сосредоточивается на этомъ скорбномъ предметѣ. Онъ отправляется на Волгу, пишетъ съ натуры пустынный берегъ, вылизанный зазорами песогъ, каменный и глубокий, и шагающаго подъ ярмомъ бурлака —

Не краше узника въ тѣняхъ...

Вотъ онъ во-очію проходитъ предъ его палитрой —

Тверда постыла слова,
 Отъ вѣка тѣже: «разъ да два»!
 Съ болезненнымъ прищѣвомъ: ой!
 И въ тактъ мотая головой...

Кисть поражена невиданнымъ богатствомъ лохмотьевъ, включенностью бородъ и волосъ, мѣднымъ загаромъ лицъ, воловьимъ напряженіемъ шей, надорванностью влячь... Она съ

жадностью схватываетъ эти характерныя типы, особенныя движенія—все, до послѣдней дыры лаптей... Картина-этюдъ, безъ хитрости, безъ фона, почти безъ пятенъ, высмотрѣнная копия съ природы, является на свѣтъ съ трезвою правдою жалкой дѣйствительности. Два-три года назадъ такими именно были «Бурлаки» г. Рѣпина. Въ нихъ самого художника было еще мало, зато не было и тѣхъ слѣдовъ усилія, которыя обнаружили впоследствии не вполне опытное, хоть и положительное дарованіе. Дѣло въ томъ, что г. Рѣпинъ—самому-ли ему это показалось нужнымъ, или его на то подбили,—затѣялъ изъ этюда сдѣлать картину! И онъ ее сдѣлалъ: явилась и даль Волги, и дымящійся гдѣ-то далеко пароходъ, какъ живой узоръ немилосердно-напрягаемому до сихъ поръ человѣческимъ силамъ на этой рѣкѣ; фигуры и ихъ выраженія выступили отчотлавленіемъ... Но свѣжесть первыхъ впечатлѣній поуяла, сочность первой работы нѣсколько подсохла; локотья, бороды и все, какъ говорится, *перешло*. Словомъ, похвальное само по себѣ для начинающаго художника стремленіе—еще чего-нибудь да добавить, еще что-нибудь да выразить,—не обнаружило именно того, что показалось приятной во всѣхъ отношеніяхъ дамбъ: сравненія съ *любочайшими* созданіями Гоголя и *полною* обладанія средствами своего искусства». Чувство мѣры дастся современемъ и г. Рѣпину, а пова, превосходящія всякую мѣру комплименты должны его нѣсколько конфузить...

Вотъ г. Семирадскій такъ дѣйствительно владѣетъ средствами своего искусства, и именно красотой, блескомъ, внѣшнимъ его обаяніемъ, виртуозностью. И какое-бы развитіе ни принялъ этотъ изъ ряда выходящій талантъ, а блестящимъ онъ всегда останется—ручательствомъ тому настоящая картина. Здѣсь все блеститъ: и краски, и письмо, и сочиненіе. Общаго блеску, общей красоты столько, что подробности, отдѣльности исчезаютъ—онѣ залиты этимъ блескомъ, и вамъ остается любоваться только прелестью пятенъ, игрою свѣта и тѣни, тою явнучею струею вдохновенія и фантазій, которая такъ и бьетъ изъ картины.

Внѣшность картины обворожительна. Чудный южный пейзажъ служитъ фономъ сюжету, который искусно-сгруппированныя фигуры уже наглядно выражаютъ, а двѣ изъ нихъ—нарядная иудейка, отдѣлившаяся отъ пирующихъ, и строгій мужъ въ простой бѣлой одеждѣ, впереди такихъ-же строгихъ, какъ онъ, учениковъ—составляютъ центръ сюжета. Та группа, съ женщиной, вызвавшаяся соблазнить—покорить силою плоти силу духа и эта группа—вырѣзываются очень рельефно: пятномъ тѣни на пятнѣ свѣта... Но въ этихъ группахъ, въ этихъ пятнахъ не ждите отыскать подробностей такихъ-же прекрасныхъ, какъ самыя группы и пятна. Г. Рѣпинъ покажетъ вамъ каждую свою фигуру,—какъ-бы подведетъ къ ней,—дастъ разсмотрѣть въ упоръ каждое лицо, каждый нервъ на этомъ лицѣ;

вы близко познакомитесь и съ этими людьми-буivolомн, навалившимися грудью на хомутъ, которымъ даже *такой* трудъ ни почемъ, людьми, выдержавшими столько-же пробъ, сколько выдерживаетъ крѣпостная пушка, и не лопнувшими, какъ и она... вы узнаете и тотъ жестокий потъ истощенія, какой обтираетъ дырявымъ рукавомъ на лбу измотавшаяся въ ямеѣ вляча-буракъ; содрогнетесь при видѣ мальчика, ярмомъ надсаживающаго несложившуюся еще грудь; улыбнетесь маневру солдата, который, какъ плутоватая лошадь, будто натягиваетъ построики, а въ сущности не везетъ. Словомъ, тутъ именно вы изъ отдѣльностей получите впечатлѣніе общаго, подробностями составите себѣ картину. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Семирадскаго. У него не только отдѣльныя фигуры, лица и ихъ выраженія, но даже и вообще фигуры и лица не отвлекаютъ взоровъ ни отъ сіяющаго неба, ни отъ этихъ тающихъ въ немъ далекихъ горъ, ни отъ этой дуплистой оливы, выбивающейся изъ холста вѣткою серебрястой листвы своей,—но эта вѣтга, и эта прелесть пейзажа чуть-ли даже не могущественнѣе на васъ дѣйствуютъ, чѣмъ фигуры, и ужъ во всякомъ случаѣ удовлетворяютъ болѣе, чѣмъ главныя—первыя, такъ сказать, сюжеты картины. И вотъ въ чемъ слабость, большое мѣсто настоящаго г. Семирадскаго. Говорю—настоящаго, потому что будущее все въ его рукахъ: сбрось онъ съ себя впечатлѣніе знаменитаго Маварта, подѣ влияніемъ блестящихъ фантазій котораго онъ несомнѣнно находится, — и изъ него выйдеть первоклассный художникъ; но продолжай олъ слѣдовать за своимъ опаснымъ образцомъ, и талантъ его погубы! Дорога за высокодаровитнымъ, сумасбродомъ Германіи способна привести только къ сумасбродству. Вѣдь и «Пиръ во время чумы» Маварта, ошеломившій, нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣвственные взоры академическихъ аргузовъ, замѣчательнѣе болѣе злоупотребленіемъ и извращеніемъ таланта, чѣмъ смѣлыми особенностями. Та прелесть и сила колорита, виртуозность письма, прихотливость фантазій и гармоническое богатство патентъ, какимъ блистаетъ эта безумная по содержанию работа, могутъ и должны служить школою для молодыхъ художниковъ, но школою менѣе положительною, чѣмъ отрицательною: принять ее можно не иначе, какъ выбросивъ изъ нея всѣ волчецы,—иначе пища получится нездоровая. Мавартъ до такой степени непонятенъ, что его можно разсматривать во многомъ какъ мистификатора, какъ пародиста, почти какъ живописнаго Офенбаха! Серьезно-ли онъ, въ здоровомъ умѣ и трезвомъ состояніи, или пронизивая надъ законами логики и искусства, пишетъ свой живописный бредъ—часто и рѣшить трудно. Онъ иногда Гофманъ, это правда; но, повторяю, иногда и Офенбахъ... И вдругъ—принимать его за образецъ! А что воображеніе г. Семирадскаго поражено имъ, это доказываетъ уже вторая работа: первая—«Ночной пиръ время цезаризма», гдѣ сказались одни

недостатки образа, и теперешняя—«Грѣшница», въ которой нашъ молодой художникъ является уже соперникомъ своего учителя. Здѣсь уже таже бойкость кисти и сила колорита, таже прелесть пятенъ и увлекательность цѣлаго, таже богатая фантазія и творчество сразу, какъ у Мазарта. Но—пусть тутъ же будетъ и конецъ погони за обаятельными вѣшностями европейскаго мастера: онъ догнанъ, и довольно! теперь надо идти *своею* дорогою съ запасомъ такъ легко и поразительно скоро приобрѣтенныхъ сокровищъ техническихъ. Въ какихъ-нибудь три года—послѣ академической программы на «Довѣріе Александра Македонскаго къ врачу», безколоритной и скучной, и вслѣдъ за декоративно-красивымъ «Ночнымъ пиромъ»,—явиться съ «Грѣшницей»—огромною картиною, полною фантазія, блеска и силы, притомъ написанной, какъ слышно, въ какихъ-нибудь девять мѣсяцевъ, — это такое прохожденіе художественнаго поприща, какого едвали запомнятъ художественные старожилы... Девять мѣсяцевъ—срокъ достаточный, чтобы родиться на свѣтъ человѣку; но родить цѣлые десятки ихъ, какъ то сдѣлалъ г. Семирадскій на своей картинѣ, въ девять мѣсяцевъ нельзя. Мудрено-ли, что у него, при необычайной его производительной способности, вышли недовоски. Да, именно недовоски—это слѣдуетъ знать такому таланту, какъ г. Семирадскій. Основной мотивъ и композиція картины, повторяю, прелестны: одна половина пируетъ и услаждается плотски; прохладныя тѣни покрываютъ пьяную, разгулавшуюся толпу нагихъ до половины мужчинъ и женщинъ... а другая—накалена солнцемъ юга, и вереница строгихъ аскетовъ, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, устало шествуетъ по горячей землѣ, неся міру строгія истины и примѣры... Вѣтхій извѣщенный міръ сталкивается съ новымъ—суровымъ и твердымъ, и это столкновеніе наглядно выражено въ образахъ: сила *того* міра—красота формъ, выходитъ на бой съ силою *этого* міра—красотою духа. Но наглядность выраженія, поразительная сразу, тотчасъ выдаетъ несостоятельность выраженія. Главныя фигуры, которымъ поручено воплотить въ себѣ два міра, два типа, два такихъ яркихъ контраста, какъ Христосъ и блудница, — и недовольно типичны, и недовольно выразительны. Посмотрите на грѣшницу. Это-ли царица красоты того вѣва, въ который воздвигались красотѣ

Блѣнраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ курились оміями
Отъ зори и до зори!

Этой-ли раздобрѣвшей, перезрѣлой римской натурщицѣ, тяжело закутанной въ напрасно скрывающія ея формы одежды,—вызывать на бой неколебимую силу новаго вѣва? Еслибъ г. Семирадскій такъ положительно не могъ быть заподозрѣваемъ въ тенденціозности, то, пожалуй, можно бы подумать, что онъ именно несоблазнительностью своей героини и хотѣлъ

объяснить легкость побѣды, одерживаемой новыми людьми. Но художникъ нашъ — художникъ по преимуществу, идеалистъ, служитель чистаго искусства, поклонникъ красоты для красоты.. И вотъ онъ не умѣлъ — вѣрнѣе будетъ сказать, я полагаю — не успѣлъ найти истинно-красивую, молодую, стройную, дѣйствительно-соблазнительную женщину, передъ зазывающими чарами которой устоять точно подвигъ; не сдѣлалъ даже того, что сдѣлалъ его поэтъ: у того

Сквозняи ткани дразнить око...

А тутъ — ничто не дразнить! голыя руки и плечи, выставленная ступня ноги — такъ грубы, такія бабы, что лучше-бы и ихъ уже не выставлять вовсе — дразнить они никого не мѣ силахъ. А между тѣмъ, и въ самомъ Римѣ, и за стѣнами Рима, въ Компаньи римской, въ Олевано, Альбано, Деженсано — вездѣ, въ каждой деревушкѣ, можно отыскать: у фонтана, въ виноградникахъ, гдѣ хотите, такія головки, такіе торсы, руки, ноги — словомъ, такихъ совсѣмъ готовыхъ царицъ красоты, которыя, особенно подъ сквозными тканями, въ самомъ дѣлѣ, могутъ держать пари, что врядъ-ли чье око не раздражится и устоять передъ соблазномъ... И вотъ гдѣ *нуда* (нагота) имѣла бы свое законное мѣсто — не та нагота для наготы, единственная цѣль которой — вызвать слюнки у зрителя, а нагота, въ которой все дѣло — весь смыслъ событія.

И такъ, художникомъ-идеалистомъ, поклонникомъ красоты формъ, идеаль-то этой красоты и не достигнуть — типъ вѣка, ей поклонившагося, не выраженъ. Это съ внѣшней стороны. Внутренняго выраженія — того, какое должно-бы быть — тоже нѣтъ: избалованная, увѣренная во всепобѣдности своей, красавица, смущена, побѣждена, подавлена невѣдомою ей до тѣхъ поръ силой: взглядъ спокойнымъ и чистымъ мужчины. Отразить на ея лицѣ охватившее ее чувство — задача интересная, и не легкая. До разрѣшенія ея нужно добиваться, доходить; на это одно девята мѣсяцевъ и болѣе можетъ понадобиться. Но художнику не терпится; онъ общимъ патномъ доволенъ: яркая, разубранная, блестя перстнями и заплатами, женщина предстоить, опустивъ покорно голову и выронивъ кубокъ передъ худымъ, простымъ, въ бѣлой грубой одеждѣ человѣкомъ; тотъ на нее смотритъ — просто смотритъ и больше ничего. Художнику этого довольно — благо и фигуры не велики; не биться-же, въ самомъ дѣлѣ, пова лица выразить все, что выразить отъ нихъ требуется — долго будетъ! Вотъ онъ взялъ да и далъ ея лицу — выраженіе, какое дала бы Растори на сценѣ, а его — никакого не далъ выраженія, — вѣдь онъ *просто смотритъ!* И точно, онъ просто смотритъ, но ужъ до того просто, до того просто... что ужъ даже совсѣмъ простовато...

Внѣшность Христа также ординарна, какъ и грѣшницы. Герои драмы не вышли. Главное не додѣлано. Это контрастъ

г. Рѣшину: тотъ слишкомъ много сдѣлалъ—передѣлалъ картину; г. Семирадскій—слишкомъ мало—онъ главнаго въ картинѣ не додѣлалъ: ея внутренняго смысла. Оттого картина вышла не серьезнымъ историческимъ произведеніемъ, а блестящимъ жанромъ, даже пейзажемъ съ фигурами... Самнй размѣръ послѣднихъ тому способствовалъ. Бдльшій масштабъ далъ-бы возможность гораздо полнѣе разработать выраженія главныхъ дѣйствующихъ лицъ; но онъ-же потребовалъ-бы и еще болѣе труда и времени, а нашъ художникъ спѣшилъ, спѣшилъ, спѣшилъ... И чего было такъ спѣшить? Горяча вдохновенія, такъ пламенно охватившая картину, нисколько не остыла-бы, разъ нанесенная на холстъ, а тѣмъ временемъ выносилось-бы и явилось недостающее выраженіе лицъ: красивый холстъ — пейзажъ и жанръ — переродился-бы въ превосходную историческую картину. Для такого результата стоило-бы повременить, и если посѣтителы вѣнской выставки не увидѣли бы, какое яркое дарованіе у г. Семирадскаго, за то они не увидѣли бы и того, какъ не грѣшница спасовала передъ Христомъ, а самъ художникъ спасовалъ передъ обоими... По моему, можно было выбрать лучше и моментъ столкновенія этихъ двухъ противоположныхъ началъ. На картинѣ мы видимъ уже его послѣдствія: красота проиграла, потупила глаза; кубокъ вина, которымъ вакханка сопровождала свой вызовъ, валется на ступеняхъ, и сама она, шатаясь, хватается за стѣну... Было бы и нагляднѣе и картиннѣе (правда, и еще труднѣе!) изобразить *самый* моментъ столкновенія: вотъ она, увѣренная въ своей неотразимости, спускается съ отѣенныхъ ступеней и идетъ твердымъ и смѣлымъ шагомъ, съ вызовомъ во ввортъ, съ кубкомъ вина, прямо на встрѣчу этому скромному страннику, палимому солнцемъ... Вотъ она передъ нимъ—лицомъ къ лицу... Но смѣлость ее покидаетъ, какое-то неизвѣстное до тѣхъ поръ чувство оковываетъ побѣдныя взоры, и изъ дрогнувшей руки валится кубокъ...

Если бы въ художникѣ не было такъ много Макарта и хоть капелъка нашего Иванова, то онъ остановился-бы не на томъ, а на этомъ моментѣ. Именно — остановился-бы. Но молодымъ силамъ не терпится—онѣ бѣгутъ такъ шибко, что часто пробѣгаютъ и самую цѣль...

Я нарочно приберегъ къ концу г. Якоби. Какъ художникъ наиболѣе зрѣлый изъ трехъ и уже окончательно сложившійся, онъ представилъ и произведеніе совершенно зрѣлое. Вдохновителемъ его является г. Семевскій, не впервые нарушающій покой художественныхъ помисловъ г. Якоби. Всѣ эти маркизы де-Шетарди и иные, входъ къ русскому двору имѣвшіе, собиратели закулисныхъ тайнъ его женскаго періода, хроникеры его забавъ и увеселеній, до трагическихъ катастрофъ,—все это, лишь недавно вошедшее въ литературу, подъ руку съ г. Семевскимъ,—выступаетъ на холстъ уже во второй работѣ г. Якоби. «Арестъ Бирона», нѣсколько лѣтъ назадъ, послужилъ какъ-бы пробою:

живописецъ плѣнился интереснымъ пятномъ ночного ареста, въ бѣлую петербургскую ночь и темною спальней, озаренной фонаремъ. Пятно вышло точно эффектное, но картина, бѣдная содержаніемъ, сочиненная наскоро, написанная довольно грубо, почти декоративно. Можно было опасаться, что художникъ вступитъ на дурную дорогу, и прежнія свои щедрія общанія не сдержитъ, по дурной привычкѣ большинства нашихъ талантовъ... Въмѣсто того, онъ подноситъ теперь композицію сложную, умную, со всѣхъ сторонъ обдуманную и соображенную, исполненіе тонкое и изящное, письмо колоритное и мастерское, гармонію въ самой вопіющей пестротѣ костюмовъ, алыхъ, синихъ, зеленыхъ, бархата, кружева, галуновъ, убранства комнаты, типовъ и движеній двадцати-шести лицъ, въ ней участвующихъ (не считая попугаевъ!). Прибавьте къ этому, что всѣ лица историческія, и написать ихъ нужно было съ сохранившихся, всюду раскиданныхъ, а иногда и запыленныхъ современныхъ портретовъ, но не скопировать, а принаровить въ данному повороту, освѣщенію, выраженію и т. д. Приходилось напрягать изобрѣтательность, пускаться на ухищренія и смѣлныя попытки. Такъ мальчишка Бирона (сына), портрета котораго не существуетъ въ такомъ возрастѣ, художникъ добылъ слѣдующимъ остроумнымъ способомъ: онъ написалъ копію съ портрета Бирона-отца и, посадивши на натуру своего сына, вылепилъ его дѣтскіе мускулы и нѣжное ребяческое тѣло на старческой маскѣ... Вышелъ маленькій Биронъ—вылитый отецъ! Не ясно-ли, какой громадный трудъ задалъ себѣ и одолѣлъ художникъ! и одолѣлъ въ какихъ-нибудь два-три года!

Я назвалъ картину г. Якоби сатирою. Это, пожалуй, не совсемъ вѣрно: не она сатира на то, что изображаетъ, а сатира *то*, что она изображаетъ. Посмотрите — и вы согласитесь.

Императрица въ постели. Она лежитъ, окруженная придворными, въ роскошной спальнѣ, со стѣнами, расписанными и раззолоченными, во вкусѣ пестраго французскаго искусства того вѣка; прихотливыя богатыя ширмы, ковры и тысячи всякихъ принадлежностей сливаются съ такимъ-же богатствомъ костюмовъ вельможъ и женщинъ... Ближайшее къ ней лицо—герцогъ Биронъ, сидитъ въ креслѣ, заложивъ нога на ногу, и чиститъ себѣ ногти. Уже по тому, какъ онъ ихъ чиститъ, и какъ заложена эта нога на ногу, вы признаете въ немъ хозяина: онъ здѣсь дома. Улыбка не то пренебрежительная, не то самодовольная, вытягиваетъ слегка его тонкія губы. Но врядъ-ли она вызвана тѣмъ, что черезъ согнутую спину лысаго князя Голицына только-что перескочилъ и растянулся на коврѣ молодой графъ Апраксинъ, въ бархатѣ, въ кружевахъ и съ коровьимъ волоколомъ на шеѣ, за что мальчишка—герцогъ и подстегнулъ его бичомъ... Биронъ улыбается тѣмъ смѣтнямъ, какія нашептываетъ ему начальникъ тайной канцеляріи, *Ушаковъ*, стоя за кресломъ... Улыбнутся-ли отъ нихъ тѣ, до кого онѣ касаются,

это другое дѣло, но герцогъ улыбнулся. Жена его, герцогиня, подобострастно, подаетъ министру государинѣ, которая также мало замѣчаетъ усердное кувырванье, какъ генераль перекидывающихся передъ нимъ на улицѣ солдатъ. Это обязательныя формальности, которыя выносятся, и только. Одна безобразная карлица-шутиха, Важенова, съ босыми, поджатыми ногами, сидя подлѣ, на коврѣ, залезаетъ полудіотскимъ смѣхомъ. Для нея барская чехарда, очевидно, представляетъ тонкую соль остроумія. Старый увалень, князь Волконскій, тѣмъ временемъ успѣлъ осѣдлать спину лысаго князя, и какъ плохой специалистъ по части шутовства, неловко повисъ на ней тяжело-вѣснымъ кулемъ. Совсѣмъ иначе выходитъ дѣло у настоящаго художника: Балабиревъ птицею взлетѣлъ поверхъ обоихъ и увѣнчалъ княжескую чехарду своею бойкою, смышленною фигурою съ перьями на головѣ... Другой артистъ, Педрилло, взобрался на стулъ и, перекинувъ ногу черезъ руку, забавно наигрываетъ на скрипкѣ; третій — д'Агоста, шутъ уже совсѣмъ полосатый, сидитъ на полу и подстегиваетъ усердствующую группу длиннымъ бичемъ, съ привязаннымъ на концѣ пузырьремъ. Шутовская скрипка, съ акомпаниментомъ этого пузыря, должны были превосходить диссонансы даже у нашихъ музыкальных нововводителей... Красивымъ и очень умѣстнымъ пятномъ, приятно отгѣнившимъ коричневую калмычку, блеститъ молодая и цвѣтущая Лопухина; она тоже смѣется, но совсѣмъ иначе, чѣмъ ея сосѣдка и совсѣмъ отъ другого, — отчего—можетъ сказать такой-же, какъ она, молодой и красивый графъ Лёвенвальде, наклонившійся къ ея обнаженному плечу... Минихъ, Трубедкой и проч. — всѣ на лицо, и всякій занятъ своимъ, всякій отсутствуетъ, хотя присутствіемъ своимъ и заявляетъ участіе къ тому, что тутъ дѣлается. Французскій посланникъ, маркизъ де-Шетарди, поодаль, обличительнымъ зрителемъ присматривается къ любопытному позорищу, да Анна Леопольдовна какъ-то строго и чопорно окидываетъ глазами происходящее. Но мы забыли, да и не мы одни, а и всѣ присутствующіе въ спальнѣ, милѣйшаго Кириллу Васильевича Тредьяковскаго, который давно вошелъ, пристроился съ листомъ бумаги у порога, рядомъ съ попугаями, и всеголовно устремился-бы долу съ новою одою, если-бы только ему свиснули. Но никто не свиститъ и бѣдный пята уморительно привстаетъ на цыпочки, мня себя дать зрѣти изъ-за трехъ-этажной чехарды... Помѣщеніе его съ попугаями у самаго порога, и весьма остроумно и совершенно правдоподобно: темному профессору зловещія другого не могло быть и мѣста въ такомъ блестящемъ обществѣ. Незамѣченный вошелъ еще одинъ посѣтитель. Но этотъ и не хочетъ, чтобы его замѣтили. Онъ презрительно смотритъ черезъ плечо на всю эту сволочь и злобно стискиваетъ въ рукѣ докладъ государинѣ, явно здѣсь неумѣстный. Это знаменитый кабинетъ-министръ

Волинскій — до сихъ поръ герой нашихъ романистовъ, а теперь и живописцевъ...

Такова картина г. Якоби. Онъ вносить ея въ наше искусство элементъ исторической сатиры. Заслуга очевидная, особенно когда вносимое, помимо своего замысла и тенденции, въ то же время высоко-художественное само по себѣ произведение. Сообразить, скомпановать всю эту разнохарактерщину, ввестъ въ одинъ фокусъ эту пестроту нравовъ и костюмовъ пестрѣйшаго вѣка, и въ такой вопіющей пестротѣ—внутренней и вѣшной, умѣть водворить гармонію: такая задача по плечу только настоящаго мастера. И нашъ художникъ показалъ, что онъ, дѣйствительно, мастеръ. Остается пожелать ему остановиться во-время и не переступать черты, за которой достойное обличенія становится уже достойнымъ отверженія, а характерность и особенность переходить въ безобразіе и исключительность. Тамъ уже начинается область не искусства.

Какой-же выводъ изъ всего сказаннаго по поводу трехъ картинъ? А тотъ, что въ нашей молодой живописи явилось разомъ три, по ея возрасту, замѣчательныхъ и очень замѣченныхъ картины; вышло на сцену три художника, каждый съ своею физиономіею и талантомъ; одинъ старательнѣе и реальнѣе всѣхъ, другой, можетъ быть, даровитѣе, но всѣхъ нестарательнѣе, наконецъ, третій — искусствнѣе всѣхъ; и если у перваго кое-что передѣлано, а у втораго — недоуѣлано, то у третьаго всего какъ разъ въ мѣру: и старательности въ мѣру (нѣтъ лишней откровенности въ работѣ), и реальности въ мѣру (даже больная Анна Иоанновна въ ночномъ чепцѣ и въ постелѣ не отталкивается)... Значитъ, все обстоитъ совершенно благополучно и безопасности для любезнаго отечества, «въ славу которому, какъ извѣстно, нѣтъ равнаго», ничто не угрожаетъ, и значить совершенно напрасно терзаютъ другъ друга, изумли своею яростью саму версальскую палату, наши яриа партіи Рѣпинцевъ, Семирадинцевъ и (даже написать страшно) — Якобинцевъ!..

П. К.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢЧТО О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НАШЕГО ВѢКА.

«Изъ-за скрипки и короля», романъ въ двухъ частяхъ, Грегора Самарова. Сиб. 1873 г.

«Европейскія мины и контръ-мины», романъ Грегора Самарова. Сиб. 1873 г.

I.

Истина старая и давно всѣмъ извѣстная, что въ Европѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, существуютъ двѣ литературы, имѣющія очень мало общаго между собою: литература, борющаяся съ невѣжествомъ и литература, эксплуатирующая его и живущая на его счетъ. Что касается до первой, то если мы возьмемъ исторію ее въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ у различныхъ народовъ, то мы увидимъ, что при всѣхъ измѣненіяхъ ея содержанія, нравственный характеръ, типъ ея остается одинъ и тотъ-же. Гордая сознаниемъ приносимаго блага и въ то-же время скромная, она никогда не прибѣгаетъ ни къ пышнымъ рекламамъ и зазываніямъ, ни къ какимъ-либо инымъ кривымъ путямъ для своего распространенія и процвѣтанія. Примѣненія къ вѣку, компромиссы, пользованія минутою—не въ ея характерѣ. Единственное орудіе ея—истина, единственное стремленіе, руководящее ею, разлить хоть каплю свѣта среди всеобщаго мрака и въ этомъ отношеніи ей дѣла нѣтъ, просятъ-ли люди у нея этого свѣта, или имъ выгодно находится въ потемкахъ. Очень часто освѣщеніе ею потемковъ бываетъ совершенно невпопадъ, потому что ей приходится раскрывать такіа вещи, которыя только и могутъ совершаться въ потемкахъ; тогда всячески стараются загасить огонь, заженный нескромною и дерзкою освѣтительницею чelовѣческихъ мерзостей, но она опять зажигаетъ свой свѣточъ и благо бываетъ тому вѣку, въ которомъ возгарается много подобныхъ свѣточей и хоть на мгновенье разсѣется всеобщая мгла.

Совершенно иной типъ представляетъ литература, эксплуатирующая невѣжество и живущая на его счетъ. Впрочемъ, такая литература не можетъ имѣть постоянного и опредѣленнаго ти-

па, потому что примѣняясь къ духу вѣка, къ господствующимъ принципамъ, она измѣняется до безконечности, каждый вѣкъ, представляя иной характеръ. Такъ, напримѣръ, въ XV и XVI вѣкахъ, когда въ европейскихъ обществахъ на первомъ планѣ стояли религиозные вопросы, литература эта представляла массу религиозно-полюемическихъ брошюръ, причеъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ при дворахъ господствовало расположеніе къ протестантству, брошюры эти доказывали, что папа есть ничто иное, какъ антихристъ, а при католическихъ дворахъ антихристомъ оказывался, конечно, Лютеръ и всѣ вѣрные призывались встать дружною толпою вокругъ римскаго престола для борьбы съ исчадіями ада. Въ XVII и XVIII вѣкахъ, въ эту эпоху аристократической роскоши и иѣги, версальскихъ модъ, меценатства и ложнаго классицизма, промышленная литература надѣла модный парикъ и начала втераться въ придворныя передвія, гдѣ, сгибался въ три погибели, приравнивала извѣженныхъ женоподобныхъ свѣтскихъ селадоновъ къ героямъ классической древности. Такъ какъ легкомысленная, свѣтская знать, во всемъ вида однихъ наслажденій, и отъ литературы не требовала ничего болѣе, какъ пріятныхъ развлеченій, то и промышленная литература, примѣняясь къ этимъ требованіямъ, старалась всачески услаждать читателей картинами сантиментально-буколическими, пріятно щекочущими нервы, утонченною чувственностью.

Поэзія тебѣ полезна,
Пріятна, сладостна, любезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Сказавъ нѣкогда Державинъ, и, надо признаться, что нашъ російскій стихопромышленникъ XVIII вѣка какъ нельзя лучше опредѣлялъ этими стихами характеръ литературной промышленности своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, большинство читающей публики ничего въ то время не требовало отъ литературы, кромѣ вкуснаго лимонада, поэтому на литературномъ базарѣ и торговали въ то время преимущественно прохладительными пѣтіями для избранной и изысканной публики.

Но послѣ революціи европейскіе нравы совершенно измѣнились. Людямъ, услаждавшимъ себя нѣкогда прохладительными пѣтіями сдѣлалось уже не до лимонада. Выѣстъ съ тѣмъ, какъ не стало уже болѣе тѣхъ бѣшеныхъ денегъ, которыхъ прежде ничего не стоило бросать горстями сгибающимъ спинамъ пѣтамъ, и у пѣтъ отошла охота сравнивать съ классическими героями великодушныхъ меценатовъ. Начался вѣкъ господства буржуазныхъ принциповъ, вѣкъ промышленной конкуренціи и биржеваго ажіотажа, вѣкъ банкировъ-жидовъ, vorочающихъ дѣлами всей Европы и фабрикантовъ, этихъ феодальныхъ владѣтелей новѣйшаго времени съ замками фабриками и вассалами-фабричными работниками. Повинуясь вѣку, промышленная литература тотчасъ-же сняла съ себя всѣ модные наряды, кото-

рими она щеголяла прежде въ господскихъ переднихъ, и, вставши за прилавокъ, приняла всѣ нравы купеческой среды, нравы нашего вѣка. Переставши вослѣвать и трогать нѣжныя сердца, она пустилась въ торговлю, создала своего рода литературно-промышленный ажіотажъ. Подчинившись всѣмъ законамъ конкуренціи, законамъ предложенія и спроса, она начала ухаживать уже не за щедрыми меценатами, а за толпою покупателей. Эта толпа заявила совершенно уже не тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ искали въ литературѣ свѣтскіе люди XVIII вѣка. Ей оказались нужны не прохладительныя, сладкія питія, а горячительныя, возбуждательныя напитки, приготовленныя изъ алкоголя высшаго градуса и приправленныя каіенскимъ перцемъ. Литературная промышленность и начала изготавлять напитки подобнаго рода въ видѣ многотомныхъ романовъ съ клятвопреступленіями, кровосмѣшеніями, убійствами, — романовъ, нарочно предназначенныхъ для того, чтобы пронять самыя крѣпкіе буржуазныя нервы, въ которыхъ ужь если были бы представлены злодѣйства, такъ такіе, чтобы волосы становились дыбомъ у самаго закоренѣлаго злодѣя, а если преобладали бы сцены любви, такъ чтобы любовь описана была вся, какъ есть, во всей своей сути и со всею подноготною, безъ всякихъ эквивалентовъ и прикрытій. Но, впрочемъ, кромѣ этихъ возбуждательныхъ снадобій, у просвѣщенной буржуазіи оказались нѣкоторые и другіе спросы. Таковъ, напримѣръ, спросъ на романы съ нравственными сентенціями, которые представляли бы торжество буржуазныхъ семейныхъ добродѣтелей надъ пороками растленной аристократической среды. Промышленная литература не замедлила удовлетворить и этому спросу: начало являться множество романовъ съ чувствительными сюжетами, въ которыхъ изображаются ужасныя страданія бѣдной дѣвушки, обольщенной развращеннымъ маркизомъ и избавленной отъ нищеты и позора великодушнымъ предложеніемъ руки со стороны богатаго, но добродѣтельнаго молодого негоціанта, или же вообще угнетенная добродѣтель послѣ всевозможныхъ искушеній и испытаній награждается, наконецъ, милліономъ, а порокъ разоряется и доходитъ до долговаго отдѣленія. Но самый большой спросъ со стороны буржуазіи оказался на историческіе романы, то-есть такіе, въ которыхъ рядомъ съ возбуждательными снадобіями и съ поучительно-нравственными сентенціями, заключалась бы также и пища для ума, для приобрѣтенія различныхъ полезныхъ историческихъ свѣдѣній: понятно, что вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ вещественныхъ капиталовъ, буржуазія не прочь приобрѣтаетъ капиталы и умственные, особенно если они приобрѣтаются съ такою легкостью, какъ чтеніе романовъ. Промышленная литература не замедлила удовлетворить и этому спросу и начала терзать исторію и политику съ безцеремонностью уличной толпы, предающей разграбленію историческій музей. Боже, какіхъ только историческихъ эпохъ не перебрала промышлен-

ная литература въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ и ка-кихъ только историческихъ романовъ не напекла она, начиная съ Трехъ мушкетеровъ Ал. Дюма и кончая Тайнами Мадридскаго двора Борна! Наконецъ, не все же нравственность и приобрѣ-теніе умственныхъ свѣдѣній,—сытая и вседозволяная буржуазія весьма не прочь въ часы досуга немножко и пожуировать, осо-бенно пройтись по части клубнички,—и вотъ вамъ опять новый рядъ романовъ Поль-де-Кока, Февала, Габорио и пр., имѣющихъ специальную цѣль вселать въ васъ игривое расположеніе духа и возбуждать въ вашей фантазіи пріятныя представленія о томъ, какъ иные люди умѣютъ пользоваться жизнью.

Такимъ образомъ всю промышленную беллетристику можно исчерпать, раздѣливши ее на слѣдующія четыре категоріи: 1) романы историческіе, основанные на скандальныхъ при-дворныхъ хроникахъ; въ этихъ разсказахъ героями являются обыкновенно или демоническія фаворитки слабохарактерныхъ королей, или слабохарактерные фавориты энергическихъ коро-лей; 2) романы, изображающіе тайны различныхъ городовъ, основанные на бумагахъ полицейскихъ архивовъ; героями этихъ романовъ являются исполненные высшихъ добродѣтелей ге-ніальные сыщики, борящіеся съ мазуриками, вся жизнь которыхъ есть рядъ невообразимыхъ злодѣйствъ; 3) романы нравописа-тельные, героями которыхъ являются, какъ мы сказали выше, добродѣтельные негоціанты и, наконецъ 4) романы клубничные,— въ которыхъ пародируютъ на первомъ планѣ уже не герои, а героини, чарующія феи *demi mond'a*. Мы убѣждены, что какой бы вы ни взяли романъ, хотъ бы напиримѣръ изъ сборниковъ Г-жи Ахматовой,—непремѣнно онъ подойдетъ къ одной изъ этихъ категорій.

Подчинившись законамъ предложенія и спроса, промышленная литература приняла, какъ мы сказали, и всѣ нравы современной промышленности. И дѣйствительно, мы видимъ, что подобно тому, какъ всѣ промыслы все болѣе и болѣе переходятъ въ руки крупныхъ капиталистовъ, къ тому-же стремится и про-мышленная литература: не говоря уже о періодической прессѣ, которая немислима безъ крупнаго капитала во главѣ предпріятія и которая на западѣ все болѣе и болѣе переходитъ изъ рукъ литературныхъ капиталистовъ въ руки банкировъ, биржевыхъ игроковъ и евреевъ-спекулянтовъ, даже беллетристика клонится къ тому-же: по крайней мѣрѣ мы видимъ, что нынѣ возни-каютъ уже цѣлыя фабрики романовъ съ капиталистами, изда-телями во главѣ и съ работниками-пролетаріями, фабрикующими романы за ничтожную плату сообща, вполне примѣняя къ производству законъ раздѣленія труда. Подобно тому, какъ промышленность эксплуатируетъ невѣжество публики обмѣри-ваньемъ, обвѣшиваніемъ, продажей гнилыхъ товаровъ за свѣжіе и дешевыхъ за дорогіе, тоже самое дѣлаетъ и промышленная литература, убогое содержаніе растягивая на цѣлыя томы и

печатаютъ ихъ обыкновенно самымъ крупнымъ шрифтомъ, торгуютъ бездарностью, растлеваютъ нравы общества соблазнительными картинками циническаго разврата. Подобно тому, какъ всѣ роды промышленности имѣютъ обыкновеніе заманивать публику пышными и бросающимися въ глаза рекламами, на рекламахъ-же преимущественно основываетъ свой сбытъ и промышленная литература: дать книгѣ какое-нибудь такое ужасающее заглавіе, чтобы невольно замирали у всѣхъ сердца при взглядѣ на книгу, обернуть ее въ обертку необыкновеннаго цвѣта, повторять какъ можно чаще о ней публикаціи, перепечатывая при этомъ всевозможныя газетныя и журнальныя рецензіи хвалебнаго свойства,—все это давно вошло въ обычай литературныхъ нравовъ; но этимъ однимъ не ограничиваются уже наиболѣе энергичныя книжныя промышленники: они смѣло идутъ далѣе по стопамъ модныхъ и табачныхъ лавокъ, винныхъ погребовъ и проч., подобно тому, какъ тѣ пользуются каждымъ событіемъ дня, и приманиваютъ публику, облекая товары свои въ имена тѣхъ или другихъ историческихъ личностей, продавая напримѣръ матеріи цвѣта Бисмарка, табакъ Королевы Викторіи, шампанское Дагмары, такъ точно поступаютъ и книжныя промышленники: каждое историческое событіе непременно вызываетъ цѣлый рядъ романовъ и конечно, чѣмъ наиболѣе такое событіе обладаетъ всякаго рода интригами, казнями и всевозможными ужасами, тѣмъ съ большею жадностью бросается на него книжная промышленность; такимъ образомъ,—происходитъ напримѣръ революціи въ Испаніи и вотъ вамъ—«Тайны города Мадрида или грѣшница и кающаяся», «Изабелла или тайны Мадридскаго двора»; происходитъ казнь мексиканскаго короля, и сейчасъ-же является «Мексика или республика и имперія».

Такъ какъ промышленность всѣхъ родовъ находится въ Россіи еще въ зародышѣ, естественно, что и книжная далеко не имѣетъ еще у насъ такого грандіознаго развитія, какъ въ Европѣ и особенно во Франціи. Она имѣетъ видъ толкучей торговли старымъ тряпьемъ, чѣмъ преимущественно занимаются московскіе книгопродавцы, до сихъ поръ еще промышленныя изданіями сказокъ о Ильѣ Муромцѣ и Ерусланѣ Лазаревичѣ, о Георгѣ Милордѣ Англійскомъ или Коньѣ Горбункѣ. Другой видъ нашей мелкой книжной промышленности заключается въ уличной продажѣ ничтожныхъ брошюркъ, представляющихъ плодъ нашего доморощеннаго юмора самого топорнаго свойства: это сборники безграмотныхъ куплетовъ, повѣстухи о томъ, какъ русскій нѣмцу задалъ перцу; изрѣдка при этомъ является побужденіе примѣниться къ случаю: въ такомъ родѣ распродалась на Невскомъ недавно брошюра о не существующихъ еще правилахъ всесословной воинской повинности. — Оригинальная беллетристика имѣетъ у насъ только двухъ промышленниковъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, за то промышленники эти самого неблагоприятнаго и неприличнаго свойства

это Гг. Вс. Крестовскій и Стебницкій. Впрочемъ и они не держаютъ еще прохаживаться по всѣмъ четыремъ вышеупомянутымъ категоріямъ промышленной беллетристики: они избрали для своего скромнаго литературнаго поприща только двѣ категоріи: вторую и четвертую, т. е. романы, изображающіе тайны общества и романы клубничнаго содержанія. Что касается первой категоріи, то общую тему для романовъ обонхъ беллетристовъ доставила такъ называемая «словарная польская интрига»; но разрабатывая эту тему общими дружными усиліями Г-да Крестовскій и Стебницкій имѣютъ и каждый свою особенную специальность: Г. Крестовскій избралъ на свою долю мазурническіе трущобы различныхъ россійскихъ городовъ; Г. Стебницкій занимается тайнами раскольничьихъ сектъ. Что-же касается романовъ клубничнаго содержанія, то въ этомъ отношеніи наши беллетристы пошли по совершенно оригинальной дорогѣ: мѣсто нравовъ *demi-mond'a* занимаютъ въ ихъ романахъ нравы развращеннаго нигилизма и въ этомъ отношеніи они ловко сдумѣли уловить читателей на двѣ удочки: на удочку интереса дня и циническихъ сценъ слабразнаго свойства.

Но все это частности; по большей-же части наша промышленная беллетристика пользуется готовыми уже матеріалами западной промышленности. Не говоря уже о томъ, что переводить гораздо легче, чѣмъ производить и переводчики на литературномъ рынкѣ стоятъ почти даромъ; вообще всѣ иностранные товары, не исключая самыхъ низшихъ сортовъ, дѣнятся дороже русскихъ. Въ этомъ отношеніи существующіе у насъ журналы передовыхъ романовъ Гг. Ахматовой, Львова и пр. весьма напоминаютъ собою наши торговые дома въ родѣ напримѣръ Кумберга, основывающіе свою торговлю почти исключительно на комиссіонерствѣ между петербургскою публикою и заграничною промышленностью. Впрочемъ между этими комиссіонерскими домами и нашею переводною журналистикой существуетъ та неизбѣримаа разниа, что въ магазинахъ первыхъ вы найдете много вещей весьма полезныхъ, отличной доброты и стоящихъ своей цѣны, между тѣмъ какъ торговля переводными романами вся почти сплошь состоитъ изъ продажи товаровъ гнилыхъ, нигуда не годныхъ и ничего не стоящихъ; она рассчитана самымъ беззабѣчивымъ образомъ на невѣжественныхъ покупателей, не знающихъ никакого толку въ предлагаемыхъ товарахъ.

Предстоящіе нашему разбору романы относятся всецѣло къ гнилымъ продуктамъ западной промышленности, которыми наши книжные промышленники морочатъ невѣжественную россійскую публику. Мы имѣли-бы полное право оставить безъ вниманія эти книженки, подобно тому, какъ умалчиваемъ о массѣ романовъ всякаго рода, ежегодно выходящихъ цѣлыми сотнями. Но на этотъ разъ вниманіе наше было привлечено слѣдующимъ обстоятельствомъ: дѣло въ томъ, что издатели этихъ книгъ не

ограничились тѣми обыкновенными приѣмами, какими обыкновенно сопровождаются выходы въ свѣтъ подобныхъ изданій, т. е. заманчивымъ заглавіемъ, бросающемся въ глаза обложкою, массою рекламъ въ газетахъ. Нѣтъ, задолго до выхода книгъ, какъ только начались печататься рекламы, въ публикѣ начали ходить слухи о томъ, что предстоящія къ выходу романы вовсе не какія-нибудь «Тайны Мадридскаго двора», а сочиненія, достойныя вниманія людей образованныхъ и чуть-что не ученыхъ, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу лицъ высокопоставленныхъ, близко знакомыхъ со всѣми европейскими дворами, и потому романы представляютъ раскрытіе многихъ, весьма любопытныхъ дипломатическихъ тайнъ, проливающее новый свѣтъ на событія послѣднихъ лѣтъ. Слухи эти, весьма ловко подтверждаемые отзывами нѣкоторыхъ заграничныхъ журналовъ и газетъ, произвели то, что на романы Грегора Самарова публика начала смотрѣть, какъ на нѣчто выдающееся и не имѣющее ничего общаго съ Романоидомъ или Тремя мущкатерами, и замѣчательно, что эти слухи продолжаютъ и до сихъ поръ, причемъ не только не читавшіе романовъ, но даже и нѣкоторые господа, успѣвшіе познакомиться съ ними, продолжаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто серьезное и заслуживающее вниманія; это именно такіе господа, которые если услышатъ, что какую-нибудь книгу хвалятъ за границею, то считаютъ долгомъ непременно отыскать въ ней кацитальныя достоинства. При всѣхъ этихъ условіяхъ продажа романовъ Гр. Самарова является не простою торговлею гнилыми апельсинами, которые обыкновенно такъ ужъ и лежатъ на лоткахъ гнилыми, никого своимъ видомъ не обманывая. Нѣтъ, это выходитъ нѣчто въ родѣ пресловутой торговли на толкучкѣ золотыми кольцами и цѣпочками, которыя потомъ оказываются мѣдными. Именно во вниманіе того, что романы эти изъясляютъ претензію на нѣчто особенное и выдающееся, они требуютъ и особеннаго разбора. Въ виду всѣхъ слуховъ, распускаемыхъ о этихъ романахъ, считаемъ весьма не лишнимъ предупредить читателей, чтобъ они не обманывались этими слухами и не попадались на удочку ловкой эксплуатаціи, а если они имѣютъ слишкомъ ужъ сильно возбужденную охоту неурѣзненно познакомиться съ этими романами такъ, чтобы они знали, что они покупаютъ и относились-бы къ изданію такъ, какъ оно того заслуживаетъ, и не думали, что все восхваляемое заграничными рецензіями дѣйствительно достойно вниманія и похвалы. А чтобы нашъ отзывъ о романахъ Гр. Самарова не казался голословенъ, мы разберемъ эти романы со всѣхъ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ можетъ обращать на себя вниманіе дѣйствительно порядочный историческій романъ.

II.

Есть много исторических романовъ въ литературахъ всѣхъ странъ, которые хотя не представляютъ ни особенно глубокихъ историческихъ взглядовъ, ни всесторонняго представленія изображаемой эпохи во всей ея сущности и во всѣхъ ея подробностяхъ, но за то отличаются художественнымъ изображеніемъ или ряда сценъ изъ жизни того или другого вѣка, или нѣсколькихъ историческихъ характеровъ. Представить нравы обыденной жизни даннаго вѣка со всѣми ихъ особенностями, съ ихъ историческимъ колоритомъ, нарисовать передъ вами историческую личность такъ дагеротипно, чтобъ она стояла передъ вами не только какъ отвлеченный историческій герой, воплощающій тотъ или другой принципъ своего вѣка, но какъ живой человѣкъ со всѣми своими симпатіями и антипатіями, мелкими привычками, слабостями, — нужно-ли доказывать всю полезность и важность такого рода художественной дѣятельности. Подобные романы въ значительной степени облегчаютъ вамъ знакомство съ историческимъ прошлымъ; то самое, что вы получаете въ видѣ отвлеченныхъ категорій изъ различныхъ ученыхъ сочиненій, облекается въ вашемъ воображеніи въ плоть и кровь осязаемой дѣятельности. Къ числу такихъ романовъ относится, на примѣръ, «Война и миръ» графа Л. Толстаго. Философская сторона этого романа крайне плоха, и лучше, еслибы ея совсѣмъ не было. Но за то типы нашего общества начала вѣнчшняго столѣтія, какъ историческіе, такъ и бытовые, за то нравы эпохи изображены съ гениальною художественностью, выручающею всѣ недостатки романа; романъ читается съ наслажденіемъ и польза чтенія его несомнѣнна. На западѣ къ числу подобнаго-же рода романовъ относятся нѣкоторые романы Бульвера въ родѣ, на примѣръ, «Ріэнзи» и «Послѣдній день въ Помпей». Къ этому-же роду можно отнести и одинъ изъ романовъ Диккенса, переведенный на русскій языкъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, подъ заглавіемъ «Исторія двухъ городовъ», романъ, знакомящій васъ съ сценами первой французской революціи такъ наглядно, какъ врядъ-ли вы можете познакомиться изъ какого-нибудь другого художественнаго произведенія.

Но я не знаю, можетъ-ли придти въ голову самому неразборчивому человѣку заподозрѣть романы Гр. Самарова въ какихъ-либо художественныхъ достоинствахъ. Въ этомъ отношеніи они весьма напоминаютъ романы Р. Зотова въ родѣ «Леонидъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона», «Тайственный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I». Всѣ Романы Р. Зотова имѣютъ одинъ неизмѣнный характеръ: они раздѣляются обыкновенно на двѣ половины, не имѣющія

между собою никакой связи: въ одной половинѣ авторъ повѣствуетъ о какихъ-нибудь историческихъ событіяхъ и притомъ не въ формѣ даже художественныхъ сценъ, а просто въ видѣ сухихъ изложеній; въ другой — изображается судьба какого-нибудь добродѣтельнаго Леонида, влюбленнаго въ прелестную Зенанду. Подобная форма романа имѣетъ, если хотите, свое удобство для читателя, неинтересующагося исторіею и взявшаго въ руки романъ съ единственною цѣлью узнать, что сдѣлалось съ Леонидомъ: онъ можетъ смѣло пропускать цѣлыя главы историческаго содержанія въ полной увѣренности, что о Леонидѣ въ этихъ главахъ не будетъ ни полслова и останавливаться только на главахъ, начинающихся, напримѣръ, хоть слѣдующею фразою: «Послѣ дурно проведенной ночи, Леонидъ» и т. д., и опять-таки читатель можетъ быть увѣренъ, что въ главахъ, начинающихся съ подобныхъ фразъ скучной исторіи не будетъ ни строчки.

Совершенно подобную-же форму имѣютъ романы Гр. Самарова: главы историческаго содержанія систематически чередуются съ главами содержанія романическаго и точно также между историческими героями и романическими нѣтъ никакой связи: тѣ сами по себѣ дѣлаютъ исторію, а эти въ свою очередь сами по себѣ дѣлаютъ исторіи и какъ тѣ, такъ и другіе остаются совершенно довольными другъ другомъ. Историческихъ героевъ мы пока оставимъ въ сторонѣ и займемъ романическими.

Всѣ эти господа повидимому цѣлехонько взяты Гр. Самаровымъ изъ романовъ Р. Зотова. Точно также они, не относясь сами по себѣ ни къ какой эпохѣ, ни къ какой націи, тѣмъ не менѣе отличаются пламеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ, вѣрнопопданническимъ рвеніемъ положить животъ за царя и отечество, неустрашимымъ мужествомъ и вулканическимъ жаромъ страсти по отношенію къ Розамъ и Эмалиямъ; въ добавокъ точно также, какъ и у Зотова, всѣ они гусары либо уланы.—Даже всѣ ихъ волненія страстей мятежныхъ описаны такимъ-же цвѣтистымъ языкомъ, какъ въ романахъ Зотова. Такимъ образомъ, если я вамъ сдѣлаю двѣ выписки и не скажу, откуда я ихъ взялъ, вы ни за что не догадаетесь, откуда приведены мною мѣста, изъ романа Зотова или Самарова. Вотъ хоть-бы напримѣръ слѣдующее мѣсто:

«Баронъ Штиловъ отпустилъ кучера, кивнулъ привратнику, какъ знакомому человѣку, и вбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ. На звонъ его колокольчика хорошенькая горничная отперла стеклянную дверь передней.

Уланъ сбросилъ съ себя плащъ и вошелъ въ изящную гостиную съ темносинею мебелью, гдѣ передъ каминомъ стоялъ роскошно убранный столъ для чая, освѣщенный большой карселевой лампой.

Возлѣ каминна лежала въ креслѣ стройная молодая женщина въ бѣломъ пенъварѣ.

Ея блѣдное лицо съ благороднымъ греческимъ профилемъ освѣщалось частью матовымъ свѣтомъ лампы, частью красно-ватнымъ пламенемъ камина; черные, какъ смоль, волосы были зачесаны назадъ, такого-же цвѣта глаза съ глубокимъ взглядомъ то выражали тихую задумчивость, то вспыхивали страстью.

Бѣлыя, тонкія руки, полузакрытыя широкими рукавами пеньюара, покоились на колѣняхъ; красивыя пальцы играли прямой пояса.

Она была прекрасна, но въ этой красотѣ было что-то демоническое и впечатлѣніе, производимое ею, усиливалось въ эту минуту отъ игры свѣта на всей ея фигурѣ. При входѣ барона въ комнату, она вскочила съ мѣста, въ глазахъ ея свергнула молнія, трудно было опредѣлить былъ-ли то огонь страсти, гордости или торжества.

Такова вѣроятно была Клеопатра, когда къ ней приходилъ Антоній.

Она бросилась на встрѣчу Штилову, обвила руками его шею и съ выраженіемъ нѣги впилась въ него глазами.

— Наконецъ-то ты пришелъ! прошептала она.—Какъ я давно тебя жду!..

Лицо молодого человѣка при входѣ имѣло нѣсколько холодное выраженіе и въ движеніи, съ которымъ онъ обнялъ красавицу, не замѣтно было нѣжности. Чувствовала-ли это она?

Глаза ея все сильнѣе и сильнѣе разгорались, руки все крѣпче сжимали шею улана, по всему ея стройному тѣлу пробѣжала дрожь.

Какъ будто магнетическій токъ сообщился ея любовнику. Онъ осторожно опустилъ ее въ кресло, сталъ передъ нею на колѣни и прижался губами къ ея лѣвой, свѣсившейся рукѣ, въ то время, когда правой она откидывала волосы съ его лба.

Чистая звѣзда скрылась за облакомъ, а свѣтлякъ заблесталъ разноцвѣтными огнями.»

А вотъ другое мѣсто, представляющее сцену уже иной страсти, вполне платоническаго характера:

«Клара! повторилъ задыхающимся голосомъ Штиловъ, — у васъ на груди свѣжая роза; въ былыя времена, рыцарь получалъ отъ дамы своего сердца какую-нибудь вещь на память, въ знакъ того, что она принимаетъ его любовь и его услуги. Вещь эту, какъ священный талисманъ онъ носилъ на себѣ во время битвъ и нерѣдко умиралъ съ нею. Мы стоимъ теперь навапунѣ кровавыхъ дней... Клара! дадите-ли вы мнѣ вашу розу?»

— Роза есть символъ чистоты и правды, замѣтила она строго.

— Я чисто и честно люблю васъ и буду любить вѣчно. Я достоинъ вашей розы.

Клара отвѣтила ему долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, за-

тѣмъ, потушила, медленно отколола розу отъ груди и, вся всплхнувъ, держала ее въ рукѣ, не смѣя поднять глазъ.

Шгиловъ не выдержалъ, вырвалъ розу и осыпалъ страстными поцѣлуями державшую ее руку.

— Клара, произнесъ онъ твердымъ голосомъ,—этотъ цвѣтокъ завянетъ, но счастье, которое вы мнѣ съ нимъ дали, будетъ вѣчно цвѣсти въ моемъ сердцѣ. Боже! благодарю тебя, воскликнулъ онъ съ жаромъ,—я нашелъ мою звѣзду!

Съ этими словами онъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку. Та, молча припала къ его груди и заплакала.

Въ эту минуту въ комнату вошла мать.»

Но въ романѣ Гр. Самарова встрѣчаются и не такія еще сцены. Надо замѣтить, что въ этихъ романахъ, подобно тому, какъ и у Р. Зотова, герои по нѣскольку разъ умираютъ и опять воскресаютъ, чтобы въ концѣ романа сочетаться законнымъ бракомъ; такъ между прочимъ умираетъ и вышеупомянутая Клара, вручившая барону Шгилову розу, какъ символъ чистоты и правды. Лежитъ она на смертномъ одрѣ въ агоніи вслѣдствіе раны, зараженной трупнымъ гноемъ. Всѣ знаменитые вѣнскіе доктора отказались вылечить ее. Какъ вдругъ является графъ Риверо, приверженецъ папы, тайный іезуитъ, и мигомъ вылечиваетъ ее помощію какихъ-то необыкновенныхъ ядовъ, незнакомыхъ ни химіи, ни медицинѣ, и всѣ до такой степени были поражены, какъ чудомъ, этимъ сверхъ-естественнымъ изрѣбленіемъ, что баронъ Шгиловъ посвѣщилъ тутъ-же, у одра умирающей, принять католичество.

Этого всего совершенно достаточно для характеристики художественной стороны романа.

III.

Но романъ, несостоятельный въ художественномъ отношеніи, можетъ имѣть свои неотъемлемыя достоинства въ учено-историческомъ, политическомъ. Вѣдь есть-же такія сочиненія, которыя представляютъ въ формѣ романа трактатъ чисто ученый или публицистическій, каковы напримѣръ «Синъ» г. Костомарова или «Люцинда» Швейцера. Критика конечно была-бы въ высшей степени не права, если-бы вздумала отвергать всякое достоинство въ этихъ романахъ и смѣяться надъ ними только потому, что они слабы въ художественномъ отношеніи. Можетъ быть и романъ Гр. Самарова представляетъ какія-нибудь особенныя достоинства въ томъ смыслѣ, что они открываютъ намъ духъ событій послѣдняго десятилѣтія европейской жизни, даютъ намъ вѣрныя понятія о всѣхъ тѣхъ сокровенныхъ побужденіяхъ, которыя руководятъ европейскою политикою нашего времени. Но и этого нельзя сказать о романахъ Гр. Самарова.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ событія послѣдняго десятилѣтія представляють одно изъ весьма любопытныхъ явленій въ исторіи: именно они показываютъ намъ, какъ прогрессивныя и даже революціонныя принципы предшествующаго вѣка неожиданно явились принципами консерватизма и реакціи. Не болѣе, какъ лѣтъ 30 тому назадъ, на знамени всѣхъ прогрессистовъ Европы было написано: свобода и независимость національностей, и эти слова были пугаломъ для всѣхъ поборниковъ реакціи и востоя, приверженцевъ священнаго союза, Меттерниха и ультрамонтанства. И дѣйствительно этотъ принципъ могъ казаться пугаломъ въ то время. Онъ шелъ прямо въ разрѣзъ всей реакціонной политикѣ священнаго союза и грозилъ гибелью сосредоточію этой политики—Австріи. Основываясь на средневѣковыхъ преданіяхъ, политика эта считала за собою неотъемлемое право располагать судьбою народовъ по своему усмотрѣнію и дѣлить ихъ на части, раздавая эти части различнымъ государствамъ сообразно тѣмъ или другимъ соображеніямъ о политическомъ равновѣсіи Европы. Въ оппозицію этому прогрессивная партія и избрала своимъ девизомъ слово народность, стараясь пробудить въ каждомъ народѣ стремленіе къ слітію въ одно цѣлое, къ обособленію отъ владычества чуждыхъ народностей и ея автономіи.—Вся суть европейскихъ событій, начиная отъ 15-го года и до 48 года заключается въ борьбѣ этихъ двухъ принциповъ: принципа неразрывности каждой народности противъ принципа неравности каждаго изъ государствъ, существованіе которыхъ признано вѣнскимъ конгрессомъ.

Но съ 1848 года характеръ борьбы прогрессивныхъ принциповъ съ реакціонными радикально измѣнился. Съ одной стороны прогрессивныя идеи расширились и совершенно измѣнились: вмѣсто борьбы народностей за свою автономію на прогрессивномъ знамени явился новый девизъ: борьбы труда съ эксплуатаціею. Съ другой стороны и феодально-реакціонныя партіи Европы при видѣ новыхъ враговъ увидѣли необходимость измѣнить девизы своихъ знаменъ. Это было необходимо для нихъ для привлеченія на свою сторону сильныхъ и богатыхъ союзниковъ въ лицѣ либеральной буржуазіи, у которой теперь и вмѣстѣ съ феодальными реакціонерами оказался одинъ общій врагъ. Для заключенія этого союза необходимо было рѣшиться на компромиссъ, необходимо было феодальной реакціонной партіи самой встать во главѣ либеральныхъ принциповъ буржуазіи; пожертвовать папою, идеею политическаго равновѣсія и начертать на своемъ знамени тотъ самый девизъ объединенія національностей, который такъ пугалъ реакціонеровъ времени Меттерниха. Тѣмъ болѣе, что теперь въ виду новыхъ и болѣе грозныхъ признаковъ прежнее пугало не только перестало пугать, а напротивъ того начало представлять различныя пріятныя перспективы: путемъ политич. объединенія національностей оказалось очень легко возбуждать въ народѣ

швыназъмъ, отклонять его отъ вопросовъ внутренней жизни и виѣсть съ тѣмъ прибрѣтать новыя земли на основаніи того, что они заселены одноплеменнымъ народомъ. Севастопольская война была, можно сказать, кризисомъ прежней политики: этою войною былъ нанесенъ толчекъ послѣдней европейской державѣ, упорно державшейся меттерниховскихъ принциповъ и послѣ этой войны во всѣхъ вопросахъ европейской политики начали господствовать яко-бы національные принципы. Всѣ дипломатическія сношенія, всѣ войны, какія только велись съ 1856 года—были основаны на вопросахъ о народныхъ объединеніяхъ:—вопросы итальянскій, польскій, германскій, греческій (относительно іоническихъ острововъ) такъ и всплывали одинъ за другимъ. Но во всей этой политикѣ не было одного: именно той гордой самоувѣренности и правоты своего дѣла, какія присутствовали въ прежней меттерниховской политикѣ: политики школы Меттерниха были убѣждены, что сохранять политическое равновѣсіе, миръ и порядокъ въ Европѣ—ихъ священная обязанность и, дѣйствуя открыто по своимъ убѣжденіямъ, не надѣвали на себя никакихъ личинъ, ради снисканія популярности и поддержанія своего авторитета. Совершенно не таковы современные наши политики. Про нихъ вы не скажете, чтобы они искренно были убѣждены въ національныхъ принципахъ и чтобы въ душѣ они также горячо исповѣдывали ихъ, какъ на словахъ? Напротивъ того, вся политика ихъ заключается въ томъ, чтобы, объявляя себя защитниками принципа народной самостоятельности и нераздѣльности, въ тоже время въ мутной водѣ ловить рыбу и прикрывать этимъ принципомъ побужденія совершенно иного свойства. Но главнымъ образомъ модный принципъ современной европейской политики служить именно для отвлеченія вниманія отъ того страшнаго краснаго призрака, который не перестаетъ мерещиться всѣмъ современнымъ политикамъ и мерещиться часто въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ даже и тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Это политика громовыхъ отводовъ, замазываній и заминаній, въ которой, при всѣхъ ея громкихъ воинственныхъ фразахъ, не перестаетъ звучать роковая фраза: «какъ кабы мнѣ все это сошло благополучно!».

Вотъ этой-то любопытной и по истинѣ существенной стороны событій послѣдняго десятилѣтія у Гр. Самарова вы не найдете и тѣни.—Читая его романъ, вы видите передъ собою не современную Европу, а словно Европу временъ Людовика XIV, временъ войнъ за различныя наслѣдства, когда дѣйствительно о возможности какихъ-либо народныхъ стремленій и не подозревали, когда существовали одни правительственныя газеты и политика, ограничиваясь одними дипломатическими вопросами между дворами, не имѣла въ виду ничего, кромѣ этихъ вопросовъ. Совершенно въ такомъ видѣ представляется у Гр. Самарова современная намъ Европа.

Политики Гр. Самарова только и заботятся о томъ, какъ бы

рѣшить имъ шлезвиг-голландскій или люксембургскій вопросы, причемъ имъ по видимому и въ голову не приходитъ мысль о какихъ либо красныхъ призракахъ, о желаніи войны во чтобы ни стало, не столько съ цѣлію распутать шлезвиг-голландскій вопросъ, сколько для того, чтобы потушить внутреннее броженіе и пр. Они вполне убѣждены, что благоговѣющій передъ ними народъ ни о чемъ не помышляетъ, какъ только о томъ, чтобы слѣпо идти за ними, куда бы они ихъ ни повели. И народъ въ романахъ Гр. Самарова представленъ дѣйствительно постоянно благоговѣющимъ. Если онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ романа и заявляетъ свою волю, то и это онъ дѣлаетъ съ сохраненіемъ всѣхъ признаковъ благоговѣнія. Такъ напримѣръ въ романѣ «Европейскія мины и контръ-мины» блудолюбные ганноверцы агитируютъ, но изъ-за чего: не изъ за чего янаго, какъ изъ-за вѣрноподданческаго чувства привязанности къ Георгу, лишенному престола послѣ Австро-прусской войны. Берлинскіе бюргеры ропщутъ, узнавши, что Бисмаркъ объявилъ войну Австріи, но почему они ропщутъ? потому что привыкли думать и говорить, соображаясь съ тѣмъ, «что они прочли утромъ въ газетахъ Фосса и Шпанера, этихъ двухъ старозавѣдныхъ и въ высшей степени привилегированныхъ органахъ общественнаго мнѣнія», но въ душѣ они, добрые бюргеры, нисколько не способны питать сколько нибудь серьезной злобы и Бисмаркъ, не замѣчая ихъ ропота, идетъ среди нихъ, гордо поднявъ голову и увѣренный, что первая побѣда и всѣ эти ропщущіе бюргеры не замедлятъ закричать ему вивать! Но этотъ голосъ оппозиціи мелькаетъ только въ одномъ мѣстѣ романа. Вообще же всѣ общественныя отношенія рисуются въ романѣ Гр. Самарова въ самомъ умилительномъ, сентиментально идиллическомъ видѣ. Для образца представимъ хотя-бы слѣдующую сцену встрѣчи ганноверскаго короля Георга съ нѣкомъ пасторомъ Бергеромъ:

«Изъ боковой алеи вышелъ Георгъ подъ руку съ принцемъ.

Мужчины сняли шляпы и почтительно остановились.

— Тебѣ кланяются, шепнулъ принцъ.

Король приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Кто это? спросилъ онъ тихо.

— Лютеранскій пасторъ, судя по одеждѣ, отвѣчалъ принцъ.

Король остановился и крикнулъ:

— Г. пасторъ!

Пасторъ Бергеръ подошелъ прямо къ нему и громко, и ясно проговорилъ.

— Съ благоговѣніемъ привѣтствую моего короля и верховнаго владыку.

Услыхавъ этотъ голосъ, король отшатнулся.

— Не встрѣтились-ли мы съ вами, въ прошломъ году въ Венландѣ? спросилъ онъ.

— Ваше величество очень милостивы, что изволили припомнить это. Я пасторъ Бергеръ изъ Блегофа.

— Да, да, именно такъ! радостно воскликнуть король.— Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасной встрѣчѣ, которую вы мнѣ устроили въ Блегофѣ и обо всемъ томъ, что вы мнѣ рассказывали хорошаго про вашъ приходъ. Какъ я радъ, что вы опять увидѣлись съ вами. Зачѣмъ вы пріѣхали въ Ганноверъ?

— Ваше величество, мои силы уже начинаютъ измѣнять мнѣ, я долженъ подумать о томъ, чтобы найти себѣ помощника и не заставить мой приходъ терпѣть отъ приближающейся ко мнѣ старости. Служеніе Богу требуетъ неуспинной дѣятельности, вотъ почему я искренно желаю избрать моимъ помощникомъ сына моей сестры, кандидата Бермана, съ тѣмъ, чтобы онъ, если Богу угодно, наслѣдовалъ и мое мѣсто.

— Согласенъ, согласенъ, мой любезный пасторъ! съ живостью прервалъ его король.— Вѣроятно аттестатъ вашего племянника въ порядкѣ, иначе вы не обратились-бы ко мнѣ съ этой просьбой. Дѣлаю его вашимъ адъюнктомъ. Очень, очень радъ, что мнѣ удалось сегодня, и именно на этомъ мѣстѣ исполнить ваше желаніе.

Отъ радости и умиленія пасторъ могъ только произнести:

— Благодарю отъ всего сердца, ваше величество!

— А теперь, любезный пасторъ, продолжалъ король,— я позабочусь о томъ, чтобы вамъ показали всѣ достопримѣчательности Ганновера. Помѣстите у меня во дворцѣ. Завтра жду васъ къ обѣду; приходите за часъ до обѣда и расскажите мнѣ поподробнѣе о моемъ милomъ, вѣрномъ Вендиандѣ. Видѣли вы паркъ и оранжереи?

— Мы только что шли туда, ваше величество; я не могу еще опомниться отъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня мавзолеемъ. Душа моя вознеслась тамъ къ Богу и я горячо молился, чтобы Господь охранилъ ваше величество въ это тяжкое и смутное время.

Король сильно задумался.

— Да, произнесъ онъ тихо, мы переживаемъ тяжелые, мрачные дни и нуждаемся въ благословеніи Божиюмъ. Я послѣдую вашему примѣру, пойду молиться на гробницѣ моихъ родителей и буду просить у Бога силы и вразумленія меня. Прощайте до завтра!

Приложивъ снова руку къ козырьку, король повернулъ къ мавзолею.

Пасторъ Бергеръ былъ потрясенъ до глубины души. На глазахъ его блистали слезы. Подъ вліяніемъ внутренняго возбужденія, онъ поднялъ невольно руку и проговорилъ молитву, торжественно раздавшуюся среди дѣсной тиши.

— Господь да благословить тебя и защитить тебѣ! Господь

да воззрѣть на тебя и явить на тебя милость свою. Господь да просвѣтитъ духъ твой и да даруетъ тебѣ миръ! Аминь.

При первыхъ словахъ молитвы, Георгъ остановился; обернулся въ ту сторону, гдѣ былъ пасторъ и снялъ съ головы фуражку. Выраженіе глубокаго благочестія читалось въ чертахъ его лица.

Когда пасторъ умолекъ, король накрылся, сдѣлалъ прощальный знакъ рукой и медленно вступилъ въ двери часовни, гдѣ покоился прахъ его родителей».

Я полагаю, что этого всего довольно для ознакомленія читателей съ историко-философскою стороною романовъ Гр. Самарова.

IV.

Но можетъ быть романы, несостоятельныя ни въ художественномъ, ни въ историко-философскомъ отношеніяхъ, любопытны просто, какъ мемуары современника, вращавшагося въ высшихъ сферахъ и близко знакомаго съ лицами, заправлявшими исторію послѣдняго десятилѣтія; можетъ быть они содержатъ рядъ любопытныхъ характеристикъ различныхъ государственныхъ дѣятелей, собраніе всевозможныхъ придворныхъ анекдотовъ, сплетень, интригъ и пр.

Но въ этомъ отношеніи романы Гр. Самарова ниже даже «Тайны города Мадрида» и подобныхъ этому романовъ; послѣдніе, при всей своей пошлости, имѣютъ хоть интересъ скандальныхъ хроникъ, принаровленный ко вкусамъ либеральной буржуазіи, которая, при всей своей благонамѣренности, весьма не прочь посудачить высокопоставленныхъ особъ. Но въ романахъ Самарова вы не встрѣтите и тѣни попытки очертить, хотя бы самими блѣдными чертами, личности, о которыхъ онъ повѣствуетъ, такъ чтобы Вильгельмъ былъ бы похожъ на Вильгельма, а не на Бисмарка, а Бисмаркъ чѣмъ нибудь отличался отъ Бейста. Вы не вынесете изъ романовъ Гр. Самарова самыхъ общихъ представленій обо всѣхъ этихъ личностяхъ. Всѣхъ ихъ Гр. Самаровъ поставилъ въ одинъ уровень: всѣ они въ ровной степени преисполнены всевозможныхъ доблестей—умны, проникательны, яко зміи, энергичны, храбры яко львы и въ высококомъ самоотверженіи готовы ежеминутно положить жизнь за благо родины; однимъ словомъ передъ вами повсюду парадируетъ одинъ и тотъ-же герой въ классическомъ духѣ, только съ разными фізіономіями и подъ различными именами. О какихъ либо придворныхъ интригахъ, анекдотахъ и сплетняхъ конечно тутъ не можетъ быть и рѣчи: все это конечно не подобаетъ имѣть героямъ, производящимъ исторію. Согласно этому Гр. Самаровъ и представляетъ своихъ героевъ постоянно въ трагическихъ

позахъ, говорящими различными сентиментально-риторическія рѣчи о судьбахъ человѣчества. Хотите напримѣръ видѣть Бисмарка въ моментъ объявленія войны Австріи? Читайте.

«Нѣсколько минутъ спустя, разговоръ въ гостиной умолкъ; Бисмаркъ поднялъ голову и, обратясь къ Кейделю, замѣтилъ: — Не сыграете-ли вы мнѣ что нибудь, любезный Кейдель?

Молодой человѣкъ всталъ и направился къ стоявшему въ углу гостиной роялю.

Взявъ нѣсколько аккордовъ, онъ мастерски заигралъ родъ прелюдій, которая своими быстрыми скачками, переходила изъ тона въ тонъ и диссонансами вполне соотвѣтствовала настроенію духа министра.

Бисмаркъ всталъ и началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по гостиной; онъ ступалъ осторожно, чтобы не помѣшать играющему и не ослабить впечатлѣнія, производимаго на него музыкою.

Кейдель продолжалъ играть, уходя все глубже и глубже въ море звуковъ; бурные аккорды становились мало-по-малу все яснѣе и чище, диссонансы замирали и послѣ тихаго перехода въ дискантахъ, онъ заигралъ *ad-dug* ную сонату Бетховена.

Какъ только раздалась первая, простая, и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительныя ноты сонаты, Бисмаркъ остановился на минуту, глаза его раскрылись и тихая улыбка удовольствія показалась на губахъ; Кейдель, какъ видно было, попалъ въ тонъ какой-то пріятной его мысли.

Затѣмъ онъ возобновилъ свою прогулку по гостиной, и въ то время, какъ прелестныя варьяціи выливались изъ простыхъ звуковъ сонаты, на лицѣ министра выразилась сильная внутренняя борьба. Онъ—то сдерживалъ шагъ, шепча какія-то слова, то принимался шагать съ новою силою, смотря въ даль и какъ бы забывая объ окружающей его обстановкѣ.

Жена Бисмарка слѣдила время отъ времени за мужемъ и озабоченно смотрѣла на его взволнованное, страдальческое лице, но со всѣмъ тѣмъ она не промолвила ни слова, чтобы не прервать игру Кейделя.

А онъ, между тѣмъ, дошелъ до того великолѣпнаго мѣста въ сонатѣ, которое Бетховенъ обозначилъ словами: *Marcia funebre sulla morte d'un Eroe*, и вскорѣ подъ искусными пальцами артиста раздалась потрясающіе аккорды этого марша. Послышались глухіе раскаты барабана, зазвучали трубы и Кейдель, увлеченный красотой этого творенія, превзошелъ себя.

Жена Бисмарка положила работу на колѣни и слушала задумчиво.

Министръ президентъ остановился неподвижно посреди комнаты. Грудь его ваднмалась высоко, сильныя мускулы руки напрыгались, глаза его горѣли.

Раздались послѣдніе звуки трубъ, послышался какъ-бы отда-

ленный залп выстрѣловъ и, послѣ короткой паузы Кейдель перешелъ къ финалу пьесы.

Бисмаркъ осматрѣлся, точно пробужденный отъ сна; минуты съ двѣ онъ постоялъ на мѣстѣ и проговорилъ, какъ будто безсознательно:

— Когда я паду, моя душа вознесется при такихъ-же звукахъ. Видно существовали люди, умѣвшіе побороть сомнѣніи, когда они закрадывались въ ихъ душу, иначе поэтъ не могъ бы чувствовать на могилѣ героя того, что онъ выразилъ въ этихъ звукахъ? *Jacta est alea!*

Затѣмъ, не обращая ни на кого вниманія, онъ тихо вышелъ изъ гостиной. Жена тревожно посмотрѣла ему вслѣдъ.

А вотъ вамъ другая сцена, рисующая самоотверженіе короля Вильгельма, рѣшающагося для блага родины пожертвовать всеми родственными узами и отнять корону у короля Георга:

«О! воскликнулъ онъ:—еслибы я могъ ему помочь! Бѣдный Георгъ! Нельзя-ли оставить Ганноверъ въ прежнемъ положеніи, лишивъ его только военной самостоятельности?»

Бисмаркъ взглянулъ въ оживленное лицо короля холодно и сосредоточенно.

— Ваше величество, сказалъ онъ: — вы признали необходимость присоединенія Ганновера къ Пруссіи ради безопасности и увеличенія могущества вашей монархіи. Много-ли пользы принесло Вельфамъ это мнѣшеское королевство, это скромное низшее владѣніе, тогда какъ для насъ, этотъ клинъ, вѣзавшійся къ нашей землѣ и населенный самымъ упрямымъ народомъ, можетъ оказаться очень опаснымъ. Подумайте, ваше величество, какъ сильно могла бы повредить намъ диверсія ганноверскихъ войскъ, еслибы намъ оставили Габленца или, еслибы генеральный штабъ Ганновера не придумывалъ такихъ невѣроятныхъ передвиженій арміи. Намъ необходимо оградить себя на будущее время отъ подобной опасности.

— Королева Фредерика была сестра моей матери, замѣтилъ король слегка дрожащимъ голосомъ.

— Я глубоко уважаю кровныя отношенія, существующія между вашимъ величествомъ и королемъ Георгомъ, сказалъ Бисмаркъ: — лично я чувствую самую живѣйшую симпатію къ этому злполучному государю; но,—онъ возвысилъ голосъ,—но вы, ваше величество, состоите еще въ болѣе близкомъ родствѣ съ прусскимъ народомъ, — съ народомъ, который проливалъ кровь за отечество, съ народомъ Фридриха Великаго, съ народомъ тысяча восемь сотъ тринадцатаго года. Ему вы обязаны заплатить за пролитую имъ кровь. Простите меня, ваше величество, что я осмѣливаюсь говорить отъ имени этого народа; но я знаю, что мои слова служатъ выраженіемъ чувствъ и мыслей вашего величества. Если вы примете письмо короля, заключилъ Бисмаркъ, то вы свяжете себя по рукамъ и должны будете начать переговоры, а начинать ихъ не слѣдуетъ.

Король глубоко вздохнулъ.

— Богъ мнѣ свидѣтель, сказалъ онъ:—что я испыталъ всѣ средства, чтобы избѣгнуть разрыва съ Ганноверомъ и защитить короля отъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя должны теперь на него обрушиться. Вѣрьте мнѣ, что утверждая моею подписью эту необходимую мѣру, я приношу тяжкую жертву славы Пруссіи и ея призванію въ Германію!

Слезы навернулись на его глаза.

— И такъ, скажите, что я не принимаю письма ганноверскаго короля, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ и опуская голову.

— Господь да благословитъ ваше величество на славу Пруссіи и Германіи! воскликнулъ Бисмаркъ съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Молитве съ любовью и умиленіемъ взглянулъ на короля. Король сдѣлалъ знакъ рукой и отошелъ къ огню. Графъ Бисмаркъ и генералъ вышли изъ комнаты.

Въ заключеніе, несмотря на то, что и такъ ужъ приведено слишкомъ много выписокъ изъ романа Гр. Самарова, нивалъ не можемъ удержаться, чтобы не привести еще одну умилительную сцену, изображающую, какъ Наполеонъ на высотѣ своего величія находить, что у него одинъ только вѣрный другъ и есть на свѣтѣ, да и тотъ—собака.

«Императоръ не отгонялъ собаку, а ласково обнялъ ее и при этомъ по лицу его разлилось выраженіе безконечной доброты, глаза засвѣтились влажнымъ блескомъ... Онъ былъ красивъ въ эту минуту.

— Доброе ты животное, проговорилъ онъ мягкимъ, металлически звучнымъ голосомъ:—я не дарю тебя ничѣмъ, кромѣ нищца, да изрѣдка ласковымъ взглядомъ, а ты любишь меня... меня одного... ты кинулся-бы ко мнѣ съ такою-же радостью, еслибы я и не былъ императоромъ... а изгнанныкомъ, нищимъ... между тѣмъ какъ всѣ эти... которыхъ я осыпалъ золотомъ и почестями...

Онъ глубоко вздохнулъ и прижалъ свои губы къ блестящей черной головѣ собаки.

— Вѣрный другъ! произнесъ онъ тихо, и собака, какъ бы понимая слова своего хозяина, прижалась къ нему еще тѣснѣе.

Феликсъ (придворный лакей) подошелъ къ императору и опустился передъ нимъ на одно колѣно.

— Забили обо мнѣ, ваше величество? тихо проговорилъ онъ.

Наполеонъ протянулъ ему руку, не выпуская собаки.

— Нѣтъ, я не забываю тебя, товарищъ печальныхъ дней! Ты дороже мнѣ всѣхъ владыкъ міра... Ты другъ, котораго я вынулъ изъ жизненной бездны!

Онъ долго простоялъ такъ; всякое выраженіе скорби исчезло съ его лица; глаза его горѣли теплымъ свѣтомъ...

Наконецъ онъ вздохнулъ и тихо опустилъ собаку на землю...

IV.

Послѣ всего вышеприведеннаго, я не знаю, можно-ли и подозревать, чтобы въ романахъ Гр. Самарова заключалось раскрытіе какихъ либо важныхъ или любопытныхъ тайнъ по части дипломатическихъ сношеній европейскихъ дворовъ между собою... Правда, вы найдете въ нихъ дѣльный рядъ всевозможныхъ политическихъ разговоровъ, переговоровъ и преній различныхъ государственныхъ людей, императоровъ, королей, министровъ, посланниковъ и пр. Но всѣ эти разговоры и переговоры составлены такъ жидко, что ихъ безъ труда могъ выдумать любой наметавшійся романный дѣлъ мастеръ, никогда не выдававшій въ лицо ни одного изъ изображаемыхъ личностей: для этого достаточно прочесть тѣ политическія обозрѣнія, которыя издаются на западѣ въ видѣ дѣльныхъ фоліантовъ, нѣскольکو всякихъ синихъ, зеленыхъ и прочихъ дѣтвовъ книгъ, заключающихъ въ себѣ обнародованія различныхъ дипломатическихъ сношеній—и дѣло въ шляпѣ.

Впрочемъ, мы не стоимъ за то, что на западѣ романы Гр. Самарова были изданы съ исключительно спекулятивною дѣлю: Очень можетъ быть, что Гр. Самаровъ лично заинтересованное въ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія; можетъ быть онъ издалъ свои романы съ политическою дѣлю, напримѣръ, хотя бы для того, чтобы возбудить въ публикѣ сочувствіе къ низвергнутому ганноверскому королю Георгу и поднять ганноверскій вопросъ. Въ этомъ отношеніи, очень можетъ быть, что и англійскіе журналы не безъ дѣли расточаютъ похвалы романамъ, такъ какъ на престолѣ Англійи находится династія, стоящая въ родственныхъ отношеніяхъ съ Георгомъ. Но наши издатели издали эти романы, конечно, не ради ганноверскаго вопроса, который интересенъ для насъ, какъ лѣточный свѣтъ; ихъ предпріятіе имѣеть чисто спекулятивную дѣлю: заманчивымъ заглавіемъ удловить публику, интересующуюся крутыми историческими событіями послѣднихъ 10 лѣтъ. Но въ этомъ отношеніи они, мнѣ кажется, поторопились; по всей вѣроятности европейская книжная промышленность не замедлитъ напечатать изъ прусскихъ войнъ историческихъ романовъ гораздо болѣе завлекательныхъ, со всѣми возможными ужасами, пушечною пальбою и кровопролитіями, героями битвъ и героинями всѣхъ demi-mond'овъ. Намъ же остается только пожалѣть нашу бѣдную литературу: видно положеніе ея дѣйствительно не завидно, и переводить ей съ иностранныхъ языковъ ничего уже болѣе не приходится, если выкапывается такая дрянь и эта дрянь издается не среди мусора сборниковъ Ахматовой и Львова, а выдѣляется, какъ вѣчно замѣчательное и капиталное

и выдается притомъ такими фирмами, какъ фирма журнала «Дѣло», занимавшаяся нѣкогда изданіями болѣе дѣльными и полезными.

КАКЪ СТРОИЛАСЯ ТАМБОВСКО-САРАТОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ВЫШЛО.

(Письмо въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».)

Наднякъ мнѣ предстояла поѣздка изъ Петербурга въ Самару. Поѣзда эта отчасти интересовала меня потому, что я намѣренъ былъ совершить свой переѣздъ такимъ путемъ, по которому некогда не ѣздилъ, и притомъ по линіямъ вновь построенныхъ желѣзныхъ дорогъ, подъ которыми я разумѣю ковловско-тамбовскую и тамбовско-саратовскую. Въ особенности вызвала мое любопытство послѣдняя дорога, такъ какъ, сколько мнѣ было извѣстно, она строилась—такъ тамъ говорятъ—«подъ мужицкую гарантію» и даже получила названіе дороги «земской». Въ самомъ этомъ, повидимому, доселѣ несоединимомъ съ понятіемъ о желѣзныхъ дорогахъ, эпитетѣ—«земская»—слышалось уже что-то небывалое у насъ на Руси, нѣчто вродѣ того, что тамъ-же въ Саратовѣ долго толковали о необходимости открытія въ этой «столицѣ Поволжья» отдѣльнаго университета, и опять-таки съ небывалымъ у насъ на Руси, да, пожалуй, и во всемъ мірѣ, эпитетомъ—«общественный».

«Земская желѣзная дорога», «общественный университетъ», т.-е. дорога, гарантируемая землею помѣщика и крестьянина, изъ которыхъ послѣднему, по дороговизнѣ пассажирской платы, едва-ли не приходится, и при существованіи «земской» желѣзной дороги, мѣсить грязь своими лыковыми лаптями вблизи полотна дороги, имъ устроенной, а не ѣздить по самой дорогѣ, его лапти de jure подвѣдомственной, какъ его-же историческому лаптю подвѣдомственны и «земскія» грунтовныя дороги, съ эпитетомъ непроходимыхъ, — и университетъ, имѣющій соорудиться и содержаться на тѣ-же земскія, въ томъ числѣ и мужицкія деньги—да это, думалось мнѣ, такіе гражданскіе подвиги, на которые способенъ только одинъ Саратовъ.

— Да вы знаете, батюшка, чѣмъ это пахнетъ (говорилъ мнѣ одинъ пассажиръ, тамбовскій степнякъ, вѣхавшій въ одномъ со мною вагонѣ до Саратова) А вотъ чѣмъ: саратовцы, значить, заткнули за поясъ самихъ американцевъ: вздумали соорудить свою собственную желѣзную дорогу — и соорудили; задумали

основать свой собственный университет—и оснудть, попомни-те мое слово,—на акціях оснудть, благо теперь все пошло на акціи. Да вѣдь эдакъ посуворовски еще ни одно земство у насъ не дѣйствовало. Одно тамъ какое-то вздумало устроить общественныя или земскія, что-ли, сироварни, чтобъ, знаете, обогатить мужичка. Тамъ нѣтъ, шалишь: вниксался какой-то ядовитый нѣмецъ, Энгельгардтъ кажется, который возьми да и пропечатай въ «Отечественныхъ Запискахъ», что отъ сироварень будто бы крестьянскія дѣти будутъ вырождаться, что у нихъ-де для сировъ все молоко отнимутъ. Да вѣдь правду сказать, не изъ бабьего-же молока эти сыры хотятъ дѣлать—что-жъ тутъ, какой убытокъ крестьянскимъ ребятишкамъ, провалъ ихъ возьми! А саратовское земство—это совсѣмъ другая статья: хотимъ, говорить, чтобъ у насъ была своя мужицкая желѣзная дорога съ мужицкою гарантіею—ну, и порѣшили на томъ, что такъ-какъ казенной гарантіи не дадутъ, а нашъ мужикъ богатъ, да и землевладѣлецъ тоже не на босу ногу ходить—такъ дадимъ, значить, строителямъ какую угодно гаранцію: миллионъ-такъ миллионъ, два миллиона—такъ два. Ну, и дорога готова, какъ видите: мы вотъ съ вами по ней и летимъ...

— По мужицкимъ спинамъ летимъ, замѣтилъ какой-то сосѣдъ по вагону, въ которомъ мы сидѣли и разговаривали съ стенинскомъ-тамбовцемъ, не обратившимъ на это неуважительное выраженіе никакого вниманія.

— А возьмемъ теперь общественный университетъ (продолжалъ тамбовецъ)—вѣдь это не чета сироварнямъ: тутъ ужъ не вырожденіе крестьянскихъ ребятъ, оттого-де что у нихъ молоко отнимаютъ, а питаніе всѣхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и мужичатъ, млекою духовнымъ—наукою, и все это на свои собственные кровныя деньги. Вотъ тутъ и пойдутъ у насъ Ломоносовы: въ каждой завалищѣ деревенькѣ, можетъ, но эти Ломоносовыхъ явится. Вотъ вѣдь оно чѣмъ пахнетъ: мужикъ—строитель желѣзныхъ дорогъ, лапотъ—концессионеръ, лапотъ—Поляковъ, Губонинъ въ нѣкоторомъ родѣ, и этотъ-же лапотъ—Меценатъ, Бецинъ—все мужикъ, все бестія нашъ крестьянинъ на такую линію поставленъ, что нѣ-поди. Просто, духъ захватываетъ, какъ подумаешь, куда мы шагнули...

Какъ ни мало обращалъ я вниманія на эти лирическія разглагольствованія стенина, однако, любезнѣе мое по отношенію къ земской тамбовско-саратовской желѣзной дорогѣ все болѣе и болѣе возрастало, и я съ особеннымъ вниманіемъ присматривался ко всему, что могло представить для летучаго туриста, какимъ былъ я, эта такъ называемая «мужицкая желѣзная дорога», подпираемая «мужицкою гаранціею» въ пользу строителей, гг. Гладныхъ, Лувашевича и фонъ-Дессена. Но, признаюсь, дорога эта произвела на меня совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого я могъ ожидать; напротивъ, я готовъ былъ согласиться съ другимъ сосѣдомъ по вагону, который, при в-

пропасти, образовавшейся на самой линіи желѣзной
 между Аткарскомъ и Саратовомъ, такой пропасти, надъ
 рельсы безъ шпалъ встѣли въ воздухъ точно
 законически выравняли: «ухнули мужицкія де-

ло, впечатлѣніе, вынесенное мною изъ знаком-
 самымъ положеніемъ земской тамбовско-саратов-
 ной дороги, такъ и съ исторіею ея построенія, равно
 ріею принятія земствомъ гарантіи этой дороги, было
 не отрадное, особенно послѣ проѣзда по николаевской
 желѣзной дорогѣ, а потому по московско-ризанской, которыя,
 по сравненію съ тамбовско-саратовской, могутъ быть названы
 образцомъ порядка и цѣлесообразности.

Прежде всего не можетъ не поразить проѣзжающаго та не-
 понятная медленность, съ которою совершается переѣздъ отъ
 Тамбова до Саратова. Поѣздъ, состоящій изъ весьма малаго
 числа вагоновъ, и притомъ поѣздъ почтовый, по самому своему
 назначенію требующій относительно бѣльшей быстроты движе-
 нія, совершаетъ нуть на пространствѣ какихъ-нибудь 360 верстъ
 въ теченіе 17—18 часовъ, тогда какъ отъ Петербурга до Моск-
 вы, почти двойное противъ этого пространство (болѣе 600
 верстъ), вы пробѣгаете въ 18 часовъ. Причинъ этому очень
 много, а главная—это капитальные недостатки самаго устрой-
 ства дороги, начиная отъ дурного качества полотна, отъ пло-
 хой укладки рельсовъ, небрежности земляныхъ и гидравличе-
 скихъ сооруженій и кончая невозможною извилистостію дороги.
 Полотно дороги какое-то рыхлое, непрочное; трамбовка самая
 недостаточная—это не трамбовка, а просто земляная посыпка,
 или земляная выемка, или-же просто голая степь, только слегка
 посыпанная щебнемъ, самаго рыхлаго качества, разсыпавшимся
 въ порошокъ не только отъ удара чѣмъ-либо тяжелымъ, но
 просто отъ выѣтриванья, отъ воздуха, отъ сырости. Камень
 въ трамбовкѣ—это не то, что нашъ сѣверный, петербургскій
 гранитъ, а какая-то засохшая иловатая глина, которая и легко
 крошится, и легко можетъ писаться какъ простой илъ или охра.
 Шпалы—это какія-то тонкія пластинки, и притомъ не изъ сос-
 новаго или другого болѣе прочнаго лѣсу, а изъ рыхлаго ель-
 ника, который въ постройкѣ и въ оцѣнкѣ стоимости сооруже-
 нія полотна шелъ за матеріалъ болѣе прочный и болѣе доро-
 гой. На этомъ рыхломъ и зыбкомъ основаніи уложены рельсы,
 состояніе которыхъ, понятно, не можетъ отличаться особенной
 благонадежностью по отношенію къ выдержкѣ значительныхъ
 тяжестей. Мосты, дамбы, насыпи—во всемъ этомъ сивозять бѣ-
 лый шовъ, бѣлая нитка стройки на-авось, «абы-какъ», лишь бы
 дешевле обошлось, благо стоимость каждой версты, по строи-
 тельной смѣтѣ, оцѣнена легендарно дорого. Остановки поѣздовъ
 на станціяхъ—не въ иѣру продолжительны, и не то чтобы опре-
 дѣленно-продолжительны, а какія-то безтолковыя, патріархально-

семейныя. Ни кондукторы, ни другіе желѣзнодорожныя приставники не знаютъ или не хотятъ правду сказать пассажирамъ, сколько дѣйствительно минутъ поѣздъ будетъ стоять на такой-то станціи: скажутъ—«поѣздъ стоитъ 10 минутъ», а непрѣменно простоятъ 20 минутъ, полчаса и т. д., смотря потому, успѣтъ-ли наговориться желѣзнодорожное начальство съ своимъ знакомымъ начальствомъ-же на станціи о тамбовскихъ, кирсановскихъ, аткарскихъ и саратовскихъ новостяхъ, успѣтъ-ли кондукторы накушаться чаю или русскаго суррогата этого напитка—водки, успѣтъ-ли разсадить по вагонамъ своихъ знакомыхъ буфетчицъ, отправляющихся въ городъ за провизіей, перемѣнить поленки дѣтямъ начальницы станціи, путешествовавшей къ знакомымъ телеграфистамъ, разбудить пьянаго часового мастера, который изъ Тамбова предпринимаетъ экскурсію по всей линіи для порчи часовъ на станціяхъ, такъ чтобы въ Тамалѣ былъ свой меридіанъ, въ Ртищевѣ свой, въ Аткарскѣ особый аткарскій меридіанъ и аткарское время, въ Кирсановѣ—два меридіана и два времени и т. д. На одной станціи остановка за наливомъ воды, потому что «труба сама отошла въ бокъ», на другой—за накладной дровъ, на третьей—просто по забывчивости и разсѣянности начальства: забыли телеграфировать изъ Екатериновки, чтобы встрѣчный поѣздъ, въ виду предстоящаго ссрещиванья поѣздовъ на слѣдующей станціи, дождался-бы нашего поѣзда. Тотъ поѣздъ ждетъ насъ; мы ждемъ его. Отъ нашего поѣзда телеграфируютъ встрѣчному поѣзду: «гдѣ вы застряли?» А встрѣчный поѣздъ въ свою очередь спрашиваетъ насъ: «куда васъ черти занесли», или что-то въ подобномъ энергическомъ родѣ, какъ намъ передавали сообщительныя кондукторы.

Видно, что нигдѣ нѣтъ козьяскаго глаза, не чуетъ присутствія всеоживляющаго коммерческаго духа, духа по крайней мѣрѣ наживы, барыша, прибыли, основанной на относительной или даже на фиктивной пользѣ, приносимой якобы той средѣ, изъ которой извлекается барышъ: такъ и слышится въ этихъ порядкахъ тайно шепчущій голосъ—«не доберемъ своихъ барышей, такъ мужикъ доплатитъ съ земствомъ, благо гарантировалъ намъ всякое безобразіе до 6-го процента».

Съ другой стороны, причина медленности движенія поѣздовъ лежитъ въ крайней кривизнѣ, въ какой-то исковерканности линіи желѣзной дороги. Эта кривизна особенно замѣчается тамъ, гдѣ, вслѣдствіе-ли гористости мѣстности, по которой должна идти дорога, или вслѣдствіе овражистости и всякой неровности, строителямъ предстояли болѣе значительныя расходы на проложеніе полотна, на выемку земли въ гористыхъ мѣстахъ, на насыпи, на мостовныя, дамбовыя, трамбовочныя и гидравлическія сооруженія. Встрѣчается на линіи оврагъ—его обходить, по обходить такимъ крутымъ коловоротомъ, какой немислимъ по

законамъ желѣзнодорожной техники; встрѣчается-ли горка—ко-лесять вправо и влѣво и т. д.

Кто-же дозволялъ такіе коловороты и околесины? Вѣдь, ко-нечно, высочайше утвержденный планъ линіи дороги не могъ допустить такихъ грубыхъ нарушеній, такъ сказать, желѣзнодорожной ореографіи. Да онъ и не допускалъ ихъ, а мы умѣли только искусно обойти законъ, обойдя горы и овраги и *нежно-жесчко* уклонившись отъ дозволенной линіи, что обошлось значительно дешевле, чѣмъ если-бы пришлось вести линію какъ сороси летаютъ—прямо, черезъ рѣки и овраги. Провѣрить эти невинныя отклоненія частнымъ путемъ совершенно невозможно. Надо достать планъ дороги; а планъ этотъ составляетъ достояніе концессионеровъ съ одной стороны и канцелярскую тайну—съ другой, и потому для частнаго лица недоступенъ. Мнѣ передавали даже, что бывшій саратовскій губернаторъ (теперь уже умершій), имѣя подъ руками осязательные мотивы въ со-мнѣнію насчетъ того, что «*мужицкая дорога*» строится не Ари-стидами, всѣми мѣрами усиливался добыть себѣ планъ линіи для того, чтобы по крайней мѣрѣ предостеречь кого слѣдовало отъ неумѣреннаго увлеченія мужицкою копейкою и отклонить линію дороги отъ проведенія по мужицкимъ спинамъ, однако этого ему не удалось сдѣлать. При всемъ томъ онъ успѣлъ, чрезъ особаго довѣреннаго техника, произвести нѣкоторыя изслѣдова-нія на линіи и нашелъ, что линія дороги дѣлала въ поворо-тахъ углы подъ такими градусами, особенно въ третьемъ участ-кѣ дороги, отъ Аткарска до Саратова, въ наиболѣе неровной и гористой мѣстности, что ѣзда по этому участку становилась уже не только ѣздой по мужицкимъ спинамъ, но и по голо-вамъ пассажировъ. Есть такія мѣста въ извилинахъ дороги, что пара проложенныхъ по полотну рельсовъ находятся далеко не въ одной плоскости — одинъ рельсъ ниже другого рельса своей пары, правая сторона полотна выше лѣвой и наоборотъ, и эта небывалая прокладка рельсовъ оправдывалась тѣми со-ображеніями, что при слишкомъ крутомъ поворотѣ дороги ва-гоны могутъ опрокинуться въ сторону отклоненія угла, а по-тому, чтобы предохранить поѣзды отъ этихъ возможныхъ слу-чайностей, шпалы влялись наклонно отъ стороны отклоненія угла дороги къ сторонѣ наклоненія, если можно такъ нетехни-чески выразиться. Когда вы проѣзжаете по такому скользкому пути, то чувствуете, что или вашъ сосѣдь по вагону на васъ наваливается, или вы на него невольно наваливаетесь, а когда проходите поперекъ вагона, то чувствуете и видите, что въ одномъ случаѣ идете подъ гору, въ другомъ — на гору, и не знаете даже, какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовать совѣту одно-го греческаго мудреца—плакать-ли тогда, когда идете на гору, или-же когда съ горы спускаетесь.

За Аткарскомъ, когда уже можно было думать, что переѣздъ нашъ отъ Тамбова къ главному Поволжью созершенъ былъ почти

благополучно, мы вдруг разбужены были ночью, и намъ объявлено было, что всѣ пассажиры должны выходить изъ вагоновъ, брать съ собой ручной багажъ и идти пѣшкомъ до встрѣчнаго поѣзда. Изумленные пассажиры не знали, что имъ дѣлать и для чего они должны идти пѣшкомъ. Оказалось, что подъ Аткарскомъ, гдѣ-то около Кологривовки, какъ выразались кондукторы, «дорогу пронесло». Дѣйствительно, когда мы вышли изъ вагоновъ, то сначала шли по полотну дороги, около шпалъ и по шпаламъ, а потомъ наткнулись на пропасть, надъ которою какимъ-то чудомъ висѣли голые рельсы, а полотна, насыпи, шпалъ, вообще дороги — не существовало. Мы убѣдились, что несчастную «мужицкую дорогу» въ самомъ дѣлѣ «пронесло». Въ ночномъ мракѣ подъ нашими ногами зила глубокая пропасть, какой-то вновь созданный природою оврагъ. Черезъ оврагъ, съ лѣвой стороны, какимъ-то чудомъ искусства или технической, такъ сказать, дерзости перекинута были мостки, по которымъ намъ и приходилось перебираться въ сопровожденіи кондукторовъ и прочихъ приставниковъ, предупреждавшихъ всякую попытку любопытныхъ заглянуть въ зияющую бездну: «не привезано-де». Хотя кое-гдѣ намъ свѣтили фонари кондукторовъ, однако толкотня и суматоха была порядочная: тотъ не найдетъ ручнаго багажа, другой растерялъ своихъ дѣтей, третій ищетъ пропавшую жену.

Вагоны, въ которыхъ мы ѣхали до пропасти, такъ и остались у пропасти, на приличномъ конечно разстояніи. За пропастью слышался свистокъ другого поѣзда и свѣтились чудовищные глаза паровоза, который шель отъ Саратова, чтобы принять насъ, перешедшихъ Рубиконъ. «Какъ же саратовскій поѣздъ повернется на рельсахъ, когда здѣсь нѣтъ круга и платформы, а дорога—однколеяная?» спрашивали нѣкоторые. — «Да онъ и не повернется, а будетъ подпихивать насъ, когда мы усадимся въ вагоны, заднимъ ходомъ, вплоть до самой станціи».

Усажда пассажировъ въ вагоны вновь прибывшаго за нами поѣзда оказалась довольно затруднительною, такъ какъ платформы въ степи не было, а вагоны стояли на насыпи довольно высоко, и потому до первой ступеньки, ведущей въ вагоны, приходилось подниматься какъ поднимаются матросы на мачты погибающаго корабля. Особенно затруднительно было это карабкање въ вагоны для стариковъ и для слабого пола: женщины втаскивали за руки, съ опасностью вывиха таковыхъ.

Какъ случилась эта прорва дороги—никто не могъ порядкомъ объяснить. Говорили только, что это случилось, кажется, въ первые дни праздника Пасхи, и случилось отъ недосмотра сторожа. Но такое объясненіе показалось намъ и сомнительнымъ и, наивнымъ: какъ и что могъ не досмотрѣть сторожъ? какъ могъ онъ понять, что дорога не прочна, что насыпь снесетъ напоромъ весенней воды, что техническія и земляныя сооруженія въ этомъ именно мѣстѣ не выдержатъ не только воды, но даже

жало-мальски технической и самой снисходительной критики? Сторожъ могъ досмотрѣть камень на рельсахъ, но не предвидѣть же ему, что дорога въ его участіи аховая.

— Ухнули мужицкія денежки, раздался позади меня голосъ пассажира-пессимиста, когда мы карабкались въ вагоны.

Дѣйствительно, и мужицкія и дворянскія денежки ухнули, такъ какъ вновь образовавшійся на дорогѣ Рубиконъ положительно отрѣзалъ Саратовъ отъ Тамбова, и отрѣзалъ надолго, ибо привести дорогу въ порядокъ, особенно въ праздничное и наступающее рабочее, пахотное время, скоро едва ли можно и обойдется не дешево, а еще менѣе дешево отзовется на доходности дороги: заготовленные въ Саратовѣ партіи хлѣбовъ и другихъ товаровъ вмѣсто вагоновъ попадутъ на пароходы, и земству опять придется повышать процентъ обложенія мужицкихъ и дворянскихъ земель для того, чтобы дотянуть до требуемаго процента гарантіи доходности, ибо строители дороги, при наступленіи каждаго новаго года, говорятъ: «вынь да положь денежки», такъ какъ доходъ дороги не покрываетъ не только расходовъ содержанія пути, но и эксплуатаціи.

Какимъ же образомъ саратовское земство довело себя до такой кабалы?—А просто—какъ все у насъ дѣлается—по увлеченію, по добродушію и славянской восковой мягкости характера съ одной стороны, а съ другой по... по...—нѣтъ, ужъ лучше не скажу—все равно ни къ чему не поведетъ.

Вотъ, приблизительно, исторія этого роковаго увлеченія, какъ мнѣ передавали ее въ Саратовѣ и какъ передаютъ въ Самарѣ.

Саратовское губернское земское собраніе, въ самый первый свой созывъ, еще въ маѣ 1866 года, постановило: поручить губернской управѣ съестись съ земствомъ пензенской и тамбовской губерній и съ строителями козловской желѣзной дороги какъ для узнанія причинъ приостановки работъ по проектированнымъ тогда линіямъ до Саратова, такъ и о томъ, не можетъ ли саратовское земство способствовать чѣмъ-либо къ скорѣйшей постройкѣ дороги и уничтоженію тѣхъ препятствій, по которымъ она приостановлена; затѣмъ, собравъ, по возможности, необходимыя данныя, составила-бы къ будущему собранію по этому предмету докладъ.

Позволяю себѣ маленькую оговорку. Земство вообще имѣетъ обыкновеніе прятать отъ постороннихъ глазъ какъ свою дѣятельность, такъ и свои постановленія, а если и печатаютъ ихъ, то въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, *только для себя*. Другое дѣло города—все постановленія ихъ обязательно должны печататься для всеобщаго свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, мнѣ удалось добыть въ Саратовѣ нѣкоторые печатные экземпляры отчетовъ тамошняго земства, и изъ нихъ-то я почерпаю теперь свѣдѣнія, относящіяся до фактической стороны исторіи построенія «мужицкой» желѣзной дороги,

Когда, въ декабрѣ 1866 года, открылось первое очередное саратовское губернскае земское собраніе, то губернская управа представила собранію докладъ о проведеніи желѣзной дороги отъ Козлова до Саратова. Въ засѣданіи 6-го декабря, собраніе, выслушавъ представленныя управою свѣдѣнія, тотчасъ-же приступило къ обсужденію вопроса о средствахъ постройки желѣзной дороги, а также и о наивыгоднѣйшемъ ея направленіи. Во время преній по этому предмету, нѣкоторые гласные заявили, что во всякомъ случаѣ необходимо прежде всего рѣшить вопросъ: будетъ ли саратовское земство участвовать въ гарантіи линіи желѣзной дороги. Заявление это вызвало пренія относительно права собранія привлекать къ участию въ гарантіи все земство саратовской губерніи.

Тутъ-то въ первый разъ въ собраніи раздались осторожные голоса, которые теперь вся саратовская губернія считаетъ пророческими; но тогда ихъ не послушали — ихъ перекричали. Нѣкоторые гласные, въ томъ числѣ и уполномоченный отъ удѣла Н. П. Москвинъ, заявили, что въ полож. о земск. учр. нѣтъ указанія, чтобы расходы по подобнаго рода потребностямъ могли быть обязательными для всего земства губерніи, будучи рассмотрѣны и утверждены однимъ губернскимъ собраніемъ безъ согласія уѣздныхъ; при этомъ они ссылались на ст. 7-ю полож. о зем. учр. Вопреки этому, другіе гласные, относя постройку желѣзной дороги къ потребностямъ всего земства саратовской губерніи, согласно ст. 66 и 7-го пункта 68 полож., утверждали, на погибель себѣ и на благо *многоримъ*, не вѣдая сами что говорятъ, будто по этому возросу можетъ быть издано обязательное постановленіе. Тогда председатель предложилъ слѣдующій вопросъ: имѣеть-ли губернскае земское собраніе право, по вопросу объ участіи въ гарантіи отъ земства на постройку желѣзной дороги, постановить обязательное для всѣхъ уѣздовъ рѣшеніе?— и собраніе, *большинствомъ 34-хъ голосовъ противъ 18-ти, разрѣшило* этотъ роковой для себя *вопросъ утвердительно*.

Черезъ нѣсколько лѣтъ уже нѣкоторые изъ 34-хъ гласныхъ, сказавшихъ «да», поняли, что сами наложили на себя руку; но было уже поздно.

Затѣмъ возникъ новый вопросъ—о пропорціональномъ участіи всѣхъ мѣстностей губерніи въ гарантіи предполагаемой дороги. Нѣкоторые гласные заявили, что расходъ на гарантію долженъ падать сообразно величинѣ разстоянія каждой мѣстности отъ проектированной линіи и соотвѣтственно количеству выгодъ, которыя могутъ быть имъ доставлены, проведеніемъ желѣзной дороги. Другіе же гласные предложили рѣшить вопросъ въ общемъ смыслѣ, не вдаваясь въ частности, такъ какъ частности будто-бы *стребуютъ* весьма продолжительнаго и тщательнаго обсуждения (конечно на махъ лучше: прежде сдѣлаемъ, а потомъ подумаемъ). Вслѣдствіе этихъ споровъ председатель формулировалъ вопросъ въ

слѣдующемъ видѣ: всѣ ли мѣстности губерніи должны равно-мѣрно участвовать въ гарантіи предполагаемой дороги, или нѣтъ? 34 голоса сказали «нѣтъ», 17 голосовъ—«да». Предрѣшивъ эти предварительные вопросы о гарантіи, собраніе вопросъ о томъ, «нужна ли со стороны земства гарантія», а равно и всѣ вопросы, могущіе возникнуть при обсужденіи возможности устройства дороги и соображенія по избранію болѣе удобнаго направленія пути, передало на разсмотрѣніе особо составленной изъ гласныхъ отъ каждаго уѣзда по одному комиссіи, въ которую и были избраны: отъ аткарскаго—Н. С. Байшевъ, вольскаго—В. М. Макаровъ, сердобскаго—Д. П. Свиридовъ, саратовскаго—Д. Ю. Лупандинъ, хвалынскаго—Н. Д. Давыдовъ, ярицынскаго—А. Н. Корбутовскій, камышинскаго—А. А. Пѣгзовъ, балашовскаго—В. А. Сумароковъ, тузнецкаго—Д. И. Харунъ и петровскаго Н. С. Ермолаевъ. Кромѣ того собраніе предоставило комиссіи право пригласить въ свои засѣданія и стороннихъ лицъ, какъ болѣе знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, такъ и людей, заинтересованныхъ имъ. Приглашенные комиссіею лица, съ правомъ *только совѣщательнаго*, но не рѣшающаго голоса, были: князь В. И. Васильчиковъ, В. В. Гудковъ, Т. Ф. Жегинъ, И. И. Зейфертъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. И. Недошивинъ, М. Д. Парусиновъ, Д. С. Петрокино и Д. А. Столпичинъ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ совѣщательныхъ голосовъ и раздалась было минорно, въ пользу той мысли, что необходимо осторожнѣе приступать къ этому, крайне рискованному для населенія губерніи, предпріятію, однако, какъ голоса только совѣщательныя, а не рѣшающіе, они должны были скоро умолкнуть передъ голосами мажорными, особенно, когда ясно увидѣли, что желѣзнодорожная эпидемія, по своимъ симптомамъ, перешла уже въ безповоротный къ выздоровленію фазисъ развитія.

Весьма продолжительная война длилась въ комиссіи по вопросу о направленіи дороги. Каждому хотѣлось, чтобъ дорога шла черезъ его имѣніе, или, по малой мѣрѣ, около усадьбы. Война кончилась тѣмъ, что линія на Балашовъ, какъ самая выгодная, была убита. Съ этимъ убійствомъ торопились страшно, такъ какъ линія на Балашовъ была опаснѣйшимъ конкурентомъ для всѣхъ прочихъ измышленныхъ линій. Затѣмъ приступили къ обсужденію вопроса объ изысканіи средствъ, о гарантіи и пр. Изъ отъѣзда министерства путей сообщенія, полученнаго губернской управою, комиссіи вполне убѣдилась, что только при непосредственномъ участіи самого земства можно рассчитывать на дарованіе концессіи съ правительственной гарантіей и что, кромѣ того, въ случаѣ дарованія концессіи, при выпускѣ акцій и облигацій можно рассчитывать на лучшій успѣхъ въ ихъ раздачѣ и самомъ курсѣ, когда акціи будутъ обезпечены, кромѣ правительственной гарантіи, еще и земскою, или хотя нѣкоторою долею гарантіи. Тогда и рѣшили размѣръ земской

гарантии ограничить 1%:—не знали еще, что правительство откажется от мысли помочь земству и строителям своею гарантией. Самое распределение участка земства в гарантию по уездам было таково: половину требующейся суммы распределить по равной части на все уезды, за исключением казенных и удельных земель; другую же половину распределить между уездами пропорционально расстоянию от линии желѣзной дороги. Именно: принимая эту вторую половину, для большей наглядности, за дѣлю единицу, мѣстности, расположенныя от линии съ каждой ея стороны не дальѣ 30 верстъ, должны платить 50%; мѣстности же, расположенныя от линии съ обѣих ея сторонъ не ближе 30 верстъ и не дальше 90, должны платить 30%; затѣмъ остальные мѣстности платить остальные 20% второй половины. Къ участию в гарантии пригласили и Саратовъ: тотъ отозвался на призывъ 75-ю тысячами ежегодной платы въ пользу гарантии изъ городской кассы.

Роконья для губернии событія шли неудержимо. Составленъ былъ расчетъ, сколько каждая полоса губернии, по вышеназванному распределенію, должна нести тягостей въ пользу гарантии при направленіи дороги на Аткарскъ (Аткарскъ, эта суровая и бѣдная Спарта, побѣдила богатыя пшеницею Аенни—Балашовъ). Вышло, что въ первой полосѣ, занимающей пространство до 30 верстъ съ каждой стороны, должно быть 1,376,800 дес; во второй, занимающей пространство по 60 верстъ съ каждой стороны, должно быть 2,994,200 дес. и наконецъ въ послѣдней полосѣ 1,488,345 д. На десятину первой полосы приходилось по этому расчету 8,56 коп., второй—4,56 коп. и третьей—3,6 коп., принимая только *одну проценты* гарантии земства въ 300,000 р. послѣ оказалось, что тутъшло не однимъ процентомъ.

Земское собраніе одобрило дѣйствія комисіи, и для приведенія этого дѣла къ желательному концу постановило учредить особый комитетъ, названный «желѣзнымъ». Комитетъ долженъ былъ состоять при губернской управѣ и находиться подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ вице-президента М. М. Каракозова (нынѣ Михайловъ-Рославлевъ) и членовъ Н. Д. Давыдова, Д. Ю. Лупандина, М. Н. Беглемшова и Н. П. Инглези. «Желѣзный комитетъ» имѣлъ приглашать въ свои засѣданія специалистовъ, людей торговаго званія и пр., но безъ права голоса, командировать членовъ для личныхъ переговоровъ съ кѣмъ слѣдовало и для разныхъ ходатайствъ по данному вопросу. Комитету открытъ былъ неограниченный кредитъ изъ остатковъ губернскаго земскаго сбора.

Такъ кончился первый актъ этой классической трилогіи увлеченія саратовскаго земства.

Второй актъ трилогіи — крайняя степень увлеченія желѣзнодорожною горячкою—кончается самоповѣщеніемъ земства.

Когда и строители и земство увидѣли, что ни въ какомъ

случай нельзя уже рассчитывать на правительственную гарантию, такъ какъ министерство путей сообщенія дало такой отзывъ, что правительство смотреть на саратовскую дорогу не какъ на перворазрядную, а какъ на второстепенную, то явилась мысль принять всю сумму гарантій на плечи земства. Но какъ привести въ исполненіе эту мысль, когда противъ земской гарантій возстало 99% населенія губерніи, конечно такого, у котораго, въ случай малоходности дороги, приходилось бы, какъ выражался одинъ землевладѣлецъ саратовскаго уѣзда, сдирать со спины ремни для связыванья рельсовъ будущей дороги?

Тогда придумали обойти эту опасность слѣдующимъ ловкимъ маневромъ, которому бы удивился самъ Мольтке: испрошено было, въ августѣ 1868 года, созваніе чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, которое и должно было рѣшить вопросъ—принимаетъ ли земство гарантій на себя? Напуганная перспективой «столѣтней кабалы» (какъ называли нѣкоторые гарантій) часть населенія губерніи, чрезъ своихъ губернскихъ гласныхъ, требовала заявить, чтобы вопросъ о гарантій передать предварительно на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній, какъ вопросъ о расходѣ небываломъ, больше чѣмъ чрезвычайномъ, непредусмотрѣнномъ даже въ земскомъ положеніи, что въ данномъ роковомъ вопросѣ не только постановленіе губернскаго земства не можетъ быть обязательно для всѣхъ уѣздовъ и для всей губерніи, но что и постановленія всѣхъ уѣздныхъ земствъ, вмѣстѣ и отдѣльно взятыхъ, тоже не вправѣ насиловать все населеніе, чтобы оно бросилось съ мосту или вступило въ биржевую игру. Тогда протестующимъ голосамъ указано было на состоявшееся и уже вошедшее въ законную силу, какъ не опротестованное губернаторомъ, постановленіе губернскаго земскаго собранія 6 декабря 1866 года, которое, на вопросъ предсѣдателя—«имѣетъ ли губернское земское собраніе право, по вопросу объ участіи въ гарантій отъ земства на постройку желѣзной дороги, постановить обязательное для всѣхъ уѣздовъ рѣшеніе»—большинствомъ 34-хъ голосовъ противъ 18-ти разрѣшило вопросъ этотъ *утвердительно!*

Оказалось, что петля была завязана раньше, почти два года назадъ, когда земство только училось принимать къ дѣлу полож. о зем. учреж., и что петля эта завязана самими же гласными отъ всѣхъ уѣздовъ, большинствомъ 34-хъ вѣрныхъ завязывающихъ рукъ противъ 18-ти слабыхъ разрѣшающихъ дланей.

Надо было покориться первому рѣшенію и ждать, что скажетъ новое чрезвычайное собраніе, которое еще могло разорвать петлю, завязанную въ 66-мъ году. Но оно ее не разорвало.

Собраніе было спѣшное, горячее, въ полномъ смыслѣ «чрезвычайное» и «экстренное». Страсти были возбуждены до температуры кипѣнія крови. Надо было ковать желѣзо на рельсы, пока полосы не остыли. Губернскихъ гласныхъ собрали экстренными

повѣстанми, такъ что не всѣ имѣли время одуматься, сообразиться, прийти въ себя. Въ самый моментъ открытія собранія явились гласные изъ отдаленныхъ отъ линіи дороги уѣздовъ съ горячимъ протестомъ противъ принятія кабалы. Губернаторъ открылъ собраніе, предупредивъ земство сообщеніемъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, говорятъ, рекомендовалась земству крайняя осторожность въ этомъ далеко не земскомъ, а чисто торговомъ, биржевомъ дѣлѣ, въ этой азартной игрѣ, которую затѣвало земство. Даже это предупрежденіе осталось безсильнымъ. Камышинскіе и другіе гласные громко говорили, что они не хотятъ насилія, не хотятъ дороги, что она для нихъ уѣздовъ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣли бы рельсы, положенные отъ Новой Каледоніи къ Вандименовой землѣ, что у нихъ ужъ есть грязе-парицдинская желѣзная дорога, гораздо ближе лежащая къ ихъ территоріи, чѣмъ саратовская, что они намѣрены сами вести дорогу черезъ камышинскій уѣздъ, что сѣверные уѣзды губерніи также скорѣе тягѣтуютъ къ маршанско-сызранской, чѣмъ къ саратовской дорогѣ, что эта послѣдняя—«смертный култукъ», упирающийся въ Волгу, въ степь киргизовъ и т. д. и т. д. Представитель удѣльныхъ имѣній, г. Рихтеръ, пріѣхавшій для этого изъ Самары съ правомъ голоса наравнѣ съ губернскими гласными, опасаясь увлеченій земства до степени подчиненія гарантіи даже удѣльныхъ земель, напрасно силился говорить нѣсколько разъ—ему говорить не давали, да и вообще никому не давали говорить «желѣзные идеалисты», «желѣзные поэты», или—какъ ихъ называли—«больные желѣзнодорожнымъ тифомъ», которыхъ, къ крайнему изумленію всей губерніи, въ собраніи явилось большинство, хотя самое атомистическое—одинъ или два голоса, да и всѣхъ-то гласныхъ было далеко не полное число, такъ какъ не всѣ изъ нихъ успѣли, а другіе почему-то не хотѣли или не могли явиться въ губернский городъ.

— Больные желѣзные идеалисты, зажавъ ротъ здоровымъ, но малочисленнымъ реалистамъ (говорилъ мнѣ мой сосѣдъ пассажиръ-пессимистъ), потребовали, чтобъ рѣшеніе этого рискованнаго дѣла, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій и жекотливыхъ во многихъ отношеніяхъ преній, пустить на голосъ. Эдакое-то дѣло на голоса! Да тутъ одинъ шальной голосъ способенъ утопить всю губернію—ну, и утопил! Малюсинькинымъ большинствомъ голосовъ постановлено было: затянуть петлю.

— Чтò жъ?

— И затянули—хрипимъ теперь.

— А дальше?

— Дальше ужъ ничего нѣтъ—все кончено. Дальше, шампанское да денежки.

Въ Саратовѣ мнѣ удалось пробѣжать печатные отчеты за это время саратовской земской управы, изъ которыхъ сколько, мнѣ помнится, видно, что тотчасъ по рѣшеніи большинствомъ голо-

совѣ принять гарантію дороги на земскій счетъ, въ томъ же собраніи составлена была телеграмма къ государю императору, который въ то время находился за границей, и въ этой телеграммѣ земство выразило свою глубочайшую вѣриноподданническую благодарность его величеству за дарованіе права обсуждать такіе важныя, какъ настоящій, вопросы самому земству, и къ этому присовокупляло, что земство саратовской губерніи, воспользовавшись этой милостью, приняло гарантію тамбовско-саратовской желѣзной дороги на себя. Вслѣдствіе этого полученъ былъ, по телеграфу же, милостивый отвѣтъ, въ которомъ выражалось удовольствіе государя императора относительно совершившагося факта.

Фактъ, слѣдовательно, считался уже совершившимся и потому нигдѣ не былъ опротестованъ. Правда, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ одного изъ наиболѣе заботящихся о матеріальномъ благосостояніи нашего сельскаго и городского населенія департамента получена была телеграмма, въ которой, говорятъ, спрашивали, какимъ образомъ состоялось такое роковое постановленіе, какіе и отъ какихъ сословій гласные участвовали въ подписаніи протокола pro и contra; но на эту телеграмму отвѣтъ послѣдовалъ вполнѣ удовлетворительный, въ томъ смыслѣ, что состоявшееся постановленіе, одобренное государемъ императоромъ, было вполнѣ законно.

Мало того, въ первомъ актѣ трилогіи увлеченія я забылъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, о которомъ мнѣ тоже пришлось узнать проѣздомъ черезъ Саратовъ: городъ этотъ, какъ я сказалъ выше, увлеченный вмѣстѣ съ земствомъ общей эпидеміей, тоже составилъ общественный приговоръ въ той силѣ, что и онъ не только жертвуетъ безденежно свои земли подъ линію дороги, но еще приплачиваетъ каждый годъ по 75,000 р. гарантіи собственно отъ города; но при этомъ такъ увлекся мыслью облагодѣтельствовать строителей, что забылъ представить приговоръ на утвержденіе, въ установленномъ порядкѣ, и приговоръ, говорятъ, пропалъ безъ вѣсти. По крайней мѣрѣ министерство внутреннихъ дѣлъ и губернаторъ искали его, но нигдѣ не нашли—ни въ книгѣ приговоровъ, ни въ бумагахъ: говорятъ, онъ пропалъ въ «желѣзномъ комитетѣ»—по торпливости дѣятелей.

Второй актъ трилогіи закончился тѣмъ, что камышинское земство, а за нимъ и другія, недовольныя обязательною земскою гарантіею, подали жалобы сенату; множество же частныхъ землевладѣльцевъ (Гороховъ, Бекетовъ и т. д.) обратились съ своими жалобами въ министерство внутреннихъ дѣлъ, протестуя противъ нарушенія ихъ правъ; но та и другая категория протестантовъ получила весьма раціональный отвѣтъ, что, за переходомъ дѣла по извѣстнымъ законнымъ фазисамъ къ совершившемуся факту, поворотъ назадъ невозможенъ и что вся губернія, за исключеніемъ крайнихъ, южнаго и сѣверныхъ уѣз-

довъ, должна подчиниться не опротестованнымъ въ свое время постановленіямъ губернскаго земскаго собранія, для всаѣ губерніи, какъ земской единицы, обязательнымъ.

Горячо боролся противъ гарантіи и саратовскій уѣздъ — но и онъ пралъ противъ рожна: все дѣло было заранѣе обдуманно и приведено въ исполненіе соединенными силами вышеупомянутого «железнаго комитета» и губернской земской управы, на представителей которыхъ и упало нареканіе, конечно несправедливое, всей губерніи въ томъ, что они будто бы, подобно Аливіадѣ, отрѣзали хвостъ у своей вѣрной собаки, у саратовской губерніи, или, по другимъ комментаріямъ, хотя и вынули своего «младшаго брата» Іосифа Прекраснаго, невиннаго мальчика, изъ младши саратовской пустыни, не имѣвшей желѣзнаго пути, однако вынули брата только для того, чтобы предать въ работу египетскую, т. е. въ обязательную гарантію.

Наконецъ въ 1872 году разыгрался и въ 1873 году доигрался третій и послѣдній актъ знаменитой трилогіи.

Дорога выстроена и торжественно открыта 1-го іюля 1871 г., именно въ день такого же торжественнаго открытія въ Саратовѣ, на основаніи закона 20-го ноября 1864 года, новыхъ судебныхъ учрежденій саратовскаго судебного округа — фаталстическое совпаденіе, въ одинъ и тотъ же день, двухъ одинаково важныхъ для саратовской губерніи событій...

Началось правильное движеніе поѣздовъ, перевозка пассажировъ и владей. Прошелъ годъ.

Но еще раньше года саратовская губернія убѣдилась въ печальной истинѣ, что дорога, на которую, по увѣренію «большыхъ» нѣкогда, но потомъ выздоровѣвшихъ желѣзниковъ, все Поволжье должно было возлагать самыя блистательныя надежды, оказалась не только малоходною, но убыточною, разорительною для губерніи. Въ выручкѣ оказался громадный недостатокъ: выручка не покрывала расходовъ ни по эксплуатаціи дороги, ни по ремонту ея, ни по содержанію управленія и всего состава служащихъ и служителей. Строители предъявили требованіе, на основаніи постановленія о гарантіи, о доплатѣ земствомъ недобора, быстро дошедшаго до 500,000 р.

И вотъ мѣстные землевладѣльцы, изъ которыхъ не малое число считаются акціонерами земской тамбовско-саратовской желѣзной дороги, вмѣсто ожидаемаго дивиденда на свои акціи, получили оладные листы на свои земли. Всѣ тѣ блистательныя надежды на доходность дороги, на обогащеніе акціонеровъ, на поднятіе благосостоянія всей губерніи и цѣлаго Поволжья, надежды, о которыхъ настойчиво твердили немногіе земскіе Аливіады, отрѣзавшіе хвостъ у своей собаки, — оказались просто... недоразумѣніемъ, которое произошло съ одной стороны отъ незнанія ариеметики, собственно вычитанія, съ другой — но объ этомъ знаютъ только Аливіады.

Скажемъ только о вычитаніи.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ земствомъ передъ обсужденіемъ вопроса о земской гарантіи, оказалось, что при той массѣ товаровъ, которая отправляется ежегодно гужомъ изъ одного Саратова по направленію къ Тамбову и въ виду несомнѣнной отъ такого громаднаго движенія грузовъ ожидаемой доходности дороги, принятіе на себя земствомъ гарантіи не представляло никакого риска: всѣ думали, что доходъ дороги будетъ превъшать всякое ожиданіе, что и было бы несомнѣнно, если-бъ не вмѣшались въ это дѣло земскіе Алевіады. Когда дороги еще не существовало, то Саратовъ ежегодно отправлялъ гужомъ въ Москву, Петербургъ и за границу разныхъ товаровъ болѣе 18.928,000 пудовъ, изъ которыхъ одной рыбы и другихъ рыбныхъ товаровъ вывозилось оттуда до 5.500,000 пуд., пшеницы до 5.000,000, соли до 4.500,000, крупчатой муки до полу-милліона и т. д. это—провозъ въ одинъ конецъ. За провозъ такой массы товаровъ, по существовавшимъ тарифамъ, слѣдовало получить будущей желѣзной дорогѣ провозной платы 3.118,778 р., что составляло, на сумму строительнаго капитала, рассчитывая его приблизительно до 30.000,000 р.—около $10\frac{1}{2}\%$ — доходъ очень солидный. При этомъ не считались грузы, которые должны были приниматься на дорогѣ, на разныхъ ея пунктахъ, и къ тому же грузы опять-таки весьма крупныя (начиная отъ Ртищева и т. д.); не считались грузы, которые должны были идти въ Саратовъ изъ центровъ Россіи и проч.; наконецъ не считались пассажиры, въ оба конца, которые тоже должны бы были оказать своего рода хотя небольшое колебаніе въ цифрѣ дохода. Вообще же, со всѣми этими добавочными грузами и пассажирами, доходъ долженъ былъ возвыситься до $14\frac{1}{2}\%$, что составляло сумму въ 4.350,000 р. Отчисливъ изъ этой суммы 40% на издержки по эксплуатаціи (4.350,000—1.740,000) земство рассчитывало получать чистой и неизбѣжной прибыли 2.610,000 р. ежегодно, или 8,7% со всего строительнаго капитала. При этомъ принимали въ соображеніе, что, вслѣдствіе устройства желѣзной дороги, въ губерніи должно было оживиться хлѣбопашество и вывозиться такіе продукты, которые до того времени совершенно не имѣли никакого сбыта, и потому, по мнѣнію увлеченнаго Алевіады земства, результаты мужицкой дороги должны были оказаться еще болѣе блистательными, и губерніи, начиная отъ крупнаго землевладѣльца и кончая послѣднимъ батракомъ-крестьяниномъ, должна была значительно подняться въ своемъ благосостояніи.

И вмѣсто всѣхъ этихъ надеждъ—охлажденные листы!

Винникомъ такого неожиданнаго превращенія было, какъ я сказалъ, незнаніе вычитанія. Изъ 18.000,000 пудовъ, ожидаемыхъ дорогою грузовъ, Волга—этотъ естественный и при недовѣрціи товаро-отправителей къ дорожнымъ порядкамъ опасный конкурентъ—вычла въ свою пользу до 13.000,000 пуд. оставивъ дорогѣ только разность, получившуюся при вычита-

нѣн. Естественно, что вмѣсто 360,000 р. валоваго мѣсячнаго дохода, желѣзная дорога едва натягивала такого доходу отъ 70 до 80,000 р., и только въ нѣнне мѣсяци переходила за цифру 100,000 р. Такихъ доходовъ оказалось, конечно, недостаточно на покрытие издержекъ по эксплуатаціи и проч.—и вотъ происхождение окладныхъ листовъ, которые совершенно неожиданно получили мужички вмѣстѣ съ прочими окладными грамотами (для бѣдшей части помѣщиковъ эти листы были явленіемъ не неожиданнымъ). Многіе изъ землевладѣльцевъ, не смотря на оговорку въ окладныхъ листахъ, вродѣ того, что «впослѣдствіи, когда желѣзная дорога будетъ приносить доходъ, всѣмъ нѣмѣ вносящимъ по снмъ окладнымъ листамъ причитающіеся съ нихъ сборы въ уплату гарантіи плательщикамъ таковыя деньги будутъ возвращены», для чего земскія управы и просятъ всѣхъ плательщиковъ помянутые окладные листы «сохранять» (конечно на память),—до сихъ поръ отказываются вносить гарантiroвочныя уплаты съ своихъ земель; крестьяне же этого сдѣлать не смѣютъ,—и вотъ почему пассажиръ-песнистъ позволилъ себѣ измыслить странную фразу, будто бы земская тамбовско-саратовская желѣзная дорога «прошла по нѣннцкимъ спинамъ».

Теперь вы, слѣдовательно, знаете, какъ строилась знаменитая земская дорога и чтѣ изъ нея вышло. Здѣсь уже, въ Самарѣ, я слышалъ, что послѣ моего проѣзда по этой дорогѣ, черезъ нѣсколько часовъ, именно 11 апрѣля, произошло еще три прорыва на той же линіи—помнится, на 201 верстѣ, на 204 и на 240-й. Это значить четыре прорыва въ два или три дни.

Такъ какъ, совершенно противъ моей воли, настоящее письмо вышло слишкомъ объемисто, то я и кончаю его, покорнѣе прося редакцію «Отечественныхъ Записокъ» не отказать удѣлить моему случайному посланію мѣсто на страницахъ почтеннаго журнала, хотя бы въ тѣхъ практическихъ видахъ, что, быть можетъ, указанныя въ немъ обстоятельства вызовутъ болѣе знакомыхъ съ исторіею земской дороги людей представить болѣе документальныя объ этомъ предметѣ свѣдѣнія и тѣмъ исправить ошибки и недомолвки, которыхъ, естественно, не могло избѣжать мое письмо, какъ случайный набросокъ случайнаго пассажира тамбовско-саратовской желѣзной дороги.

Самара, 17-го апрѣля, 1878.

Д. С.

НА НѢМЦЕНОМЪ ЗАХВАТѢ И ВЪ ГОСТЯХЪ У ПРУССАКОВЪ.

Е. About. Alsace. 1871—1872. Paris. Librairie Hachette et Cie 1873.
J. Claretie. Les Prussiens chez eux. P. 1873. E. Dentu.

I.

Долго-бы пришлось ждать появленія такой крупной вещи, гдѣ-бы можно было найти полный отголосокъ на то, что возбуждено торжествомъ пруссаковъ въ душѣ каждаго свѣжаго человѣка. Поэтому, приходится довольствоваться сборниками летучихъ корреспонденцій. Два такихъ сборника и стоятъ въ заголовкѣ.

Униженіе Франціи, всѣ ужасы ея погрома, всѣ дѣйствія ея теперешняго представительства, все это блѣднѣетъ передъ фактомъ насильственнаго захвата двухъ французскихъ провинцій. Съ этимъ фактомъ не только французу, но нивакому вѣрному сыну своего вѣка помириться нельзя и не должно. Намъ, русскимъ, можно-бы было, кажется, въ виду нашей политической свѣжести, отнестись къ нѣмецкому захвату такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ теоретически. Но и у насъ послѣдняя война развела новую породу умѣренныхъ либераловъ, лизоблюдовъ успѣха, которые не только изъ Бисмарка и его «великихъ начинаній», но даже изъ здоровыхъ и плодотворныхъ началъ позитивизма сдѣлали для себя жвачку, и пережевываютъ ее ad majorem gloriam своего филистерскаго скудоумія... Въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ оставить всякую сантиментальность. Можно даже, на время, забыть про свои симпатіи къ Франціи. Пускай Франція—страна всякой гнили и разложенія, а всѣ французы шелопаи и прахвосты. Не въ томъ тутъ дѣло. Прусскій солдатъ пришелъ и остался всесильнымъ повелителемъ, а до права жителей цѣлыхъ двухъ провинцій: выбрать себѣ—*mère patrie*—ему такое же дѣло, какое было Атилѣ до памятниковъ классическаго искусства! Вотъ что стоитъ во всей неприкосновенности и красуется съ 1870 года, а Европа, за исключеніемъ Франціи, преклоняется передъ этимъ «haut fait» пангерманизма. Она даже удивляется, *in petto*, что пруссаки такъ повелико-

душничали, что они ограничили Альзасомъ и Лотарингіей... И въ самомъ дѣлѣ, если все сводится къ упрощенію операціи: пришолъ, вернулъ штыкомъ, и присоединилъ,—то отчего же было не обойдись такъ и съ Шампанею, или съ Франш-Конте, или съ Провансомъ, или, наконецъ, и со всей Франціей? Какіе предѣлы положены этому отмежеванію? Какими принципами могутъ руководиться люди, двинутые въ ту или иную сторону за добычей?

Вы не видите предѣла и принципа! кричатъ нео-пруссифлы: а принципъ національности?!

Этого еще не доставало! Отнынѣ, стало быть, прусская маска санкціонировала принципъ насильственнаго возвращенія жителей извѣстной территоріи на лоно родной національности. Послѣ того, надо, дѣйствительно, безъ изумленія взирать на нашихъ *панруссистовъ*, взывающихъ къ сліянію славянскихъ ручьевъ въ русское море. Вѣдь и они искренно убѣждены въ томъ, что разные чхи, словаки, сербы, далматы и черногорцы простераютъ къ намъ руки. И имъ-бы давно, т. е. съ самаго 1870 года, можно объявить во всеуслышаніе:

«Хотятъ чхи, словаки и другія славянскія племена присоединиться къ Московіи, или не хотятъ,—мы ихъ присоединимъ—и конченъ балъ!»

И конченъ балъ! Вотъ афоризмъ, прямо вытекающій изъ торжества просвѣщенныхъ германцевъ. Но самимъ германцамъ и подъ какимъ видомъ не хочется сознаться, что единоплеменники, возвращенные ими на лоно отчизны, прикованы къ ней цѣпью самаго безцеремоннаго насилія. Какъ это можно! Они хотятъ дѣлать все на логической подкладкѣ, но тутъ-то вотъ и приходится имъ зажимать ротъ всѣмъ, говорящимъ правду,—потокомъ «честно-нѣмецкихъ» ругательствъ, если говорящіе не у нихъ въ рукахъ, а коли въ рукахъ, то и другими, болѣе дѣйствительными способами...

Передъ Европой стоитъ параллель между возвращеніемъ нѣмецкихъ провинцій Франціи въ обще-германское лоно и присоединеніемъ Ломбардо-венеціанской области къ итальянскому королевству. Вѣдь и въ Миланѣ, и въ Венеціи пришли также солдаты и они также представляли собою грубую силу; но отчего-же правительство Виктора Эммануила съ такимъ добріемъ обратилось къ всенародной подачѣ голосовъ? Вѣдь ломбарды и венеціанцы могли наложить ему неизбирательныхъ билетежей или вотировать за Францію, безъ которой Италия врядъ-ли бы была объединена и по сіе время? Но въ отвѣтъ жителей Ломбардо-венеціанской области никто не могъ сомнѣваться. Отчего же пруссаки не попробовали прошевели такой-же оныть? Чего же имъ было бояться, если альзасцы и лотарингцы (какъ они теперь расписываютъ) вдыхали по милой родинѣ и расхвляли: «Wacht' am Rhein?» Отчего?!

«Полноте перетрясать все это старье!» восклицаютъ, и на западѣ и у насъ, присяжные повѣренные совершившагося факта.

Это старье; а что-же ново? Гдѣ-же отвѣтъ на самый простой вопросъ международной справедливости, противъ которой даже эвсъ-императоръ Наполеонъ III не провинился, когда, худо-ли хорошо-ли, произвелъ народное голосованіе въ Ниццѣ и Савойѣ! Или пруссакамъ не нужно было голосованія потому, что фактъ всенародной радости альзасцевъ и лотарингцевъ, при нѣмецкомъ захватѣ, былъ слишкомъ очевиденъ! Чтобъ разрѣшить это недоразумѣніе, мнѣ нечего прибѣгать ни къ какимъ книжкамъ. Стоитъ только пригнать на помощь собственную память.

II.

Во всей свѣжести стоятъ передо мной картины нашествія нѣмцевъ на *дорогія* нм провинціи. Я не могъ тогда, съ мѣста, высказать и половины правды въ моихъ корреспонденціяхъ. Газета, гдѣ они появились, уже обратилась, объ эту пору, въ защитницу совершившагося факта, урѣзывала мои письма, въ своихъ «отмѣткахъ» входила со мной въ скандальную полемику, почему я и прекратилъ въ ней, до конца войны, свое заграничное сотрудничество. Но теперь, по прошествіи двухъ слишкомъ лѣтъ, я повторю тоже, въ чемъ убѣдился и тогда: Альзасъ и Лотарингія—поразительный примѣръ, доказывающій, что принципъ національности можетъ быть прогрессивнымъ только для отсталыхъ или жалкихъ политическихъ и социальныхъ тѣлъ, что повсемѣстно въ Альзасѣ и Лотарингіи народная масса сознательно прильнула къ Франціи не какъ къ національности, а какъ къ странѣ съ извѣстнымъ общественнымъ строемъ, и что захватъ этихъ двухъ провинцій былъ неотразимымъ доказательствомъ того, что *нѣмцы никога не себѣ добромъ привлечь не могутъ и не могли.*

И какую подробность ни возьми я, что ни вспомни — вездѣ и во всемъ одинъ мотивъ, одна нота, одинъ колоритъ; отъ убогой деревушки до площадей Страсбурга я видѣлъ покоренный, захваченный, скованный народъ, проклинающій *Швабца*, т. е. своихъ дорогихъ соплеменниковъ. Быть побѣдителемъ не постыдно; но проявлять полнѣйшее отсутствіе великодушія и человѣчнаго отношенія къ побѣжденному — доказательство самаго грубаго, отталивающаго себялюбія. И вотъ это-то отсутствіе великодушія видѣлъ я въ нѣмцахъ, повсемѣстно, какъ среди самихъ солдатъ и ихъ ученыхъ офицеровъ на французской почвѣ, такъ и среди всевозможныхъ нѣмцевъ, въ развитыхъ уголкахъ Германіи. Нѣмецъ изобьетъ васъ, поставитъ вамъ свою широкую, неуязвимую ступню на грудь и при этомъ ругаетъ васъ до тѣхъ неръ, пока ему это пріятно, т. е. безъ усталы, совер-

шенно такъ, какъ онъ можетъ ѣсть колбасу, или пить пиво. Попробовали-бы вы побесѣдовать съ любимымъ напомаженнымъ и раздуненнымъ офицеромъ изъ породы «*seine Kegie*», онъ рта-бы не раскрылъ безъ презрительнаго фирканья на французовъ. Не даромъ-же кличка: «*les vaincus de la victoire*» осталась навсегда за пруссаками. Въ каждомъ изъ нихъ вы чувствуете дѣйствительно выскочку успѣха, глотавшаго впро-долженіи вѣновь свое политическое убожество. Авторъ романа «Кто виноватъ», достаточно изучившій всѣхъ, самыхъ радикальныхъ нѣмцевъ, давно замѣтилъ, что въ нихъ гнѣздится неутолимая жажда первенства, ненавистничество изъ зависти, сознание, что ихъ въ Европѣ 50 миллионновъ, и все-таки они не могутъ страхнуть съ себя ржавыя цѣпи юнкерства и филистерства и сплотиться въ «великую націю», чтобы играть какую-нибудь роль во вѣншемъ политическомъ мѣрѣ. Теперь они сплотились цѣною торжества милитаризма и юнкерства и все еще не могутъ наснитися сознаниемъ, что они превратились въ пугало Европы...

Но если русский, не связанный съ Франціей особой органической связью, можетъ думать и чувствовать такимъ образомъ, то что же мудренаго найти въ любомъ французѣ, пишущемъ о захваченныхъ провинціяхъ, ни чѣмъ не смягчаемый протестъ и несмолкаемую ноту патріотическаго огорченія.

Берлинскіе журналисты давно точили и скалили зубы на Эдмона Абу за его корреспонденціи изъ Альзаса, которыя онъ и перепечаталъ отдѣльной книжкой, прибавивъ къ нимъ рассказъ о своемъ арестѣ и судѣ за эти статьи, рассказъ, достаточно извѣстный русскимъ читателямъ. Пріемъ въ такихъ случаяхъ бываетъ всегда одинъ и тотъ же: выставитъ личность пишущаго въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ. Нѣмцы тотчасъ-же пустили его въ ходъ, напомнивъ кто такой Абу и сильно пощипавъ его литературную извѣстность. Мы здѣсь не станемъ защищать его, какъ гражданина и даже какъ замѣчательнаго писателя. Абу, конечно, не имѣетъ права на полученіе «*certificat de civisme*», даже и отъ снисходительныхъ судей политическаго свободомыслія. Онъ, какъ говорятъ французы — *un républicain de la veille*, и при Наполеонѣ III преспокойно себѣ мирился съ режимомъ 2-го декабря. Въ немъ всегда сидѣлъ бывшій ученикъ *Нормальной школы*, драгнующійся въ свой политическій индеферентизмъ и въ свое волтерьянство. Но будь Абу и еще помельче, и въ политическомъ и въ литературномъ смнслѣ, его книжка все-таки имѣла-бы значеніе, если только въ ней занесены не подтасованные факты. До полнаго безпристрастія ни одному французу не подняться въ такомъ дѣлѣ; но если писатель, знакомый хорошо съ краемъ, вѣрно характеризуетъ общее его настроеніе, въ такое исключительное время, какъ первая пора захвата—то больше нечего и требовать. Англійскихъ корреспонденцій въ такомъ именно родѣ

не появилось за послѣдніе два года. Англичане любятъ военные дѣйствія и разгаръ событій; а потомъ имъ мало дѣла до того, какъ живетъ побѣжденнымъ. Если-бы англійскій журналистъ описалъ тоже, что и Абу, онъ сдѣлалъ-бы это обстоятельство и безпристрастно, но невѣримо бездѣтнѣе. Абу жилъ въ Альзасѣ, какъ въ родномъ уголкѣ Франціи, онъ купилъ тамъ землю и домъ, онъ связанъ былъ знакомствомъ съ цѣлымъ околodomъ; вездѣ, куда онъ ни появлялся, на него глядѣли мало того, какъ на француза, но какъ на альзасца. Стало-быть, ему поразказали въ сто разъ больше и искреннѣе того, что удалось-бы слышать любому туристу-корреспонденту изъ иностранцевъ. Съ нимъ, *прежде всего изливались*; а это-то и важно, для вѣрной характеристики данной минуты. Многое, что не проглядываетъ еще наружу, въ публичной жизни, то уже гнѣздится въ умахъ и темпераментахъ и ждетъ только подходящей минуты для своихъ проявленій.

Абу ѣздилъ послѣ войны два раза въ свой альзасскій уголокъ, чтобы убѣдиться въ настоящемъ настроеніи края и рѣшить, можно-ли ему вообще проживать въ своей «сапранге», которую онъ съ особенной любовью устранивалъ, гдѣ родились его дѣти, гдѣ онъ провелъ лучшіе дни супружеской жизни. Вообще видно, что онъ хоть и не альзасецъ по происхожденію, но любитъ искренно этотъ край и объ разныхъ его мѣстностяхъ, въ особенности о Страсбургѣ, говоритъ восторженно. Онъ побывалъ во всѣхъ крупныхъ центрахъ и высматрѣлъ, что дѣлается и по мелкимъ городамъ. И городское и сельское населеніе нашелъ онъ совсѣмъ не такимъ, какъ говорилъ ему многіе скептики въ Парижѣ. Газеты приносили тревожныя вѣсти объ охлажденіи патріотическаго чувства въ альзасцахъ, о добровольномъ ренегатствѣ разныхъ французскихъ чиновниковъ, объ слезныхъ прошеніяхъ и адресахъ свѣтлѣйшему князю Висмарку отъ лица цѣлыхъ муниципалитетовъ...

Приходилось, поневолѣ, задуматься. Но одной поѣздки было достаточно, чтобы разсвѣтъ всѣмъ подозрѣніямъ Абу и заставить его написать въ предисловіи слѣдующія слова:

«Если-бъ нѣмцы дѣйствительно хотѣли (какъ провозглашали они столько разъ) доставить Европѣ благоденствіе и миръ, угрожаемый постоянно со стороны Франціи, они тотчасъ послѣ своей побѣды имѣли прекраснѣйшій случай исполнить это. Политическая необходимость высшаго порядка требуетъ, чтобы Рейнъ былъ свободенъ на всемъ своемъ протяженіи и чтобы отъ Швейцаріи до Голландіи помѣстилась цѣлая серія или конфедерация маленькихъ нейтральныхъ государствъ, не военныхъ и поставленныхъ подъ коллективное покровительство Европы, и неслы, въ видѣ подушки, смягчающіе удары... *Тогда старое французское единство навсегда-бы поимблало... Къ счастью для насъ, честолюбіе Пруссіи затмило ея политическій здравый смыслъ*».

И Абу нашелъ, что альзасцы и лотарингцы — въ прусскихъ

ождать, ждать и будутъ ждать, какъ евреи «на рѣкахъ Вавилонскихъ» своего освобожденія отъ вавилонскаго яга. Въ лотарингцахъ и онъ ни малѣйшимъ образомъ не сомнѣвался: въ Лотаринги французскій духъ такъ живучъ и силенъ, всё до такой степени французское, что лотарингцы, по его выраженію: «n'ont pas une goutte de sang qui n'appartienne à la patrie française»; его интересовали исключительно альзасцы.

III.

И вотъ какъ онъ резюмируетъ то, что ему, между прочимъ случилось выслушать на патриотическую тему:

«Мы очень хорошо понимаемъ, говорилъ ему одинъ альзасецъ, что вы усомнились въ насъ, потому что вы не знали, что съ нами стало. Одна половина Франціи упустила другую половину изъ виду, втеченіе дѣлаго года. На всѣ событія войны и захвата былъ напущенъ туманъ: сообщенія были прерваны, пресса безмолвствовала на захваченной территоріи, трусы болтали Богъ знаетъ-что, истинно-храбрые люди молчали, обычная глупость вѣвать вѣрнула только вадорнымъ слухамъ и осаривала одни настоящіе. Не мало уйдетъ времени, пока все предстанетъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Нашъ отпоръ гнѣдамъ не блещетъ, быть можетъ, особенно громкими подвигами; но онъ все-таки любозпителъ и поучителенъ. Съ того дня, какъ не-пріятель пришелъ къ намъ, всѣ мы, мужчины и женщины, старые и молодые, богачи и бѣдняки, прониклись одной идеей: *достатить Франціи какъ можно больше солдатъ*. Непріятель хорошо это зналъ, страдалъ самыми ужасными наказаніями всякаго рекрута, пробирающагося къ арміи и каждаго обывателя, который будетъ помогать его побѣгу. И ни на кого это не дѣйствовало. Молодые люди бѣгали толпами. Всѣ ихъ укрывали, давали имъ денегъ, платье, показывали дорогу, сажали въ лѣса и трупы. Кто оставался — тѣмъ нельзя было показаться на улицу. Наши дѣти послушали такъ Франціи! После заключенія мира, когда прошелъ острый періодъ альзасскаго патриотизма, національное чувство облеклось въ другія формы. Пѣвчимъ французамъ, возвращавшимся изъ Германіи дѣлали вездѣ такіа овація, что нѣмцы стали водить ихъ только ночью. Но и это не помогло. Альзасцы превращаютъ ночь въ день, стоятъ ночь на пролетъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и все также восторженно встрѣчаютъ соотечественниковъ. Теперь-же, когда всѣ пѣвчиие вернулись на родину, мы начинаемъ новую серію манифестацій, менѣе драматическихъ и героическихъ, но достаточно выразительныхъ. Еслибъ наше рабство продолжилось еще десять лѣтъ, Альзасъ сдѣлался-бы одной остроумной провинціей Франціи. Мы дѣлаемъ, для нрус-

саковъ, страну нашу совершенно невыносимой, не приобрѣта ни къ заговорамъ, ни къ тайнымъ обществамъ, ни къ сицилійскимъ вечернямъ. Ни одинъ прусскій часовой не будетъ задѣтъ пальцемъ. Нѣмцамъ не доставать случая ни разстрѣлять кого-нибудь, ни сечь деревню, ни наложить контрибуцію. Нѣтъ! альвасы не такъ глупы! Забѣчали-ли вы чтобы кто-нибудь говорилъ на улицѣ на мѣстномъ нарѣчьи? Ничто. Тоже происходитъ и въ домахъ, гдѣ нѣмцы стоятъ ностоємъ. Наше «*cratois*» слишкомъ похоже на нѣмецкій языкъ, наши побѣдители понимали его кое-какъ и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слушали его. Ну, всѣ и согласились говорить исключительно по французски, даже не зная хорошенько языка, и усмеленно не понимать нѣмецкаго языка, даже прекрасно зная его. Сто разъ меня разбиралъ хохоть, когда до слуха моего долетали отвѣты пруссаку какого-нибудь добраго альваса, съ ужасающимъ акцентомъ: «*toi Vrançais, moi pas safoir allemand!*» Нѣкоторые говорятъ даже: «*pas ponfoir allemand*», перевода съ нѣмецкаго: «*Ich kann nicht Deutsch*». Нѣмцамъ, которые вѣжливы съ нами и спрашиваютъ насъ объ чемъ-нибудь по французски, мы отвѣчаемъ церемоннымъ и скучнымъ тономъ. Мы окажемъ имъ услугу, но въ обмѣнъ не примемъ ничего, не выслушаемъ даже простой благодарности. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ войдетъ въ кафе, мы допиваемъ наши стаканы и выходимъ вонъ. Мы не входимъ туда, какъ только увидимъ съ улицы, что наше мѣсто занято пруссакомъ. Мы, какъ вамъ извѣстно, очень любимъ музыку. Нѣмцы воображали, что прельстятъ насъ своими военными симфоніями; но они только осрамились; куда ни появится оркестръ, всѣ бѣгутъ оттуда. Мы дошли до того, что совершенно не замѣчаемъ нѣмцевъ, проходимъ мимо ихъ, точно они для насъ невидимы. И маленькія дѣти по своему обрабатываютъ побѣдителей. Всѣ мальчуганы только о томъ и мечтаютъ, какъ бы современемъ подраться съ нѣмцами. Кто постарше, поетъ патриотическія пѣсни и кричитъ: «*vive la France!*» и никакіе штрафы, никакія наказанія не усмирять молодое поколѣніе. Франція уступила насъ противъ воли, и мы должны доказать всему свѣту, что это случилось также не съ нашего согласія. Мы не станемъ истощать себя безплодными и кровавыми возстаніями. Противъ невозможнаго нельзя идти. Если большая нація положила всѣ свои силы, чтобы спасти насъ, и не успѣла, что-же могутъ сдѣлать двѣ несчастныхъ провинціи, безоружныя, скованныя, покрытыя непріятельскими гарнизонами. *Насъ спасетъ общая родина. Мы надѣемся на ея мужество.* Въ вѣрности нашей ей нечего сомнѣваться. Пускай она оправится, мы подождемъ десять, двадцать лѣтъ, полвѣка, если нужно будетъ; она найдетъ насъ такими-же, какими они насъ покинула. А пока, мы будемъ бороться съ врагомъ на законной почвѣ. Печальный мнръ, спасшій Францію отъ конечнаго разворенія цѣной нашей независимости, выдалъ нѣмцамъ наши достатки и

нами тѣла; но внутренній духъ не вошелъ въ договоръ, и мы остаемся господами нашей совѣсти. Вы увидите, что мы выдержимъ до послѣдняго дня эту нравственную борьбу. Слава Богу, не существуетъ еще закона, повелѣвающаго принимать изъ непріятельскихъ рукъ публичныя должности, почести и жалованье. Поэтому, мы не только съ негодованіемъ отказываемся отъ всего, что намъ предлагаетъ непріятель, но смотримъ какъ на ренегатовъ и на тѣхъ, кто изъ тщеславія или пустоты унижилъ себя, вступивши въ его службу. Въ будущемъ году, до 1-го Октября, намъ нужно выбрать между Франціей и Германіей. Если-бъ намъ позволили вотировать, явно или тайно, побѣдитель не получилъ бы и пятидесяти голосовъ въ обоихъ департаментахъ Альзаса. Но берлинскіе политики не рискнули такимъ экспериментомъ. Они издали двусмысленный законъ, въ силу котораго непріятель можетъ по произволу выгнать всѣхъ, кто останется французомъ. Остальные сдѣлаются нѣмцами, волей-неволей, а дѣти будутъ вынуждены служить въ непріятельской арміи. Стало быть, черезъ годъ намъ дадутъ разрѣшить такой вопросъ, который поставитъ всѣхъ собственниковъ межъ двухъ огней — интересомъ и патриотизмомъ. Но каждый глава семейства содрогается предвидя, чтó предстоить его дѣтямъ. Мы любимъ наши дома, наши земли, нашу родину, но мы еще сильнѣе любимъ Францію и дѣтей нашихъ, и не хотимъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ поступилъ подъ команду г. Мольте и дрался впоследствии противъ своего отечества. Французы не захваченныхъ провинцій уговариваютъ насъ остаться, и приводятъ очень хорошіе доводы. Если Альзасъ, говорятъ они, лишится лучшихъ своихъ гражданъ, онъ тотчасъ-же будетъ запруженъ и колонизированъ нѣмцами. Всѣ этѣ разсужденія—превосходны, но попробуйте, хоть на минуту, очутиться на нашемъ мѣстѣ. Согласились-ли бы вы провести всю жизнь среди этихъ мундировъ, когда появленіе ихъ въ одномъ лишь кварталѣ Парижа вызвало въ васъ вой душевной скорби и стыда? Избрали-ли бы вы германскую національность? Мы любимъ Францію, но не настолько, чтобы вооружить нашихъ сыновей противъ не-яе. Да и ничто не доказываетъ, что Альзасъ, даже если его на три четверти оставить его законные владѣльцы, будетъ колонизованъ въ большихъ размѣрахъ. Побѣдоносная раса не уступаетъ благородуміемъ воинственности; когда прусскій солдатъ, покрытый славой и вооруженный съ головы до пятки, приходитъ на постой къ побѣжденнымъ, безоружнымъ и запуганнымъ жителямъ, онъ прежде всего осматриваетъ, нѣтъ-ли кого подъ кроватью, пощупаетъ стѣны, перепробуетъ всѣ ключи и замки, и только послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей ложится, да и то спать въ полсна. Точно также охраняютъ они и свои деньги. Вовсе не въ нѣмецкомъ вкусѣ—всадить денежный капиталъ въ землю, которая можетъ быть, въ теченіе ста лѣтъ и больше, яблкомъ раздо-

ра между двумя націями. Вотъ уже годъ, какъ Альвасъ открытъ явѣцамъ; цѣлыя толпы являютя къ намъ изъ Германіи; но ни одинъ изъ этихъ пришельцевъ что-то не думаетъ основаться у насъ какъ слѣдуетъ. Они приходятъ обнюхать все; но тотчасъ-же возвращаются, не очень-то довольные своими изысканіями. У насъ напр. ¹ остались всего на всего одни чиновники, да несчастный какой-то трактирщикъ, у котораго ни проѣзжающихъ, ни денегъ, ни мебели. Въ Страсбургѣ, въ Мюльгаузенѣ, въ Кольмарѣ вы на каждомъ шагѣ видите объявленія о продажѣ недвижимостей; но я сильно сомнѣваюсь, чтобы побѣдители купили, до сихъ поръ, десять домовъ. Ихъ табачные и сигарные торговцы воображали, что найдутъ у насъ Калифорнію, благодаря уничтоженію монополіи и наняли самыя лучшія лавки. Въ одномъ Страсбургѣ насчитывали 450, а прежде не было и 30 вазенныхъ «*débîts*». Но они раззорятся конкуренціей. Никто не купитъ ихъ товару, и они банкрутятся одинъ за другимъ. Такой опытъ не очень-то разлакомитъ! Нѣмецкіе купцы знаютъ, что мы не хотимъ входить въ ихъ лавки. Нѣмецкіе промышленники знаютъ также, что мы не желаемъ потреблять ихъ продуктовъ. Стало-быть, имъ нужно подождать, пока у нихъ будетъ въ нашихъ краяхъ своя «*clientèle*» изъ нѣмецкихъ рабочихъ, буржуа и въ особенности землепашцевъ, такъ какъ Альвасъ, прежде всего, земледѣльческая страна. Появятся-ли землепашцы? Съ теченіемъ времени,—можетъ быть; но имъ не дешево придется устраиваться у насъ; они знаютъ, что имъ не покупать хорошей земли по пяти франковъ за акръ, какъ у Брайгема Юнга, на берегахъ Солянаго озера. Стало-быть, Альвасъ не такъ еще скоро колонизируется, какъ того боится парижане, если мы даже и станемъ эмигрировать цѣлыми тысячами.

Подумайте, наконецъ, о томъ, что намъ, по всей вѣроятности, не предоставлятъ выбора и что отцы, у которыхъ есть сыновья, не въ состояніи будутъ дѣйствовать по произволу, т. е. остаться дома или эмигрировать. Вспомните исторію съ Франкфуртомъ, въ 1867 году. Пруссаки—доки въ искусствѣ присоединенія владычній. Чтобы принудить сыновей служить подъ ихъ знаменами, *они выдумали отвѣтственность отцовъ*. У насъ ослушникъ наказывается строго; но онъ одинъ отвѣчаетъ за себя; законъ смотритъ на него, какъ на самостоятельнаго человѣка. Но у пруссаковъ, въ захваченныхъ ими земляхъ, если сынъ перебѣжитъ границу, родные виноваты въ томъ, что подстрекали его къ побѣгу, или не воспрепятствовали ему; ихъ имѣнье конфискуютъ, ихъ разоряютъ и пускаютъ по міру. Та-же участь можетъ постичь и насъ. Кто-же посмѣетъ осуждать насъ за то, что мы бѣжимъ отъ такихъ порядковъ? Никто не можетъ знать, что съ нами будетъ. А все-таки мы не отчаяваемся въ будущемъ: наши

¹ Въ городѣ Савернѣ.

сердца оживляетъ въра—упрамая, непоколебимая, горячая. Наши рабочіе, крестьяне, наши бѣднѣеи наивны и довѣрчивы до безумія. Они ждуть своего освобожденія до будущаго лѣта. Они вамъ серьёзно-рассказываютъ, что Ал-ель-Кадеръ предложилъ свои услуги версальскому правительству, и что онъ будетъ командовать арміей, подъ руководствомъ вѣ г. Тьера, что Маж-Магонъ вербуетъ въ Парижѣ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Вчера еще, нѣмецкій маляръ замазываетъ имя Saverne на станціи желѣзной дороги, чтобы поставить нѣмецкое «Zaberg», а два альзасскихъ работника кричали ему: «Не трудись! Вѣдь ты знаешь, что черезъ три мѣсяца все помянется». Но и мы, хотя и не дѣти, не отчаиваемся ни во Франціи, ни въ Европѣ, ни въ себѣ самихъ. Франція поднимется, она въ хорошихъ рукахъ. Европа заступится за насъ, конечно, тогда только, когда ей будетъ это выгодно; но политика подержана всякимъ колебаніемъ и въ ней возможны всякія комбинаціи. Не разсчитывая даже на особую удачу, можно предположить, что справедливость не всегда будетъ имѣть противъ себя силу. Рассказываютъ, что нѣмцы укрѣнятся въ Альзасѣ, что они составили уже планъ четырехъ или пяти цитаделей, которыя желаютъ возвести вокругъ Страсбурга. Мы этимъ не очень-то взволнованы. Мы вспоминаемъ, что Австрія истратила милліоны, чтобы сдѣлаться непобѣдимой въ веронскомъ четырехугольникѣ. Она потеряла его въ Богеміи и всѣ эти сооруженія, которыхъ силой не взяла-бы стотысячная армія, открыли ворота безъ всякой осады. Императоръ Наполеонъ III двадцать лѣтъ укрѣплялъ свой деспотизмъ противъ парижскихъ революцій. Вы знаете, что онъ былъ непобѣдимъ въ Парижѣ. Большіе стратегическіе пути, проведенные имъ на вашъ счетъ, затѣмъ, чтобы въ одно прекрасное утро обработать васъ картечью, не удержали и на четверть часа его паденія! Онъ потерялъ Парижъ въ Седанскомъ дѣлѣ. Я не берусь предсказывать на какомъ полѣ сраженія нѣмцы потеряютъ Альзасъ; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они потеряютъ его безъ боя. А до тѣхъ поръ, мы сдѣлаемъ имъ житье у насъ такимъ пріятнымъ, что они оставятъ насъ, какъ австріяци Венецію, не только безъ сожалѣнія, но съ радостью».

IV.

Въ этой длинной выпискѣ, гдѣ резюмируется почти все, что каждый альзасецъ, оставшійся вѣрнымъ Франціи, сказалъ-бы въ откровенной бесѣдѣ, человѣку, сочувствующему его патриотическому горю. Она, какъ читатель видитъ, нисколько не фразиста, не пахнетъ хвастовствомъ или легкомысленностью. Напротивъ въ ней чувствуется сдержанность, расчетъ, выдерж-

на, своего рода себѣ на умѣ—свойства мѣстныя, альзасскія, а не общефранцузскія. Не такой альзассцы народъ, чтобы начинать открытое возстаніе противъ нѣмцевъ. Они не истощали себя также и въ бесплодныхъ заговорахъ. Имъ нечего играть въ заговоры. Одинъ неразрывный заговоръ объединяетъ ихъ, и каждый хранитъ въ себѣ свою вѣру. Крестьянинъ наивно вѣритъ въ пришествіе Абдель-Кадера, образованный житель Страсбурга, Кольмара или Мюльгаузена разсчитываетъ на политическія событія, и знаетъ, что Франція, при первой возможности, сдѣлаетъ энергическую попытку возвратить утраченныя провинціи. Поэтому-то (какъ съ неудовольствіемъ сознается Эдмонъ Абу) всѣ альзассцы—такіе *Гамбетисты*. Бывшій диктаторъ—для нихъ олицетвореніе той Франціи, которая, дѣйствительно, готова была лечь косями за нихъ и не хотѣла вторить себялюбивымъ возгласамъ тѣхъ, кто кричалъ:

— Ну что за бѣда!... Пускай ихъ заберутъ пруссаки, только намъ, у насъ дома было хорошо и мы бы не выдали ненавистныхъ касокъ!...

Ихъ разсужденіе держится не за сантиментальныя возгласы и туманныя фразы, а за несомнѣнный фактъ. Они знаютъ, что Франція, присоединившая ихъ когда-то, дала имъ, раньше, чѣмъ они могли-бы мечтать (еслибы остались нѣмцами), широкія гражданскія и политическія права и поставила ихъ территорію на высокую культурную ступень. Въ нихъ не переставало жить нѣкоторое *мѣстное* чувство, они любили такъ, при случаѣ, поддразнить тѣхъ, кого они звали «*les Welches*», т. е. французовъ, и отстаивали всегда свои *альзасскіе* интересы; но они сами, по собственному желанію, дѣлались все преданнѣе и преданнѣе Франціи, именно Франціи болѣе, чѣмъ ея правительству. Сто лѣтъ французскаго господства развило въ нихъ чувство настоящей солидарности съ тѣмъ, что есть лучшаго во Франціи. И когда война была объявлена—врядъ-ли нашелся-бы хоть одинъ развитой альзасецъ, не почувствовавшій себя французомъ. Всѣ они знали, что французы неспособны выдать ихъ нѣмцамъ, что для Парижанина осада Страсбурга была такимъ-же народнымъ горемъ, какъ и осада Парижа. Они видѣли, что еслибы не требованіе нѣмцевъ—уступки Альзаса и Лотарингіи, война-бы прекратилась тотчасъ послѣ Седана. Всѣ услія, за которыя Гамбеттѣ пришлось потомъ выслушать столько упрековъ—были въ сущности подняты для нихъ, для ихъ избавленія отъ прусскаго ига... Изъ одного тщеславія и пустого фанфаронства Франція не стала бы отдавать свою кровь. Альзассцы съумѣли оцѣнить и сказали про себя:

«Отъ добра добра не ищутъ. При французскихъ порядкахъ намъ было хорошо. Мы держимся Франціи, а не Германіи, въ которой насъ ничего не привлекаетъ. Останемся же вѣрны Франціи и вооружимся нашей альзасской выдержкой.»

Прошло два слишкомъ года съ захвата нѣмцами Альзаса.

Князь Висмаръ сдѣлалъ все, что только можно было, чтобы сердца альзасцевъ размягчились и прильнули къ материнской груди Германіи... И—полнѣйшее фіаско!... Вѣдь кажется чего-же легче было альзасцамъ убѣдиться въ доблестяхъ единоплеменниковъ? И общность происхожденія, и близость нарѣчія, и просвѣщенность солдатской массы — и за всѣмъ тѣмъ, кромѣ возрастающей антипатіи въ результатѣ—ничего. Фактъ, дѣйствительно, курьезный! Какъ его ни переверачивай, не извлечешь иного вывода, кромѣ слѣдующаго:

Или всѣхъ альзасцевъ надо отъ перваго до послѣдняго выселить, или пришедшимъ туда пруссакамъ переродиться. Выселились всѣ, кто могъ (о чемъ будетъ говорено ниже), но дѣлу это все-таки не помогло; а пруссаковъ кто-же, и что-же можетъ теперь переродить? И пойдетъ ожесточенное искорененіе альзасскаго духа, т. е. нравственное опустошеніе страны, которое и будетъ продолжаться до той минуты, когда Франція почувствуетъ себя въ силѣ.

То, что Абу говорить отъ себя на эту тему, отзывается бдѣльшей тревожностью, чѣмъ приведенныя имъ «profession de foi» альзасцевъ-патріотовъ, но и онъ, въ сущности, рассуждаетъ толково, приправляя, конечно, доводы свои солью французскаго наблюдателя—врага. Зная нѣмецкихъ журналистовъ, можно положительно утвердить, что ни одинъ изъ нихъ, на мѣстѣ Абу, не выказалъ-бы больше спокойствія и объективности. Только у нихъ все было-бы окрашено въ аляповатую, полуметафизическую, полунахальную фразеологію... Я приведу одно изъ самыхъ характерныхъ мѣстъ — въ pendant къ первой выпискѣ.

«Великіе берлинскіе политики, говорить Абу, ничего не дѣлающіе кое-какъ, должно быть съ умысломъ продлили до сего дня стоянку войскъ у обывателей, не пользуясь казармами, настроенными по захваченной территоріи. Они надѣялись, что ихъ солдаты, перемѣшанные съ обывателями въ тѣсныхъ жилищахъ, мало-по-малу сольются съ ними въ одно цѣлое, что постоянныя сношенія родятъ симпатіи, что общность происхожденія, языка, нравовъ, вкусовъ возьмутъ верхъ надъ національнымъ духомъ. Но эти господа плохо разсчитали, и вотъ почему:

«Вопервыхъ, общность происхожденія, на которой основалось столько блестящихъ надеждъ, не доказана какъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ бытовомъ. Если альзасцы природные братья южно-германцевъ, то относительно сѣверныхъ нѣмцевъ кровь ничего не говоритъ имъ. Нарѣчіе, которымъ объясняются въ Альзасѣ, похоже на языкъ берлинцевъ, какъ провансальское нарѣчіе на языкъ Тасса. Но въ особенности по идеямъ и нравамъ, альзасецъ разнится отъ нѣмца, какъ небо отъ земли. Наши альзасцы, по крайней мѣрѣ изъ Северна, далеко не революціонеры: они вѣрили въ Наполеона ІІІ, они вотировали плебисцитъ и выбирали кандидатовъ, какихъ имъ

подставляла официальная власть, но и для нихъ просіялъ когда-то 1789 годъ, они его внесли въ свою жизнь и ни за что не хотятъ пойти назадъ въ политическомъ смыслѣ. Какъ-же могутъ они подчиниться военному и феодальному деспотизму государства, отставшаго отъ насъ на цѣлое столѣтіе?

И религиозный духъ враждебенъ примиренію, не менѣе политическаго чувства. Альзасскіе католики по двумъ причинамъ ненавидятъ непріятелей: вопервыхъ потому, что они нѣмцы, во вторыхъ потому, что они протестанты. Они уже и теперь боятся, что ихъ церкви будутъ разорены, а священники пущены по міру съ изгнаніемъ французскихъ чиновниковъ и эмиграціей богатыхъ семействъ. А свободномыслящіе протестанты (*les protestants libéraux*), преобладающіе у насъ, не могутъ выносить прусскаго пѣтнизма.

«Наконецъ, антипатія двухъ расъ постоянно поддерживается контрастомъ нравовъ. Простота сѣверныхъ пришельцевъ, ихъ первобытная суровость, пригодная въ походахъ, ихъ грубые аппетиты, незнаніе роскоши и комфорта, презрѣніе ко всякой элегантности, а подчасъ и къ чистотѣ, ихъ скредины привычки— все это взумляетъ, но ни мало не прельщаетъ нашихъ соотечественниковъ востока Франціи.

«Альзасцы далеко не уточненные парижане, но они не имѣютъ ничего общаго съ неотесанной деревенщиной. Они любятъ хорошія вещи, они умѣютъ цѣнить изящное, въ домахъ ихъ чисто, они очень опрятны, обзаводятъ хорошей мебелью, бѣльемъ, платяемъ и проживаютъ деньги охотно, даже и тогда, когда у нихъ нѣтъ ихъ. Прекраснѣйшій аппетитъ альзасцевъ не дѣлаетъ ихъ равнодушными къ качеству блюдъ; они пьютъ много и ѣдятъ не меньше; но они не смотрятъ на свой желудокъ, какъ на какой-то чемоданъ и не наполняютъ его чѣмъ попало. По этому и трапеза побѣдителя, и его пицевареніе, и его сонъ и его туалетъ противны добрымъ альзасцамъ.

«Жители Саверна, конечно, преувеличиваютъ нѣсколько прусскую скупость; но и самое преувеличеніе доказываетъ, какъ сильна ненависть. При мнѣ слагается, напр., легенда, которая переживаетъ завоеваніе. Слѣдуя этой легендѣ, нѣмецкіе чиновники—оборвыши, непомяшіе себя отъ радости, очутившись съ хорошимъ жалованьемъ. Ихъ платья, мебель, все, что они привозятъ съ собою, тотчасъ-же оцѣнено, въ самый моментъ выгрузки. Всѣмъ извѣстно, что, туалетъ ихъ женъ—весь бумажный, что самыя нарядныя кружевыя и бархатныя платья—бумажныя. Да и то еще онѣ заказали все это, предъ отъѣздомъ, что-бы ослѣпить альзасцевъ. Только что президентъ трибунала получилъ свой багажъ, какъ всѣ уже пересказывали другъ другу:

«Тысячу двѣсти франковъ! Ни какъ не больше! Ужъ такъ оцѣнили такой-то, а онъ знаетъ толкъ. Вы можете называть нашего президента: *«Monsieur Douze cents francs!»*

Вотъ вамъ эскивъ, сдѣланный à viv. Тутъ все дышетъ буд-
Т. ССVIII. — Отд. II

ничной ежедневной борьбой. Французскій журналистъ не скрываетъ, что добрые альзасцы рады придраться ко всему и преувеличиваютъ все, дѣлающее завоевателей смѣшными или ненавистными. Въ другихъ мѣстахъ книги есть не мало подробностей, показывающихъ чрезъ какія насмѣшки и колкости проходятъ нѣмцы въ чиновники, офицеры и ихъ семейства. Но развѣ не ясно, что главная причина тутъ слѣдующая: альзасецъ, отъ крестьянина до миллионера фабриканта, сознаетъ свое культурное превосходство передъ нѣмцемъ. Онъ видитъ собственными глазами, что нѣмецъ грубѣе его, жаднѣе, бѣднѣе, не имѣетъ половины его культурныхъ привычекъ, что побѣдитель онъ только матеріальный, но обаянія никакого произвести не можетъ. Если оно такъ, стало бытъ, не немцы нужны альзасцамъ, а альзасцы немцамъ. Общности интересовъ между ними бытъ не можетъ. Немудрено, что сама *отчужденность* французскаго происхожденія привлекательнѣе для альзасца, чѣмъ внѣшность, нѣмецкая.

V.

Но были-ли ренегаты, свободно бросившіеся въ объятія побѣдителей?

Конечно были. Безъ этого не можетъ обойтись никакое завоеваніе. Въ другихъ странахъ дѣлныя массы идутъ добровольно подъ яро, но въ Альзасѣ массы, не смотря на свои матеріальныя нужды, остались вѣрны Франціи и только личная невзость выскочила впередъ. Когда Абу собиралъ объ этомъ свѣденія, въ 1871 году, всѣ крупныя ренегатства были не только извѣстны, но занесены въ особый патріотическій регистръ, издающійся такъ называемою «Ligue d'Alsace».

Приведу цитаты, гдѣ лица обозначены поименно, со всѣми подробностями ихъ типа и положенія. Прислушайте:

«Страсбургецъ по рожденію, сынъ бывшаго стряпчago (avocat), разбогатѣвшаго отъ подозрительныхъ спекуляцій, первый по выпуску изъ юридической школы, высокой, худой, бѣлокурый, безбородный, съ тонкими губами, съ глазами, прикрытыми очками, неряшливый, безобразный, смѣшной обладатель, въ сорокъ лѣтъ, состоянія слишкомъ за два миллиона—это мерзостное существо, уже заклеянное французской прессой, измѣнило отчизнѣ своей изъ скардености. Онъ сталъ слугою бандитовъ за сумму въ семь тысячъ франковъ, подстрѣваемый своей достойной подругой Саломеей-де-Васслонъ. Вотъ что сдѣлалъ архимиллионеръ—*Долмитеръ*».

«Женатый, отецъ тронхъ дѣтей, которымъ онъ оставитъ опозоренное имя, г. *Шлумбергеръ* не можетъ извиняться бѣдностью. У него есть очень порядочныя средства, онъ построилъ

себѣ отличный домъ повади зданія префектуры. Въ немъ онъ и живетъ, пріютивъ у себя окружнаго директора»...

«Г. Кернъ былъ однимъ изъ первыхъ судебныхъ лицъ въ Альзасѣ, которому Франція предложила сейчасъ-же мѣсто. Онъ былъ назначенъ товарищемъ генеральнаго прокурора въ Лиможъ, но предпочелъ поступить на прусскую службу. Г. Кернъ—холостякъ, онъ богатъ, т. е. имѣетъ совершенно независимое положеніе. Природа, почти всегда дѣйствующая логично, сдѣлала г. Керна замѣчательнымъ уродомъ. *Г. Кернъ поетъ; въ одинъ прекрасный день ея заставятъ поплясать*».

«*Буржуазу*—личность столь-же тяжелая, какъ и ея прозваніе, нигдѣ не служилъ, цѣлый день сосалъ свою трубку и переваривалъ пшцу. Ему тридцать лѣтъ съ небольшимъ. Онъ дремлетъ въ берлогѣ своей, вложенной сорока тысячами ливровъ доходу. Франція не станетъ требовать его у Пруссіи. Такія натуры неспособны ни на вѣрность, ни на предательство; за нихъ награждаютъ на выставкахъ скотоводства».

Что-же можетъ быть знаменательнѣе этихъ фактовъ? Они прямо говорятъ, что предательства совершенны людьми богатыми, единственно по пошлости натуръ. Каждый такой Кернъ или Долмитеръ, присягая врагамъ своей родины, преслѣдовалъ личныя честолюбивыя цѣли. Ни на какое самопожертвованіе они неспособны, и рассчитывали, что нѣмцы доставятъ имъ болѣе блестящую карьеру, чѣмъ французское правительство. Вѣдь они могли покинуть Альзасъ и не покинули. Вѣдь имъ предлагали хорошее мѣсто во Франціи... Стало быть, они должны быть крупно вознаграждены княземъ Бисмаркомъ и въ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ достигъ высшаго положенія въ судебномъ или административномъ мірѣ. Но врядъ-ли ихъ расцѣты вѣрны. Завоеватели не одобряютъ подобныхъ измѣнниковъ. Примѣръ на лицо. Недавно было заявлено въ газетахъ о смерти нѣкоего *Ксаверія Несселя* (не попавшаго въ списокъ Абу), мэра въ Гагенау, добровольно бросившагося въ объятія побѣдителей. Этотъ Нессель былъ миллионеръ и сдѣлался пруссофиломъ единственно изъ честолюбивыхъ поползновеній попасть, со временемъ, въ нѣмецкій рейхстагъ. Онъ вѣхалъ подлѣ Императрицы Августы, при торжественномъ вступленіи въ Берлинъ. Но все это предательство повело къ печальному исходу. Вернувшись домой, Нессель не могъ укрѣпиться отъ презрѣнія своихъ согражданъ. Нѣмцы также отступились отъ него и онъ умеръ, съѣдаемый маразмомъ своего позора.

Вѣроятно, кромѣ именъ, приведенныхъ у Абу, съ 1872 года набралась еще, въ разныхъ мѣстахъ Альзаса, дюжина другая добровольныхъ предателей. Но никто не мирится съ ними. Имъ придется жить и умереть въ средѣ пруссаковъ и, въ случаѣ новой войны, бѣжать безъ оглядки по направленію къ Берлину. Не только такихъ предателей всѣ публично позорятъ, но и «сомнительныхъ» знаютъ наперечеть, и не простятъ имъ ни

одной поблажки нѣмцамъ, ни одного велянья и нашинтъ, и вашимъ.

Абу, приведя въ своей книжкѣ цитаты изъ регистра «Альзасской лиги», говорить по этому поводу:

«Вотъ какими чернилами записана правда о нашихъ ренегатахъ; токъ, какими объ нихъ говорятъ, еще похвѣще. Громадность преступления и сила негодованія заставляютъ извинить и смѣлость штриха и густоту красокъ въ этихъ характеристикахъ».

«Не надо видѣть съ какими тактомъ и тонкостью наши Кольмарцы (разговоръ о ренегатахъ происходитъ у одной дамы въ г. Кольмарѣ) смягчаютъ контуры и пускаютъ въ ходъ полутоны, когда надо обрисовать двусмысленную фигуру какого-нибудь прониры, искусно маскирующаго свою двойственность. Пораспросите-ка ихъ объ одномъ изъ тѣхъ сомнительныхъ согражданъ, которые любили Францію во дни ея величія и служили ей съ подобающимъ усердiемъ—и вдругъ, сразу, восплали особенной, слѣпой, исключительной любовью къ своей *провинци*, гдѣ у нихъ состояніе и практика. Разузнайте какого мнѣнія объ этихъ *партикуляристахъ*, сдѣлавшихся въ тысячу разъ «альзасцѣ» самого Альзаса. Тѣ-же умные собесѣдники, которые выдали какого-нибудь Бургубуру прямо въ помойную яму, деликатно возьмутъ двумя пальцами любого продувнаго политика, обчистятъ его, разбивъ всѣ его хитросплетенные доводы, прошигуютъ его мелкими уколами и однимъ поворотомъ руки приправятъ его самой тонкой аттической солью».

Партикуляризмъ водился за альзасцами и до войны; но онъ не выходилъ за предѣлы желаній бѣльшей мѣстной автономіи, за предѣлы протеста противъ крайностей французской централизаціи. Въ большихъ центрахъ Альзаса жили десятки и даже сотни протестантскихъ семействъ, богатыхъ, почтенныхъ, влиятельныхъ, гдѣ хранилась традиція не *общегерманской отчизны*, а альзасской автономіи. Эти автономисты не особенно долицблвали французскихъ чиновниковъ, отстранившихъ туземцевъ отъ официального значенія. Въ нихъ таилось постоянное глухое недовольство, и самъ Абу слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что многія изъ такихъ ультра-альзасскихъ семействъ вскричали-было послѣ нѣмецкаго захвата:

— «Слава Богу! Мы опять у себя дома!»

Но стоило нѣмцамъ расположиться въ захваченныхъ провинціяхъ, какъ самые закоренѣлые протестанты, сравнивъ простую французскую администрацію съ теперешней нѣмецкой, почти мгновенно повернулись спиной къ своимъ новымъ повелителямъ. Они показываютъ теперь нѣмцамъ, на каждомъ шагу, что города, гдѣ они живутъ, принадлежать имъ, а не прусскимъ насакамъ. Если и были, вромѣ того, какія-нибудь поползновения къ обще-нѣмецкой отчизнѣ, то все это, въ истекшіе два года, исчезло подъ давленіемъ событій.

Мнѣ лично случалось не разъ сталкиваться съ такими имен-

но альзаскими горожанами—бывшими автономистами. До 1870 года они охотно водились съ нѣмцами, говорили между собой больше на мѣстномъ діалектѣ и всячески старались проявить свою *альзасскую*, а не обще французскую національность. Во время же и послѣ войны эти семейства бросались въ глаза своимъ постояннымъ протестомъ нѣмецкому захвату, начиная съ языка. То, что передавалъ Абу насчетъ простыхъ крестьянъ, восклицающихъ: «*Moi! pas pouvoir Français!*!» то можно было подмѣтить и въ этихъ образованныхъ ультра-альзасскихъ горожанахъ. И они, и ихъ жены, и дочери съ особеннымъ упорствомъ и стойкостью стали говорить *ездѣ и всегда* по французски, не стѣняясь даже своимъ акцентомъ, сохранившимся у очень многихъ, если не общенѣмецкій, то всегда явственный альзасскій оттѣнокъ.

VI.

Для того, чтобы еще разъ убѣдиться, какъ Альзасъ поведетъ себя въ дѣлѣ избранія отечества, Абу отправился, осенью 1872 года, опять на тѣ же обследованныя имъ мѣста. Все, что онъ говоритъ, въ главѣ «L' Emigration» слѣдовало-бы привести здѣсь подстрочно, еслибы не боязнь, слишкомъ расширить статью. Я буду слѣдить за его разказомъ отмѣчая всѣ факты, до сихъ поръ еще не опровергнутые нѣмцами. И въ соображеніяхъ французскаго публициста нѣтъ ничего такого, что-бы, по моему мнѣнію, противорѣчило дѣйствительности или отзывалось фанфаронадой. Вся эта глава написана съ большою искренностью. За такую главу можно многое простить Абу. Она одна дѣлаетъ понятнымъ то озлобленіе, съ какимъ нѣмцы накинулись на него. Она же радуетъ каждого друга Франціи. Какъ-бы страна эта ни была «изъѣдена червемъ нравственнаго растлѣнія», какъ утверждаютъ жизнеобязненные публицисты города Санкт-Петербурга, въ ней, должно быть, есть кое-что, коли она способно возбуждать, даже въ темныхъ массахъ, такую силу жертвы ихъ за идеи...

Прошу читателя припомнить, что такое была эта эмиграція 1-го Октября 1872. Газеты докладывали объ ней въ свое время; но что-то не помнится мнѣ, чтобы который нибудь изъ органовъ нашей газетной прессы облупилъ какъ слѣдуетъ это красное личко прусскаго международнаго цивилизма. Иной добродушный читатель, не только въ какомъ-нибудь Царевосанчурскѣ, но и въ 7-й линіи Васильевскаго острова, подумалъ, пожалуй, что нѣмцы пошли на плебисцитъ и предоставили всѣмъ альзасцамъ и лотарингцамъ право выбрать себѣ отечество. Познай же, добродушный читатель, что они сдѣлали вотъ какое дѣло: Они, захвативъ обѣ провинціи и присоединивъ ихъ къ Гер-

манской имперіи, пожелали какъ можно скорѣе избавиться отъ всѣхъ тѣхъ, кто имъ опасенъ и непріятенъ. По формальному и существенному смыслу Франкфуртскаго договора между побѣдителями и побѣжденными, всѣмъ жителямъ Альзаса и Лотарингіи предоставлено было право, выбрать себѣ отечество, при чемъ нѣмцы (еслибъ даже большинство и объявило-бы себя французами), все-таки удерживали за собою завоеванныя провинціи. Но и это обязательство нѣмцы нарушили самымъ предательскимъ *примѣненіемъ* выговореннаго Франціей права. Ихъ имперская канцелярія издала указъ, гласящій, что всякій выбравшій Францію, долженъ былъ, во первыхъ, сдѣлать это до 1-го октября 1872 и во вторыхъ, эмигрировать во что-бы то ни стало. Понимаете-ли вы что это такое значитъ? Будьте вы французъ родомъ, землевладѣлецъ или другой какой собственникъ, издавна поселившійся въ Альсасѣ или Лотарингіи — коль скоро вы не желаете быть нѣмецкимъ подданнымъ — убирайтесь по добру по здорову, продавайте или бросайте все, что имѣете; въ родной странѣ вашей вы жить не смѣете. Вотъ что это значитъ; но есть и еще значеніе, гораздо возмутительнѣе по своимъ мотивамъ. Заявили вы желаніе остаться французомъ, ваше желаніе имѣетъ силу только до 1-го октября 1872; а если вы хоть недѣлю зажились — конечно, вы принадлежите князю Бисмарку и имперской канцеляріи, ваше «option» не имѣетъ никакой силы, и будьте вы хоть разфранцузъ — дѣтей вашихъ покроютъ прусской каской, а вы будете платить подати нѣмецкому «Vaterland», подчиняться нѣмецкимъ чиновникамъ, судиться нѣмецкими судьями, обязательно говорить по нѣмецки.

Теперь, когда читатель припомнилъ и сообразилъ, что такое была эмиграція 1-го октября 1872 г., послѣдуемъ за Абу.

Тѣ нѣмцы и тѣ (конечно немногочисленные) французы, которые считали нѣмцевъ Германіи и захваченныхъ провинцій — братьями по крови, могли отказаться безъ всякаго труда отъ такого убѣжденія, глядя на эмиграціонную драму 1872 года. Въ 1866 году, Пруссія также присоединяла къ себѣ братьевъ-нѣмцевъ въ Ганноверѣ, Франкфуртѣ, Нассау. Сначала эти новые подданные какъ-будто немного поворчали, но въ 1870 году они уже простерлись и съ дикой радостью кинулись подъ высшимъ руководствомъ Пруссіи на Францію. Разницы между нѣмцами сѣверными, и нѣмцами южными для захваченныхъ провинцій никакой нѣтъ. Жители Альзаса и Лотарингіи видятъ въ бранденбургцахъ принца Фридриха Карла, въ баварцахъ фонъ-дерь-Ганна и въ баденцахъ Вердера ту же грубость и тотъ-же фетишизмъ. Исчезли, какъ дымъ всѣ саксонскіе, баварскіе, вюртембергскіе, гессенскіе, ганноверскіе и эгмарингенскіе патриотизмы. А тѣ нѣмцы, которые жили во Франціи политическими изгнанниками, отблагодарили ей тѣмъ, что указывали соотечественникамъ на всѣхъ, кто побогаче.

Религія силъ — вотъ коренной духъ нѣмцевъ. Но «братья альзасцы и лотарингцы оказались сдѣланными изъ иного тѣста». Еслибъ они чувствовали хоть какое-нибудь нравственное родство съ пришельцами-завоевателями, они, если бы и не бросились тотчасъ въ ихъ объятія, но въ два года помирились-бы, конечно, съ своей новой долей. Всѣ практическія соображенія были на сторонѣ примиренія: распространится съ разгромленной и униженной націею и пристать къ торжествующей, уйти отъ платежа усиленныхъ налоговъ, которые надолго будутъ тяготѣть надъ французами, покончить со всякой патріотической войной, поступить на службу въ побѣдоносную миллионную армію, наконецъ остаться у себя дома, продолжать ту же правильную жизнь, обдѣлывать всѣ свои дѣлишки, подъ покровительствомъ могущественнаго монарха. Неужели это непримемлемо? Да, для людей изъ за Рейна; но наивные альзасцы и лотарингцы посмотрѣли иначе на дѣло и отвѣтили побѣдителямъ:

— Tout pour la France et rien pour nous!

За всѣмъ тѣмъ, новые владыки Альзаса и Лотарингіи, не смотря на такой пріемъ «братьевъ», все-таки могли-бы воздержать населеніе отъ эмиграціи, если-бы они начали иначе дѣйствовать. Берлинскому правительству стоило только выполнить обязательства франкфуртскаго договора. Стоило ему подражать той умѣренности, съ какою Франція относилась, въ теченіи двухъ вѣковъ, къ тѣмъ-же самымъ провинціямъ. Даже выборъ національности вовсе не долженъ былъ вести за собою огромную эмиграцію народа, еслибъ берлинская канцелярія не выдумала роковаго срока 1-го октября съ обязательнымъ выселеніемъ и потерей правъ на французское гражданство, въ случаѣ не выѣзда изъ провинцій, даже если выборъ и былъ своевременно заявленъ. Такая мѣра не только возмутительна, но и въ высшей степени нецѣпа. Она выбросила изъ страны тысячи трудолюбивыхъ, достаточныхъ, образованныхъ семействъ — цвѣтъ всего населенія. А тѣмъ, что Пруссія захотѣла сейчас-же ввести нѣмецкую военную повинность среди народа, преданнаго Франціи, она окончательно возбудила противъ себя массу.

Тутъ Абу дѣлаетъ параллель между системой Людовика XIV и системой князя Бисмарка. Онъ говоритъ прямо, что никогда не преклонялся передъ фигурой и историческимъ значеніемъ «Roi-Soleil». Но присоединеніе Альзаса къ Франціи было, по его мнѣнію, образцомъ политики и администраціи. Народъ въ Альзасѣ сжился съ Франціей не потому только, что давно сочувствовалъ ей, но потому, главнымъ образомъ, что онъ былъ *присоединяемъ* людьми умѣренными. Провинція сейчас-же пошла, что она можетъ сдѣлаться французской, не переставая быть самой собою. Самый могущественный представитель божественнаго права монархъ, предъ которымъ все преклоня-

лось, не дотронулся пальцемъ до республиканскихъ учреждений тогдашняго Страсбурга. Ничто не было измѣнено въ Альзасѣ вплоть до революціи. Но движеніе 1789 года встрѣчено было тамъ съ энтузіазмомъ. Въ Страсбургѣ Руже-де-Лиль ипривозвалъ свою *Марсельезу*. Францію, съ централистической точки зрѣнія, можно упрекнуть развѣ въ излишней умѣренности, въ недостаточномъ желаніи офранцузить Альзасъ. Она уступила, напр., мѣстному духовенству, и католическому и протестантскому и позволила ему учить народъ катехизису и грамотѣ исключительно по нѣмецки. Берлинскимъ политикамъ слѣдовало-бы взять себѣ въ образецъ такое поведеніе. Тогда приобрѣтеніе двухъ провинцій было-бы дѣломъ прочнымъ. Теперь же невольно является вопросъ: зачѣмъ они захватили ихъ? Чтобы имѣть въ рукахъ своихъ Мецъ и Страсбургъ и приобрѣсти задаромъ государственныя богатства въ видѣ копей, каменоломень, лѣсовъ и т. д.? Все это досталось-бы имъ, не обезлюдивъ Альзасъ и Лотарингію. Все это въ ихъ рукахъ, и никто-бы не сталъ изъ мирныхъ жителей посягать на ихъ имперское достоиніе. Имъ-бы стали платить аккуратно подати, какъ платили ихъ Франціи и даже помирились-бы съ обязательнымъ обученіемъ. Кто знаетъ, что случилось-бы съ обѣими провинціями черезъ десять лѣтъ при разумномъ управленіи! Но теперь нѣтъ никакой опасности и французскіе патриоты могутъ успокоиться. Изгнаніе выбравшихъ французскую національность и прусское рекрутство—вотъ двѣ мѣры, которыя вырыли пропасть между побѣдителями и побѣжденными. И та и другая дала результаты, какихъ, конечно, не ждали въ Берлинѣ. По военной повинности берлинская канцелярія потерпѣла постыднѣйшее фіаско. Призывъ волонтеровъ далъ до осени 1872 г. 144 кандидата, *да и то по прусскимъ источникамъ*. Абу замѣчаетъ, что нигдѣ ему не могли указать хоть на одного изъ этихъ волонтеровъ, за то *весь классъ* конскрипціи 1872 года убѣжалъ во Францію и бралъ жеребьи въ Люневиллѣ, Нанси, Бельфорѣ, Парижѣ. Вся молодежь скрылась и родители, размуфетая, не удерживали сыновей, а кто могъ эмигрировалъ съ ними. Этотъ мотивъ вызвалъ главный напоръ эмиграціи. Абу описываетъ ее не сантиментальными, но живыми и характерными красками. Переселенцы принадлежали къ двумъ типамъ: одни шли вдаль, въ Америку, во французскія колоніи, другіе селились какъ можно ближе къ границѣ. Ближайшіе города: Бельфоръ, Нанси, Грѣ, Эпиналь переполнились ими.

Нѣмцы, конечно, не ожидали, чтобы такая масса избрала французскую національность. Когда они увидали, что самая лучшая часть населенія торопится заявлять о своемъ выборѣ подлежащимъ властямъ, они, сначала, толковали: «все это дѣлается для виду, это легкая форма протеста; но никто изъ нихъ не двинется отсюда». Почувъвъ-же опасность отъ сигнала, они безъ церемоніи измѣнили и смыслъ, и бузу

франкфуртскаго договора и прибѣгли къ извѣстнымъ намъ мѣрамъ. Прусскіе чиновники просто отказывались записывать заявленія, говоря всѣмъ и каждому: «изъ за чего ми станемъ трудиться; вѣдь мы знаемъ, что вы не эмигрируете». Факты начали доказывать противное. Молодежь вся поголовно рѣшалась на эмиграцію. Тогда побѣдитель повелѣлъ не признавать законными заявленій отцовъ, выбирающихъ національность для своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, если они, при этомъ, сами остаются въ странѣ, другими словами, если они не хотѣтъ терять всего и бѣжать изгнанниками. *А франкфуртскій договоръ гарантировалъ личную свободу и собственность выбирающихъ отечество!* Отцы ухитрились было эмансипировать своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, дѣлать ихъ самостоятельными; но берлинская канцеларія объявила, что такіе несовершеннолѣтніе не будутъ допускаемы до выбора отечества; а въ случаѣ неповиновенія назначила штрафъ отъ 50 до 1000 талеровъ! Но и эта мѣра только усилила потокъ эмиграціи. Родители задавали себѣ повсюду вопросъ: «Какъ быть, чтобы сдѣлать дѣтей французами?» и отвѣтили на него:

— Если нѣтъ другого средства снасти дѣтей отъ нѣмечины, то мы сами выберемъ Францію и бросимъ здѣсь все.

Кто только могъ—бѣжалъ. Всѣ дороги, въ теченіи 1872 г. были покрыты караванами переселенцевъ. Не многимъ удалось увести съ собою добро. Спускали за безцѣною цѣною хозяйства. Въ Кольмарѣ, напр., происходило по тридцати аукционовъ въ день. Даже жиды отказывались покупать, видя, что впоследствии некому будетъ продавать. Страна такъ опустѣла, что нѣтъ ни работниковъ, ни учениковъ, ни прикащиковъ, ни клерковъ. Правда, изъ Германіи явилось не мало рабочихъ, но базенныя работы въ крѣпостяхъ такъ подняли плату, что земледѣльцамъ нечего и думать нанимать ихъ. Переселенцевъ-же изъ Германіи не является, и племя побѣдителей сводится, въ захваченныхъ провинціяхъ, къ военнымъ, чиновникамъ и поденщикамъ. Абу сомнѣвается, чтобы пустота, оставленная эмиграціей, была скоро возмѣщена. Въ Страсбургѣ, въ Кольмарѣ, въ Мецѣ развилось было множество табачныхъ и сигарныхъ торговцевъ, но черезъ годъ они всѣ почти ретировались: никто не хотѣтъ курить ихъ табаку и сигаръ; всѣ покупаютъ привозные—французскіе. Нѣмцы, побитые на этомъ, думали-было заманить альзасцевъ въ свои банки, но никто не вѣрить имъ денегъ. Какая-то нѣмецкая компанія начала покупать земли въ городахъ, и опять-таки поймалась: купила она въ три-дорого, а расширенія городовъ, на которое она спекулировала—не послѣдовало.

Всѣ эти факты относятся больше къ центрамъ, гдѣ все-таки жилъ нѣкоторый альзасскій партикуляризмъ; но въ городахъ, гдѣ все дышетъ Франціей, какъ напр. въ Шлештадтѣ, даже сравнительно мирное завоеваніе, обошедшееся очень дешево баденцамъ генерала Вердера, вызвало такіа неприятельныя чув-

ства, что изъ одиннадцати тысячъ жителей осталось всего *четыре* тысячи. Семь тысячъ эмигрировали! Да и четыре выбрали Францію; но остались потому, что не могли двинуться до 1-го октября 1872 года. Ужасъ сдѣлаться нѣмцами былъ такъ великъ въ этомъ городѣ, что даже два девяностолѣтнихъ ветерана не захотѣли остаться—сложить на родинѣ свои кости. Шпештадтъ мраченъ, какъ какое-нибудь подземелье и нѣмцы гремятъ саблями по совершенно пустымъ площадямъ и улицамъ. А то не хотите-ли заглянуть въ городъ Мюльгаузенъ? Великолѣпныя виллы по каналу и на склонѣ холмовъ, вокругъ города, закрыты. Всѣ дома фабрикантовъ пусты. Главныя большихъ торговыхъ домовъ перенесли мѣстожительство на французскую почву, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ города. Они образовали акціонерныя общества; и одни только главноуправляющіе сдѣлались номинально нѣмцами. Рабочіе тоже заволиновались и покидали массы Мюльгаузенъ. Нѣмецкіе чиновники всячески удерживали ихъ; но они отправлялись въ Базель или Бельфоръ и заглядывали французскимъ властямъ о своемъ выборѣ. И если кто изъ нихъ долженъ былъ остаться, то единственно потому, что не успѣлъ бѣжать до 1-го октября. Нѣмцы сдѣлали въ Мюльгаузенѣ народную перепись утромъ 1-го октября. Но развѣ этимъ удержишь кого-нибудь? Какъ только у тѣхъ, кто запасся въ свое время такъ называемымъ «certificat d'option» найдется лишняя копѣйка—онъ перешагнетъ границу Франціи и будетъ конечно принять ея не какъ блудный, а какъ вѣрный сынъ.

Общія итоги и нѣмцевъ, пожалуй, вразумили. Захваченныя земли имѣли 1,600,000 жителей. Изъ нихъ 1,100,000 заявили желаніе быть французами. Нѣмцы признали законными заявленія 600,000; а остальные, не выбравшись до 1-го Октября, закрѣпощены, но кому-же не ясно, что эти 500,000 такіе-же вѣрные сыны Франціи, какъ и первые 600,000? Да и въ остальныхъ 500,000, не заявившихъ желанія быть французами—масса покорила только роковому давленію нужды, болѣзней и старости. По крайней мѣрѣ, очевидецъ эмиграціи Абу не сомнѣвается въ этомъ. Эти бѣдные люди оставались подавленными зрѣтелями народной бѣды и, приближаясь къ смерти, утѣшаютъ себя тѣмъ, что имъ удалось переправить во Францію всѣхъ своихъ взрослыхъ сыновей.

VII.

Прощаясь съ книжкой Абу, я остановлюсь еще на двухъ пунктахъ, составляющихъ какъ-бы заключительный акордъ ко всему, что читатель долженъ былъ передумать и перечувствовать вмѣстѣ со мной. Оба имѣютъ не исключительно французскій, но общечеловѣчскій интересъ.

Слѣдуетъ-ли покидать завоеванную землю, или оставаться въ ней? Вотъ вопросъ, оставшійся спорнымъ во Франціи, даже послѣ эмиграціи 1-го Октября 1872 г. Всѣ французы, горячо любящіе Францію, сказали въ одинъ голосъ: слѣдуетъ. Къ числу ихъ принадлежитъ, конечно, и авторъ книжки «L'Alsace». Но раздавались голоса и за діаметрально-противоположное мнѣніе. Всего сильнѣе раздавались они въ лагерѣ бонапартистовъ. Экъ-императрица бесѣдовала на эту тему съ Полемъ Кассаньякомъ, изложившимъ подробно всѣ ея рѣчи. Дочь графини Монтиха оплакивала альзасскую эмиграцію, называя ее безуміемъ. Она напутствовала достойнаго сына, доблестнаго Гранье «изъ Кассаньяка» мольбою: внушить всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Франціи, какъ пагубно для ихъ отечества такое поголовное выселеніе изъ завоеванныхъ провинцій.

На первый взглядъ, доводы тѣхъ, кто раздѣляетъ мнѣніе экъ-императрицы, какъ-будто основательны. Зачѣмъ допускать, чтобы эти провинціи стали заселены настоящими нѣмцами, зачѣмъ обезсиловать ихъ на случай новой войны? Тогда кому будетъ братья за оружіе и начинать мѣстную партизанскую войну. Но вѣдь безъ поддержки всей Франціи захваченныя провинціи ничего не добились-бы, еслибъ даже никто изъ нихъ не эмигрировалъ. Избавленіе отъ побѣдителя можетъ быть достигнуто только единодушнымъ натискомъ всей французской націи. А коли это такъ, то что-же за расчетъ оставаться въ рукахъ у нѣмцевъ и испытывать волей-неволей давленіе ихъ германизациі? Хорошо, что теперь молодому поколѣнію удалось уйти отъ прускаго рекрутства; но пройдетъ десять-пятнадцать лѣтъ и дѣти выростутъ, и попадутъ подъ прусскую каску. Тогда партизанская война будетъ еще труднѣе, а сила времени довершитъ свое въ странѣ, гдѣ все французское станутъ выкуривать съ возрастающей яростью. Эмиграція показала, что двѣ трети альзасцевъ и лотарингцевъ принадлежать душой Франціи. Изъ нихъ половина, поселившись во Франціи, сохраняетъ во всей живости свои патріотическія чувства, и, конечно, въ будущей войнѣ, окажется болѣе полезна дѣлу освобожденія, подъ знаменами Франціи, чѣмъ еслибъ она осталась на мѣстѣ и съ неимовѣрными трудностями помогала дѣлу освобожденія. Уже конечно всякій земледѣлецъ, рѣшившійся на изгнаніе, любилъ свою родину не менѣе вдовствующей обитательницы Числьгѣрста и зналъ что онъ теряетъ, эмигрируя; но его честное сердце говорило ему: «бѣги, не давайся въ руки нѣмцамъ, Франція тебя любитъ и страдаетъ за тебя; подло покидать ее въ такую минуту». Этотъ громадный протестъ, протестъ двухъ третей населенія (въ которомъ и третья доля участвуетъ *taciti consensu*), стоитъ передъ нами торжественнѣе и побѣдоноснѣе всякихъ нѣмецкихъ триумфальныхъ арокъ. Не одобрить его могутъ, во Франціи, только заговорщики монархизма, которые даже по этому вопросу не хотятъ очутиться единомышленниками Гамбетты.

Второй пункт моего послѣсловія касается эпивода арестованія и суда Абу. Онъ извѣстенъ русскимъ читателямъ даже въ подстрочныхъ переводахъ разсказа, сдѣланнаго самимъ Абу. Я не стану его повторять здѣсь. Обращу только вниманіе на то, какую опасность представляетъ этотъ случай даже для самаго умѣреннаго развитія личной и коллективной свободы. Вдумайтесь только въ то, что заключается въ исторіи арестованія Абу.

Мы съ вами, живя на Литейной, писали передовыя статьи, примѣрно, объ индѣйскихъ дѣлахъ. Приѣзжаемъ мы въ Ливерпуль, или въ Сидней, или въ какой кругой англійскій городъ. Намъ тотчасъ-же арестуютъ и ведутъ къ слѣдственному судѣ, а потомъ представляютъ въ трибуналь по дѣлу о писанныхъ нами, на Литейной, передовыхъ статьяхъ. Мы кричимъ: «да помиуйте, вѣдь мы русскіе подданные, писали эти статьи въ дозволенныхъ нашимъ правительствомъ органахъ, не распространяли ихъ нисколько въ англійскихъ владѣніяхъ, а потому никакого проступка или преступленія противъ англійскаго государственнаго строя не совершили.»

На это, подержавъ насъ малую толику въ цѣллярной тюрьмѣ, судебный слѣдователь отвѣтитъ намъ, съ джентльменскою сдержанностью:

«Это ваша система, а вотъ наша: мы утверждаемъ, что преступленіе печати предполагается совершеннымъ вездѣ, гдѣ распространена книга или журналъ.»

Вы думаете, что я фантазирую? Разверните книжку «L'Alsace» и вы найдете фразу судебного слѣдователя г. Меррема дѣломъ на стр. 311. А въ подтвержденіе этого привлекательнаго принципа прусской магистратуры г. Мерремъ сослался на 3-й пунктъ указа, обнародованнаго побѣдителями въ Альзасъ и Лотарингіи, по которому, каждый, распространяющій ложныя извѣстія о политическихъ или военныхъ дѣлахъ, подвергается годовому тюремному заключенію и штрафу въ 500 талеровъ.

Теперь представьте себѣ, что мы попали не въ Ливерпуль, а въ Берлинъ, куда изъ Петербурга русскіе газеты и журналы также свободно проникаютъ, какъ въ Рязань и Орелъ. Отдѣльные номера газетъ продаютъ Unter den Linden «въ книжныхъ магазинахъ. Мы съ вами собрались ѣхать къ Кролю—является полицейскій и съ нами продѣлываютъ ту-же исторію, какъ и съ Абу. Разницы нѣтъ никакой въ нашемъ и его положеніи. Мы русскіе подданные. Онъ гражданинъ французской республики. Дипломатическое вмѣшательство можетъ быть и не быть въ обоихъ случаяхъ. И если пруссаки выпустили Абу, то потому только, что французская пресса заволновалась и огласила фактъ на всю Европу; но «система» повелителей Альзаса и Лотарингіи остается та-же и мы съ вами, если не родились въ сорочкѣ, можемъ попасть подъ прусскій уголовный судъ за каждую строчку, неприятную (берлинскимъ «особамъ» и начеткамъ.

скую нами въ нашемъ отечествѣ, съ одобренія подлежащихъ властей и подъ охраной отечественныхъ законовъ...

Спрашивается: какое правительство въ Европѣ, не исключая даже турецкаго, рѣшится воступить съ иностранцемъ такъ, какъ поступило съ Абу прусское? Которое изъ нихъ пошло-бы дальше приговора, оставить немедленно его владѣнія?... Что-бы ни наговорилъ Абу про нѣмцевъ въ своей книгѣ,—такой эпилогъ, какишъ онъ ее заканчиваетъ, оправдалъ-бы всякое раздраженіе, и въ его очеркахъ, право, слишкомъ еще много добродушія, и даже негодованіе не облечено нигдѣ въ особенно грубую форму... Желаніе могутъ найти въ берлинскихъ газетахъ статьи и отзывы, по поводу его ареста, показывающіе, какія понятія о международномъ правѣ и личной свободѣ одушевляють публицистовъ «an der Spree».

VIII.

Картину нѣмецкаго захвата всего лучше, казалось мнѣ, закончить указаніемъ на другую книжку, составленную изъ корреспонденцій, писанныхъ французомъ въ прошломъ году изъ Берлина, во время сентябрьскихъ торжествъ. Корреспондентъ этотъ—Жюль-Клярти. Его личность не такъ легко «пробирать» нѣмцамъ, какъ личность Эдмона Абу. Онъ извѣстенъ былъ своими республиканскими идеями и при второй имперіи, и все, что онъ писалъ и пишетъ, отличается и умственной и гражданской порядочностью. Какъ романистъ, театральннй критикъ, публицистъ—Клярти одинаково симпатиченъ. Онъ отличается также отъ массы парижскихъ «бульварщиковъ» гораздо большимъ образованіемъ и бывалостью. Клярти много ѣздилъ и видѣлъ, читалъ и наблюдалъ. Трудно было-бы выбрать болѣе подходящаго парижанина для посланки въ Берлинъ поглядѣть на то, что тамъ будетъ твориться...

Тѣмъ изъ русскихъ пруссофиловъ, которые способны воскликнуть, прочтя книжку Клярти: «чего же ждуть отъ француза!» слѣдуетъ сообразить и припомнить: въ комъ изъ русскихъ туристовъ и корреспондентовъ возбуждалъ Берлинъ когда-либо симпатичныя чувства? Мнѣ приходилось даже замѣчать, печатно, что русскіе слишкомъ ужъ привыкли ругать Берлинъ, и что въ немъ все-таки, найдется кое-что порядочное. Стало быть, по части «фирканья» надо принудить язычокъ и придется сознаться, что французъ—Клярти могъ-бы гораздо больше фыркать, какъ французъ, пріѣхавшій въ Берлинъ изъ Парижа.

Клярти пріѣхалъ за впечатлѣніями, искалъ ихъ гдѣ могъ, былъ вездѣ, гдѣ только успѣлъ быть и, присмотрѣвшись къ столицѣ новой «великой націи», нашель, что ни столица, ни ея обитатели ни мало не привлекательны, ни на французскій,

ни на общечеловѣческій вкусъ. Онъ описываетъ природу Пруссіи, фізіономію Берлина, уличную жизнь, солдатчину, тмъ генераловъ, берлинскую голпу на торжествахъ, парады и разводы, берлинскій развратъ и берлинскую нечистоплотность, театры и публичные балы, берлинскую прессу, берлинскій пролетаріатъ, Потсдамъ и Сан-Сусъ, музей и заводъ Борзига... Все, что Кларти говоритъ, можетъ быть провѣрено каждымъ бывалымъ русскимъ. Во Франціи, гдѣ про иностранныя города знаютъ мало, потому что не любятъ путешествовать, контроль публики не великъ; но кто-же у насъ не бывалъ въ Берлинѣ или не читалъ объ немъ? Врядъ-ли вышется какой-нибудь мыслящій русскій, способный признать всѣ отзывы Кларти вздорными и нелѣпыми. Если намъ, не Богъ знаетъ какъ преуссиѣвшимся въ культурѣ, прусская столица кажется куда не симпатичной, то какже долженъ поглядѣть на нее французъ, сумѣвшій у себя дома создать нѣсколько иную культуру. Вся Европа, до 1870 года, считала его Францію передовой страной и самъ онъ знаетъ, что она кое что сдѣлала и для человѣчества и для собственнаго прогресса. Но война 1870 года обрушилась на эту Францію несокрушимымъ потокомъ, разбила ее, обезсмыслила, принизила до того, что ея положеніе во внѣшней политикѣ—чуть не равняется нулю. Естественно въ каждомъ хорошемъ французѣ зародилось желаніе: убѣдиться на мѣстѣ, чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, побѣдители при Вертѣ и Седанѣ такъ выше его націи? что они такое сдѣлали у себя дома, предъ чѣмъ слѣдуетъ каждому преклоняться? Затѣмъ является другой вопросъ: какія чувства живутъ въ побѣдителяхъ, и можно-ли надѣяться на какое-нибудь соглашеніе въ будущемъ? Вотъ на это хотѣлъ отвѣтить Кларти, на сколько позволила ему его роль гаветнаго репортера. Онъ не на столько наивенъ, чтобы смотрѣть на свои летучіе планы, какъ на монографію или трактатъ. Видно, на каждомъ шагѣ, что онъ желалъ прежде всего знать настоящую дѣйствительность, видѣть собственными глазами истинное превосходство культуры и гражданственности вражеской націи. Онъ далеко не все не одобряетъ. Даже въ подробностяхъ вы видите въ немъ наблюдателя и объективиста, а не фанатика-шовиниста, съ плеча ругающаго все чужое. Что составляетъ смыу Пруссіи—онъ отмѣчаетъ не хуже любого объективнаго англійскаго репортера. Онъ указываетъ на преимущества военнаго устройства, на относительную громадность массы, на физическую выдержку, на дисциплину и т. п. Но развѣ это все? Что же берлинская жизнь показывается утѣшительнаго, передоваго, свѣтлаго, грандіознаго, помимо военщины и пангерманизма? На это, парижскій журналистъ дерзаетъ отвѣтить, что враги Франціи сумѣли сдѣлать изъ своего Берлина городъ безъ оригинальности, безъ вкуса, безъ гигіены, безъ оживленія, съ развратомъ и пролетаріатомъ, что удовольствія, пресса, зрѣлища,

существующія для массы — грубоваты и не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ мотивовъ національнаго самодовольства и эгоизма, что милитаризмъ поглощаетъ въ эту минуту всю публичную жизнь, что никакихъ политическихъ, соціальныхъ, литературныхъ интересовъ, какъ будто не существовало для берлинской массы, что въ каждомъ берлинцѣ и въ каждомъ пруссакѣ сидитъ непримиримый врагъ Франціи, лишенный всякаго великодушія...

Вотъ, что нашелъ французскій романистъ-репортеръ, позволяющій себѣ такіа обобщенія, послѣ характеристики того, что онъ видѣлъ. Не будь онъ французъ, онъ могъ-бы быть по-нисходительнѣе; но кто-же не знаетъ, что въ его отечествѣ и Парижѣ нѣтъ и одной десятой тѣхъ печальныхъ явленій, какія Пруссія сконцентрировала въ Берлинѣ: ни культъ военщины, ни всепоглощающаго національнаго эгоизма, ни такой грубости, ни такого мрачнаго разврата, ни такой нищеты и грязи, ни такого отсутствія живости, вкуса, симпатичности, ни такого застоя въ политическомъ и соціальномъ развитіи массы.

Клярти говорить въ предисловіи своей книжки:

«Мнѣ захотѣлось видѣть поближе эту великую германскую націю, ту самую, которую мы въ эпоху юношескихъ иллюзій, разлетѣвшихся отъ пушечнаго гула, называли—безумные!—*Germania mater*».

И взглянувши на нее, искренній парижанинъ, отрясъ прахъ съ сандалій своихъ и сознался, что оставаться въ Германіи на долго—слишкомъ тяжело для француза, хотя и было-бы полезно. Онъ не гладитъ по головѣ своимъ соотечественникамъ и повторяетъ безпрестанно, что надо догнать врага въ дѣлѣ выдержки и знанія; а въ остальномъ ему нечего завидовать.

«Будемъ оберегать, восклицаетъ онъ:— вмѣстѣ съ нашимъ высшимъ благомъ свободой—и нашу независимость. На рубежѣ нашемъ, стоитъ врагъ, упившійся своей славой, жаждущій добычи и мечтающій о новыхъ захватахъ. Да будетъ проклята война; но если она необходима, сдѣлаемся опять способными драться съ успѣхомъ. Будемъ работать, бороться, успокоимся, сплотимся подъ республиканскимъ знаменемъ и станемъ опять *великой націей* свободы и права, *великой націей*, любезной народамъ».

«Большія военныя государства живутъ одной лишь побѣдой и погибаютъ отъ непріятельскаго вторженія. Нѣмецъ Людвигъ Бёрне сказалъ когда-то: «Люди, стоящіе выше современниковъ—пагубны для будущихъ поколѣній. Сраженіе при Іенѣ проигралъ Фридрихъ Великій совершенно такъ, какъ Наполеонъ I проигралъ дѣло подъ Седаномъ, такъ же какъ г. Мольтке уже проигралъ въ настоящую минуту ту будущую битву, имя которой уже начертано въ какомъ-нибудь углу карты стараго свѣта, и день которой узнаетъ только неизбѣжное грядущее».

Можно было-бы Клярти и воздержаться отъ пророчества; но

несомнѣнно паденіе всякаго государства, которое держится исключительно за милитаризмъ и націонализмъ, посреди не-удержимаго натиска новаго строя идей. Будеть-ли Германія коснѣть въ такомъ государственно-національномъ застоѣ—это еще вопросъ. Въ ней также есть внутренніе элементы, подталкивающіе зданіе, возведенное политической желѣза и крови. Но если въ Германіи масса эмансипируетъ себя отъ давленія теперешнихъ фетишей, ей придется тогда рѣшить, что она ненавидитъ во Франціи—идеи или самую націю? И то, и другое будетъ ей приговоромъ. А въ тому времени французамъ слѣдовало-бы очистить себя окончательно отъ той примѣси шовинизма и фразы, какая замѣчается не только у Абу, но и у такого серьезнаго молодого парижанина, какъ Жюль-Клярти.— Поживемъ—увидимъ!..

Петръ Воборыкинъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

СХVIII.

Выборы 11-го мая и положеніе, занятые радикалами.

Выборы 11-го мая въ четырехъ департаментахъ Роны, Луары и Шера, Верхней Вьенны и Нижней Шаронты подтвердили приговоръ, произнесенный всеобщей подачею голосовъ надъ версальскимъ собраніемъ и снова высказались за республику, освобожденную отъ всѣхъ монархическихъ партій и возвращенную республиканцамъ, или вѣрнѣе, націю. Одинъ только консерваторъ, бонапартистъ, эксъ-префектъ Боффинтонъ прошелъ на выборахъ въ Нижней Шаронтѣ, благодаря сельскимъ избирателямъ, столь-же невѣжественнымъ, какъ и въ Морбиганѣ, и благодаря энергическому содѣйствію администраціи и клерикаловъ. И то получилъ онъ всего 3,400 голосовъ болѣе, чѣмъ его соперникъ-республиканецъ, получившій большинство въ городахъ. Но за то во всѣхъ прочихъ департаментахъ еще лучше, чѣмъ прежде, выяснилось полное согласіе поселянъ и горожанъ относительно окончательнаго утвержденія демократическаго режима. Въ Луарѣ и Шерѣ, гдѣ преобладаетъ сельскій элементъ, радикалы побѣдили умѣреннаго республиканца и роялиста. Въ Верхней Вьеннѣ революціонный журналистъ эксъ-префектъ Лиможа при правительствѣ 4-го сентября, бывшій главный инспекторъ южныхъ лагерей во время нашествія, Жоржъ Перенъ, по-

давилъ большинствомъ 11,000 голосовъ сына Сень-Маркъ-Жюгардена, выставленнаго въ качествѣ естественнаго преемника знаменитой «медвѣжьей шапки», основателя и президента парламентской фракціи праваго центра. Лионъ отблагодарилъ Парижъ за солидарность, такъ блистательно выраженную выборомъ эксъ-мера Бароде, выбравъ однимъ изъ своихъ двухъ новыхъ депутатовъ муниципальнаго совѣтника Ранка. Это послѣднее избраніе, произведенное 88,000 голосовъ, въ то время какъ консервативный кандидатъ не получилъ и 40,000, было особенно непріятно реакціи, сохранившей страшную ненависть къ бывшему директору гамбеттовской полиціи въ Турѣ и Бордо, и нѣсколько разъ уже, но безуспѣшно требовавшей отъ Тьера преданія его военному суду за то, что въ мартѣ 1871 года онъ былъ избранъ въ парижскую коммуны, въ теченіи недѣли принималъ участіе въ ея засѣданіяхъ и вышелъ изъ нея, когда убѣдился въ невозможности избѣжать ужасовъ междоусобной войны.

Всѣ частные выборы, бывшіе съ 2-го іюля 1871 года до 11-го мая 1873 года, ввели въ національное собраніе *сто сорокъ девять* новыхъ депутатовъ, между которыми *сто девятнадцать республиканцевъ* и всего *тридцать приверженцевъ одной изъ трехъ монархій*. Въ двухъ послѣднихъ выборахъ число первыхъ относилось къ числу вторыхъ, какъ 11 къ 2. Кромѣ того, самый цвѣтъ избираемыхъ депутатовъ становился все рѣзче и рѣзче. Страна, при уменьшеніи числа поддерживавшихся отъ подачи голоса, все настоятельнѣе и настоятельнѣе утверждая республику, стала отрицать право, присвоенное себѣ «долгимъ» парламентомъ, учредить полу-монархическую республику, въ ожиданіи пока станетъ возможнымъ учрежденіе заправской монархіи.

Пользуясь тѣмъ, что Ремюза потерпѣлъ въ Парижѣ пораженіе, роялистская и клерикальная пресса старалась растравить рану, нанесенную самолюбію Тьера и убѣдить «маленькаго буржуа», что «торжество демагогіи» было угрозою ему лично и его правительству. Но демократическая пресса, какъ до, такъ и послѣ выборовъ, утверждала, что радикальная демократія имѣла въ виду только нанести ударъ монархистскимъ и клерикальнымъ врагамъ Тьера, и что всеобщая подача голосовъ желала только утвердить его правительство на республиканской дорогѣ и защитить его отъ всѣхъ партій, будто-бы консервативныхъ, но на самомъ дѣлѣ стремящихся къ реставраціи какого-бы то ни было трона.

Вмѣсто того, чтобы осыпать угрозами побѣжденныхъ всеобщей подачею голосовъ, побѣдители, съ замѣчательнымъ тактомъ, потребовали только *растущенія*, которое было законно постановлено самимъ собраніемъ; да и самъ президентъ республики увѣщевалъ собраніе разойтись по очищеніи террито-

ріи, не сопротивляясь приговору страны, столько разъ громко выраженному.

Благодаря своимъ избирателямъ, новыя депутаты не произнесли ни одного слова, которое бы не было совѣтомъ народу на всегда отказаться отъ употребленія насилія, такъ какъ достаточно голосованія для того, чтобы мирно, послѣдовательно и логично провести и осуществить всѣ демократическія тенденціи.

Незадолго передъ возвращеніемъ съ вакацій версальскаго собранія Гамбетта счелъ долгомъ съѣздить въ провинцію и произнести длинную рѣчь, опредѣляющую положеніе радикальной партіи. Онъ началъ говорить въ частномъ собраніи, устроенномъ въ Сентъ-Назарѣ, но любопытные, собравшіяся вокругъ дома, въ которомъ онъ говорилъ, выломали двери и сдѣлали такимъ образомъ собраніе публичнымъ. Онъ тотчасъ-же остановилъ развитіе своихъ мыслей и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что собраніе утратило свой частный характеръ. Это незаконно. Я останавливаюсь. Законъ, предлагаемый въ данномъ случаѣ,—законъ имперіи, неправильный и противный нашимъ правамъ, но онъ существуетъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не отмѣненъ, мы должны его уважать. Поважемъ, какъ республиканцы умѣютъ уважать законы... Какъ бы насъ ни называли, останемся спокойными, благоразумными, вѣрными нашимъ республиканскимъ обязанностямъ, не переставая быть бодрствующими и твердыми... Разойдитесь! ни ропота! ни крика! Только такимъ поведеніемъ французская демократія останется непобѣдимой, переставъ быть партіей и сдѣлавшись цѣлою націей.

Толпа тотчасъ-же разошлась; только половина приглашенныхъ на это частное собраніе провожала народнаго трибуна до отела, въ которомъ онъ остановился.

Въ Нантѣ, 16-го мая, на банкетѣ, инициатива устройства котораго принадлежала большинству членовъ муниципальнаго совѣта этого города, и на которомъ собрались наиболѣе влиятельные республиканцы Бретани и Вандеи, Гамбетта могъ продолжать и развитъ до конца рѣчь, начатую имъ въ Сентъ-Назарѣ. Онъ началъ съ тоста въ честь только-что свершившейся побѣды всеобщей подачи голосовъ, «сподтвердившей самымъ блистательнымъ образомъ солидарность, соединяющую всѣ города, всѣ муниципалитеты Франціи въ общей защитѣ своихъ общинныхъ правъ». Послѣ этого онъ приступилъ къ разъясненію драматической дуэли, начавшейся между всею націей, высказавшеюся за республику и рѣшившеюся утвердить ее медленно, благоразумно, мирно и законно, и національнымъ собраніемъ, злоупотребляющимъ полномочіемъ, даннымъ ему для заключенія мира, съ цѣлю протянуть свое существованіе, несмотря на враждебное къ нему отношеніе общественнаго мнѣнія.

— Франція,—сказалъ онъ:—высказалась за республику, она

избирала кандидатовъ все болѣе и болѣе опредѣленныхъ, все болѣе и болѣе готовыхъ къ борьбѣ... потому что она видѣла, что ея первыя предостереженія не были приняты во вниманіе... Она нашла средство заставить въ самой Версали разслушать свой голосъ, разслушивать который, повидимому, не хотѣли... Она такъ повела это дѣло, что легальность, благоразуміе и мудрость всегда оставались на сторонѣ избирателей... По мѣрѣ того какъ производились выборы, можно было замѣчать, какъ самыя многочисленныя и самыя глубокія слои страны обращались къ республикѣ... Нынѣ это—единодушное стремленіе, овладѣвшее всею націею и увлекающее безъ различія города и села... И о чемъ-же думаютъ въ виду этого движенія? О томъ, чтобы ограничить всеобщую подачу голосовъ, которой говорятъ: «Такъ какъ ты не хочешь утвердить наше самодержавіе, мы тебя обезглавимъ»!.. Вотъ настоящая узурпація! вотъ истинное посягательство!

— И такъ, продолжаетъ, столь-же логичный, сколько и краснорѣчивый ораторъ:—не демократы, а ихъ враги являются *революционерами* въ дурномъ значеніи этого слова. Демократія нынче «партія порядка и правительства». Она хочетъ покончить съ постоянными кризисами, дорого стоющими народу, который оплачиваетъ ихъ своею кровью, своими хижинами и своими ссылками, который, становясь кровавою жертвою уличнаго побойща, является въ послѣдствіи каторжникомъ въ понтонкахъ... Не нужно болѣе бесплодныхъ революцій, являющихся неподготовленными, не изученными, безъ соответствующаго персонала, безъ готовыхъ реформъ, безъ гарантій права и интересовъ... Эти отчаянныя попытки неминуемо влекутъ за собою тѣ дикія, постыдныя реакціи, при которыхъ страна теряетъ свое доброе имя, свое нравственное достоинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое благосостояніе.

Французская революція, продолжаетъ Гамбетта: — будетъ теперь мирно развиваться съ того пункта, на которомъ остановилъ ее цезаризмъ. Вотъ почему ей нужно отдѣлиться отъ собранія, которое представляетъ теперь только самого себя, и въ которомъ столько партій прошлаго работаютъ надъ контръ-революціею.

Трибунъ особенно нападаетъ на клерикализмъ и бонапартизмъ, которые на послѣднихъ выборахъ были еще въ состояніи одержать побѣду въ Морбигамѣ и Нижней Шарантѣ, благодаря невѣжеству, фанатизму и административнымъ подкупамъ, равно какъ и безтактности правительства, принимающаго услуги чиновниковъ прежняго режима и упорно продающаго державать на временномъ положеніи республику, установленія которой требуетъ вся Франція, за исключеніемъ двухъ или трехъ разлагающихся департаментовъ.

Выяснивъ точнымъ образомъ общій смыслъ такъ часто повторявшихся желаній націи — «республики, неприкосновенности

всеобщей подачи голосовъ, демократическихъ учреждений», ораторъ обращается къ главѣ государства:

— У насъ республика, но она въ рукахъ заговорщиковъ, мечтающихъ ее низвергнуть и возстановить монархію... Не колебайтесь же! Развѣ вы не видите, въ какую пропасть котятъ свергнуть Францію?.. Отчего такое недовѣріе къ странѣ?.. Народное голосованіе вызвало посланіе 3 ноября, славнѣйшее ваше дѣяніе, ставящее васъ во главѣ вашихъ современниковъ, и привѣтствованное Франціею и Европою... Мы хотѣли поддержать вашу власть, посылая въ собраніе искреннихъ и ревностныхъ республиканцевъ... Каковы-бы ни были люди, окружающіе вашу уважаемую особу, какіе-бы нужны совѣты они вамъ ни давали... съ вашимъ практическимъ смысломъ, съ вашей опытностью въ часы кризисовъ... невозможно, чтобы вы не пошли по пути, по которому хочеть идти Франція, т.-е. къ окончательной республикѣ.

А если, къ несчастью этого не случится?—Гамбетта совѣтуетъ въ такомъ случаѣ не тревожиться и не унывать, а сплотиться, и соединившись въ одно непобѣдимое цѣлое, «стать лицомъ къ лицу съ непріателемъ». Даже въ томъ случаѣ если «глава государства перейдетъ на сторону врага и станетъ покровительствовать недѣльнымъ, преступнымъ стремленіямъ, не нужно отчаиваться, потому что, какъ-бы ни былъ великъ человѣкъ, какое-бы почетное мѣсто онъ ни занималъ въ ряду своихъ современниковъ, народъ не погибаетъ отъ того, что у него станеть однимъ человѣкомъ меньше.

Конецъ Нантской рѣчи, которая произвела сильное впечатлѣніе на демократовъ, слушавшихъ и читавшихъ ее—она была напечатана и комментирована во всѣхъ парижскихъ и департаментскихъ республиканскихъ газетахъ,—какъ нельзя болѣе кстати былъ посвященъ тому, чтобы предостеречь побѣдителей послѣднихъ избирательныхъ битвъ отъ ловушекъ, которыя навѣрное будутъ имъ поставлены во время будущихъ парламентскихъ сраженій.

— Есть, восклицаетъ Гамбетта:—партія людей, всегда чувствующая потребность возстановлять порядокъ и спасти общество... Никогда же давайте ей ни предлога, ни случая спасти порядокъ... Мы честно будемъ бороться съ нашими противниками, мы будемъ указывать на ихъ ловушки вамъ, членамъ народнаго голосованія, истиннымъ самодержцамъ страны... и когда Франція узнаетъ ихъ интриги, мы будемъ ждать предпріятій этихъ господъ: страна оцѣнитъ ихъ по достоинству... Таковъ планъ нашего образа дѣйствій: *discipline, solidité, vigilance*. До сихъ поръ ошибки нашихъ враговъ принесли намъ пользу... Удвоимъ вниманіе, благоразуміе и тактичность. Приготовимся во всѣмъ случайностямъ, во всѣмъ опасностямъ... Въ особенности слѣдуетъ воздерживаться отъ всякаго матеріальнаго безпорядка, отъ всякаго пустаго и бесполезнаго волненія. Всякій,

пользующійся всеобщем подачею голосовъ, и тѣмъ не менѣе рѣшающійся на насиліе или на эксцентричность, становится преступникомъ, государственнымъ преступникомъ... Онъ компрометируетъ республику.

Последнимъ словомъ трибуна былъ совѣтъ продолжать требовать распущенія версальскаго собранія и отрицать присвоенное роялистами, назначенными подъ вліяніемъ страха, право организовать республику.

— Республика, организованная роялистами,—повторилъ Гамбетта въ Нантѣ, какъ прошлый годъ въ Греноблѣ:—была бы недостойною комедіею!

СХІХ.

Заговоръ шести и кабинетъ Пьерье.

Положеніе, занятое радикалами, не злоупотребляющими своею побѣдою и выказывающими твердую рѣшимость довести до конца дѣло примиренія народа съ логическою республикою посредствомъ пропаганды, голосованія, безъ насилія и незаконности, привело монархистовъ въ отчаяніе. Одинъ изъ ихъ самыхъ ревностныхъ органовъ «Gaulois» началъ даже въ длинной, написанной въ шутовскомъ тонѣ, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно серьезной, статьѣ развивать слѣдующую невѣроятную тему:

— Консерваторы глупы... Еслибы они не были глупы, чтобы они дѣлали?.. Собранію гораздо выгоднѣе заставить *разогнать себя*, чѣмъ разойтись добровольно... Пусть оно само хлопочетъ о томъ, какъ та кума, которая сама себя высѣкла... Пусть оно опредѣлитъ, если захочетъ, въ какой именно часъ и день долженъ совершиться актъ насилія... Оно можетъ даже выбрать того *военнаго*, которому оно поручить разогнать себя; оно можетъ выбрать своего насиллователя... Я предлагаю хорошее насиліе... *насиліе по сомашенію*.

Единственный вопросъ, котораго, казалось, побаивались эти веселые полетивки-бонапартисты, состоялъ въ томъ, кому именно достанется роль насиллователя. Тьеру? Онъ не *военный*, да онъ же и старъ. Кромѣ того, какъ недавно разъяснилъ въ двухъ брошюрахъ «La légalité rouge» и «le Gâchis rose» имперіалистскій публицистъ Клемонъ Дювернуа, Тьеръ поставилъ себя въ такое положеніе своею эквилибристическою политивою, что онъ не можетъ склониться на право, не возбудивъ народныхъ страстей, ни склониться на лѣво, не раскрывъ двери радикализму; самое бдѣльшее, на что онъ способенъ по своей дряхлости, это—на непосредственное обращеніе къ народу; но плембисцитъ передъ насиліемъ можетъ, пожалуй, послужить только къ пользѣ республики.

— И такъ Тьеръ годенъ только на то, чтобы быть низвергнутымъ какъ можно скорѣе,—думали и говорили въ прессѣ приверженцы новаго втораго декабря.

Такъ-какъ легитимисты заключили союзъ съ имперіалистами въ знаменитомъ собраніи въ залѣ Герцъ, мысль о низверженіи «маленькаго буржуа» прошла и нашла сочувствіе во всѣхъ салонахъ чистой монархіи, во всѣхъ католическихъ часовняхъ и конгрегацияхъ, и наконецъ, была поставлена въ частномъ собраніи членовъ постоянной комисіи, которой поручено наблюдать за правительствомъ во время вакаціи собранія.

Въ субботу 10-го мая постоянная комисіи имѣла въ Версали свое послѣднее засѣданіе, которое прошло, какъ и предвидущія, *съ полнымъ молчаніем* на счетъ главнаго пункта, подъ предсѣдательствомъ хитраго Бюффе, сумѣвшаго предупредить всѣ реакціонныя демонстраціи, могущія дать обществу и правительству понятіе о задуманной каверзѣ. Тотчасъ послѣ официальнаго закрытія засѣданія, большинство членовъ комисіи соединилось въ одномъ изъ бюро палаты съ группою заранѣе созванныхъ бонапартистскихъ, легитимистскихъ и орлеанистскихъ депутатовъ. Нужно было обсудить секретный вопросъ: должна ли консервативная партія сохранить власть за Тьеромъ, или же начать искать ему преемника? Но случайно старшимъ по лѣтамъ,—а слѣдовательно и президентомъ сходки,—оказался старинный другъ президента республики Кланье. Заговорщикамъ достаточно было перемигнуться, и рѣчь зашла о томъ, нужно ли приготовить къ открытію сессіи запросъ касательно общей политики правительства или же подождать до представленія и обсуждения, такъ называемыхъ, конституціонныхъ законовъ, составленіе которыхъ, по постановленію комисіи тридцати, возложено на правительство. Ограничились назначеніемъ *шести человекъ изъ присутствовавшихъ депутатовъ* для собранія свѣдѣній о намѣреніяхъ депутатовъ при возобновленіи сессіи, для соглашенія съ бюро различныхъ группъ, для вывѣданія намѣреній Тьера и его министровъ, однимъ словомъ для составленія плана кампаніи большинства, составленнаго изъ сплотившейся коалиціи всѣхъ элементовъ консервативной, т.-е. антиреспубликанской партіи.

Этотъ военный совѣтъ составилъ изъ предсѣдателя, генерала Шангарнье, членовъ правой Прадье и Бараньона и членовъ праваго центра Амедея Лефевръ-Понталиса, Батби и герцога Броли. Герцогъ Ларошфуко Бизаччіа не могъ участвовать въ этомъ сивилитѣ, потому что былъ посланъ къ графу Шамбору для того, чтобы получить отъ Генриха V утвержденіе задуманнаго плана. Не ввели также въ составъ совѣта и слишкомъ выдающихся бонапартистовъ, чтобы не выказать заранѣе полного согласія враговъ республики и Тьера.

Маленькій буржуа между тѣмъ мечталъ сохранить при открытіи сессіи свое правительство совершенно въ томъ видѣ, въ

какомъ оно было во время вакацій. Онъ хотѣлъ, при помощи лѣвой стороны, добиться чего-то въ родѣ провозглашенія консервативной республики, а за тѣмъ, при помощи правой стороны, какъ можно менѣе демократически организовать эту республику. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ своихъ маневровъ, если ему удастся окончательно и въ томъ и въ другомъ случаѣ привлечь на свою сторону маленькую группу республиканскихъ консерваторовъ, предводительствуемую его другомъ Казимиромъ Перье.

Собраніе послѣ выборовъ 27-го апрѣля и 11-го мая состояло изъ 733 депутатовъ, раздѣленныхъ на девять парламентскихъ группъ, если считать группою депутатовъ, не приписанныхъ ни къ одной изъ правильныхъ фракцій. Общее число монархистовъ 349, а республиканцевъ 304. Республиканцы имѣли бы 341 голосъ, если бы всѣ 37 человекъ друзей Перье перешли на ихъ сторону; тогда достаточно было привлечь къ себѣ десятокъ нерѣшительныхъ, чтобы одержать побѣду даже надъ непобѣдимой коалиціею отъявленныхъ приверженцевъ трехъ династій.

Окружающіе Тьера воображали, что нѣкоторыхъ орлеанистовъ, не терпѣвшихъ союза съ бонапартистами, легко будетъ, при помощи Гуллара, отдѣлить отъ праваго центра, и что добродушіе Перье также привлечетъ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ депутатовъ, бывшихъ конституціонныхъ монархистовъ, убѣдившихся въ невозможности восстановления въ настоящее время своего завѣтнаго режима.

Двое изъ наиболѣе уважаемыхъ депутатовъ маленькой группы республиканскихъ консерваторовъ, Беранже (изъ департамента Дромъ) и Ферэ напечатали по письму, въ которыхъ доказывали необходимость упроченія существующей республики и изъявляли намѣреніе потребовать формальнаго провозглашенія ея Версальскимъ собраніемъ. Даже самъ Казимиръ Перье рѣшился наконецъ, напечатать въ «France», «Temps», и «Journal des débats» заявленіе, сущность котораго приблизительно слѣдующая: «Монархія невозможна... Одна республика представляетъ союзу консерваторовъ почву для соціальной реорганизации... Республика—законное правительство страны и остается имъ».

Впечатлѣніе, произведенное этимъ заявленіемъ, какъ нельзя лучше принятымъ умѣренной и либеральною прессою, скоро было ослаблено монархистскими органами, принявшими высказать своимъ друзьямъ, равно какъ и своимъ врагамъ, двойной планъ Тьера.

«Union»,—газета чистаго легитимизма,—съ жестокою ироніею нападала на проектъ «создать двухутробную Францію, одинаково способную нести монархію и влечь республику». При этомъ она заявила, что человекъ, признаваемый «необходимымъ», можетъ сохранить за собою власть только при условіи, что онъ

«подготовить путь возвращенію козына дома», т.-е., попросту говоря, реставрацію Генрика V.

Члены праваго центра, недопускающіе, чтобы можно было быть консерваторомъ, не имѣя въ виду возстановленія, какой бы то ни было, монархіи,—орлеанской въ особенности,—воскликнули вмѣстѣ съ Ламберъ-де-Сень-Круа:

— Тьеръ будетъ консерваторомъ, или его не будетъ!

Фраза, взятая изъ посланія 13 ноября, гдѣ президентъ, сказалъ:

— Республика будетъ консервативною, или ея не будетъ!

За недѣлю до открытія сессіи всякому мало мальски серьезному комитету было ясно, что на Тьера готовится нападеніе, и что для того, чтобы противостать ему, Тьеру остается только открыто стать на сторону положительнаго большинства страны противъ возможнаго противника въ видѣ большинства версальскаго собранія. Неуспѣхъ кандидатуры Ремюза не поосорилъ съ Елисейскимъ дворцомъ республиканцевъ; успѣхъ кандидатуры Бароде не поставилъ радикаловъ во враждебное положеніе. Публицистъ Эмиль де-Жирарденъ въ интимныхъ кружкахъ и печатно предлагалъ немедленное учрежденіе однопартійнаго республиканскаго кабинета, который на нападенія монархистовъ гордо бы отвѣчалъ демократическою обороною. Многіе были убѣждены, что не будетъ особенно трудно, по инициативѣ новаго министерства, вырвать у собранія безъ всякаго государственнаго переворота или провозглашенія республики, или постановленіе о распусценіи тотчасъ послѣ очищенія территоріи.

Но невозможно было убѣдить въ этомъ Тьера, вѣршаго исключительно въ свою эквилибристику. Онъ мечталъ еще о единеніи обѣихъ центровъ, когда важнѣйшая въ данномъ случаѣ личность, представитель праваго центра въ кабинетѣ, внезапно подалъ ему просьбу объ отставкѣ. Подъ какимъ предлогомъ? Просто потому, что министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ онъ объяснилъ, не можетъ долѣе оставаться въ министерствѣ вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ, министромъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній со времени своей знаменитой рѣчи въ Сорбоннѣ, въ которой онъ справедливо напалъ на роялистское большинство и позволилъ себѣ прославлять исключительно главу государства, освободителя отечества, навлекъ на себя и на правительство цѣлую бурю, которую не могло успокоить даже формальное опроверженіе его словъ передъ постоянною комиссіею, а которая непремѣнно бы разразилась снова, если-бы при возвращеніи палаты онъ снова появился на скамьѣ министровъ. Онъ рѣшился потому также подать въ отставку, и президентъ постарался-бы выбрать ему преемника, какъ можно болѣе по вкусу правой сторонѣ, если-бы Гуляръ согласился снова принять портфель. Но для бонапарто-орлеанистско-легитимистской коалиціи было необходимо, чтобы министерскій кризисъ предшествовалъ

правительственному. Члены новаго «комитета общественнаго спасенія» не допускали возможности примиренія министра внутреннихъ дѣлъ со своими товарищами, зная,—что безъ него невозможно какое бы то ни было правительственное вліяніе на членовъ праваго центра.

Такимъ образомъ Тьеръ былъ поставленъ въ необходимость замѣнить кѣмъ-нибудь Гуллара и Жюля Симона. Но вмѣсто того, чтобы храбро встрѣтить неизбежное сраженіе, составивъ совершенно новое министерство, онъ счелъ возможнымъ ограничиться, такъ сказать, починкою существующаго кабинета. Казимиръ Перье получилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, Беранже—публичныхъ работъ, вмѣсто Фурту, который, въ качествѣ добраго католика, былъ поставленъ во главѣ министерства исповѣданій, отдѣленнаго отъ министерства народнаго просвѣщенія, предоставленнаго протестанту Ваддингтону. Вмѣстѣ съ этимъ Фурту, другомъ де-Гуллара, оставленнымъ комитетомъ «шести» въ должности, вѣроятно, для наблюденія за прочими министрами и предупрежденія въ случаѣ надобности о президентскомъ контръ-заговорѣ, были оставлены Дюфоръ,—реакціонное краснорѣчіе котораго имѣло такой успѣхъ въ предшествовавшіе кризисы—Леонъ, Сэй, Ремюза, адмиралъ Потьюо, и даже генералъ де-Сенсей, сохранившій, не смотря на всѣ благодѣянія Тьера, всѣ свои бонапартистскія и клерикальныя привязанности. Для формы, «Journal officiel» возвѣстилъ, что и они также подали президенту просьбы объ отставкѣ, который такимъ образомъ былъ принужденъ составить новое министерство... двѣ трети котораго состоятъ изъ прежнихъ министровъ.

Президентъ, вѣроятно, думалъ сдѣлать затруднительнымъ немедленное нападеніе на кабинетъ, еще ни въ чемъ не проявившій своей дѣятельности, такъ какъ онъ вступилъ въ должность 18 мая, накануне возвращенія собранія, отсрочить кризисъ до очищенія территоріи, въ этотъ промежутокъ времени разъединить коалицію трехъ монархій, обезпечить себѣ (не тѣряя поддержки фракціи лѣвой стороны, соединенныхъ въ виду общаго врага), нѣсколько голосовъ праваго центра посредствомъ уступокъ въ конституціонныхъ законо-проектахъ парламентскимъ доктринерамъ.

Тьеръ на столько хорошо служилъ нѣкогда общимъ интересамъ орлеанизма и въ частности интересамъ принцевъ фамиліи своего дорогаго Луи-Филиппа, что не безъ основаній могъ предполагать, что не всѣ приверженцы монархіи 1830 года совершенно поддадутся на удочку легитимистовъ и бонапартистовъ и возненавидятъ лично его до такой степени, чтобы серьезно содѣйствовать его низверженію, не сообразивъ даже, что этимъ они нанесутъ ударъ и своимъ собственнымъ надеждамъ на возможность реставраціи, хотя-бы и въ далекомъ будущемъ. Въ качествѣ «маленькаго буржуа», онъ надѣялся также найти, вслѣдствіе фамильныхъ связей своего новаго сотрудника Казимира

Перье, нѣкоторыхъ защитниковъ въ самомъ сердцѣ праваго центра и даже правой стороны.

Но при полученіи извѣстія о правительственной перетасовкѣ зять Перье, герцогъ Одиффре-Паке первый поднялъ ее на смѣхъ, воскликнувъ въ постоянной комиссіи.

— Ну, все теперь спасено! Казиміръ сдѣланъ министромъ!

А въ толпѣ роялистовъ, явившихся въ отель площади Бово засвидѣтельствовать свое почтеніе добродѣтельному Гуляру, можно было замѣтить графа Сегюра, тестя его преемника!

Ничто,—даже фраза герцога Омальскаго: «ми раздавимъ гиду на этой недѣлѣ», сказанная имъ въ Шантильи въ первый день скачекъ,—не могло открыть глаза Тьеру. А между тѣмъ то, чего не знала его полиція, было уже напечатано въ газетахъ. За недѣлю до событія, подготовленнаго комитетомъ шести, всѣмъ уже было извѣстно о соглашеніи, состоявшемся между Фришдорфомъ и Чивельгерстомъ, и что условія, привезенныя съ одной стороны, де-Ла-Рошфуко-Визачіо, а съ другой Руэромъ, касательно устраненія всякаго представителя одной изъ трехъ династій отъ президентства и касательно распределенія между всѣми тремя министерскихъ портфелей, были единодушно приняты вожаками анти-республиканской коалиціи. Последніе въ день открытія сессіи громко заявляли въ вагонахъ версальской желѣзной дороги, что дѣло завѣрное удачи, такъ какъ не стояло вопроса: «что дѣлать послѣ?» а говорили: «сначала низвергнемъ человѣчка, ведущаго насъ къ радикализму, а затѣмъ посмотримъ!»

Расчетъ заговорщиковъ былъ сдѣланъ такъ вѣрно, что за шесть дней до 24-го мая я собственными ушами слышалъ очень точное опредѣленіе большинства, въ дѣйствительности полученнаго при голосованіи.

Заблужденіе, въ которомъ оставался Тьеръ относительно цѣли и силъ своихъ противниковъ, по истинѣ непонятно. Нѣкоторые предполагаютъ даже, что онъ разлюбилъ власть и, пожалуй, даже желалъ своего паденія, предоставляя своимъ противникамъ отвѣтственность за государственный переворотъ, отъ котораго онъ всегда съ негодованіемъ отвращался, и за эскамотированіе республики, которую онъ считалъ возможною только при немъ и чрезъ него. Другіе-же убѣждены, что онъ просто слишкомъ положился на безсиліе и недостатокъ храбрости своихъ амальгамированныхъ враговъ и на убѣдительность своего собственнаго краснорѣчія, могущаго сразу обратить въ ничто всѣ злоумышленные низкія интриги и въ послѣднюю минуту привлечь на свою сторону достаточное количество нервнѣйшихъ депутатовъ для того, чтобы составить какое-нибудь, хотя-бы и неважное, большинство. Никто даже изъ самыхъ пылкихъ приверженцевъ революціи не считалъ возможнымъ что-бы то ни было до очищенія территоріи. Правительство, составленное изъ людей порядка было убѣждено, что патріотамъ не

позволить бѣлой коммуны рискнуть, по примѣру коммуны красной, на революцію въ присутствіи непріятеля.

СХХ.

Представленіе запроса трехъ сотъ.

Первое засѣданіе національнаго собранія началось, по обыкновенію, мирною ежемѣсячною операціею назначенія по жребью депутатовъ въ пятнадцать бюро, подготавливающихъ парламентскую черную работу. Когда это наконецъ было кончено, раздался звонокъ президента, пристава забѣгали по корридорамъ, крича:

На мѣста! господа, на мѣста! и Бюффе, стоя передъ своимъ кресломъ съ большою бумагою въ рукахъ, обождавъ пока установится спокойствіе, весьма торжественно произнесъ:

— Я долженъ сообщить собранію запросъ, представленный значительнымъ числомъ нашихъ товарищей:

«Нижеподписавшіеся, убѣжденные въ томъ, что настоящее положеніе дѣлъ требуетъ, чтобы управленіе было ввѣрено кабинету, твердость котораго успокоила-бы страну, желаютъ предложить министерству запросъ относительно послѣднихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ его средѣ, и необходимости принятія правительствомъ истинно-консервативной политики.

«Они предлагаютъ назначить на пятницу обсужденіе этого запроса».

Лѣвая сторона требуетъ прочтенія подписей. Президентъ начинаетъ ихъ читать, но такъ какъ это становится черезъ-чуръ долгимъ, то онъ заявляетъ, что въ отчетѣ о засѣданіи запросъ будетъ помѣщенъ *in extenso*. Въ тотъ день было всего 160 подписей; на другой день въ *Journal officiel* ихъ было напечатано уже болѣе 300.

Между тѣмъ, на трибуну взошелъ хранитель печати Дюфоръ, прося, чтобы назначеніе дня для разсмотрѣнія запроса было отложено до слѣдующаго засѣданія, такъ какъ министрамъ необходимо посовѣщаться объ этомъ между собою и съ президентомъ республики. Справа послышался страшный ропотъ, на который отвѣчали восклицанія негодующей лѣвой стороны. Не смотря на то по знаку президента и посовѣтовавшись съ комитетомъ шести, герцогъ де-Брольи объявилъ, что его друзья соглашаются на просьбу кабинета.

Дюфоръ снова взялъ слово и объявилъ о представленіи законовъ объ организаціи общественныхъ властей и учрежденіи второй палаты, законовъ, составленіе которыхъ было возложено на правительство при утвержденіи конституціи тридцати.

— Читайте! читайте! кричалъ лѣвый центръ.

— Нѣтъ! нѣтъ! не надо! единодушно вопила правая сторона.

Пришлось прибѣгнуть къ баллотировкѣ для того, чтобы узнать, долженъ ли великій конституціонный проектъ, заказанный собраніемъ, быть прочтенъ въ публичномъ засѣданіи, или же просто отпечатанъ, какъ послѣдній докладъ какой нибудь комисіи о самомъ банальномъ вопросѣ.

Въ теченіи двухъ сомнительныхъ баллотировокъ, палата раздѣлялась на двѣ равныя части, встающія и сажающія съ замѣчательнымъ упорствомъ, которое опытному глазу привычныхъ посѣтителей ясно показывало полную враждебность одной половины собранія къ другой. Наконецъ, приходитъ Беранже и его бюро, не смотря на многочисленные протесты, объявляютъ, что большинство, опредѣленное приблизительно, высказалось противъ чтенія.

Готовились уже закрыть засѣданіе, когда глава радикальной группы, называемой республиканскою униєю, представилъ предложеніе, поднимаемое имъ и пятьюдесятью его товарищами.

— Читайте! читайте! кричатъ, въ свою очередь, члены правой стороны, пользуясь случаемъ усилить пренебреженіе, выказанное ими правительству.

Пейра требуетъ признанія безотлагательности и читаетъ слѣдующее предложеніе, съ первой-же фразы вызывающее взрывъ ироническаго хохота на скамьяхъ монархистовъ:

«Нижеподписавшіеся народные представители, — принимая во вниманіе, что ни одно выборное собраніе не можетъ пользоваться учредительными правами безъ спеціального, точно опредѣленнаго, неопровержимаго полномочія; принимая во вниманіе, что подобнаго полномочія не было дано нынѣшнему собранію; что даже, если-бы на этотъ счетъ существовало сомнѣніе, — то нижеподписавшіеся положительно отвергаютъ, — то это сомнѣніе могло бы быть разъяснено только посредствомъ новаго обращенія къ избирателямъ и назначенія новаго собранія; —

«протестуютъ противъ представленія всякихъ конституціонныхъ законо-проектовъ, которые приписываютъ собранію учредительныя права, которыхъ нижеподписавшіеся не признаютъ, «и предлагаютъ слѣдующій проектъ закона:

«статья единственная: національное собраніе въ пятнадцатидневный срокъ опредѣлитъ день своего распушенія».

Безотлагательность пускается на голоса. Три четверти палаты отвергаютъ ее, въ томъ числѣ вся правая сторона, центръ и правительство, повидимому глубоко огорченное этою безтактностью радикаловъ.

Дѣйствительно, послѣ удара, нанесеннаго правительству представленіемъ запроса трехъ сотъ, не слѣдовало уже ни дѣлать, ни говорить ничего такого, что-бы могло повредить его нравственному авторитету, поддержать въ правой сторонѣ надежду на легкую побѣду надъ разьединенными врагами, и испугать нѣкоторыя нервѣшительныя личности, болѣе желающія сохранить

свои депутатскія кресла, чѣмъ низвергнуть Тьера съ его республикою.

Кромѣ того, если проектъ конституціи, представленный правительствомъ и не могъ-бы быть принятъ съ точки зрѣнія суровыхъ демократическихъ традицій французской революціи и политической науки, основывающейся на опытахъ, произведенныхъ въ свободныхъ странахъ, въ особенности Швейцаріи и Америкѣ—то во всякомъ случаѣ изложеніе мотивовъ, предшествующее проекту, давало даже болѣе гарантіи немедленнаго окончательнаго утвержденія республики, чѣмъ знаменитое посланіе 13 ноября.

При чтеніи этихъ мотивовъ ясно видно, что оскорбленный монархическими партіями, которымъ онъ далъ возможность возродиться, которыхъ онъ такъ жестоко для народа спасъ отъ коммуны и отъ распущенія, Тьеръ, изъ состраданія къ слабости своихъ прежнихъ друзей, изъ отвращенія къ ихъ безсильнымъ интригамъ, а также и въ видахъ сохраненія своей собственной власти, рѣшился, наконецъ, безвозвратно покинуть свой старый аристократическій и доктринерскій міръ и исцѣлы безопасности, свободы и чести въ новомъ мірѣ демократіи.

Онъ доказывалъ неопровержимыми аргументами, что «нынѣшнее положеніе Франціи не допускаетъ другаго режима, кромѣ республики». Въ выраженіяхъ, недопускающихъ уже недоразумѣній, онъ называлъ республику *законною, естественною и необходимою*. Эпитетъ *консервативная* былъ, конечно, сохраненъ и при томъ съ настоячивостью, которая коробила радикаловъ, заставляя ихъ опасаться, чтобы подъ поспѣшной организаціей подобія демократіи не крылось простое упрочеіііе на пять лѣтъ временной власти Тьера и возможность въ будущемъ орлеанистскаго штатгальтерства въ видѣ президентства герцога Омальскаго.

Но въ виду запроса правой стороны для всѣхъ, кто только зналъ, что всѣ орлеанисты участвуютъ въ коалиціи для низверженія Тьера, было ясно, что ораторскія предосторожности, принятія при изложеніи мотивовъ, искреннія и завѣтныя идеи и намѣренія президента республики, не представляютъ уже никакой опасности для республиканцевъ и въ обыкновенное время могли бы даже доставить имъ союзниковъ въ рядахъ колеблющихся и трусливыхъ депутатовъ.

Такимъ образомъ въ демократической прессѣ и собраніяхъ шли разсужденія объ эпитетѣ «консервативная», о сенатѣ и различныхъ категоріяхъ избираемыхъ, объ избраніи по округамъ, замѣнившемъ избирательные списки, о продолженіи до двухъ лѣтъ срока жительства избирателя въ избирательномъ округѣ и пр., между тѣмъ какъ между Ватиканомъ, іезуитскимъ домомъ въ улицѣ Севръ, Фрошдорфомъ, Чизальгерстомъ, Шантильи, папскимъ нунціемъ монсиньоромъ Чиги, и комитетомъ шести окончательно созрѣвалъ заговоръ.

Заговоръ этотъ велся такъ искусно, что даже неловкости,

сдѣланныя лицами, подписавшими запросъ трехъ сотъ, только поддерживали спокойствіе и даже веселость въ друзьяхъ правительства.

Покатывались со смѣху надъ выраженіемъ одного изъ вожаковъ правой стороны:

— Мы не проносимъ уже именъ будущаго президента, триумвира или министра, потому что, какъ только дѣло идетъ объ опредѣленномъ лицѣ, между нами нѣтъ согласія!

Смѣялись, какъ надъ фарсомъ Палэ-Роля, надъ мнимымъ проектомъ возвести въ достоинство главы государства, или поставить во главу невозможнаго триумвирата, пресловутаго смѣхотворнаго генерала Шангарнье, восьмидесятилѣтняго старца, обращающагося въ дѣтство, нарумяненнаго, затянутаго въ корсетъ, въ сняжъ сюртучкѣ, панталонахъ gris perle, добродѣтельнаго, какъ слабоумный Жозефъ Придомъ, и краснорѣчиваго, какъ полишинель!

Въ самый день, въ который Дюфоръ принялъ запросъ трехъ сотъ, во вторникъ 20 мая—Гамбетта и два другіе радикальные депутата для потѣхи предложили мѣсто въ нанятомъ ими съ желѣзной дороги открытомъ экипажѣ президенту комитета шести Шангарнье! Когда нѣсколько республиканцевъ замѣтили знаменитому трибуну, что онъ напрасно такъ несерьезно относится къ комедіанту, котораго онъ провятилъ по улицѣ Резервуаровъ, и такъ мало обращаетъ вниманія на замыслы правой стороны, Гамбетта воскликнулъ:

— Полноте! эти комки никогда не доведутъ дѣла до серьезнаго! Они наговаряютъ рѣчей и только! Бумага, бумага для мусорщиковъ.

Между тѣмъ,—и это доводило до пароксизма веселость республиканцевъ,—вся церковь была въ движеніи. Въ капеллѣ Версальскаго дворца, въ присутствіи Бюффе и роялистскихъ корифеевъ, мѣстный ультрамонтанъ-епископъ отслужилъ обѣдню и торжественный молебенъ, въ которомъ молилъ Духа Святаго дать представителямъ Франціи средства спасти общество и религію. Съ 19 по 24 мая въ Парижѣ происходили общія собранія различныхъ католическихъ комитетовъ, распространенныхъ по всей странѣ, комитетовъ, въ которыхъ болѣе занимаются активной политикою, чѣмъ дѣлами благотворительности. и въ которыхъ капитанъ штаба генералъ Ладмиро проповѣдывалъ Вареоломеевскую ночь революціонерамъ и искорененіе всего напоминающаго 1789 годъ. Снова начались пилигримства въ Лурдъ и Салеттъ. Девятидневное празднество было назначено въ Аржантемѣ для того, чтобы получить то, что мѣстнае винодѣлы называютъ «маленькою рубашкою», кусокъ полотна будто-бы оставшійся отъ одежды Спасителя. На 28 и 29 мая была назначена великая папистская и монархистская демонстрація въ Нотр-Дамъ-де Шартръ у алтара «Черной Богородицы» дѣйствительно самой древней изъ всѣхъ чудотворныхъ изобра-

женій во Франціи, такъ какъ это не болѣе, какъ сохранившійся друидскій идолъ. Наконецъ на 20 іюня было возвѣщено еще небывалое пилигримство, въ которомъ должны принять участіе делегаты всѣхъ провинцій, въ мѣсто, въ которомъ въ 1673 году явился монахинѣ Маргаритѣ-Маріи Христосъ, держа въ рукахъ свое кровавое пылающее сердце!

СХХІ.

Битва завязывается.

Коммиссія испробовала свои силы при выборахъ, открытыхъ въ среду и четвергъ, 20 и 21 мая, въ бюро національнаго собранія. Бюффе, самый дѣятельный членъ заговора, былъ оставленъ на президентскомъ креслѣ большинствомъ 359 голосовъ противъ 289, поданныхъ за Мартеля, кандидата Тьера. Три первые вице-президента, кандидаты правой стороны прошли: Вите получилъ наименьшее количество голосовъ (354), вслѣдствіе своей старой дружбы съ Тьеромъ, графъ Бенуа д'Ази, получилъ однимъ голосомъ меньше, чѣмъ, орудіе дезорганизаціи министерства, де-Гуляръ, получившій 367 голосовъ. Нужны были три баллотировки для того, чтобы доставить Мартелю послѣднее вице-президентство, которое онъ получилъ большинствомъ 330 голосовъ противъ 325, поданныхъ за предсѣдателя умѣренныхъ легитимистскихъ собраній де Ларси, вопреки парламентской традиціи, требующей, чтобы въ бюро палаты былъ внесенъ по крайней мѣрѣ одинъ представитель оппозиціи.

Засѣданіе въ пятницу 23 мая открылось нѣсколько раньше обыкновеннаго, и никогда еще такое число депутатовъ не оказывалось еще на своихъ мѣстахъ при открытіи. Царствовало неописанное волненіе въ партерѣ, занимаемомъ депутатами и въ двухъ рядахъ трибунъ оперы Людовика XIV, въ которыхъ собралось громадное число привилегированныхъ зрителей виѣсть съ корреспондентами французской и иностранной прессы въ полномъ комплектѣ.

Тьеръ воссѣдаетъ на скамьѣ министровъ. Тьеръ всходитъ на трибуну и, въ силу статьи IV закона 13 марта 1873 г. (конституція тридцати), объявляетъ, что совѣтъ министровъ, обсудивъ дѣло, находитъ, что запросъ трехъ сотъ, «затрогиваетъ отвѣтственность президента республики», и что, слѣдовательно, «президентъ воспользуется своимъ правомъ принять участіе въ преніяхъ».

Затѣмъ слово дается герцогу де-Брольи для развитія запроса. Правая сторона могла бы выбрать и лучшаго оратора, герцога д'Одиффре-Пахье, на примѣръ, но бонопартисты, не забывшіе пощечины, данной имъ краснорѣчивымъ докладчикомъ коммисіи подрадовъ, воспротивились этому. Герцогъ-же де-Брольи—чело-

вѣчекъ, скверно сложенный, съ неприятнымъ лицомъ, и вообще своимъ костюмомъ и видомъ онъ напоминаетъ скорѣе лакея въ хорошемъ домѣ, чѣмъ богатаго барина, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, голосъ у него маленький, желчный и пепелявить такъ, что затемняетъ даже и то, что удается слышать половинѣ его многочисленной аудиторіи. Произнесенная съ трибуны рѣчь его не производитъ никакого впечатлѣнія, не смотря на принимаемыя имъ позы à la Беррье. При чтеніи же ихъ видишь, что онѣ не отличаются ни умомъ, ни глубиной мысли, но по коварству, заключающемуся въ нихъ и по ихъ изящной, чисто академической формѣ, это своего рода совершенство. Ничего идущаго изъ сердца, все изъ головы и при томъ головы развращенной до нельзя сословными предразсудкамъ, доктринерствомъ, безграничнымъ честолюбіемъ и низкою завистью.

Съ самаго начала де-Вробли въ слѣдующихъ выраженіяхъ резюмируетъ положеніе, пугающее подписавшихъ запросъ:

— Выясненная послѣдними выборами возможность того, что радикальная партія, посредствомъ народнаго голосованія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время, въ болѣе или менѣе близкій срокъ очутится во главѣ управленія...

Такимъ образомъ вотъ истинная, откровенно высказанная причина вооруженія трехъ монархическихъ партій: онѣ боятся легальнаго торжества демократіи и для того, чтобы спасти политическое вліяніе, которымъ они такъ неудачно пользуются въ теченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, управляющіе классы готовы на все, лишь-бы не допустить, чтобы освобожденная страна поручила другимъ управленіе собою, или чтобы, окончательно утвердивъ республику, народное самоуправленіе, она сама не взялась за опредѣленіе своего будущаго.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы скрыть эгоистическую, низкую цѣль монархистовъ съ двумя королями и однимъ императоромъ, — цѣль, которая въ данную минуту заключается въ томъ, чтобы сохранить за собою мѣста, съ которыхъ народное голосованіе ихъ согнало-бы, если бы къ нему обратились, и захватить въ свои руки администрацію такъ, чтобы при всемогуществѣ централизаціи, будущіе выборы, исподволь и искусно подготовленные, возвратили-бы депутатскія кресла приверженцамъ, такъ называемаго порядка — герцогъ начинаетъ доказывать, что «радикализмъ не есть обыкновенная политическая партія, но *соціальная партія*, угрожающая современному обществу въ самыхъ основахъ его, старающаяся измѣнить эти основы, если и не совсѣмъ разрушить».

Между новыми избранниками демагогін, объясняетъ онъ, развѣ не видимъ мы Бароде, нарочно пріѣзжавшаго въ Парижъ, чтобы примирить собраніе съ коммуною и жаловавшагося по возвращеніи въ Лионъ на то, что ни въ Парижѣ, ни въ Версалѣ не нашель примирительнаго настроенія?— Ранка, засѣдающаго въ

коммуны, и который былъ-бы преданъ суду, «если-бы не случилось какого-то непонятнаго и не разъясненнаго замедленія въ правосудіи»?—Лакруа, отказавшагося отъ званія депутата для того, чтобы не принимать участія въ сопротивленіи Парижу?—Развѣ признанный глава радикальной партіи Гамбетта, въ своей послѣдней рѣчи, произнесенной въ Велдвиллѣ, не жаловался на то, «что Парижъ былъ преданъ жестокостямъ разъяренной реакціи»? Наконецъ, развѣ эксъ-прокуроръ республики Андриѣ, одинъ изъ корреспондентовъ Бартеlemi-Сентъ-Илера, не сказалъ публично, что «собраніе произвело революцію 18 марта, и что на него падаетъ отвѣтственность за кровь и развалины, которыми ознаменовалось время коммуны?» Отсюда слѣдуетъ заключить, что нужно «вознаградить парижскую коммуну». И вотъ почему программа радикальной партіи, во время послѣднихъ выборовъ, сводилась къ тремъ пунктамъ: распущеніе собранія, спасшаго общество отъ коммуны, амнистія приговоренныхъ по дѣламъ коммуны! Слѣдовательно, если-бы въ Парижъ возвратилось собраніе съ радикальнымъ большинствомъ, то «наступила-бы легальная мѣсть за парижскую коммуну».

Во время этого вызывающаго разсужденія лѣвая радикальная сторона оставалась неподвижною и даже тѣ изъ ея членовъ, къ которымъ лично относились нападенія герцога, ограничились только улыбкою. Ораторъ нѣсколько смутился этимъ, и вида, что вызываніе краснаго призрака не производитъ желаннаго дѣйствія, снова обратился къ правительству Тьера, обвиняя его въ двойной тенденціи: во первыхъ, въ желаніи оказать сопротивленіе доктринамъ и практической дѣятельности радикальной партіи и, во вторыхъ, въ стараніи примириться съ нею, сойтись на компромиссѣ. То, что сначала танцло и пряталось, при парижскихъ выборахъ 27 апрѣля, усилилось и смѣло выступило на свѣтъ. Правительство вмѣстѣ съ собраніемъ составило законъ, упраздняющій центральную лійонскую мерю, цитадель радикальной партіи; а всѣ органы его высказали порицаніе закону, составленному будто-бы однимъ собраніемъ, когда захотѣли популяризировать кандидатуру Ремюза. Съ другой стороны, министръ народнаго просвѣщенія въ ученomъ обществѣ позволилъ себѣ оскорбить собраніе, обвинивъ его въ томъ, что оно будто-бы ставило препятствія освобожденію территорій, провозвѣденному однимъ человекомъ—президентомъ республики. Выраженіе это не появилось въ «Journal officiel» и было громко опровергнуто министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Вотъ,—восклицаетъ Брольи, при громкихъ аплодисментахъ правой стороны,—вотъ что называется, повторяю, противорѣчіемъ тенденціи правительства!

Это противорѣчіе воплѣтъ официально обрисовывалось двойною отставкою де-Гуайра, представителя сопротивленія радикальной

партіи и Симона, представителя любезностей правительства по отношенію къ той-же партіи.

— Нужно было починить министерство и какая-же изъ двухъ тенденцій взяла верхъ при этой почини? что представляеть собою новый кабинетъ?

Не вызвавъ даже ропота со стороры республиканцевъ, не смотря на то, что правая сторона своими аплодисментами подчеркиваетъ дерзкіе вызовы оратора, де-Бролли восклицаетъ:

— Я тотчасъ отвѣчу вамъ на этотъ вопросъ, и желалъ-бы быть опровергнутымъ, но для этого нужны положительные факты, точныя объясненія, а не общія разсужденія, всегда неопредѣленныя и утомительныя.

Напрасно будутъ ему возражать, что Жюль Симонъ вышелъ изъ кабинета въ одно время съ де-Гуляромъ, что въ составъ министерства вошли люди, имена которыхъ уже въ теченіи нѣсколькихъ поводній тѣсно связаны съ дѣломъ порядка, какъ наприимѣръ Казиміръ Перье. Напрасно стануть доказывать, что новое министерство требуетъ отъ консервативнаго большинства перехода отъ временнаго положенія дѣла къ окончательному только потому, что нужно омытъ консервативное оружіе республиканскою водою. Онъ удивляется тому, что Дюфоръ, оставшійся хранителемъ печати, послѣ того, какъ въ теченіи послѣдней сессіи онъ такъ враспорѣчиво говорилъ въ пользу сохраненія временнаго порядка,—ни республики, ни монархіи,—такъ скоро убѣдился въ необходимости установленія окончательнаго правительства. Очень можетъ быть, что Гуляръ, нисколько не противившійся новымъ конституціоннымъ законамъ, былъ принужденъ выйти изъ кабинета только потому, что онъ былъ *слишкомъ консервативенъ*. Триста двадцать депутатовъ, подивившихъ запросъ, — заявляютъ отъ ихъ имени де-Бролли, — «убѣждены, что если правительство не вернется къ исключительно консервативной политикѣ, прогрессъ радикализма не возможно будетъ остановить... что компромиссы и правительственныя любезности уже принесли дурныя плоды, что далѣе переносить ихъ невозможно... что, въ этомъ смыслѣ, уже не остается дѣлать ни одной ошибки, ни одной слабости... кабинетъ, который не дастъ имъ на этотъ счетъ вѣрнаго обезпеченія, не можетъ расчитывать на ихъ поддержку.»

И если-бы, говорить въ заключеніи ораторъ коализированной реакціи, правительство могло обойтись безъ этой поддержки, то только при помощи случайнаго большинства въ нѣсколько голосовъ, въ которомъ будетъ фигурировать весь главный штабъ радикальной партіи, по отношенію къ которой оно, равно какъ и прочіе члены этого большинства, явятся въ положеніи *омекамы и покровительствуемыхъ*

При этомъ выраженіи, Тьеръ вскочилъ со своего мѣста. Онъ сдѣлалъ-бы перерывъ, если бы министры не удержали его, напомнивъ ему, что законъ тридцати запрещаетъ ему принимать

участіе въ преніяхъ иначе, какъ посредствомъ рѣчи, возвѣщенной за ранѣ посланіемъ.

Герцогъ де-Бролья злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, чтобы бросить въ лице «маленькому буржуа», приговоренному къ молчанію, слѣдующія непозволительныя дерзости:

— Погибнуть за свое дѣло съ знаменемъ въ рукѣхъ и у подножія защищаемаго укрѣпленія—смерть славная, посредствомъ которой партія возвышается, и которая возвеличиваетъ память государственныхъ людей. Напротивъ того, погибнуть послѣ того, какъ самъ подготовилъ торжество своихъ противниковъ, погибнуть открывъ ворота цитадели, погибнуть, ставъ въ печальное положеніе жертвы и смѣшное положеніе одураченнаго, и невольно слѣвавшись соучастникомъ въ преступленіи,—есть позоръ, убивающій и репутацію, и жизнь государственныхъ людей.

На эту рѣчь претендента на министерскій портфель, встрѣченную оваціями правой стороны, отвѣчаетъ Дюфоръ. Сначала самымъ безразличнымъ тономъ съ отличающимъ его грубымъ реакціоннымъ краснорѣчіемъ, онъ объявляетъ, что правительство отвергаетъ радикальныя доктрины, «осуждаетъ ихъ и считаетъ неспособными основать правильное общество».

Лѣвая сторона пропускаетъ все это безъ малѣйшаго возраженія. Лѣвый центръ даже аплодируетъ, когда обвиненію въ двойной тенденціи, хранитель печати противопоставляетъ залогъ, который дало правительство дѣлу порядка своими дѣйствіями противъ коммуны, своими законами противъ интернаціонала, о присяжныхъ и объ ассоціаціяхъ.

Правая сторона встрѣчаетъ самыми горячими возраженіями слова министра юстиціи о точномъ приведеніи въ исполненіе правительствомъ закона объ упраздненіи Ліонской центральной меріи, равно какъ и категорическое, —слишкомъ политичное и довольно подлое, —опроверженіе знаменитыхъ словъ Жюля Симона въ Сорбоннѣ противъ роялистскаго большинства и въ честь Тьера.

Официальный ораторъ искусно отвергаетъ предположеніе, будто бы политическія несогласія вызвали отставку Гуляра; онъ приглашаетъ экс-министра внутреннихъ дѣлъ самому объяснить тѣ личныя мотивы, которые побудили его оставить портфель.

Де-Гуляръ, на котораго обратились всѣ взоры, прячется въ глубинѣ праваго центра, окруженный друзьями, которые приказали бы ему замолчать, если бы онъ даже и хотѣлъ говорить.

Дюфоръ касается, наконецъ, принципа, характеризующаго новое министерство. Дѣло въ томъ, что «стало необходимымъ принять какое нибудь окончательное рѣшеніе и предложить собранію окончательно признать республиканское правительство».

Казиміръ Перье и его друзья Беранже и Ваддингтонъ были призваны къ власти только вслѣдствіе ихъ убѣжденій, выраженныхъ ими на этотъ счетъ. Если онъ лично перебралъ

свое прежнее мнѣніе, какъ въ этомъ упрекаетъ его де-Брольи, то это объясняется тѣмъ, что «выборы 27 апрѣля и 11 мая дали ему сильный урокъ», и что онъ понялъ, что отнынѣ для того, чтобы бороться съ опасностью, на которую указываютъ его противники, «*нужно правительство окончательное*». Министерство, съ полнымъ убѣжденіемъ составившее проекты конституціонныхъ законовъ, объявляетъ, что если не признастъ правительства республики, оно не беретъ на себя отвѣтственности за общественный порядокъ.

Лѣвая сторона раздражается рукоплесканіями. Тотчасъ по окончаніи рѣчи хранителя печати правая сторона требуетъ закрытія засѣданія.

Планъ заговорщиковъ состоялъ въ томъ, чтобы въ этотъ-же день сфабриковать постановленіе, — въ томъ, что они окажутся въ большинствѣ они было заранѣе увѣрены, — и сдѣлать даже баллотировку *закрытою*, чтобы никто изъ колеблющихся и робкихъ, обѣщавшихъ имъ содѣйствіе, и привлеченныхъ на ихъ сторону главнымъ образомъ при помощи женщинъ и духовниковъ, не убоился въ послѣднюю минуту скомпрометировать себя въ случаѣ неудачи. Планъ правительства, напротивъ того, заключался въ томъ, чтобы затануть пренія на столько, чтобы къ воскресенію не было еще никакихъ положительныхъ результатовъ, и чтобы въ теченіи этихъ сорока восьми часовъ обработать, какъ слѣдуетъ, маленькія группы и отдѣльныхъ личностей, постоянно колеблющихся между консервативною республикою и конституціонною монархіею.

Президентъ Бюффе уже готовился закрыть засѣданіе, когда на трибунѣ явился министръ народнаго просвѣщенія, держа въ рукахъ посланіе, которымъ президентъ республики возвыщаетъ, что онъ намѣренъ принять участіе въ преніяхъ, «*используясь такимъ образомъ правомъ, предоставляемымъ ему закономъ, и которое давалъ бы просто разсудокъ, если-бы не существовало особый законъ*». Это нападеніе на китайскія церемоніи конституція тридцати вызываетъ смѣхъ лѣвой стороны и приводитъ въ негодованіе правую.

Пылкій Рауль Дюваль требуетъ, чтобы Тьеръ говорилъ въ этотъ-же день.

Тьеръ встаетъ, но можетъ произнести только одно слово:

— Я требую...

Вся правая сторона восклицаетъ:

— Законъ! законъ!

Вице-президентъ совѣта министровъ Дюфоръ принужденъ объявить, что президентъ республики проситъ отложить до слѣдующаго дня специальное засѣданіе, которое по закону 13 марта, должно быть исключительно посвящено выслушанію его рѣчи. Послѣ этого еще долго раздается ропотъ на скамьяхъ монархистовъ, но наконецъ, послѣ преній и голосованій, постановляется,

что засѣданіе будетъ открыто на другой день въ девять часовъ утра.

Тьеръ едва могъ въ одну ночь приготовить свою рѣчь. Ему было невозможно заняться využívаніемъ голосовъ, единственному заватію его враговъ, рѣшившихся не говорить, а дѣйствовать. Ночь была, какъ нельзя лучше употреблена заговорщиками на укрѣпленіе коалиціи. Тѣмъ не менѣе не могли придти ни въ какому результату, кромѣ необходимости низверженія правительства, безъ всякихъ примиреній съ «великимъ человѣкомъ», какъ называли съ ироніею Тьера, какіе бы авансы онъ ни дѣлалъ великой консервативной партіи.

Большая часть легитимистовъ и всѣ 28 бонапартистовъ ни за что не допускали мысли о штатгалтерствѣ герцога Омальскаго; триумвиратъ казался многимъ неосуществимымъ, а крайняя старость и кокетство генерала Шангарнье очень ужъ близко подходило къ смѣшному. Однимъ словомъ утро наступило, а между тѣмъ заговорщики еще не согласилась на счетъ того, что будетъ *послѣ*.

Въ группахъ лѣвой стороны не сомнѣвались въ томъ, что Тьеръ восторжествуетъ. Приняли только предосторожности на случай, если-бы вздумали предложить закрытую баллотировку; чтобы обезчестить авторовъ подобнаго предложенія республиканская лѣвая сторона приняла мотивированное постановленіе. Легкомысліе и увѣренность лѣвой стороны дошли до того, что она не позаботилась даже приготовить средней переходъ къ очереднымъ дѣламъ между принятіемъ запроса и отверженіемъ его простымъ, немотивированнымъ переходомъ!

СХХІІ.

Пораженіе Тьера.

Въ субботу 24 мая въ половинѣ десятаго утра Тьеръ взошелъ на трибуну. Онъ занималъ ее въ теченіи почти двухъ часовъ, при чемъ не произошло ни одного перерыва. При первомъ восклицаніи одного изъ сорванцевъ роялистской и папистской партіи де-Лоржерья, ловкій президентъ Вюффе, съ закономъ комисіи тридцати въ рукахъ, торжественно произнесъ.

— Я напоминаю, что одинъ президентъ республики имѣетъ право говорить въ это засѣданіе, и что, слѣдовательно, всякій перерывъ будетъ не только нарушеніемъ порядка, но и незаконностью.

Правая сторона и самъ Лоржеррь разразились рукоплесканіями. Заговорщики поняли всю важность церемоніала, предписаннаго комисіею тридцати: Тьеръ истинный ораторъ; поэтому онъ нуждается, чтобы поддерживали его страстностію, возбуждали его остроуміе. Отнять у него перерывы, отъ которыхъ только

усиливалось его краснорѣчіе, значило лишить его властности, отнять половину его силъ.

Перечитывая длинную рѣчь 24-го мая, и зная послѣдовавшую за нею неудачу, находишь ее слишкомъ живою; но тѣмъ, которые слышали ее съ трибуны, она иногда казалась черезъ-чуръ мягкой, такъ слабъ былъ голосъ и такъ *добродушенъ* тонъ, которымъ она произносилась. Ораторъ не сказалъ ни одного рѣзкаго слова, не сдѣлалъ ни одного рѣзкаго жеста. Казалось, что самый буржуазный изъ отцевъ семейства давалъ урокъ своимъ дѣтямъ и излагалъ имъ подробный отчетъ управленія ихъ дѣлами.

Впрочемъ, въ началѣ рѣчи нѣтъ недостатка даже въ извѣстнаго рода величіи:

— Если кто-нибудь долженъ дать объясненія собранію и странѣ относительно политики, которую вчера здѣсь такъ чернили, то, конечно, я!.. Я не одинъ отвѣтственъ... но если кто-нибудь виновенъ въ чемъ-нибудь, то это я... Я не боюсь этой отвѣтственности передъ вами, страной и Европою... Я главный виновникъ; я объявляю это вамъ здѣсь съ гордостью чистой совѣсти и преданнаго своей странѣ гражданина.

Онъ воздерживается отъ развитія этого мнѣнія, что было бы болѣе благоприятно и болѣе патриотично обождать *пять недѣль*. потому что, — утверждаетъ онъ, — черезъ пять недѣль чужеземецъ оставитъ нашу территорію».

Правая сторона улыбается; лѣвая-же дѣлаетъ безтактность, не придавъ этому заявленію того значенія, какое оно вполне заслуживало. Быть можетъ, достаточно бы было нападенія на *бѣлую коммуны*, желающую низвергнуть правительство и возбудить междоусобную войну въ присутствіи непріателя, по призыву *коммунъ красной*, для того, чтобы пристыдить нѣсколькихъ патриотовъ, заблудившихся въ правомъ центрѣ.

Терьъ приводитъ исторію своей власти. Онъ не искалъ ее; принявъ ее при самомъ трудномъ положеніи въ нашей исторіи, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на бремя, и во все время пользованія ею онъ переносилъ всевозможныя непріятности и огорченія. Двойственная политика, которую осмѣливаются ему ставить въ упрекъ, не выбрана имъ, а предписана была обстоятельствами и онъ не считаетъ, чтобы была возможна другая при пережитыхъ обстоятельствахъ. Онъ напоминаетъ, въ какомъ положеніи находилась страна между нашествіемъ съ сѣвера и федералистскими лигами на югъ. Онъ указываетъ на то, что эта разъединенность не прекратилась и въ палатѣ, «гдѣ соотношеніе между партіями не вполне соответствуетъ соотношенію, существующему въ странѣ». Каждый разъ, какъ затрогивается вопросъ о республикѣ или монархіи, собраніе раздѣляется на двѣ почти равныя части. Монархисты раздѣляются на приверженцевъ трехъ монархій, противоположная-же сторона также видитъ впереди двѣ республики, но если въ высшихъ классахъ республика ви-

зываетъ недоувѣрие и даже отвращеніе, *«въ массахъ она имѣеть за себя громадное большинство»*. Когда на это справа послышались протесты, онъ прибавилъ:

— Да, не колеблясь, повторю: *большинство въ странѣ за республику!*

Поставленный между тремя монархіями и двумя республиками, развѣ онъ могъ составить правительство одной какой-нибудь партіи? Онъ составилъ одно, неумолимое къ безпорядку, а по восстановленіи порядка «спокойное, безпристрастное, примирительное». Обращаясь къ де-Брольи, онъ воскликнулъ:

— Это не двуличное правительство, а правительство просвѣщенныхъ людей, а еслибы вы составили правительство партіи, будьте увѣрены, что общественное спокойствіе продолжилось бы не долго. Смотрите съ презрѣніемъ, даже съ пренебреженіемъ на эту политику... Я не боюсь высокоувѣрія людей... Гораздо легче идти за партію, чѣмъ наводить ее на путь. Презирайте эту политику, я жалѣю о тѣхъ, которые не умѣютъ поддерживать ее, и не въ состояніи ее поддержать.

Тѣмъ, которые «сделаютъ забыть прошлое или игнорировать его», онъ напоминаетъ тройную обязанность, подавлявшую его: заключить миръ, реорганизовать страну, освободить территорію. Неужели его станутъ обвинять въ томъ, что онъ сохранилъ республику!

— Еслибы я,—сказалъ онъ,—тайно поддерживалъ монархію, то такъ-какъ нельзя призвать на тронъ три династіи, я бы не могъ служить одной, не измѣнивъ двумъ прочимъ!

Нападають на него за любезности по отношенію къ радикализму, потому что во время междоусобной войны онъ выслушивалъ тѣхъ, которые предлагали ему компромиссы. Но развѣ онъ не былъ приведенъ въ негодованіе поставленнымъ ему условіемъ, «чтобы армія не возвращалась въ Парижъ»? И развѣ для того, чтобы ввести въ Парижъ армію онъ «не подавилъ—и надолго—отвратительныхъ крамольниковъ», въ покровительствѣ которыхъ его хотятъ обвинить? Нѣкоторые со смѣхомъ говорить:

— Вы платите контрибуцію,—хороша заслуга! вы берете деньги изъ нашихъ-же кармановъ!

Но для того, чтобы получить ихъ изъ кармановъ-то, развѣ не нужно было внушить къ себѣ довѣрія? И развѣ нѣтъ заслуги въ томъ, что, въ то время, какъ повсюду мы видимъ финансовыя кривисы, Франція, уплативъ такія громадныя суммы, удивляетъ міръ правильностью своихъ платежей?

— Мы уплатили четыре миллиарда... Уплата пятого начнется черезъ недѣлю... Фонды готовы къ первому іюня, обезпечены къ первому іюля, къ первому августа и первому сентября; и я надѣюсь, что благоразуміе, которое, если его и нѣтъ въ словахъ, по крайней мѣрѣ, найдется въ дѣйствіяхъ, и что ничто

не явится препятствіемъ къ окончательному очищенію нашей страны.

Эти объясненія, которыя собственно должны были бы привести палату въ восторгъ, вызвали только нѣсколько «очень хорошо!» слѣва. Другая же половина собранія все время хранила сардоническое молчаніе. Было дано обязательство не выказывать проклятому «маленькому буржуа» ни малѣйшаго одобренія или признательности. Со стороны роялистовъ, которые обязаны одному ему своимъ спасеніемъ отъ народнаго гнѣва и своею численною силою, которою они злоупотребляютъ противъ него,—это было просто чудовишно.

Тьеръ довольно долго останавливается на упрекъ, сдѣланномъ его противниками, которые, не имѣя предлога жаловаться на матеріальный порядокъ, обвиняютъ его въ томъ, что онъ не возстановилъ еще *порядокъ промышленный*.

— А между тѣмъ,—воскликаетъ онъ:—именно тѣ, которые жаждутся на это, главнымъ образомъ и возмущаютъ его... И гдѣ-же таится безпорядокъ, какъ не въ раздѣленіи собранія на монархистовъ и республиканцевъ?... Напрасно станете вы говорить, какъ вчера: «мы не монархисты, мы консерваторы!...» вамъ не повѣрять!

При этихъ словахъ лѣвая сторона и лѣвый центръ раздражаются рукоплесканіями; сенскій префектъ Кальмонъ, присутствующій въ засѣданіи, стоя за г-жою Тьеръ, также не удерживается и кричитъ: браво! Члены правой стороны тотчасъ-же обращаютъ на это вниманіе:

— Въ ложѣ президента аплодировали... велите очистить трибуну президента республики!

Бюффе встаетъ и важно объявляетъ, что прикажетъ очистить трибуны, въ которыхъ будетъ произведена кака-бы то ни была манифестация.

Ораторъ съ мягкостью, переходящею въ нѣжность, старается объяснить монархистамъ, все еще не могущимъ реставрировать какую-бы то ни было монархію, что и имъ необходимо на что нибудь рѣшиться. Онъ неопровержимо доказываетъ, что постоянное сохраненіе временнаго порядка дѣлаетъ управленіе невозможнымъ, и что постоянныя пренія о лучшей формѣ правленія или о лучшей династіи только разгорачиваютъ страсти и производятъ нравственный безпорядокъ.

— Знаете-ли вы, сказалъ онъ:—въ чемъ убѣдили меня, меня,—старого приверженца монархіи, всѣ наблюденія за общимъ ходомъ вещей въ цивилизованномъ мірѣ? Въ томъ, что нынѣ для васъ, для меня, практически, *монархія абсолютно невозможна*... Существуетъ только одинъ тронъ и занимать его нельзя втроемъ!...

Тьеръ не настаиваетъ на своемъ новомъ министерствѣ, которое не имѣетъ другихъ заслугъ, кромѣ того, что составлено изъ людей, такъ-же какъ и онъ, составившихъ себѣ тверды,

опредѣленныя убѣжденія, изъ лицъ, вполне достойныхъ уваженія. Онъ указываетъ на то, что всѣ его предложенія, высказанныя въ посланіи 13 ноября, пройдя черезъ комиссіи пятнадцати и тридцати, наконецъ были приняты собраніемъ, которое поручило правительству составленіе конституціонныхъ законодательствъ. Онъ разъясняетъ съ самой консервативной точки зрѣнія смыслъ и значеніе этихъ законовъ. Онъ приводитъ видимо въ ярость роялистскую аудиторію, признавшись, что бывши противникомъ всеобщей подачи голосовъ, потребованной при Людовикѣ-Филиппѣ легитимстами и, бывши однимъ изъ авторовъ закона 31 мая, онъ признаетъ, что въ настоящее время «было-бы крайнею степенью неблагоразумія даже подумать объ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ».

Его консервативная политика, единственная, которую онъ признаетъ истинною и практическою, состоитъ въ томъ, чтобы стать между тѣми, которые хотятъ сохранить учредительныя права нынѣшняго собранія, которыми оно не пользуется, ожидая чтобы Провидѣніе увѣнчало ихъ монархическія надежды, и тѣми, которые требуютъ созванія учредительнаго собранія въ надеждѣ, что оно создастъ предпочитаемую ими республику. Даже въ выборахъ, которые такъ напугали его противниковъ, — «и которые и на него не всѣ произвели благопріятное впечатлѣніе», — онъ видитъ новое доказательство своего тезиса объ опасностяхъ неизвѣстности, въ которой держится страна: выбирать извѣстныхъ кандидатовъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были-бы отвергнуты, только потому, что считаютъ ихъ составившими себѣ опредѣленное убѣжденіе на счетъ республики... Когда главный вопросъ будетъ рѣшенъ, останется только выбрать между тѣми, которые хотятъ порядка, и тѣми, которые хотятъ безпорядка... и выборы будутъ хороши. Я придерживаюсь того правила, что *все слѣдуетъ считать серьезнымъ, но ничего трагическимъ*.

Одна часть собранія такъ твердо рѣшилась ничего не слушать, а другая была такъ поражена тѣмъ, что президентская рѣчь не производитъ никакого впечатлѣнія на прежнее большинство, что это необыкновенно глубокое по мысли мѣсто прошло почти незамѣченнымъ.

Думали, что Тьеръ, который нисколько не казался уставшимъ, начнетъ резюмировать нынѣшнее положеніе вещей и изложить свои взгляды на будущее. Внезапно онъ рѣзко нападаетъ на тѣхъ, которые не хотятъ вмѣстѣ съ нимъ идти по законному пути консервативной республики; онъ доказываетъ имъ, что они стремятся къ пропасти, изъ которой только одна выходъ — насиліе, диктатура.

— Но развѣ диктатура спасла васъ? Вы предоставили ей рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ страну; что-же она сдѣлала? Въ 1815 году страна пала со славою; а какъ она пала въ 1870 году? Диктатура великихъ людей губила васъ;

диктатура мелкихъ людшекъ губить васъ точно также, но съ меньшею славою.

Наконецъ,—и только здѣсь онъ выказалъ раздраженіе, возбужденное ледянымъ молчаніемъ половины собранія,—онъ ударилъ по мрамору трибуны своими маленькими кулачками и бросилъ взглядъ на первыя скамьи праваго центра, воскликнувъ:

— Намъ сказали съ состраданіемъ, которымъ я былъ очень тронуть, что жалѣють о нашей судьбѣ, что мы станемъ подъ покровительство, кого-же? радикализма! Мнѣ лично предсказывали печальный конецъ... Сказали, что кромѣ несчастнаго конца неприятно еще будетъ сдѣлаться смѣшными... Благодарю оратора за его сочувствіе. Пусть-же и онъ позволитъ мнѣ отблагодарить его и сказать, что я я его жалѣю. *Большинства у него не будетъ, какъ не было и у насъ*; но и онъ станетъ подъ покровительство, подъ покровительство такого покровителя, отъ котораго съ отвращеніемъ отвернулся бы покойный герцогъ де-Брольи,—*подъ покровительство имперіи.*

Тройной взрывъ рукоплесканій раздается слѣва. Всѣ взоры обращаются къ нынѣшнему герцогу Брольи, которому дѣйствительно улыбается Руэръ. Видимая ярость овладѣла всею монархическою коалиціею, обезчещенную однимъ разомъ. Но лозунгъ: «молчаніе!» былъ выдержанъ до послѣдней минуты. Тьеръ сошелъ съ трибуны и вышелъ изъ залы, не испытавъ удовольствія слышать за собою волненіе, которое дѣйствительно разстроило-бы іезуитскія комбинаціи его враговъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи,—на которомъ, по закону тридцати, ему было запрещено присутствовать изъ опасенія, чтобы онъ однимъ своимъ удачнымъ возраженіемъ, на которыя онъ такой мастеръ, не составилъ себѣ въ послѣднюю минуту передъ голосованіемъ большинства, — засѣданія, открытому въ тотъ-же день въ два часа пополудни, новый министръ внутреннихъ дѣлъ Казиміръ Перье попробовалъ замѣнить собою отсутствіе президента и объяснить свое вступленіе въ кабинетъ. Онъ сдѣлалъ это, къ несчастію, безъ краснорѣчія, какъ обыкновенный честный человекъ, думающій убѣдить своихъ слушателей простымъ чистосердечнымъ изложеніемъ вполне справедливыхъ мыслей.

Ни одинъ изъ заговорщиковъ не сталъ возражать Перье, Дюфору и Тьеру. По окончаніи преній, Эрнуль, ученикъ и протеже монсиньора Пія де-Пуатье, сотрудникъ монсиньора Дюпанлу въ проектѣ народнаго затемнѣнія, іезуитскій адвокатъ, главнымъ образомъ, представляетъ слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ:

«Национальное собраніе, принимая во вниманіе, что вопросъ о формѣ правленія не составляетъ предмета настоящихъ преній, что національное собраніе связано конституціонными законами, составленными согласно одному изъ его постановленій, и которое оно должно рассмотретьъ, но что огниѣ же очень

важно успокоить страну, *принятиемъ исключительно консерва- тивной политики, сожалеть о томъ, что сдѣланныя недавно перемѣны въ министерствѣ не дадутъ консервативнымъ интере- самъ удовлетворенія, на которое они въ правѣ были рассчиты- вать*, и переходить къ очереднымъ дѣламъ».

«Лѣвая сторона, кажется, не поняла всю мерзость этой ре- дакціи, имѣющей въ виду въ каждой своей отдѣльной части заслужить одобреніе одной изъ коализированныхъ группъ. Она замѣтила только виѣшнюю ея наивность и встрѣтила чтеніе этого перехода не крикомъ негодованія, а взрывами хохота.

Вдругъ нѣкій Тарже, одинъ изъ куртизановъ президентства, членъ группы республиканскихъ консерваторовъ, предводитель- ствующей Казиміромъ Перье,—но также и зять Бюффе,—появ- ляется на трибунѣ и дѣлаетъ заявленіе отъ имени себя и че- тырнадцать своихъ политическыхъ друзей. Это заявленіе лица, предложившаго въ Бордо низверженіе императорской династіи, возвѣщаетъ, что названные пятнадцать депутатовъ, отъ имени которыхъ онъ говоритъ, подадутъ голосъ за переходъ къ оче- реднымъ дѣламъ Эрнуля, «хотя они и рѣшились принять рес- публиканскую форму правленія въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ конституціонныхъ законахъ, представленныхъ пра- вительствомъ, и положить конецъ временному порядку, компро- метирующему матеріальный порядокъ страны».

Не понимая всей жестокости и важности этой новой каверзы объ лѣвыхъ продолжатъ смѣяться. Но веселость ихъ представ- ляетъ уже рѣзкій контрастъ съ мрачнымъ видомъ лѣваго цент- ра и министровъ, начинавшихъ чувствовать, что большинство, на которое они рассчитывали, начинаетъ отъ нихъ ускользать.

Привлеченный на сторону заговора, вѣроятно, по глупости, а если считать его дѣйствовавшимъ въ здоровомъ умѣ и твер- дой памяти, то значить подкупленный коалиціею, парижскій адвокатъ де-Норманди начинаетъ объяснять, что нѣкоторые чле- ны его группы, стоящей на границѣ двухъ фракцій лѣваго цент- ра присоединились бы, можетъ быть, къ запросу, еслибы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ низверженіе правительства не ка- залось имъ могущимъ повлечь за собою самыя пагубныя по- слѣдствія.

Это вызываетъ со стороны Тарже перерывъ, направленный на то, чтобы довести путаницу до крайнихъ предѣловъ:

— Побѣда, которой мы добиваемся, есть утвержденіе респуб- лики съ *Тьеромъ!*

Правая сторона, сначала не дававшая оратору завязать снова уже закрытныя пренія, послѣ этого побуждаетъ его говорить. Дѣй- ствительно, онъ приносить ей свою долю пользы, объясняя, что онъ, подавая голосъ за простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, имѣетъ въ виду только испытать новую администра- цію, и въ самый короткій срокъ обратиться виѣсть съ тѣми,

которые, какъ онъ, теперь довѣряютъ ей, противъ нея, если самыя широкія гарантіи не будутъ даны консерваторамъ.

Виконтъ д'Абовиля встаетъ на трибуну и передаетъ Бюффе подписанный листъ, который президентъ собирается прочесть.

— Нѣтъ! нѣтъ! кричатъ вожаки:—не нужно секретной баллотировки!

— Имена тѣхъ, которые ее требуютъ, возражаютъ слѣва.

За исключеніемъ д'Абовиля всѣ подписавшіе спѣшатъ взять назадъ свое предложеніе, и хитрецъ Бюффе, вмѣсто того, чтобы говорить о происшествіи, которымъ бы Грени не преминулъ воспользоваться для спасенія правительства, объявляетъ, что три группы депутатовъ требуютъ простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Дюфоръ заявляетъ, что правительство принимаетъ его, протестуя противъ комментарій, сдѣланныхъ де-Норманди, что еще болѣе укрѣпляетъ рѣшимость четырнадцати послѣдователей Тарже.

Наконецъ, переходятъ къ голосованію, въ результатѣ котораго оказывается: на 710, подававшихъ голосъ, 348 голосовъ *за* и 362 *противъ*. Противъ правительства оказывается большинство въ *14 голосовъ!*

Находятся еще наивные люди, принадлежащіе къ окраинамъ лѣваго центра, думающіе, что еще можно спасти, по крайней мѣрѣ, Тьера. Бросе и Антоневъ Лефевръ-Понталисъ представляютъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, мотивированный въ томъ смыслѣ, «что собраніе, довѣряя заявленіямъ правительства, ожидаетъ отъ него чисто консервативной политики». Но первенство дается переходу Эрнула.

Крайняя лѣвая дѣлаетъ послѣднюю полу-попытку, предлагая публичную подачу голосовъ съ трибуны. Послѣ того, какъ двѣ попытки рѣшить этотъ вопросъ вставаніемъ и сидѣніемъ оказались неудачными, пришлось прибѣгнуть въ баллотировкѣ этого предложенія, которое и было отвергнуто большинствомъ 366 голосовъ противъ 342. Окончательное голосованіе дало: на 704 депутата, подававшихъ голосъ 360 голосовъ *за* и 344 голоса *противъ!*

Послѣ этого оставалось ужъ только переимѣнить правительство. Это и было прямо высказано Бараньономъ, предложившимъ тотчасъ-же рѣшить это дѣло. Напрасно этому грому правой стороны старается отвѣтить громъ лѣвой, — Эмиляноэль Араго. Среди неописаннаго волненія побѣдители рѣшаютъ, что не зачѣмъ ждать до понедѣльника, какъ того желали побѣжденные, и что дѣло объ отставкѣ, которую не преминетъ подать правительство, будетъ рѣшено въ тотъ-же день въ ночномъ засѣданіи. Въ шесть часовъ засѣданіе закрывается, чтобы снова открыться въ восемь.

СХХІІІ.

МАКЪ-МАГОНЪ ПРЕЗИДЕНТЪ.

Въ промежутокъ между двумя дневными засѣданіями и во время часовъ, потерянныхъ на вычисленіе трехъ баллотировокъ, заговорщики старались придти къ соглашенію относительно имени, о которомъ во время сраженія было условлено не говорить. Правый центръ предложилъ другимъ группамъ избрать въ преемники Тьеру герцога Омальскаго. Но герцогъ собралъ всего 223 обѣщанія подать за него голосъ, а партія непосредственнаго обращенія къ народу прямо объявила, что если орлеанизмъ станетъ выдвигаться впередъ, бонапартисты оставятъ коалицію. Легитимисты приняли бы Шангарнье, но не одного, а чтобы при немъ былъ еще членъ ихъ партіи и имперіалистъ. Но невозможно было примирить между собою триумвировъ и приобрести въ ихъ пользу голоса всѣхъ коализированныхъ. Тьеру оставалось одно средство спасти отъ паденія, по крайней мѣрѣ, самого себя: воспользоваться замѣшательствомъ своихъ враговъ и предложить одному изъ нихъ, де-Гуляру составленіе кабинета изъ большинства.

Тотчасъ-же послѣ принятія перехода Эрнуля комитетъ шести послалъ Дарю къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, который обѣщалъ отклонить всѣ предложенія Тьера. Въ собраніи бюро пяти группъ правой стороны, подъ предсѣдательствомъ генерала Шангарнье, Бараньонъ, извинившись предъ послѣднимъ, выдвинулъ впередъ имя Макъ-Магона, въ качествѣ *временнаго* президента.

— *Окончательно*, прервалъ Шангарнье, который, зная, что самъ онъ невозможенъ, пользуется случаемъ для того, чтобы противопоставить фактъ знаменитой остротѣ «маленькаго буржуа» на счетъ его «старческаго самолюбія».

Герцогъ Омальскій принужденъ былъ выказать величіе своей герцогской души: онъ явился горячимъ приверженцемъ маршала.

Бонапартисты не сдѣлали ни малѣйшаго возраженія, напротивъ того. Такимъ образомъ согласіе установилось.

Значить-ли это, что кандидатура Макъ-Магона явилась случайно, какъ бы чудомъ, между четырьмя и пятью часами вечера? Нѣтъ, и раньше были попытки узнать мнѣніе на этотъ счетъ главнокомандующаго версальской арміи, и читатель, вѣроятно, помнитъ, что въ прошломъ году во время предварительной интриги, такъ-называемыхъ медвѣжьихъ шапокъ, Макъ-Магону были уже дѣлаемы предложенія въ этомъ-же родѣ, на которыя онъ отвѣчалъ отказомъ. Впрочемъ, тогда очищеніе территоріи еще не было обезпечено, и самъ Тьеръ не былъ

такъ слабъ, чтобы его можно было низвергнуть случайномъ баллотировкою.

Между тѣмъ депутатъ Тиллангуръ успѣшилъ сообщить Тьеру результатъ перваго голосованія.

— Четырнадцать голосовъ! сказалъ онъ.

— Я считалъ, что будетъ больше, штуць тридцаты!

— Но это не *за*, а *противъ*!

«Маленькій буржуа» нѣсколько секундъ былъ пораженъ этою новостью, но затѣмъ взялъ листокъ бумаги и телеграфировалъ одной изъ близкихъ къ дому президента, княгинѣ Трубецкой:

«4 часа. 14 голосовъ меньшинства. Вашъ покорный слуга низвергнуть».

Являются Дюфоръ и прочіе министры. Всѣ подаютъ просьбы объ отставкѣ. Вице-президентъ совѣта министровъ намекаетъ на то, что президенту республики слѣдуетъ подумать прежде, чѣмъ подать свою отставку.

— Я буду служить своей странѣ до послѣдняго дня моей жизни и останусь депутатомъ,—отвѣчаетъ Тьеръ.—Здѣсь дѣло шло не о кабинетѣ, а о правительствѣ. Затрунуто мое достоинство. Я удаляюсь вмѣстѣ со своими сотрудниками.

Приходятъ нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны, Эмманюэль Араго, Леонъ де-Мальвиаль, Рикаръ, Кристфоль и пр. Они умоляютъ президента не уступать, по крайней мѣрѣ, своимъ врагамъ, не посылать просьбы объ отставкѣ въ тотъ-же день, а подождать до понедѣльника, такъ какъ они надѣются, что въ сорокъ восемь часовъ монархисты сами падутъ подъ тяжестью власти. Но Тьеръ не раздѣляетъ ихъ иллюзіи и принимается за составленіе своего послѣдняго посланія.

Де-Макъ-Магонъ, котораго посѣтили де-Брольн, Эрнуль и Дарю, не далъ въ этотъ день положительнаго отвѣта. Онъ приходитъ за совѣтомъ къ президенту.

— Я не могу вамъ ничего присовѣтывать,—возражаетъ ему послѣдній.—Въ подобныхъ случаяхъ совѣтуются только со своею совѣстью и дѣйствуютъ по указаніямъ своего патріотизма.

— Господи! продолжаетъ маршалъ:—вотъ что меня смущаетъ: вы начали дѣло очищенія территорій, вы обезпечили его довершеніе. Оставайтесь до окончанія его. Если хотите, я отважусь отъ того, что мнѣ предлагаютъ.

— Послѣ постановленія палаты мнѣ невозможно остаться; я побѣжденъ и удаляюсь.

Въ это время адъютантъ маршала проситъ сказать нѣсколько словъ герцогу Маджентскому. Онъ предупреждаетъ его, что бюро собранія ожидаетъ его.

— Не заставляйте ждать этихъ господъ,—сказалъ, улыбаясь Тьеръ и провелъ маршала до дверей, сказавъ нѣсколько словъ о трудностяхъ и опасностяхъ власти.

Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда, низверг-

нутый президентъ читалъ Тацита, когда князь Орловъ отдалъ ему послѣдній дипломатическій и дружественный визитъ.

Между тѣмъ ночное засѣданіе открылось и палата выслушала словесное заявленіе Дюфора о выходѣ министерства въ отставку, и письмомъ, подписаннымъ «А. Тьеръ, членъ національнаго собранія», было извѣщено объ отставкѣ президента республики.

Не назначивъ даже, какъ того требуетъ регламентъ и пріличія, преній по поводу этой послѣдней отставки, Бюффе читаетъ предложеніе Шангарнье, де-Брольи, Эрнуля и пр. о томъ, чтобы было немедленно приступлено къ избранію преемника президенту. Нѣсколько умѣренныхъ республиканцевъ, Жоржъ, генераль Билльо, Фуберъ и пр. замѣчаютъ, что можетъ быть страна и не принимаетъ отставки, которую парламентское большинство считаетъ повидимому не стоящею даже преній, и что если въ Бордо ждали двадцать четыре часа, прежде чѣмъ высказаться о принятіи отставки Виктора Гюго, то въ Версали слѣдуетъ съ тою-же вѣжливостью обойтись и съ первымъ магистратомъ республики, человекомъ, выкупившимъ отечество, который уже въ теченіи двухъ лѣтъ охраняетъ въ странѣ общественный миръ и пр. Все, чего можетъ добиться лѣвая сторона среди угрозъ призванія въ порядокъ Бюффе и хохота большинства, это—баллотировки принятія или отверженія президентской отставки. Побѣдители, какъ оказалось, получили нѣсколько новыхъ приверженцевъ: принатіе отставки постановляется большинствомъ 362 голосовъ противъ 331.

Въ эту минуту происходитъ неслыханная сцена. Президентъ собранія, одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ удавшемся заговорѣ, начинаетъ, удерживая улыбку, нѣчто въ родѣ подробнаго похвальнаго слова жертвѣ. Лѣвая сторона тогда уже не сдерживаетъ своего негодованія, которое проявляется такъ шумно, что Бюффе не могъ говорить и долженъ-бы былъ надѣть свою шляпу, если бы между заговорщиками не было заранѣе условлено, что слѣдуетъ начатую ими революцію легализировать и довести до конца. Они ограничиваются протестами противъ того, что они называютъ «насиліемъ меньшинства», и угрозами наложенія дисциплинарныхъ взысканій на тѣхъ, кто будетъ выдаваться своимъ шумомъ.

Когда вслѣдствіе усталости установилось наконецъ нѣкоторое спокойствіе, членъ лѣвой стороны Эмиль Леноэль старается напомнить регламентъ и порядокъ, въ которомъ въ Бордо было произведено избраніе Тьера: представленіе предложенія, обсужденіе въ комисіи, обсужденіе доклада, голосованіе.

— Да дѣло идетъ вовсе не объ обсужденіи предложеній, — кричитъ самъ Руэръ: — дѣло идетъ о назначеніи!

Одинъ изъ старѣйшихъ друзей Тьера, легитимистъ Одренъ де-Кердрель, возстаетъ противъ тезиса, выставленнаго Ленозлемъ, приводитъ прецедентъ непосредственнаго замѣщенія Греви,

и такъ какъ нечего измѣнять въ учрежденіи президентства республики, настанываетъ на томъ, чтобы ни на одинъ часъ не отвлачивали замѣщенія другимъ человѣкомъ, отказывавшагося отъ своей должности. Отсюда въ бюро къ часу пополудни другаго дня тутъ-же отвергается. Баллотировка, открытая въ десять часовъ и закрытая въ одиннадцать, показываетъ, что въ голосованіи принимаютъ участіе 392 депутата—двадцатью пятью человѣками больше половины всего національнаго собранія. Воздержались отъ подачи голоса, всѣ республиканцы обѣихъ лѣвыхъ и обѣихъ центровъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ группы Казимира Перье, которые отстали вмѣстѣ съ Тарже, и за исключеніемъ также,—что очень замѣчательно,—самаго стараго изъ пріятелей Гамбетты, его alter-ego, когда тотъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, странно измѣнившагося съ тѣхъ поръ, какъ на его долю выпалъ выигрышъ въ займѣ Морганъ. Неизвѣстно бросилъ-ли онъ бѣлый бюллетень или единственный бюллетень съ именемъ Гревя, но какъ-бы то ни было, такъ какъ маршалъ Макъ-Магонъ, герцогъ Маджентскій получилъ 390 голосовъ, ликующій Бюффе торжественно провозглашаетъ его президентомъ французской республики. Большинство, вскочивъ съ мѣстъ, потрясаетъ залу громомъ рукоплесканій и нѣсколькими криками: «да здравствуетъ Франція». Лѣвая сторона не считаетъ согласнымъ съ своимъ достоинствомъ возражать крикомъ: «да здравствуетъ республика»! Засѣданіе прерывается на полъ часа. Бюро, съ президентомъ собранія во главѣ, спускается съ астрады и предшествуемое двумя приставами торжественно отправляется къ маршалу, чтобы извѣстить его объ избраніи его президентомъ. Эта группа пролагаетъ себѣ путь чрезъ толпу, собравшуюся на Марокскомъ дворѣ, которая, узнавъ что Макъ-Магонъ избранъ президентомъ, что «совершилась месть за 4 сентября», по выраженію одного бонапартиста,—кричитъ: «да здравствуетъ Тьеръ» и «да здравствуетъ республика»!

— Ваше превосходительство! сказалъ президентъ Бюффе, подходя къ маршалу:—вы призваны къ высокому посту президента республики. Мы, члены делегаты бюро національнаго собранія, имѣемъ честь сообщить вамъ объ этомъ избраніи и просить васъ принять его.

Стоя, опираясь лѣвою рукой на свой рабочій столъ, Макъ-Магонъ, сначала сильно взволнованный, нѣсколько секундъ не отвѣчалъ ничего. Затѣмъ онъ воскликнулъ:

— Господа, члены національнаго собранія, я не могу выразить, на сколько я тронутъ выраженіемъ высокаго довѣрія, которымъ почтило меня національное собраніе. Но позвольте мнѣ вамъ сказать: я не политикъ, я солдатъ, а не можетъ-ли это званіе, носить которое я считаю для себя честью, быть нѣкоторыми эксплуатировано?.. Наконецъ, мнѣ было бы тяжело быть преемникомъ Тьеру, съ которымъ я всегда находился въ самыхъ интимныхъ, самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Развѣ нѣтъ

въ средѣ васъ людей достойныхъ, которые бы лучше меня могли исполнить обязанности, сопряженныя съ этимъ высокимъ постомъ,—президентъ Бюффе, напимѣрь, Бенуа д'Ави и многіе другіе? Я, съ своей стороны, могу обѣщать всякому, кто приметъ на себя власть, свою полную преданность. Напротивъ того, то, что называется честью, которою облачаетъ меня Франція, могло бы умалиться, еслибы я стоялъ во главѣ правительства. Я думаю, что я буду гораздо полезнѣе странѣ во главѣ арміи, чѣмъ въ президентствѣ.

Бюффе настаиваетъ:

— Дѣло идетъ о томъ, говорить онъ:—чтобы пеставить во главѣ правительства человека, который бы со славою представлялъ собою во Франціи антагонизмъ противъ анархіи, и который соединялъ бы въ своемъ лицѣ въ гарантіи, необходимая для спасенія общества... Маршалъ, минута торжественна, власть при нынѣшнемъ положеніи дѣла не можетъ оставаться вакантною даже самое короткое время. Представьте себѣ все, что могло бы произойти, еслибы завтра Франція очутилась безъ правительства... Отвѣтственность, падающая на васъ вслѣдствіе отказа отвѣтить ожиданіямъ страны, была бы громадна. Вы не можете отказаться спасти отечество, какъ никогда не колебались жертвовать ей своею кровью, своимъ существованіемъ на полѣ битвы. Завтра, вся Франція, если вы примете въ свои руки ея судьбу, почувствуетъ нравственное облегченіе и ощутитъ къ вамъ признательность, которая далеко оставитъ за собою ту, которую она уже давно питаетъ къ вамъ за ваши заслуги.

Когда и другіе члены бюро въ нѣсколько измѣненной формѣ повторили доводы президента собранія, герцогъ Маджентскій, наконецъ, сказалъ:

— Такъ-какъ вы возлагаете на меня нѣкоторымъ образомъ обязанность общественнаго спасенія, я подчиняюсь волѣ собранія, представляющаго народное самодержавіе, принимая обязанности президента республики. Это тяжелая отвѣтственность, возложенная на мой патриотизмъ. Но съ Божьею помощію, преданностью нашей арміи, которая всегда будетъ арміею закона, и поддержкою всѣхъ честныхъ людей мы будемъ вмѣстѣ продолжать дѣло очищенія территоріи и возстановленія нравственнаго порядка въ странѣ. Мы сохранимъ внутренний миръ, и основы, на которыхъ зиждется общество. Даю вамъ въ этомъ слово честнаго человѣка и солдата!

Вновь занявъ свое кресло къ половинѣ двѣнадцатаго, Бюффе представилъ вкратцѣ отчетъ о свиданіи, главныя подробности котораго я только что изложилъ. Восторгъ торжествующаго большинства выражается въ крикахъ: «да здравствуетъ Франція!» на что одинъ голосъ изъ лѣвой стороны возражаетъ: «да здравствуетъ республика!» И, наконецъ, въ пятьдесятъ минутъ двѣнадцатаго ночи закрывается одно изъ важнѣйшихъ въ нашихъ парламентскихъ лѣтописяхъ засѣданій.

СХХІV.

Правительство вѣрвь.

Когда депутаты возвратились въ Парижъ, имъ пришлось проѣзжать между шпалерами войскъ, занявшихъ вокзалъ Сентъ-Лазаръ и оттѣснявшихъ за Гаврскую площадь безпкойную толпу, въ которой не раздался ни разу крикъ: «да здравствуетъ Макъ-Магонъ!» Большіе внутренніе бульвары отъ *Chaussée d'Antin* до улицы *Poissonnière* были наполнены сотнями тысячъ прогуливавшихся, оспаривавшихъ другъ у друга газеты, сообщавшихъ одинъ другому новости и впечатлѣнія.

Только въ часъ ночи толпа узнала о назначеніи маршала президента и достовѣрность возстановленія новаго *voies* режима тотчасъ-же подтвердилась появленіемъ эскадрона драгунъ, а затѣмъ кирасировъ, потрясавшихъ воздухъ бульвара тяжелою рысью своихъ лошадей и грохотомъ оружія. Достаточно было бы, чтобы кто-нибудь бросилъ въ этихъ кавалеристовъ апельсиномъ, чтобы вызвать съ ихъ стороны атаку, послѣ которой послѣдовали бы со стороны обезпачившихъ гражданъ поинтики устроить баррикады, а затѣмъ рѣзня, которая, какъ слѣдуетъ истолкованная, могла бы послужить предлогомъ къ массѣ проскрипцій, ссылки, а не то такъ и къ митральезамъ. Къ счастью, префектомъ полиціи въ настоящее время состоитъ не какой-нибудь Піетри; префектъ Леонъ Рено — орлеанецъ, но онъ еще со времени своей либеральной юности сохранилъ ненависть къ имперіи и всѣмъ ея агентамъ. Этому только мы обязаны тѣмъ, что версальскій *coup d'état* снова не обогрѣлъ Парижъ кровью.

Съ шести часовъ курьеры, и всю ночь телеграфъ разносили по департаментамъ прокламацію республиканской уніи, въ которой пятьдесятъ радикальныхъ депутатовъ умоляютъ своихъ гражданъ «избѣгать всего, чтобы могло увеличить общественное волненіе», и требуютъ, чтобы они сохраняли «спокойствіе силъ» спасенія Франціи и республики.

На другой день стѣны улицъ были покрыты афишами, въ которыхъ новый президентъ республики, объявлялъ:

— Не будетъ произведено никакихъ измѣненій въ существующихъ законахъ и учрежденіяхъ.

Тогда демократическая пресса, желая предупредить взрывъ народнаго негодованія, который могъ-бы быть очень опасенъ на іюнь, а также и избѣжать самой немедленнаго примѣненія всѣхъ строгостей осаднаго положенія, успѣшила принять основаніемъ своей полемики слѣдующее разсужденіе:

— Республика существуетъ. Она признана маршаломъ Макъ-Магономъ и обезпечена его словомъ честнаго человѣка и сол-

дата. Вчерашнее большинство может завтра сдѣлаться меньшинствомъ. На всѣ вызовы къ насилию народъ имѣетъ одно средство отвѣтить. Средство это — всеобщая подача голосовъ. Большинство страны такъ ясно высказывалось за республику, что побѣдоносная коалиція трехъ монархическихъ партій не осмѣлилась ее уничтожить.

Въ этомъ концертѣ *легализации* переворота, произведеннаго версальскимъ большинствомъ, раздался только одинъ, не революціонный, но логическій протестъ въ газетѣ „Progrès du Lion“, за что она была привлечена къ суду за нападеніе на національное собраніе и возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству, и была запрещена розничная продажа ея. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ печать не подверглась «карамъ». Вообще неподвижность массъ сдѣлала бы всякую *военную* дѣятельность необъяснимой.

Въ нашей исторіи это первый случай перемѣны правительства безъ пролитія крови.

Республиканцы гордятся этимъ, какъ доказательствомъ превосходства демократическаго режима, обусловливающаго возможность мирнаго замѣщенія одного главы государства другимъ. Бонапартисты приходятъ въ ярость. Не чувствуя себя отъ радости, что, благодаря значенію ихъ 28 голосовъ при большинствѣ въ 14 и 16, они снова стали партіей, они начинаютъ вѣрить въ то, что все сдѣлано исключительно ими, и что, допущенные къ дѣлежу добычи, они должны отнынѣ всѣмъ заправлять и руководствовать. Газеты ихъ „Pays“, „Ordre“, „Gaulois“, которыми вторятъ „Figaro“, „Patrie“ и пр., побуждаютъ правительство борьбы къ истребленію и республики, и республиканцевъ. Ихъ бессмысленная ярость и дикіе вопли отвращаютъ отъ нихъ многихъ изъ тѣхъ, которые пользовались ими, какъ оружіемъ во время битвы 24 мая.

Герцогъ д'Одиффре-Пакье, не попавшій въ министерство, сталъ президентомъ праваго центра и вновь высказываетъ свой прежній анти-империализмъ, угрожая, при первомъ-же выраженіи грубой реакціи, никому не уступить защиты законовъ и свободы!

Полная организація министерства борьбы заняла цѣлую недѣлю, такъ какъ три партіи, соединившіяся противъ республики, старались каждая захватить, какъ можно большее число портфелей.

Однимъ Манемъ, попавшимъ въ министры финансовъ, бонапартисты не довольствовались; они требовали еще военное министерство и сверхъ того, начальство парижскою арміею, сенскую и полицейскую префектуру, однимъ словомъ все, что нужно для произведенія переворота, какъ только заблагоразсудится. Маршалъ Макъ-Магонъ не нашелъ достаточныхъ основаній, или, быть можетъ, оказался на столько независимымъ, чтобы содѣйствовать притязаніямъ партіи своего бывшаго повелителя.

де-Бролья, со втораго же дня своего вступленія въ должность, почти возмутился противъ своихъ *покровителей*.

Первый кабинетъ втораго президента третьей французской республики не заключаетъ въ себѣ, конечно, ни одбого республиканца. Вице-президентъ совѣта министровъ, онъ-же министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Альберъ де-Бролья — орлеанистъ-клерикалъ изъ, такъ называемыхъ, либераловъ; своимъ вступленіемъ въ высшую администрацію онъ обязанъ знаменитости своего отца, вліаніемъ которой онъ уже нѣсколько разъ злоупотреблялъ, и Тьеру, котораго онъ назвергнулъ. Пьерро-Десселинни, получившій портфель публичныхъ работъ, — зять Шнейдера, бывшаго президента законодательнаго корпуса, — этого достаточно для того, чтобы составить себѣ понятие о немъ, хотя онъ и принадлежалъ къ лѣвому центру и участвовалъ въ маневрѣ Тарже.

Легитимисту и клерикалу чистѣйшей воды де-ла-Бульери выпало на долю министерство торговли и земледѣлія. Народное просвѣщеніе, исповѣданія и искусства получалъ колоссальный предвѣстникъ правительства борьбы Батби (Ансальмъ-Полнкернъ), демагогъ 1848 года, социалистъ пятидесятихъ годовъ и легитимистъ семидесятихъ.

Имперіалистъ Манъ управляетъ финансами.

Военное министерство въ концѣ концовъ было дано артиллеристу, которыхъ вообще, видно, надо побольше, генералу Карлу Барайлю, командующему третьимъ корпусомъ версальской арміи, который будетъ стоять на высотѣ своего поста только благодаря начальнику штаба Барелю, постоянному интимному совѣтнику Магъ-Магона, съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ сталъ занимать высшія должности. Не знаю, имѣеть-ли Барайль какія-нибудь политическія убѣжденія; бонапартисты недовольны его назначеніемъ.

Морской министръ, вице-адмиралъ Домпьерръ-Гормуа, орлеанистъ и клерикалъ.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ человекъ, который лучше всего могъ-бы быть министромъ народнаго просвѣщенія, археологъ и подражатель Тациту г. Бале, нашедшій средство писать памфлеты противъ Августа и Тиверія и въ то-же время пользоваться милостями Наполеона III, теперь-же неизвѣстно, какъ обратившійся въ клерикала, приверженца «слиянія».

Хранителемъ печати и министромъ юстиціи является клерикалъ клерикаловъ Эрнулъ, адвокатъ по ремеслу и іезуитъ по призванію.

И такъ у насъ бонапарто-орлеанистско-легитимистское правительство, въ саблѣ, шпорахъ и рясѣ. Оно засвидѣтельствовало себя предъ палатой въ засѣданіи 26-го мая посланіемъ, въ которомъ маршалъ Магъ-Магонъ, «энергическій и дѣятельный консерваторъ» называетъ грамошниками всѣхъ, желающихъ ускорить распушеніе національнаго собранія, «единственной за-

войной власти, служащей живымъ выраженіемъ закона». Его шпига будетъ являться всегда послушнымъ оружіемъ въ рукахъ большинства, образовывающаго изъ себя *блгмй консенсъ*. Онъ считаетъ себя «часовымъ, охраняющимъ неприкосновенность самодержавной власти», которую присвоили себѣ тѣ, которые избрали его президентомъ.

Тьеръ въ засѣданіи 27-го мая занялъ свое депутатское мѣсто въ лѣвомъ центрѣ. Всѣ республиканцы встали при его входѣ и встрѣтили его двумя взрывами рукоплесканій, почестъ павшей власти, покоробившая побѣдителей и вызвавшая въ дипломатической трибунѣ восклицаніе:

— Рѣшительно, только въ лѣвой сторонѣ находится истинный патриотизмъ и истинная сила Франціи!

Прибавьте къ этому антипатическое къ новому правительству отношеніе всей независимой прессы стараго и новаго свѣта, и вы поймете, почему наше нынѣшнее правительство не очень-то радуется своей побѣдѣ.

Во внѣшнихъ отношеніяхъ, если-бы правительство послушалось своихъ главныхъ приверженцевъ, приверженцевъ папы, іезуитовъ, епископовъ, фанатизированныхъ пилигримовъ и пр., ему оставалось-бы только поддерживать карлистовъ въ Испаніи, воевать за восстановленіе свѣтской власти Папы, власти епископовъ въ Швейцаріи, вступить въ борьбу за предразсудки прошлаго съ современною наукою, свободою Европою,—главною покровительницею которой явилась-бы, такимъ образомъ, Германія! Все это такъ нелѣпо, невозможно, и противно фрайдуцскому духу, что даже самъ де-Брольи не рѣшается переимѣнить дипломатическихъ агентовъ Тьера, ни охарактеризовать циркуларомъ, въ чемъ будетъ заключаться отличіе его политики отъ политики предшествовавшаго правительства; но вынужденный къ такому молчанію и бездѣтельности онъ и двухъ недѣль не просуществуетъ, не поссорившись съ своими католическими друзьями.

Во внутреннихъ дѣлахъ, вынужденное никого не разстрѣливать и никого не ссылатъ вслѣдствіе полной неподвижности народа, «рѣшительно консервативному» правительству приходится даже смѣщать меньше число чиновниковъ, чѣмъ можно было сначала ожидать, потому что въ общей сложности большинство чиновниковъ Тьера менѣе всего отличалось республиканизмомъ. Правительству придется издавать законы противъ печати и всеобщаго голосованія. Тутъ-то и ждетъ его меньшинство, которое нуждается всего въ *четырнадцати* голосахъ для того, чтобы въ свою очередь стать большинствомъ. Если «маленькій буржуа» злопамятенъ, то ужъ конечно не краснорѣчіе де-Брольи помѣшаетъ ему отомстить за 24-е мая.

Но для того, чтобы это спасло насъ отъ военной и клерикальной республики, нужно, чтобы это совершилось быстро, прежде чѣмъ Макъ-Магонъ, произведенный въ конституціонные

вице-короли, будетъ поставленъ внѣ опасности отъ парламентскихъ переворотовъ, прежде чѣмъ, пользуясь продолжительными парламентскими вакаціями, разные Эрнули, Батби и Вале успѣютъ поставить вверхъ дномъ правосудіе, администрацію, народное просвѣщеніе, успѣютъ легально *утраднить* печать и демократическія учрежденія, терроризировать села, изувѣчить, по наполеоновскому обычаю, всеобщую подачу голосовъ, однимъ словомъ, *возстановить*, какъ говорится въ нашемъ новомъ официальномъ мирѣ, *нравственный порядокъ*.

Клодъ Франкъ.

НА ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

I.

Въ Вѣну я пріѣхалъ 5 мая (н. ст.), т. е. уже на шестой день послѣ торжественнаго открытія «поприща мирнаго соперничества народовъ всего міра», какъ выразился императоръ Францъ-Іосифъ, или «публичнаго отчета цивилизаціи», какъ выразился кто-то другой, или «смотря на всѣ мысли, въ которое нинѣ все вливается», какъ выразился Вертольдъ Ауэрбахъ, или вѣнской всемірной выставки, какъ выражаются всѣ. Ходили зловѣщія слухи, что, не смотря на всѣ старанія барона Шварца, выставка весьма мало подвинулась впередъ. Нѣкоторые увѣрили даже, что не официальное, а настоящее открытіе совпадетъ съ днемъ закрытія. Это было уже черезъ чуръ зло, и я, памятуя заповѣдь: не всякому слуху вѣрь, поторонился.

Я подходилъ къ выставкѣ мимо цѣлаго ряда балагановъ, гипподромовъ, театриковъ, ресторановъ, которыхъ въ Пратерѣ и въ обыкновенное время много, а теперь нѣсть числа. День былъ чудесный. Со всѣхъ сторонъ раздавалась, нестройно переплетаясь, самая разнообразная музыка—странствующіе чеки и венгерскіе цыгане, военные трубачи и шарманки. Владѣльцы разныхъ рѣдкостей въ родѣ великановъ и карликовъ, двухголового соловья и сѣвернаго оленя осиплыми голосами зазывали проходящихъ, перекрикивая другъ друга и удостовѣряя, на отвратительномъ вѣнскомъ діалектѣ, что у нихъ за нѣсколько крейцеровъ можно видѣть нѣчто *übernatürliches, famosés, kolossales, unübertreffliches*. Отдавало нашей масляницей съ прибавкой солнца, зелени, благообразія и эрудиціи. Да, тутъ была и эрудиція. Я прочиталъ на одномъ балаганѣ вывѣску: *Darwin Vogt's vierhändige Ur und*

Waldmenschen и догадался, что это псевдонимъ театра ученыхъ обезьянъ. Тѣмъ не менѣ эта надпись на балаганѣ, стоящемъ въ преддверіи публичнаго отчета цивилизаціи, навелъ меня на размышленія. Размышленія, конечно, пріятны: кругомъ свѣтло, тепло; идешь нѣкоторымъ образомъ чрезъ строй музыки и развлеченій; вправо по главной аллеѣ галопируютъ ловкіе наѣзники и катаются въ удивительныхъ вѣнскихъ экипажахъ красныя удивительно, если можно такъ выразиться, щедро сложенные вѣнскія дамы; впереди предстоить созерцаніе чудесъ цивилизаціи, совмѣщенныхъ въ одномъ громадномъ чудѣ—вѣнской всемирной выставкѣ и ея девизомъ: *viribus unitis*. А! бѣдный «урменшъ», грезилось ли тебѣ когда что-нибудь подобное? Ты, несчастный, не умѣлъ дѣлать даже тѣхъ штукъ, которыя выдѣлываютъ современные ученые обезьяны и собаки; ты былъ-бы послѣдней спицей въ колесницѣ въ балаганѣ, на которомъ красуется твое имя. Ты былъ нищъ и нагъ, босъ и убогъ. Возстанъ-же и «виждь и внемли»..

Но Богъ съ нимъ, съ «урменшемъ». Помянемъ его добрымъ словомъ, потому что какъ ни какъ, а онъ свое дѣло сдѣлалъ. Пойдемъ къ тѣмъ, кто теперь дѣло дѣлаетъ.

Урменшъ, какъ извѣстно, вымеръ, давъ начало двумъ видамъ: «ферштандсменшу» и «гефюльсменшу». Разно, собственно называютъ эти виды, но всякому, даже неучившемуся въ семинаріи извѣстно, что только немѣцкая терминологія есть вещь, а прочее все глупъ. Разно тоже рассказываютъ исторію происхожденія этихъ видовъ. Одни говорятъ, что нѣкоторые урменши были очень глупы и слупы, а другіе напротивъ очень прилежны и умны, вслѣдствіе чего первые обратились въ гефюльсменшювъ, а вторые стали ферштандсменшами. Другіе рассказываютъ, что дѣло было не такъ, что нѣкоторые урменши были грабители и мошенники и т. д. Вообще исторія эта темная, едва-ли даже не темнѣе исторія пришествія Варяговъ въ Россію. Но вотъ фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію: *viribus unitis*, соединенными силами ферштандсменша и гефюльсменша произведенъ весь блескъ, который сейчасъ тамъ за оградой поразить и ослѣпить насъ. Это только фактъ, но фактъ первенствующей важности, отъ котораго и надо отправляться, приступая къ разсмотрѣнію публичнаго отчета цивилизаціи. Не всѣ такъ смотреть, конечно, даже большинство смотреть иначе, въ томъ числѣ устроители и распорядители публичнаго отчета цивилизаціи. Девизъ выставки: *viribus unitis*—означаетъ для нихъ соединенныя силы народовъ. Если хотѣте, оно пожалуй вѣрно. Выставка дѣйствительно создана соединенными силами народовъ, и въ этомъ смыслѣ дѣло не обошлось даже безъ трогательныхъ эпизодовъ. Народы, какъ извѣстно, съ полнымъ удовольствіемъ откликнулись на зовъ гостепріимной Вѣны, однако не всѣ. Восточные народы нѣсколько заупрямились. Не заупрямился, конечно, Египетъ, блистательный повелитель котораго никогда

не упустить случая пустить пыль въ глаза кому слѣдуетъ и кому не слѣдуетъ. Не заупрямилась и обновляющаяся, справляющая медовый мѣсяць цивилизаціи Японія. Но Китай, Персія, Тунисъ, Марокко заупрямились. Послѣдніе два народа откровенно и чистосердечно, на прямикъ заявили, что у нихъ денегъ нѣтъ, и что поэтому, не смотря на все ихъ желаніе, они не могутъ принять участія въ публичномъ отчетѣ цивилизаціи. Они помнили коварный вопросъ Санчо-Пансо: «на какія деньги странствуютъ благородные рыцари?» Не знаю помнятъ-ли этотъ вопросъ персіяне, но во всякомъ случаѣ отъ Персіи долго не могли добиться удовлетворительнаго отвѣта на приглашеніе. Окончательное мнѣніе Персіи воспослѣдовало едва-ли не благодаря желанію шаха постранствовать по Европѣ вообще и бытъ на выставкѣ въ особенности. Китай, наконецъ, заупрямился, вается только потому, что онъ Китай. Но всѣ эти маленькія неприятели, не только не помѣшали большому удовольствію, а даже увеличили его, ибо дали возможность развернуться международной любезности, и притомъ не только платонической: австрійскій консулъ въ Тангерѣ Шмидтъ рѣшилъ устроить марокконскій отдѣлъ на свой счетъ; тоже самое сдѣлалъ для Туниса триестскій банкиръ Морпурго-Нильма; Китаю тоже помогли еврейцы. Такимъ образомъ различныя немощи Востока были побѣждены любезностью и щедростью Запада. Изъ этого видно, что выставка дѣйствительно создана *viribus unitis* народовъ всего міра, и тотъ, кто видитъ въ выставкѣ только выставку, можетъ смѣло успокоиться на этомъ выводѣ. Но какъ и чѣмъ создано то, что стоитъ, лежитъ, виситъ на выставкѣ? Ужъ конечно соединенными силами не народовъ, а ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Къ сожалѣнію, эта точка зрѣнія не въ ходу, а она была-бы немножко неплодотворнѣе. Впрочемъ, одинъ изъ здѣшнихъ, специально посвященныхъ выставкѣ газетъ, *Internationale Ausstellungs Zeitung*, издающаяся въ видѣ приложения къ *Neue freie Presse*, остановилась разъ на этомъ пунктѣ. Почтенная газета сказала мало новаго: мы, говоритъ, видимъ вокругъ себя блестящіе результаты сотрудничества ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ, которые и на будущее время должны идти рука объ руку, дружно, мирно, не дѣлая другъ другу пакостей, соединенными силами охраняя алтарь цивилизаціи и отворачиваясь отъ социализма, грозящаго уничтожить обособленность ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ и *тамъ самымъ* прекратить ростъ цивилизаціи. Тутъ ночаго въ самомъ дѣлѣ мало; но пріемъ, имѣя въ виду фактическую сторону дѣла, несомнѣнно хорошъ и во всякомъ случаѣ лучше изъѣзженничья, какъ проселочная дорога, разговоровъ объ томъ, что вотъ, молъ, соединенными силами народовъ какую штуку устроили. Народы только свезли въ одно мѣсто продукты сотрудничества ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ, и затѣмъ другъ передъ другомъ величаются. И то, конечно, поучительно и достойно

вниманія. Но не слѣдуетъ тоже упускать изъ виду, что за всемирной выставкой слѣдуетъ обыкновенно всемирная потасовка. Народы, убравши во свояси продукты сотрудничества ферштандсменновъ и гефюльсменшовъ, берутся за ружья, пушка, знамена, барабаны, сабли и устрояють нѣкоторую международную бойню, не смотря на всѣ сопровождающія выставку великолѣпныя рѣчи о торжествѣ цивилизаціи и мирныхъ сношеній. Ахъ! сколько такихъ рѣчей было сказано и написано по поводу первой всемирной выставки—лондонской 1851 года. Вѣднмй Эльго Норритъ такъ вдохновенно говорилъ тогда о вѣчномъ мирѣ. Его слушали, ему аплодировали, всѣмъ казалось такъ естественнымъ и понятнымъ, что послѣ публичнаго отчета цивилизаціи, послѣ того какъ народы свезли въ хрустальный дворецъ все, что у нихъ было въ печи,—война есть *pop sens*. Но за лондонской выставкой слѣдовала крымская потасовка, за другими выставками слѣдовали другія потасовки. На официальномъ открытіи вѣнской выставки была исполнена кантата, оканчивающаяся словами.

Einen Völker Friedenbund
Feiert heute Oesterreich.

Но будущее въ рукахъ божіей... Дѣло впрочемъ не въ этомъ, а просто въ томъ—много ли можно выжать изъ того факта, что народы свезли свои произведенія въ одно мѣсто, въ хрустальный дворецъ, въ Елисейскія поля, въ Пратеръ? Ну, свезли, потому развезутъ. Между тѣмъ какъ печать происхожденія выставленныхъ вещей, печать знаменитой фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ» останется на нихъ до послѣдней минуты ихъ существованія. Говорять, что это единственная фирма, способная вести дѣло цивилизаціи. Говорять, что ликвидація этой фирмы есть ликвидація цивилизаціи. Это говоритъ, напимѣрь, вышеупомянутая статья *Internationaler Ausstellungs Zeitung*. Мнѣ хочется привести изъ нея одно мѣсто, касающееся нашего отечества. Поговоривъ объ умасахъ социализма на западѣ, желающаго ликвидировать дѣла фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ», произведенія которой наполняютъ Пратеръ, почтенная газета продолжаетъ:

«Соціалистическія идеи даютъ себя знать и въ далекіихъ равнинахъ Россіи, хотъ и не съ такою очевидностью, какъ въ западной Европѣ. Но за то тамъ они имѣютъ подъ собою особенно выгодную почву. Одинъ высокопоставленный русскій государственный дѣятель и вѣстѣ крупный землевладѣлецъ, за долго до освобожденія крестьянъ, выражалъ при насъ мнѣніе, что уничтоженіе крѣпостнаго права будетъ имѣть въ Россіи совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какія оно имѣло въ Европѣ. Онъ говорилъ: «Наши чиновники и поны постоянно внушали крѣпостникамъ, что земля и человекъ, поземельная собственность и мужикъ—нераздѣльны. На этомъ именно основаніи и признавалось, что землевладѣлецъ есть *ipso facto* собственникъ проживающихъ на

его землѣ крестьянъ. Крестьяне наконецъ сжились съ этой идеей. И вы увидите, что когда ихъ освободятъ, они, совершенно послѣдовательно, будутъ требовать себѣ всей земли, какъ нераздѣльной ихъ собственности». Такъ и случилось. И хотя попытки осуществления этой идеи были подавлены военной силой, но въ крестьянахъ живетъ убѣжденіе, что ихъ права нарушены. Къ этому еще надо прибавить, что во многихъ земледѣльческихъ общинахъ Россіи существуетъ коммунистическое хозяйство; что наконецъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такой продажности, какъ въ русскомъ чиновничествѣ. Изъ всего этого видно, что на востокѣ Европы опасность социализма гораздо настоятельнѣе, чѣмъ въ западныхъ государствахъ, хотя въ Россіи и вѣются подъ рукой болѣе энергическія репрессивныя средства».

Разберите ужъ сами сколько здѣсь правды и сколько вранья, сколько смысла и сколько бессмыслицы; сколько, напримѣръ, смысла въ признаніи продажности чиновничества—грѣхъ, о которомъ австріецъ долженъ бы былъ говорить, нѣсколько зарумянившись,—однимъ изъ условій, выгодныхъ для распространенія социализма. Я привелъ эту не безъинтересную тираду только такъ, по дорогѣ.

Я у входа, плачу свой гульденъ и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ озираюсь кругомъ. Надѣюсь, что благоговѣніе понятно, законно. Я очутился не только на «спорищѣ мирнаго соперничества народовъ всего міра»,—это слишкомъ официально; не только въ «морѣ мысли, въ которое нынѣ все вливается»,—это слишкомъ глупо; даже не только на «публичномъ отчетѣ цивилизаціи», потому что и это, пожалуй, недостаточно сильно сказано. Всемирная выставка есть не просто публичный отчетъ цивилизаціи,—мало ли какіе отчеты бываютъ,—а отчетъ съ нѣкоторой, и огромной претензіей: въ немъ фирма «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ» ищетъ права на званіе благодѣтельницы чловѣческаго рода. И я благоговѣю.

Я иду черезъ западныя ворота (West Entrée) по Elisabeth Avenue. На лѣво, вижу, американскій ресторанъ почти пустой, на право нѣмецкій ресторанъ Куммера, въ которомъ негдѣ злому упасть. Дальше направо—Пильзенская Bierhalle и рядомъ съ ней что-то только еще устрояющееся. Спрашиваю что тутъ будетъ, говорятъ: ресторанъ подъ названіемъ «Ungarischer Weinhaus» или «гарда». Дальше опять какая то Bierhalle, дальше американская Trinkhalle, а тамъ вижу хорошенькій домикъ съ надписью: «Швейцарская кондитерская». Для начала недурно, весело и неожиданно. Я, по крайней мѣрѣ, не ожидалъ наткнуться съ перво-же шагу на такое гнѣздо гастрономическихъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что я еще не вижу многихъ этого рода заведеній, объ которыхъ уже слышалъ: нѣтъ русскаго ресторана, французскаго, знаменитаго вѣнскаго Захера, итальянскаго, турецкой кофейной и проч., и проч. До всего этого еще

дойдетъ чередъ. Это хорошо, что на публичномъ отчетѣ цивилизаціи есть гдѣ закусить и выпить, потому что старинная поговорка: *plenus venter non studet libenter*, или сытое брюхо къ ученю глухо,—естъ вздоръ. Но все таки я вижу, что не боги горшки обжигаютъ, и мое благоговѣніе не то что спадаетъ, а принимаетъ болѣе скромные размѣры. Я даже заносчиво рѣшаю, что не увижу ничего поучительнаго въ *Elisabeth Avenue*, грубо свертываю на лѣво и натягиваю на павильонъ газеты *Neue Freie Presse*. Это большая, прекрасная, свѣтлая, чистая типографія, въ которой печатается довольно плохая и мутная вышеупомянутая *Internationale Ausstellungs Zeitung*; тутъ же имѣется кабинетъ редакціи и контора газеты.

Обогнувъ павильонъ, я очутился противъ главнаго зданія выставки — *Industrie Palast'a* и именно противъ французскаго отдѣла. Вотъ оно,—настоящее! Чудесное зданіе выставки, деревянное, но такъ отштукатуренное и отдѣланное, что даже вблизи трудно разглядѣть, что оно не каменное, это чудесное зданіе было отъ меня на разстояніи всего ширины Невскаго проспекта. Но пройти это разстояніе было не такъ то легко. Тутъ валялись неоткупоренные тины и ящики, стояли телѣги, наполненныя и пустыя, толпились красные, мокрые отъ жары и работы гефюльсменшы всѣхъ націй. Вотъ вагъ-то дико «гиркаеть» на своихъ здоровенныхъ лошадяхъ, еле выводящихъ тяжелую телѣгу, венгерець. Тамъ слышится въ кучкѣ говоръ, напоминающій родную славянщину. Здѣсь итальянскій гефюльсменшъ старается на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ объяснить что-то французскому ферштандсменшу, чѣмъ-то распоряжающемуся. Вотъ степенной походкой проходятъ два восточные чело-вѣка въ большихъ чалмахъ, но безъ всякаго признака обуви, несмотря на то, что площадь выставки усыпана неизвѣстно зачѣмъ острой гальвой, которая способна въ одинъ день доканать хорошіе сапоги. Вотъ торопливо пробираются два японца, оба маленькіе, узкоглазенькіе, безбородые, у обоихъ цвѣтъ лица напоминаетъ нечищенный сапогъ. Но одинъ изъ нихъ въ цилиндрѣ и въ европейскомъ костюмѣ,—это японскій ферштандсменшъ, а другой, въ синей курткѣ съ вышитыми на ней драконами и другими чудищами,—это японскій гефюльсменшъ.

Поглазѣвъ на весь этотъ людъ и на всѣ эти тины и ящики, я пробравшійся наконецъ въ *Industrie Palast*. Тутъ владѣваю персты свои въ явы гвоздинныя и вижу, что публичный отчетъ цивилизаціи находится въ совершенно эмбриональномъ состояніи. Бѣдный баронъ Шварцъ! бѣдные посѣтители выставки! Вездѣ идетъ приколачиваніе, распаковка, установка не то что вещей, а витринъ. Вездѣ протянуты веревки, замѣняющіяся мѣстами законнической надписью: *verbotener Eingang*. Восточные народы оказались при этомъ значительно акуратнѣе западныхъ, изъ которыхъ впрочемъ Швейцарія убралась почти совсѣмъ. За то энергическіе янки совсѣмъ сплеховали. Въ большомъ по-

ищенин, отведенномъ для сѣверной Америки не было буквально ничего, кромѣ одного курьеза,—на одной изъ стѣнъ была изображена нѣкоторымъ образомъ «свиньяда», исторія свиньи, какъ полезнаго животнаго: на одной картинѣ свинья въ хлѣву, на другой ее рѣжутъ, на третьей палатъ, на четвертой рубятъ и т. д. Оригинально и поучительно. Оригинальными и поучительными показались мнѣ также акуратность и стремленіе къ художественности господъ стеариновыхъ и мыльныхъ фабрикантовъ. Они почти всѣ выставили уже свои продукты, между которыми любопытны статуи изъ стеарина и мыла: одинъ выставилъ колоссальный монументъ въ честь основателя стеариноваго производства, другой гигантскую колонну, третій калого-го генія и т. д. Подобныхъ курьезовъ, впрочемъ, не мало на выставкѣ: есть, напримѣръ, листъ бумаги въ 4 мили длинной, такъ что на развертываніе его ушло 42 часа; есть картины изъ спичекъ; есть Стефанъ Ваторій изъ сахара (въ русскомъ отдѣлѣ) и проч.; Швеція выставила огромный кусокъ полярнаго льду, ничѣмъ впрочемъ отъ всякаго другаго льда не отличающагося.

Мнѣ кажется, впрочемъ, что чудеса въ родѣ стеариновой статуи на мыльномъ пьедесталѣ или въ родѣ спичечной картины нѣсколько компрометируютъ публичный отчетъ цивилизаціи, придають ему видъ балагана. Мнѣ кажется, что ихъ мѣсто тоже за оградой, тамъ-же, гдѣ показываютъ человѣка, морущаго висидѣть пять минутъ подѣ водой, восковыя фигуры, клоуновъ, играющихъ на скрижѣ ногами и проч. Я понимаю, что гефільсменшъ сдѣлаетъ все, что ему закажутъ: наполнить стеариномъ форму, изображающую генія, а потомъ опять надѣлаетъ изъ генія стеариновыхъ свѣчей, ибо этотъ геній стеариновая свѣча есть и въ стеариновую свѣчку обратится. Но ферштансменшъ, которому пришла въ голову такая идея,—кого онъ благоудивить хочетъ? Одинъ изъ такихъ курьезовъ навелъ меня на очень грустныя мысли. Въ русскомъ отдѣлѣ, въ числѣ предметовъ, выставленныхъ Строгановскимъ училищемъ технического рисованія, есть странный образецъ каллиграфическаго искусства. Вы видите доску, на которой въ безвкусномъ и придуманномъ безпорядкѣ лежатъ книги, номеръ Московскихъ Вѣдомостей, тетради, карандаши, перочинныя ножи, щеты. Все это, какъ значится на подписи, изображено (не умѣю выбрать выраженіе: написано или нарисовано) ученикомъ Строгановскаго училища С. Андреевымъ «по проекту и подѣ наблюденіемъ учителя его, каллиграфа А. И. Глюске». Тщательно выводя, на манеръ печатнаго, заглавія книгъ (между которыми самое видное мѣсто занимаютъ руководства г. Глюске), заглавія тетрадей и проч., г. Семеновъ былъ гефільсменшомъ, исполнявшимъ заказъ ферштансменша г. Глюске. Поэтому можно только сказать, что онъ исполнилъ заказъ довольно искусно. Но, ради Аполлона и девяти Музъ, скажите, неужели

это въ самомъ дѣлѣ искусство? И неужели ферштандсменшу г. Глюске не жалъ было убивать молодыя силы гефюльсменша г. Семенова на такую египетскую работу, т. е. работу тяжелую и бесполезную? Я задумался о будущности молодого каллиграфа и о прошедшемъ стараго каллиграфа, объ ихъ *âge des fleurs et du soleil*...

Въ такомъ то раздумьи шелъ я по русскому отдѣлу, въ которомъ было весьма мало посѣтителей. Впрочемъ, это отнюдь не относится къ нашему безчестію, потому что посѣтителей было и вездѣ не много, ихъ мало даже по сихъ поръ. Вотъ нѣсколько цифръ, которыя я записалъ на удачу: 3 мая, т. е. на третій день послѣ открытія, при входной платѣ въ 5 гульденовъ, посѣтителей было 5252; 4 мая, при платѣ въ 2 гульдена—7497, но въ этомъ числѣ больше половины даровыхъ билетовъ, выдаваемыхъ экспонентамъ, рабочимъ, членамъ администраціи выставки; 16 мая — 17,984, изъ которыхъ однако, только 6731 заплатили полную входную плату (1 гульденъ), 1517 пришли съ недѣльными билетами (5 гульденовъ за 7 дней) и съ офицерскими (30 крейцеровъ), 9736 даровыхъ; 20 мая—13,753, изъ нихъ вполнѣ оплаченныхъ 5698, недѣльныхъ и офицерскихъ 1588, даровыхъ 6467; 26 мая 20,595, изъ которыхъ вполнѣ оплаченныхъ 8084, недѣльныхъ и офицерскихъ 2009, даровыхъ 10,502. Это количество посѣтителей рѣшительно тонетъ въ огромномъ пространствѣ выставки (2,330,631 кв. метр.), и чего добраго — выставка потерпѣть фіаско въ нравственномъ отношеніи и огромный дефицитъ въ матеріальномъ. Въ маѣ средній ежедневный доходъ выставки былъ 9,118 гульденовъ, а дирекція рассчитывала на 50,000. Впрочемъ, по воскресеньямъ и праздникамъ, когда плата за входъ спускается до 50 крейцеровъ, народу бываетъ несравненно больше. Такъ 11 мая всѣхъ посѣтителей было 30,000. Въ ту минуту какъ я пишу, ходять слухи, что и въ будни плата будетъ 50 крейцеровъ.

И такъ я шелъ по пустынному русскому отдѣлу, который былъ пустыненъ только относительно, какъ и вся выставка. Народъ былъ и въ русскомъ отдѣлѣ, его было даже пожалуй не мало. Я видѣлъ порядочныя группы около витринъ мѣховщиковъ, около русскихъ музыкальныхъ инструментовъ, около русскихъ парчей. Я слышалъ, между прочимъ, какъ одна барыня, узнавъ отъ своего кавалера о главномъ назначеніи парчей, воскликнула: «*sie müssen ganz elegant sein, die russischen Popen!*» Да, матушка, подумалъ я, посмотрѣла бы ты на какого-нибудь сельскаго элганта! Но больше всего публики было около стоящихъ почти рядомъ брильянтовъ Чячелева, издѣлій изъ малахита и лаписъ-лазури Гессриха, издѣлій изъ яшмы, топаза, горнаго хрустала екатеринбургскаго фабриканта Стебакова и особенно около серебряныхъ вещей Овчинникова. Витрины ювелировъ и т. п. составляютъ впрочемъ во всѣхъ отдѣлахъ нѣко-

торые притягательные центры для большинства посетителей выставки. Такъ ужъ человѣкъ должно быть устроенъ. Дѣлать съ этимъ нечего, но нельзя однако не замѣтить, что по большей части люди, толпящіеся около витринъ ювелировъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п., суть наименѣ интересные экземпляры человѣческой породы. Можетъ быть это отъ того зависитъ, что въ созерцаніи вещей изъ драгоценныхъ камней и металловъ выражается самая общая, самая обыкновенная и по тому самому уже наименѣ интересная слабость человѣческаго характера. Можетъ и отъ чего другаго. Я только констатирую замѣченный мною фактъ.

Однако, на этотъ разъ я услышалъ около витрины Овчинникова, по крайней мѣрѣ, интересный разговоръ. А интересный разговоръ хоть и не то, что интересный человѣкъ, но все-таки нѣчто, не часто встрѣчающееся у витринъ ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

— Да, вы правы, говорилъ высокій худощавый, длиноволосяый нѣмецъ, обращаясь къ тремъ-четыремъ своимъ спутникамъ и энергично жестикулируя:—вы правы, это превосходно, *prachtvoll, famos, colossal, unübertrefflich*. Это лучшее изъ всего, что выставила Россія. Въ остальномъ я вижу только, что она богата отъ природы, что у нея малахиту столько, что она можетъ дѣлать изъ него столы и камни, что мѣха у нея въ Сибири необычайные, но цивилизаціи ея или вовсе не вижу, или вижу голое подражаніе. Напримѣръ, русскія бронзовые вещи — это вообще просто посредственныя или даже плохія французскія вещи. А это совсѣмъ другое дѣло. (Нѣмецъ ткнулъ пальцемъ въ витрину Овчинникова). Это такая работа, въ которой не знаешь чему удивляться, изыществу ли рисунка, или терпѣнію работника. Ничего подобнаго въ этомъ родѣ на всей выставкѣ нѣтъ, да и быть не можетъ.

— Ужъ и нѣтъ? ужъ и быть не можетъ?

— Нѣтъ и быть не можетъ, это вѣрно. Есть вещи, пожалуй, лучше, но всѣ онѣ въ сравненіи съ русскими серебряными издѣліями очень ординарны по замыслу и безхарактерны. А это, вопервыхъ, чисто національный стиль какъ формы вещей, такъ и рисунка черни и эмали, значитъ, ужъ, поэтому, его не можетъ быть въ другихъ отдѣлахъ; а вторыхъ, такая работа возможна только въ странѣ съ дешевыми рабочими и при отсутствіи средняго сословія, въ странѣ, болѣе или менѣе варварской, чему, пожалуй, и рисунокъ соотвѣтствуетъ: несмотря на всю его красоту, вы съ разу видите, что это Азія...

— Пошли парадоксы!...

— Ни малѣйшаго парадокса. Разсудите сами, вѣдь рабочий, который сдѣлаетъ этотъ рисунокъ, долженъ быть художникомъ, онъ долженъ обладать талантомъ, долженъ воспитать свой талантъ. Какой заработной платы потребуетъ онъ у насъ? Такой, что этимъ вещамъ цѣны не будетъ, на нихъ не найдется

покупщиковъ. Это разъ. А потомъ, явись рядомъ съ этимъ мелкимъ ремесломъ фабричная промышленность и, слѣдовательно, среднее сословіе, фабрика уничтожить, задавить это ремесло со всей его красотой и національнымъ характеромъ...

Собесѣдники ушли, продолжая болтать, а я сталъ дотягивать нитву мысли разговорчиваго нѣмца. Въ ней, въ этой мысли, не мало вѣрнаго. Но главное вотъ чтò. Все, чтò лежитъ, виситъ, стоитъ на выставкѣ, несомнѣнно создано фирмой «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ». Но эта фирма старинная и компаньоны ея, оставаясь ферштандсменшами и гефюльсменшами, тѣмъ не менѣе въ теченіи вѣковъ измѣнялись, измѣнялись и подробности ихъ взаимныхъ отношеній, измѣнялись и характеръ, и цѣль ихъ произведеній.

Различныя національности расположились во дворцѣ промышленности въ приблизительно географическомъ порядкѣ отъ запада къ востоку: Бразилія, Сѣверная Америка, Англія, Португалія, Испанія, Франція и т. д. Турція, Египеть, Персія, Китай, Японія, Сіамъ. Недалеко отъ восточныхъ отдѣловъ стоятъ отдѣльныя зданія: копія константинопольскаго фонтана Ахмеда, дворець египетскаго вице-короля, японскій постройки, турецкій домъ, марокконскій домъ, турецкая кофейная, турецкій базаръ, персидскій домъ и Cercle oriental,—очень оригинальное зданіе, одна половина котораго построена въ японско-китайскомъ стилѣ, другая въ персидско-турецкомъ, а середина въ арабскомъ; кромѣ того, тутъ же находятся сіамская бесѣдка и турецкая кухня. Такъ вотъ, если идти, скажемъ, отъ запада къ востоку или, пожалуй, наоборотъ, то постепенное измѣненіе взаимныхъ отношеній компаньоновъ фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ» выразится передъ нами наглядно.

Первое, чтò бросается въ глаза,—это присутствіе въ восточныхъ и отсутствіе въ западныхъ отдѣлахъ, если можно такъ выразиться, моделей людей, манекеновъ въ національныхъ костюмахъ. Въ персидскомъ, въ турецкомъ, въ египетскомъ, въ тунисскомъ отдѣлахъ на вась со всѣхъ сторонъ смотрятъ странныя фигуры въ странныхъ костюмахъ. Вотъ, напримѣръ, Тунисъ. Кругомъ разложены кукуруза, горохъ, орѣхи, стволы деревьевъ и прочія незамысловатая, богомъ Тунису данная вещи. Есть, впрочемъ, и кое-какія произведенія рукъ тунисскихъ человѣковъ: расшитые золотомъ и каменьями чепраки и сѣдла, кое-какая посуда. И среди всего этого палатка, а въ палаткѣ, должно быть, бей, хоть шишки на носу у него нѣтъ. Сидитъ онъ поджавши ноги и дуритъ трубку, передъ нимъ лежатъ на столѣ какія-то сласти, что-то въ родѣ мармелада и миндальныхъ печеній. Какъ ни глупо лицо этой модели тунисскаго человѣка, но это несомнѣнно тунисскій ферштандсменшъ. Тутъ же есть и тунисскіе гефюльсменши, которые въ живомъ видѣ подають, вѣроятно, бею трубку, пекутъ миндальные пирожки, расшиваютъ золотомъ чепраки и сѣдла и подставляютъ, не

знаю, спину или пятки для палочных ударовъ. Въ турецкомъ отдѣлѣ есть довольно некрасиваго фасона золоченный экипажъ, въ которомъ сидитъ модель жены турецкаго ферштадсменша и т. п. Въ европейскихъ отдѣлахъ подобныя модели, конечно, нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ манеженовъ въ колониальныхъ отдѣлахъ выставки. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всенивелирующая мода задаетъ тонъ, въ противоположность національности, не мѣсту, а времени. Но, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ національныхъ костюмовъ, вы, подвигаясь къ западу, можете наблюдать постепенное исчезновеніе и всякихъ другихъ національныхъ особенностей. Напримѣръ, нѣкоторыя русскія серебряныя издѣлія, по справедливому замѣчанію вышеупомянутаго нѣмца, еще сохраняютъ извѣстный своеобразный, національный отпечатокъ, но въ болѣе западныхъ отдѣлахъ искать его будетъ все труднѣе и труднѣе, хотя окончательное его исчезновеніе можно наблюдать далеко не на всякаго рода продуктахъ.

Причину или, по крайней мѣрѣ, одну изъ главныхъ причинъ этого явленія узнать очень не трудно. Вы увидите ее съ перваго взгляда, если вы знатокъ, сличивъ, напримѣръ, какунибудь бумажную или шерстяную ткань, которая украшаетъ модель тунисскаго бея, съ таковою-же матеріею, висящею въ витринѣ, напримѣръ, австрійскаго фабриканта Либиха. Для знатока сравненіе восточныхъ тканей, въ числѣ которыхъ есть превосходныя, съ западными вообще поучительно. Но я не знатокъ и потому поведу васъ совсѣмъ вонъ изъ дворца промышленности въ расположенный параллельно ему механической отдѣлъ. Это огромная галлерей, длиною безъ малаго въ версты. въ которой свистать, шумить и щелкаютъ различныя машины. Въ этомъ отдѣленіи выставки Востока нѣтъ вовсе, все Западу. Оканчивается оно Россіей. Да и то при взглядѣ на русскій механической отдѣлъ, въ которомъ, между прочимъ, стоятъ экипажи,—потому-ли, что для русскихъ экипажей нѣтъ мѣста, или потому, что для русскаго механическаго отдѣла русскихъ машинъ не хватало—не знаю,—при взглядѣ, говорю, на русскій механической отдѣлъ вспоминаются слова поэта:

Вы зачѣмъ здѣсь, несчастныя дѣти?!...

И такъ здѣсь нѣтъ Востока. Ткань, изъ которой шиты шаровары великолѣпнаго тунисскаго ферштадсменша, изготовлена самымъ первобытнымъ способомъ, прямо руками тунисскаго гефюльсменша на какомъ-нибудь грубѣйшемъ станкѣ, сколоченномъ изъ деревянныхъ палокъ. Тогда какъ на фабрикахъ барона Либиха дѣйствуетъ множество водныхъ колесъ, турбинъ и паровыхъ машинъ, дающихъ 1,830 лошадиныхъ силъ; работниковъ у него 6,300 человекъ; газу онъ у себя на фабрикахъ сжигаетъ въ годъ 6,000,000 куб. футовъ, податей платитъ 140,000 гульденовъ. Почтенныя цифры! Я понимаю, что баронъ Либихъ отказался отъ предложеннаго ему пожизненнаго

званія члена палаты господъ. Я понимаю также, что знаменитый Крушъ, который блистаетъ и на вѣнской всемірной выставѣ, какъ блисталъ на предыдущихъ, и который располагаетъ цифрами, еще болѣе почтенными, чѣмъ баронъ Либихъ, отказался отъ предложеннаго ему въ 1864 году прусскаго дворянскаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ оно человѣку съ такими цифрами? Зачѣмъ ему, представителю, одному изъ воплощеній новыхъ боговъ надѣвать на себя ветхую хламиду старыхъ боговъ? Впрочемъ, это мимоходомъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ подвернулось нужное слово: старые боги и новые боги — вотъ чего слѣдуетъ искать на всемірной выставѣ, кромѣ сотрудничества ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Надъ палаткой тунисскаго бея, въ складкахъ его шароваръ, въ миндальномъ печенѣи, стоящемъ передъ нимъ, витаютъ старые боги. Машинное отдѣленіе есть храмъ новыхъ боговъ. И то простое обстоятельство, что шаровары великолѣпнаго бея сшиты изъ матеріи, вытканной чуть не голыми руками тунисскаго гефюльсменша, а матеріи барона Либиха изготовлены при помощи великолѣпныхъ машинъ Platt и K^o, — это простое обстоятельство указываетъ на одно изъ существеннѣйшихъ различій между старыми и новыми богами. Тунисскій гефюльсменшъ вложилъ въ свой продуктъ непосредственно свой личный талантъ, свой глазомѣръ, свою фантазію, свою физическую силу. Но чтó такое личный талантъ, личная фантазія, личный глазомѣръ тунисскаго человѣка? Это національный талантъ, національная фантазія, осмѣливаюсь даже сказать, національный глазомѣръ. Какъ ни странно на первый взглядъ это выраженіе, но оно вѣрно. Кто видѣлъ, напримѣръ, снимки съ рисунковъ древнихъ египтянъ, — а кто ихъ не видѣлъ? — тотъ знаетъ, что глазомѣръ можетъ быть національнымъ. Въ созданіи матеріи барона Либиха или всякаго другого европейскаго фабриканта личныя свойства гефюльсменша, напротивъ, не принимаютъ, можно сказать, никакого участія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ самыя машины приготавливаются при посредствѣ машинъ. Поэтому, еслибы даже никакія другія причины не вліяли на разрушеніе національнаго характера произведеній извѣстной страны, еслибы національный типъ продолжалъ отражаться, какъ въ зеркалѣ, въ личныхъ силахъ и свойствахъ работника, однихъ машинъ, устраняющихъ всякую надобность въ личныхъ особенностяхъ, было бы достаточно для устраненія національнаго характера продуктовъ фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ». Но этимъ прямымъ, непосредственнымъ вліяніемъ на продуктъ, на результатъ работы гефюльсменша не исчерпывается враждебное національности дѣйствіе машинъ. Они вмѣстѣ съ другими дѣятелями исторіи разрываютъ тѣ отношенія между компаньонами фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ», которыя выросли на національной почвѣ, вводятъ новыя потребности.

Вотъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой, подвигаясь по выставкѣ отъ Востока къ Западу, вы видите постепенное исчезновеніе національнаго характера различныхъ произведеній фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ», постепенное паденіе старыхъ боговъ, которые у каждой націи свои, тогда какъ новые боги неумолимо обязательны для всѣхъ. Марксъ очень вѣрно замѣтилъ, что противоположность между древнимъ и новымъ міросозерцаніемъ лучше всего выражается сопоставленіемъ одного изрѣченія Аристотеля съ изрѣченіемъ Франклина. Первый, какъ извѣстно, сказалъ, что человѣкъ есть «общественное животное», а второй называетъ человѣка «дѣлательемъ машинъ». Но дѣло въ томъ, что опредѣленіе Аристотеля есть специально древне-греческое и у каждаго древняго народа, у каждаго современнаго народа, еще поклоняющагося старымъ богамъ, оно будетъ свое, особенное. Тогда какъ «дѣлатель машинъ» есть опредѣленіе всемірное. Оно, конечно, немного односторонне, потому что въ концѣ концовъ человѣкъ дѣлаетъ машину не для машины, но въ немъ много вѣрнаго. Человѣкъ стремится прожить полегче и покомфортабельнѣе и можетъ быть осязательнѣе всего достигаетъ этихъ цѣлей при помощи машинъ, т.-е. сваливая съ себя трудъ на механическихъ дѣлателей. Въ этомъ отношеніи прогулка по механическому отдѣлу публичнаго отчета цивилизаціи весьма поучительна. Во дворцѣ промышленности вы видите уже готовые продукты, готовые вещи, предназначенныя для удовлетворенія человѣческой потребности прожить полегче и покомфортабельнѣе. Но это только одна сторона дѣла. Цивилизація не только снабжаетъ васъ удобной и роскошной мебелью, наряжаетъ въ изящные костюмы, кладетъ вамъ въ карманъ часы, надѣваетъ на голову шляпу, наполняетъ вашъ буфетъ хрусталемъ и фарфоромъ и проч. Она дѣлаетъ больше. Снабжая васъ этими благами, она удешевляетъ способы ихъ производства, экономизируетъ человѣческій трудъ. И эта закулисная сторона цивилизаціи почти вся представлена въ механическомъ отдѣлѣ выставки. Вы увидите здѣсь машины для приготовленія булавокъ, передъ которыми, совершенно блѣднѣетъ знаменитый классическій примѣръ, такъ восхищавшій отда политической экономіи; увидите ткацкія и прядильныя машины, на которыхъ одинъ мальчигъ или одна женщина замѣняетъ сотни рабочихъ рукъ; увидите громадные локомотивы и проч., и проч., и проч. Несмотря на то, что здѣсь нѣтъ того блеска, роскоши формъ и красокъ, которыми полонъ дворецъ промышленности, настоящій казовый конецъ публичнаго отчета цивилизаціи, находится именно здѣсь, въ механическомъ отдѣлѣ. Отсюда вышли благодѣянія цивилизаціи, столь несомнѣнныя и очевидныя, что становятся совершенно понятными тѣ розовыя мечты, которымъ предавались нѣкоторые древніе мыслители, прозрѣвая будущее. Аристотель, вмѣстѣ со всѣми древними считавшій рабство неизбѣжнымъ условіемъ об-

пественной жизни, представлялъ себѣ однако, что еслибы каждый рабочій инструментъ работалъ самъ собой, еслибы, напримеръ, челноки ткача двигались сами собой, то рабство было бы учрежденіемъ ненужнымъ. Древне-греческимъ ферштандсменшамъ гефюльсменши нужны были только для того, чтобы они, ферштандсменши, могли развивать въ себѣ ту гармонию личности, ту цѣлостность, ту, какъ говорятъ иѣмцы, Totalität, которая въ Греціи дѣйствительно достигала безпримѣрной полноты. Пьяный илотъ, напримеръ, былъ необходимъ спартанскому ферштандсменшу, но не для грубой потѣхи, а для поученія, и еслибы возможно было устроить самоопыняющуюся машину, то спартанецъ, былъ бы, вѣроятно, удовлетворенъ. Многочисленные рабы были необходимы для афинскаго ферштандсменша, но не для удовлетворенія тщеславія, а дабы ему, ферштандсменшу, было удобнѣе гармонически развивать свое существо. Греческій поэтъ Антинаросъ, жившій гораздо позже Аристотеля, въ пламенныхъ стихахъ привѣтствовалъ изобрѣтеніе водяной мельницы; онъ видѣлъ въ ней освободительницу рабынь и залогъ безмятежнаго счастья.

Сбылись мечты. Аристотель съ своей точки зрѣнія можетъ быть и нашелъ бы у насъ рабовъ, но челноки ткача во всякомъ случаѣ бѣгаютъ сами собой, а водяная мельница... но кто-же нынче говорить о водяной мельницѣ? Но—странное дѣло—по мѣрѣ того, какъ осуществлялись и далеко, далеко обгонялись фантазіи древнихъ, тѣ самыя гефюльсменши, облегченіе труда которыхъ составляетъ, повидимому, цѣль машинъ, возстаютъ противъ этихъ новыхъ благодѣтельныхъ боговъ, возстаютъ со всею страстностью и необузданностью голоднаго звѣря. Позволю себѣ напомнить вамъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи машиннаго дѣла. Въ механическомъ отдѣлѣ публичнаго отчета цивилизаціи, воспоминанія эти какъ нельзя болѣе уместны. Еще въ началѣ XVI вѣка въ Данцигѣ было изобрѣтено нѣкоторое подобіе теперешней ткацкой машины. Но городской совѣтъ запретилъ ея употребленіе и даже, рассказываютъ, велѣлъ удушить или утопить изобрѣтателя. Лѣтъ черезъ сто такая-же машина была пущена въ ходъ въ Лейденѣ, но противъ нея возстали ткачи, требуя ея уничтоженія. Ткацкая-же машина произвела возстанія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Кельнѣ, въ Гамбургѣ, въ Англіи, и въ Гамбургѣ, напримеръ, разъяренные гефюльсменши добились того, что ихъ благодѣтельница и освободительница была публично сожжена. Въ первыхъ годахъ нашего вѣка изобрѣтеніе и введеніе пароваго ткацкаго станка вызвало чуть не во всей Англіи грозное движеніе: ткачи жгли и ломали машины. Мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести многое въ этихъ удивительныхъ явленіяхъ на счетъ грубости и невѣжества гефюльсменшова. Но все-таки такая бессмысленная, черная неблагодарность немислима, если на солнцѣ новаго божества нѣтъ болѣе или менѣе крупныхъ пятенъ.

Должны-же были у свирѣпыхъ гефюльсменшовъ быть какіе-нибудь, положимъ, грубые, эгоистическіе, но все-таки резонные и вполне реальныя мотивы. А мотивы были слѣдующіе. Данцигскій городской совѣтъ запретилъ употребленіе ткацкой машины и утопилъ ея изобрѣтателя въ тѣхъ видахъ, что машина можетъ пустить массу ткачей по міру, отнявъ у нихъ работу. Введеніе въ Англій машинъ для стрижки шерсти отняло работу у 100,000 человекъ, которые и предавались всякимъ неистовствамъ. Аркрайтова машина для расчески шерсти вызвала протестъ 50,000 рабочихъ, которые до тѣхъ поръ занимались этимъ дѣломъ.

При прежнихъ отношеніяхъ компаньоновъ фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ», при тѣхъ, надъ которыми выселись или еще до сихъ поръ высѣтся старе боги, подобныя случаи немислимы. Возставали гефюльсменши—рабы, крѣпостные или какъ бы они ни назывались—и въ прежнее время и съ еще болѣею дикостью, но всегда потому, что они были завалены работой. При новыхъ боггахъ гефюльсменши возстаютъ напротивъ потому, что у нихъ отнимаютъ работу. Старе боги насильно совали въ руки гефюльсменша рабочій инструментъ, новыя боги насильно отнимаютъ его. Различіе весьма характерное. Правда, случаи возстанія рабочихъ противъ употребленія машинъ нынѣ уже весьма рѣдко,—европейскіе гефюльсменши перестали прать въ этомъ направленіи противъ рожна. Но, абстрактно говоря, остается все таки вѣрнымъ, что всѣ механическія приспособленія, находясь въ рукахъ ферштандсменшовъ, отнимаютъ у гефюльсменшовъ хлѣбъ носущій. Фактически дѣло идетъ, разумѣется, не совсѣмъ такъ, потому что волны промышленности поднимаются все выше, разстилаются все дальше и дальше, захватываютъ все новыя и новыя области, такимъ образомъ вновь засаживаютъ за работу «освобожденнаго» гефюльсменша. Въ концѣ концовъ, говоря словами покойнаго Дж. Ст. Милля,—величайшаго современнаго экономическаго авторитета, по мнѣнію многихъ, и во всякомъ случаѣ умнаго, ученаго и честнаго человека,—въ концѣ концовъ всѣ механическія изобрѣтенія не облегчали ни на волосъ труда гефюльсменшовъ. Цивилизаціи надула Аристотеля и Антипароса.

Эта тѣневая сторона цивилизаціи не представлена на ея публичномъ отчетѣ. Этого требовать было бы и неразумно. На то выставка. Тунисскій бей на ней не дуетъ палками по пяткамъ тунисскаго гефюльсменша, а сидитъ мудро и благородно поджавши ноги, манчестерскій фабрикантъ не тянетъ жилъ изъ гефюльсменша англійскаго, а показываетъ публикѣ свои произведенія. Къ своему публичному отчету цивилизаціи должна была подбѣлиться, подрумяниться, подложить куда слѣдуетъ ваты и надѣть шиньонъ. Она выставила весьма утѣшительныя таблицы движенія цѣнъ и торговли, но не выставила и не можетъ выставить таблицы движенія пролетаріата. Это тѣмъ бо-

лѣе въ порядкѣ вещей, что умалчивая о пятнахъ на солнцѣ, цивилизація не прямо лжетъ, а только умалчивается. Но представлено ли по крайней мѣрѣ достаточно ясно несомнѣнное фактическое торжество новыхъ боговъ? Нѣтъ, да оно и не можетъ быть представлено на выставкѣ, ибо всякая всемірная выставка есть только дорого стоящая забава, серьезная сторона которой ничтожна. Это зависитъ отчасти отъ неизбежныхъ неудобствъ всякой всемірной выставки самой по себѣ, отчасти отъ свойствъ огромнаго большинства публики, съѣзжающейся якобы принимать отъ цивилизаціи отчетъ.

Представимъ себѣ человѣка, пріѣхавшаго на вѣнскую всемірную выставку безъ знакомства съ многочисленными побочными условиями, при которыхъ она происходитъ. Куда онъ ни пойдетъ, онъ вездѣ наткнется на Австрію: во дворцѣ промышленности она занимаетъ огромное, подавляющее пространство и, напримѣръ, коврамъ, мебельнымъ матеріямъ и другимъ тканямъ австрійскаго фабриканта Филиппа Гааса отведено мѣсто, равняющееся пожалуй трети всего русскаго отдѣла; кромѣ того въ машинномъ отдѣлѣ, въ сельскохозяйственномъ, въ самомъ паркѣ, въ многочисленныхъ отдѣльныхъ павильонахъ—Австрія вездѣ на первомъ мѣстѣ. Достаточно того, что по официальному (весьма неполному) каталогу австрійскихъ экспонентовъ (*безъ Венгрии*), — 7490, а англійскихъ — 742, т.-е. равно въ 10 разъ меньше! Между тѣмъ, какъ дѣйствительное отношеніе между австрійскою и англійскою промышленностью обратное, т.-е. послѣдняя развѣ въ 10 развитѣ первой. Немудрено, что императоръ Францъ-Иосифъ, посѣтивъ выставку, нашель, что австрійскій отдѣлъ давить все. Но нѣтъ ничего мудренаго и въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ давить все. Въ Петербургѣ или въ Москвѣ всегда все будетъ давить русскій отдѣлъ (съ нѣмцами, впрочемъ, больше именами фабрикантовъ, какъ ядовито замѣчаютъ австрійскія газеты), въ Римѣ—итальянскій, въ Стокгольмѣ—шведскій и, даже можетъ быть въ Тунисѣ—тунисскій. Австрія у себя дома и потому ей просто себя показать. А тутъ примѣшиваются и другія побочныя обстоятельства. Англія, напримѣръ, представлена въ высшей степени плохо потому, что англичане извѣрились въ «спорища мирнаго соперничества народовъ всего міра» и въ публичные отчеты цивилизаціи. Опытомъ убѣдившись въ нелѣпости этой забавы, ими же впервые пущенной въ ходъ, они устроили у себя постоянную выставку, а на вѣнскую всемірную взглянули съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Изъ этого видно, что только въ нѣкоторыхъ случаяхъ выставка можетъ дать, и то приблизительно, понятіе о сравнительной высотѣ развитія промышленности въ той или другой странѣ. Къ числу такихъ исключительныхъ явленій принадлежатъ, напримѣръ, французскій отдѣлъ. Глядя на него, поневолѣ, что называется, диву даешься. Послѣ того, что Франція вытерпѣла еще недавно, въ виду того, что она

терпѣть еще до сихъ поръ, нѣмецкія газеты коварно замѣчали, что Франція, кажется, потребовала себѣ слишкомъ много мѣста на публичномъ отчетѣ цивилизаціи и что едвали французскій отдѣлъ будетъ удовлетворителенъ. Но французскій отдѣлъ устроился и положительно затмилъ все. Что за удивительная представительница фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ».

Тѣмъ не менѣе однако выставка полна всякого рода ложью! Вдали отъ дворца промышленности, за восточными отдѣлами, въ самомъ концѣ выставки есть чудесный уголокъ,—международная деревня. Тутъ стоятъ различные крестьянскіе дома: русскій, севлерскій, венгерскій, галиційскій, форальбергскій и проч. Только эльзассскій крестьянскій домъ находится по сю сторону рѣчки, отдѣляющей главную часть выставки отъ международной деревни. Въ немъ устроенъ ресторанъ и красуется на немъ надпись, почерпнутая повидимому, изъ какого-то древняго источника, несмотря на свою новѣйшую мораль: *Halt fest am Reich, Bauer, es falle süß oder sauer...* Въ международной деревнѣ, въ чертѣ которой, между прочимъ, помѣстились части сельскохозяйственнаго и лѣснаго отдѣловъ, первое мѣсто занимаетъ русскій домъ. Если-бы я не помнилъ заповѣди: не желай дому ближняго твоего, я бы очень желалъ имѣть такой крестьянскій домъ, я бы готовъ былъ для этого стать мужикомъ. Воображаю какимъ патриотическимъ растопыренностямъ предавался бы г. Стасовъ, глядя на него. Дѣйствительно, домъ прелестный: легкій, красивый, двухъ-этажный, съ цѣльными стеклами, весь изукрашенный рѣзьбой и знаменитыми русскими «полотенцами», съ чудесными, свѣтлыми конюшнями, сараемъ и проч. Около этого дома всегда толпа народу. Одни объясняютъ другъ другу, что вотъ тутъ—дескать—«Kladewoza», а тутъ «Ragadnaua Kommoda» (названія эти красуются въ такомъ видѣ и въ австрійскихъ газетахъ). Другіе нѣсколько недовѣрчиво качаютъ головой. Еще бы! На меня, грѣшнаго, неспособнаго къ патриотическимъ растопыренностямъ, этотъ восхитительный домъ произвелъ отвратительное впечатлѣніе, именно своею восхитительностью. Пусть кто хочетъ радуется національному стилю его постройки и украшеній, но для меня онъ мерзость и ложь. Зачѣмъ здѣсь, въ международной деревнѣ, стоятъ этотъ красавецъ домъ камерціи совѣтника И. Ф. Громова, построенный академикомъ Е. И. Винтергалтеромъ? Если-бы въ международной деревнѣ существовало самоуправленіе, соответственное идеаламъ нѣкоторыхъ петербургскихъ дворянъ, тогда, я понимаю, можно бы было послать въ этомъ красавцѣ волостнаго старшину. Но кто смѣетъ называть его «мужичкинымъ домомъ», *russischer Bauernhaus*? Въ томъ то и дѣло, что всѣ смѣютъ, потому что всѣ привыкли видѣть въ «национальномъ»—«народномъ», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности нація есть не народъ, а извѣстная, старая, подъ старыми богами обрѣтающаяся комбинація ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Народъ

русскій, русскіе гефюльсменши участвовали, конечно въ созданіи и выработкѣ этихъ коньковъ, полотенецъ, всѣхъ этихъ дѣйствительно прекрасныхъ узоровъ рѣзбы. Но, господа растопыренные патриоты, будьте новыми Шамполионами, дайте влючъ къ этимъ іероглифамъ, расскажите чтѣ бродило въ головѣ и на сердцѣ тѣхъ древнихъ гефюльсменшовъ, которые впервые вывели эти хитрые узоры. Быть можетъ вкнутъ ферштандсменша напругъ эстетическую способность гефюльсменша, быть можетъ тутъ вырѣзана цѣлая повѣсть о «горѣ-злосчастіи», быть можетъ это вложенный въ кусокъ дерева заунывный тонъ русской пѣсни, а можетъ и мечта «слихаго человѣка» объ лѣсѣ дремучемъ тутъ засѣла. Впрочемъ вамъ, мои растопыренные, не подѣ силу разобрать эти іероглифы, да и никому должно быть эта работа не подѣ силу. А вы, вы знаете только, что деревянныя постройки съ деревянными украшеніями національны, ибо соотвѣтствуютъ нашему лѣсному богатству. Наблюденіе удивительно тонкое, но мнѣ всегда казалось, что если маленькій деревянный домъ лучше большой каменной болѣзни, то даже маленький каменный домъ лучше маленькаго деревяннаго. И право, если ужъ въ домѣ коммерціи совѣтника И. Ф. Громова окна съ цѣльными, чуть ли даже не зеркальными стеклами, то почему бы ему не быть каменнымъ. Вѣдь національное русское стекло есть, кажется, слюда, а то такъ и просто дыра. Если-бы въ домѣ коммерціи совѣтника И. Ф. Громова оставить рѣзбу, но разбить стекла и кое гдѣ заткнуть дыры грязными тряпками, навалить на крышу соломы и проч., и проч., то это былъ бы дѣйствительно русскій крестьянскій домъ, russischer Bauernhaus, а теперь это домъ волостнаго старшины идеальной всесословной волости петербургскихъ дворянъ. Положимъ, что разбитыя стекла, ѣдкій дымъ въ «рагаднауа Kommoda», кучи грязи въ «Kladewoуа» и проч. неумѣстны на публичномъ отчетѣ цивилизаціи. Это было бы слишкомъ ужъ правдиво. Но все-таки est modus in rebus. Тутъ-же въ международной деревнѣ живымъ укоромъ русскому красавцу стоитъ, напริมѣръ, домъ галиційскаго мужика: маленький, одноэтажный, тоже деревянный, но безъ завитковъ, съ крошечными окнами, крытъ соломой, внутри чисто, но очень бѣдно: голыя деревянныя кровати, прикртыя грубыми одѣялами, на печкѣ и на полкахъ грубая глиняная посуда, по стѣнамъ лубочные образа. А воображаю какова внутренность русскаго крестьянскаго дома: посуда должно быть отъ Сазикова или Овчинникова, но за то въ національномъ стилѣ, мебель должно быть изумительная, образа въ золоченныхъ ризахъ «съ хонты и лаллы» и т. п. Говорю: должно быть, потому что до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, въ русскій крестьянскій домъ не пускають, да оно и понятно, — гдѣ же такому важному барону всѣхъ предѣ свои пресвѣтлыя очи пускать. Несмотря однако на всю эту важность русскаго мужицкаго дома, надпись на недалеко отъ него стоящей некрасивой трансильванской избѣ выра-

жасть вѣсколько больше движенія къ мужику. Вотъ эта наивная и гордая надпись: Der Kaiser führt das Schwert. der Bauer führt den Pflug. Wer Allebeid'nicht ehrt, der ist gewisz nicht klug. т.-е.: императоръ править мечомъ, мужикъ—плугомъ, кто ихъ обоихъ не уважаетъ, тотъ навѣрно не уменъ. Мнѣ кажется, что растопыренные sind gewisz nicht klug...

Но менѣе, а пожалуй даже еще болѣе лии увидимъ мы въ выставкѣ, если отъ выставленныхъ предметовъ перейдемъ къ глазѣющей (думаю, что это не совсѣмъ вѣзливое выраженіе вполне умиѣстно) на нихъ публикѣ. Самое видное мѣсто на выставкѣ занимаютъ ткани бумажныя, шерстяныя, шелковыя, полотняныя. Это вполне резонно и естественно. Впервыхъ рассчитано, что расходы на одежду простираются отъ 14—20% всякаго семейнаго бюджета. Повторныхъ ни на одной отрасли промышленности не отразились въ такой мѣрѣ обоюдоострые результаты дѣятельности фирмы «ферштандсменшъ и гефюльсменшъ»: поразительный ростъ производства и потребленія, громадныя техническія улучшения и вмѣстѣ съ тѣмъ обнищаніе и паденіе гефюльсменша. Огромное большинство публики, весьма впрочемъ естественно, ни мало не интересуется всѣмъ этимъ и останавливается только передъ какими нибудь особенно красивыми матеріями, чтобы полюбоваться на узоръ и краски. Но узоръ и краски гораздо ярче и затѣйливѣе на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ, и вообще тамъ, гдѣ старыя боги сильнѣе. Это справедливо даже, на примѣръ, относительно европейскихъ бумажныхъ тканей, находящихся, вообще говоря, подъ особеннымъ покровительствомъ новыхъ боговъ. Во Франціи до сихъ поръ дѣйствуетъ до 200,000 ручныхъ станковъ. На нихъ работаютъ ткачи, отказавшіеся отъ мысли конкурировать съ машиннымъ производствомъ, но приспособившіеся къ новымъ богамъ косвеннымъ путемъ. Они производятъ такія модныя матеріи, для производства которыхъ, по недолговѣчности моды, было-бы слишкомъ дорого устраивать машинный станокъ, равно, какъ и нѣкоторые другія вязанныя ткани, не поддающіяся машинной обработкѣ. Передъ этими матеріями публика, разумѣется, останавливается, не подозрѣвая, что она любитъ на продуктъ стараго, отсталого способа производства, сохранившагося въ пустынѣ цивилизаціи въ видѣ оазиса, благодаря капризамъ моды. Да ей, публикѣ, впрочемъ до этого и дѣла нѣтъ. Она до такой степени объята цивилизаціей со всѣхъ сторонъ въ своемъ домашнемъ и общественномъ быту, что на выставкѣ склонна искать не публичнаго отчета цивилизаціи, а напротивъ отдыха отъ нея. Она толпится около великолѣпнаго парюра, выставленнаго придворными вѣнскими брильянтичками Kobek Aegidi и стоящаго около полутора миліона гульденовъ, около венгерскихъ опаловъ, богемскихъ гранатовъ, русскихъ серебряныхъ и малахитовыхъ вещей. А это все предметы, болѣе или менѣе чуждые цивилизаціи, какъ потому, что украшения этого рода

любими диварями даже больше, чѣмъ цивилизованными людьми (прибавлю, и женщинами больше, чѣмъ мужчинами, дѣтьми больше, чѣмъ взрослыми), такъ и потому, что они суть продукты ремесленного, т. е. болѣе или менѣе отсталого въ техническомъ отношеніи способа производства. Я увѣренъ, что когда знаменитыя 330 драгоценностей его величества султана откроются для публики (ихъ до сихъ поръ не показываютъ), къ нимъ не проберешься, во первыхъ потому, что это драгоценности, а во вторыхъ потому, что это Востокъ. Пристрастіе къ восточнымъ отдѣламъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ посѣтителей выставки: Японія, Кятай, Сіамъ, Марокко, Тунисъ, Египетъ всегда биткомъ набиты. Точно также множество народу напряженно слѣдитъ за постройкой дворца египетскаго вице-короля, японскаго, турецкаго домовъ; въ турецкой кофейной нѣтъ прохода отъ людей, желающихъ затянуться изъ турецкаго tschibuk и выпить чашку турецкаго кофе; въ японскомъ базарѣ—отъ людей, желающихъ, если не купить, такъ по крайней мѣрѣ поглазѣть на японскіе вѣера, фонари, портсигары, ящики, матерія и проч. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что, напримѣръ, японскія бронзовыя отливки и мелкія вещи изъ черепахи, дерева, кожи, слоновой кости положительно превосходны. Естественно наконецъ желаніе посмотрѣть на диковинки полуцивилизованныхъ или не по европейски цивилизованныхъ народовъ. Но присмотритесь и прислушайтесь къ отношенію публики къ восточнымъ отдѣламъ, и вы придете къ странному результату. Казалось-бы, какія чувства можетъ вызвать въ цивилизованномъ европейцѣ, пользующемся благами конституціонной свободы, напримѣръ, созерцаніе нелѣпой роскоши великолѣпнаго повелителя нищаго Египта? Негодованіе? насмѣшку? Ничуть не бывало: всѣ глазѣютъ на диковинный дворецъ Хедива почтительно и даже нѣсколько восторженно. Модель тунисскаго ферштандсменша, вкушающаго миндальные пряники, хотя и не пользуется такими симпатіями, но все таки не вызываетъ и никакихъ отрицательныхъ чувствъ. Не одна дамская голова мечтаетъ вѣроятно о яванскомъ браслетѣ въ видѣ змѣи, или о расшитомъ золотомъ тунисскомъ сѣдлѣ, сидя на которомъ было-бы такъ пріятно прогалоцировать по главной аллеѣ Пратера. О сералѣ Хедива задумывается вѣроятно не мало мужчинъ. Я ужъ не говорю о томъ, что всякому пріятнѣе выкурить трубку хорошаго и сравнительно недорогого турецкаго табаку, чѣмъ сверную австрійскую папиросу или сигару, такъ что толкотня въ турецкой кофейнѣ не представляетъ собою ровно ничего загадочнаго. Но, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства an und für sich восточныхъ произведеній, вы можете наблюдать въ высшей степени любопытный фактъ: если на публичномъ отчетѣ цивилизаціи сія послѣдняя растетъ по направленію отъ востока къ западу, то вниманіе и даже восторги посѣтителей выставки

ростутъ въ обратномъ направленіи. Прибавьте къ этому, что машинный отдѣлъ почти пустъ и былъ-бы еще болѣе пустъ, еслибы не представлялъ удобнаго прохода въ другіе отдѣлы. Прибавьте еще вышеупомянутое замѣчаніе, что краски и узоры ярче и затѣйливѣе, вообще говоря, въ продуктахъ ремесленного, технически неразвитаго производства. Сообразивъ все это, вы увидите, что публичный отчетъ цивилизаціи есть торжество отсталости, торжество старыхъ боговъ надъ новыми. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь дворецъ Хедива, или 330 султанскихъ драгоценностей, или множество другихъ восточныхъ вещей должны-бы были фигурировать на публичномъ отчетѣ цивилизаціи въ качествѣ пройденныхъ ступеней, къ которымъ возврата нѣтъ и возвратъ не желателенъ. А они вызываютъ удивленіе и восторги. Развѣ это не побѣда старыхъ боговъ надъ новыми? Значить, выставка и еще разъ ложь, потому что торжество новыхъ боговъ несомнѣнно.

Скажутъ можетъ-быть, что не всѣ же посѣтители выставки просто шатаются по Пратеру, дворцу промышленности, международной деревнѣ и проч. Есть-же и люди, поучающіеся вообще, есть и специалисты, изучающіе подробности своего дѣла. Конечно есть. Но, напримѣръ, Россія затратила больше мильона рублей (считая расходы казенные и частныхъ экспонентовъ). И надо думать, что сумма эта могла-бы быть истрачена для тѣхъ же цѣлей гораздо производительнѣе, чѣмъ на выставкѣ.

Какъ поприще мирнаго соперничества народовъ всего міра, выставка есть ложь, потому что народы обыкновенно послѣ выставки дерутся, чего, разумѣется, упаси Богъ на этотъ разъ.

Она есть ложь, потому что ростъ цивилизаціи совершается *vigibus unitis* не народовъ, а ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ.

Какъ публичный отчетъ цивилизаціи, она есть ложь, потому что скрадываетъ всю тѣневую сторону поступательнаго шествія цивилизаціи.

Она ложь потому, что частности ея нарумянены и подбѣлены до нелѣпости, до постройки напримѣръ дворца подъ именемъ мужицкой избы.

Наконецъ, она есть ложь, потому что, по своимъ собственнымъ свойствамъ и по свойствамъ публики, не въ силахъ показать дѣйствительное торжество новыхъ боговъ, со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами.

Правды слѣдуетъ искать не на выставкѣ, не въ зданіяхъ ея, а въ балаганахъ Пратера, на улицѣ, въ ресторанахъ, въ театрѣ. Тамъ вы вездѣ поймете и то, что народы готовы сейчасъ же разодраться, и то, что цивилизацію дѣлаютъ ферштандсменши и гефюльсменши, и взаимныя отношенія этихъ двухъ видовъ вида *Nomo sapiens*, и фактическое торжество новыхъ боговъ.

Но прежде, чѣмъ идти туда, гдѣ цвѣтеть и приносить плоды правда, я долженъ сознаться, что сильно забѣжалъ впередъ. Я началъ собственно рассказывать, что я увидѣлъ на выставкѣ въ первый день моего посѣщенія. Но ни въ этотъ день, ни во многіе послѣдующіе, на выставкѣ не было ни правды, ни лжи, а были нераскупоренные ящики, надписи: *verbotener Eingang*, разноязычные крики ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ, расколочиваніе, распаковка, разстановка, вообще нѣчто напоминающее картину г. Айвазовскаго «Сотвореніе міра». Духъ барона Шварца носился надъ этимъ хаосомъ. Усталый отъ ходьбы и тщетныхъ поисковъ публичнаго отчета цивилизаціи, я вышелъ въ паркъ, присѣлъ на стулъ, за что надзирающая за стульями миловидная дѣвица немедленно взыскала съ меня 10 крестеровъ, и закурилъ папиросу. Сосѣдъ нѣмецъ попросилъ у меня огня, вслѣдствіе чего, какъ водится, завязался разговоръ.

— Позвольте, говорю, спросить, что собственно теперь дѣлають на выставкѣ?

— *Man arbeitet.*

Нѣмецъ, очевидно, не понялъ моего вопроса. Я объяснилъ ему, что вижу, что гефюльсменши работаютъ, но чѣмъ занимаются посѣтители, ферштандсменши, вотъ, говорю, какъ мы съ вами?

— *Man bummelt.*

Нѣмецъ былъ не краснорѣчивъ, но кратко и ясно до послѣдней степени. *Man bummelt!* Я и не догадался, а между тѣмъ дѣло такъ просто и ясно. Всѣ эти почтенные ферштандсменши съ бородами, усами и бакенбардами всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ, съ бутоньерками и безъ оныхъ, эти господа австрійскіе офицеры въ кокетливыхъ небесно-голубыхъ, побѣжало-сѣрыхъ, свѣтло-зеленыхъ кургузыхъ мундирчикахъ, весь этотъ болтающій, молчащій, суетсящійся, спокойно сидящій, пьющій, курящій людъ, съѣхавшійся съ разныхъ концовъ свѣта принимать отъ цивилизаціи отчетъ,—все это *Bummeler'n!* Бумлеръ,—это въ родѣ какъ фланеръ, болѣе или менѣе веселый, празднично-шатающійся бездѣляникъ. Занятіе хорошее, безобидное, неголоволомное и въ пищеварительномъ отношеніи неопѣненное. Наткнувшись на эту послѣднюю особенность бумлерскаго занятія, я почувствовалъ, что я страшно голоденъ и, пожелавъ не краснорѣчивому, но кратко и ясно нѣмцу всякаго благополучія, отправился въ русскій ресторанъ.

Въ гастрономіи я патриотъ, и за границей меня часто одолеваетъ тоска по той частицѣ родины, которая называется щами и кулебякой. Я патриотъ не безусловный. Здѣсь, на публичномъ отчетѣ цивилизаціи можно найти образчики гастрономическихкихъ вкусовъ, если не народовъ всего міра, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ европейскихъ націй: здѣсь есть кухня французская, англійская, нѣмецкая, русская, венгерская, итальянская,

шведская. И теоретически я готовъ отдать преимущество французской кухнѣ, которая, подобно французскимъ идеямъ и французскимъ модамъ, завоевываетъ весь міръ, въ которой различныя питательныя вещества совмѣщены въ надлежащей пропорціи, въ которой нѣтъ ни слишкомъ грубаго реализма англійской кухни, ни приторнаго идеализма кухни нѣмецкой, ни наконецъ, надо признаться, нѣкоторой тяжеловѣсности и неповоротливости русской кухни. Тѣмъ не менѣе, однако, къ шамъ и кудебямъ время отъ времени все-таки тянется. Да проститъ мнѣ читатель эти нѣсколько строкъ о гастрономіи въ корреспонденціи о публичномъ отчетѣ цивилизаціи. Дѣло въ томъ, что этотъ отчетъ вовсе не такая важная птица, какъ кажется издали, а гастрономія вовсе не такая пустая вещь, какъ объ ней обыкновенно думаютъ, и бѣднаго Фурье совершенно напрасно осмѣили за его «гастрософію». Задачи духа всё сводятся къ тому, чтобы познать свою зависимость отъ плоти и окружающаго міра вообще и затѣмъ, при помощи этого познанія, овладѣть этимъ міромъ. Свойства пищи составляютъ одно изъ сильнѣйшихъ вліяній на развитіе человѣка и, слѣдовательно, одно изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы съ вѣдшимъ міромъ. Если преувеличено мнѣніе Молешота, что реформація произведена распространеніемъ кофе, то все-таки кто знаетъ, какое вліяніе имѣло на разработку различныхъ типовъ ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ различныхъ націй различіе ихъ пищи. Наши финны и brave венгерцы, какъ извѣстно, близкіе родственники, но они нисколько другъ на друга не похожи, и въ этомъ различіи, надо думать, не послѣднюю роль играетъ то обстоятельство, что они сидятъ на разной пищѣ. Можетъ быть нашихъ финновъ стоитъ только покормить бараниной съ краснымъ перцемъ, да попить венгерскимъ виномъ, чтобы они выпустили изъ себя Кошутовъ и Клопокъ, а посади венгерцевъ на картофель, такъ можетъ быть никакой Австро-Венгрія не существовало бы...

Русскій ресторанъ есть слѣдующее: снаружи русская изба, плоховатая, непримѣръ похуже дома г. Громова, а внутри петербургскій трактиръ средней руки, находящійся подъ управленіемъ петербургскаго ресторатѣра Францля. Отъ обыкновенныхъ петербургскихъ трактировъ того-же калибра выставочный ресторанъ отличается во первыхъ непомѣрными цѣнами. По случаю толковъ о дороговизнѣ была произведена официальнымъ путемъ ревизія цѣнъ въ различныхъ ресторанахъ, и при этомъ оказалось, что въ чертѣ выставки самый дорогой ресторанъ есть нашъ, отечественный или вѣрнѣе г. Францля. Второе отличие состоитъ въ томъ, что полове въ выставочномъ ресторанѣ одѣты не по петербургски, не во фракахъ, а по московски, въ цвѣтныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ рубахахъ съ косымъ воротомъ. Нѣкоторые изъ нихъ весьма бойко выражаютъ свои мысли на нѣмецкомъ языкѣ, мысли, правда, немногосложныя, больше насчетъ бифштеку и борщу. Я потомъ довольно часто за-

ходилъ помянуть родину въ русскій ресторанъ и видѣлъ тамъ презабавныя сцены. Снаружи, какъ уже сказано, онъ очень невзраченъ, такъ что туда заходятъ иногда народъ совсѣмъ бѣдный, особенно по праздникамъ, когда за входъ платится 50 крейперовъ. Придетъ нѣмецъ съ нѣмкой, спросятъ себѣ по кружкѣ пива, а изъ кармана вытащутъ свой хлѣбъ, свою Salami или Extrawurst и завтракаютъ себѣ, иной разъ и еще, и еще по кружкѣ пива спросятъ. При расчетѣ оказывается, что за каждую кружку, стоящую во всякомъ другомъ мѣстѣ 10—15 крейперовъ, въ невзрачномъ русскомъ ресторанѣ надо заплатить 20. А бойкіе половые между тѣмъ негодуютъ на то, что нѣмецъ съ своей колбасой пришелъ, и тутъ опять недоразумѣніе.

— Удивляюсь я на здѣшнюю публику-сь, говорилъ мнѣ одинъ изъ половыхъ. У насъ развѣ кто изъ простаго званія, такъ съ своимъ хлѣбомъ въ заведеніе приходятъ чай пить. А здѣсь придутъ, спросятъ это пива и сейчасъ изъ кармана колбасу. Прямые, извините меня, колбасники-сь...

Высокообразованный половой, обманутый круглой шляпой нѣмца, полагалъ, что они не изъ «простаго званія», а тѣ въ свою очередь, обманутые скромнымъ видомъ русскаго ресторана, полагали, что онъ устроенъ именно для простаго званія. Надо думать, что публичный отчетъ цивилизаціи отероетъ наконецъ глаза и тѣмъ, и другимъ, и такимъ образомъ сблизитъ народы. Сблизитъ онъ насъ, надо надѣяться, и съ братьями славянами. Въ русскій ресторанъ являются по временамъ черномазые люди въ родѣ тѣхъ, какіе навѣщали Инсарова. Они необыкновенно тщательно и чисто выговариваютъ русскія слова, съ необыкновенною любовью пьютъ очищенную, ѣдятъ щи, булебяку, селянку. Тутъ я, не шута, убѣдился, что дѣйствительно существуютъ братья славяне, наивнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ образомъ любящіе Россію. Но когда имъ подають счетъ, они неодобрительно покачиваютъ головами и что-то быстро говорятъ другъ другу. Насколько я могъ понять, они не повторяютъ при этомъ словъ Инсарова: «о, вы русскіе, у васъ золотыя сердца»!..

Выходя изъ русскаго ресторана, я наткнулся на прямо противъ него строящійся павильонъ русскаго императора. Смотрю: постукиваютъ топорами, поплеиваютъ въ ладони и переругиваются трехъ этажными словами русобородные молодцы въ розовыхъ ситцевыхъ рубахахъ.

— Откуда, ребята?

— Ярославскіе.

— Что же, хорошо вамъ тутъ?

— Ничего...

— Много-ли жалованья?

— Да двадцать пять въ мѣсяцъ, харчи хозяйскіе.

— Хорошо кормятъ?

- Кормить...?
- Ну, значить, и ладно?
- Дома лучше.
- Что такъ?
- Да нальютъ тебѣ тутъ бульону этого...

Русобородные молодцы опять заплевали въ ладони, застучали топорами и заругались трехъ-этажными словами ¹. Я пошелъ дальше, — къ японцамъ. Тѣ тоже постукивали топорами, но больше молчали. Удивительный народъ! Дождь пойдетъ, всѣ попрочутся, только японскій гефюльсменшъ въ синей курткѣ съ драконами на спинѣ сидитъ на крышѣ и что-то ковыряетъ, и удивительно ковыряетъ: я такой плотничьей работы не видывалъ, хваленные русскіе плотники въ подметки японцамъ не годятся. Японскіе ферштандсменши тоже народъ очень милый. Когда открылся японскій базаръ, надо было видѣть терпѣніе и любезность, съ которыми эти маленькіе человѣчки цвѣта нечищенного сапога объясняли и руками, и ногами, и головой значеніе и цѣну своихъ вещей какому-нибудь тупоголовому нѣмцу. «Фись, фись», твердилъ, стараясь выговорить нѣмецкое Fisch, узкоглазенькій человѣчекъ. Эго было, конечно, не совсѣмъ удобопонятно. Но то, что выдѣлывалъ при этомъ человѣчекъ руками, ногами и головой, было до послѣдней степени понятно: дѣло шло объ рыболовной удочкѣ. Въ японскомъ отдѣлѣ дворца промышленности и въ японскомъ базарѣ все подѣ стать маленькимъ узкоглазенькимъ человѣчкамъ: все такое миленское, чистенькое, аккуратное, отчетливое, ясное. Только три предмета нарушаютъ нѣсколько эту гармонию. Вопервыхъ, въ японскомъ отдѣлѣ дворца промышленности висятъ зачѣмъ-то у потолка громаднѣйшіе разноцвѣтные бумажные, шарообразные фонари. Во вторыхъ, тамъ-же стоятъ страшные, престрашные латы и шлемы въ видѣ чудовищныхъ какихъ-то рожъ. Должно быть японцы понимаютъ, что ихъ собственными маленькими и миленскими рожицами нѣтъ никакой возможности устрашить врага. Впрочемъ, теперь, когда японцы обзавелись пушками и прусскими фельдфебелями, дѣло пойдетъ у нихъ иначе. Третій предметъ, нарушающій гармонию маленькаго японскаго міра на выставкѣ, всего интереснѣе. Надъ низенькими, чистенькими зданіями японскаго базара возвышается шесть, а къ концу шеста въ видѣ флага привѣшивается по нѣкоторымъ днямъ, должно быть по праздникамъ, громаднѣйшее изображеніе рыбы, сдѣ-

¹ 8-го іюня (и. ст.) въ павильонѣ русскаго императора случилось слѣдующее несчастье. Трое какихъ-то посѣтителей выставки поднялись на родъ балкона, находящагося на верху павильона. Полюбовавшись видомъ выставки, они стали спускаться опять внизъ по красивой, широкой деревянной лѣстницѣ. Одинъ изъ нихъ отсталъ и отсталъ на свое счастье, потому что подъ остальными двумя поддомлился ступени и они полетѣли внизъ съ высоты 1—1½ сажени. Чѣмъ эта исторія кончилась, пока не знаю.

данное изъ какой-то раскрашенной матеріи. Боюсь соврать, но думаю, что рыба эта длиною около трехъ сажень, такъ что во чревѣ ея могло бы помѣститься нѣсколько штукъ японскихъ ферштандсменшовъ и гефюльсменшовъ. Говорю: во чревѣ, потому что у рыбы, дѣйствительно, есть чрево. Японцы—народъ-реалистъ. Отвлеченныя понятія даются имъ крайне плохо, мифы у нихъ крайне незатѣйливые, а символика ихъ удивительно странно осложняется крайнимъ реализмомъ. Напримѣръ, рыба эта есть какой-то символъ. Ну, мы, напримѣръ, будь у насъ такой символъ, просто вывѣсили бы флагъ съ нарисованной на немъ рыбой. Нарисовали бы мы ее въ маломъ видѣ, хотя она должна бы была изображать символически, скажемъ хоть Кита, въ которомъ жилъ Іона. Японцевъ подобный флагъ не удовлетворить, онъ требуетъ слишкомъ большаго напряженія способности отвлеченія, онъ слишкомъ удаляется отъ того реального предмета, который долженъ изображать. И вотъ японецъ поднимаетъ на шесть вопервыхъ, дѣйствительно, громадную рыбу, а вовторныхъ, дѣлаетъ ее въ видѣ мѣшка, такъ что она надувается вѣтромъ и дѣлается, какъ есть рыбой.

Впослѣдствіи выставка была удостоена посѣщеніемъ японскихъ ферштандсменшовъ самого высшаго сорта, — японскаго посольства. Прибывъ въ Вѣну и осмотрѣвъ ее и выставку, японское посольство осталось вполнѣ довольно публичнымъ отчетомъ цивилизаціи вообще и ролью Японіи на немъ въ особенности. Посольство разсыпалось въ любезностяхъ передъ графомъ Андраши и барономъ Шварцемъ, а сего послѣдняго вознамѣрилось украсить даже орденомъ. Но какъ быть, когда въ Японіи ордена не существуютъ? И вотъ къ миадо шлетса проектъ учрежденія перваго японскаго ордена. Говорятъ, посольство колебалось между тремя проектами: ордена «лестраго слона», ордена «всепоглощающаго Кита» (должно быть это и есть вышеописанная рыба) и, наконецъ, ордена «великой черепахи». Великая черепаха одержала наконецъ побѣду. Но любопытнѣе всего то, что этотъ орденъ будетъ не то, что маленькіе европейскіе кресты и звѣзды. Японскій реализмъ, не можетъ помириться съ подобной символикой. Орденъ великой черепахи будетъ, какъ слѣдуетъ быть великой черепахѣ: онъ будетъ носиться въ видѣ двухъ большихъ щитовъ спереди и сзади. Воображаю удовольствіе барона Шварца, когда онъ, въ награду за всѣ свои хлопоты по устройству выставки, долженъ будетъ прогуливаться въ торжественныхъ случаяхъ съ орденѣ великой черепахи! Чтобы по достоинству оцѣнить всю глубину этого реализма, надо нѣсколько отрѣшиться отъ Японіи, которая, будучи для насъ страной диковинокъ вообще, не можетъ особенно выдаться какою-нибудь курьезною частностью. Но представимъ себѣ, что подобный реализмъ овладѣлъ Европой и что европейскіе кавалеры разныхъ орденовъ не увѣшаны крестами, а сами вдѣты на кресты...

Пропатался я такимъ образомъ по выставкѣ ровно до 6 часовъ, когда дворецъ промышленности и другія зданія выставки запираются и остаются еще нѣсколько времени открытыми только рестораны. Куда дѣваться? Театръ есть, какъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ, когда не очень рано и не очень поздно, а сидѣть дома не хочется, единственное убѣжище. И я пошелъ въ театръ An der Wien. Давали оперетку Штрауса «Карнаваль въ Римѣ», передѣлку, если не ошибаюсь, какой-то французской комедіи. Вещь эта весьма и весьма бездарная, особенно если принять въ соображеніе богатство матеріала въ драматическомъ, и въ музыкальномъ отношеніи. Нѣмецкая гастрономія предписываетъ ѣсть жаркое съ вареными въ сахарѣ вишнями и черносливомъ. Нѣмецкое веселье и нѣмецкая насмѣшка, даже въ Вѣнѣ, наименѣе нѣмецкомъ изъ большихъ нѣмецкихъ городовъ, осложняются непременно тоже въ своемъ родѣ варенымъ въ сахарѣ черносливомъ. И только весьма рѣдко черносливъ не пересахаривается и образуетъ съ жаркимъ нѣчто гармоническое, нѣчто не противное на вкусъ человѣка, не имѣющаго чести считать себя членомъ великой германской семьи. Правда, въ этомъ именно отношеніи Германія можетъ похвастаться колоссомъ—Гейне, въ которомъ веселье и насмѣшка съ необычайнымъ изяществомъ осложняются сантиментальностью. Но объ исключеніяхъ говорить нечего. Какъ бы то ни было, но оперетка Штрауса въ дѣломъ скучна до послѣдней степени. А между тѣмъ, не говоря о сценахъ карнавала,—матеріалъ, кажется, достаточно благодарный, — въ ней есть, на примѣръ, слѣдующее: сцена раздѣлена на двѣ части заборомъ вдоль, такъ что обѣ половины сцены видны зрителямъ. Въ лѣвомъ отдѣленіи готовится веселая пирушка, въ правомъ чинно гуляютъ монахини и поютъ, надо думать, что-нибудь благочестивое, затѣмъ уходятъ. Между тѣмъ въ лѣвой половинѣ пирушка подвигается, собираются веселые кавалеры и дамы, раздаются плясовые звуки. Въ правой половинѣ къ забору подбѣгаютъ одна за другой молоденькія монахини, прислушиваются къ пѣно-плясовой музыкѣ и наконецъ не выдерживаютъ,—начинаютъ канканировать, какъ есть въ рясахъ и капюшонахъ. Сошлюсь на нашихъ ученыхъ музыкальныхъ критиковъ, которые, какъ бы они ни смотрѣли на сюжетъ, должны признать этотъ контрастъ весьма благодарнымъ въ музыкальномъ отношеніи. Но у Штрауса ничего не вышло. Меня впрочемъ не съ музыкальной стороны занимала оперетка. Я смотрѣлъ на нее, какъ на то самое торжество новыхъ боговъ надъ старыми, котораго нѣтъ возможности уловить на публичномъ отчетѣ цивилизаціи, вѣнской всемирной выставки тожь. Кромѣ описанной сцены, въ опереткѣ есть еще слѣдующія. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ переодѣвается монахомъ, продаетъ различныя священныя вещи въ родѣ палки, которою Моисей извлекалъ изъ скалы «не только воду, но и пиво, и вино», пуговицы, которыя

оторвались у Юсефа Прекраснаго во время болѣзни съ женою Пентефріа и т. п. То же самое дѣйствующее лицо съ умилени- нымъ видомъ произноситъ якобы текстъ св. писанія: «*ga ga avis!*» «*Plenus venter non studet libenter!*» и проч. И все это изобра- жается въ столицѣ имперіи, которая такъ много послушила въ свое, очень еще не давнее, время дѣлу католицизма и глава которой носитъ титулъ «апостолическаго величества!» Почему эта сторона современной жизни, сторона очевидно очень важ- ная, не представлена на публичномъ отчетѣ цивилизаціи, кото- рый имѣетъ однако претензію обнимать всѣ стороны жизни: въ немъ есть элементы научные, художественные, промышлен- ные, этнографическіе, культурно историческіе. Какъ *ga ga avis*, какъ нѣчто рѣдкое, торжественное, солидное, публичный от- четъ цивилизаціи могъ бы представить паденіе католицизма не въ видѣ, конечно, глумленія надъ его догматами, обрядами и преданіями, а какъ-нибудь иначе, но онъ ничего въ этомъ родѣ не представилъ. Нужные для этого элементы нежалуй всѣ находятся на лицо, но они до такой степени разбросаны, что, будь даже публика, посѣщающая выставку, не толпа *Vish- nileg'овъ*, комбинировать эти элементы для надлежащаго выво- да—было-бы по малой мѣрѣ трудно. Конечно, не лишено нѣ- которой пикантности и выразительности, наирѣзъ, то обстоя- тельство, что въ турецкомъ отдѣлѣ, въ витринѣ съ іерусалим- скими рѣзными перламутровыми изображениями святыхъ кра- суются портреты императора Вильгельма и даме, католическими газетамъ антихристу подобяемаго, князя Бисмарка. Но это сооставленіе есть просто случайная наивность, *zansst simplicitas* іерусалимскаго экспонента. Тогда какъ въ театрѣ дѣло стоитъ передъ вами во всей своей правдѣ и наготѣ. И зави- сить это оттого, что оперетка Штрауса, какъ-бы бездарна она ни была, есть отраженіе жизни. А публичный отчетъ цивили- заціи, какъ-бы грандіозенъ онъ ни былъ, есть подкрашен- ная мертвечина, гробъ поваленный.

День прошелъ, другой прошелъ. Я все ходилъ на выставку и искалъ публичнаго отчета цивилизаціи. Наконецъ это стало невнятнымъ. Томительно медленно поднималось изъ хаоса твореніе барона Шарца. Каждый день нераскупоренные ящики, устанавливаемыя витрины и *verbotener Eingang*, и опять нерас- купоренные ящики, устанавливаемыя витрины и *verbotener Ein- gang*. Интересъ выставки, по крайней мѣрѣ для раннихъ, торо- пивыхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ былъ и я, подрывался въ корнѣ. Въмѣсто того, чтобы быть съ разу ослѣпленнымъ чудеса- ми цивилизаціи, я присутствовалъ при ростѣ выставки, я видѣлъ какъ она увеличивалась и развертывалась вершокъ за вершокъ, фунтъ за фунгомъ. Это было во первыхъ скучно, а во вторыхъ ослабляло впечатлѣніе. Я рѣшилъ ухъать куда-нибудь на нѣ- сколько дней, чтобы потомъ съ большимъ рвеніемъ предаться созерцацію выставки. Я выбралъ Пештъ. Побѣдая въ столицу

Т. ССVIII.—Отд. II. 18

Венгрии не входитъ въ планъ этой корреспонденціи, но, съ вашего позволенія, я скажу объ ней нѣсколько словъ собственно для заключенія письма.

Въ Пештъ я ѣхалъ по Дунаю, который совсѣмъ не былъ и сравнительно съ нашей Волгой не особенно schön: и желтѣе, и уже, и меньше оживленъ, такъ какъ у него отнимаетъ хлѣбъ желѣзная дорога. Берега, по крайней мѣрѣ, на протяженіи отъ Вѣны до Пешта, вообще скучны и однообразны. Но есть три, четыре мѣста чрезвычайно живописныхъ. Таковъ, на примѣръ, видъ Гайнбурга, лежащаго какъ разъ на границѣ Австріи и Венгрии: на высокой горѣ внушительнаго вида развалины стараго феодальнаго замка, а внизу казенная табачная фабрика. Такъ что и здѣсь вы видите живѣе то торжество новыхъ боговъ, котораго нѣтъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи. Только здѣсь вы видите схватку фабрики съ феодализмомъ, схватку оконченную, какъ свидѣлствуютъ развалины замка и спокойная дѣятельность на табачной фабрикѣ.

Красивъ также съ Дуная видъ Буды-Пешта, бывшихъ Песта и Офена, лежащихъ по обѣ стороны рѣки. Что я дѣлалъ въ Пештъ—разсказывать не стоитъ, потому что, откровенно говоря, ничего не дѣлалъ. Былъ, между прочимъ, въ парламентѣ, слушалъ рѣчи на ни на что не похожемъ венгерскомъ языкѣ и, само собою разумѣется, ничего не понималъ. Тѣмъ Меттернихъ, я думаю, тоже ничего тутъ не поняла бы, не потому, чтобы покойникъ не зналъ венгерскаго языка, а потому, что такіа дѣяленія, какъ Меттернихъ и венгерскій парламентъ не могутъ быть другъ другу понятны ни на какомъ діалектѣ. Вѣдний Меттернихъ! Могъ-ли онъ, краса и гордость государственныхъ людей своего времени, предвидѣть венгерскій парламентъ! Могъ-ли онъ думать, что на его мѣстѣ, на мѣстѣ машиниста великой австрійской государственной машины будетъ когда-нибудь стоять бывший мятежникъ, венгерецъ графъ Юлій Андраши, сподвижникъ Кошута, бѣглецъ, заочно приговоренный къ смерти!

Выходя изъ парламента, я купилъ номеръ Пештскаго Людда и

Da hörte ich plötzlich das traurige Mähr...

Въ Вѣнѣ—Krach! Знаете-ли вы, что такое Krach? Это не простое звукоподражаніе. Это нѣчто въ родѣ социальной холеры, страшная эпидемія. Krach—это биржевой погромъ. И надо же было ему случиться какъ разъ въ минуту публичнаго отчета цивилизаціи!

Ник. Михайловскій.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Журнальному обозрѣвателю событій внутренней жизни, какъ бѣлѣ въ колесѣ, постоянно приходится вращаться около однихъ и тѣхъ же вопросовъ, безпрестанно повторяясь и возвращаясь къ старымъ, оставшимся внизу. Самый назойливый изъ всѣхъ вопросовъ современной русской жизни—это, безспорно, *вопросъ о самоубиеніи* въ разныхъ его видахъ, которое, по распоряженію начальства, вразъ, въ одинъ приемъ, крѣпко врѣзалось въ русскую жизнь, какъ рѣшей въ суконное платье; коснулось всѣхъ подраздѣленій земства, всѣхъ безъ исключенія сословій, даже духовнаго, отличавшагося до сей поры изумительною неподвижностью.

О самоуправленіи земскомъ, городскомъ и крестьянскомъ мы уже говорили не разъ, да еще не разъ приведется и опять къ нимъ возвратиться; прискорбныя столкновенія этихъ новыхъ учреждений съ укоренившимися у насъ прочно, вѣками, порядками и обычаями, до такой степени измѣняютъ ихъ внѣшній видъ и даже самую ихъ сущность, что, вѣроятно, въ скоромъ времени намъ приведется говорить о нихъ, какъ о чужь-то совершенно у насъ новомъ, еще небываломъ.

Въ предлагаемой хроникѣ мы намѣрены остановить вниманіе читателя на почтенномъ нашемъ ученомъ сословіи, которое пользуется самоуправленіемъ такъ уже давно (почти 10 лѣтъ), что въ настоящее время успѣлъ уже возникнуть вопросъ: не слѣдуетъ-ли его уничтожить, какъ ненужное, и оказавшееся даже вреднымъ, или, по крайней-мѣрѣ, значительно съузить, или стѣснить?

По университетскому уставу 1863 года, эти высшія учебныя учрежденія получили новыя права, значительно обширнѣе старыхъ, которыя въ длинный промежутокъ времени съ 1833 года (съ изданія стараго устава) успѣли уже обратиться въ нуль, въ ничто. Старый уставъ 1833 года, то-же, какъ и нынѣ существующій, основанъ былъ на весьма либеральныхъ началахъ; профессора по этому уставу, какъ и нынѣшніе, пользовались значительною долею самостоятельности, но каждому однако-же извѣстно, что напрямѣръ, въ сороковыхъ годахъ, гг. попечители обращались съ профессорами какъ ротные командиры стараго

закала съ солдатами. Въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ и до послѣднихъ дней свѣжо еще преданіе объ одномъ попечителѣ сороковыхъ годовъ, который, при свиданіи, кричалъ и студентамъ и преподавателямъ, „здорово ребята!“ а нерадивыхъ профессоровъ грозилъ втурить въ бараній рогъ. Недовѣріе гг. профессоровъ къ самостоятельности, обезпеченной за ними уставомъ и обаяніе попечительской власти были до такой степени сильны, что они вовсе и не думали обижаться угрозами своего командира.

По университетскому уставу 1863-го года, назначеніе профессоровъ на кафедрѣ поставлено въ полную зависимость отъ самихъ-же профессоровъ, безъ всякаго вліянія со стороны попечителя. Профессорамъ предоставлено право рекомендовать на вакантныя кафедры молодыхъ ученыхъ, признанныхъ ими достойными, и, если причисленіе къ лику ученыхъ новаго ученаго не грозило которому нибудь изъ старыхъ профессоровъ опасностью остаться передъ смертью безъ мѣста, то новаго ученаго балотировали и избирали; въ противномъ-же случаѣ забрасывали черными шарами, или, по дворянски, *прокатывали на воротахъ*. Доценты избирались тоже профессорами и утверждались въ должности не министромъ, а мѣстнымъ попечителемъ, такъ что, по мнѣнію Московскаго профессора Любимова, „министръ даже не могъ знать, какъ и къмъ номинируются университеты“, хотя очень сомнительно, чтобы попечители имѣли какія нибудь уважительныя причины и возможность скрывать такія вещи отъ своего начальника, который очень хорошо знаетъ, кого онъ назначаетъ въ попечители.

Новый либеральный уставъ принять былъ, разумѣется, съ большимъ удовольствіемъ, даже, можно сказать, отчасти съ восторгомъ; но, къ сожалѣнію, не по винѣ нашихъ ученыхъ, эта радостная встрѣча напомнила собою совсѣмъ иную, вовсе не радостную встрѣчу жениха, грядущаго по полуночи, вродившимися дѣвами со свѣтильниками безъ масла. Готовности со всѣхъ сторонъ было много, но наличныхъ силъ и средствъ не хватало, какъ у храбраго начальника гарнизона, у котораго не хватало пороку передъ самымъ приступомъ непріятеля. Старые сохранившіеся отъ основанія университетовъ профессора (большая часть изъ выписанныхъ нѣмцевъ) успѣли уже, или совсѣмъ умереть, или дойти до полной неспособности ворочать языкомъ, а ничтожная русская армія молодыхъ ученыхъ, послѣ множества поражений, ея претерпѣнныхъ въ теченіи сороковыхъ годовъ, напоминала собою колонну, только что возвратившуюся съ приступа на Федюкины высоты. Повторилось то, что обыкновенно случается въ тяжкія времена испытаній, когда регулярная армія уже измучена и обезсилена, а непріятель бодръ, напр. какъ это было въ послѣдній періодъ крымской компаніи. За неимѣніемъ настоящихъ солдатъ, на площадяхъ губернскихъ городовъ устраивались встрѣчи съ хлѣбомъ и солью

до безобразія низенькимъ, неуловимымъ мужичкамъ въ сермягахъ съ крестами на картузахъ, съ палками за плечами, за немѣнимъ взаправскаго оружія. Кто помнитъ послѣдніе мѣсяцы прискорбной крымской войны, тому навѣрное крѣпко вѣзались въ память подобныя встрѣчи горемычныхъ защитниковъ, которые шли съ палками на непріятеля, а сами крестились и смиренно произносили: „авось Господь помилуетъ?“ Кому памятни времена введенія новаго университетскаго устава, тотъ не забылъ еще, какими слабосильными, низкорослыми рекрутами пополнялись опустѣвшіе ряды нашей арміи науки... Профессора провинціальныхъ университетовъ, получившіе уже возможность перебраться въ столицныя, чтобы хоть кѣмъ нибудь поскорѣе замѣстятъ покидаемыя ими каедры, принуждены были обращаться къ кончающимъ курсъ студентамъ съ покорнѣйшими просьбами занять ихъ, на первое время хоть какъ-нибудь, черезъ пень да колоду: послѣ, молъ, какъ поприсмотритесь, дѣло пойдетъ какъ по маслу! Которые были похрабрѣе — принялись изучать нѣмецкую азбуку и грамматику, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность кое-что прочесть по преподаваемому предмету не по старымъ тетрадкамъ профессора (переводовъ у насъ тогда еще почти не было), а слабохарактерныя предпочитали лучше идти въ юнкера, или въ канцелярію чиновниками. Отъискались храбрые господа, которые по три, по четыре года проповѣдывали съ каедръ въ качествѣ кандидатовъ, напоминая собою тѣхъ воинственнаго вида *кандидатовъ* съ желтыми нашивками на рукавахъ военнаго кафтана, которые иногда вплоть до смерти числятся кандидатами въ офицеры. Нѣкоторые изъ способнѣйшихъ, въ три-четыре года практики, какъ говорится, *навостримись*, дослужились до магистра и даже докторской степени, съ виду сдѣлались похожими на взаправскихъ ученыхъ (лица желтыя, глаза смѣлые), а послѣ усовершенствованій за границей на казенный счетъ, ихъ отъ настоящихъ могъ отличить лишь опытный экспертъ; но все-таки вѣдь не все то золото да серебро, что блеститъ. Какъ-то разъ на Нижегородской ярмаркѣ появились въ большомъ количествѣ будто-бы серебрянныя ложки 84-й пробы. Ложки блестѣли, но скоро потускнѣли, потому-что оказались вовсе не серебрянными, а сбѣтчиковъ отдали подъ судъ...

— «Что посеешь, то и пожнешь» — гласитъ поговорка, придуманная не ученымъ философомъ (изъ духовныхъ, потому что свѣтскіе философы появились очень еще недавно), а практикомъ-хлѣбопашцемъ. На заглошшемъ полѣ, какъ и слѣдовало ожидать, полныя, крапива, да рѣвня выросли и заглушили собою молодые всходы. Покажется кое гдѣ, на плѣшинкѣ, и гречка и колосокъ многоплодной пшеницы, но только въ рѣдкихъ случаяхъ они не гибнуть, потому что у стараго рѣвня корень какъ у дуба, стволъ какъ у осины, а листья лопушника даже небольшого человѣчка отъ солнца прикроютъ.

Со времени введенія новаго университетскаго устава прошло

уже десять лѣтъ. Только слѣпой не увидитъ и глухой не услышитъ о поворотѣ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ къ лучшему сравнительно съ прежнимъ. Въ послѣднее десятилѣтіе появилось у насъ не мало (въ особенности по отдѣламъ естественныхъ, медицинскихъ, математическихъ наукъ) такихъ ученыхъ, которымъ-бы не постыдился ни одинъ изъ европейскихъ университетовъ, но все это пока еще—капля въ морѣ, все это отдѣльныя, разрозненные силы, камни безъ цемента. Не трудно и недолго построить превосходное зданіе для университета, не трудно и не долго настроить кораблей и фрегатомъ, ничѣмъ не уступающихъ англійскимъ, но вразъ развести въ полуграмотномъ государствѣ правильно организованную, полезную для страны ученую корпорацію, вразъ создать превосходный торговый или военный флотъ, не уступающій англійскому—это дѣло невозможное. Пока, кажется, на всей Руси, одинъ только московскій профессоръ Любимовъ думаетъ, что причиной замѣчаемыхъ золь и неурядицы въ нашемъ учебномъ мирѣ—уставъ 1863 года, который, въ сущности, имѣеть для университетовъ почти такое-же значеніе, какъ положеніе 19-го февраля для крестьянъ, городское для городовъ и проч. И въ числѣ помѣщиковъ отъищется не мало такихъ, которые станутъ горячо доказывать, что единственная причина обѣднѣнія крестьянъ—положеніе 19-го февраля, но, во первыхъ, никто изъ этихъ господъ не сумѣетъ доказать фактически, что крѣпостные крестьяне были дѣйствительно богаче теперешнихъ, временно-обязанныхъ оброчами, выкупами и барщиной, а во вторыхъ, никому изъ такихъ господъ не придетъ въ голову сосчитать, на сколько рублей нынѣшніе налоги увеличились противъ прежнихъ. Профессору Любимову просто, почему-то, пришлось не по вкусу уставъ 1863 года и вотъ онъ, какъ старшій, засидѣвшійся въ деревнѣ помѣщикъ, начинаетъ голословно отрядать — не только пользу — но даже самую возможность университетскаго самоуправленія въ Россіи. «Наши университеты — говоритъ онъ — не могутъ считаться и быть корпораціями, самостоятельно сложившимися общественными средствами. Наши университеты учреждены правительствомъ и черпаютъ свои средства изъ государственнаго казначейства... Члены нашихъ университетскихъ корпорацій, будучи профессорами, въ тоже время чиновники». Весь уставъ 1863 года, по мнѣнію г. Любимова, «построенъ на фальшивомъ принципѣ и есть ничто иное, какъ продуктъ моднаго либерализма шестидесятыхъ годовъ». Однимъ словомъ, уставъ негоденъ, вреденъ, слѣдовательно, нужно его уничтожить и замѣнить самоуправленіе единоличной административной властью.

То-же самое толкуютъ и противники земскаго и городского управленій, опираясь на промахи неудачно выбранныхъ дѣятелей и на запуганность и неумѣнье распоряжаться своими дѣлами массы населенія, еще не успѣвшей образоваться послѣ вѣковой отеческой опеки. Тоже самое говорятъ и противники судебной

реформы, опираясь на неумѣстную, будто-бы, доброту присяжныхъ. Никакихъ сравнительно-статистическихъ данныхъ въ подтвержденіе своего мнѣнія не представляютъ и противники университетскаго самоуправленія, отъ которыхъ-бы можно было требовать, болѣе чѣмъ отъ другихъ, примѣненія научныхъ приемовъ.—«Народъ нашъ спился и изворовался!»—кричатъ неугомонный помѣщикъ, пропивающій послѣднее свое выкупное свидѣтельство.—«Народъ нашъ, безъ плетей, въ шайку разбойниковъ превратился!»—кричатъ отвергающій судъ присяжныхъ въ принципѣ.—«*Науки мрутъ, студенты бакалуши бьютъ!*»—кричатъ «Московскія Вѣдомости» (см. № 85-й), которыя, вотъ уже три года, какъ напрасно жмутся и напрыживаются, что-бы хотя чѣмъ нибудь, не совсѣмъ обыкновеннымъ, обратить на себя утраченное къ нимъ вниманіе публики... Всѣ кричатъ, всѣ горячатся, а гдѣ-же, однако-же, доказательства, что 20, или 30 лѣтъ тому назадъ университетское дѣло шло лучше? Ужъ если позволительно выразиться про науки, что онѣ когда нибудь «*мили*» (выраженіе-то какое: точно будто наука, какъ какой нибудь мертвый профессоръ, тоже можетъ гнить!), то въ сороковыхъ годахъ онѣ должны были подвергаться гнѣнію больше, чѣмъ когда-бы то ни было. Многія изъ наукъ не преподавались вовсе, даже любезныя теперь мертвыя языки, подвержены были гнѣнію, потому что ихъ совсѣмъ забросили, а, что касается до тогдашнихъ студентовъ большинства нашихъ университетовъ, то ужъ мы про это и сами, безъ «Московскихъ Вѣдомостей», очень хорошо знаемъ! Пьяныя оргіи, непрерывныя уличныя драки съ пѣшими и конными командами, зубренье по истрепаннымъ тетрадамъ нелѣпныхъ лекцій неумѣющихъ говорить по русски нѣмцевъ-профессоровъ¹—вотъ что, въ неотдаленныя еще отъ насъ времена, замѣняло Катковское «*битие въ бакалуши*»—это, странно выраженное, крайне неопредѣленное обвиненіе, которое очень легко навязать каждому, ни въ чемъ неповинному!

Когда слышишь голословныя, ни на чемъ не основанныя обвиненія, направленные противъ цѣлаго учрежденія, то невольно приходится въ голову, что обвинитель чѣмъ нибудь задѣтъ или обиженъ, не получивъ, напр. отъ лицъ, завѣдующихъ учрежденіемъ, того, на что онъ рассчитывалъ. Каждому извѣстно, что самыя непримиримыя враги судебныхъ и мировыхъ учреждений—тѣ, которые забалотированы въ мировые судьи, или изгнаны изъ службы за неблаговидныя дѣлишки.

¹Одинъ нѣмецъ-профессоръ, нисколько не стѣсняясь, переводилъ латинскую фразу Pontifex maximus по русски—*верховой римскій жеребецъ*. Другой, по тетрадѣ, взятой у студента, нѣсколько разъ прочиталъ громко съ кафедры «*краю*», вмѣсто сокращеннаго *котораю*. Третій профессоръ, вмѣсто суда *высшей инстанціи*, постоянно употреблялъ какой-то «*судъ въ высшей степенн*» и проч. и проч. Много на Руси людей, которые подтвердятъ, что всѣ эти невѣроятныя вещи вовсе не выдумка.

Это общее, всѣмъ извѣстное правило заставляетъ насъ строго критически отнестись и къ рѣшимъ отдѣльными и нѣкоторымъ почтенныхъ профессоровъ. Имъ какъ-то не пристало поднимать руку на учрежденіе, которое какъ-бы то ни было, постоянно дѣлало имъ обильныя средства къ существованію въ странѣ, ни въ чемъ пока еще не нуждающейся, кромѣ грубаго платья, обуви изъ лѣнъ, чернаго хлѣба, соленой севрюги, да воблы. Такъ какъ фамиліи и общественное положеніе нѣкоторыхъ авторовъ свѣршпыхъ отзывовъ намъ извѣстны изъ газетъ, то можемъ указать читателю на небезынтересныя въ этомъ отношеніи факты. Въ Киевскомъ университетѣ, напр., профессоръ Вальтеръ, по своему удовлетворительно доказавши вредъ баллотировки въ профессора собраніемъ профессоровъ, предложилъ возложить выборъ новыхъ профессоровъ на особую комиссію изъ специалистовъ по каждому предмету, назначаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія; совѣтамъ же предоставить право замѣщать катедры только тогда, если онѣ останутся вакантными болѣе двухъ лѣтъ. При этомъ корреспондентъ («С. Петерб. Вѣд.—стей») напоминаетъ, что самъ г. Вальтеръ былъ забаллотированъ и состоитъ нынѣ профессоромъ по назначенію.

Самымъ ожесточеннымъ противникомъ профессорскаго самоуправленія являются, какъ извѣстно, «Московскія Вѣдомости», въ которыхъ участвуютъ многіе профессора, а въ числѣ ихъ, главнѣйшимъ г. Леонтьевъ, прославившійся не какъ профессоръ (эта дѣятельность его очень скромная), а какъ публицистъ по своему вѣдомству. Посмотримъ, не задѣто-ли какъ нибудь и всегда нибудь самолюбіе почтеннаго профессора выборами, не раздраженъ-ли онъ какъ нибудь, нечаянно, ненавистнымъ ему большинствомъ? По справкамъ оказывается, что профессора Леонтьева—этого очень скромнаго профессора, но за то знаменитаго публициста—дѣйствительно раздражили. Полный, дословный рассказъ объ этомъ замѣчательномъ событіи, опубликованномъ во всѣхъ российскихъ газетахъ, мы считаемъ необходимымъ дѣлкомъ внести въ нашу хронику.

«Въ субботу, 9-го сентября 1872 года, было засѣданіе совѣта университета и несомнѣно изъ обыкновенныхъ, потому что рѣчь шла о томъ, оставить ли профессора П. М. Леонтьева, окончившаго свои 25-ти-лѣтнюю профессорскую службу, еще на пять лѣтъ при университетѣ. Засѣданіе совѣта было въ этотъ вечеръ многолюдно: съѣхалось 40 человекъ. Изъ нихъ за г. Леонтьева высказалось 13, противъ него—двадцать семь, и такимъ образомъ профессоръ Леонтьевъ былъ объявленъ забаллотированнымъ... Не могу воздержаться, чтобъ не рассказать вамъ предшествовавшаго баллотировкѣ эпизода, хотя, быть можетъ, объ этомъ можно было бы и помолчать; но я—москвичъ, слѣдовательно, провинціалъ по дуру и по привычѣ и потому до „пироговъ съ грибами“ небольшой охотникъ. За нѣсколько дней до баллотировки, почтенный ректоръ нашего университета, С. М. Соловьевъ, получилъ,

говорить, официальное письмо отъ г. Леонтьева—письмо, въ которомъ послѣдній просилъ принять во вниманіе, что если, г. Леонтьевъ, по избраніи его на новое пятилѣтіе, ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть возможности читать лекціи въ теченіи перваго года и потому просить озаботиться заранѣе прислаaniemъ на время его отсутствія, достойнаго преподавателя, которому онъ готовъ предоставить, во первыхъ, свое годовое профессорское содержаніе, а затѣмъ, если избранное лицо окажется вполне на высотѣ своего назначенія, то охотно предложить ему, сверхъ того, еще и прибавку изъ собственныхъ своихъ частныхъ средствъ. Письмо это было, разумѣется, доложено совѣту, гдѣ, говорить, возникло, вслѣдствіе этого, весьма естественное разсужденіе такого рода: г. Леонтьевъ, въ настоящую минуту, строго говоря, уже не профессоръ, потому что срокъ службы его кончился, а избраніе на новую службу еще не состоялось; поэтому, прежде чѣмъ обсуждать вопросъ о временной, на одинъ годъ, замѣнѣ его кѣмъ-нибудь, надлежитъ рѣшить вопросъ о самомъ г. Леонтьевѣ, и тогда уже совѣту или вовсе не придется обсуждать предложенія г. Леонтьева, или же придется обсудить, въ какой мѣрѣ московскому университету настоятъ надобность, для вознагражденія трудовъ приглашеннаго имъ на кафедру преподавателя, прибѣгать къ содѣйствію частныхъ средствъ г. Леонтьева. Объ этомъ, правду сказать, довольно характеристичномъ эпизодѣ, говорятъ теперь въ Москвѣ повсюду, и я передаю вамъ этотъ разсказъ со словъ очень многихъ лицъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ и общественныхъ положеній, рассказывающихъ его всѣ одинаково, даже безъ разницы въ какихъ-либо несущественныхъ варьянтахъ.

За что купилъ, за то и продаю. Именно этими словами передаютъ достопримѣчательный фактъ очевидцемъ-корреспондентомъ („Голосъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и др.), а такъ какъ опроверженій факта я не читалъ, то имѣю полное право считать профессора Леонтьева оскорбленнымъ весьма сильно, да еще, притомъ, вдвойнѣ. Во первыхъ—его, самого Леонтьева,—забраковали, прокатили на воронихъ, а, во вторыхъ, отказались отъ любезнаго его предложенія—получать прибавку изъ его частныхъ средствъ, если на Руси отыщется (достойнѣйшій изъ достойныхъ). Каждому гостеприемному хозяину крайне обидно, если гость вдругъ откажется отъ угощенія, въ особенности, если гость по общественному своему положенію поставленъ нѣсколько ниже хозяина.

Мы не имѣемъ пока еще подъ рунами опубликованныхъ отвѣтовъ всѣхъ російскихъ университетовъ на официальный запросъ министра „о неудобствахъ нѣкоторыхъ параграфовъ университетскаго устава и необходимости замѣны ихъ новыми постановленіями, съ цѣлью вполне и достойно замѣщать своевременно вакантныя кафедры“.

Мы не имѣемъ даже надежды въ скоромъ времени прочесть

эти отвѣты, потому что нѣкоторые изъ провинціальныхъ университетовъ еще въ послѣднихъ числахъ Мая сами ничего не успѣли отвѣтить, но, по достовѣрнымъ слухамъ, коллегіальные отвѣты всѣхъ безъ исключенія университетовъ составлены въ томъ смыслѣ, что университетской коллегіи уничтожать не слѣдуетъ.

Впрочемъ, было-бы даже странно, если-бы сами коллегіи начали просить о самоистребленіи, хотя подобный примѣръ былъ уже намъ разъ представленъ гг. мировыми посредниками.

Всѣхъ опредѣленіе и рѣзче высказался Новороссійскій университетъ, Впрочемъ, быть можетъ именно потому, что положеніе его, въ данномъ случаѣ, оказалось всѣхъ затруднительнѣе. Корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ сообщилъ, что совѣтъ Новороссійскаго университета „не подалъ никакого мнѣнія“, основываясь на томъ, что „университетъ этотъ очень еще молодъ и недостатки устава не успѣли еще выясниться“. Другіе университеты, какъ уже болѣе опытные, пожившіе и кое что видѣвшіе на своемъ вѣку, отъ прямого отвѣта на вопросъ не отказались, но высказались въ очень разнообразныхъ формахъ. Главнѣйшее вниманіе Кіевского университета было обращено на матеріальное обезпеченіе гг. преподавателей, а всѣ другіе вопросы признали незаслуживающими вниманія. По мнѣнію совѣта, обезпеченіе профессоровъ въ продолженіе службы ихъ можно считать достаточнымъ, но недостаточность проявится по выходѣ профессора въ отставку; это обстоятельство, по мнѣнію совѣта сильно препятствуетъ обновленію состава университета. Чтобы устранить подобное неудобство, совѣтъ призналъ необходимымъ увеличить получаемый профессорами пенсіонъ до полного оклада жалованья. Совѣтъ университета высказался въ пользу того, чтобы основныя начала устава университетовъ 1863 г. остались безъ измѣненія. По словамъ корреспондента газеты „Голосъ“, совѣтъ занимался предложенными ему вопросами съ большимъ вниманіемъ, и въ своемъ мнѣніи изложилъ, что организація университетскаго управленія, состоящая изъ совѣта и правленія, не смотря на нѣкоторые недостатки въ частностяхъ, легко исправимы, въ полной мѣрѣ обезпечиваетъ правильный и прочный ходъ дѣла; что организація эта, установленная еще прежнимъ уставомъ 1833 года, имѣетъ за собою опытъ 40 лѣтъ, и было бы слишкомъ рискованно преобразовать ее, руководясь лишь отвлеченными, личными воззрѣніями и желаніями. Относительно способовъ замѣщенія вакантныхъ кафедръ совѣтъ, равнымъ образомъ, не нашелъ никакихъ достаточныхъ основаній для измѣненія существующаго порядка, такъ какъ уставъ вышній предоставляетъ и совѣтамъ, и министерству всѣ способы замѣщать кафедры достойными лицами. Пустота многихъ кафедръ въ большинствѣ университетовъ происходитъ не отъ недостатковъ устава, но вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ людей и вообще отъ слабого уровня нашего умственнаго развитія.

Недостаточность матеріальнаго обезпеченія и несостоятельность между жалованьемъ и пенсіей обратили на себя вниманіе и Казанскаго, да и вообще всѣхъ университетовъ, потому что изъ этой несоразмѣрности проистекаетъ трудно исправимое зло. Всѣ въ одинъ голосъ жалуются на то, что въ нашихъ университетахъ многія каеэдры пустуютъ по пяти по шести лѣтъ, что иные профессора берутся читать по два по три предмета и потому ни одного не въ силахъ прочесть порядочно. Дѣйствительно, изъ сравнительныхъ вѣдомостей, въ приложеніи къ отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1871 годъ, видно, что къ 1-му января 1872 года состояло въ университетахъ 466 штатныхъ и 46 сверхштатныхъ преподавателей, а всего 512 ч., тогда какъ по штату ихъ положено 674 ч., слѣдовательно недостаетъ ста шестидесяти двухъ преподавателей, а, если исключить сверхштатныхъ, то не хватаетъ слишкомъ двухъ-сотъ, т.-е. цѣлой трети.

Гдѣ-же причины такого уродливаго явленія, если не признавать уставъ его причиной и не довольствоваться единственнымъ объясненіемъ: недостаткомъ въ людяхъ развитыхъ вообще и слабымъ уровнемъ умственнаго развитія?

Въ числѣ причинъ уродливаго явленія, вовсе не ничтожную роль играетъ и несоразмѣрность между профессорскимъ жалованьемъ и пенсіей, которая больше чѣмъ на половину меньше жалованья. Привыкши десятии лѣтъ сряду получать по три тысячи рублей въ годъ, старый профессоръ съ ужасомъ ждетъ того роковаго времени чрезъ 25 лѣтъ службы, когда его вновь стануть балотировать, при чемъ легко могутъ прокатить на вороныхъ и заставить получать изъ казначейства меньше чѣмъ половину привычной суммы. Разумѣется, если заслуженный профессоръ изображаетъ собою какую нибудь знаменитость въ наукѣ, то ему нечего опасаться браковки; но вѣдь извѣстно, что большинство нашихъ профессоровъ—вовсе не знаменитости, а только тѣмъ и замѣчательны, что 25 лѣтъ сряду читаютъ по тетрадкѣ, разъ въ жизни ими сочиненной и спокойно, каждое первое число мѣсяца, получаютъ привычное жалованье, къ которому они всѣмъ существомъ своимъ такъ-же привыкли, какъ человѣческій организмъ къ пищѣ. Лишь только начинаетъ приближаться роковой срокъ, проходить напр. лѣтъ 20 спокойной, безмятежной службы и въ близкомъ будущемъ предвидится увольненіе на половинную пенсію—самый смиренный изъ профессоровъ мало-по-малу раздражается подъ вліяніемъ тяжелой мысли и незамѣтно сходится съ партіей, имѣющей одинакіе съ нимъ интересы, хотя бы онъ до той поры, когда былъ еще молодъ, стоялъ внѣ всякихъ партій. Любовь къ собственнымъ дѣламъ, которыхъ у почтенныхъ профессоровъ, при ихъ покойной, обезпеченной жизни, бываетъ, по обыкновенію, очень много, изъ смиреннаго и безпристрастнаго вдругъ превращаетъ его—если и не въ звѣря, то, по крайней мѣрѣ, въ чловѣка далеко не безпристрастнаго. Начинается непримиримая

борьба за существованіе: только шерсть влючками летить, хребты трещать, братъ не узнаеть брата, пріятель пріятеля; одинъ словомъ, начинается страшная борьба, которой ожесточеніе и опаснѣе не было съ самаго сотворенія міра, потому что въ этой борьбѣ пускается въ дѣло всякое оружіе—и открытое, и камень изъ-за пазухи.

Если мы теперь потрудимся припомнить, что, по уставу 1863 года, замѣщеніе вакантныхъ кафедръ и, вообще, доступъ въ университетскіе совѣты новыхъ членовъ вполнѣ зависятъ отъ баллотировки вооруженныхъ шарами старухъ профессоровъ, съ ужасомъ помышляющихъ о близкой отставкѣ, то легко поймемъ, въ чемъ должны заключаться главнѣйшіе, обычные маневры этой страшной борьбы, заранѣе обдуманной по плану. Представимъ себѣ, что болѣе половины членовъ наличнаго состава какого нибудь университетскаго совѣта, прослужили уже лѣтъ по двадцати съ хвостикомъ, и въ виду у нихъ, чрезъ три-четыре-пять лѣтъ, предвидится почти неминуемая отставка, если около нихъ будутъ находиться люди молодые, способные, менѣе ихъ облѣбившіеся. Ну, зачѣмъ, спрашивается, пустять они этихъ людей и сами-же снабдятъ ихъ оружіемъ, явно на свою-же шею? Не все-ли равно это было-бы, если-бы напр. англичане вдругъ вздумали снабдить индійскихъ воиновъ пушками и ружьями новыхъ системъ со своихъ фабрикъ и вадумали-бы еще этихъ ужасныхъ снапеевъ научить, какъ надобно съ ними драться? Или, если-бы, напримѣръ мы, предъ походомъ въ Хиву, послали съ обозомъ чрезъ Оренбургъ къ хану въ подарокъ нѣсколько путиловскихъ пушекъ и мортиръ съ обученной прислугой и снарядами? Подобныя предположенія очевидно негѣпны, но, если онѣ негѣпны, то почему-же не признавать негѣпнымъ и неумѣстнымъ противуестественное великодушіе со стороны почтенныхъ профессоровъ, окруженныхъ многочисленными семействами, если они, по ошибкѣ-ли чьей нибудь, или просто волею судьбы, поставлены въ такое, болѣе чѣмъ странное положеніе? Виновать, во всей этой невообразимой кутерьмѣ вовсе не весь уставъ, въ которомъ есть много хорошаго и который въ основаніи вполнѣ разуменъ. Кому-же лучше, какъ не самимъ же преподавателямъ университета знать, кто способнѣе замѣститъ вполнѣ освободившюся кафедру? Если-бы, напр., назначеніе на кафедры въ Казанскомъ или въ Харьковскомъ университетахъ зависѣло отъ одного только министра, живущаго постоянно въ Петербургѣ, то и министръ все таки предварительно о казанскомъ и харьковскомъ кандидатахъ справился-бы у мѣстныхъ попечителей, а мѣстные попечители—опять-же у профессоровъ, потому что больше не у кого, слѣдовательно равница только въ формѣ, а не въ сущности. Очевидно, что виноваты не весь уставъ, а только яромъ, вправнѣйша въ уставъ: поразительная несообразность между профессорскою пенсіей и жалованьемъ, отъ котораго, при обращеніи его въ пенсію, отнимаются квартирыныя и столовыя, какъ будто-бы человѣку, прослужившему

25 лѣтъ, не требуется уже ни стола, ни квартиры? Конечно, придется изыскивать новые источники, но вѣдь едва-ли для кого нибудь выгодно тянуть университетское дѣло такъ, какъ оно тянется до сей поры. Въ этомъ случаѣ не помогутъ ни строгія мѣры, ни—самыя рѣзкія литературныя обвиненія въ жадности, на которыя газеты наши не скуются, хотя и понапрасну. Не такъ-то давно, газета „Русскій міръ“, изложивши систему, которой придерживаются старые профессора въ своей безконечной, узаконенной борьбѣ за существованіе, прибавляетъ отъ себя слѣдующій рѣзкій выводъ: „Этотъ простой расчетъ—говорится въ газетѣ—весьма, впрочемъ, далекой отъ интересовъ науки, побуждаетъ приближающихся къ роковому сроку профессоровъ весьма ревниво относиться къ молодымъ людямъ, избирающимъ ученую карьеру, и намъ извѣстны случаи, гдѣ старые профессора, именно руководимые вышеобъясненнымъ побужденіемъ, *дѣйствовали противъ молодыхъ ученыхъ съ наглостью, недостойною почтеннаго университетскаго сословія*“.

Каждому и безъ „Русскаго міра“, очень хорошо извѣстно, что вообще наглость недостойна—не только почтеннаго *университетскаго*, но и всякаго другого сословія. Каждому извѣстно, что даже наглый газетный фельетонистъ точно такъ-же гадокъ и омерзителенъ, какъ наглый профессоръ и, вообще, какой-бы то ни было чиновникъ, получающій жалованье изъ казначейства; но вѣдь все это—только громкія, рѣзкія слова, не имѣющія никакого смысла! Весь вопросъ въ томъ: зачѣмъ ставить человѣка въ такое нелѣпное положеніе, въ которомъ онъ принужденъ вступать въ борьбу между естественнымъ самымъ простымъ, доступнымъ каждому животному, чувствомъ привязанности къ своимъ дѣтенышамъ и гражданскимъ долгомъ, о которомъ только толковать легко, да и то больше человѣку холостому, бездѣтному.

Профессоръ Любимовъ, основываясь на томъ безспорномъ положеніи, что профессора наши—не больше какъ чиновники, получающіе жалованье изъ казначейства, приходитъ къ заключенію, будто самоуправленіе имъ не только не полезно, но даже вредно. Не имѣя никакой возможности положительно разрѣшить вопросъ о томъ, на сколько осуществима и практична смѣлая мысль—превратить нашихъ профессоръ-чиновниковъ въ людей самостоятельнымъ, похожихъ на членовъ средневѣковыхъ университетскихъ корпорацій,—мы не видимъ однако-же въ этой смѣлой мысли ничего вреднаго и опаснаго, даже неосуществимаго, потому что у насъ, пока, всѣ общественныя и сословныя учрежденія состояются прежде всего изъ чиновниковъ. Не трудно доказать, если только это нужно доказывать, что и дворяне наши, прежде всего, чиновники; первостепенные купцы—тѣже чиновники, хотя они и не получаютъ жалованья изъ казначейства, такъ какъ не нуждаются въ жалованьи. Для самихъ гг. профессоровъ, не исключая и г. Любимова, несравненно было бы выгодно, если-бы составители университетскаго устава

1863 года смотрѣли на нихъ просто, какъ на русскихъ чиновниковъ, а не какъ на римскихъ республиканскихъ героев, которые жертвовали собственными своими дѣтьми въ-за идеи. Такие герои очень рѣдко появляются на бѣломъ свѣтѣ, да и то при исключительной обстановкѣ, а профессоровъ-чиновниковъ, людей обыкновенныхъ, но твердо знающихъ свое дѣло, требуется даже у насъ, на Руси, не мало, и вовсе не желательно, чтобы они другъ другу подставляли ноги. Въ особенности это у насъ, на Руси, не желательно, потому что — гдѣ тонко тамъ и рвется.

Конечно, къ членамъ ученой университетской братіи, и друзьями и недругами именуемой *почтенной*, какъ-то нейдетъ примѣнять извѣстную басню о собачьей дружбѣ, которая у этой увлекающейся породы животныхъ быстро превращается съ ожесточенную вражду, если изъ кухни выбросить обглоданную вость; но, если попристальнѣе всмотрѣться въ университетскую, профессорскую жизнь, то поневолѣ припомнишь и басню. Профессорскія исторіи нынче такъ-же часто стали повторяться, какъ прежнія студенческія уличные драки подъ пьяную руку. Почтенные жрецы науки, разумѣется, не дерутся, но за то этотъ самый грубый видъ борьбы замѣняется у нихъ борьбой чиновничьей, канцелярской, въ которой пускаются въ ходъ всякія средства безъ разбора, даже сплетни и доносы, какъ у сельскаго духовенства добраго стараго времени. Ни одного учебнаго года не пройдетъ безъ того, чтобы въ которомъ нибудь изъ университетовъ не случилось громкой исторіи, послѣ которой лучшіе преподаватели изъ одного университета гурьбою бѣгутъ изъ своего университета, оставляя его пустымъ и переходятъ въ другой, въ которомъ, до ихъ прихода, многія каедры были никѣмъ не заняты. Этими непрерывными переселениями изъ одного, опустѣвшаго заведенія въ другое, порожнее — наглядно, на практикѣ, поясняется настоящій смыслъ извѣстной поговорки: „изъ пустаго въ порожнее... Три года назадъ, напр., математическій и медицинскій факультеты Казанскаго университета имѣли въ рядахъ своихъ преподавателей достаточное количество людей хорошо знающихъ свои предметы, вполне способныхъ, молодыхъ, и—что всего важнѣе—изъ своихъ-же, казанцевъ, направляемыхъ на счетъ университета за границу для окончательной подготовки. Вдругъ случилась извѣстная медицинская исторія (Лесгафта)—и факультеты опять опустѣли, но за то обогатился Харьковскій университетъ, который до казанской „исторіи“ бѣдствовалъ. Немедленно послѣ казанскаго погрома, мы прочитали въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующее: „Харьковскій университетъ пополнился въ настоящемъ году учеными, которые успѣли уже составить себѣ имя въ наукѣ: 7-го сентября открылъ курсъ механики профессоръ Игнатиенцій (изъ Казани), 11-го — курсъ морфологіи растений профессоръ Ценковский (изъ Одессы); наднякъ откроетъ свой курсъ профессоръ Якоби (изъ Казани)—гигіены....“

Ну, что-же это такое, какъ не переливаніе изъ пустого въ порожнее?

Чтобы наглядно убѣдиться, какъ еще слабо успѣлъ привиться къ нашимъ университетамъ ввѣренный уставомъ принципъ самоуправленія, необходимо рассказать, съ большими или меньшими подробностями, хоть одну изъ многочисленныхъ профессорскихъ исторій, которыя, къ общему вреду—и профессоровъ и публики—или гложутъ подъ секретомъ, или передаются случайными газетными корреспондентами въ самомъ невѣрномъ, извращенномъ видѣ, въ корреспонденціяхъ, которыя-бы всего было приличнѣе озаглавить: „слышалъ звонъ...“

Воспользовавшись нѣсколькими днями, проведенными мною нынѣшней весной въ Казани, я успѣлъ собрать довольно подробныя свѣдѣнія о новой, начинающейся опять въ здѣшнемъ университетѣ профессорской исторіи, которая обѣщаетъ сдѣлаться очень громкою, если не замнуть, какъ это нерѣдко случается. Такъ какъ отъ здѣшняго мѣстнаго органа, при его не совсѣмъ свободной обстановкѣ, когда-то еще дожدهшься изложенія этого очень громкаго мѣстнаго скандала, то считаю не лишнимъ его предупредить.

Въ началѣ весны, одинъ изъ здѣшнихъ молодыхъ врачей, г. Студентскій, представилъ въ медицинскій факультетъ диссертацию на степень доктора медицины, помнится подъ заглавіемъ: „къ ученію объ образованіи мочевыхъ камней“. По докладу доктора Щербакова, который отозвался о представленной диссертаци, какъ о виолнѣ самостоятельной работѣ, факультетъ единогласно допустилъ ее къ диспуту, назначилъ время диспута, оппонентовъ и, записавши все это въ протоколъ, мирно разошелся, въ ожиданіи самимъ-же назначеннаго для диспута дня.

Черезъ нѣсколько дней, въ новомъ факультетскомъ засѣданіи, оставалось только подписать переписанный на бѣло протоколъ, но при подписи вдругъ случилось обстоятельство, никѣмъ не-ожиданное, или, по судейски, не предусмотрѣнное. Въмѣсто простой подписи фамиліи подъ готовымъ протоколомъ, деканъ медицинскаго факультета, г. Виноградовъ, написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ высказалъ, что онъ, прочитавши самъ представленную диссертацию, нашелъ ее негодной, а потому къ диспуту допустить не можетъ. Три члена безусловно согласились съ мнѣніемъ декана, безмолвно согласившись, что они то же составили первый протоколъ, не читавши диссертаци. Впрочемъ, эти члены и не намекнули даже, что они по крайней мѣрѣ теперь ее прочитали. Всего вѣроятнѣе предположить, что они сами и теперь ее не читали, но безусловно вѣрили декану, какъ прежде безусловно повѣрили доктору Щербакову. Два члена, воздерживаясь отъ выраженія какого-бы то ни было мнѣнія на счетъ диссертаци, то-же, вѣроятно, ими не прочитанной, удержались однако-же выразить, что и ихъ симпатіи—на сторонѣ декана, а не докторанта, котораго они, должно полагать, вовсе

не знали, да и познакомиться не желали даже съ учеными его трудами. Я не имѣлъ никакой возможности видѣть этотъ оригинальный протоколъ, сначала составленный единогласно, а потомъ испещренный отдѣльными мнѣніями, но рассказываютъ, будто два уклончивые члена сочинили и написали подъ протоколъ такую фразу: „въ виду разногласій въ факультетѣ, диссертацию къ диспуту допустить не согласны“—или что-то въ родѣ этого. Наконецъ, одинъ изъ членовъ, профессоръ Бекетовъ, согласіе котораго быть оппонентомъ внесено даже въ протоколъ—то-же письменно заявилъ о негодности диссертациі, хотя оппоненту-то это обстоятельство было-бы съ руки, доставило-бы случай отличиться предъ публикой. Всѣ остальные члены (всѣхъ было, помнится, 14), какъ и слѣдовало ожидать отъ членовъ, хотя и получающихъ жалованье изъ государственнаго казначейства, но все-таки составляющихъ *почтенную корпорацию*, остались при прежнемъ своемъ мнѣніи. Они спросили у декана, почему онъ при составленіи протокола считалъ диссертацию нисколько удовлетворительною, а теперь, чрезъ нѣсколько дней, нигуда уже негодною, даже не достойною ученой критики? — Я тогда диссертациі самъ не читалъ — отвѣтилъ прямодушный деканъ — а довѣрился, отзыву доктора Щербакова. Теперь я вижу, что довѣряться другимъ, хотя-бы и членамъ факультета — не слѣдуетъ.

Очень обидною такая рѣзкая, мало-обдуманная деканская фраза показалась нѣкоторымъ членамъ факультета, въ особенности изъ молодыхъ, въ которыхъ страшный кошмаръ о скудной пенсін не успѣлъ истребить зачатковъ общечеловѣческаго самолюбія. По слухамъ, три или четыре профессора (изъ молодыхъ и, какъ водится, лучшихъ) подали куда слѣдуетъ заявление въ томъ смыслѣ, что они-де не могутъ присутствовать въ такомъ засѣданіи, въ которомъ предсѣдатель въ глаза говоритъ невыносимыя дерзости, даетъ рѣшительныя мнѣнія по такимъ дѣламъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, а потомъ отказывается отъ своего слова...

Чѣмъ вся эта странная исторія кончится—неизвѣстно. Извѣстно только, что даже съ точки зрѣнія простаго канцелярскаго формализма, не допуская диссертациі г. Студентскаго къ диспуту не имѣли права: деканъ и пять поддакивающихъ ему членовъ еще не составляли большинства, и двухъ членовъ съ неопредѣленными мнѣніями нельзя было причислить ни къ той, ни къ другой партіи. Скорѣе даже къ партіи одобряющей диссертацию, которой они видимо сами не читали, а пристали къ декану только лишь „въ виду разногласій“, не желая ни въ чемъ противорѣчить своему, не особенно крѣпкому въ убѣжденіяхъ, декану.

Какъ-бы то ни было, но главный виновникъ всей этой чисто консисторской передраги, докторантъ г. Студентскій, благою часть избралъ. Онъ очень ясно понялъ, что если даже специально-научное дѣло разъ вступить на извилистую, избитую обочину,

старо-канцелярскую проселочную дорогу, то ужь толку тутъ не жди раньше какъ чрезъ годъ или два. Г. Студентскій и безъ предварительнаго отзыва экспетровъ (которые у насъ и на судахъ беспрестанно сбиваются и другикъ сбиваетъ—плохи ужь очень!) хорошо знаетъ настоящую цѣну своей работы. Онъ безошибочно рассчиталъ, что, если казанскіе оцѣнщики признали, съ колебаніями, его трудъ не заслуживающимъ вниманія, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, будто его трудъ и на самомъ дѣлѣ не заслужитъ вниманія другикъ, болѣе безпристрастныхъ оцѣнщиковъ, въ другикъ мѣстахъ оцѣнки. Онъ отправился въ Петербургъ, въ медико-хирургическую академію, гдѣ работа его принята и единогласно одобрена. По слухамъ, диспутъ его въ академіи 19-го мая былъ изъ разряда блестящихъ...

Иногда изъ неважныхъ причинъ происходятъ послѣдствія очень важныя. Въ университетскій уставъ 1863 года, умыленно, или по недосмотру, вралась статья, по которой пенсіи выслужившимъ 25-ти-лѣтній срокъ профессорамъ назначаются не по новымъ, увеличеннымъ, а еще по старымъ, скуднымъ окладамъ. Липалась, за выслугою, квартирныхъ и столовыхъ, старне профессора по этой статьѣ, въ случаѣ отставки, вмѣсто трехъ тысячъ принуждены довольствоваться всего одной тысячечю. Для избѣжанія опасности прокатиться на воронихъ, старѣющіе профессора стараются сгруппировать около себя партію людей надежныхъ или пристають къ образовавшейся уже партіи. Люди малоспособныя, малознающіе, но за то податливыя и заискивающіе предпочитаютъ способнымъ и талантливымъ, которые вообще опасны. Отсюда постоянное раздѣленіе членовъ совѣта на два враждебные лагеря, непрерывныя ссоры, раздоры и подмоны, предпочтеніе, оказываемое племянничкамъ, сынкамъ и двоюроднымъ братьямъ, хотя иной разъ очень тупоголовымъ, но за то скромнымъ и терпѣливымъ. А болѣе даровитые молодые ученые принуждены, если имѣютъ собственныя денежныя средства, скакать за тысячи верстъ для того только, чтобы тамъ защитить свои диссертациа, признанныя на родинѣ негодными, или же совсѣмъ бѣжать цѣлыми гурьбами изъ роднаго мѣста, изображая собою матеріалъ, годный для нехитрой операціи переливанія изъ пустого въ порожнее...

— «Науки *гниютъ*, студенты бакуши бьютъ,—говорять „Московскія Вѣдомости“. Нѣтъ, науки-то, положимъ, и не гниютъ и нынѣшніе студенты едва-ли гнившю и безъ сомнѣнія трезвѣ старыхъ, но вотъ старые-то, залежавшіеся профессора, дѣйствительно, припахиваютъ, если не гнилью, то плесенью. Каеодры стоятъ по пяти по шести лѣтъ незанятыми, но за то нѣкоторые сребролюбивые преподаватели читають вразъ по два и по три предмета и до такой степени утомляются своей безтолковой болтовней, что оставшееся время между чтеніемъ лекцій цѣликомъ посвящаютъ отдыху въ клубахъ и на гуляньяхъ. Что такое они читають несчастнымъ слушателямъ—про то единому всевѣдущему извѣстно;

знаемъ имъ только, что невозмутимые жрецы науки выходятъ изъ себя каждый разъ, когда у студентовъ рѣчь зайдетъ о литографированіи ихъ лекцій. Должно быть имъ стыдно показаться передъ публикой съ произведеніями своего дряблага ума, также какъ членамъ и прокурорамъ иныхъ провинціальныхъ Окружныхъ Судовъ, которые строго преслѣдуютъ нескромныхъ стенографовъ, запрещая имъ являться на засѣданія. Наука не гнѣеть, но замѣтно тощаетъ, какъ въ чакотѣ, но за то гг. преподаватели отъ покойной, безмятежной жизни нагуливаютъ жиръ цѣлыми пудами. Не смотря на совершенно неумѣстную въ которыхъ случаяхъ экономію, денегъ на университеты тратится много, а между тѣмъ, иной разъ самыя необходимыя для студентовъ предметы не читаются вовсе, будто-бы по недостатку въ деньгахъ.

Такъ, изъ отчета новороссійскаго университета за позашрошній годъ, видно, что университетъ хотатайствовалъ было объ учрежденіи кафедръ судебной медицины для юристовъ, которые уже три года обходятся безъ этой важной отрасли знанія при изслѣдованіи преступленій; но ему въ ходатайствѣ отказано, такъ какъ никакихъ суммъ на этотъ предметъ не ассигновано. Итакъ, 4-й курсъ, питавшій надежды хоть что-нибудь, предъ выпускомъ, услышать, какая такая есть на свѣтѣ „судебная медицина“, опять разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Изъ этого же отчета видно, что хотя общество не много знаетъ объ университетѣ, но находятъ лица, сочувствующія дѣлу образованія. Такъ изъявлена признательность университета какому то помѣщику, *пожертвовашему для университета корову, которая и оставлена при университетѣ*. Говорятъ, что студенты хотаятъ въ складчину пригласить одного лектора, чтобы прочиталъ имъ лекцій восемьдесятъ. Обойдется имъ по 8 руб. съ человѣка! Только бы университетъ далъ имъ аудиторію даромъ, въ свободное отъ лекцій время.

Въ этомъ-же университетѣ, года два тому назадъ, по историко-филологическому факультету окончилъ курсъ *однимъ только слушателемъ*, разумѣется, со степенью кандидата. Около дюжины почтенныхъ ученыхъ, получая тысячи по три въ годъ, усердно занимались умственнымъ развитіемъ этого рѣдкаго экземпляра, такъ что даже поговорка о семи нянькахъ и одномъ ребенкѣ въ данномъ случаѣ оказывается слишкомъ уже скромною. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ корреспондентомъ газеты „Голось“, рѣдкій этотъ экземпляръ тоже „оставленъ при университетѣ“.

Для благосостоянія нашихъ университетовъ нужно еще сдѣлать многое. Необходимо устроить въ этихъ погребо-образныхъ зданіяхъ старинной постройки улучшенную вентиляцію, для очистки спермагося, испорченнаго воздуха, чтобы свѣжему человѣку можно было въ нихъ дышать. Нужно поставить обдѣвившихся педагоговъ въ такое положеніе, при которомъ-бы они не имѣли возможности нагуливать на себя по два по три пуда

жиру. Если не прекратить господствующихъ въ настоящее время въ нашихъ университетахъ халатныхъ обычаевъ, то въ ученые степени будутъ возводиться вовсе не за ученые достоинства, а просто по степенямъ родства и дружбы съ вліятельными членами почтенной корпораціи. Наконецъ, мы дождемся, что профессорами будутъ назначаться, какъ въ дворянскіе предводители, отставные ротмистры, поручики и мѣстные помѣщики-плантаторы, которые умѣли прославиться вовсе не въ наукѣ, а просто въ исторіи мѣстныхъ скандаловъ. Нужно попробовать, если не со всѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, поуменшить профессорское кумовство и панибратство, при существованіи которыхъ университеты наши напоминаютъ собою духовныя консисторіи стариннаго устройства; но изъ этого всего вовсе еще не слѣдуетъ, будто-бы нужно измѣнить радикально основанія устава 1863 года, который тутъ ни при чемъ. Основанія университетскаго устава тѣже, что и земскихъ и городскихъ учреждений, т. е. примѣненіе выборнаго начала въ широкихъ размѣрахъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что земское дѣло идетъ у насъ изъ рухъ-вонъ плохо, городское тоже, пока, хорошимъ помянуть нечѣмъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, будто они плохо идутъ именно потому, что предсѣдатели и члены новыхъ учреждений выбираются, а не назначаются правительствомъ. Выборъ въ предсѣдатели и члены разныхъ самодуровъ, людей сомнительной честности, у которыхъ, по поговоркѣ, „брюхо болитъ, когда гдѣ что плохо лежитъ“—доказываетъ только нашу непривычку къ выборамъ, незнаніе другъ друга, а также и господство кумовства и панибратства, при которыхъ обыкновенно рука руку моетъ. Привычка—великое дѣло, не даромъ она называется „второй натурой“; но, гдѣ-же тутъ къ чему нибудь привыкнешь порядочному, если завтра будетъ съ корнемъ истребляться все то, что вчера только посажено?

Д.

Г. Струговщиковъ претендуетъ на меня за то, что будто-бы я привелъ въ послѣдней хроникѣ его слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ и которыя, будто-бы, придуманы самимъ мною, а не выписаны изъ отчета, напечатаннаго въ газетѣ „Голосъ“.

Вмѣсто того, чтобы просмотрѣть отчеты „Голоса“, которыми я руководствовался, г. Струговщиковъ обратился въ редакцію этой газеты съ запросомъ, и получилъ въ отвѣтъ, что въ 69-мъ № „Голоса“ нѣтъ тѣхъ словъ, которыя приведены у меня, и что редакція „Голоса“ не могла подать мнѣ повода понимать слова г. Струговщикова такъ, какъ я изъ понималъ.

Я не знаю, какое именно значеніе имѣетъ 69-й №, на который я никогда не ссылался. Но въ 68-мъ № „Голоса“ (на стр. 3-й, четвертаго столбца) каждый можетъ прочитать ту фра-

зу, которая у меня приведена въ ковычкахъ. Вотъ эта спорная фраза: прочитано заявленіе г. Струговщикова, который не могъ присутствовать въ засѣданіи. Признавая весьма полезными оба проекта и отдавая предпочтеніе проекту г. Савельева, онъ предлагалъ *„произвести опытъ, т. е. ввести эту всесловную волюсть въ одною или двумя узлами и посмотреть, что изъ этого выйдет“*.

Буква въ букву такъ у меня и перепечатано изъ „Голоса“.

Г. Струговщику можетъ не нравиться мой выводъ, но онъ не имѣетъ никакого права утверждать, будто поставленныя мною въ ковычкахъ слова придуманы мною: доказательство на лицо.

Н. Демертъ.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ.

Въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ напечатанъ мой разборъ мнѣнія г. Любимова по поводу пересмотра университетскаго устава. Тотчасъ-же по выходѣ книжки, въ № 94 „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Любимовъ помѣстилъ свою замѣтку. Я не отвѣчалъ на нее, но зъ вышедшей вчера въ свѣтъ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ онъ перепечаталъ вышеуказанную замѣтку, дополнивъ ее задирающимъ заглавіемъ *„обличитель весело несодующій“*. Изъ того, что г. Любимовъ перепечаталъ свою замѣтку, я заключаю, что онъ требуетъ отъ меня отвѣта; дѣлать нечего, принимаю вызовъ.

Начну съ единственнаго возраженія, сдѣланнаго мнѣ г. Любимовымъ, или указанія, какъ онъ выражается, „одного хвостика, но не лишеннаго значенія и весьма характеристичнаго“.

Я говорилъ въ самомъ началѣ своей статьи, что г. Любимовъ какъ будто и не имѣлъ личнаго дѣла съ уставомъ 1863 г. и его не знаетъ. Увидимъ, что его возраженіе это доказываетъ.

Не должно забывать, что въ представленномъ мною разборѣ мнѣнія г. Любимова, я ровно ничего не предлагалъ, а лишь критически отнесся къ его мнѣнію, самъ-же вмѣстѣ со всѣми другими членами совѣта (кромѣ г. Любимова, пропѣвшаго соло) подалъ мнѣніе за сохраненіе принциповъ, выраженныхъ въ уставѣ 1863 г.

Я считалъ совершенно излишнимъ говорить о нынѣ дѣйствующемъ уставѣ русскихъ университетовъ, предполагая, что порядки, установленные имъ, извѣстны всѣмъ, кого это дѣло интересуетъ.

Г. Любимовъ предлагалъ хозяйственную часть управленія университета отнять и передать особому строительному комитету при попечителѣ.

Доводы противъ этого я закончилъ словами: „Лейпцигскій университетъ, обладающій обширными спеціальными средствами, не тяготеетъ своимъ хозяйствомъ, а процвѣтаетъ“.

На это г. Любимовъ, сказавъ, что лейпцигскій университетъ дѣйствительно владѣетъ большими средствами, отвѣчаетъ слѣдующей выпиской изъ статьи г. Кавелина:

„Ни одинъ изъ видѣнныхъ нами университетовъ не стѣсненъ въ такой степени, какъ лейпцигскій, участіемъ въ его дѣлахъ „полномочныхъ коронныхъ чиновниковъ... Коронный чиновникъ, завѣдывающій всѣми университетскими имуществами, независимо отъ университета, подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ центрального правительства, есть рентмейстеръ. Однако университетъ есть хозяинъ, собственникъ этихъ имуществъ; доходы съ нихъ должны, по закону, быть обращаемы „сиола на надобности университета. По этому, совершенно устранить послѣдній отъ всякаго участія въ завѣдываніи и распоряженіи его собственностью было невозможно; ему вслѣдствіе этого, и предоставлена нѣкоторая тѣнь участія въ томъ и другомъ... Но мнѣніе сената и административной комисіи... имѣетъ лишь совѣщательный, а отнюдь не юридически-обязательный характеръ, и отъ усмотрѣнія министерства, которому оно сообщается рентмейстеромъ, зависитъ принять это мнѣніе „или не принять...“

Такой порядокъ дѣла г. Кавелинъ называетъ „самоуправленіемъ, ограниченнымъ самими тѣсными рамками.“ Г. Кавелинъ правъ, но дѣло въ томъ, что самоуправленіе и въ нашихъ университетахъ ограничено самими тѣсными рамками, и что порядки лейпцигскаго университета очень похожи на наши — московскіе, по уставу 1863 года:

Тамъ рентмейстеръ есть коронный чиновникъ и членъ сената.

У насъ совѣтникъ правленія по хозяйственнымъ дѣламъ есть коронный чиновникъ и членъ правленія (примѣч. въ § 50 уст. рус. универ.).

Тамъ университетъ все-таки считается хозяиномъ университетскаго имущества.

У насъ тоже самое (§ 42. Раздѣлъ А. пунктъ 9).

Но тамъ мнѣніе сената имѣетъ какъ бы совѣщательный характеръ, и рѣшаетъ дѣло о расходѣ министръ.

У насъ почти тоже: правленіе разрѣшаетъ своею властію расходъ изъ спеціальныхъ средствъ только до 300 р. на одинъ предметъ (§ 51, а, 1), отъ 300 до 1000 не иначе какъ съ утвержденія попечителя (§ 51, в. 3.), сверхъ тысячи рублей расходъ изъ спеціальныхъ средствъ, представляется правленіемъ черезъ попечителя на утвержденіе министра (§ 51, г. 2).

Такіе порядки можетъ быть стѣснительны, но мы съ ними уживаемся; развѣ г. Любимовъ въ своемъ мнѣніи проектируетъ тоже самое?

Какъ въ Лейпцигѣ такъ и у насъ по уставу 1863 г. спеціаль-

ныя средства университета, по закону, должны быть обращены сполна на надобности университета и составляют собственность его.

И рентмайстеръ въ Лейпцигѣ состоитъ при университетѣ, в совѣтныя правленія по хозяйственнымъ дѣламъ точно также при университетѣ.

Г. Любимовъ проектируетъ передать всю хозяйственную часть вмѣстѣ съ специальными средствами *въ особый комитетъ при попечителѣ*, и такой особый комитетъ навываетъ *строительнымъ*. Противъ чего я и возражалъ.

Г. Любимовъ долженъ былъ бы помнить, что много специальныхъ средствъ московскаго университета берется въ казну и не идетъ на нужды этого университета—вотъ чего не желательно.

Далѣе г. Любимовъ говоритъ: „моя мысль объ университетскомъ сенатѣ тоже выставляется какъ какое-то диво, подрывающее коренныя основанія университетскаго устройства.“

Гдѣ это?—я ничего подобнаго не говорилъ, а говорилъ лишь, что нашъ совѣтъ соответствуетъ заграничному совѣту *in pleno*, а правленіе — сенату

При второмъ выстрѣлѣ изъ своей двустволки (Моск. Вѣд. и Рус. Вѣстн.) Г. Любимовъ назвалъ меня „обличителемъ весело негодующимъ“, но это невѣрно: 1) я г. Любимова ни въ чемъ не обличалъ, 2) мнѣ вовсе не весело препираться съ противникомъ, который вмѣсто того, чтобы говорить дѣло, точить баласы, 3) я не могу негодовать на г. Любимова — негодование чувство слишкомъ для него крупное.

Что же касается остальнаго въ замѣткѣ г. Любимова, т.-е. того, что онъ говоритъ о моемъ личномъ характерѣ, хвостикѣ Моньки и хвостикахъ вообще, способности моей понимать его и пр., все это я считаю литературнымъ гаерствомъ, которое, пожалуй, къ лицу *профессорамъ физики*, дающимъ свои представленія съ разрѣшенія полицейскихъ властей, въ циркахъ, театрахъ, на загородныхъ гуляньяхъ и т. п., но вовсе неприлично для *университетскаго профессора физики*.

Я впрочемъ сильно сомнѣваюсь, чтобы подобнымъ гаерствомъ г. Любимову удалось читающему люду *отвести глаза*.

Сергей Усовъ.

ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ.

(Письмо изъ Москвы).

На мое письмо, по поводу статьи г. Любимова объ университетскомъ уставѣ, г. Любимовъ отвѣчалъ въ № 79-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и въ № 4-мъ „Русскаго Вѣстника“. Въ отвѣтѣ своемъ онъ не только не опровергъ ни одного изъ моихъ возраженій на его статью, но даже и не коснулся ихъ. Это даетъ мнѣ полное право заключать, что у почтеннаго профессора нѣтъ почвы подъ ногами, и при первомъ толчкѣ онъ бросаетъ дѣло, падаетъ и, падая,—пустословить въ надеждѣ обморочить читателя. Какъ членъ университетскаго совѣта, онъ даже не составилъ себѣ и общаго понятія о самобытности русскихъ университетовъ. Ссылаясь на иностранные университеты и указывая на худшую ихъ сторону, какъ на образецъ для заимствования въ сиромъ видѣ, онъ обличаетъ въ себѣ такую узкость взгляда, съ какою нельзя смѣть и думать о критическомъ разборѣ университетскаго устава. Ему не понравилось мое замѣчаніе, сказанное, впрочемъ, мимоходомъ, о способѣ обновленія профессорскаго состава въ иностранныхъ (нѣмецкихъ) университетахъ. Онъ называетъ это „вздоромъ“; но прежде нужно бы было доказать, что это—вздоръ. Очевидно, г. Любимовъ рассчитывалъ, что читатели повѣрятъ ему на слово и останутся въ томъ заблужденіи, что научное процвѣтаніе иностранныхъ университетовъ зависитъ преимущественно отъ министерскихъ назначеній. Повторяю, что это—неправда, и что я могъ бы привести десятки первоклассныхъ профессоровъ, извѣстныхъ своею ученостію, которые переманивались университетами и университетскими городами собственно съ дѣлью поднять значеніе той или другой кatedры, а вмѣстѣ съ тѣмъ, привлечь въ городъ и большее число слушателей. Общественное мнѣніе и университеты *указывали* на нихъ, приглашали ихъ, а затѣмъ *переговори* о вознагражденіи велись съ ними отъ министерства. При такомъ способѣ передвиженія ученыхъ знаменитостей и при самомъ политическомъ устройствѣ Германіи, правительственнаго назначенія, какъ понимаетъ и какимъ желаетъ имѣть его г. Любимовъ, не могло и быть. Назначеніе квартальнаго надзирателя Чанова въ профессору философіи въ харьковскомъ университетѣ, случив-

шеся въ давно былые годы, было бы немислимо никогда въ Германіи.

Касаясь моихъ возраженій на два пункта: прямое министерское назначеніе, неограниченное условіями дѣйствующаго нынѣ устава, и выпускные университетскіе экзамены, г. Любимовъ не опровергаетъ ихъ, а только усиливается поддержать себя... *horribile dictu!*—своимъ-же собственнымъ авторитетомъ. Онъ говоритъ, что одиннадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣніе въ пользу прямого министерскаго назначенія поддерживали, вмѣстѣ съ нимъ, нѣкоторые другіе московскіе профессора, г. Спасовичъ и харьковскій университетъ. Прекрасно! Но теперь-то кого мы слышимъ изъ числа указанныхъ имъ лицъ? Никого! Остается одинъ г. Любимовъ съ своимъ мнѣніемъ-особнякомъ. Такъ точно и объ экзаменахъ. Онъ говоритъ: „высказанное мною по этому поводу также не новость. Въ главныхъ чертахъ тѣ-же мысли довольно подробно высказаны были мною, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ „Объ университетскихъ экзаменахъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1861 (читайте 1859) года“. Что-же изъ этого слѣдуетъ, что двѣнадцать или собственно тринадцать лѣтъ тому назадъ тотъ-же самый г. Любимовъ заблуждался въ главныхъ чертахъ? А теперь къ „главнымъ чертамъ“ присоединилась и главнѣйшая черта, именно онъ предлагаетъ въ особыя экзаменаціонныя комиссіи посадить прежнихъ или выбывшихъ университетскихъ преподавателей. Безъ сомнѣнія, въ числѣ послѣднихъ онъ имѣетъ въ виду и г. Леонтьева, забаллотированнаго въ прошломъ году абсолютнымъ большинствомъ (а не одною третью) московскаго университетскаго совѣта. Любопытно знать, остается ли онъ и теперь при своихъ видахъ на г. Леонтьева, или уже отбросилъ ихъ послѣ того, какъ редакція „Русскаго Вѣстника“, видящая единственное спасеніе для Россіи въ древнихъ языкахъ, помѣстила въ своемъ журналѣ невѣжественный переводъ изъ Тита Ливія?

Ссылки на собственный авторитетъ ни для кого не убѣдительны. Очень дурно, что двѣнадцать лѣтъ опыта не переимѣнили мнѣній г. Любимова, если только въ своей статьѣ онъ имѣлъ прямую цѣль — принести пользу русскимъ университетамъ. Но что всего хуже, такъ это то, что въ немъ весьма сильно противъ прежняго развилась любовь къ самому себѣ — любовь, доходящая до того, что для него сталъ достаточнымъ свой собственный и единственный авторитетъ въ спорѣ о весьма серьезномъ предметѣ, и уже стало недостаточнымъ печатать свое пустословіе въ одномъ изданіи, а поналюбилось для одного и того-же пустословія два изданія. Съ такимъ страстно-самоочарованнымъ Нарцисомъ вести дальнѣйшій споръ объ университетскомъ уставѣ, полагаю, неудобно и спѣшу покончить свое письмо, такъ какъ авторъ съ перваго-же раза оказался не въ состояніи защищаться.

0.

ствъ съ сэромъ Джемсомъ и лэди Четтэмъ; и возможность помогать больницѣ будетъ зависѣть отъ рѣшенія, которое я приму относительно земли, которую я собираюсь тамъ осмотрѣть». Такимъ образомъ, мистеръ Лейдгэтъ, нѣтъ необходимости торопиться; но я желаю заранѣе предупредить васъ о томъ, что могло случиться.

Мистеръ Бѣльстрэдъ положилъ письмо обратно себѣ въ карманъ и перемѣнилъ позу, какъ бы желая дать знать, что беседа кончена. Лейдгэтъ, которому, послѣ того, какъ надежда на больницу снова возродилась въ немъ, еще тяжелѣе было думать про тѣ обстоятельства, которыя отравляли эту надежду,—почувствовалъ, что ему слѣдуетъ, не теряя времени и энергій, обратиться за помощью къ Бѣльстрэду.

— Я очень благодаренъ вамъ за извѣщеніе, сказалъ онъ твердымъ голосомъ, но съ нѣкоторой отрывистостью въ тонѣ, которая показывала, что онъ говоритъ не охотно.—Для меня всего дороже моя профессія и въ больницѣ я вижу наилучшее поприще для примѣненія своихъ силъ. Но выборъ наилучшаго поприща не всегда сопровождается денежнымъ успѣхомъ. Всѣ тѣ обстоятельства, которыя сдѣлали больницу не популярной въ городѣ, въ связи съ другими причинами — я полагаю, что всѣ онѣ вызваны моимъ рвеніемъ къ дѣлу—лишили меня практики. Я лечу главнымъ образомъ такихъ пациентовъ, которые не могутъ платить мнѣ. Мнѣ всего пріятнѣе было бы имѣть съ ними дѣло, еслибы съ своей стороны, мнѣ не приходилось никому платить.

Лейдгэтъ умолкъ на минуту, но Бѣльстрэдъ только наклонилъ голову, пристально глядя на него, и Лейдгэтъ продолжалъ тѣмъ же отрывистымъ тономъ:

— Я попалъ въ затруднительное положеніе въ денежномъ отношеніи, изъ котораго не вижу исхода, если только кто нибудь, вѣрающій въ меня и въ мое будущее, не ссудитъ меня необходимой суммой безъ всякаго залога. У меня былъ очень небольшой капиталъ, когда я сюда пріѣхалъ. Я не могу рассчитывать на денежную помощь со стороны своего семейства. Расходы мои, благодаря женитьбѣ, сильно превысили мои расчеты. Результатомъ всего этого явилось то, что мнѣ необходима тысяча фунтовъ для того, чтобы выпутаться изъ бѣды. Другими словами, чтобы спастись отъ того, что бы мое имущество не было продано съ молотка для уплаты крупныхъ долговъ—равно какъ и для уплаты мелкихъ—и получить возможность просуществовать нѣкоторое время, не взирая на ничтожный доходъ. Я убѣдился, что нельзя и думать, чтобы отецъ

Миддлмарчъ.

43

моей жены ссудилъ насъ такой суммой. Вотъ почему я разкрылъ вамъ свое положеніе... потому что вижу въ васъ единственнаго человѣка, который можетъ быть лично нѣсколько заинтересованъ въ моемъ процвѣтаніи или разореніи.

Лейдгэту противно было слушать самого себя. Но дѣло было высказано и съ безспорной откровенностью. Мистеръ Бѣльстрэдъ отвѣчалъ не торопливо, но за то и безъ малѣйшаго колебанія.

— Меня огорчаетъ, хотя, сознаюсь, не удивляетъ ваше сообщеніе, мистеръ Лейдгэтъ. Что касается меня, то я сожалѣлъ о томъ, что вы породнились съ семействомъ моего зятя, которое всегда отличалось привычкой къ мотовству и которое сильно обязано мнѣ тѣмъ, что до сихъ поръ сохранило свое положеніе. Мой совѣтъ вамъ, мистеръ Лейдгэтъ, былъ-бы не дѣлать новыхъ долговъ, продолжая сомнительную борьбу, и по просту объявить себя банкротомъ.

— Это не улучшить моего положенія, гордымъ тономъ промолвилъ Лейдгэтъ, вставая съ своего мѣста,—даже если бы само по себѣ оно было менѣе неприятно.

— Это во всякомъ случаѣ испытаніе, возразилъ мистеръ Бѣльстрэдъ, а испытанія, мой дорогой сэръ, нашъ удѣлъ на землѣ и необходимы для спасенія нашей души. Я совѣтую вамъ звѣснить то, что я вамъ сказалъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ, почти безсознательно.—Я отнял у васъ слишкомъ много времени. Прощайте.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

«What suit of grace hath Virtue to put on
If Vice shall wear as good, and do as well?
If Wrong, if Craft, if Indiscretion
Act as fair parts with ends as laudable?
Which all this mighty volume of events
The world, the universal map of deeds,
Strongly controls, and proves from all descents,
That the directest course still best succeeds.
For should not grave and learn'd Experience
That looks with the eyes of all the world beside,
And with all ages holds intelligence,
Go safer than Deceit without a guide!»

— *Daniel: Musophilus.*

Пережѣна въ намѣреніяхъ и отсутствіе интереса къ прежнимъ планамъ, которые Бѣльстрэдъ выказалъ намѣренно или неволь-

но въ своемъ разговорѣ съ Лейдгетомъ, вызвана была въ немъ сильными испитаніями, которымъ онъ подвергся съ того дня, какъ распродалось имущество мистера Ларчера съ аукціона и Раффльсъ привналъ Виліа Владислава, а банкиръ тщетно пытался загладить свое поведеніе и тѣмъ умилостивить Провидѣніе и отклонить отъ себя дальнѣйшія неприятности.

Увѣренность въ томъ, что Раффльсъ, если только не умретъ, вернется въ Миддлмарчъ въ непродолжительномъ времени, оправдалась. Наканунѣ Рождества Раффльсъ появился въ «Кустарникахъ». Бѣльстрэдъ былъ дома и могъ принять его и помѣшать ему видѣться съ кѣмъ либо изъ другихъ членовъ своей семьи, но не могъ вполнѣ сгладить скандалъ этого появленія и тревогу, причиненную имъ его женѣ. Раффльсъ оказался еще неугомоннѣе, чѣмъ въ прежнія свои посѣщенія: его хроническая умственная беззалаберность и постоянная невоздержность дѣлали то, что всякіе доводы мгновенно испарялись у него изъ головы. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы остаться у него въ домѣ и Бѣльстрэдъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, нашелъ, что изъ двухъ золъ это будетъ меньшее и что во всякомъ случаѣ лучше оставить его переночевать у себя, чѣмъ отпустить въ городъ.

Онъ просидѣлъ съ нимъ весь вечеръ въ своей собственной комнатѣ и самъ уложилъ его спать: Раффльсъ все время забавлялся досадою, которую причиняетъ этому приличному съ виду и разбогатѣвшему сообщнику своему. Забавляясь, онъ твердилъ о томъ, какъ онъ сочувствуетъ удовольствію своего друга, которому должно быть очень пріятно принимать въ гостяхъ человѣка, который, хотя и оказалъ ему услугу, но далеко не получилъ львиной доли въ добычѣ. Всѣ эти громкія шутки скрывали хитрый расчетъ выманить у Бѣльстрэда сумму по крупнѣй, въ надеждѣ, что онъ будетъ радъ освободиться отъ этой новой пытки. Но хитрецъ хватилъ черезъ край.

Бѣльстрэдъ дѣйствительно испытывалъ болѣе жестокую пытку, чѣмъ Раффльсъ, при его грубой натурѣ, могъ себѣ вообразить. Онъ говорилъ своей женѣ, что заботится объ этой жалкой твари, жертвѣ порока, только потому, что тотъ можетъ плохо кончить; онъ намекалъ, не прибѣгая къ прямой лжи, что семейныя узы обязывали его позаботиться о немъ и что Раффльсъ проявлялъ признаки умственного растройства, которые требовали большой осмотрительности въ обращеніи съ нимъ. Онъ самъ отвезетъ утромъ этого бѣдняка. Онъ сознавалъ, что такими намеками даетъ возможность миссисъ Бѣльстрэдъ объяснить до нѣкоторой степени въ чемъ дѣло дочерямъ и прислугѣ, и дѣ-

дасть понятнымъ то, что онъ никому не позволяетъ входить въ комнату гостя и даже кушанье приносить ему самъ. Но онъ сидѣлъ все время какъ на иголкахъ, опасаясь, какъ бы громкій голосъ Раффльса, безъ всякой застѣнчивости разглагольствовавшего о прошломъ, не долетѣлъ до ушей миссисъ Бѣльстредъ; какъ бы послѣдняя не вздумала подслушивать у дверей. Могъ ли онъ помѣшать ей? могъ ли онъ заявить о своемъ опасеніи, отгнрвъ дверь, съ цѣлью озоблчить ее? Она была честная женщина и врядъ ли бы прибѣгла къ такому низкому способу узнать тяжкую истину; но страхъ бралъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями.

Такимъ образомъ Раффльсъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ желаніи помучить Бѣльстрѣда и произвелъ дѣйствіе, обратное тому, какое желалъ произвести. Выказавъ себя такимъ неугомоннымъ, онъ заставилъ Бѣльстрѣда почувствовать, что единственнымъ ресурсомъ для него остается неумолимая суровость. Уложивъ Раффльса въ постель, банкиръ приказалъ, чтобы на другой день въ половинѣ восьмаго, закрытый экипажъ стоялъ у подъѣзда. Въ шесть часовъ утра онъ уже былъ давно на ногахъ и въ молитвѣ искалъ себѣ поддержанія, оправдывая передъ Богомъ тѣ мотивы, которые заставляли его, во избѣжаніе горшаго зла, дѣйствовать не вполне откровенно и говорить такія вещи, которыя были не вполне правдивы. Бѣльстрѣдъ не въ мѣру боялся прямой лжи, что не мѣшало ему весьма часто грѣшить косвенной неправдой.

Бѣльстрѣдъ поднесъ свѣчу къ постели Раффльса, котораго повидимому душилъ кошмаръ. Онъ молча стоялъ надъ нимъ, надѣясь, что свѣтъ быть можетъ постепенно разбудитъ спящаго, потому что боялся какого-нибудь взрыва со стороны послѣдняго, если пробужденіе будетъ слишкомъ внезапное. Онъ уже минуты двѣ или больше наблюдалъ за подергиваніями и вздохами, которые повидимому предвѣщали близость пробужденія, какъ вдругъ Раффльсъ съ протяжнымъ, хотя полуглушеннымъ стономъ, вскочилъ и съ ужасомъ принялся оглядываться кругомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и конвульсивно вздыхая. Но онъ не сталъ шумѣть и Бѣльстрѣдъ, поставивъ свѣчу на столъ, сталъ дожидаться его окончательнаго пробужденія.

Четверть часа позднѣе, Бѣльстрѣдъ съ холодной повелительностью въ манерахъ, которой до сихъ поръ въ немъ не было замѣтно, сказалъ:

— Я потому такъ рано разбудилъ васъ, мистеръ Раффльсъ, что приказалъ подать экипажъ въ половинѣ восьмаго и намѣ-

ренъ самъ отвезти васъ въ Ильзели, гдѣ вы можете или сѣсть на желѣзную дорогу или дождаться почтовой кареты.

Раффльсъ собирался было что-то сказать, но Бѣльстрэдъ повелительно перебилъ его словами:

— Молчите, сэръ, и выслушайте меня. Я дамъ вамъ теперь денегъ и готовъ снабжать васъ небольшими суммами время отъ времени, если вы письменно попросите меня объ этомъ; но если вы вздумаете снова вернуться въ Миддльмарчъ, если вы станете распускать про меня оскорбительныя вещи, то вамъ придется довольствоваться тѣми плодами, которые доставятъ вамъ ваша злоба, и не рассчитывать на помощь съ моей стороны. Никто не дастъ вамъ ни копѣйки за то, что вы забросаете грязью мое имя: я знаю самое худшее, чѣмъ вы можете мнѣ насолить, и мужественно перенесу эту неприятность, если вы снова осмѣлитесь показаться мнѣ на глаза. Вставайте, сэръ, какъ я вамъ приказываю, безъ шума, иначе я пошлю за полицменомъ, который вытолкаетъ васъ изъ моего помѣстья и вы можете разносить свои розсказни по городскимъ погребкамъ, но только вы не получите отъ меня ни полущки на свои издержки.

Бѣльстрэдъ рѣдко въ своей жизни говорилъ съ такой нервной энергійей: онъ большую часть ночи обсуждалъ эту рѣчь и ея вѣроятное дѣйствіе; и хотя не надѣялся, что-бы она окончательно спасла его отъ новаго появленія Раффльса, однако полагалъ, что это лучшее, что онъ могъ придумать, чтобы нѣсколько обуздать его. Ему дѣйствительно удалось подчинить себѣ вполне на сегодняшнее утро Раффльса, съ его разстроеннымъ организмомъ: холодная, рѣшительная манера Бѣльстрада импонировала Раффльсу, нервы котораго были потрясены постояннымъ пьянствомъ. Его усадили безъ всякаго шума въ карету, пока еще не наступилъ тотъ часъ, когда вся семья имѣла обмененіе завтракать. Слуги всображали, что онъ бѣдный родственникъ и нисколько не удивлялись, что такой высоко-мѣрный человекъ, какъ ихъ баринъ, который любилъ задира-ть свой носъ передъ людьми,—стыдился подобнаго кузена и желалъ поскорѣе спровадить его. Невесело встрѣтилъ банкиръ Рождество въ обществѣ своего ненавистнаго спутника, съ которымъ прокатился за десять миль отъ дома. Въ концѣ путешествія Раффльсъ окончательно пришелъ въ себя и ухалъ весьма довольный, на что имѣлъ полное основаніе, такъ какъ банкиръ ссудилъ его сто фунтами. Различные мотивы побудили Бѣльстрада къ такой щедрости, но самъ онъ не охотно вникалъ въ ихъ смыслъ. Когда онъ стоялъ у постели Раффльса, наблюдая за его тревожнымъ сномъ, въ умѣ его промелькнула

мысль, что здоровье этого человека сильно пошатнулось съ того времени какъ онъ впервые подарилъ ему двѣсти фунтовъ.

Онъ настойчиво подтвердилъ Раффльсу, что не намѣренъ долѣе позволять подобныя шутокъ надъ собой и пытался убѣдить послѣдняго, что онъ своимъ поведеніемъ доказалъ ему, что его не стоить подкупать, такъ-какъ результатъ выходитъ одинъ и тотъ-же, какъ если-бы онъ прогналъ его по-просту, безъ ватѣй. Но когда Бѣльстрэдъ, освободясь отъ этого ненавистнаго человека, вернулся въ свой спокойный домъ, онъ не принесъ съ собой убѣренности, что навсегда освободился отъ давившаго его бремени; онъ зналъ, что добылъ себѣ лишь временное облегченіе.

Его какъ будто давилъ кошмаръ, отъ котораго онъ никакъ не могъ отдѣлаться, ему казалось, что вся его жизнь отравлена присутствіемъ ядовитой гадины, которая оставила свои слизистые слѣды въ его жилищѣ.

Кто изъ насъ можетъ знать, на сколько онъ цѣнить мнѣніе своихъ согражданъ, пока не окажется, что это мнѣніе грозитъ обратиться намъ не въ пользу.

Бѣльстрэдъ чувствовалъ, что въ душу его жены закралось смутное подозрѣніе, такъ какъ она старательно избѣгала малѣйшаго намека на непріятное посѣщеніе. Онъ привыкъ ежедневно вкушать сладость безусловной власти и принимать дань полнѣйшаго уваженія, а потому убѣренность, что за нимъ наблюдаютъ тайно, подозрѣвая, что за нимъ водится какая-то поворная тайна,—заставила дрогнуть его голосъ въ то время, какъ онъ читалъ молитву. Для людей съ такимъ беспокойнымъ темпераментомъ, какъ у Бѣльстрэда, ожиданіе бываетъ за-частую хуже совершившагося факта, а его воображеніе постоянно раздражалось тревожнымъ ожиданіемъ неминуемаго позора. Да, неминуемаго! потому что если его угрозы не удержатъ Раффльса отъ новаго появленія въ Миддльмарчѣ—а хотя онъ и молился объ этомъ результатѣ, но совсѣмъ почти на него не надѣялся—то позоръ неминуемъ. Тщетно говорилъ онъ самому себѣ, что если Господь допустить до этого позора, то онъ приметъ его, какъ испытаніе, посылаемое свыше, какъ кару Господню: его пугала воображаемая пытка и онъ находилъ, что для Славы Возіей было-бы гораздо лучше, чтобы онъ избѣжалъ безчестія. Эта пытка вынудила его наконецъ заняться приготовленіями къ отъѣзду изъ Миддльмарча. Если о немъ и пройдетъ худая молва, то онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, такъ далеко отъ своихъ старыхъ сосѣдей, что ихъ презрѣніе не достигнетъ его. Онъ зналъ, что разстаться, съ Миддльмарчемъ будетъ чрезвычайно

какъ тяжело для его женѣ, да и по разнымъ другимъ причинамъ, предпочелъ-бы оставаться тамъ, гдѣ уже пустилъ корни. Поэтому онъ сначала готовился лишь къ временному отъѣзду, желая оставить за собой полную возможность вернуться въ Миддльмарчъ, послѣ короткаго отсутствія, если только благодѣтельному Провидѣнію угодно будетъ разсвѣтать его опасенія. Онъ готовился передать управленіе банкомъ и отказаться отъ всякаго дѣятельнаго контроля надъ другими коммерческими оборотами околоса, ссылаясь на разстройство здоровья, но оставивъ за собой право вернуться къ дѣламъ, когда найдетъ это для себя удобнымъ.

Такая перемѣна должна была повести къ лишнимъ расходамъ и сокращенію доходовъ, которые уже вообще пострадали отъ общаго разстройства торговли; а на больницѣ ему всего удобнѣе было произвести нѣкоторую экономію.

Вотъ испытаніе, которое вызвало его разговоръ съ Лейдгэтомъ. Но до сихъ поръ его распоряженія не заходили очень далеко и онъ всегда могъ отмѣнить ихъ, если-бы нашелъ ненужными. Онъ постоянно откладывалъ окончательныя приготовленія; среди своихъ опасеній, онъ, — какъ человѣкъ, которому грозитъ кораблекрушеніе или который можетъ опасаться, что взбѣсившіяся лошади опрокинутъ его вмѣстѣ съ экипажемъ — смутно надѣялся на нѣчто непредвидѣнное, что не допустить его до окончательной гибели. Вслѣдствіе этого ему казалось, что портить свою жизнь, на ея закатѣ, переселеніемъ — пожалуй будетъ торопливой мѣрой. Тѣмъ болѣе, что ему трудно будетъ удовлетворительно объяснить жейѣ, почему они переселяются изъ единственнаго мѣста, гдѣ ей пріятно жить.

Въ числѣ различныхъ дѣлъ, которыми предстояло озаботиться Бельстрэду — было управленіе фермой Стонъ-Корта, которое слѣдовало передать въ чьи-нибудь руки, въ случаѣ его отъѣзда. На счетъ этого вопроса, равно какъ и всѣхъ другихъ, связанныхъ съ домами или землями, которыми онъ владелъ въ самомъ Миддльмарчѣ и его окрестностяхъ, — онъ совѣтовался съ Калемомъ Гартомъ. Какъ и всякій другой, у кого есть дѣла этого рода, онъ желалъ найти такого агента, который бы больше заботился объ интересахъ своего хозяина, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Что касается Стонъ-Корта, такъ какъ Бельстрэдъ желалъ устроить дѣло такъ, чтобы имѣть возможность, если пожелаешь, лично надзирать за помѣстіемъ, то Калесъ присовѣтовалъ ему не довѣрять его простому управителю, и отда-

вать погодно въ аренду землю, скоть и земледѣльческія орудія и брать извѣстный процентъ съ доходовъ.

— Могу-ли я надѣяться, м-ръ Гартъ, что вы найдете мнѣ арендатора на такихъ условіяхъ? спросилъ Бѣльстрэдъ. — И потрудитесь также назначить цифру вознагражденія, какое вы пожелаете получать ежегодно за управленіе всѣми дѣлами, о которыхъ ми только что разсуждали?

— Я подумаю объ этомъ, отвѣчалъ Гартъ своимъ отрывистымъ тономъ. Я погляжу, что я могу сдѣлать.

Если-бы м-ръ Гартъ не заботился о томъ, что-бы поставить Фрэда Винси на ноги, то по всей вѣроятности не былъ-бы доволенъ такой прибавкой работы, тѣмъ болѣе, что жена, съ тѣхъ поръ какъ онъ становился старѣе, боялась, какъ-бы онъ не заработался черезъ мѣру. Но когда онъ расстался съ Бѣльстрэдомъ, послѣ этого разговора, въ его умѣ зародилась весьма соблазнительная мысль, касательно отдачи въ наймы Стоунъ-Корта. Что если-бы Бѣльстрэдъ согласился взять въ арендаторы Фрэда Винси, подъ тѣмъ условіемъ, что онъ, Калебъ Гартъ, будетъ отвѣтственнымъ лицомъ за управленіе? Это послужило-бы отличной школой для Фрэда; онъ могъ-бы получать скромный доходъ отъ фермы и все-таки ему оставалось-бы столько свободнаго времени, что онъ могъ-бы продолжать заниматься другими дѣлами, подъ его руководствомъ. Онъ сообщилъ эту мысль миссисъ Гартъ съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ, что она не рѣшилась испортить ему удовольствія, выражая свои обычные опасенія, что онъ взваливаетъ на себя слишкомъ много труда.

— Малый былъ-бы внѣ себя отъ радости, говорилъ онъ, откидываясь на спинку стула, съ сіяющимъ лицомъ: — если-бы я могъ ему сказать, что это дѣло уладилось. Подумай, Сусанна! Онъ свикся съ мыслью объ этомъ помѣстьи, когда старшій Фитерстонъ былъ еще живъ. И вѣдь какъ бы это было хорошо, если-бы оно все таки досталось ему, путемъ труда. Вѣдь очень возможно, что Бѣльстрэдъ мало-по-малу уступитъ ему помѣстье совсѣмъ; и постепенно продастъ скоть. Я вижу, что онъ еще не рѣшилъ въ умѣ переселиться ему или нѣтъ изъ Миддльмарча. Меня еще ни одинъ планъ такъ не радовалъ. И если это устроится, Сусанна, то дѣти могутъ въ непродолжительномъ времени повѣнчаться.

— Ты вонечно не станешь говорить объ этомъ планѣ Фреду, пока не убѣдишься въ согласіи Бѣльстрэда? замѣтила миссисъ Гартъ, тономъ дружескаго предостереженія. — Что касается

свадьбы дѣтей, Калебъ, то право намъ, старикамъ, не слѣдуетъ теропить ихъ.

— О, не знаю, отвѣчалъ Калебъ, откидывая голову на бокъ.— Женитьба угрожаетъ человѣка. Мнѣ легче будетъ держать Фрэда на уздѣ. Но во всякомъ случаѣ, я ничего не скажу ему, пока не устрою дѣло навѣрно. Я еще разъ переговорю съ Бѣльстрэдомъ.

Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ. Бѣльстрэдъ совсѣмъ не жаловалъ своего племянника Фрэда Винси, но очень желалъ обезпечить за собой услуги мистера Гарта, потому что зналъ, что по многимъ дѣламъ потерпѣть большіе убытки, если ему не удастся найти добросовѣстнаго управляющаго. По этой причинѣ, онъ не возражалъ противъ предложенія мистера Гарта; была еще и другая причина, почему онъ радъ былъ дать свое согласіе въ такомъ дѣлѣ, которое было выгодно для одного изъ членовъ семейства Винси. Миссисъ Бѣльстрэдъ, прослышавъ про долги Лейдгэта, освѣдомилась съ тревогой: не можетъ ли ея мужъ помочь бѣдной Розамондѣ и очень огорчилась, когда узнала отъ него, что дѣла Лейдгэта такъ запутаны, что поправить ихъ было не легко и всего лучше было предоставить ихъ «естественному ходу».

Тогда миссисъ Бѣльстрэдъ впервые промолвила:

— Мнѣ кажется, Никеласъ, что ты всегда довольно жестоко относился къ моей семьѣ. Я увѣрена, что мнѣ нечего краснѣть за моихъ родственниковъ. Они, быть можетъ, нѣсколько суетны, но никто въ мірѣ не можетъ сказать, чтобы они не были респектабельны

— Моя дорогая Гарриэтъ, отвѣчалъ мистеръ Бѣльстрэдъ, не выдержавъ взора, полнаго слезъ своей жены,—я ссужалъ большими суммами твоего брата. Но нельзя же требовать, чтобы я содержалъ его дѣтей, которые уже пристроились.

Это возраженіе казалось справедливымъ и упреки миссисъ Бѣльстрэдъ перешли въ сожалѣніе о бѣдной Розамондѣ, безумное воспитаніе которой приносило теперь свои плоды.

Но, припоминая этотъ разговоръ, мистеръ Бѣльстрэдъ чувствовалъ, что ему пріятно будетъ, передавая женѣ о своемъ намѣреніи оставить Миддльмарчъ, сообщить ей при этомъ, что онъ устроилъ дѣло къ выгодѣ ея племянника Фрэда. До сихъ поръ онъ только вскользь упомянулъ ей, что намѣревается покинуть «Кустарники» на нѣсколько мѣсяцевъ и нанять домъ на южномъ берегу.

Вслѣдствіе всего этого мистеръ Гартъ получилъ удостовѣреніе, котораго добивался, а именно: что въ случаѣ отъѣзда

Бѣльстрѣда изъ Миддльмарча на неопредѣленное время, Фрѣдъ Винси получить въ аренду Стоузъ-Кортъ, на условіяхъ, предложенныхъ Гартонъ.

Калебъ такъ обрадовался тому, что его надежды повидному готовы осуществиться, что еслибы его самообладаніе не было укрѣплено небольшою, дружескою нотаціей, которую ему пришлось выслушать отъ жены, то онъ проговорился бы обо всемъ Мери, такъ какъ ему хотѣлось «успокоить дѣвочку». Какъ бы то ни было, но онъ сдержалъ себя и скрылъ отъ Фрѣда свои частныя посѣщенія въ Стоузъ-Кортъ, куда онъ ѣздилъ затѣмъ, чтобы хорошенько ознакомиться съ состояніемъ полей и скота, и сдѣлать предварительную оцѣнку. Онъ конечно страстиѣ относился къ этому дѣлу, чѣмъ того требовали обстоятельства, но вѣдь его подстрекала родительская мечта приготовить радостный сюрпризъ для Фрѣда и Мери, которымъ онъ собирался порадовать ихъ, какъ подаркомъ въ день рожденія.

— Но предположимъ, что весь планъ окажется воздушнымъ замкомъ? замѣчала миссисъ Гартъ.

— Ну что же, возражалъ Калебъ:—такой замокъ никому не обрушится на голову.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

«If thou hast heard a word, let it die with thee.»

Ecclesiasticus.

Въ три часа пополудни того дня, когда мистеръ Бѣльстрѣдъ принималъ Лейдгэта, онъ еще сидѣлъ въ директорской комнатѣ банка, какъ вдругъ вошелъ его клеркъ и объявилъ, что за нимъ пріѣхала лошадь и вмѣстѣ съ тѣмъ, что пришелъ мистеръ Гартъ и просилъ позволенія переговорить съ нимъ.

— Просите войти, отвѣчалъ Бѣльстрѣдъ; и Калебъ вошелъ.

— Прошу васъ садиться, мистеръ Гартъ, продолжалъ банкиръ самымъ сладкимъ голосомъ.—Я очень радъ, что вы застали меня здѣсь. Я знаю, что вамъ каждая минута дорога.

— О, отвѣчалъ Калебъ, кротко, медленно свѣшивая голову на бокъ, межъ тѣмъ какъ усаживался на стулъ, и ставя шляпу передъ собой на полъ. Онъ уставился глазами въ полъ и задумался, перебирая пальцами.

Мистеръ Бѣльстрѣдъ, какъ и всѣ знакомые Калеба, привыкъ къ медлительности, съ какою послѣдній приступалъ ко всякому предмету, который считалъ важнымъ. Онъ ждалъ, что Калебъ заговоритъ съ нимъ о покупкѣ на словъ нѣсколькихъ домовъ

въ Блиндманъ-Кортѣ, чтобы выгадать такимъ путемъ нѣсколько свѣта и воздуха. Вотъ такими-то предложеніями Калебъ и до-саждалъ своимъ кліентамъ. Но Вѣльстрэдъ обыкновенно съ со-чувствіемъ относился къ его проэктомъ объ улучшеніи и они ладили другъ съ другомъ. Но Калебъ заговорилъ чуть не шѣ-потомъ.

— Я только что вернулся изъ Стонъ-Корта, мистеръ Вѣль-стрэдъ.

— Надѣюсь, что вы все застали тамъ въ порядкѣ, отвѣ-чалъ банкиръ;—я самъ былъ тамъ вчера. Абель очень удачно распорядился съ ягнатами этотъ годъ.

— Да, да, возразилъ Калебъ, съ серьезнымъ видомъ: тамъ не все въ порядкѣ... тамъ находится одинъ приѣзжій, который, сдается мнѣ, очень боленъ. Ему нуженъ докторъ и я пришелъ вамъ объ этомъ сообщить. Его зовутъ Раффльсъ.

Онъ видѣлъ, какъ Вѣльстрэдъ вздрогнулъ при этомъ имени. Банкиръ думалъ, что онъ слишкомъ много думалъ объ этомъ предметѣ, чтобы быть захваченнымъ врасплохъ; но ошибся.

— Бѣднякъ! проговорилъ онъ тономъ состраданія, хотя губы его нѣсколько дрожали.—Вамъ извѣстно, какъ онъ туда попалъ?

— Я самъ довелъ его, отвѣчалъ Калебъ, спокойно:—я по-садилъ его въ свой кабриолетъ. Онъ вышелъ изъ почтовой ка-реты и прошелъ часть дороги пѣшкомъ до того пункта, гдѣ я на него наткнулся. Онъ вспомнилъ, что однажды уже видѣлъ меня съ вами въ Стонъ-Кортѣ и попросилъ подвезти его. Я видѣлъ, что онъ боленъ: мнѣ казалось, что слѣдуетъ поско-рѣй приютить его. А теперь я полагаю, что вамъ слѣдуетъ, не теряя времени, призвать къ нему доктора.

— Разумѣется, замѣтилъ Вѣльстрэдъ, умъ котораго дѣятельно работала въ настоящую минуту.—Вѣтъ можетъ, вы сдѣлаете мнѣ такое одолженіе, мистеръ Гартъ, заѣдете къ мистеру Лейдгету, по дорогѣ... или нѣтъ! онъ долженъ быть въ на-стоящую минуту въ больницу. Я сначала пошлю туда моего слугу верхомъ съ запиской, а затѣмъ самъ поѣду въ Стонъ-Кортъ.

Вѣльстрэдъ послѣшно написалъ записку и вышелъ, чтобы лично перелать свои приказанія слугѣ. Когда онъ вернулся, Калебъ стоялъ въ прежней позѣ, одною рукой облокотившись на спинку стула, другою держа свою шляпу. Въ умѣ Вѣль-страда вертѣлась слѣдующая мысль:

«Вѣтъ можетъ Раффльсъ говорилъ съ Гартомъ только о своей болѣзни. Гарту конечно можетъ казаться удивительнымъ, что такой безпутный человѣкъ претендуетъ на мою дружбу;

но онъ вѣрно ничего не знаетъ. Онъ очень дружески относится ко мнѣ... я ему нуженъ».

Ему очень хотѣлось получить какое-нибудь подтвержденіе этой пріятной надежды, но спросить прямо о томъ, что говорилъ или дѣлалъ Раффльсъ, значило выказать, что онъ его боится.

— Я очень обязанъ вамъ, мистеръ Гартъ, проговорилъ Бѣльстрэдъ, своимъ обычнымъ вѣжливымъ тономъ.—Слуга мой воротится черезъ нѣсколько минутъ и я самъ поѣду тогда и посмотрю, что можно сдѣлать для этого несчастнаго человѣка. Быть можетъ у васъ есть еще какое-нибудь дѣло ко мнѣ? Если такъ, то садитесь, прошу васъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Калебъ, дѣлая легкій жестъ правой рукой, чтобы отклонить приглашеніе.—Я желаю сказать вамъ, мистеръ Бѣльстрэдъ, что вынужденъ просить васъ передать ваши дѣла кому-нибудь другому. Я много обязанъ вамъ за то, что вы такъ дружелюбно относились ко мнѣ... соглашались на мои предложенія относительно отдачи въ наймы Стоунъ-Корта, да и по другимъ дѣламъ. Но тѣмъ не менѣе я вынужденъ отказаться отъ управленія вашими дѣлами.

Острая увѣренность какъ ножъ вонзилась въ душу Бѣльстрада.

— Ваше рѣшеніе, мистеръ Гартъ, совсѣмъ неожиданно для меня,—вотъ все, что онъ могъ промолвить въ первую минуту.

— Да, оно неожиданно, отвѣчалъ Калебъ:—но неизмѣнно; я вынужденъ отказаться отъ управленія.

Онъ говорилъ хотя съ твердостью, но очень мягко, однако видѣлъ, что Бѣльстрада всего передернуло отъ этой мягкости; лицо его помертвѣло, а глаза невольно опустились. Калебъ ощутилъ глубокую жалость къ нему, но онъ не могъ оправдать лживымъ предлогомъ своего рѣшенія, даже еслибы это и не было бесполезно.

— Полагаю, что васъ побудили къ этому рѣшенію какія-нибудь оскорбительныя вещи, сказанныя на мой счетъ этимъ жалкимъ существомъ, спросилъ Бѣльстрэдъ, желая теперь узнать горькую истину во всемъ ея объемѣ.

— Это правда. Я не могу отрицать, что его слова повліяли на мои дѣйствія.

— Вы добросовѣстный человѣкъ, мистеръ Гартъ, человѣкъ, смѣю думать, богобоязненный. Вы не захотите оскорбить меня готовностью вѣрить всякимъ дурнымъ слухамъ, распускаемымъ про меня, проговорилъ Бѣльстрэдъ, стараясь подобрать такіе доводы, которые были бы всего болѣе доступны его слуша-

телю.—Неужели-же это достаточная причина, чтобы отказаться от сношеній, смѣю думать, обоюдно выгодныхъ.

— Я бы не желалъ никого въ мірѣ оскорбить, еслибы это было въ моей власти, отвѣчалъ Калебъ:—даже, еслибы и думалъ, что человѣкъ прогнѣвалъ Бога. Я надѣюсь, что у меня есть состраданіе къ моимъ ближнимъ. Но, сэръ... я вынужденъ вѣрить, что этотъ Раффльсъ сказалъ мнѣ правду. И я не могу быть счастливъ, работая съ вами или получая черезъ васъ выгоды. Это возмущаетъ мою душу. Я долженъ просить васъ пригласить другаго агента.

— Очень хорошо, мистеръ Гартъ. Но я могу по крайней мѣрѣ потребовать, чтобы вы передали мнѣ, что такое вамъ про меня наговорили. Я долженъ знать, жертвой какой клеветы становлюсь я, произнесъ Бѣльстрэдъ, съ примѣсью гнѣва къ тому чувству униженія, которое онъ испытывалъ передъ этимъ противимъ человѣкомъ, который отказывался отъ своихъ выгодъ.

— Это бесполезно, отвѣчалъ Калебъ, махая рукой, слегка наклоня голову и не измѣняя тона, въ которомъ чувствовалось доброе намѣреніе пощадить этого жалкаго человѣка.—То, что онъ мнѣ сказалъ, я сохранию про себя, если только что-нибудь, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстное, не вынудитъ меня высказать это. Если вы вели предосудительную жизнь изъ корысти и обманомъ нарушили чужія права, то я полагаю, вы въ этомъ раскаиваетесь и желали-бы поправить дѣло, да не можете: это должно быть очень горько... Калебъ умолкъ на минуту и покачалъ головой.— Я вовсе не желаю сдѣлать вашу жизнь еще тяжелѣе.

— Но вы дѣлаете это... вы дѣлаете мою жизнь еще тяжелѣе, сказалъ Бѣльстрэдъ, у котораго вырвался искренній, жалобный вопль.—Вы дѣлаете ее еще тяжелѣе для меня тѣмъ, что поворачиваетесь ко мнѣ спиной.

— Я вынужденъ это сдѣлать, отвѣчалъ Калебъ, еще мягче, поднимая вверхъ руки.—Мнѣ очень жаль. Я не сузу васъ; не говорю: онъ пороченъ, а я безгрѣшенъ. Боже избави. Мнѣ не все извѣстно. Человѣкъ можетъ поступить дурно, но оплатить свой поступокъ, хотя и не въ его власти его измѣнить. Это жестокое наказаніе. Если съ вами такъ случилось... мнѣ очень васъ жаль. Но совѣсть подсказываетъ мнѣ, что я не могу работать съ вами. Вотъ и все, мистеръ Бѣльстрэдъ. Никто не услышитъ отъ меня ни слова. А теперь прощайте.

— Одну минуту, мистеръ Гартъ! проговорилъ Бѣльстрэдъ, поспѣшно.—Я могу, значить, недѣяться на ваше торжественное обѣщаніе не говорить ни одному человѣку въ мірѣ о томъ,

что—допуская даже, что въ этомъ есть нѣкоторая доля правды—все-же жестоко искажено?

Калебъ вспыхнулъ и сказалъ съ негодованіемъ:

— Зачѣмъ мнѣ было-бы говорить это, если-бы я не намѣревался сдержать своего слова? Я васъ не боюсь. Такіе рассказы никогда не казались мнѣ заманчивыми.

— Извините меня... я взволнованъ... я жертва этого безпутнаго человѣка.

— Постойте! подумайте, не содѣйствовали-ли вы его порочности, когда эксплуатировали его пороки.

— Вы оскорбляете меня тѣмъ, что такъ легко повѣрили ему, сказала Бѣльстрэдъ, котораго давила, какъ кошмаръ, невозможность прямо отвергнуть все то, что могъ наговорить Раффльсъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, радовало, что Калебъ не требовалъ отъ него такого опроверженія.

— Нѣтъ, возразилъ Калебъ, я готовъ вѣрить всему хорошему, если только вы можете мнѣ доказать это хорошее. Я не отнимаю у васъ никакихъ шансовъ къ оправданію. Что касается того, чтобы разболтать о томъ, что я слышалъ, то я считаю преступленіемъ обличать грѣхи человѣка, если это не дѣлается съ цѣлью спасти невиннаго. Вотъ мой образъ мыслей, мистеръ Бѣльстрэдъ, а слово мое свято. Прощайте.

Нѣсколькими часами позже, вернувшись домой, Калебъ вскользь сообщилъ своей женѣ, что онъ повздорилъ съ Бѣльстрэдомъ и вслѣдствіе того оставилъ всякую мысль арендовать Стонъ-Кортъ и даже совсѣмъ отказался отъ веденія его дѣлъ.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ вмѣшиваться во всѣ мелочи? спросила миссисъ Гартъ, подумавъ, что ее мужа задѣли за его слабую струну, не желая предоставить ему полной свободы дѣйствовать и распоряжаться такъ, какъ онъ считалъ наилучшимъ.

— О, отвѣчалъ Калебъ, наклонивъ голову и важно помакивая рукой.

Миссисъ Гартъ знала, что это значило, что онъ не желаетъ говорить больше объ этомъ предметѣ.

Что касается Бѣльстрэда, то онъ почти немедленно сѣлъ на лошадь, и отправился въ Стонъ-Кортъ, желая пріѣхать туда раньше Лейдгэта.

Въ умѣ его тѣснились всякаго рода мысли и соображенія. Чувство глубокаго униженія, съ какимъ онъ узналъ, что Калебу Гарту извѣстно его прошлое, и принявъ отказъ послѣдняго вести его дѣла, улеглось и почти смѣрилось радостью, что Гартъ, а не кто другой видѣлся и говорилъ съ Раффльсомъ. Ему казалось, что въ этомъ видѣнъ перстъ Провидѣнія, желая

ющаго спасти его отъ худшихъ послѣдствій и потому остав-
ляющаго ему надежду на сохраненіе тайны. То обстоятельство,
что Раффльсъ занемогъ, что онъ очутился въ Стонъ-Кортъ, а
не въ иномъ какомъ-нибудь мѣстѣ.... сердце Бѣльстрада би-
лось, когда онъ размышлялъ о томъ, какія послѣдствія были
предотвращены этимъ обстоятельствомъ. Если въ концѣ концовъ
его минуетъ грозящій ему поворотъ... если ему дозволено будетъ
жить и дышать свободно, то онъ еще исключительное посвятить
всего себя на добрыя дѣла. Онъ мысленно произнесъ этотъ
обѣтъ, который предполагалъ желанный для него исходъ дѣла.
Онъ пытался вѣрить въ силу этого молитвеннаго обѣта...силу,
которая должна была вызвать смерть.

Онъ зналъ, что долженъ говорить: «Да будетъ воля Твоя» и
частенько повторялъ это. Но въ немъ жило страстное желаніе,
чтобы Воля Бога рѣшила смерть ненавистнаго человѣка.

Совсѣмъ тѣмъ, когда онъ прибылъ въ Стонъ-Кортъ, то не
могъ не содрогнуться, увидя какъ перемѣнился Раффльсъ. Ес-
ли-бы не его блѣдность и слабость, Бѣльстрадъ назвалъ бы
перемѣну въ немъ чисто нравственной. Онъ уже не былъ въ
такомъ расположеніи духа, когда ему нравилось мучить Бѣль-
страда: напротивъ того, имъ овладѣлъ непобѣдимый, смутный
страхъ; его повидному ужасалъ гнѣвъ Бѣльстрада, потому
что деньги всѣ его были растрочены—его обобрали,— полови-
ну ихъ у него отняли. Онъ явился сюда только потому, что онъ
былъ боленъ и его преслѣдовали, за нимъ гнались: онъ нико-
му ничего не говорилъ, онъ держалъ языкъ за зубами. Бѣль-
страдъ, не понимавшій значенія этихъ симптомовъ, хотѣлъ бы-
ло воспользоваться новымъ для него нервнымъ разстройствомъ
Раффльса, чтобы вынудить у него полное сознаніе. Онъ сталъ
уличать его во лжи, говоря, что онъ сказалъ неправду и что
онъ только что выболталъ все человѣку, который довезъ его
въ своемъ кабріолетѣ до Стонъ-Корта. Раффльсъ принялся от-
рицать это съ торжественными клятвами: дѣло въ томъ, что
сознаніе въ немъ было на половину заглушено и его подробный,
тревожный рассказъ Калебу Гарту былъ сдѣланъ какъ бы въ
бреду и совершенно вылетѣлъ у него изъ головы.

Сердце Бѣльстрада сжалось, когда онъ убѣдился, что всякій
контроль надъ Раффльсомъ невозможенъ и что нельзя вѣрить
ни единому слову его о томъ фактѣ, который наиболѣе инте-
ресовалъ Бѣльстрада, а именно: не проболтался ли онъ еще
кому-нибудь по сосѣдству, кромѣ Калеба Гарта. Экономка пе-
редала ему, безъ всякаго смущенія, что послѣ отъѣзда мистера
Гарта, Раффльсъ спросилъ пива и затѣмъ уже ничего не го-

ворилъ, потому что повидимому ему стало очень плохо. Съ этой стороны можно было, значить, надѣяться, что болтовни не было. Миссисъ Абель полагала, какъ и прислуга въ «Кустарникахъ», что этотъ странный человѣкъ принадлежалъ въ числу неприятныхъ «родственниковъ», которые составляютъ одну изъ напастей, преслѣдующихъ богачей. Она сначала считала его родственникомъ мистера Ригга и находила вполнѣ естественнымъ, чтобы вокругъ богатаго наслѣдника уживались подобныя лизоблюды. Какъ могъ онъ доводиться съ родни Бѣльстрэду—было не особенно ясно, но миссисъ Абель соглашалась съ своимъ супругомъ, что «чего-де на свѣтѣ не бываетъ», и это предположеніе на столько удовлетворяло ее, что она покачивала головой, не вдаваясь въ дальнѣйшія соображенія.

Лейдгэтъ пріѣхалъ черезъ часъ. Бѣльстрэдъ встрѣтилъ его въ сосѣдней комнатѣ съ гостиной, обшитой панелями, гдѣ находился Раффльсъ, и сказалъ:

— Я пригласилъ васъ, мистеръ Лейдгэтъ, къ одному злополучному человѣку, который нѣкогда, давно тому назадъ, служилъ у меня. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ въ Америку и, вернувшись оттуда, велъ, боюсь, праздную, распутную жизнь. Онъ находится въ крайности, а потому имѣетъ право на помощь съ моей стороны. Онъ былъ дальній родственникъ Риггу, прежнему владѣльцу этого помѣстья и вслѣдствіе этого пробрался сюда. Мнѣ кажется, что онъ серьезно боленъ: должно быть у него не въ порядкѣ голова. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать для него все, что могу.

Лейдгэтъ слишкомъ живо помнилъ о послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Бѣльстрэдомъ, а потому не былъ расположенъ тратить безъ нужды словъ. Онъ слегка поклонился въ отвѣтъ, но, входя въ комнату, машинально обернулся и спросилъ:—какъ его зовутъ? по привычкѣ, свойственной докторамъ, осведомляться объ именахъ своихъ пациентовъ.

— Раффльсъ, Джонъ Раффльсъ, отвѣчалъ Бѣльстрэдъ, который надѣялся, что какая бы участь ни постигла Раффльса, Лейдгэтъ никогда ничего о немъ не узнаетъ.

Исслѣдовавъ внимательно своего пациента, Лейдгэтъ приказалъ уложить его въ постель и окружить по возможности совершеннымъ спокойствіемъ и, затѣмъ перешелъ съ Бѣльстрэдомъ въ другую комнату.

— Боюсь, онъ опасно боленъ, спросилъ банкиръ прежде, чѣмъ Лейдгэтъ раскрылъ ротъ.

— И да... и нѣтъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ съ сомнѣніемъ.—Трудно рѣшить, какія усложненія могутъ проявиться въ ходѣ бо-

лѣзни; но у этого человѣка очень сильное сложіе. Я не думаю, чтобы этотъ припадокъ имѣлъ роковой исходъ, хотя весь организмъ сильно потрясенъ. За него нуженъ хорошій уходъ.

— Я останусь здѣсь самъ, онавалъ Вѣльстрэдъ.— Миссисъ Абель и ея мужъ неопытны. Мнѣ ничего не стоитъ провести здѣсь ночь, если вы будете столь добры отвезти отъ меня записку миссисъ Вѣльстрэдъ.

— Я полагаю, что это будетъ лишнее, замѣтилъ Лейдгэтъ.

— Онъ кажется смиренъ и достаточно запуганъ. Онъ конечно можетъ сдѣлаться безпокоенъ. Но въ домѣ есть мужчина... не правда-ли?

— Я неоднократно проводилъ здѣсь по нѣскольку ночей сряду, ища уединенія, отвѣчалъ Вѣльстрэдъ равнодушно;— я вполне расположенъ повторить это и теперь. Миссисъ Абель и ея мужъ могутъ смѣнить меня или помочь мнѣ, въ случаѣ необходимости.

— Очень хорошо. Слѣдовательно мнѣ необходимо передать вамъ мои наставленія, спросилъ Лейдгэтъ, нисколько не удивляясь странности Вѣльстрэда.

— Вы полагаете, значить, что есть надежда спасти его, проговорилъ Вѣльстрэдъ, когда Лейдгэтъ кончилъ свои припазанія.

— Если только не произойдетъ дальнѣйшихъ усложненій, которыхъ я до сихъ поръ еще не предвижу... то да, отвѣчалъ Лейдгэтъ. Положеніе его можетъ ухудшиться, но я не удивлюсь, если онъ поправится черезъ нѣсколько дней, если будетъ слѣдовать моимъ предписаніямъ. Съ нимъ нужна твердость. Помните, если онъ попроситъ какого-бы то ни было вина, то не давайте ему ни подъ какимъ видомъ. По моему мнѣнію, люди въ его положеніи чаще погибали отъ леченія, чѣмъ отъ болѣзни. Совсѣмъ тѣмъ могутъ проявиться новые симптомы. Я приѣду завтра утромъ.

Дождавшись записки, которую онъ долженъ былъ отвезти миссисъ Вѣльстрэдъ, Лейдгэтъ уѣхалъ, не задаваясь никакими соображеніями на счетъ исторіи Раффльса, но перебирая въ умѣ всѣ аргументы, которые можно было почерпнуть изъ недавно опубликованныхъ опытовъ доктора Уэра въ Америкѣ, касательно правильнаго леченія подобныхъ случаевъ отравленія алькоголемъ. Лейдгэтъ, еще находясь за границей, интересовался этимъ вопросомъ: онъ былъ противъ господствующей системы леченія этихъ случаевъ,—системы, разрѣшавшей употребленіе алькоголя и большихъ приѣмовъ опиума. Онъ дѣйствовалъ согласно этому убѣжденію и съ постояннымъ успѣхомъ.

Миддлмарчъ. ;

44

— Человѣкъ этотъ сильно боленъ, думалъ онъ, но онъ крѣпко сложенъ. Я полагаю, что Бѣльстрэдъ изощрится на немъ свое милосердіе. Любопытно, какіе контрасты жестокости и мягкости уживаются въ одномъ и томъ-же человѣкѣ. Бѣльстрэдъ кажется одинъ изъ наименѣе симпатичныхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ, а между тѣмъ онъ много трудился и тратилъ много денегъ съ благонамѣренною цѣлью. Я полагаю, что у него есть какая нибудь мѣра, посредствомъ которой онъ узнастъ тѣхъ, кто угоденъ Богу... онъ вѣроятно убѣдился, что я не угоденъ.

Эти горькія мысли находили себѣ много пищи и подъ конецъ совсѣмъ завладѣли его умомъ, когда онъ подъѣзжалъ къ Лоувикъ-Гэту. Онъ еще не былъ тамъ послѣ перваго свиданія съ Бѣльстрэдомъ по утру, такъ какъ вторичное посланіе банкира застало его въ больницѣ. Онъ возвращался домой, утративъ послѣднюю надежду, которая еще мелькала ему вдали, найти столько денегъ, сколько ему нужно было для того, чтобы не утратить всего, чтó дѣлало его семейную жизнь сносною... всего, чтó спасало его и Розамонду отъ совершеннаго уединенія, въ которомъ они вынуждены будутъ признать, какъ мало радости могутъ они дать другъ другу. Легче было примириться съ тѣмъ, что она его не любила, чѣмъ съ мыслью, что его собственная любовь не могла вознаградить ее за всѣ остальные лишенія. Раны, наносимыя его личной гордости прошедшими и будущими униженіями, были довольно чувствительны, однако и онъ заглушался мучительною болью, которую причинила мысль, что Розамонда привыкнетъ смотрѣть на него, какъ на главную причину ея разочарованія и несчастія. Онъ никогда не любилъ обстановки бѣдныхъ людей и она никогда не входила въ его планы касательно собственной жизни; но онъ начиналъ понимать, что два существа, любящія и понимающія другъ друга, могутъ смѣяться надъ своей бѣдной обстановкой и надъ своими глубокомысленными соображеніями о томъ, хватить ли у нихъ денегъ на яйца и масло. Но такія поэтическія видѣнія были такъ-же далеки отъ него, какъ и безпечность дѣтскихъ лѣтъ: кругозоръ бѣдной Розамонды былъ не на столько широкъ, чтобы она могла съ высока относиться къ матеріальной роскоши.

Онъ слѣвъ съ лошади въ очень грустномъ настроеніи и вошелъ въ домъ, не ожидая никакого развлечения для себя, кромѣ обѣда, и размышляя, что до наступленія вечера необходимо сообщить Розамондѣ о томъ, что онъ обращался къ Бѣльстрэду съ просьбой и потерялъ неудачу. Слѣдовало, не теряя времени, подготовить ее въ худшему.

Но обѣдъ долго простоялъ на столѣ, прежде, чѣмъ онъ могъ приступить къ нему. Войдя въ домъ, онъ нашелъ, что мистеръ Доверъ уже прислалъ своего агента въ домъ и когда спросилъ, гдѣ миссъ Лейдгэтъ, то ему отвѣчали, что она въ своей спальнѣ. Онъ пошелъ туда и нашелъ ее лежащей на постелѣ, блѣдную и молчаливую: она даже не удостоила его взглядомъ въ отвѣтъ на его взоръ или слова. Онъ сѣлъ возлѣ нея и, наклонившись къ ней, сказалъ, почти съ мольбой:

— Прости мнѣ это горе, моя бѣдная Розамонда! будемъ любить другъ друга.

Она молча поглядѣла на него, съ мрачнымъ отчаяніемъ во взорѣ; по слезы навернулись на ея голубые глаза и губы задрожали. Этого не могъ вынести Лейдгэтъ. Онъ уронилъ голову на подушки и зарыдалъ.

Онъ не мѣшалъ ей утромъ рано сходить къ отцу... ему казалось теперь, что онъ не долженъ мѣшать ей поступать какъ ей правилось. Черезъ полчаса она вернулась назадъ и сказала, что папѣ и мамѣ желаютъ, чтобы она переѣхала къ нимъ, пока дѣла будутъ въ такомъ отчаянномъ положеніи. Папѣ говорить, что онъ ничѣмъ не можетъ пособить... если онъ уплатитъ этотъ долгъ, то за нимъ явится полдюжина другихъ. Ей лучше вернуться къ родителямъ, пока Лейдгэтъ не устроитъ для нея приличной обстановки.

— Ты не противъ этого, Терцип?

— Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчалъ Лейдгэтъ.—Но окончательный вризисъ еще не наступилъ. Торопиться пѣчего.

— Я не уѣду до завтра, замѣтила Розамонда;—мнѣ еще нужно уложить свои вещи.

— О, я бы на твоемъ мѣстѣ подождалъ еще нѣсколько времени..... неизвестно, что можетъ случиться, произнесъ Лейдгэтъ, съ горькой проніей. — Я могу сломать себѣ шею и это какъ нельзя лучше устроитъ твои дѣла.

Несчастіе Лейдгэта, да и Розамонды также, заключалось въ томъ, что его вѣжность къ ней, которая была вмѣстѣ и результатомъ непосредственнаго умлевія и сознательнаго рѣшенія, неизбежно прерывалась подобными выходами проницательнаго или уворизненнаго негодованія. Она находила такіе переходы совсѣмъ не извинительными и отвращеніе, возбуждаемое въ ней рѣдкими припадками строгости, грозило пересилить и лишить всякаго вліянія постоянную пѣжность, съ какою относился къ ней мужъ.

— Я вижу, что ты не желаешь, чтобы я уѣзжала, замѣтила она съ ледяной вротостью;—почему ты не скажешь этого прямо

безъ такихъ грубостей? Я останусь, пока ты самъ не посоветуешь мнѣ уйхать.

Лейдгетъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ на правитву. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и измученнымъ, и подъ гласни его появилась черная тѣнь, которой прежде не замѣчала Розамонда. Ей было тяжело на него глядѣть. Но онъ мѣлкую, Терцію принималъ всѣ вещи такъ, что онѣ казались во сто разъ хуже, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ.

Our deeds still travel with us from afar,
And what we have been makes us what we are.

Первымъ дѣломъ Бѣльстрада, послѣ отъѣзда Лейдгета изъ Стоунъ-Корта, было осмотрѣть карманы Раффльса, въ которыхъ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ найти слѣды его времяпрепровожденія, въ формѣ трактирныхъ счетовъ, въ томъ случаѣ, если онъ солгалъ, говоря, что пріѣхалъ прямо изъ Ливерпула, потому что былъ боленъ и остался совсѣмъ безъ денегъ. Въ его портмоне нашлось много счетовъ, но всѣ они относились еще въ Рождеству и только на одномъ стояло сегодняшнее число. Этотъ сомнѣнный счетъ былъ засунутъ вмѣстѣ съ объявленіемъ о лошадиной ярмаркѣ въ одинъ изъ кармановъ его куртки. Въ этомъ счетѣ, довольно крупномъ, обозначены были издержки трехъ дней, которые онъ провелъ въ одномъ трактирѣ въ Вѣклеѣ, гдѣ была ярмарка — городѣ, отстоявшемъ по крайней мѣрѣ миль на сорокъ отъ Миддльмарча. Счетъ былъ крупный и такъ какъ съ Раффльсомъ не было никакого багажа, то представлялось вѣроятнымъ, что онъ оставилъ свой чемоданъ въ залогъ, или для сокращенія путевыхъ издержекъ. Кошелекъ его былъ пустъ и въ его карманахъ нашлось всего нѣсколько пенсовъ.

Бѣльстрадъ нѣсколько успокоился, найдя доказательства того, что Раффльсъ пребывалъ вдали отъ Миддльмарча со времени его достопамятнаго Рождественскаго визита. На нѣкоторомъ разстояніи и среди людей, которые не знали Бѣльстрада, какое удовольствіе могъ находить Раффльсъ въ передачѣ старыхъ, скандальныхъ исторій про банкира Миддльмарча? Да и какой вредъ могли ему принести такіе рассказы? Главнымъ дѣломъ было теперь держать его подъ строгимъ присмотромъ до тѣхъ поръ, пока можно было опасаться, что онъ можетъ выболтать все, что знаетъ, въ безсознательномъ бреду, какъ

онъ это сдѣлать повидимому съ Валобомъ Гартомъ. Бѣль-страда безпокоила также мысль: какъ бы Раффльсу не пришла охота болтать при видѣ Лейдгэта. Онъ просидѣлъ одинъ на одинъ съ нимъ цѣлую ночь, приказавъ только своей экономкѣ не раздѣваться, чтобы быть готовой въ случаѣ, если бы ему понадобились ея услуги. Онъ мотивировалъ свое поведение бессонницей и желаніемъ въ строгости выполнить предписанія доктора. Онъ и выполнялъ ихъ съ строгостью, хотя Раффльсъ постоянно просилъ воды и объявлялъ, что онъ лезть въ преисподнюю и что земля подъ нимъ разстучается. Онъ былъ безпокоенъ и совсѣмъ не заспалъ, но все же довольно крепко и покладливъ. Отказавшись отъ вищи, предложенной ему по совѣту Лейдгэта, и выслушавъ отказъ въ водѣ, которой онъ просилъ, онъ повидимому внезапно ощутилъ страхъ въ Бѣльстраду, умолялъ послѣдняго не сердиться на него, не мерить его изъ мести голодомъ и клялся и божился, что никому ни слова не говорилъ про него. Бѣльстраду не хотѣлось, чтобы Лейдгэтъ слышалъ даже и это; но бредъ Раффльса принятъ внезапно еще болѣе опасное направленіе и Раффльсъ вдругъ началъ принимать его за доктора и, обращаясь къ нему, объявлялъ, что Бѣльстрада намѣревается уморить его съ голоду, чтобы отомстить за то, что онъ разболталъ его тайну, тогда какъ онъ совсѣмъ не разболталъ.

Врожденная рѣшимость и энергія Бѣльстрады весьма пригодились ему. Этотъ тщедушный на видъ человѣкъ, у котораго у самого нервы были не въ порядкѣ, нашелъ въ себѣ силы въ эту критическую минуту обсудить свое положеніе со всѣхъ сторонъ.

Тревога, съ которой онъ постоянно думалъ про Лейдгэта и воспоминаніе о томъ, что произошло между ними на утру, заставило его совсѣмъ иначе взглянуть на происшедшую между ними сцену. До сихъ поръ онъ мало заботился о томъ, что Лейдгэту могла быть непріятна предполагаемая переменъ въ управленіи больницы, или отказъ Бѣльстрады, наващійся ему совершенно справедливымъ, исполнить безумную, по его мнѣнію, просьбу. Теперь, вспоминая объ этой сценѣ, Бѣльстрада сознавалъ, что по всей вѣроятности приобрѣлъ себѣ врага въ лицѣ Лейдгэта и вдругъ ощутилъ желаніе расположить послѣдняго въ свою пользу или, лучше сказать, вызвать въ немъ сознаніе того, что онъ лично ему сильно обязанъ. Онъ сомнѣлся, что не сразу рѣшился помертвовать хотя бы даже весьма почтенной суммой. Въ случаѣ если-бы бредъ Раффльса зареннымъ непріятнымъ подозрѣніемъ въ умѣ Лейдгэта, послѣдній все-же

бы стоялъ на его сторонѣ, благодаря оказанному имъ одолженію. Но быть можетъ сожалѣніе прішло слишкомъ поздно.

Странная, жалкая борьба совершалась въ душѣ несчастнаго человѣка, который въ теченіи долгихъ лѣтъ старался стать лучше, чѣмъ былъ, который держалъ на привязи свои страсти, пока наконецъ гроза, внезапно разразившаяся надъ его головой, не нарушила его душевнаго спокойствія и не заставила помышлять исключительно о личной безопасности.

Было уже около полудня, когда пріѣхалъ Лейдгэтъ: онъ наи́рвался пріѣхать раньше, но сказалъ, что его задержали. Отъ Бѣльстрэда не ускользнулъ его разстроенный видъ. Но Лейдгэтъ немедленно занялся своимъ пациентомъ и подробно спросилъ обо всемъ, что происходило. Раффлсу стало хуже, онъ не принималъ никакой пищи, не могъ сомкнуть глазъ и постоянно бредилъ; однако не приходилъ въ бѣшенство. Въ противность тревожнымъ ожиданіямъ Бѣльстрэда, онъ не обращалъ вниманія на присутствіе Лейдгэта и продолжалъ безсвязно бормотать.

— Какъ вы его находите? спросилъ Бѣльстрэдъ.

— Симптомы стали хуже.

— Вы не надѣетесь больше на хорошей исходъ?

— Нѣтъ, я все еще думаю, что онъ поправится. Вы здѣсь останетесь самп? спросилъ Лейдгэтъ рѣзко, взглянувъ на Бѣльстрэда и повергая этимъ послѣдняго въ смущеніе, хотя ни взглядъ его, ни рѣзкость вопроса вовсе не происходили отъ какого-нибудь подозрѣнія.

— Да, полагаю, отвѣчалъ Бѣльстрэдъ, стараясь овладѣть собой и говорить спокойно. — Миссисъ Бѣльстрэдъ увѣдомлена о причинахъ, задерживающихъ меня. Миссисъ Абель и ея мужъ недостаточно опытны, чтобы можно было предоставить больнаго на ихъ попеченія, да такого рода занятія и не входятъ въ кругъ ихъ обязанностей. Вы вѣроятно дадите новыя предписанія?

Главная перемѣна въ предписаніяхъ Лейдгэта заключалась въ томъ, что онъ посоветывалъ давать опиуму, въ весьма незначительныхъ дозахъ, въ случаѣ, если бы пациентъ все не могъ заснуть. Онъ захватилъ опиумъ съ собою и подробно объяснилъ Бѣльстрэду сколько и когда давать его и когда перестать. Онъ подтверждалъ, что опасно было бы давать опиумъ неумѣренно и повторилъ свое запрещеніе относительно вина.

— Сколько я могу судить, кончилъ онъ, наркотизація представляется мнѣ всего опаснѣе. Онъ можетъ легче перенести отсутствіе пищи. Онъ довольно сильнаго сложенія.

— У васъ у самихъ нездоровый видъ, м-ръ Лейдгэтъ... совсѣмъ необыкновенный, могу сказать, и какого я у васъ еще не замѣчалъ съ тѣхъ поръ, какъ съ вами знакомъ, произнесъ Бѣльстрэдъ, проявляя заботливость, совсѣмъ не похожую на равнодушіе, выказанное имъ наканунѣ, точно такъ, какъ его настоящее невниманіе къ собственной усталости шло въ разрывъ съ его обычной эгоистической тревогой на счетъ собственной особы. — Я боюсь, что вы сбились съ ногъ.

— Да, я усталъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ рѣзко, беря шляпу и собираясь уходить.

— Новыя неприятности, боюсь, спросилъ Бѣльстрэдъ съ интересомъ. — Сядьте, прошу васъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, возразилъ Лейдгэтъ нѣсколько высокомерно. — Я изложилъ вамъ вчера въ какомъ положеніи находятся мои дѣла. Мнѣ нечего къ этому прибавлять, за исключеніемъ развѣ того, что съ тѣхъ поръ мнѣ стала угрожать продажа съ молотка всего моего имущества. Иногда въ нѣсколькихъ словахъ все сказано. Прощайте.

— Пойдите, м-ръ Лейдгэтъ, пойдите, сказалъ Бѣльстрэдъ:— я передумалъ. Вчера вы захватили меня врасплохъ и я слишкомъ поверхностно взглянулъ на ваше дѣло. Миссисъ Бѣльстрэдъ очень тревожится за свою племянницу и мнѣ самому было бы неприятно, еслибы съ вами случилась какая-нибудь бѣда. Денежныя обязательства мои весьма многочисленны, но взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я пришелъ къ заключенію, что лучше мнѣ пожертвовать небольшою суммой, чѣмъ оставить васъ въ затруднительномъ положеніи. Вы говорили, кажется, что тысячи фунтовъ вполне достаточно, чтобы вывести васъ изъ затрудненія и поставить на ноги?

— Да, отвѣчалъ Лейдгэтъ, въ которомъ чувство радости заглушило всѣ остальные:—этими деньгами я расплачусь со всѣми моими долгами и у меня еще останется небольшая сумма на первое время. Я начну жить экономнѣе, а практика моя можетъ постепенно увеличиться.

— Потрудитесь подождать минутку, м-ръ Лейдгэтъ, я напишу вамъ чекъ на эту сумму. Я знаю, что помощь для того, чтобы быть дѣйствительною въ этихъ случаяхъ, должна быть энергична.

Пока Бѣльстрэдъ писалъ, Лейдгэтъ, отвернувшись къ окну, думалъ о своемъ домѣ... думалъ о томъ, что теперь его жизнь не будетъ въ конецъ разбита и что его планы спасены отъ окончательнаго крушенія.

— Вы мнѣ дадите росписку въ этой суммѣ, м-ръ Лейдгэтъ,

сказалъ банкиръ, подходя къ нему съ чекомъ въ рукахъ. — А мало-по-малу, надѣясь, обстоятельства позволятъ вамъ уплатить мнѣ долгъ. Между тѣмъ, мнѣ пріятно будетъ думать, что вы вышли изъ затруднительнаго положенія.

— Я премного обязанъ вамъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ. — Вы возвратили мнѣ надежду и возможность трудиться не безплодно и съ спокойнымъ духомъ.

Ему казалось весьма естественнымъ, что Бѣльстрэдъ передумалъ; такой оборотъ дѣла болѣе соответствовалъ щедрости его характера. Но въ то время, какъ онъ пустилъ лошадь въ галопъ, чтобы доѣхать поскорѣй до дому, сообщить добрую вѣсть Розамондѣ и получить деньги въ банкѣ, чтобы расплатиться съ агентомъ Довера, — въ умѣ его промелькнула, подобно злому предчувствію, мысль о той перемѣнѣ, которая произошла въ немъ за эти послѣдніе мѣсяцы и которая допускала его радоваться, что ему оказали такое крупное одолженіе! — радоваться, что онъ получилъ деньги на собственные нужды отъ Бѣльстрэда!

Банкиръ сознавалъ, что устранилъ одну изъ причинъ безпокойства, но совсѣмъ тѣмъ не чувствовалъ себя спокойнѣе. Раффльсъ, вездеразливающий, Раффльсъ, снова получающій возможность мучить его... развѣ могъ Бѣльстрэдъ желать этого? Смерть Раффльса — вотъ мысль, которая приносила съ собою успокоеніе и онъ косвенно молился объ этомъ успокоеніи, умоляя Бога спасти его отъ позора, который грозилъ омрачить остатокъ его дней и сдѣлать его вполне непригоднымъ орудіемъ воли Божіей. Мыслие Лейдгэта не обѣщало, чтобы эта молитва была услышана и по мѣрѣ того, какъ день подвигался впередъ, Бѣльстрэда начинало раздражать упорство жизни въ человѣкѣ, котораго онъ желалъ бы видѣть мертвымъ. Бѣльстрэдъ сказалъ самому себѣ, что онъ черезъ-чуръ утомился и не будетъ сидѣть ночь надъ больнымъ, но предоставитъ его на попеченія миссисъ Абель, которая можетъ, если понадобится, позвать своего мужа.

Около шести часовъ Бѣльстрэдъ, согласно предписаніямъ Лейдгэта, началъ давать опиумъ Раффльсу, который все никакъ не могъ крѣпко уснуть и только забывался на минуту тревожнымъ сномъ, изъ котораго пробуждался безпокойнѣе прежняго и съ криками, что онъ проваливается въ преисподнюю. Еще черезъ полчаса или около того, Бѣльстрэдъ позвалъ миссисъ Абель и сказалъ ей, что чувствуетъ себя не въ силахъ сидѣть долѣе надъ больнымъ. Ему приходится поручить больного ей попеченіямъ и онъ повторилъ ей предписанія Лейдгэта на счетъ

размѣра каждой дозы опиума. Миссисъ Абель ничего не было раньше извѣстно о предписаніяхъ Лейдгэта; она просто приготавливала и приносила то, что ей приказывалъ Бѣльстрэдъ. Она спросила теперь, что ей дѣлать кромѣ того, что давать опиумъ.

— Ничего пока; развѣ только предложить ему бульону или содовой водн: вы можете придти ко мнѣ за дальнѣйшими распоряженіями. Если не произойдетъ ничего важнаго, то я не приду больше ночью къ больному. Вы попросите своего мужа помочь вамъ, если понадобится. Я долженъ пораньше лечь спать.

— Да, сэръ, это для васъ крайне необходимо, я въ этомъ увѣрена, замѣтила миссисъ Абель:—а также принять что-нибудь болѣе поддѣржливое, чѣмъ то, что вы до сихъ поръ кушали.

Бѣльстрэдъ ушелъ, не опасаясь больше, чтобы Раффльсъ наговорилъ чего-нибудь лишняго въ бреду, который превратился въ нѣчто безсвязное и непонятное. Во всякомъ случаѣ ему приходилось рискнуть. Онъ ушелъ сначала въ гостиную, обшнтую панелями, и сталъ раздумывать, не велѣтъ-ли ему осѣдлать лошадь и не вернуться-ли домой, не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Затѣмъ пожалѣлъ, затѣмъ онъ не попросилъ Лейдгэта прійхать снова вечеромъ. Быть можетъ, онъ перемѣнилъ бы свое мнѣніе и нашелъ, что состояніе Раффльсса гораздо безнадежнѣе. Не послать-ли ему за Лейдгетомъ? Если Раффльсу стало дѣйствительно хуже и онъ кончается, то Бѣльстрэдъ чувствовалъ, что могъ бы лечь въ постель и уснуть съ благодарностью въ сердцѣ къ благодти Провидѣнія. Но было ли ему хуже? Лейдгэтъ могъ придти и сказать, что дѣла съ Раффльсомъ идутъ такъ, какъ онъ предсказывалъ, и что онъ мало-по-малу крѣпко уснетъ и затѣмъ начнетъ поправляться. Стоило-ли послать за нимъ? Бѣльстрэда страшилъ такой результатъ. Никакія мысли и никакія соображенія не могли заглушить въ немъ убѣжденія, что Раффльсъ, выздоровѣвъ, сдѣлается такимъ же мучителемъ, какимъ былъ, и вынудить его оторвать жену отъ ея друзей и родимой стороны и увести на чужбину, заронивъ въ нее мучительное подозрѣніе насчетъ самого себя. Онъ просидѣлъ около полутора часа въ этихъ размышленіяхъ при свѣтѣ каминна, какъ вдругъ одна мысль заставила его встать и зажечь свѣчу, которую онъ принесъ съ собой. Онъ вспомнилъ, что не сказалъ миссисъ Абель, когда слѣдуетъ прекратить давать опиумъ.

Онъ взялъ свѣчу въ руки, но простоялъ нѣсколько времени неподвижно. Быть можетъ, она уже успѣла дать больше, чѣмъ

приказалъ Лейдгэтъ. Но ему извинительно было позабыть объ этомъ предписаніи при его настоящемъ утомленіи. Онъ пошелъ наверхъ, съ свѣчой въ рукѣ, самъ не зная, пройтн-ли ему прямо въ свою комнату и лечь въ постель, или же вернуться къ больному и сообщить о томъ, что онъ было позабылъ сказать. Онъ остановился въ корридорѣ и повернулся лицомъ къ комнатѣ Раффльса, откуда до него долетѣли вздохи и стоны. Значитъ, онъ не спалъ. Какъ знать: не лучше-ли нарушить приказаніе Лейдгэта, такъ какъ Раффльсъ все никакъ не могъ уснуть?

Онъ прошелъ въ свою комнату. Но прежде, чѣмъ успѣлъ раздѣться, миссисъ Абель постучалась въ дверь; онъ пріотворилъ ее немного, на столько, чтобы до него могъ долетѣть ея шепотъ.

— Извините, сэръ, не могу-ли я дать воды или другого какаго вина этому бѣдному человѣку? Ему все кажется, что онъ проваливается сквозь землю, а ничего другого опъ и въ ротъ не беретъ, опъ эдакъ совсѣмъ ослабѣетъ, глотая одинъ опиумъ. Онъ все твердитъ, что проваливается въ преисподнюю.

Къ ея удивленію м-ръ Бѣльстрэдъ ничего не отвѣчалъ. Въ немъ совершалась борьба.

— Я боюсь, что опъ эдакъ умретъ отъ истощенія силъ. Когда я ходила за моимъ бѣднымъ господиномъ, м-ромъ Робисономъ, то постоянно давала ему воды и портувейна, и по доброй рюмкѣ, прибавила миссисъ Абель, съ отгѣнкомъ укоризни въ голосъ.

Но м-ръ Бѣльстрэдъ все не отвѣчалъ ни слова и она продолжала:

— Время-ли экоминичать, когда смерть за плечами; я увѣрена, что вы этого не желаете, сэръ. А не то я пожертвовала бы для него нашу собственную бутылку рома. Но вы такъ усердно за нимъ ухаживали и всю ночь не спали...

Тутъ въ щелку двери просунуть былъ ключъ и м-ръ Бѣльстрэдъ проговорилъ поспѣшно:

— Вотъ ключъ отъ виннаго погреба. Вы найдете тамъ воды, сколько хотите.

Рано поутру—около шести часовъ—Бѣльстрэдъ всталъ и провелъ нѣсколько времени въ молитвѣ. Затѣмъ вышелъ въ корридоръ и прислушался. До него долетѣло тяжелое, прерывистое дыханіе. Послѣ того онъ вышелъ въ садъ и поглядѣлъ на покрытые ивеемъ траву и листья деревьевъ. Вернувшись въ домъ, онъ вздрогнулъ при видѣ миссисъ Абель.

— Что вашъ больной, спитъ, должно быть? проговорилъ онъ, пытаясь приободрить свой голосъ.

— Онъ крѣпко уснулъ, сэръ, отвѣчала миссисъ Абель.— Онъ уснулъ между тремя и четырьмя часами. Не потрудитесь-ли взглянуть на него? Я думала, что могу безопасно оставить его на минутку. Мужъ ушелъ въ поле, а дочка моя хлопочетъ у плиты.

Бѣльстрэдъ вошелъ въ комнату больного. Съ перваго взгляда, онъ увидѣлъ, что Раффльсъ погрузился не въ простой сонъ, а въ тотъ, который служитъ переходомъ къ смерти.

Онъ оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ бутылку, въ которой еще оставалось немного водки и почти пустую стеклянку съ опиумомъ. Онъ убралъ стеклянку и снесъ бутылку съ водкой обратно въ винный погребъ.

За завтракомъ, онъ размышлялъ: ѣхать-ли ему прямо въ Миддльмарчъ, или подождать приѣзда Лейдгэта. Онъ рѣшилъ дожидаться послѣдняго и сказала миссисъ Абель, что она можетъ идти заниматься своимъ дѣломъ; онъ останется въ комнатѣ больного.

Сидя тамъ и слѣдя за тѣмъ, какъ его врагъ отходилъ въ вѣчность, онъ почувствовалъ себя спокойнѣе, чѣмъ за всѣ эти послѣдніе мѣсяцы. Совѣсть его успокоивало сознаніе, что тайна не нарушена. Это сознаніе проливало миръ въ его душу. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ просматривать различныя распоряженія, записанныя въ ней, которыя онъ намѣревался привести въ исполненіе и отчасти выполнилъ, имѣя въ виду разстаться съ Миддльмарчемъ. Онъ перебиралъ ихъ, соображая какія оставить, какія отмѣнить теперь, когда его отсутствіе будетъ непродолжительнымъ. Временное отсутствіе послужитъ удобнымъ предлогомъ для сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ, которое было для него желательно, и онъ надѣялся, что миссисъ Кэзобонъ приметъ на себя значительную долю издержекъ по больницѣ. Въ этихъ соображеніяхъ проходило время, пока наконецъ замѣтная перемѣна въ дыханіи Раффльса не сосредоточила всего вниманія Бѣльстрэда на умирающемъ.

Лейдгэтъ приѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго, какъ разъ во время, чтобы принять послѣдній вздохъ умирающаго. Когда онъ вошелъ въ комнату, Бѣльстрэдъ замѣтилъ перемѣну въ его лицѣ, на которомъ выразилось не столько удивленіе, сколько сознаніе, что онъ ошибся въ своемъ предположеніи. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ молча у постели умирающаго, не сводя съ него глазъ и повидимому соображая о чемъ-то.

— Когда произойдетъ съ нимъ эта перемена? спросилъ онъ, взглядывая на Бельстрэда.

— Я не сидѣлъ надъ нимъ прошлую ночь, отвѣчалъ Бельстрэдъ.—Я совсѣмъ истомился и предоставилъ его попеченіямъ миссисъ Абель. Она говорила, что онъ заснулъ между тремя и четырьмя часами. Когда я пришелъ сюда, около восьми часовъ, онъ уже былъ въ томъ положеніи, въ какомъ вы его теперь видите.

Лейдгэтъ ничего больше не спросилъ и молча наблюдалъ, пока наконецъ не произнесъ:—все кончено.

Въ это утро Лейдгэтъ чувствовалъ себя довольнымъ и свободнымъ. Онъ занялся своимъ дѣломъ съ прежнимъ оживленіемъ и созналъ въ себѣ силу перенести неудачу своей семейной жизни. Онъ созналъ также, что Бельстрэдъ былъ его благодѣтелемъ. Но сердце его было неспокойно на счетъ результата его леченія. Онъ не ожидалъ, чтобы оно такъ кончилось. Совсѣмъ тѣмъ онъ не зналъ, какъ ему завести объ этомъ рѣчь, не оскорбивъ Бельстрэда; развѣ разспросить эконому?.. но къ чему? человѣкъ этотъ уже умеръ. Ничто повидимому не давало думать, что его убило чье-нибудь невѣжество или чья-нибудь неосторожность. Вѣдь могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ ошибиться.

Онъ и Бельстрэдъ вмѣстѣ вернулись въ Миддльмарчъ, разсуждая о разныхъ вещахъ... главное о холерѣ и о томъ, пройдетъ или не пройдетъ билль о реформѣ въ палатѣ лордовъ. Про Раффльса не было сказано ни слова, кромѣ того, что Бельстрэдъ упомянулъ о необходимости приобрести для его погребенія мѣсто на Лоуинскомъ кладбищѣ, при чемъ замѣтилъ, что, сколько ему извѣстно, у этого бѣдняка не было никого близкихъ, кромѣ Ригга, который, онъ знаетъ, относился къ нему недружелюбно.

Вернувшись домой Лейдгэтъ, засталъ у себя м-ра Фербротера. Ректоръ не былъ въ городѣ наканунѣ, но извѣстіе о томъ, что имущество Лейдгэта грозитъ аукціонная продажа, дошло до Лоуина вечеромъ и было занесено туда м-ромъ Спейсэромъ, башмачникомъ и Лоуинскимъ причетникомъ, который узналъ это отъ своего брата, почтеннаго фабриканта дверныхъ колокольчиковъ, жившаго въ Лоуинѣ-Гэтѣ. Съ того вечера, какъ Лейдгэтъ вышелъ изъ биллиардной, вмѣстѣ съ Фредомъ Винси, м-ръ Фербротеръ постоянно былъ неспокоенъ на его счетъ. Болѣе или менѣе частая игра на биллиардѣ въ «Зеленомъ Драконѣ» была бы рѣшительнымъ пустякомъ у всякаго другаго человѣка; но въ Лейдгэтѣ это было однимъ изъ многихъ признаковъ, доказывавшихъ, что онъ сталъ непохожъ на самого себя.

Онъ началъ дѣлать такія вещи, о которыхъ прежде отзывался съ крайнимъ презрѣніемъ. Хотя въ этомъ могли играть роль нѣкоторые семейныя неудовольствія, о которыхъ до него доходили смутныя толки, но главная причина, которая должна была произвести эту перемену, по мнѣнію м-ра Фербротера, имѣла непремѣнную связь съ долгами, слухи о которыхъ также доходили до него. М-ръ Фербротеръ сталъ опасаться, что мнѣніе, будто бы Лейдгэтъ помогали его родственники, чего-добраго окажется неосновательнымъ. Рѣзкость, съ какою Лейдгэтъ отвергъ его первую попытку разузнать о его дѣлахъ, отнимала у него всякую охоту ко второй попыткѣ; но извѣстіе о томъ, что имуществу Лейдгэта грозитъ аукціонная продажа, заставило ректора побѣдить свое нежеланіе.

Лейдгэтъ встрѣтилъ м-ра Фербротера съ открытымъ и веселымъ видомъ, который удивилъ послѣдняго. Неужели это означало, что онъ гордо отвергаетъ всякую симпатію и помощь?

— Какъ вы поживаете, Лейдгэтъ? я пріѣхалъ повидаться съ вами, потому что до меня дошли слухи, встревожившіе меня, произнесъ ректоръ тономъ любящаго брата, въ которомъ не звучало ни малѣйшаго упрека.

Они успѣли тѣмъ временемъ усѣсться, и Лейдгэтъ немедленно отвѣчалъ:

— Я полагаю, что знаю про что вы говорите. Вы слышали про аукціонную продажу, которая грозила моему имуществу?

— Да; правда-ли это?

— Была правда, отвѣчалъ Лейдгэтъ съ развязнымъ видомъ, какъ будто бы ему теперь легко стало говорить объ этомъ предметѣ.—Но опасность миновала; долгъ уплаченъ. Я теперь вышелъ изъ затруднительнаго положенія: я освободился отъ долговъ и надѣюсь повести болѣе рациональный образъ жизни.

— Очень радъ это слышать, замѣтилъ ректоръ, откидываясь на спинку кресла и говоря такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что у него какъ будто гора съ плечъ свалилась.— Мнѣ эта новость пріятнѣе всѣхъ новостей «Times». Сознаюсь, что я ѣхалъ къ вамъ съ тяжелымъ сердцемъ.

— Благодарю васъ за то, что вы пріѣхали, отвѣчалъ Лейдгэтъ, ласково.—Ваша доброта тѣмъ пріятнѣе для меня, что я счастливъ. Я конечно попалъ было въ жестокіе тиски. Воюсъ, что долго еще буду ощущать ихъ слѣды, прибавилъ онъ, улыбаясь нѣсколько печально:—но въ настоящую минуту чувствую только одно, что пытка превращена.

М-ръ Фербротеръ помолчалъ съ минуту и затѣмъ серьезно сказалъ:

— Дорогой другъ мой, позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ. Извините, если я буду нескроменъ.

— Я не думаю, чтобы вашъ вопросъ могъ оскорбить меня.

— Если такъ... это необходимо для моего полного успокоенія... вы не вошли въ новый и болѣе тяжкій по своимъ послѣдствіямъ долгъ, чтобы расплатиться съ старыми?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ, слегка краснѣя.—Я не вижу причины скрывать отъ васъ, что лицо, которое помогло мнѣ,— это Бѣльстрэдъ. Онъ ссудилъ меня довольно значительной суммой—тысячью фунтами—и можетъ терпѣливо ждать уплаты.

— Это очень великодушно съ его стороны, проговорилъ м-ръ Фербротеръ, принуждая себя похвалить человека, котораго не любилъ. Деликатность не позволила ему даже мысленно остановиться на томъ фактѣ, что онъ всегда совѣтывалъ Лейдгэту избѣгать личныхъ обязательствъ передъ Бѣльстрэдомъ.

Онъ немедленно замѣтилъ:

— Бѣльстрэду, естественно, принимать участіе въ вашемъ благосостояніи, послѣ того, что ваша совмѣстная дѣятельность уменьшила ваши доходы, вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить. Я радъ, что онъ поступилъ такъ справедливо.

Лейдгэту стало неловко отъ этихъ дружескихъ предположеній. Они дали ему еще яснѣе почувствовать то, что промелькнуло въ его умѣ, какъ смутное предчувствіе, нѣсколько часовъ тому назадъ, а именно: что мотивы, побудившіе Бѣльстрэда къ такому внезапному великодушію, которому предшествовало ледяное равнодушіе, должны были быть чисто себялюбиваго свойства. Онъ не возражалъ противъ дружескихъ предположеній. Онъ не могъ рассказать исторію займа, но она живо представилась его уму, равно какъ и тотъ фактъ, о которомъ ректоръ деликатно умалчивалъ, а именно: что онъ когда-то намѣревался избѣгать, пуще всего, личныхъ обязательствъ передъ Бѣльстрэдомъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ началъ толковать о предполагаемомъ ограниченіи расходовъ и о томъ, что онъ пришелъ къ иному взгляду на жизнь.

— Я заведу аптеку, говорилъ онъ. — Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что мои взгляды на этотъ предметъ были ошибочны. И если Розамонда не будетъ противъ этого, то я возьму себѣ ученика. Я не люблю этихъ вещей, но если исполнять ихъ добросовѣстно, то онѣ не могутъ унижать человека. Я прошелъ черезъ жестокое испытаніе, и поэтому, мелкія непріятности кажутся теперь неважными.

Бѣдный Лейдгэтъ! слова: «если Розамонда не будетъ противъ

этого», вырвавшись у него нечаянно, служили знаменательнымъ признакомъ ига, которое онъ несъ. Но мистеръ Фербротеръ, который сочувствовалъ планамъ Лейдгэта и ничего не зналъ о немъ такого, что могло-бы навести его на печальныя предположенія, прощаясь съ нимъ, поздравилъ его отъ всего сердца.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВАЯ.

„*Clown*... 'Twas in the Punch of Grapes, where, indeed, you have a delight to sit, have you not?

„*Froth*... I have so; because it is an open room, and good for winter.

„*Clo*. Why, very well then: I hope here be truths“.

— *Measure for Measure*.

Пять дней спустя послѣ смерти Раффльса, мистеръ Бамбриджъ стоялъ, прохлаждаясь подъ широкой аркой, которая вела во дворъ «Зеленаго Дракона». Онъ не жаловалъ уединеннаго созерцанія, но только что вышелъ изъ дому и зналъ, что стояло только какому-нибудь человѣку остановиться подъ аркой, чтобы привлечь собесѣдниковъ, подобно голубю, который слетѣлъ на лучу зерна. Въ настоящемъ случаѣ, дѣло шло не о матеріальной пищѣ: но разумъ предвѣщалъ возможность умственной пищи, въ формѣ сплетень. Мистеръ Гопкинсъ, привѣтливый торговецъ новомодными пздѣліями, лавка котораго помѣщалась на противоположной сторонѣ улицы, первый привлеченъ былъ перспективой мужской бесѣды, которая казалась ему тѣмъ привлекательнѣе, что его кліенты были главнымъ образомъ женщины. Мистеръ Бамбриджъ былъ не особенно разговорчивъ съ торговцемъ, сознавая, что Гопкинсъ, конечно, радъ бесѣдовать съ нимъ, но что онъ не намѣренъ тратить много словъ съ Гопкинсомъ. Вскорѣ, впрочемъ, сошлась небольшая кучка болѣе интересныхъ слушателей, которые набрались и изъ прохожихъ, и изъ людей, пришедшихъ нарочно поглядѣть не происходитъ-ли, чего-нибудь въ «Зеленомъ Драконѣ»; и мистеръ Бамбриджъ соглаволялъ сообщить о тѣхъ конскихъ заводахъ, которые онъ видѣлъ и о тѣхъ лошадяхъ, которыя онъ приобрѣлъ, во время поѣздки на сѣверъ, откуда онъ только что вернулся. Присутствующіе джентльмены завѣрались, что если они могутъ показать ему что-либо достойное чистокровней кобылы, гвѣдой, четырехъ футъ вышины, которую онъ видѣлъ въ Донкастерѣ, — они могутъ сѣздить и поглядѣть на нее, если пожелають, — то мистеръ Бамбриджъ готовъ дать свою голову на отсѣченіе. А также

пара вороныхъ, которую онъ теперь готовится вывѣдть, живо напоминаетъ ему ту пару, которую онъ продалъ въ 1819 году за сто гиней Фокнеру, и которую Фокнеръ перепродалъ за шестьдесятъ гиней два мѣсяца спустя. Всякій, кто могъ опровергнуть это показаніе, приглашался ругать мистера Бамбриджа самыми поносными словами до тѣхъ поръ, пока у него въ горлѣ не пересохнетъ.

Когда разговоръ дошелъ до такого оживленія, прибылъ мистеръ Франкъ Гаули. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые бы рѣшились скомпрометировать свое достоинство, таскался по «Зеленымъ Драконамъ», но случайно проходя по улицѣ, и заvida на противоположной сторонѣ Бамбриджа, онъ подошелъ къ группѣ, чтобы спросить у барышника, нашелъ-ли онъ для него такую хорошую лошадь для кабриолета, какую онъ ему поручалъ найти. Мистера Гаули попросили помолчать, пока онъ не увидитъ сѣрую лошадь, приобретенную въ Бѣклеѣ: если эта лошадь ему не угодитъ, то значить, Бамбриджъ не знаетъ никакого толка въ лошадяхъ, чему врядъ-ли кто-нибудь повѣритъ. Мистеръ Гаули, стоя спиной къ улицѣ, условливался во времени, когда ему прѣхать посмотреть и испитать сѣрую лошадь, какъ вдругъ мимо медленно проѣхалъ всадникъ.

— Бѣльстрэдъ! произнесло два или три голоса разомъ и не громко, причемъ одинъ изъ нихъ — голосъ Гонзиса — почтительно произносилъ слово «мистеръ». Мистеръ Гаули безпечно глянулъ въ спину Бѣльстрѣда, но глаза Бамбриджа заискрились насмѣшкой, въ то время, какъ онъ слѣдилъ за банкиромъ.

— Чортъ побери! Это напоминаетъ мнѣ, началъ онъ, понижая голосъ: — что я добылъ въ Бѣклеѣ кое-что другое, кромѣ вашей лошади, мистеръ Гаули. Я добылъ славную исторію про Бѣльстрѣда. Знаете-ли какинъ путемъ онъ разбогатѣлъ? Всякій джентльменъ, желающій просвѣтиться на этотъ счетъ, можетъ обратиться ко мнѣ за справками, которыя получить отъ меня даромъ. Еслибы каждаго постигала та участь, которой онъ заслуживаетъ, то Бѣльстрэдъ могъ-бы теперь возносить свои молитвы къ Богу въ Ботани-Веѣ.

— Чтѣ вы хотите сказать? спросилъ мистеръ Гаули, засовывая руки въ карманы и протискиваясь ближе къ Бамбриджу.

Еслибы Бѣльстрэдъ оказался негодяемъ, то Франкъ Гаули былъ-бы пророкомъ.

— Я узналъ это отъ человѣка, который былъ когда-то пріятелемъ Бѣльстрѣда. Я расскажу вамъ, гдѣ я его впервые под-

